ТВЕРЬ, ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

12

ТВЕРЬ
2019

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА

MATERIALS OF THE SCIENTIFIC SEMINAR

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

TVER SCIENTIFIC-RESEARCH CENTRE OF THE HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND RESTORATION

TVER, TVER REGION AND NEIGHBOUR TERRITORIES IN THE MIDDLE AGES

ISSUE 12

TVER
2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ТВЕРСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И РЕСТАВРАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

ТВЕРЬ, ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ВЫПУСК 12

ТВЕРЬ
2019

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Редакционная коллегия:
А.Н. Хохлов – ответственный редактор выпуска,
И.А. Сафарова, А.Б. Иванова, Т.Н. Артемичева

Рецензенты:
к.и.н. О.В. Зеленцова,
к.и.н. И.А. Сапрыкина

В сборнике представлены доклады и сообщения нескольких заседаний научного семинара «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья». В научный оборот вводятся новые материалы по археологии, истории материальной культуры, истории, топонимике обширного региона Тверского Верхневолжья и сопредельных территорий. Хронологические материалы сборника охватывают период от раннего средневековья до XIX–XX вв.

Издание предназначено для археологов, историков, искусствоведов, студентов и всех интересующихся историей средневековой России.

Информацию о наличии этого сборника можно получить по адресу:
170000, г. Тверь, ул. Желябова, д. 42,
ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический
и реставрационный центр» («ТНИИР-Центр»).
Тел. (4822) 35-33-24, 35-33-14, e-mail: anhbalt@mail.ru

Технический редактор – И.Н. Поведская
Компьютерная верстка – Р.В. Кобрин
Перевод – П.Ю. Поведская

На обложке – каменная двусторонняя резная иконка:
– на лицевой стороне изображение свт. Николая Мирликийского;
– на последней стороне обложки изображение св. Фомы
(раскоп № 7 в Тверском Кремле).

ISBN 978-5-94375-279-7

DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2019
© Тверской научно-исследовательский
историко-археологический
и реставрационный центр, 2019
© Авторы статей, 2019
© А.Н. Хохлов – оформление, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

В двенадцатом выпуске сборника опубликованы статьи, написанные на основе докладов, прочитанных преимущественно на двадцать девятом заседании семинара «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья». Они традиционно охватывают период от начала второго тысячелетия н.э. до начала XX столетия.

Тщательный источниковедческий анализ письменных и иконографических документов, как опубликованных, так и выявленных в архивах, позволил исследователям провести глубокие исследования и получить ранее неизвестную информацию или сформулировать новые точки зрения на рассматриваемые события. На таких источниках основаны статьи об антиордынских восстаниях в Твери и на Руси в XIV столетии, о князьях – союзниках тверского князя, и его противниках, вставших под знамена Юрия Московского в начале XIV века, а также о месте расположения и строителях дворца А.Д. Меншикова, находившемся в начале XVIII века в Тверском кремле.

Несколько публикаций посвящены анализу отдельных категорий археологических находок: зооморфных подвесок, каменных памятников с изображением так называемых «вавилонов» (обнаруженных как в Европе, так и на Руси) и каменных крестов, украшенных характерной резьбой, чернолощеной керамики, бронзовых крестов, изразцов, предметов защитного вооружения (доспеха) и находок огнестрельного оружия XVI–XVII вв.

Источниковой базой значительной части статей послужили материалы, полученные при проведении полевых спасательных археологических раскопок в Твери, Бежецке Тверской области, Новгороде, Старой Ладоге, Московской области, Смоленске, Вязьме, Козельске Калужской области, республике Карелия, территории Латвии. В других публикациях анализируются археологические коллекции и архивные материалы, которые хранятся в музейных собраниях и фондах архивов Твери, Москвы, Санкт-Петербурга, музеев Латвии.

Особенно следует отметить публикации новых археологических материалов, датировка которых базируется на исследованиях по дендрохронологии Десятинного раскопа в Новгороде Великом или на представительной серии радиоуглеродных дат, полученных при раскопках Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле. Не менее информативны материалы раскопок в Вязьме, которые не только дали возможность получить серию радиоуглеродных датировок, но и получить дендродаты. Причем дендрохонологические исследования впервые для центральной России были выполнены не только по шкале для сосны, но и по шкале для дуба.

Для изучения истории каменного зодчества важна публикация материалов раскопок Успенского собора Старицкого монастыря. Значительный интерес представляют материалы, полученные при спасательных раскопках в селе Микулино (в округе бывшей удельной столицы – города Микулин, Тверского княжества) и у селища Игнатьево 2, которые в настоящее время находятся в административных границах Московской области.

Важна и публикация результатов естественнонаучных исследований – почвоведческих в Тверском кремле и палинологических в Вязьме, которые существенным образом дополняют выводы археологов и историков, особенно – при рассмотрении вопросов первоначального хозяйственного освоения территорий и реконструкции экосистемы, в которую входила территория древнерусского города и его ближайшей округи; а также исследование, позволившее определить место происхождения альмандинов, обнаруженных в Твери и Москве.

Статьи и публикации сборника будут представлять несомненный интерес как для профессиональных историков и археологов, так и для краеведческого сообщества.

А.Н. Хохлов

УДК 903.024 (470.24) «9/12» https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.6-37

О.М. ОЛЕЙНИКОВ

КРУГОВАЯ КЕРАМИКА X – НАЧАЛА XIII ВВ. ДЕСЯТИННОГО 1 РАСКОПА В НОВГОРОДЕ (ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ)

В статье представлена классификация керамической кухонной посуды X – начала XIII вв., фрагменты которой обнаружены в 2008 г. хоздоговорным отрядом Новгородской археологической экспедиции ИА РАН на раскопе Десятинном 1 в Новгороде. Представленный материал позволяет достаточно аргументированно выделить ряд признаков профилировки венчика, которые можно рассматривать в качестве хронологических индикаторов керамических круговых сосудов второй половины X – начала XIII вв.

Ключевые слова: *Великий Новгород, классификация круговой керамики, форма венчиков, хронология, закрытый комплекс*.

Керамический материал присутствует практически во всех публикациях, посвященных изучению средневековых археологических памятников Древней Руси, однако специальных работ, где предприняты попытки разработать классификацию круговой керамики[1] X – начала XIII вв., мало [1, с.228-248; 2, с.102-116; 3, с.90-102; 4, с.73-89; 5, с.173-201; 6, с.82-97; 7, с.35-69; 8].

Керамический материал обнаружен на всех средневековых поселениях. Именно массовое распространение и возможность получения в результате археологических исследований значительных по объему представительных серий керамической посуды делает древнюю керамику одним из важных археологических источников, позволяющих датировать исследуемые памятники и отдельные комплексы на изучаемых поселениях. Массовый обмен керамической продукцией между городами и сельскими поселениями позволяет с определенной точностью датировать памятники, расположенные вокруг основных средневековых городских центров [9, с.50-58].

Определяющее хронологическое значение имеют вариации профилировки верхней трети сосуда и способ обработки края венчика, что позволяет сузить датировку изучаемого комплекса.

Предложенное в данной работе классификационно-хронологическое деление керамических горшков Новгорода позволяет достаточно аргументированно выделить ряд признаков профилировки венчика, которые можно рассматривать в качестве хронологических индикаторов керамических круговых сосудов второй половины X – начала XIII вв.

Новгород выделяется среди других древнерусских городов мощным влажным культурным слоем, который имеет четкое стратиграфическое деление по строительным периодам, ярусам и слоям с точной датировкой, основанной на дендрохронологическом анализе деревянных сооружений, составляющих строительные ярусы усадебной застройки. Это позволяет определить время возникновения и проследить динамику бытования отдельных типов форм керамической посуды, ее орнамента, а также изменения в технологии изготовления.

[1] Под термином «круговая керамика» автор понимает керамическую посуду (в т.ч. – горшки), изготовленную на гончарном круге.

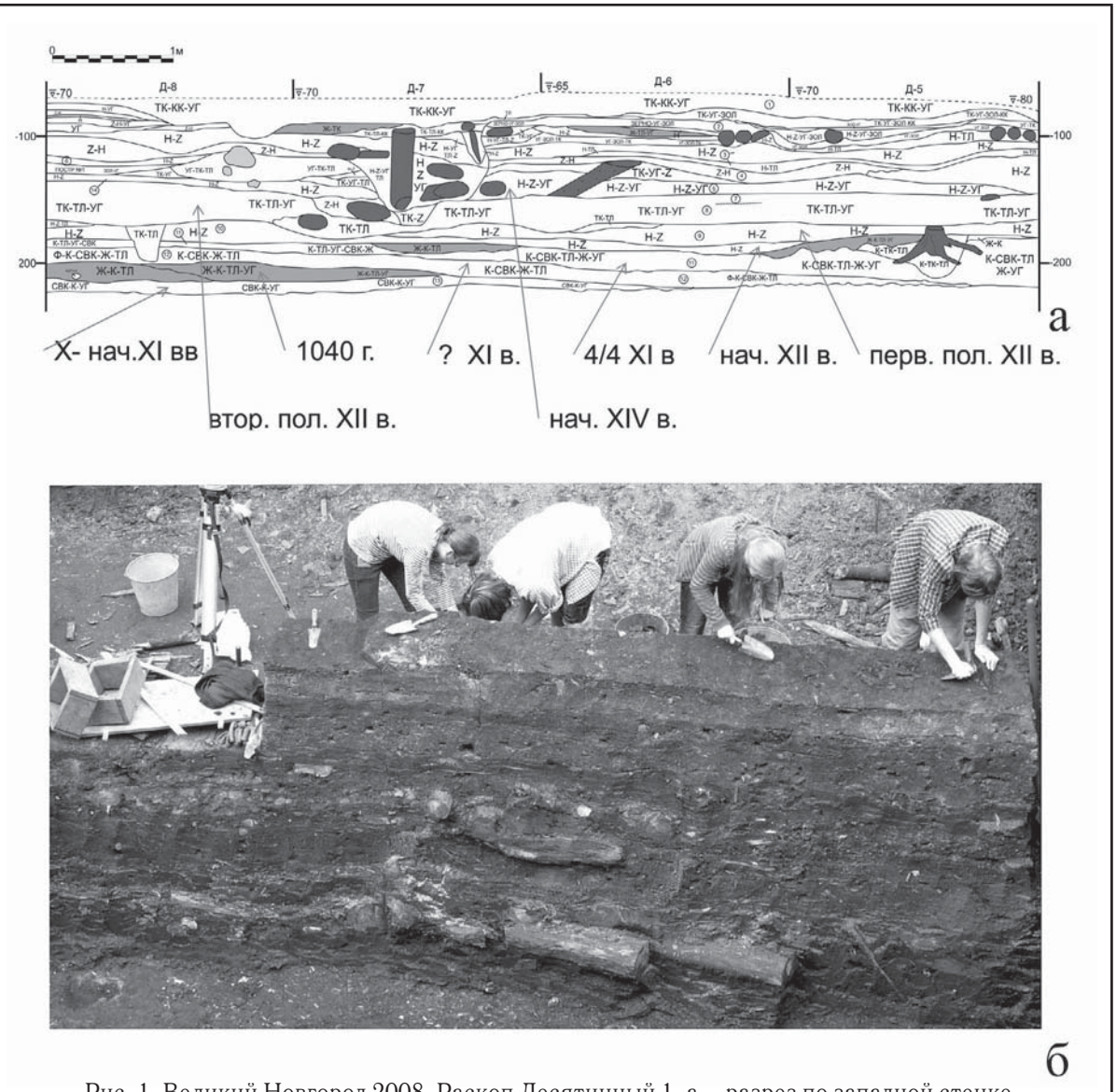
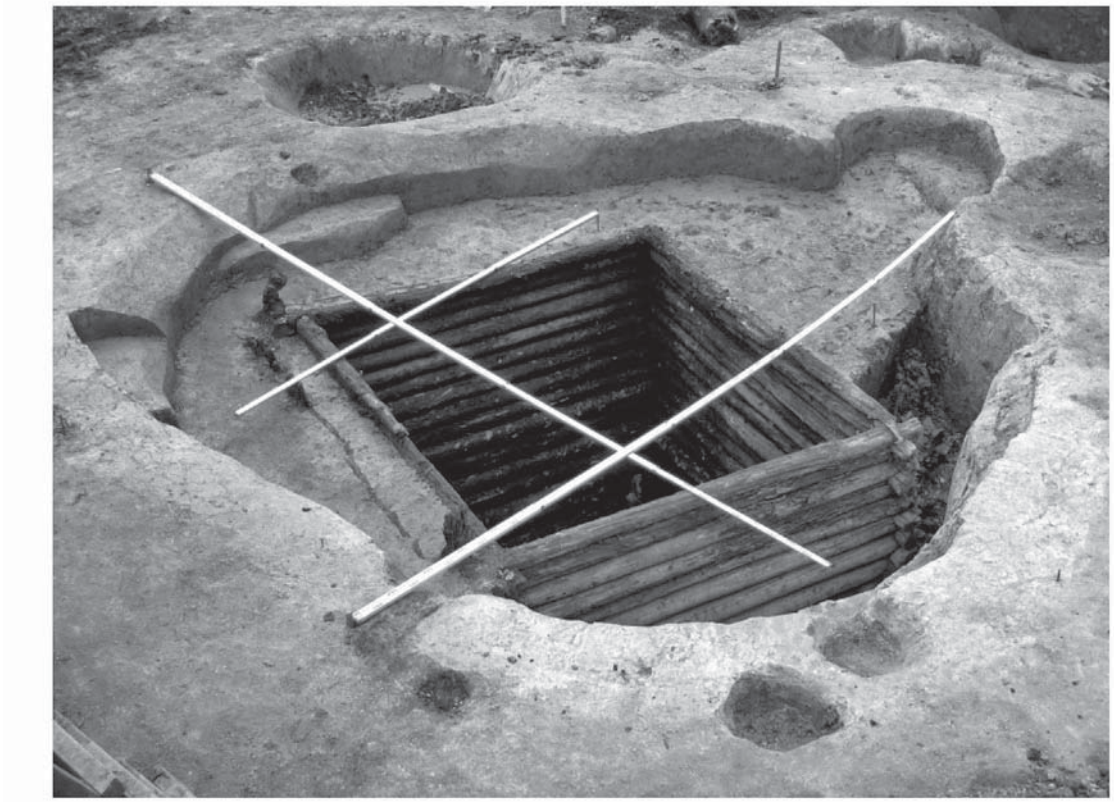


Рис. 1. Великий Новгород 2008. Раскоп Десятинный 1. а – разрез по западной стенке кв. Д-8 – Д-5 с датировкой слоев. Вид с востока; б – процесс разборки слоев бровки.

Данная статья посвящена классификации керамической кухонной посуды, фрагменты которой обнаружены в 2008 г. хоздоговорным отрядом Новгородской археологической экспедиции ИА РАН на раскопе Десятинном 1 [10, с.36-46]. Проведенное исследование является частью большой работы по составлению классификации и хронологии новгородской круговой керамики, обнаруженной на раскопах Новгородской археологической экспедиции ИА РАН.

Источниковой базой для исследования являются фрагменты верхней части круговых горшков, обнаруженных на Десятинном 1 раскопе. Предложенная классификация позволяет рассматривать изменение форм венчиков в качестве надежного хронологического признака. Из более 250000 фрагментов керамики было отобрано 1450 венчиков керамических сосудов из хорошо датируемых слоев и закрытых комплексов. Значительная часть этой выборки была собрана при исследовании 25 бровок, которые разбирались по слоям, хорошо видимых в разрезе с двух сторон (рис.1).

Для Десятинного 1 раскопа проведена тщательная работа по сведению и датировке строительных ярусов (22 яруса) [11].



а

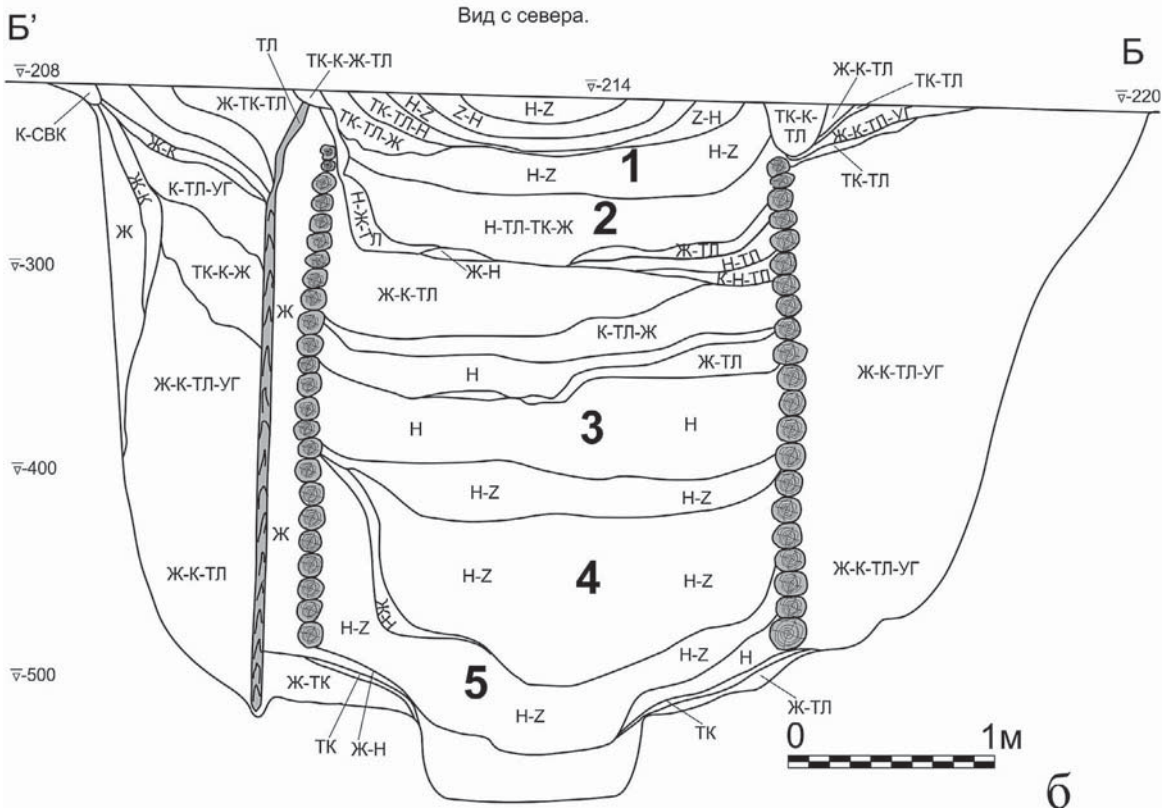


Рис. 2. Великий Новгород 2008. Раскоп Десятинный 1. а – поруб 2/4 XI в.; б – разрез заполнения поруба, датируемого серединой XI в.

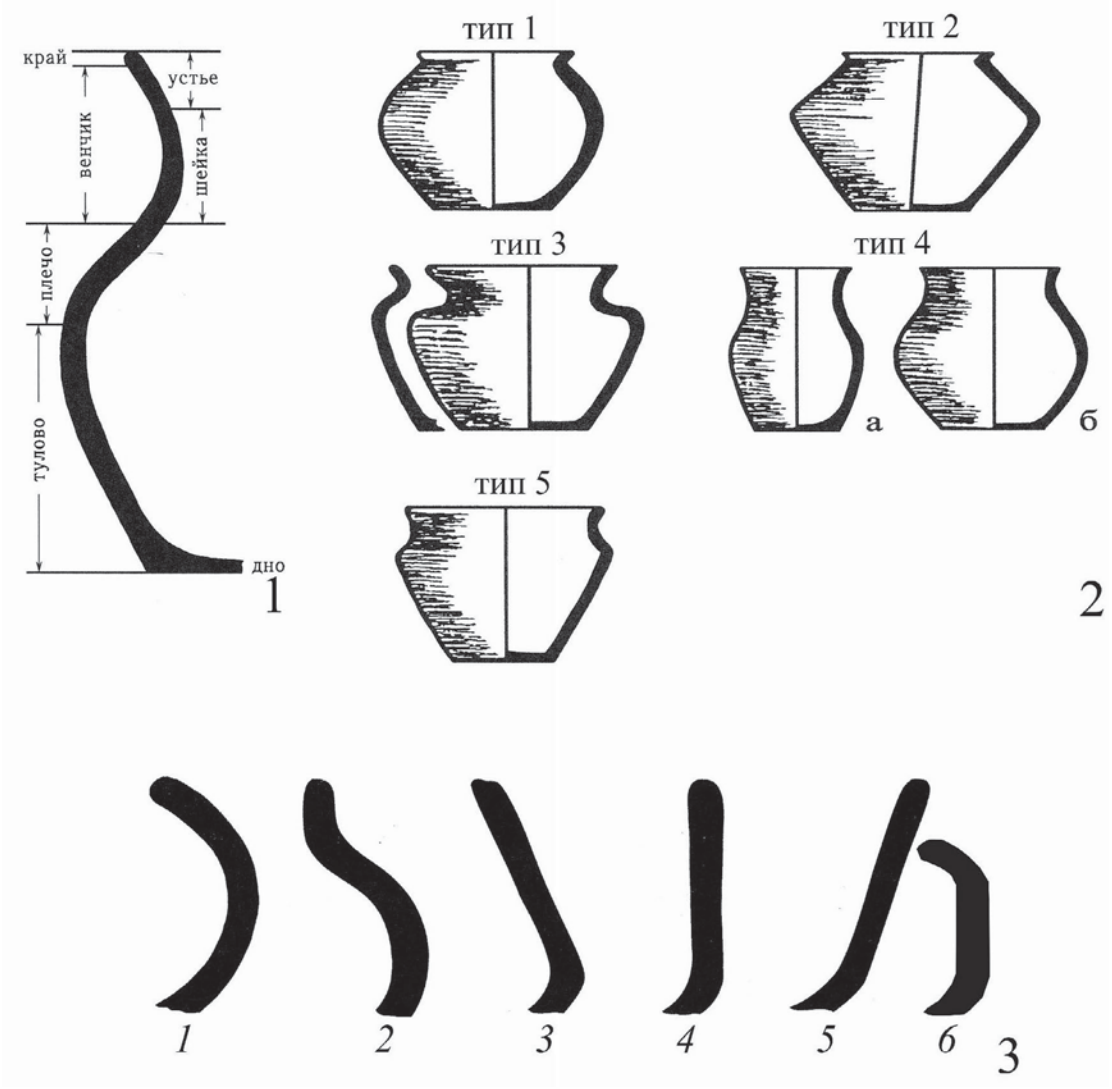


Рис. 3. Типология горшков Десятинного 1 раскопа. 1 – схема деления профиля горшка на составные части; 2 – типы горшков (схема); 3 – подтипы венчиков горшков 3-5 типов.

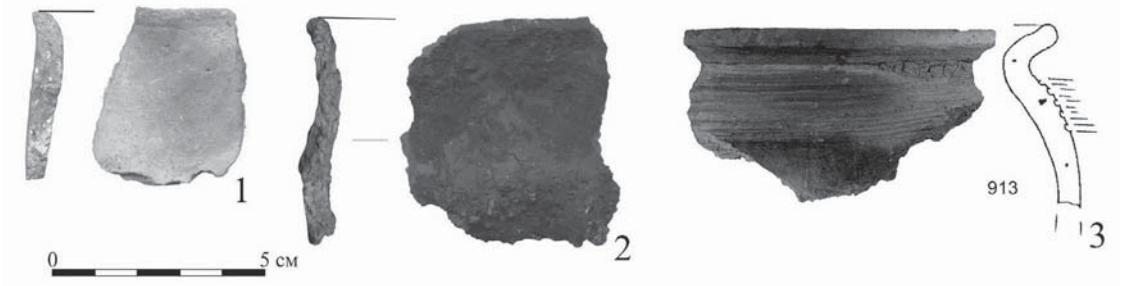


Рис. 4. Керамика из предматерикового пахотного слоя X в.
1, 2 – лепная керамика; 3 – раннекруговая керамика.

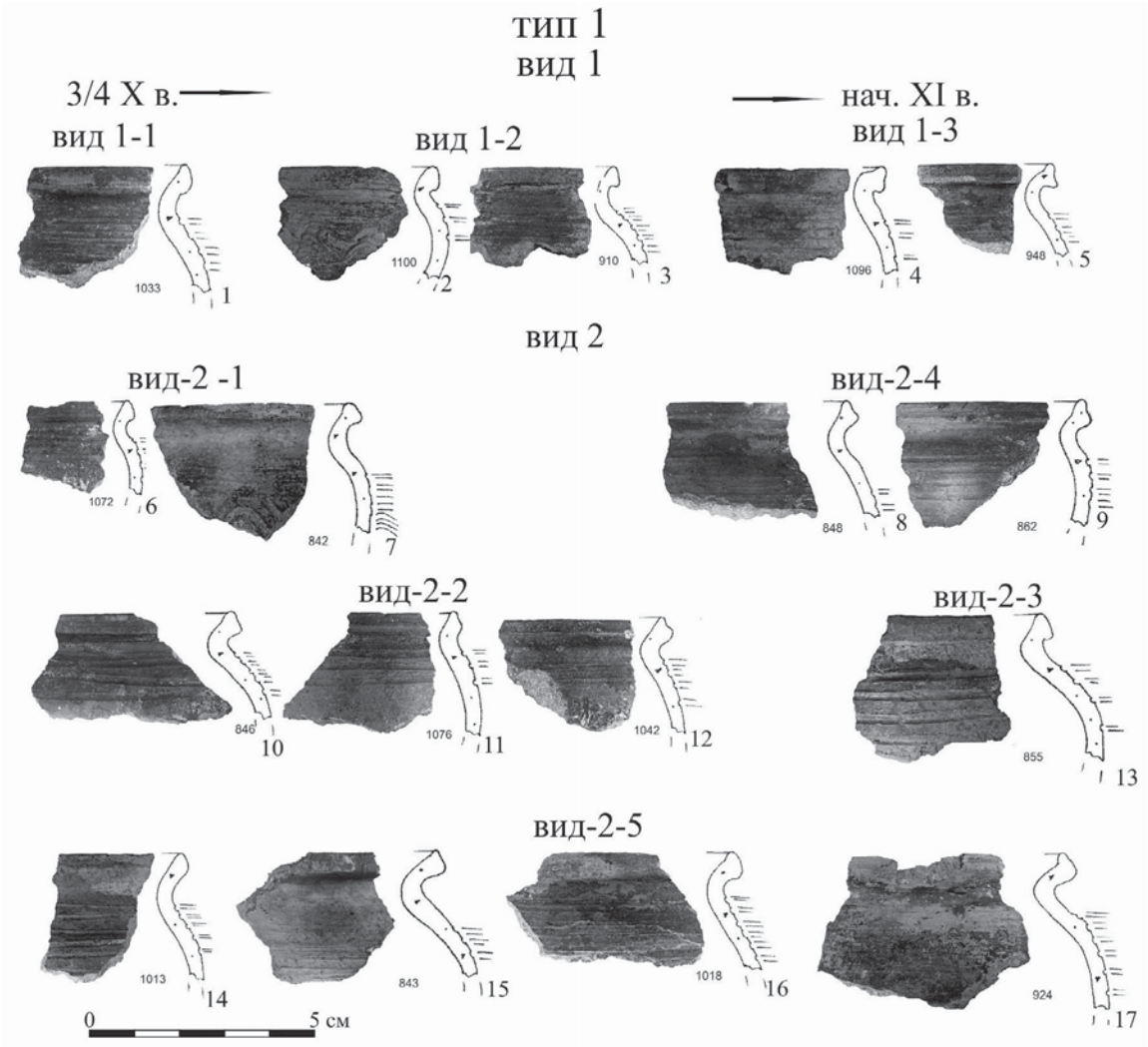


Рис. 5. Фрагменты венчиков керамики первого типа 4 / 4 X – начала XI вв.

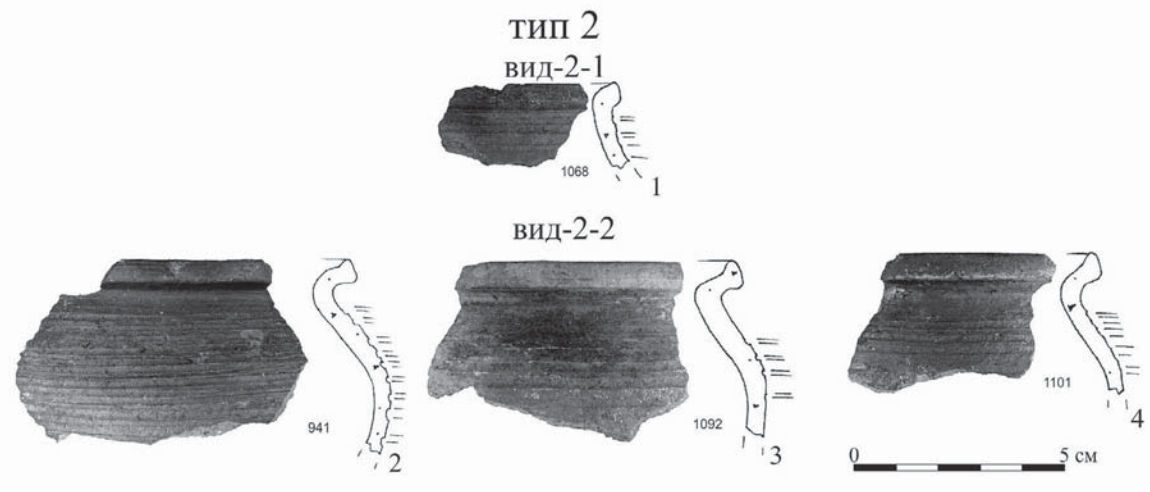


Рис. 6. Фрагменты венчиков керамики второго типа 4 / 4 X – начала XI вв.

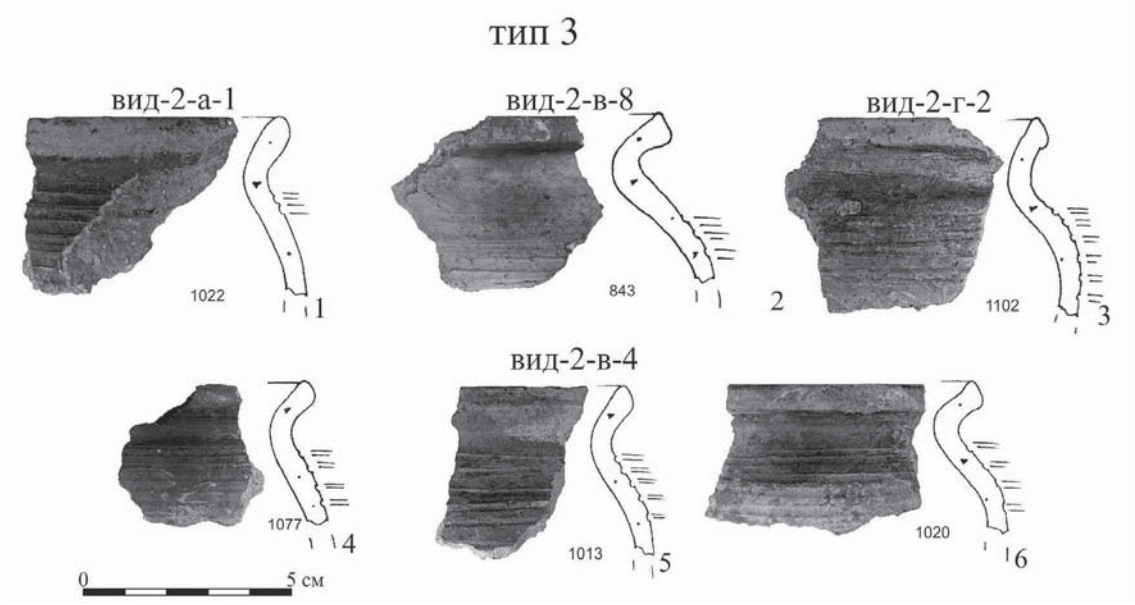


Рис. 7. Фрагменты венчиков керамики третьего типа 4 / 4 X – начала XI вв.

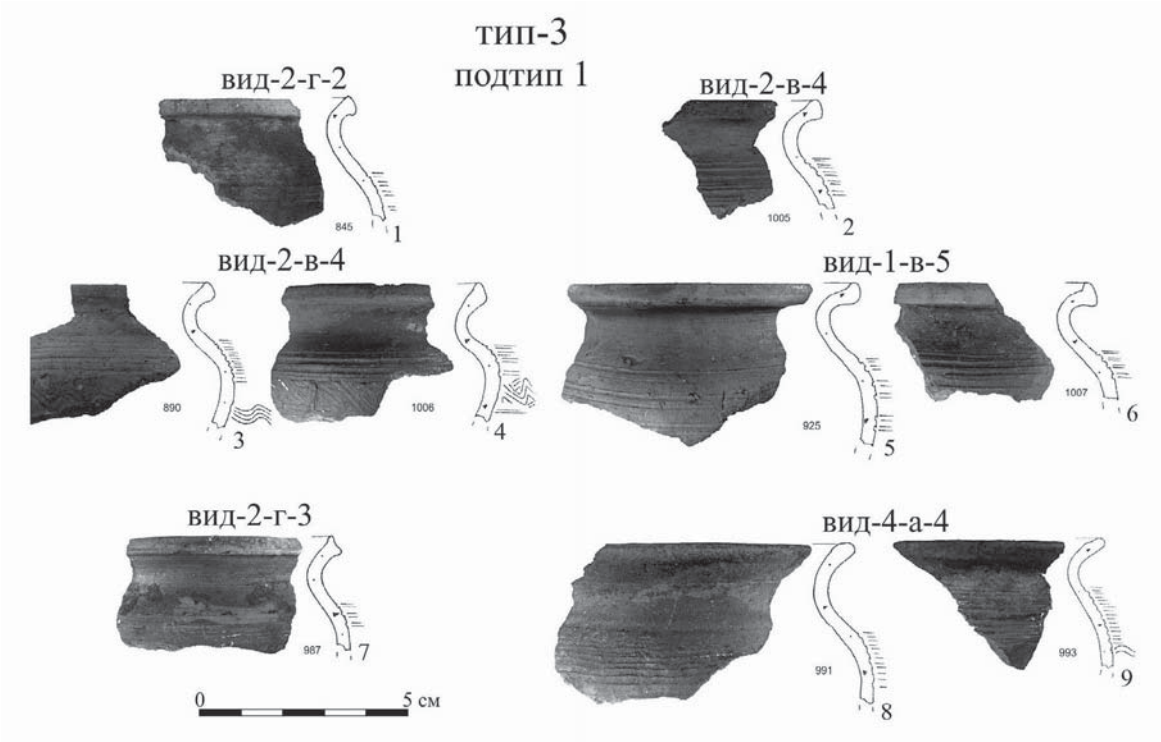


Рис. 8. Фрагменты венчиков керамики первого типа (подтип 1) 2 / 4 XI в.

При классификации керамических горшков учитывались следующие критерии:
- форма горшка;
- профилировка венчика горшка и его края;
- время появления и бытования.

Деление профиля горшка на составные части проведено по следующей схеме: *тулово* – нижняя часть сосуда до наибольшего своего расширения; *плечо* – от наибольшего расширения сосуда до начала изменения изгиба в противоположную сторону;

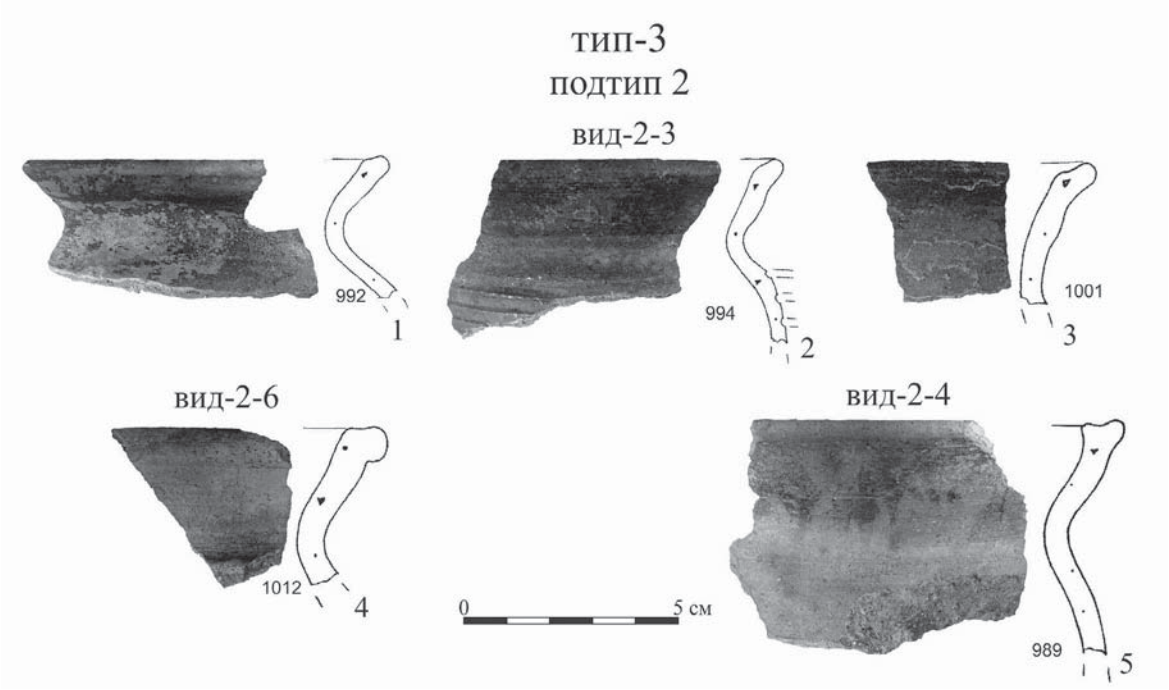


Рис. 9. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 2) 2 / 4 XI в.

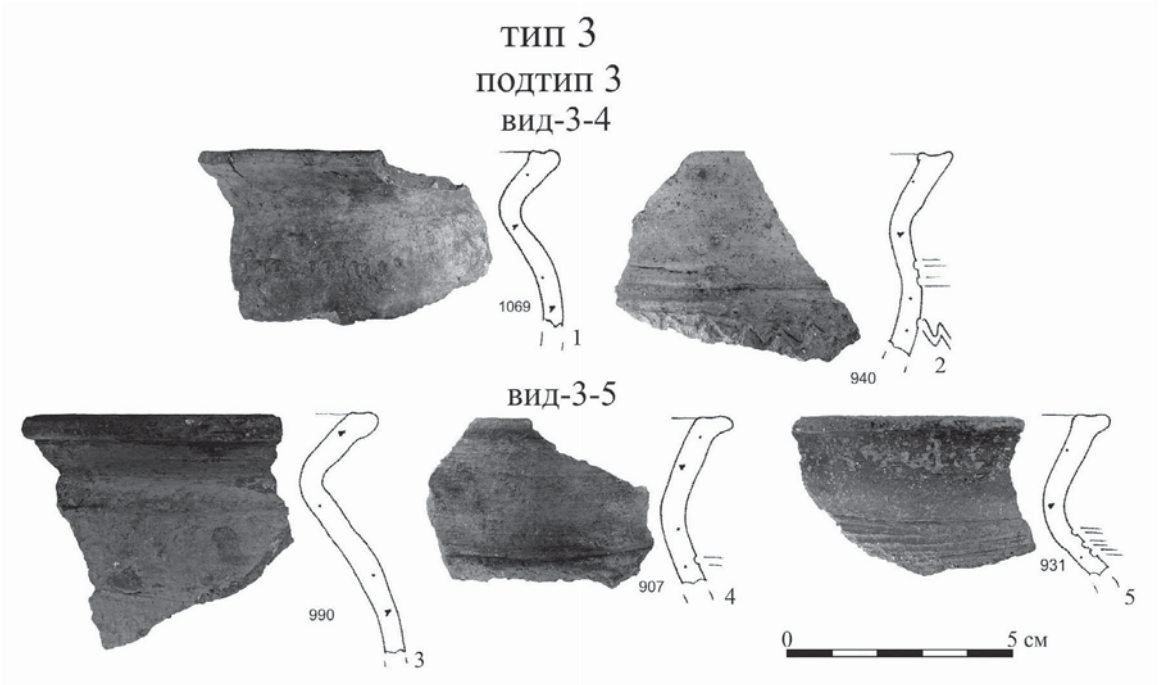


Рис. 10. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 3) 2 / 4 XI в.

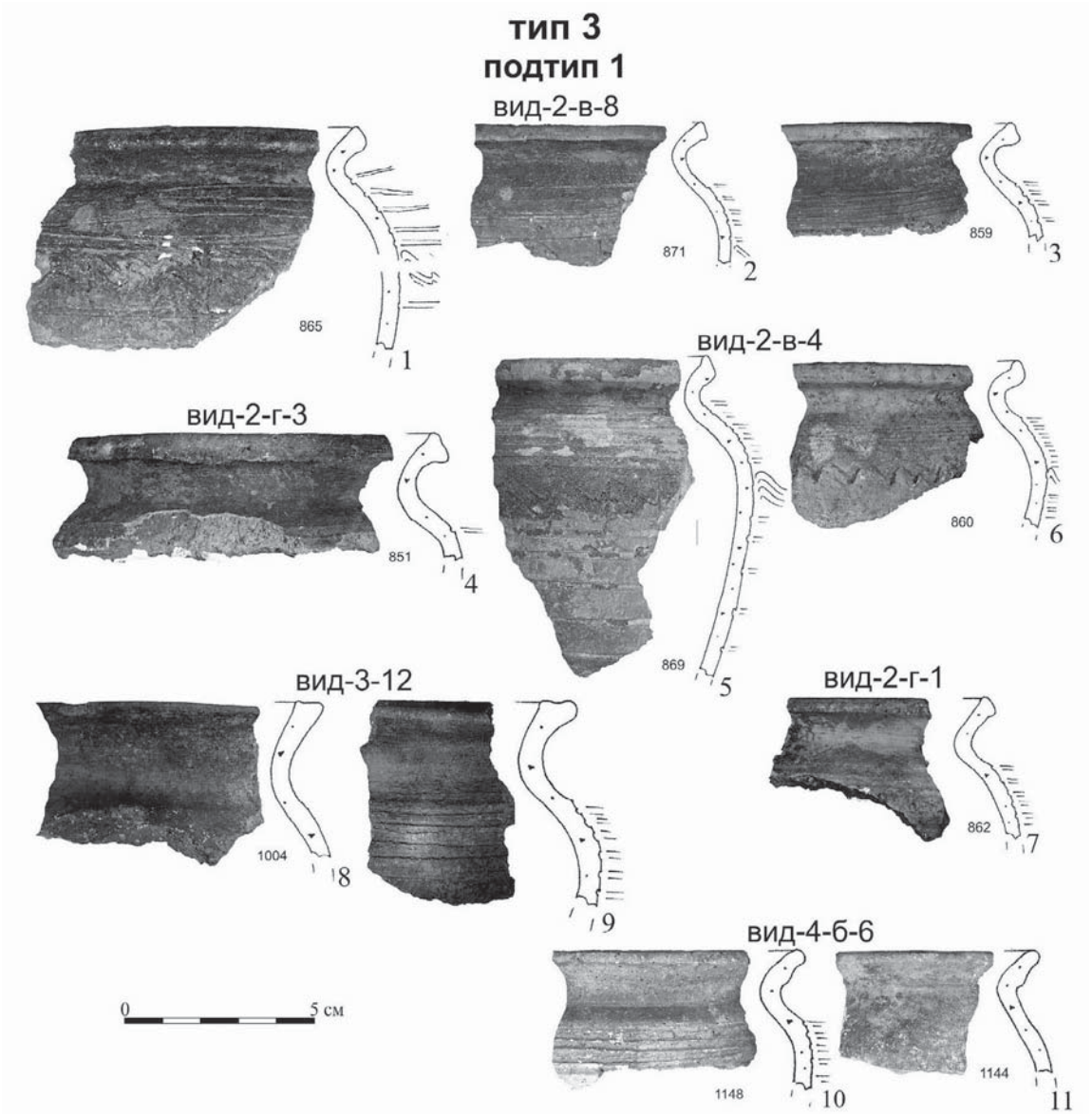


Рис. 11. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 1) 3/4 XI в.

венчик – от начала изменения изгиба плеча в противоположную сторону до верхней оконечности сосуда (рис.3: 1). Нижняя часть венчика (наиболее узкая часть сосуда) – *шейка*; верхняя внутренняя сторона венчика – *устье*; самая верхняя часть венчика – *край венчика*.

В основу классификации горшков положено изменение формы сосудов – типы.

К типу 1 гончарной посуды относятся округлобокие горшки, у которых шейка и венчик низкие или не выделены. Тулово округлое, плавно сужающееся ко дну. Наибольшее расширение приходится на середину или 3/5 высоты сосуда (местные реплики развития варианта Фельдбергского типа) (рис.3: 2).

К типу 2 относятся горшки биконической формы с округлым или тупым изломом, у которых шейка и венчик низкие или не выделены. Наибольшее расширение приходится на середину или 3/5 высоты сосуда (рис.3: 2). В научной литературе данный тип керамики относится к вариантам Фрезендорфского типа [11, с.123-132, IV-VI группы].

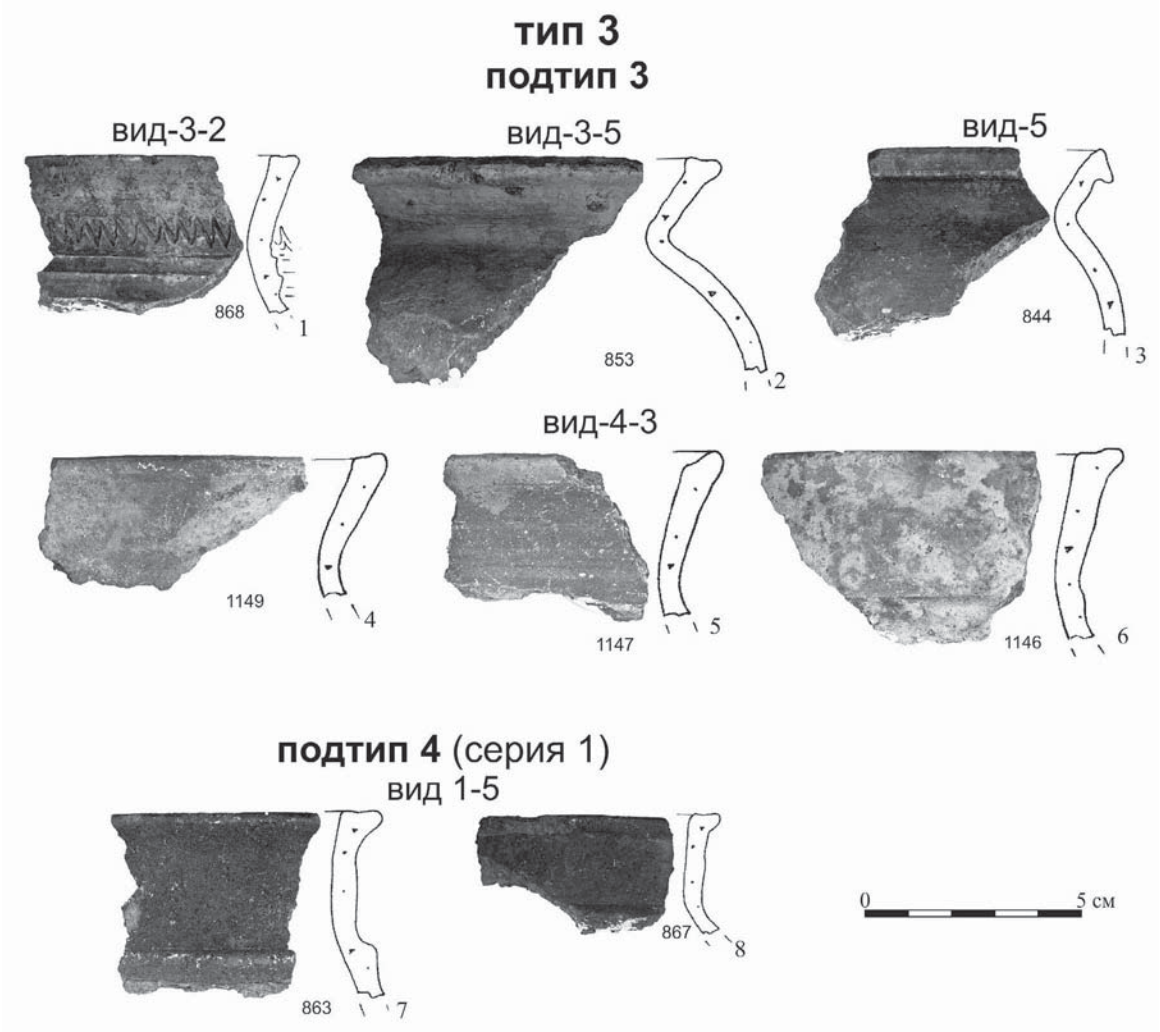


Рис. 12. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 3 и 4) 3 / 4 XI в.

К типу 3 относятся горшкообразные сосуды с плавным S-видным профилем и выпуклыми плечиками. Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю треть сосуда и примерно равно высоте горшка.

К типу 4 относятся сосуды с плавным S-видным профилем со слабо выпуклыми плечиками. Наибольшее расширение тулова приходится на середину высоты сосуда, которое меньше или равно высоте горшка (рис.3: 2).

К типу 5 относятся горшки с выраженным ребром по плечику и небольшим венчиком.

По форме венчика горшки типов 3-5 делятся на 6 подтипов (рис.3: 2).

В предматериковом слое Десятинного 1 раскопа, датируемом третьей четвертью X в., обнаружены отдельные фрагменты лепных и раннекруговых сосудов (рис.4). Этот слой связан с сельскохозяйственным освоением данной территории в начальном периоде существования Новгорода. Раннекруговая керамика представлена сосудами с хорошо выраженным плечом, сильно отогнутым укороченным венчиком (тип 3, подтип 1) и округлым краем (подвид «а», разновидность 1) (рис.4: 3).

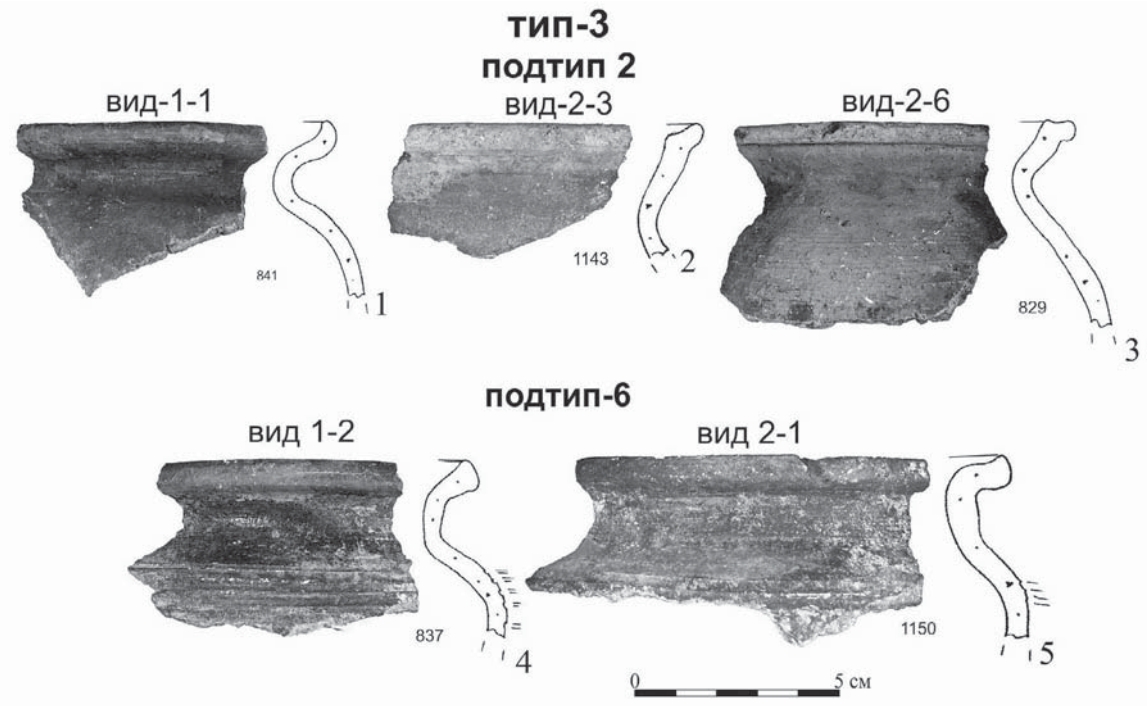


Рис. 13. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 2 и 6) 3 / 4 XI в.

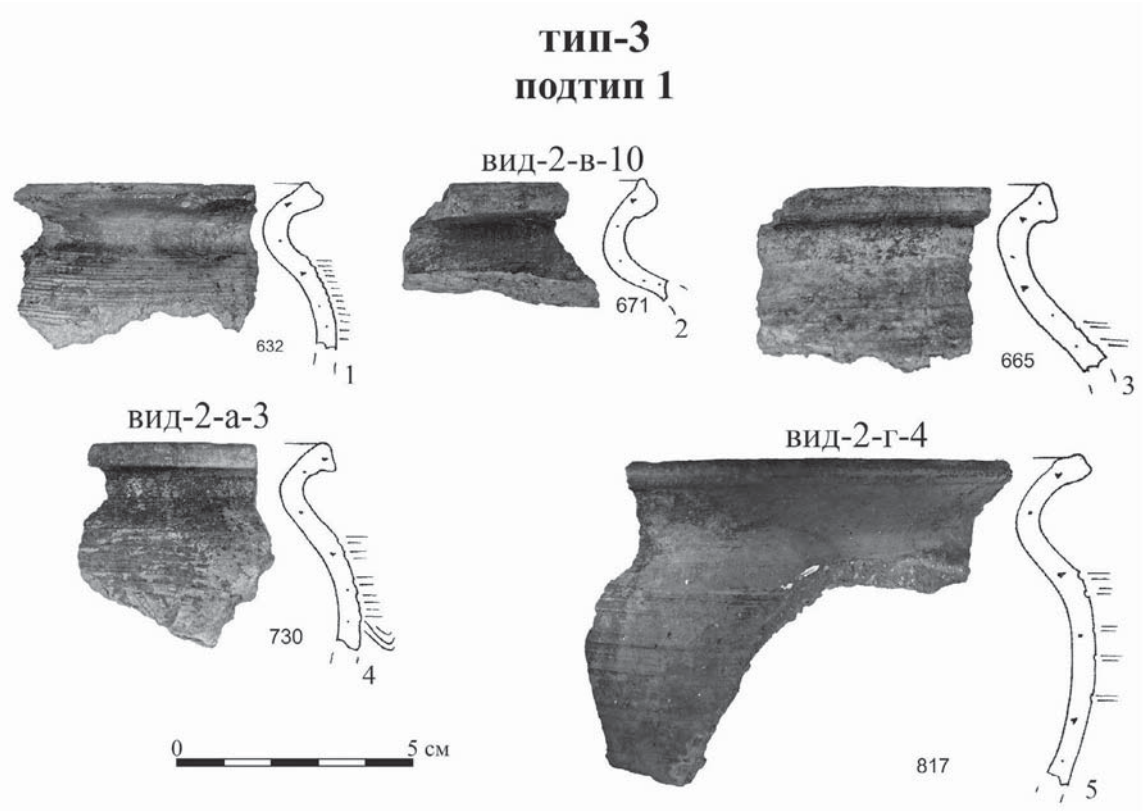


Рис. 14. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 1) 4 / 4 XI в.

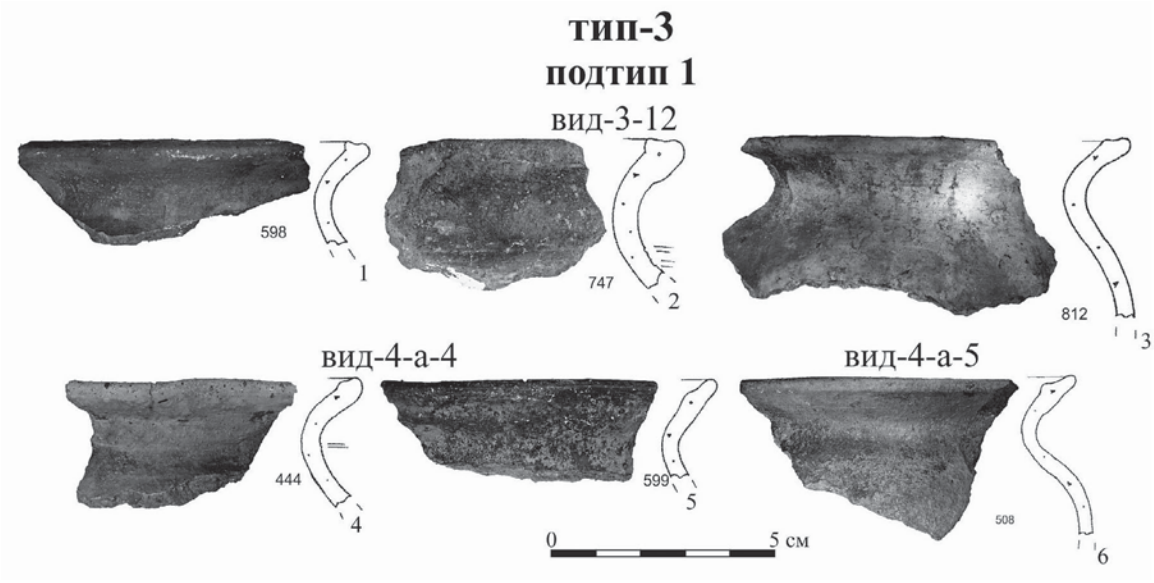


Рис. 15. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 1) 4 / 4 XI в.

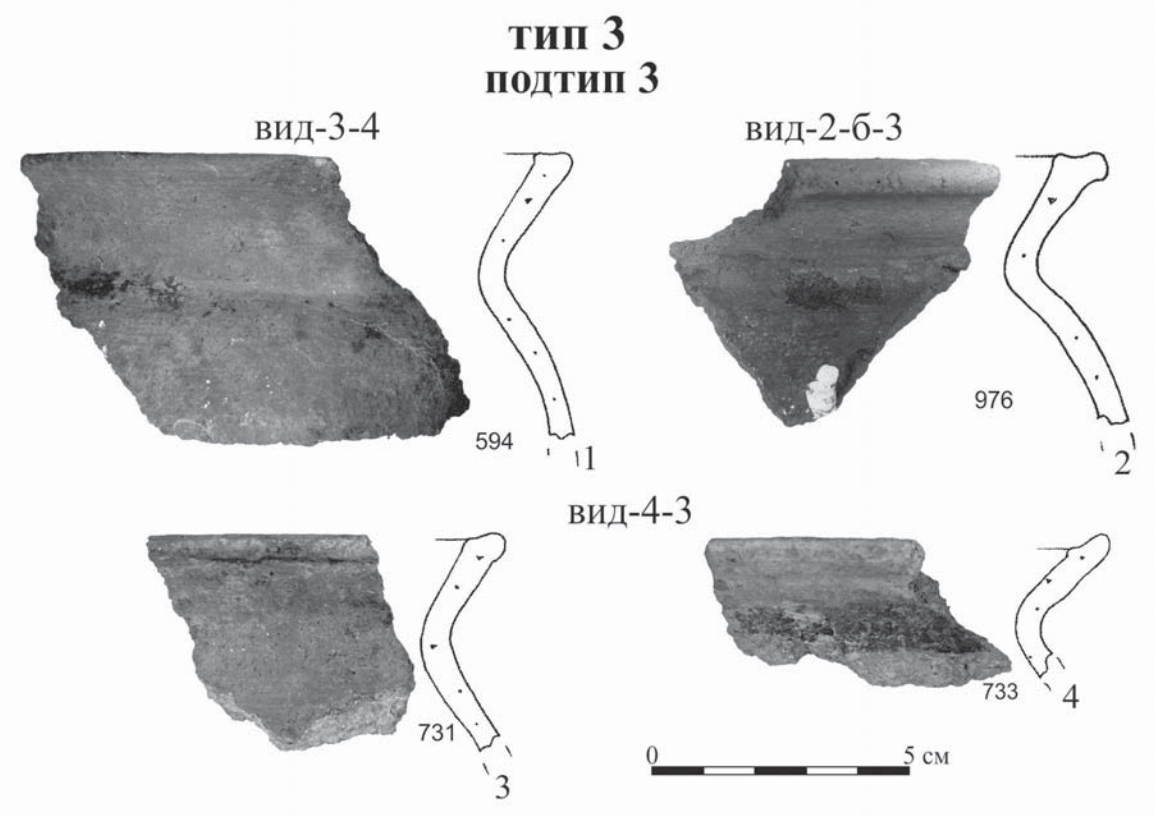


Рис. 16. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 3) 4 / 4 XI в.

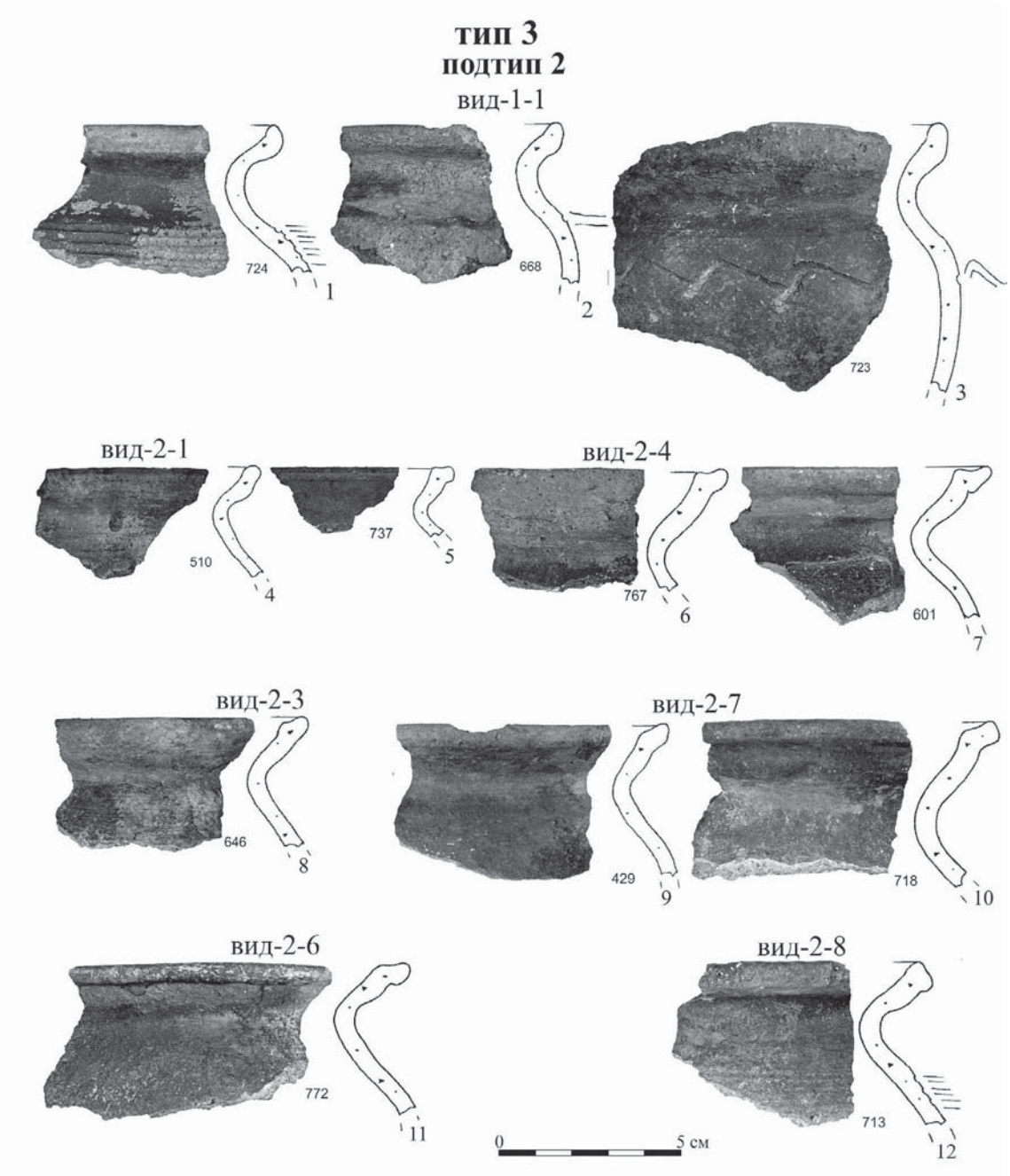


Рис. 17. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 2) 4 / 4 XI в.

С появлением первых хозяйственных и жилых построек на исследуемой территории (четвертая четверть X в.) появляются горшки, край венчика которых несет следы формирования с помощью гончарного круга: слегка намеченные вниз и вверх оттяжки или легкие ложбинки. В первой четверти XI в. оттяжки и желобки становятся еще более выраженными[2]. В этот период преобладают горшки 1, 2 и 3 типов (рис.5, 6, 7).

[2] Деление подтипов венчиков керамических горшков на виды; подвиды; разновидности показано в статье [2, с.102-116] и на рис. 27.

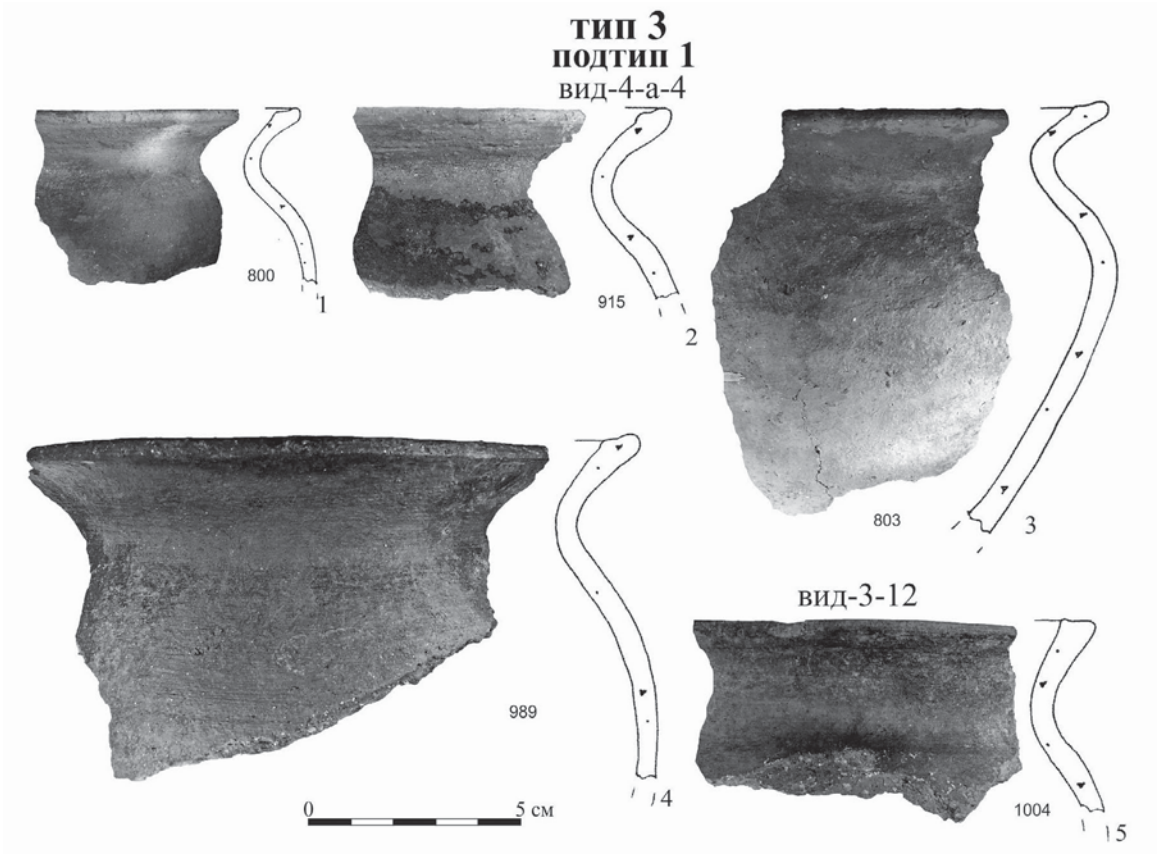


Рис. 18. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 1) 1 / 4 XII в.

Во второй четверти XI в. горшки 1 и 2 типов прекращают свое бытование. У сосудов 3 типа, 1 подтипа оттяжки и желобки на краю венчика становятся более выраженными (рис.8: 1-7) и появляется новый вариант оформления венчика в виде среза края венчика с внутренней стороны (вид 4, подвид «а») с небольшим валиком и ложбинкой (разновидность 4) (рис.8: 8-9).

У горшков типа 3 в это время появляется:

- отогнуто-вогнутый венчик (подтип 2) с отогнутым концом венчика наружу (вид 2) со срезанным краем с внутренней стороны с профилировкой (небольшой валик и ложбинка) (разновидность 3, 4) (рис.9: 1-3, 5) или с горизонтальным срезом края венчика (рис.9: 4);

- прямой отогнутый наружу венчик (подтип 3) с горизонтальным срезом края венчика (вид 3), с различным оформлением конца венчика: – с ложбинкой по срезу с валиком с внутренней стороны (разновидность 4) (рис.10: 1, 2); – конец венчика отогнут наружу с горизонтальным срезом (разновидность 5) (рис.10: 3, 4) и с небольшой ложбинкой по срезу (рис.10: 5).

В третьей четверти XI в. у горшков типа 3, подтипа 1, вида 2 желобки и оттяжки на краю венчика становятся более выраженными (рис.11: 1-7), что позволило использовать для закрытия сосуда крышки из твердого материала, и появляется новый вариант оформления венчика в виде горизонтального среза края венчика с небольшим валиком и ложбинкой (вид 3, разновидность 12) (рис.11: 8, 9). В слоях этого периода прослежено появление у горшков типа 3, подтипа 1, вида 4 (подвид

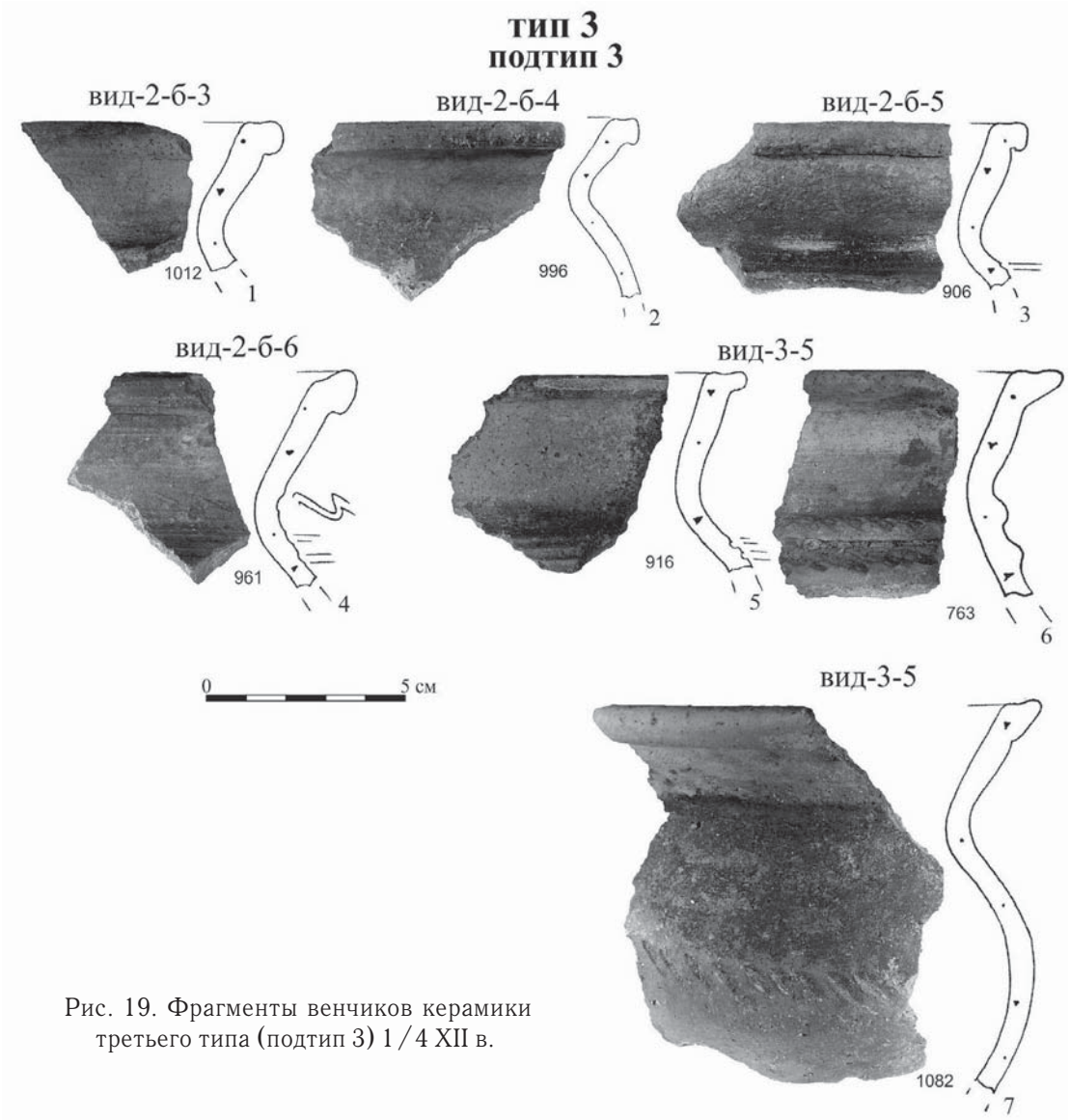


Рис. 19. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 3) 1 / 4 XII в.

«б») нового оформления внешней стороны конца венчика в виде валика (разновидность 6) (рис.11: 10, 11), что обеспечивало более плотное прилегание крышки из мягкого материала (ткань).

В рассматриваемый период продолжают существовать горшки типа 3, подтипа 3 (прямой отогнутый наружу венчик):

- срез края венчика горизонтальный (вид 3), с ложбинкой по срезу и валиком с внутренней стороны (разновидность 2) с волнистым орнаментом по венчику (рис.12: 1);

- край венчика заострен с внешней стороны конца, с заостренным внешним выступом, у которого внешняя сторона прямая (вид 5) (рис.12: 3);

- срез с внутренней стороны конца венчика (вид 4), с ложбинкой по срезу конца венчика и валиком с внутренней стороны (разновидность 3) (рис.12: 4-6).

В слоях третьей четверти XI в. обнаружены фрагменты горшков типа 3, подтипа 4 с вертикальным прямым венчиком с горизонтальным срезом края венчика (вид 1), с внешним выступом, который имеет пологую внешнюю сторону и с канавкой по краю венчика (разновидность 5) (рис.12: 7, 8).

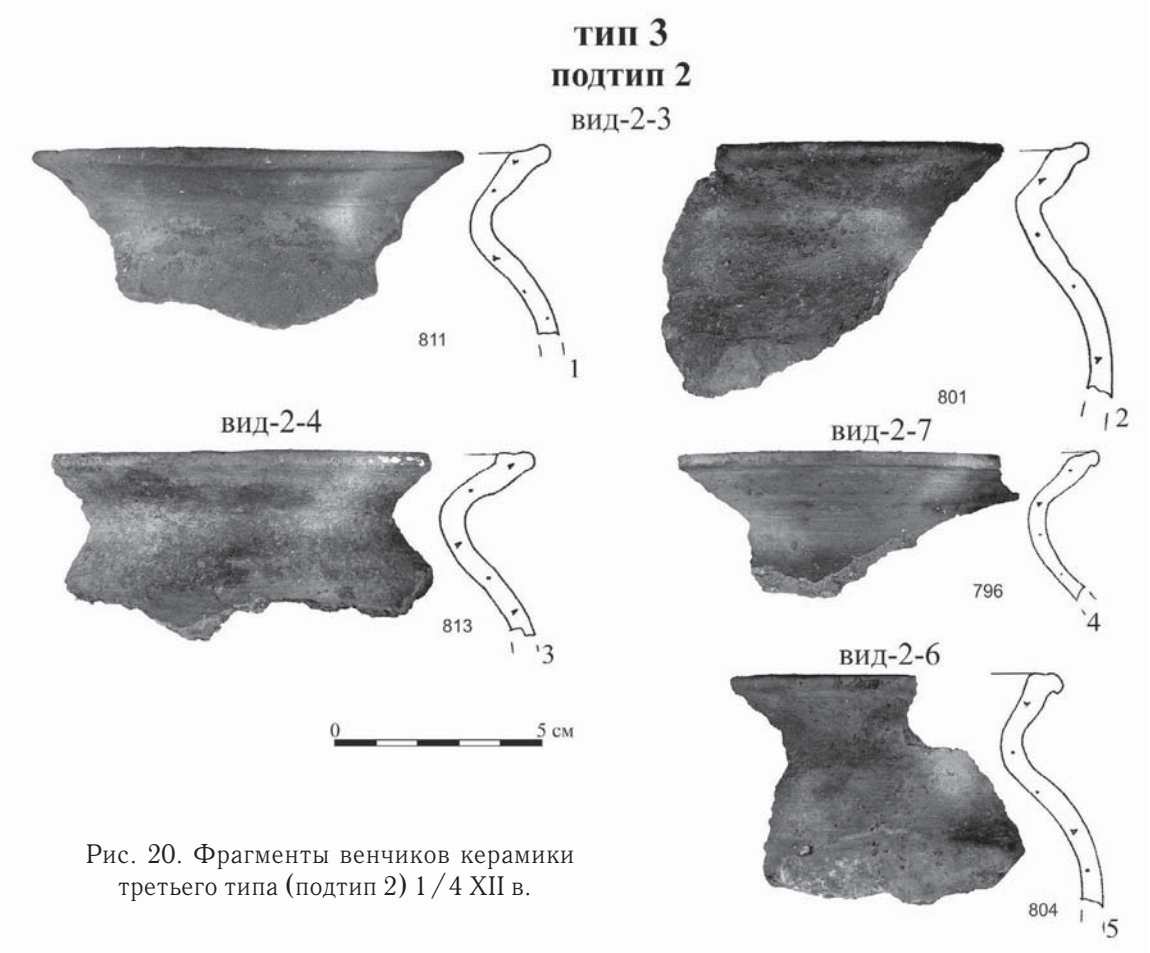


Рис. 20. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 2) 1/4 XII в.

Горшки подтипа 2 (отогнуто-вогнутый венчик) встречены в слоях рассматриваемого периода двух видов:

- с отогнутым на верх концом венчика (вид 1, разновидность 1) (рис.13: 1);
- с отогнутым концом венчика наружу (вид 2) со срезанным краем с внутренней стороны (рис.13: 2) и с горизонтальным срезом (рис.13: 3) с профилировкой внутренней стороны края венчика (небольшой валик и ложбинка) (разновидность 3, 6).

Следует отметить обнаружение в слоях третьей четверти XI в. небольшого количества фрагментов горшков с прямой вертикальной шейкой и отогнутым наружу концом венчика (подтип 6, вид 1, 2), край которого прямой с внутренним выступом, имеющим пологую внутреннюю сторону (рис.13: 4, 5).

В последней четверти XI в. у горшков типа 3, подтипа 1, вида 2 желобки и оттяжки на краю венчика становятся более выраженными (рис.14: 1-4). Появляется новый вариант оформления венчика в виде тупо заостренного с двух сторон края с двумя круглыми выступами в разные стороны в продолжение среза края. Внешние срезы с небольшими ложбинками (вид 2, подвид «г», разновидность 4) (рис.14: 5).

В слоях этого периода происходит развитие в оформлении венчика с горизонтальным срезом края венчика с валиком и ложбинкой (вид 3, разновидность 12) (рис.15: 1-3) и со срезанным краем с внутренней стороны с валиком и ложбинкой (вид 4, подвид «а», разновидность 4) (рис.15: 4-5). В конце XI в. данный подвид развился в венчик с ложбинкой и валиком в конце среза. С внешней стороны среза – выступ, являющийся продолжением ложбинки (разновидность 5) (рис.15: 6).

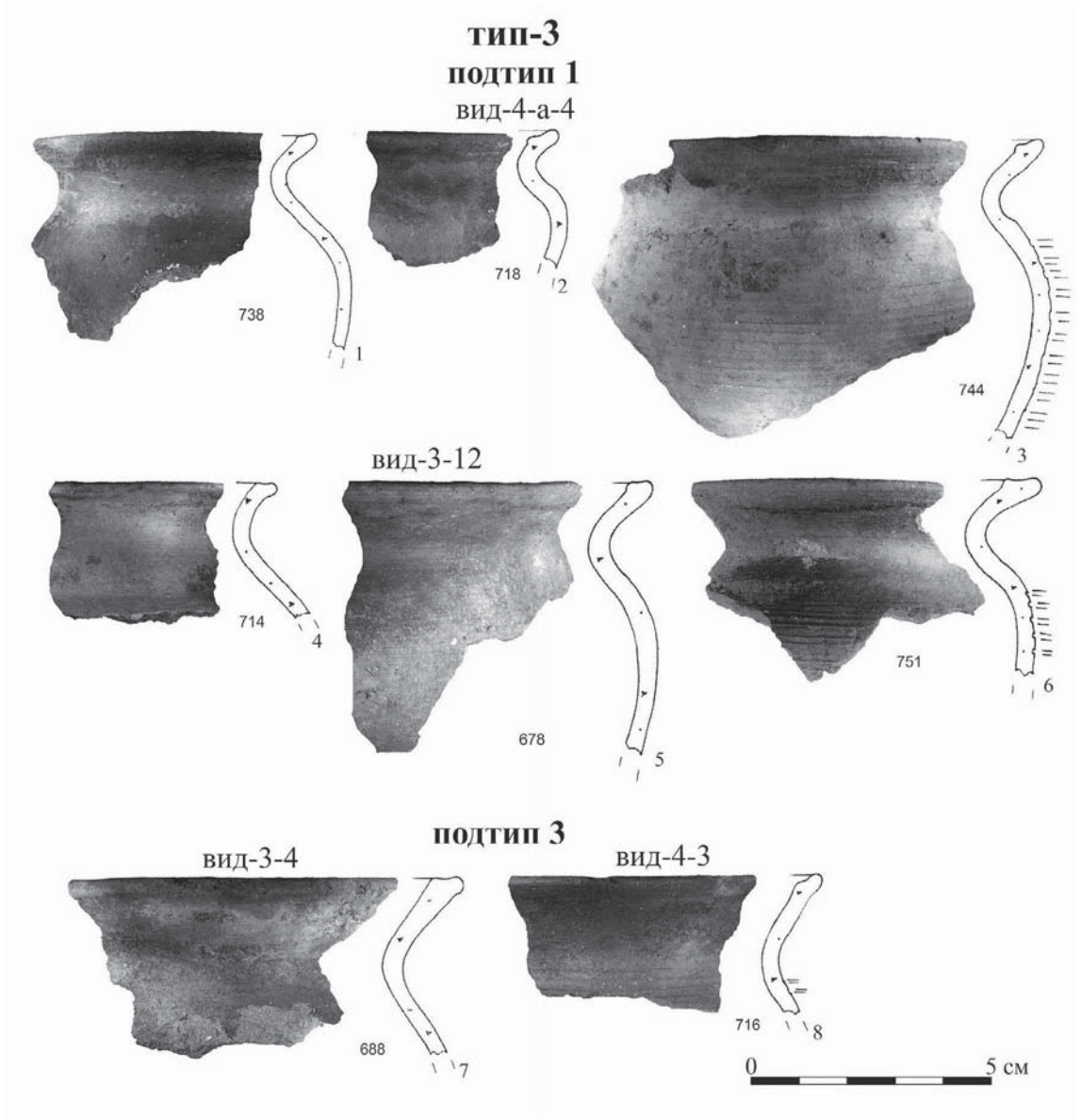


Рис. 21. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 1 и 3) 2/4 XII в.

В рассматриваемый период продолжают существовать горшки типа 3, подтипа 3 (прямой отогнутый наружу венчик), у которого желобки, валики и оттяжки на краю венчика становятся более выраженными, а орнамент по внешней стороне венчика отсутствует:

- срез края венчика горизонтальный (вид 3), с ложбинкой по срезу и валиком с внутренней стороны (разновидность 4) (рис.16: 1);

- с отогнутым концом венчика наружу (вид 2-б), срез внутреннего края венчика горизонтальный, с ложбинкой по срезу и валиком с внутренней стороны (разновидность 3) (рис.16: 2);

- срез с внутренней стороны конца венчика (вид 4), с ложбинкой по срезу конца венчика и валиком с внутренней стороны (разновидность 3) (рис.16: 3-4).

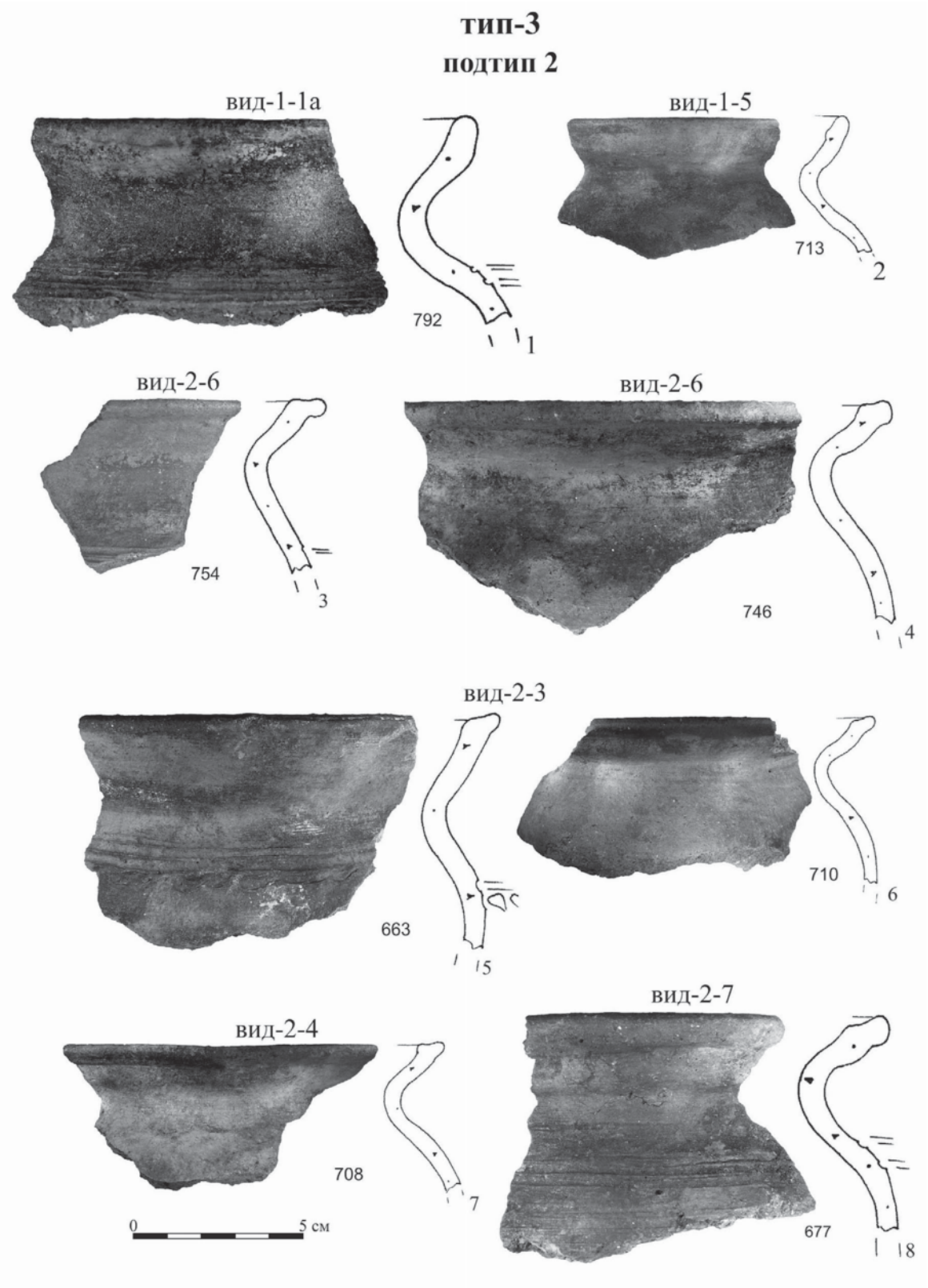


Рис. 22. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 2) 2 / 4 XII в.

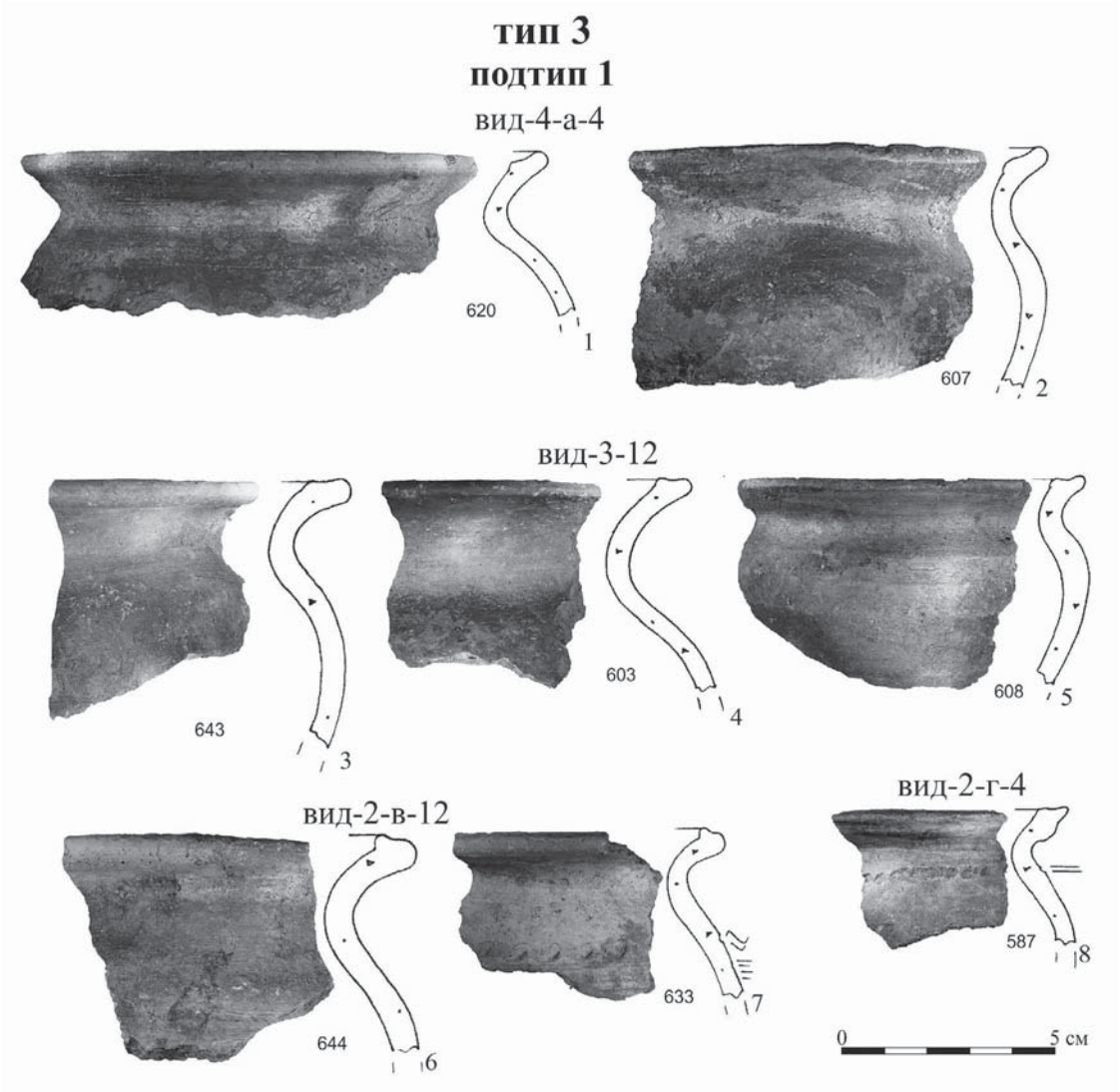


Рис. 23. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 1) 3 / 4 XII в.

Горшки подтипа 2 (отогнуто-вогнутый венчик) в слоях рассматриваемого периода встречены двух видов:

- конец венчика вытянут вертикально вверх (вид 1) с округлым краем (разновидность 1) (рис.17: 1-3);

- с отогнутым концом венчика наружу (вид 2): с округлым краем венчика (разновидность 1) (рис.17: 4);

- с отогнутым концом венчика наружу, с горизонтальным срезом внутренней стороны конца венчика, с ложбинкой и выступом с внутренней стороны среза, внешний край оттянут наружу (разновидность 4) (рис.17: 5-7);

- край срезан с внутренней стороны с ложбинкой и выступом с внутренней стороны среза и округлым внешним краем (разновидность 3) (рис.17: 8);

- с отогнутым концом венчика наружу, с горизонтальным срезом внутренней стороны конца венчика, с ложбинкой и выступом с внутренней стороны среза (разновидность 6) (рис.17: 11);

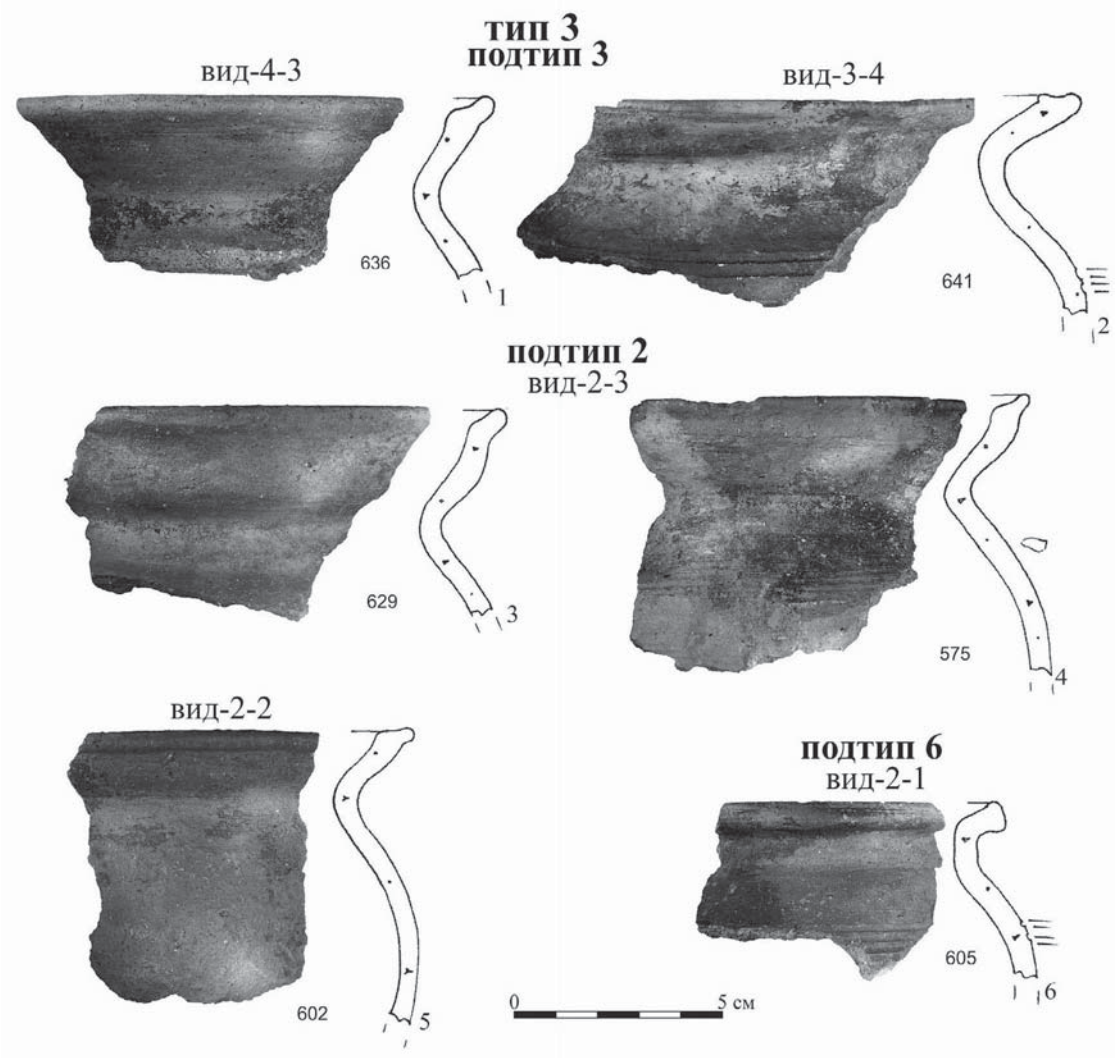


Рис. 24. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 2, 3, 6) 3/4 XII в.

- с отогнутым концом венчика наружу, с наклонным срезом внутренней стороны конца венчика, с ложбинкой внутренней стороны среза (разновидность 7) (рис.17: 9, 10);

- край венчика прямой с округлым внешним выступом (разновидность 8) (рис.17: 12).

В первой четверти XII в. у горшков типа 3, подтипа 1 форма венчиков вида 3 (разновидность 12) (рис.18: 5) и вида 4 (подвид «а», разновидность 4) (рис.18: 1-4) не отличается от предыдущего периода (рис.15). Орнамент на горшках в этот период или отсутствует или наносится только на нижнюю часть тулова.

В рассматриваемый период продолжают бытовать горшки типа 3, подтипа 3 (прямой отогнутый наружу венчик), у которых желобки, валики и оттяжки на краю венчика становятся более выраженными:

- с отогнутым концом венчика наружу, срез внутреннего края венчика горизонтальный (вид 2, подвид «б»): с округлым краем и с ложбинкой по срезу (разновидность 3) (рис.19: 1); с вертикальным прямым краем и с ложбинкой по срезу (разновидность 4) (рис.19: 2); с вертикальным прямым краем и ровным срезом с внутренней стороны конца венчика, с внешней стороны края валик (разновидность 5) (рис.19: 3);

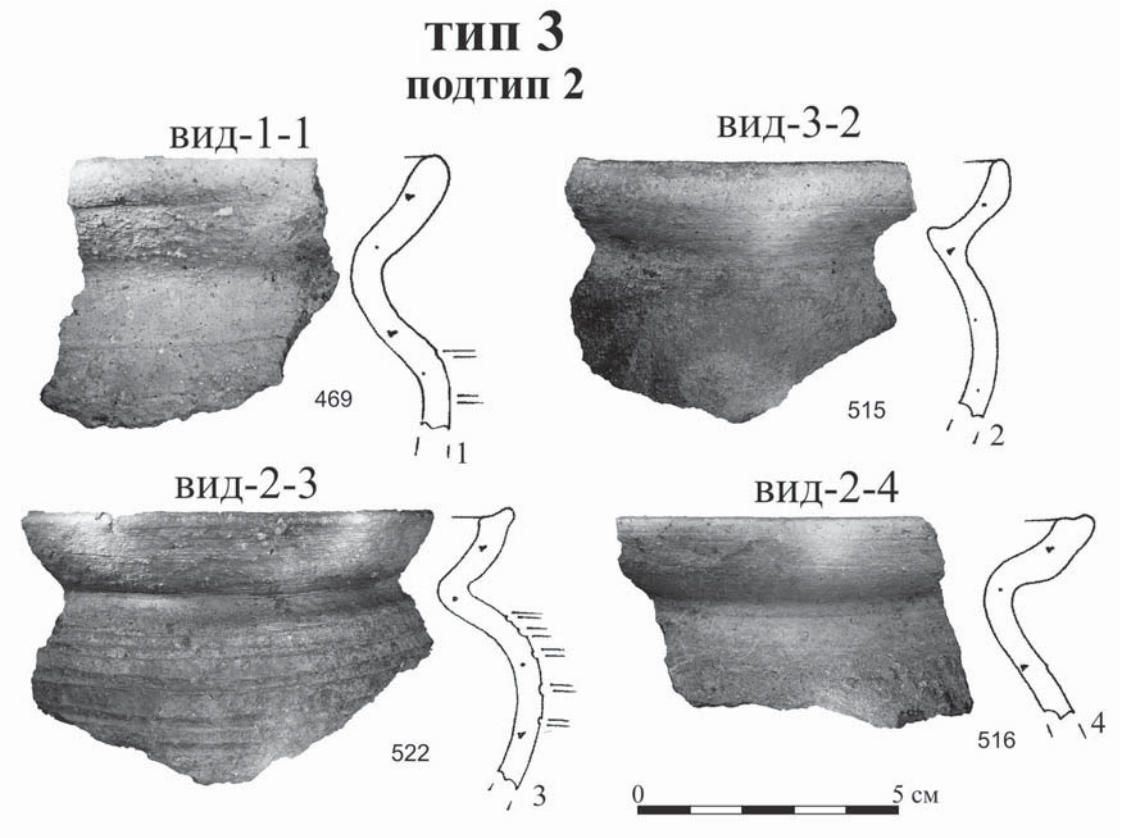


Рис. 25. Фрагменты венчиков керамики третьего типа (подтип 2) 4 / 4 XII – начала XIII в.

- с отогнутым концом венчика наружу с округлым краем и валиком по внешней стороне края, с наклонным срезом внутреннего края венчика (подвид «б»), с ложбинкой по срезу (разновидность 6) (рис.19: 4);

- с отогнутым внешним краем венчика наружу, срез с внутренней стороны конца венчика горизонтальный с ложбинкой по срезу конца венчика (вид-3, разновидность 5) (рис.19: 5-7).

Горшки типа 3 подтипа 2 (отогнуто-вогнутый венчик) встречены в слоях рассматриваемого периода только вида 2, с отогнутым концом венчика наружу: край наклонно срезан с внутренней стороны с ложбинкой и округлым внешним краем (разновидность 3) (рис.20: 1-2); с горизонтальным срезом края с внутренней стороны, с ложбинкой и выступом с внутренней стороны среза (разновидность 4) (рис.20: 3); край наклонно срезан с внутренней стороны, с небольшой ложбинкой с внутренней стороны среза и округлым внешним краем и валиком на внешней стороне края венчика (разновидность 7) (рис.20: 4); с небольшой ложбинкой на внутренней стороне горизонтального среза края венчика и округлым внешним краем и валиком на внешней стороне края венчика (разновидность 6) (рис.20: 5).

Во второй четверти XII в. у горшков типа 3, подтипа 1 форма венчиков вида 3 (разновидность 12) (рис.21: 4-7) и вида 4 (подвид «а», разновидность 4) (рис.21: 1-3) не отличается от предыдущего периода (рис.15, 18).

В рассматриваемый период продолжают бытовать горшки типа 3, подтипа 3 (прямой отогнутый наружу венчик), вида 3 и 4, которые не отличаются от предыдущего периода (рис.21: 7, 8).

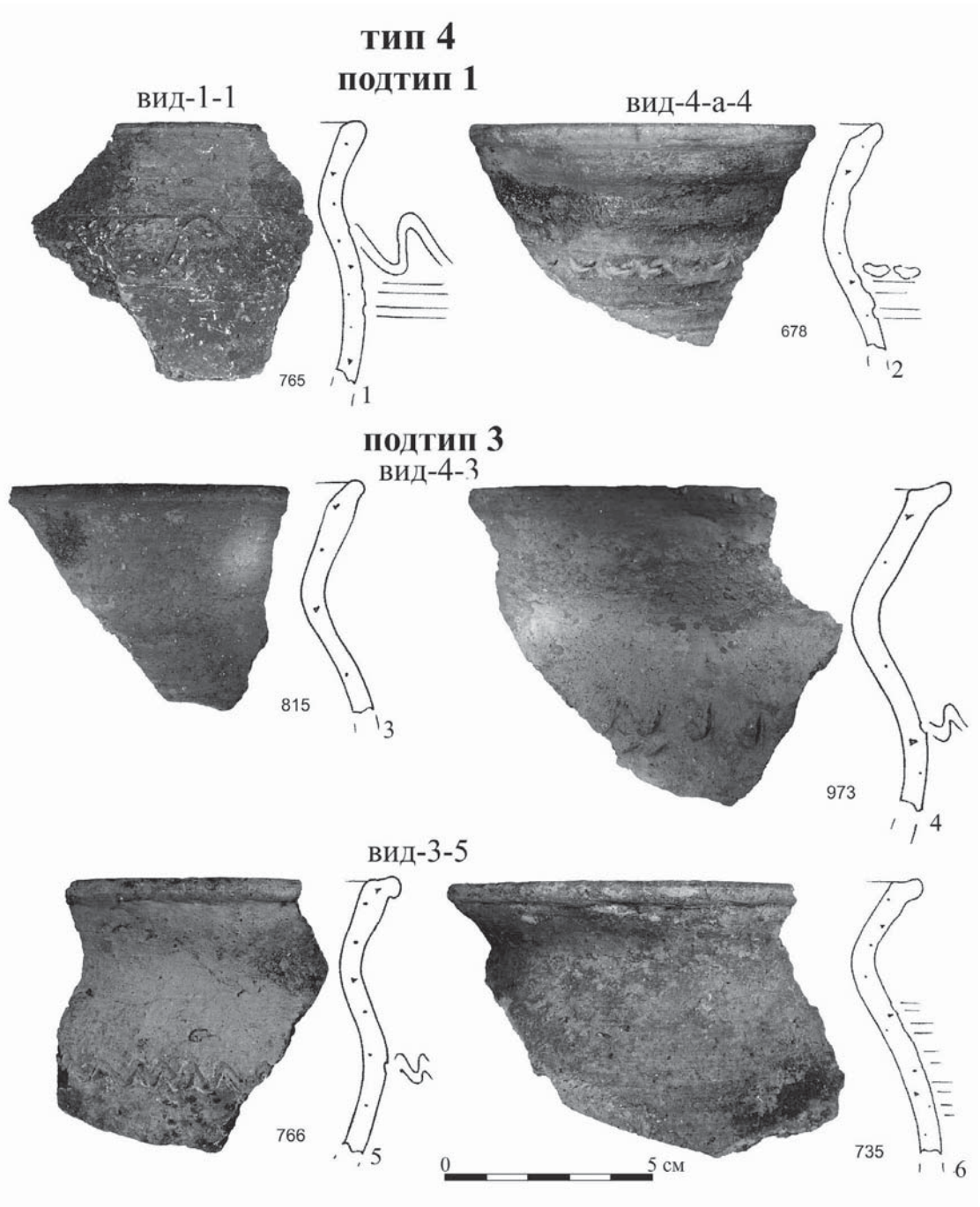


Рис. 26. Фрагменты венчиков керамики четвертого типа (подтип 1, 3) 4 / 4 XII – начала XIII в.

Горшки подтипа 2 (отогнуто-вогнутый венчик) в слоях рассматриваемого периода встречены двух видов:

- конец венчика вытянут вертикально вверх (вид 1) с округлым краем (разновидность 1а) (рис.22: 1); конец венчика вытянут отогнуто вверх с округлым краем и валиком с внутренней стороны конца венчика (разновидность 5) (рис.22: 2);

- с отогнутым концом венчика наружу (вид 2): с округлым краем венчика, с горизонтальным срезом края с внутренней стороны, с ложбинкой (разновидность 6) (рис.22: 3-4); край срезан с внутренней стороны с ложбинкой и округлым внешним краем (разновидность 7) (рис.22: 8); край наклонно срезан с внутренней стороны с

ложбинкой и валиком в конце среза с округлым внешним краем (разновидность 3) (рис.22: 5, 6); край горизонтально срезан с внутренней стороны с ложбинкой и валиком в конце среза с округлым внешним краем (разновидность 4) (рис.22: 7).

В третьей четверти XII в. у горшков типа 3, подтипа 1 форма венчиков вида 3 (разновидность 12) (рис.23: 3-5) и вида 4 (подвид «а», разновидность 4) (рис.23: 1-2) отличается от предыдущего периода – желобки и валики становятся еще более выраженными.

У венчиков второго вида (подвид «в») на внутренней стороне конца венчика в рассматриваемый период появляется выступ (разновидность 12) (рис.23: 6, 7). В небольшом количестве встречены горшки с венчиками в виде заостренного с двух сторон края (внутренний срез горизонтальный) с двумя круглыми выступами в разные стороны в продолжение среза края и небольшими ложбинками (вид 2, подвид «г», разновидность 4) (рис.23: 8).

В третьей четверти XII в. продолжают бытовать горшки типа 3, подтипа 3 (прямой отогнутый наружу венчик), вида 3 и 4, которые не отличаются от предыдущего периода (рис.24: 1, 2).

Горшки подтипа 2 (отогнуто-вогнутый венчик) в слоях рассматриваемого периода представлены видом 2 (отогнутый конец венчика наружу):

- край наклонно срезан с внутренней стороны с ложбинкой и валиком в конце среза с округлым внешним краем (разновидность 3) (рис.24: 3, 4);

- край горизонтально срезан с внутренней стороны с ложбинкой и валиком в конце среза с округлым внешним краем (разновидность 4) (рис.24: 5).

В слоях третьей четверти XII в. обнаружены фрагменты горшков с прямой вертикальной шейкой (подтип 6), с отогнутым наружу концом венчика (вид 2), край которого прямой с внутренним выступом, имеющим пологую внутреннюю сторону (разновидность 1) (рис.24: 6).

Слои последней четверти XII – начала XIII вв. на Десятинном 1 раскопе сильно перемешаны огородом XIII в., который возник после мора 1216 г. Керамика, собранная из этого слоя, мало отличается от керамики середины – третьей четверти XII в. Следует отметить появление новых видов и разновидностей венчиков типа 3 подтипа 2, у которых изгиб венчиков стал более выраженным (рис.25).

Увеличивается количество венчиков горшков типа 4 – сосудов с плавным профилем, со слабо выпуклыми плечиками:

- слабо отогнутый венчик (подтип 1): - с округлым краем (вид 1, разновидность 1) (рис.26: 1); - край наклонно срезан с внутренней стороны (вид 4, подвид «а»), с ложбинкой и валиком в конце среза, с округлым внешним краем (разновидность 4) (рис.26: 2);

- сосудов с прямым отогнутым наружу венчиком (подтип 3): - с отогнутым концом венчика наружу, край наклонно срезан с внутренней стороны (вид 4), с ложбинкой и валиком в конце среза с округлым внешним краем (разновидность 3) (рис.26: 3, 4); - с отогнутым концом венчика наружу, с округлым краем венчика, с горизонтальным срезом края с внутренней стороны, с ложбинкой (разновидность 5) (рис.26: 5-6).

В заключение следует отметить, что достоверность вышеизложенных выводов обеспечивается, в первую очередь, массовостью полученного материала (рис.27-35). Сложности стратиграфического порядка (тонкие слои, перекопы и выбросы из ям) не позволяют применить более узкие хронологические отрезки для датировки бытования различных видов керамических горшков. Следует также учитывать диффузное перемещение отдельных фрагментов керамики из нижележащих культурных слоев в вышележащие и наоборот.

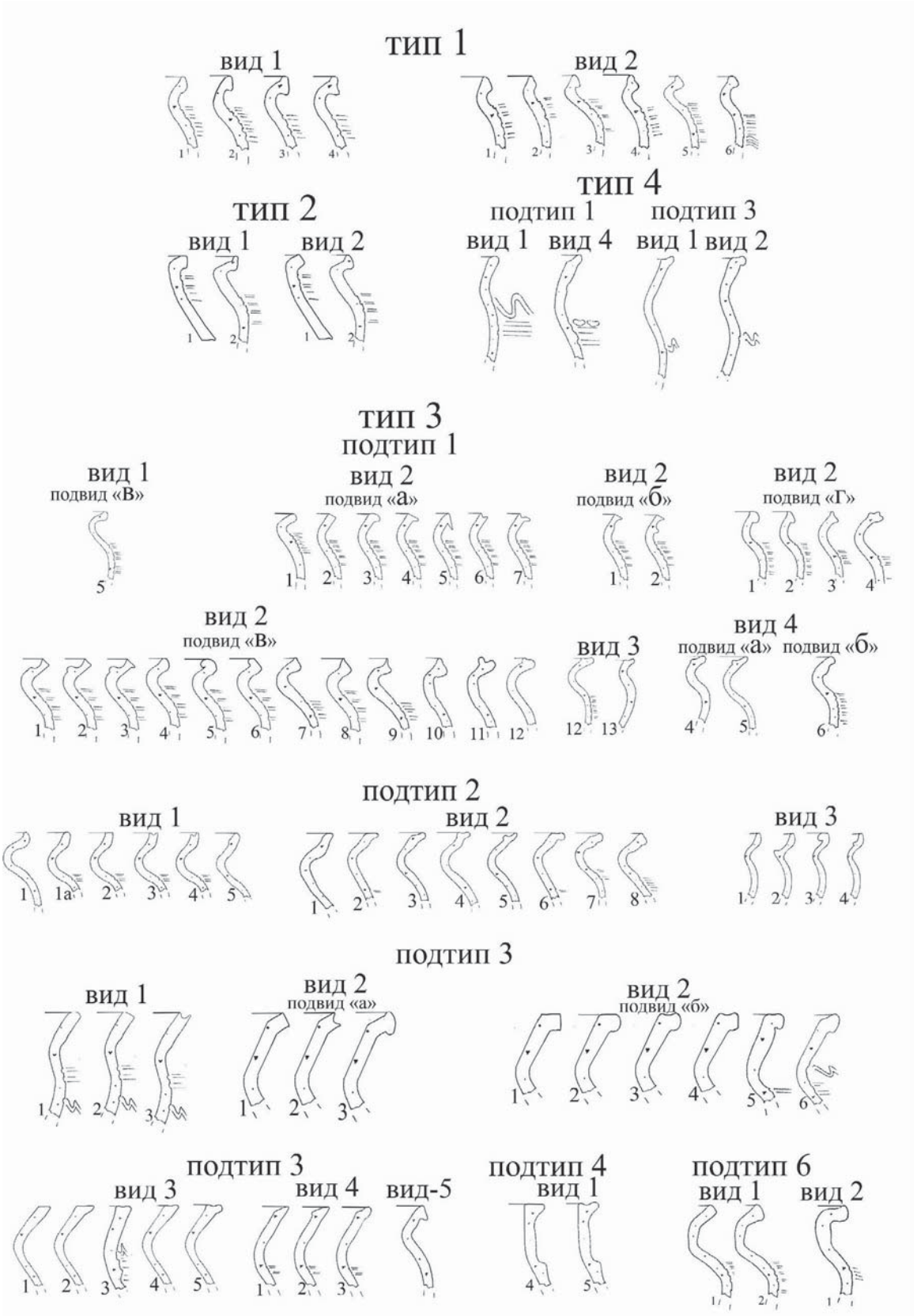


Рис. 27. Разновидности венчиков 1, 2, 3, 4 типов керамики второй половины X – начала XIII вв. Десятинного-1 раскопа.

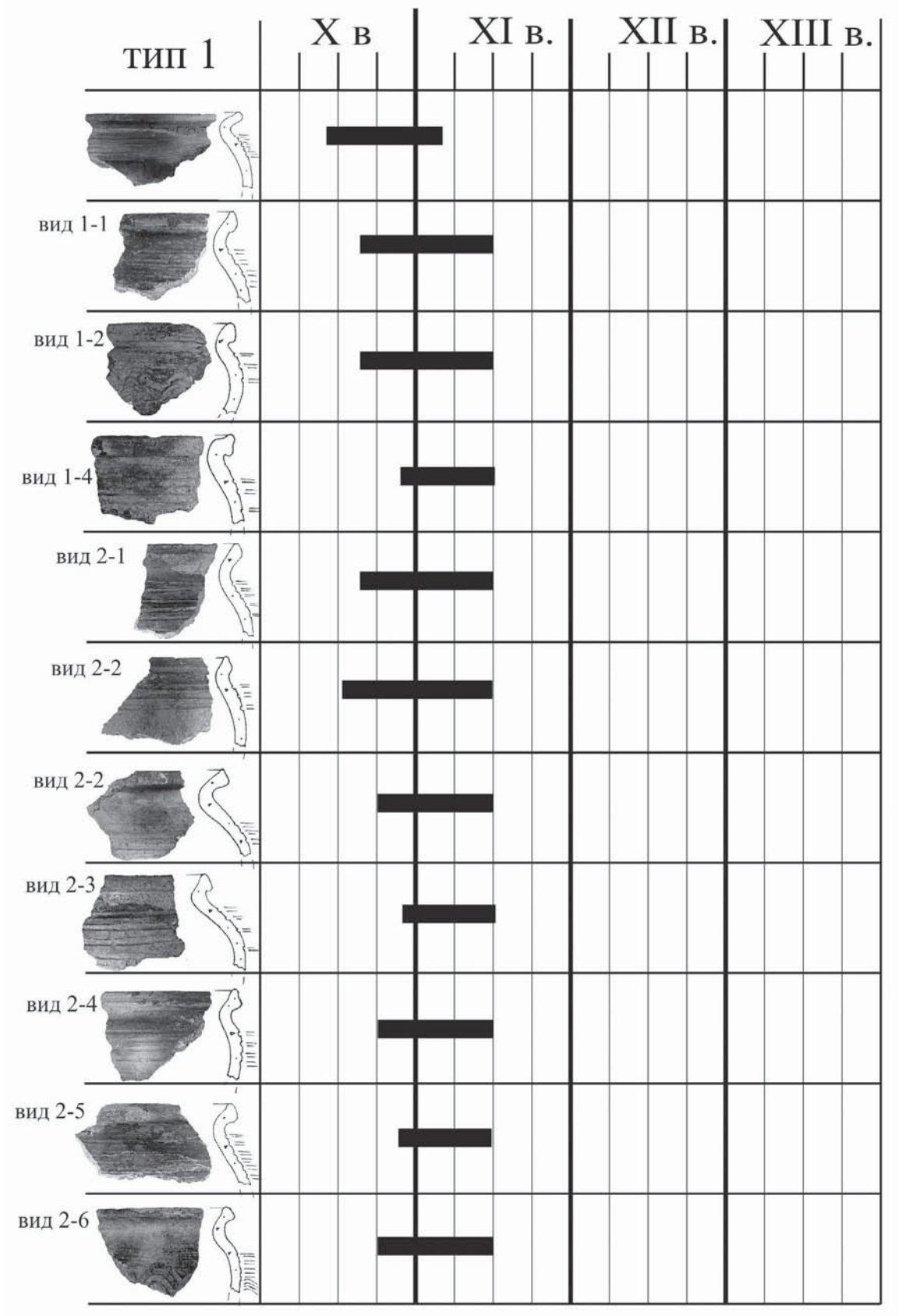


Рис. 28. Хронология разновидностей венчиков керамических горшков 1 типа Десятинного-1 раскопа.

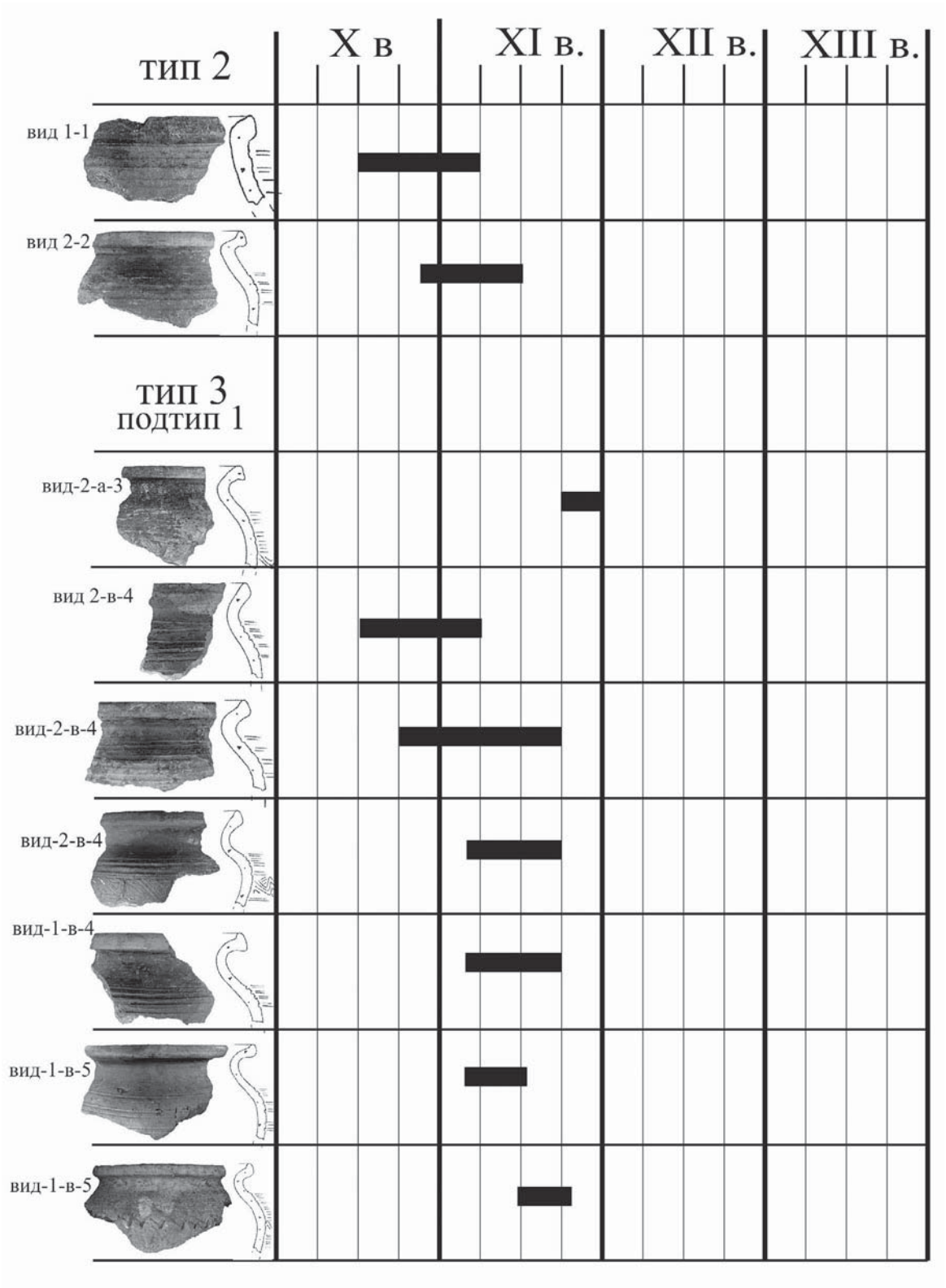


Рис. 29. Хронология разновидностей венчиков керамических горшков типа 2 и типа 3 (подтип 1) Десятинного-1 раскопа.

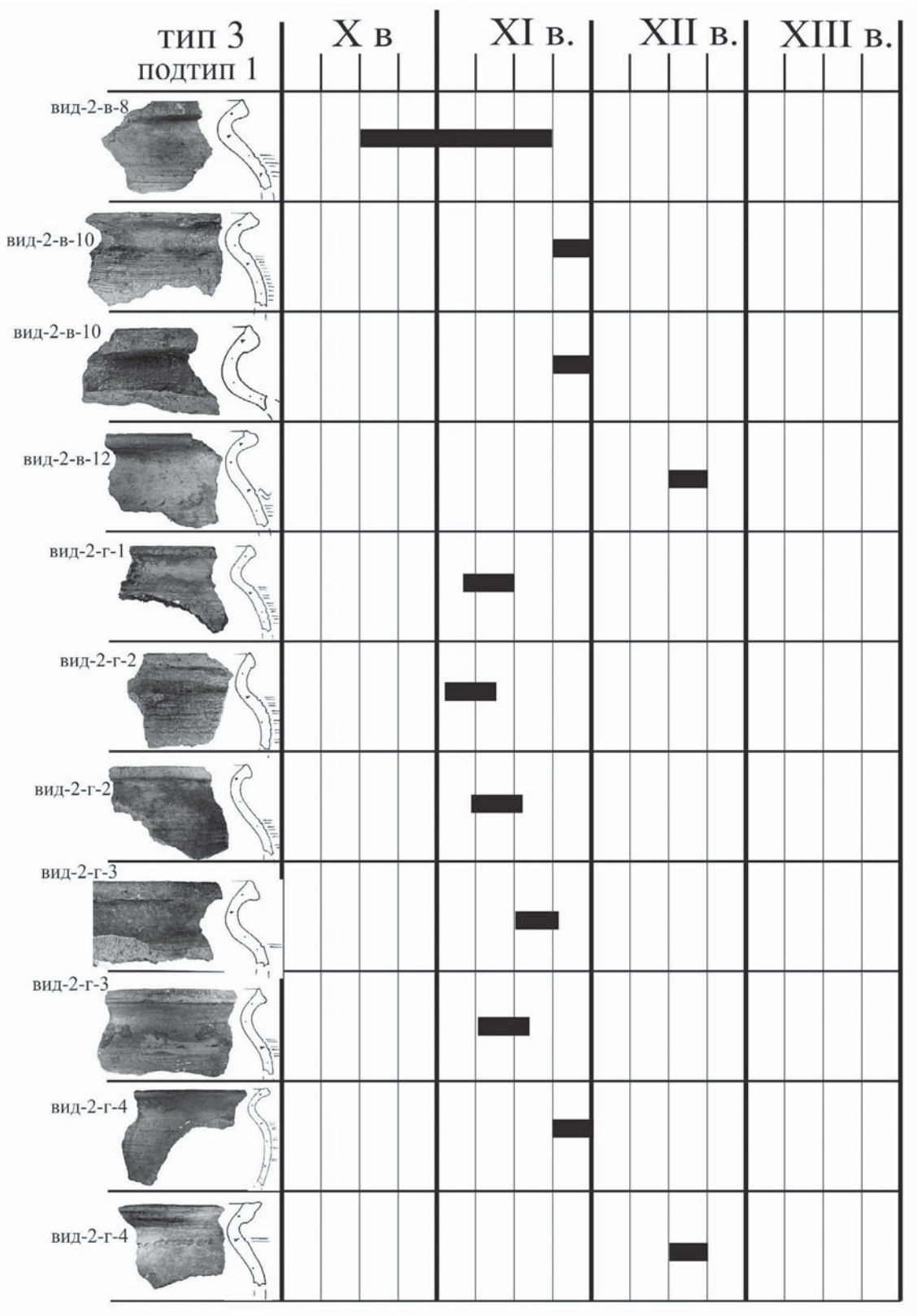


Рис. 30. Хронология разновидностей венчиков керамических горшков типа 3 (подтип 1) Десятинного-1 раскопа.

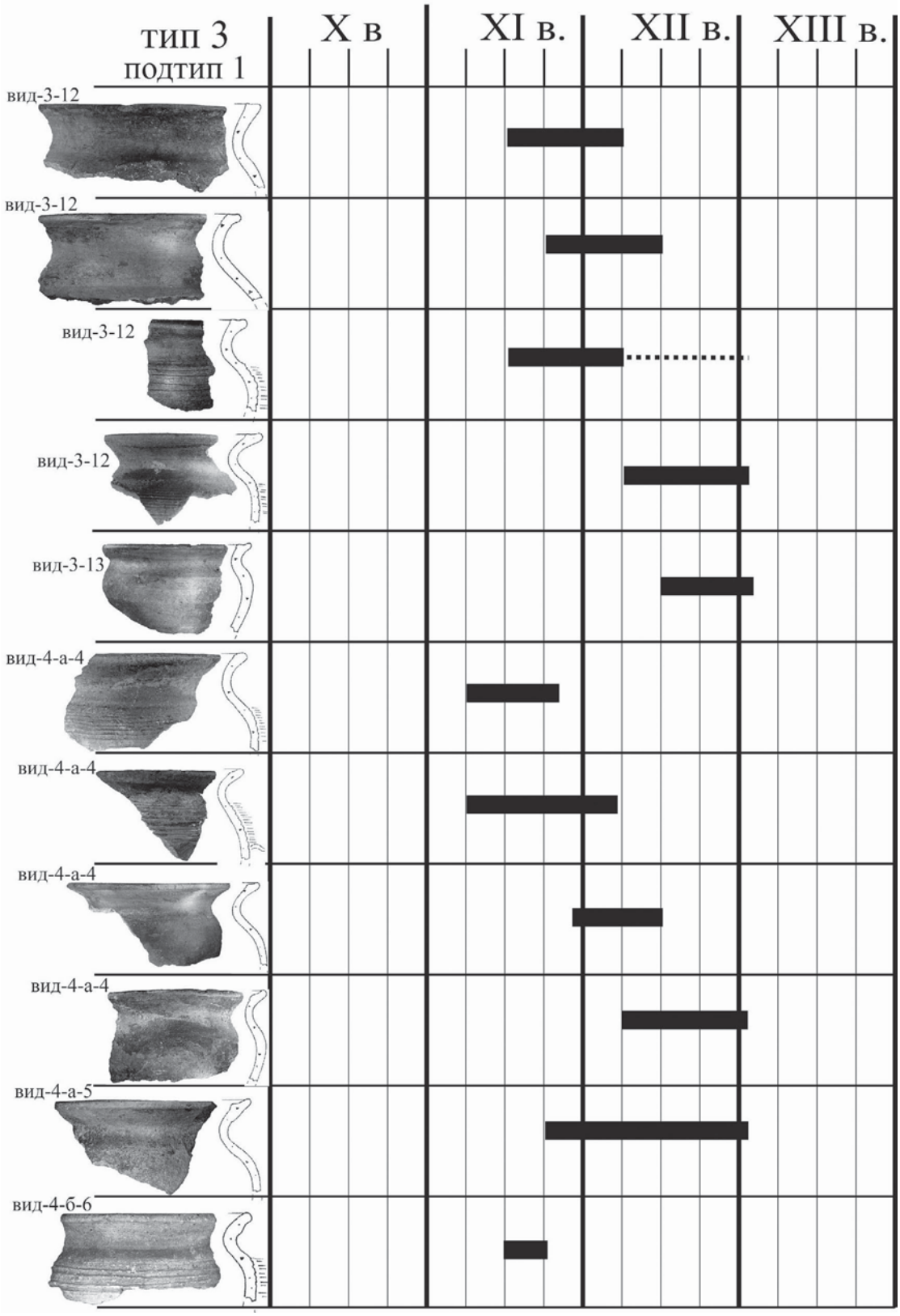


Рис. 31. Хронология разновидностей венчиков керамических горшков типа 3 (подтип 1) Десятинного-1 раскопа.

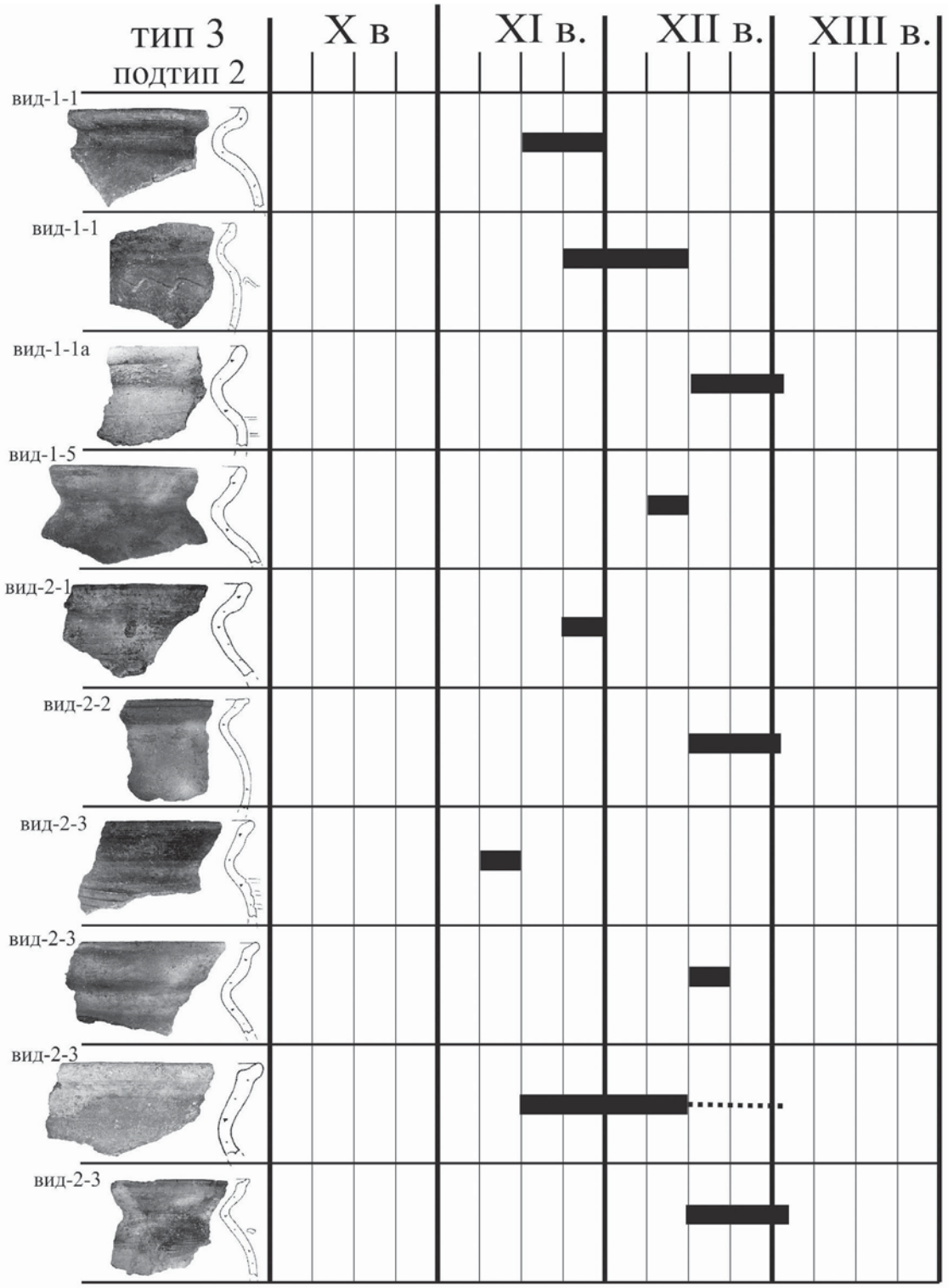


Рис. 32. Хронология разновидностей венчиков керамических горшков типа 3 (подтип 2) Десятинного-1 раскопа.

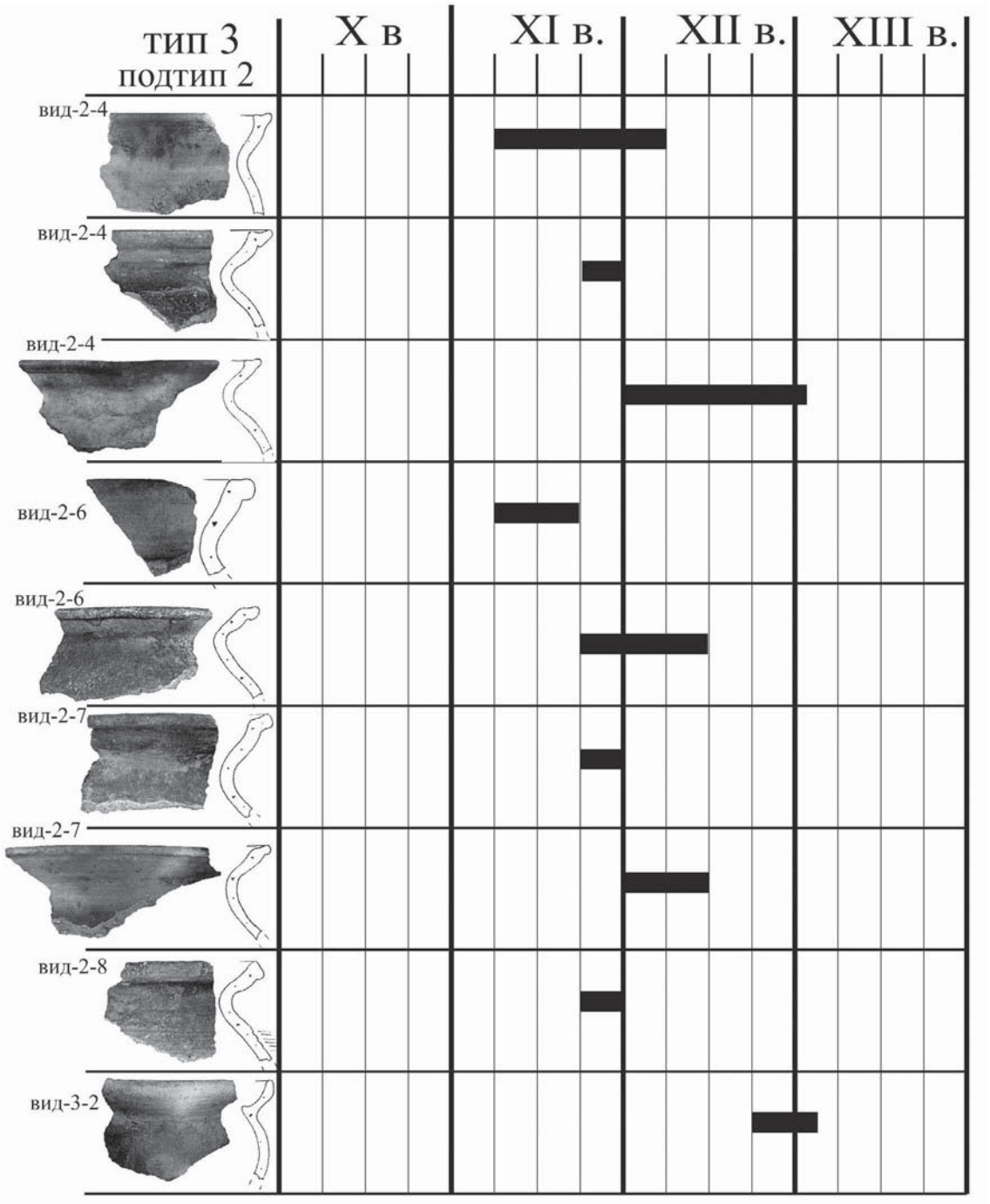


Рис. 33. Хронология разновидностей венчиков керамических горшков типа 3 (подтип 2) Десятинного-1 раскопа.

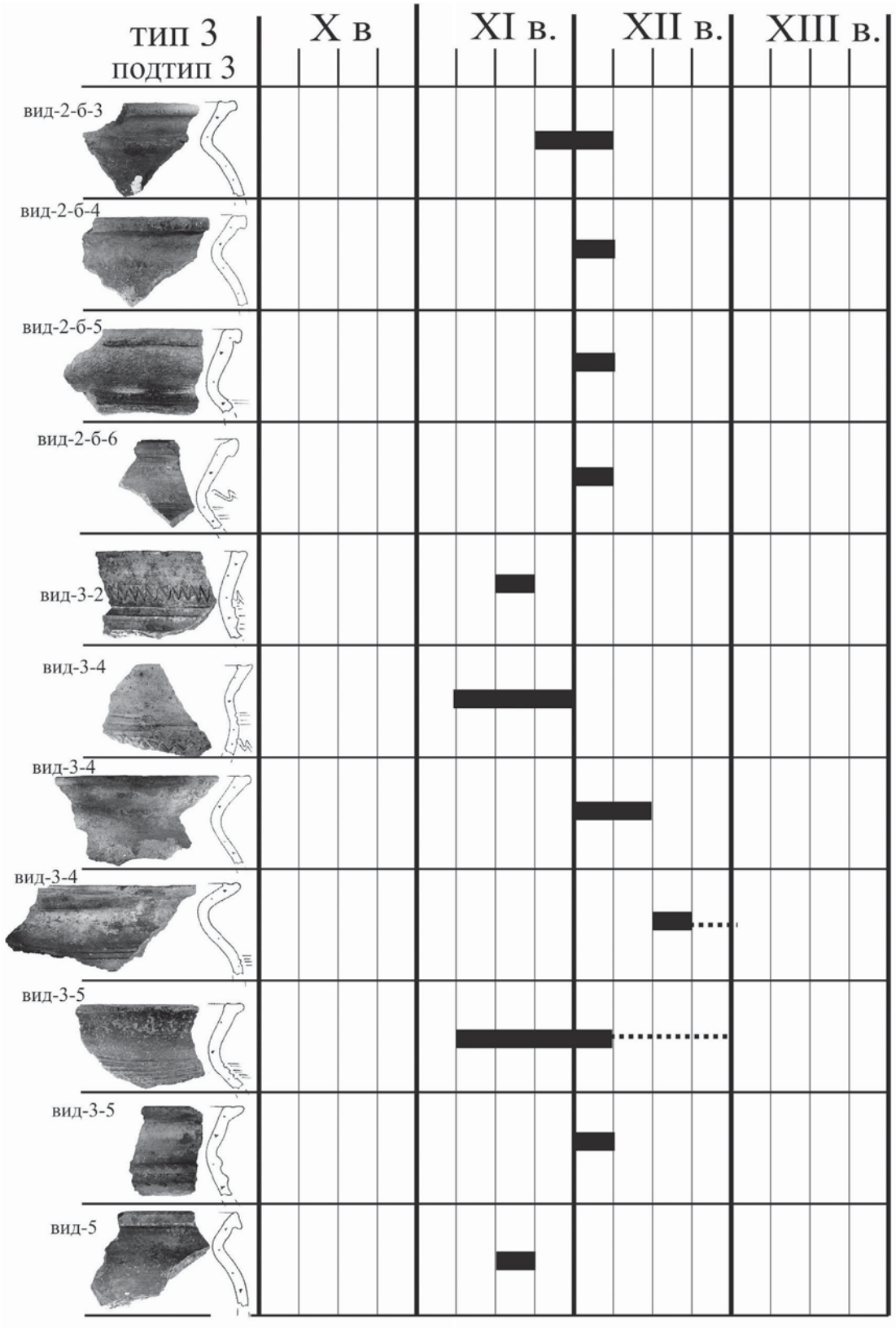


Рис. 34. Хронология разновидностей венчиков керамических горшков типа 3 (подтип 3) Десятинного-1 раскопа.

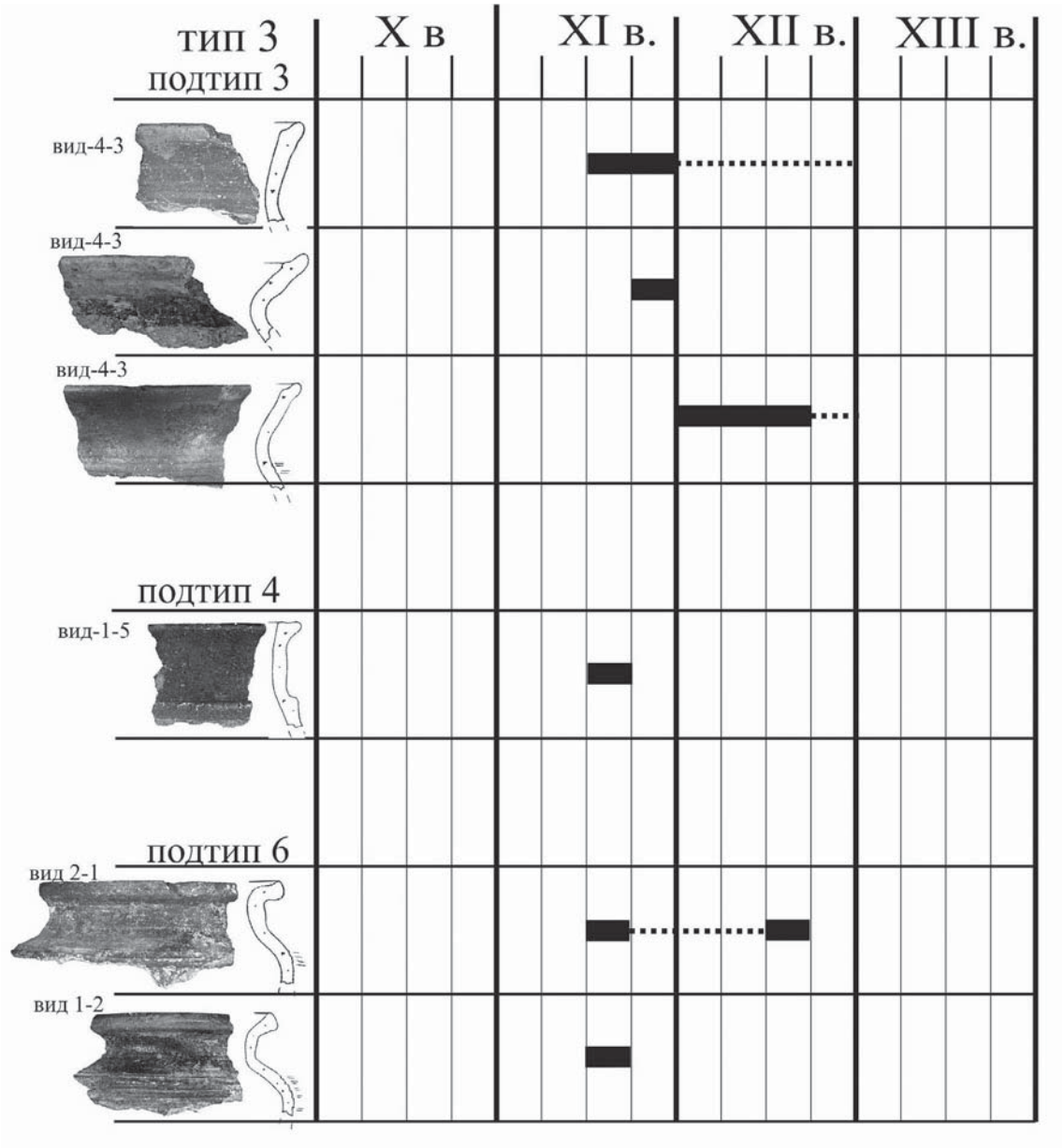


Рис. 35. Хронология разновидностей венчиков керамических горшков типа 3 (подтип: 3, 4, 6) Десятинного-1 раскопа.

Для уточнения и пополнения сведений о хронологии различных видов венчиков керамики в дальнейшем будет использован материал, полученный на других раскопах Великого Новгорода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Смирнова Г.Л.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода: по материалам раскопок 1951–1954 годов // Материалы и исследования по археологии СССР. № 55. Т. 1. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. – С. 228-248.
2. *Олейников О.М.* Классификация средневековой гончарной керамики Тверского Поволжья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь: Тверской государственный университет, 1991. – С. 103-116.

3. *Лапшин В.А.* Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН, 1992. – С. 90-102.
4. *Олейников О.М., Смирнова Г.Л.* Хронология некоторых групп новгородской керамики X–XIII вв. н.э. // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН, 1992. – С. 73-89.
5. *Кадиева Е.К.* Круговая посуда Ростова конца X–XIII веков: классификация, орнаментация, хронология // Сообщения Ростовского музея. Вып. VIII. Ярославль: ФГИ «Содействие», 1995. – С. 173-202.
6. *Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М.* Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции). Вып. 15. Великий Новгород: ООО «Типография «Новгород», 2001. – С. 82-97.
7. *Олейников О.М.* Круговая керамика Тверского Поволжья конца X – начала XIII вв.: классификация, орнаментация, хронология // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: Старый город, 2002. – С. 35-69.
8. *Болдин И.В.* Круговая керамика бассейна верхней Оки во II тыс. н.э. (проблемы периодизации и хронологии). Калуга: ООО «Ваш полиграфический партнер», 2012. – 172 с.
9. *Олейников О.М.* К вопросу о месте производства круговой керамики Тверского Поволжья // КСИА. Вып. 212/ гл.ред. В.В. Седов. М.: ОАО «Типография № 9», 2001. – С. 50-58.
10. *Олейников О.М.* Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2008 г. (раскопы Десятинный I, III, IV раскопы) // Новгород и новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции, посвященной 80-летию академика РАН В.Л. Янина). Вып. 23. Великий Новгород: ООО «Типография «Виконт», 2009. – С. 36-46.
11. Отчет о проведении археологических исследований на объекте строительства жилого дома по адресу: г. Новгород, ул. Добрыня 9/27 в квартале 128 в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 37661-37690.
12. *Горюнова В.М.* Раннегончарная керамика Новгорода (по материалам Троицкого X раскопа) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Тезисы научной конференции. Вып. 11. Новгород: АО «Типография «Новгород», 1997. – С. 115-138.

ИА РАН,
г. Москва

O.M. Oleynikov
Circular Ceramics of the X – the Beginning of the XIII Centuries from Desyatinny 1 Excavation in Novgorod (Typology and Chronology)

The article represents classification of ceramic dishware of the X – the beginning of the XIII centuries. These pottery fragments were found during excavation at Desyatinny 1 in Novgorod in 2008 by contract-based squad of Novgorodian archaeological expedition under Institute of Archaeology RAS. Represented material makes it possible to outline a number of collar shaping features which can serve as chronological indicators for ceramic circular vessels of the second half of the X – the beginning of the XIII centuries.

Keywords: *Veliky Novgorod, circular ceramics classification, collar shape, chronology, closed complex*.

УДК 903.25(470.317) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.38-54

В.Н. КУЗНЕЦОВА

УКРАШЕНИЯ И ДЕТАЛИ КОСТЮМА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ОБЛИКА ИЗ КОСТРОМСКИХ КУРГАНОВ[1]

Наряду с украшениями, широко распространенными на севернорусских землях в эпоху средневековья, в костромских курганах XII–XIII вв. присутствуют изделия, имеющие ярко выраженный северо-западный облик. Некоторые разновидности зооморфных подвесок, скорлупообразные и подковообразные спиралеконечные фибулы, двухспиральные цепедержатели, костыльки и ряд других находок ассоциируются с прибалтийско-финской традицией. Импортные изделия или выполненные по образцу импортных украшений часто встречаются в одних комплексах с характерными для Верхнего Поволжья коническими, треугольными, пластинчатыми непрорезными орнитоморфными подвесками, полыми полиморфными подвесками. Ряд изделий (игольники с арочной ажурной спинкой, дисковидные цепедержатели и пр.) являются синкретичными, в них сочетаются изобразительные приемы северо-запада и северо-востока.

Ключевые слова: *украшения, подвески, Верхнее Поволжье, Костромские курганы, средневековье, Северо-Запад Руси, контакты*.

Изучение курганов Костромского Поволжья XII–XIII вв. имеет значительную историографию. О многокомпонентности погребального инвентаря писали различные исследователи. Хрестоматийной стала цитата из работы А.А. Спицына «Приводит в недоумение очень случайный и пестрый набор вещей костромской полумерянской культуры. Тут как-то не видно любимых форм; здесь можно надеяться встретить все и нет ничего устойчивого» [37, с.15–16].

Наличие импортов отмечал – хотя несколько наивно и несколько ошибочно – Н.М. Бекаревич: «Все бронзовые и серебряные изделия, найденные в курганах, можно подразделить на две категории: грубой работы и довольно изящной, тонкой. Первые, по всей вероятности, изготавливались самими Мерянами, стоявшими на значительно низшей степени культуры, нежели их западные, южные и восточные соседи» [9, л.47]. Схожая мысль представлена и в труде Д.Н. Анучина: «…рядом с <…> более простыми изделиями в курганах встречаются многие предметы более совершенной работы и, судя по их типам и форме, несомненно привозные. К числу таких относятся, кроме серебряных монет (диргемов) и разнообразных бус <…> серебряные лунницы с зернью, золотой галун, многочисленные медные крестики и образки, своеобразные сережки с крестиками, тремя серебряными шариками и др., некоторые более изящные пряжки, серебряные перстни с узорчатою печатью, стеклянные браслеты и более изящные бронзовые <…> *сложные ажурныя и другие привески, игольники, бронзовые ножны, литые изображения мифических животных* (курсив – *В.К.*) и т.д. Все подобные вещи указывают на довольно развитыя торговыя сношения…» [1, с.244]. Многие из изделий, интуитивно отнесенные к импортам еще в конце XIX в., были признаны таковыми и исследователями XX в.

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40111. Название проекта: «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения» (руководитель Е.Н. Носов).

П.Н. Третьяков рассуждал о сравнительной стоимости тех или иных вещей: «…как установить, что дороже, та или иная подвеска или пряжка и т. д.? Это обстоятельство, помимо того, приценивавшихся несомненно, дороже продуктов местной фабрикации» [40, с.19].

В контексте данной статьи акцент будет сделан на вещах, имеющих ярко выраженный северо-западный облик, зачастую ассоциируемых с прибалтийско-финской традицией. Присутствие в костромских курганах северо-западных изделий отмечали многие исследователи, обращавшиеся к материалам костромских курганов. Е.И. Горюнова писала: «Особенностью, отличающей ивановские и костромские могильники от могильников соседних областей, является, во-первых, большое количество вещей, *характерных для северо-западных областей* (курсив – *В.К.*), во-вторых, обилие мерянских украшений в женских могилах» [7, с.231]. На изделиях, имеющих ярко выраженный северо-западный или «прибалтийско-финский» облик, останавливался Е.А. Рябинин: «Многие прибалтийско-финские формы обнаруживают прямые аналогии в древностях Ладожско-Онежского межозерья. Это вертикальные и горизонтальные игольники, дисковидные разделители цепей, литые копоушки, определенные разновидности зооморфных подвесок. Вместе с тем представлены украшения, распространенные в памятниках корельско-ижорских племен и почти не проникающие за пределы их расселения» [33, с.188].

Исследователи обращали внимание на разные категории «северо-западных» находок. К числу древнерусских изделий, которые в равной степени привлекали к себе внимание ученых, относятся щитковые височные кольца, круглые решетчатые подвески. Е.А. Рябинин писал: «Щитковоконечные кольца по праву называют украшениями «новгородского» типа <...> Наибольшая концентрация височных украшений «новгородского» типа выявляется в своеобразном по характеру материальной культуры могильнике у д. Пьянково» [32, с.57]. Помимо обозначенных изделий, Е.И. Горюнова указывала на игольники с ажурными орнаментированными спинками и кресты «скандинавского типа» [7, с.231]. В связи с находками северо-западного круга рассматривались два ярких комплекса — со скорлупообразными фибулами у д. Пепелино и у д. Пьянково [40, с.20; 32, с.69].

Несмотря на значительную историографию, некоторые изделия не были охарактеризованы подробно. В то же время «северо-западное» происхождение некоторых изделий следует пересмотреть. Обращение к подобным древностям из костромских курганов представляет собой интерес и в связи с возросшим количеством аналогичных находок из других памятников Верхнего Поволжья, а также соседних регионов[2].

К украшениям северо-западного облика относятся редкие находки металлических бус [32, с.63][3]. Бусы с рельефным кружковым орнаментом (рис.1: 1-4) рассматривались Е.А. Рябининым как «локальные новгородские древности»: «в двух из четырех случаев они были встречены со щитковыми кольцами «новгородского» типа» [32, с.63]. Аналогичная форма бус из Новгорода датируется рубежом XII–XIII вв. [34, с.155]. В то же время в кургане 5 у д. Белогуровской данные бусы встречены с прово-

[2] Тщательно изученные предшественниками изделия (например, скорлупообразные фибулы) в данной работе детально рассматриваться не будут, также как и древнерусские изделия, зачастую встречающиеся на Северо-Западе, но имеющие широкое распространение на древнерусском севере в целом (ромбощитковые височные кольца, решетчатые подвески, пластинчатые браслеты и пр.).

[3] Ногинская волость: ГЭ 624/3–7; Белогуровская, курган 5: ГЭ 624/701–703; Пустошь Босиха, курган 3: ГЭ 1043/320–322; Марьинская, группа II, курган 5: КМЗ КОК 15457/7, 20–32. Номера в Госкаталоге: 12024900, 12024901, 12024893, 12024930, 12024916, 12024921, 12024930, 12024903, 12024926, 12024905, 12024928, 12024897, 12024888, 12024935.

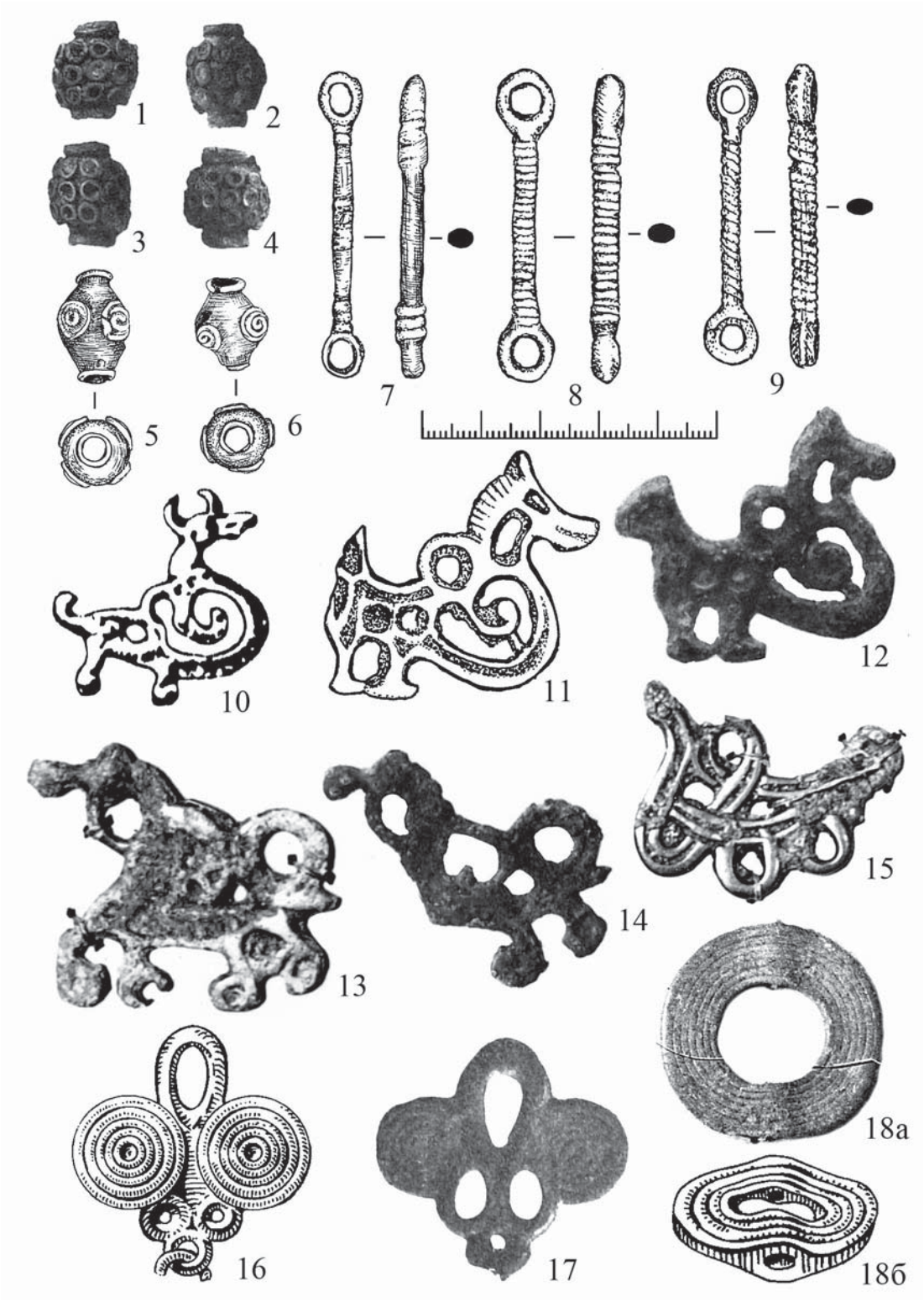


Рис. 1. Находки из костромских курганов: 1-4 – Костромские курганы (1-4 – по: [25, табл. 5: 3]; 18а – по: [9, л.60-2]; 18б – по: [33, рис. 50: 10]); 5-6 – Ногинская волость; 7-9 – Конищева, курган VI (ГЭ 624/805–807); 10 – Подольское, группа I, курган 1 – по: [33, рис. 51: 15]; 11 – Пьянково, курган 1 (КМЗ КОК 15452/7); 12 – Белогуровская, курган 2 – по: [25, табл. 4: 13]; 13 – Елкотово, группа III, курган 6 – по: [10, л.29]; 14 – Шеляиха (Северцы), курган 1 – по: [25, табл. 4: 7]; 15 – Елкотово, группа I, курган 6 – по: [10, л.31]; 16 – Пьянково, курган 3 [32, табл. III: 11]; 17 – Зиновьина, курган 5 – по: [25, табл. 2: 8].

лочными височными кольцами[4], здесь же находились характерные верхневолжские подвески: треугольная и пластинчатая орнитоморфная с рельефным орнаментом[5] [25, с.189]. Кувшинообразные бусы с рельефным орнаментом (рис.1: 5-6) в виде волют из кургана на земле Щулепникова (бывш. Ногинская волость) [25, с.161][6] и кургане 5 группы II у д. Марьинское [4, с.358]. Аналогичные изделия встречены в кладе начала XIII в. из Лохавере [45, ill.58: 3-4][7].

В кургане VI (особняке) у д. Конищевой на левом берегу р. Черной были найдены три литых костылька, входившие в шейное украшение – «ожерелье» в описание Нефедова[8] [25, с.193] (рис.1: 7-9). Д.Н. Анучин отмечал, что в Костромских курганах «Место бус занимают иногда костыльки (как и в петербургских курганах)» [1, с.247]. Действительно, разнообразные костыльки (как литые, так и витые) для подвешивания – характерная деталь прибалтийско-финского убора. Изделия известны на Северо-Западе Руси – в могильниках Ижорского плато [39, табл.VI: 5, 24, VII: 21, 22], карельском городище Паасо [15, табл.55: 17-19], а также в памятниках Латвии и Финляндии [24, табл. XXXI: 15; 44, №№ 1036, 1040; 47, att. 166]. В могильнике Саласпилс Лаукскола костыльки были встречены в погребениях второй хронологической группы, второй половины XI – первой половины XII вв. [50, att. 149, 152, 153]. Они являлись «шейными цепочками» или служили для подвешивания разнообразных изделий, в том числе зооморфных подвесок. Такая форма украшений эпизодически встречается и в других областях Северной Руси. Например, в погребении 60 могильника Нефедьево второй половины XI – первой четверти XII вв. была найдена подвеска «смоленского» типа на цепи из костылькoв, витых, а не литых как в Костромском Поволжье [22, с.126; табл. 145: 3].

Зооморфные подвески, происходящие из Костромских курганов, рассматривались автором в нескольких работах [17; 19]. Стоит отметить, что развитие орнитоморфной металлопластики XI–XIII вв. происходило на основе украшений конца X–XI вв., преимущественно встречающихся в Приладожье. Аналогии даже редким разновидностям украшений из Костромских курганов встречаются на Северо-Западе Руси. Так, подвеска типа AI-2б.2 [17, с.14], в которой сочетаются клюв водоплавающей птицы и петушиный гребень, ранее была известна в единственном экземпляре в кургане V у д. Низовской [25, табл.4: 8]. Фрагмент аналогичного изделия происходит из коллекции археологических находок с Десятинного-I раскопа 2008 г.[9]

В контексте данной статьи нельзя обойти вниманием пластинчатые зооморфные украшения с завитком на груди. Они являются характерными изделиями для Северо-Запада Новгородской земли, а некоторые разновидности были распространены как на территории Руси, так и прибалтийских земель. Верхнее Поволжье на сегодняшний день является восточной границей распространения подвесок типа AIII-2а.1 [18, с.14]. Подвеска данного типа была обнаружена в могильнике у д. Подольское (группа I, курган 1) (рис.1: 10). Здесь же находилось ожерелье из десяти

---

[4] ГЭ 624/701–703.
[5] ГЭ 624/705, 707.
[6] ГЭ 624/3–7.
[7] Впрочем, в исследовании клада делается предположение о том, что металлические бусы – редкие для Эстонии археологические находки – могли быть трофеем, принесенным с территории Ингерманландии [44, l. 105].
[8] ГЭ 624/805–807.
[9] НГМ КП 47095/212 А-226/212; Номер по ГК 6631728 [Электронный ресурс]. URL: https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/371714?query=привеска зооморфная&fund=11&index=2 (дата обращения 23.12.2018).

круглых ажурных подвесок, из них 8 косорешетчатые, широко распространенные на севернорусских землях, а также треугольная и конусовидная подвески, характерные для Верхневолжья [4, с.414]. Подвеска того же типа AIII-2a.1 была найдена в кургане 7 могильника Семухино в Ивановской области, в котором находились серебряные четырехлопастные височные кольца, пластинчатый браслет, ложновитой перстень. Характерными поволжскими изделиями являются встреченные в этом погребении пронизка с тремя привесками-лапками и треугольная подвеска с пятью аналогичными привесками [13, с.222].

Полиморфные подвески с завитком на груди (с конской головой и орнитоморфным корпусом) рассматривались – как Е.А. Рябининым, так и автором данной статьи – в качестве специфичных для Верхнего Поволжья [17; 31, с.17] (рис.1: 11-12). В регионе по-прежнему представлена наибольшая концентрация подвесок данного типа, однако аналогичное изделие происходит из Никитинского раскопа Великого Новгорода [12, рис.60: 23].

Несомненно западный облик имеют так называемые коньки «с уздечкой» – тип XIII, вариант 1, по Е.А. Рябинину [31, кат.266-267], из курганов у дд. Елкотово (группа III, курган 6) и Шеляиха (пустошь Северцы)[10] и фрагмент «птички», корпус которой составлен плетенкой [19, рис.1: 15, с.55] (рис.1: 13-15).

В Костромских курганах – в кургане 3 у д. Пьянково[11] и кургане 5 у д. Зиновьина[12] – представлены единичные экземпляры двухспиральных цепедержателей (рис.1: 16-17; 4) – характерные изделия для прибалтийско-финского убора [33, рис.21: 3–4; 41, табл. XV: 12, 13, 15]. Комплекс в кургане 3 был обозначен А.М. Тальгреном как «карельское погребение» [49, p.14–15, fig. 12] (рис.4). Примечательно, что помимо характерных северо-западных элементов: скорлупообразной фибулы, двухспирального цепедержателя, в погребении находилась цепь из щитковых звеньев. Последние хоть и известны на Северо-Западе Руси, но наиболее характерны для Северо-Востока Руси и Прикамья [например: 22, табл. 139: 16; табл. 149:7; 25, табл. 2: 2–4, 10–11; 33, рис. 36: 13–14, 16–17, 38, табл. VII: 14; X: 1–3, 6–7, XII: 5–6, XIII: 1–3, 9][13].

С прибалтийско-финскими древностями Е.А. Рябинин и Л.А. Голубева связывали дисковидные цепедержатели [33, с.131; 5, рис.4: 6, с.37–38] (рис.1: 18). Однако изделия немногочисленны, едва ли можно рассматривать какой-либо регион как место их концентрации (если, конечно, не говорить о Северо-Востоке Руси в целом). Анализируя облик изделий, нельзя не отметить, что боковые стороны украшений составлены из прилегающих друг к другу жгутов. Подобное формообразование характерно для треугольных, умбоновидных подвесок и других украшений, ассоциируемых с традициями Волго-Камья.

---

[10] В каталоге Е.А. Рябинина допущена опечатка; находка из пустоши Северцы, находящаяся в собрании Государственного Эрмитажа, обозначена под номером 624/861. Согласно эрмитажной инвентарной книге, за этим номером значится «кольцо височное круглопроволочное». Очевидно, данный номер был ошибочно указан вместо 1043/485, которому действительно соответствует обломок зооморфной подвески.

[11] КМЗ КОК 15452/19.

[12] ГЭ 624/858.

[13] Несколько отвлекаясь от рассмотрения материалов именно Костромских курганов, но оставаясь в рамках Верхнего Поволжья, отмечу, что иная разновидность западных цепедержателей – фрагмент трапециевидного изделия с растительным орнаментом – найдена на поселении Усть-Шексна (РБМ-17604. А-106 [Электронный ресурс]. URL: http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/19499?query=подвеска&index=91 (дата обращения 19.12.2018). Аналоги изделию происходят из памятников Латвии, усть-шекснинская находка ближе всего вариантам 4c и 4d второй половины XIII–XIV вв., по классификации Р. Спиргиса [48, att. 77; 5–7, l. 139, 142].

В Костромских курганах встречены круглые подвески из тонкого листового металла, украшенные тисненым и чеканным орнаментом. Подобные украшения также получили наименование монетовидные или щитообразные подвески. Изделия встречаются на территории Севера Руси, Прибалтики и Фенноскандии [27; 35; 44, №№ 747–749]. Н.В. Хвощинская отмечала, что «бляхи как с тисненым, так и с гравированным орнаментом, достаточно частая находка в могильниках ливов, карел и финнов» [42, с.76]. Классической является версия о происхождении этих изделий от скандинавских щитовидных подвесок и соответственно ассоциация с символикой щита. Р. Спиргис рассматривает латвийские находки в контексте христианской традиции: «...ливские круглые подвески <...> являются хорошим примером того, как в ходе христианизации традиционные формы постепенно наполнялись новым значением» [35, с.338]. Д.Н. Анучин, описывая круглые подвески из Костромских курганов, отмечал, что имеющие орнамент «из разводов в виде четырех букв С» схожи с находками «в Лифляндии и с о-ва Мопа» [1, с.251] (рис.2: 3-4). Подобное изделие происходит из погребения 161 могильника Саласпилс Лаукскола [48, с.407]. Другая разновидность подвесок – «с неясным выпуклым узором в виде креста» [1, с.251] найдена в кургане 6 в Пустоши Могильцы[14] [25, с.204] и кургане 8 у д. Погост [8, л.62] (рис.2: 1-2). Схожие изделия происходят из могильника Шангеничи-село [16, с.65, с.69, рис.29: 10] в Приладожье, могильника Осьмино в бассейне Луги [39, табл. XII, 26], слоя Новгорода 50–70-х гг. XII в. [34, с.41]. Серебряная подвеска со схожим крестовидным орнаментом (несколько отличающимся по пропорциям) происходит из острова Моона [28, с.67, рис. 165], из кладов Савастверe и Кумна [43, fig. 2:1, 3].

В связи с круглыми подвесками из листового металла интересно отметить еще одно изделие – «фибулу» из могильника у д. Елкотово (группа I, курган 12) [4, с.324; 9, л.31] (рис.2: 5). Е.А. Рябинин охарактеризовал это изделие следующим образом: «Индивидуальная по исполнению нагрудная застежка обнаружена в бассейне Покши. Это крупная выпуклая бляха с рельефным «солярным» орнаментом, иглой и замком на внутренней стороне» [32, с.69]. По центру и рядом с краем имеются отверстия с рваными краями, последнее, вероятно, является результатом неудачной установки иглы. В то же время на «бляхе» есть аккуратное круглое отверстие, не связанное с крепежным механизмом, но скорее всего служившее для подвешивания украшения. Очевидно, так называемая фибула была изготовлена из круглой подвески. Об этом также свидетельствует характер металла (тонкая листовая пластина), тисненый и чеканный орнамент. Кроме того, аналогичные изделия, функционировавшие именно как подвески (имеющие петлю для подвешивания) были найдены в могильнике Жуково в бывш. Владимирской губернии [11, л.41] и Минино II в Вологодской области (погребение 21). Последний комплекс был отнесен Н.А. Макаровым и И.Е. Зайцевой к XI в. Примечательно, что здесь была обнаружена подковообразная фибула со спиралевидными концами — изделие, также ассоциируемое с северо-западными древностями [3, с.182, рис.169, с.270-271, рис.240: 1, 3]. Подвеска со схожим декором была встречена в эстонском памятнике Каберла [41, табл. II: 19]. Из кургана 5 могильника Круглицы XII в. в Приладожье происходит «круглая застежка в виде выпуклого овала из бронзы орнаментирована двойным рядом пробитых отверстий, образующих четыре подковообразные фигуры» [16, с.148, рис.68: 5, с.149]. Изделие отличается по орнаменту, но очевидно типологически схоже с находкой из Костромского Поволжья. Примечательно, что вместе с «фибулой» в кургане 12 группы I у д. Елкотово были найдены конические подвески, характерные для Верхнего Поволжья (рис.5: 1).

[14] ГЭ 624/1100.

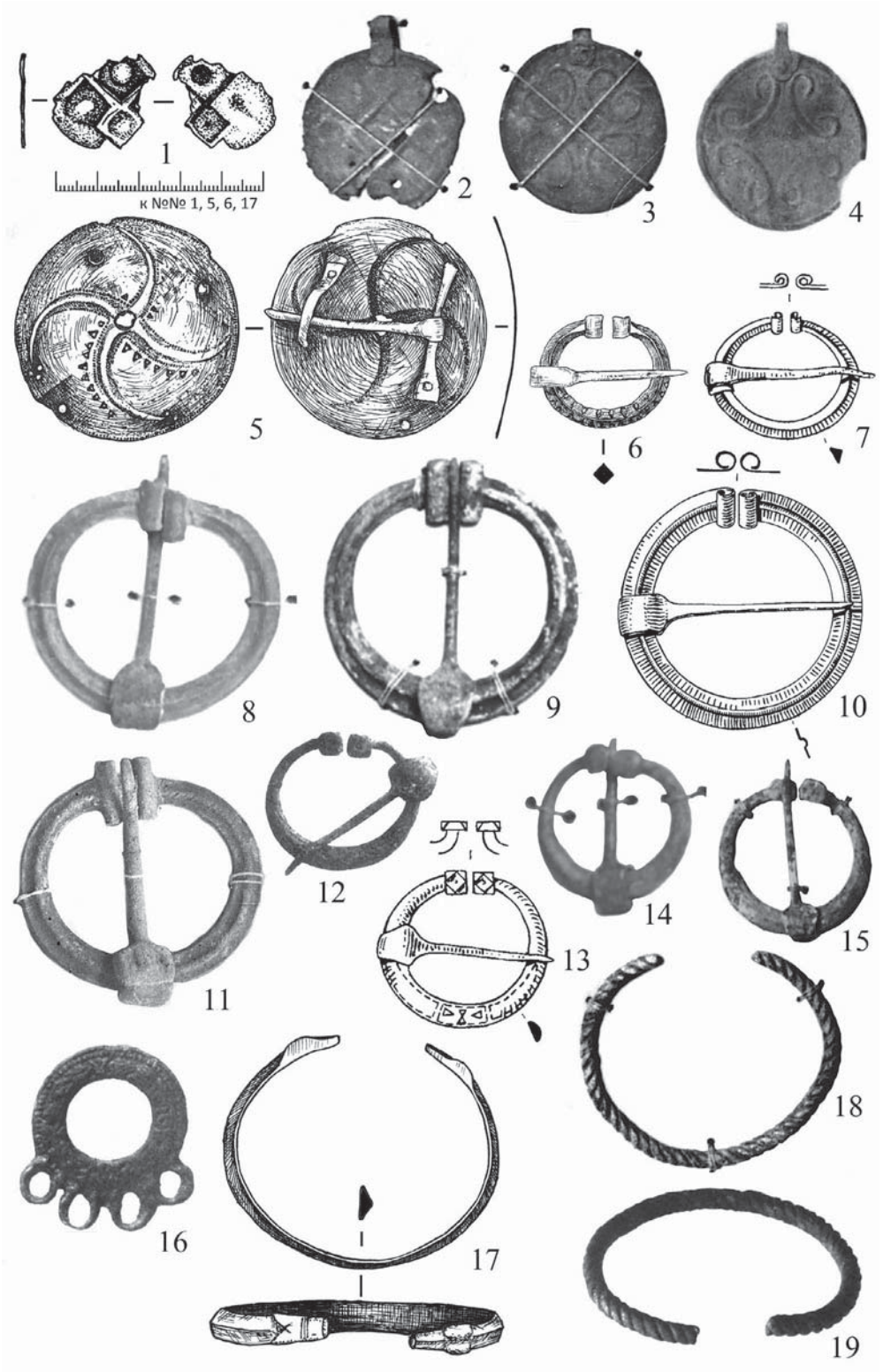


Рис. 2. Находки из костромских курганов: 1 – Пустошь Могильцы, курган 6 (ГЭ 624/1100); 2 – Погост, курган 8; 3 – Погост, курган 6 – по: [8, л.62]; 4 – Костромские курганы – по: [25, табл. 6: 27]; 7, 10, 12, 13 – Костромские курганы (7, 10, 13 – по: [32, табл. III: 12, 14, 18]; 12 – по: [25, табл. 5: 7]); 8 – Мыльниково, группа I, курган 5 – по: [8, л.63]; 9 – Татариново, группа I, курган 14 – по: [10, л.35]; 11 – Боровиково – по: [9, л.59]; 14 – Кузьмино, курган 5 – по: [8, л.62]; 15 – Елкотово, группа I, курган 19 – по: [10, л.31]; 16 – Низовская, курган 6 – по: [25, табл. 2: 5]; 17 – Сторожева, курган 6 (ГЭ 624/475); 18 – Елкотово, группа III, курган 4 – по: [10, л.29]; 19 – Есиплево курган 4 – по: [25, табл. 1: 14].

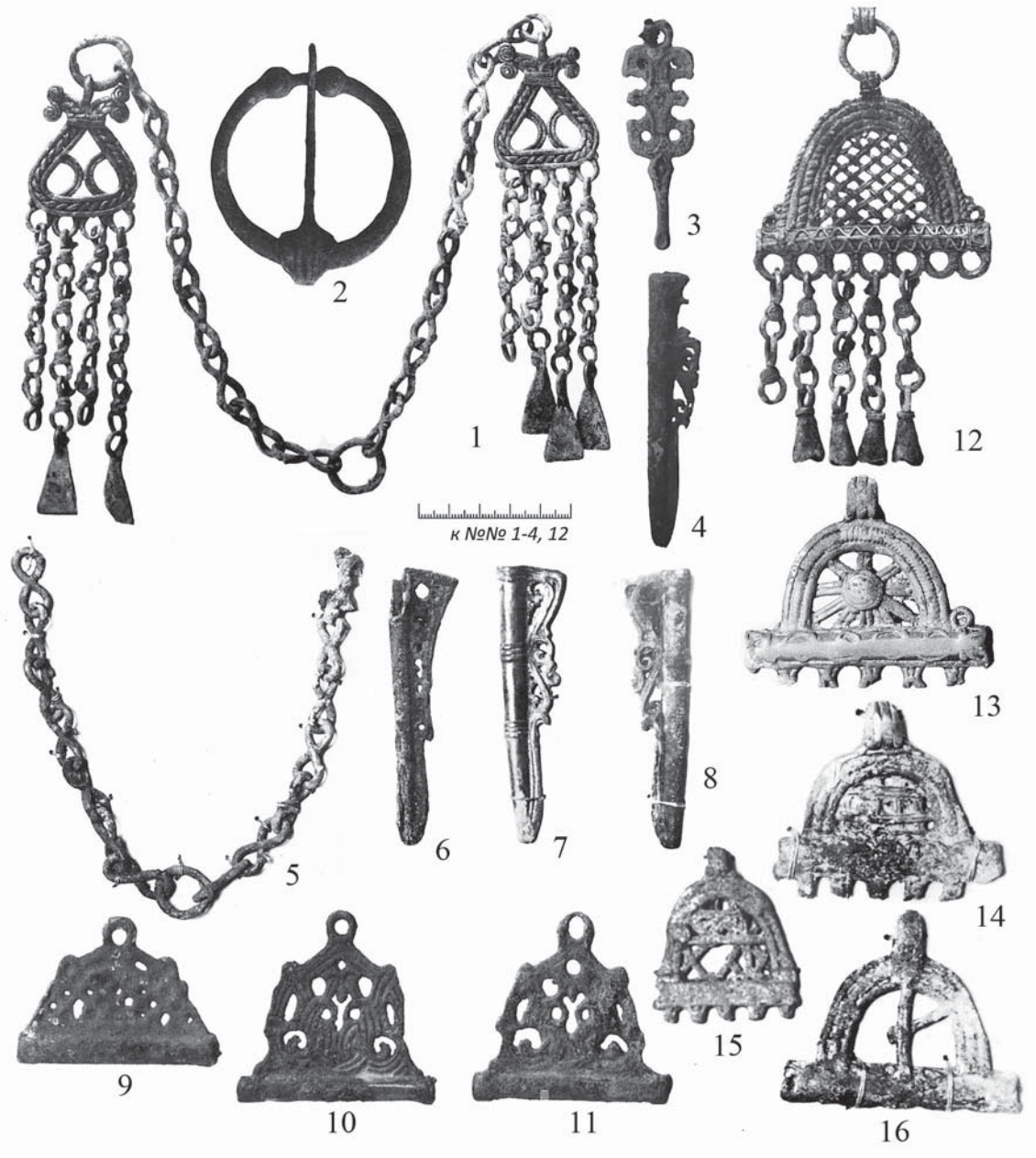


Рис. 3. Находки из костромских курганов: 1-4 – Кочергина, курган X – по: [25, табл. 4: 2, 12, 14; табл. 5: 6]; 5 – Татаринова – по: [10, л.35]; Обабкова, группа II, курган 4 – по: [25, табл. 2: 13]; 7– Елкотово, группа II, курган 12; 8 – Елкотово, группа II, курган 4 – по: [10, л.29]; 9–11 – Костромские курганы – по: [25, табл. 4: 21–23]; 12 – Пустошь Мстищево, курган 2 – по: [25, табл. 2: 1]; 13 – Семенково, курган 18 – по: [10, л.15]; 14 – Елкотово, группа IV, курган 3 – по: [10, л.29]; 15 – Куликово, группа I, курган 5 – по: [10, л.36]; 16 – Елкотово, группа III, курган 2 – по: [10, л.29].

Находки круглых подвесок из листового металла с тисненым и чеканным орнаментом встречаются и в других памятниках Верхнего Поволжья [14, рис.21: 4; рис.103: 7-8; 36, л.160; 182, 184].

Примером «северо-западной вуали», помимо скорлупообразных фибул из Пепелино и Пьянково (рис.4), являются находки фибул с концами в виде спиралей, треугольные в сечении или пластинчатые с выступающим рубчиком (рис.2: 6-10),

Рис. 4. Пьянково, курган 3 – по: [49, fig. 12].

а также возникшие на их основе изделия с сомкнутыми концами[15] (рис.2: 11). Спиралеконечная фибула с ромбическим сечением и орнаментом в виде миниатюрных треугольников происходит из кургана 4 группа I могильника Пустошь Кисловская[16] [25, табл. 5: 9] (рис.2: 6). В работе В.А. Мальм отмечается, что такие украшения найдены «главным образом в курганах Ленинградской и частично Псковской областей» [23, с.156], изделия отнесены к XI–XII вв.

Говоря о спиралеконечных фибулах, стоит отметить, что некоторые были встречены с характерными верхневолжскими изделиями. Помимо фибулы обозначенной разновидности, в кургане 4 группы II могильника Обабкова также найдены две

[15] Например, находки из следующих памятников: Обабкова, группа II, курган 4 (ГЭ 624/403; [25, табл. 5:10]); Елкотово, группа I, курган 12 [10, л.31]; Татариново, группа I, курган 14 [10, л.35]; Погорелка, группа I, курган 5; Мыльниково, группа I, курган 5 [8, л.63]; КМЗ КОК-15460/24 Номер в Госкаталоге: 12016630 [10, л.10]; Марьинское КМЗ КОК-15457/6 Номер в Госкаталоге: 12024896; КМЗ КОК-15457/2 Номер в Госкаталоге 12024886.

[16] ГЭ 624/316.

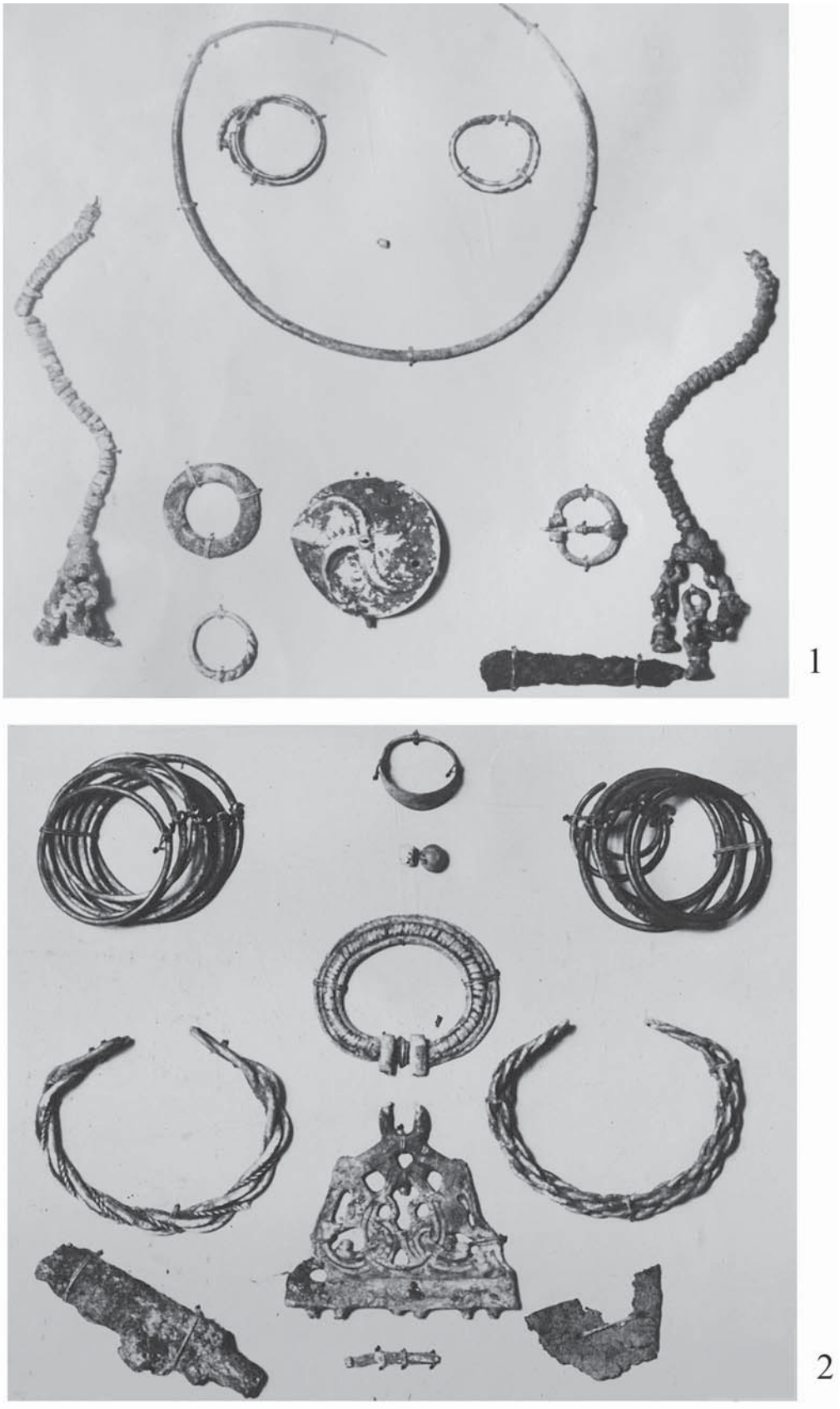


Рис. 5. 1 – Елкотово, группа I, курган 12 – по: [10, л.31].
2 – Васильевское, группа I, курган 1 – по: [10, л.34].

треугольные подвески, составленные из колечек[17] [25, с.178]. В кургане 14 группы I могильника Татариново находились «остатки истлевшего футляра, в коем положены 3 треугольных подвески (из них две составлены из колечек — прим. *В.К.*)» [4, с.342; 9, л.35].

Е.А. Рябинин отмечал, что застежки с сомкнутыми концами «представляют собой, вероятно, отливки с подковообразных фибул, выполненные в имитационной технике (литье по оттиску)» [32, с.69]. Распространение на Северо-Востоке Руси северо-западных изделий привело не только к имитации импортов, но и появлению синкретичных изделий. Н.А. Макаров писал, что «уже в XI в. в северных могильниках появляется специфический вариант фибулы – украшения, концы которого слиты вместе. Во второй половине XII–XIII вв. этот вариант фибул становится особым локальным типом севернорусских украшений» [22, с.44]. Примечательна находка фибулы из могильника у д. Васильевское (группа I, курган № 1) в Костромском Поволжье (рис.5: 2). Помимо сомкнутых концов, изделие отличает «рельефный» орнамент – полоса, проходящая по окружности [10, л.34; 4, с.305]. Аналогичный декор оформляет различные изделия Волго-Уральского региона XI–XIII вв. – арочные, треугольные подвески, прямоугольные звенья «цепей», фибулы [2, рис.20: 20, 29; 175; 26, рис.69: 1; 38, табл. XII: 6, 12, 13; табл. XIII: 1–3]. На поверхности располагаются два «цилиндра», имитирующих спиралевидные концы подковообразных фибул, но по сути они являются стилистическим «атавизмом» и не имеют функционального назначения. Ближайший аналог происходит из Корбальского могильника [33, с.128, рис.35: 15]. Схожее, но не аналогичное изделие происходит из могильника Кривец [33, с.182, рис.47: 2]. По окружности данной фибулы проходит орнамент другой формы – в виде перекрученного жгута.

Спиралеконечная фибула с орнаментом на дуге происходит из могильника у д. Марьинское[18] [4, с.357–358]. Похожее изделие выявлено в могильнике Терпилицы на Ижорском плато [39, табл. IX: 15]. Форма дуги схожа с фибулами другой разновидности – с гвоздевидными головками (рис.2: 12-15). Украшения с головками такой формы и орнаментом на дуге были найдены в кургане 19 группы I у Елкотово [10, л.31], кургане 7 у д. Фоминской[19], в кургане 3 группы III Пустоши Кисловской[20], кургане 1 у д. Поповка[21] [4, с.317–318] и пр. М.В. Седова, говоря о новгородских находках, указывала, что аналогичные изделия встречались в «мужских и женских погребениях XI–XIII вв. на северо-западе Ленинградской обл.» [34, с.88]. Данные фибулы фигурировали в статьях Л.В. Покровской, посвященных финно-угорским украшениям в Новгороде [29; 30, рис.1]. Исследователь отмечает, что «основная часть фибул этого типа встречена в слое XIII в.», а также указывает на их широкое распространение «на восточном побережье Балтийского моря» [29, с.306]. Примечательно, что в кургане 7 у д. Фоминской также находился горизонтальный игольник со спинкой, украшенной плетенкой (подробнее о них будет говориться ниже)[22].

---

[17] ГЭ 624/404-405.

[18] КМЗ КОК-15457/2 Номер в Госкаталоге 12024886 [Электронный ресурс]. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12144895 (дата обращения 23.12.2018).

[19] ГЭ 624/670.

[20] ГЭ 624/364.

[21] КМЗ КОК-15459/4; Номер в Госкаталоге 12014228. [Электронный ресурс]. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12133914 (дата обращения 23.12.2018).

[22] В связи с находками из костромских курганов стоит отметить находки северо-западных, а подчас и западных фибул из соседних регионов. В памятниках Тверского Поволжья были также найдены фибулы из треугольного в сечении дрота со спиралевидными концами, орнаментированные оттиска-

Продолжая уже затронутую тему «переработки» импортных украшений, стоит обратить внимание на круглую пряжку с рельефным орнаментом и четырьмя петлями на нижнем крае из кургана 6 у д. Низовской в Костромском Поволжье[23] [25, табл. 2: 5] (рис.2: 16). По всей вероятности, аналогичное изделие было найдено в комплексе у д. Пепелино вместе со скорлупообразными фибулами, впрочем зарисовка сохранилась только в «корочках» А.А. Спицына [36, л.19]. Е.А. Рябинин, говоря о данных поясных пряжках, писал, что «такие изделия имеют несомненно финно-угорское происхождение и типологически сближаются с пряжками, бытовавшими у волго-окских средневековых племен» [32, с.70–71]. Однако аналогичные изделия, но без петель известны из могильников Ижорского плато у дд. Введенская и Горки [39, табл. VIII: 6, 7], а также могильнике Избрижье (курган № 129, конца XI – первой трети XII в.). В работе Е.Н. Жуковой и Ю.В. Степановой находка из Избрижья сопоставляется с новгородскими материалами [14, рис.84: 1–2, с.113]. Е.А. Рябинин в качестве аналогий находкам из костромских курганов приводил пряжку из Теува-Лаутамяки, однако изделие имеет другой орнамент — в виде волнистой линии [46, kuva 7: 1]. Петли обрамляют округлые «капли», такой же прием встречается при оформлении полых зооморфных подвесок и пластинчатых непрорезных орнитоморфных подвесок [например, 17, рис.2: 15–16; 25, табл. 3: 1, 9, 16–17]. По краю пряжки из кургана 6 у д. Низовской проходит рубчатый орнамент, в нижней части его перекрывают петли (в то же время он читается в пространстве между петлями). Очевидно, на основе изделия, имеющего западное происхождение, появилось оригинальное украшение, соответствующее местным вкусам.

Украшения рук представлены разнообразными браслетами, находящими обширные аналогии в памятниках Древней Руси [32, с.63–66]. Очевидна связь некоторых разновидностей с западными традициями. Из кургана 6 могильника у д. Сторожевой происходит звериноголовый браслет[24] (рис.2: 17). Такие браслеты характерны для средневекового населения Прибалтики. Примечательно, что на территории Руси звериноголовые браслеты встречены в соседнем с Костромским Поволжьем регионом — Ярославским Поволжьем. Находки также известны из могильников Приладожья, памятников, расположенных в бассейнах рек Суда и Ипуть [21, с.215]. Витые трехпроволочные обрубленноконечные браслеты, встречающиеся в памятниках Северо-Запада Новгородской земли, а также Финляндии, Эстонии [39, с.29; 45, ill. 62; 46, s.31, kuva 5], в Костромском Поволжье встречены в двух курганах – у д. Елкотово,

---

ми прямоугольного и зубчатого штампов, в частности, в могильнике Избрижье [14, с.113; рис.38: 1; рис.39: 2]. Датировка изделий приводится со ссылкой на новгородскую хронологию – конец X–XII вв. Большой интерес представляет памятник Усть-Шексна в Рыбинском Поволжье, в материалах которого представлены разнообразные фибулы, например, спиралеконечные тордированные (РБМ-28550/39. А-5654; РБМ-31913. А-6269; РБМ-39357. А-7971) ([Электронный ресурс]. URL: http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/183407?query=фибула&index=1 (дата обращения 23.12.2018); [Электронный ресурс]. URL: http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/238261?query=фибула&index=4 (дата обращения 23.12.2018); [Электронный ресурс]. URL: http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/283991?query=фибула&index=7 (дата обращения 23.12.2018), спиралеконечная фибула с треугольным сечением (РБМ-39353/1. А-7832 [Электронный ресурс]. URL: http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/284374?query=фибула&index=7 (дата обращения 23.12.2018)), распространение которых тяготеет к северо-западным и западным районам Древней Руси, а также к Прибалтике [23, с.157]. Наиболее примечательна находка лучистой фибулы (РБМ-27568/42. А-5506 [Электронный ресурс]. URL: http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/156411?query=фибула&index=2 (дата обращения 23.12.2018)). Аналоги изделию происходят из памятников Латвии: Саласпилс Липшу [48, att. 204], Плявиню Радзес [24, табл. XXVI: 1] и пр.

[23] ГЭ 624/522.

[24] ГЭ 624/475.

группа III, курган 4 [10, л.29] и с. Есиплево курган 4[25] (рис.2: 18-19). В Новгороде такие изделия встречаются в слоях последней трети XI – начала XIV вв.: «Время наибольшего употребления этих браслетов определяется 70-ми годами XII в. – 60–70-ми годами XIII в. [34, с.96]. Примечательно, что изделие из кургана 4 могильника Есиплево было встречено с пряжкой, в основе которой умбоновидное украшение, и полой полиморфной подвеской[26] [25, табл. 3: 13; табл. 5: 13].

В Костромских курганах были найдены игольники различных типов. Говоря про эту категорию находок, Е.А. Рябинин писал: «Вторую» жизнь здесь получили прибалтийско-финские по происхождению горизонтальные и вертикальные игольники, не только изготовлявшиеся на месте, но и подвергавшиеся дальнейшей творческой переработке» [33, с.194]. Игольники, характерные для Северо-Запада Руси и Прибалтики IV типа, по Л.А. Голубевой, представлены в могильниках Костромской и Ивановской областей [6, с.203] (рис. 3: 9). Аналогичная находка происходит и из памятника Усть-Шексна в Рыбинском Поволжье[27].

Игольники с ажурной спинкой, украшенной плетенкой, V типа, по Л.А. Голубевой, происходят из поздних курганов Приладожья и культурного слоя Белоозера XII–XIII вв. [6, с. 203]. Находки данной разновидности из костромских курганов[28] [25, табл. 4: 21–22] часто имеют смазанный орнамент также как еще одна находка северо-западного облика – копоушка с конскими головами [25, табл. 2: 12]; в отверстиях есть натеки металла, возможно, предметы были выполнены по оттиску готовых изделий (рис.3: 3, 10, 11). Впрочем, находки на Северо-Западе Руси[29] [например, 16, с.143, рис.64: 8] также не всегда отличаются качественным исполнением. Кроме того, большинство игольников типа V, по Л.А. Голубевой, происходит из курганов Костромского Поволжья [6, с.203]. Фактически северо-западное происхождение этих изделий определяется на основе стилистических признаков. Примечательна следующая параллель: в Приладожье аналогичный игольник происходит из комплекса могильник Кургино-I (курган 2), в котором также находилась подвеска-«барашек» – изделие, характерное для Северо-Восточной Руси и в частности для Костромского Поволжья [16, с.108].

Горизонтальные игольники с арочным щитком (рис.3: 12-16) рассматривались Л.А. Голубевой как изделия, изготовленные в Приладожье. Верхневолжские находки исследователь считала импортами или неудачными подражаниями приладожским: «Отливка их грубая, орнамент щитка искажен, вместо петель внизу – бесформенные выступы» [6, с.203]. Примечательно, что наибольшая концентрация горизонтальных игольников типа V в Костромском Поволжье и значительное количество вертикальных игольников типа VI [6, с.200], встреченных там же[30], не стало поводом рассматривать их как продукцию Верхневолжья. Однако численный фактор и, вероятно,

---

[25] ГЭ 1043/232.

[26] ГЭ 624/233, 235.

[27] НВФ-10034. [Электронный ресурс]. URL: http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/294210?query=игольник&index=6 (дата обращения 23.12.2018).

[28] Фоминская, курган 7 (ГЭ 624/668); Зиновьева, курган 2 (ГЭ 624/829); Терешино, группа I, курган 4 [10, л.30]; Васильевское, группа I, курган 1 [10, л.34]; курганы Гридинской волости [9, л.60-2].

[29] Копоушка ГЭ 1416/9.

[30] В Костромском Поволжье вертикальные игольники были найдены в следующих комплексах: Обабкова, группа II, курган 4 (ГЭ 624/399); Кочергина, курган X (ГЭ 1043/187); Елкотово, группа II, курганы 4, 12 [10, л.29]; Семенково, курган 24 [4, с.386]. На Северо-Западе Руси Л.А. Голубевой было учтено четыре изделия [6, с.200, 202]. За последние десятилетия количество находок, конечно, возросло, но незначительно. Так, фрагмент подобного игольника был найден при раскопках на юго-восточном прясле крепости в Старой Ладоге в 2017 г. (САЭ-2017 № 114).

слишком дробная типология сказались на ажурных арочных игольниках[31]. Полагаю, что корректнее рассматривать эти изделия как синкретичные: обилие жгутов, плетенок, волют, щитковые звенья привесок – характерные элементы верхневолжской изобразительной традиции, в то же время сама идея горизонтального игольника с арочным щитком – явление северо-западное, также заполнение щитка перекрещивающимися полосами можно рассматривать как своего рода аллюзию на круглые решетчатые подвески.

Характеризуя импортные вещи в Костромских курганах, Е.А. Рябинин иногда приводил в качестве примера находок волжских вещей погребение из Теува в Финляндии: «Интересная параллель наблюдается между пепелинским погребением и грунтовым захоронением XII в., исследованным на территории Финляндии: в инвентарь последнего наряду с двумя скорлупообразными фибулами входили поясная пряжка <...> и такие характерные формы костромских украшений, как каркасная треугольная подвеска и двуглавый пластинчатый конек» [32, с.69]. Такой пример отнюдь не единственный, вещи, выполненные в поволжской традиции (как оригинальные, так и в синкретичном стиле) встречаются как на Северо-Западе Руси [20], так и в землях Прибалтики и Фенноскандии [24, табл. XXVI: 12; 44, №№ 738, 1131; 46; 47, fig. 2: b; pl. 17: 1, 3; pl. 40: 4].

Изделия прибалтийско-финского облика включались в состав убора. Впрочем комплексы, в которых воспроизводятся северо-западные элементы костюма, единичны. К таковым относятся уже упоминавшийся ранее курган у д. Пепелино, где на груди костяка находились две скорлупообразные фибулы [36, л.19]. Одним из самых ярких комплексов является курган X (особняк) у д. Кочергина [25, с.214]. Е.А. Рябинин характеризовал его как погребальный комплекс «смешанного облика – прибалтийско-финского и местного финского» [32, с.78]. На шее костяка находилась цепь из восьмерковидных звеньев с кольцами посередине, на концах которой находились ажурные треугольные подвески со схематичными «конскими» головками. А.П. Смирнов и Е.А. Рябинин отмечали, что это украшение сформировано на «западный» – прибалтийско-финский – манер. Здесь также была найдена подковообразная фибула, с соединенными концами, копоушка с конскими головами (рис.3: 1-4). Аналогичная цепь, но без парных подвесок/цепедержателей по бокам найдена в кургане 1 у д. Татаринова [4, с.340].

Наряду с украшениями, широко распространенными в севернорусских землях в эпоху средневековья, в костромских курганах несомненно присутствуют изделия, имеющие ярко выраженный северо-западный (так называемый прибалтийско-финский) облик. В целом, находки носят не систематический характер, имеет место включение в убор отдельных элементов. Представлены редкие примеры подражания северо-западному костюму. Импортные изделия (или выполненные по образцу импортных украшений) сочетаются с характерными для Верхнего Поволжья коническими, треугольными, пластинчатыми непрорезными орнитоморфными подвесками, полыми полиморфными подвесками. В некоторых изделиях (игольниках с арочной ажурной спинкой, дисковидных цепедержателях и пр.) сочетаются излюбленные приемы северо-запада и северо-востока. Древнерусская колонизация, активизация межкультурных связей обусловила знакомство средневековых мастеров с формами изделий и декоративными приемами различных регионов, что привело к появлению в первой трети II тыс. н.э. украшений, выполненных в синкретичной стилистике.

---

[31] Четыре из девяти игольников с решетчатым заполнением щитка, рассматривавшихся Л.А. Голубевой, выявлены в приладожских курганах [6, с.203].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анучин Д.Н.* О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // МАВГР. 1899. Т. III. – С. 237–259.
2. Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: Изд-во «ДиК», 1997. – 758 с.
3. Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: Средневековые поселения и могильники / Отв. ред. Н.А. Макаров. Т.1. Поселения и могильники. М.: Наука, 2007. – 374 с.
4. *Бекаревич Н.М.* Дневники раскопок курганов, произведенных Членами Комиссии в 1895–1899 гг., под руководством Непременного Члена Комиссии Н.М. Бекаревича // Костромская старина. Сборник, издаваемый Костромскою губернскою архивной комиссией. Вып. 5 / Под ред. чл. КГУАК В.А. Соколова. Кострома: Типо-литография А. Азерского. Русина ул., д. Жукова, 1901.– С. 303–462.
5. *Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. – 213 с.
6. *Голубева Л.А.* Игольники восточноевропейского Севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. – С. 199-204.
7. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М.;Л.: Изд-во АН, 1961. – 285 с.
8. Дело Императорской археологической комиссии о высылке открытых листов Костромской Ученой Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1899. Д. 74.
9. Дело Императорской археологической комиссии о раскопках Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии // НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1894. Д. 51.
10. Дело Императорской археологической комиссии о раскопках Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии в 1895 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. Д. 49.
11. Дело Императорской археологической комиссии об археологических разысканиях во Владимирской губернии // НА ИИМК РАН. Ф. 1. 1863 г. № 3.
12. *Дубровин Г.Е.* Никитинский раскоп в Новгороде. М.: Памятники исторической мысли, 2010. – 336 с.
13. *Ерофеева Е.Н.* Курганный могильник у д. Семухино на р. Тезе // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. – С. 216–225.
14. *Жукова Е.Н., Степанова Ю.В.* Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников / Серия «Археология Верхневолжья». Вып. 1. Тверь: Научная книга, 2010. – 352 с.
15. *Кочкуркина С.И.* Древнекарельские городища эпохи средневековья. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2010. – 264 с.
16. *Кочкуркина С.И., Линевский А.М.* Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. – 223 с.
17. *Кузнецова В.Н.* Зооморфные подвески Верхнего Поволжья первой трети II тыс. н.э. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь: ТНИИР-Центр, 2018. – С. 12-22.
18. *Кузнецова В.Н.* Орнитоморфные и зооморфные украшения населения лесной зоны Восточной Европы XI–XIV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 2016. – 23 с.
19. *Кузнецова В.Н.* Пластинчатые зооморфные подвески из Костромских курганов // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова: сб. науч. тр. / Под ред. И.С. Наградова и В.Л. Щербакова. Кострома: «ЛинияГрафикКострома», 2017. – С. 51–57.
20. *Кузнецова В.Н., Григорьева Н.В.* Украшения Волго-Камья на Северо-Западе Руси // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная. Пермь: ПГГПУ, 2017. – С. 60–73.
21. *Левашева В.П.* Браслеты // Очерки по истории русской деревни / Труды ГИМ. 1967. Вып. 43. – С. 207–252.
22. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. – 368 с.

23. *Мальм В.А.* Подковообразные и кольцевидные застежки // Очерки по истории русской деревни / Труды ГИМ. 1967. Вып. 43. – С. 149–190.
24. *Мугуревич Э.С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига: Зинатне, 1965. – 145 с.
25. *Нефедов Ф.Д.* Отчет об археологических изысканиях в Костромской губернии // МАВГР. 1899. Т. III. – С. 161–236.
26. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. – 432 с.
27. *Новикова Г.Л.* Щитообразные подвески из Северной и Восточной Европы // Историческая археология: Традиции и перспективы. М.; 1998 . – С. 165–174 .
28. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1895 год. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1897. – 202 с.
29. *Покровская Л.В.* Финно-угорские украшения в Новгороде в XIII веке // Русь в XIII веке: Древности Темного времени. М.: Наука, 2003. – С. 304-314.
30. *Покровская Л.В.* Финно-угорский компонент в новгородской материальной культуре (по археологическим данным) // Новгородская земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х частях. Ч. 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – С. 37-47.
31. *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ. Вып. Е1-60. Л.: Наука, 1981. – 124 с.
32. *Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. – 159 с.
33. *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. – 260 с.
34. *Седова М.В.* Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. – 196 с.
35. *Спиргис Р.* Круглые подвески ливов и их символика // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 61-го заседания. Вып. 31. М.: ИА РАН, 2016. – С. 331–339.
36. *Спицын А.А.* Владимирская, Ярославская, Костромская, Тверская губернии // НА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 381.
37. *Спицын А.А.* Древности Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск, 1924. – 22 с.
38. *Спицын А.А.* Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. 1902. № 26. – 70 с.
39. *Спицын А.А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // МАР. 1896. № 20. – 124 с.
40. *Третьяков П.Н.* Костромские курганы // ИГАИМК. 1931. Т. 10. Вып. 6-7. – С. 1-35.
41. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР / Под. общ. ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1987. – 512 с.
42. *Хвощинская Н.В.* Финны на Западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовье) / Труды ИИМК РАН. Том VI. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 290 с.
43. *Jonuks T., Kurisoo T.* To be or not to be... a Christian. Some new perspectives on understanding the Christianisation of Estonia // Folklore. Electronic Journal of Folklore. 2013. Vol. 55. – L. 69–97.
44. *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bilderatlas und Text II. Porvoo. – Porvoo-Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1951. – 150 s.
45. *Laul S., Tamla Ü.* Peitleid Lõhavere Linnamäelt. Käsitöö- ja ehtevakk 13. sajandi algusest. Tartu–Tallinn, 2014. 145
46. *Paloniemi M.* Ristretkiajan hautalöytö Teuvalta // Suomen Museo. 1960. LXVII. – S. 22–39.
47. *Serning I.* Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna. – Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktrryckeri AB, 1956. – 193 s.

48. *Spirģis R*. Bruņrupuču Saktas Ar Krūšu Kultūras Attīstība Daugavas Lejtecē 10.-13. Gadsimtā. – Riga: Latvijas Vēstures Institūta Apgāda, 2008. – 511 lpp.
49. *Tallgren A.M*. Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928. III. – P. 3–24.
50. *Zariņa A*. Salaspils Laukskolas Kapulauks 10.-13. Gadsimts. Riga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2006. – 463 lpp.

Российский этнографический музей,
г. Санкт-Петербург

V.N. Kuznetsova

Jewelry and Costume Parts of Northwest Type Found in Kostroma Tumuli

Kostroma tumuli of the XII–XIII centuries contains not only jewelry common in northern Russian regions in Middle Ages but also items typical for northwest regions as well. Some types of zoomorphic pendants, shell-shaped and horseshoe-shaped spiral pointed fibulas, two spiral chain holders, toggles and some more other findings are typical for Baltic Finns tradition. Imported jewelry or jewelry made by a foreign pattern are often found in complexes together with conic, triangular, platy uncarved ornithomorphic pendants and hollow polymorphic pendants typical for the Upper Volga region. Some items like needlecase with arched openwork back or disk-shaped chain holders are syncretical and combine characteristics of northwest and northeast traditions.
Keywords: *jewelry, pendants, Upper Volga region, Kostroma tumuli, Middle Ages, northwest Russia, communications*.

УДК 737.11: 903.26 (470.331) «18» https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.55-62

Н.В. ЧЕКУНИНА

МОНЕТА-ПРИВЕСКА ИЗ РАСКОПОК 1883 Г. КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА МИХАИЛ АРХАНГЕЛ НОВОТОРЖСКОГО УЕЗДА: К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ XIX В.

В статье изложены результаты изучения ранее депаспортизированной монеты-привески из фондов Тверского музея. Установлено ее происхождение из раскопок курганного могильника Михаил Архангел Новоторжского уезда Тверской губернии 1883 г. Предмет получил новую атрибуцию как денарий императора Конрада II, чеканенный в г. Страсбурге в 1027–1039 гг., на основании чего была скорректирована датировка погребения, в котором он обнаружен. На примере этой монеты выделен ряд проблем, связанных с использованием нумизматических материалов археологических изысканий XIX в. и сформулированы некоторые пути их решения.
Ключевые слова: *монета-привеска, денарий, Хильдесхайм, Страсбург, XI в., курганный могильник Михаил Архангел, Новоторжский уезд, Тверской музей, XIX в., нумизматические исследования.*

Древнерусские курганы были среди первых изучаемых российскими археологами памятников, но использовать сейчас материалы этих исследований бывает непросто. Это касается и нумизматических находок, особенно важных ввиду создаваемых ими возможностей для уточнения датировки отдельных погребений и некрополей в целом.

Археологический отдел Тверского музея на рубеже XIX–XX вв. активно пополнялся находками из раскопок курганов, производившихся в это время на территории Тверской губернии [1]. Но во время оккупации Калинина в 1941 г. многие из этих поступлений были утрачены или оказались депаспортизированы. Попытки соотнести уцелевшие предметы с довоенными учетными записями (музейная документация в основном сохранилась) начались сразу после освобождения города. Однако из-за больших утрат в фондах музея и полной смены его кадрового состава они не дали скорого результата и продолжаются до сих пор [2; 3].

В действующие Книги поступлений Тверского музея, начатые в 1952 г., были внесены и музейные предметы, пережившие войну, но многие из них – без информации о происхождении. В связи с этим они значительно обесценивались как экспонаты и исторические источники.

В 2012 г. в ходе приема-передачи фонда «Драгметаллы и драгкамни Тверского музея» был выявлен депаспортизированный западно-европейский денарий, вовсе неучтенный в современной музейной документации (сейчас: № Тв.М ВХ 1474) (рис.1). Предмет хранился в музее, но был недоступен для исследователей. Такая ситуация сложилась, по-видимому, из-за сложности его определения.

Обнаруженная серебряная монета (размер: 21×17 мм; вес с ушком: 0,67 г, серебро 960 пробы – 0,50 г)[1] некогда была переделана в привеску: к ней с помощью заклепки было прикреплено плоское гладкое ушко из медесодержащего сплава

[1] Акт опробования ГИПН от 17.10.2018 г. В 2018 г. предмет реставрирован (реставратор ТГОМ А.Ю. Коротков).

а б

Рис. 1.

(обломано; сохранившаяся длина / ширина: 6×5 мм). Денарий хранился в индивидуальной упаковке из картона и стекла (сейчас: № Тв.М ВХ 1475), что выдавало в нем предмет из дореволюционных поступлений музея. В «Описании Тверского музея» А.К. Жизневского 1888 г. зафиксирован похожий способ хранения предметов нумизматики, «в особого устройства книге, листы которой состоят из тонких деревянных фанерок, с выпиленными отверстиями для каждой монеты... Фанерки с обеих сторон накрываются стеклами и вставляются в рамки... Удобство такого размещения заключается в том, что монета... может быть обозрена с обеих сторон и, сверх того, представляется возможность к сбережению монет» [1, с.206].

В 2013 г. предмет был определен н.с. ОН ГИМ Т.Ю. Стукаловой как анонимный денарий, предположительно, второй половины XI в., чеканенный епископом г. Хильдесхайм (нем. Hildesheim) в Германии и изданный в каталоге: Dannenberg H. «Die deutschen Münzen der sachsischen und frankischen Kaiserzeit», № 716. В нем этот тип монет по имевшемуся экземпляру весом 1,17 г описан следующим образом. Аверс: по кругу – фрагменты надписи: «ICI.. .A», в поле монеты – изображение головы в платке (?) («verschleierter Kopf»); реверс: по кругу – «ANI.. .», в поле – условное изображение здания [4, s.277][2].

Выяснилось, что в «Описании Тверского музея» упоминается одна «Гильдесгеймская серебряная монета XI в.», происходившая из раскопок кургана «близ погоста Михаила Архангела Новоторжского уезда в 18 верстах от Торжка» [1, с.103]. Нужно было удостовериться, что обнаруженный в настоящее время в музее депаспортизированный денарий – тот самый.

Курганный могильник Михаил Архангел (Архангельский) у с. Красное Торжокского р-на расположен на левом берегу р. Осуги (приток р. Тверцы), на берегу старицы, на высоте 4 м над ней. Он насчитывал более 50 больших насыпей и несколько малых. Из них сохранились – 48, высотой от 0,2 до 1,2 м; диаметром от 3 до 8 м; все – кроме одной – к началу XXI в. были повреждены ямами. Раскопано за все время три кургана: два – А.И. Михайловским в 1883 г., и один – в 1911 г. А.И. Косогоровым с учениками Пречисто-Каменского земского училища. В издании «Археологическая карта России» памятник датирован XI–XIII вв. [5, с.354-355, № 1112; 6, ст.31-32].

Привеска-денарий была обнаружена 19 июня 1883 г., когда с разрешения причта погоста Михаила Архангела чиновником особого поручения Тверской Казенной Палаты А.И. Михайловским были раскопаны два больших кургана. В первом на глубине 2-х аршин (1,42 м) на поверхности материка посредине насыпи были найдены: совершенно сгнивший костяк «лицом на восток» и при нем – медная гривна в виде обруча из двух перевитых прутьев, заканчивающихся пластинками, застегивающаяся концами (гривна разломана на части); медный браслет в виде тонкой пластинки с орнаментом на лицевой стороне из зигзагообразных линий с кружками посередине и точками по краям; пять серебряных височных колец из толстой проволоки диаметром до 1¾ вершка (7,7 см), весом 10 золотников (42,6 г); монета-привеска; железное кольцо и железное копье с острием для прикрепления вместо втулки. Во втором

[2] Перевод и редакция текста Н.В. Чекуниной.

кургане найдены бедренные кости и очень хрупкий человеческий череп «лицом на восток». В обоих курганах в ногах костяков обнаружено по глиняному горшку емкостью до 6 стаканов каждый. Все находки (кроме горшков и железного кольца) сразу после раскопок поступили в Тверской музей [7, л.178-180, №№ 1784– 1788; 8, с.3; 9, с.398, № 17][3].

В последующие 130 с лишним лет эти музейные предметы многократно использовались в научных публикациях, пройдя путь от фиксации момента их находки и поступления в музей с последующим определением до использования в обобщающих трудах и каталогах, как археологических, так и археолого-нумизматических.

В научной литературе за период с конца XIX до начала XXI вв. обнаружились очень разные описания монеты-привески из раскопок Михайловского, что весьма затрудняло точную идентификацию обнаруженного в Тверском музее депаспортизированного денария. Однако их совокупное изучение в итоге позволило не только удостовериться, что выявленная монета – именно она, но и увидеть многие проблемы, сопутствовавшие ее использованию как исторического источника. Эти сложности во многом являются общими для нумизматических материалов первых археологических раскопок в России.

Ниже приводятся описания рассматриваемой монеты-привески из научных публикаций, начиная с самой ранней[4].

1. В «Тверских губернских ведомостях» в заметке «Тверской музей и его приобретения с мая месяца 1883 г. по январь 1884 г.» зафиксирован факт обнаружения денария и его передачи в музей. Предмет описан как: *«Серебряная монета в виде привески с приделанным ушком. Монета в диаметре 3/8 вер. С изображением на лицевой стороне человеческой головы и на обороте какой-то фигуры в виде решетки. От окиси серебро сделалось хрупким, и ушко, а также край монеты отломаны»* [8, с.3]. Как выяснилось, это первое описание данного денария оставалось до сих пор самым детальным и приближенным к оригиналу, доказывающим, что в настоящее время в музее выявлен именно он[5].

2. В рубрике «Курганы и городища Тверской губернии» тех же «Тверских губернских ведомостей» в заметке 1884 г., посвященной Новоторжскому уезду, рассматриваемый предмет описан В.А. Плетневым следующим образом: *«Небольшая величиною с двугривенный серебряная монета в виде привески с ушком, неискусно приделанным; на монете изображена человеческая голова с усами и в шапке»* [10, с.4]. Это описание имеет неточности, но оригинальный денарий по нему, в общем, узнаваем.

3. Публикация А.К. Жизневского «Курганы и находки каменного века Тверской губернии» фиксирует эту находку просто как: *«Серебряную монету с приделанным ушком»* [6, ст.31-32].

4. А в его «Описании Тверского музея» 1888 г. появляется совершенно новое описание денария: *«Гильдесгеймская серебряная монета XI века. На монете изображены: церковь, голова мужчины и надпись: «S. Maria Hildesheim»»* [1, с. 210, № 1058].

---

[3] Гривна, браслет и височные кольца из раскопок А.И. Михайловского в настоящее время числятся утраченными в годы Великой Отечественной войны [2, с.109, 112, 118; №№ 1019, 1054, 1134].

[4] Приведены не все публикации, в которых так или иначе могла использоваться информация об этой монете, но все – основные: выборка репрезентативна в рамках данной темы.

[5] Фактический диаметр обнаруженной в музее депаспортизированной монеты – не 3/8, а 4/8 вершка, но это несоответствие, очевидно, объясняется разными способами ее измерения, т.к. монетная пластина неправильной формы, обломана и с приделанным ушком.

Очевидно, к этому времени монета была определена специалистом-нумизматом[6], но описание ее как предмета с индивидуальными признаками от этого сильно пострадало. Дело в том, что в «Описании...» в некоторых случаях называются не столько конкретные монеты, сколько их разновидности, имевшиеся на тот момент в коллекции музея. Исследуемый денарий был описан так, как его представляли, будь он идеально прочеканенным и сохранившимся, и без признаков внеэкономического использования. Соотнести это описание с самим предметом стало возможно только после сравнения с другими его описаниями[7].

5. Из текста, посвященного рассматриваемой монете в труде В.А. Плетнева «Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии» (1903 г.), не сразу понятно, о скольких монетах речь. Только из оглавления становится ясно, что их две. Одну, по мнению автора, нашел в 1883 г. Михайловский, другую, тоже хранившуюся в Тверском музее, – некто неизвестный. При этом описания монет дублируют приводившиеся ранее: первое – в «Курганах и городищах...», второе – в «Описании Тверского музея». В первом случае автор сообщает номера предметов по Книге поступлений Тверского музея, во втором – порядковый номер монеты по «Описанию...».

1) «*Небольшая величиною с двугривенный серебряная монета в виде привески с ушком, неискусно приделанным; на монете изображена человеческая голова с усами и в шапке...*». Курганные находки «*доставлены в Тверской музей... и находятся под №№ 1784–1788*»;

2) «*Гильдесгеймская серебряная монета XI века, на ней изображены: церковь, голова мужчины и надпись: «S. Maria Hildesheim». Монета в Тверском музее № 1058*» [9, с.398-399, № 17].

Начиная с этой работы, в научной литературе пошла кочевать информация о находке в курганах близ погоста Михаила Архангела Новоторжского уезда Тверской губернии двух денариев Хильдесхайма XI в.

6. В каталоге Н.П. Бауэра, содержащем «русские» находки западно-европейских монет XI–XII вв. (1929 г.), приводится информация о том, что в курганном могильнике Михаил Архангел были обнаружены «*две немецкие монеты XI в., чеканенные в Хильдесхейме*». Здесь впервые (хоть и со знаком вопроса) монета была опубликована со ссылкой на каталог Г. Данненберга: «? Dbg. 716» [11, с.169, №87]. Н.П. Бауэр мог быть последним исследователем, кто мог видеть предмет до его депаспортизации.

7. В.М. Потин в статье 1967 г. «Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси» тоже отметил находку на этом некрополе «двух германских денариев Гильдесгейма» [12, № 248].

8. В.М. Потин в более поздней работе «Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии» (1971 г.) в сводной таблице учел только одну западно-европейскую монету-украшение XI в. с заклепанным ушком, происходящую из курганного могильника Михаил Архангел [13, с. 76-77, № 3]. Можно пред-

---

[6] Вероятно, это произошло при участии А.В. Орешникова, помогавшего А.К. Жизневскому с изданием «Описания...» после смерти графа А.С. Уварова.

[7] Работа А.К. Жизневского «Курганы и городища Тверской губернии» издана без обозначения года публикации. В библиотечных каталогах эта дата со знаком вопроса варьируется от 1880-х до 1900-х гг. Отталкиваясь от времени обнаружения рассматриваемой монеты и времени ее определения с последующим существенным изменением описания, можно ограничить выход в свет этой публикации 1884–1888 гг., а по другим, упоминающимся в ней археологическим находкам, вероятно, можно назвать год точно.

положить, что монета здесь фигурирует одна, потому, что в «Описании древностей и старины...» непонятно, в погребении ли обнаружена вторая.

9. В 1975 г. Т.В. Равдина обнаружила и подробно разобрала ошибку в статье «Археологические замечания к нумизматическим работам». Она сделала вывод, что была только «одна гильдесгеймская монета»: Плетнев описал два раза ее одну, но по двум разным публикациям, а Бауэр и Потин решили, что монеты – две [14, с.322, № 9][8].

10. К сожалению, впоследствии сама Т.В. Равдина в каталоге «Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси» (1988 г.) поместила далеко не лучшее описание этого денария, соединив информацию из «Описания Тверского музея» и «Остатков древностей и старины...», содержащую существенные неточности: *«Западная монета с ушком, неискусно приделанным. На монете изображены: церковь, голова мужчины и надпись: «S. Maria Hildesheim». По определению Н.П. Бауэра монета чеканена в Гильдесгейме в XI в.»* [15, с.22, № 6].

Монета-привеска из раскопок Михайловского 1883 г. продолжает фигурировать в научных трудах и в начале XXI в.

11. В научно-справочном издании под редакцией А.В. Кашкина «Археологическая карта России: Тверская область» (Ч. 1, 2003 г.) вновь «всплывают» якобы обнаруженные в курганном могильнике Михаил Архангел *две* монеты: 1) *«Западноевропейская серебряная монета с грубо приделанным ушком»;* 2) *«По сведениям В.А. Плетнева кон. 19 в., в коллекции Тверского музея также хранилась... гильдесгеймская серебряная монета 11 в. из этих курганов»* [5, с.354-355].

12. Автор монографии «Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья» (2009 г.) Ю.В. Степанова приняла во внимание критические замечания Т.В. Равдиной, и в ее описании погребального инвентаря изученных курганов некрополя Архангельский – только одна *«подвеска-монета XI в.»* без информации о месте ее чеканки [16, с.137].

13. В вышедшем в 2010 г. каталоге Е.Н. Жуковой, Ю.В. Степановой «Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья...» она же фигурирует как: *«Подвеска-денарий (Гильдесгейм, XI в.)»* [17, с.35, 145-146].

14. В специальной статье Ю.В. Степановой, посвященной конкретно нумизматическим находкам, «Монеты в древнерусских погребениях Верхневолжья» (2011 г.), могильник Михаил Архангел упомянут как учтенный в корпусе Т.В. Равдиной, но денарий, чеканенный в г. Хильдесхайме, в подсчетах не выделен как таковой [18, с.17]. По свидетельству автора, в ее работе денарий-подвеска «из Михаил-Архангела считался неопределенной монетой XI в., не попадавшей в группы первой или второй половины столетия, что важно для детальной хронологии погребений».

Выявление сейчас самой монеты из этих раскопок в Тверском музее – факт тем более замечательный, что самое точное до 2013 г. ее определение, принадлежавшее Н.П. Бауэру, было со знаком вопроса. Сейчас, наконец-то, этот вопрос удалось разрешить.

В начале 2018 г. стараниями н.с. ОН ГЭ К.М. Чернышева удалось уточнить, что тип денария № 716 по каталогу Данненберга (к которому был в 2013 г. причислен и обнаруженный в Тверском музее) не был включен в изданный в 1995 г. корпус монет епархии Хильдесхайм немецкого нумизмата М. Меля [19]. Сам Г. Данненберг еще в XIX в. предполагал, что этот тип денариев мог чеканиться не в Хильдесхайме, а в г. Страсбурге [4, s.277].

---

[8] Т.В. Равдина, правда, не заметила (или не захотела замечать в связи с темой ее работы), что первым ошибся все-таки В.А. Плетнев.

Ситуацию любезно разъяснил М. Мель, сообщив, что сегодня денарий «Dbg. 716» «переехал из Хильдесхайма в Страсбург» со ссылкой на работы своих соотечественников Р. Гаетенса (1934 г.) [20, s.247] и П. Бергхауса (1952 г.) [21, s.61-67, Tf.7].

Таким образом, оказалось, что денарий из Тверского музея был отчеканен в г. Страсбурге (фр. Strasbourg; нем. Straßburg) в годы правления императора Священной Римской империи германской нации Конрада II (1024–1039), начиная с момента его коронации в Риме в 1027 г. до смерти – в 1039[9]. По всем известным источникам в курганном могильнике Михаил Архангел Торжокского района была обнаружена только одна такая монета-привеска (и вообще – одна монета). С массой западно-европейских монет (а это период западно-европейского денария на Руси) она попала на территорию Верхневолжья (возможно, через Новгород) и была переделана в привеску.

По размещению ушка относительно изображений на монетной пластине и соотношению истертости ее сторон, можно предположить, что привеска имела лицевую сторону с изображением лика Девы Марии. Большая истертость оборотной стороны говорит о том, что она долго использовалась как таковая и не была изготовлена специально для погребального костюма. Одновременно с этим лицевая сторона монеты в меньшей степени, но тоже значительно изношена. Этот факт, а также утраты вследствии разрушительного воздействия почвы на металл могут объяснять ее меньший вес по сравнению с аналогами.

Е.Н. Жукова и Ю.В. Степанова по погребальному инвентарю датировали курганы, раскопанные Михайловским, XI – серединой XII в. [17, с.146]. С учетом времени чеканки обнаруженного в одном из них денария, можно утверждать, что появление этого захоронения стало возможным не ранее 30-х гг. XI в., а по степени истертости монеты – возможно, еще позже.

Долгий путь к современной атрибуции и интерпретации данной нумизматической находки демонстрирует целый ряд сложностей в использовании таких предметов, происходящих из первых археологических раскопок в России, описание которых зачастую не составлялось. Уточнить информацию о монете по ней самой более 70 лет не было никакой возможности, т.к. она считалась утраченной, а при обнаружении оказалась депаспортизированной. Вернуть ей легенду о происхождении было непросто, т.к. описание предмета в научной литературе на протяжении многих лет видоизменялось не в лучшую сторону. Помимо этого, с точки зрения современной нумизматической науки изначально монета (вместе с самим типом таких монет) была неверно определена.

Это история одного предмета. Но она во многом отражает в целом ситуацию с нумизматическими материалами археологических раскопок XIX в., некогда поступившими в российские музеи и затем пережившими вместе с ними многие лихолетья. Невольно задумаешься о степени погрешности при использовании таких источников.

Последнее время появляются все новые методики применения нумизматических материалов в археологических исследованиях. При этом вопрос об уточнении определений монет, происходящих из археологических изысканий рубежа XIX–XX вв. решается не всегда [22; 23].

---

[9] Автор крайне признательна Т.Ю. Стукаловой (ОН ГИМ), К.М. Чернышову (ОН ГЭ), М. Мелю, Н.В. Брагиной (ТГОМ) за помощь в атрибуции предмета и работе с ним, а также – Ю.В. Степановой (ТвГУ) – за комментарии к своим трудам. Изображение монеты и результаты ее последней атрибуции публикуются впервые.

По современному состоянию нумизматического собрания Тверского музея (во многом схожему с положением фондов многих других старейших российских музеев) очевидны, как минимум, три направления в решении этого вопроса:

1. пересмотр определений хранящихся в музее монет, происходящих из первых археологических раскопок, в соответствии с современными нумизматическими трудами;

2. уточнение атрибуции уже утраченных предметов по их описаниям в старой учетной документации музея и другим источникам;

3. изучение депаспортизированных музейных предметов и коллекций для восстановления их легенд о происхождении, в том числе, выявления среди них монет из первых археологических изысканий.

Дело это трудоемкое, в некоторых случаях доступное только музейным сотрудникам, но вышеописанный случай вселяет некоторые надежды на его возможный успех.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жизневский А.К.* Описание Тверского музея. Археологический отдел. С примечаниями гр. А.С. Уварова. М.: Синодальная типография, 1888. – 242 с., ил.
2. Сводный каталог культурных ценностей РФ, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 17. Тверская область. Кн. 2. ТГОМ, Тверской краеведческий музей. М.: ООО Издательский дом «Качество жизни», 2010. – 125 с.
3. Сводный каталог культурных ценностей РФ, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 17. Тверская область. Кн. 3. ТГОМ, Тверской краеведческий музей. М.: ООО Издательский дом «Качество жизни», 2011. – 117 с.
4. *Dannenberg H.* Die deutschen Münzen der sachsischen und frankischen Kaiserzeit. I.Bd. Berlin, 1876. – 138 S.
5. Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 1 / Г.Г. Король и др.; под ред. А.В. Кашкина. М.: ИА РАН, 2003. – 528 с., ил.
6. *Жизневский А.К.* Курганы и находки каменного века Тверской губернии. [Тверь], Б/д.
7. НА ТГОМ Ф. 11. Оп. 1. Д. 11.
8. *[Жизневский А.К.]* Тверской музей и его приобретения с мая месяца 1883 г. по январь 1884 г. // Тверские губернские ведомости. № 5. 18 января 1884 г. – С.3-4.
9. *Плетнев В.А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь: Типография Губернского правления, 1903. – 607 с.
10. *[Плетнев В.А.]* Курганы и городища Тверской губернии. Новоторжский уезд // Тверские губернские ведомости. № 35 от 9 мая 1884 г. – С.4.
11. *Bauer N.* Die russischen Funde abendiandischer Münzen des 11. und 12. Jhrhunderls // ZfN. Berlin. Bd. 39. 1929.
12. *Потин В.М.* Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Тр. ГЭ, т. IX., Л.: Советский художник, 1967. – С.106-184.
13. *Потин В.М.* Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Тр. ГЭ, т. XII. Л.: Аврора, 1971. – С.49-119.
14. *Равдина Т.В.* Археологические замечания к нумизматическим работам // СА. № 1. М.: Наука, 1975. – С.316-329.
15. *Равдина Т.В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.: Наука, 1988. – 147 с.
16. *Степанова Ю.В.* Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: ТвГУ, 2009. – 363 с., ил.
17. *Жукова Е.Н., Степанова Ю.В.* Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения. Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010. – 351 с.
18. *Степанова Ю.В.* Монеты в древнерусских погребениях Верхневолжья // Вестник ТвГУ. Серия «История». Тверь, 2011. Выпуск 4. – С.15-38.

19. *Mehl M*. Die Münzen des Bistums Hildesheim. T. 1. Vom Beginn der Prägung bis zum Jahre 1435. Hildesheim, 1995.
20. *Richard Gaettens*. Der Fund von Ludwiszcze, ein Schatz deutscher und skandinavischer Denare des XI. Jahrhunderts. Halle / Saale, 1934.
21. *Berghaus P.:* Beiträge zur deutschen Münzkunde des 11. Jahrhunderts // HBN Bd. 2: Heft 6 / 7 (1952–1953).
22. *Зозуля С.С*. Кривое зеркало нумизматики (несколько замечаний к датировке курганов Ярославского Поволжья с монетами) // Нумизматические чтения ГИМ 2017 г. М.: РИА Внешторгиздат, 2017. – С.76-86.
23. *Зозуля С.С., Ушанков Е.М*. Денарий из Михайловского некрополя (Ярославская область) // Нумизматические чтения ГИМ 2018 г. К 100-летию отдела нумизматики ГИМ. М, 2018. – С.116-120.

ТГОМ,
г.Тверь

N.V. Chekunina

Pendent Coin from the Excavation of Mound Grave Field named after Michael the Archangel Held in 1883 in Novotorzhsky Uyezd. Usage of Numismatic Data of Archaeological Research Made in the XIX Century

This publication reviews studies results of earlier uncertificated pendent coin from Tver museum collection. It was found that the coin originated from the excavation of mound grave field named after Michael the Archangel held in 1883 in Novotorzhsky Uyezd of Tver governorate. This artefact was reattributed as a denarius of Conrad II the Emperor. The coin was minted in Strasbourg in 1027–1039. This new information makes it possible to correct dating of the grave field where the coin was found. Through the example of this coin we can outline a number of problems concerning usage of numismatic artefacts related to archaeological studies of the XIX century and define some ways of their resolution.

Keywords: *pendent coin, denarius, Hildesheim, Strasbourg, the XI century, mound grave field named after Michael the Archangel, Novotorzhsky uyezd, Tver museum, the XIX century, numismatic studies*.

УДК [903.03 + 903.02] (470.331) «11 / 13» https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.63-99

И.А. САФАРОВА, С.А. КУНГУРЦЕВА

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ И КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА ИЗ КОМПЛЕКСОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII – НАЧАЛА XIV ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 22 В ТВЕРСКОМ КРЕМЛЕ)

В публикации приведены результаты изучения коллекции стеклянных изделий и керамической посуды из построек и хозяйственных ям середины – второй половины XII – начала XIV вв., исследованных в южной части Тверского кремля (ул. Ивана Седых, 8). Выявлены закономерности формирования наборов стеклянных украшений и керамики в пределах четырех строительных периодов.

Ключевые слова: *Тверской кремль, стеклянные украшения, формы керамических сосудов, морфология, хронология.*

В результате раскопок 2014 года[1] в южной части Тверского кремля[2] (рис.1) получена представительная коллекция стеклянных изделий разных хронологических периодов (всего 676 находок). Большинство из них –украшения (браслеты, перстни, бусы), бытовавшие в ранний период освоения участка, который датируется в целом XII–XIII вв. Разработанная типология и хронология различных категорий стеклянных изделий из раскопок Твери позволяет использовать их в качестве важного датирующего материала [1-8]. Опубликованные к настоящему времени результаты раскопок ранних отложений культурного слоя в Тверском кремле с подробным анализом массовых находок (фрагментов керамической посуды) и индивидуальных находок [9-13] дают возможность сопоставления и обобщения результатов, полученных на разных, иногда довольно удаленных участках этой территории.

В данной работе проанализированы материалы 20 комплексов (среди них – 13 построек, 6 хозяйственных ям и частокольная канавка)[3], датирующихся серединой – второй половиной XII – началом XIV вв., из заполнения которых происходят находки из стекла и керамики. Задача работы – выявление наборов индивидуальных и массовых находок, характерных для определенных хронологических периодов.

В период с середины XII до начала XIV вв. на исследованном участке реконструируются 4 этапа застройки[4]. Датировка отдельных комплексов основана на стратиграфических данных, анализе топографической ситуации и аналогиях индивидуальным и массовым находкам из их заполнения. Выбранная методика

[1] Спасательные полевые археологические работы на раскопе 22 проводились под руководством С.А. Кунгурцевой (ООО «ТНИИР-Центр»).

[2] Современный адрес изученной площадки – г. Тверь, ул. И. Седых, 8. Участок находится на правом берегу р. Тьмака, примерно в 170 м к северо-востоку от уреза воды, более чем в 500 м к юго-востоку от ее устья, примерно в 200 м к юго-востоку от места расположения Спасо-Преображенского собора, построенного в 1285–1290 гг. (рис.1).

[3] Постройки №№ 7, 8, 9 (I этап), 9 (II этап), 10, 11, 12, 12А, 13, 13А, 14А, 16, 21, м.я. №№ 22, 101, 107, 110, 123, частокол 44. В публикацию включены также материалы из постройки № 14, относящейся к этому же времени, в которой стеклянных изделий не обнаружено.

[4] Рассмотрение конструктивных особенностей выявленных комплексов и общего характера застройки данного участка в течение указанного хронологического периода является темой отдельной публикации.

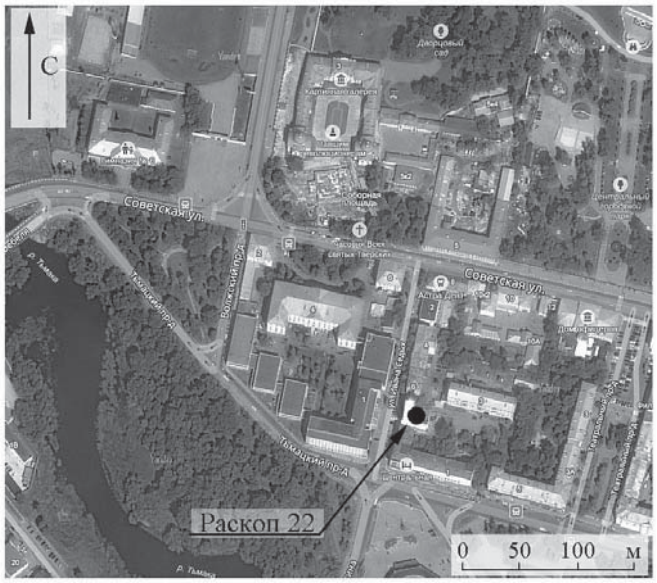


Рис. 1. Месторасположение раскопа № 22 (спутниковый снимок Google.ru).

проведения полевых работ[5] позволила зафиксировать многочисленные подрезки и подсыпки грунта, проводившиеся в ходе строительной деятельности на участке в эпоху средневековья, а также проследить перемещение находок в культурном слое по вертикали и горизонтали. Для выявления мелких находок проводилась дополнительная переборка и просеивание грунта[6].

В целом изученная выборка ***стеклянных изделий*** включает 124 целых и фрагментированных украшений (цв.вкл.: рис.2-6): стеклянных браслетов (118 экз.), бус (5 экз.) и перстня (1 экз.)[7]. Преобладают браслеты гладкие круглые в сечении – 64 экз. (54,2%), меньше крученых и мелкокрученых[8] – 51 экз. (43,2%), единичны ребристые (рубчатые) – 2 экз. (1,69%)[9]. Встречены браслеты 7-ми цветовых тонов: желтого (12 экз. – 10,16%), синего (10 экз. – 8,47%), оливкового (11 экз. – 9,32%), фиолетового (16 экз. – 13,55%), зеленого (желто-зеленого) (22 экз. – 18,64%), коричневого (красно-коричневого, бежевого) (34 экз. – 28,81%), сине-зеленого (4 экз. – 3,39%), у 8-ми браслетов цвет не определен. На 19 экз. (16,1%) фиксируется декор (перевитье разноцветными стеклянными нитями, накладные полосы, филигрань).

Исследованная выборка массового ***керамического материала*** включает 3595 фрагментов гончарных сосудов и 10 реконструированных полных форм (рис.7-22). Преобладает посуда из ожелезненных (красножгущихся) глин (2657 фрагментов – 73,91%), цвет поверхности – от красного до коричневого, меньше фрагментов сосудов из неожелезненных (беложгущихся) глин (938 фрагментов – 26,09%), цвет поверхности от белого до серого. В качестве примесей в тесто использованы дресва (в том числе крупная) (579 фрагментов), песок (468 фрагментов), дресва с песком (2532 фрагмента), шамот (16 фрагментов). Формовочная масса грубая. 1255 фрагментов сосудов орнаментированы. Виды орнамента разнообразны – оттиски зубчатого и прямоугольного штампа, одно и многорядная линия, часто в сочетании с насечками, тычками, однорядной волной. Среди категорий посуды в изученных комплексах

[5] Слой вскрывали пластами по 10 см, а внутри них – по литологическим слоям, с дополнительной переборкой грунта и обязательной горизонтальной зачисткой по нижней границе пласта. В заполнении заглубленных комплексов удалось стратиграфически выделить различные этапы их заполнения.

[6] Благодаря такому подходу удалось собрать даже сильно фрагментированные и полностью коррозированные стеклянные изделия.

[7] Проводилось изучение морфологии и визуально фиксируемых признаков техники изготовления изделий. Несмотря на то, что анализ состава стекла пока не проводился, сравнение с опубликованными тверскими материалами [1; 3; 5] позволяет с большой долей вероятности отнести их к изделиям уже известных химических классов.

[8] В сечении крученых браслетов – 2-8-ми лепестковая розетка; у мелкокрученых – многочастная розетка.

[9] Форма одного браслета не определена.

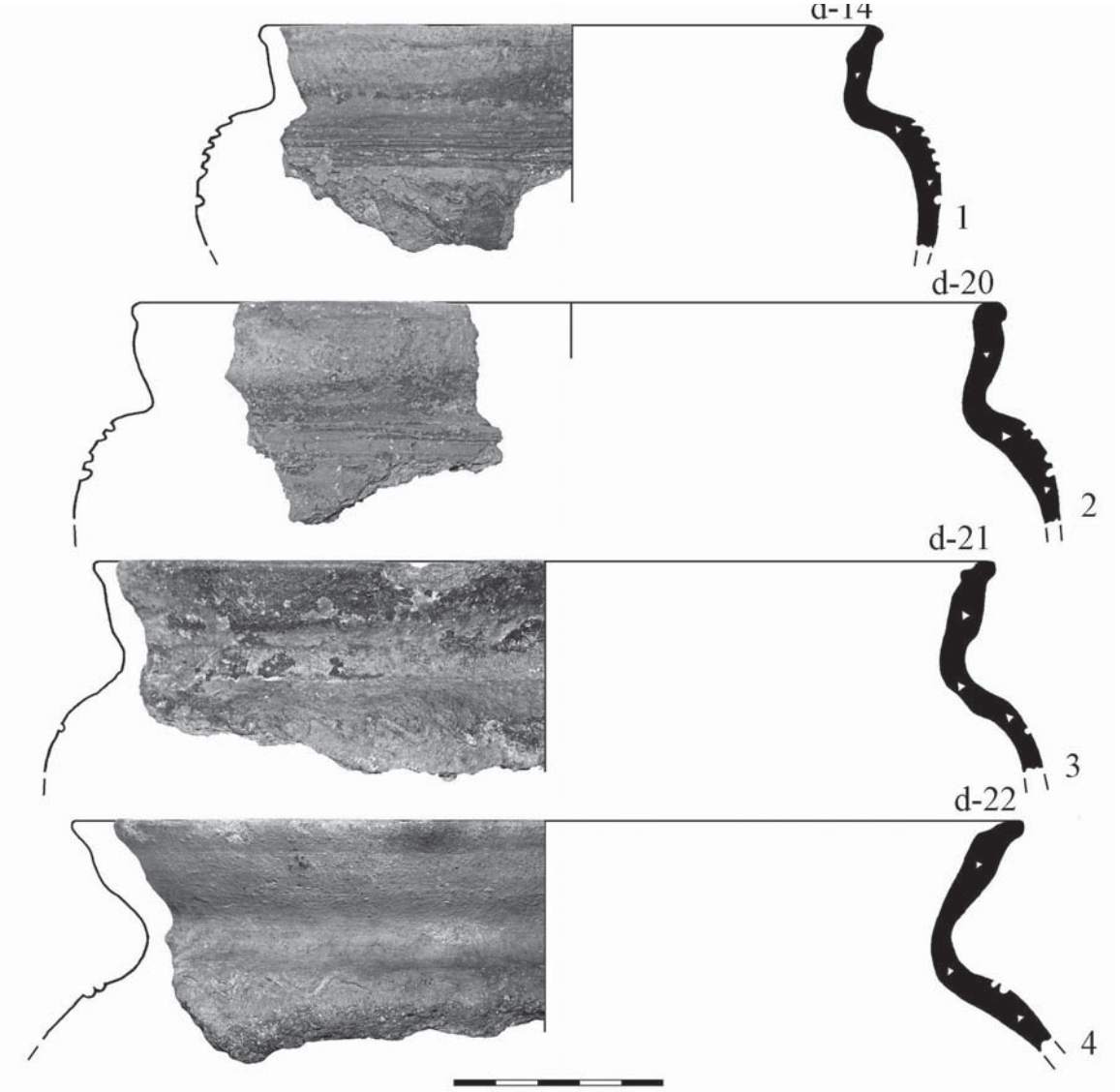


Рис. 7. Фрагменты керамических сосудов из комплексов 1 строительного периода (середина – вторая половина XII в.): 1-3 – из слоя засыпки после прекращения функционирования; 4 – из слоя строительства и функционирования.

преобладают **горшки**[10] (3508 фрагментов) (рис.7-20) с диаметром венчика 21-27 см (46,5%), 18-20 см (19,5%) и 15-18 см (18,8%). Сосуды как меньшего (10-14 см), так и большего (28-31 см) диаметра составляют только 15,2% выборки. 480 крупных фрагментов верхней трети сосудов и 8 реконструированных горшков позволяют исследовать разнообразие форм горшков. Другие категории посуды представлены единичными экземплярами. Отдельную категорию посуды составляют **корчаги (**две полные формы и 21 фрагмент) (рис.21) из красножгущейся глины, орнаментированные тычками или линиями зубчатого штампа. Высота полностью реконструированной

[10] Подавляющее большинство фрагментов горшков (2073 фрагмента) в рассматриваемой коллекции имеют закопченную внешнюю поверхность, следы нагара или остатки пригорелой пищи внутри, что позволяет отнести их к категории кухонной посуды.

корчаги – 52,6 см, диаметр венчика 23 см. Высота корчаги, верхняя часть которой утеряна, – 40 см. **Крышек** усечено-конической формы (рис.22: 1-9) найдено 40 фрагментов, из них 33 изготовлены из красножгущейся глины, 7 – из беложгущейся. Диаметр края варьирует от 17 до 29 см. Одна крышка украшена многорядной волной. К **кувшинам** относятся фрагменты овальных в сечении ручек (3 экз.) из беложгущейся глины. **Миски** (диаметром 11 и 21 см, полные размеры мисок определить не удалось) представлены 10 фрагментами – 6 из красно- и 4 из беложгущейся глины (рис.22: 11, 12). Найден фрагмент сосуда с ручкой, возможно, **светильника-плошки или кружки (?)** из красножгущейся глины (рис.22: 10) (диаметр венчика – 13 см).

Рассмотрим распределение представленного материала по выделенным строительным периодам[11].

1 строительный период (середина – вторая половина XII в.)

К данному периоду относятся постройки №№ 21 и 9 (на раннем этапе их функционирования), от которых сохранились заглубленные в материк хозяйственные подклеты.

Из слоя строительства и функционирования постройки № 21[12] происходят 20 фрагментов горшков из красножгущейся глины, украшенных орнаментом в виде многорядной линии (3 фрагмента) и волны (1 фрагмент), а также их сочетанием (2 фрагмента). Сохранилась верхняя часть горшка с высоким плечиком (тулово раздуто), короткой закругленной шейкой, резко отогнутым наружу венчиком (с внешней стороны венчика отмечено небольшое утолщение), с внутреннего края которого фиксируется ложбинка для крышки (рис.7: 4). Сосуды такой формы на территории Тверского кремля зафиксированы в слое и комплексах (постройках и материковых ямах) первой половины – середины XII века [13, рис.23: 14, 15], в которых отсутствуют находки стеклянных браслетов. Фрагменты подобных горшков, вероятно, в переотложенном состоянии найдены также в заполнении комплексов второй половины XII – начала XIII вв. [10, рис.2: 51, 52, 54; 12, рис.6: 2, 7: 3].

Слой засыпки котлованов подклетов после прекращения функционирования построек[13]. Из указанного слоя происходят первые находки стеклянных изделий исследованной выборки[14], представленные двумя мелкими фрагментами браслетов[15] – гладкого круглого в сечении желтого прозрачного и крученого синего[16] (цв.вкл.: рис.2: №№ 1114, 1268). Такие украшения, судя по опубликованным тверским материалам, принадлежат к раннему набору и датируются третьей четвертью – концом XII – началом XIII столетия [1; 2; 4].

---

[11] При описании находок стеклянных предметов и керамической посуды используются аналогии из публикаций только тверских раскопов, поскольку это позволяет сузить датировку и сопоставить материалы с различных участков Тверского кремля.

[12] К слою строительства и функционирования исследованных комплексов, имевших заглубленные части, отнесен слой засыпки между деревянными конструкциями подклетов и стенками материковых котлованов, а также прослойки на дне подклетов построек.

[13] Засыпка котлованов подклетов производилась, вероятно, перемешанным культурным слоем, срезанным и перемещенным с прилегающих участков.

[14] Появление стеклянных браслетов в Твери относится примерно к третьей четверти XII столетия. Для обозначения периода, в течение которого сформировался слой, не содержащий находки стеклянных браслетов (первая половина – середина XII века) в публикациях используется термин «добраслетный период» [12; 13].

[15] Размеры фрагментов 1,5 и 2 см.

[16] Сохранность стекла позволяет отнести оба украшения к изделиям из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, аналогичные по морфологии браслеты такого состава найдены на территории Твери [1, табл. 2, №№ 4, 5, 8, 22].

Массовый керамический материал из этой части заполнения комплексов представлен 90 фрагментами горшков и 3 фрагментами мисок: 72 фрагмента – из красножгущейся глины, 21 – из беложгущейся. Преобладающим видом орнамента являются оттиски прямоугольного и зубчатого штампа (19 фрагментов) и многорядная линия (13 фрагментов), на плечиках сосудов отмечены также однорядная волна (4 фрагмента), сочетания линии и волны (4 фрагмента), многорядной линии и тычков (2 фрагмента).

Реконструируются горшки нескольких форм: два сосуда – с высоким плечиком, слабо отогнутым наружу венчиком, край которого скошен внутрь с образованием ложбинки (рис.7: 1, 3) или закруглен (рис.7: 2) (4 фрагмента) (с внешней стороны венчика отмечено едва заметное утолщение). 2 фрагмента принадлежат, вероятно, одному сосуду с закругленной шейкой, сильно отогнутым наружу венчиком, по внутреннему краю которого фиксируется ложбинка (рис.8: 7). Обнаружен также довольно крупный фрагмент горшка (рис.9: 2), с сильно раздутым туловом, очень коротким, резко отогнутым наружу венчиком, по срезу которого наблюдается чуть заметный выступ, с внешней стороны венчик имеет подпрямоугольные очертания (плечико сосуда украшено рядами прямоугольного штампа). Один фрагмент принадлежит горшку с высоким, сильно выступающим плечиком, резко отогнутым наружу коротким венчиком, с внутреннего края которого сформирована глубокая ложбинка (рис.9: 5). Находки фрагментов сосудов описанных форм встречаются в Твери в слое и комплексах первой половины – середины XII в. [13, рис.21: 6, 21] и второй половины XII – начала XIII вв. [12, рис.21: 9, 10]. Форма одного горшка из красножгущейся глины (1 фрагмент) (рис.9: 6) отличается от описанных выше почти прямым, слабо отогнутым наружу венчиком, край которого горизонтально уплощен. Находки такой посуды зафиксированы в постройках первой трети XIII в. на территории Тверского кремля [10, рис.4: 77, 78].

2 строительный период (конец XII – начало – первая треть XIII вв.)

К данному периоду относятся три постройки: две из них – № 9 (поздний этап функционирования), № 8 – были наземными с незначительно заглубленными подпольными ямами, один комплекс (№ 14) имел заглубленный подклет, в котором, вероятно, располагалась печь.

Слой строительства и функционирования постройки № 8 не содержал находок стеклянных изделий. Массовый керамический материал представлен 19 фрагментами горшков: 18 – из красножгущейся глины, 1 – из беложгущейся глины. Преобладает орнамент из рядов прямоугольного штампа (10 фрагментов), 3 фрагмента – с многорядным линейным, 2 фрагмента – со смешанным (линейно-волнистым) орнаментом. Реконструируются три горшка (рис.8: 8), аналогии которым встречены в тверских комплексах первой половины XII – первой трети XIII вв. [10, рис.3: 69, 7: 137; 13, рис.5: 9; 25: 9]. Обнаружен фрагмент горшка, с почти вертикальным венчиком, край которого закруглен с внутренней стороны (на этом месте фиксируется полоса прямоугольного штампа), а с внешней стороны оттянут и выступает в виде карниза (рис.9: 7). Похожие сосуды датируются по тверским материалам второй половиной – концом XII в. [10, рис.3: 72].

Слой разрушения построек №№ 8 и 9 содержал 10 фрагментов стеклянных браслетов, 7 из которых (мелкокрученые оливковые, крученый синий и гладкий круглый желтый с перевитьем) принадлежат к раннему набору этих украшений (третья четверть XII – начало XIII вв.) (цв.вкл.: рис.2: №№ 850, 872, 905, 1154, 1278, 1401, 1345). Еще 3 фрагмента браслетов – гладкого круглого синего, крученого фиолетового и крученого желтого прозрачного с простым желтым филигранным декором

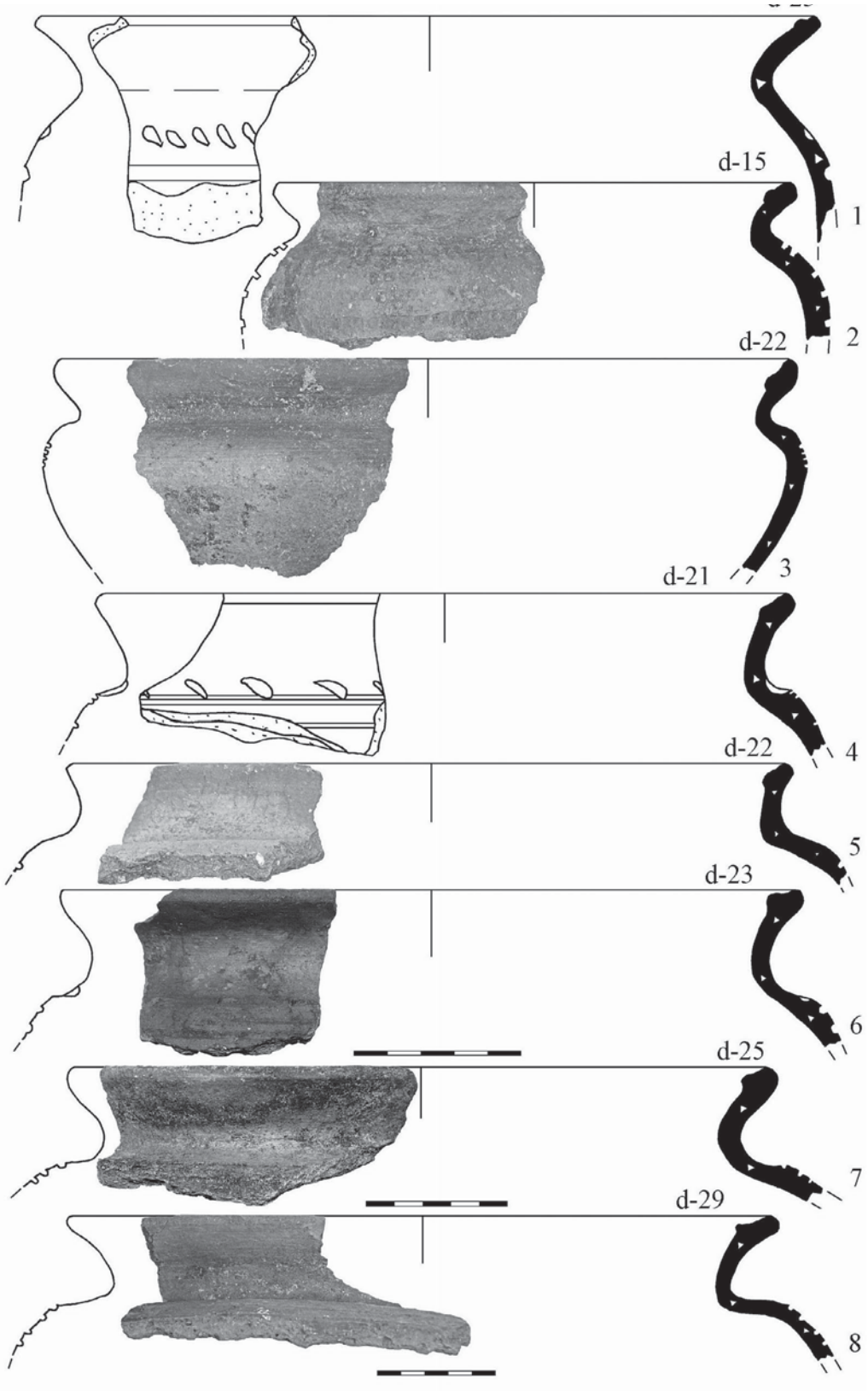


Рис. 8. Фрагменты керамических сосудов из комплексов раскопа № 22 в Тверском кремле. 1, 3, 5, 6 – 3 строительный период, середина – вторая половина XIII в. (3, 5, 6 – слой разрушения; 1 – слой засыпки); 2, 4, 8 – 2 строительный период, конец XII – начало – первая треть XIII в. (2, 4 – слой разрушения; 8 – слой строительства и функционирования); 7 – 1 строительный период, середина – вторая половина XII в., слой засыпки.

– относятся к украшениям, появление которых в Твери относится к началу – первой трети XIII в.[17] (цв.вкл.: рис.2: №№ 1198, 1314, 1366).

Кроме стеклянных изделий со слоем разрушения комплексов связаны индивидуальные находки, имеющие широкий период бытования: перстень бронзовый рубчатый (фрагментирован) (рис.23: 1) (конец XI – конец XIV вв.) [14, с.122-123], донца сосудов из красножгущейся глины с клеймами (рис.23: 2, 3): одно – в виде двух концентрических окружностей, в которые заключено плохо читаемое геометрическое изображение; второе клеймо – в виде «колеса» с прямыми спицами (встречаются с XI–XIII вв.) [15, с.46-47, 64; 16, с.242-243; 17, с.137].

Массовый керамический материал представлен 154 фрагментами горшков, крышек (2) и миски (1) из красножгущейся (121 фрагмент – 78,57%) и беложгущейся (33 фрагмента – 21,43%) глины. 59 фрагментов украшены орнаментом: оттисками прямоугольного и зубчатого штампа (30 фрагментов), многорядным линейным (15 фрагментов), волнистым (7 фрагментов), насечками (1 фрагмент), тычками в сочетании с зубчатым штампом (1 фрагмент), линейно-волнистым (5 фрагментов).

Реконструируются несколько форм горшков. Несколько фрагментов принадлежат горшкам, подобным сосудам из засыпки комплексов первого строительного периода (рис.8: 2, 4; 9: 5)[18]. Один фрагмент принадлежит горшку с сильно раздутым туловом, очень короткой закругленной шейкой, резко отогнутым наружу венчиком, край которого оттянут вверх и косо срезан наружу (рис.9: 4). Фрагменты еще трех сосудов выявлены только на данном этапе заполнения указанных комплексов: они принадлежат горшкам грубым, толстостенным, имеющим с внутренней стороны ложбинку, а с внешней стороны – косой срез (орнаментированы по-разному: один сосуд полностью покрыт оттисками прямоугольного штампа (рис.10: 4), у другого – в верхней части плечика прочерчена однорядная волна) (по тверским аналогиям датируются второй половиной – концом XII – началом XIII вв.) [12, с.11: 9]. Еще у одного сосуда с внутреннего края венчика отмечено утолщение – наплыв, косо срезанный внутрь (рис.10: 7) (похожие сосуды в Тверском кремле происходят из слоя второй половины XII в.) [13, рис. 25: 10]. Среди находок – фрагмент сосуда со слабо отогнутым наружу невысоким венчиком, по краю которого символически намечена ложбинка, в качестве упора для крышки выделен небольшой выступ (1 фрагмент) (рис.11: 1) (находки таких сосудов известны в тверских комплексах второй половины – конца XII – начала XIII вв.) [12, рис.12: 15]. Сосуды, имеющие S-видный профиль, у которых край венчика косо срезан наружу (рис.11: 3) имеют сходство с горшками из слоя первой половины – середины XII века в материалах раскопок Тверского кремля [13, рис.24: 5]. Еще один горшок – с почти не выступающим плечиком, слабо отогнутым наружу венчиком, с внутреннего края которого отмечен выступ, по срезу – неглубокая ложбинка (рис.11: 4) (сосуды такой формы, судя по тверским материалам, получают распространение с середины XIII в. и продолжают бытовать в XIV в.) [13, рис.31: 22, 23]. Находки сосудов со слабо выступающим плечиком, слегка отогнутым наружу венчиком, с внутреннего края которого фиксируется неглубокая ложбинка (среди представленных находок 1 фрагмент) встречены в исследованных тверских

---

[17] Об этом свидетельствуют наблюдения за стратиграфическим распределением находок указанных разновидностей браслетов: они найдены в слое, отложившемся незадолго до и сразу после прослоек пожара, соотнесенного с событиями 1238 года [13, с.54, № 668, с.56, № 427].

[18] Несколько фрагментов, сходных по форме, диаметру венчика, составу теста, примесям и орнаменту, найденные в разных комплексах (постройка № 9 (ранний этап, засыпка) и постройка № 8 (слой разрушения)), расстояние между которыми около 1 м, вероятно, являются обломками одного горшка (рис.9: 5).

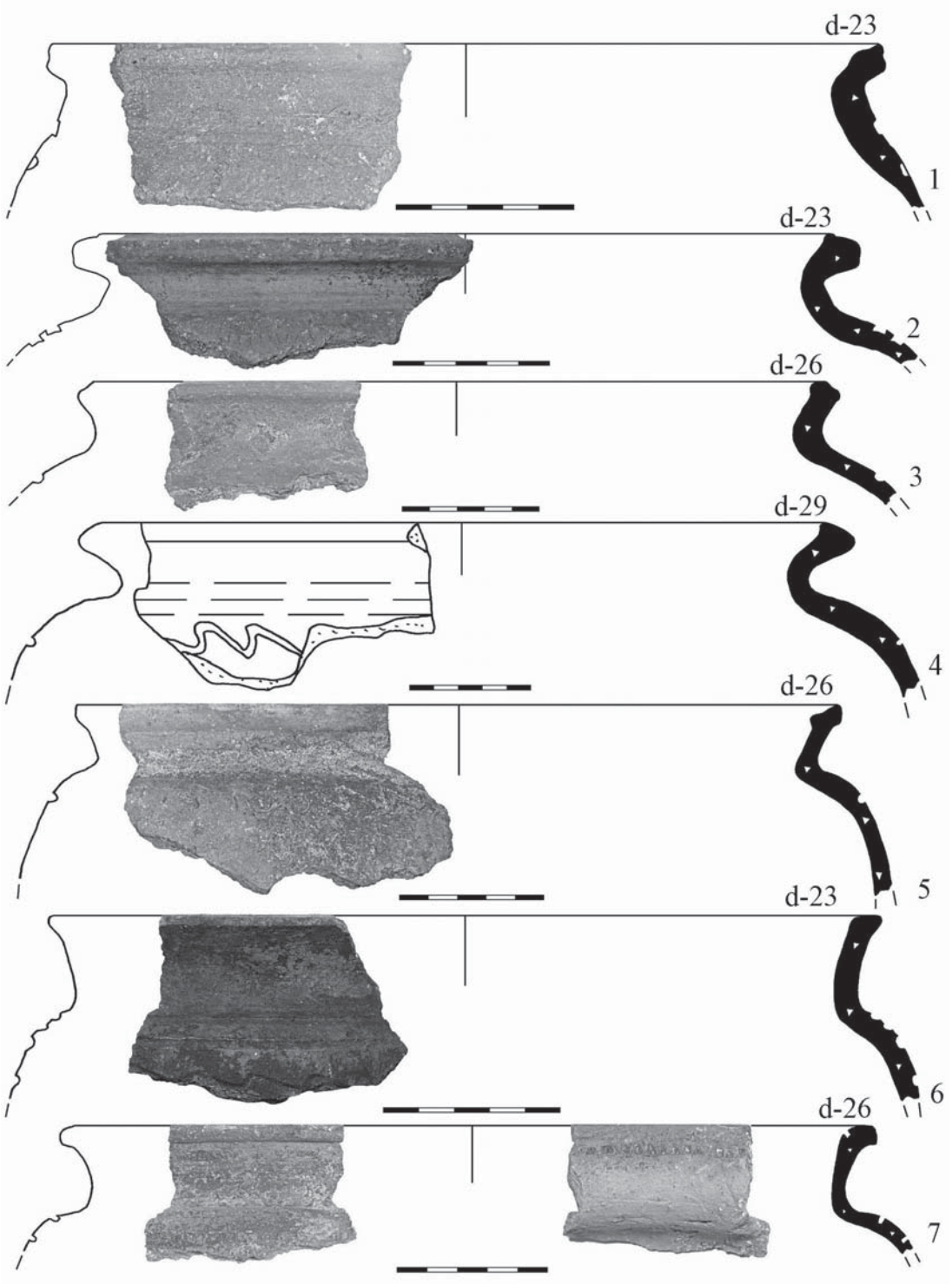


Рис. 9. Фрагменты керамических сосудов из комплексов раскопа № 22 в Тверском кремле. 1 – 3 строительный период, середина – вторая половина XIII в., слой засыпки; 2, 5, 6 – 1 строительный период, середина – вторая половина XII в., слой засыпки; 3, 4, 7 – 2 строительный период, конец XII – начало – первая треть XIII в. (3 – слой засыпки, 4 – слой разрушения, 7 – слой строительства и функционирования).

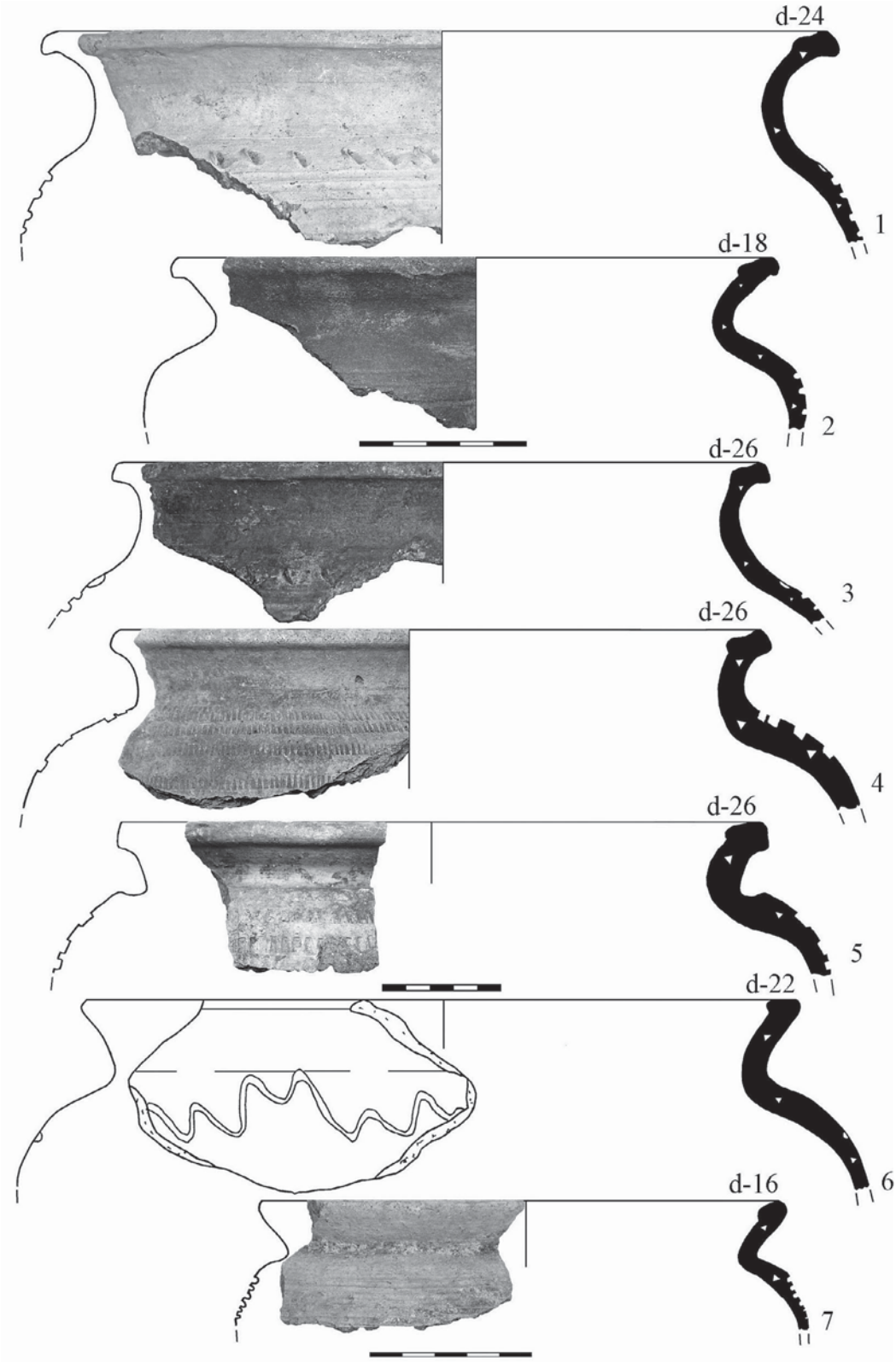


Рис. 10. Фрагменты керамических сосудов из комплексов раскопа № 22 в Тверском кремле. 1-5, 7 – 2 строительный период, конец XII – начало – первая треть XIII в. (1, 3 – слой функционирования и разрушения п.14; 2, 5 – слой засыпки, 4, 7 – слой разрушения); 6 – 3 строительный период, середина – вторая половина XIII в., слой засыпки.

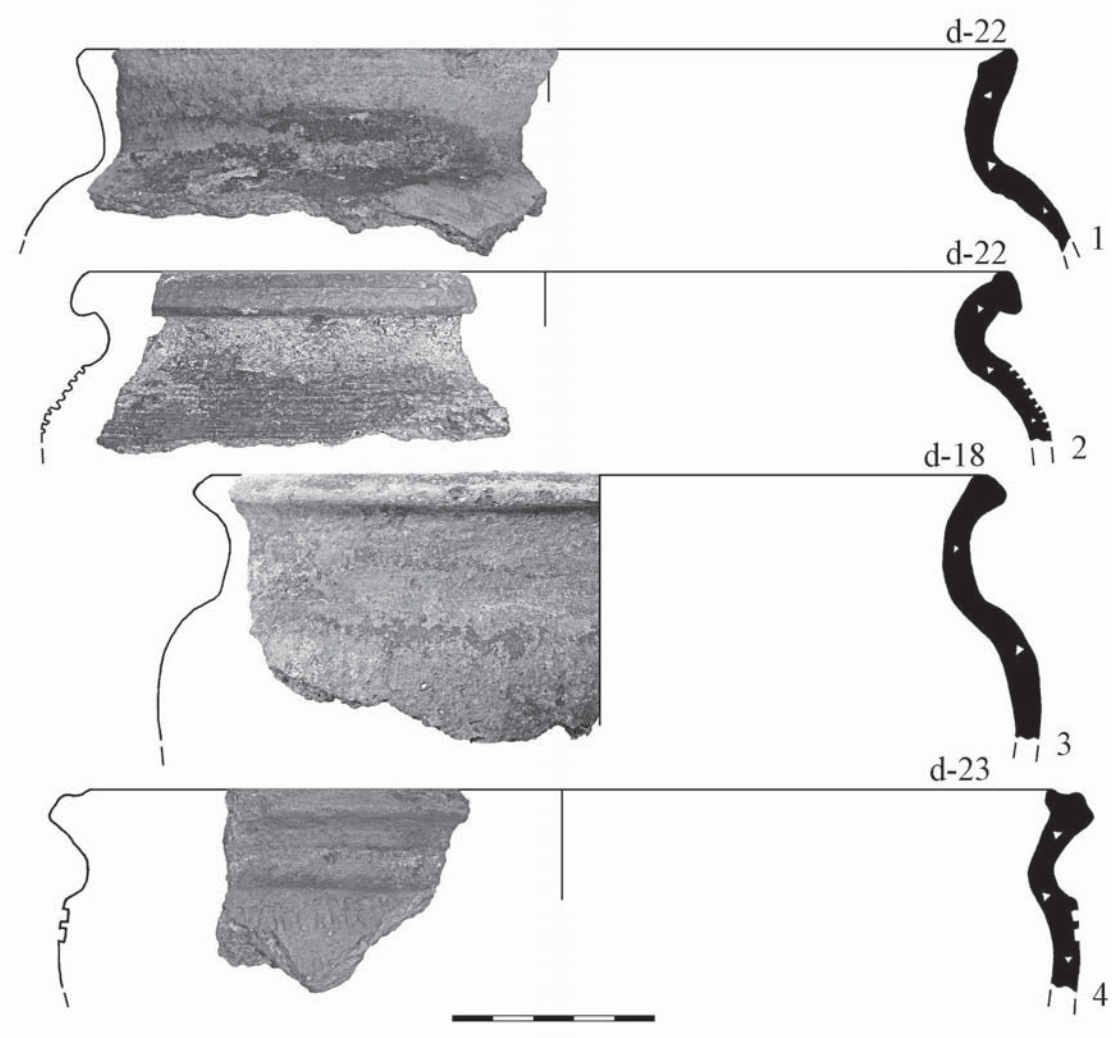


Рис. 11. Фрагменты керамических сосудов из комплексов раскопа № 22 в Тверском кремле.
1, 3, 4 – 2 строительный период, конец XII – начало – первая треть XIII в., слой разрушения;
2 – 3 строительный период, сер. – вторая половина XIII в., слой разрушения.

комплексах первой трети XIII в., но получают распространение позднее, во второй половине – конце этого столетия [10, рис.5: 98].

Датировка форм керамической посуды данного этапа, в основном, соответствует выявленным хронологическим группам стеклянных браслетов. О перемещении культурного слоя в период разрушения указанных построек свидетельствует разнообразие форм посуды.

Засыпка заглубленных частей построек после их разрушения. В этой части заполнения комплексов найдено 4 фрагмента[19] стеклянных крученых браслетов – три из них – фиолетовые и один – синий (цв.вкл.: рис.2: №№ 994, 1246, 1229, 1243)[20]. К одному набору относятся лишь фиолетовые браслеты (датируются концом XII – первой третью XIII вв.), синий – более ранний. Совместное попадание

[19] Все браслеты, судя по сохранности, изготовлены из калиево-свинцово-кремнеземного стекла.
[20] Небольшие обломки, длиной от 1,7 до 3 см, два наиболее крупных фрагмента, вероятно, принадлежат одному браслету (фиолетовому).

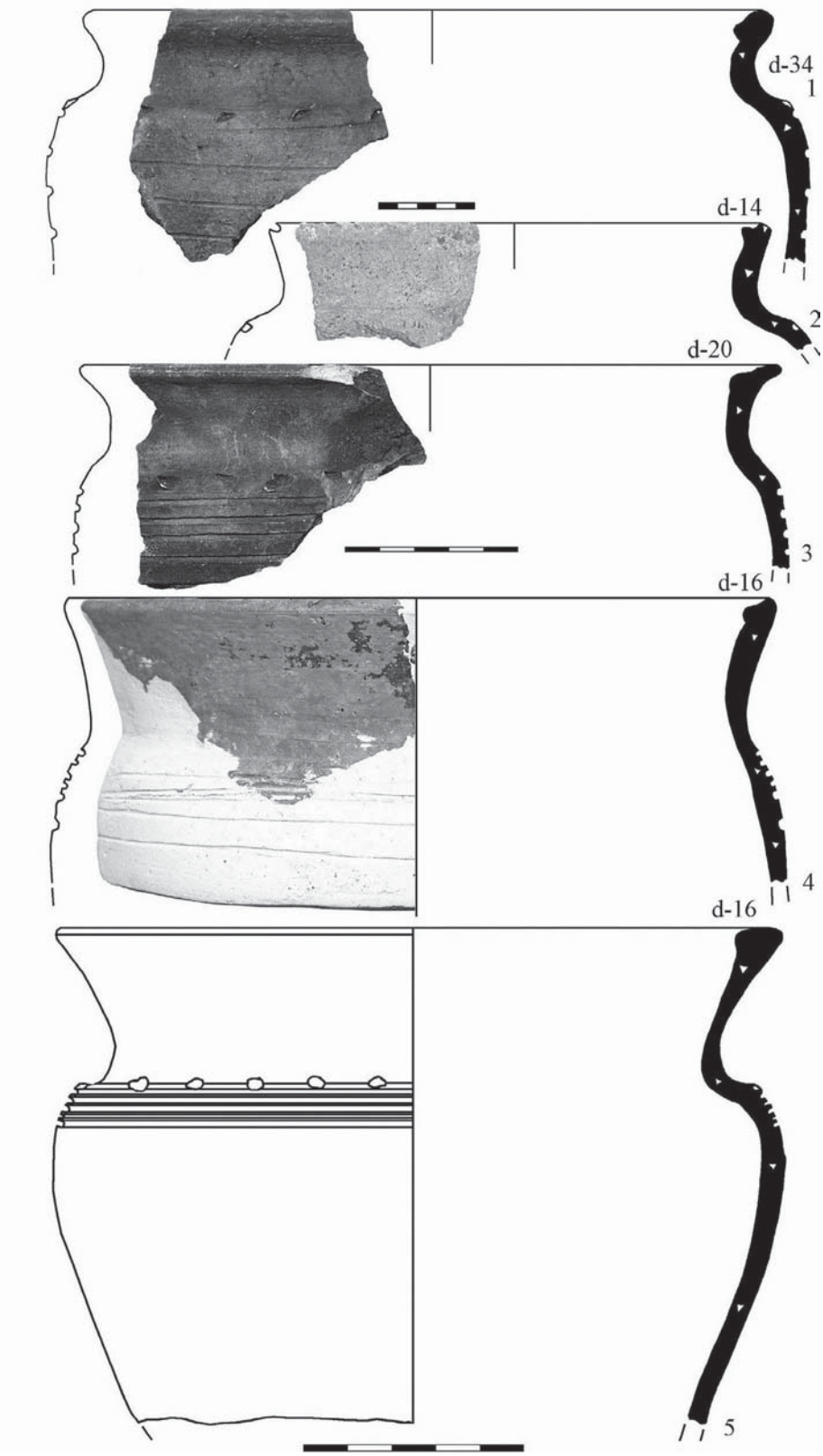


Рис. 12. Фрагменты керамических сосудов из комплексов раскопа № 22 в Тверском кремле. 1, 3, 5 – 3 строительный период, середина – вторая половина XIII в., (1, 3 – слой разрушения, 5 – слой функционирования и разрушения постройки 14); 2 – 4 строительный период, конец XIII – начало XIV в., слой разрушения.

этих браслетов в заполнение постройки (уже в виде фрагментов) могло произойти в процессе перемещения слоя домонгольского времени. Найденная с браслетами стеклянная бусина – округлая зонная зеленая непрозрачная, датируется по тверским аналогиям второй половиной – концом XII – началом – первой половиной XIII вв. [1, с.65-67] (цв.вкл.: рис.2: № 915).

Выборка массовой керамической посуды составляет 339 фрагментов (фрагменты горшков и крышек) из красножгущейся (251 фрагмент – 74,04%) и беложгущейся (88 фрагментов – 25,96%) глины. На орнаментированных фрагментах (всего их 137) фиксируются оттиски прямоугольного и зубчатого штампа (на 54 фрагментах), многорядной линии (54 фрагмента), меньше фрагментов с однорядной волной (10 фрагментов), сочетаниями линии и волны (13 фрагментов), тычков и многорядной линии (6 фрагментов).

В данной части заполнения построек отмечено присутствие фрагментов горшков, формы которых описаны в слое разрушения построек данного строительного периода (рис.7: 3; 8: 2, 4, 8; 9: 3; 10: 2, 5). Встречены также фрагменты других сосудов[21]: – со слабо отогнутым наружу венчиком, «черновой» край которого завернут внутрь (1 фрагмент) (рис.13: 3) (по аналогиям датируется XIV в.) [13, рис.31: 25]; – со слабо сужающимся ко дну туловом, коротким прямым венчиком, край которого уплощен (сосуд покрыт разреженными полосами прямоугольного штампа) (индивидуальная форма – 1 фрагмент) (рис.13: 5); – сосуды с S-видным профилем и небольшой ложбинкой прямо по срезу венчика (рис.14: 1, 2); – сосуд с высоким плечиком, почти прямым венчиком, край которого оттянут наружу (рис.15: 8) (сосуды такой формы найдены в комплексах 30-х гг. XIII в.) [10, рис. 5: 96]; – горшок с закругленной шейкой, плавно отогнутым наружу венчиком, «черновой» край которого завернут внутрь и закруглен (1 фрагмент) (близкие по форме сосуды датируются серединой – второй половиной XIII в.) [13, рис.31: 7]; сосуд с коротким, почти прямым венчиком, край которого горизонтально уплощен (датируется по аналогиям XIV в.) [13, рис.31: 26].

Таким образом, засыпка заглубленных частей комплексов 2 периода происходила с использованием, в основном, слоя, отложившегося вокруг существовавших построек. Лишь единичными фрагментами в засыпке представлены новые формы горшков, появление которых относится, вероятно, ко времени после разрушения построек.

Из ***поздних отложений*** культурного слоя, перекрывавших засыпанный подклет постройки № 9, происходят 2 фрагмента стеклянных браслетов – гладких круглых в сечении желтых прозрачных, изготовленных, судя по визуальным признакам[22], из свинцово-кремнеземного стекла (цв.вкл.: рис.2: №№ 925, 947). Браслеты такого состава изготавливались в некоторых древнерусских центрах (Новгород, Полоцк, Смоленск, Воищина) со второй половины XII в. [18, с.172-174]. По имеющимся наблюдениям, в Твери подобные украшения появляются лишь с 40-х гг. XIII столетия и бытуют до XIV в. [1, с.69-72; 4].

Одна постройка этого строительного периода – ***№ 14*** (с заглубленным подклетом, в котором находилась печь) – является закрытым комплексом, погибшим в пожаре. Выделено заполнение на этапе строительства – засыпка пазухи между стенками деревянным сооружением внутри подклета и стенками материкового котлована

---

[21] В имеющихся публикациях материалов XII–XIV вв. из раскопок Тверского кремля большинство этих форм посуды не представлены.

[22] Браслеты такого состава имеют хорошую сохранность (поверхность не покрыта сетью мелких трещин), часто они заметно тяжелее украшений из щелочно-свинцового стекла.

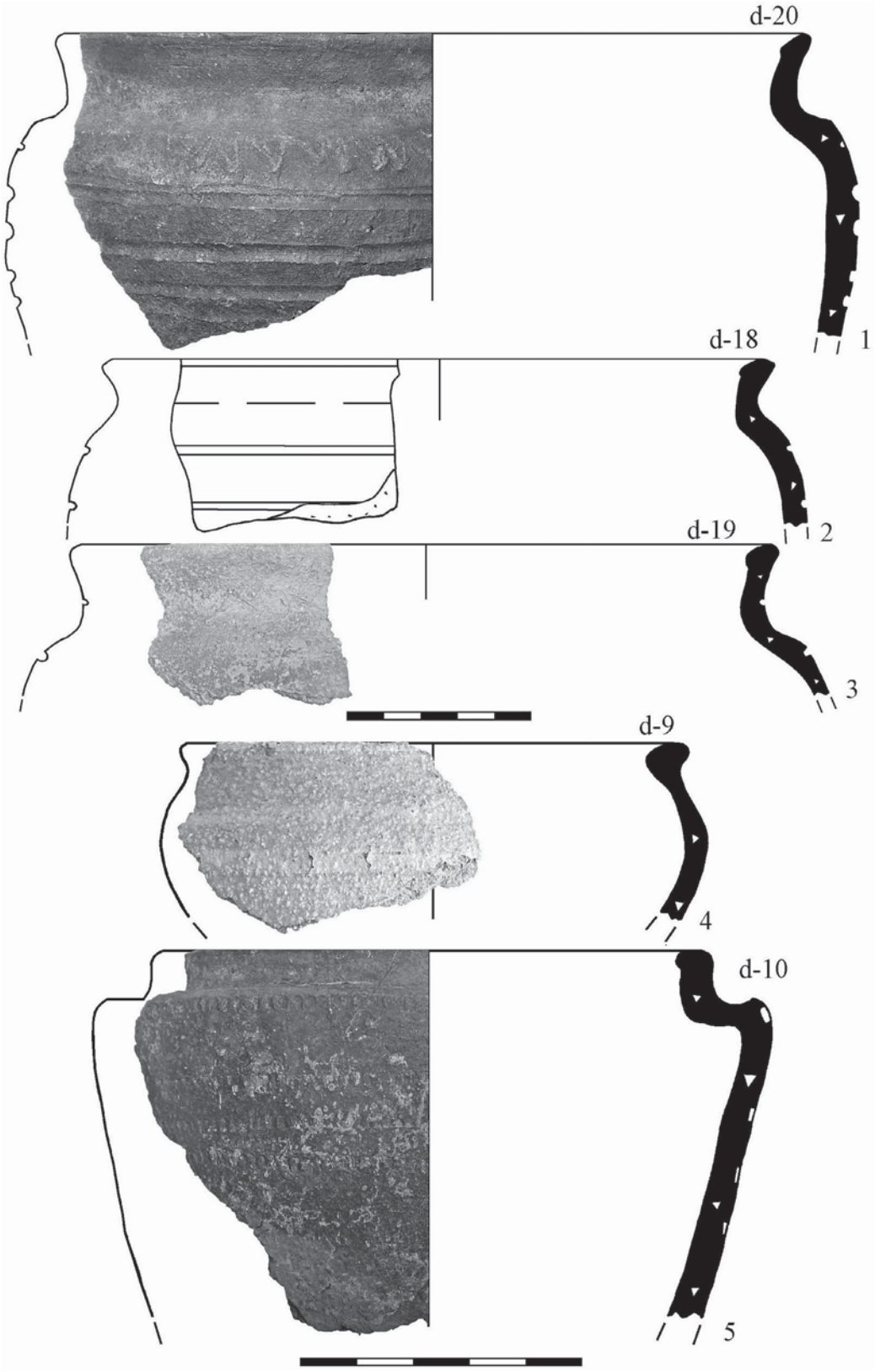


Рис. 13. Фрагменты керамических сосудов из комплексов раскопа № 22 в Тверском кремле. 1, 4 – 4 строительный период, конец XIII – начало XIV в. (1 – слой строительства и функционирования, 4 – слой разрушения); 2 – 3 строительный период, середина – вторая половина XIII в., слой засыпки; 3, 5 – 2 строительный период, конец XII – начало – первая треть XIII в., слой засыпки.

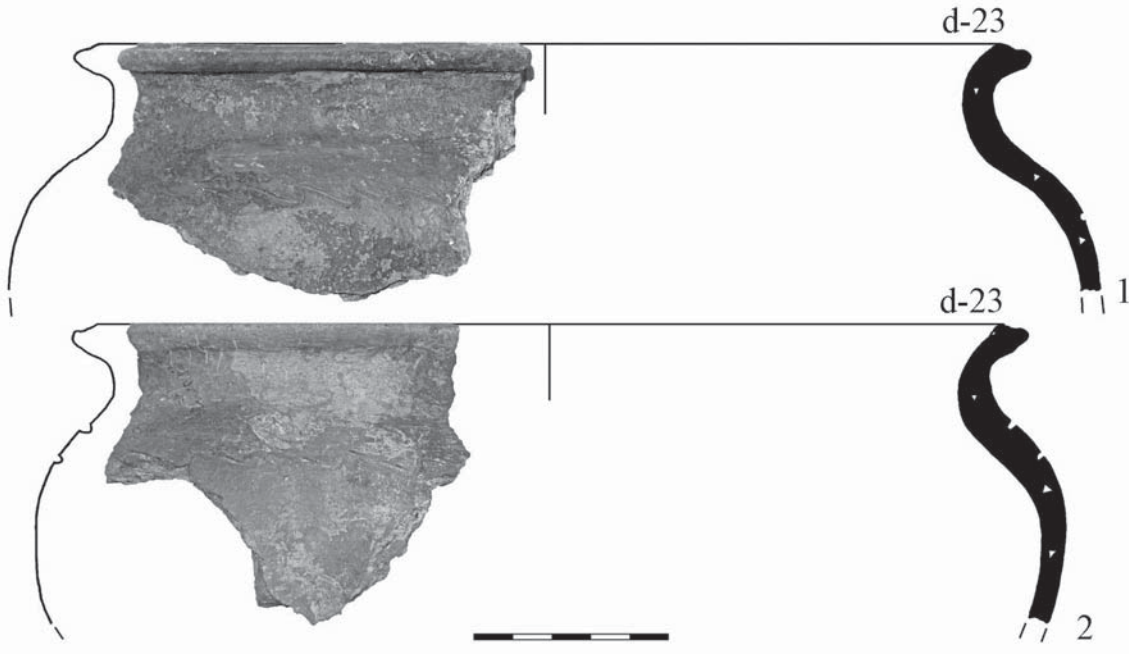


Рис. 14. Фрагменты керамических сосудов из комплексов раскопа № 22 в Тверском кремле. 2 строительный период, конец XII – начало – первая треть XIII в., слой засыпки.

– слой функционирования и разрушения (слой пожарища). Стеклянных изделий в заполнении комплекса не обнаружено.

В слое ***строительства*** найдено 15 фрагментов сосудов (12 – из красножгущейся глины, 3 – из беложгущейся). Сосуды орнаментированы многорядной линией (6 фр.), сочетанием линии и волны (2 фр.), однорядной волной (1 фр.). Встречен фрагмент верхней части горшка с отогнутым наружу венчиком, с внутреннего края которого фиксируется небольшой валик (рис.16: 3).

Из слоя ***функционирования и разрушения постройки*** происходят бытовые предметы и хозяйственный инвентарь: скопление ошлакованных железных цилиндрических замков и их деталей[23] (рис.25: 1, 5-8) (конец XII – середина XIV вв.) [19, с.162], симметричное лезвие железного топора (рис.25: 4) (первая половина – середина XIII – начало XV вв. [19, с.163]), жаровня (?) железная (рис.25: 3) и пряслице шиферное битрапецоидной формы (рис.25: 2) (вторая половина XII – первая половина XIII вв. [20, с.79-80]). Обнаружены фрагменты деревянных блюд и чаши (рис.24: 1-4) (подобные находки датируются в Новгороде на Неревском раскопе XIII в. [21, с.4]).

Рядом с развалом печи обнаружено скопление битых горшков из красножгущейся глины, из которых удалось реконструировать 7 сосудов нескольких форм (рис.19: 1-4; 20: 1, 3, 4). Аналогии им известны в тверских комплексах первой половины – середины XIII в. [10, рис.4: 79, 81-83, 7: 121]. Обнаружены также развалы двух корчаг (рис.21: 1, 2).

[23] Типов Б и В1 по классификации Б.А. Колчина.

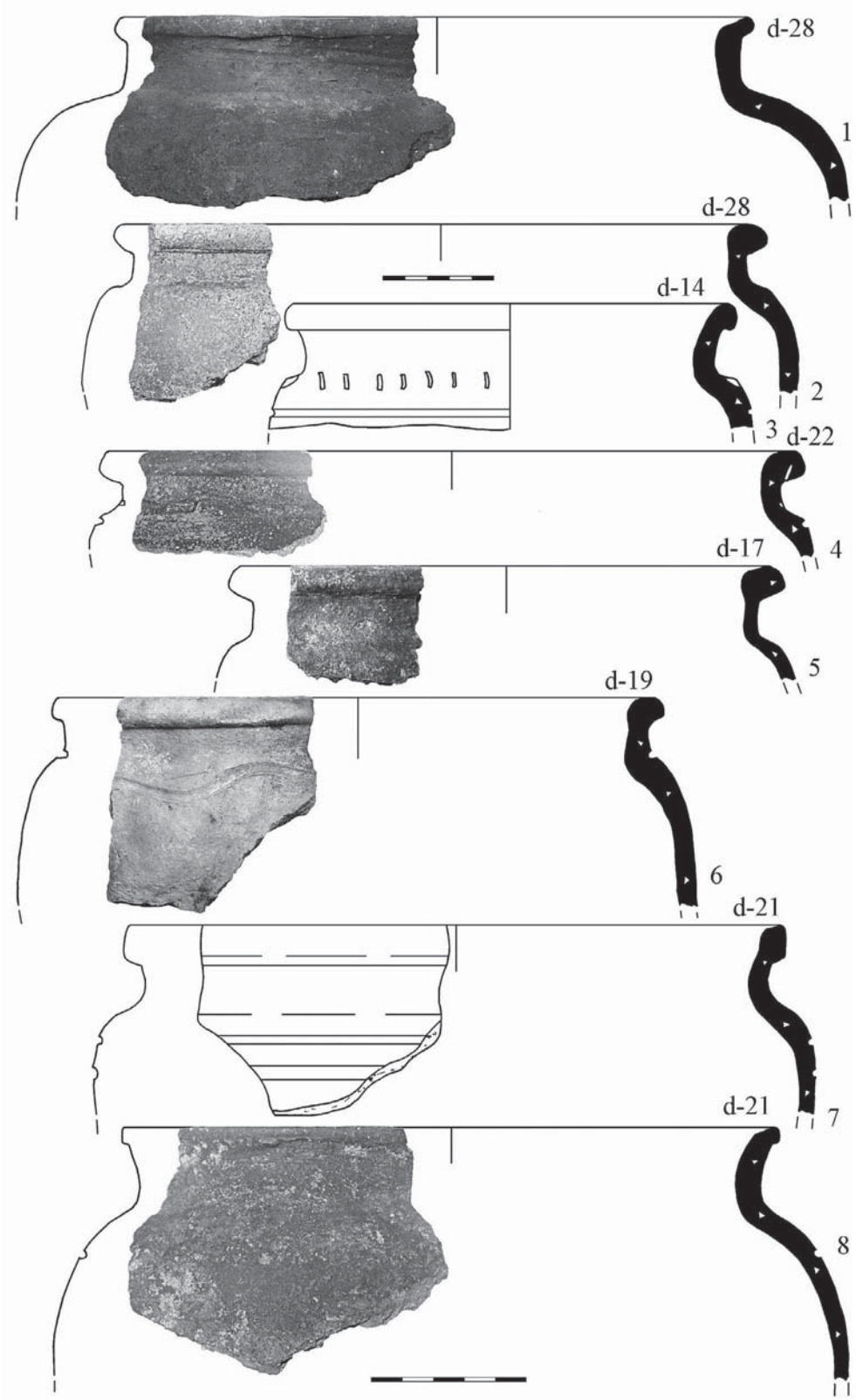


Рис. 15. Фрагменты керамических сосудов из комплексов раскопа № 22 в Тверском кремле. 1, 3, 6, 7 – 3 строительный период, середина – вторая половина XIII в. (1, 6 – слой засыпки, 3, 7 – слой разрушения); 2, 4, 5 – 4 строительный период, конец XIII – начало XIV в., слой разрушения; 8 – 2 строительный период, конец XII – начало – первая треть XIII в., слой засыпки.

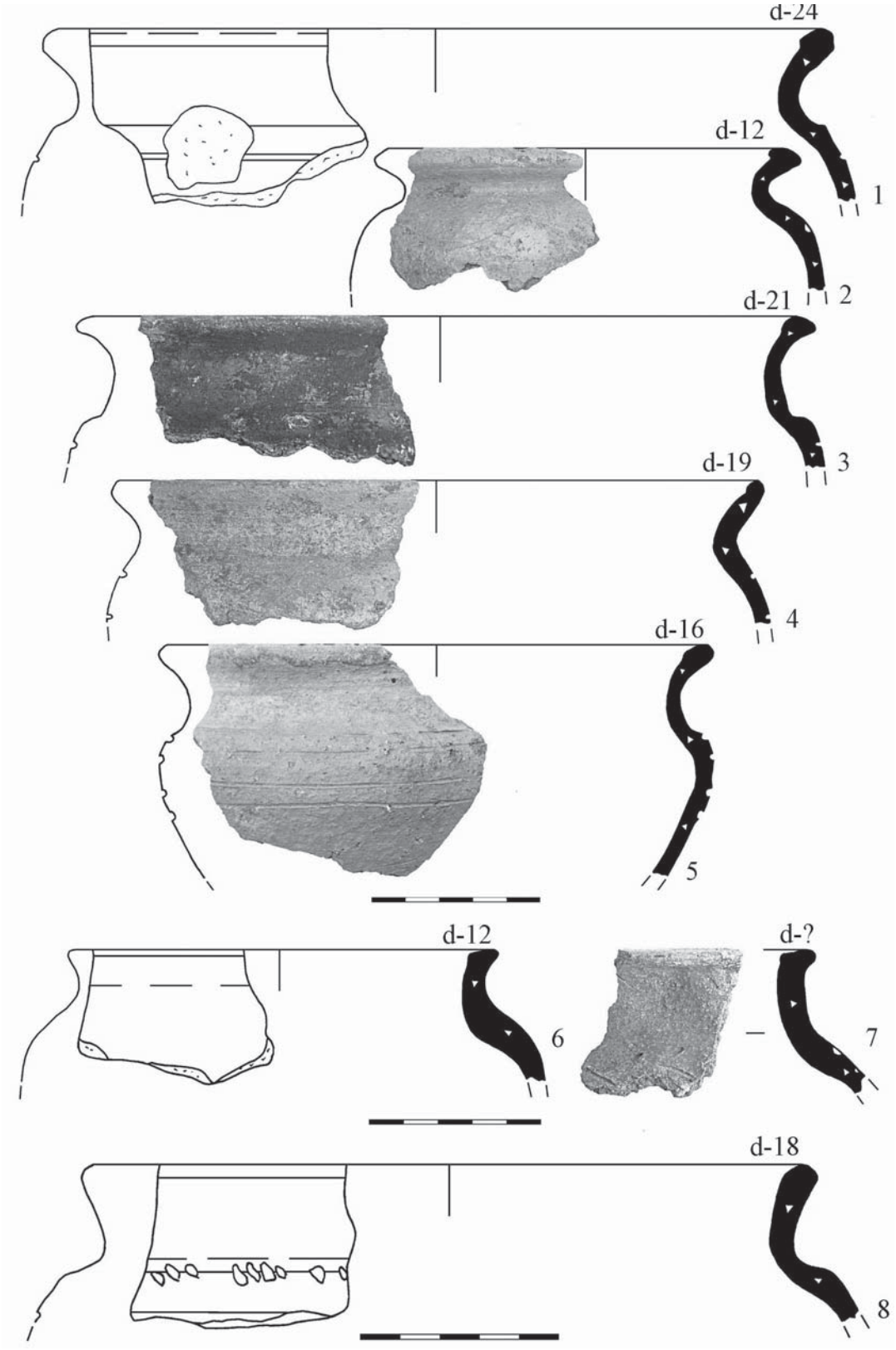


Рис. 16. Фрагменты керамических сосудов из комплексов раскопа № 22 в Тверском кремле. 1, 4, 5, 7 – 4 строительный период, конец XIII – начало XIV в. (1, 4, 7 – слой разрушения, 5 – слой засыпки); 2, 6 – 3 строительный период, середина – вторая половина XIII в., слой разрушения; 3, 8 – 2 строительный период, конец XII – начало – первая треть XIII в., слой функционирования и разрушения постройки 14.

Из той же части заполнения комплекса происходят 153 фрагмента горшков из красножгущейся (125 фрагментов) и беложгущейся (26 фрагментов) глины. Орнаментированы сосуды многорядной линией (50 фрагментов), тычками (3 фрагмента), насеками (6 фрагментов), а также сочетанием этих орнаментов (22 фрагмента), 1 фрагмент украшен оттисками зубчатого штампа.

Реконструировано несколько форм горшков (рис.10:1, 3; 12: 4; 16: 8). Среди находок – 3 фрагмента горшков (рис.17: 1) с S-видным профилем и едва намеченной ложбинкой по срезу венчика (датируется по тверским материалам первой половиной – серединой XII в.) [13, рис.23: 2], а также 2 фрагмента сосудов с высоким, сильно выступающим плечиком, почти вертикальным венчиком, край которого утолщен (рис.17: 2, 4).

3 строительный период (середина – вторая половина XIII в.)

К данному периоду относятся 4 постройки[24], вероятно, одной усадьбы, а также пять хозяйственных ям[25], в которых найдены изделия из стекла.

Со слоем ***строительства и функционирования*** постройки № 13 связан мелкий фрагмент стеклянного браслета крученого синего прозрачного, с желтым перевитьем, относящегося ко второй половине – концу XII – началу XIII вв. (цв.вкл.: рис.3: № 1389). В этом же слое найдено 3 фрагмента горшков из красножгущейся глины, 1 – из беложгущейся глины, орнаментированные многорядными линиями и сочетанием линий и волны. Единственный фрагмент венчика принадлежит горшку, форма которого аналогична сосудам, выявленным в комплексах описанного выше 1 строительного периода (середина – вторая половина XII в.). Все эти находки, вероятно, связаны с разрушенными ранними отложениями культурного слоя.

Из слоя разрушения комплексов данного периода происходит значительная выборка стеклянных украшений: 2 бусины, 12 фрагментов браслетов. Одна бусина крупная (диаметром 1,3 см), округлой зонной формы, желтая прозрачная (цв. вкл.: рис.3: № 839), изготовлена из стекла индивидуальной навивкой. Такие бусы, возможно, подражающие хрустальным, известны в курганных погребениях конца XI–XII вв.[26] [22, с.63], а также в культурном слое Торжка первой половины XII в. [23, вид 25]. На памятниках древнерусского времени, в целом, датируются концом XI – первой третью XIII вв. [24, с.197]. Другая бусина – округлая зонная зеленая непрозрачная (диаметром всего 0,6 см), изготовлена в технике серийной навивки (цв. вкл.: рис.3: № 1325). Аналогии таким бусам в Твери известны в комплексах второй половины XII – первой трети XIII вв. [1, с.66-67; 25, с.250-251].

Представителен набор стеклянных браслетов (12 фрагментов): 6 крученых и мелкокрученых (3 фиолетовых, 2 оливковых и 1 желто-зеленый) и 6 гладких круглых (желто-зеленого, коричневого, оливкового цвета[27]). Судя по визуально фиксируемым признакам[28], 2 браслета изготовлены из свинцово-кремнеземного стекла. В данной выборке присутствуют браслеты двух хронологических групп: период совместного бытования браслетов фиолетовых крученых (3 фрагмента) (цв.вкл.: рис.3: №№ 1315, 1343), оливковых крученых и гладких круглых (с перевитьем и без него) (3 фрагмента) (цв.вкл.: рис.3: №№ 1344, 1350, 1415) – конец XII – первая треть XIII вв. Гладкие круглые и крученые наручи желто-зеленого и коричневого цвета (4 фрагмента)

[24] №№ 7, 12А, 13, 16.
[25] №№ 22, 101, 106, 107, 110.
[26] Курганная группа Большая Коша (Селижаровский район Тверской области).
[27] В двух случаях цвет установить не удалось из-за полной коррозии стекла.
[28] Иризация на поверхности, хорошая сохранность, вес браслета.

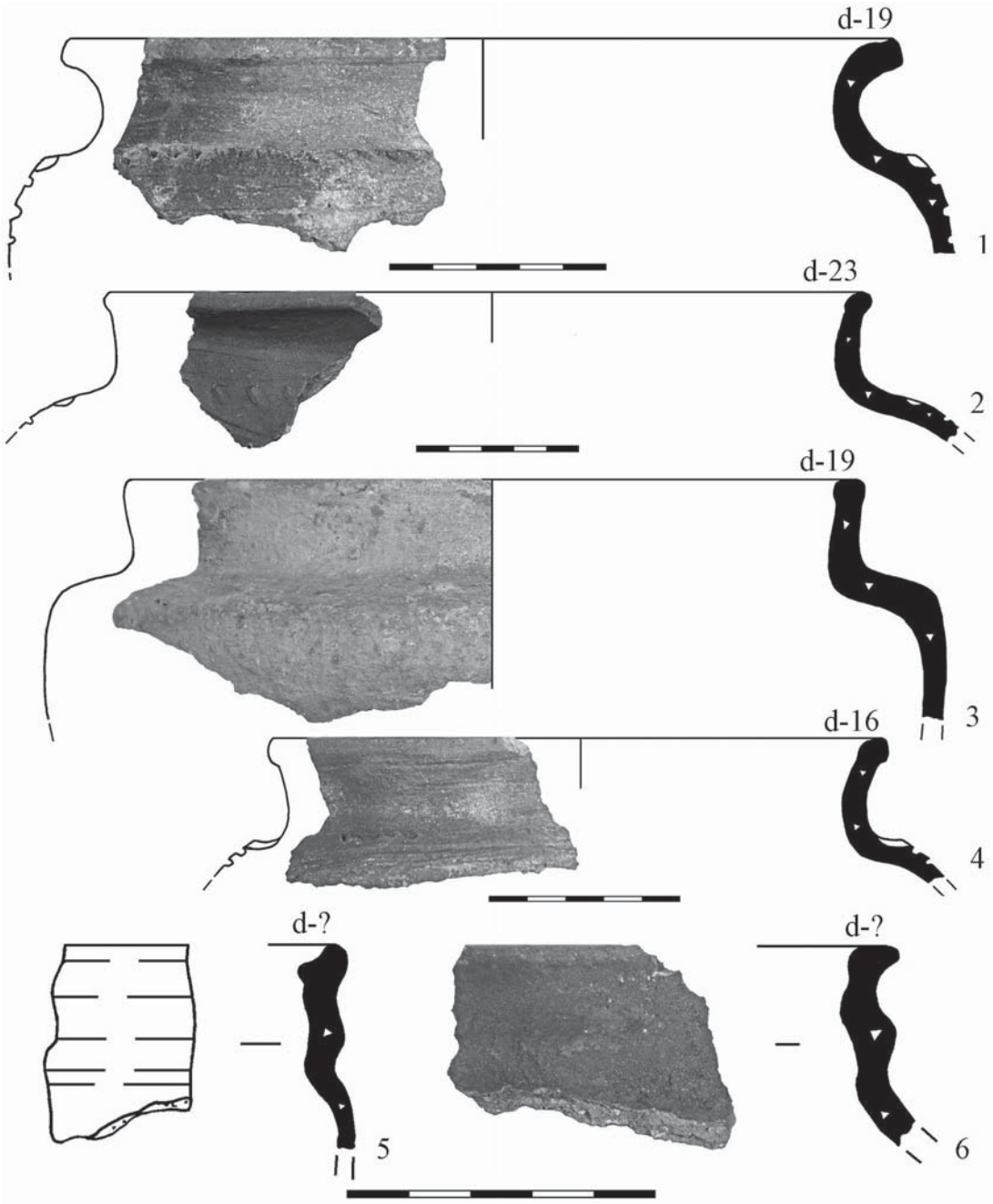


Рис. 17. Фрагменты керамических сосудов из комплексов раскопа № 22 в Тверском кремле. 1, 2, 4 – 2 строительный период, конец XII – начало – первая треть XIII в., слой функционирования и разрушения постройки 14; 3, 6 – 4 строительный период, конец XIII – начало XIV в. (3 – слой засыпки, 6 – слой разрушения); 5 – 3 строительный период, середина – вторая половина XIII в., слой засыпки.

(цв.вкл.: рис.3: №№ 847, 890, 1308, 1313) из стекла двух составов – калиево-свинцово-кремнеземного и бесщелочного свинцово-кремнеземного – характерны для середины – второй половины XIII – начала XIV вв. [4].

Из этого же слоя происходят другие индивидуальные находки, имеющие широкий период бытования: фрагменты браслета бронзового, плетенного из 6-ти проволок (концы не сохранились) (рис.26: 1, 2) (от рубежа XI–XII до конца XIII вв.) [14, с.101-102]; замок железный цилиндрический типа В1 и дужка аналогичного замка

(рис.26: 3, 4) (конец XII – начало XV вв.) [19, с.162]; кресало овальное железное (рис.26: 5) (XIII–XV вв.) [19, с.163]; деревянная подножка ремизного ткацкого станка (рис.26: 6) (горизонтальная конструкция ткацкого станка получает распространение в Древней Руси с начала XIII в., в Твери – с 30-40-х гг. XIII в.) [21, с.68; 26]. Из данной части заполнения заглубленных подклетов происходят изделия из кожи. Среди них выделяется обрезок (носок) верхней цельнокроеной части туфли (рис.26: 7). В основании слабо заостренного носка сделан небольшой вырез для крепления носка подошвы. Близкие по конструкции модели туфель датируются XIII–XIV вв. [27, с.53,212]. По оси носка фиксируются отверстия, вероятно, туфля была украшена вышивкой (цветные нити не сохранились). Вышивка на лицевой стороне цветными нитями характерна для изделий домонгольского времени, к началу XIV в. этот способ декорирования выходит из употребления [27, с.76]. Найдено также 4 обрывка подошв симметричного кроя (рис.26: 8-11). На двух экземплярах видно, что подошвы имели слабовыраженную геленочную часть, на одном экземпляре – скругленная пятка, на другом на пятке имеется вытянутый заостренный «язычок». Такие подошвы датируются XII–XIII вв.[29] [28, с.53].

Массовая керамическая посуда из данного слоя представлена 663 фрагментами сосудов (горшков, крышек и мисок) из красножгущейся (467 фрагментов – 70,44%) и беложгущейся (196 фрагментов – 29,56%) глины. Преобладает орнамент в виде многорядной линии (143 фрагмента), 37 фрагментов украшены сочетанием линии и волны или тычков и линии, 20 – волнистым орнаментом (встречается орнамент в виде двух переплетающихся волн), 19 фрагментов – оттисками прямоугольного и зубчатого штампа, по 2 фрагмента – тычками и насечками.

Представлены горшки нескольких форм (рис.8: 3, 5, 6, 7; 12: 1, 3; 11: 2; 16: 2; 15: 3, 7; 10: 2, 5; 16: 6). Обнаружен фрагмент миниатюрного сосуда (диаметр – 8 см) с волнообразно изогнутой шейкой, наклоненным внутрь венчиком (такие сосуды появляются в Твери в 30-е гг. XIII в.) [10, рис.7: 139]. В слое разрушения одной из построек данного периода найден сохранившийся на всю высоту миниатюрный сосуд из красножгущейся глины (рис.20: 2).

В наборе керамических горшков отмечено преобладание форм сосудов, распространенных в домонгольский период (XII – первая половина XIII вв.) (57 фр.) по сравнению с более поздними, появившимися, судя по аналогиям, в середине – второй половине XIII в. (17 фр.).

Слой засыпки котлованов подклетов после прекращения функционирования построек. С данным слоем связана большая выборка стеклянных браслетов (35 фрагментов). По форме браслеты разнообразны: гладкие круглые (18 фрагментов), крученые и мелкокрученые (15 фрагментов), рубчатые (рифленые) (2 фрагмента). Преобладают украшения коричневого (красно-коричневого) цвета (12 фрагментов), меньше зеленых (и желто-зеленых) (6 фрагментов), браслеты других цветовых тонов представлены единичными находками, среди них – фиолетовые (3 фрагмента), желтые (3 фрагмента), синие (2 фрагмента), оливковые (3 фрагмента), сине-зеленые (2 фрагмента)[30]. Размеры и состав имеющейся выборки свидетельствует о ее смешанном характере[31]. Большая часть выборки (18 находок) – фрагменты

[29] Исследованию тверской кожаной обуви посвящена работа А.В. Курбатова, которая построена в основном на материалах раскопа № 9 в Тверском кремле, хронология которого, как сейчас становится ясно, нуждается в значительной корректировке.

[30] Цвет 4-х изделий не определен.

[31] Большинство находок – довольно мелкие обломки (меньше 2,5-3 см), лишь 2 фрагмента имеют более крупные размеры (около 4-4,5 см).

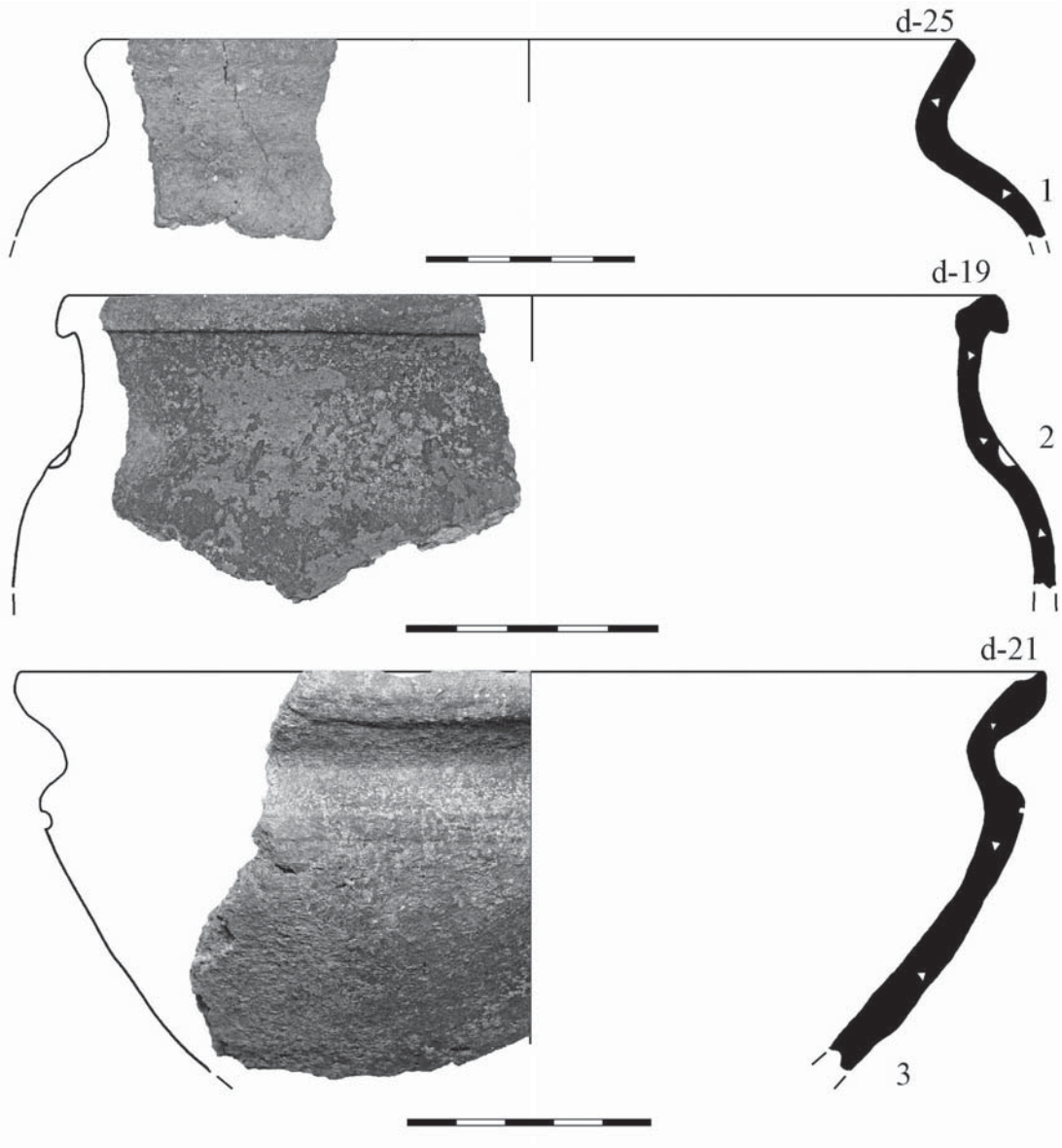


Рис. 18. Фрагменты керамических сосудов из комплексов раскопа № 22 в Тверском кремле. 4 строительный период, конец XIII – начало XIV в. (1, 2 – слой разрушения, 3 – слой строительства и функционирования).

браслетов, распространение которых в Твери начинается около середины XIII в. и продолжается до следующего столетия – гладких круглых и крученых желто-зеленых и коричневых (с перевитьем и без) из стекла разных составов (цв.вкл.: рис.4: №№ 1291, 1257, 1073, 1287, 1299, 1351, 1340, 1364, 1309, 1324, 1307, 1320, 1160, 1286, 1261, 1262, 1281, 1328). Меньшую часть (13 находок) составляют фрагменты изделий (крученых и гладких круглых фиолетового, желтого, синего, оливкового и сине-зеленого цвета), которые представляют наборы браслетов, характерные для второй половины XII – первой трети XIII вв. (цв.вкл.: рис.4: 1304, 1167, 1256, 1237, 1357, 1163, 1312, 1339, 1222, 1247, 1331, 1382, 1260)[32]. В слое засыпки котлованов

[32] Плохая сохранность двух браслетов (цв.вкл.: рис.4: №№ 1372, 1290), один из которых оплавлен, другой – сильно коррозирован, не позволяет отнести их к какой-либо хронологической группе.

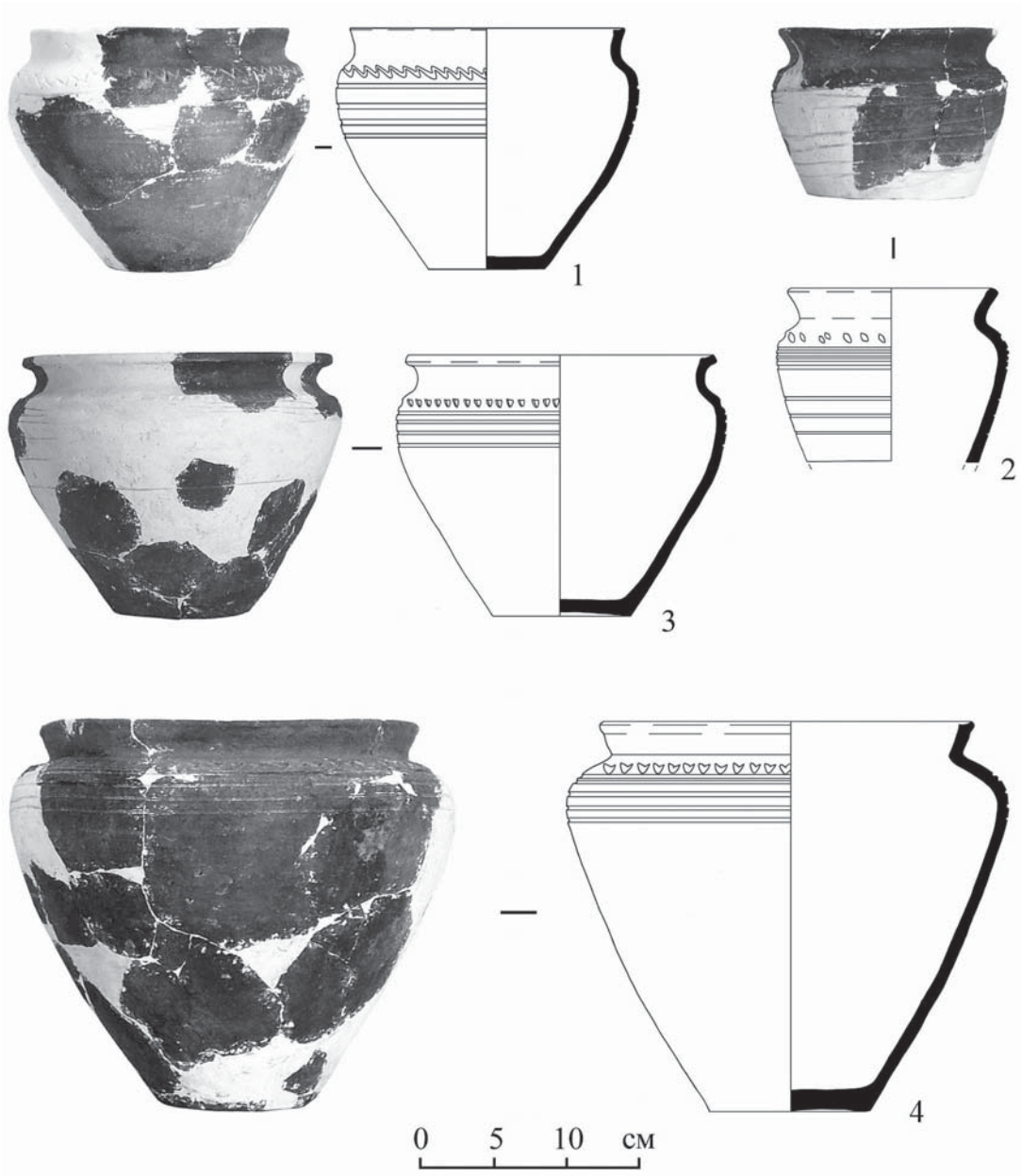


Рис. 19. Горшки (реконструированные развалы) из постройки № 14 (слой функционирования и разрушения, 2 строительный период). Первая треть XIII в.

подклетов и ям середины – второй половины XIII в. такие украшения находятся в переотложенном состоянии.

Из указанного слоя происходят и другие индивидуальные находки: фрагмент браслета бронзового пластинчатого орнаментированного (рис.27: 2) (XII–XIII вв.) [14, рис.40: 11, 12]; фрагмент дна сосуда из красножгущейся глины с клеймом в виде «колеса» с прямыми спицами (рис.27: 4) (встречаются с X–XIII вв.) [15, с.46-47; 16, с.242-243]; фрагмент бусины из красножгущейся глины с желтой поливой (рис.27: 1) (XII–XIII вв.) [29, с.202]; амулет из клыка животного с отверстием для ношения (рис.27: 3) (в Новгороде в основном встречается в слоях и комплексах XI – первой половины XIII вв.) [30, с.162-163]; инструмент (нож кожевника?) с костяной орна-

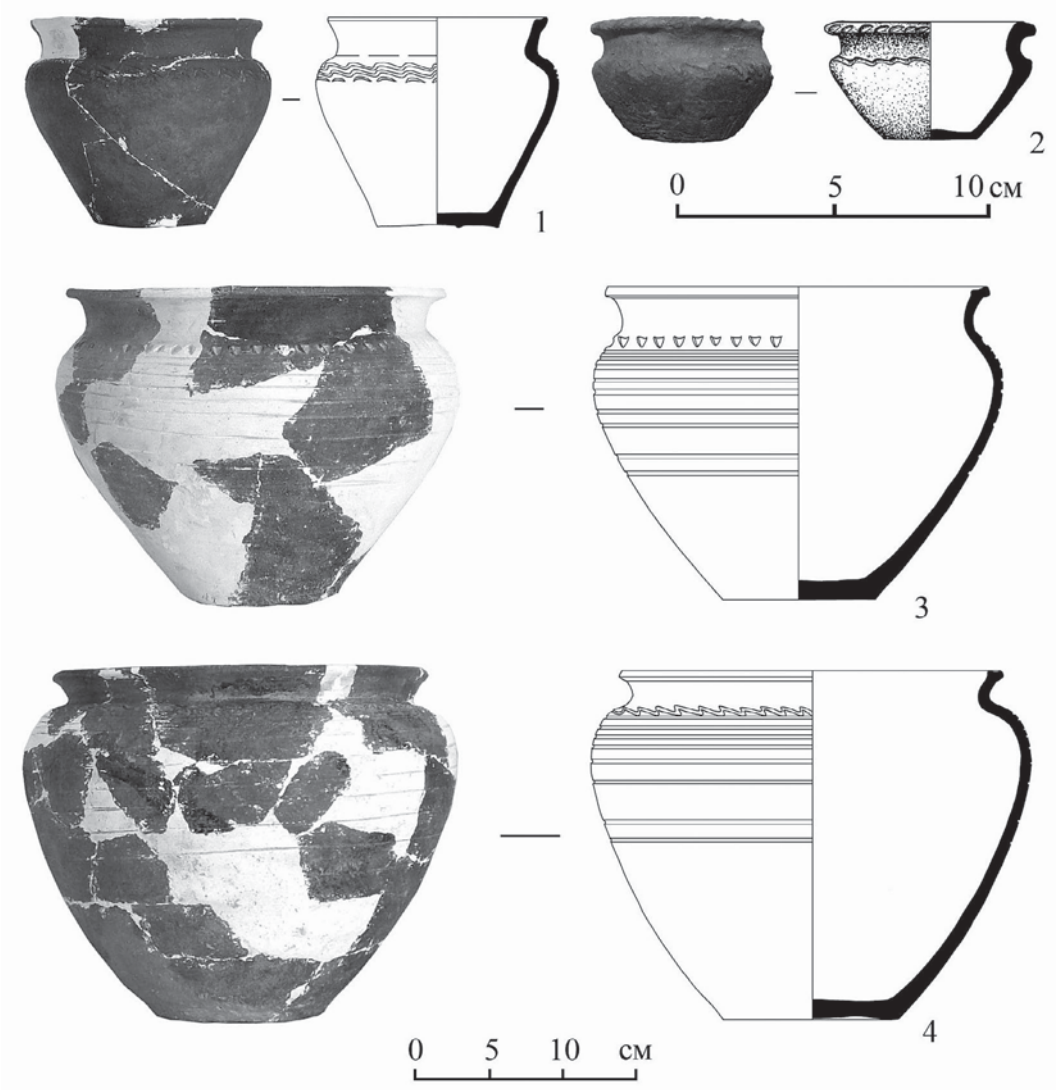


Рис. 20. Горшки: 1, 3, 4 – реконструированные развалы из постройки № 14 (слой функционирования и разрушения, первая треть XIII в.); 2 – полный профиль из постройки № 12А (слой разрушения, середина – вторая половина XIII в.).

ментированной рукоятью (рис.27: 5); обрывок головки кожаной туфли со следами расшивки цветными нитями (сохранились проколы в виде псевдорастительного орнамента) (рис.27: 6) [27, с.76].

Выборка массовых находок (фрагментов керамической посуды) из слоя засыпки заглубленных частей комплексов 3 строительного периода представлена 658 фрагментами сосудов (горшков, кувшинов, крышек, мисок, светильника) из красножгущейся (465 фрагментов – 70,67%) и беложгущейся (193 фрагмента – 29,33%) глины, орнаментированных многорядной линией (71 фрагмент), иногда в сочетании с тычками, встречается орнамент в виде однорядной волны (7 фрагментов) и оттисков прямоугольного и зубчатого штампа (10 фрагментов).

Встречены фрагменты сосудов разных форм (рис.8: 1; 9: 1; 10: 1, 3, 6; 15: 1, 6; 12: 5; 17: 2, 5; 13: 2, 3). Преобладают формы сосудов, распространенные в домонгольское время (26 фрагментов), обломков посуды середины – второй половины XIII в. почти вдвое меньше (14 фрагментов).

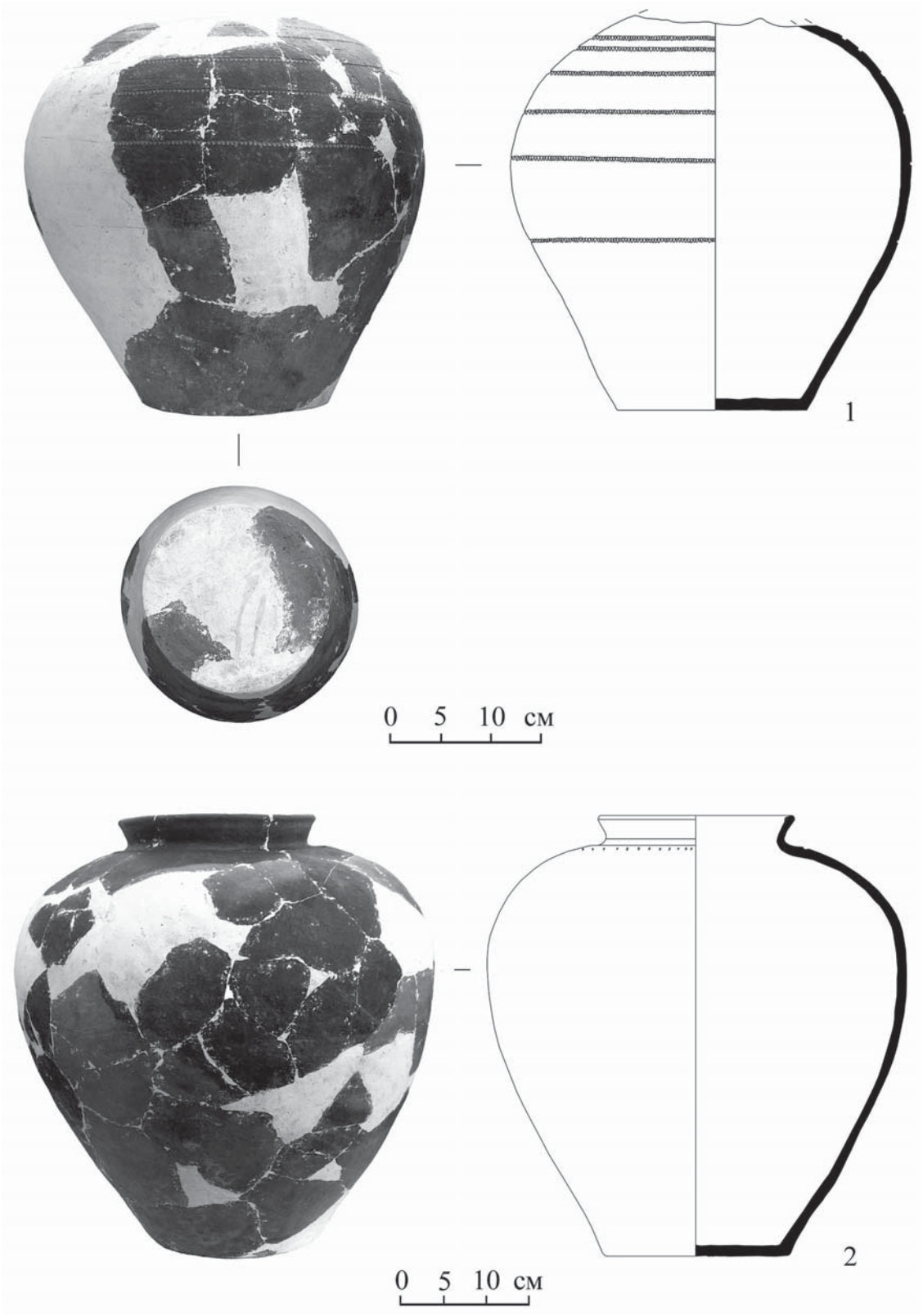


Рис. 21. Корчаги (реконструированные развалы) из постройки №14 (слой функционирования и разрушения, первая треть XIII в.).

4 строительный период (конец XIII – начало XIV вв.)

С данным периодом связано 5 построек[33], в основном, без заглубленных или с незначительно заглубленными подпольными ямами или подклетами[34], а также одна яма (№ 123) и канавка от частокольной ограды (№ 44). Новые постройки на участке в этот период возводятся на месте комплексов 3 периода, часть из которых погибла в пожаре.

Со слоем ***строительства и функционирования*** указанных комплексов связан незначительный набор стеклянных украшений: 9 браслетов и 2 бусины. Основная часть изделий датируется по тверским материалам серединой – второй половиной XIII – началом XIV вв. – браслеты гладкие круглые (4 фрагмента) и крученые (3 фрагмента) желтого (1 фрагмент), желто-зеленого (3 фрагмента), коричневого (красно-коричневого) (3 фрагмента) стекла разных составов (вероятно, калиево-свинцово-кремнеземного и свинцово-кремнеземного) (цв.вкл.: рис.5: №№ 1216, 1402, 1406-1408, 1352, 1296). Бусина округлая кольцевидная, в технике серийной навивки[35], а также бусина округлая зонная фиолетовая полупрозрачная (диаметр 0,7 см) (цв.вкл.: рис.5: №1375) характерны для середины – второй половины XII – начала – первой половины XIII вв. [25, с.248-251; 31]. С ранним набором (второй половины – конца XII – начала XIII вв.) связаны также находки браслетов мелкокрученых синих прозрачных (цв.вкл.: рис.5: №№ 1412, 1432) (с желтым перевитьем) (2 фрагмента) [1, с.65-68].

С этим же слоем связаны находки железных предметов: замков цилиндрических типа Б (рис.28: 6) (XII – первая половина XIV вв.) [19, с.162] и фрагмента конских удил (рис.28: 3) (тип IV) (с XII в. преобладают над всеми типами) [32, с.12, 17; 33, с.270-271].

Выборка массовой керамической посуды из этого слоя включает 208 фрагментов (горшки, крышки и миски) из красножгущейся (167 фрагментов – 80,29%) и беложгущейся (41 фрагмент – 19,71%) глины. Из видов орнамента преобладает многорядный линейный (31 фрагмент), иногда в сочетании с волной, тычками или оттисками штампа (7 фрагментов), присутствует также орнамент в виде двухрядной волны (4 фрагмента), тычков (2 фрагмента) и оттисков прямоугольного штампа (5 фрагментов). Представлены горшки нескольких форм (рис.13: 1; 18: 3).

В ***слое разрушения комплексов***[36] найдено большое количество обломков стеклянных украшений (39 находок), среди них – бисер бусинный красно-коричневого непрозрачного стекла (серийная навивка) (цв.вкл.: рис.5: № 951) (имеет широкий период бытования – XI–XIII вв.) [24, с.197]; фрагмент перстня (цв.вкл.: рис.6: № 1134) щиткового гладкого плосковыпуклого в сечении синего[37] полупрозрачного (такие украшения встречены в Твери в слое домонгольского периода) [6][38]. Из 37 фрагментов браслетов 26 – гладкие круглые в сечении, 10 – крученые и мелкокрученые, форма одного не определена. Цветовая гамма украшений разнообразна, но преобладают браслеты коричневого (красно-коричневого, бежевого) (14 фрагментов), зеленого и желто-зеленого цвета (10 фрагментов), остальные представлены единичными находками (среди них оливковые (1 фрагмент), желтые (2 фрагмента),

---

[33] №№ 10-12, 13А, 14А.

[34] Подобное изменение конструкций построек, вероятно, связано с изменением гидрологического режима (повышением уровня грунтовых вод).

[35] Цвет стекла установить не удалось, полная коррозия.

[36] Две постройки этого периода погибли в результате пожара.

[37] Судя по оттенку цветового тона, в качестве красителя использована окись кобальта.

[38] Как отмечено в публикации 1997 г.[6], находки таких перстней происходят и из слоев XIV–XV вв., что связано, вероятно, с перемещением предметов в результате перекопов.

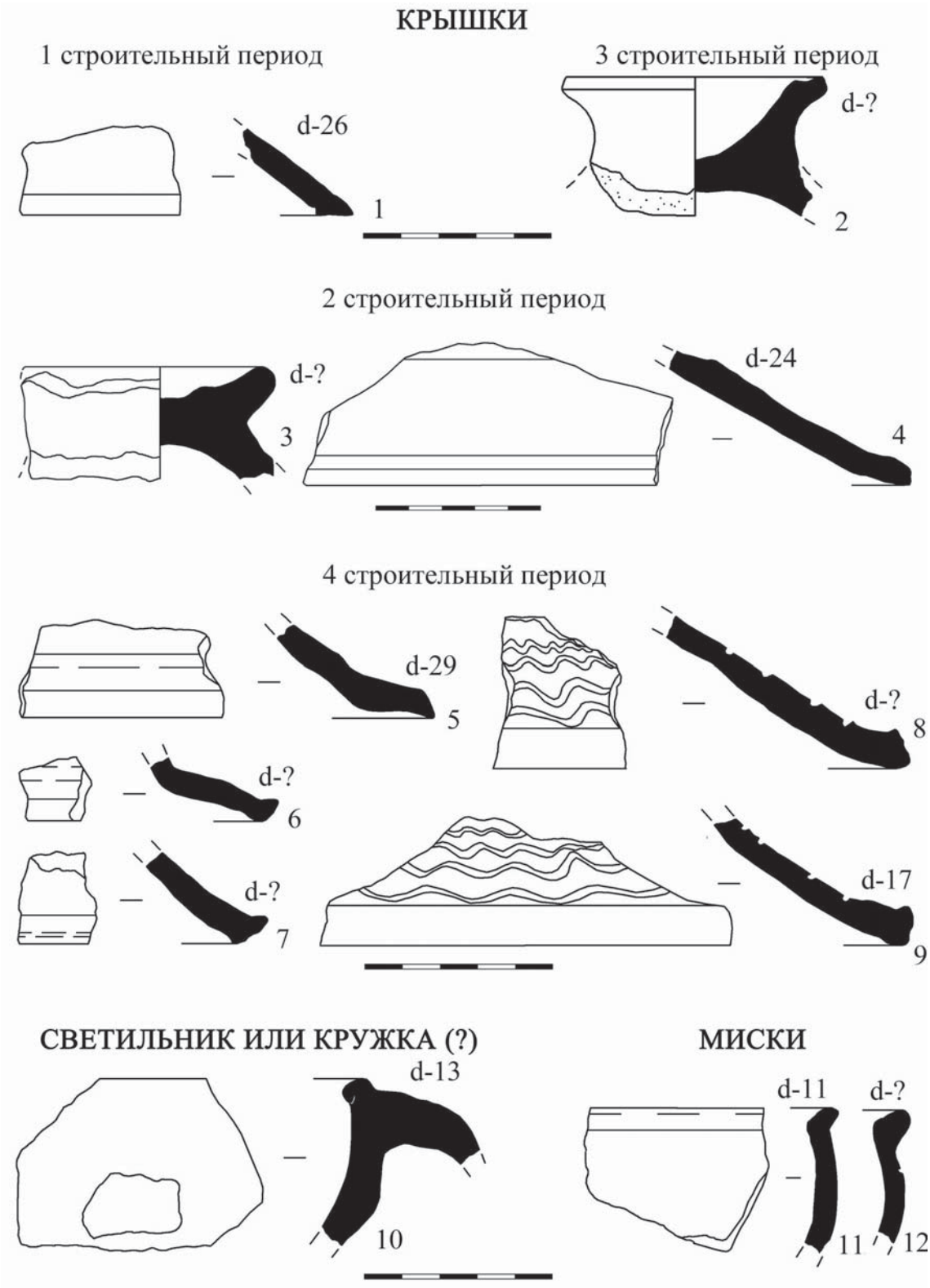


Рис. 22. Керамические крышки (1-9), светильник или кружка (?) (10) и миски (11, 12).

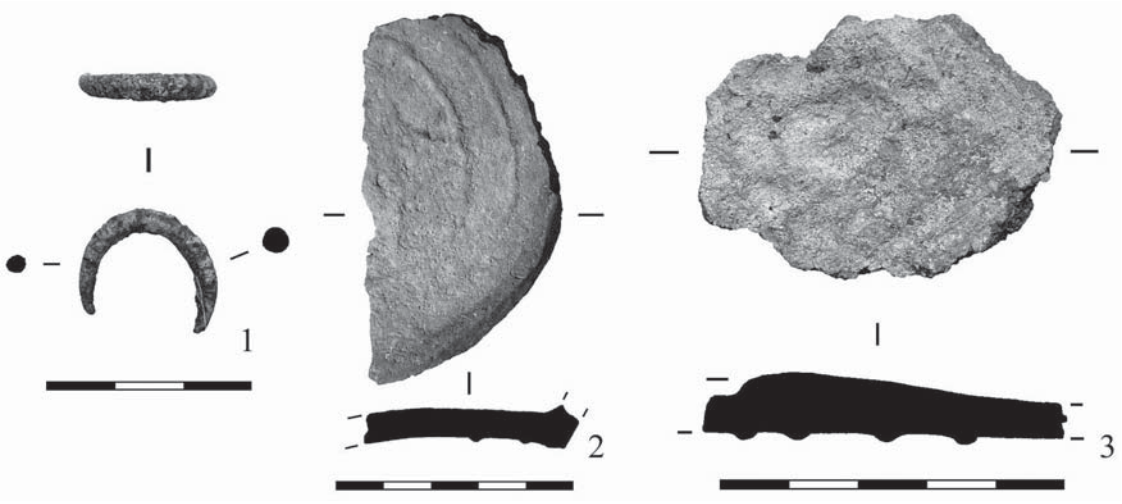


Рис. 23. Находки из слоя разрушения комплексов 2 строительного периода (конец XII – начало – первая треть XIII в.): 1– перстень бронзовый рубчатый; 2, 3 – фрагменты донцев сосудов из красножгущейся глины с клеймами.

фиолетовые (5 фрагментов), сине-зеленые (2 фрагмента), синие (1 фрагмент))[39]. Большинство найденных браслетов (цв.вкл.: рис.5-6: № 868, 966, 1021, 1064, 1097, 845, 1120, 1348, 1110, 1119, 912, 937, 1165, 1176, 1233, 1347, 1359, 932, 986, 1034, 1087, 1135, 1095, 1118, 1008, 974, 993) (25 находок)[40], судя по тверским аналогиям, представляют собой набор, формирование которого относится к середине – второй половине XIII – началу XIV вв., остальные (11 находок)[41] (цв.вкл.: рис.5-6: №№ 1109, 1020, 909, 1131, 1083, 1209, 1211, 1047, 1118, 1175, 1194) –украшения, характерные для домонгольского периода.

С данным слоем связаны также и другие индивидуальные находки: крест каменный (сланцевый) гладкий с просверленным в верхней лопасти отверстием для нити (рис.28: 1) (в Москве подобные кресты найдены в слоях XIII в., традиция их производства сохраняется и позднее [34, с.112], на территории Псковской земли такие кресты встречаются в слоях середины XI – середины XIV вв. [35, с.8]); каменная литейная резная форма (две створки) из серого сланца со штифтовым креплением для отливки привески-лунницы (рис.28: 4, 5) (лунница узкогорлая или круторогая, замкнутая крестовключенная – между «рожками» помещен крест с шариками на концах – подобные изделия датируются первой половиной XII – второй половиной XIII вв. [14, с.24, 25; 36, с.69, 300]). На Руси каменные литейные формы появляются достаточно рано, наиболее активное их использование приходится на период с начала XII в. и продолжается вплоть до позднего средневековья [37, с.78-79].

Коллекция массовых находок (фрагментов керамической посуды) из слоя разрушения построек данного периода представлена 866 фрагментами сосудов (горшков,

[39] Цвет двух браслетов не определен.

[40] Среди них – браслеты гладкие круглые и крученые коричневого, красно-коричневого, бежевого, зеленого, желто-зеленого прозрачного и полупрозрачного стекла (лишь на одном отмечено перевитье). Эти браслеты, судя по сохранности, изготовлены из стекла двух составов (калиево-свинцово-кремнеземного и бесщелочного свинцово-кремнеземного).

[41] Браслеты гладкие круглые и крученые фиолетового, синего, желтого, сине-зеленого прозрачного стекла.

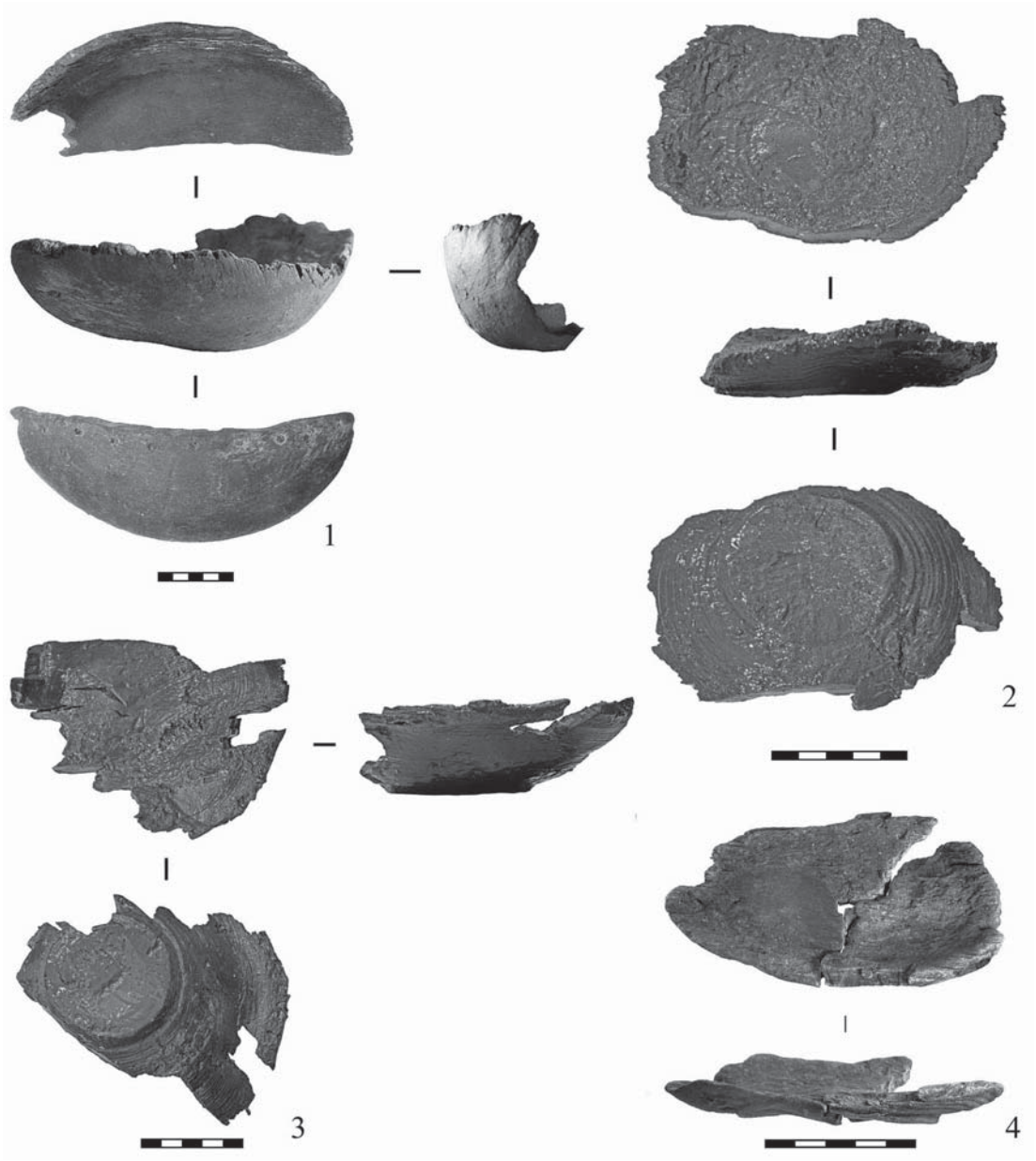


Рис. 24. Находки деревянных изделий из постройки № 14 (слой функционирования и разрушения, 2 строительный период, первая треть XIII в.): 1 – фрагмент чаши; 2-4 – фрагменты блюд.

крышек и мисок) из красножгущейся (649 фрагментов – 74,94%) и беложгущейся (217 фрагментов – 25,06%) глины. Орнаментированы сосуды многорядным линейным орнаментом (168 фрагментов), сочетанием линии и тычков, линии и волны (69 фрагментов), однорядным волнистым орнаментом (18 фрагментов), оттисками прямоугольного штампа (6 фрагментов), насечками (14 фрагментов), тычками (3 фрагмента).

Представлены горшки нескольких форм, встреченных в описанных выше комплексах 1-3 строительных периодов (рис. 8: 8; 10: 4; 12: 2; 13: 4; 15: 2, 4, 5; 16: 1, 4, 7; 17: 6). Кроме того, обнаружены 3 фрагмента горшков с высоким выступающим плечиком, закругленной шейкой, отогнутым наружу венчиком, край которого косо

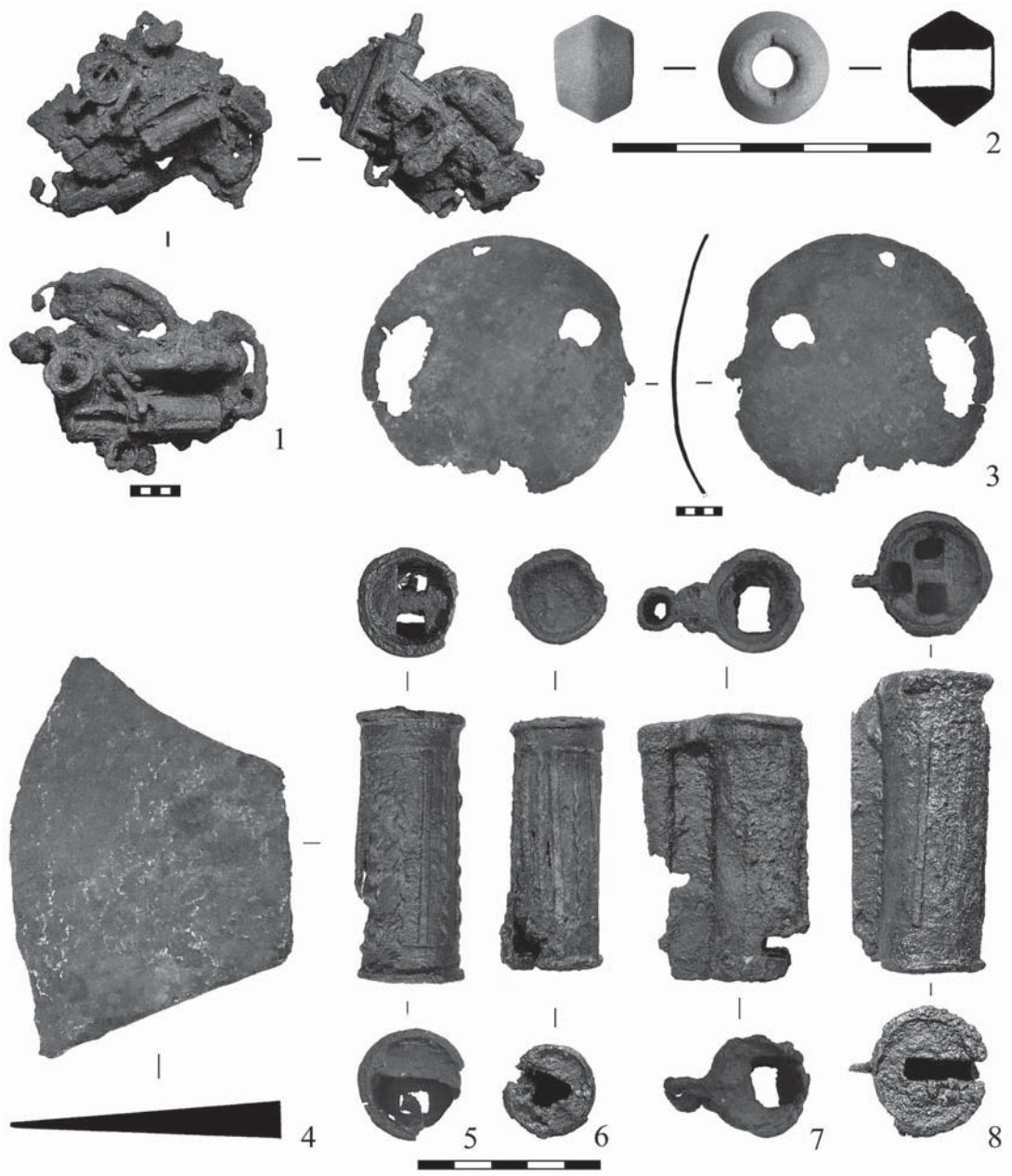


Рис. 25. Находки из постройки № 14 (слой функционирования и разрушения, 2 строительный период, первая треть XIII в.): 1 – скопление ошлакованных железных цилиндрических замков и их деталей; 2 – пряслице шиферное битрапецоидное; 3 – жаровня (?) железная; 4 – лезвие железного топора; 5-8 – замки железные цилиндрические.

срезан наружу (рис.18: 1) (вторая половина XII – начало XIII вв. [12, рис.15: 13]), а также фрагмент сосуда с высоким, слабо выступающим плечиком, высоким, слегка наклоненным внутрь венчиком, край которого утолщен снаружи в виде карниза и косо срезан внутрь (1 фрагмент) (рис.18: 2) (сосуды такой формы появляются, вероятно, в XIV столетии) [13, рис.31: 24]. Таким образом, в выборке указанного периода отмечено значительное преобладание форм посуды домонгольского времени (57 фр.) по сравнению с более поздней керамикой (16 фрагментов).

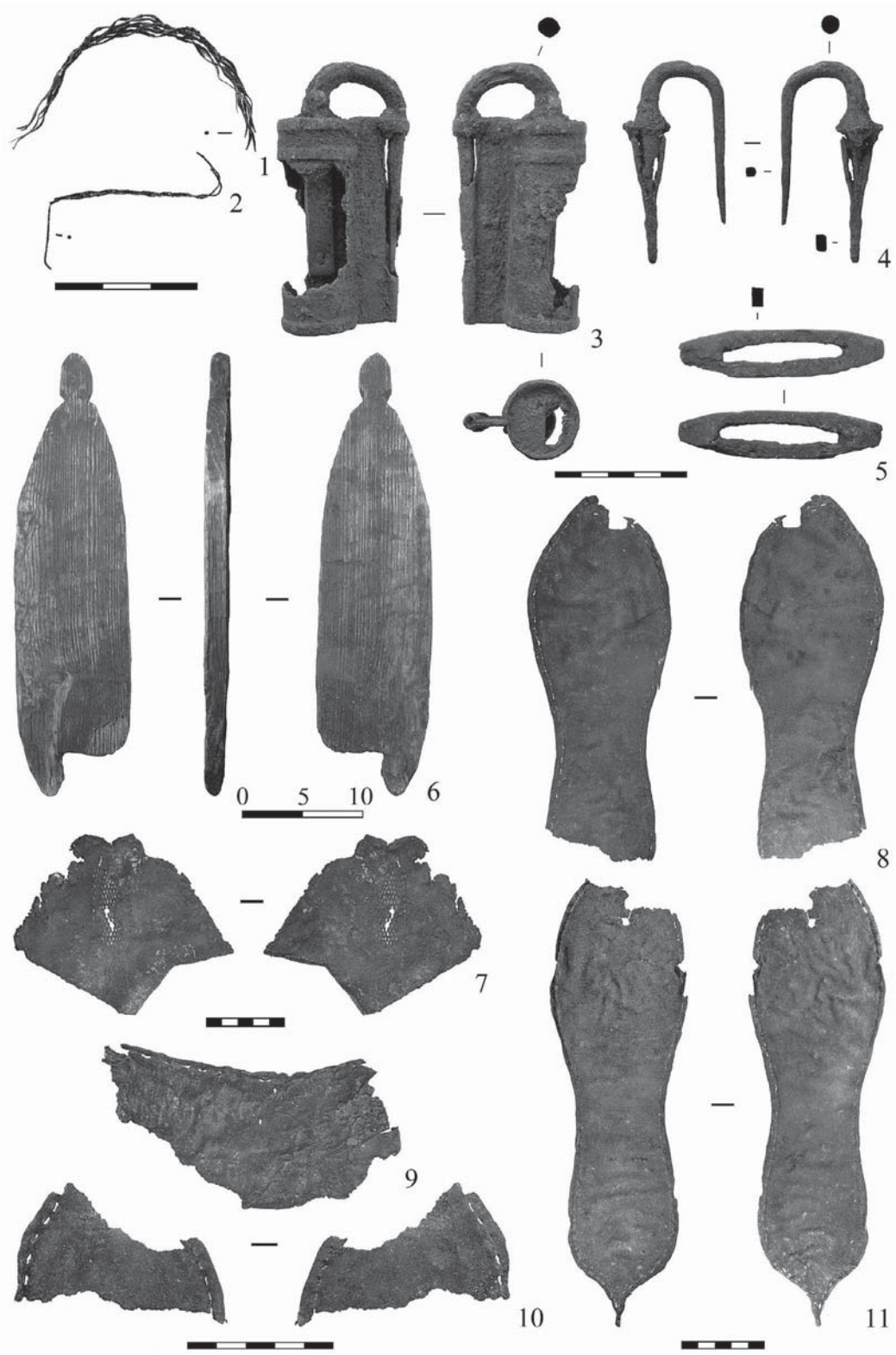


Рис. 26. Находки из слоя разрушения комплексов 3 строительного периода, середина – вторая половина XIII в.: 1, 2 – фрагменты бронзового плетеного браслета; 3 – замок железный цилиндрический; 4 – дужка замка железного цилиндрического; 5 – кресало овальное железное; 6 – деревянная подножка ремизного ткацкого станка; 7 – обрезок (носок) верхней цельнокроеной части кожаной туфли со следами вышивки; 8-11 – обрывки кожаных подошв.

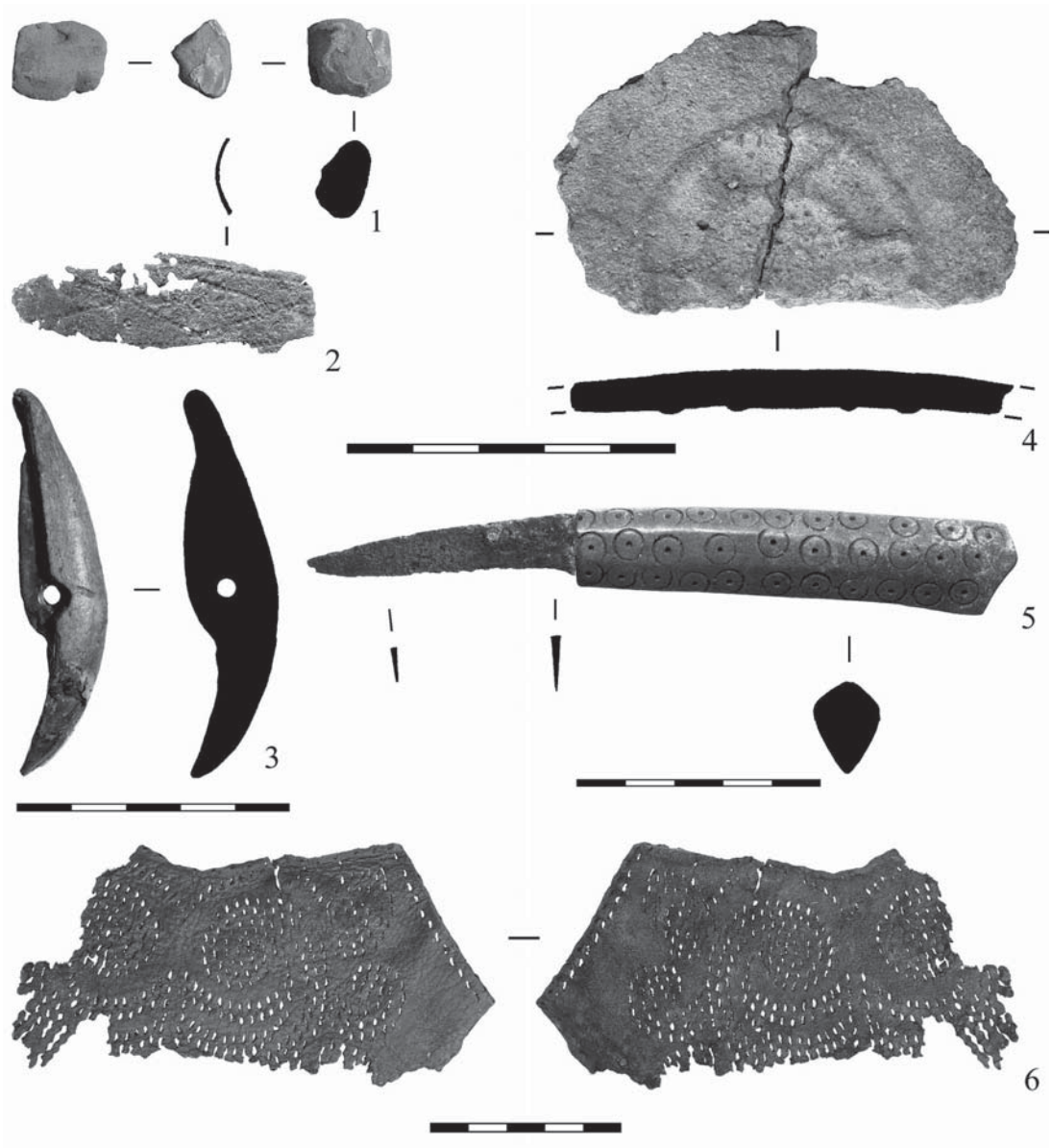


Рис. 27. Находки из слоя засыпки комплексов 3 строительного периода (середина – вторая половина XIII в.) после прекращения их функционирования: 1 – фрагмент бусины из красножгущейся глины с желтой поливой; 2 – фрагмент бронзового пластинчатого браслета; 3 – амулет из клыка животного; 4 – фрагмент дна сосуда из красножгущейся глины с клеймом; 5 – нож кожевника (?) с костяной орнаментированной рукояткой; 6 – обрывок головки кожаной туфли со следами расшивки цветными нитями.

Слой засыпки. После разрушения построек данного хронологического периода строительство на участке возобновилось достаточно быстро. Для выравнивания площадки отложения культурного слоя, связанные с периодом функционирования построек, были, вероятно, подрезаны, что удалось проследить благодаря тщательной полевой методике и зафиксировать в стратиграфических разрезах. Поэтому зафиксированный в раскопе слой засыпки развалов этих построек довольно маломощный. Этим обстоятельством объясняется незначительное количество обнаруженных в нем индивидуальных и массовых находок.

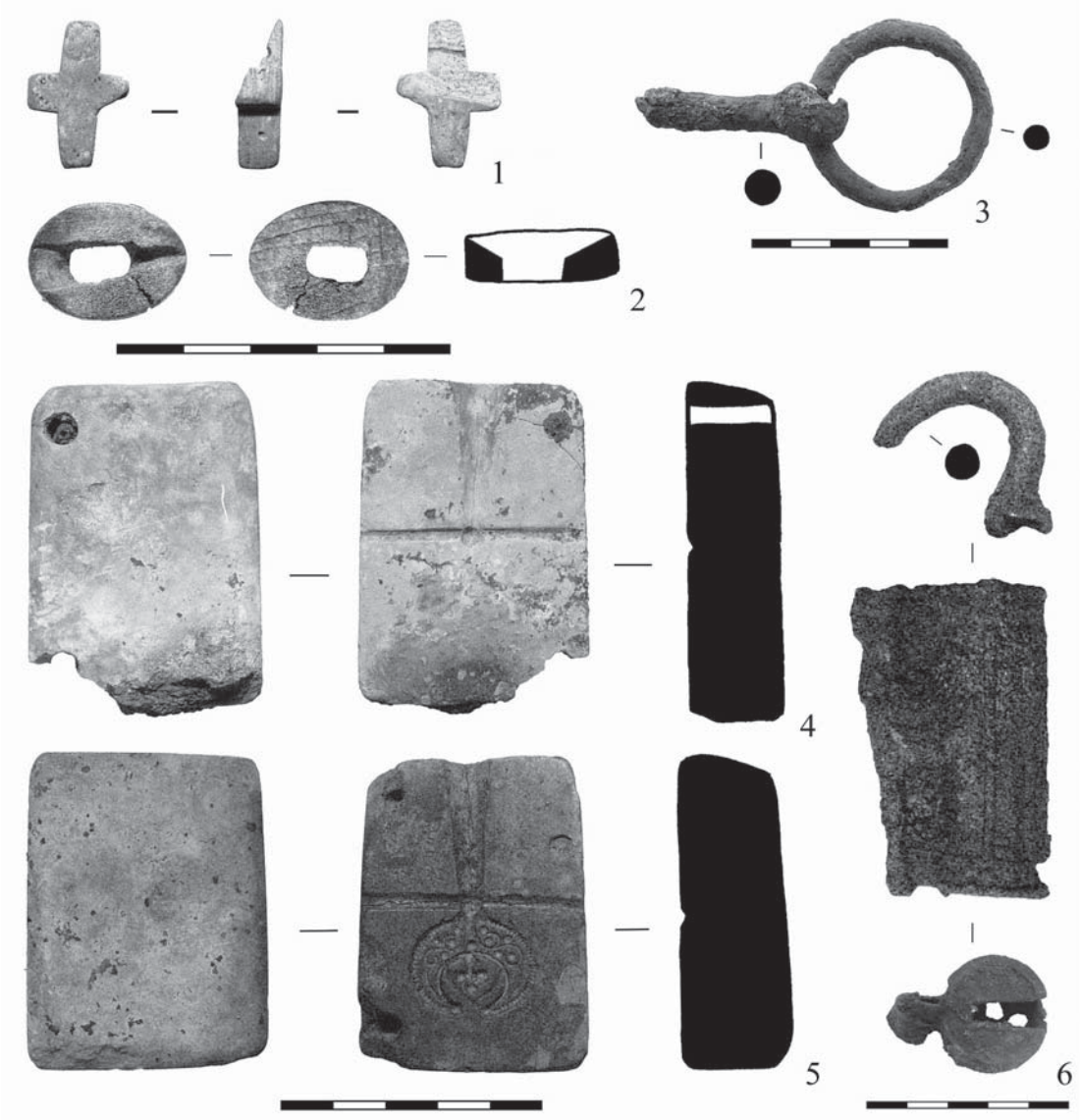


Рис. 28. Находки из комплексов 4 строительного периода, конец XIII – начало XIV в.: 1 – крест нательный сланцевый; 2 – обоймица костяная; 3 – фрагмент конских железных удил; 4, 5 – створки каменной литейной формы из серого сланца, предназначенной для отливки привески-лунницы; 6 – замок железный цилиндрический.

С данным слоем связаны 5 фрагментов стеклянных браслетов: 4 – гладкие круглые зеленого, коричневого (2 фрагмента) и фиолетового цвета (с желтым перевитьем), 1 – крученый коричневый с желтым перевитьем. Как и в слое разрушения комплексов, в этой малочисленной выборке наблюдается преобладание украшений середины – второй половины XIII – начала XIV вв. (цв.вкл.: рис.6: №№ 854, 863, 1044, 1035) (4 находки)[42] и присутствие браслета домонгольского времени (фиолетовый с перевитьем) (цв.вкл.: рис.6: № 902). В этом же слое найдена обоймица костяная, украшенная с внешней стороны орнаментом в виде пересекающихся линий (рис.28: 2).

[42] Судя по сохранности, эти браслеты изготовлены из стекла двух составов (калиево-свинцово-кремнеземного и бесщелочного свинцово-кремнеземного).

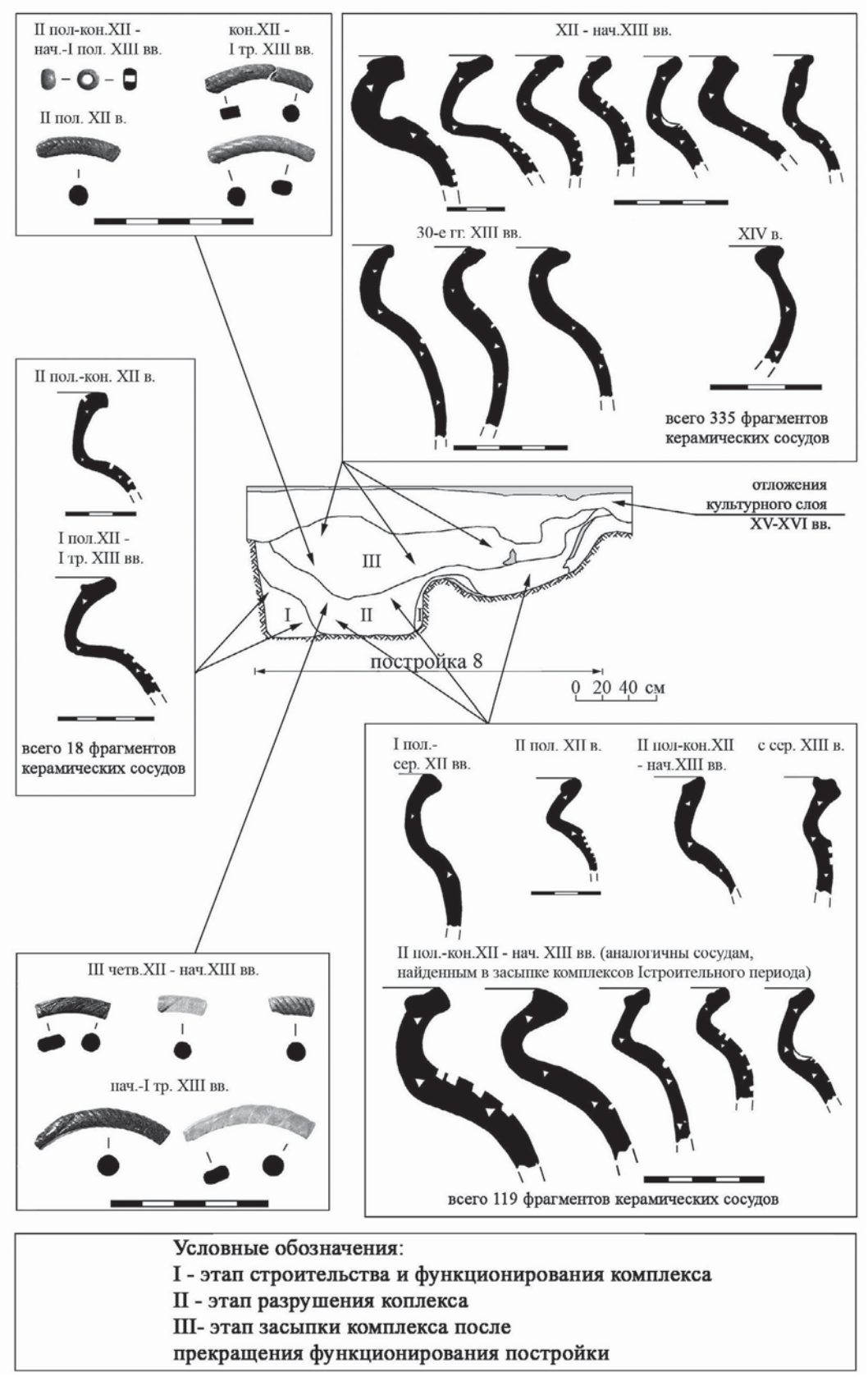


Рис. 29. Распределение стеклянных изделий и керамической посуды по частям заполнения постройки 8 (2 строительный период, конец XII – начало – первая треть XIII в.).

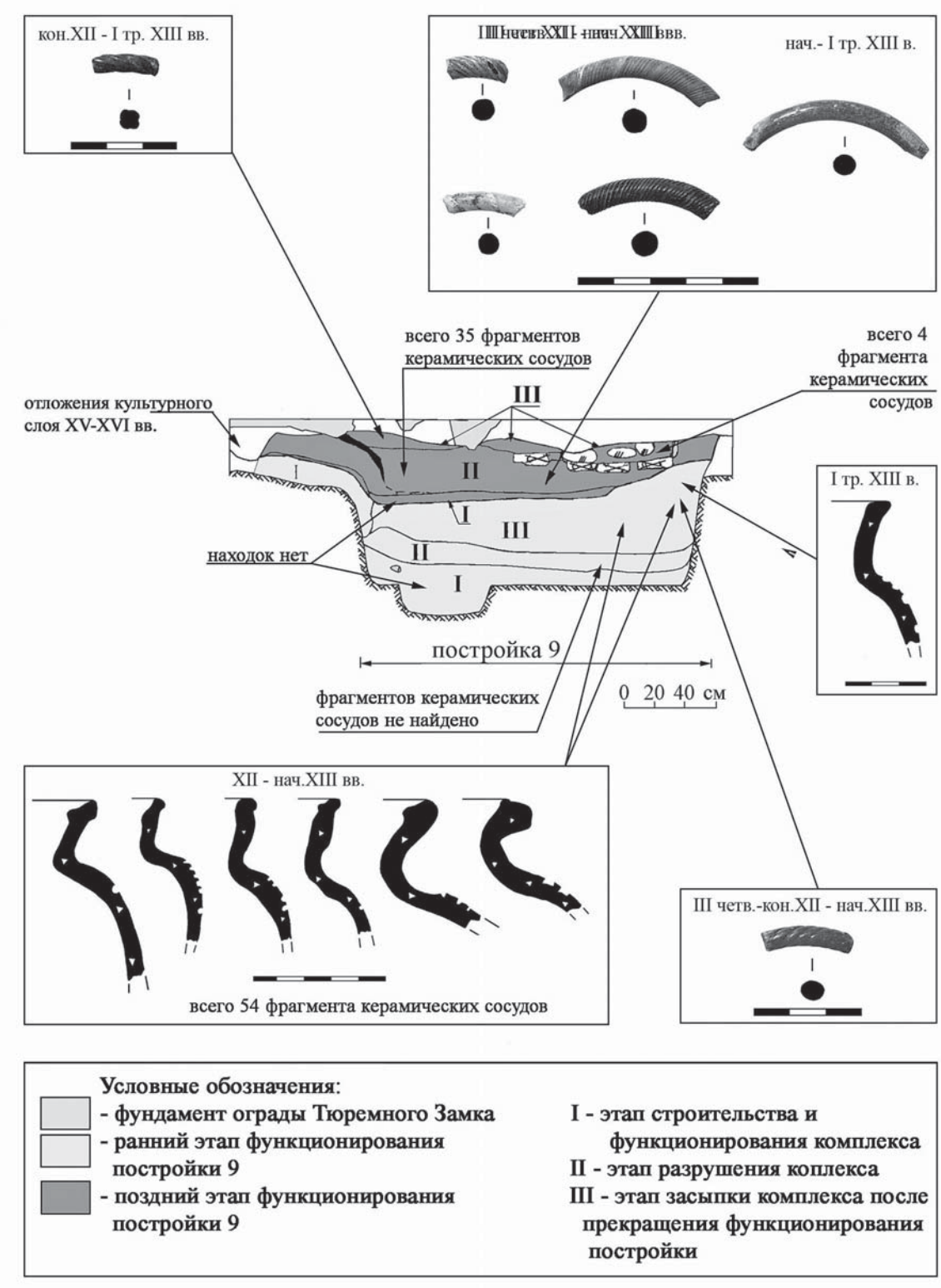


Рис. 30. Распределение стеклянных изделий и керамической посуды по частям заполнения постройки 9 (ранний этап функционирования – 1 строительный период, середина – вторая половина XII в.; поздний этап функционирования – 2 строительный период, конец XII – начало – первая треть XIII в.).

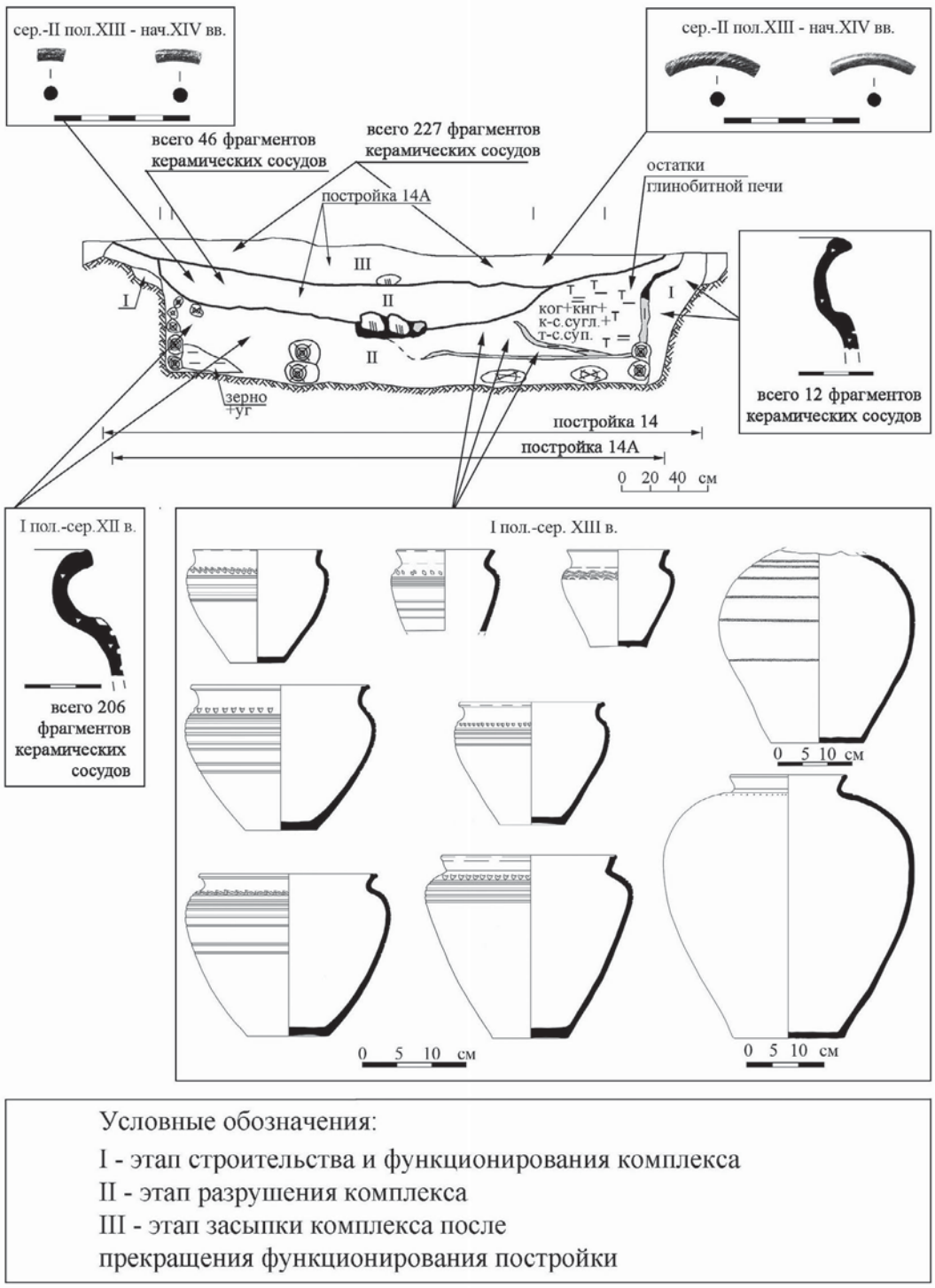


Рис. 31. Распределение стеклянных изделий и керамической посуды по частям заполнения построек 14 (2 строительный период, первая треть XIII в.) и 14А (4 строительный период, конец XIII – начало XIV в.).

Выборка массовых находок (фрагментов керамической посуды) из данного слоя включает 292 фрагмента сосудов (горшков, крышек, кувшинов) из красножгущейся (206 фрагментов – 70,55%) и беложгущейся (86 фр.– 29,45%) глины. Из видов орнамента преобладают многорядная линия (40 фрагментов) и оттиски прямоугольного и зубчатого штампа (35 фрагментов), отмечено также сочетание

линии с тычками или однорядной волной (17 фрагментов), единичны фрагменты с волнистым орнаментом (5 фрагментов). В данной выборке присутствуют фрагменты горшков нескольких форм (рис.16: 5; 17: 3,5; 18: 3), среди которых преобладают известные с домонгольского периода (им принадлежат 16 венчиков из 24 найденных).

Предварительные выводы

Изучение представленной выборки стеклянных изделий и массовых находок (керамического материала) позволило наметить корреляцию между наборами стеклянных украшений и формами горшков нескольких групп. На примере исследованных комплексов можно отметить, что основное количество стеклянных украшений приходится на 3-й строительный период (середина – вторая половина XIII в.). Присутствие в комплексах данного периода довольно большого количества находок из стекла, по сравнению с комплексами домонгольского времени, объясняется тем, что в процессе хозяйственной деятельности происходило постоянное перемещение более раннего слоя, насыщенного брошенными или утерянными обломками стеклянных изделий. Даже при сохранении популярности стеклянных украшений, в целом, во второй половине XIII в. их не стало больше, но возросла вероятность совместного попадания в комплексы вещей не только синхронных, но и более ранних. Таким образом, наблюдается перемещение находок в культурном слое по вертикали (рис.29-31).

В результате данного исследования установлена закономерность распределения находок стеклянных изделий на разных уровнях заполнения комплексов. Замечено, что основная часть этих находок в домонгольский период приходится на время разрушения комплексов и поздней засыпки их заглубленных частей, т.е. формирование этих наборов происходит путем смешивания разновременных находок. Лишь в комплексах второй половины XIII – начала XIV вв. даже слой функционирования построек насыщен фрагментами стеклянных украшений, некоторые из которых находятся в переотложенном состоянии. Поэтому количество находок стеклянных изделий в культурном слое и комплексах на разных участках Тверского кремля напрямую может быть связано с характером и мощностью более ранних отложений, которые в процессе строительной и хозяйственной деятельности подвергались значительным перемещениям. Доля переотложенных ранних стеклянных находок, обнаруженных в слое функционирования поздних комплексов, может составлять до трети выборки. Те же закономерности распределения в комплексах во многом находят отражение и в керамической посуде. Более того, на изученном материале замечено, что фрагменты посуды, получившей распространение в домонгольский период, не просто встречаются в комплексах второй половины – конца XIII – XIV вв. в виде небольшого числа находок, но и количественно преобладают (рис.29-31). Для выявления закономерностей распределения археологических находок в культурном слое необходимо продолжить подобные исследования на новых материалах, полученных на различных участках территории Тверского кремля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сафарова И.А.* Находки стеклянных изделий XII–XIV вв. из раскопок Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь: Старый город, 2014. – С.52-75.

2. *Сафарова И.А.* Стеклянные изделия из ранних комплексов раскопа № 14 в Тверском кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь: Старый город, 2014. – С.46-51.

3. *Сафарова И.А.* Новые материалы по химическому составу тверских стекол // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь: Старый город, 2003. – С. 159-178.

4. *Сафарова И.А*. Некоторые итоги изучения стеклянных браслетов из раскопок Твери (по материалам работ 1979–2007 гг.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 8. Тверь: Старый город, 2015. – С. 15-25.
5. *Сафарова И.А*. Стеклянные браслеты из раскопок мысовой части Тверского кремля (по материалам раскопа № 23 на территории стадиона «Химик») // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь: ТНИИР-Центр, 2016. – С. 98-112.
6. *Дашкова (Сафарова) И.А*. Стеклянные перстни из раскопок древней Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. – С. 213-217.
7. *Сафарова И.А*. Стеклянные бусы древней Твери (XI–XIV вв.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь: Старый город, 1999. – С. 94-106.
8. *Сафарова И.А*. Актуальные вопросы хронологии средневековых стеклянных изделий из раскопок Твери // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 209-217.
9. *Новиков А.В., Дворников А.С., Хохлов А.Н*. Керамический комплекс конца XIII – начала XIV века в Тверском кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь: Старый город, 1996. – С. 230-234.
10. *Кобозева Е.В*. Керамическая коллекция древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. – С.107-123.
11. *Хохлов А.Н., Дворников А.С*. Исследование рва Тверского кремля XIII – начала XIV вв. (предварительная публикация материалов) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. – С.135-145.
12. *Нестерова М.Е*. Керамика из некоторых предматериковых комплексов раскопа 14 в Тверском кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: Старый город, 2002. – С. 70-100.
13. *Хохлов А.Н., Иванова А.Б*. Исследования мысовой части Тверского кремля в 2013 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь: ТНИИР-Центр, 2016. – С.17-86.
14. *Седова М.В*. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV в.). М.: Наука, 1981. – 194 с.
15. *Олейников О.М*. Круговая керамика Тверского Поволжья конца X – начала XIII вв.: классификация, орнаментация, хронология // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: Старый город, 2002. – С. 23-34.
16. *Кадиева Е.К*. Клейма на круговых сосудах из Ростова Великого как источник по истории развития города (XI – начало XIV вв.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь: Старый город, 1996. – С. 241-245.
17. *Кадиева Е.К*. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: Институт Археологии РАН, 2007. – С.172-189.
18. *Щапова Ю.Л*. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ, 1972. – 217 с.
19. *Колчин Б.А*. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. – С.156-177.
20. *Колызин А.М*. Торговля древней Москвы (XII – середина XV века). М., 2001. – 278 с.
21. *Колчин Б.А*. Новгородские древности. Деревянные изделия // Археология СССР. Свод археологических источников (САИ). № Е1-55 / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1968. – 184 с.
22. *Черных Е.М*. Предварительные итоги исследования курганной группы у деревни Большая Коша // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин: Калининский государственный университет, 1989. – С. 57-64.
23. *Сафарова И.А*. Средневековые бусы из раскопок Торжка // История и культура Тверского края. Тверь: Изд-во Тверская областная типография, 2002. – С.152-164.

24. Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Том 2: Материальная культура и хронология (ред. С.Д. Захаров). М.: Наука, 2008. – 365 с.
25. *Сафарова И.А.* Стеклянные изделия домонгольского периода из раскопок Твери (по материалам исследований 1989–1998 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Том II. Тверь: ООО «Издательство Триада», 2007. – С.242-254.
26. *Момбекова А.А., Кобозева Е.В.* Ткацкий станок первой половины XIV в. из Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2000. – С. 342-349.
27. *Осипов Д.О.* Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском кремле). М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН», 2014. – 269 с.
28. *Осипов Д.О.* Обувь московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М.: ИА РАН, 2006. – 202 с.
29. *Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д.* Русская поливная керамика из раскопок Московского кремля // СА. 1984. №2. М.: Наука. – С. 201-211.
30. *Тянина Е.А.* Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 17. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. – С.157-168.
31. *Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н.* Некрополь середины XII–XIII вв. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: ТНИИР-Центр, 2017. – С. 61-98.
32. *Кирпичников А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников (САИ). Вып. Е1-36. / под ред. Б.А. Рыбакова. Л.: Наука, 1973. – 140 с.
33. *Двуреченский О.В.* Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: Институт Археологии РАН, 2007. – С. 254-276.
34. *Кренке Н.А.* Нательные и наперсные кресты // Археология Романова двора: Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. / Автор-составитель Н.А. Кренке. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12). М.: ИА РАН, 2009. – С. 110-113.
35. *Колпакова Ю.В.* Христианские древности населения Пскова и Псковской земли конца X–XVIII вв.: предметы личного благочестия: автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. исторических наук: 07.00.06 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ист. фак. Москва, 2007. – 18 с.
36. Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. – 368 с.
37. *Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Ювелирное дело «земли вятичей» во второй половине XI–XIII вв. М.: Индрик, 2011. – 404 с.
38. *Курбатов А.В.* Кожевенное производство Твери в XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. – 312 с.

ТНИИР-Центр,
г. Тверь

I.A. Safarova, S.A. Kungurtseva
Glass Artefacts and Ceramic Dishware from Complexes Dated by the Second Part of the XII – the Beginning of the XIV Centuries (Based on Material from the Excavation 22 in Tver Kremlin)

The article represents results of studying of glass artefacts and ceramic dishware collection from buildings and middens dated by the middle – the second half of the XII – the beginning of the XIV centuries examined in the south part of Tver kremlin (Ivan Sedykh street 8). Some ways of development of glass jewelry sets and ceramics during these four constructional periods were revealed.
Keywords: *Tver kremlin, glass jewelry, ceramic vessel shape, morphology, chronology.*

УДК 902.2 (470.331) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.100-129

А.Б. ИВАНОВА, А.Н. ХОХЛОВ

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ТВЕРСКОГО КРЕМЛЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 2017 Г. НА ВОЛЖСКОМ ПРОЕЗДЕ Г. ТВЕРИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

В статье подводятся предварительные итоги работ 2017 г. на территории Тверского кремля, реконструируется процесс накопления культурного слоя мощностью до 6 м, уточняются морфологические и хронологические характеристики, полученные на основе анализа индивидуальных находок и многочисленных фрагментов керамической посуды, прослеживаются остатки пожаров и изменения застройки участка.

Ключевые слова: *Тверь, северная часть кремля, культурный слой, рубеж XI–XII – начало XX вв., жилая и хозяйственная застройка, аэробное воздействие, сухой и влагонасыщенный культурный слой, находки, фрагменты керамической посуды.*

В 2017 г. экспедицией ООО «ТНИИР-Центр» проведены спасательные археологические раскопки по адресу: г. Тверь, ул. Советская, д. 3 – Волжский проезд (рис. 1)[1], северо-западнее Императорского путевого дворца.

Раскоп был заложен в северной части территории Тверского кремля, на мысу, образованном правым коренным берегом р. Волги, в 200-210 м к югу от уреза воды и правым берегом р. Тьмаки, в 360 м к востоку от уреза воды, примерно в 400 м к юго-востоку от впадения р. Тьмаки в р. Волгу. Современная дневная поверхность изученного участка характеризуется отметками от 134,38 до 135,60 м в Балтийской системе высот, что соответствует высоте около 10 м над уровнем воды в реке Волга. К востоку от раскопа на территории дворцового сада фиксируется понижение современной дневной поверхности к северу (к реке Волга), в его западной части, которая расположена на тротуаре и частично на проезжей части Волжского проезда, – повышение в сторону Волги, что связано с подсыпками проезжей части улицы, которая повышается в сторону Староволжского моста.

Площадь раскопа на уровне дневной поверхности составила 104 м^2. По данным геологического бурения в границах котлована мощность антропогенных отложений составила 6 м. С учетом этих данных с уровня проектной отметки дна котлована под строительство теплокамеры (3,50 м от дневной поверхности) и до материка с целью предотвращения обрушения стенок котлована был оставлен уступ, а стенки котлована были укреплены (цв.вкл.: рис.2), что привело к уменьшению площади археологических раскопок до 80 м^2.

[1] Коллекция индивидуальных находок из раскопа представлена 1433 предметами из различных материалов. Керамическая коллекция насчитывает 10139 фрагментов посуды. Значительное количество мелких фрагментов венчиков свидетельствует о том, что грунты активно перемещались в результате хозяйственной и строительной деятельности на протяжении длительного промежутка времени, что отрицательно сказалось на сохранности раннего культурного слоя. Во время работ было отобрано 200 образцов на дендро- и радиоуглеродное датирование, кроме того А.А. Гольевой отобраны образцы материкового грунта и культурного слоя. В настоящий момент работы по обработке материалов раскопа (в том числе – и работы по получению дендродат и радиоуглеродных дат) продолжаются.

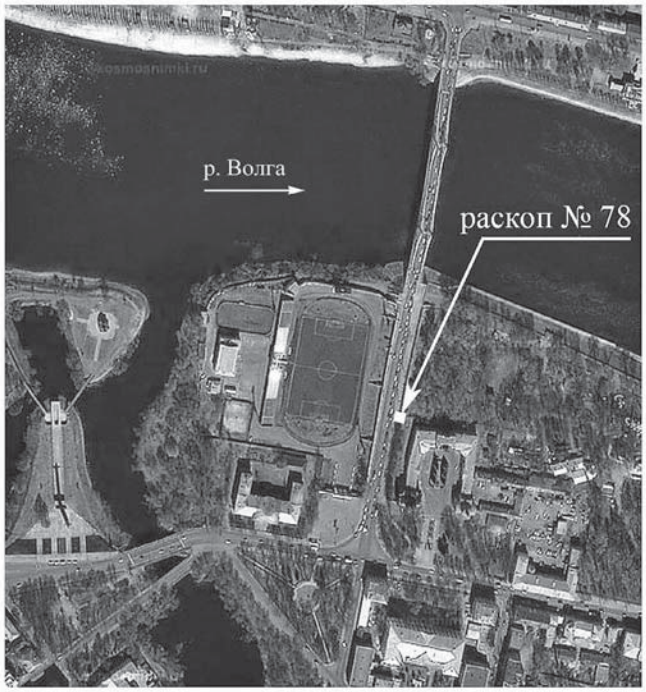


Рис. 1. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. Местоположение раскопа.

С уровня современной дневной поверхности[2] в границах раскопа под асфальтом фиксировался сухой культурный слой мощностью до 1,5 м, связанный со строительством моста через Волгу и устройством подъездной дороги к нему в 1895–1900 гг.

[2] Замеры глубин при проведении археологических работ проводились от единого для всех раскопов на территории центральной части Тверского кремля нулевого репера (135,78 м в Балтийской системе высот).

(рис. 3, 26). Судя по характеру залегания отложений, в границах участка происходила масштабная нивелировка поверхности с помощью подсыпок, для чего использовался культурный слой, который был срезан на прилегающей территории.

В этом слое в переотложенном состоянии найдены медные монеты (рис.3): «5 копеек» 1727 г. (№ 72); 1 копейка» 1877 г. (№ 1407); «полушка» 1731 г. (?) (№ 1431); а также большие тверские пула XV в. (№ 1402, № 1404, № 1405) [1, с.159; 2, с.364]. Кроме монет, в прослойках, связанных с насыпью подъездной дороги к мосту, обнаружены (рис.4): железные замок навесной сничный (?) (№ 1332); комбинированные сапожные подковки (№№ 1333, 1349); кресало овальное короткое (№ 1336); фрагмент конской подковы (№ 1353); ключ-отмычка от деревянной дверной задвижки (?) (№ 1334). Датировка находок – от начала XIII до XVIII вв. [3, с.83, 84, рис.68, с.86, 89, рис. 72.1, с.100, 101, рис.84.9-11; 4, с.161, 162, рис.3, с.163 рис.4; 5, с.76, 77, 196; 6, с.114-119; 7, с.165, рис.138; 8, с.274, 275, рис.21.1; 9, с.263, рис.11.2], что свидетельствует о перемещении грунта.

Этот слой фиксировался до уровня мостовой, вымощенной битым красным кирпичом, колотым известняком (обломками белокаменных блоков), необработанными булыжниками (рис.5: 1; 26). Предварительная датировка мостовой – конец XVIII – начало XIX вв. При ее расчистке в переотложенном состоянии была найдена вислая свинцовая печать новоторжского наместника (№ 81) времени архиепископа Иоанна (1389–1415 гг.) (рис.5: 2) [10, с.189. № 534б].

Ниже кирпичной мостовой фиксировался культурный слой, мощностью 0,8–1 м, испытавший значительное аэробное воздействие, который отложился в течение XVII–XVIII вв. в период до пожара 1763 г. Формирование его верхней части происходило в течение короткого промежутка времени от начала сооружения подсыпки под мостовую после пожара 1763 г. до момента, когда участок был выведен из зоны жилой и хозяйственной застройки и законсервирован подсыпкой.

Слой, залегающий ниже, маркируют монетные находки (рис.6): медная «полушка» 1720 г. (?) (№ 17), медная «полушка» 1721 г. (№ 44), медная «полушка» 172.. г. (?) (№ 31), в переотложенном состоянии в слое встречены пула XV–XVI вв. (№№ 12, 26, 30, 35, 40, 46, 55, 62, 83, 104, 106, 108, 125) [1, с.149, 162, 165-167, 178-183, 186-191, 193-194, 198; 2, с.361-364, рис. 3: 24, 2: 26, 2: 28; 11, с. 145, 146; 12, с.104. №№ 69.4-69.6]. Кроме монет, в слое встречены (рис.6): железные врезные сапожные подковки XVI–XVII вв. (№ 89, № 213) [5, с.76, 77, 196; 6, с.114-119]; горло кумгана с перемычкой из беложгущейся глины, покрытое зеленой поливой, XVI–XVII в. (№ 1421) [13, с.50, 51; 40, с.322, 323, рис.8. 4-6].

С периодом формирования этого слоя связаны постройки 10 и 11 (рис.7). Постройка 10, вероятнее всего, возникает в результате возобновления хозяйственной деятельности после Смутного времени в середине XVII в. и существует до начала XVIII в., затем ее сменяет постройка 11, которая функционирует, вероятнее всего, до пожара 1763 г. Отметим, что деревянные конструкции этих построек фиксировались в виде волокон древесного тлена, хорошо сохранивших форму бревен, досок, плах.

На уровне -440 -480 от н.р[3]. прослежен влагонасыщенный культурный слой, также испытавший значительное аэробное воздействие. С формированием слоя связаны остатки нескольких построек, в течение этого периода прослежена смена застройки (рис.7). Наиболее ранние в этом слое постройки 6 и 7, ориентированные по линии с азимутом 10^0, фиксируются только в северной части раскопа. Застройка, с которой связаны более поздние постройки 5 и 9, ориентирована строго на север,

[3] Здесь и далее «н.р.» - сокращение «Нулевой репер».

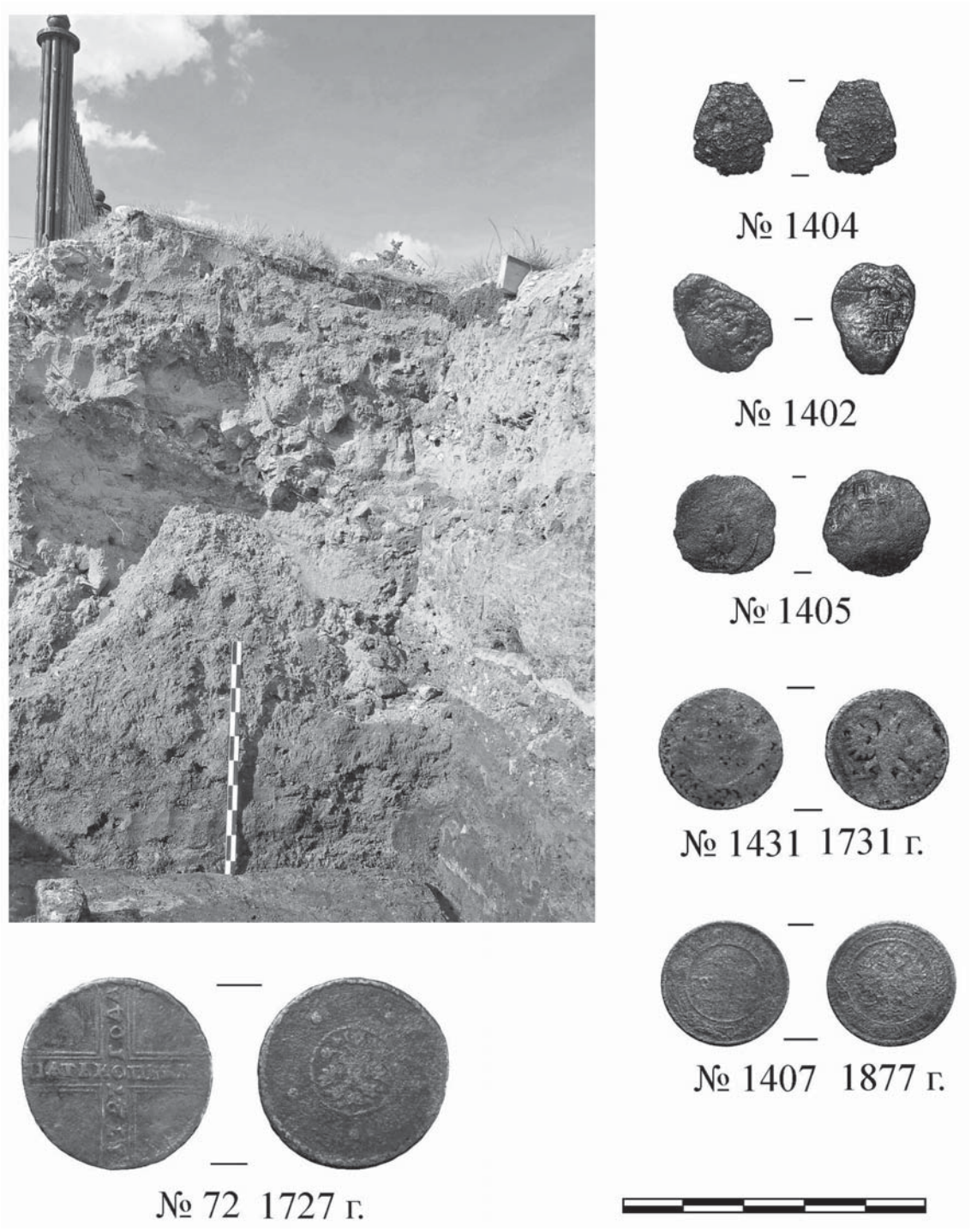


Рис. 3. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. Насыпь Староволжского моста: стратиграфия и монетные находки.

прослежена как в северной, так и в южной части раскопа. Еще более поздняя постройка 8, также ориентированная строго на север, прослежена в северной части раскопа. Эти постройки последовательно сменяют друг друга, перерывов в застройке участка не прослеживается, новые срубы возводятся с использованием конструкций и бревен предыдущих срубов, срубы частично перекрывают друг друга.

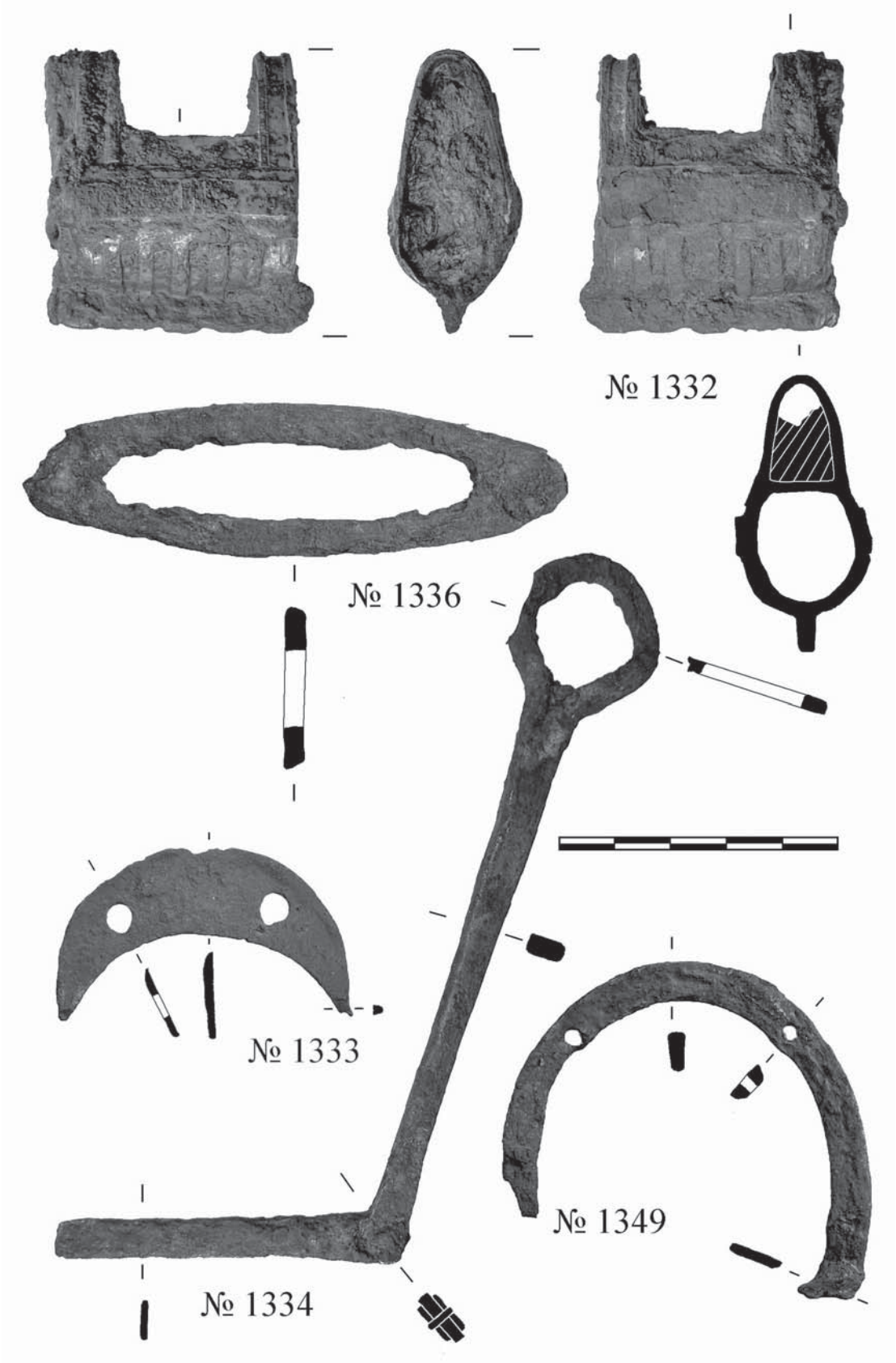


Рис. 4. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
Насыпь Староволжского моста: находки.

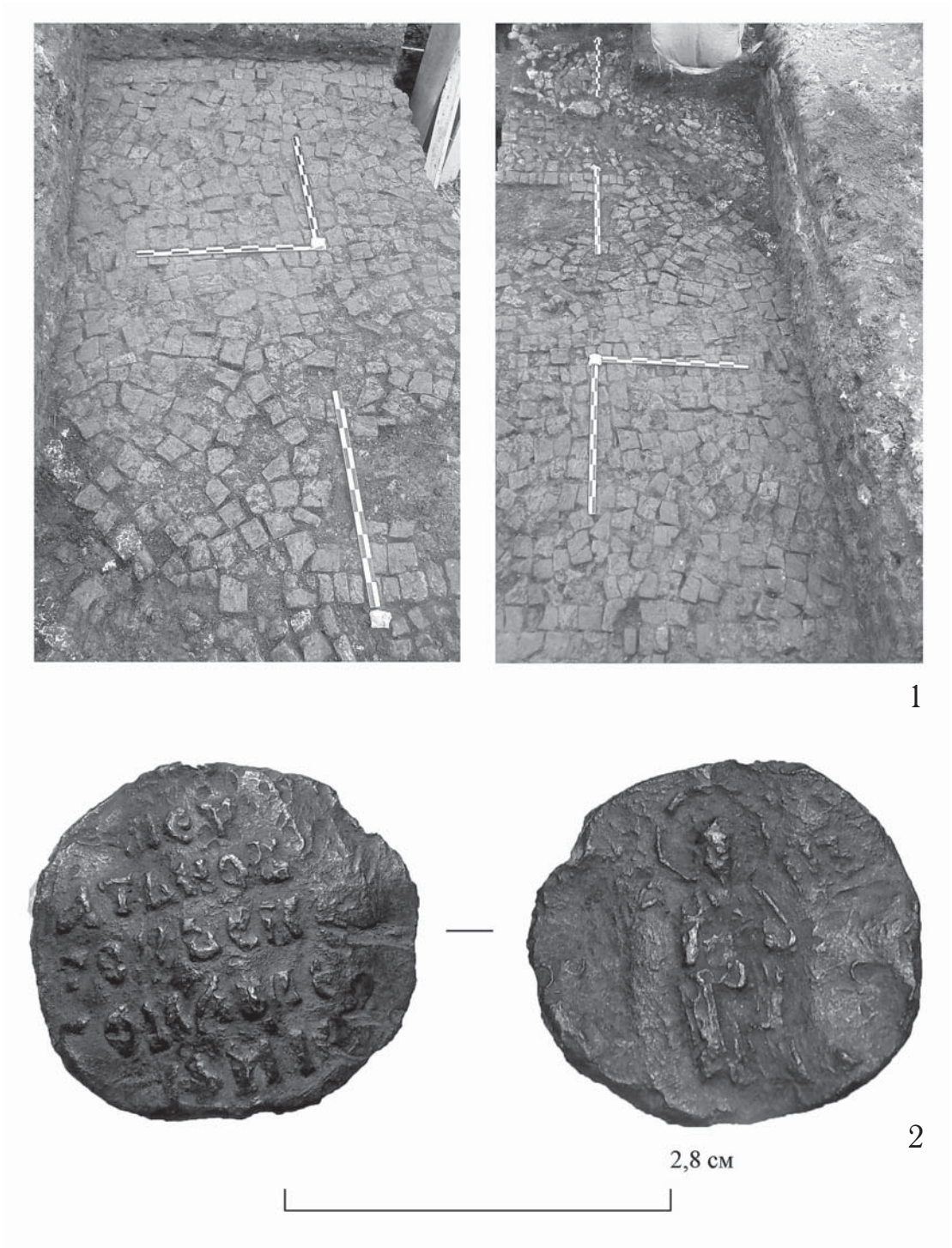


Рис. 5. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. 1 - мостовая из обломков красного кирпича и белого известняка; 2 - вислая свинцовая печать.

Одновременно с застройкой участка продолжает накапливаться слой с включениями древесного тлена, щепы, иногда в нем встречаются включения коры. Находки из этого слоя имеют широкие датировки (рис.8) (от XIV до XVII вв.) [13, с.16; 14, с.188-198; 15, с.198-206], однако фрагменты гончарной посуды позволяют уверенно говорить о его формировании во второй половине XV–XVI – начале XVII вв. (рис.9) [16, с.34-47; 17, с.55-90].

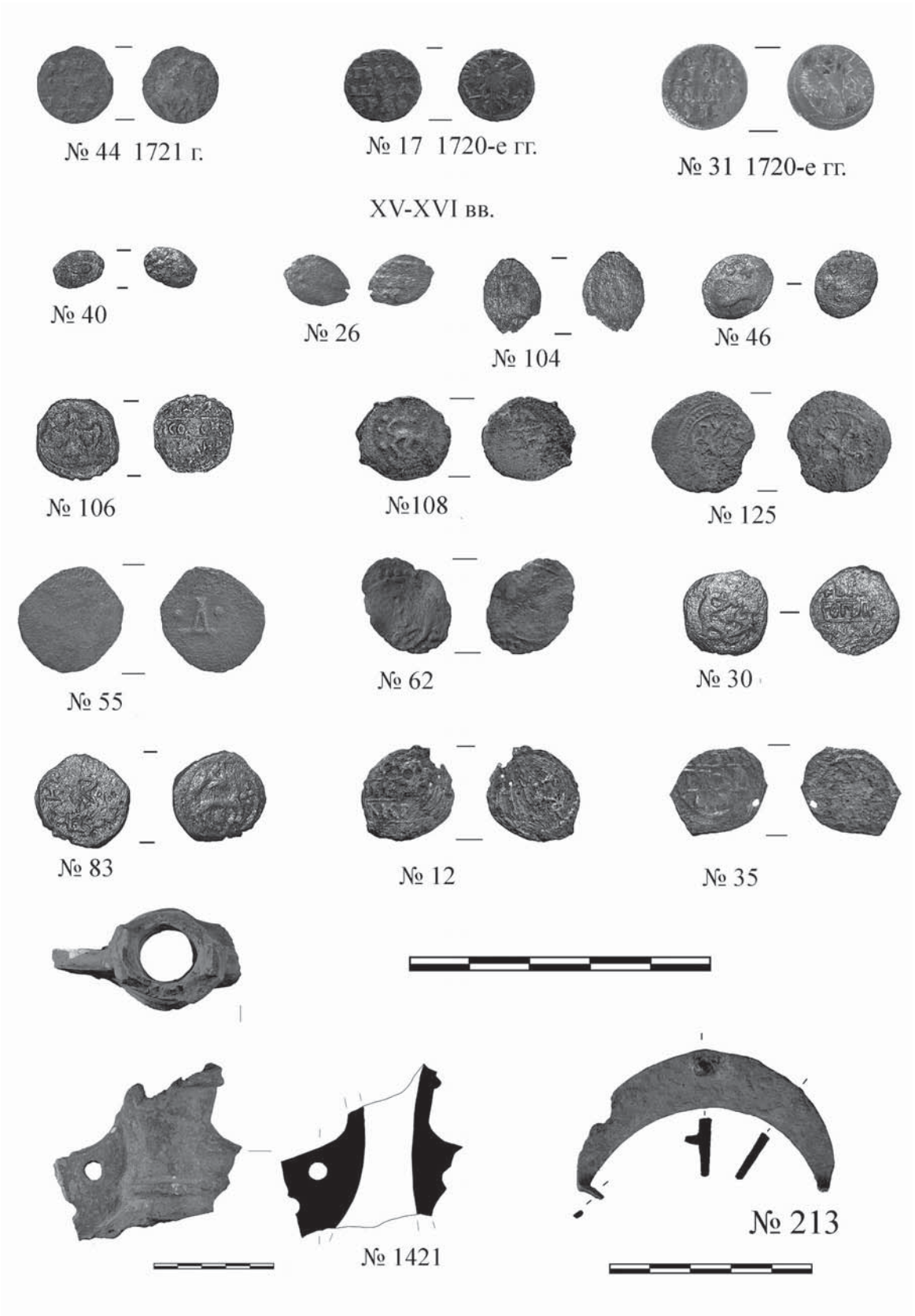


Рис. 6. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. Мостовая из обломков красного кирпича и белого известняка. Находки из слоя подсыпки под мостовую.

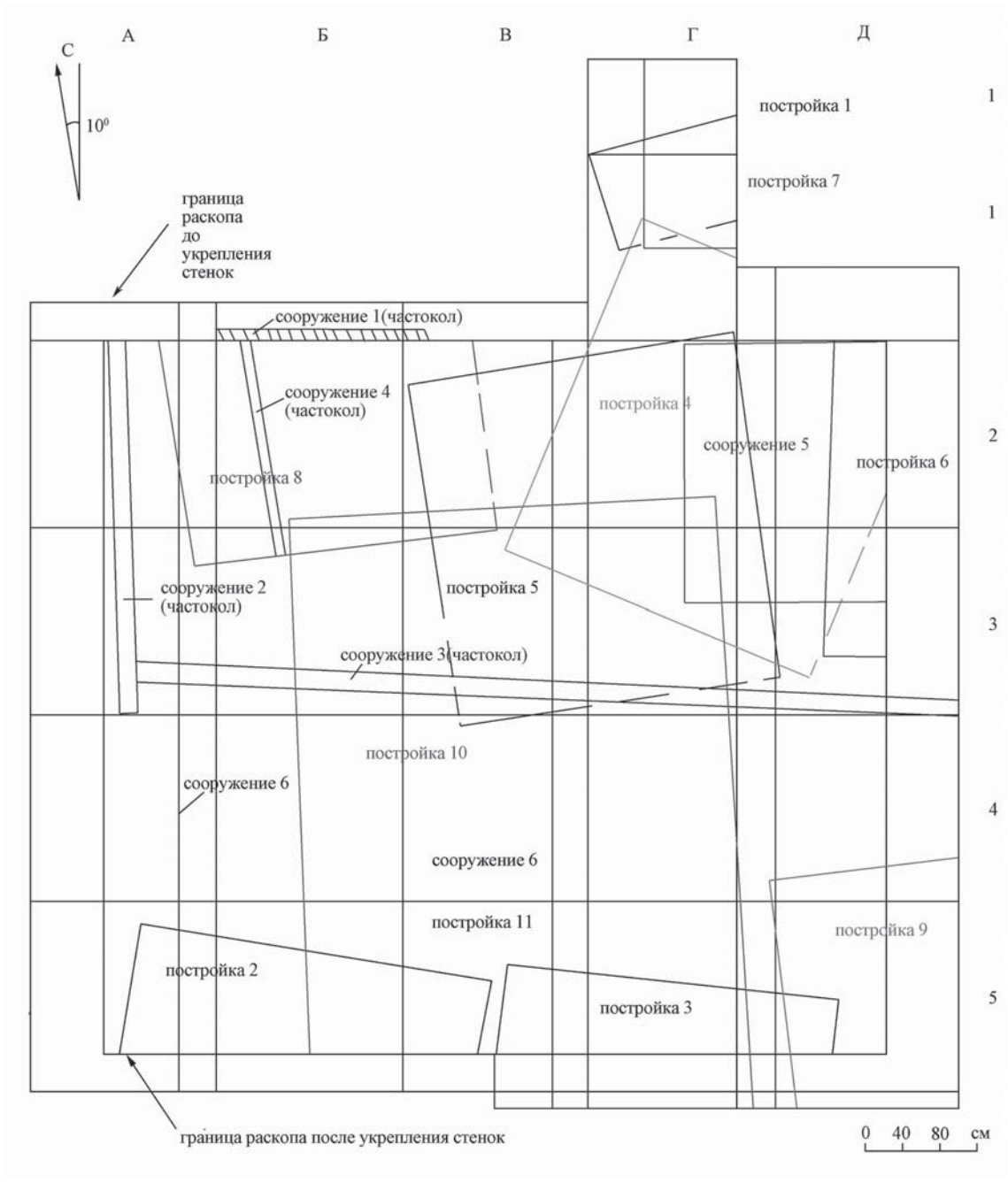


Рис. 7. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
План построек и сооружений.

Ниже, с уровня -490 до уровня -520 от н.р., в границах раскопа не прослежено каких-либо построек, культурный слой может быть определен как влагонасыщенный со значительными включениями органики (щепы, древесного тлена, коры, местами – включениями навоза). Можно предположить, что застройка располагалась рядом, за границами раскопа, а в раскопе была вскрыта дворовая (хозяйственная) часть усадьбы.

На уровне -530 -550 от н.р. были расчищены нижние венцы срубов построек 3 и 4 (рис.7). Срубы построек 3 и 4 были ориентированы по линии с азимутом 10-25^0 и фиксировались как в северной, так и в южной частях раскопа. Прекращение функционирования постройки 3 предварительно, судя по стратиграфическим наблюдениям,

может быть связано с пожаром 1413 г., а разрушение постройки 4 – с очередным пожаром первой половины XV в. (вероятнее всего, 1433 г.).

Хронологию слоя определяют такие находки (рис.10), как: сосуда стеклянного бесцветного прозрачного с росписью золотом (арабская надпись) и эмалью (синей, с внутренней стороны) фрагменты (№№ 389, 520) (аналогии – Ближний Восток, конец XIII–XIV вв.) [24, с.52-75; 25, с.236-261], изготовленный из медесодержащего сплава[4] крест нательный четырехконечный с крестообразным углублением в средокрестии, заполненном эмалью (?) и треугольными окончаниями лопастей, оглавие в виде плоской бусины, обратная сторона гладкая (№ 163) (XIV – первая половина XV вв.) [18, с.51, 54, рис.16.2; 21, с.17, рис.1.16; 22, табл. 103.34; 23, № 234]; бусины округлые без орнамента (№№ 224, 260, 263, 272) (аналогии – Новгород, слои второй половины XII – рубежа XIV–XV вв.) [18, с.155]; накладка с антропоморфным изображением (№ 495); железные ключ от навесного цилиндрического замка тип В (№ 324), замки навесные цилиндрические тип BI (№№ 178, 325) (аналогии – Новгород, слои второй половины – конца XII – начала XV вв.) [3, с.79, 81, 82, 86, 87, рис.65.3, рис.67.4, рис.70; 4, с.160, 162, рис.3], а также имеющие широкие датировки (XII–XV вв.) находки: деревянное чесало для льна (№ 353) [26, с.65, 158, 159, табл. 61.1-5, 62.8-16]; железные дужка навесного цилиндрического замка с пружинами (№ 186); ножи с деревянными рукоятями (№№ 220, 387). В переотложенном состоянии в этом слое встречены: изготовленные из цветного металла бусина эллипсоидная с узором из ложной зерни в виде окружностей (№ 225) (аналогии – Новгород, слои рубежа X–XI – середины XIV вв.) [18, с.14, 15, рис.3.10-16; 19, с.70, 96, рис.8.5]; бусина биконическая с каплевидными отверстиями, украшенными по контуру ложной зернью (№ 275) (аналогии – в материалах древнерусских кладов второй половины XII – первой трети XIII вв.) [20, с.145, рис.104].

На основании датировок находок и фрагментов венчиков керамической посуды (рис.11) [27, с.206 рис.5] культурный слой на уровне -490 -550 от н.р. предварительно отнесен ко второй половине XIV – первой половине XV вв.

На уровне -560 -590 от н.р. остатков деревянной застройки не выявлено, раскопом вновь вскрыта дворовая (хозяйственная) часть усадьбы. На уровне -600 -630 от н.р. в южной части раскопа расчищены нижние венцы сруба постройки 2 (рис.7). Заполнение сруба, связанного с постройкой, перекрыто прослойкой темно-серой супеси с включениями угля мощностью 2 см, что позволяет считать, что постройка также пострадала от пожара (предварительно он может быть соотнесен с событиями 1327 г.). По находкам стеклянных браслетов (№№ 1019, 1020) (середина – вторая половина XIII – начало XIV вв.[5]) (цв.вкл.: рис.15), постройка 2 предварительно может быть отнесена ко второй половине XIII – началу XIV вв.

Из этого слоя происходят (цв.вкл.: рис.12): сосуда стеклянного (чаши?) бесцветного прозрачного (со слабым желтым оттенком) фрагменты (№ 503/1, 2, № 391) (полный поддон d=11 см, конец XIII–XIV вв.) [24, с.52-75]; фрагменты стеклянных браслетов середины – второй половины XIII в. (№№ 763, 719, 636, 725, 717, 720), середины – второй половины XIII – начала XIV вв. (№№ 695, 683, 748, 778, 744, 749, 711, 685, 721, 675, 615, 507, 791, 678, 760, 743, 759, 765, 782, 509, 745, 757, 769, 741,

[4] Определение сплавов, из которых были изготовлены многие предметы, еще предстоит выполнить. Отметим, что большая часть предметов, которые далее определены как изготовленные из цветных металлов, судя по визуальным признакам, изготовлена из медесодержащих сплавов.

[5] Здесь и далее – определение и датировки стеклянных браслетов и бусин выполнены И.А. Сафаровой, которой авторы выражают свою благодарность.

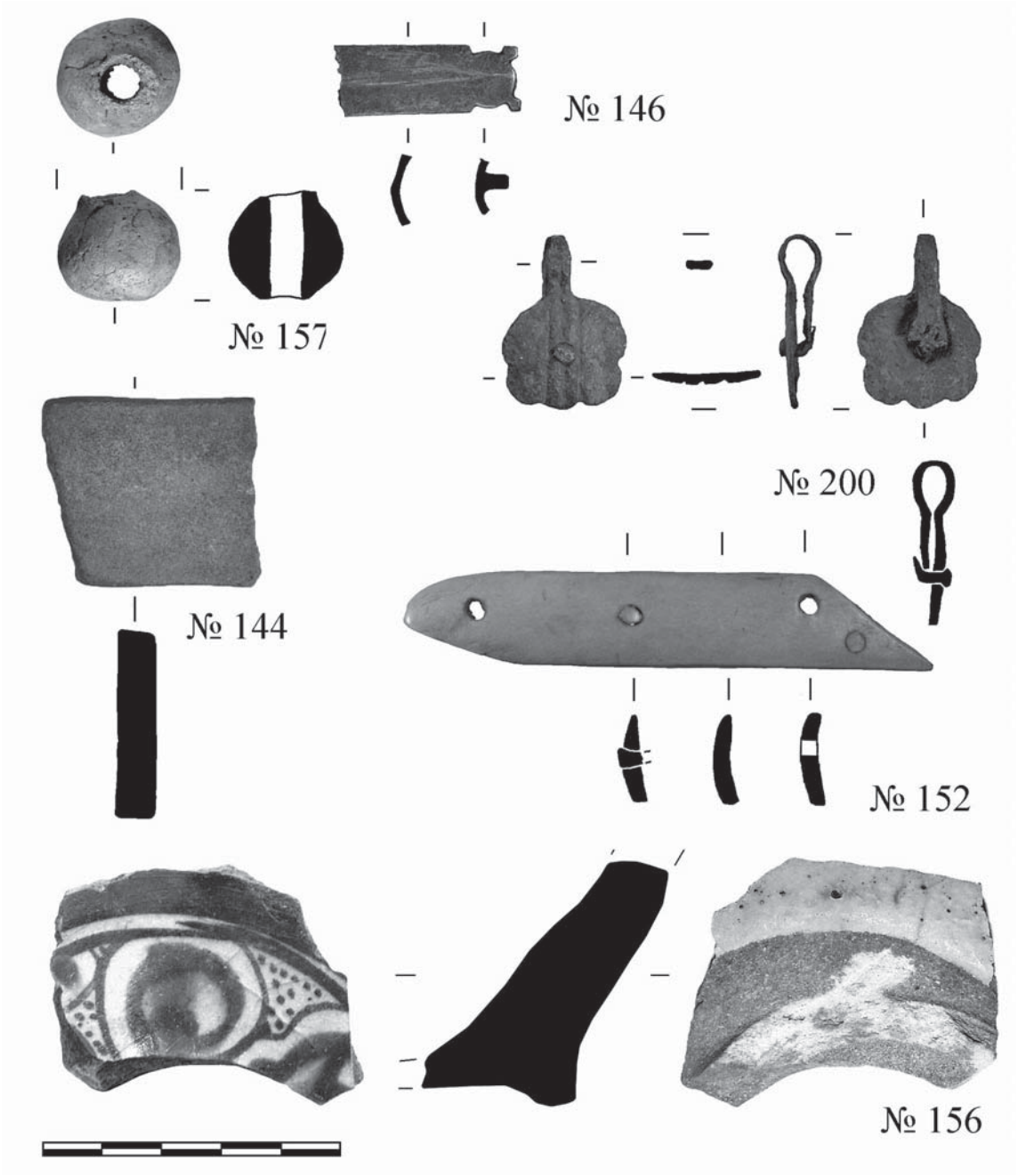


Рис. 8. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
Находки с уровня -440 -480 от н.р.

629, 708, 630, 1051, 777, 780, 1056, 814, 736, 702, 619, 611, 635, 677, 729, 785, 773, 758, 742, 737, 738), второй половины – конца XIII–XIV вв. (№№ 768, 631, 607, 606, 605, 598, 597), а также находки, изготовленные из цветного металла (рис.13, 14): щитковосрединные перстни с круглыми щитками (№№ 540, 541, 649) с изображением косого креста и четырьмя точками, с узкопластинчатой дужкой и расширяющейся средней частью, щиток в продольном сечении находится в одной плоскости с дужкой (аналогии – Новгород, слои второй половины XIII – начала XIV вв.) [18, с.132, 191, рис.81; 19, с.52]; широкосрединный замкнутый пластинчатый перстень (№ 542) (аналогии – Новгород, слои конца XIII – начала XIV вв.) [18, с.130, 191, рис.81];

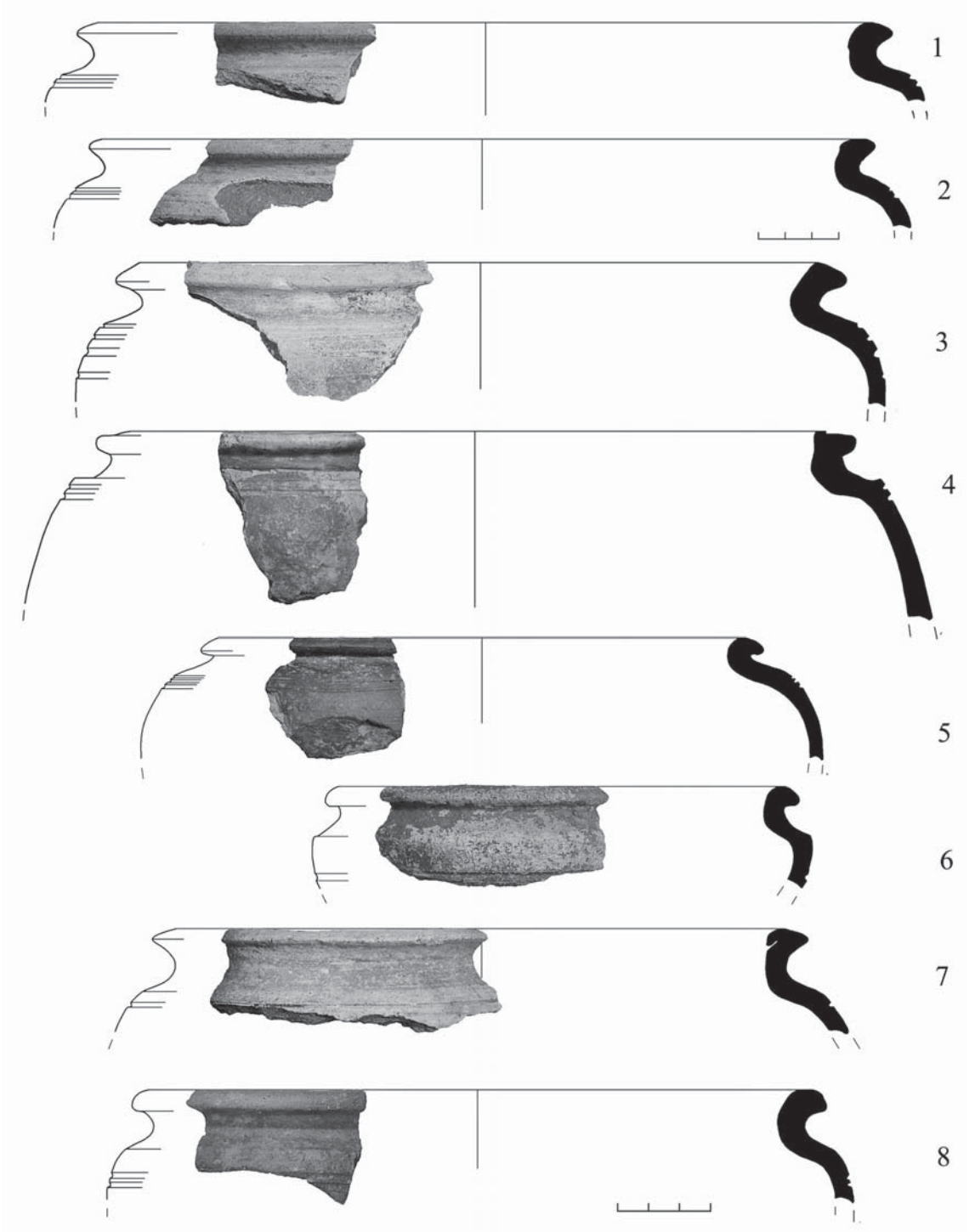


Рис. 9. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. Фрагменты гончарной посуды с уровня -440 -480 от н.р.

витой браслет (№ 890) из круглой в сечении проволоки, сложенной вчетверо (аналогии – Новгород, слои середины XIII – середины XIV вв.) [18, с.95, 97, рис.34.12; 19, с.41]; щитковосрединный перстень с ромбическим щитком с изображением креста (№ 895); бусина округлая с узором из ложной зерни в виде продольных полосок (№ 897) (аналогии – Новгород, слои второй половины XIII – рубежа XIV–XV вв.)

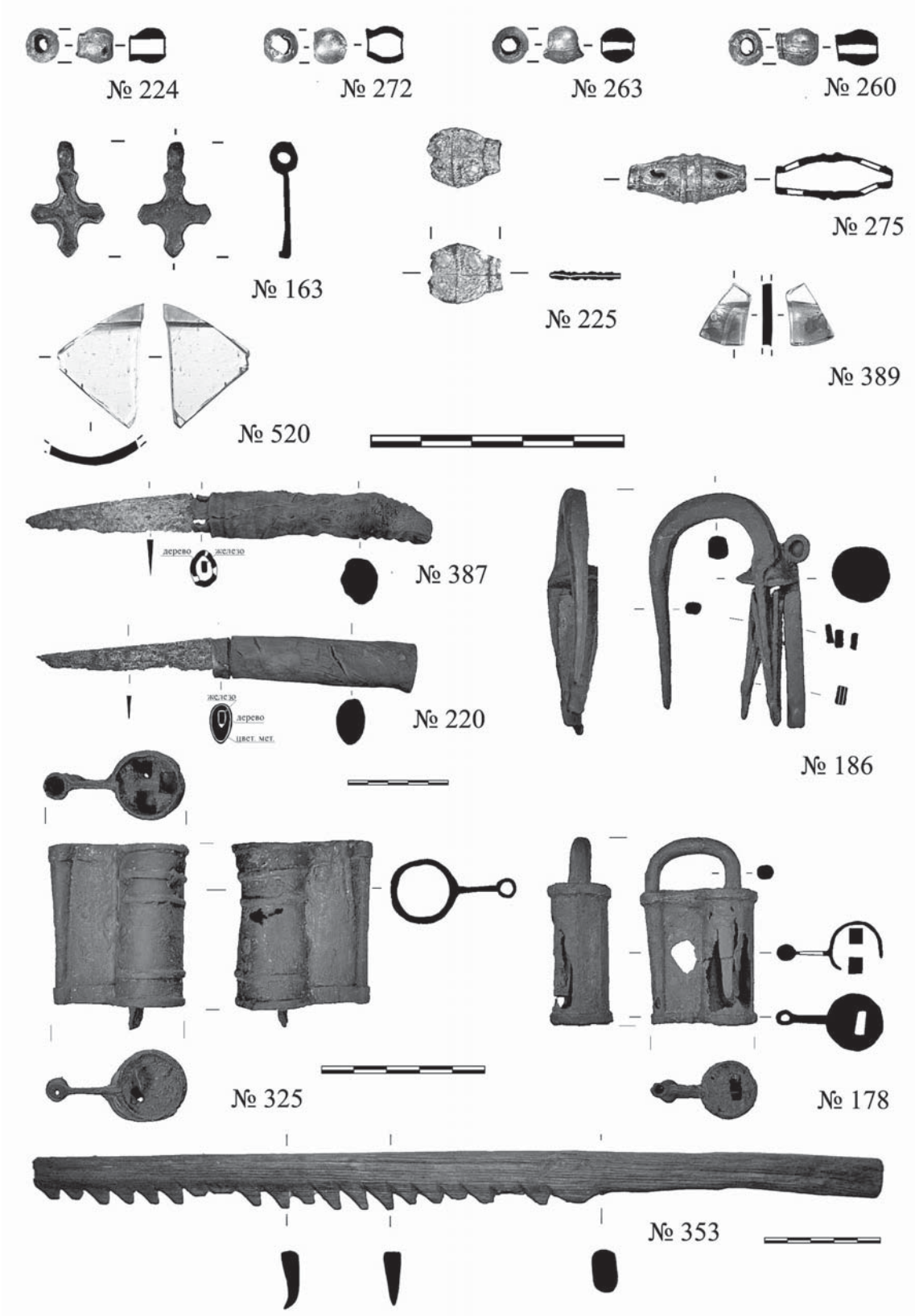


Рис. 10. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
Находки с уровня -490 -550 от н.р.

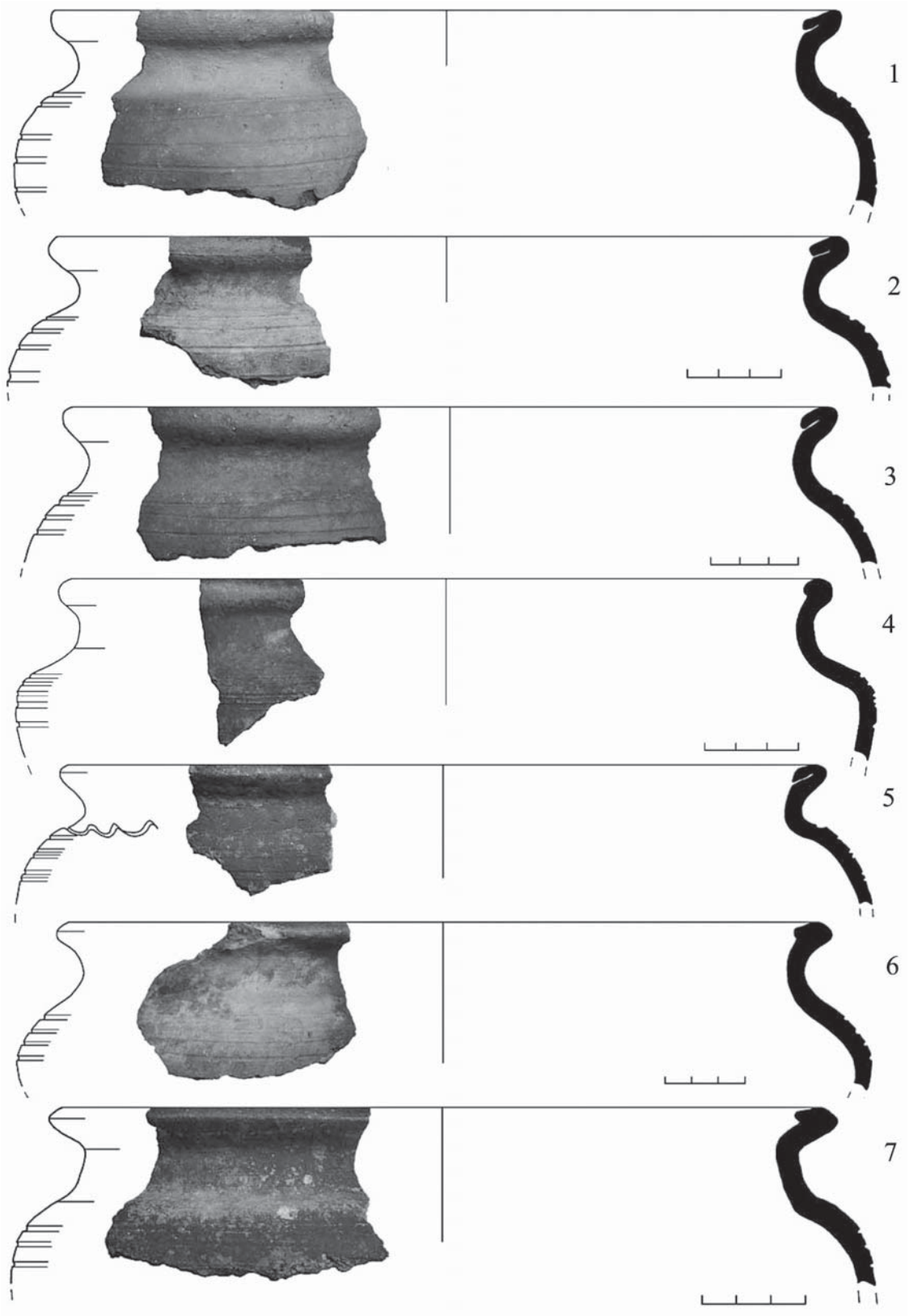


Рис. 11. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. Фрагменты гончарной посуды с уровня -490 -550 от н.р.

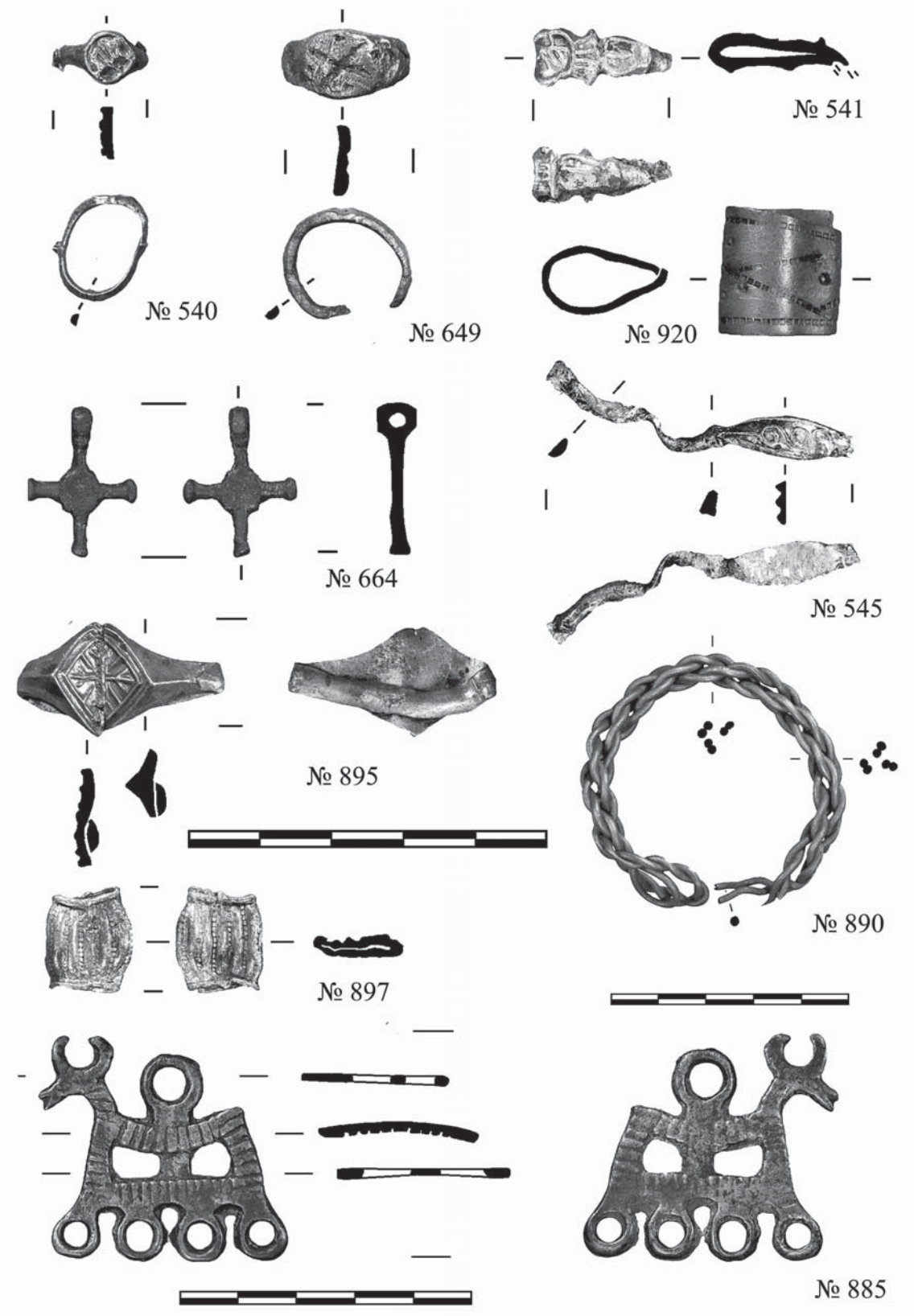


Рис. 13. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
Находки с уровня -560 -620 от н.р.

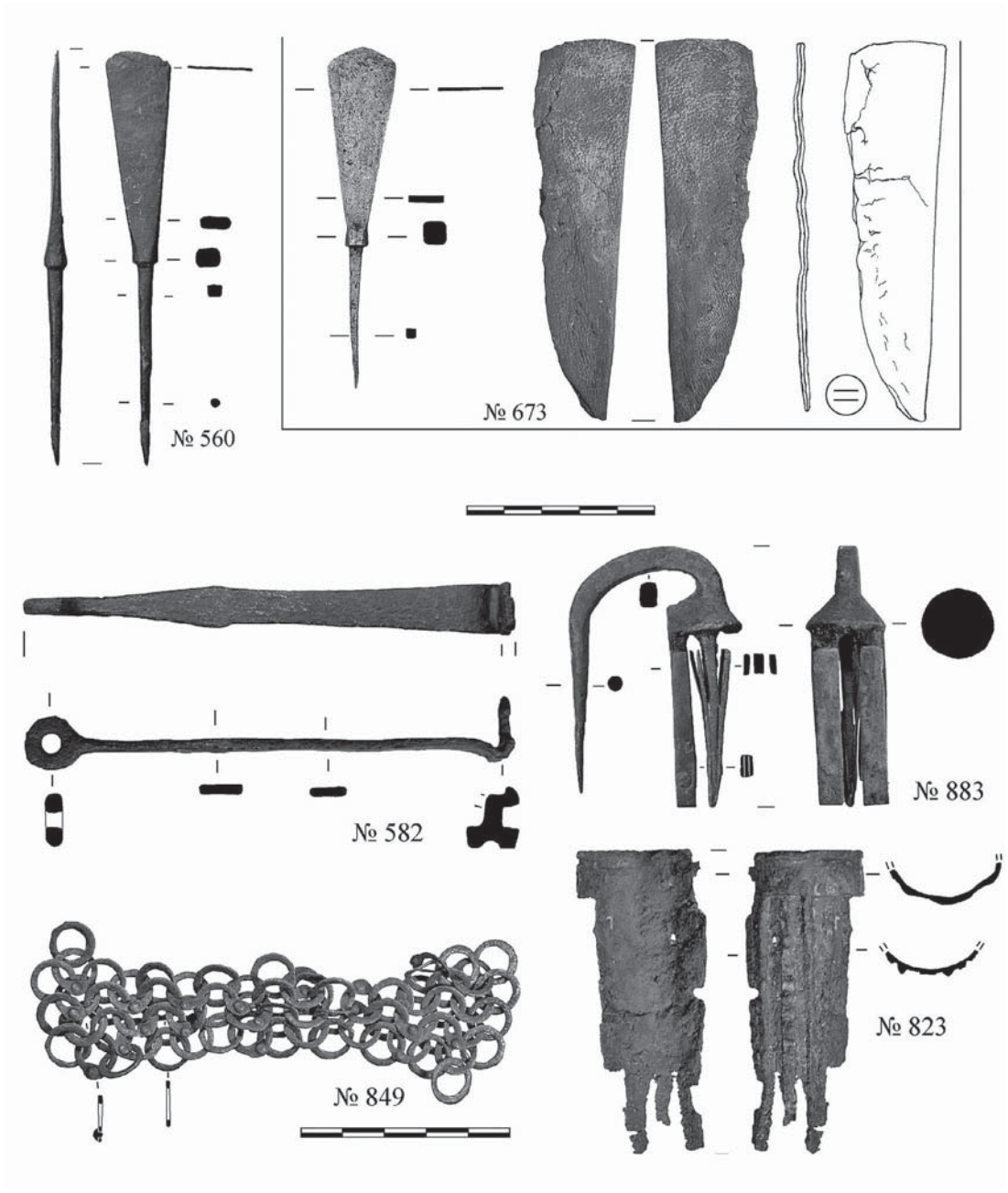


Рис. 14. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
Находки с уровня -560 -620 от н.р.

[18, с.155]; подвеска плоская шумящая зооморфная в виде конька (№ 885) (XII–XIII вв.) [29, с.23, 105, табл. VIII.5]; железные: наконечники стрел типа «срезень» (№№ 560, 673) (XIII–XIV вв.) [7, с.143, рис.112; 30, с.160, 167, рис.13.32]; ключ от навесного цилиндрического замка (№ 582) (тип В); фрагмент навесного цилиндрического замка (№ 823) (тип Б) (аналогии – Новгород, слои XII–XV вв.) [3, с.79, 80, рис.65.2, с.81, 82, 86, 87, рис.67.4, рис.70; 4, с.160, 162, рис.3].

Часть находок из этого слоя имеет широкие датировки: фрагмент пластинчатого браслета с геометрическим орнаментом (№ 920) (аналогии – Новгород, слои конца XII–XIII–XIV вв.) [18, с.103-110, 190, рис.81; 19, с.35, 36]; крест нательный

четырехконечный с уплощенно-шаровидными концами лопастей и округлым плоским средокрестием без изображений, оглавие в виде уплощенной бусины (№ 664) (XI–XIII вв.) [18, с.51, 54, рис.16.14; 28, рис.89.3]; железные дужка навесного цилиндрического замка с пружинами (№ 883); фрагмент кольчуги (№ 849) (X–XV вв.) [7, с.150-152; 30, с.173, 174, рис.16.1-5].

Влагонасыщенный слой с включениями органики, зафиксированный на уровне -560 -620 от н.р., предварительно датируется второй половиной XIII – первой половиной XIV вв. Исходя из датировок находок, происходящих из слоя на уровне -630 от н.р. (цв.вкл.: рис.15): фрагменты стеклянных браслетов (№№ 801, 807, 513, 814) (середина – вторая половина XIII – начало XIV вв.), из цветного металла – витые браслеты (№№ 960, 1105) из круглой в сечении проволоки, сложенной вчетверо (аналогии – Новгород, слои середины XIII – середины XIV вв.) [18, с.95, 97, рис.34.12; 19, с.41]; пластинчатый широкосрединный перстень с разомкнутыми концами с орнаментом в виде плетенки (№ 931) (аналогии – Новгород, слои XIII в.) [18, с.129, 191, рис.81; 19, с.48]; перстнеобразное «кудрявое» височное кольцо (№ 999) (аналогии – Новгород, слои второй половины XIII в.) [18, с.15, 16, рис.3.3],– и фрагментов гончарной посуды (рис.16) [27, с.206 рис.5], этот слой может быть отнесен к периоду второй половины XIII – началу XIV вв.

На уровне -631 -635 от н.р. по всей площади раскопа зафиксирована тонкая **угольная прослойка**, мощностью 1-2 см. Из этой прослойки происходят (цв.вкл.: рис.17; рис.18): фрагменты стеклянных браслетов (№№ 987-989) (третья четверть XII – начало XIII вв.); стеклянные бусины и их фрагменты (вторая половина XII – первая половина XIII вв.); изготовленные из цветного металла бусины эллипсоидные с узором из припаянных колечек (№№ 990, 991, 992, 993, 995) (аналогии – Новгород, слои рубежа XII–XIII вв.) [18, с.154, 155; 19, с.81], а также каменный прямоконечный крест с простым средокрестием и прямыми лопастями, на которые одеты металлические обоймицы – крест «корсунчик» (№ 1000), испытавший воздействие высоких температур) (аналогии – Новгород, Загорск, XIII в.) [31, с.140; 32, с.308].

Относительная стратиграфия раскопа и хронология находок, встреченных в слое пожара, позволяют предварительно соотнести эту угольную прослойку с **пожаром 1238 г.**

Под угольной прослойкой на глубине -640 -680 от н.р. залегал влагонасыщенный культурный слой со значительными включениями органики.

В верхней части отложений (на глубине -640 от н.р.) «допожарного» культурного слоя найдены (цв.вкл.: рис.19): стеклянные бусины (№№ 1044 и 1045) (вторая половина XII – первая половина XIII вв.); стеклянные браслеты (№ 1024 – конец XII – первая половина XIII вв., № 1049 – XIII в., № 1054 – третья четверть XII – начало XIII вв., №№ 1025, 1048, 1055, 1054, 1046, 1042, 1043 – первая половина XII в.); пломба свинцовая дрогичинского типа на лицевой стороне изображение креста с точками, на оборотной стороне знаки, подобные букве «N» (№ 1107) (XII – первая треть XIII вв.) [34, с.6-11]; крест нательный четырехконечный с шаровидными окончаниями лопастей, плоским ромбовидным средокрестием без изображений и оглавием в виде плоского ушка (№ 1063) (XII–XIII вв.) [23, № 78; 33, с.25, № 40]; витой перстень из двух проволок, с разомкнутыми концами (№ 1138) (аналогии – Новгород, слои конца XII – начала XIII вв.) [18, с.125, 191, рис.81; 19, с.51]; бусина эллипсоидная с узором из ложной зерни в виде окружностей (№ 1106) (аналогии – Новгород, слои первой половины XII в.) [18, с.14, 15, рис.3.10-16; 19, с.70, 96, рис.8.5]; монетовидная привеска с изображением процветшего креста (№ 1071) (середина XII – вторая треть XIII вв.) [18, с.38, 41, рис.12.15; 19, с.63, 64; 20, с.91, 92, 112, 113, 180, рис.65, 66,

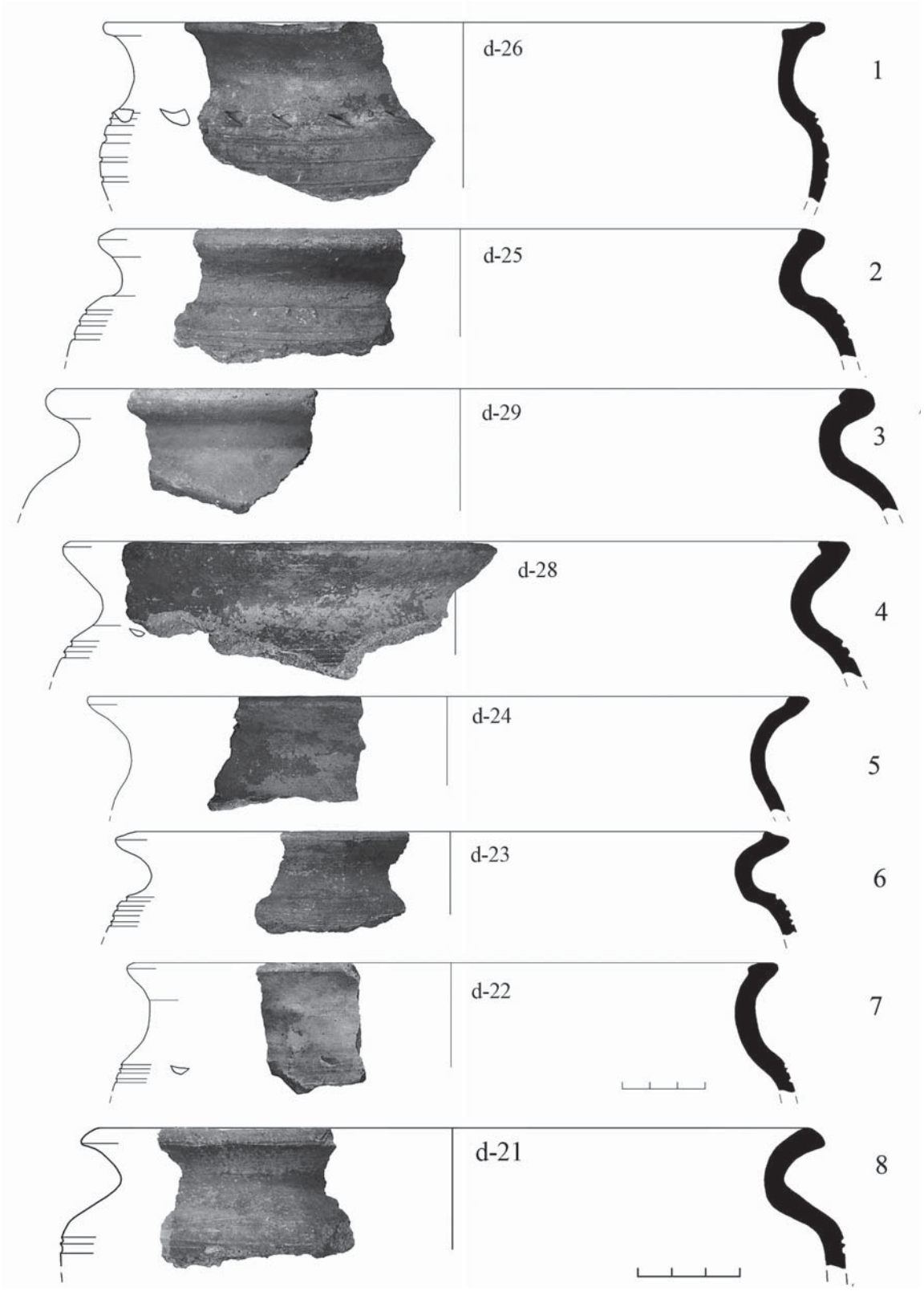


Рис. 16. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
Фрагменты гончарной посуды с уровня -630 от н.р.

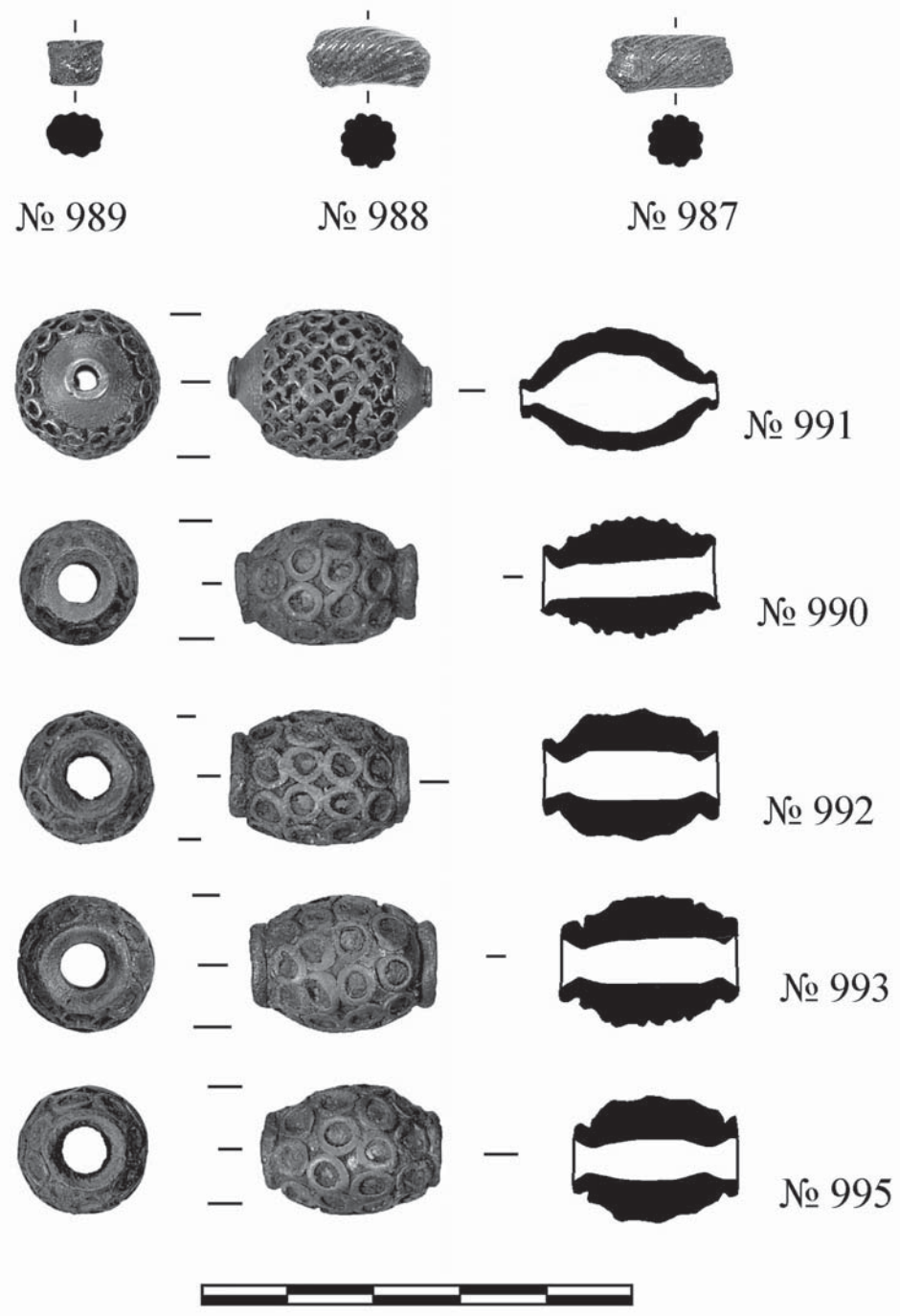


Рис. 18. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
Находки из слоя пожара 1238 г.

87, 88, 125; 35, с.113, 120, цв. вкл., рис. 18.1-3], а также имеющие широкую датировку находки (звенья цепи S-образной формы (№ 1108); одночастные прямоугольная пряжка (№ 1123) и овальные пряжки (№№ 1077, 1081); пуговица шарообразная литая с круглым ушком (№ 1137); бубенчик шаровидный с линейной прорезью (№ 1069, деформирован); пластина железная орнаментированная с отверстием (№ 1132).

В средней части отложений этого слоя найдены (цв.вкл.: рис.20): фрагменты стеклянных браслетов (№№ 1161, 1163-1166) (третья четверть XII – начало XIII

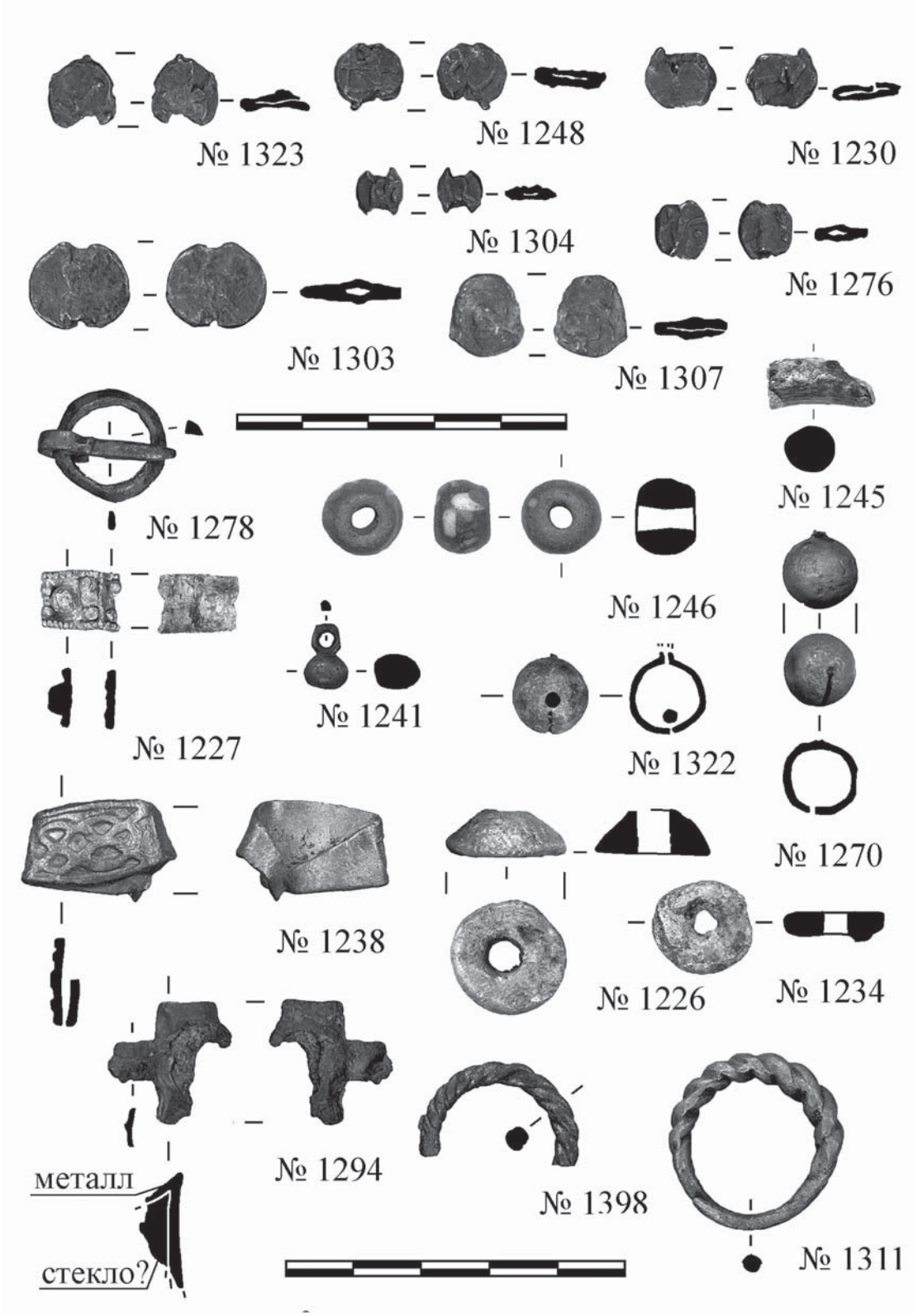


Рис. 21. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
Находки с уровня -670 -680 от н.р.

вв.); свинцовые пломбы дрогичинского типа на лицевой стороне изображение креста с точками, на оборотной стороне знаки, подобные букве «N» (№№ 1172, 1181, 1397) (XII – первая треть XIII вв.) [34, с.6-11]; фрагмент овальноконечного пластинчатого браслета с геометрическим орнаментом (№ 1174) (аналогии – Новгород, слои XII–XIII вв.) [18, с.109, 112, 113, 190, рис.42, рис.81; 19, с. 37]; фрагменты литого пластинчатого браслета с геометрическим орнаментом (№ 1176) (аналогии – Новгород, слои XII–XIII вв.) [18, с.112, 113, 190, рис.81]; трапециевидные привески лапчатой формы (№№ 1170, 1178) (аналогии – Новгород, слои XII–XIII вв.) [18, с.33, 36, рис.10.9, 10; 19, с.62]; фрагмент ключа от навесного цилиндрического замка (№ 1192) (тип А) (Новгород, слои X – начала XIII в.) [3, с.78-80, рис.65.1, рис.66.3; 4, с.160, 162, рис.3]; а также имеющие широкие датировки находки: пинцет ювелирный (№ 1148) (XII в.) [3, с.21-23, рис.7; 7, с.127, 128, рис.99.10], грузик свинцовый конусовидный (№ 1173) (аналогии – Новгород, слои X–XV вв.) [18, с.157, 158, рис.62.18-32; 19, с.81]; фрагмент железной скребницы для чистки лошадей (№ 1197); фрагменты лезвий ножей (№№ 1187, 1191) и ножи черешковые (№»№ 1191, 1200), дужка навесного цилиндрического замка с пружинами (№ 1185); опорный подшипник (№ 1160); заклепка свинцовая (№ 1175), элемент декоративный (?) из медесодержащего сплава (№ 1177).

В нижней части отложений слоя найдены (рис.21): браслета стеклянного гладкого круглого синего (окрашен, вероятно, окисью кобальта) прозрачного фрагмент (№ 1245) (Византия, XII – начало XIII вв.); бусина стеклянная округлая зонная черная непрозрачная с накладным гладким пятнистым декором (капли белого и зеленого стекла) (№ 1246) (середина XII–XIII вв.); пломбы свинцовые дрогичинского типа на лицевой стороне изображение креста с точками, на оборотной стороне знаки, подобные букве «N» (№№ 1221, 1223, 1230, 1235, 1248, 1276, 1288, 1289, 1299, 1304, 1307, 1308, 1310, 1320, 1321, 1323, 1395); пломба свинцовая дрогичинского типа лицевая сторона не читается, на оборотной стороне погрудное изображение святого (№ 1303) (XII – первая треть XIII вв.) [34, с.6-11]; витой перстень (№ 1138) (аналогии – Новгород, слои конца XII – начала XIII вв.) [18, с.125, 191, рис.81; 19, с.51]; ложновитые перстни (№ 1311 – с разомкнутыми концами, № 1398) (аналогии – Новгород, слои XI–XII вв.) [18, с.123, 125, 191, рис.45.7, 8, рис.81; 19, с.51]; ключи от навесных цилиндрических замков тип BI (№ 1293) (аналогии – Новгород, слои второй половины XII – середины XV вв.) [3, с.81, 82, 86, 87, рис.67.5, рис.70; 4, с.160, 162, рис.3], тип Б (№ 1243) (аналогии – Новгород, слои XII – середины XIV вв.) [3, с.80, 81, 87, рис.67.1, рис.70; 3, с.160, 162, рис.3]; а также имеющие широкие датировки находки: бубенчики шаровидные с линейной прорезью (№ 1322, № 1270) (аналогии – Новгород, слои конца XI – начала XIV вв.) [18, с.156, 157, рис.62.10, 11, 16, 17; 19, с.61]; дужка навесного цилиндрического замка с пружинами (№ 1306); донце сосуда керамического с клеймом «окружность» (№ 1430); фрагмент пластинчатого щиткового перстня со вставкой (№ 1294) (аналогии – Новгород, слои XII–XIV вв., преобладают в середине – конце XII – первой половине XIV вв.) [18, с. 139-142, 191, рис. 81]; фрагменты литого пластинчатого браслета с геометрическим орнаментом (№ 1225) (аналогии – Новгород, слои первой трети XII – рубежа XIII–XIV вв.) [18, с.112, 113, 190, рис.81]; пуговица шарообразная литая с круглым ушком (№ 1241) (аналогии – Новгород, слои рубежа XI–XII–XV вв.) [18, с.154, 155, рис.61.3-7]; одночастная округлая пряжка (№ 1278); накладка (?) треугольной формы (№ 1298), браслета (?) перстня (?) пластинчатого с узором из ложной скани фрагмент (№ 1227); грузики свинцовые конусовидные (№№ 1226, 1234) (аналогии – Новгород, слои X–XV вв.) [18, с.157, 158, рис.62.18-32; 19, с.81]; черенок ножа (№ 1237), лезвия ножей фрагменты (№№ 1236, 1242, 1259), шнурок кожаный

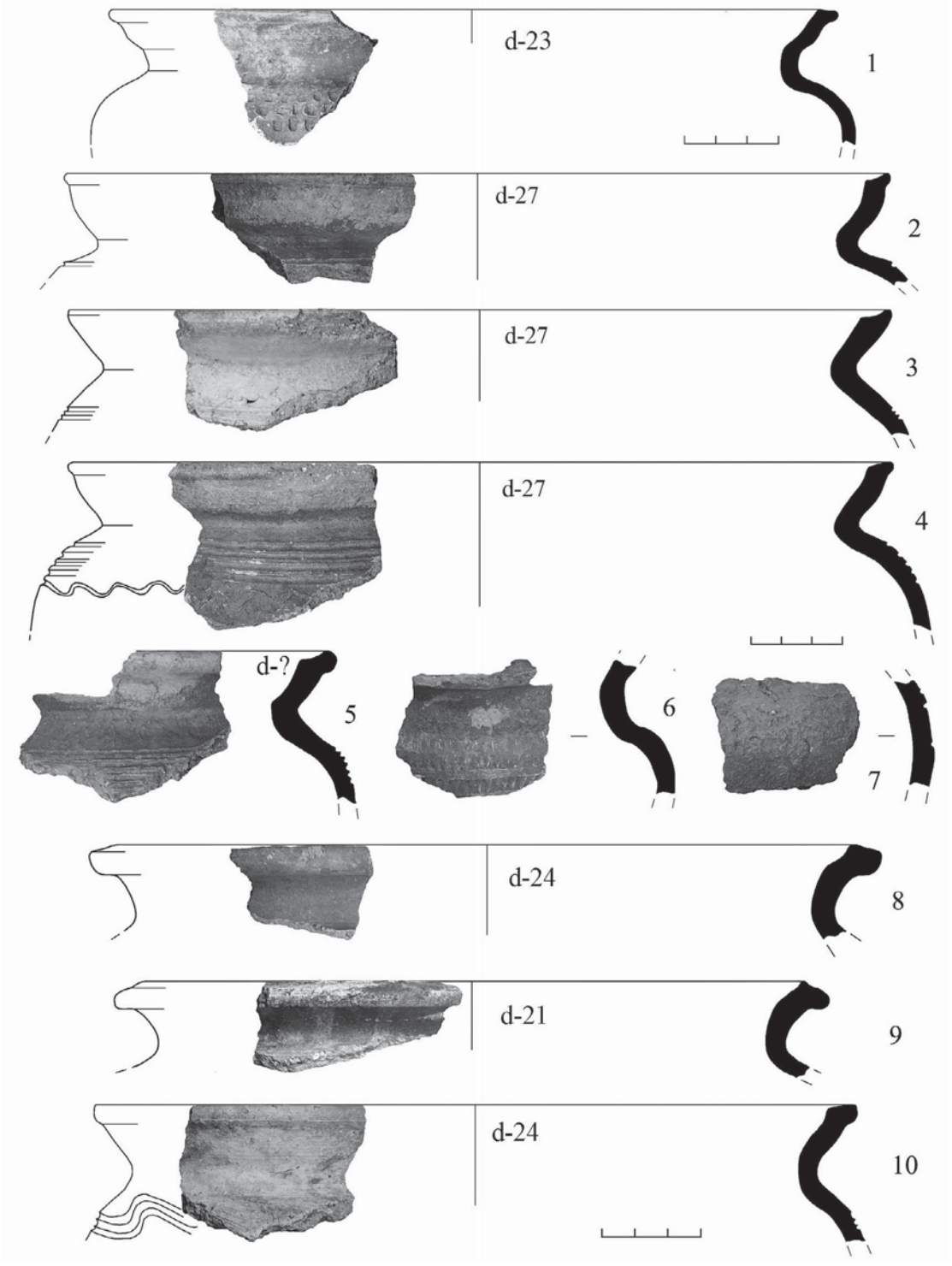


Рис. 22. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. Фрагменты гончарной посуды с уровня -640 -680 от н.р.

с металлическим утяжелителем (№ 1240), крышка (?) деревянная округлой формы с отверстием (№ 1272).

Керамика из этого слоя, независимо от уровня залегания, представлена формами посуды, которые по материалам тверских раскопов датируются XII – началом XIII вв. (рис.22, 23) [36-38]. Однако часть венчиков (рис. 22: 1,8,9; 23: 8) находит

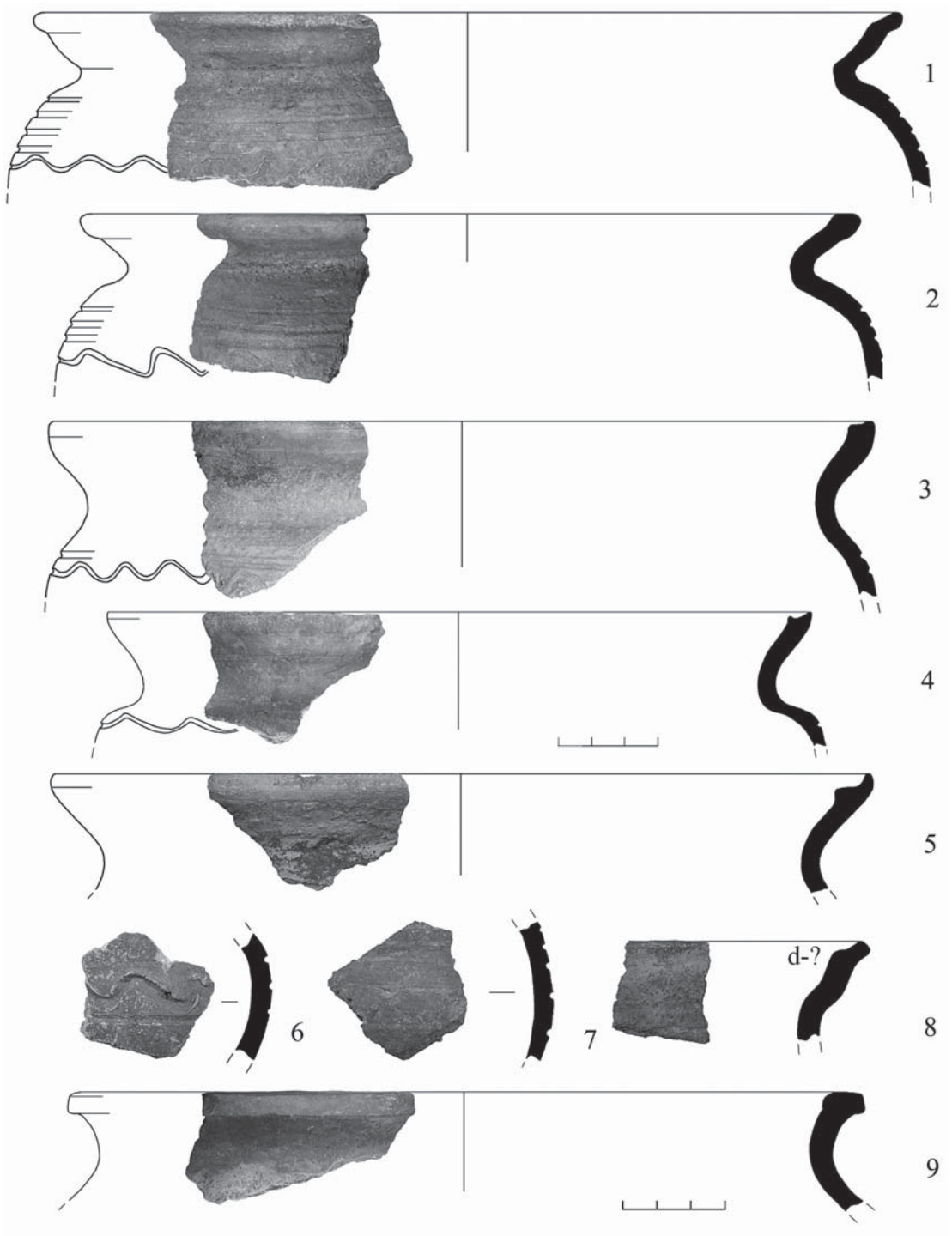


Рис. 23. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
Фрагменты гончарной посуды с уровня -640 -680 от н.р.

аналогии среди форм горшков первой – третьей четверти и последней четверти XI в. из раскопа Десятинный 1 в Новгороде, часть (рис. 22: 2-5,10; 23: 1-5,9) – среди форм второй половины – конца XI – первой половины XII вв. того же новгородского раскопа [39]. Незначительные размеры некоторых фрагментов позволяют считать, что эти фрагменты венчиков горшков попали в слой на отметках -640 -680 от н.р. в результате перемещения из нижележащих слоев.

К начальному этапу формирования культурного слоя относится постройка 1, выявленная в северной части раскопа на уровне -670 от н.р. (рис.7). Во время накопления слоя вокруг нее остатков других построек в границах раскопа не было. Вероятнее всего, на большей части раскопом вскрыта дворовая (хозяйственная) часть усадьбы. О возможном наличии застройки на прилегающих к раскопу участках свидетельствуют хаотично расположенные, возможно, набросанные доски, плахи, бревна, частично обугленные, зафиксированные в западной части раскопа.

Исходя из хронологии находок и керамики, формирование влагонасыщенного культурного слоя со значительными включениями органики, зафиксированного на глубине -640 -680 от н.р., предварительно может быть отнесено к концу XII – концу 30-х гг. XIII вв.

Нижние венцы сруба постройки 1 залегают на слое коричневой супеси (с включениями навоза, щепы, древесного тлена, серого суглинка). Верхняя граница слоя прослежена на отметках от -675 до -685 от нулевого репера. Мощность слоя – от 0,03 до 0,08 м. Из этого слоя, который интерпретирован как огородный, происходят следующие находки (рис. 24): сосуда стеклянного бесцветного прозрачного (со слабым желтым оттенком) фрагмент (№ 1274) (Киевское производство, XII – середина XIII вв.); пломба свинцовая дрогичинского типа на лицевой стороне изображение креста с точками, на оборотной стороне знаки, подобные букве «N» (№ 1288) (XII – первая треть XIII вв.) [34, с.6-11]; игла швейная (№ 1273), пластина из медесодержащего сплава (№ 1297), стержень железный кованый (№ 1301).

Встреченные фрагменты гончарной керамики (рис.24) датируются по материалам тверских раскопов серединой – второй половиной XII в. [36-38]. Однако часть фрагментов венчиков (рис.24: 1,3,5,6) находят аналогии среди форм последней четверти – конца XI в. из раскопа Десятинный 1 в Новгороде, другие венчики сосудов (рис.24: 4,7) – аналогичны формам новгородских горшков второй половины XI – первой половины XII вв. [39]. Незначительные размеры части фрагментов венчиков из раскопа на Волжском проезде позволяют считать, что в этом слое они встречены в переотложенном состоянии. Вероятно, первоначально они были связаны с подстилающими слоями.

Предварительная датировка слоя коричневой супеси – последняя четверть – конец XII в.

На уровне -683 -690 от нулевого репера по всей площади раскопа фиксировался слой темно-серого суглинка с включениями отдельных фракций угля, древесного тлена и светло-серого (материкового) суглинка. А.А. Гольевой этот слой определен как огородный (под пропашные культуры) – почвенный слой, подвергшийся антропогенному воздействию. Мощность данного слоя – от 0,10 до 0,15 м. В этом слое огорода были найдены (рис.25): изготовленные из цветного металла печатный перстень (№ 1312) с круглым массивным рельефным щитком, украшенным по краю рядом ложной зерни, щиток отлит в отдельной форме и потом спаян с дужкой (аналогии – Новгород, слои XII в.) [18, с.128, 137, рис.49.22; 19, с.53]; широкосрединный замкнутый пластинчатый перстень (№ 1326), украшенный по контуру средней части линиями ложной зерни, между которыми помещена выпуклая веревочка – ложная скань (аналогии – Новгород, слои конца XI в.) [18, с.126, 130, рис.47.1; 19, с.49]; а также лезвия ножа железного фрагмент (№ 1315), миниатюрный предмет шарообразной формы из цветного металла (№ 1314), черенок ножа железного (№ 1313) и фрагменты круговых сосудов, датировка которых по причине незначительных размеров затруднена. Примесь крупной дресвы в тесте, шероховатая поверхность позволяют отнести данные фрагменты к домонгольскому времени.

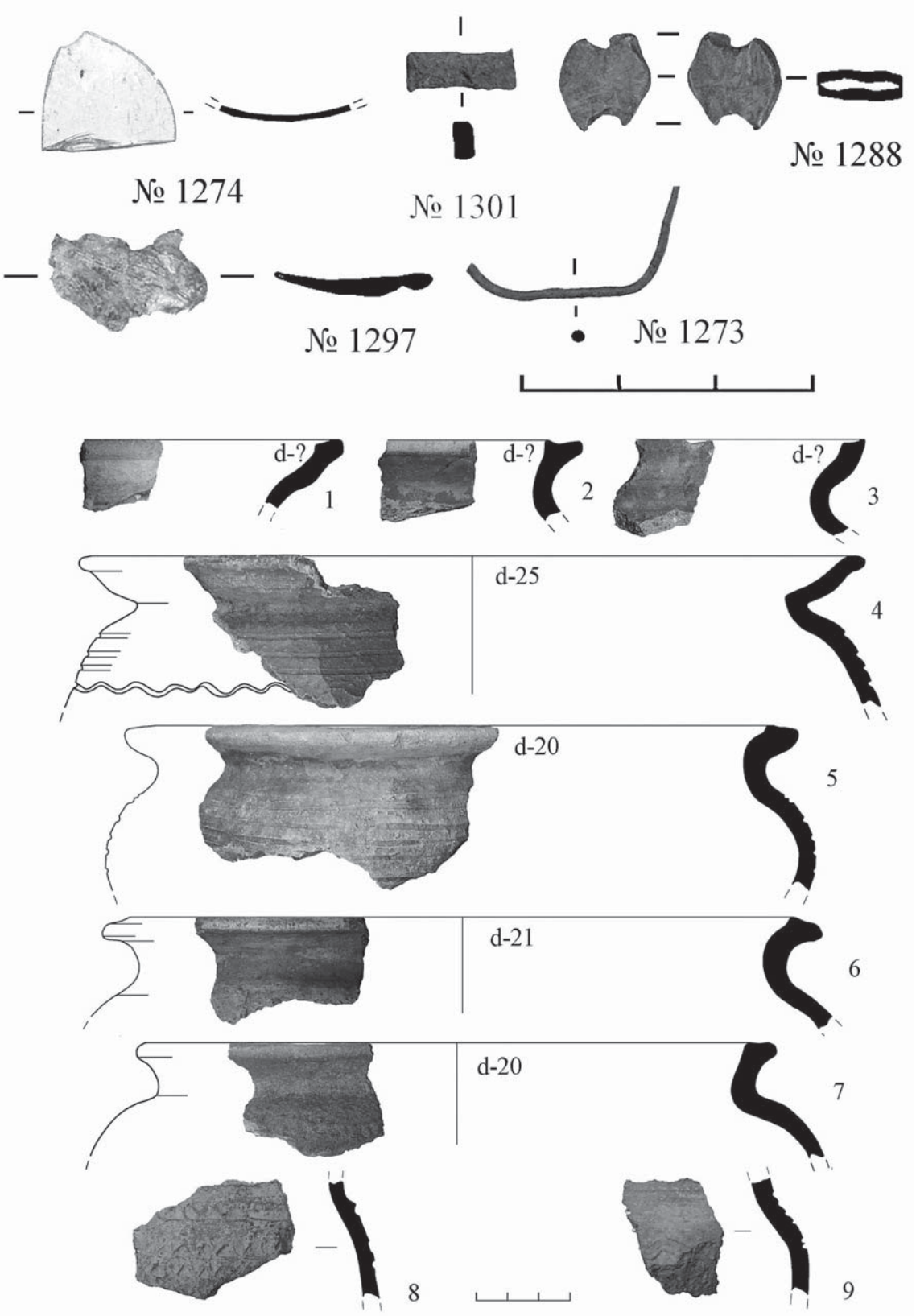


Рис. 24. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
Находки из слоя «коричневого огорода».

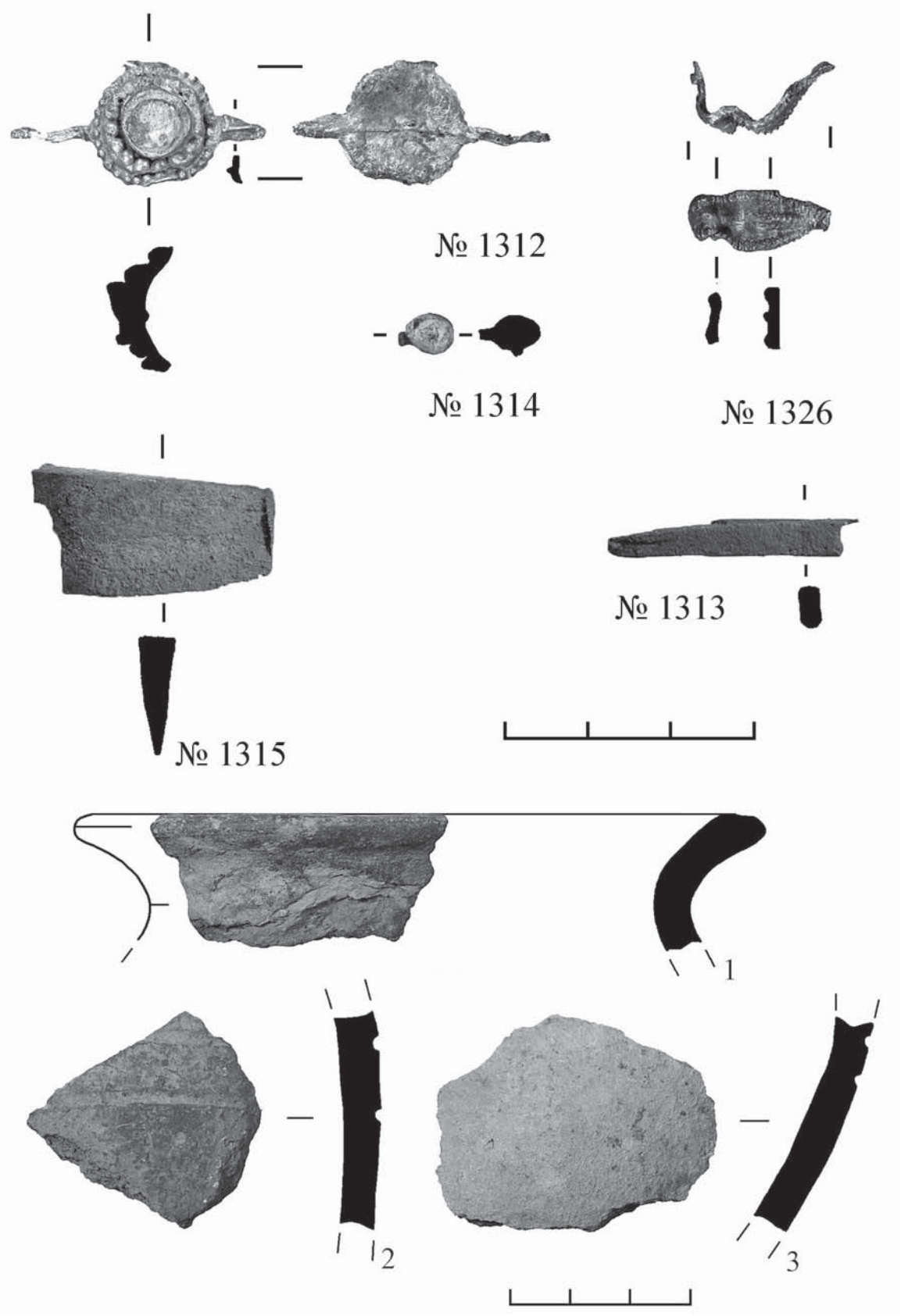


Рис. 25. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
Находки из слоя «серого огорода».

Предварительная датировка слоя – рубеж XI–XII – третья четверть XII вв. Допустить присутствие в датировке этого слоя даты «рубеж XI–XII вв.» позволяет наличие в расположенных выше слоях фрагментов венчиков форм горшков, которые в Новгороде датируются второй половиной – концом XI – первой половиной XII вв.

Застройки в границах раскопа на уровне залегания данного слоя не зафиксировано.

Материк в границах раскопа сложен серым суглинком, поверхность материка характеризуется отметками от -691 до -704 от нулевого репера. Прослежено незначительное понижение уровня залегания материка с юга на север, в сторону р. Волги.

Таким образом, в границах раскопа 2017 г. на Волжском проезде были зафиксированы отложения культурного слоя, формирование которого началось, вероятно, с рубежа XI–XII и продолжалось до начала XX вв. Общая мощность культурного слоя составила 6 м (включая техногенные грунты мощностью около 1,0 м).

Культурный слой, зафиксированный в границах раскопа, состоит из нескольких компонентов: **1** – сухой («аэробный») культурный слой (деревянные конструкции в этом слое не сохранились, фиксировались только включения волокон древесного тлена), мощность слоя в границах раскопа составила 1,50 м; **2** – культурный слой, испытавший значительное аэробное воздействие (в слое отмечена относительно хорошая сохранность деревянных конструкций, которые сохраняют форму, несмотря на частично истлевшее состояние), мощность слоя – 0,80 м; **3** – влагонасыщенный культурный слой с включениями органики, испытавший значительное аэробное воздействие (слой содержит включения органики, сохранность деревянных конструкций хорошая, дерево истлело в незначительной степени), мощность слоя – 0,50 м; **4** – влагонасыщенный культурный слой со значительным включением органики (слой содержит хорошо сохранившиеся включения органики, сохранность деревянных конструкций хорошая), мощность слоя – 2,0 м.

Хронология находок и гончарной посуды позволяет предварительно предположить следующую реконструкцию схемы накопления культурного слоя на исследованном участке (рис.26):

Культурный слой формировался на глубине:

-640 -690 от н.р. – на рубеже XI–XII–XII – в первой трети XIII вв. (до пожара 1238 г.)

-560 -630 от н.р. – во второй половине XIII – первой половине XIV вв.

-490 -550 от н.р. – во второй половине XIV – первой половине XV вв.

-440 -480 от н.р. – во второй половине XV–XVI – начале XVII вв.

-360 -430 от н.р. – в XVII–XVIII в. (до пожара 1763 г.)

-340 -360 – в конце XVIII – начале XIX вв. (кирпичная мостовая)

Выше -340 -360 от н.р. – в конце XIX – начале XX вв.

Полевые археологические работы 2017 г. позволили расширить характеристику культурного слоя Тверского кремля. Ранее эти отложения антропогенного происхождения рассматривались как слой, состоящий из двух компонентов (расположенного в верхней части отложений сухого культурного слоя, поврежденного в результате городского строительства, и влагонасыщенного культурного слоя, содержащего органику). По результатам работ 2017 г. культурный слой Тверского кремля может быть охарактеризован как слой, состоящий из следующих компонентов: **1** – сухой («аэробный») культурный слой; **2** – культурный слой, испытавший значительное аэробное воздействие; **3** – влагонасыщенный культурный слой с включениями органики, испытавший значительное аэробное воздействие; **4** – влагонасыщенный культурный слой со значительным включением органики.

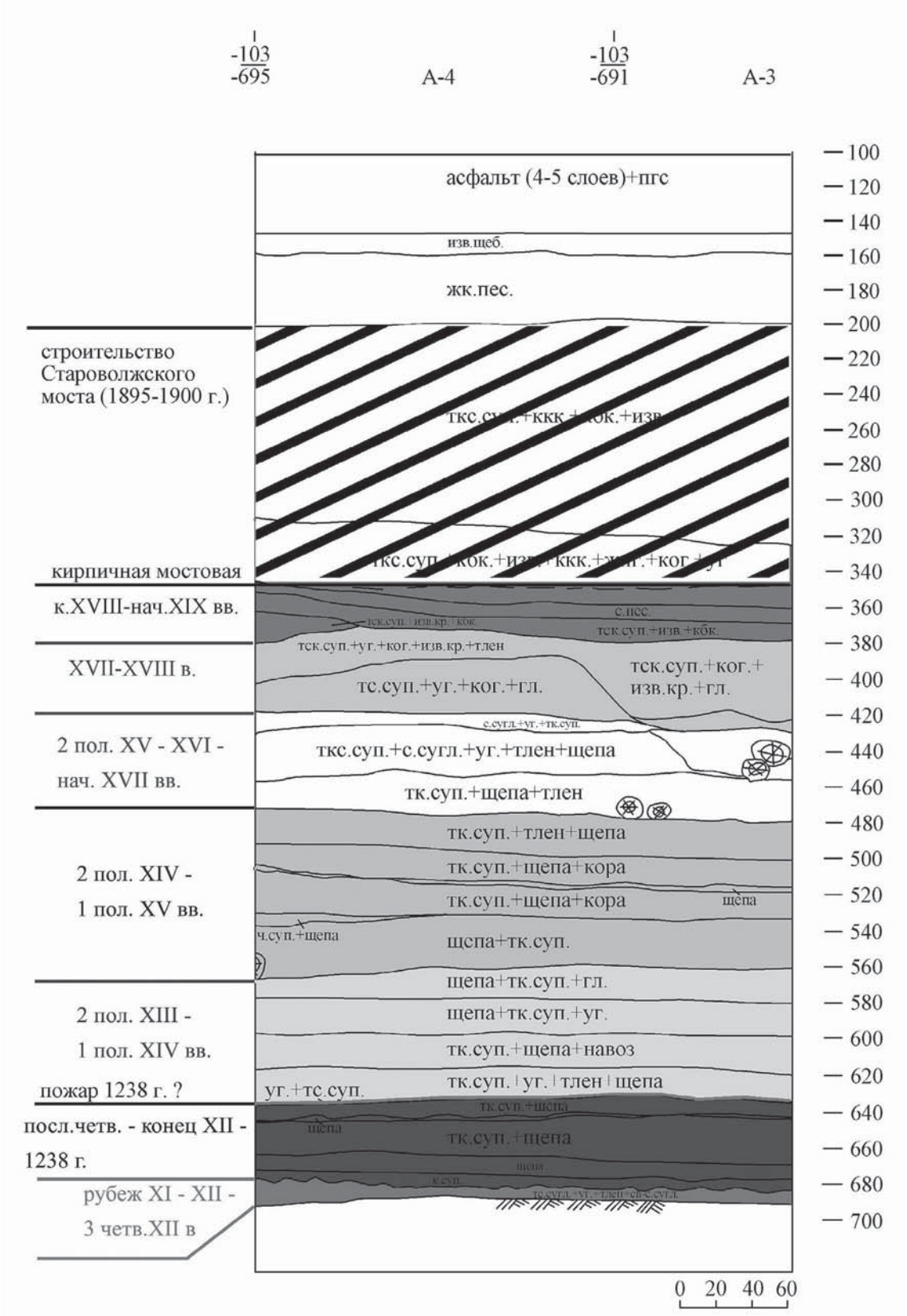


Рис. 26. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78.
Схема накопления культурного слоя.

В границах раскопа удалось проследить, как менялась застройка участка с конца XII в. до конца XVIII в. Прослежено изменение ориентировки застройки, но эти изменения на протяжении всего периода невелики (от 10 до 30^0), надежной корреляции ориентировки построек и хронологии их строительства не прослежено. Отметим, что на рубеже XI – в конце XII вв., первой трети XIII в., первой половине – середине XIV в., середине XV в. постройки не выявлены, т.к. раскопом вскрыты дворовые участки усадеб.

Выведение исследованного участка из зоны жилой и хозяйственной застройки связано с изменением планировки города Твери после пожара 1763 г.

В границах раскопа также прослежены следы не менее пяти пожаров. О наиболее раннем пожаре, вероятно, XII в. свидетельствуют обугленные бревна и плахи, выявленные рядом с постройкой 1. Угольная прослойка, зафиксированная на уровне -631 -635 от н.р. по всей площади раскопа, предварительно связана с пожаром 1238 г.; угольная прослойка, перекрывающая заполнение сруба постройки 2, предварительно соотнесена с пожаром, который мог быть следствием событий 1327 г. Обугленные бревна срубов, выявленных в раскопе выше, связаны, вероятно, с пожарами, 1413 и 1433 годов.

В раскопе на глубине -640 -690 от н.р. выявлены отложения культурного слоя, в которых не содержалось находок фрагментов стеклянных браслетов. Условно он может быть назван «добраслетным слоем». Находки стеклянных браслетов залегают только в отложениях слоя, расположенном выше отметок -640 от н.р.

Получение результатов радиоуглеродного и дендрохронологического датирования образцов, отобранных на раскопе, позволит уточнить либо скорректировать предварительные выводы о хронологии раскопа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука, 1993. – 298 с.
2. *Хухарев В.В.* Денежное обращение и монетное дело Твери в XV в. // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Том II. Тверь: ТГОМ, 2001. – С. 360-365.
3. *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. МИА. № 65. М.: АН СССР, 1959. – С. 7-120.
4. *Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. Под ред. Колчина Б.А., Янина В.Л. М.: Наука, 1982. – С. 156-177.
5. *Осипов Д.О.* Обувь Московской земли XII–XVIII вв. М.: ИА РАН, 2006. – 202 с.
6. *Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О.* Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // РА, № 3. М.: Наука, 1997. – С. 114-119.
7. *Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). МИА. № 32. М.: АН СССР, 1953. – 257 с.
8. *Двуреченский О.В.* Предметы вооружения и снаряжения всадника и коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. – С. 254-276.
9. *Кутасов П.А.* Предметы вооружения и снаряжения воина XVI–XVII вв., полученные в ходе археологических наблюдений в Ильинском проезде г. Москвы // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 5. М.: ИА РАН , 2009. – С. 251-267.
10. *Гайдуков П.Г., Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М.: ИНТРАДА, 1998. – 502 с.
11. *Хухарев В.В.* Тверской денежный двор в XVI в. при Иване Грозном // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 2000. – С. 145-146.
12. *Зайцев В.В.* Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: ЮНОНА-монета, 2006. – 204 с.

13. *Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. – 121 с.
14. *Коваль В.Ю.* Восточная поливная керамика в средневековой Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. – С. 188-198.
15. *Кобозева Е.В., Дворников А.С.* Золотоордынская поливная чаша из Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. – С. 198-206.
16. *Нестерова М.Е.* Керамика из построек Тверского кремля по данным дендрохронологии // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь: Старый город, 2010. – С. 34-47.
17. *Рыбакова О.Е.* Керамический комплекс из постройки XVI в. на юго-восточной окраине Загородского посада г. Твери (по материалам исследований 2000 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь: Старый город, 2010. – С. 55-90.
18. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. – 196 с.
19. *Лесман Ю.М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода // Материалы по истории Новгорода. 1988 г. Новгород: Новгородский государственный объединенный музей, 1990. – С. 29-98.
20. *Жилина Н.В.* Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 400 с.
21. *Беленькая Д.А.* Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208. М.: Наука, 1993. – С. 11-19.
22. *Недошивина Н.Г., Николаева Т.В.* Предметы христианского культа // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. – С. 166-178.
23. *Чудновец А.А.* Каталог средневековой мелкой пластики. М.: «Минувшее», 2008. – 138 с.
24. *Сафарова И.А.* Находки стеклянных изделий XII–XIV вв. из раскопок Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь: Старый город, 2014. – С. 52-75.
25. *Валиулина С.И.* Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. С-Пб.: Нестор-История, 2015. – С. 236-261.
26. *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Деревянные изделия // Археология СССР. САИ. Вып. Е1-55. М.: Наука, 1968. – 183 с.
27. *Кобозева Е.В., Дашкова (Сафарова) И.А.* Керамическая коллекция из комплекса второй половины XIII – рубежа XIV–XV вв. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь: Старый город, 1996. – С. 199-229.
28. *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. М.: Наука, 1981. – 296 с.
29. *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1-60. Л.: Наука, 1981. – 123 с.
30. *Медведев А.Ф.* Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. МИА. № 65. М.: АН СССР, 1959. – С. 121-191.
31. Древний Новгород: прикладное искусство и археология (сост. В.Л. Янин, Б.А. Колчин, С.В. Ямщиков). М.: Искусство, 1985. – 165 с.
32. *Николаева Т.В.* Произведения мелкой пластики XIII–XIV вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960. – 338 с.
33. *Муравьева А.Н.* Энколпионы и кресты-тельники XI – начала XVI вв. из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Владимир, 1999. – 27 с.
34. *Олейников О.М.* К вопросу о назначении свинцовых пломб дрогичинского типа // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь: ТНИИР-Центр, 2018. – С. 6-11.
35. *Хохлов А.Н., Кунгурцева С.А.* Тверской клад 2014 года (предварительная публикация) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь: ТНИИР-Центр, 2016. – С. 113-123.

36. *Кобозева Е.В*. Керамическая коллекция древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском Кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. – С. 107-123.
37. *Нестерова М.Е*. Керамика из некоторых предматериковых комплексов раскопа 14 в Тверском кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: Старый город, 2002. – С. 70-100.
38. *Хохлов А.Н., Иванова А.Б*. Исследования мысовой части Тверского кремля в 2013 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь: ТНИИР-Центр, 2016. – С. 17-86.
39. *Олейников О.М*. Круговая керамика X – начала XIII вв. Десятинного 1 раскопа (типология и хронология) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 12. – С. 6-37.
40. *Романова Е.А*. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. – С. 310-338.

ТНИИР-Центр,
г. Тверь,
ИА РАН,
г. Москва

A.B. Ivanova, A.N. Khokhlov

Occupation Layer of the Northern Side of Tver Kremlin Revealed by Excavation Held in Volzhsky Proezd of Tver in 2017 (Preliminary Publication)

The article sums up preliminary results of excavation held in 2017 in the territory of Tver Kremlin. The authors reconstruct formation of occupation layer with the depth up to 6 meters, define morphological and chronological characteristics based on analysis of individual findings and numerous parts of ceramic dishes, study fire traces and changing of this territory development.

Keywords: *Tver, northern side of kremlin, occupation layer, turn of the XI–XII – the beginning of the XX centuries, residential and utility buildings, aerobic action, dry and moist occupation layer, findings, parts of ceramic dishes.*

УДК 631.48 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.130-135

А.А. ГОЛЬЕВА, А.Б. ИВАНОВА, А.Н. ХОХЛОВ

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЕННЫХ ПОЧВ, ВСКРЫТЫХ НА РАСКОПЕ 11/15 НА ТЕРРИТОРИИ ТВЕРСКОГО КРЕМЛЯ (ПРИ РЕСТАВРАЦИИ ЗДАНИЯ БЫВШЕГО РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА) В 2015 ГОДУ

Статья продолжает исследования погребенных почв, вскрытых на территории Тверского кремля. В работе приведены морфологические, физико-химические и микробиоморфные характеристики почв и залегающих выше культурных слоев. Показано, что исходный лесной ландшафт был кардинально изменен человеком задолго до создания поселения. Фиксируется длительная пашенная стадия. Основным выводом статьи является утверждение, что история освоения и обживания территории Тверского кремля неоднозначна: люди жили и хозяйствовали здесь задолго до возникновения поселения.
Ключевые слова: *Тверь, кремль, раскоп 11 / 15, погребенные почвы, пашня.*

Погребенные почвы сохраняют значительный информационный блок, позволяющий реконструировать природно-антропогенную среду как непосредственно перед погребением, так и в предшествующие этапы. Работа с этими объектами является одной из основных частей археологического почвоведения [2, с.34-36; 3, с.47-60; 4, с.14-16; 5, с.220-224].

В 2015 г. в рамках продолжающихся спасательных археологических раскопок была исследована территория около здания реального училища (раскоп 11 / 15)[1]. Погребенные почвы изучались в квадрате В-6 (участок 1, южная стенка) и на участках западной стенки квадрата Б-7 и В-7 (участок 2). На месте проводилось описание почвенных горизонтов, культурных слоев, отбирались вертикальные колонки образцов для лабораторных исследований.

Цель работы: определить, распахивался ли участок до начала возведения построек. И, если распахивался, то создание культурных слоев поселения началось непосредственно на поверхности пашни или был некоторый период залежи (забрасывания пашни)?

В химической лаборатории Института географии РАН были определены химические свойства взятых проб, сделана мацерация для последующего микробиоморфного анализа. В образцах из квадрата В-6 определен гранулометрический состав, данные которого были экспонированы на остальные участки. Все анализы выполнялись по стандартным методикам, принятым в почвоведении[2].

Морфологическая характеристика объектов исследования

Раскоп 11 / 15, участок 1, квадрат В-6, южная стенка (цв.вкл.: рис.1).

В нижней части стенки видна хорошо сохранившаяся погребенная почва. Она выделяется по белесому цвету горизонта.

За «0» отметку при описании и отборе проб принята линия предполагаемой погребенной дернины, отделяющей погребенную почву от вышележащих культурных слоев.

[1] Статья продолжает исследования погребенных почв, вскрытых на территории Тверского кремля [1, с.87-97].

[2] Аналитики А.М. Чугунова, Е.А. Агафонова, И.В. Турова, которым авторы приносят свою благодарность.

0-2 см – темный горизонт предполагаемой дернины. В нижней части горизонта наблюдается ослабление серого цвета в виде тонкой «бахромы» общей мощностью не более 5 см. Подобный рисунок типичен для корней трав. То есть на поверхности почвы росли травы, была дернина. Следовательно, участок какое-то время не распахивался – был в залежи. Малая мощность корневой системы указывает на непродолжительный период залежи – не более 4-6 лет. Следов, характерных для древесных корней в профиле нет, значит лесной подрост не успел сформироваться, что также свидетельствует о кратковременности залежного этапа.

2-10 см – пахотный горизонт однородного светло-серого, практически белесого цвета с большим количеством мелких углистых частиц. Переход к нижележащему горизонту ровный, заметный по цвету. Белесый горизонт имеет четкую линейную нижнюю границу, он однороден по цвету. Эти признаки являются типичными для пахотного горизонта. Белесый цвет указывает на то, что в почву не вносились удобрения, и на момент забрасывания пашни она была полностью выпахана, т.е. не плодородна.

10-15 см – охристый иллювиально железистый горизонт, характерный для песчаных подзолов. Переход к следующему горизонту постепенный, размытый. Граница условна, определена по цвету.

15-30 см – глеевый минеральный горизонт, сырой, сизого цвета. Обводнен.

Таким образом, морфологический анализ погребенной почвы позволил с высокой степенью достоверности говорить о том, что ранее участок распахивался. В пашню не вносились удобрения и после того, как почва полностью потеряла плодородие, пашня была заброшена. Период залежи был непродолжительным (около 4-6 лет), почва заросла травами, сформировалась маломощная дернина. Культурный слой поселения начал формироваться на поверхности травянистой дернины.

Раскоп 11 / 15, участок 2, квадраты Б-7 и В-7 (цв.вкл.: рис.2, 3).

На участке рассмотрены западные стенки двух квадратов. В нижней части квадрата В-7 (цв.вкл.: рис.3) виден хорошо сохранившийся крупный зубчатый рисунок нижней части серого горизонта. Сам серый горизонт содержит большое количество мелкого угля, равномерно распределенного по всей толще горизонта. За его пределами углистых частиц нет, что особенно хорошо видно в нижней части горизонта, где на одной глубине расположены серые «зубчатые» фрагменты верхнего горизонта и охристо-бурые фрагменты вмещающего песчаного материала.

Подобный рисунок нижней границы типичен для обработки почвы лопатами, а наличие большого количества углистых частей указывает на удобрение почвы печной золой. Использование золы в качестве удобрения позволяет предположить, что на участке выращивали пропашные культуры (овощи), которые более требовательны к плодородию почвы, чем зерновые культуры. Иными словами, здесь, скорее всего, был огород, а не пашня.

Нижняя часть западной стенки квадрата Б-7 на той же глубине имеет иной рисунок – линейный (цв.вкл.: рис.3). Это типично для пахотного горизонта, т.е. при обработке почвы использовался плуг. Несколько различается от агрогенного горизонта, описанного для квадрата В-7 и цвет горизонта в квадрате Б-7. Он имеет более интенсивную темно-серую окраску. Ближе к квадрату В-7 под пахотным горизонтом выявлено темно-серое полукруглое пятно с неровными краями и неоднородным слоистым заполнением. Характер пятна позволяет предположить, что это сгоревший комель росшего когда-то здесь дерева.

Практически на линии, разделяющей оба квадрата, хорошо видно, как пахотный горизонт накладывается сверху на горизонт со следами лопаты. Это позволяет четко определить последовательность агрогенеза.

Пахотный горизонт перекрывается сверху темным, практически черным прослоем, возможно, следами горелой дернины. Над этим прослоем залегает темно-серый культурный слой.

Под пахотным горизонтом и горизонтом со следами лопаты нет типичного подзолистого горизонта, сохранился лишь более глубокий переходный горизонт, имеющий неоднородную сизовато-бурую окраску.

Таким образом, морфологический облик изученных стенок раскопа позволил провести следующую реконструкцию начальных этапов освоения территории. Исходно на участке рос лес, под которым сформировались подзолы – типичные почвы на песках в таежной зоне. Приход людей сопровождался сведением лесом (возможно, со сжиганием пней). Освободившийся участок использовался под пропашные культуры. Землю обрабатывали лопатами, удобряли печной золой. Этот этап длился десятки лет, что привело к равномерному перемешиванию огородного горизонта.

С развитием участка, скорее всего сопровождавшимся ростом благополучия, ручной труд (лопатами) был заменен на использование плуга, что резко повысило производительность труда. Распашка плугом уничтожила большую часть раннего огородного горизонта, сохранив его лишь на границах поля. Судя по более интенсивному темному цвету, количество вносимых удобрений (в первую очередь золы) возросло. Это указывает на то, что, несмотря на смену типа обработки земли, основными культурами оставались пропашные. Иными словами, участок распахивался плугом под огород.

Наличие дернины на поверхности пахотного горизонта позволяет предположить, что между периодом формирования культурного слоя и распашкой был небольшой (не более 2-4 лет) период залежи, когда земля не распахивалась.

Гомогенная структура обоих сельскохозяйственных горизонтов указывает на относительно длительный период функционирования каждого из них, т.е. земли были освоены не менее, чем на 50-70 лет ранее возникновения культурного слоя поселения. Более того, поскольку пропашные культуры являются значительно более трудоемкими по сравнению с зерновыми, более требовательными к плодородию почвы, то можно с высокой долей уверенности говорить, что жилые дома располагались рядом, поскольку только в этом случае возможно выращивание овощных культур.

Таким образом, проведенное исследование позволило предположить, что исследуемый участок был в освоении длительное время. Он использовался под пропашные культуры, т.е. жилые постройки были рядом. Фиксируется смена типа хозяйствования – обработка почвы лопатой сменилась на более продуктивную обработку плугом. Это способствовало увеличению доли вносимых удобрений, в первую очередь печной золы. Затем участок был заброшен, зарос травой, которая горела (либо сжигалась). Культурный слой поселения стал формироваться на поверхности обугленной дернины.

Для уточнения сделанных в поле выводов, во всех исследованных стенках обоих участков отобраны вертикальные колонки образцов для проведения почвенных анализов.

Физические и химические свойства объектов исследования (цв.вкл.: рис.4; рис.5-7)

По гранулометрическому составу пахотные горизонты – это песок связный, ниже – крупнопесчаная супесь.

Почвенные растворы всех участков имеют слабо кислую – нейтральную реакцию (pH 7 и несколько ниже). Можно отметить некоторое подкисление пахотных горизонтов, но оно выражено слабо.

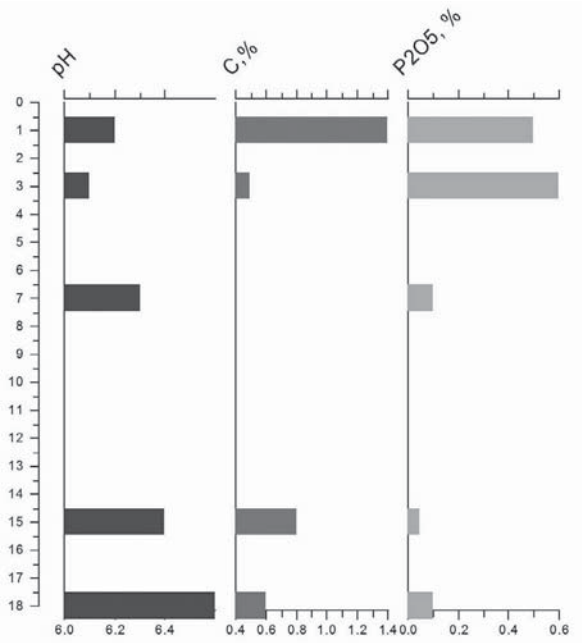


Рис. 5. Участок 1, квадрат В-6. Химические свойства.

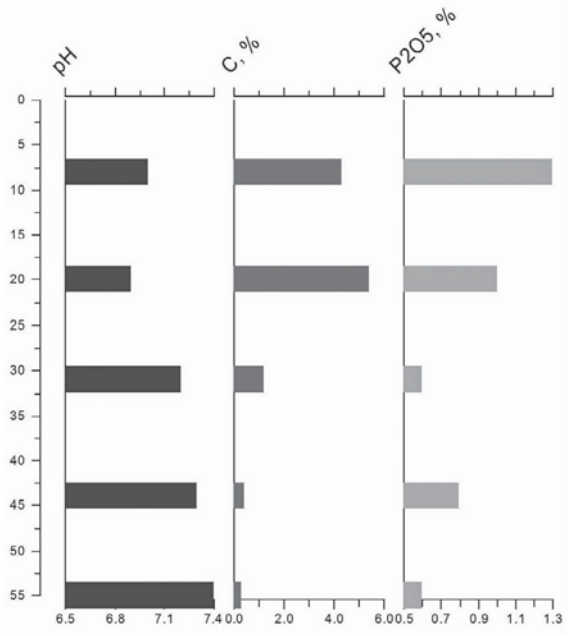


Рис. 6. Участок 2, квадрат Б-7. Химические свойства.

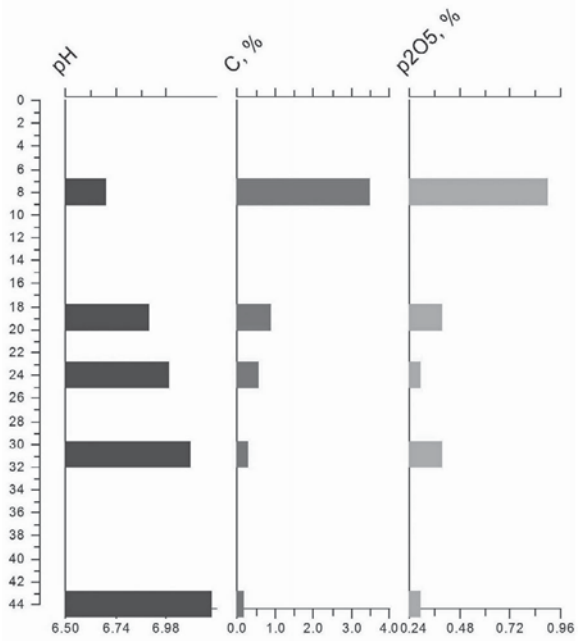


Рис. 7. Участок 2, квадрат В-7. Химические свойства.

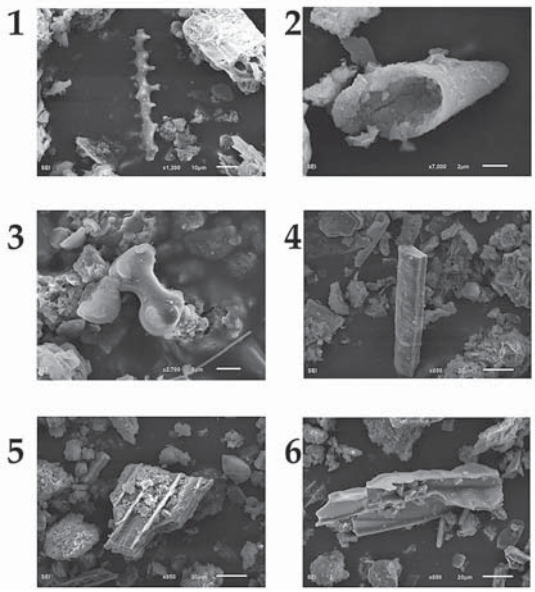


Рис. 8. Участок 2, квадрат Б-7, микрочастицы из пахотного горизонта. Фитолиты: 1 – культурного злака, 2 – сорной флоры, 3 – лугового злака, 4 – разнотравья; древесный детрит – 5, 6.

Органический углерод имеет в целом общий тренд – максимум в культурном слое с относительно резким убыванием с глубиной. Но есть различия. Так, на участке квадрата В-6 фиксируется второй максимум органики на глубине 10-15 см в железистом горизонте. Это частое явление у железистых подзолов, связанное с подвижным характером гумуса в песчаных таежных почвах.

Валового фосфора в образцах много, существенно выше нормы для естественных почв, что однозначно связано с активной хозяйственной деятельностью на участках. Вероятно, пашни/огороды удобрялись золой и/или дробленой костью.

Микробиоморфная составляющая объектов исследования (табл.1, рис.8)

Все образцы культурных слоев содержат обилие крупного древесного детрита. В пахотных горизонтах его также много, но он мельче, вероятно, за счет регулярного перемешивания слоя. Можно отметить пыльцу сосны и ели в этих горизонтах, что указывает на таежный состав фитоценоза.

Табл. 1. Содержание кремниевых микробиоморф (шт./%), распределение отдельных групп фитолитов (%)

Глубина, см	Всего (шт./%)	Спикулы (шт./%)	Фитолиты (шт./%)	1	2	3	4	5	6
Участок 1, квадрат 6									
1	186/100	2/1	184/99	73	5	8	14	0	0
3	147/100	3/2	144/98	92	0	2	6	0	0
7	53/100	3/6	50/94	75	8	6	10	1	0
15	18/100	0	17/100	65	23	0	12	0	0
18	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Участок 2, квадрат Б-7									
8	879/100	0	879/100	61	0	8	20	10	1
20	101/100	0	101/100	65	10	10	11	3	1
31	178/100	0	178/100	79	3	4	10	3	1
44	5/100	0	5/100	40	0	0	40	20	0
55	5/100	0	5/100	60	20	20	0	0	0
Участок 2, квадрат В-7									
8	102/100	0	102/100	55	7	16	21	1	0
19	63/100	1/1	62/99	74	5	7	13	1	0
24	33/100	0	33/100	79	3	9	9	0	0
31	9/100	0	9/100	78	11	11	0	0	0
44	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Примечание. Цифрами показаны следующие растительные ценозы: 1 – двудольные травы; 2 – хвойные; 3 – лесные злаки; 4 – луговые злаки; 5 – культурные злаки; 6 – сорная флора.

В квадрате В-6 в верхних 15 см встречаются спикулы губок (водные организмы). Ниже их нет. Это позволяет предположить, что спикулы попали в почву сверху, когда пашня поливалась речной водой.

Во всех разрезах в верхней части (пахотные горизонты и культурные слои) встречаются формы, характерные для культурных злаков. То есть высказанное в полевых условиях предположение о древней распашке территории независимо подтвердилось.

Все три участка имеют общий тренд распределения форм фитолитов снизу вверх – таежные (смешанные хвойные и лиственные) леса замещаются на луговые сообщества, а затем пахотные.

Заключение

Проведенное исследование убедительно показало, что поселенческой стадии предшествовала пахотная. Исходные хвойно-лиственные леса были вырублены и выкорчеваны под распашку. Пашня функционировала длительное время, вероятно, вносились удобрения в виде дробленой кости и/или золы. Фиксируется смена типа

землепользования: от обработки почвы лопатой к плугу. Не исключается, что некоторые участки в дальнейшем стали использоваться в хозяйственных целях (район квадрата В-6), заросли травами, сформировалась дернина.

Таким образом, исследование почв показало, что история освоения и обживания территории Тверского кремля была длительной, активная хозяйственная деятельность велась здесь задолго до возникновения застройки[3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гольева А.А., Иванова А.Б., Хохлов А.Н.* К вопросу о полифункциональности оборонительных сооружений тьмацкой линии мысовой части Тверского кремля (по материалам естественнонаучных исследований на раскопе № 23) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь: ТНИИР-Центр, 2016. – С. 87-97.
2. *Губин С.В., Демкин В.А.* Возможности и перспективы совместных почвенно-археологических исследований // Почвоведение и агрохимия (проблемы и методы). Тезисы докладов к V делегатскому съезду всесоюзного общества почвоведов / Отв. ред. И.В. Иванов. Пущино, 1977. – С. 34-36.
3. *Демкин В.А., Демкина Т.С., Борисов А.В., Хомутова Т.Э.* Археологическое почвоведение: новый взгляд на историю природы и общества // Использование и охрана природных ресурсов в России. № 5. 2004. – С. 47-60.
4. *Дергачева М.И.* Археологическое почвоведение: место в системе биосферных наук, методология и структура // Материалы Всероссийской научной конференции по археологическому почвоведению, посвященной памяти профессора В.А. Демкина / Отв. редакторы: С.В. Губин, А.В. Борисов, С.Н. Удальцов. Пущино: КИАС, 2014. – С. 14-16.
5. *Махонина Г.И., Валдайских В.В.* Археологическое почвоведение в системе знаний о взаимоотношении человека и природы // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Т. 50. № 21. 2007. – С. 220-224.

ИГ РАН,
г. Москва,
ТНИИР-Центр,
г. Тверь,
ИА РАН,
г. Москва,

A.A. Golyeva, A.B. Ivanova, A.N. Khokhlov

Characteristics of the Buried Soils Exposed During The Excavation 11/15 On The Territory Of The Tver kremlin (at the restoration of f Real School Building) In 2015

The article continues the research of buried soils discovered on the territory of the Tver Kremlin. The paper presents the morphological, physico-chemical and microbiomorphical characteristics of the soils and the overlying cultural layers. It is shown that the inicial forest landscape was drastically changed by man long before the establishment of the settlement. The long plowed stage is fixed. The main conclusion of the article is the assertion that the history of development and habitation of the territory of the Tver Kremlin is more interesting: people lived and managed here long before the settlement started.

Keywords: *Tver, Kremlin, excavation 11 / 15, buried soil, arable land*.

[3] Почвенные исследования выполнены согласно госзаданию ГП 0148-2019-0006 Института географии РАН.

УДК 903.43 (470.318) «10/12» https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.136-146

Г.А. МАССАЛИТИНА, И.В. БОЛДИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ КОЗЕЛЬСКА В 2014–2017 ГГ.

В статье рассматриваются итоги археологического изучения остатков оборонительного земляного вала детинца древнерусского Козельска XI–XIII вв., выявленных в толще культурных отложений в исторической части современного Козельска на Жиздре – районного центра Калужской области. Датировка выявленных сооружений обосновывается методом аналогий, а также на основе радиоуглеродного датирования.

Ключевые слова: *город Козельск, культурный слой, X–XIII вв., оборонительный земляной вал, деревянные конструкции, радиоуглеродная датировка, фрагменты керамики, фрагмент стеклянного браслета, фрагмент семилопастного височного кольца, фрагмент бронзового перстня, бронзовый бубенчик*.

В ходе археологических работ в исторической части Козельска, современного районного центра Калужской области[1] удалось составить предварительное представление о топографии Козельска XI–XIII вв. Материалы раскопок, картографические и архивные данные, наблюдения за особенностями современного рельефа позволили выявить место детинца и часть территории городского посада [1, с.198-206; 2, с.45-49; 3, с.41-44].

Подчеркнем, что до крупномасштабных работ Деснинской экспедиции ИА РАН 1990-х гг. считалось, что детинец домонгольского города находился там, где впоследствии была сооружена средневековая козельская крепость-острог (нынешний городской сад и прилегающая территория), а посад – к северу от него, в пределах крутой речной петли р. Другусны. В итоге работ рубежа XX–XXI вв. ситуация поменялась на прямо противоположную. По нашим данным, на севере, в наиболее труднодоступном месте, на самом изгибе речной петли находился детинец (холм в устье р. Другусны, территория бывшего Вознесенского монастыря). Посад же древнерусского Козельска располагался южнее детинца, причем на обследованном участке его граница имела также естественный характер – овраг, по дну которого ныне проходит улица Белевская Горка.

В настоящей статье рассмотрены итоги работ 2014–2017 гг., в ходе которых получены данные об оборонительной системе детинца древнерусского Козельска. Детинец расположен на мысу правого, высокого и обрывистого берега р. Другусны, близ ее впадения в р. Жиздру (рис.1, 2). Современное устье р. Другусны – искусственное, в 1930-х гг. оно было перенесено в связи со строительством железной дороги более чем на 100 м от мыса. До сооружения дороги река в данном месте очень крутой петлей огибала мыс и ее древнее, природное русло в приустьевой части находилось непосредственно у его восточной подошвы. Мыс хорошо выделяется топографически, имея вид возвышенного холма. За счет оврагов, расположенных к северу и югу от него, холм выглядит отчетливо обособленным от всего берегового участка и визуально просматривается отовсюду, не только со стороны поймы. К пойме мыс резко обрывается и имеет очень крутой склон. Холм плавно огибает городская улица с весьма характерным названием – Земляной Вал.

[1] Археологические работы в Козельске авторы статьи ведут ежегодно с 2010 г.

Рис. 1. План г. Козельска 1777 г. (Фонды КОКМ, колл. № Кп 453).

С начала XVII в. на этом месте уже существовал Вознесенский женский монастырь. Вознесенская церковь монастыря – древнейшая из городских церквей, построена в 1620-х гг.; ее остатки сохраняются до сих пор. В советское время и вплоть до 2010 г. вся территория обители, включая храмовое здание, использовалась под хлебокомбинат; с 2011 г. началось постепенное возрождение монастыря.

В настоящее время холм на мысу очень плотно застроен. Монастырь занимает большую и центральную его часть; по периферии расположены частные домовладения. Свободного места для масштабных по площади исследований на мысу нет, поэтому в 2010–2017 гг. его территория изучалась небольшими участками.

Раскопы 2014–2017 гг. закладывались на периферии холма: на склоне (2014, 2017), у его начала (2016), либо – подножия (2015) (рис.3).

Исследования 2014–2015 гг. велись в границах частного домовладения по ул. Земляной Вал 3. Южная стенка раскопа 2015 г. проходила неподалеку от насыпи действующей железной дороги. Стенку и насыпь разделял неглубокий овраг – остатки того обширного оврага, который показан на карте Козельска 1777 г. При строительстве дороги он был в значительной степени засыпан.

Раскопы располагались встык друг с другом, имели площадь каждый по 32 м^2 и одинаковую мощность культурного слоя – около 3 м. Выявленная археологическая ситуация также была идентична. Во-первых, основу всей толщи культурных

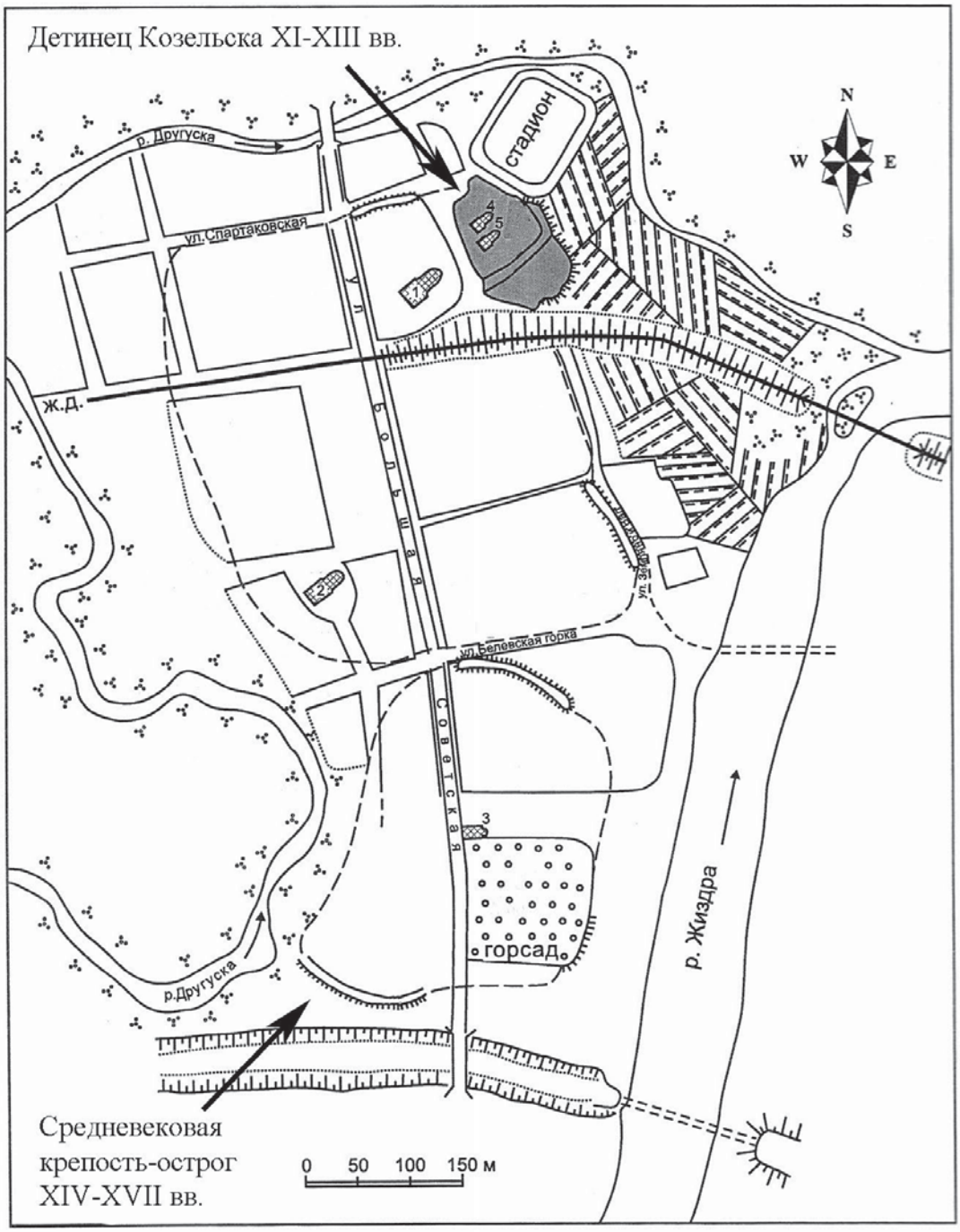


Рис. 2. План-схема исторической части г. Козельска. 1 – Никольская ц., 2 – Сошественская ц., 3 – Успенская ц., 4 – Васильевская ц., 5 – Вознесенская ц.

напластований составлял песок с включениями разного характера. Во-вторых, в них практически отсутствовали вещевые находки (фиксировались единичные фрагменты стеклянных браслетов и керамики). В-третьих, оба раскопа содержали следы обширного пожара в виде слоя мощностью более 1,2 м: остатки сгоревших бревен крупных размеров среди пепла, золы, углей. Песчаный грунт, в котором они залегали, был прокален докрасна на толщину более 0,1 м – показатель того, что бревна не перемещены в результате разгребания пожарища: они горели здесь, на этом месте. Положение древесных остатков друг относительно друга не позволило проследить

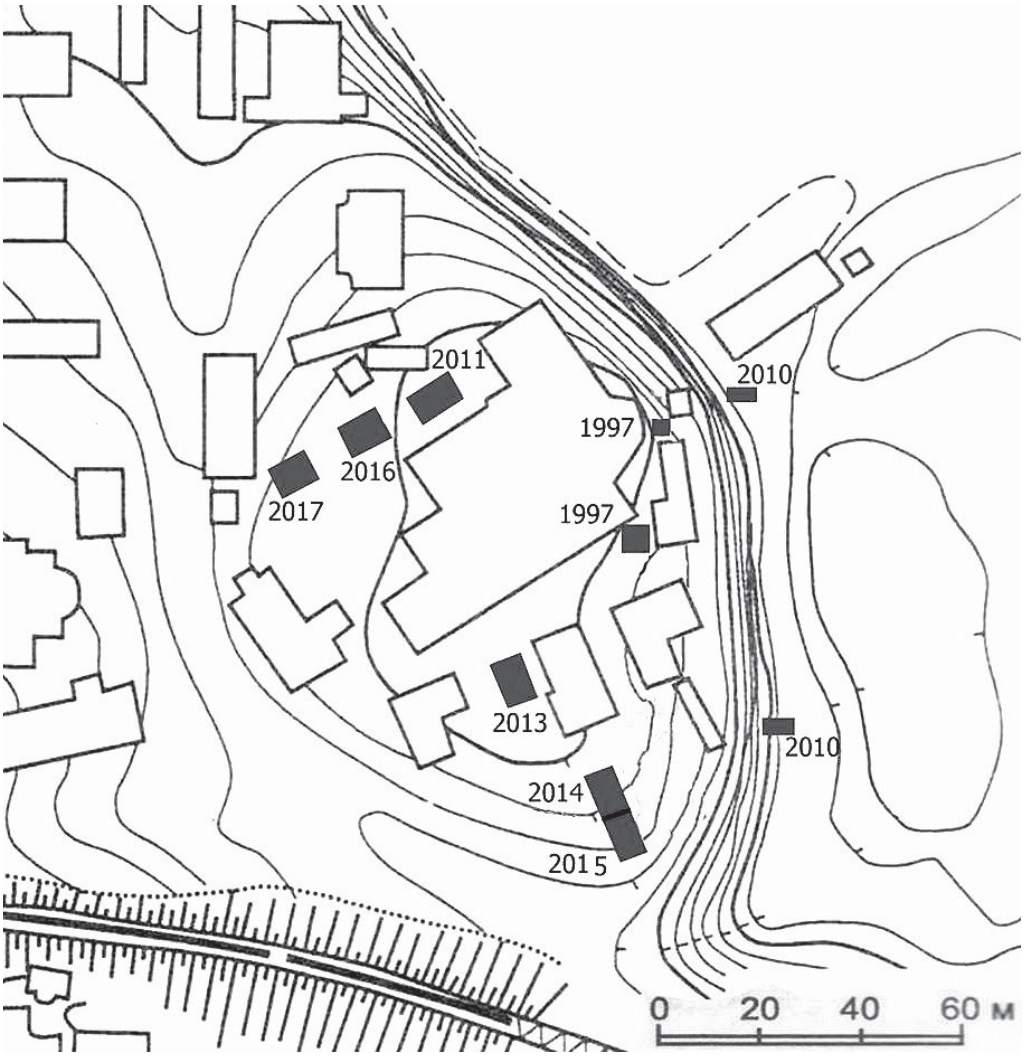


Рис. 3. Схема расположения раскопов на территории холма в устье р. Другусны.

какую-либо определенную конструкцию. Но в стенках раскопа местами отчетливо читались своеобразные «елочки» правильной формы из тонких углистых контуров – следы сгоревших бревен, расположенных «внахлест», что свидетельствует о вероятности ее наличия (рис.4, 5).

Радиоуглеродные даты[2] подтвердили археологическую датировку, установленную на основе изучения стратиграфии и фрагментов глиняной посуды: сгоревшие конструкции сооружались из деревьев, выросших в домонгольское время (рис.6).

Весьма примечательным оказался характер стратиграфии обоих раскопов. Располагались они, подчеркнем, на довольно крутом склоне холма и у его подножия. На длинных же стенках раскопа отчетливо видно, что множественные горизонты слоя противонаправлены современному рельефу: они не опускаются по склону, а наоборот, довольно круто, под одинаковым углом, поднимаются вверх и при выходе на дневную поверхность срезаются (рис.7).

[2] Интерпретация результатов анализа выполнена сотрудником Института географии РАН А.В. Долгих, лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии.

Рис. 4. Следы сгоревшей деревянной конструкции. Южная стенка раскопа 2014 г.

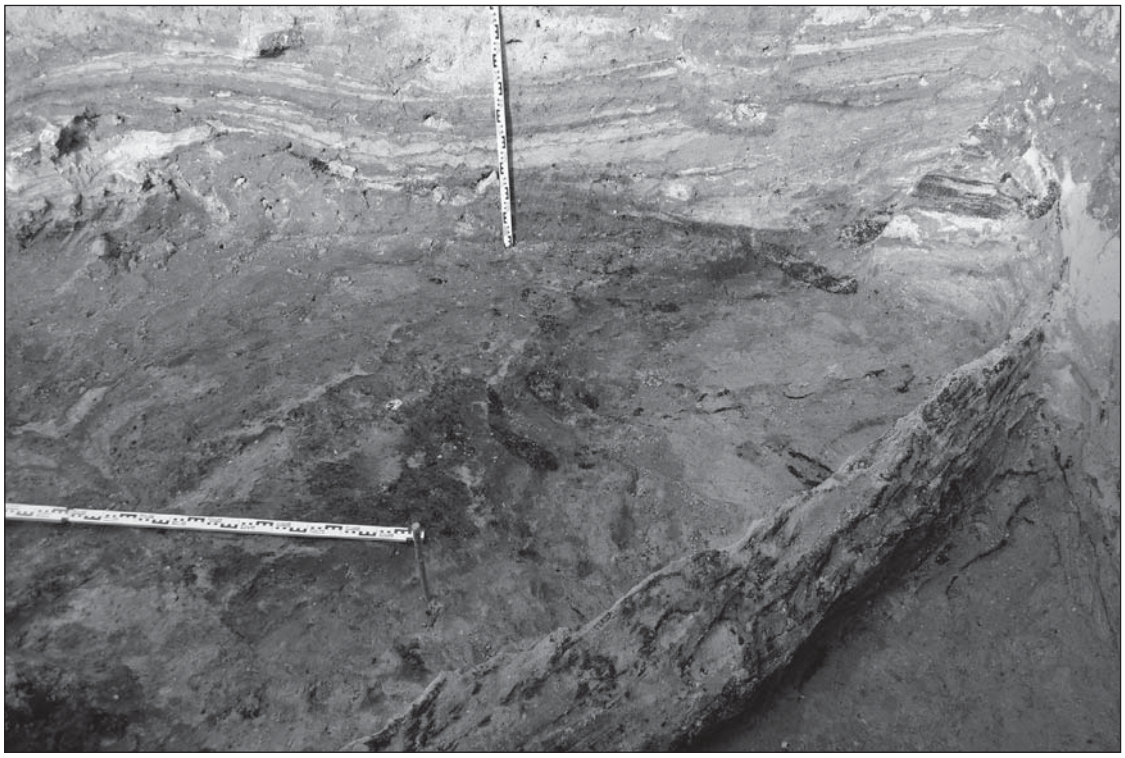


Рис. 5. Остатки сгоревших бревен в раскопе 2014 г.

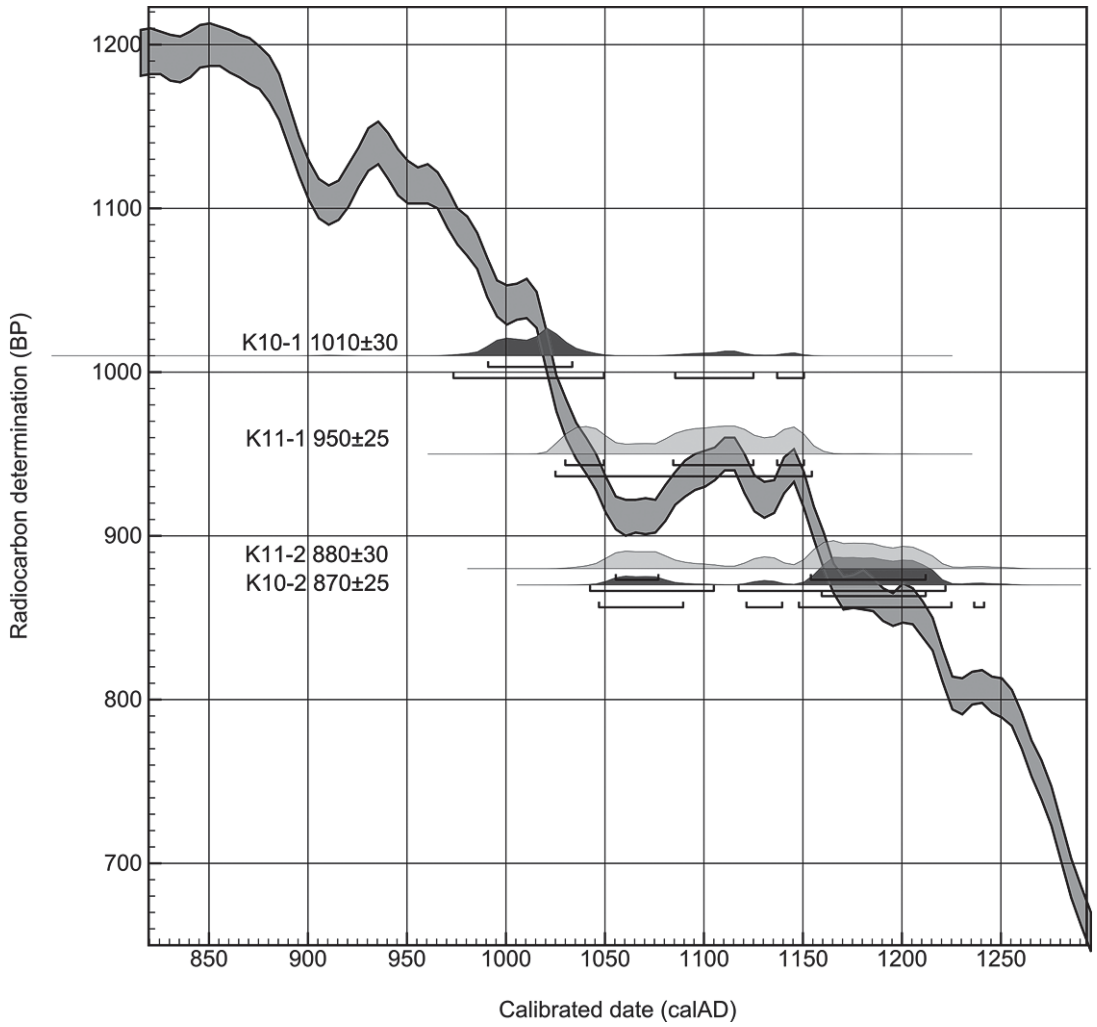


Рис. 6. Положение радиоуглеродных дат для образцов дерева из раскопа 2014 г. на калибровочной кривой.

Все отмеченные особенности раскопов 2014–2015 гг. указывали на то, что в них вскрыты остатки насыпи земляного вала, и, очевидно, связанные с ним деревянные конструкции, защищавшие территорию детинца Козельска XI–XIII вв. Городской вал упоминается в рассказе Галицко-Волынской летописи при описании драматических козельских событий 1238 г.: «...Тотаром же бьющимся о град, приятии хотящимъ град, разбившим граду стѣну, и возиидоша на валъ татаре...» [4, стб.780-781].

Работы 2016–2017 гг. проводились на западной оконечности холма, где сохранность вала оказалась гораздо лучшей. Раскоп 2016 г. площадью 36 м^2 располагался в створе раскопа 2011 г., в 4 м от его западной стенки в направлении склона холма. Но выявленная в нем археологическая картина оказалась принципиально иной. Ни одной из прослоек культурного слоя раскопа 2011 г., преимущественно суглинистых, изобиловавших находками, в 2016 г. не обнаружено (за исключением самого нижнего с материалами роменской культуры).

Основу культурных отложений с одинаковой мощностью – около 3 м – здесь составлял рыхлый песок, имевший, в зависимости от включений, различную окраску. Он выявился уже под современным асфальтом и щебенкой; в раскопах 2014–2015 гг. аналогичный песок также залегал сверху, под слоем огородной почвы.

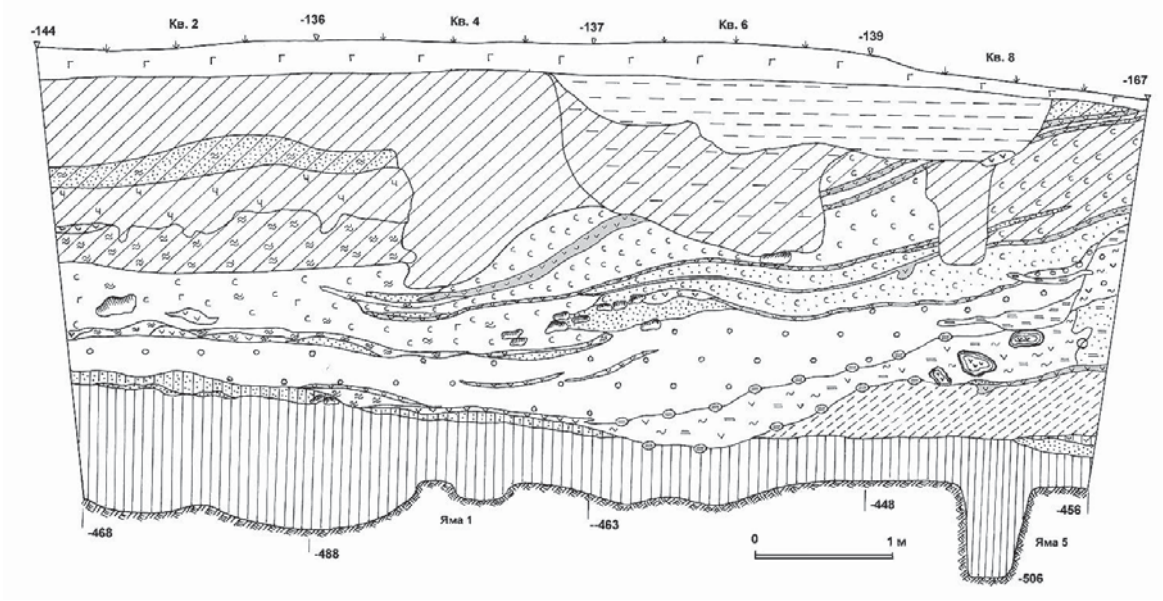


Рис. 7. Восточная стенка раскопа 2014 г.

Другой особенностью раскопа 2016 г. (в сравнении с 2011 г.) был характер зачищенной поверхности всех пластов: на них отчетливо, в виде почти прямых параллельных линий были обозначены границы прослоек из песка разной цветности. Наблюдаемая картина явно говорила о том, что напластования культурного слоя на этом участке залегают не условно горизонтально, как в раскопе 2011 г., а под углом к линии горизонта. Вертикальные стенки раскопа – северная и южная – убедительно демонстрировали именно такую ситуацию: разноцветные песчаные прослойки простирались с очень значительным уклоном. Их крутой подъем наблюдался в западном направлении. Это важно, так как раскоп расположен, напомним, в начале западного склона холма (пологом, но хорошо заметном глазу), поэтому логичным было бы ожидать, что прослойки будут опускаться в эту сторону. Таким образом, как и на южном склоне холма, современный и древний рельеф поверхности не совпадали. Вне всякого сомнения, в обоих случаях мы имели дело с остатками насыпи земляного оборонительного вала детинца древнего Козельска. И там, и здесь это был тыльный его склон, обращенный в сторону города.

Фрагмент исследованной в 2016 г. насыпи совсем небольшой и наиболее полное представление о ней дает северная стенка раскопа. Участок холма, на который она пришлась, почти не пострадал от последующего многовекового строительства: срезанным оказался лишь гребень вала. Сооружен он из песка, но по структуре насыпь неоднородна: выделяется ряд напластований разной толщины и разного состава, между которыми нередко имеются золисто-углистые границы. Самая нижняя из слагающих насыпь прослоек зафиксирована в придонной части раскопа, на глубине почти 3 м от современной дневной поверхности. Фрагменты керамики, связанные с этим уровнем культурного слоя, суммарно датируются XI–XIII вв. (рис.8). Круто поднимаясь вверх, эта прослойка упирается в асфальт.

Еще одним общим итогом с раскопами 2014–2015 гг. было наличие следов мощного пожара; они фиксировались по всей площади. Причем, речь идет как о следах непосредственного горения в данном месте (сильная прокаленность грунта рядом

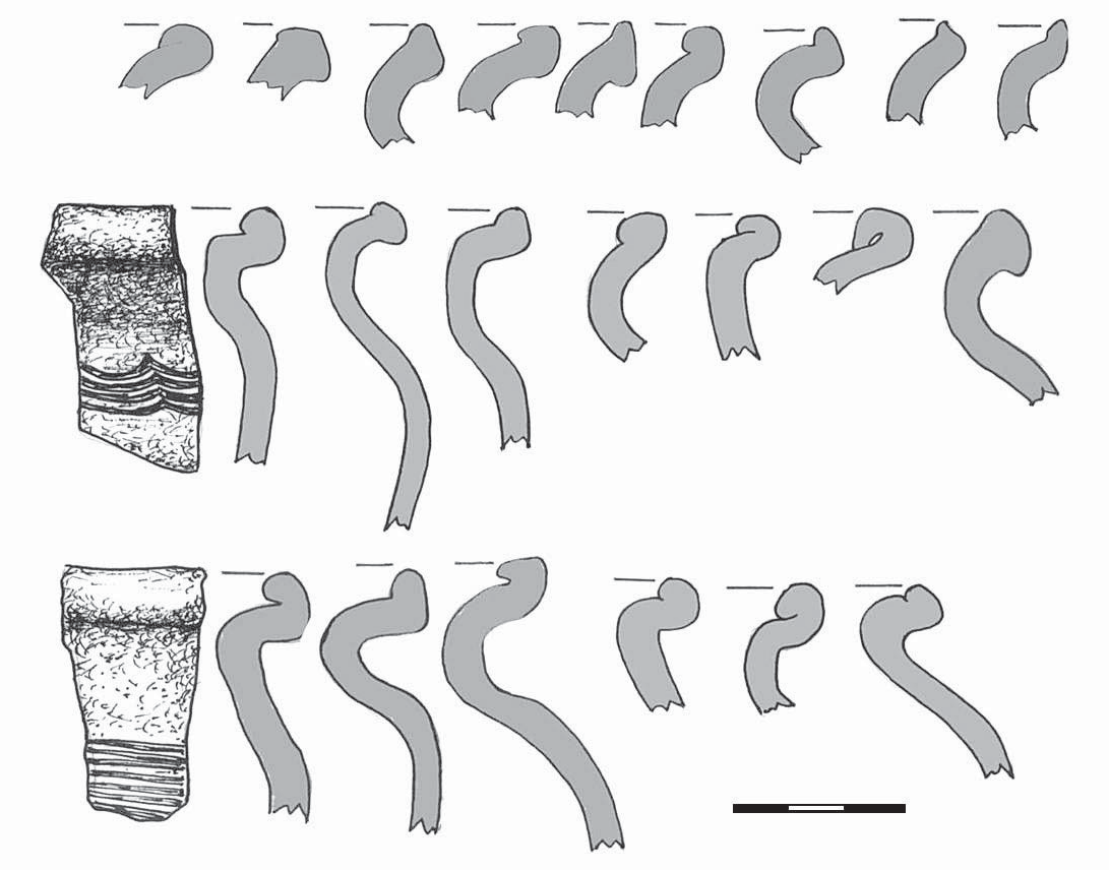


Рис. 8. Образцы фрагментов венчиков из нижней части культурного слоя раскопа 2014 г.

со сгоревшими бревнами), так и следах его ликвидации (остатки пожара перемешаны и перемещены).

Одно из мощных обугленных бревен (по заключению А.Л. Александровского – дубовое) выявлено на уровне, с которым связана нижняя прослойка насыпи вала. На нем имелись участки, где хорошо сохранилось достаточное количество годовых колец. С него были отобраны образцы древесины для радиоуглеродного датирования. К сожалению, корректную дату для внешних сохранившихся колец бревна получить не удалось, что связано с сильным их загрязнением «молодым» органическим веществом. Однако, смоделированная итоговая дата для внутреннего кольца позволяет однозначно датировать время жизни дуба: 1071 ± 45 гг. н.э. (с учетом калибровки).

Еще одной отличительной чертой раскопа 2016 г. явилось наличие в нижней, древнерусской части культурного слоя со следами интенсивного пожара остатков «вымостки» из камней небольших размеров. Определение – «вымостка» – в данном случае очень условное, использовано только потому, что камни в виде сплошного слоя покрывали почти всю площадь раскопа. Истинное происхождение и назначение этого слоя камней на имеющемся материале установить сложно. Можно лишь констатировать, что локализуется он близ основания выявленной насыпи вала (рис. 9).

Как и в раскопах на южном склоне холма, вещевые находки, за исключением фрагментов керамики, в 2016 г. отсутствовали, что вполне логично, поскольку раскоп попал не на жилую часть города, а на остатки его укреплений. Несколько выбивались из этой схемы восемь фрагментов стеклянных браслетов, залегавших очень компактно в юго-восточном углу раскопа. Но и это имеет свое объяснение: сюда, в

Рис. 9. Каменная «кладка» на фото раскопа 2016 г.

этот угол слегка вклинился рыхлый коричневый слой с древесным тленом, хорошо знакомый по раскопу 2011 г. Именно в нем были обнаружены все многочисленные браслеты из раскопок того года.

Следующим этапом в изучении остатков оборонительного вала Козельска XI–XIII вв. на той же, западной оконечности холма в устье р. Другусны, стали работы 2017 г. Исследуемый участок располагался еще ниже по склону холма, западная стенка раскопа находилась близ его подножия (визуально определимая граница современного подножия холма совпадает с забором и въездными воротами бывшей хлебопекарни). Расстояние между раскопами 2016–2017 гг. составляло примерно 8 м (их разделял склад стройматериалов монастыря). При выборе именно этого места для раскопок предполагалось, что оно попадет на оставшуюся часть вала (лицевой его склон) и, возможно, захватит начало спуска в ров.

Исследованный в 2017 г. участок оказался самым глубоким из козельских раскопов всех лет работ: мощность культурного слоя здесь превышала 5 м. Особой информативностью отличалась северная его стенка (рис.10). В стратиграфии стенки хорошо видно, что насыпь вала сооружена из песка, в верхней части – из чисто желтого, рыхлого, в нижней – более плотного, желто-коричневого, в котором имелись и другие примеси. Форма насыпи отчетливо маркировалась тонкими темными прослойками плотной вязкой серо-коричневой глины. Прослойки стерильны, каких-либо находок не содержали. Глинистые полосы поднимались снизу в западной части раскопа и под очень большим углом к линии горизонта простирались в толще песка вверх, параллельно друг другу в восточном направлении. Раскоп 2017 г., таким образом, пришелся, как и ожидалось, на лицевой склон насыпи вала: характер залегания культурных напластований совпадал с естественным рельефом местности.

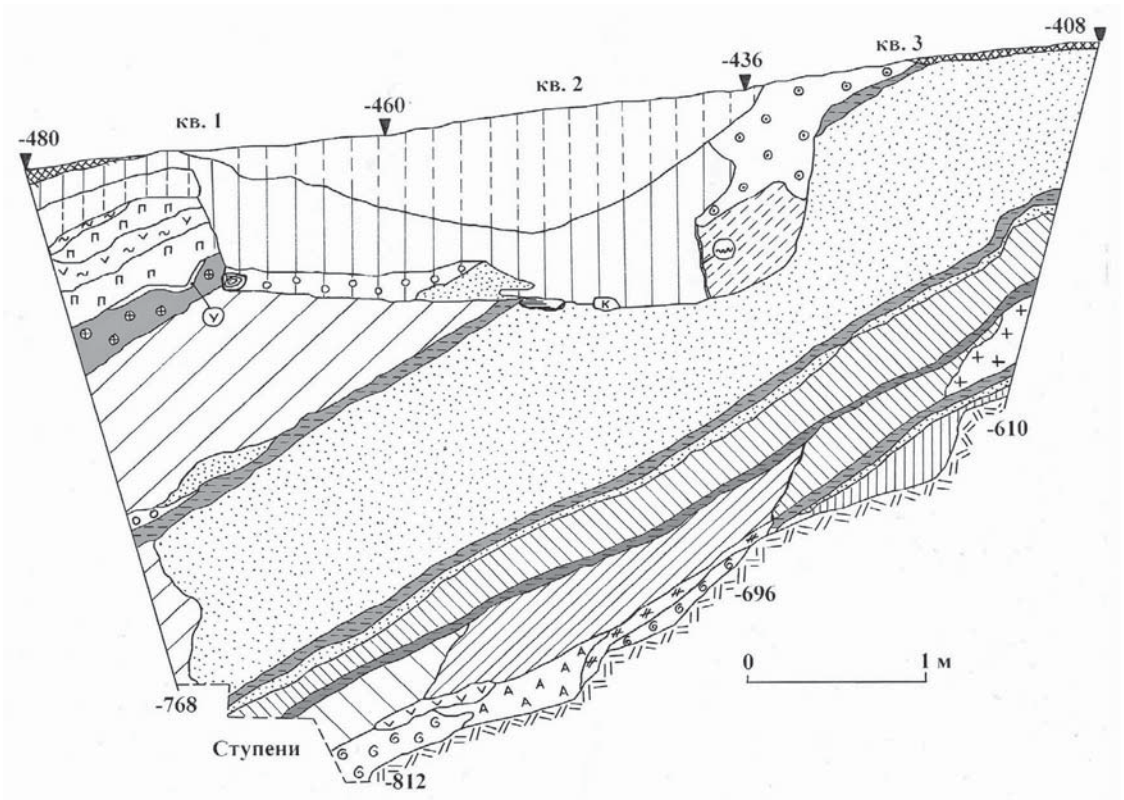


Рис. 10. Глинистые прослойки в толще песчаной насыпи вала. Северная стенка раскопа 2017 г.

Рис. 11. Находки из нижней части культурного слоя раскопа 2017 г.

Указанных прослоек оказалось пять. Верхняя из них, наиболее широкая (до 0,3 м), в конце подъема упиралась в асфальт. Остальные четыре, одинаково тонкие (до 0,01 м), сохранились в толще культурного слоя полностью, их продолжение отчетливо просматривалось на восточной и частично южной стенках раскопа. Происхождение данных прослоек пока непонятно, образцы грунта отобраны для анализа.

Уровень материка (песок рыже-кирпичного либо насыщенно-желтого цвета) ранее всего был достигнут в восточной части раскопа на глубине около 4,8 м от современной дневной поверхности. В западном направлении он круто опускался вниз, в целом – параллельно прослойкам темной глины, но имел при этом и на северной, и на южной стенках отчетливо ступенчатый профиль. Материковые включения в виде «мелкой взвеси» присутствовали в нижней части насыпи вала.

Отметка максимальной глубины, на которой находилась подошва вала, составила 5,86 м от уровня современной дневной поверхности. Условия, в которых производились работы на заключительном этапе (ливневые дожди, стенки из рыхлого песка) вынудили сократить исследуемую площадь. В связи с этим выявить начало спуска в ров не удалось.

В нижней части насыпи вала найдены немногочисленные фрагменты круговой глиняной посуды XI–XIII вв., и единичные – лепной керамики IX–X вв. Кроме того, там же обнаружены четыре изделия, составляющие типичный набор вятичских женских украшений: лопасть серебряного семилопастного височного кольца XII – начала XIII вв., фрагмент бронзового широкосрединного ажурного перстня, бронзовый бубенчик, фрагмент стеклянного браслета (рис.11).

Полученные в ходе раскопок 2014–2017 гг. материалы свидетельствуют о сохраняющихся в толще культурных наслоений современного Козельска остатках насыпного оборонительного вала детинца древнерусского Козельска. Вещевые находки, данные радиоуглеродного датирования и характер стратиграфии в совокупности указывают на то, что вал сооружался в домонгольское время.

По нашему предположению, земляная насыпь Козельской крепости XI–XIII вв. могла сохраняться почти в первоначальном виде еще в XVI–XVII вв. (для сравнения – остатки насыпи средневековой козельской крепости XV–XVII вв., располагавшейся в другой, но также центральной части современного Козельска, сохраняются до сих пор, несмотря на несопоставимо более интенсивную хозяйственно-строительную деятельность нашего времени). Возникший здесь, очевидно, на рубеже XVI–XVII вв. (возможно, ранее) Вознесенский монастырь, вероятно, использовал эту древнюю насыпь в качестве уже готового ограждения своей территории, что способствовало ее сохранению. И только в последующее после закрытия монастыря время, в конце XVIII в., и особенно в ходе строительного бума XX в., ее остатки были частью срезаны, а частью оказались погребенными в пятиметровой толще культурного слоя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Массалитина Г.А., Болдин И.В.* Летописный Козельск. Проблемы и этапы археологического исследования // Поволжская археология. № 1. Казань: Институт археологии АН РТ, 2015. – С. 198-213.
2. *Массалитина Г.А., Болдин И.В.* Археологические исследования Козельска в 2013–2014 гг. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Вып. XVI. Калуга: Научно-издательский центр «Rubrica», 2015. – С. 45-48.
3. *Болдин И.В, Массалитина Г.А., Пуцко В.Г., Хомутова О.Ю., Новиков С.А.* Поиск следов домонгольского Козельска на базе археологического изучения в исторической части современного города // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Выпуск 12. Калуга: Издательство «Эйдос», 2011. – С. 41-44.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. – 648 с.

Национальный парк «Угра», Калуга,
Калужский областной музей-заповедник

G.A. Massalitina, I.V. Boldin
Archaeological Excavations in Kozelsk in 2014–2017

The article reviews results of archaeological researching of defensive earth rampart remains revealed in a stronghold of Old Russian town Kozelsk dated by the XI–XIII centuries. These remains were found in occupation layer in historic part of modern Kozelsk on Zhizdra River, which is now one of the district centers in Kaluga region. Revealed constructions were dated by way of analogy and radiocarbon dating.

Keywords: *Kozelsk, occupation layer, X–XIII centuries, defensive earth rampart, wooden constructions, radiocarbon dating, ceramics parts, glass bracelet part, part of seven-bladed temple ring, bronze finger-ring part, bronze jingle bell.*

УДК 903.01(470.332) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.147-167

В.В. МИНЕНКО, И.Н. РАЗУМОВ

КОСТЯНЫЕ И РОГОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК ЗАДНЕПРОВСКОГО ПОСАДА СРЕДНЕВЕКОВОГО СМОЛЕНСКА (ПО ИТОГАМ РАБОТ 2004–2005 ГГ.)

При раскопках в западной части Заднепровского посада города Смоленска в слоях и объектах древнерусского и позднесредневекового времени обнаружены многочисленные изделия из кости и рога. Выявлены остатки усадьбы XVI – начала XVII вв., на территории которой существовала косторезная мастерская. Обнаружены целые изделия, их обломки, заготовки и отходы производства. Анализируются состав археозоологической коллекции средневекового города, признаки и технологии косторезного производства, описываются основные изделия и сырье для их изготовления.

Ключевые слова: *Смоленск, XII–XIII вв., XVI–XVII вв., археозоологическая коллекция, косторезная мастерская, изделия из кости и рога, игольник, рукоять, обоймица, шахматная фигура, игральная шашка, томар, кочедык, орнамент.*

В 2004–2005 гг. на территории Смоленска сотрудниками Деснинской экспедиции Института археологии РАН под руководством В.В. Миненко были проведены спасательные археологические раскопки на участке между современными улицами Желябова и Кашена [8, с.187-189] (рис.1). Район исследований располагался в правобережной части города, в 385 м к юго-востоку от церкви Петра и Павла (1146 г.), к югу от древней Петропавловской улицы.

В XII–XIV вв. этот участок находился на территории, предположительно, Городенского конца, а в XV – начале XVII вв. – Заднепровского посада (острога) Смоленска [10, с.57-65, 118-119] (рис.2). После осады Смоленска польскими войсками в 1609–1611 гг. эта часть городской территории приходит в запустение, что подтверждается данными археологии и имеющимися картографическими материалами XVII в. (рис.3-4).

В ходе работ на общей площади 1060 м^2 были выявлены и изучены участки городской усадебной застройки с жилыми, хозяйственными и производственными объектами XII–XIII вв. и XVI – начала XVII вв. В результате проведенных спасательных раскопок была получена богатая археологическая коллекция, характеризующая материальную культуру средневекового Смоленска.

Интересной и информативной категорией находок являются изделия из кости и рога. В процессе работ было собрано 2064 определимых кости животных. Подавляющая часть остеологических остатков – это массовый материал в виде отдельных костей или целых скелетов животных. В коллекцию было включено 112 и 20 изделий из кости и рога (включая фрагменты) соответственно.

Все находки средневекового периода были разделены на две группы – древнерусские (XII–XIII вв.) и позднесредневековые (XVI – начала XVII вв.)[1]. Систематизация изделий из кости и рога была проведена по визуально определяемым технологи-

[1] Три предмета из кости (рукояти двух столовых ножей и одной вилки), которые датированы XIX – началом XX вв., выходят за рамки данного исследования и в настоящей работе не рассматриваются.

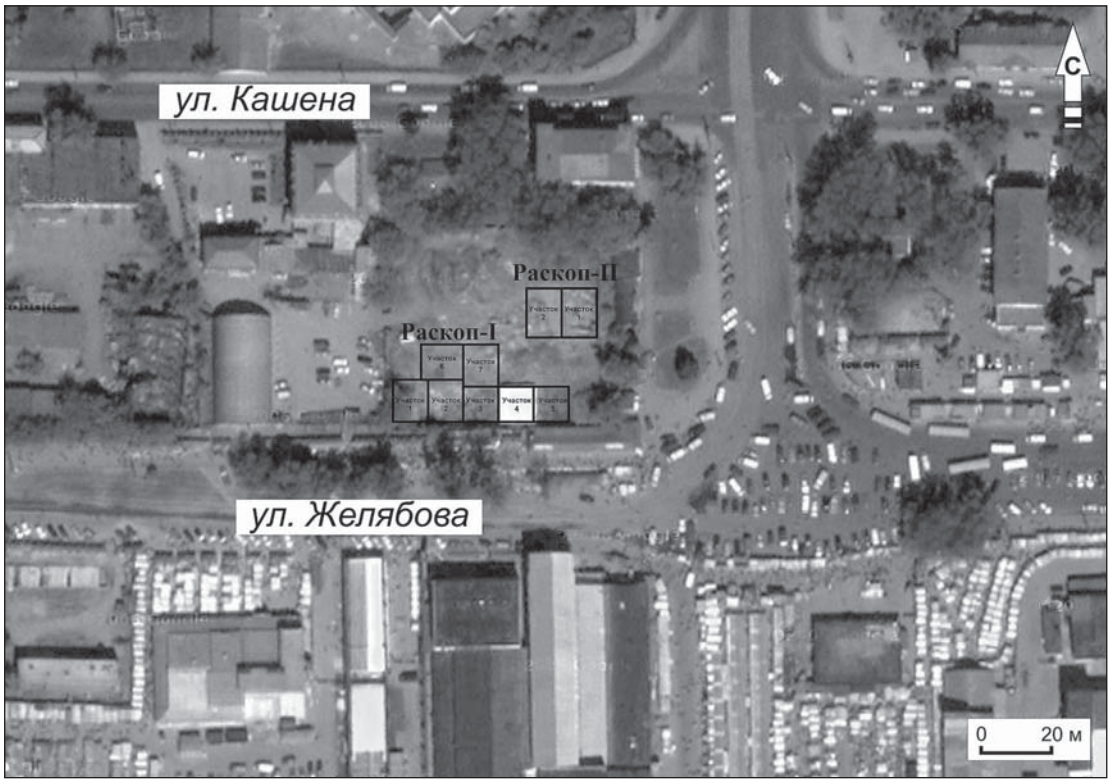


Рис. 1. Местоположение раскопов I и II (2004–2005 гг.) в городе Смоленске между современными улицами Желябова и Кашена. Космический снимок.

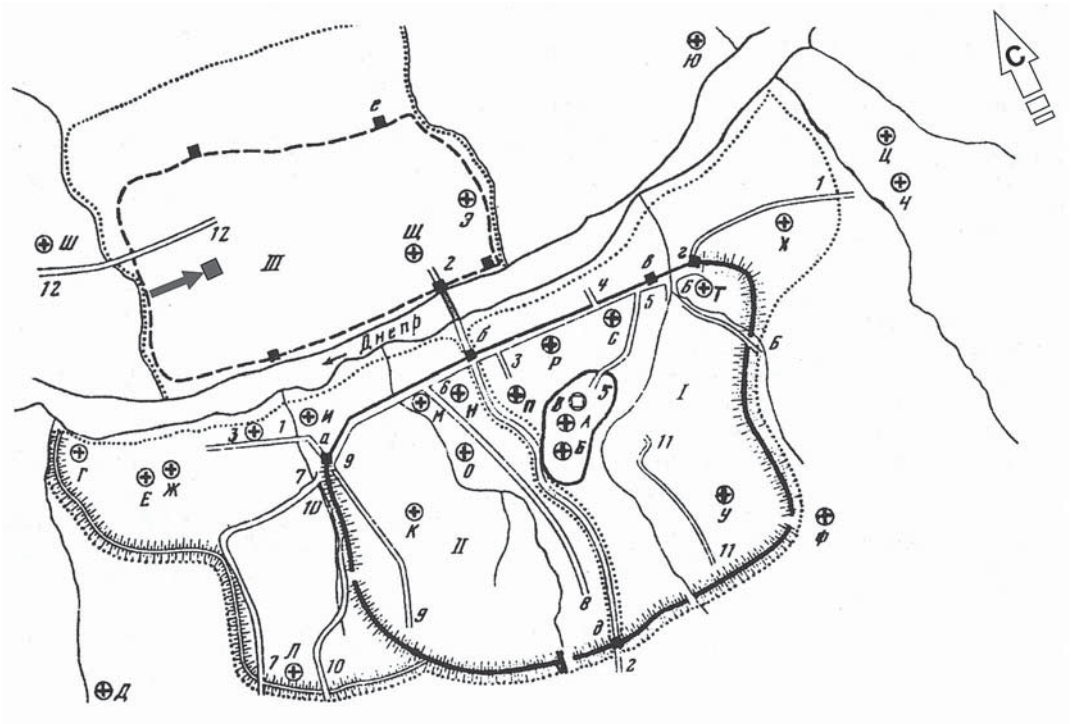


Рис. 2. Участок проведения археологических исследований 2004–2005 гг. на территории бывшего Городенского конца (XII–XIV вв.) и Заднепровского посада (острога) XV – начала XVII вв. на схеме древнего Смоленска (по Н.В. Сапожникову). Концы древнего Смоленска: I – Крылошевский; II – Пятницкий; III – Городенский. Ш – церковь Петра и Павла, середина XII в., Щ – руины неизвестной церкви; 12 – 12 – Петропавловская улица.

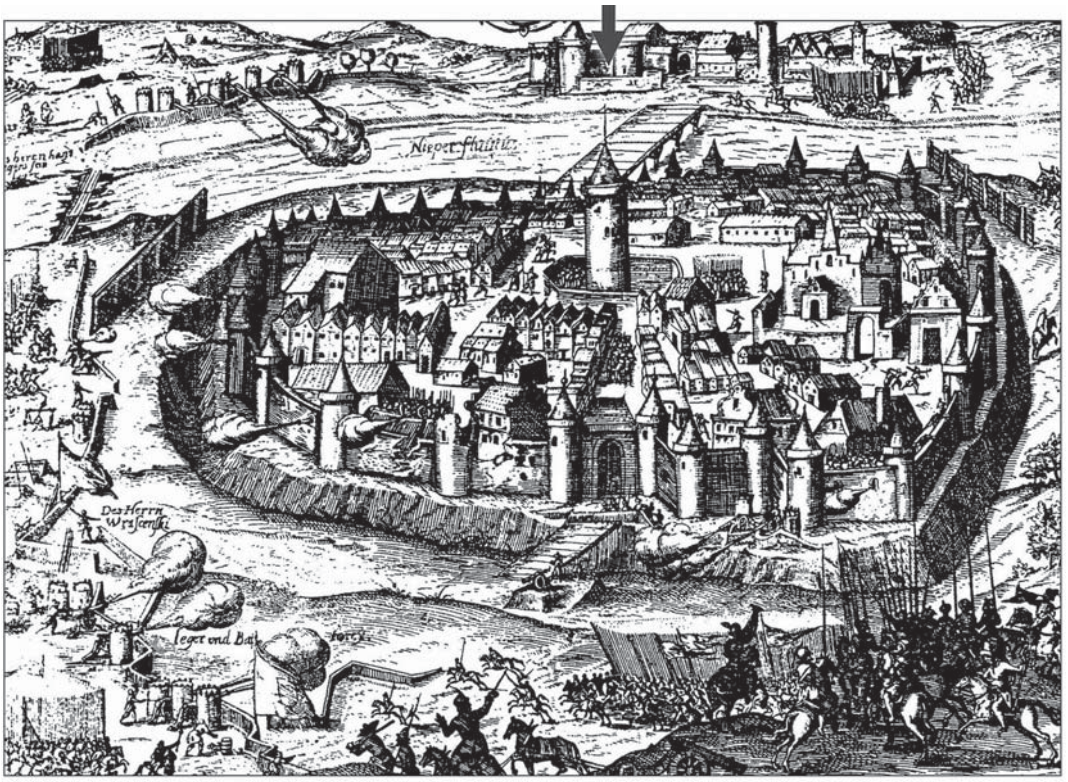


Рис. 3. План Смоленска Г. Келлера, 1610 г. Стрелкой обозначено примерное местоположение участка проведения археологических исследований 2004–2005 гг.

Рис. 4. План Смоленска анонимного автора, 1627 г. Стрелкой обозначено примерное местоположение участка проведения археологических исследований 2004–2005 гг.

ческим и, по возможности, функциональным признакам предметов. Группировка по типам предметов осложнена трудностями определения их назначения, полифункциональным характером многих из них и степенью сохранности. Орнаментация изделий в настоящей работе детально не рассматривается.

Практически все остеологические материалы древнерусского времени происходят из заполнения котлована постройки XII–XIII вв. (яма-5 раскопа II). В ней были найдены 103 кости животных, включая 66 костей от трех особей крупного рогатого скота (подсчет велся по пястным костям), 19 костей от двух овец, 11 костей одной особи свиньи домашней (часть костей со следами срезания мяса и скобления), а также обломок бедренной кости курицы. Интересны находки первой фаланги тура (который являлся постоянным объектом охоты в домонгольское время, но ареал его обитания находился южнее) и четырех костей одной лошади со следами кухонной разделки и употребления в пищу. Кроме этого, в постройке были найдены клык крупной собаки и нижняя челюсть кошки, которые принадлежали естественно павшим домашним животным, обитавшим здесь вместе с человеком [12, с.44-45].

Изделия из кости и рога XII–XIII вв., по сравнению с периодом XVI – начала XVII вв., немногочисленны. К ним относится обломок двустороннего наборного гребня с двумя рядами медных штифтов (рис.5: 1). Определить тип изделия затруднительно, но, судя по хронологии костяных гребней из Смоленска, предложенной Н.И. Асташовой, подобные гребни бытовали в XII–XIII вв. [2, с.71. Рис. 3]. И хотя гребень был найден в заполнении ямы XVI в., в ее верхней части свыше 50% керамики относится к древнерусскому периоду. Вероятно, изделие залегало в яме в переотложенном состоянии.

Еще один предмет является Т-образной рукоятью шила с циркульным орнаментом (рис.5: 2). Аналогии подобной рукояти встречаются на памятниках X–XIII вв. на широкой территории от Норвегии до Прикамья и от Новгорода до Саркела. Несколько рукоятей было найдено на территории древнерусского Белоозера [4, с.126-128; 5, с.221]. От этих изделий рукоять, найденная в Смоленске, отличается сужением кверху (имеет форму приостренной лопаточки) и более скромным орнаментом. Необходимо подчеркнуть, что данный предмет, хоть и найден в заполнении объекта XVI – начала XVII вв. (яма-1 раскопа II), но на территории усадьбы XII–XIII вв., в наибольшем отдалении от косторезной мастерской XVI в., и потому с высокой степенью вероятности датируется древнерусским временем.

Основная часть коллекции остеологического материала из раскопок 2004–2005 гг. – это находки XVI – начала XVII вв. Их анализ позволяет утверждать, что в рассматриваемый период в этой части Смоленска действовала косторезная мастерская.

На участке-6 раскопа I (рис.6) был обнаружен комплекс ям (№ 7 и 10), представляющий собой остатки косторезной мастерской XVI – начала XVII вв. В то время как на всей территории участка-6 было найдено 42 изделия, их фрагментов и заготовок изделий из кости и рога (40% от общего количества костяных изделий, найденных на раскопе I), в заполнении этих ям и в непосредственной близости от них было найдено 36 изделий, фрагментов или заготовок. Подобных скоплений на территории раскопов 2004–2005 гг. более не наблюдалось. Именно отсюда происходит значительное число плюсневых костей коровы, в т.ч. имеющих следы обработки, а также рога косули и большая часть рогов лося.

Яма-7 представляла собой углубленную часть наземной постройки, имела прямоугольную в плане форму и была ориентирована по оси северо-запад – юго-восток. Размеры ямы составляли около 450×320×360×330 см. Заполнение ямы – многослойное. Верхняя половина заполнения ямы состояла из прослоек темно-

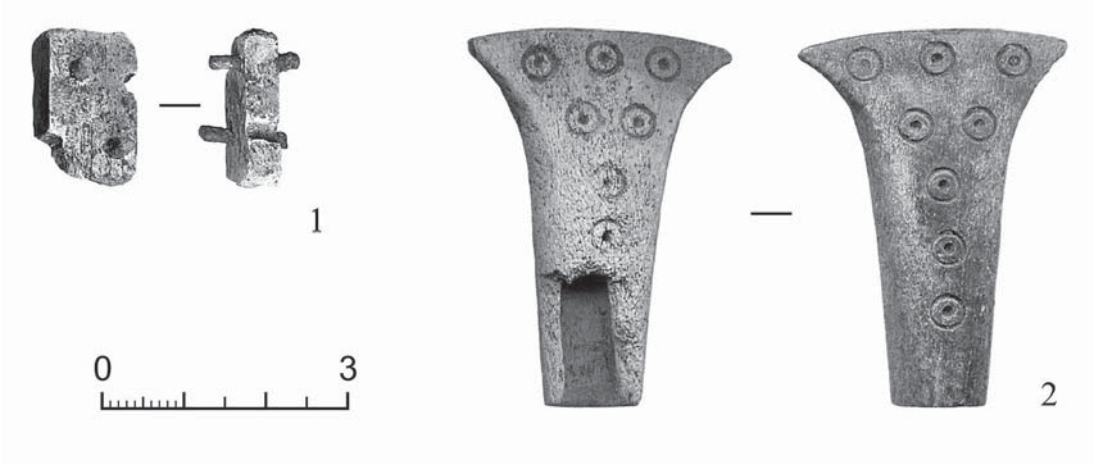


Рис. 5. Костяные изделия древнерусского времени (XII–XIII вв.): 1 – гребень двусторонний наборный (фрагмент) из кости с медными штифтами; 2 – Т-образная рукоятка шила с циркульным орнаментом.

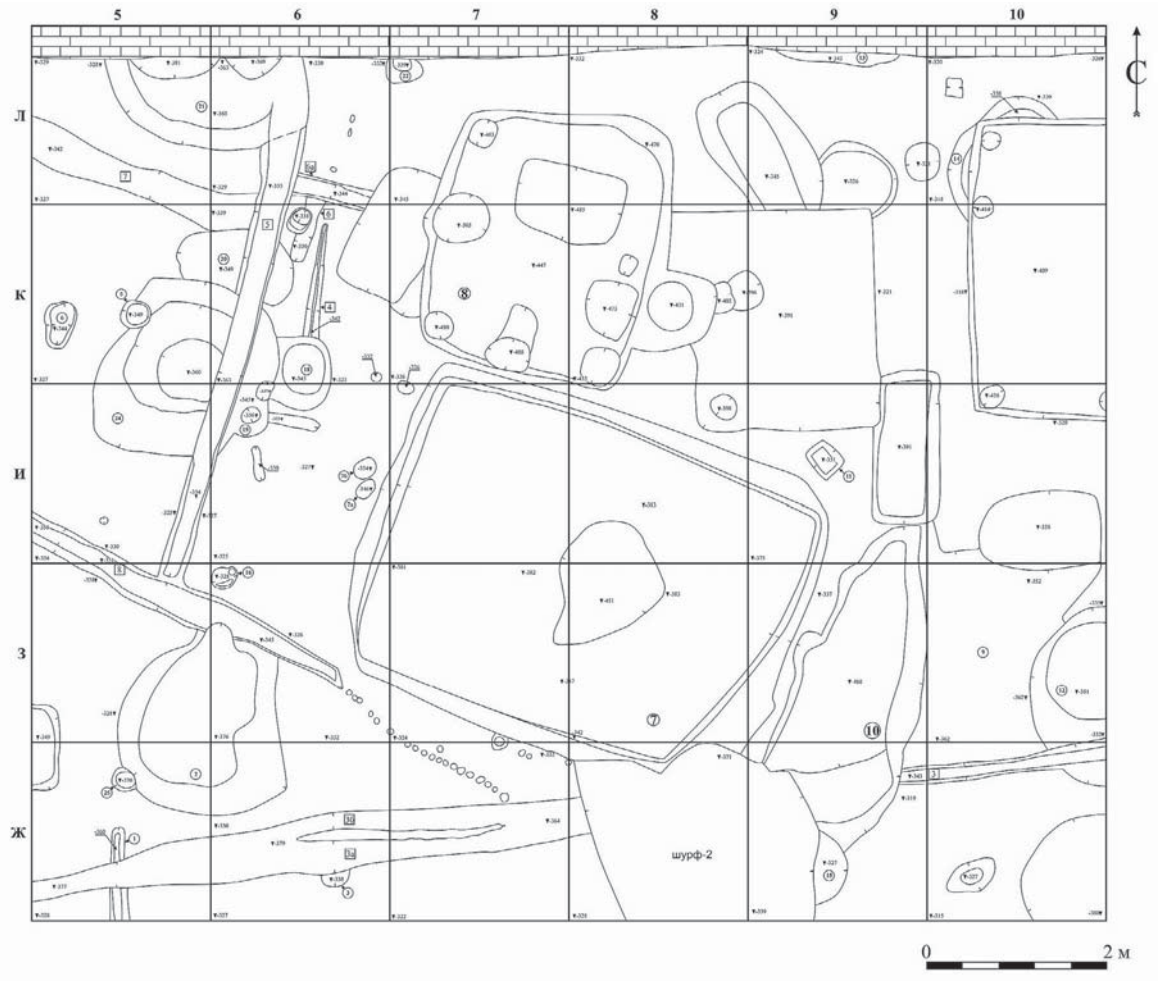


Рис. 6. Раскоп I, участок-6. План материка после выборки заполнения объектов.

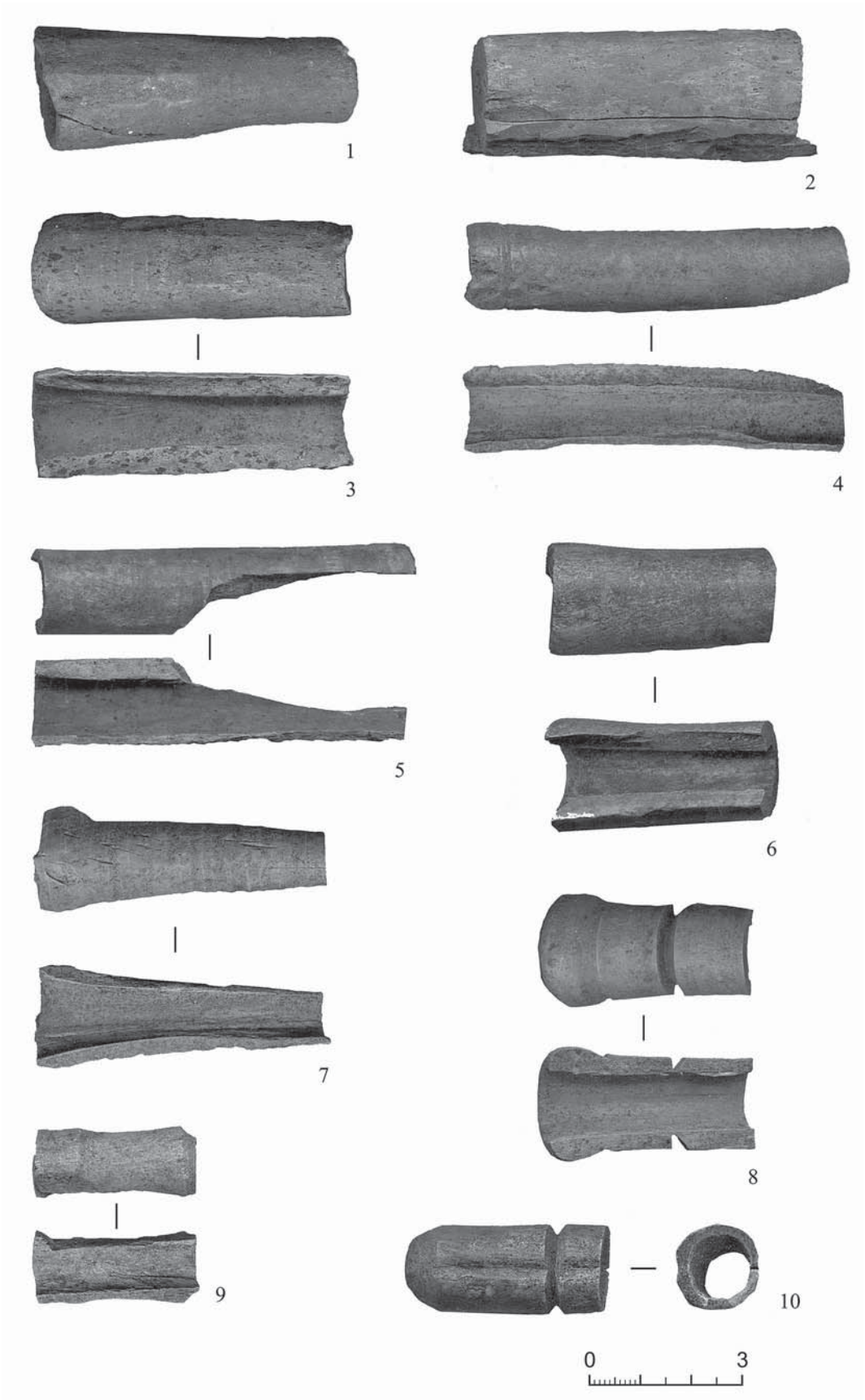


Рис. 7. Заготовки и полуфабрикаты изделий из трубчатой кости после удаления двух эпифизов (XVI – начало XVII вв.).

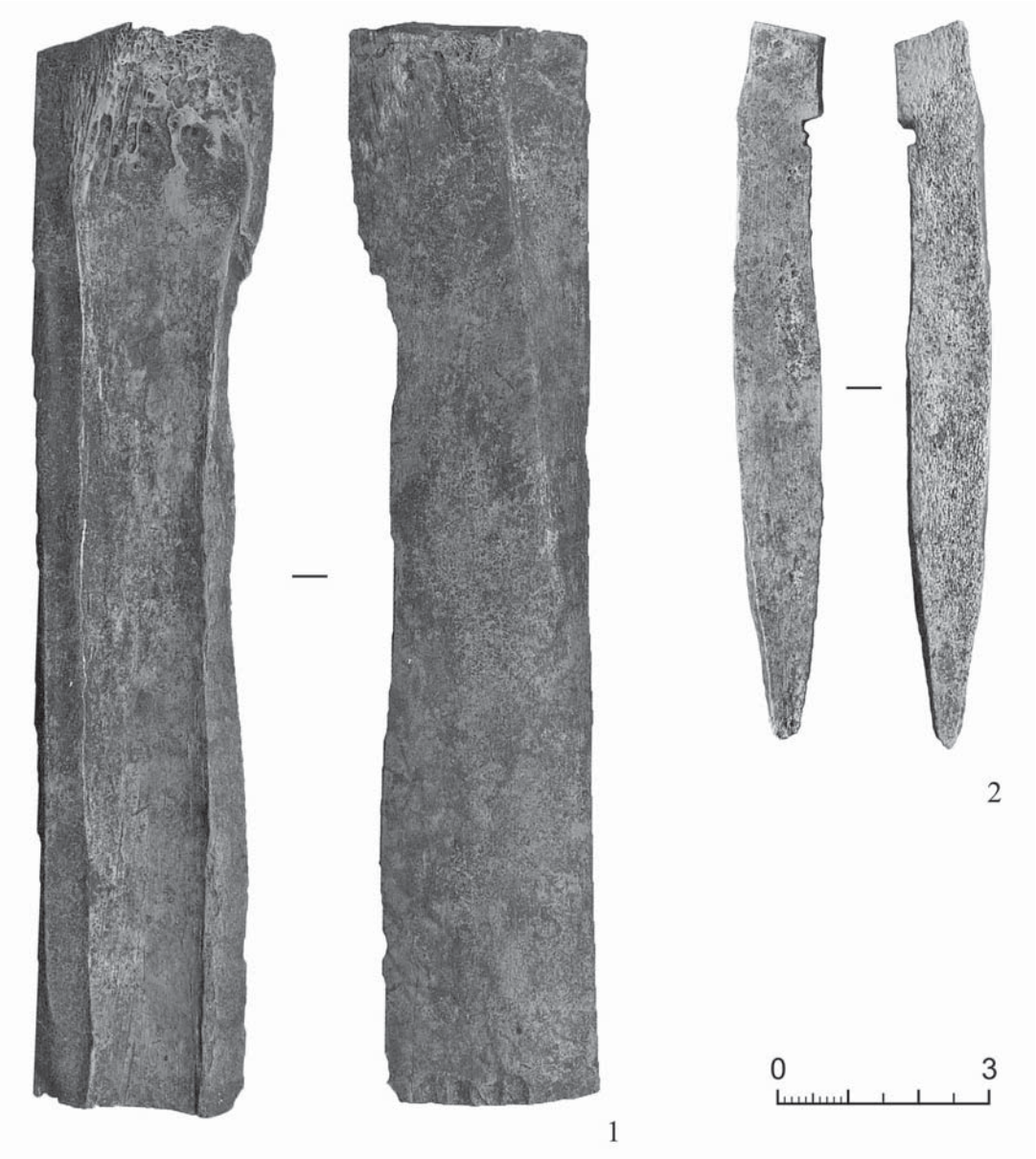


Рис. 8. Заготовки и полуфабрикаты изделий из трубчатой кости после удаления двух эпифизов и продольного расчленения диафиза (XVI – начало XVII вв.).

серого суглинка с угольками, печиной, обожженной глиной и тленом (толщина 10-35 см), разделенных прослойкой песка с вкраплениями угольков и печины (толщина 3-18 см). Нижняя часть заполнения ямы состояла из прослоек обожженной глины с угольками и золой (толщина 4-31 см), темно-серого суглинка с угольками и обожженной глиной (толщина до 55 см) и желто-бурого суглинка с угольками и вкраплениями песка (толщина 2-11 см) в придонной части. Нижнее заполнение четко отделялось от верхнего углистой прослойкой (толщина 1-12 см). Глубина ямы от уровня материковой поверхности – 118 см. Стенки ямы слегка наклонные, дно – ровное с углублением в центре.

К юго-западной стенке ямы примыкали 4 столбовые ямки округлой в плане формы диаметром 8-18 см и глубиной 3-6 см с заполнением из серого суглинка.

Рис. 9. Находки с полным использованием естественной формы сырья в конструкции готового изделия (XVI – начало XVII вв.): 1 – трубчатая кость со сквозным отверстием (брунчалка или гудалка?).

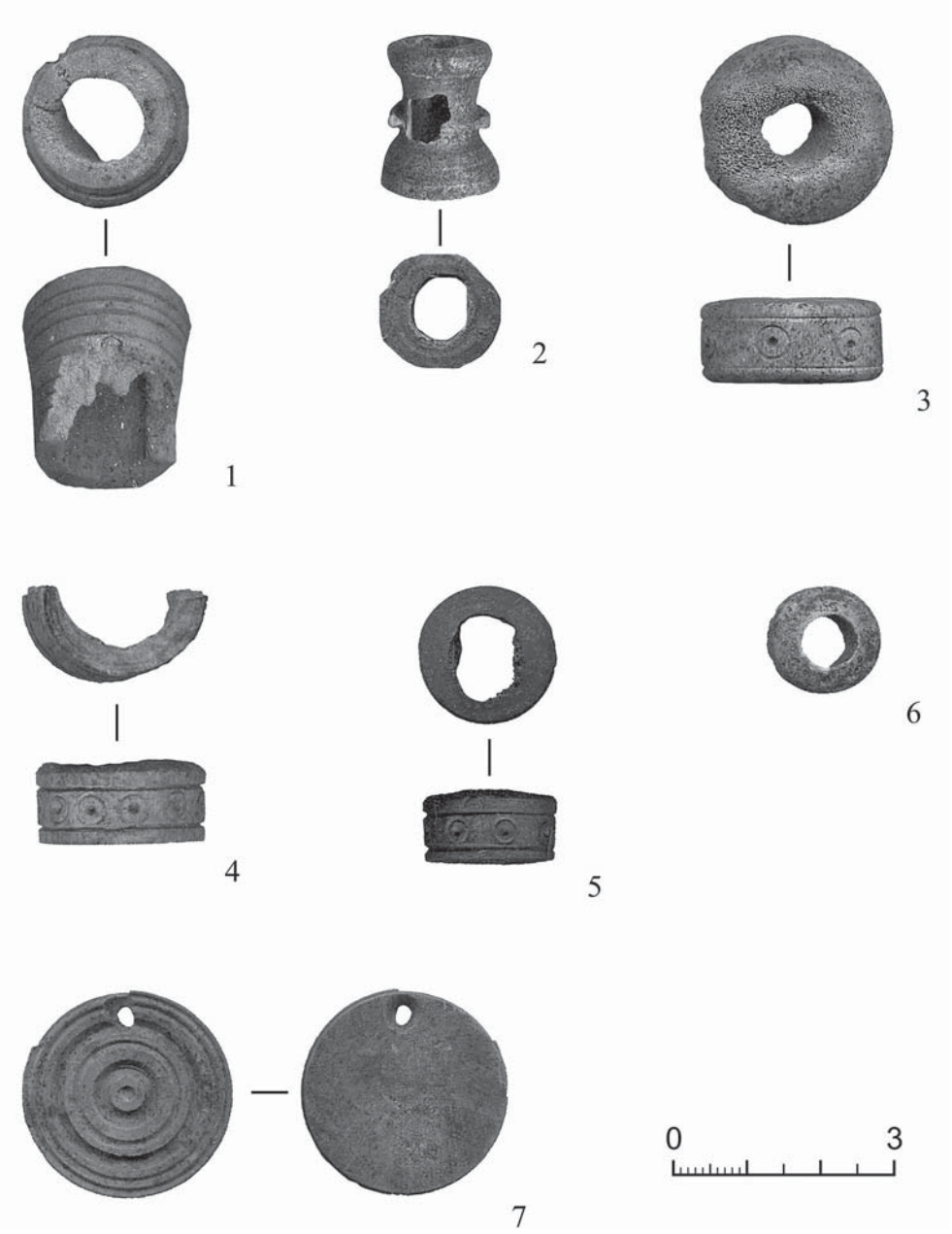


Рис. 10. Находки с частичным использованием естественной формы сырья в конструкции готового изделия из трубчатой кости (XVI – начало XVII вв.): 1 – наконечник стрелы для пушной охоты (томар) с нарезным линейным орнаментом; 2 – шахматная фигура; 3 – пряслице (?) с нарезным линейным и циркульным орнаментом; 4-5 – обоймы (муфты?) объемные с нарезным линейным и циркульным орнаментом; 6 – обоймица (?) плоская круглая; 7 – шашка игральная с концентрическим нарезным орнаментом (во вторичном использовании – подвеска?).

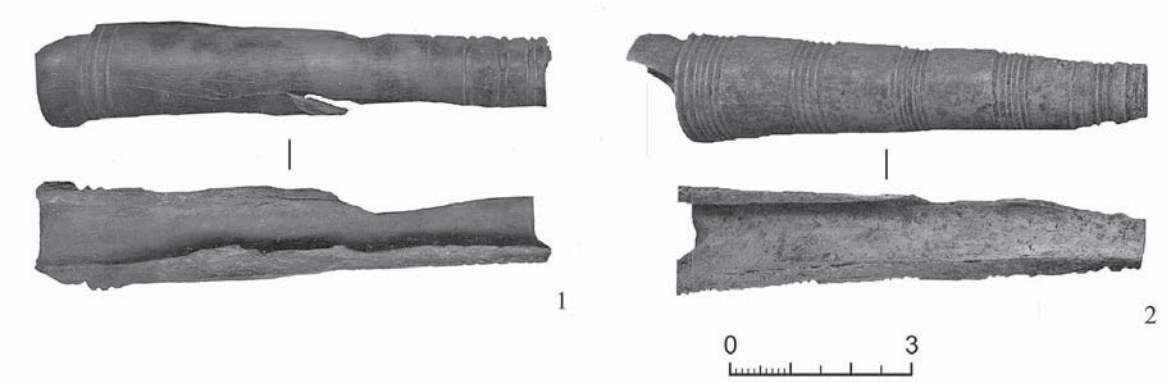


Рис. 11. Рукояти орудий (?) округлого сечения с нарезным линейным орнаментом (XVI – начало XVII вв.).

В заполнении ямы-7 было найдено 40 костей животных, в т.ч. 8 опиленных, а также одно полное орнаментированное изделие из кости и 18 фрагментов и заготовок изделий (в том числе, 7 опиленных рогов, 5 заготовок и 6 фрагментов изделий из кости).

Яма-10 в плане имела неправильную, вытянутую форму и была ориентирована по оси северо-восток – юго-запад. Размеры ямы: длина по оси северо-восток – юго-запад – 360 см, ширина по оси северо-запад – юго-восток – до 158 см. Заполнение ямы – многослойное. Верхняя часть состояла из перекопа, слоя печины (толщина 4-38 см) и темно-серого суглинка с угольками и печиной (толщина 15-23 см). Под ними находилась углистая прослойка (толщина 1-11 см). Ниже залегал слой из темно-серого суглинка с угольками и печиной (толщина 20-53 см). Под ним шел слой из серого суглинка с угольками, печиной и вкраплениями песка (толщина 36-58 см), разделенный в придонной части ямы угольной прослойкой (толщина 1-12 см). Глубина ямы от уровня материковой поверхности – 149 см. Стенки ямы слегка наклонные, в южной части уступчатые. Дно ровное. Яма-10 также является углубленной частью наземной постройки, вместе с ямой-7 представляющей собой часть единого комплекса сооружений.

В заполнении ямы-10 было найдено 4 кости животных, а также 2 опиленных рога, 2 фрагмента изделий и 7 заготовок изделий из кости.

Кроме того, в непосредственной близости от ям 7 и 10 в заполнении пласта 16 (гл. -300 / -320 см) были найдены орнаментированная костяная рукоять, 4 фрагмента изделий и фрагмент заготовки изделия из кости.

Основанием для изучения и реконструкции технологии косторезного производства являются признаки подобного производства, представленные в конкретном археологическом материале. Исследователи [3] выделяют *девять общих признаков*: наличие сырья; наличие заготовок; наличие полуфабрикатов; наличие готовых изделий; наличие бракованных изделий (сюда же можно добавить и наличие отходов косторезного производства); массовый характер всех вышеперечисленных признаков; инструментарий; специализированные орудия; устойчивые приемы обработки.

Рассмотрим наличие указанных признаков в археологическом материале из раскопок 2004–2005 гг.

Анализ видового и количественного состава остеологического материала частично был опубликован ранее [12, с.42-52]. Основная часть изученных костных остат-

ков (70,2%) в коллекции принадлежит крупному рогатому скоту (КРС) (таблица 1). Подобные высокие показатели в выборке объясняются тем, что значительная часть костей КРС доставлялась сюда для последующей обработки, а не отражают структуру поголовья городского стада.

Табл. 1. Остеологический материал из археологических раскопок Смоленска 2004–2005 гг.

Вид	**Количество костей, шт.**	**Доля, %**
Крупный рогатый скот (КРС)	1 448	70,2%
Мелкий рогатый скот (МРС)	361	17,5%
Свинья	178	8,6%
Птица	30	1,5%
Лошадь	25	1,2%
Прочие	22	1,1%
Всего:	2064	100%

На отдельных костях КРС наблюдаются следы употребления в пищу в виде нарезок. В постройке 1 (раскоп I, участок-3) найдены 4 позвонка, разрубленные вдоль, вероятно, при разделке туши топором. Трубчатые кости коров далеко не всегда были расколоты для извлечения мозга. Какая-то часть животных погибала естественной смертью или от болезней, не шла в пищу, а захоранивалась в ямах-скотомогильниках тут же на подворье. Так, в одной из ям был найден почти целый скелет молодой коровы, в другой – часть скелета взрослой коровы (в т.ч. практически целая задняя нога без нижней части) с нерасколотыми костями.

Вторая по численности группа костного материала (17,5%) принадлежит мелкому рогатому скоту и имеет высокую степень раздробленности, что существенно затрудняет изучение его морфометрии. В этой группе большинство костных остатков можно соотнести с овцой (не менее 10 особей), тогда как особей коз выявлено не более четырех. Следы обработки имеются на единичных фрагментах.

Все встреченные костные останки домашней свиньи (178 костей от 9 особей, включая 4 кости от одной особи из домонгольской постройки) носят исключительно кухонный характер. На некоторых костях прослеживаются следы скобления и срезания мяса.

Костные останки лошадей крайне малочисленны (25 костей, принадлежащие трем особям), автоподии были использованы для производства изделий.

Среди прочих остеологических материалов – кости трех не очень крупных собак. Птичьи кости в раскопах 2004–2005 гг. принадлежали, преимущественно, домашним курам и уткам.

Кости диких животных представлены рогами косули и лося.

Основным видом *сырья* для косторезного производства на изученном участке являлись трубчатые кости крупного рогатого скота, в единичных случаях использовались кости мелкого рогатого скота и лошади, в качестве рогового сырья – рога лося и косули. Полые рога, а также клыки и зубы животных, по всей видимости, не применялись, во всяком случае, в процессе работ они не были обнаружены.

Заготовки и полуфабрикаты изделий из трубчатой кости представлены, преимущественно, двумя типами: это цилиндрические предметы, полученные в результате удаления двух эпифизов (рис.7), и крупные пластины, получаемые после удаления двух эпифизов и расчленения диафиза (рис.8).

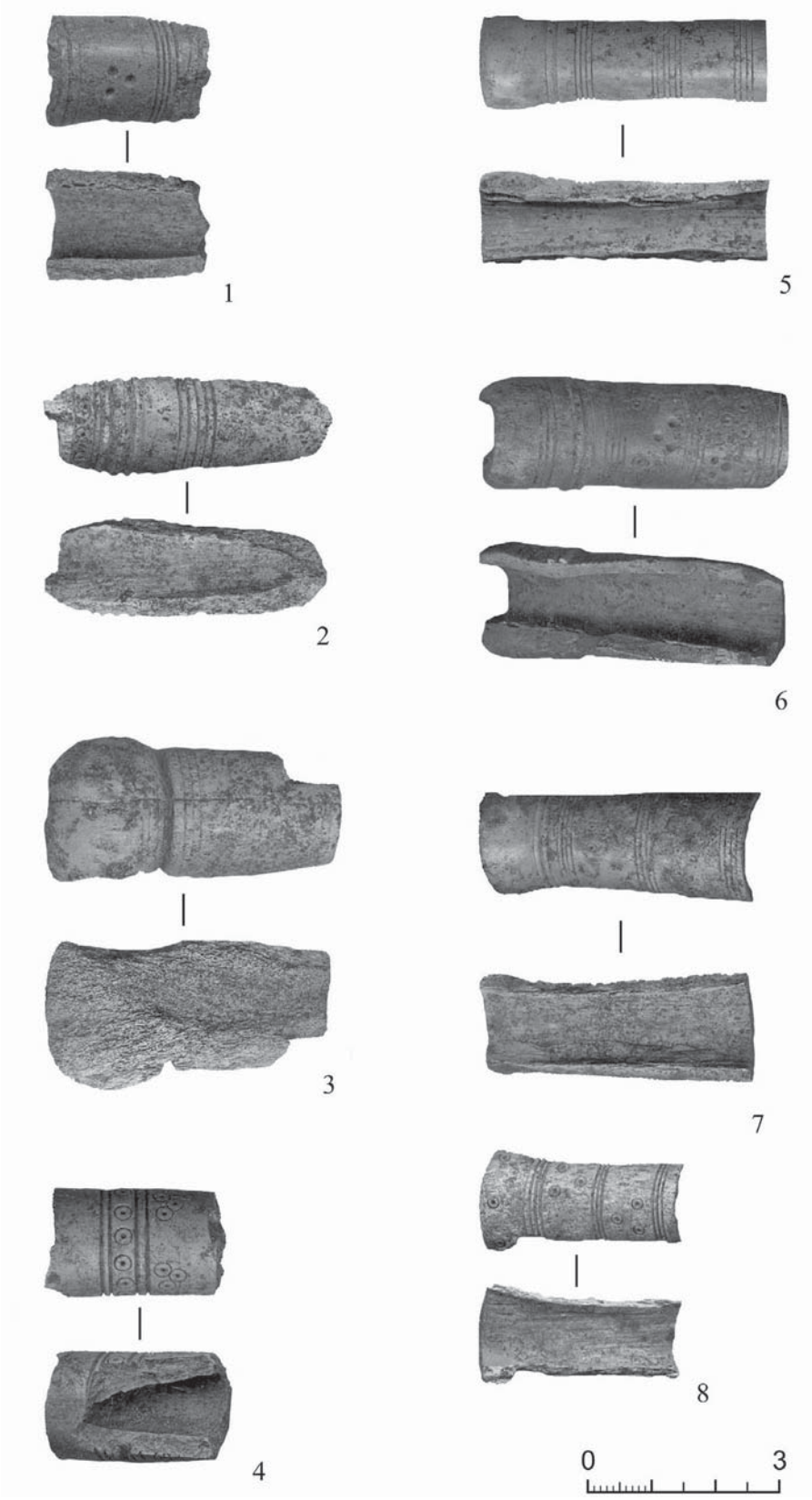


Рис. 12. Составные рукояти орудий и игольники (?) округлого сечения с нарезным линейным, циркульным и точечным орнаментом (XVI – начало XVII вв.).

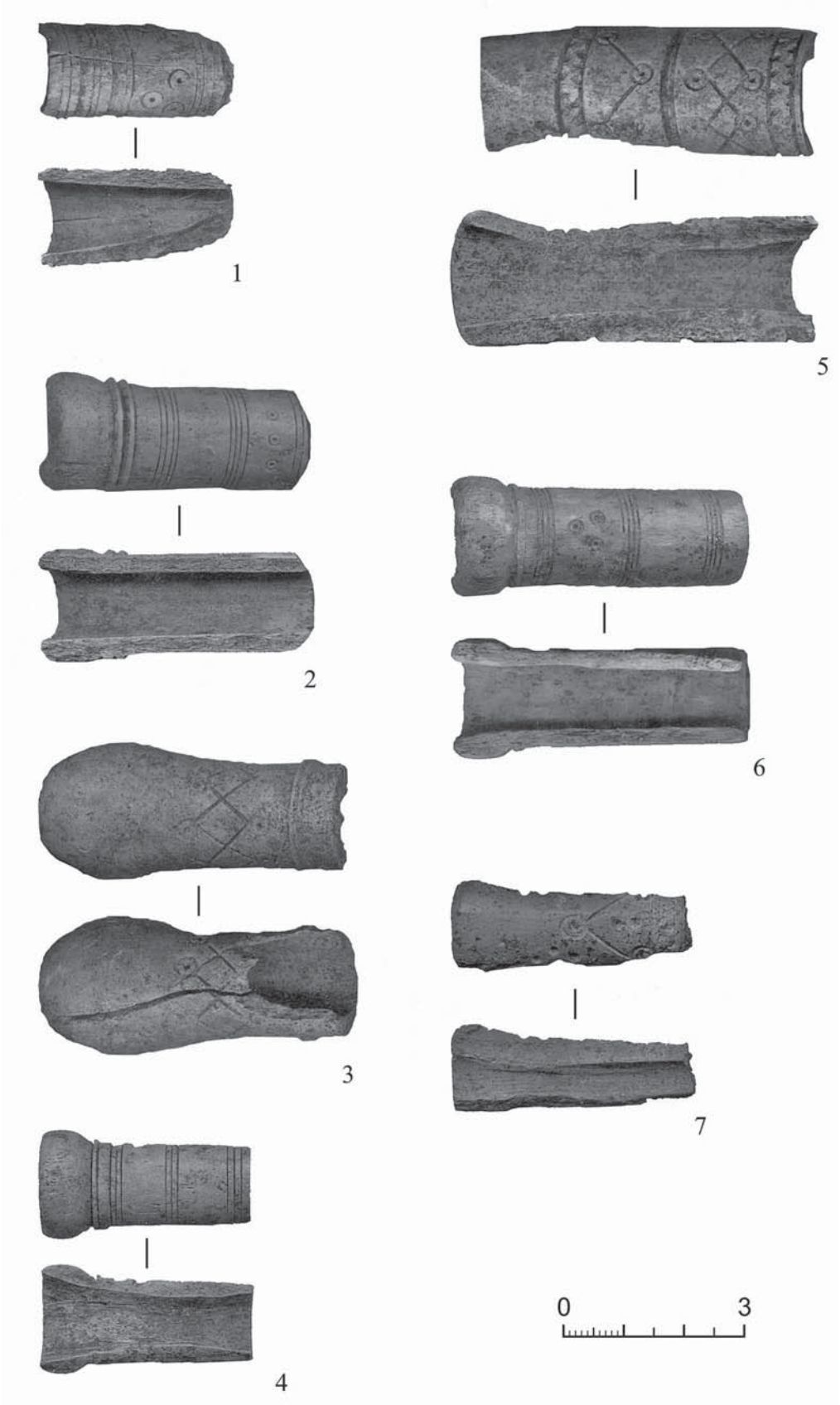


Рис. 13. Составные рукояти орудий и игольники (?) округлого сечения с нарезным линейным, циркульным и точечным орнаментом (XVI – начало XVII вв.).

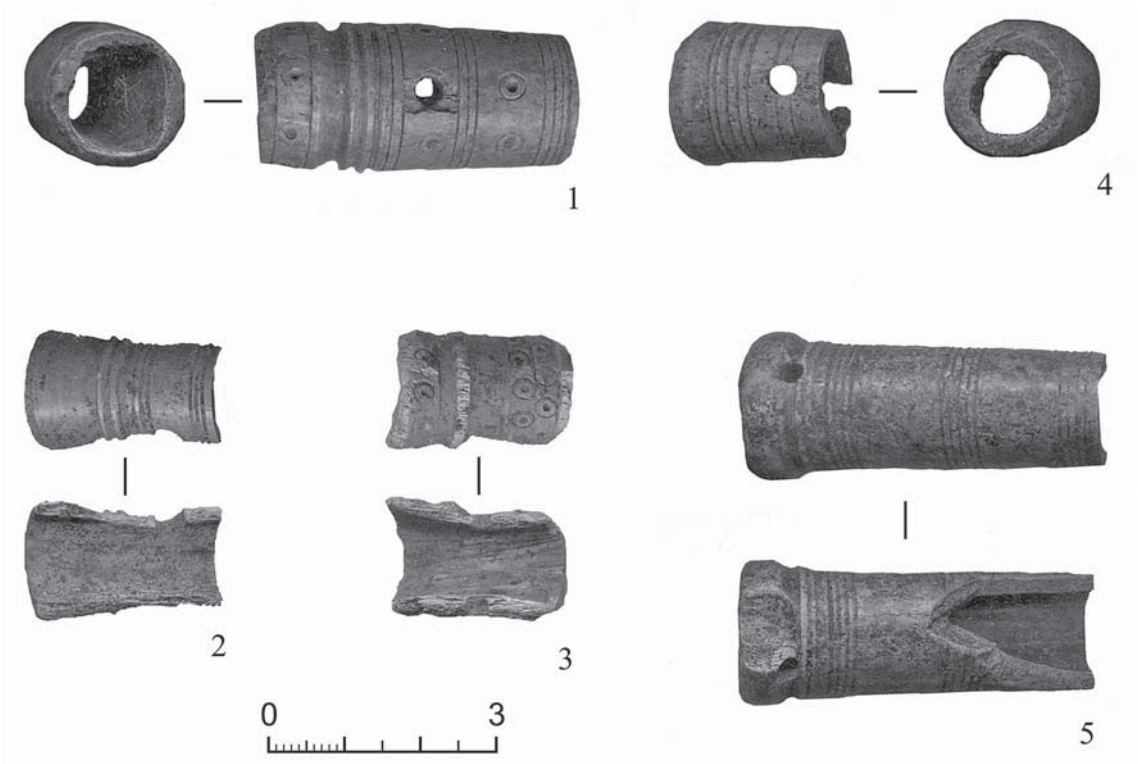


Рис. 14. Игольники (?) округлого сечения с нарезным линейным и циркульным орнаментом и поперечным отверстием для подвешивания (XVI – начало XVII вв.).

Среди *готовых изделий*, в зависимости от частичного или полного использования естественной формы сырья в конструкции, выделяются три группы.

Первая группа, отличающаяся полным использованием естественной формы сырья в конструкции готового изделия, представлена единичной находкой трубчатой кости мелкого рогатого скота со сквозным отверстием (рис.9: 1). В Новгороде подобные находки встречаются в слоях XI–XV вв., в Москве – в слоях первой половины XVI – второй половины XVII вв. [1, с.397. Рис.151: 1-3]. О названии и использовании костей с просверленным отверстием (отверстиями) нет единого мнения, помимо сугубо утилитарного назначения, вероятно, они могли выступать в роли примитивного духового музыкального инструмента (т.н. брунчалка или гудалка). В отверстии крепился ремешок или нить, при вращении предмет издавал угрожающий гул и, возможно, применялся для отпугивания злых духов или в качестве детской игрушки.

Вторая, наиболее многочисленная по количественному составу, группа характеризуется частичным использованием естественной формы сырья в конструкции изделия. В коллекции 2004–2005 гг. эта группа представлена наконечником стрелы с тупым бойком и сквозным насадом для пушной охоты (томар) (рис.10: 1). По форме он относится к типу цилиндрических со слегка вогнутыми в средней части наружными стенками. Длина наконечника – 2,3 см, внешний диаметр у пятки – 2,0 см, к бойку расширяется до 2,3 см. Сквозное отверстие имело диаметр у пятки 1,1 см, слегка расширяясь к бойку до 1,2 см (что, в целом, соответствует толщине древка древнерусских стрел 0,7-1,0 см) [6, с.32]. Ударная площадка плоская, оформлена в виде невысокого кольцевидного выступа диаметром 1,0 см. Поверхность изделия декорирована нарезными кольцевыми линиями, сгруппированными в три зоны:

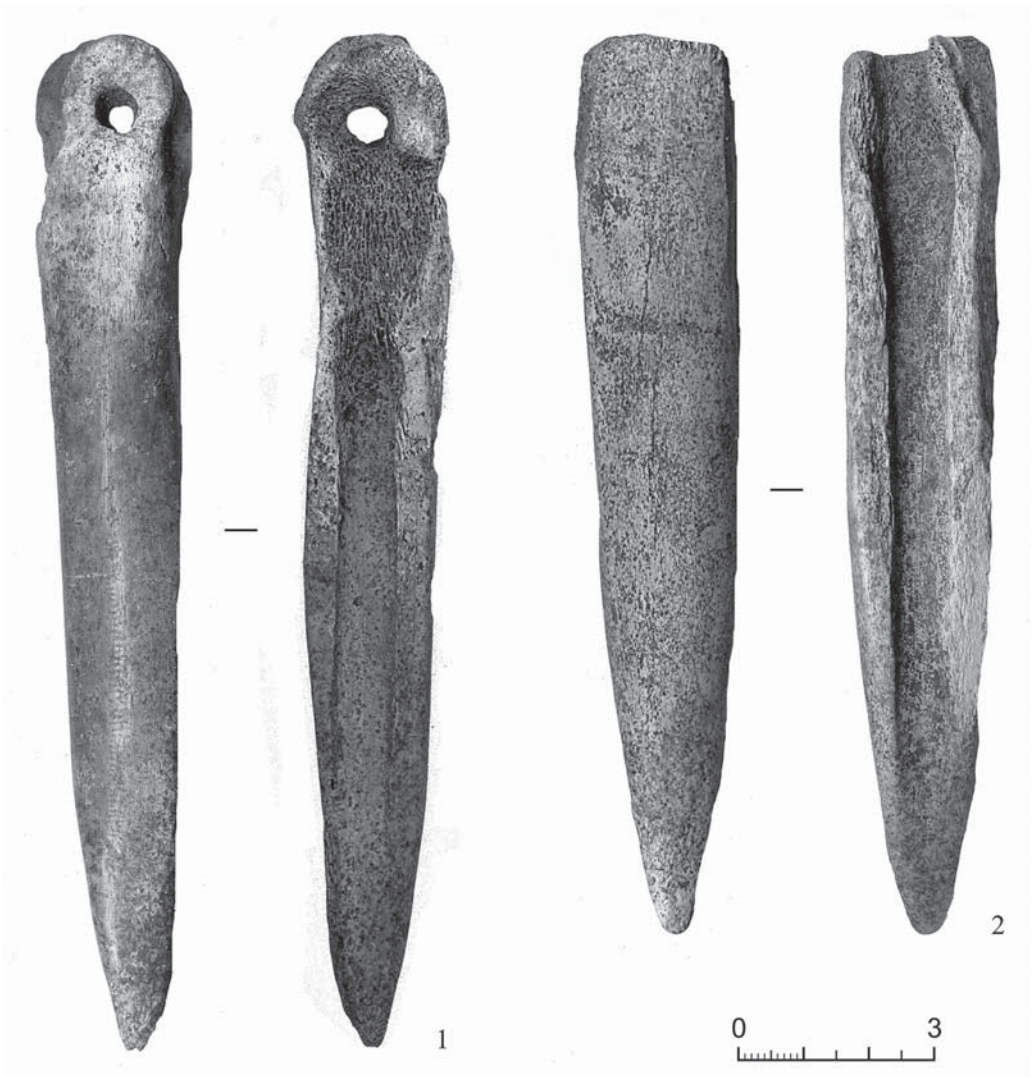


Рис. 15. Примеры использования осколков сырья для изготовления предметов из трубчатой кости (XVI – начало XVII вв.): 1 – кочедык (лощило) с отверстием; 2 – кочедык (лощило) без отверстия.

в верхней части – три линии, в центральной – две, в нижней – снова три. Костяные наконечники стрел с тупым бойком имели широкое распространение на всей территории Древней Руси в X–XIII вв., в городских слоях Новгорода они встречаются до XV в., а охотники Севера и Сибири применяли их вплоть до XVIII в. Можно согласиться с мнением, что небольшие по размерам костяные и роговые томары использовались для охоты на некрупного пушного зверя, главным образом, белку и куницу [7, с.231].

Также в данную группу входят шахматная фигура (рис.10: 2), плоское пряслице (?) с нарезным линейным и циркульным орнаментом на боковой поверхности (рис.10: 3) (подобные изделия могут быть идентифицированы и как крупные пуговицы-застежки), детали наборных рукоятей – объемные обоймы или муфты (?) с нарезным линейным и циркульным орнаментом на боковой поверхности (рис.10: 4-5), и плоская круглая обоймица без орнамента (рис.10: 6). Муфты и обоймы располагались на стыке лезвия и рукояти для предохранения последней от раскалывания, однако отличаются друг от друга по высоте. Обоймы имеют вид пластин, а муфтами целесообразнее считать высокие цилиндрические или усеченно-конические предметы

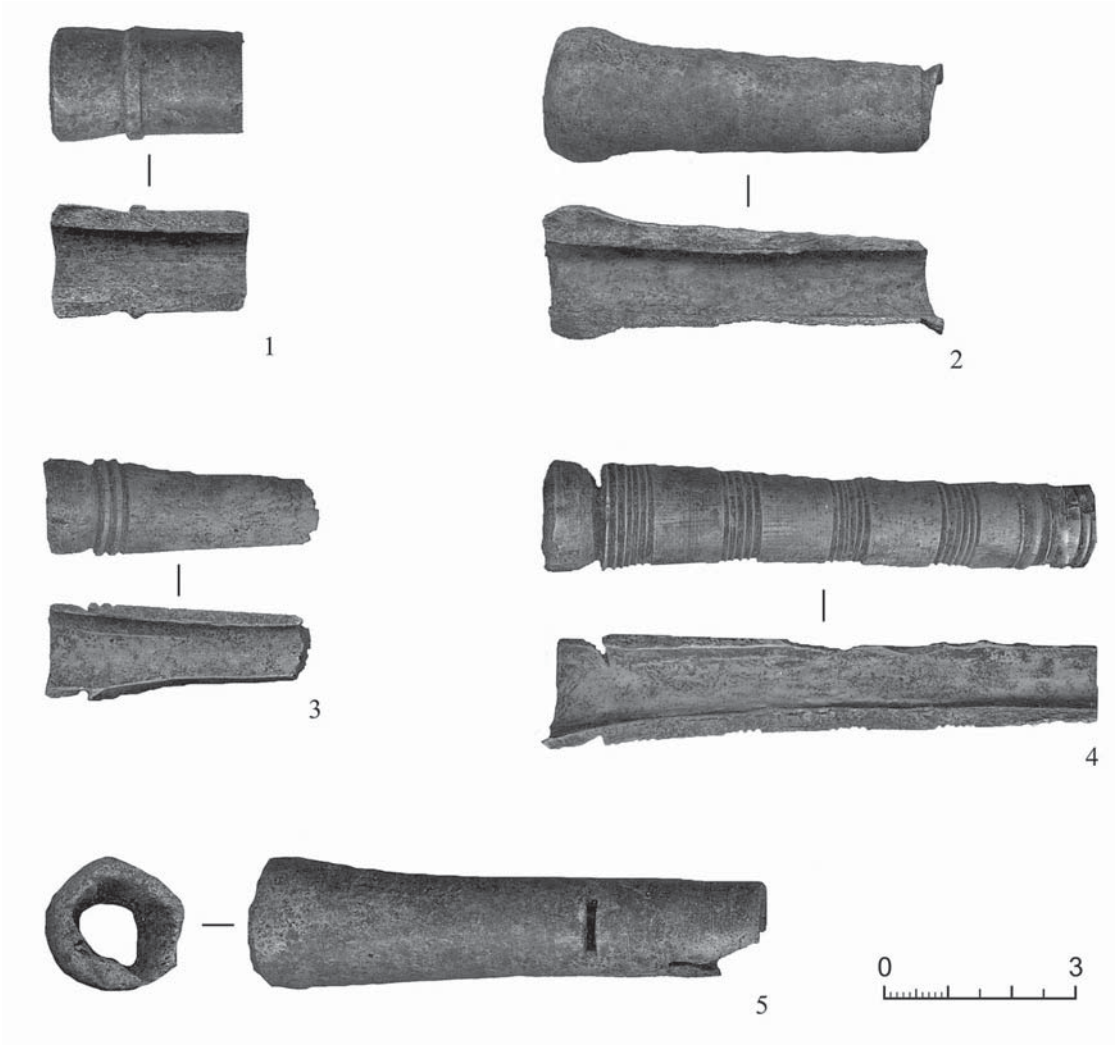


Рис. 16. Бракованные изделия из трубчатой кости (XVI – начало XVII вв.).

с широким круглым отверстием вдоль предмета. Вероятнее всего, они использовались как составные части наборных рукоятей, выполнявшие роль кольца, крепившегося к концам деревянной рукояти [9, с.210].

Любопытна находка предмета (рис.10: 7), представляющего собой, вероятно, игральную шашку с концентрическим нарезным орнаментом на лицевой стороне, оборотная сторона – гладкая. Диаметр изделия – 2,8 см, толщина – 0,4 см. Вторично оно использовалось, видимо, в качестве подвески, о чем свидетельствует наличие сквозного отверстия у края пластины.

Наиболее многочисленны в данной группе изделия, которые можно условно отнести к рукоятям орудий или же игольникам. Между собой они различаются, как правило, размерами и типом орнамента. Рукояти орудий (?) округлого сечения с нарезным линейным орнаментом (рис.11) по своим размерам и конфигурации близки к рукояткам ножей. Однако они имеют большой внутренний диаметр, не позволяющий закрепить нож. Тщательная выделка внутренней полости и богатая орнаментация поверхности не исключают возможности использования подобных изделий в качестве украшений, амулетов или футляров для хранения мелких предметов, в т.ч. игл [11, с.78-80]. Составные рукояти орудий (?) округлого сечения с нарезным линейным, циркульным и точечным орнаментом (рис.12-13) имеют сквозную внутреннюю

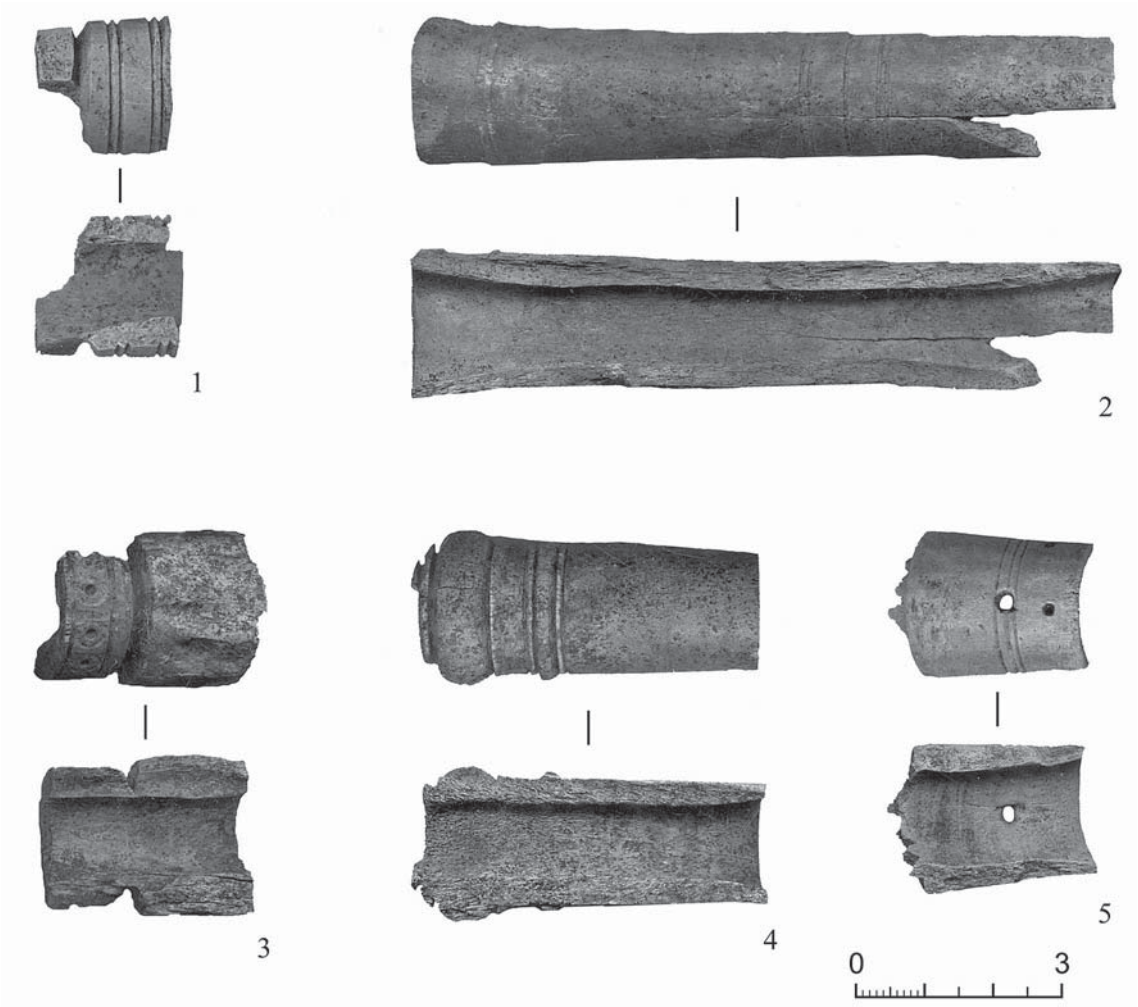


Рис. 17. Бракованные изделия из трубчатой кости (XVI – начало XVII вв.).

полость и могут трактоваться как навершия, но однозначно определить назначение этих предметов пока невозможно. Аналогичны им изделия, имеющие поперечные отверстия для подвешивания (рис.14), что считается характерным признаком игольников (в пользу этой версии свидетельствует и находка в ходе работ 194 экземпляров железных швейных игл).

В целом, орнаментацию изделий можно разделить на несколько типов:

• нарезной (прочерченный) орнамент в виде параллельных многорядных линий, нанесенный резцом или специальным зубчатым колесиком. Покрывает не всю поверхность изделий, но, чаще, собран в отдельные зоны, орнаментированные и неорнаментированные участки чередуются;

• резной точечный орнамент в виде треугольной фигуры;

• резной орнамент в виде ромбов с циркульным орнаментом на вершинах ромбов;

• циркульный орнамент в виде одинарной окружности с точкой в центре;

• циркульный орнамент в виде нескольких окружностей, нанесенный двух- и трехзубым инструментом, наподобие циркуля;

• рельефный орнамент.

Рис. 18. Лопатки и спицы рога лося со следами пиления (XVI – начало XVII вв.).

Третью группу изделий, для которой характерно использование при изготовлении предметов осколков сырья, представляют два кочедыка (лощила) – с одним отверстием на широком конце (эпифиз кости) и без отверстия (рис.15: 1-2). Они слегка изогнуты, имеют приостренный рабочий край с характерным залощением. Поделки, снабженные отверстиями, традиционно рассматриваются в качестве кочедыков для плетения рыболовных сетей, корзин, лаптей, сумок и других изделий из бересты, лыка, луба и кожи, но также допускается их использование при выделке ткани на вертикальном ткацком станке или в качестве лощил.

Бракованные изделия (рис.16-17) представлены фрагментами предметов всех рассмотренных выше типов.

Массовость материала не вызывает сомнения, поскольку в коллекции представлены не только и не столько единичные находки (как в случае с изделиями древнерусского времени), но несколько десятков различных предметов.

Рис. 19. Лопатки и спицы рога лося со следами пиления (XVI – начало XVII вв.).

Что касается *инструментария и использования специализированных орудий*, то анализ следов на изделиях из трубчатой кости свидетельствует о применении при их обработке ножей (для снятия щепы первичного стесывания), зубчатых пил и ножовок (для отделения эпифизов), свёрл (при необходимости удаления внутреннего губчатого костного вещества), столярного топора (для раскалывания кости на крупные пластины), токарного станка с резцом для обточки заготовки и нанесения орнамента на поверхность изделия.

Если говорить об использовании при производстве продукции *устойчивых приемов обработки*, то схему раскроя и расщепления исходного сырья (трубчатой кости) можно реконструировать следующим образом. Изначально выбиралась подходящая кость (как правило, в этой роли выступали плюсневые и пястные кости животных), с которой ножом снималась щепа первичного стесывания. Затем пилой или ножовкой отпиливались эпифизные части кости (характерен пропил не до конца изделия, а его слом в конечной стадии распиловки), а из мозгового канала центральной диафизной части удалялось губчатое вещество. Полученная в результате заготовка цилиндрической формы, в дальнейшем, обрабатывалась на токарном станке

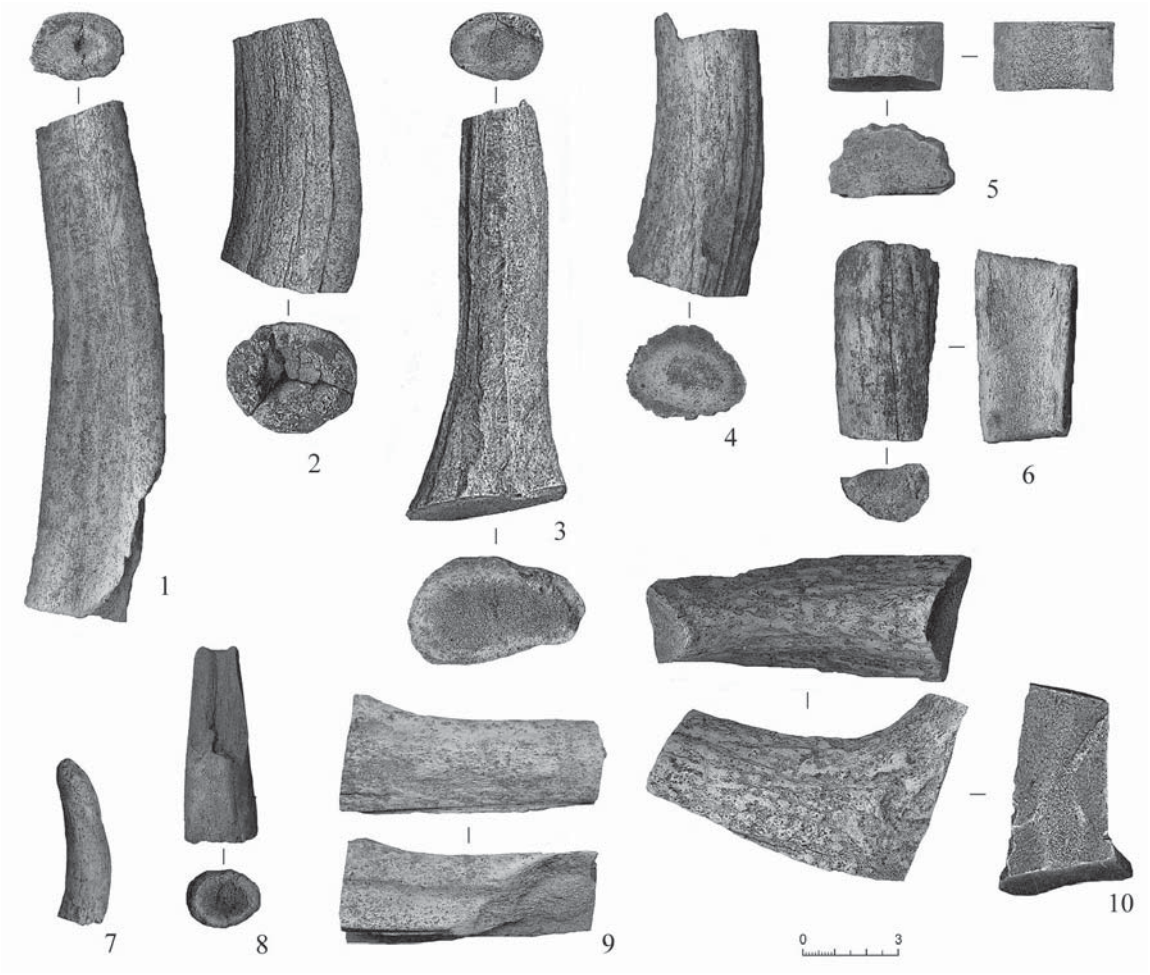


Рис. 20. Отростки и закраины рога со следами пиления (XVI – начало XVII вв.).

(изделию придавали нужную форму, обтачивая поверхность), на изделие наносился орнамент, и оно срезалось с заготовки. Либо центральная часть заготовки раскалывалась на крупные пластины подпрямоугольной формы, которые, в дальнейшем, или выпрямлялись и тоже обрабатывались на токарном станке, или использовалась первоначальная форма заготовки, а изделие обрабатывалось острым металлическим орудием (ножом) и шлифовалось абразивным материалом.

Таким образом, на основании полученного материала можно утверждать о наличии на исследованном участке позднесредневекового Смоленска 8 из 9 признаков косторезного производства. В ходе раскопок не обнаружены лишь специализированные орудия – детали токарного станка для нарезки и обточки изделий, тонкие металлические пилы, циркульные и другие виды токарных резцов.

К сожалению, небольшое количество находок не позволяет проследить всю технологическую цепочку изготовления поделок из цельного (плотного) рога. В коллекции представлены лопатки и спицы рога лося со следами пиления (рис.18-19), заготовки изделий – отпиленные отростки и боковые закраины рога лося и косули (рис.20), а также полуфабрикаты изделий (рис.21) – острие (игла?), стержень (возможно, костыльковая пуговица) и, предположительно, наконечник стрелы (томар).

Рис. 21. Полуфабрикаты изделий из цельного (плотного) рога (XVI – начало XVII вв.): 1 – острие (игла?); 2 – стержень (пуговица костыльковая?); 3 – наконечник стрелы (?) (томар).

Очевидно, что обработка кости и рога в позднесредневековом Смоленске носила уже не домашний, а массовый рыночный характер, поскольку, с одной стороны, отсутствуют штучные предметы уникальной формы со сложными техническими приемами обработки (резьба) и индивидуальным орнаментом, а с другой, имеется большое количество однотипных заготовок, готовых и бракованных изделий.

Кроме того, можно предположить, что жители исследованной усадьбы занимались одновременно косторезным и слесарным производством, остатки которого также обнаружены на данном участке (найдено 194 железные швейные иглы, 111 кольчужных колец, панцирная пластина, специализированный молоток для рубки и ковки металлической проволоки и другие слесарные инструменты).

Подобные примеры совмещения разных видов ремесла (в первой половине XVI в. – ювелирного и косторезного) отмечены при раскопках на территории Смоленска [2, с.78], а также других средневековых городов Московского государства.

Таким образом, состав костяных и роговых находок из раскопов 2004–2005 гг. указывает на наличие в XVI – начале XVII вв. на исследованной территории западной части Заднепровского посада Смоленска местного косторезного производства, ориентированного на массового потребителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Автор-составитель Н.А. Кренке. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12). М.: ИА РАН, 2009. – 524 с.
2. *Асташова Н.И.* Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы / Труды ГИМ. Вып. 82. М.: ГИМ, 1993. – С. 69-78.
3. *Бородовский А.П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 224 с.
4. *Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука, 1973. – 213 с.
5. *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. – 592 с.
6. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука, 1966. – 128 с.
7. *Меснянкина С.В.* Изделия из кости и рога // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н.А. Макаров; ИА РАН. Т. 2: Материальная культура и хронология / ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. – 365 с.
8. *Миненко В.В., Зоц С.А.* Исследования Деснинской экспедиции ИА РАН в Смоленске // АО – 2005 / Институт археологии РАН. М.: Наука, 2007. – С. 187-189.
9. *Пальцева Д.У., Шакиров З.Г., Худяков А.В.* Костяные предметы быта средневекового населения Биляра // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 1 (27). – С. 208-215.
10. *Сапожников Н.В.* Историческая топография древнего Смоленска [текст]. Смоленск: Свиток, 2016. – 192 с.
11. *Флёрова В.Е.* Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. – 352 с.
12. *Чубур А.А., Миненко В.В.* Археозоология позднесредневекового Смоленска (по данным раскопок 2004–2005 гг.) // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3: Сб. статей. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2008. – С. 42-52.

ИА РАН,
г. Москва

V.V. Minenko, I.N. Razumov
Bone and Horn Artefacts from Excavation at Zadneprovsky Suburb of Medieval Smolensk (Based on Excavation Held in 2004–2005)

The article deals with numerous bone and horn artefacts found during excavation in western side of Zadneprovsky suburb of Smolensk town in layers and sites of old Russian and later-medieval times. Remains of manor dated by the XVI – the beginning of the XVII centuries with a bone carving workshop in its territory were revealed. Broken and whole artefacts along with semi-products and wastes of production were found. The author analyses items of archaeozoological collection from medieval town, characteristics and technology of bone carving and describes basic artefacts and raw materials needed for their production.
Keywords: *Smolensk, XII–XIII centuries, XVI–XVII centuries, archaeozoological collection, bone carving workshop, bone and horn artefacts, needlecase, handle, scabbard mount, chess piece, dam, arrowhead, bent awl, ornament.*

УДК 94(47) ББК 63.3 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.168-179

Е.Л. КОНЯВСКАЯ

АНТИОРДЫНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ РУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIV В.

В статье проанализирована информация ранних источников об антиордынских выступлениях второй половины XIII – первой трети XIV в. Таковы события 1252 г., которые принято называть Неврюевой ратью; конца 1250-х годов в Новгороде – в связи с приходом туда ордынских «численников»; восстания 1262 г. в Ростове и других городах; затем 1289 и 1320 гг. в Ростове, наконец, в 1327 г. в Твери. Вспышки народного возмущения и спланированные антиордынские выступления случались не только в моменты, когда возможно было воспользоваться противоречиями во взаимоотношениях монгольских правителей, но и когда ситуация становилась совершенно нетерпимой для населения русских княжеств.
Ключевые слова: *антиордынские акции, Неврюева рать, восстание 1327 года в Твери*.

После Батыева завоевания и установления власти монголов над русскими землями наши предки должны были жить в новых реалиях, которые требовали их осмысления и – вынужденного приятия. Христианская интерпретация давала возможность видеть в таком положении Божие наказание за грехи[1]. Вместе с тем, целый ряд антиордынских выступлений XIII – начала XIV в. свидетельствует о том, что русские люди были внутренне готовы предпринять действия по устранению тяжкого иноземного гнета. При этом оказывается, что такое сопротивление, по словам и оценкам летописцев и книжников трактовалось, как угодное Богу, а, стало быть, воспринималось элитой и обществом как действия правомерные и одобряемые.

В период от взятия Батыем Киева в 1240 г. и до конца первой трети XIV века фиксируется ряд заметных антиордынских акций. Эти акции рассматривались в научной литературе – как отдельные исторические события, часть политической ситуации, в советский период – как народные движения. В «Очерках истории СССР» оценки роли князей в конкретных ситуациях антиордынских восстаний во многом повторяли положения, выработанные в отношении этих исторических фактов в историографии XIX века. Общая же характеристика антимонгольского движения оказывалась совершенно иной. Утверждалось, что «часть князей, бояр и церковников сравнительно скоро нашла общий язык с татаро-монгольской властью. Но антагонизм между побежденной страной, населенной свободолюбивым русским народом, и угнетателями-монголами непрерывно возрастал» [33, с.874]. Анализ фактов противостояния власти завоевателей прояснит причины и условия, при которых вспыхивали те или иные восстания.

Первым монгольским карательным походом в ответ на акцию неповиновения русских князей можно считать Неврюеву рать, которая пришла на Русь в 1252 году. Это были войска, отправленные монгольскими правителями[2], под командованием эмира Неврюя (Нюрына) против князя Андрея Ярославича. В Лаврентьевской ле-

[1] См. об этом работы: [27; 28].

[2] Согласно Житию Александра Невского Неврюй был послан Батыем [3, с.176], но Р.П. Храпачевский приводит данные, которые свидетельствуют о том, что Неврюй служил Менгу-каану [49, с.265-266].

тописи сказано: «здума Андрѣи князь Ярославич с своими бояры бѣгати, нежели цесаремъ служити», отказавшись повиноваться монгольской власти. Текст известия этой летописи невелик, подробности скрыты от нас:

«Здума Андрѣи кнѧ҃з Ꙗрослави҃ч . с своими боѧры . бѣгати нежели ц҃рмъ служити . и побѣже на невѣдому землю . со кнѧгынею своѥю . и с боꙗры своими . и погнаша Татарове в слѣдъ ѥго . и постигоша и оу города Переꙗславлѧ . Бъ҃ же схрани и и млт҃ва ѥго ѡц҃а . Татарове же россунушасѧ по земли . и кнѧгыню Ꙗрославлю ꙗша и дѣти изъимаша . и воєводу Жидослава ту оубиша . и кнѧг[ын]ю оубиша . и дѣти Ꙗрославли в полонъ послаша . и людии бе-щисла поведоша . до конь . и скота . и много зла створще ѿидоша» [37, стб. 473].

«Служити» здесь означает «подчиняться» и «состоять на службе» в самом общем плане [46, с.349]. Но употребление в данном случае множественного числа «ц҃рмъ» (а не единственного) подтверждает, что интерпретация данного текста А.Н. Насоновым является правильной: ситуация изменилась не в пользу Андрея Ярославича, так как на смену благоволившему к нему Гуюку ханом Каракорума стал дружественный Батыю Мунке [32, с.33], так что под цесарями имеет смысл понимать этих двух правителей.

Как можно видеть, в летописи подчеркивается, что князь Андрей сначала «думает», а потом и действует с боярами. Это неоднократное упоминание бояр может свидетельствовать о том, что рассказчик трактует действия русских как целенаправленные и продуманные, за которыми последовали столь же целенаправленные преследования. Преследования затронули не только Андрея, но и его младшего брата Ярослава Ярославича. Сообщается, что пострадали члены семьи Ярослава Ярославича, и это означает, что в глазах татар он был виновен, стало быть, действовал заодно с братом. У Переяславля между монгольскими войсками, которые возглавлялись тремя военачальниками, и русскими князьями была битва, которую последние проиграли. Андрей Ярославич бежит в Швецию, а позже, в начале 1253 г. («по Крещении») из своей отчины (Твери) во Псков бежит и Ярослав Ярославич.

В Лаврентьевской летописи об этих событиях говорится скупо и практически без оценок, но летописец заявляет, что, хотя татары и настигли князя Андрея, «Бъ҃ же схрани и и млт҃ва ѥго ѡц҃а». Использование подобной летописной формулы говорит о том, что позиция и действия Андрея вызывают у летописца сочувствие.

Развивая интерпретацию А.Н. Насонова, А.А. Горский предположил, что Андрей не поехал к Батыю (как это сделал его старший брат Александр Невский), не рассчитывая «на удачный исход поездки из-за благосклонности, проявленной к нему в 1249 г. правительством ныне свергнутой и умерщвленной великой ханши» [9, с.60].

Иное объяснение поведению Андрея Ярославича предложил Р.П. Храпачевский, приведя доводы в пользу того, что поступки князя могли быть вызваны планируемой переписью, объявленной ханом Менгу (а, возможно, до него и Гуюком) [48]. Русский князь предписание не выполнил и предпочел бежать. Тем не менее, это остается лишь предположением. Сомнения в его правомерности вызывает то, что в летописях такая причина карательной акции не называется, а говорится лишь об отказе «служить» Орде. Два рассказа – Лаврентьевской летописи и Московского свода конца XV века, содержащие различные фактические детали событий, должны были бы упомянуть о требовании переписи со стороны ханов, если таковые имели место.

Вскоре была проведена акция монголов по отношению к юго-западным княжествам Руси – поход Куремсы 1252 г. [12, с.38]. Андрея Ярославича и Даниила Галицкого объединяли родственные отношения и стремление действовать против

завоевателей[3]. А если учитывать их союзнические отношения и планы Даниила на совместные действия с Западом против Орды, объяснимо бегство Андрея Ярославича в католические страны. А.Н. Насонов отмечал, что в целом ряде летописей (в первую очередь, в Московском своде конца XV века[4]) сообщается, что Андрей Ярославич бежал от Неврюя в Швецию. Говорится, что после проигранной битвы, которая состоялась на «Бориш день» (15 мая или 24 июля), он бежит в Новгород, его не принимают, в Пскове он ждет супругу, едет в Колывань (Таллинн) и, оставив там жену – в Швецию[5]. «Местер же Свеиски срете его и прия его с честью» [42, с.141–142], после чего супруга приезжает туда же.

Летописные рассказы не содержат данных об организованном либо спонтанном сопротивлении Куремсе (Даниил Галицкий, скорее, уходил от непосредственных столкновений). Но из их информации можно понять, что монголы, как и ранее, стремились использовать враждебную настроенность определенных боярских кругов и болоховских князей по отношению к Даниилу Романовичу. Известно, что некий боярин Милей перешел на сторону татар, и в конце концов сдал им Бакоту. Переменчивую позицию занимал другой боярин – Андрей, по-видимому, управлявший Кременцом[6]. Когда Куремса подступил к Кременцу, он, оказавшись в руках ордынцев, сослался на некую «Батыеву грамоту», но это не только не возымело действия на татар, но и привело его к смерти: («и сердце его вырезаша») [38, с.828-829]. Тем не менее, Кременец не был взят монголами, что косвенно может свидетельствовать о том, что подобные колебания, лавирования и даже переход на сторону завоевателей части знати не поддерживались горожанами[7].

Акции Даниила Галицкого, предпринятые в 1255 г. («Данилъ воздвиже рать противу Татаромъ, сгадавъ съ братомъ и со сыномъ», повоевав подчиненные татарам земли и взяв города, «сѣдящіа за Татары» [38, с.838]), и скромные успехи предыдущего похода на Галицкие земли стали, по-видимому, причиной второй военной экспедиции Куремсы. Но особого успеха и этот поход не имел. Характерно, что Куремса, согласно летописи, предостерегал враждующего с Даниилом Изяслава Владимировича Новгород-Северского: «како идеши в Галичь. а Данило кнѧзь лютъ есть. wже w҃иметь ти животъ то кто тѧ избавить» [38, с.829]. Летописец Даниила гордо заявлял: «Данило же . держаше рать . с Коуремьсою . и николи же . не боѭсѧ Коуремьсѣ . не бѣ бо моглъ . зла емоу створити . никогда же Коуремьса». Но далее сам же признает: «донже приде . Боуранда. со силою великою...», который встал «на мѣстѣ*х* Коуремьсѣнѣ*х*» [38, с.846].

Войско Бурундая было сильным, Даниилу оставалось лишь избегать прямых столкновений[8]. Бурундай потребовал от Романовичей разрушить укрепления важнейших городов. Невредимым остался лишь Холм. Здесь можно отметить сюжет,

---

[3] Наличие политического союза и единой цели у Андрея Ярославича и Даниила Романовича оспаривается Е.Е. Ивановой [16].

[4] Правда, А.Н. Насонов ссылается не на этот летописный памятник, а на Новгородскую четвертую и Софийскую первую летописи, где ошибочно сказано, что Андрей был убит на чужбине (в Н4 – чудью, а в С1 – немцами).

[5] Эти факты имеют подтверждение в исландской саге («Сага о Хаконе Хаконарсоне»), см.: [13, с.170].

[6] Д. Домбровский не исключает, что Андрей был не боярином, а «мелким Рюриковичем, сидящем в восточной Волыни» [7, с.358].

[7] В связи с этим нельзя согласиться с мнением М.С. Грушевского, что на Киевщине развивалось народное движение, которое стремилось «скинувши с себе князівську власть, стати в безпосередні зносини до Татар» [11, с.84].

[8] Согласно М.С. Грушевскому появление Бурундая на Галицких землях нужно датировать 1258 годом [12, с.41-42].

который Н.Ф. Котляр характеризует как принадлежащий к «воинскому фольклору» [6, с.317]. Монголы принуждали Василька приказать сдать Холм. За его речами следили толмачи. Василько на словах требовал от обороняющихся сдаваться, но трижды метал камешки. Это дало понять осажденным, что действовать надо противоположным образом. В прекрасно укрепленном городе, пишет летописец, были «бояре добріи и люди добрыи». Татары, не взяв города, ушли от Холма.

Сопротивление Даниила Галицкого татарам не увенчалось освобождением от иноземной зависимости. Но очевидно, что именно такие планы были у Даниила Романовича, для этого он заключал союз с Андреем Ярославичем, вел переговоры с папой, пытался заручиться поддержкой Польши и Венгрии. Только такими смелыми планами можно объяснить поведение Андрея Ярославича и его брата Ярослава, которые не выполняли предписаний ханов.

Разумеется, эти события на юго-западе отличаются от выступлений в Северо-Восточной Руси, где случавшиеся вспышки неповиновения ордынской власти происходили на фоне понятных форм установившегося иноземного господства. В Галичине же и на Волыни позиции монголов были не столь определенны. Нет сведений о проведении там переписи [10, с.124-125], лишь один раз упоминается баскак, о дани до конца 80-х годов говорится только косвенно – в рассказе о поездке Даниила к хану («и дани хотѧть» [38, с.808]). В Галицко-Волынских районах, видимо, шел процесс окончательного подчинения земель монголам, и антиордынское движение зачастую выражалось в форме сопротивления этому процессу. Характерно, как отмечалось [26, с.21], что и галицкий, и волынский летописцы отличались особенной резкостью высказываний по отношению к монголам, употребляя определения: «нечестивый», «окаянный и беззаконный» и пр. Об участии галицких и волынских сил в военных компаниях Орды в летописях говорится с полным осознанием этих действий как вынужденной повинности: «поидоша неволею Татарьскою» [38, с.881].

В 1258 г. монгольские представители пришли в Новгород и стали просить «десятины тамгы» [10, с.72-73]. Александр Невский также приезжает в Новгород, уже зная, что там идут волнения и его сын-наместник Василий на стороне противников «числа». При приближении отца он бежал во Псков. Новгородцы «не яшася» на перепись, предпочтя откупиться дарами. Послы уехали, великий князь отправил Василия «в Низъ», а всех тех, «кто Василья на зло повелъ», наказал урезанием носа и выниманием очей.

В следующем году монгольские переписчики снова пришли в Новгород, уже «с женами своими, и инѣхъ много». Это вызвало еще более значительные антиордынские волнения и раскол в новгородском обществе. Переписчики «боялись смерти» и были вынуждены просить у Александра Невского «сторожей». Князь велел «стеречи их сыну посадничю и всѣм дѣтемъ боярьскымъ по ночемъ» [31, с.82]. Летописец явно на стороне тех, кто готов был умереть «честно за святую Софью и за домы ангельскыя»[9]. Татары же награждаются в Новгородской первой летописи нелестными эпитетами: «оканнии, сыроядци». Настроения в Новгороде были таковы, что, как явствует из летописи, и со сторожами татарские численники не чувствовали себя в безопасности, и были готовы бежать прочь, если им «дадут число». При этом летописец добавляет, что они хотят оставить Новгород, «гонимы Святымь Духомь». Таким образом, и в этой летописи сопротивление ордынской власти представлено как поддерживаемое Богом. Однако ордынцы добились нужного им результата благодаря консенсусу с боярством, с которым они согласовали принципы переписи (и соответственно выплат) на выгод-

[9] См. подробнее: [29, с.214-237].

ных для бояр условиях. Нельзя сбрасывать со счетов и поддержку численников Александром Невским. Характерно, что в Лаврентьевской летописи также есть рассказ о переписи в Новгороде, причем только в Лаврентьевской летописи говорится, что в Новгород едут несколько князей: Александр и Андрей Ярославичи, а также Борис Василькович Ростовский. О сопротивлении новгородцев здесь нет ни слова, напротив, по версии Лаврентьевской летописи, князья, после того, как численники «ищтоша» людей, уехали во Владимир, Александра же новгородцы задержали «и чтиша много. Олександръ же давъ имъ рѧдъ. и поеха с чⷣстью въ свою очину» [37, стб. 475][10]. Таким образом, северо-восточный летописец умалчивает о серьезных противоречиях, возникших в Новгороде в связи с «числом», которые князю Александру пришлось сводить к компромиссу, дважды приезжая в Новгород.

Ростовские летописцы сохранили рассказ о волнениях в 1262 г. в Ростове и Ростовской земле (Ярославль, Устюг), а также во Владимире и Суздале. В Лаврентьевской летописи говорится, «wкупахуть бо ти оканьнии бесурмане дани и w̃ того велику пагубу людемъ творѧхуть . роботѧще рѣзы и мⷩогы . дш̃и крⷣтьѩньскыѩ раздно ведоша», то есть дань была непомерно большой, а за долги русских людей уводили в рабство. Крайне раздражало горожан и то, что монгольские чиновники стали поддерживать христиан-отступников, принявших ислам и начавших бороться против христианской церкви. Так, гнев восставших был направлен против «окаянного лишеника» бывшего монаха Изосимы, который, согласно характеристике летописца, был носителем всевозможных греховных пороков и допустил поругание «крⷣту и ст̃мъ цр̃квамъ» [37, стб. 476].

Летописи констатируют, что восстание было организовано вечем, князья не упоминаются, но Устюжский летописец в известии этого года[11] говорит о некоей княжеской грамоте, которая подавала сигнал к восстанию: «и прииде на Устюг грамота от великаго князя Александра Ярославича, что Татар бити» [44, с.70]. Хотя это сообщение содержится в Устюжском летописце в рамках предания о любви ясащика (сборщика дани) Буги и «крестьянской девицы», что привело к переходу татарина на сторону русских и принятию им крещения, эти припоминания могли иметь под собой реальную основу. Учитывая, что восстания вспыхнули сразу в нескольких городах, едва ли можно думать об их спонтанности. Историки отмечали, что участники акции рассчитывали использовать противоречия между монгольскими центрами – имперским Каракорумом и ханским Сараем. Если учесть и интерпретации более поздних летописей, то можно понять, что откупщики из Каракорума выкупали невыплаченную дань у сарайских татар, а при взимании долгов (и видимо, процентов) чинили произвол[12]. Восставшие предполагали, что изгнание чиновников великого хана Хубилая вызовет спокойную реакцию его соперника Берке[13]. Сам по себе такой расчет

---

[10] В новгородской летописи задержке князя в городе дается иное объяснение: он задержался, оставляя наместником сына Дмитрия и устанавливая с ним «ряд» новгородцев.

[11] За XIII век в Устюжском летописце обнаруживается местный уникальный материал. Но этот эпизод часто трактуется как «полностью вымышленный». Дж. Феннел безапелляционно утверждал, что «князья, и в том числе, конечно, Александр, не вдохновляли, не возглавляли и не поддерживали народное движение» [48, с.79].

[12] В целом ряде летописей есть такое пояснение: «откупахуть бо окаянніи дань татарьскую» [35, с.237; 41, с.72; 43, с.93] или «откупахуть бо оканнии Бесерменя дань у татар» [42, с.144].

[13] Г.В. Вернадский, однако, высказывал убеждение, что сборщики-откупщики не могли действовать от лица Хубилая, поскольку «ввиду того факта, что в 1262 г. путь из Китая на Русь все еще был прегражден Ариг-Бугой, трудно представить себе, что кому-либо из доверенных лиц Хубилая удалось бы добраться до Руси». Кроме того, исследователь полагал, что «в любом случае, независимо от того, кто послал сборщиков налогов в Суздальскую землю в 1262 г., Берке имел право на большую долю

означает запланированность восстаний, и, стало быть, участие в них князя, который обладал как необходимой информацией о делах монголов, так и ресурсами для координации действий [32, с.52]. Акция представлена как победоносная, статья начинается со слов: «Избави Б҃ъ ѿ лютаго томленья бесурменьскаго. люди Ростовьскія землѧ. вложи ярость въ ср҃дца кр^сьяномъ...», – и далее: «видѣвше же члв҃колюбець Б҃ъ послуша моленья Мтрнѧ. избави люди своя ѿ великъıя бѣдъı» [37, стб. 476]. Откупщиков изгнали, «иныхъ избиша». Действительно, карательной экспедиции не последовало, но ряд историков [47, т. 3, стб. 842; 17, с.934; 34, с.57; 5, с.46] трактовали этот факт как результат поездки в Орду Александра Невского, который приложил большие усилия, чтобы утишить гнев хана[14] и не допустить наказания восставших городов. Однако А.Н. Насонов привел основательные доказательства тому, что причина поездки князя была другой: «Бѣ же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ, веляще с собою воиньствовати. Князь же великый Александръ поиде к цареви, дабы отмолити людии от бѣды тоя» [3, с.177], – говорится в Житии Александра Невского. Как показано ученым, это свидетельство раннего памятника подтверждается и летописным материалом [32, с.52–53].

Поздний источник – Житие Пафнутия Боровского, написанное в начале XVI в. Вассианом Саниным (братом Иосифа Волоцкого), также доносит до нас смутные и искаженные упоминания о некоей победоносной акции, осуществленной избежавшими гибели при Батыевом нашествии «благочестивыми самодержцами» (русскими князьями), которые собрали на «совет» христианский народ и приняли решение предавать смерти «агарянского безбожия началниковъ», если они не перейдут в христианскую веру. Предок Пафнутия («дед»), баскак, крестился и «Мартынъ нареченъ бысть» [15, с.105]. По поводу времени этого восстания в Житии говорится лишь то, что оно произошло после смерти Батыя.

Под 1289 г. в Московско-Академической летописи имеется краткое сообщение о том, что в Ростове изгнали татар (как и в 1262 г., вечем) и ограбили их, когда на стол сел Дмитрий Борисович: «сяде Дмитрии Борисовичь Ростовѣ. Тогда же бѣ много Татар в Ростовѣ. И изгнаша их вѣчѣм, и ограбиша их. Того же лѣта кн҃зь Костѧнтинъ иде въ Ѡр^дꙋ....» [37, стб. 526]. По-видимому, ростовцы следили за конфронтацией между Ногаем и сарайскими ханами (первый этап противостояния длился до 1291 г. – восшествия на сарайский стол Тохты). При этом одновременно шла борьба между князьями, ориентировавшихся на разные силы в Орде. В частности, Дмитрий Борисович, владевший Угличем, отнял ростовский стол у своего младшего брата Константина Борисовича. Были ли эти многочисленные татары сторонниками Ногая или Телебуги – вопрос не совсем ясный, но очевидно, что горожане сумели воспользоваться шаткостью ситуации. При этом, имея опыт восстания 1262 года, которое карательных последствий не имело, они, как можно предположить, и в этот раз были уверены в том, что карательная экспедиция им не грозит. Показательно, что после этих событий Константин Борисович поехал в Орду. Если предполагать,

---

в собранных деньгах» [5, с.167]. А.А. Горский обратил внимание на то, что под 1266 г. в Троицкой летописи (как, впрочем, и в других летописях, отражающих раннее летописание) после сообщения о смерти Берке говорится, что была «ослаба Руси отъ насилья бесерменъ», и заметил, что «имеются в виду те же откупщики» [10, с.139, примеч. 4]. С.А. Маслова полагает, что сегодня «нельзя однозначно сказать, какую администрацию, имперскую или золотоордынскую, представлял приехавший на Русь титям» [30, с.53], под покровительством которого действовал Изосима.

[14] Н.М. Карамзин называет имя Берке (хотя он говорит и об избавлении от участия в войне как еще одной цели поездки Александра [19, с.56]), С.М. Соловьев и В.С. Иконников [16, с.934; 46, с.842] имени хана не называют.

что целью его поездки было – жаловаться на брата, то успеха поездка не принесла. О последствиях восстания 1289 г. в летописях ничего не говорится.

Так или иначе, очевидно, что восстания 1262 и 1289 гг. в Ростове и других городах совпадали с моментами нестроений в Орде и Монгольской империи.

Лишь отчасти к акциям неповиновения можно отнести курские события 1289–1290 г., связанные с баскаком Ахматом. Весьма подробный рассказ в Лаврентьевской (с утраченным началом) и Симеоновской летописях сообщает, что баскак Ахмат откупил у «татар» (у сарайского хана Телебуги[15]) «дани всякиа и тѣми даньми велику досаду творяше княземъ и чернымъ людемъ въ Курскомъ княжении». Кроме того, он основал там две слободы, заселив их людьми, которые стали подвластными непосредственно баскаку. Эти зависимые от Ахмата люди «насилие творяху христианом, сущимъ Курскыя волости, около Воргола и около Рылска пусто створиша» [41, с.79]. Как можно видеть, здесь не говорится прямо о возмущении людей и, тем более, о каких-то их антиордынских действиях. Также и князь же Олег Рыльский и Воргольский не применяет силу против баскака, а едет к Телебуге с жалобой на Ахмата, заручившись поддержкой князя Святослава Липовичского. Как показано В.А. Кучкиным, Телебуга разрешил спор в пользу Олега, поскольку Ахмат нарушил правило, поселив в слободах людей с той же территории (Курской земли), где слободы и располагались [34, с.45-46]. В дальнейшем после нападения Святослава на слободы Ахмата Олег понуждает и Святослава ехать в Орду: «поиде в Орду, отвечаи». Нападение же Святослава на Ахматовых братьев сам летописец и в его повествовании Олег называют разбойным. И хотя Святослав говорит о братьях Ахмата как будто бы знаковые слова: «то суть мои ворози» [41, с.81], действия русских князей носят, скорее, некий межклановый характер. Летописец же, однозначно обличая Ахмата, который, по его словам, «злохитръ и велми золъ» [41, с.79], и жестокие действия ордынцев, осуждает и враждующих князей.

Глухо в летописи сказано о восстании 1320 г.: «того же лѣта быша зли Татаровѣ в Ростовѣ, и собравшесѧ людіє изгониша и^{х} из града» [37, стб. 530]. Сходный текст читается и в Летописи Авраамки [40, стб. 62]. А.Н. Насонов высказывал мысль, что Ахмылова рать, пришедшая на Русь через два года, и была карательной экспедицией, вызванной этой акцией [32, с.107–108; 5, с.57]. Однако подобная связь не очевидна, ибо в таком случае реакция Орды на восстание выглядит слишком запоздалой, при том, что серьезных войн Золотая Орда в те годы не вела.

Известно, что в Орде были казнены князья Михаил Всеволодович Черниговский, Андрей Мстиславич Рыльский, Михаил Ярославич Тверской, Дмитрий Михайлович Тверской и др. Был отравлен монголами Ярослав Всеволодович, возможно, планы по умерщвлению или некоем «вечном пленении» вынашивались и относительно Александра Невского [45, с.77–78]. В одних случаях письменные источники дают подробные рассказы о гибели князей, в других – глухие сообщения. Тем не менее, суммируя такие факты, можно понять, что хотя поступки этих князей, как правило, не были связаны с организацией вооруженного сопротивления ордынской власти, но политический потенциал и ресурсы, которыми они обладали, вызвали у иноземных правителей явные опасения.

В 1327 г. произошло антиордынское восстание в Тверском княжестве, в ходе которого против татар действовали и горожане, и князь с вооруженной дружиной.

Восстание случилось 15 августа 1327 г. и было вызвано, как утверждают источники, действиями ханского посла Чол-хана (в русских источниках Шевкал,

[15] См. об этом подробно: [25, с.5-57].

Щелкан), который выгнал князя Александра Михайловича Тверского из его резиденции, и сам «ста на князя великого дворѣ съ многою гръдостию и яростию». Его многочисленный отряд «въздвиже гонение велико на христианы насилством и граблением и битием и поруганием» [39, стб. 43]. Горожане неоднократно приходили к князю с жалобами и просьбой «оборонить» их от насилий.

Согласно Первой повести о Шевкале, читающейся в тверских летописях [24, с.83–96], терпению народа пришел конец в праздник Успения Богородицы, когда собирался широкий торг. Ордынцы попытались отнять у дьякона Дудко молодую тучную кобылицу. Известно, что духовенство со стороны монголов, по крайней мере, в мирное время не притеснялось – не облагалось данью и не подвергалось поборам. Дьякон призвал на помощь «мужей тверских», началась схватка, татары применили оружие. Колоколом тверичи собрали вече, и началось избиение ордынцев, какие только были в городе. Рассказчик подчеркивает, что смерти предавались все ордынцы – «по ряду», «где котораго застропивъ». Не пощадили и «гость ихъ хопыльскии»[16], то есть ордынских купцов.

Это повествование о «Шевкале» дошло до нас в Рогожском летописце и Тверском сборнике. Но еще в одном летописном памятнике, восходящем к той же летописной традиции, так называемом Музейском фрагменте (ГИМ. Муз. № 1473), читаются практически совпадающие с текстом вышерассмотренной повести начальная часть (о замыслах Чол-хана и приходе его на Русь) и информация о карательной экспедиции. Рассказ о бесчинствах Чол-хана и восстании отсутствует, вместо него лаконично сообщается: «Беззаконныи же Шевканъ приемъ отвѣт от царя и поиде в Русь со многими Татары и прииде во Тверь. В лѣта 6835. Мало днии пребывшу ему, много зла сотвориша христианомъ. Сего же не терпяще христиане, имша и, убиша, а иныя огнемъ пожгоша» (Л. 150). Возможно, мы имеем дело с сокращением текста, но более вероятно, что «народный» рассказ о восстании был вставлен (либо заместил иной текст) в протограф Рогожского летописца и Тверского сборника. Характерно, что именно с этим отсутствующем в Музейском фрагменте повествованием обнаруживается связь одного из вариантов Песни о Щелкане. Загадочный Дютькозлять (Дютько Злять?) не может не напоминать Дюдко / Дудко в Рогожском летописце и Тверском сборнике, инцидент с которым, согласно их версии, послужил поводом для начала восстания. Есть и иные сюжетные переклички [1; 2]. Таким образом, возможно, одно и то же устное предание могло послужить основой для письменного рассказа и фольклорного памятника.

Другой источник (Вторая повесть о Шевкале, сохранившаяся в псковских летописях) показывает, что антиордынское выступление возглавил Александр Михайлович Тверской, который собрал вооруженный отряд (а не только дружину, т.к. сказано, что он «созва тверичи») и победил Чол-хана. Последний «съ дружиною своею» спрятался в княжеском дворце, но князь поджег сени дворца, где татарский посол, «сгорев, пропаде».

В Новгородской первой летописи говорится, что татары были побиты и по «иным городам». Эта информация косвенно подтверждается тем, что последующая карательная экспедиция (Федорчукова рать) «Тверь и вся гради огнемъ пожгоша», отдельно упоминается Кашин и даже Новоторжская волость. На Тверские земли были отправлены 5 «темников великих», трое из них названы поименно: Федорчук, Туралык, Сюга. С татарской ратью шел со своими войсками и московский князь Иван Данилович Калита. Согласно данным, приведенным Г.В. Вернадским, многие плененные тогда тверичи были угнаны и оказались потом в Китае: в 1331 г. канцлер

[16] В Новгородской первой летописи так же читается: «и торговци гость хопыльскыи исѣче» [31, с.98].

Эль-Тимур отдал императору 2500 русских пленников [5, с.207]. О тяжелых последствиях этих событий для Ростовской земли говорится в Житии Сергия Радонежского. Родители Сергия обнищали «частыми хоженьми еже съ княземъ въ Орду, частыми ратми татарьскыми еже на Русь, чястыми послы татарьскыми, чястыми тяшъкыми данми и выходы», но еще более, когда пришла «великаа рать татарьскаа, глаголемаа Федорчюкова Туралыкова» [21, с.303]. Московские же летописцы характеризовали последующие за нашествием годы, как годы «тишины»: «бысть оттолѣ тишина велика на 40 лѣтъ, и престаша поганіи воевати Русскую землю и закалати христіанъ, и отдохнуша и починуша христіане от великіа истомы и многыа тягости, отъ насиліа татарскаго, и бысть оттолѣ тишина велика по всеи земли» [41, с.90][17].

Летописные свидетельства того, что в 1327 г. акции имели место в разных городах Тверского княжества, бегство от карательной экспедиции всех членов тверского княжеского дома позволяют делать вывод о том, что были если не конкретные планы, то, по крайней мере, готовность к антиордынским действиям [23, с.229–230]. Однако, в отличие от вышерассмотренных ситуаций в Ростове, нестроений в Орде в это время не было, положение хана Узбека было стабильным, и при всем обилии источников остается неясным, на что могли рассчитывать в Твери, если это была не спонтанная вспышка, а планируемая акция.

В этом отношении восстание по-разному трактовалось уже в ранней историографии. Первый исследователь древней Твери историк-любитель Д.И. Карманов поступок тверских князей расценивал как геройский, который в «другое время был бы великой похвалы достоин, а теперь он имел пагубные следствия как для Тверской области, так и для князя Александра Михайловича» [20, с.68]. Примерно в том же ключе трактовал ситуацию Н.М. Карамзин, называя Александра «юным и легкомысленным», а восстание – «делом, внушенным отчаяньем» [19, с.125–126]. С.М. Соловьев так же полагал, что князь «необдуманным поступком погубил себя и все княжество свое» [47, с.918]. В.С. Борзаковский учитывал информацию только одной летописной версии событий и считал восстание исключительно народным [4, с.124–128]. А.Е. Пресняков справедливо отмечал, что после событий 1318–1325 гг. Узбек потерял доверие как к московским, так и к тверским князьям, и хотя Александр и получает ярлык, «гневное недоверие Золотой Орды сказалось в посылке на Русь царевича Щелкана Дюденевича, двоюродного брата хану Узбеку... Щелканов приход имел целью терроризировать русский улус и восстановить на месте грозу ханской власти» [34, с.137]. Однако активную роль Александра Михайловича в восстании он отрицал.

Практически не рассматривалась возможность активной роли князя в событиях 1327 года и в советской историографии. В частности, Л.В. Черепнин писал, что Александр Михайлович выбрал тактику выжидания: «он воспользуется плодами восстания, если оно будет удачно, но он и отведет от себя гнев хана, в случае провала движения» [50, с.39]. Однако на какого рода удачный исход мог рассчитывать князь? И почему же эта тактика не отвела от него гнев хана?

О восстании и роли в нем князя писали и зарубежные исследователи. Дж. Феннел полагал, что приход Чол-хана был спланированной ордынской провокацией [51, p. 105-109]. Ч. Гальперин, оценивая позицию Александра Михайловича, высказывал мысль, что «для князей Рюриковичей было просто непристойно связываться с неконтролируемой жестокой толпой простолюдинов на вече» [8, с.108]. Э. Клюг показал, что

[17] Это дало основания В.Л. Егорову посчитать, что восстание заставило татар в дальнейшем «искать и вырабатывать новые основы поддержания своего властвования на Руси» [14, с.206].

две Повести дают картину, отнюдь не исключающую версии друг друга. Он заключил, что Александр Михайлович восстание не планировал, но «когда борьба уже началась, князь ни в коем случае не мог позволить себе остаться в стороне от нее» [22, с.117].

Действительно, анализ всех источников о восстании дает возможность говорить о том, что роль Александра Михайловича в этих событиях была существенной. Возможно, поведение Чол-хана вызывало у тверичей реальные опасения, что он, сместив князя, собирается стать правителем Твери (как уже говорилось, Чол-хан с его свитой занял княжеский дворец, чинил самоуправство, притеснял горожан), поскольку различные, не зависимые друг от друга источники (две Повести о Шевкале, Историческая песня о Щелкане) дают одну и ту же трактовку цели, которую преследовал Чол-хан и Орда в целом, когда «сильный» посол отправлялся в Тверь. Согласно источникам, он идет на Русь, чтобы князя «избить», истребить христианство и самому сесть на княжении. В Первой повести читаем: «за оумножение грѣх ради наших Богу попустившу диаволу възложити злаа въ сердця безбожным Татаром глаголати безаконному царю: “Аще не погубиши князя Александра и всѣх князии роусскых, то не имаши власти над ними”. И безаконныи и треклятыи всему злу началникъ Шевкалъ, разоритель христианскыи, отверзъ скверная своя оуста, начат глаголати, диаволом оучимъ: “Господине царю, аще ми велиши, азъ идоу въ Роусь и разорю христианство, а князя ихъ избию, а княгини и дѣти к тебѣ приведу”. И повелѣ ему царь сътворити тако. Безаконныи же Шевкал, разоритель христианскыи, поиде въ Роусь съ многыми Татары и прииде на Тфѣрь и прогна князя великого съ двора его, а сам ста на князя великого дворѣ съ многою гръдостию и яростию. И въздвиже гонение велико на христианы насилством и граблением и битием и поруганием» [39, стб. 45]. Во Второй повести, созданной в окружении Александра Михайловича в бытность его во Пскове, о целях Чол-хана говорится: «они наѣхали многою силою, велико насилие почаша творити, а князя Александра и братию его побити хотяще; а самъ хотѣ сѣсти во Твери на княжение; а иная князья посажати по инѣмъ градомъ по руским, хотяще привести християнъ в бесъсерьменьскую вѣру» [36, с.16]. Сюжет Исторической песни о Щелкане Дюдентьевиче весьма отличен от книжных нарративов, но и здесь в начале обнаруживается сходство мотивов: хан Азвяк Таврулович одаривает шуринов русскими «городами стольными»: Плесом, Вологдой и Костромой. Щелкан просит Тверь [18, с.48-51]. Очевидно, что в реальности таких планов в Орде не было, что ясно из последствий Федорчуковой рати: Тверская земля была разорена, но в его столице и городах по-прежнему княжили тверские князья. Однако факт того, что Чол-хан выгнал Александра Михайловича из княжеского дворца и расположился там со своими приближенными, а также вызывающее поведение ордынцев стали причиной преувеличений планов Орды. Все это, видимо, привело к вооруженному сопротивлению ордынцам. Возможно, для Александра Михайловича был важен и пример его отца, великого князя Михаила Ярославича, одержавшего победу над Юрием Даниловичем Московским, который выступил против тверского князя, поддерживаемый татарским отрядом Кавгадыя. Пусть за этим последовала трагическая гибель Михаила, сам факт такого успеха на поле брани, безусловно, психологически много значил.

Можно заключить, что надежда освободиться от иноземного владычества владела русскими людьми и в XIII, и в XIV в. – задолго до объединенного выступления против войск Мамая. Вспышки народного возмущения и спланированные антиордынские выступления случались не только в моменты, когда возможно было воспользоваться шатким положением, противоречиями во взаимоотношениях монгольских правителей, но и когда ситуация становилась совершенно нетерпимой для населения русских княжеств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азбелев С.Н.* Летописный факт и ранняя историческая песня // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. – С.18-22.
2. *Азбелев С.Н.* Историческая песня о тверском антиордынском восстании 1327 года // Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси. Тверь, 2007. – С.111-116.
3. *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л.: Наука, 1965. – 232 с.
4. *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. – 434 с.
5. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь: Леан; М.: АГРАФ, 1997. – 480 с.
6. Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарии. Исследование / Сост. Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин; Под ред. Н.Ф. Котляра. СПб.: Алетейя, 2005. – 424 с.
7. Галицко-Волынская хроника (Хроника Романовичей) / Д. Домбровский, А. Юсупович. Краков; Варшава, 2017. Памятники истории Польши. Новая серия. Т. 16. – 710 с.
8. *Гальперин Ч.* Татарское иго: образ монголов в средневековой России / Пер. М.Е. Копылова: под ред. Ю.В. Селезнёва. Воронеж, 2012. – 230 с.
9. *Горский А.А.* Александр Невский – герой или коллаборационист? // Горский А.А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М.: Языки славянской культуры, 2001. – С.41–61.
10. *Горский А.А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). – С.58–79.
11. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Львов, 1905. Т. III. – 588 с.
12. *Грушевський М.* Хронологія подій Галицько-волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. – С. 1–72.
13. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. 5. Древнескандинавские источники. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 384 с.
14. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. – 245 с.
15. Жития и чудеса святых в древнерусской письменности: Тексты, исследования, материалы / Отв. ред. М.С. Крутова. М.: ПСТБИ, 2002. – 224 с.
16. *Иванова Е.Е.* К вопросу об ордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). – С. 37-48.
17. *Иконников В.С.* Опыт русской историографии: В 2 т. Киев, 1908. Т. II. Кн. I. – 1113 с.
18. Исторические песни / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М., 2001. – 526 с.
19. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. СПб., 1842. Т. 4. – 186 с.
20. *Карманов Д.И.* Собрание сочинений относящихся к истории тверского края. Тверь, 1893. – 197 с.
21. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М.: Языки русской культуры, 1998. – 568 с.
22. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. – 352 с.
23. *Конявская Е.Л.* Тверь в литературных памятниках периода независимости княжества: власть и народ // Славянский мир: общность и многообразие. Тверь, 2009. – С. 227–236.
24. *Конявская Е.Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М.: Свой круг, 2007. – 400 с.
25. *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. I. М., 1996. – С. 5-57.
26. *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. – С. 15–69.
27. *Лаушкин А.В.* Идеология «ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. – С. 24–31.
28. *Лаушкин А.В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. М., 2002. Вып. 10. – С. 211–224.

29. *Лукин П.В.* Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. – 608 с.
30. *Маслова С.А.* Роль центральной администрации в организации монгольской власти на Руси // Исторический вестник. 2018. Т. 25. – С. 40-57.
31. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. – 642 с.
32. Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 180 с.
33. Очерки истории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. III. Ч. 1. – 985 с.
34. *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. – 459 с.
35. *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста / Под ред. и с предисл. К.Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. – 515 с.
36. Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I. – 256 с.
37. ПСРЛ. Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1926–1928. Т. I. Вып. 1–3. – 580 с.
38. ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. – 648 с.
39. ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 15. – 432.
40. ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. – 320 стб., 70 с.
41. ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. – 321 с.
42. ПСРЛ. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1949. Т. 25. – 464 с.
43. ПСРЛ. М.: Наука, 1965. Т. 30. – 239 с.
44. ПСРЛ. Л.,: Наука 1982. Т. 37. – 228 с.
45. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос.изд-во геогр. литры. 1957. – 272 с.
46. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Азбуковник, 2016. Т. XI. – 744 с.
47. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., Изд. 2-е. 1851. Книга первая. Т. I–V. – 1726 стб.
48. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси 1204–1304. М.: Прогресс, 1989. – 296 с.
49. *Храпачевский Р.П.* Экономическая составляющая «Неврюевой рати» (по монгольским источникам) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. М.: ИВИ РАН, 2013. – С. 264–268.
50. *Черепнин Л.В.* Источники по истории антимонгольского восстания в Твери в 1327 году // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. – С. 37–53.
51. *Fennell J.* The Emergens of Moscow, 1304–1359. Berkley; Los Angeles, 1968. – 352 p.

ИРИ РАН,
г. Москва

E.L. Konyavskaya

The Anti-Horde Actions of Rus' in the Second Half of the 13th – the First Third of the 14th Century

The article brings to light the early sources data of the anti-Horde actions in the second half of the 13th – the first third of the 14th century. That was the events of 1252, the so-called «Nevriuev» host; the events of the end of 1250s because of Horde «chisleniki» coming to Novgorod, the uprising in Rostov and some other towns in 1262, the events of 1289 and 1320 in Rostov and finally in Tver' in 1327. The outbreak of popular indignation and planned anti-Horde performances happened not only in the moments when it was possible to use the differences in the relations between the Mongol rulers, but when the situation became absolutely intolerable for the population of the Russian principalities.

Keywords: *anti-Horde actions, «Nevriuev» host, uprising in Tver' in 1327.*

УДК 94(470.3).03 + 930 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.180-190

С.В. ГОРОДИЛИН

«ВСИ КНЯЗИ СУЖДАЛЬСТIИ»: К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ СОЮЗНИКОВ И ПРОТИВНИКОВ КНЯЗЯ МИХАИЛА ЯРОСЛАВИЧА В КОНЦЕ 1317–1318 ГГ. ЧАСТЬ I

В статье рассматривается вопрос о сторонниках боровшихся между собою в 1317–1318 гг. князей Юрия Даниловича и Михаила Ярославича, которых летописная формула обозначает как «все князи суздальские». Анализу подвергается сложившаяся историографическая традиция и источниковая база. Наблюдения над давно известными, а также некоторыми ранее не привлекавшимися источниками позволяют сделать ряд предположений о составе сторонников двух претендентов на лидерство в Северо-Восточной Руси и о той роли, которую представители ее элит играли в развернувшейся борьбе между московскими и тверскими князьями.
Ключевые слова: *XIV век, Тверь, Москва, великое княжение Владимирское, Михаил Тверской, политическая история, летописание, средневековая Русь.*

Драматичные события 1317–1318 гг., когда московский князь Юрий Данилович добился передачи ему великого княжения, которое затем сумел удержать в острой военно-политической борьбе, завершившейся казнью его соперника Михаила Ярославича, а в перспективе – и закреплением за Москвой лидерства среди княжеств Северо-Восточной Руси, по праву воспринимаются как один из ключевых сюжетов не только тверской, но и, пожалуй, всей русской средневековой истории. Что весьма редко для отечественного Средневековья, это привлекшее общее внимание столкновение источники освещают достаточно подробно и разносторонне: помимо известий ранних летописей, представляющих летописные традиции различных политических образований, имеется и такой уникальный памятник, как написанная, согласно выводам исследователей, чрезвычайно информированным очевидцем Повесть о Михаиле Тверском (далее Повесть), которая полностью посвящена событиям противостояния, закончившегося гибелью ее героя – великого князя Михаила Ярославича [1, стб.36-40; 2, с.95-96; 3, с.88-89; 4, с.116-163; 5].

И для современников, и для потомков, а позднее и для историков драматизм случившегося способствовал тому, чтобы восприятие и интерпретация конфликта основывались на формируемых нарративом образах глав противоборствующих сторон – Михаила и Юрия – кто прав, храбр и благороден, а кто коварен, злопамятен и жесток, кто лучше защищал цели и интересы будущего *объединения русских земель*, кто из них был более *протатарски* или *антитатарски* настроен, на чьей стороне в конечном итоге *историческая правда*. Следует, однако, отметить, что, сколько бы впоследствии не тратилось черной и белой красок на создание образов, реальное течение борьбы, ее события и результаты вопреки представлениям аудиторий эпического фольклора и летописного и агиографического нарратива определялись не одними лишь личными качествами двух сошедшихся на переговорах у Костромы, чуть позже – в Бортеневской битве, а спустя год – в судебном поединке в ставке хана князей. Важнейшую роль в каждый конкретный момент противостояния играло отношение к этим князьям в элитах входивших в систему великого княжения Владимирского политических образований. Одним из решающих факторов при формировании военного

и политического потенциала претендентов на великое княжение была их поддержка среди боярства великокняжеских земель и в княжествах Северо-Восточной Руси. От влияния там конкретного князя, от его реальных возможностей для установления контроля над территорией великого княжения и над Новгородом, для признания его лидерства остальными князьями и для получения от них действенной военной помощи, для эффективной организации сбора ордынской дани и мобилизации дополнительных финансовых ресурсов непосредственно зависел и конечный результат соперничества за обладание властью над Владимиром. Поэтому вопрос о том, кто и почему в 1317 г. был готов поддерживать политически и защищать оружием права великого князя Михаила, а кто – претензии Юрия, представляется интересным и важным – особенно с учетом той роли, которую итог этого их соперничества сыграл в истории русского Средневековья.

Отечественная историография, фокус внимания которой был традиционно обращен на ход борьбы московских князей за великое княжение и на *причины возвышения Москвы*, уделяла серьезное внимание предыстории рассматриваемого конфликта, его общему ходу и основным последствиям, но значительная часть его деталей достаточно долгое время не становилась предметом специального разбора. Возможность постановки проблемы, которой посвящена данная статья, открылась благодаря исследованиям В.А. Кучкина, выявившего и опубликовавшего наиболее раннюю редакцию «Повести о Михаиле Тверском» и определившего особую значимость данного источника, а в работе о великокняжеских договорных грамотах внесшего важные дополнения в чтения текста новгородско-московско-тверского докончания 1318 г. и серьезные коррективы в представления о его датировке и о хронологии предшествовавших подписанию этого акта событий 1317–1318 гг., а также уточнившего их характер и содержание [5; 4; 6, с.10-67]. В связи с этим нам возможно ограничиться лишь кратким изложением событийной канвы.

Московский князь Юрий Данилович, не сумев в 1304–1305 гг. добиться для себя ярлыка на великое княжение вместо старшего среди потомков Ярослава Всеволодича князя Михаила Тверского, возобновляет борьбу после воцарения в Орде Узбека. Юрий попытался воспользоваться плохими отношениями Михаила с новгородцами. Впрочем, великое княжение по-прежнему осталось за Михаилом Ярославичем, а контроль над Новгородом тот сумел восстановить при поддержке ордынского посла Тайтемира. Хотя значимых успехов достичь не удавалось, князь Юрий продолжал действовать. Наконец, в конце весны – начале лета 1317 г. он прибывает из Орды в Кострому вместе с «силным послом» Кавгадыем, который был уполномочен Узбеком возвести незадолго до этого ставшего ханским зятем Юрия Даниловича на владимирский стол. Подошедший навстречу сопровождаемому Юрием представителю хана Михаил после переговоров соглашается уступить московскому князю великое княжение при условии неприкосновенности своей отчины[1]. Распустив войско, тверской князь «с домочадци своими» возвращается от Костромы в родную Тверь и укрепляет город. Юрий и Кавгадый спустя определенное время также начинают движение от Костромы в сторону Тверской земли – через Ростов, Переяславль (причем говорится о том, что по пути они творят «много зла») и Дмитров к тверскому Клину, а затем останавливаются в новгородском Волоке. Их попытка согласовать свои дальнейшие действия с новгородским войском, которое было специально вызвано Юрием для совместного наступления на Тверь, не удалась. Безуспешно ждавшие в Торжке вестей от нового

[1] Как отметил В.А. Кучкин, это условие упомянуто лишь в Повести о Михаиле Тверском [6, с.51, прим.109; 4, с.134].

великого князя новгородцы начали воевать пограничные тверские волости, были быстро разбиты решительным ударом Михаила, и в итоге оказались вынуждены заключить с тем мирное соглашение. Юрий же приступает к разорению тверских земель на правом берегу Волги. Переговоры пытающегося прекратить это Михаила с Кавгадыем не дали результата, после чего тверской князь, посоветовавшись со своим епископом, князьями и боярами и получив их поддержку, атакует врагов. В битве у села Бортенева 22 декабря 1317 г. Юрий терпит сокрушительное поражение. Захвачены в плен его бояре, князья (в том числе брат Борис Данилович) и жена Юрия Кончака – сестра хана Узбека. Оценив безнадежность положения великого князя, Кавгадый приказывает своему отряду спустить стяги и не защищать Юрия, который «с малою дружиною» бежит с поля битвы в дружественный ему Новгород. Через некоторое время, однако, в Твери умирает Кончака, а Юрий, собрав на северо-западе новое войско, в феврале 1318 г. заключает с Михаилом соглашение, по которому их спор о великом княжении переносится на суд хана. Оба князя отправляются в Орду, где через некоторое время начинается судебное разбирательство. В итоге великое княжение сохраняется за Юрием, а Михаила признают виновным в противостоянии ханскому послу, смерти ханской сестры и невыплате ордынского «выхода», после чего казнят.

И летописные сообщения, и Повесть прямо говорят об участии в событиях конфликта сторонников Юрия и Михаила – помимо их собственных бояр и дружин. В отражающем тут тверское летописание Рогожском летописце указано, что подошедшего к Костроме навстречу Юрию и Кавгадыю Михаила сопровождали «вси князи Суждальстіи». Осенью того же года теперь уже Юрий движется от Костромы на Тверское княжество «съ Кавгадыемъ и съ всѣми князи Суждальскыми». После битвы у Торжка Юрий «съ Татары и съ всею силою Суждалскою» начинает «воевати Тверскую волость», затем «вси князи Суждальстіи» подходят вместе с великим князем и татарами к переправе у Волги, где над ними одерживает верх Михаил, причем сказано, что в результате Бортеневской битвы в плен ему попало «князіи много». Примерно о том же говорится и в Повести: Юрий идет от Костромы к Твери «совокупя всю землю Суздальскую», а в 1318 г. отправляется в Орду, взяв с собою «вси князи Сусздалъские и бояре от городов и отъ Новагорода» как свидетелей против Михаила на суде, и после казни осужденного эти же «князи и бояре» вместе пьют в одном шатре, вспоминая, кто из них в чем обвинил тверского князя[2]. Новгородская Первая летопись по поводу прихода Михаила к Костроме и в связи с последующим походом Юрия в Тверскую землю, то есть в тех же самых ситуациях, что и тверские памятники, дважды говорит о «всей земле Низовской», сопровождавшей этих князей, и, таким образом, столь же последовательно пользуется несколько иной, но весьма близкой летописной формулировкой в ее новгородском варианте.

Вопрос о том, кого именно подразумевает в рассматриваемом случае летописная формула «все князи суздальские», каково, собственно, и насколько стабильно в реальности могло быть ее внешне неизменное наполнение, на протяжении долгого времени лишь весьма косвенно затрагивался в историографии, в центре внимания которой традиционно находилась принадлежность великого княжения, личность великого князя и его отношения с Ордой. Буквальное прочтение летописных текстов предлагало в описываемой ситуации сценарий, по которому вся обозначаемая данной формулой общность («все князья», «вся земля» или «вся сила») вначале сопровождает прежнего великого князя, а затем в полном составе переходит к новому и следует за ним подобно статистам на театральной сцене. В пользу именно такой трактовки,

[2] То, что речь в обоих случаях идет об одних и тех же князьях, отметил А.Н. Насонов [7, с.284, прим.5].

Табл. 1.

	февраль 1316	1316	[июнь] 1317	[август] 1317	сентябрь 1317	декабрь 1317	весна 1318
Рог.	Пріиде великіи князь Михаилъ изъ Орды, а съ нимъ Татарове силни и иде къ Торжку с Татары и **съ князи Суждалскыми**	великіи князь Михаилъ, поимъ **воя многы**, иде къ Новугороду...	срѣте ихъ князь великіи Михаилъ оу Костромы, а с нимъ **вси князи Суждальстіи**	Юрья князь съ Кавгадыемъ и **съ всѣми князи Суждалскыми** пріиде с Костромы къ Ростову...	А Юріи князь съ Татары и **съ всею силою Суждалскою** почаша воевати Тферьскую волость...	И поиде Кѣвгадыи къ Волзѣ и Юріи князь и **вси князи Суждалстіи**, и сташа на переездѣ оу Волгы.	
НПЛ	Тогда же поиде князь Михаило **со всею Низовьскою землею** и с татары к Торжку...	поиде князь Михаило к Новугороду **со всею Низовьскою землею**	Выиде князь великыи Юрьи изъ Орды съ Татары и **со всею Низовьскою землею** , и поиде ко Тфери на Михаила			Князю же Юрью пришедшю **с полкы** близь Тфѣри за 40 верстъ...	
Пов.	-		Великии князь Михаило срѣте его **с вои своими**... Роспусти **вои свои**, поиде вътчину свою съ домочадци своими.	Прииде князь Юрьи ко Тфѣри ратью, **совокупя всю землю Суздальскую**, и с кровопивцем Ковгадыем, множество Татаръ и Бесерменъ и Мордвы...			Князь же Юрьи съимъся с Ковгадыемъ, поидоста напередъ въ Орду, поимъше с събою **вси князи Сусздалъские** и бояре из городовъ и отъ Новагорода...
Сим.	Князь же великіи Михаило, събравъ **воя многы**, и иде на них ратью	князь великіи Михаило ходилъ на Волокъ, събравъ **рать велику, воя многы,** и поиде ратью к Новугороду къ Великому		князь великіи Юрьи Даниловичь приходилъ **ратью великою** къ Тфери... и побиша **Московскую рать**, а иныа разбѢгошася...			

Рог. – Рогожский летописец
НПЛ – Новгородская Первая летопись старшего извода
Пов. – Повесть о Михаиле Тверском
Сим. – Симеоновская летопись

согласно которой во всех случаях говорится об одной и той же совокупности, хотя и с некоторыми различиями именуемой в разных источниках, на первый взгляд свидетельствует и то, что два разных территориальных определения – «все суздальские князи / вся суздальская земля / вся суздальская сила» и «вся низовская земля» – используемые в независимых друг от друга тверских и новгородском рассказах, оказываются близкими вплоть до взаимозаменяемости по мнению уже самих средневековых книжников. Так, например, уже при редактировании Повести в Софийской 1 летописи «князи сусздалъские» и «земля Суздальская» легко заменяются на «низовских» и «Низовскую» [5, с.219], и даже в том же самом Рогожском летописце вскоре, уже в статье 6829 г., сказано о двинувшейся к Кашину под предводительством того же великого князя Юрия «всей силе Низовской и Суждальской»[3] [1, стб.41].

Пожалуй, первой интерпретацией сведений ранних летописных источников, связанных с рассматриваемой проблемой, можно счесть редакцию известия об осеннем походе Юрия Даниловича Никоновской летописи: «тоѣ же осени князи Суздальстіи совокупишася съ великымъ княземъ Юрьем Даниловичемъ Московьскимъ, и идоша к нему князи на Кострому, таже и иніи князи идоша къ нему на Кострому, и многи силы идоша к нему на Кострому», а затем «князь великы Юрьи Даниловичь Московьскіи съ Кавгадыемъ, и со многыми Татары, и со князи Суздальскыми, и со иными князи и со многими силами поиде съ Костромы къ Ростову...» [8, с.180]. Как видим, создавая свой общерусский свод спустя два столетия после событий, автор дополняет имевшийся в его распоряжении летописный рассказ, предположив, что «князи Суздальские», сопутствующие Михаилу, а потом Юрию – это князья Суздальского княжества, представители хорошо ему известного многочисленного и разветвленного рода князей Суздальских, потомков Андрея Ярославича, но вместе с ними к московскому князю присоединились и прочие – «иніи князи» и «многи силы».

Первые замечания по этому поводу сделал С.М. Соловьев, согласно которому Михаил Ярославич идет к Костроме, «собравши войско и снесшись с другими князьями», а затем, уже после долгих переговоров и ухода Михаила, оставшийся в Костроме Юрий Данилович снова «собирает отовсюду войска», и «князья суздальские и другие» приходят теперь к нему [9, с.213-214]. Как видим, и применительно к составу войск Юрия, и в отношении того, что московский князь у Костромы собирает войска вновь, исследователь прямо следует версии Никоновской летописи. В своей более ранней работе о междукняжеских отношениях С.М. Соловьев высказал по рассматриваемому сюжету еще одну мысль, согласно которой князья, постоянно находясь в оппозиции к сильнейшим из своего числа, «владевшим великокняжеской Владимирской областью», и подозревая тех в замысле усилиться за счет всех прочих князей, осознанно покинули тогда Михаила и пришли к Юрию, так как Михаил был гораздо сильнее и опаснее для остальных, что и подтвердила его последующая победа у Бортенева [10, с.117].

Согласно В.С. Борзаковскому, князья суздальские в 1317 г. вначале были на стороне Михаила, так как не знали, что Юрий уже получил ярлык на великокняжеское достоинство, а предполагали, что спор будет лишь о владении Новгородом. Однако после того, как все выяснилось и Михаил сам отказался от борьбы, они уже не могли отказать собирающему войска Юрию в помощи против прежнего великого кня-

[3] Данное чтение является ранним, присутствуя не только в Рогожском летописце и в Тверском сборнике, но также и в Музейском фрагменте Тверской летописи (ГИМ. Муз. № 1473) и, таким образом, восходя к тверскому великокняжескому своду. Благодарю Е.Л. Конявскую за консультации по данному вопросу.

зя, так как это для них «значило бы навлечь разорение на свои княжества», поэтому «князья Суздальской земли» приходят теперь в Кострому к новому великому князю [11, с.107]. Примерно той же модели в своем собрании биографических очерков, посвященных великим и удельным князьям, следует и А.В. Экземплярский. В рассказах о Михаиле Ярославиче и о Юрии Даниловиче ученый следует тексту летописей, говоря о «князьях суздальских», сначала «державшихся еще Михаила, или потому, что не знали об успехах Юрия в Орде, или потому, что сомневались, чтобы Юрий взял верх в предстоящей борьбе», а затем уже, «видя силу на стороне московского князя», теперь уже явившихся в Кострому к нему и затем постоянно действующих совместно с Юрием [12, с.64; 13, с.464]. В соответствии с постоянно используемым в труде А.В. Экземплярского словоупотреблением «суздальские князья» — это именно князья Суздальского княжества, однако вопрос о том, почему в таком случае только об этих князьях специально упоминает летописец, автором не ставился, и, судя по тому, что в разделе о суздальских князьях в XIV в. повествование начинается уже с событий 1327 г., а эпизод 1317 г. даже не упомянут [13, с.398-400], имелись в виду все князья княжеств Суздальской земли.

Новые заключения по интересующей нас теме появляются в труде А.Е. Преснякова об образовании *Великорусского государства*, рассматриваемом сквозь призму развития великокняжеской власти. По мнению исследователя, Михаил подошел к Костроме «с подручными князьями», поскольку «силы великого княжества» в это время были еще в его руках [14, с.101]. Однако уже выданный Юрию ханский ярлык «разрушал великокняжескую силу Михаила» и тот, «не найдя поддержки в младших князьях», принял решение отступить в Тверь. В примечании по поводу «подручных князей» со ссылкой на Рогожский летописец специально сказано, что там «упомянуты суздальские князья» [14, с.101, прим.69] – следовательно, летописное определение «суздальские» в данном случае автор вроде бы относит именно к обладателям Суздальского княжения, хотя в число определяемых им как «младшие» и «подручные» явно должны входить не только они. Впрочем, на той же странице, в связи с отъездом Юрия в Орду в 1318 г. А.Е. Пресняков уже пишет, что тот «поехал великим князем, окруженный всеми князьями Владимиро-Суздальской земли, с боярами от Великого Новгорода и целой свитой бояр с городов» [14, с.101]. Таким образом, проблемы, подразумевала ли формула «вси князи Суздальские» всех князей русского Северо-Востока или только какую-то их часть, тут не возникает: «суздальские» в первом случае – лишь единственные, упомянутые специально, а генеральная концепция автора презюмирует общую подвластность великому князю всех «младших князей», относимых к составу «сил великого княжества». По мысли А.Е. Преснякова, хотя Михаил, когда стало известно о передаче ярлыка Юрию, и искал у этих князей поддержки для дальнейшей борьбы, но не получил ее, так как утрата ярлыка лишала его великокняжеской «силы»: именно это и было сущностью его «политического поражения» у Костромы, из-за чего он, по мнению исследователя, так и не признав утраты великого княжения, оказался вынужден уйти в Тверь. Применительно к сходному случаю со «всеми князьями», еще одной устойчивой формулой, часто сопровождающей в летописных известиях упоминания брата Юрия, великого князя Ивана Даниловича, А.Е. Пресняков прямо признает затруднительность детального разбора внутренних взаимодействий в этой общности: «великий князь ... и в новгородских делах, и в походах выступает окруженный «всеми князьями»: суздальским, ростовским, ярославским, рязанскими и тверскими, но выяснить длинный уклад их взаимоотношений почти невозможно, по скудости и сбивчивости летописных известий» [14, с.146].

По мнению А.Н. Насонова, все «суздальские князья» летописца в рассматриваемом эпизоде идентичны князьям всех «низовских» княжеств, при этом формула обозначает всю подчиненную великому князю военную силу этих княжеств [7, с.281-282,290]. По мнению ученого, подобные «особые полномочия, которые давали великому князю владимирскому право в известных случаях распоряжаться силами других князей "Суздальской земли"», были прямо связаны с ханским ярлыком на великое княжение, и (как и власть над его территорией), прекращались с утратой ярлыка. При этом они могли использоваться лишь только тогда, когда великий князь «действовал в интересах Орды». «Почти всегда, когда великий князь владимирский распоряжается силами других князей, мы видим, что он выполняет ордынское дело», отмечает исследователь, и как пример этому приводит именно поход Юрия 1317 г. [7, с.281]. Тем значимее, на взгляд А.Н. Насонова, отражающая особую мощь Тверского княжества победа Михаила у Бортенева: одно лишь тверское войско одержало там верх над соединенными силами всей Северо-Восточной Руси [7, с.282].

Л.В. Черепнин не углублялся в проблему специально, лишь отметив вслед за историографической традицией, что у Костромы суздальские князи переходят со стороны Михаила на сторону получившего великое княжение Юрия [15, с.466]. Э. Клюг в посвященной истории Тверского княжества монографии также уверенно определил «суздальских князей» летописи как «князей Суздальской земли (за исключением литовских), а не в узком смысле слова князей суздальских» [16, с.139, прим.50]. Кроме того, немецкий ученый развил мысль Соловьева и Насонова, тоже указав, что в Бортеневской битве Михаил победил «не только Юрия Даниловича, но и «всех суздальских князей», выступивших на стороне Москвы» [16, с.113]. По мнению исследователя, именно этот яркий военный успех, вызвав у русских князей, бывших до 1317 г. на стороне Михаила, опасения по поводу чрезмерного усиления во время его княжения власти «великого князя всея Руси», оказался переломным моментом и смог стать причиной «роста антитверской борьбы на Руси» и «подлинно широкого сопротивления Твери», вылившихся в последующее единство всех князей и бояр, поддерживавших обвинения во время суда в Орде над тверским князем.

Таким образом, к концу прошедшего столетия сложился научный консенсус, в рамках которого летописные «все князи суздальские» в данном случае – совокупность военных сил всех князей Суздальской земли, которой так или иначе мог распоряжаться великий князь. Наравне с собственным войском князя (традиционно именуемым его дружиной), а также с силами бояр великого княжения они сопровождали Михаила, подошедшего к Костроме, а затем перешли на сторону Юрия – сразу же, как только узнали о его великокняжеском ярлыке, или несколько позднее, после того, как Михаил отказался от борьбы, а Юрий стал собирать новое войско для похода на Тверь. Некоторые расхождения заметны лишь в интерпретации мотивов происшедшего перехода: был ли он безусловен, прямо определяясь обязательностью для всех князей выраженной ярлыком ханской воли, определялся ли он страхом «удельных князей» за свои княжества в случае нелояльности Юрию, или был связан с нежеланием «младших» и «подручных князей» поддерживать чрезмерное усиление Твери. Впрочем, в рамках этого консенсуса заметны важные, как видится, историографические нюансы: если «великокняжеская сила Михаила» всецело определялась ярлыком, то почему в работе А.Е. Преснякова именно о событиях у Костромы сказано как о «политическом поражении» князя, ведь если все дело в ярлыке, то полным «политическим поражением» оказался сам факт его выдачи Юрию, и тогда становится непонятно, на что же мог рассчитывать Михаил, когда, по мнению того же исследователя, уже после утраты ярлыка он искал для

себя и так и «не нашел поддержки в младших князьях». Соответственно, если право распоряжения «всеми князьями» дается и прекращается ханским ярлыком, причем может использоваться только в прямых интересах Орды, когда великим князем «выполняется ордынское дело», то сложно понять, на каком основании эти князья вместе с Юрием воюют тверскую волость «безъ царева повелѣния»[4] [4, с.137], и на чем основывалась по-прежнему сохраняющаяся за Михаилом, несмотря на утрату ярлыка (а, следовательно, в рамках этой логики, и великокняжеских полномочий, обеспечивающих его власть над князьями, и великокняжеской территории с ее военно-политическими ресурсами) особая *сила* князя, позволившая ему победить все выступившие против него соединенные войска, а затем еще и вновь взять под свой контроль великокняжеские земли (как минимум – Владимир), что предположил сам А.Н. Насонов [7, с.280-282, 290-291].

Новые данные по обсуждаемой проблеме, предоставляющие основу для построения более сложных, но при этом более достоверных интерпретационных моделей, стало возможно использовать благодаря результатам исследований В.А. Кучкина. В своей ранней работе, посвященной редакциям Повести, он лишь отметил по поводу формулы «совокупя всю землю Суздальскую», что «в состав войска Юрия входили силы ростовских, суздальских и ярославских князей» [5, с.229]. Следующим чрезвычайно важным наблюдением по рассматриваемой теме стало указание на сообщение в Рогожском летописце по поводу похода Юрия, Кавгадыя и «всех князей суздальских» о том, что рати двинулись «отъ Костромы къ Ростову, отъ Ростова къ Переяславлю и много зла творя хри(с)тианомъ. А ис Переяславля в Дмитровъ, а изъ Дмитрова въ Клинъ», и на то, что упоминание о таких действиях, невозможных на подвластных или союзных территориях, позволяет считать, что Переяславль (а также, вполне возможно, – и Ростов, и Кострома) воспринимались Юрием и его соратниками как враждебные земли [16, с.136]. В посвященной московско-новгородско-тверскому докончанию 1318 г. главе монографии В.А. Кучкина о договорных грамотах московских князей эти наблюдения развиваются на ощутимо более обширной базе, ставшей доступной благодаря источниковедческим изысканиям автора работы.

Важнейшие выводы применительно к интересующей нас теме таковы. В.А. Кучкин установил, что Юрий приходит в Кострому в конце мая – начале июня 1317 г., а отправляется оттуда в поход на Тверь не вскоре после ухода Михаила, как по умолчанию считалось ранее, а после достаточно значительной передышки: Клина соединенное войско достигает лишь около 22 сентября, за прошедшее время тверской князь успевает вернуться в свою столицу и заложить там «болшиіи градъ кремникъ». Возникшую паузу В.А. Кучкин объясняет тем, что новый великий князь, «видимо, не находил опоры во владимирском боярстве, в течение 12 лет служившем Михаилу» и, в итоге, решил прибегнуть к военной силе [6, с.51]. Аргументом в пользу этой версии служит и уже упомянутый факт «многого зла», по пути творимого войсками Юрия в городах великого княжения. Применительно к называемым в том же известии Ростову и Дмитрову исследователь отмечает, что они были «центрами самостоятельных княжений, но, видимо, таких, которые в противоположность другим княжествам Северо-Восточной Руси поддерживали Тверь, а не Москву»,

[4] Вряд ли это важное заявление могло быть вложено тверским книжником в уста Кавгадыя безосновательно, кроме того, если бы военный поход Юрия и Кавгадыя на Тверь был непосредственным исполнением воли хана, то последующие события предполагали бы уже не судебный спор сторон в ставке, а карательную экспедицию.

чем, вероятно, и можно объяснить враждебность к ним сил Юрия [6, с.52]. С этим соотносится и еще одно замечание В.А. Кучкина, указавшего на то, что перед Бортеневской битвой Михаил, «призвавъ епископа своего, и князи и бояре», провел с ними совет. Поскольку в это время тверском княжеском доме иных князей, кроме самого Михаила и его сыновей, не имелось, то речь здесь может идти «только о служебных или союзных Твери князьях» и, «скорее всего, «князи» Повести — это союзные князья, среди которых могут быть названы дмитровский и ростовский князья, возможно, князь углицкий, чьи владения граничили с Тверским княжеством» [6, с.52, прим.118]. Это предположение находит свое место в ряду других наблюдений ученого, свидетельствующих о том, что прежний великий князь в 1317–1318 гг. продолжал сохранять за собой «достаточно широкую поддержку в русских землях того времени»[6, с.66-67].

С этими выводами невозможно не согласиться. Более того, приходится указать и на дополнительные обстоятельства, говорящие в их пользу. В числе важнейших отметим сам факт продолжительного стояния Юрия в Костроме. После того, как Михаил отказался от борьбы и ушел в Тверь, победивший великий князь, казалось бы, должен был двинуться в стольный Владимир и наконец-то вокняжиться там, отправиться с новой женой в Москву или, в конце концов, быстро и решительно вместе с силами уже собравшихся к Костроме и ставших благодаря ярлыку подвластными Юрию князей Суздальской земли нанести удар по оказавшемуся в уязвимом положении и ослабленному противнику. Вместо этого Юрий остается в Костроме, и свое осеннее наступление на тверские земли начинает именно оттуда. Татищевское известие, по которому великий князь успел в промежутке отправиться из Костромы в Москву, а затем снова вернуться обратно и собрать войска [18, с.74], было воспринято и А.В. Экземплярским [12, с.64, прим. № 173]. Но это указание сложно оценить иначе, как очередную «догадку» историографа XVIII столетия именно потому, что в таком случае для Юрия не было смысла оставлять войска ждать себя в Костроме, или зачем-то опять возвращаться туда и собирать их вновь именно там, вдали от тверских рубежей, а не во Владимире, Переяславле или Москве, куда более удобных для последующего наступления на Тверь. Однако все встает на свои места, если московский князь по прошествии определенного времени летом 1317 г. обнаружил для себя невозможность установления контроля над землями великого княжения – над Владимиром, над находившимся прежде под властью Михаила Переяславлем, а в какой-то мере, возможно, даже и над костромской территорией, где сам Юрий Данилович в этот момент находился. Если все это дополнялось и колебаниями в отношении признания верховенства Юрия со стороны других князей Суздальской земли, то яснее оказывается сам контекст выбора в пользу военного разрешения этих противоречий, при котором тверской князь должен был быть окончательно лишен возможности использовать сохраняющуюся поддержку, а его сторонники полностью нейтрализованы.

Одновременно, становится понятнее и соотношение сил накануне и во время Бортеневской битвы. Прежде предполагаемая ситуация, когда военные силы одного лишь Тверского княжества быстро сумели победить и новгородское войско, и соединенные рати Москвы, великокняжеских земель и всех прочих княжений, подкрепленные еще и отрядом Кавгадыя, свидетельствовала о необъяснимом военно-экономическом превосходстве Твери и в таком случае подобное превосходство действительно, как считали некоторые исследователи, могло подтолкнуть всех князей к единению против Михаила. Теперь же эти победы остаются по-прежнему значимыми, но перестают быть столь вызывающими: за Михаилом остались и его

бояре, много лет подряд управлявшие великокняжескими землями, и пошедшая за ним часть князей из других княжеств. Юрий же, похоже, напротив, во второй половине 1317 г. испытывал явный дефицит поддержки, когда даже те, кто не выступал против него прямо, тем не менее, не стремились слишком уж деятельно помогать ему в борьбе с отступившим перед ханской волей, но не подчинившимся московскому князю Михаилом. Задержка нового великого князя у Костромы, судя по всему, была использована им как раз для попытки мобилизации и концентрации сторонников. При этом именно сомнения в достаточности сил объединенного войска для реализации задуманного стали причиной тому, что было решено действовать совместно с Новгородом, куда для привлечения новгородцев к войне против Твери и для координации действий из Костромы был отправлен представитель Кавгадыя.

Имеются и другие косвенные аргументы в пользу гипотезы, связывающей маршрут войска Юрия и Кавгадыя с недостаточно лояльным отношением к новому великому князю в этих землях, и в пользу предположения о том, что Ростов и Дмитров (или, во всяком случае, некоторые князья из этих княжеств), могли и к началу осени 1317 г. по-прежнему оставаться на тверской стороне. Показательным в определенной мере фактом тут могут оказаться пресловутые «купли Ивана Калиты», впоследствии, когда великое княжение при Иване Даниловиче надолго закрепилось за Москвой, резко сократившие владения именно галицко-дмитровских и ростовских князей, а также известные по Житию Сергия Радонежского московские действия в Ростове после Федорчуковой рати. Конечно же, определенная хронологическая отдаленность от описываемых событий не дает достаточных оснований увязывать эти акции с рассматриваемым противостоянием Михаила и Юрия впрямую, но имеется и ряд укладывающихся в ту же интерпретационную схему событий, более близких к 1317 г. Так, нападение устюжан в 1324 г. на новгородцев видится агрессивным шагом не только в отношении Новгородской республики, но и в отношении лишенного великого княжения и находящегося в это время именно в союзном ему Новгороде Юрия Даниловича. Не случайно ответный удар, в ходе которого был захвачен Устюг и принуждены к миру «устюжские князи», т.е. ростовские князья (вероятнее всего, Василий Константинович с сыновьями), наносит именно Юрий, из Устюга отправившийся уже в Орду [2, с.97]. Приходится вспомнить и появление в 1322 г. из Орды посла Ахмыла, который вместе с Иваном Даниловичем «много сотвори пакости по низовской земли, много посече христиан, а иных поведе в Орду» [2, с.96]. Известно, что он сжег Ярославль, а Ростов, князья которого бежали от войска Ахмыла, был спасен от разорения лишь чудом [3, с.89; 19, стб.530; 20, с.90-81]. Наконец, нужно указать на приход в 1318 г. в Ростов посла Кончи, который сначала убил 120 человек «у города у Костромы», а затем «взя весь Ростов ратью», после чего разграбил городской собор, все церкви, монастыри и села, а также взял в полон людей [3, с.89; 19, стб.529]. Это происходит в начале мартовского 1318 г., «тое же зимы», еще до отъезда Юрия и Михаила в Орду, что вынуждает рассматривать такие действия посла в великокняжеской Костроме и в Ростове именно в контексте борьбы этих князей, а в ней в тот момент ордынская поддержка по-прежнему, насколько можно судить, оставалась на стороне Юрия Даниловича.

Таким образом, современная историографическая ситуация выдвигает перед исследователями проблему реального состава политических и военных сил, обозначаемых при описании событий 1317–1318 гг. внешне неизменной формулой «вси князи суздальские», а также ставит новые вопросы по поводу мотивации решений конкретных князей и бояр, выбиравших в 1317 г. ту или иную сторону в противостоянии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ПСРЛ. Т. 15. М.: Языки русской культуры, 2000. – 540 с.
2. ПСРЛ. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000. – 692 с.
3. ПСРЛ. Т. 18. М.: Языки славянских культур, 2007. – 328 с.
4. *Кучкин В.А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 116-163.
5. *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском (историко-текстологическое исследование). М.: Наука, 1974. – 291 с.
6. *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. – 367 с.
7. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь // Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование; Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб.: Наука, 2006. – С. 213-345.
8. ПСРЛ. Т. 10. М.: Языки русской культуры, 2000. – 244 с.
9. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 2. М.: Мысль, 1988. – 766 с.
10. *Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 19. М.: Мысль, 1996. – 527 с.
11. *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. Тверь: Леан, 1994. – 424 с.
12. *Экземплярский В.А.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. СПб.: Издание графа И.И. Толстого, 1889 г. – 474 с.
13. *Экземплярский В.А.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. СПб.: Издание графа И.И. Толстого, 1891 г. – 696 с.
14. *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. М.: Богородский печатник, 1998. – 496 с.
15. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М.: Соцэкгиз, 1960. – 900 с.
16. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь: РИФ ЛТД, 1994. – 431 с.
17. *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. – 242 с.
18. *Татищев В.Н.* История Российская // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 5 и 6. М.: НИЦ Ладомир, 1996. – 437 с.
19. ПСРЛ. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997. – 496 с.
20. *Белякова М.М.* Житие блаженного Петра, царевича Ордынского: история текста // Проблемы происхождения бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2009. – С. 43-100.

ИРИ РАН,
г. Москва

S.V. Gorodilin
«All Princes of Suzdal»: Concerning Membership of Supporters and Opponents of Prince Mikhail Yaroslavich in the End of 1317–1318. Part I

The article reviews a problem of supporwwters of Prince Yury Danilovich and Mikhail Yaroslavich who were rivaling in 1317–1318. They were known in chronicle as «all Princes of Suzdal». The author analyses steady historiographical tradition and source base. Examination of well-known and some earlier unstudied sources allows the author to make a number of suppositions concerning membership of supporters of two contenders for leadership in North-Eastern Rus and the role that northeastern elite members played in ongoing struggle between Moscow and Tver Princes.
Keywords: *XIV century, Tver, Moscow, Grand Duchy of Vladimir, Mikhail of Tver, political history, chronicle writing, medieval Rus.*

УДК 94/99 «13/14» https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.191-195

С.А. ДЕНИСОВ

ПОЛОЖЕНИЕ ОРДЕНСКИХ ПОДРЯДЧИКОВ В ТЕВТОНСКО-НОВГОРОДСКОЙ ТОРГОВЛЕ В КОНЦЕ XIV – НАЧАЛЕ XV ВВ.

Статья посвящена положению служащих кёнигсбергской гроссшефферии, представлявших Тевтонское государство в торговле с Великим Новгородом в 1398–1418 гг. Изучение персонального статуса подрядчиков (динеров) позволяет говорить о концентрации товарооборота в рассматриваемый период в руках двух контрагентов: Геннинга Демекера и Людвига фон дер Гейде. Их положение, подкрепляемое знатным происхождением и родственными отношениями с гроссшефферами, привело к кооперации с ними менее удачливых динеров, что выразилось как в совместных поездках в Новгород, так и в поручительстве и представительстве в делах друг друга.

Ключевые слова: *торговля, Тевтонский Орден, Великий Новгород, подрядчик, гроссшеффер, товарооборот, пушнина, воск*.

Среди торговых связей Тевтонского государства, сложившихся в XIII в., особое место занимало восточное направление, представленное торговлей с русскими княжествами. Оно приобрело свое значение после подавления Великого восстания пруссов (1242–1283), чему способствовали межгосударственные соглашения Ордена. Так, Владислав, герцог Ленчицкий и Куявский (1268–1296) в письме от 18 мая 1286 г. сообщал комтуру Торна о беспрепятственном возвращении торнских и кульмских купцов из русских земель на своих повозках, получивших, на участке пути начиная от деревни Слуссов, охрану [15, S.313, № 486]. Одним из крупнейших центров торговли Тевтонского государства с Русью стал Новгород. Товары, приобретенные в этом городе (воск и пушнина), высоко ценились в европейских странах и приносили Ордену существенную прибыль [4, с.214-215; 5, с.259-278].

В XIV в. орденские города имели широкую систему торговых связей, охватывающих Англию, Францию, Данию, Польшу и другие европейские страны. Крупные города Ордена, Кёнигсберг, Данциг, Эльбинг, Торн, Браунсберг и Кульм входили в торгово-политический союз, «Прусскую Ганзу» [6, с.105; 7, с.172]. Анализ развития торговли в орденских центрах позволяет ответить на вопрос о положении (имуществе и функциях) их подрядчиков – контрагентов, совершавших поездки с целью приобретения товаров. Рассмотрим данный вопрос применительно к восточному направлению – торговле с Новгородом.

Основными источниками, позволяющими раскрыть роль подрядчиков в орденской торговле, являются книги, которые отражают деятельность главных экономов (великих шефферов) Ордена, располагавшихся в Мариенбурге и Кёнигсберге. Книги, составленные в конце XIV – начале XV вв., содержат отчеты о поездках подрядчиков в Новгород, включая их имущественное положение. Книга мариенбургской шефферии охватывает период 1399–1418 гг., книга кёнигсбергской шефферии – 1400–1423 гг. [13, S.128-129]. Торговля с Новгородом находилась в ведении кёнигсбергского гроссшеффера: в книге сообщается о ряде поездок доверенных лиц орденского чиновника с целью закупки там товаров. Для характеристики положения данной группы служащих обратимся к этому источнику.

Представленный вопрос практически не рассматривался в историографии, сосредоточенной большей частью на изучении торговых путей, состава ввозимых и вывозимых товаров и др. [8, с.45-159; 10, S.45-48; 11, S.93-132; 17, S.88-92]. В отдельных работах выделены две группы орденских контрагентов, комиссионеры («lieger») и служащие («diener») [1, с.166; 9, S.330-331; 12, S.IX], а в статье М.П. Лесникова приведен персональный состав динеров, закупавших товары в древнерусском городе [5, с.260-262].

Рассмотрим далее положение каждого контрагента, совершавшего в конце XIV – начале XV вв. поездки в Новгород:

1) Геннинг Демекер. Упомянут как служащий («dyner»). Совершил поездки в 1398–1400 гг., для которых получил слитки серебра общей стоимостью 3969 марок [12, S.108.9-10, 16-32; 109.8-36]. Поставил в Тевтонское государство 98 кусков воска и 12 бочек пушнины [12, S.117.5-7, 13-16; 153.30-154.3; 156.29-38; 159.26-31; 161.12-15; 163.17-32]. Орденская администрация позаботилась о транспорте для служащего. Гроссшеффер Конрад фон Морен (1393–1402) выдал в 1399 г. Геннингу ссуду на приобретение лошади [5, с.261; 12, S.108.35-38], а для совместной поездки с Людвигом фон дер Гейде в 1400 г. орденский чиновник предоставил Демекеру легкую повозку, верховое и вьючное седла [5, с.262; 12, S.110.1-4]. Известен еще один представитель этой фамилии, Иоганн Демекер, занимавший должность гроссшеффера в 1404–1405 гг. [12, S.272.1-8; 277.3; 18, S.15];

2) Людвиг фон дер Гейде. Кёнигсберг. Принадлежал к знатному роду, имеющему саксонское происхождение [14, S.383-385]. Упомянут в книге кёнигсбергской шефферии как служащий («dyner»). Совершил поездки в 1398–1400, 1402–1404 гг. При этом для поездки в 1399 г. Людвиг получил слитки серебра общей стоимостью 1378 марок [12, S.108.1-14]. Всего фон дер Гейде привез из Новгорода 141 кусок воска, 19 бочек пушнины, 152 лосиных рога (цельных и частей) и 16 тюков льна [12, S.154.7-26, 155.30-35, 156.12-21, 157.17-20, 255.24-25, 260.17-38, 261.5-6]. В книгах кёнигсбергской шефферии фигурируют другие представители этой фамилии: Иоганн, капитан судна, перевозивший фрукты [12, S.259.5-7], и Ганс, пекарь из Торна, занявший у гроссшеффера 3 марки для покупки лошади [12, S.193.6-7]. Известны также члены семейства фон дер Гейде, жившие в Кёнигсберге в XV–XVII в. В 1400 г. упоминается горожанин Клаус, чей дом выступает как топографический ориентир для обозначения района, где по распоряжению бургомистра Гейнриха Коффелинга необходимо установить колодец [15, S.21]. В XVII в. упоминаются представители этого рода, жившие в Альтштадте и занимавшие судебные должности (Петер и Бальтазар) [15, S.114, 116, 122], а также горожане Гейнрих, Маргарита, Барбара и Гертруда [15, S.118, 122, 131]. Все это говорит о широком представительстве семейства фон дер Гейде в тевтонском обществе в рассматриваемый период;

3) Дитрих Штехемессер. Кёнигсберг. Служащий («diener»). Совершил ряд поездок в Новгород: в 1398–1400 гг., привезя 38 кусков воска и 7 бочек пушнины [5, с.261; 12, S.116.38-117.2; 153.13-25, 155.1-4], и в 1399–1400 гг., привезя совместно с Геннингом Демекером 8 кусков воска [12, S.117.11-13; 159.23-24];

4) Генрих Ваттеншейде. Упомянут как служащий («dyner»). Совершил поездку в 1405–1406 гг., взяв с собой вместо серебряных слитков плоды фигового дерева, из которых 135 коробов общей стоимостью 202,5 марок был обязан вернуть гроссшефферу [5, с.261; 12, S.277.14-16; 286.22-25]. В этом случае речь идет, скорее всего, о нераспроданном товаре, который динер должен возвратить Ордену. Несмотря на то, что состав, количество, вес и стоимость привозимых им товаров не названа, всего одна поездка в Новгород говорит о том, что доля Ваттеншейде в товарообороте

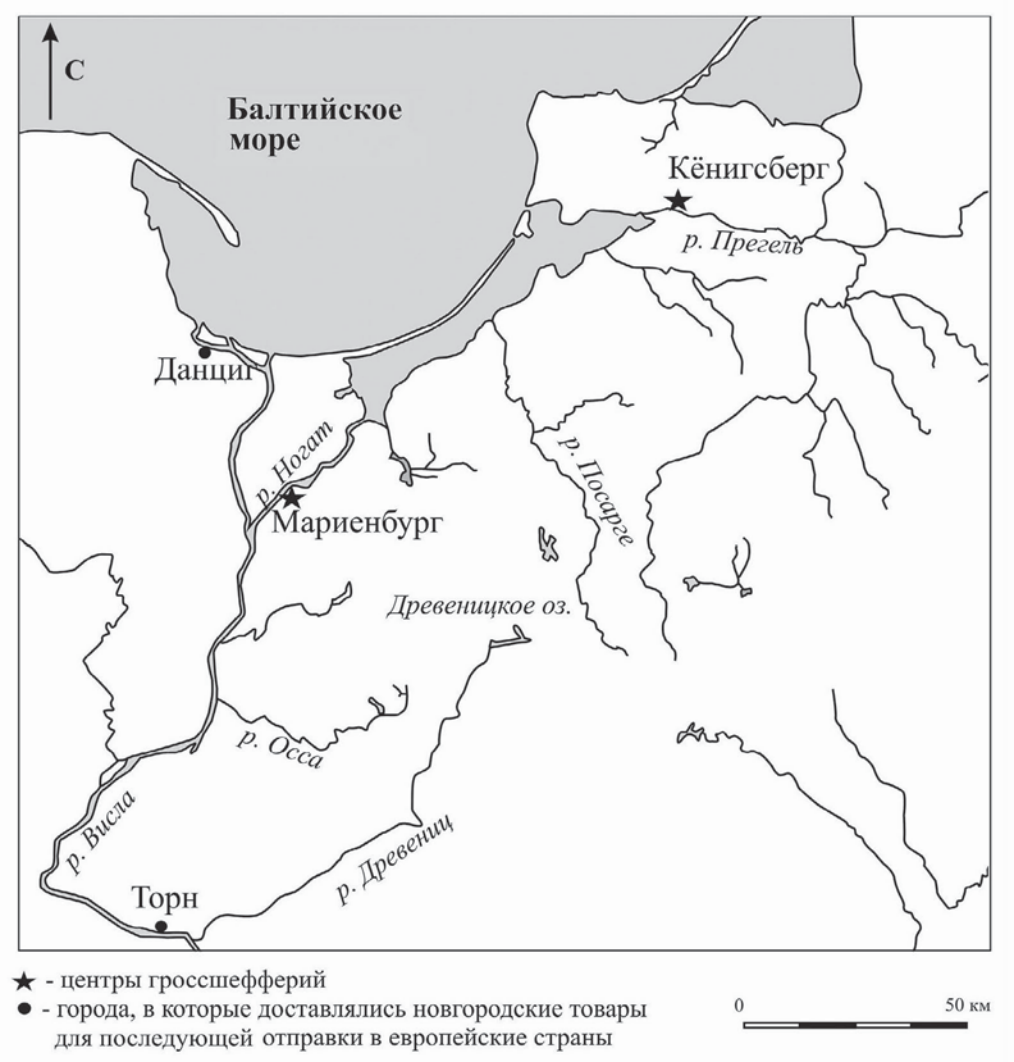


Рис. 1. Торговые центры Тевтонского государства.

значительно ниже, чем у Демекера и фон дер Гейде. Также как Геннингу Демекеру, гроссшеффер предоставил своему служащему ссуду на приобретение лошади, которую тот был обязан выплатить к 1418 г. [12, S.286.24-25]. В 1406 г. Ваттеншейде получил ссуду в 66 марок, опираясь на поручительство Людвига фон дер Гейде и увеличив свой долг перед шеффером до 132 марок [12, S.279.34-36]. В 1411 г. он упоминается как лигер в Ливонии. При этом сообщается, что Ваттеншейде ознакомлен с существом спора между Людвигом фон дер Гейде и Герхардом Войзаном о выплате последнему 36 марок, а следовательно лигер может выступить в качестве представителя Ордена в этом споре [12, S.291.30-292.2]. Следует специально отметить, что в последнем случае поручение, данное Ваттеншейде, связано не только с разбором судебного дела в Ревеле, но и с его осведомленностью. Отношения между фон дер Гейде и Ваттеншейде говорят о кооперации между двумя служащими.

Как видно из представленных «анкет», все подрядчики имели статус служащих и представляли самую первую ступень в новгородско-тевтонской торговле. Основной задачей служащих было приобретение товаров за серебро (или натуральные продукты), выдаваемые им гроссшеффером или лигером, и их последующая доставка в Пруссию. При этом основными городами, через которые велась торговля Пруссии

с Новгородом, являлись Данциг и Торн (рис.1). Здесь происходила оценка товаров и их последующая отправка в европейские страны.

Основная роль в тевтонско-новгородской торговле принадлежала двум служащим: Людвигу фон дер Гейде и Геннингу Демекеру. Именно им, согласно книгам кёнигсбергской шефферии, принадлежит основная часть вывозимых из Новгорода товаров (воска, пушнины, рогов и льна). Высокий товарооборот, обеспечиваемый динерами, поддерживался со стороны гроссшеффера, обеспечивавшего транспорт для перевозки. Положение фон дер Гейде и Демекера подкреплялось при этом знатностью происхождения и родственными отношениями с кёнигсбергским гроссшеффером.

Успешная деятельность перечисленных динеров особенно заметна на фоне гораздо менее плодотворных поездок двух других служащих, Генриха Ваттеншейде и Дитриха Штехемессера, обладавших значительно меньшей долей привозимых товаров. Данная диспропорция привела к кооперации двух групп служащих: известны совместные поездки Геннинга Демекера и Дитриха Штехемессера в 1400 г., а также поручительство и представительство в делах друг друга фон дер Гейде и Ваттеншейде.

Перечисленные вертикальные связи в гроссшефферии позволяют предположить наличие корпоративности среди ее служащих в рассматриваемый период, характерной для тевтонского общества в начале XV в. [2, с.104-105; 3, с.203-204]. При этом следует отметить, что в нашем случае данный аспект требует дальнейшего изучения с привлечением более широкого материала, включающего всех служащих гроссшефферии.

Итак, перечисленные особенности позволяют говорить о выделении в составе динеров кёнигсбергской шефферии группы, занимающейся торговлей с Новгородом. Ее задачей было приобретение и доставка товаров в Тевтонское государство для дальнейшей отправки в Англию, Фландрию, Францию и другие страны. Положение членов группы не было одинаковым: основной товарооборот концентрировался в руках двух человек, Людвига фон дер Гейде и Геннинга Демекера. Их высокое положение, обусловленное знатным происхождением и родственными отношениями с гроссшефферами, подкреплялось поддержкой со стороны последнего и приводило к кооперированию с ними менее удачливых динеров, что позволяет предположить наличие корпоративности среди торговцев Ордена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бокман Х.* Немецкий орден. М.: Ладомир, 2004. – 273 с.
2. *Грацианский Н.П.* Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII–XV веках // Историк-марксист. 1938. № 6. – С. 87-111.
3. *Игошина Т.Ю.* Двор великого магистра Немецкого ордена в Восточной Пруссии в конце XIV – начале XV века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Рукопись. М., 2000. – 262 с.
4. *Кирсанова Т.И.* Социально-экономическое положение Тевтонского Ордена второй половины XIV – первой половины XV вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Рукопись. М., 1966. – 316 с.
5. *Лесников М.П.* Торговые отношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV – начале XV вв. // Исторические записки АН СССР. 1952. № 39. – С. 259-278.
6. *Масан А.Н.* Город в государстве Тевтонского ордена в XIII – первой половине XV вв. (по материалам средневековой Пруссии). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Рукопись. М., 1989. – 338 с.
7. *Трокаль Т.В.* Государство Тевтонского ордена в Пруссии в XIII – начале XIV века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Рукопись. М., 2004. – 269 с.
8. *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода. М.: АН СССР, 1963. – 367 с.

9. *Biskup M., Labuda G*. Dzieje Zakonu krzyżackiego w Prusach. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie Gdańsk, 1988. – 624 s.
10. *Czaja R*. Die Entwicklung des Handels der preussischen Hansestädte im 13. und 14. Jahrhundert // Die preussisschen Hansestädte und ihre Stellung im Nord- und Ostseeraum des Mittelalters / Hrgb. von Z.H. Nowak und J. Tandecki. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1998. – S. 35-50.
11. *Goetz L.K*. Deutsch-russische Handelgeschichte des Mittelalters. Lübeck; Kiel: Druck der Lübecker Verlagsanstalt Otto Waelde Komm.-Ges, 1922. – 572 S.
12. Handelsrechnungen des Deutschen Ordens / Hrsg. von C. Sattler. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1887. – 629 S.
13. *Jähning B*. Zur Wirtschaftsführung des Deutschen Ordens in Preussen vornehmlich vom 13. bis zum frühen 15. Jahrhundert // Zur Wirtschaftsentwicklung des Deutschen Ordens / Hrsg. von U. Arnold. Marburg: Elwert, 1989. – S. 113-147.
14. Neues preussisches Adels-Lexikon / Vorst. von L. von Zedlitz-Neukirch. Bd. 2. Leipzig: Gebrüder Reichenbach, 1836. – 498 S.
15. *Perlbach M*. Quellen Beiträge zur Geschichte der Stadt Königsberg im Mittelalter. Göttingen: Verlag von Robert Peppmüller, 1878. – 220 S.
16. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1. Hft. 2 / Bearb. H. Seraphim. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei, 1909. – 724 S.
17. *Schlözer K. von*. Verfall und Untergang der Hansa und des Deutschen Orden's in Ostseeländern. Berlin: Verlag von Wilhelm Hertz, 1853. – 234 S.
18. Schuldbücher und Rechnungen des Grossschäffer und Lieger des Deutschen Ordens in Preussen. Bd. 1. Grossschäfferei Königsberg I / Hrsg. von C. Hess, Ch. Link, J. Sarnowsky. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2008. IV. – 464 S.

ИА РАН,
г. Москва

S.A. Denisov

The Position of Order's Contractors in the Trade between Teutonic State and Novgorod in the End of XIVth – the beginning of XVth Centuries

The article deals with position of employers (diners) of Königsberg's Gross Schaeffery, who represented Teutonic state in the trade with Veliky Novgorod in 1398–1418. The research of personal status of contractors allows us to conclude that commodity circulation was concentrated in the hands of two employers, Genning Demeker and Ludwig von der Heyde. Their positions strengthened by noble origin and kinship with Gross Shaeffers motivated less successful diners to cooperate with them. This led to concerted rides to Novgorod and also to the bail and representation in each other business.

Keywords: *trade, Teutonic Order, Veliky Novgorod, contractor, Gross Shaeffer, commodity circulation, furs, wax*.

УДК 903.7(470.331) «14/15» https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.196-220

И.А. САФАРОВА, А.Н. ХОХЛОВ, Л.А. БЕЛЯЕВ

ПОСТРОЙКИ XV–XVI ВВ., РАСПОЛОЖЕННЫЕ ВБЛИЗИ АПСИД СОБОРА СПАСА ПРЕОБРАЖЕНИЯ В ТВЕРСКОМ КРЕМЛЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2013–2014 ГГ.)

В статье представлены материалы археологических исследований 2013–2014 гг. на участке к востоку от собора Спаса Преображения в центре Тверского кремля. Проведен анализ топографии и стратиграфии, а также находок из нескольких комплексов построек с заглубленными подклетами, находившихся вблизи апсид собора в XV–XVI вв. Две постройки первой половины – середины XVI в., уничтоженные пожаром, интерпретированы как служебные. На основании имеющихся данных высказано предположение о гибели этих комплексов в пожаре 1537 г., известном по сообщениям Максима Грека.

Ключевые слова: *Тверь, кремль, собор Спаса Преображения, застройка, некрополь, пожар, XV–XVI вв.*

При раскопках в 2013–2014 гг. в центре Тверского кремля, к востоку от апсид собора Спаса Преображения конца XIII века [1] были обнаружены остатки нескольких построек XV–XVI вв. [2]. Настоящая работа посвящена характеристике материалов этих комплексов, определению их назначения и хронологии[1].

Топография комплексов[2]. Одна группа построек располагалась примерно в 6-8 м к юго-востоку от южной апсиды собора Спаса, построенного в 1285–1290 гг. (цв.вкл.: рис.1). На участке площадью 5×5 м зафиксированы остатки 4-х сменявших друг друга комплексов (постройки №№ 2-5)[3] с заглубленными в материк подклетами. Вторая группа из трех разновременных комплексов (постройки №№ 7-9) выявлена на площади 8×10 м приблизительно в 3-4 м к северо-востоку от северной апсиды собора.

Общая стратиграфия комплексов. Заглубленные подклеты построек (цв. вкл.: рис.2, 3) прорезали слои некрополей – раннего дособорного и соборного, а также слой строительства собора Спаса Преображения конца XIII века. Вокруг построек за время их функционирования сформировался культурный слой, который по стратиграфии и находкам датируется в целом второй половиной – концом XV–XVI вв. Постройки юго-восточной группы разрушили также предматериковые отложения культурного слоя XII–XIII вв. и заглубленную часть постройки XII в. В 1689 г., при строительстве нового здания собора, сваями под фундаменты его апсиды были пробиты заполнение и даже дно материковых котлованов подклетов этих построек, местами на глубину более 2 м (цв.вкл.: рис.1).

Материалы радиоуглеродного датирования. Данные радиоуглеродного датирования (30 дат) получены по образцам угля, извлеченным из сгоревших деревянных конструкций подклетов 4-х построек (№№ 2, 3, 4, 7) – стен, перекрытий,

[1] Хронология комплексов установлена по относительной стратиграфии, аналогиям индивидуальным и массовым находкам из их заполнения, а также по данным радиоуглеродного датирования образцов угля от сгоревших деревянных конструкций построек.

[2] Все исследованные комплексы располагались за апсидами первого каменного собора, на территории, где в XII–XIII вв. функционировало кладбище церкви Козьмы и Демьяна, а в конце XIII – начале XV вв. – присоборный некрополь [3].

[3] По общей нумерации построек на раскопе.

лаг, а также из прослоек угля на разных уровнях заполнения подклетов. Получены также даты по образцам древесного тлена от свай собора конца XVII в., забитых в слой заполнения засыпанного после пожара подклета одной постройки (№ 7). Калиброванный возраст образцов из построек, расположенный в интервалах с общими рамками от XV до XVI вв. (прил.: табл.1; рис.15)[4], не противоречит хронологии построек, полученной другими методами датирования.

Юго-восточная группа построек включает 4 комплекса. От трех самых ранних (постройки №№ 3-5) сохранились только небольшие участки придонных частей подклетов, которые позволяют установить лишь несколько параметров: примерную глубину подклетов от уровня древней дневной поверхности – от 1,2 до 1,8 м, длину стороны одного подклета – 3,3 м. Все три постройки располагались практически на одном месте, с небольшим сдвигом к северу или югу. Судя по прослойкам угля, сохранившимся в нижней части подклетов, все они погибли в пожарах. Комплексы датированы по относительной хронологии, данным радиоуглеродного датирования (для п. №№ 3 и 4) и немногочисленным находкам. Наиболее ранняя постройка (№ 5) относится к первой половине XV в., следующая по времени постройка № 3 датируется серединой – второй половиной XV в., позднее, в конце XV – начале XVI вв. функционировала постройка № 4.

Все три комплекса предшествуют самой поздней и лучше сохранившейся ***постройке № 2*** (уч. 1, м.я. № 7). Исследовано примерно ¾ ее площади. В заполнении комплекса выделено несколько стратиграфических слоев (цв.вкл.: рис.2): строительства (I/1), разрушения во время пожара (II/1), слои последовательной засыпки подклета и нивелировки образовавшейся западины (II/2 и III).

От постройки сохранился заглубленный подклет прямоугольной формы (рис.4), ориентированный длинной стороной почти с запада на восток (азимут 85^0). Длина подклета составляла более 5 м, ширина – 3,8 м. Общая глубина от уровня древней дневной поверхности – около 1,8 м, от уровня материка – 1-1,20 м. От наземной части постройки ничего не сохранилось, ее размеры, вероятно, должны были быть существенно больше размеров заглубленного подклета, поскольку комплекс располагался на очень сыпучем песчаном грунте. Внутри котлована подклета находился сруб, от которого сохранились 3 обгоревших нижних венца, диаметр бревен 0,12-0,20 м, рубка, вероятно, в «лапу». Общие размеры деревянной конструкции внутри подклета составляли в длину более 4,90 м, в ширину – 3,70 м. Зафиксирована внутренняя перегородка, разделяющая подклет на два помещения (размеры одного из них – 3,60×3,50 м). В восточном помещении был, вероятно, деревянный пол, в северо-восточном углу западного помещения сохранились остатки конструкции из бревен, размерами 1,7×1,5 м, подпрямоугольной формы (возможно, от лестницы). Все деревянные элементы под действием огня обуглились, верхние обрушились вниз. Сыпучий материковый песок во время разрушения постройки частично заполнил придонную часть подклета. Никаких следов отопительного устройства в подклете не обнаружено. Не зафиксировано также признаков, указывающих на наличие печи в наземной части постройки.

Находки. На разных уровнях заполнения подклета данной постройки обнаружено большое количество находок. К этапу ее строительства относятся предметы из заполнения пазухи между стенками материкового котлована и срубом подклета: 3 медных маленьких пула (уч. 1 №№ 3855, 3809, 3593) (прил.: табл.2), нательный

[4] Радиоуглеродное датирование образцов жидким сцинтиллятным методом (ЖС) выполнено в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАНУ, г. Киев, лабораторные шифры Ki.

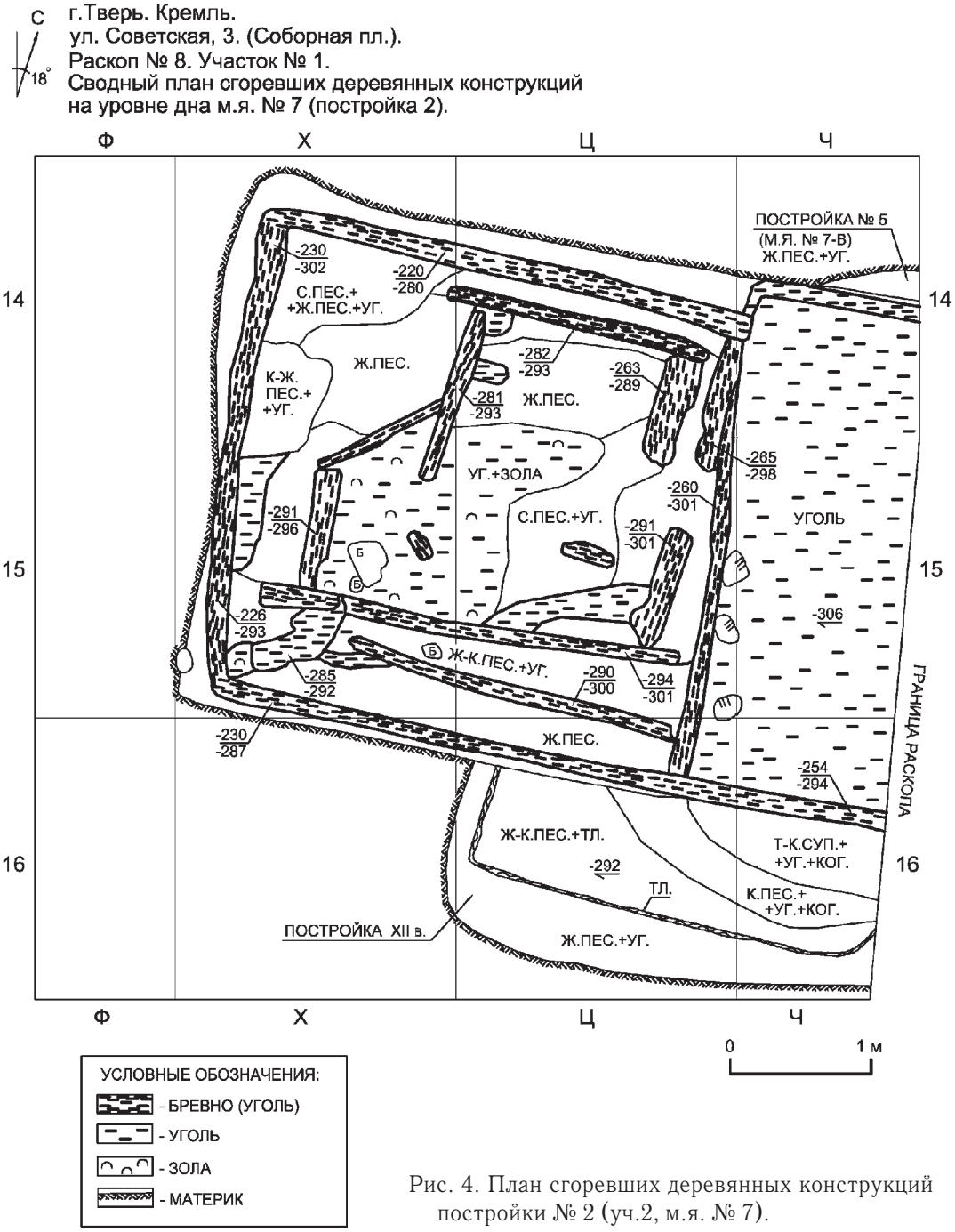


Рис. 4. План сгоревших деревянных конструкций постройки № 2 (уч.2, м.я. № 7).

бронзовый крест (уч. 1 № 3846) (цв.вкл.: рис.5: 4), ушко от бронзовой привески (?) (уч. 1 № 3776) (цв.вкл.: рис.5: 6), железная пряжка (уч. 1 № 3701) (цв.вкл.: рис.5: 5), фрагмент фрески. Предметы, которые оказались в момент пожара внутри подклета, пострадали от огня. Так, на самом дне подклета, около южной стены, на площади примерно 20×30 см, найдено скопление монет[5]. Среди них – 14 медных пул[6] – маленьких тверских, московских, подражаний малым пулам. Большинство из них – продукция

[5] Никаких следов емкости, в которой могли находиться монеты, не обнаружено.
[6] Уч. 1 №№ 3889, 3991, 4004, 4010, 4011, 4014, 3990, 4005, 4002, 4006, 4015, 4017, 4018, 4019.

тверского денежного двора времени правления Ивана IV [7]. Несколько экземпляров пострадали от высокой температуры, к ним прикипели частицы песка. Серебряные монеты, лежавшие стопкой (уч. 1 № 4007) (цв.вкл.: рис.5: 3), спеклись[7]. Рядом с монетами находилась бронзовая чернильница с пеналом для перьев (каламарь) (уч. 1 № 3993) (цв.вкл.: рис.5: 1-2). Еще 3 медных монеты[8] найдены в слое пожара немного выше уровня дна подклета.

В слое пожара найдены керамические плитки пола (целые и фрагменты, некоторые – ошлакованы)[9], обломки столовой посуды (кувшинов или кумганов) из беложгущейся глины с зеленой поливой (уч. 1 №№ 3954, 4026) (цв.вкл.: рис.6: 5-6), а также железные предметы – топор (уч. 1 № 3987) (цв.вкл.: рис.6: 1), фрагмент пластинчатого ножа с костяными накладками на рукоять (уч. 1 № 3988) (цв.вкл.: рис.6: 4), фрагмент конских удил (уч. 1 № 3951) (цв.вкл.: рис.6: 3), петля накидная от запорного устройства (уч. 1 № 3956) (цв.вкл.: рис.6: 2).

Ликвидация последствий пожара началась практически сразу после гибели постройки. Сгоревшие деревянные конструкции были почти полностью разобраны, а котлован подклета засыпан слоем, насыщенным строительным мусором с известью, обломками белого камня и большемерного красного кирпича (слои II/1 и III)[10]. Состав находок из этого слоя имеет определенные отличия от слоя разрушения комплекса[11]. Среди них – 21 медная монета. Кроме маленьких тверских пул встречены большие тверские пула, в том числе одно – именного чекана великого князя Михаила Борисовича (1461–1485), а также маленькие московские пула, одно новгородское пуло, подражания малым и большим пулам[12] (прил.: табл.2).

В этой части заполнения комплекса встречены детали интерьера расположенного рядом собора Спаса Преображения конца XIII–XVI вв. – керамические плитки типа В [8, с.90-91], а также обломки резных белокаменных деталей и целые россыпи сбитых со стен или сводов фрагментов фресок[13].

Массовый керамический материал с разных уровней заполнения подклета по аналогиям датируется в целом второй половиной – концом XV–XVI вв.[14] (рис.7: 1-9; 9: 1-7) [9-11]. Получена 15 радиоуглеродных дат для образцов угля из засыпки и сгоревших конструкций подклета постройки № 2 (прил.: табл.1; рис.8).

Комплексная датировка постройки № 2 по совокупности имеющихся данных – первая половина – середина XVI в.

---

[7] Возможно, это денги и полушки, количество их не определено, угадывается форма лишь нескольких верхних и нижних монет стопки, а между ними находится полностью спекшаяся масса (общий вес составляет 1,73 г).

[8] Уч. 1 №№ 3967, 3982, 3985.

[9] Состав плиток: типы З (12 экз.), Ж (7 экз.), Н, К, Е (единичные экземпляры) [8].

[10] Размеры кирпичей – 30-32×14,5-15×8-9 см.

[11] В данной части заполнения комплекса находилось больше плиток, чем в нижележащем слое – 39 экз. (целых и фрагментированных). Большинство составляют плитки двух типов (Ж и З), квадратные и треугольные, с длиной стороны от 10-11 см до 14-15 см, при толщине 3-4 см [8].

[12] №№ 3909, 3903, 3837, 3844, 3859, 3752, 3749, 3806, 3825, 3724, 3656, 3667, 3561, 3571, 3575, 3388, 2378, 2379, 2412, 2780, 2787.

[13] Несколько находок, датирующихся XII–XV вв., находились в заполнении комплекса в переотложенном состоянии (фрагмент бронзовой книжной накладки, браслет проволочный плетеный петлеконечный, крест нательный бронзовый, а также некоторые монеты).

[14] Массовый керамический материал из заполнения котлована подклета постройки представлен 2327 фрагментами: 1804 – из красножгущейся глины (венчики, стенки и донца горшков, фрагменты крышек, мисок и кувшинов), 46 – из серожгущейся глины (венчики, стенки и донца горшков, фрагмент кувшина), 325 – из беложгущейся глины (венчики, стенки и донца горшков, фрагменты кувшинов, крышек). Орнаментировано 339 фрагментов (линии, тычки, насечки, зубчатый и прямоугольный штамп, волна).

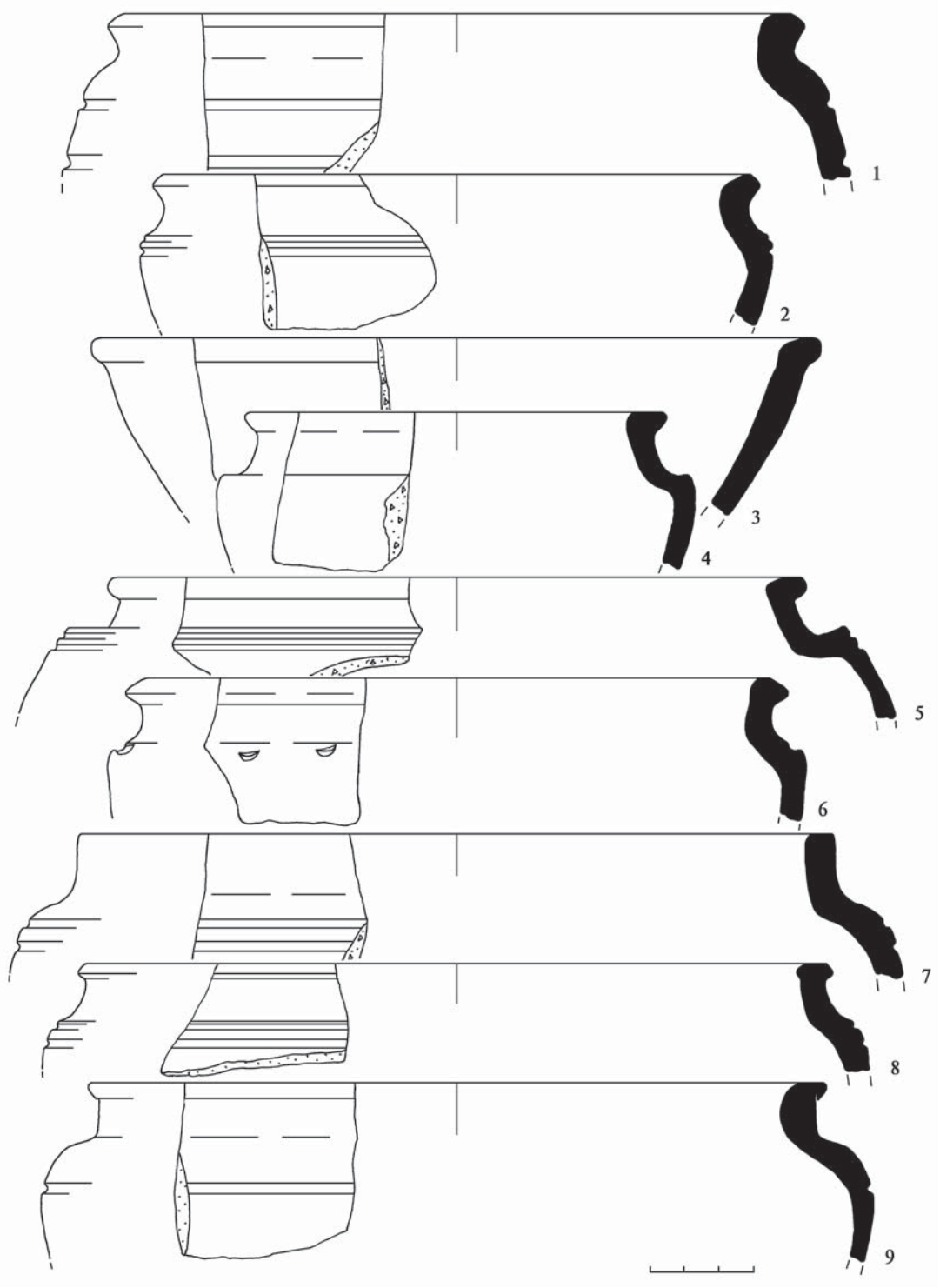


Рис. 7. Фрагменты гончарной посуды из слоя разрушения постройки № 2 (уч.1 м.я. № 7).

Расположение, размеры, особенности конструкции и интерьера, состав находок, относящихся к периоду функционирования и разрушения постройки, позволяют предположить, что она являлась не обычной жилой избой, а была связана с комплексом служебных построек, располагавшимся за апсидами собора.

Северо-восточная группа построек (цв.вкл.: рис.1) включает 3 разновременных комплекса (постройки №№ 7 (уч. 2 м.я. № 8), 8 (уч. 2 м.я. № 8А), 9 (уч. 2 м.я. № 8Б)), которые существовали последовательно, постепенно сдвигаясь

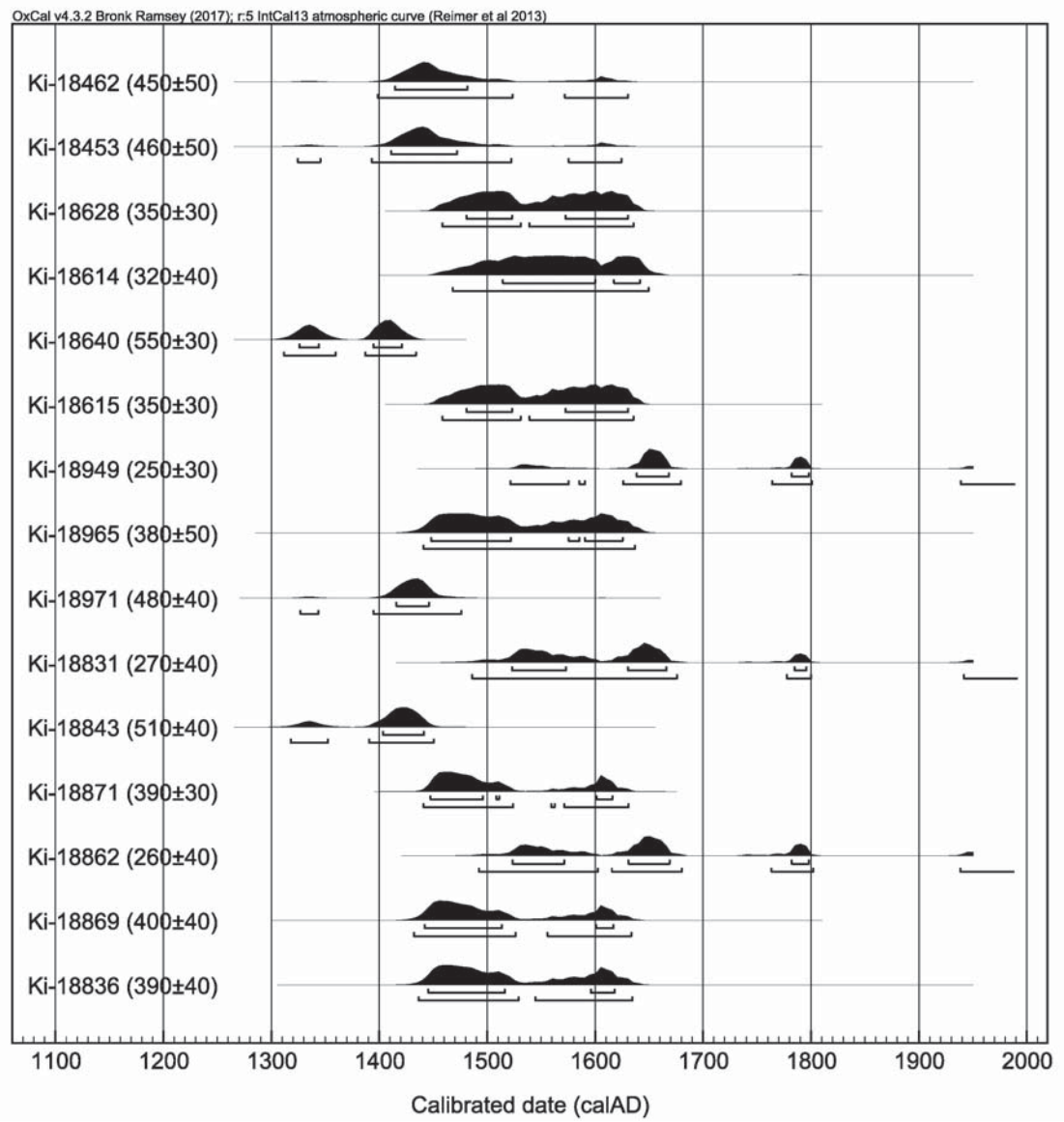


Рис. 8. Постройка № 2. Радиоуглеродные даты с учетом калибровки.

с запада на восток и все более приближаясь к зданию собора. От стратиграфически самой ранней постройки (№ 8) сохранился небольшой участок подклета (размерами 4×3 м), позволяющий получить лишь самое общее представление о ее особенностях: ориентация постройки была почти строго по сторонам света, глубина подклета от поверхности материка составляла около 1,1-1,4 м, внутри находилась деревянная конструкция. Из слоя разрушения комплекса происходят всего несколько фрагментов горшков, датируемых по тверским аналогиям второй половиной – концом XV–XVI вв. От следующей по времени постройки (№ 9) сохранился заглубленный примерно на 1,7 м в материк подклет, длина одной сохранившейся стороны (западной) которого составляла не менее 6,8 м. Кроме размеров[15], эта постройка отличалась

[15] О конструкции стен подклета данных нет. Несколько обнаруженных на дне подклета постройки столбовых ям находятся в разных частях комплекса, расположены на значительном расстоянии друг от друга, довольно хаотично, что не позволяет интерпретировать их как элементы столбовой конструкции стен.

от более ранней своей ориентацией[16]. Обнаруженные в слое разрушения постройки индивидуальные и массовые находки датируются в целом XIII–XVI вв.[17]

Больше информации получено для реконструкции самой поздней из данной группы постройки № 7 (уч. 2 м.я. № 8) (цв.вкл.: рис.3; рис.10) Она была уничтожена пожаром, при котором часть деревянных конструкций обуглилась, но сохранила свое местоположение. Комплекс не полностью попал в границы раскопа (примерно на 2/3), форма подклета в плане, вероятно, квадратная или прямоугольная; ориентирован он так же, как предшествующий[18]. Размеры исследованной части подклета довольно велики – 7,3×9,5 м, глубина от уровня древней дневной поверхности – 2,2 м (от поверхности материка – 1,2 м). Стены подклета были срубными, местами сохранилось до 5 нижних венцов, рубка в «лапу». Западная стенка сруба прослежена полностью (длина ее составляет 7,4 м). Внутри не было зафиксировано никаких перегородок, так что в целом площадь данного помещения составляла, вероятно, более 50 м^2. Вход в подклет находился у северо-западного угла постройки, здесь находилась лестница, ступени которой были вырезаны в материковом грунте и обложены плахами. Лестница была проложена не с верхнего этажа сруба, а снаружи, через своеобразный земляной тамбур[19]. Лестница выходила к северной стене сруба подклета на уровне нижнего венца, а внутри помещения ее продолжением у входа была подпрямоугольная конструкция (размерами 2,2×1,8 м), от которой сохранилось несколько плах[20]. В нижней части подклета зафиксированы лежавшие в разных направлениях сгоревшие бревна, которые, вероятно, представляли собой части рухнувшего перекрытия верхнего этажа и стен подклета (рис.10). Над ними, выше дна примерно на 50-60 см, по всей площади подклета зафиксирован развал большемерного красного кирпича (рис.11). Кирпичи лежали хаотично, под разными углами, что позволило предположить, что они находятся в потревоженном состоянии, т.е. вероятно, рухнули вниз при разрушении верхнего этажа постройки. Размеры кирпичей – 30-32×14,5-15×8-9 см. На них нет следов какого-либо связующего раствора. Возможно, уложены они были насухо, на слой песчаной подсыпки.

В заполнении подклета этой постройки выделено несколько стратиграфических слоев (цв.вкл.: рис.3): строительства и функционирования (I), разрушения (связанного с пожаром) (II), а также слой засыпки подклета, (которая производилась как сразу после пожара (III/1), так и позднее, в течение непродолжительного времени) (III/2-3).

Во время строительства более 40 различных предметов попало в заполнение пазухи между стенками материкового котлована и деревянными стенами подклета. Большинство из них происходят из разрушенных комплексов и отложений прилегающего культурного слоя XII–XV вв.[21] Ко времени строительства и функционирования

---

[16] Развернута по линии север-юг с азимутом 160^0, в соответствии с ориентацией собора.

[17] Обломки керамических плиток (типы В и К) [8], фрагмент стеклянного браслета, гвоздь железный, мелкие обломки украшений из цветных металлов. Большинство этих находок находятся в переотложенном состоянии.

[18] Полностью попавшая в границы раскопа западная стена подклета была ориентирована почти строго по линии север-юг, с азимутом 160-170^0.

[19] Продолжение этой конструкции было зафиксировано в 2015 г. при исследовании траншеи водопровода, примыкавшей с севера к раскопу 2014 г.

[20] Вдоль ее южной и восточной границ уложены 2 плахи (длиной 1,8 м, шириной 0,25 м, толщиной до 0,05 м), перпендикулярные друг другу.

[21] Среди находок – браслет бронзовый витой петлеконечный, фрагмент бронзового пластинчатого браслета, кольцо бронзовое проволочное перстнеобразное, бубенчика бронзового грушевидного фрагмент, привески бронзовой шумящей фрагмент, фрагменты плиток пола из красножгущейся глины (типы В, Г, Е, Ж, З) [8], пуло большое (?) и др.

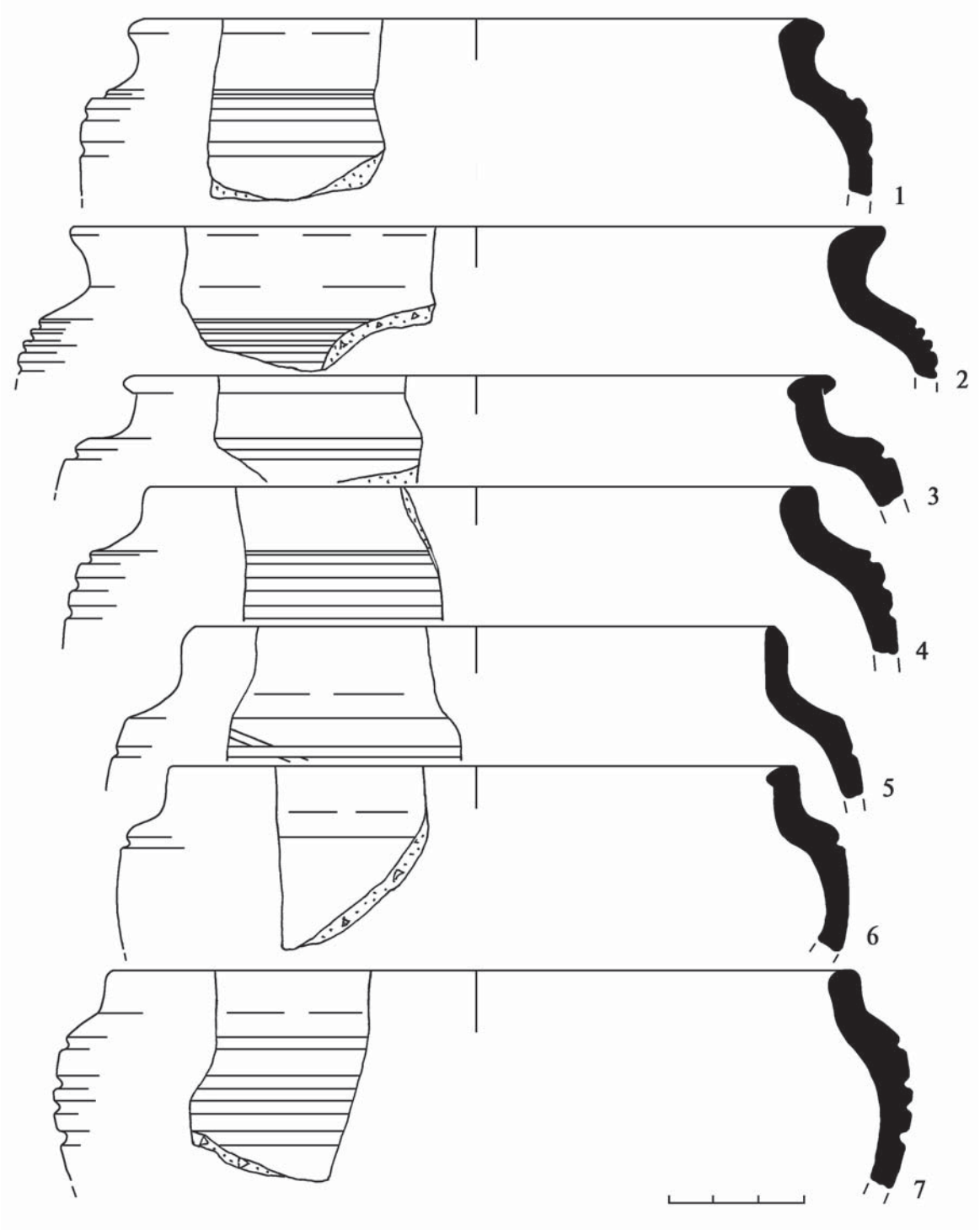


Рис. 9. Фрагменты гончарной посуды из слоя разрушения постройки № 2 (уч.1 м.я. № 7).

постройки относятся два гончарных сосуда: один горшок из беложгущейся глины был обнаружен в виде развала у северо-западного угла сруба (рис.12: 1а, б), второй найден на дне подклета (рис.12: 2а, б). Аналогии им известны в тверских комплексах второй половины – конца XV–XVI вв. [9; 10] Этим же периодом датируются и фрагменты различных форм керамической посуды, происходящей из данного слоя (рис.13: 1-7).

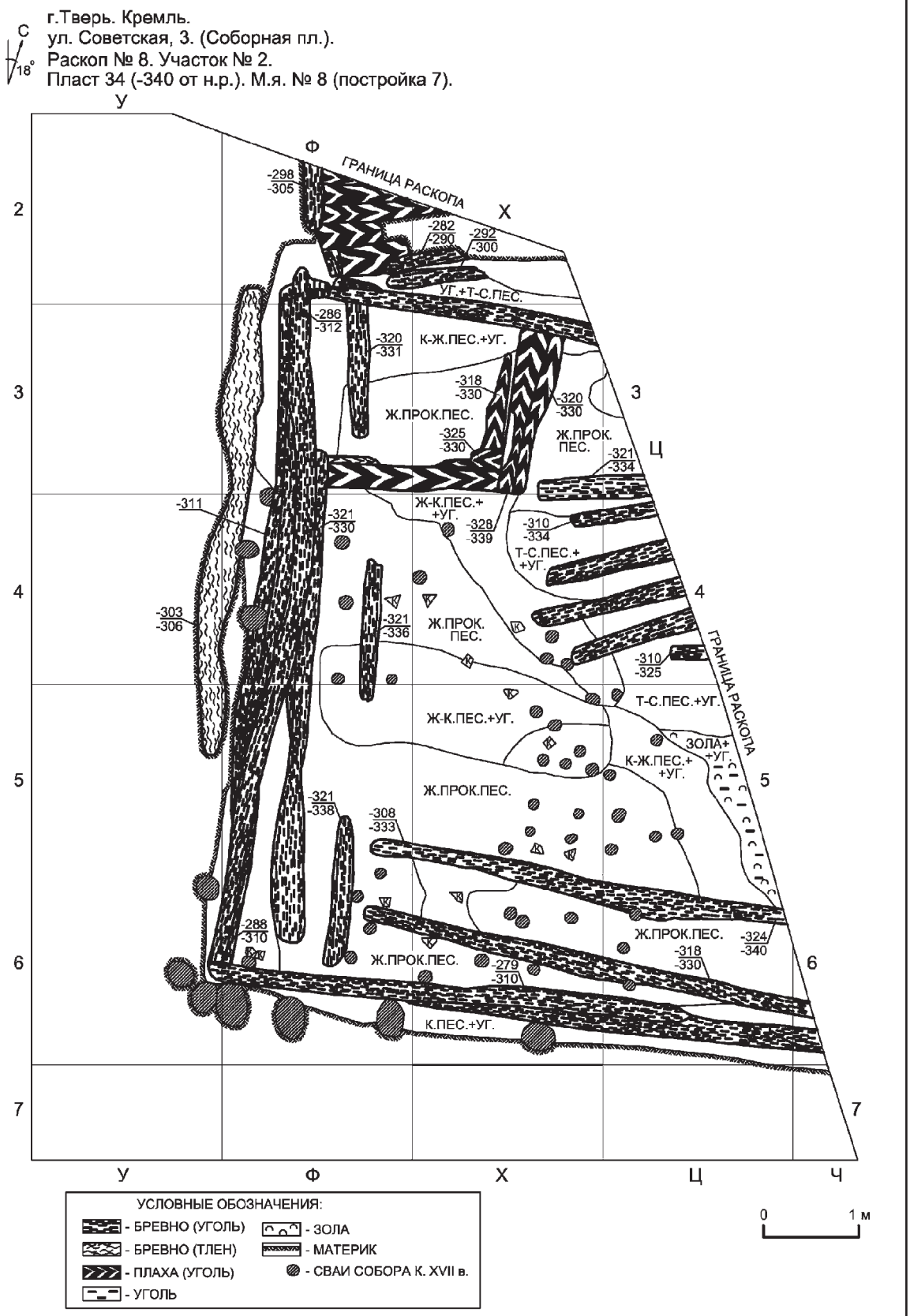


Рис. 10. План сгоревших деревянных конструкций постройки № 7 (уч.2 м.я. № 8).

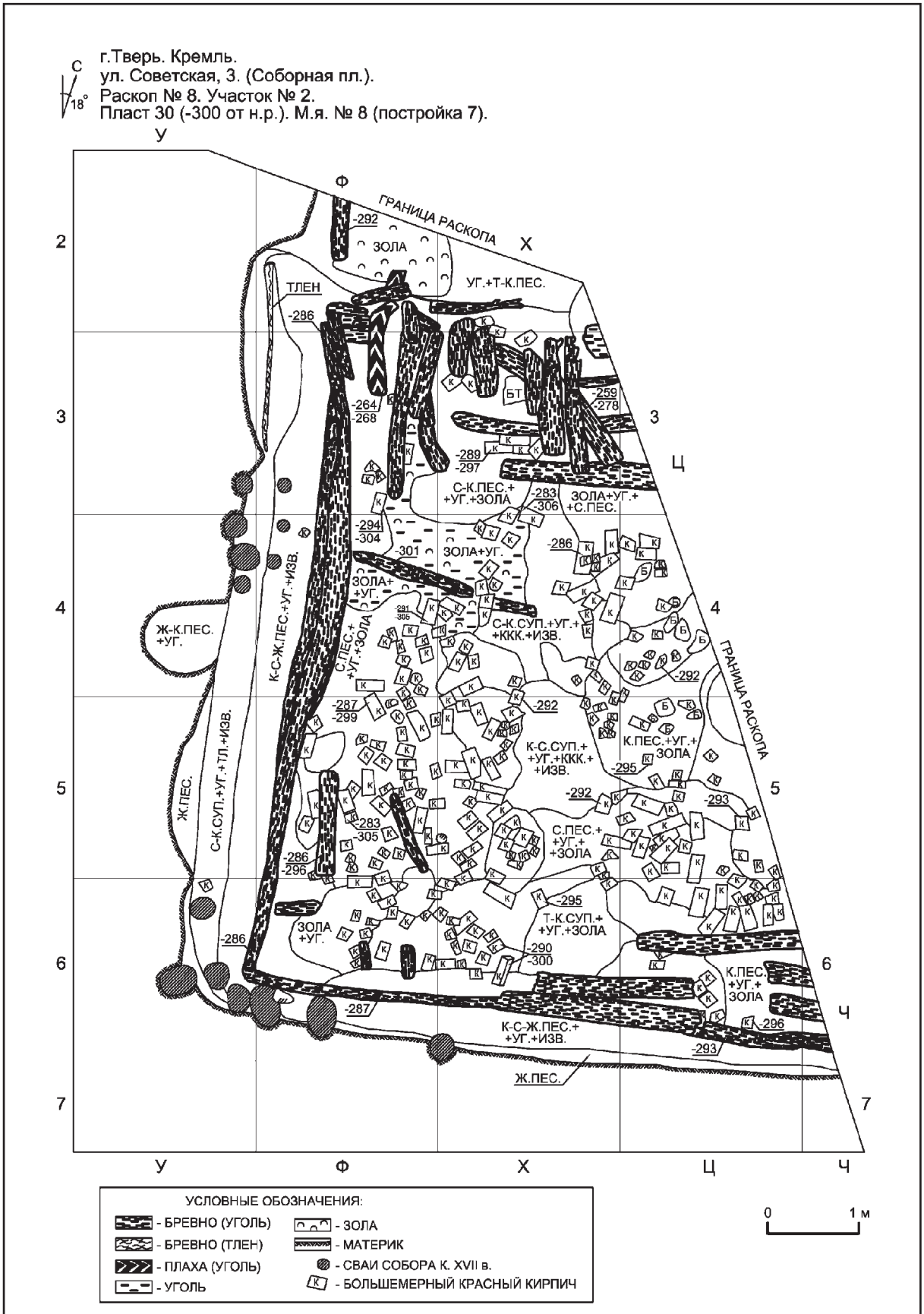


Рис. 11. Развал большемерного кирпича в заполнении подклета постройки № 7 (уч.2 м.я. № 8).

Во время пожара произошло обрушение конструкций наземной части постройки и подклета. С этим слоем (его мощность составляет от 0,5 до 1 м) связано 27 предметов различного назначения. Интересны обломки белокаменного столбика-балясины[22], найденные около входа в подклет (цв.вкл.: рис.16). Судя по глубине их залегания и расположению, балясина упала с верхнего уровня постройки в момент обрушения перекрытий. В этой же части заполнения комплекса найдены две монеты – денга великого князя Ивана IV (уч. 2 № 2358), подражание маленькому пулу (уч. 2 № 2553) (прил.: табл.2) и некоторые другие предметы – фрагмент костяной рукояти (уч. 2 № 2535) (цв.вкл.: рис.17: 1), железные изделия – мастерок (уч. 2 № 2539) (цв. вкл.: рис.17: 2), гвозди, пластина, стержни, мелкие фрагменты бронзовых пластин. На этом этапе в заполнение подклета попали также керамические плитки пола из интерьера собора Спаса (уч. 2 №№ 2500, 2515)[23] (цв.вкл.: рис. 17: 3-4) и единичные фрагменты фресок.

Выше слоя, образовавшегося в момент разрушения постройки в придонной части подклета, зафиксирован полутораметровый слой засыпки материкового котлована, состоящий из строительного мусора и переотложенного культурного слоя. В нем, на разной глубине, обнаружены 10 медных и серебряных монет[24] (прил.: табл.2) и другие находки: фрагменты сосудов с одно- и двусторонней зеленой и коричневой поливой (уч. 2 №№ 2356, 2377) (цв.вкл.: рис.18: 5-6), фрагменты сосудов с росписью по ангобу (уч. 2 № 2359, 2183) (цв.вкл.: рис.18: 4, 7), крест бронзовый нательный (уч. 2 № 2001) (цв.вкл.: рис.18: 1), нож железный черешковый (цв.вкл.: рис.18: 3), бронзовая полая трубка (уч. 2 № 2372) (цв.вкл.: рис.18: 2), гвозди и стержни железные [25].

Массовыми категориями находок из этого слоя являются различные детали интерьера собора Спаса: 308 фрагментов керамических плиток пола, среди которых преобладают обломки изделий с сильно изношенной лицевой поверхностью[26]; 140 фрагментов фресок (от мелких до довольно крупных, в некоторых случаях с фресками были отколоты даже куски стен из белого камня, на многих фресках фиксируются следы воздействия огня) (цв.вкл.: рис.19: 1-4). Не исключено, что эти фрагменты штукатурки с фресками располагались на сводах или в верхних частях стен, где пламя было особенно сильным.

В этой же части заполнения находились белокаменные резные архитектурные детали (цв.вкл.: рис.19: 5-6), обломки красных кирпичей, в том числе – лекального (цв.вкл.: рис.19: 7).

Все формы керамической посуды с разных уровней засыпки подклета постройки[27] относятся, судя по аналогиям [9-11], ко второй половине XV–XVI вв. (рис.20: 1-9).

---

[22] Размеры: низ – 16,5×15 см, верх – 12×11 см, поясок – 14×14 см, высота сохранившейся части – 45 см, реконструируемая высота – 90-100 см.

[23] Типы Б и В [8].

[24] №№ 2453, 2473, 2485, 2358, 2348, 2091, 1710, 1725, 1825, 1887.

[25] Значительную группу находок составляют предметы, попавшие из ранних отложений культурного слоя (XII – начала XV вв.): металлические украшения (височные кольца, бубенчики, перстни, накладки), стеклянные браслеты, фрагменты сосудов из кашина с подглазурной росписью, железные ключи от цилиндрических замков.

[26] Типы Б и В, Г, Д [8].

[27] Массовый керамический материал из заполнения котлована подклета постройки представлен 3107 фрагментами: 2363 – из красножгущейся глины (венчики, стенки и донца горшков, фрагменты крышек, мисок и кувшинов), 187 – из серожгущейся глины (венчики, стенки и донца горшков, фрагменты крышки, кувшина и миски), 481 – из беложгущейся глины (венчики, стенки и донца горшков, фрагменты кувшинов, крышек, мисок). Орнаментировано 547 фрагментов (линии, тычки, насечки, зубчатый и прямоугольный штамп, волна).

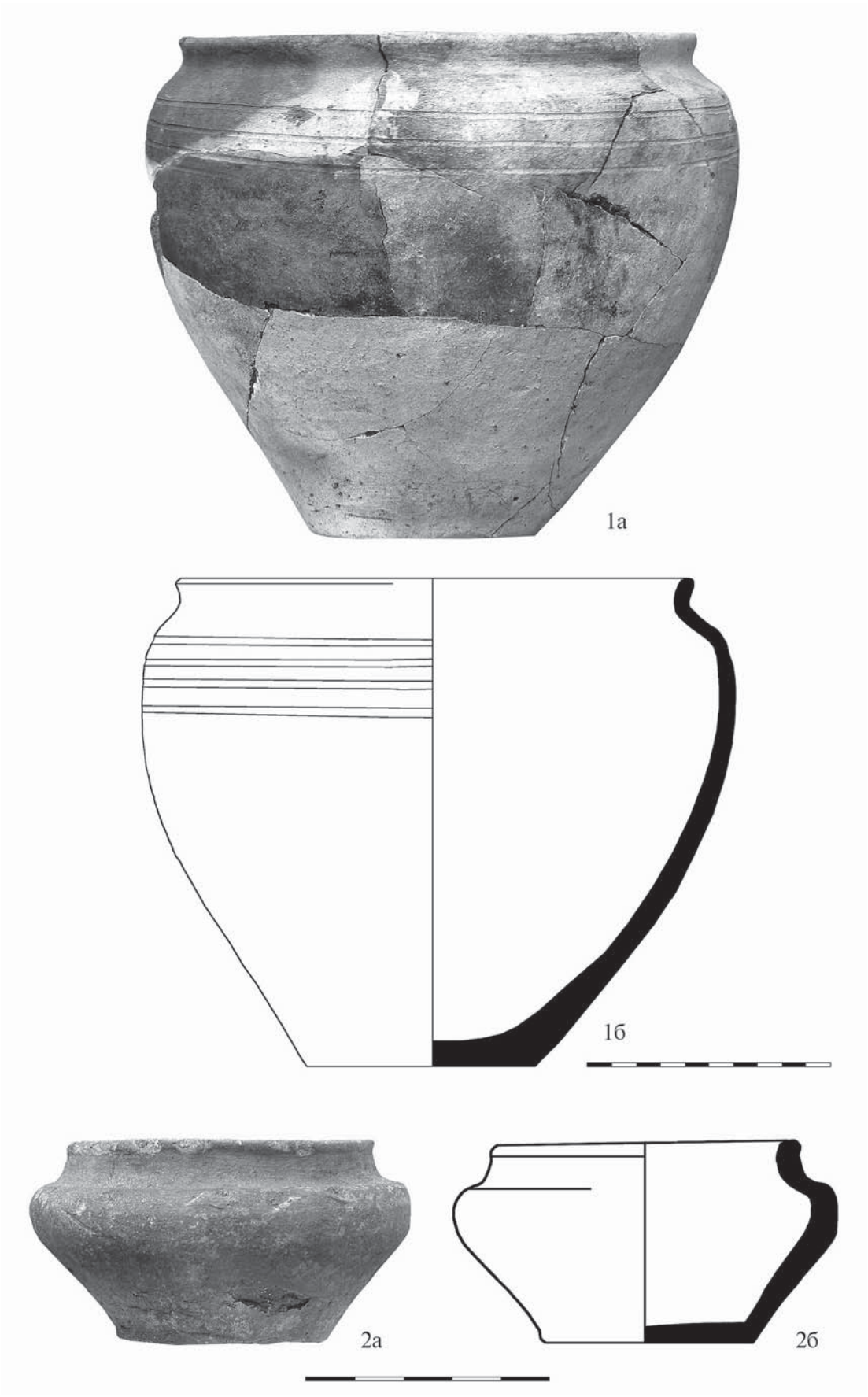


Рис. 12. Гончарные сосуды из слоя строительства и функционирования постройки № 7 (уч.2 м.я. № 8).

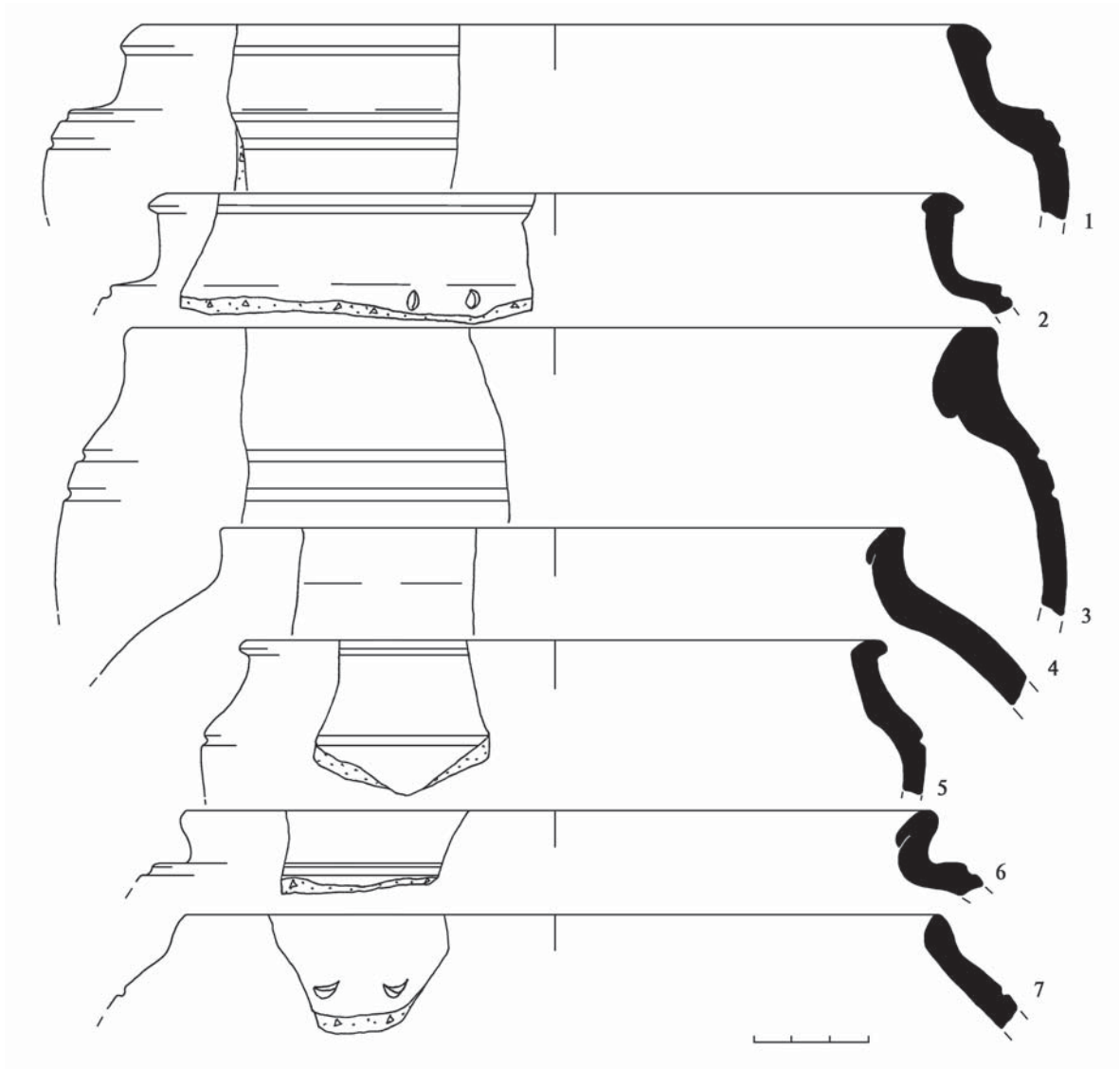


Рис. 13. Фрагменты гончарной посуды из слоя строительства и функционирования постройки № 7 (уч. 2 м.я. № 8).

С данным комплексом связано 8 радиоуглеродных дат, полученных для образцов угля от сгоревших конструкций подклета (прил.: табл.1, рис.14).

Комплексная датировка постройки № 7 – первая половина – середина XVI в.

Расположение, размеры, особенности конструкции подклета, некоторые детали интерьера позволяют отнести этот комплекс к постройкам служебного назначения, входившим в комплекс владычного двора, располагавшегося к северу от собора.

Предварительные выводы. В результате проведенных исследований установлено, что в XV – первой половине – середине XVI вв. в непосредственной близости от собора Спаса Преображения[28] на протяжении длительного времени существовали две зоны застройки. Наиболее сохранившиеся постройки первой половины – середины XVI в. можно интерпретировать как служебные. Самая крупная из них,

[28] Этот факт вызывает некоторое удивление, поскольку практика церковных ритуалов предусматривает наличие вокруг храма свободного пространства, необходимого, в частности, для проведения процессий по кругу (например, – крестного хода).

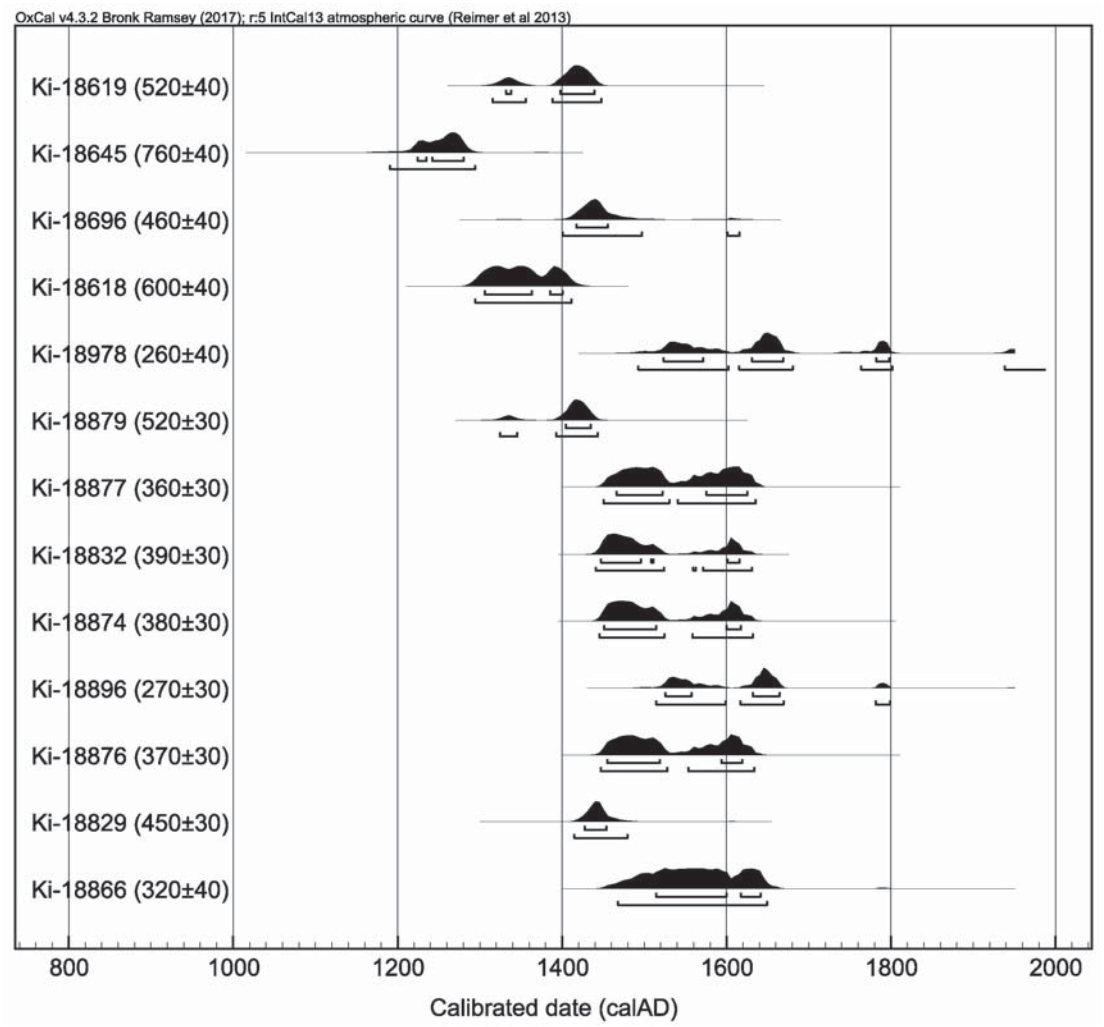


Рис. 14. Постройки №№ 3, 4, 7 (по табл. 1). Радиоуглеродные даты с учетом калибровки.

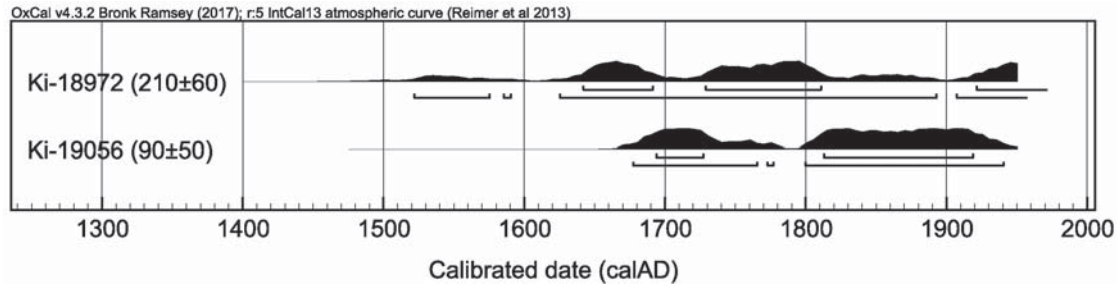


Рис. 15. Сваи под основанием фундамента собора конца XVII в.
Радиоуглеродные даты с учетом калибровки.

располагавшаяся к северо-востоку от собора, имела вход с северной стороны, т.е. с территории, где различными авторами на основании источников XIV–XVII–XVIII вв. локализуется двор тверского Владыки [12; 13; 17, ст. 498][29].

[29] Новые данные по топографии данного участка получены в 2015 г., при исследовании траншей коммуникаций к строящемуся зданию собора Спаса. Установлено, что застройку домонгольского времени к северу от раннего собора перекрывали постройки второй половины XIII – первой половины XIV вв., после гибели которых в пожаре застройка на этом месте не возобновлялась, а во второй половине XV в. на их месте появился частокол, ориентированный по линии запад-восток, здесь же позднее располагалась ограда двора тверского владыки.

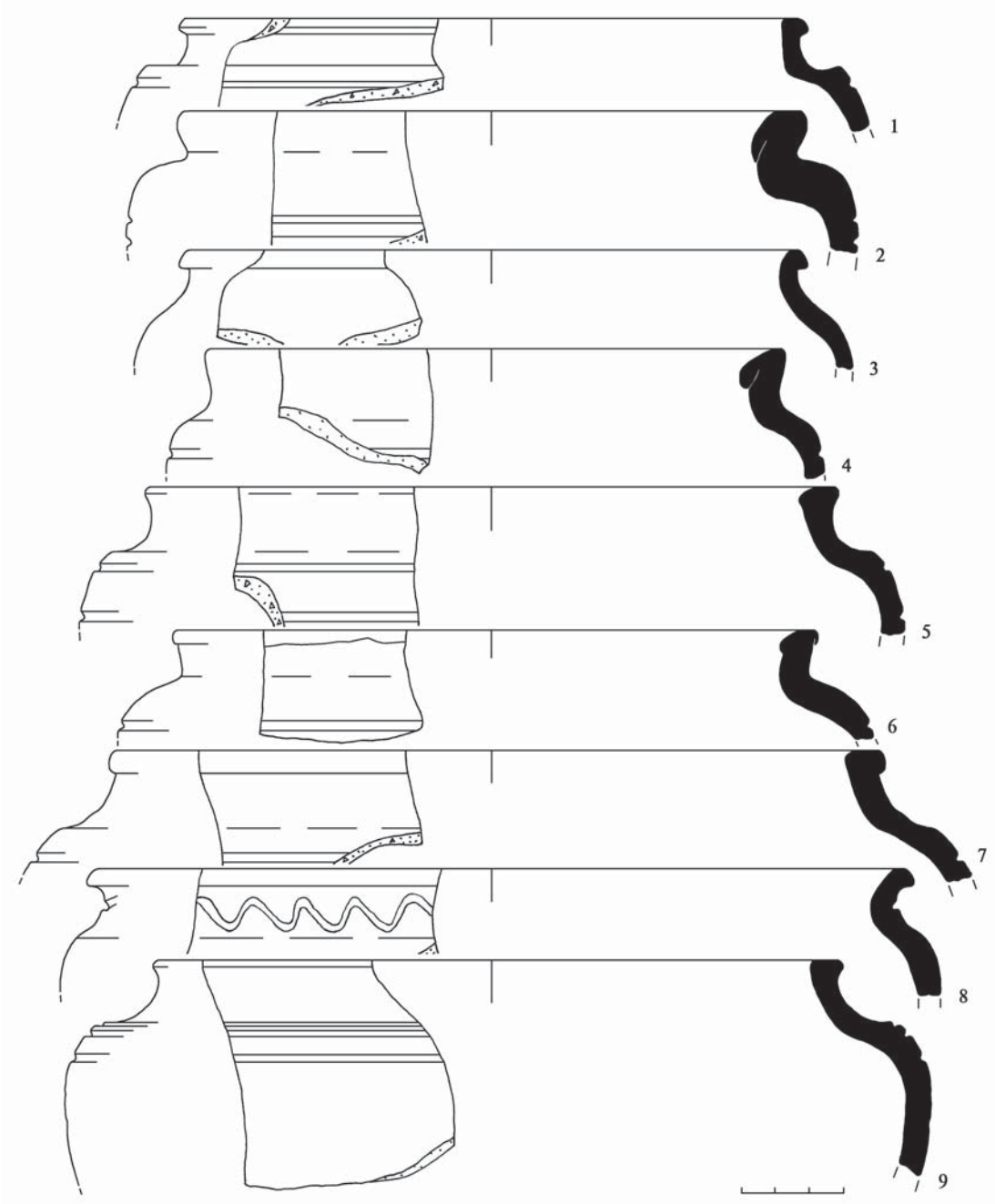


Рис. 20. Фрагменты гончарной посуды из слоя засыпки подклета постройки № 7 (уч.2 м.я. № 8).

Постройки к юго-востоку от апсид собора относятся к другому участку застройки, который формируется не ранее первой половины – середины XV в.[30] Не исключено, что какие-то из исследованных построек могли быть связаны с Афанасьевским монастырем, упоминаемом в «Писцовой и межевой книге города Твери 1685–1696 гг.» как «...Афонасьевской, что у Спаса за олтарем...» [15 , с.270; 16, ст.173-174].

[30] Проведенное исследование позволило также уточнить хронологию присоборного кладбища. Установлено, что в XV–XVI вв. на основной территории некрополя захоронения уже не совершались в связи с появлением здесь застройки. Лишь некоторые участки кладбища, непосредственно за апсидами собора, могли функционировать более длительное время.

Важно, что после нескольких пожаров (не менее трех, один из которых, вероятно, мог быть связан с бедствием 1448 г., когда сгорела значительная часть кремля – «...погоре град Тверь...» [17, стб.494]) постройки постоянно возобновляются на одном и том же месте в течение почти столетия. Две самые поздние из изученных построек, датирующиеся по археологическому материалу первой половиной – серединой XVI в., также были уничтожены пожаром. Наземные их части и деревянные конструкции заглубленных подклетов, вероятно, были разобраны сразу после бедствия. А сами котлованы достаточно быстро были засыпаны культурным слоем с включениями строительного мусора, образовавшегося при ремонте собора, интерьер которого тоже значительно пострадал от этого пожара.

Полученные на основании археологических материалов данные о сильном пожаре в первой половине – середине XVI в., затронувшем центр Тверского кремля с собором Спаса Преображения могут быть соотнесены с информацией письменных источников. Не исключено, что собор пострадал от двух пожаров 1537 г., описанных Софийской летописью: один из них случился «...въ Петровъ постъ, месяца іюня Божиім попущеніемъ бысть во Тфери, пріиде стрелка изъ грому и зажже градную стену отъ реки Тмаки...», второй, подробно описанный летописцем, – «...того же лета месяца іюля въ 22 день, в неделю, въ вечеру, и весь градъ выгоре...въ те поры отъ великого страха забыша церковных дверей затворити, и приде пламень великій и все въ церкви божіи попали и сожже: честные и чюдные иконы отъ древнихъ летъ..., и ... сосуды, и святые книги, и все сгоре и потребися и не остася ничтоже...» [19, с.303]. Картина глобальной катастрофы дополнена очевидцем этих событий Максимом Греком, наблюдавшим за катастрофой из Отроча монастыря «...судбами Божиими неизреченными огнь, не вемы откуду, възгоревся внезаапу, и духъ буренъ, възставъ от северьскых странъ градскыа стены, ...саму же стену всю окрестъ и велику съборную церковь съ всѣми святыми образы и священными съсуды, и пеленами и книгами, и ины многы священныа храмы и дворы всѣми вся вкупѣ вытребилъ в малѣ времени...». Далее затворник отмечал, что «тщанием Епископа Акакия все обновися лучше прежняго» [18, с.238-239]. Представленные материалы наглядно свидетельствуют о произошедшем катастрофическом пожаре, от которого пострадал и интерьер собора, а также о ремонте собора или, возможно, даже о работах по его частичной перестройке (перестройке верхов?), на возможность которых уже указывали исследователи [14, с.95]. На значительность произведенных пожарами опустошений косвенно указывает последовавшее вслед за ними коренное изменение ситуации с застройкой вокруг собора: отныне рядом с апсидами собора деревянные постройки не возводят.

Позднее лишь одна постройка была сооружена вплотную к храму, но это произошло уже позднее, во второй половине XVI в. и на другом участке присоборной территории – со стороны южной паперти и крыльца, выходящего в сторону Двора Великих князей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н.* Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012–2014 гг. // Российская археология. М.: Наука, 2018. № 2. – С. 148-161.

2. *Беляев Л.А., Сафарова И.А.* Отчет о спасательных археологических исследованиях на участке восстановления Спасо-Преображенского собора в Твери в 2014 г. (Тверской кремль, раскоп № 8 участки 1 и 2) // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Т. 1-XXVIII.

3. *Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н.* Некрополь середины XII–XIII вв. на месте Спасо-Преображенского собора в Тверском кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: ТНИИР-Центр, 2017. – С. 61-99.
4. *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука, 1993. – 298 с.
5. *Зайцев В.В.* Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: Юнона-монета, 2006. – 204 с.
6. *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М.: Финансы и статистика, 1989. – 341 с.
7. *Хухарев В.В.* Тверской денежный двор в XVI в. при Иване Грозном // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений. М.:, 2000. – С. 145-146.
8. *Сафарова И.А., Беляев Л.А., Хохлов А.Н.* Керамические плитки покрытия полов из раскопок на Соборной площади в Твери (по материалам исследований 2013–2014 гг.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь: ТНИИР-Центр, 2018. – С. 77-113.
9. *Рыбакова О.Е.* Керамический комплекс из постройки XVI в. на юго-восточной окраине Загородского посада г. Твери (по материалам исследований 2000 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь: Старый город, 2010. – С. 55-91.
10. *Сиволапова А.Б., Иванова А.Б.* Керамическая посуда из жилой застройки «докаменного» периода на территории Успенского монастыря г. Старицы Тверской области // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь: Старый город, 2010. – С. 48-54.
11. *Рудников С.А.* Археологические данные к топографии средневековой улицы на Затьмацком посаде г. Твери (по результатам раскопок 2014 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь: ТНИИР-Центр, 2016. – С. 221-228.
12. *Салимов А.М.* Резиденция тверского архиерея на рубеже XVII–XVIII веков (местоположение, границы, характер застройки) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Том II. Тверь: ТГОМ; ТНИИР-Центр. 2001. – С. 322-342.
13. *Хохлов А.Н., Мелькова В.Р.* Архитектурная керамика XV – первой половины XVIII вв. из раскопок владычного двора в Твери (по материалам археологических исследований 2012–2013 гг. на территории тверского Императорского дворца) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: ТНИИР-Центр, 2017. – С. 206-224.
14. *Салимов А.М.* Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь: Издательский дом «Тверское княжество». 2008. – 279 с.
15. Писцовая и межевая книга Твери 1685–1696 годов / Составитель А.В. Матисон. М.: «Старая Басманная», 2014. – 345 с.
16. Летописец Рогожский // ПСРЛ. Т. XV (Вып. 1). М.: Наука, 1965. – 186 стб.
17. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. М.: Наука, 1965. – 504 стб.
18. Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2 / Отв. редактор Н.В. Синицина. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. – 432 с.

ТНИИР-Центр,
г. Тверь,
ИА РАН,
г. Москва

Табл. 1. Результаты радиоуглеродного датирования материалов раскопа № 8 (Тверской кремль. Соборная пл.) 2013–2014 гг.

№ п/п	№ образца	Паспортные данные	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C BP	Возраст ^{14}C BC/AD
		Постройка № 2			
1	775	Уч.1. Кв.Ч-15, пл.18, м.я.7 (постройка № 2), слой с углем (образец 1)	Ki-18462	450 ± 50	1σ1414 (68.2%) 1481calAD 2σ1398 (84.4%) 1523calAD 1572 (11.0%) 1630calAD
2	776	Уч.1. Кв.Ч-15, пл.18, м.я.7, (постройка № 2) слой с углем (образец 2)	Ki-18453	460 ± 50	1σ1411 (68.2%) 1472calAD 2σ1324 (2.4%) 1345calAD 1393 (85.9%) 1522calAD 1575 (7.1%) 1624calAD
3	837	Уч.1. Кв.Ц-14, пл.24/-240, м.я.7 (постройка № 2) (образец 1), слой с углем	Ki-18628	350 ± 30	1σ 1481 (29.4%) 1523calAD 1572 (38.8%) 1630calAD 2σ 1458 (41.3%) 1531calAD 1539 (54.1%) 1635calAD
4	838	Уч.1. Кв.Ц-14, пл.24/-240, м.я.7 (постройка № 2) (образец 2), слой с углем	Ki-18614	320 ± 40	1σ 1514 (53.4%) 1600calAD 1617 (14.8%) 1641calAD 2σ 1468 (95.4%) 1649calAD
5	849	Уч.1. Кв.Ц-15, пл.26, м.я.7 (постройка № 2) (засыпка), уголь с тленом	Ki-18640	550 ± 30	1σ 1326 (24.3%) 1344calAD 1394 (43.9%) 1421calAD 2σ 1311 (40.5%) 1359calAD 1387 (54.9%) 1434calAD
6	850	Уч.1. Кв.Ц-14, пл.26, м.я.7 (постройка № 2) (образец 1), уголь с тленом	Ki-18615	350 ± 30	1σ 1481 (29.4%) 1523calAD 1572 (38.8%) 1630calAD 2σ 1458 (41.3%) 1531calAD 1539 (54.1%) 1635calAD
7	1075	Уч.1. Кв.Х-15, гл.-290/-293, м.я. №7 (постройка № 2) бревно южной стены, уголь	Ki-18949	250 ± 30	1σ 1638 (50.2%) 1668calAD 1782 (18.0%) 1798calAD 2σ 1521 (14.6%) 1575calAD 1585 (0.4%) 1590calAD 1626 (55.2%) 1679calAD 1764 (21.3%) 1801calAD 1939calAD (4.0%)
8	1076	Уч.1. Кв.Х-15, гл.-290/-293, м.я. №7 (постройка № 2) бревно западной стены, уголь	Ki-18965	380 ± 50	1σ 1448 (44.5%) 1522calAD 1575 (4.4%) 1585calAD 1590 (19.2%) 1625calAD 2σ 1441 (95.4%) 1637calAD
9	1128	Уч.1. Кв Ц-14, гл.-270, м.я. №7 (постройка № 2) бревно перекрытия, уголь	Ki-18971	480 ± 40	1σ 1416 (68.2%) 1446calAD 2σ 1327 (2.6%) 1343calAD 1394 (92.8%) 1476calAD
10	1133	Уч.1. Кв Х-14, гл.-280, м.я. №7 (постройка № 2) слой пожара, уголь	Ki-18831	270 ± 40	1σ 1523 (32.2%) 1573calAD 1630 (30.8%) 1666calAD 1785 (5.2%) 1795calAD 2σ 1486 (85.8%) 1676calAD 1777 (7.8%) 1800calAD 1941calAD (1.8%)

№ п/п	№ образца	Паспортные данные	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C BP	Возраст ^{14}C BC/AD
11	1135	Уч.1. Кв Х-14, гл.-280, м.я. №7 (постройка № 2) слой пожара, уголь	Ki-18843	510 ± 40	1σ 1403 (68.2%) 1441calAD 2σ 1318 (14.7%) 1352calAD 1390 (80.7%) 1450calAD
12	1155	Уч.1. Кв Х-14, гл.-295/-302, м.я. №7 (постройка № 2) западная стена сруба, уголь	Ki-18871	390 ± 30	1σ 1447 (53.9%) 1496calAD 1508 (1.7%) 1511calAD 1601 (12.6%) 1616calAD 2σ 1441 (69.3%) 1524calAD 1559 (0.5%) 1562calAD 1571 (25.6%) 1631calAD
13	1166	Уч.1. Кв Ц-14, гл. -292 м.я. №7 (постройка № 2) лага, уголь	Ki-18862	260 ± 40	1σ 1523 (24.0%) 1571calAD 1631 (34.1%) 1669calAD 1782 (10.1%) 1798calAD 2σ 1492 (37.2%) 1602calAD 1615 (40.6%) 1680calAD 1763 (13.9%) 1802calAD 1938calAD (3.6%)
14	1167	Уч.1. Кв Ц-15, гл. -292 м.я. №7 (постройка № 2) лага, уголь	Ki-18869	400 ± 40	1σ 1442 (57.4%) 1513calAD 1601 (10.8%) 1617calAD 2σ 1432 (66.5%) 1526calAD 1556 (28.9%) 1633calAD
15	1169	Уч.1. Кв Ц-15, гл. -291 м.я. №7 (постройка № 2) лага, уголь	Ki-18836	390 ± 40	1σ 1445 (53.6%) 1516calAD 1596 (14.6%) 1618calAD 2σ 1436 (60.8%) 1529calAD 1544 (34.6%) 1634calAD
		Постройка № 3			
16	845	Уч.1. Кв.Ч-15, пл.21, м.я.7а (постройка № 3) (образец 1), уголь	Ki-18619	520 ± 40	1σ 1332 (4.9%) 1338calAD 1398 (63.3%) 1439calAD 2σ 1315 (21.3%) 1356calAD 1388 (74.1%) 1448calAD
17	846	Уч.1. Кв.Ч-15, пл.21, м.я.7а (постройка № 3) (образец 2), уголь	Ki-18645	760 ± 40	1σ 1224 (11.5%) 1235calAD 1242 (56.7%) 1280calAD 2σ 1190 (95.4%) 1294calAD
18	847	Уч.1. Кв.Ч-14, пл.23, м.я.7а (постройка № 3) (образец 1), уголь	Ki-18696	460 ± 40	1σ 1417 (68.2%) 1455calAD 2σ 1401 (93.4%) 1497calAD 1601 (2.0%) 1616calAD
19	848	Уч.1. Кв.Ч-14, пл.23, м.я.7а (постройка № 3) (образец 2), уголь	Ki-18618	600 ± 40	1σ 1306 (54.3%) 1363calAD 1385 (13.9%) 1400calAD 2σ 1294 (95.4%) 1411calAD
		Постройка № 4			
20	1074	Уч.1. Кв.Ч-16, гл.-280/-287, м.я. №7Б (постройка № 4) бревно южной стены, уголь	Ki-18978	260 ± 40	1σ 1523 (24.0%) 1571calAD 1631 (34.1%) 1669calAD 1782 (10.1%) 1798calAD 2σ 1492 (37.2%) 1602calAD 1615 (40.6%) 1680calAD 1763 (13.9%) 1802calAD 1938calAD (3.6%)

№ п/п	№ образца	Паспортные данные	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C BP	Возраст ^{14}C BC/AD
		Постройка № 7			
21	1177	Уч.2. Кв Ф-5, гл. -286/-296 м.я. №8 (постройка № 7) бревно западной стены сруба, уголь	Ki-18879	520 ± 30	1σ 1404 (68.2%) 1435calAD 2σ 1324 (10.5%) 1345calAD 1393 (84.9%) 1443calAD
22	1178	Уч.2. Кв Х-6, гл. -320/-340 м.я. № 8 (постройка № 7) бревно южной стены сруба, уголь	Ki-18877	360 ± 30	1σ 1466 (37.5%) 1522calAD 1575 (30.7%) 1625calAD 2σ 1450 (47.7%) 1530calAD 1540 (47.7%) 1635calAD
23	1179	Уч.2. Кв Х-3, гл. -261/-275 м.я. № 8 (постройка № 7) бревно перекрытий уголь	Ki-18832	390 ± 30	1σ 1447 (53.9%) 1496calAD 1508 (1.7%) 1511calAD 1601 (12.6%) 1616calAD 2σ 1441 (69.3%) 1524calAD 1559 (0.5%) 1562calAD 1571 (25.6%) 1631calAD
24	1180	Уч.2. Кв Ц-6, гл. -320/-340 м.я. № 8 (постройка № 7) бревно южной стены сруба, уголь	Ki-18874	380 ± 30	1σ 1451 (53.8%) 1514calAD 1600 (14.4%) 1617calAD 2σ 1445 (61.6%) 1524calAD 1558 (33.8%) 1632calAD
25	1181	Уч.2. Кв Х,Ц-3, гл. -325/-341 м.я. № 8 (постройка № 7) бревна перекрытий, уголь	Ki-18896	270 ± 30	1σ 1525 (27.6%) 1557calAD 1632 (40.6%) 1664calAD 2σ 1514 (42.8%) 1599calAD 1617 (46.4%) 1669calAD 1781 (6.2%) 1799calAD
26	1182	Уч.2. Кв Ц-4, гл. -317/-328 м.я. № 8 (постройка № 7) бревна перекрытий, уголь	Ki-18876	370 ± 30	1σ 1455 (49.0%) 1519calAD 1594 (19.2%) 1619calAD 2σ 1447 (55.0%) 1528calAD 1553 (40.4%) 1634calAD
27	1184	Уч.2. Кв Ц-4, гл. -304/-317 м.я. № 8 (постройка № 7) бревна перекрытий, уголь	Ki-18829	450 ± 30	1σ 1427 (68.2%) 1454calAD 2σ 1415 (95.4%) 1479calAD
28	1186	Уч.2. Кв Х,Ц-6, гл. -322/-335 м.я. № 8 (постройка № 7) бревно южной стены сруба уголь	Ki-18866	320 ± 40	1σ 1514 (53.4%) 1600calAD 1617 (14.8%) 1641calAD 2σ 1468 (95.4%) 1649calAD
		Сваи под фундаментами собора конца XVII века			
29	1190	Уч.2. Кв Х-6, м.я. № 8 (постройка № 7) свая собора к. XVII в., тлен	Ki-18972	210 ± 60	1σ 1642 (20.6%) 1691calAD 1729 (34.5%) 1811calAD 1921calAD (13.1%) 2σ 1522 (6.4%) 1575calAD 1585 (0.4%) 1590calAD 1625 (73.7%) 1893calAD 1907calAD (14.9%)

№ п/п	№ образца	Паспортные данные	Лабораторный номер	Возраст ^{14}C BP	Возраст ^{14}C BC/AD
30	1191	Уч.2. Кв Х-4, м.я. № 8 (постройка № 7) свая собора к. XVII в., тлен	Ki-19056	90 ± 50	1σ 1694 (16.9%) 1727calAD 1813 (51.3%) 1919calAD 2σ 1677 (31.2%) 1765calAD 1773 (0.6%) 1777calAD 1800 (63.6%) 1940calAD

Табл. 2. Находки монет из построек.

Уч., № п/о	Описание монет	Ссылка на литературу
Постройка № 2 (уч. 1, м.я. № 7) (период строительства)		
Уч. 1, № 3855	Пуло маленькое (медь, размеры 12×8 мм, вес 0,30 г). Л.С.: фрагмент неясного изображения, вокруг линейный ободок. О.С.: следов знаков или букв не видно	
Уч. 1, № 3809	Пуло маленькое (медь, размеры 12×9 мм, вес 0,25 г). Л.С.: остатки неясного изображения. О.С.: следов знаков или букв не видно. В монете имеется небольшое отверстие	
Уч. 1, № 3593	Пуло маленькое московское (медь, размеры 10×8 мм, вес 0,38 г). Л.С.: крылатая сирена с чешуйчатым хвостом. О.С.: сохранилась двухстрочная надпись «ОУ../..МОС»	№ 405 [4]
Слой пожара (скопление)		
Уч. 1, № 3889	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 12×9 мм, вес 0,30 г). Л.С.: птица вправо с распростертыми крыльями. О.С.: двухстрочная надпись «..У/ОТ»	№ 361 [4]
Уч. 1, № 3991	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 12×7 мм, вес 0,38 г). Л.С.: птица влево, голова повернута назад, в клюве цветок на длинном стебле. О.С.: трехстрочная надпись «ОТ../.ЬС./ОЕ»	№ 358 [4]
Уч. 1, № 4004	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 10×10 мм, вес 0,32 г). Л.С.: птица влево, голова повернута назад, в клюве цветок на длинном стебле. О.С.: трехстрочная надпись «ОУ/...ОТВЕ/РЬС». Край монеты обломан	№ 358 [4]
Уч. 1, № 4010	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 10×9 мм, вес 0,12 г). Л.С.: птица вправо с распростертыми крыльями. О.С.: неопределимые фрагменты букв. Монета обломана и повреждена огнем	№№ 361-362 [4]
Уч. 1, № 4011	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 12×8 мм, вес 0,30 г). Л.С.: птица вправо с распростертыми крыльями. О.С.: надпись не сохранилась	№№ 361-362 [4]
Уч. 1, № 4014	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 9×6 мм, вес 0,21 г). Л.С.: птица вправо с распростертыми крыльями. О.С.: трехстрочная надпись «Л/..ТВЕ/..СК». Монета обломана	№ 361 [4]
Уч. 1, № 3990	Подражание маленькому пулу. Подражание без определенного прототипа (медь, размеры 12×9 мм, вес 0,25 г). Л.С.: фрагмент неясного изображения. О.С.: буквообразные знаки, подражающие двухстрочной надписи	

Уч., № п/о	Описание монет	Ссылка на литературу
Уч. 1, № 4005	Подражание маленькому пулу. Подражание с изображением птицы (медь, размеры 11×9 мм, вес 0,25 г). Л.С.: птица вправо с распростертыми крыльями. О.С.: буквообразные знаки подражающие строчной надписи	близко № 538 [4]
Уч. 1, № 4002	Пуло маленькое (медь, размеры 9×5 и 7×5 мм, вес 0,10 и 0,05 г). Л.С.: изображение не сохранилось. О.С.: следов знаков или букв не видно. Монета фрагментирована, сохранилось два фрагмента	
Уч. 1, № 4006	Пуло маленькое (медь, размеры 11×9 мм, вес 0,22 г). Л.С.: изображение не сохранилось. О.С.: следов знаков или букв не видно	
Уч. 1, № 4007	Спекшаяся от высокой температуры стопка серебряных монет. Монеты оплавлены, точное количество определить невозможно (5 шт. видно, остальное – сплав) (серебро, размеры 13×8 мм, вес 1,73 г)	
Уч. 1, № 4015	Пуло маленькое московское (медь, размеры 13×9 мм, вес 0,44 г). Л.С.: птица влево с распростертыми крыльями. О.С.: двухстрочная надпись «УЛ./.МОС»	№ 409 [4]
Уч. 1, № 4017	Пуло маленькое (медь, размеры 13×7 мм, вес 0,26 г). Л.С.: фрагмент неясного изображения. О.С.: следов знаков или букв не видно	
Уч. 1, № 4018	Пуло маленькое (медь, размеры 12×8 мм, вес 0,26 г). Л.С.: изображение не сохранилось. О.С.: следов знаков или букв не видно	
Уч. 1, № 4019	Пуло маленькое (медь, размеры 9×6 мм, вес 0,11 г). Л.С.: изображение не сохранилось. О.С.: следов знаков или букв не видно. Монета обломана	
Слой пожара (выше дна подклета)		
Уч. 1, № 3967	Подражание маленькому пулу. Подражание с изображением букв, буквообразных и геометрических знаков, точек (медь, размеры 13×9 мм, вес 0,42 г). Л.С.: буква «А». О.С.: беспорядочный набор геометрических знаков	близко № 585 [4]
Уч. 1, № 3982	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 14×8 мм, вес 0,44 г). Л.С.: сохранился фрагмент крыла крылатого четвероногого вправо. О.С.: трехстрочная надпись «Л/..ВЕРЬ/..ОЕ»	№ 357 [4]
Уч. 1, № 3985	Пуло большое тверское (медь, размеры 17×17 мм, вес 2,10 г). Л.С.: сохранился фрагмент головы рогатого животного (возможно, быка), с левой стороны головы крупная точка, вокруг линейный и точечный ободки. О.С.: надпись не сохранилась, вокруг линейный и точечный ободки	№ 67 [4]
Слой засыпки (II/2)		
Уч. 1, № 3909	Подражание маленькому пулу (медь, размеры 10×7 мм, вес 0,16 г). Подражание с изображением двуглавого орла, XVI век. Л.С.: двуглавый орел впрямь с распущенными крыльями. О.С: набор буквообразных знаков. Монета обломана	близко №№ 501-537 [4]
Уч. 1, № 3903	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 12×7 мм, вес 0,27 г). Л.С.: птица влево, голова повернута назад, в клюве цветок на длинном стебле. О.С.: трехстрочная надпись «ЛО.../РЬС../..ОЕ»	№ 358 [4]

Уч., № п/о	Описание монет	Ссылка на литературу
Уч. 1, № 3837	Пуло большое (медь, размеры 19×14 мм, вес 0,46 г). Л.С.: фрагмент изображения, вокруг точечный ободок. О.С.: остатки трехстрочной надписи. Брак чекана	
Уч. 1, № 3844	Пуло маленькое (медь, размеры 9×9 мм, вес 0,12 г). Л.С.: изображение не сохранилось. О.С.: следов знаков или букв не видно	
Уч. 1, № 3859	Подражание большому пулу (медь, размеры 16×16 мм, вес 0,71 г). Л.С. хаотический набор геометрических знаков и точек. О.С.: несколько буквообразных знаков	
Уч. 1, № 3752	Пуло маленькое (медь, размеры 12×9 мм, вес 0,27 г). Л.С.: сохранился фрагмент неясного изображения. О.С.: сохранилась остатки надписи, ясно видны буквы «ЕА»	
Уч. 1, № 3749	Пуло большое тверское (медь, размеры 16×20 мм, вес 0,70 г). Л.С.: знак похожий на букву Д, вокруг хаотично несколько точек. О.С.: неопределенный знак	близко № 99 [4]
Уч. 1, № 3806	Пуло большое тверское (медь, размеры 15×16 мм, вес 1,37 г). Л.С.: четвероногое животное вправо с поднятой передней лапой, вокруг ободок из редко стоящих точек. О.С.: сохранилась трехстрочная надпись между линиями «ПУЛ./.ФЕР/.ОЕ», вокруг линейный ободок	№ 135 [4]
Уч. 1, № 3825	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 13×9 мм, вес 0,32 г). Л.С.: птица влево, голова повернута назад, в клюве цветок на длинном стебле. О.С.: надпись не сохранилась	№ 358 [4]
Уч. 1, № 3724	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 11×8 мм, вес 0,43 г). Л.С.: птица влево с распростертыми крыльями. О.С.: сохранились нечитаемые остатки надписи, вокруг линейный ободок	№ 360 [4]
Уч. 1, № 3656	Пуло большое тверское (медь, размеры 16×16 мм, вес 0,91 г). Л.С.: остатки изображения (хвост) птицы вправо с пышным хвостом, вероятно павлин, вокруг линейный ободок. О.С.: трехстрочная надпись «УЛ./..ФЕ/....О», вокруг точечный ободок	№ 82 [4]
Уч. 1, № 3667	Пуло маленькое (медь, размеры 11×10 мм, вес 0,29 г). Л.С.: изображение не сохранилось. О.С.: следов знаков или букв не видно	
Уч. 1, № 3561	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 15×8 мм, вес 0,53 г). Л.С.: крылатое четвероногое вправо. О.С.: сохранилась двухстрочная надпись «РЬ/..КОЕ»	№ 357 [4]
Уч. 1, № 3571	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 11×9 мм, вес 0,43 г). Л.С.: птица вправо с распростертыми крыльями. О.С.: сохранилась трехстрочная надпись «У./.ТВЕ/..СК»	№ 361 [4]
Уч. 1, № 3575	Пуло большое тверское (медь, размеры 17×13 мм, вес 0,69 г). Л.С.: птица вправо, вокруг линейный и точечный ободки. О.С.: трехстрочная надпись между линиями «ПЛО/ТВЫ/СКІ», вокруг линейный и точечный ободки, край монеты обломан	№ 263 [4]
Уч. 1, № 3388	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 12×8 мм, вес 0,34 г). Л.С.: двуглавый орел впрямь с распростертыми крыльями. О.С.: надпись не сохранилась	№ 359 [4]

Уч., № п/о	Описание монет	Ссылка на литературу
Слой засыпки (III)		
Уч. 1, № 2378	Пуло маленькое новгородское (медь, плохая сохранность, размеры 9×14 мм). Л.С.: женская голова в трехчастной короне. О.С.: остатки надписи «ПУЛ.../НОВ...»	№ 438 [4] № 143.2 [5, с.135]
Уч. 1, № 2379	Пуло маленькое (?) тверское (медь, плохая сохранность, размер 9×13 мм). Л.С.: двуглавый орел (?) с круглыми головами. О.С.: остатки плохо читаемой надписи «...ЛОТВ...».	№ 359 (?) [4], № 73 (?) [5, с.106]
Уч. 1, № 2412	Пуло большое именное тверское (медь, размеры 16×14 мм). Л.С.: четвероногое с поднятым хвостом вправо; линейный и точечный ободок. О.С.: надпись, разделенная горизонтальными линиями «ПУТ/КНЗЯВ/ЛКГОМ/ХІМ», именной чекан вел. кн. Михаила Борисовича (1461–1485 гг.)	№ 9 [4]
Уч. 1, № 2780	Пуло маленькое московское (медь, размеры 10×15 мм). Л.С.: двуглавый орел. О.С.: остатки надписи «ПVЛ/ОМОСК/...ВЪС...»	№ 408 [4] № 45 [5]
Уч. 1, № 2787	Подражание (?) маленькому пулу (медь, плохая сохранность, потерто, размеры 10х10 мм). О.С.: буквоподобные (?) знаки. Л.С.: четвероногое животное(?) вправо	№ 479 [4]
Постройка № 7 (уч.2, м.я. № 8) (период строительства)		
Уч. 2, № 2498	Пуло большое тверское ? (медь, размеры 7×6 мм, вес 0,27 г). Сохранился небольшой деформированный фрагмент, изображения и надписи не отмечены, монета отчеканена на заготовке, вырезанной ножницами из пластины	
Слой разрушения (пожар)		
Уч. 2, № 2553	Подражание маленьким тверским и московским пулам с изображением двуглавого орла (медь, размеры 13×9 мм, вес 0,33 г). Л.С.: двуглавый орел впрямь с распущенными крыльями. О.С.: сохранились остатки неясных геометрических знаков	
Уч. 2, № 2538	Денга Ивана IV (серебро, размеры сохранившейся части 10×8 мм, вес 0,24 г). Л.С.: всадник с саблей вправо. О.С.: сохранилась трехстрочная надпись «..HSЬ/.ЕЛІКІ/ІВАН», вокруг точечный ободок. Монета фрагментирована	№№ 5-10 [6]
Слой засыпки		
Уч. 2, № 2453	Пуло тверское малое (медь, размеры 11×9 мм, вес 0,33 г). Л.С. Птица вправо с распростертыми крыльями; вокруг линейный ободок. О.С. Сохранилась трехстрочная надпись: «ПОУ./ОТВ./РЬ..»	№ 361 [4]
Уч. 2, № 2473	Пуло маленькое московское (медь, размеры 13×8 мм, вес 0,24 г). Л.С.: двуглавый орел впрямь с распростертыми крыльями. О.С.: сохранилась двухстрочная надпись «УЛ/..ОСК»	№№ 407, 408 [4]
Уч. 2, № 2485	Подражание большому пулу (медь, размеры 19×18 мм, вес 0,93 г). Л.С.: сохранилось изображение буквы «Г». О.С.: изображений и надписей не сохранилось. Монетная заготовка вырезана ножницами из листа	

Уч., № п/о	Описание монет	Ссылка на литературу
Уч. 2, № 2358	Пуло большое тверское (медь, размеры 17×11 мм, вес 0,28 г). Л.С.: четвероногое животное вправо с раскрытой пастью и высунутым языком, с повернутой назад головой, передняя лапа и хвост подняты, вокруг линейный и точечный ободки. О.С.: сохранилась трехстрочная надпись между линиям «ПЧТ/..НЗЯВ/..КГО..», монета фрагментирована. Именной чекан вел. князя Михаила Борисовича (1461–1485)	№ 45 [4]
Уч. 2, № 2348	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 16×10 мм, вес 0,55 г). Л.С.: крылатое четвероногое вправо, над крылом четырехлепестковая розетка, язык высунут. О.С.: сохранилась двухстрочная надпись «ТВЕ../СКОЕ»	№ 357 [4]
Уч. 2, № 2091	Подражание маленькому пулу (медь, размеры 10×7 мм, вес 0,09 г). Л.С.: клиновидный знак. О.С.: никаких знаков не видно	близко №№ 587, 588 [4]
Уч. 2, № 1710	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 13×7 мм, вес 0,26 г). Л.С.: птица влево, голова повернута назад, в клюве цветок на длинном стебле (очень плохой сохранности). О.С.: сохранилась надпись «..ОТВ..»	№ 358 [4]
Уч. 2, № 1725	Пуло маленькое тверское (медь, размеры 13×10 мм, вес 0,37 г). Л.С.: птица влево, голова повернута назад, в клюве цветок на длинном стебле (сохранился небольшой фрагмент с головой и цветком). О.С.: сохранились отдельные буквы надписи	№ 358 [4]
Уч. 2, № 1825	Пуло большое тверское (медь, размеры 17×12 мм, вес 0,96 г). Л.С.: человек в полный рост впрямь с руками, упершимися в бока. О.С.: четвероногое животное влево с поднятым хвостом и повернутой назад головой; вокруг линейный и точечный ободок	№№ 290, 291 [4]
Уч. 2, № 1887	Денга великого князя Ивана III (1462–1505) (?) (серебро, размеры 13×10 мм, вес 0,24 г). На Л.С. и О.С. изображение не сохранилось	

I.A. Safarova, A. N. Khokhlov, L.A. Belyaev

Buildings of the XV–XVI Centuries Located near Apsides of the Church of the Transfiguration of the Savior in Tver Kremlin (Based on Excavation Material of 2013–2014)

The article represents materials of excavation held to the east of the Church of the Transfiguration of the Savior in the center of Tver Kremlin in 2013–2014. The authors analyse topography and stratigraphy as well as findings from several complexes of buildings with embedded ground floors located near apsides of the Church in the XV–XVI centuries. Two buildings of the first half – the middle of the XVI century burnt down in a fire are identified as utility buildings. According to the data available the authors suppose that these complexes were destroyed in the fire of 1537 reported by Maximus the Greek.

Keywords: *Tver, kremlin, Church of the Transfiguration of the Savior, housing development, necropolis, fire, XV–XVI centuries.*

УДК 903.57 (470.331) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.221-241

А.Н. ХОХЛОВ, С.А. КУНГУРЦЕВА, А.Б. ИВАНОВА

К ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВОГО НЕКРОПОЛЯ У ЦЕРКВИ БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТВЕРСКОГО КРЕМЛЯ

В статье рассмотрены погребения средневекового некрополя у церкви Благовещения в южной части Тверского кремля. На основании анализа относительной стратиграфии и датировки находок установлена хронология некрополя – XIV – первая половина XV вв., выделено три этапа его функционирования. Определены границы юго-восточной части некрополя в указанный период. Проанализирован погребальный обряд.

Ключевые слова: *Тверь, кремль, некрополь, захоронение, могильная яма, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, церковь Св. Василия.*

Изучение некрополей дает важную информацию о различных аспектах истории города, причем наиболее эффективен комплексный анализ всех имеющихся источников [1; 23; 24; 30-32].

В процессе спасательных археологических исследований, проведенных в 2014–2015 гг. в южной части Тверского кремля, по ул. И. Седых, 8 (рис.1), был выявлен участок средневекового грунтового могильника, который по своему месторасположению предварительно может быть соотнесен с кладбищем у церкви Благовещения Богородицы, известной по письменным источникам с XVI в. [4, с.164, 229, 293]. На плане Твери XVII в., реконструированном А.С. Щенковым, церковь Благовещения располагается напротив южных Благовещенских ворот кремля [2]. Н.В. Жилина в работе по планиграфии тверского кремля XIII–XV вв. рядом с южными воротами кремля, к северо-востоку от них, помещает церковь Василия [3], которая, вероятно, предшествовала церкви Благовещения.

В Дозорной книге 1551–1554 гг. перечислены владения, принадлежащие храму «Благовещенья что в Твери в городе» [4, с.164, 229, 293]. Церковь упомянута среди прочих на территории кремля в Дозорной книге г. Твери 1616 года: «храм ружный Благовещения Пресвятой Богородицы древяной...», который «погорел в лето 7124 года» (в 1616 году) [5, с.13]. Церковь была восстановлена, в «Книге писцовой и межевой писма и межевания Лариона Шишкова и подъячего Алексей Челюскина 193 и 194 года» (за 1685 год) находим описание: «Да у Благовещенских ворот церковь Благовещения Пресвятые Богородицы, древянная а в ней божия милосердия царские двери и столпцы писаны на вохре. На правой стороне местной образ Благовещения Пресвятые Богородицы писан на вохре, венцы серебреные резные...» [6, л.83, 83об.].

На плане Ярцова первой четверти XVIII в. рядом с южными воротами располагается церковь Благовещения [33].

Погребения выявлены в юго-западной части раскопа № 22 и в северной части примыкавшей к нему траншеи (рис.2). Всего исследовано 20 погребений. Кроме того, в западной стенке траншеи выявлены восточные части еще трех могильных ям, погребения которых остались за границами исследованной площади.

Значительная часть выявленных погребений была разрушена в ходе строительной и хозяйственной деятельности в более поздний период в XVI в., при строи-

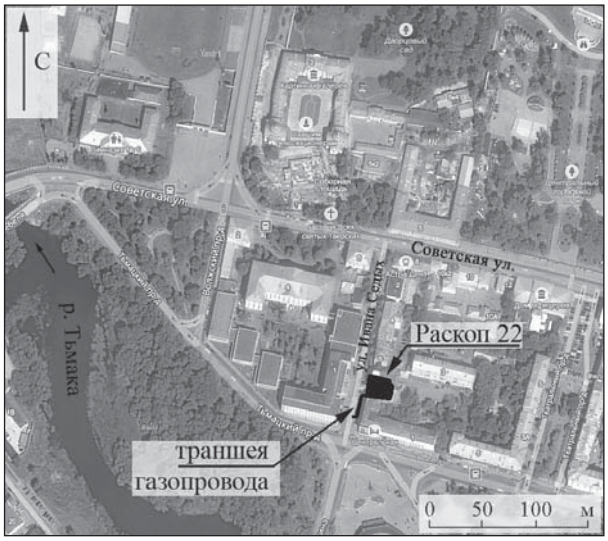


Рис. 1. Месторасположение исследованного участка на спутниковом снимке Google.ru.

тельстве тверского тюремного замка в XVIII в. [26; 27], при прокладке коммуникаций в XX в. (рис.3).

Хронология некрополя и стратиграфическая ситуация на исследованном участке.

Анализ ориентировки, расположения и глубины погребений, датировка находок из отложений культурного слоя, прорезанного могильными ямами, и из слоев, связанных с функционированием и разрушением кладбища, а также анализ относительной стратиграфии позволили определить общее время существования выявленного участка кладбища как XIV – первая половина XV вв. и выделить 3 хронологических периода его функционирования (рис.4).

К 1-му периоду (начало – первая половина XIV в.) относится четыре погребения (№ 5 и 6 – раскоп; № 12, 13 – траншея) с ориентировкой в интервале от 240^0 до 258^0 по азимуту, и три ямы, предварительно интерпретированные как могильные, погребения которых остались за границами раскопа (рис.4). Погребения этого периода прорезали заполнение частокольных канавок и хозяйственных ям второй половины XIII в. (рис.5). В заполнении двух могильных ям в переотложенном состоянии найдены фрагмент стеклянного браслета, датированный научным сотрудником ООО «ТНИИР-Центр» И.А. Сафаровой XIII в. (рис.6: 5) и фрагменты стенок и придонной части сосудов, изготовленных на гончарном круге, с примесью песка и мелкой и средней дресвы в тесте (рис.6: 11). Реконструировать формы сосудов не удалось из-за небольших размеров найденных фрагментов.

Ко 2-му периоду (вторая половина XIV в.) относится только одно из выявленных в раскопах погребений (№ 4 раскоп), перекрывающее погребение 1-го периода. Ориентировка его отличается от погребений предыдущего и последующего периодов – по линии с азимутом 226^0. Захоронение фиксировалось в нижней части слоя, вероятно, многократно переотложенного при сооружении могильных ям, в связи с чем границы могильной ямы погребения № 4 (раскоп) практически не фиксировались (рис.4, 5). Данный слой сложен серой супесью с включением угля, тлена и желтого суглинка. Мощность его варьирует от 0,12 до 0,5 м. В переотложенном состоянии в этом слое найдены фрагменты стеклянных браслетов второй половины XII – начала XIII вв. и второй половины XIII – начала – первой половины XIV вв.[1] (рис.6: 1-4, 6-9). Здесь же найдена железная пластина (рис.6: 10). Керамическая посуда из данного слоя представлена сосудами различных форм, аналогии которым обнаруживаются среди тверской керамики XIII–XIV вв. [7-9] (рис.7). В переотложенном состоянии в этом слое найдены фрагменты сосудов середины – второй половины XII в. [10].

Вероятно, большая часть погребений второго периода располагается за пределами исследованной площади.

[1] Определение и датировка стеклянных изделий проведена научным сотрудником ООО «ТНИИР-центр» И.А. Сафаровой.

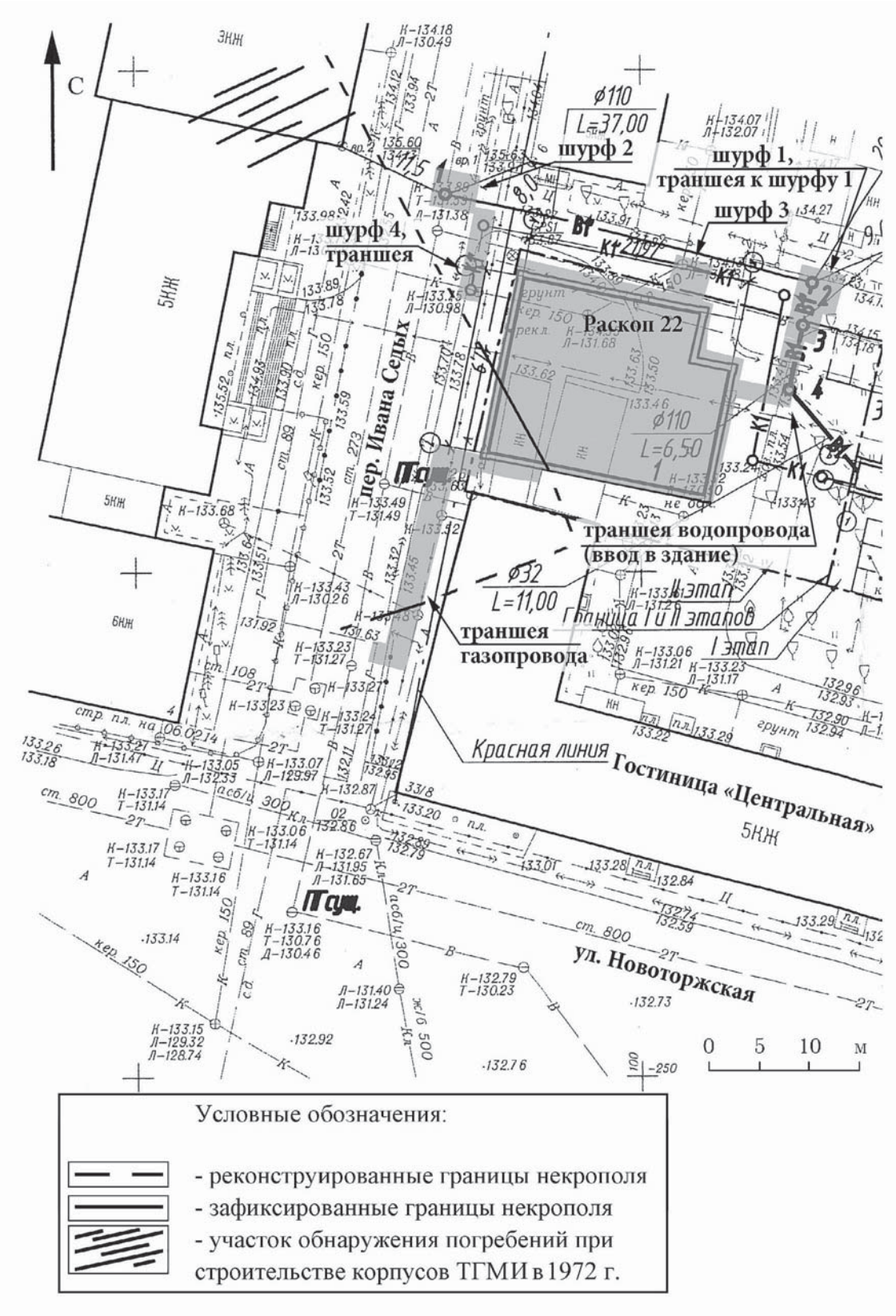


Рис. 2. Ситуационный план исследованного участка с указанием реконструированных границ кладбища.

Рис. 3. Расчистка погребений в траншее газопровода.

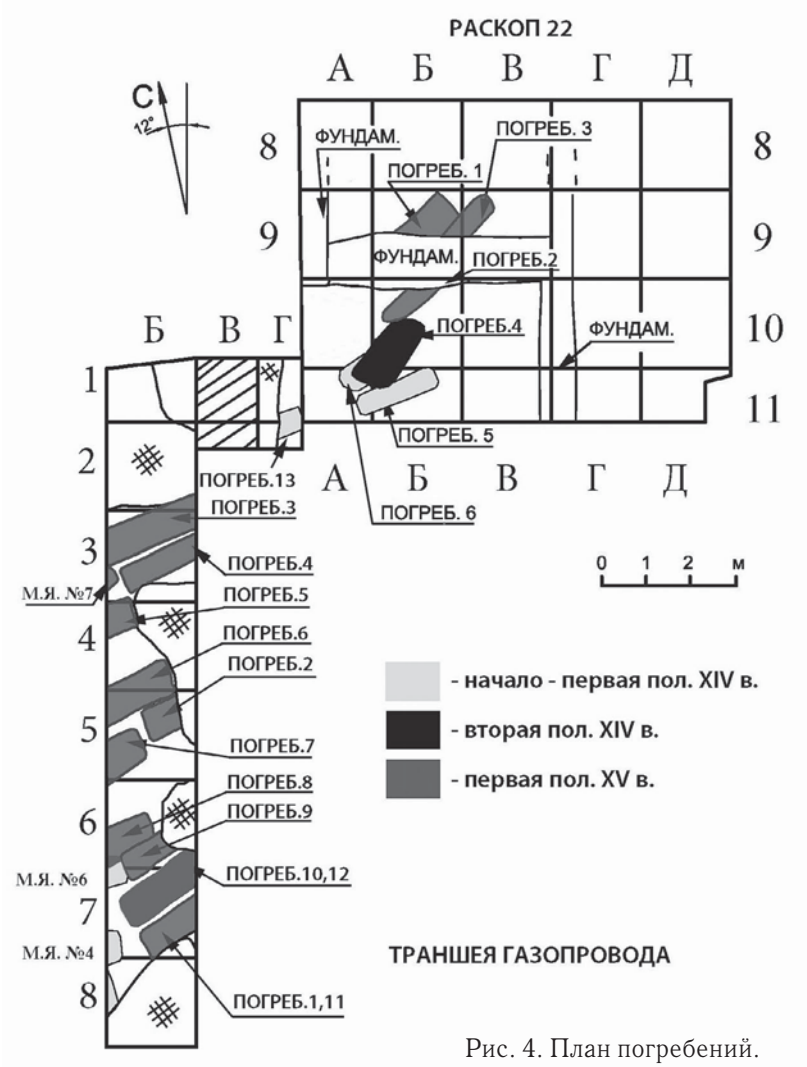


Рис. 4. План погребений.

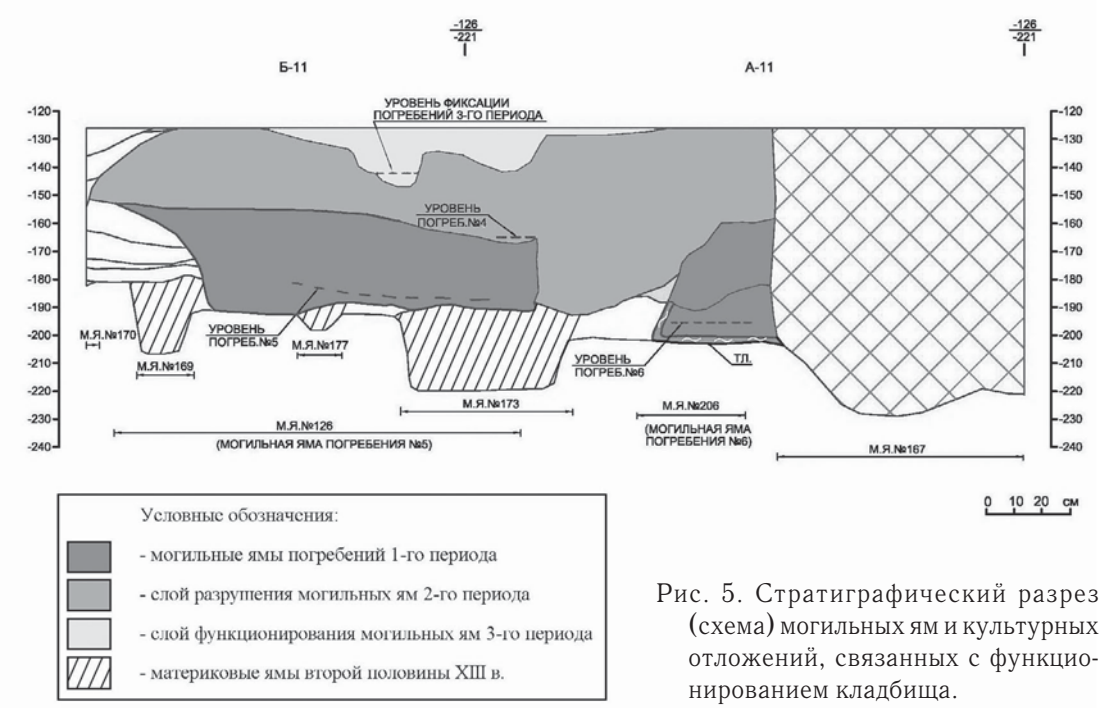


Рис. 5. Стратиграфический разрез (схема) могильных ям и культурных отложений, связанных с функционированием кладбища.

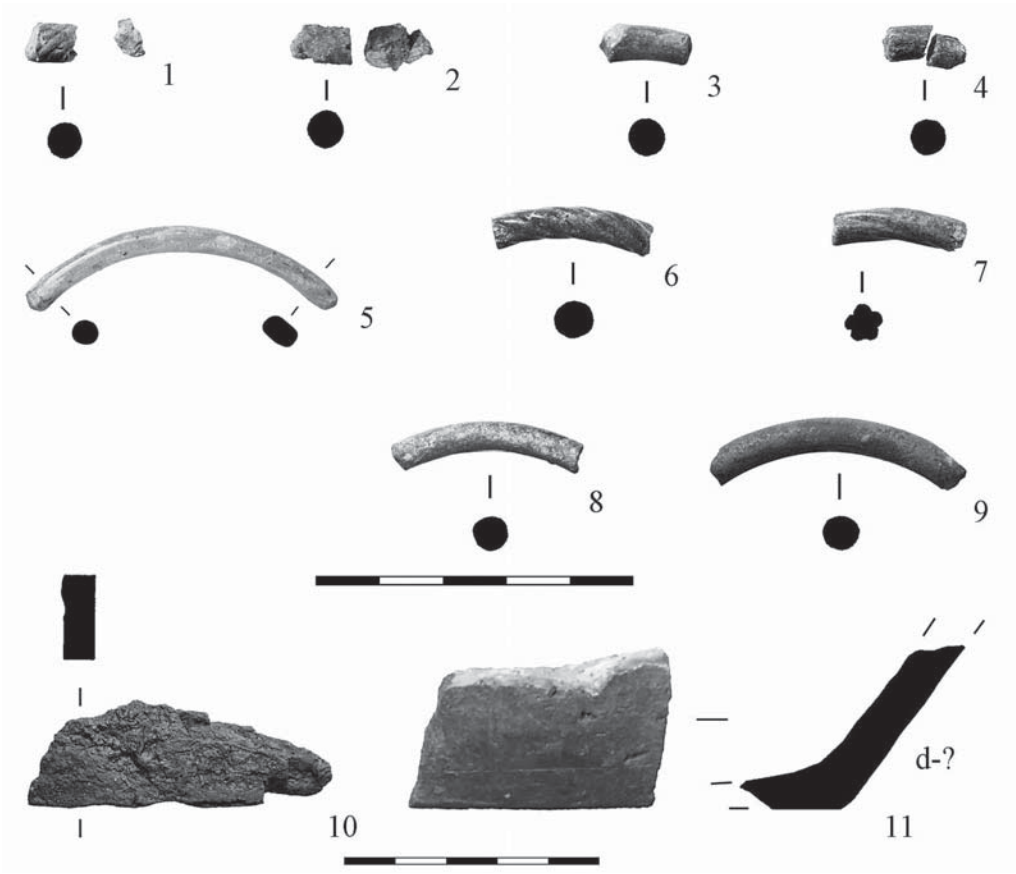


Рис. 6. Находки из заполнения могильных ям погребений 1-го периода и из слоя разрушения могильных ям 2-го периода: 1-9 фрагменты стеклянных браслетов; 10 - железная пластина; 11 - фрагмент придонной части сосуда из красножгущейся глины.

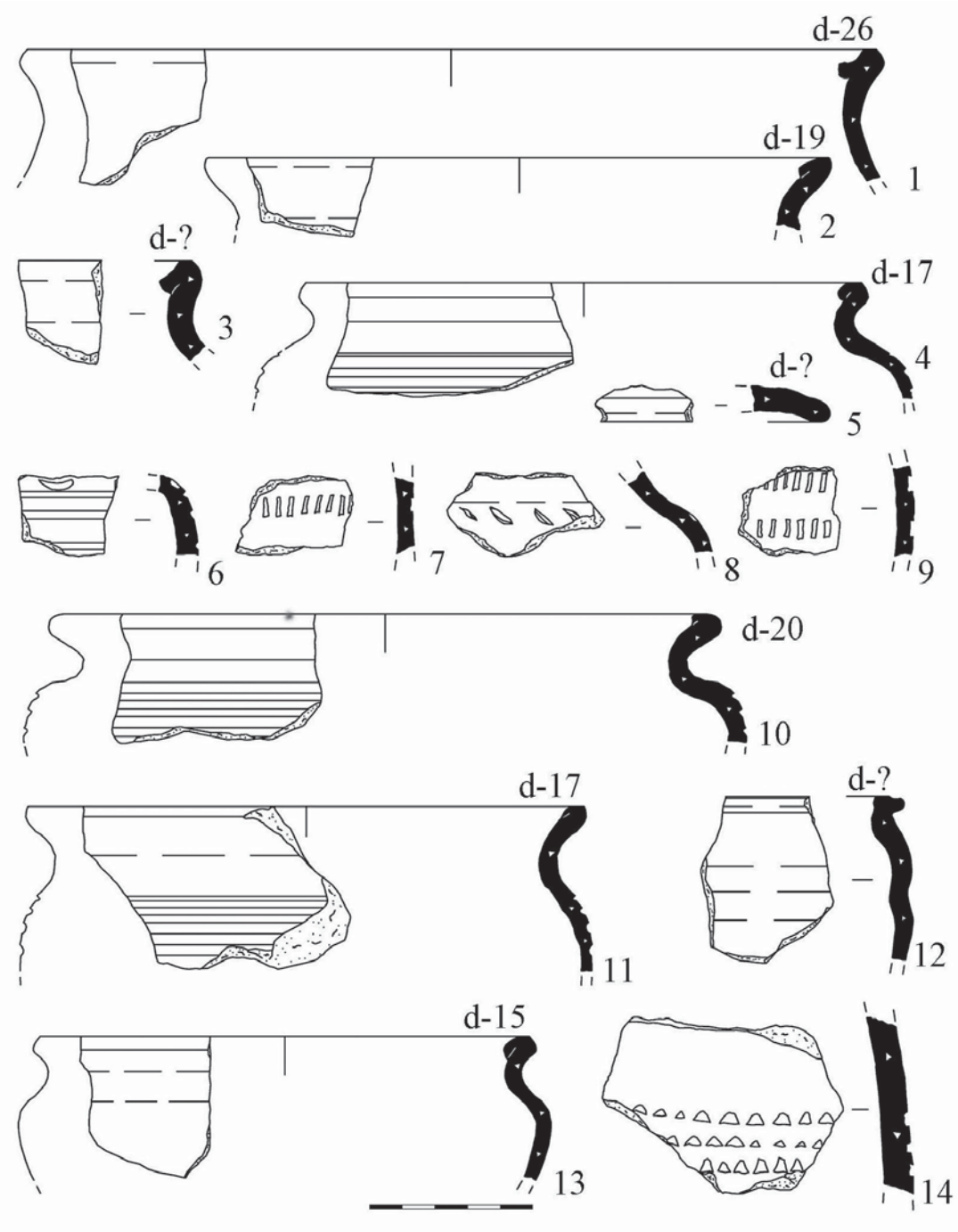


Рис. 7. Фрагменты керамических сосудов из слоя разрушения могильных ям 2-го периода.

К 3-му периоду (первая половина XV в.) относятся пятнадцать погребений (раскоп – № 1, 2 и 3; траншея – № 1-11) с ориентировкой в интервале от 240^0 до 260^0 по азимуту, и одна могильная яма, погребение которой осталось за границами траншеи (рис.4, 5). В двух случаях на данном этапе зафиксировано подзахоронение в уже существующую могильную яму. В границах траншеи удалось проследить очередность совершения захоронений этого периода: сначала погребения в яме № 7, затем погребения 3, 5, 6, 7, 8, 10, чуть позднее 11, затем 1, 2, 4, 9.

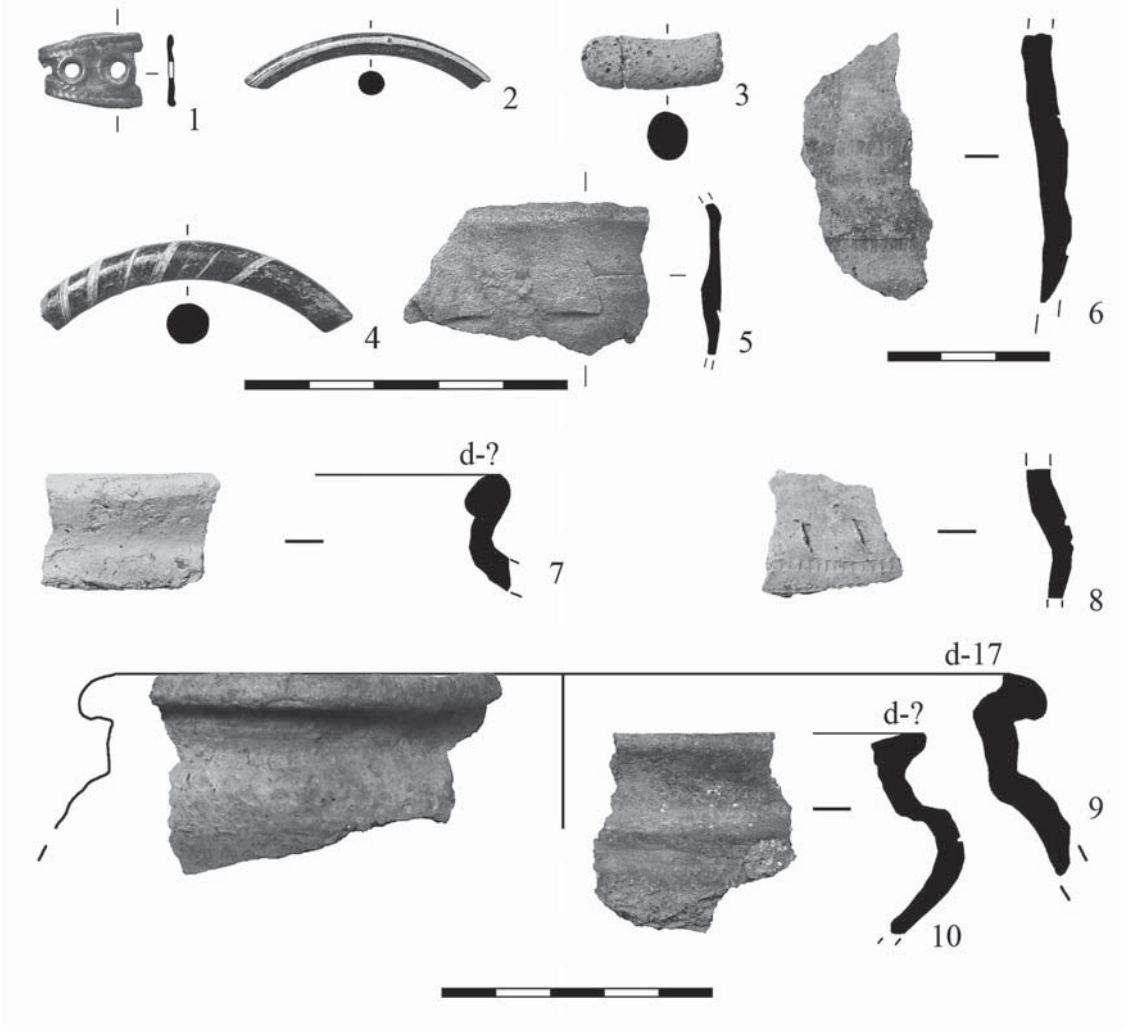


Рис. 8. Находки из заполнения могильных ям погребений 3-го периода: 1 - фрагмент пластинчатого широкосрединного перстня цветного металла с отверстиями; 2-4 - фрагменты стеклянных браслетов; 5-10 - фрагменты керамических сосудов.

В переотложенном состоянии в заполнении могильных ям погребений третьего периода найдены фрагменты стеклянных браслетов XIII – начала XIV вв., фрагмент пластинчатого широкосрединного перстня цветного металла с отверстиями, датирующегося серединой XIII – началом XIV вв. [11, с.130, 131, 191, рис.81], неопределенный предмет цветного металла, а также фрагменты гончарных сосудов XIII в. (рис.8).

С функционированием кладбища на 3 этапе связан сохранившийся фрагментарно в виде отдельных пятен слой супеси темно-серой, темно-коричнево-серой, темно-коричневой окраски с включением серого и желтого песка, угля и навоза. В этом слое мощностью 0,08-0,21 м найдены бронзовый предмет – вероятно, торцевая накладка – затыльник на рукоять, железные пластина (возможно, фрагмент ножа) и дужка (рис.9: 3-5). В переотложенном состоянии здесь найдены фрагмент стеклянного браслета гладкого круглого в сечении желтого второй половины XIII – первой половины XIV вв. и фрагмент придонной части сосуда из красножгущейся глины с клеймом в виде окружности, в которую, вероятно, было вписано геометрическое изображение, похожие клейма встречаются в XIII в. [12] (рис.9: 6). Керамическая посуда из данного слоя представлена сосудами различных форм, аналогии которым можно найти среди

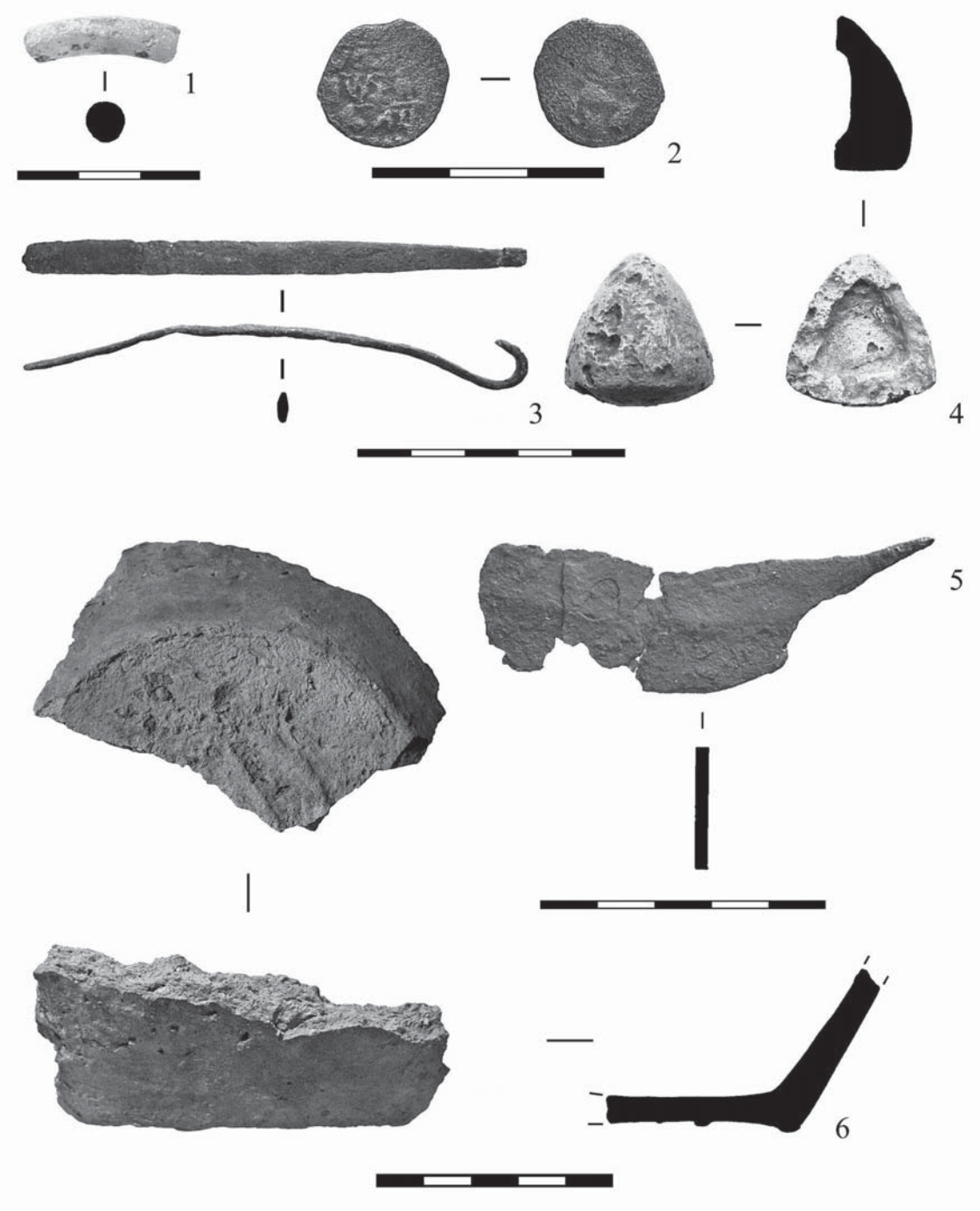


Рис. 9. Находки из слоя функционирования кладбища на 3-м этапе (1 - фрагмент стеклянного браслета; 3 - дужка железная; 4 - бронзовый предмет (торцевая накладка на рукоять?); 5 -железная пластина (фрагмент ножа (?)); 6 - фрагмент придонной части сосуда из красножгущейся глины с клеймом) и пуло большое (2) из слоя, перекрывавшего могильные ямы погребений 3-го этапа.

тверской керамики XIII–XIV вв. [7-9] (рис.10). В переотложенном состоянии в этом слое найдены фрагменты сосудов середины – второй половины XII в. [11].

Могильные ямы, выявленные в раскопе, перекрыты слоем, в котором найдено большое именное пуло, которое можно отнести к правлению Великого князя Михаила Борисовича второй половины XV в. (1461–1485) (на лицевой стороне – четвероногий зверь вправо с поднятым хвостом, заканчивающимся «трехлистником»; на

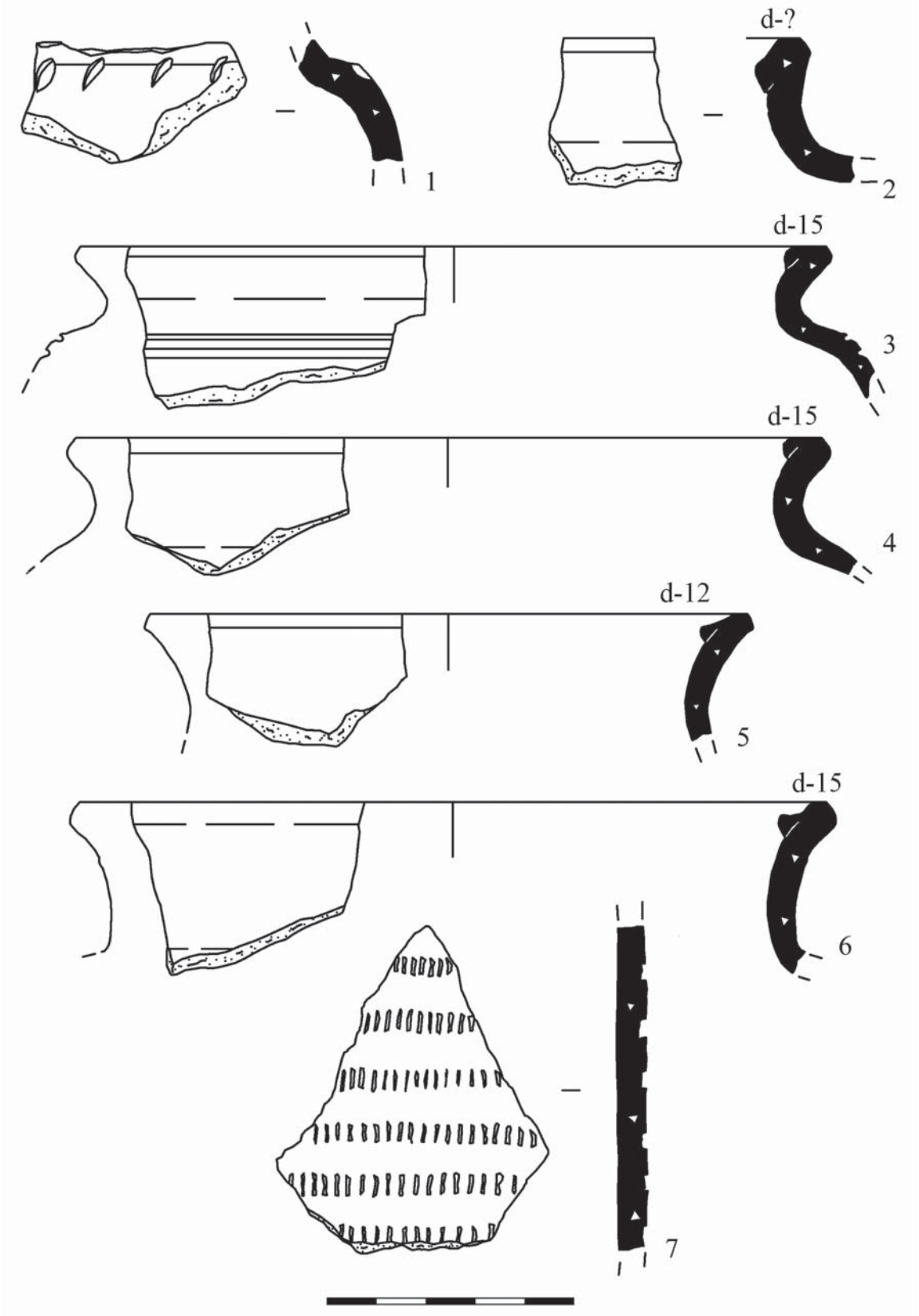


Рис. 10. Фрагменты керамических сосудов из слоя функционирования кладбища на 3-м этапе.

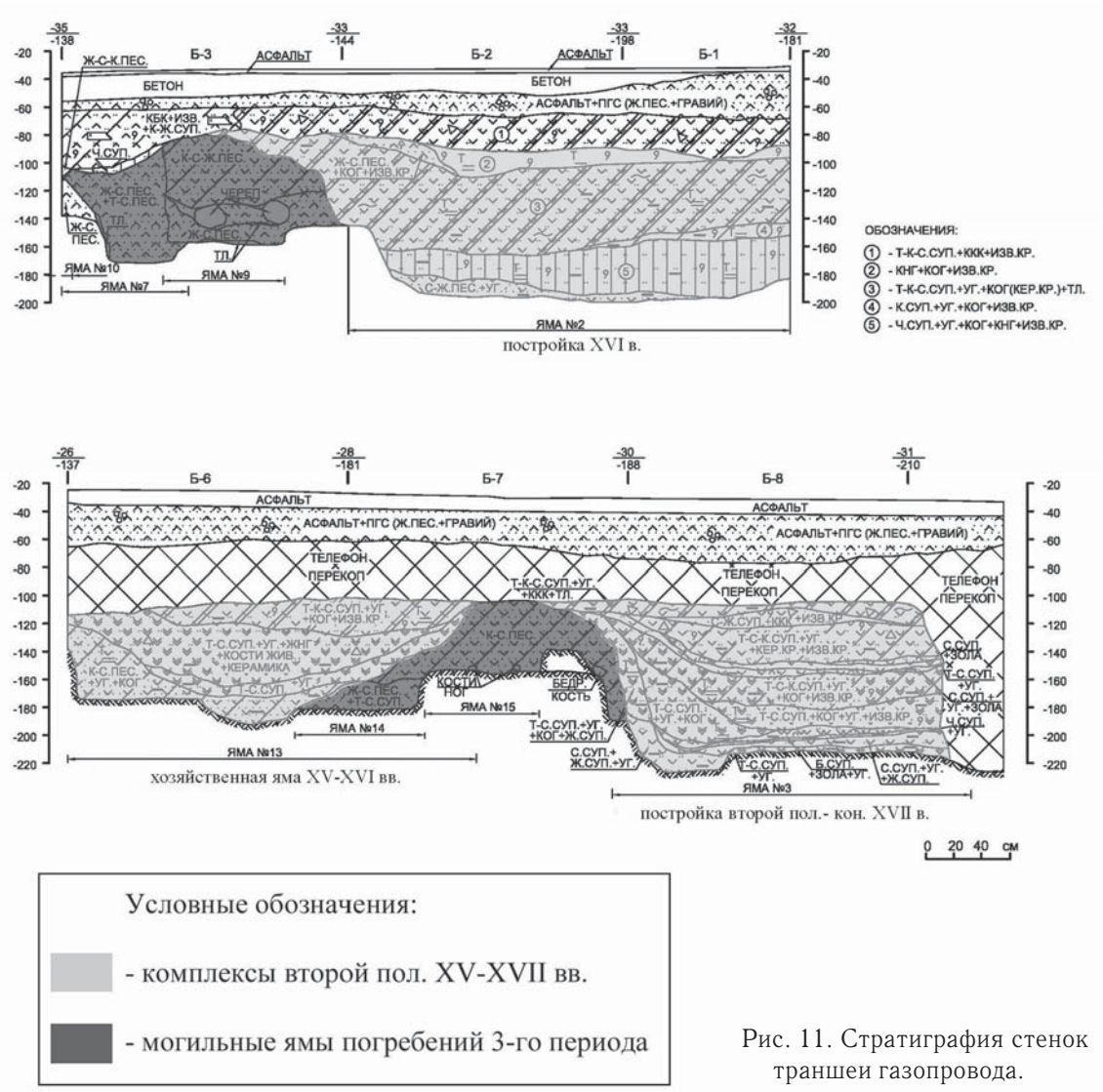


Рис. 11. Стратиграфия стенок траншеи газопровода.

оборотной стороне – остатки четырехстрочной надписи: /ПУ.../KNЗАВ/..ОМ/.../) (рис.9: 2). Здесь же найдены фрагменты гончарной посуды второй половины XV–XVI вв. В траншее зафиксировано, что заполнение могильных ям погребений 3-го периода прорезано подклетами построек и ямами хозяйственного назначения второй половины XV–XVII вв. (рис.11).

Таким образом, комплексный анализ данных стратиграфии и распределения находок позволили определить время функционирования выявленного участка некрополя как XIV – первая половина XV вв. и выделить три этапа функционирования приходского кладбища.

Планиграфия кладбища. На сравнительно небольшом по площади участке зафиксирована значительная плотность захоронений, где они размещались в несколько ярусов, на разной глубине, что свидетельствует об интенсивном использовании данной территории в качестве некрополя в рассматриваемый период (рис.4).

Удалось выявить некоторую закономерность в размещении погребений 3 периода. Установлено, что погребения располагались группами. Расстояние между могильными ямами внутри одной группы составляло 0,1-0,3 м, т.е. максимально

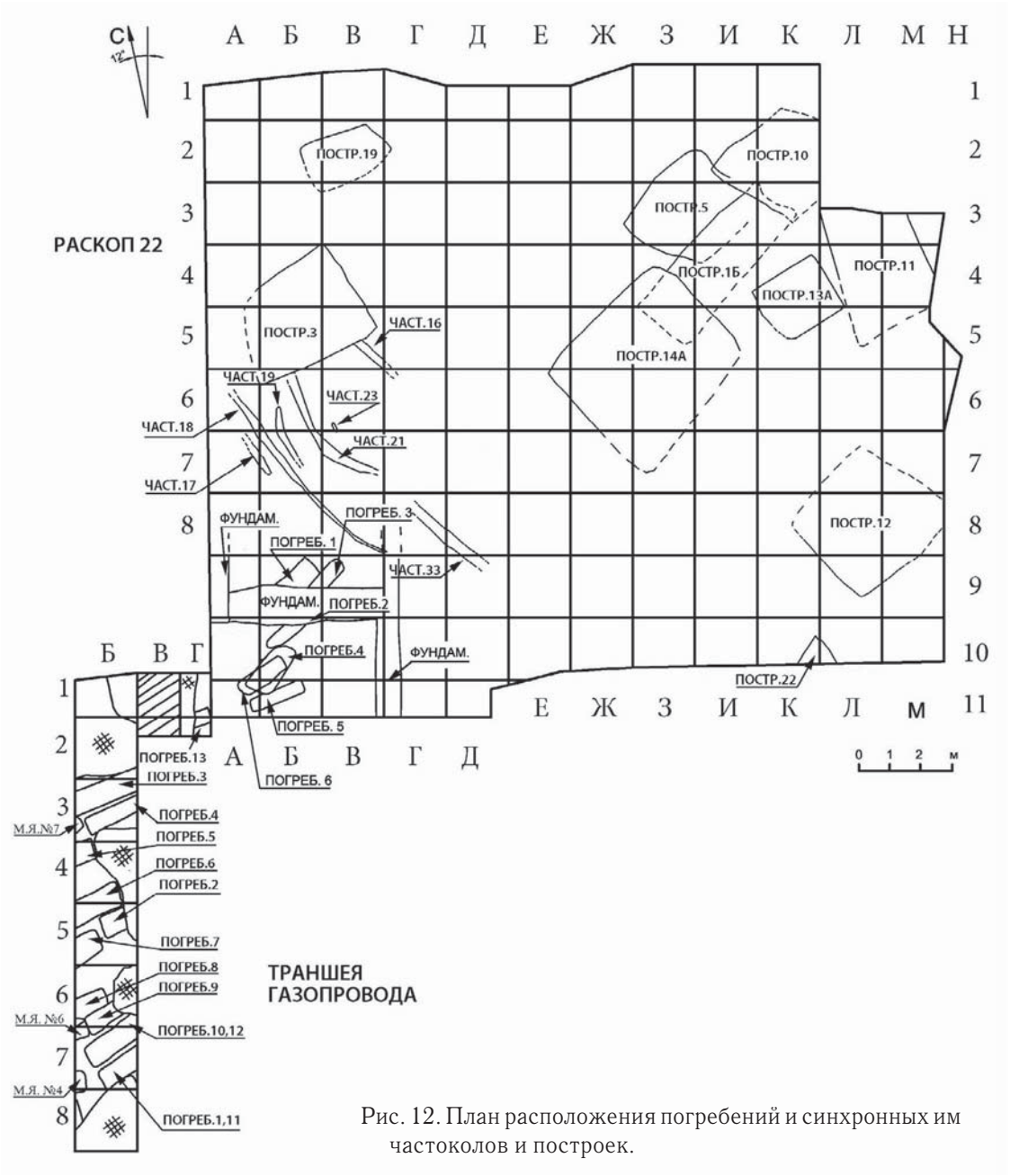


Рис. 12. План расположения погребений и синхронных им частоколов и построек.

использовалось все свободное пространство. Расстояние между группами – около 0,8 м. В одной группе насчитывалось от 3 до 5 погребений. В некоторых захоронениях в одну могильную яму были одновременно похоронены два индивида: в двух случаях – это двое взрослых, в одном – в могилу ко взрослому индивиду был подхоронен ребенок. Данные погребения располагаются ярусно, при этом более позднее захоронение не нарушало костей более раннего. Границы могильной ямы более позднего захоронения не фиксируются на фоне могильной ямы предшествующего ему. Возможно, между этими захоронениями существовал небольшой временной промежуток. Вероятно, внутри данных групп похоронены представители одной семьи.

В границах раскопов 2014–2015 гг. зафиксировано, что участок, на котором выявлен средневековый некрополь, характеризуется наиболее высокими отметками материковой поверхности. Наблюдается понижение древней дневной поверхности

к северу, в сторону р. Волга на 0,36-0,6 м, и к востоку, в ту сторону, где согласно письменным и картографическим источникам располагались кремлевские укрепления, на 0,65-0,83 м. В границах траншеи зафиксировано плавное понижение материка к югу на 0,2 м. По данным раскопа Л.А. Поповой 1985 г., располагавшегося на пересечении ул. И. Седых и Новоторжской [13, с.93], к югу и юго-западу от исследованного участка наблюдается резкое понижение материка – не менее чем на 1 м.

Материалы других кремлевских раскопов не фиксируют понижения материка к северо-западу. Вероятно, исследуемый некрополь располагался на южном выступе так называемого «Спасского холма»[2].

В раскопе 2015 г. погребения зафиксированы только в северной его части и не распространялись далее на юг, где, судя по материалам исследований Л.А. Поповой, располагался хорошо выраженный склон, начало которого, возможно, служило естественной границей кладбища.

Погребения маркируют восточную границу некрополя. В 4-4,5 м восточнее от крайних погребений фиксируются одновременные с ними частоколы, от которых сохранилось несколько канавок (рис.12). Частоколы возобновлялись на всех этапах функционирования кладбища. Вероятно, они разграничивали территории кладбища и жилой застройки.

По свидетельству очевидца, при строительстве нового («теоретического») корпуса Тверской медицинской академии[3], расположенного напротив исследованного раскопом участка, в 1972 г. были обнаружены десятки человеческих скелетов[4] (рис.2). С большой степенью вероятности, данные останки также были связаны с исследованным в раскопах 2014–2015 гг. средневековым некрополем.

В траншеях, расположенных к северо-западу от раскопа № 22, погребений и отложений культурного слоя, которые можно было бы связать с кладбищем, не обнаружено (рис.2).

Таким образом, в ходе работ 2014–2015 гг. были определены границы юго-восточной части некрополя у церкви Благовещения в Тверском кремле.

В раскопе зафиксировано, что постройки, одновременно существовавшие с некрополем, располагались на расстоянии 6-14 м от погребений (рис.12). Вероятно, границы усадеб почти вплотную примыкали к кладбищу. До появления некрополя на исследованном участке прилегающая к нему территория активно застраивалась. Могильные ямы наиболее ранних погребений прорезают частокольные канавки второй половины XIII в. (рис.5). Таким образом, к юго-восточной части некрополя достаточно плотно примыкала городская застройка.

---

[2] Реконструкция границ «Спасского холма» была рассмотрена в докладе А.Н. Хохлова на XXVII заседании семинара «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья».

[3] Новый («теоретический») корпус Тверской медицинской академии введен в строй в 1976 г. [14, с. 10].

[4] В 1935–1953 гг. в зданиях бывшей Тверской мужской гимназии, в которых в настоящее время расположена медицинская академия, располагалось УНКВД и УКГБ по Калининской области и его внутренняя тюрьма. По воспоминаниям очевидца тех событий д.м.н. В.В. Богатова, в 1972 г. при сооружении котлована под фундаменты нового корпуса были найдены десятки скелетов, которые, как сейчас стало понятно, вероятно, являлись погребениями средневекового приходского кладбища. Руководство Калининского медицинского института и областное УКГБ ошибочно приняли находку этих скелетов за захоронение жертв массовых расстрелов 30-х гг. XX в. На участке строительства было выставлено оцепление из солдат, за одну ночь грунт с костными останками экскаватором был погружен на самосвалы и вывезен. Вероятно, по этой же причине было отказано в работе археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством К.И. Комарова, которая должна была проводить раскопки на месте строительства новых корпусов медицинского института.

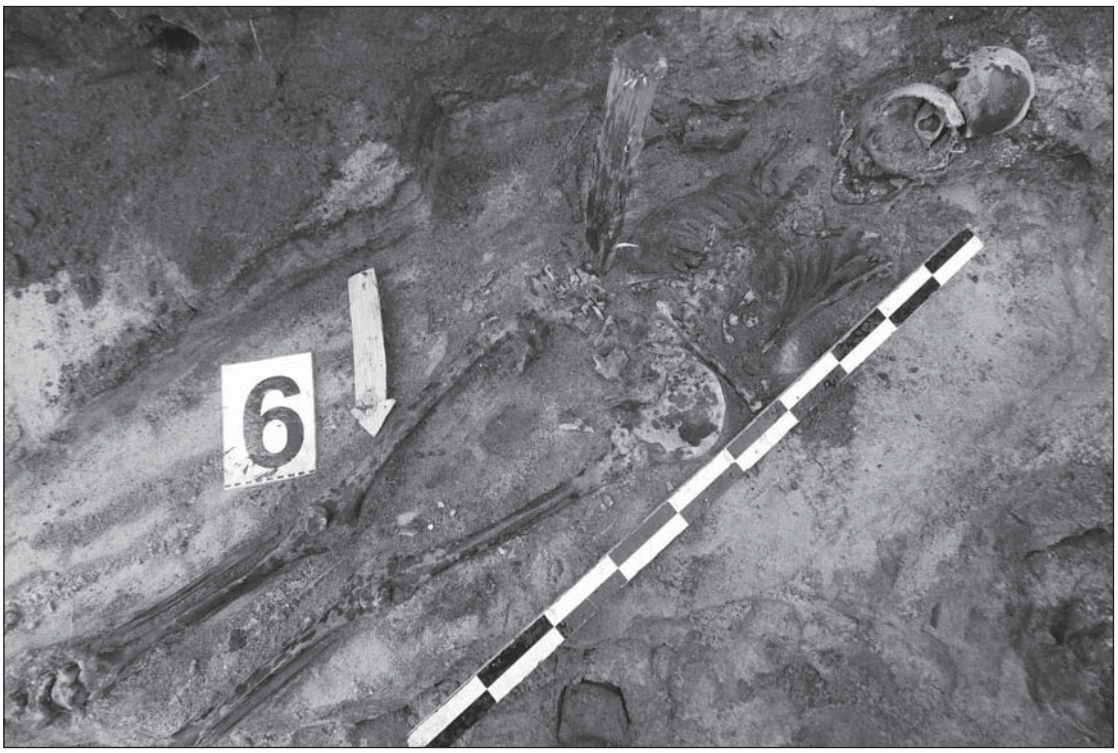


Рис. 13. Погребение 6 (раскоп 22).

Рис. 14. Погребения 3 и 4 (траншея газопровода).

Ситуации, когда участки кладбищ были окружены городской застройкой, известны по материалам раскопов на посадах Твери: кладбище XVI – первой четверти XVIII вв. у церкви Алексея – Человека Божия [15-17], некрополь рубежа XV–XVI–XVII в. на Загородском посаде, выявленный в северной части квартала, ограниченного ул. Новоторжская, Студенческим пер., бул. Радищева, ул. Володарского [18].

После прекращения функционирования некрополя на исследованном участке данная территория была достаточно быстро застроена, о чем свидетельствует то, что часть могильных ям, зафиксированных в траншее, оказались прорезанными подклетами построек и хозяйственными ямами XVI в. (рис.11).

Известно, что церковь Благовещения Богородицы существовала и в первой четверти XVIII в., о чем свидетельствует план города Твери Ярцова. Вероятно, некрополь в это время также продолжал функционировать, но его границы сместились к западу и северу.

Запрет хоронить на территории старых приходских кладбищ в пределах городской черты был принят только в 1731 г. по указу Анны Иоанновны [28, с.254, 263].

Погребальный обряд. Все обнаруженные погребения совершены по обряду трупоположения, в могильных ямах. Все могильные ямы, выявленные в границах раскопа на месте траншеи газопровода и две могильные ямы в раскопе № 22, незначительно заглублены в материк (на 0,04-0,37 м). В остальных случаях могильные ямы не затрагивают материк, они лишь прорезают более ранние отложения культурного слоя. Причем в двух случаях это слой, не связанный с функционированием некрополя, и заполнение данных могильных ям четко фиксируется на его фоне. Еще в двух случаях могильные ямы впущены в многократно переотложенный в процессе функционирования кладбища слой, границы таких ям практически не фиксируются.

В 8 случаях удалось зафиксировать остатки погребальных сооружений (чаще в виде полос тлена, образующих узкий прямоугольник вокруг погребенного, а также в виде прослоек тлена под ним), которые можно интерпретировать как деревянные гробовища – колоды. Мощность и ширина данных прослоек не превышает 0,02-0,03 м. Удалось зафиксировать, что волокна тлена на торцевой стороне гробовища расположены в том же направлении, что и на продольной стороне, что позволило сделать вывод о том, что в качестве погребального сооружения были использованы именно долбленые колоды. На территории Верхневолжья использование долбленых подпрямоугольных колод фиксируется, начиная со второй половины – конца XI в. [19-21]. Захоронения в колодах известны по тверским материалам вплоть до первой четверти XVIII в. [1; 16].

Все исследованные погребения имели ориентировку головой на запад, с отклонением к югу на 10-30^0. Наибольшее отклонение к югу – на 40-44^0 – зафиксировано у погребения 2-го периода. Отклонение ориентировки захоронений может быть связано с сезонными изменениями в движении солнца и со стремлением ориентировать могилы на действующий храм.

Из-за значительной поврежденности скелетов не всегда удалось определить положение отдельных частей тела погребенных (рис.3, 13-18). Во всех исследованных захоронениях погребенные лежали на спине с вытянутыми нижними конечностями. В семи случаях удалось установить, что ноги были сомкнуты друг с другом, в четырех случаях, вероятно, лежали параллельно друг другу.

Положение головы в семи случаях дорзальное, т.е. череп опирается на затылок, в двух случаях – повернут направо, в двух – налево.

Положение рук погребенных удалось установить в 11 случаях. Встречены различные варианты: обе руки согнуты в локтях и уложены в области таза

Рис. 15. Погребение 2 (раскоп 22).

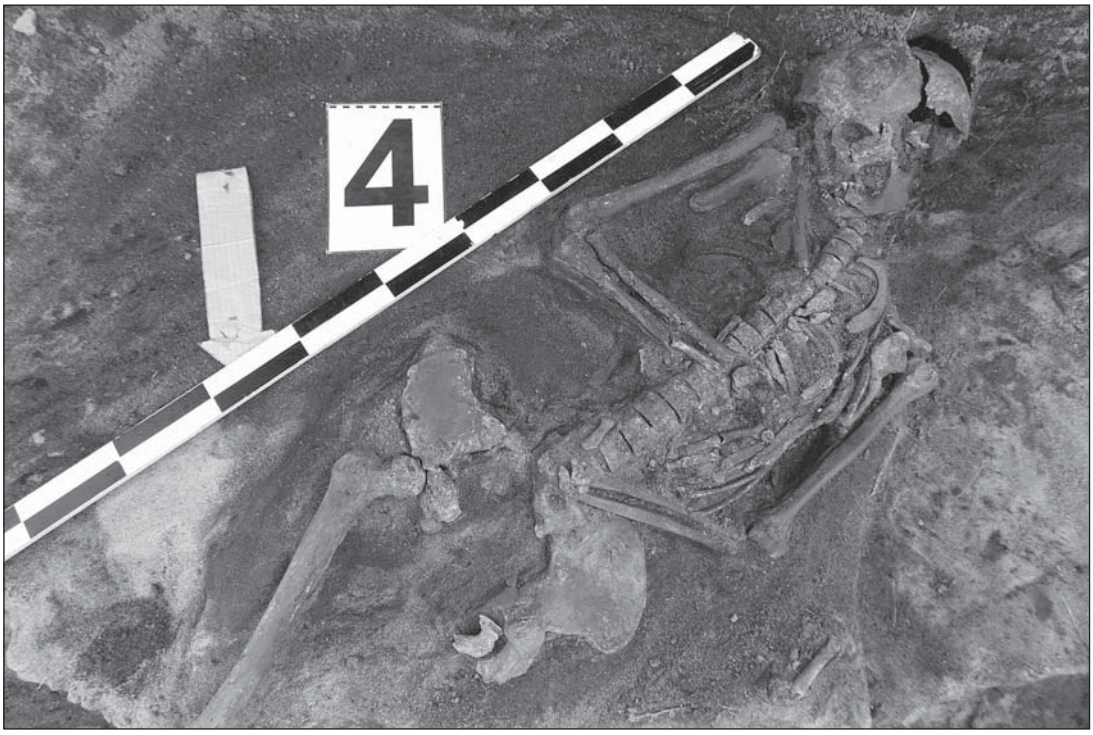


Рис. 16. Погребение 4 (раскоп 22).

Рис. 17. Погребение 2 (траншея газопровода).

Рис. 18. Погребение 11 (траншея газопровода).

(2 погребения); обе руки согнуты в локтях, одна уложена на животе, вторая – в области таза (1 погребение); одна рука согнута в локте и уложена на животе, вторая – прямо вдоль туловища (2 погребения); обе руки уложены на животе (3 погребения), обе руки скрещены на груди (2 погребения), одна рука уложена в области живота, вторая – на груди (1 погребение).

Как отметил В.А. Кучкин, о русском средневековом погребальном обряде известно немного, что связано со скудостью письменных источников [22]. Тем не менее, существует несколько разновременных свидетельств о правилах захоронения усопших, которых придерживались в древней Руси, согласно им уже в XI в. существовал обычай складывать руки покойникам крестообразно на груди. Письменные и изобразительные источники (летописи, миниатюры с изображением погребений князей, монахов, церковных иерархов), которые анализирует В.А. Кучкин [22, с.291-294], свидетельствуют, что данное правило было обязательным на протяжении нескольких столетий, в том числе в XV–XVI вв. Автор отмечает, что положение рук погребенных скрещенно на груди было отличительной чертой захоронения православных, а положение рук вытянуто вдоль бедер было характерно для католиков и осуждалось русской церковью. Согласно решения церковного собора 1678 г. в XVII в. крестообразное положение рук усопших при захоронении являлось необходимым как для мужчин, так и для женщин; некоторое различие наблюдалось лишь в захоронениях мирян и лиц духовных, которым складывали пальцы правой руки в благословляющий жест [22].

Археологические материалы демонстрируют различные варианты положения рук погребенных, отличное от предписанного церковными правилами [23, с.57]. Ряд исследователей объясняют это сползанием рук в процессе разложения мягких тканей погребенных [29]. В то же время отмечается, что при захоронениях в довольно узких колодах сползание рук с тела следует исключить [24].

Вероятно, процесс эволюции обряда погребения продолжался несколько столетий, что проявилось, в том числе и в различном положении рук погребенных, которое удается проследить по археологическим материалам.

Погребальный инвентарь не был обнаружен ни в одном из исследованных захоронений.

В двух случаях в верхней части могильных ям расчищены горизонтально лежащие тесаные белокаменные известняковые плиты, уходящие за границы траншеи, ориентированные так же, как и могильные ямы (рис.19, 20). Плиты имели толщину 7 и 15 см, выступали из западной стенки траншеи на 0,5-0,9 м, ширина плит 0,5-0,6 м. Угол расположения тесла относительно длинной стороны блока равен 45^0, ширина тесла около 3 см. Следы тесла читаются плохо, возможно из-за того, что применялась дополнительная шлифовка поверхности плит. Изображений и надписей на плитах зафиксировать не удалось. Обычай использовать белокаменные могильные плиты в качестве намогильных памятников появляется на северо-западе Руси, а затем в Московском княжестве, с конца XII–XIII вв. и достигает максимального расцвета в XV–XVI вв. Вплоть до XVI в. для плит характерна небольшая толщина (не превышающая 20 см) [25].

В раскопе 2015 г. зафиксировано, что глубина могильных ям с плитами (расстояние от низа плиты до дна ямы) составляла 0,7-0,95 м, погребение фиксировалось на глубине 0,5-0,7 м относительно могильной плиты.

Большинство могильных ям погребений выходили за границы раскопов. Поэтому длину могильных ям удалось установить только в 4-х случаях – она варьировала от 1,68 до 2,1 м. По ширине могильные ямы делятся на две группы: 1 – от 0,42

Рис. 19. Западная стенка траншеи газопровода. Белокаменные могильные плиты в ямах погребений 7 и 8.

Рис. 20. Погребения 7 и 8 (траншея газопровода). Белокаменные могильные плиты.

до 0,66 м; 2 – от 0,8 до 1,1 м. Отмечено, что вторая группа характерна для наиболее поздних среди выявленных захоронений (3 период).

Верхняя часть заполнения могильных ям в большинстве случаев была разрушена в ходе строительной и хозяйственной деятельности в более поздний период. Зафиксированная глубина могильных ям составляла всего 0,06-0,9 м.

Антропологический анализ погребенных в настоящее время не завершен. В отдельных случаях отмечен примерный рост погребенных в костях, чаще всего он составлял 1,3-1,5 м. Выделяется одно погребение, в котором рост погребенного в костях составил 1,9 м.

В одном случае зафиксировано подхоронение в уже существующую могильную яму ребенка, скелет которого сохранился плохо. Общая длина сохранившихся костей скелета – 0,4 м.

В трех случаях в границах могильных ям выявлены разрозненные кости человека, причем в двух случаях – черепа, не связанные с погребенными в данной могильной яме. Вероятно, это подзахоронение костей разрушенных в ходе функционирования кладбища более ранних погребений. Кроме того, в межмогильном пространстве зафиксировано несколько округлых ям, в нижней части заполнения которых расчищены разрозненные человеческие кости. Происхождение данных ям также, вероятно, связано с разрушением более ранних погребений.

Предварительные выводы. Таким образом, при проведении археологических работ 2014–2015 гг. выявлена граница и юго-восточная окраина некрополя, относящегося к церквям Благовещения Богородицы и, возможно, предшествующей ей церкви Святого Василия, располагавшихся вблизи южной части кремлевских укреплений. Точное определение границ всего некрополя возможно лишь при проведении дополнительных археологических работ.

В функционировании некрополя удалось выявить три этапа. Наиболее ранние погребения датируются началом – первой половиной XIV в. Кладбище с востока было огорожено частоколами, сменявшими друг друга, с юга, возможно, ограничено естественным склоном холма. В XVI в. юго-восточная часть некрополя была включена в городскую застройку и границы некрополя, вероятно, сместились к северу и западу, т.е. юго-восточная граница некрополя не была постоянной и менялась в зависимости от изменения демографической ситуации и владельческих прав на земельные участки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хохлов А.Н.* Некрополи Твери как источник по истории города XV – середины XVIII в. // Экономика, управление, демография городов европейской России XV–XVIII вв.. История, историография, источники и методы исторического исследования. Материалы научной конференции. Тверь, 18-21 февр. 1999 г. Тверь: Тверской государственный университет, 1999. – С. 262-266.
2. *Щенков А.С.* Опыт реконструкции плана Твери конца XVII в. // Архитектурное наследство (Москва). 1980. № 28. – С. 29-36.
3. *Жилина Н.В.* Топография храмов древней Твери по письменным источникам и в связи с данными археологии // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь: Старый город, 1996. – С. 67-71.
4. Дозорная книга Тверского уезда // Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. Сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2005. – 706 с.
5. Дозорная книга города Твери 1616 года. Тверь: Типография Губернского правления, 1890 г. – 39 с.
6. Тверь. Книга писцовая и межевая письма и межевания Лариона Шишкова и подъячего Алексей Челюскина 193 и 194 года // РГАДА. Ф. 1209. Ед. хр. 470.
7. *Новиков А.В., Дворников А.С., Хохлов А.Н.* Керамический комплекс конца XIII – начала XIV века в Тверском кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь: Старый город, 1996. – С. 230-234.
8. *Хохлов А.Н., Иванова А.Б.* Исследования мысовой части Тверского кремля в 2013 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь: ТНИИР-центр, 2016. – С. 17-86.
9. *Кобозева Е.В., Дашкова (Сафарова) И.А.* Керамическая коллекция из комплекса второй половины XIII – рубежа XIV–XV вв. на территории Затьмацкого посада г. Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 1. Тверь: Старый город, 1996. – С. 199-229.

10. *Кобозева Е.В*. Керамическая коллекция древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. – С. 107-123.
11. *Седова М.В*. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука, 1981. – 194 с.
12. *Кадиева Е.К*. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение //Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: Институт Археологии РАН, 2007. – С. 173-182.
13. *Попова (Царькова) Л.А*. Исследования в Твери // АО 1985 года. М.: Наука, 1987. – 520 с.
14. *Улупова Г.А*. Тверской государственный медицинский университет: история в судьбах первых лиц // Верхневолжский медицинский журнал. Т. 15. Вып. 4. Тверь: ТГМА, 2016. – С. 5-13.
15. *Хохлов А.Н*. О месторасположении церкви Алексея – Человека Божия в Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. – С. 257-261.
16. *Новиков А.В*. К хронологии некрополя у церкви Алексея – человека Божия на Затьмацком посаде г. Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. – С. 262-270.
17. *Кунгурцева С.А*. Отчет о спасательных археологических раскопках на территории Затьмацкого посада г. Твери в 2012 г. (траншея канализации и раскоп №31Б) // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
18. *Иванова А.Б*. К изучению некрополя одного из приходских храмов в восточной части Загородского посада г. Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь: Старый город, 2003. – С. 109-119.
19. *Черных Е.М*. Предварительные итоги исследования курганной группы у д. Большая Коша // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье: сб. науч. тр. / Калинин. Гос. Ун-т. Калинин: КГУ, 1989. – С.57-64.
20. *Хохлов А.Н*. Новые исследования курганов и селища в урочище Кидомля на р. Медведица // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье: сб. науч. тр. / Калинин. Гос. Ун-т. Калинин: КГУ, 1989. – С.49-57.
21. *Арсланова Ф.Х*. Погребение кривичей у села Избрижье // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье: сб. науч. тр. / Калинин. Гос. Ун-т. Калинин: КГУ, 1989. – С.33-49.
22. *Кучкин В.А*. Захоронение Ивана Грозного и русский средневековый погребальный обряд // СА. 1967. № 1. – С.289-294.
23. *Панова Т.Д*. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радуница, 2004. – 183 с.
24. *Нестерова М.Е., Орлова О.А*. К изучению некрополя у церкви Жен Мироносиц в Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь: Старый город, 2003. – С.72-80.
25. *Беляев Л.А*. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие, XIII–XVII вв.: материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука, 2006. – С.8-10.
26. *Кунгурцева С.А*. Здание тверского тюремного замка по данным археологических исследований // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь: ТНИИР-центр, 2016. – С.329-340.
27. *Савельев В.В*. Здание тюремного замка в Твери (к историографическому обеспечению раскопок 2014 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь: ТНИИР-центр, 2016. – С. 341-347.
28. *Снегирев И.Н*. О скудельницах, или убогих домах в России // ЧОИДР. Ч. III, кн. 1. М., 1826.
29. *Мартынов А.И*. Археология. 8-е изд., пер. и доп. Учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. – 439 с.
30. *Івакін В.Г*. Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Києва. Київ: КИТ. 2008. – 272 с.

31. *Ситий Ю.М.* Християньскі поховальні пам'ятки давньоруського Чернігова. Чернігів: Видавництво «Десна Поліграф». 2013. – 271 с.
32. Даследаванні пахавальных і пасяленчых памнікаў эпохі сярэдневякоўя і Новаго часу на тэрыторыі Беларусі і суседних краін (Studyng of funerary and settlement sites of the Middle Ages and Modern Times at the territory of Belarus and neighboring countries) / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Выпуск 29. Мінск: «Беларуская навука». 2018. – 295 с.
33. *Соколов И.И.* План г. Твери 1-й четверти XVIII века // Из истории Калининской области. Калинин: Кн. Изд-во, 1964. – С. 174-192.

ИА РАН,
г. Москва,
ТНИИР-Центр,
г. Тверь

A.N. Khokhlov, S.A. Kungurtseva, A.B. Ivanova
Studying of Medieval Necropolis near the Church of Annunciation to the Blessed Virgin Mary in the South Side of Tver Kremlin

The article represents burials in medieval necropolis near the Church of Annunciation in the south side of Tver kremlin. The authors define chronology of necropolis by the XIV – the first part of the XV centuries and outline three stages of its existence in reliance on relative stratigraphy analysis and dating of findings. The authors also define borders of southeast side of necropolis in that period and analyze funeral rite.

Keywords: *Tver, kremlin, necropolis, burial place, bone chamber, Church of Annunciation to the Blessed Virgin Mary, Church of Saint Vasily.*

УДК 903.7 «15» https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.242-260

Е.Л. ХВОРОСТОВА

УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г. СТАРИЦЕ (АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В процессе архитектурно-археологических исследований на памятнике архитектуры XVI в. – Успенском соборе Старицкого монастыря выявлена планировка утраченных северной, южной и западной папертей, а также столпа с колоколом-благовестником. Установлен характер изменений абриса апсид в процессе строительства собора. Зафиксированы нижние части оснований стен памятника, выполненные из тесаных блоков известняка и бута, опирающихся на сваи.

Ключевые слова: *Старица, архитектура, Успенский собор, подклет, апсида, фундамент, колокольня, паперть, белый камень, известковый раствор.*

Статья написана по результатам архитектурно-археологических исследований, проводившихся на территории Старицкого Успенского монастыря в 2002–2006 гг. [1–3]. За это время были выявлены данные о планировочных отметках времени строительства основного объема храма Успения Пресвятой Богородицы и его разновременных пристроек, структуре, глубине заложения и состоянии их фундаментов, технологических особенностях устройства оснований храма и его пристроек; обнаружены и зафиксированы остатки разобранной столпообразной колокольни и соборных папертей.

Собор стоит на естественном склоне, понижающемся к западу – к берегу Волги. Перепад отметок современной дневной поверхности от восточного фасада собора к западному фасаду колокольни составляет более двух метров. Четырехстолпный трехапсидный крестовокупольный храм с квадратными столбами и глубоким подклетом – один из интереснейших белокаменных памятников архитектуры первой половины XVI в. (цв.вкл.: рис.1). Во второй половине XX в. собор был отреставрирован (архитектор М.Б. Чернышев), скатное покрытие снято, центральная глава оставлена в «луковичной» форме XVIII в., четыре боковых барабана завершены имитирующими XVI в. шлемовидными главами. В настоящее время монастырские постройки отреставрированы, воссоздана ограда.

Строительство главного монастырского храма традиционно приписывается младшему сыну Ивана III – Андрею, получившему город Старицу по завещанию 1503 г. и сделавшему его столицей удельного княжества. Впервые об этом было упомянуто в Писцовой книге 1686 г.: «А по скаске того ж монастыря архимандрита Исайя с братьею настоящая церковь строения Великого князя Андрея Ивановича Старицкого...» [4, л.56]. Переписные книги 40-х и 70-х годов XVII в. отмечают расположение «Успения Пресвятые Богородицы старицкого монастыря» «под городом же Старицею» [5, л. 10] и «...в Старице ж на посаде на Московской стороне...» [6, л.35].

По поводу датировки главного монастырского храма (1530 г., 1530-е годы, «после 1532 г.», и т.п.) высказывались многие авторы [7–11 и др.], но ни анализ политической ситуации, ни привлечение аналогов [12, с.241-248] не позволяют ее конкретизировать, так что точная дата возведения монастырского собора, видимо, так и останется неизвестной [13, с.257]. Тему датировки собора можно развить

дальше, упомянув, что, по-видимому, практически одновременно с ним (учитывая идентичную технику устройства фундаментов и ведения белокаменной кладки стен) строились еще как минимум два белокаменных сооружения: палаты с подклетом в крепости города на противоположном берегу реки Волги [14, с.66-74], и небольшая палата с подклетом в юго-западной части Успенского монастыря[1]. Возможно, строительство палаты на городище было начато раньше: кажется естественным предположить, что сначала было необходимо обустроить княжескую резиденцию. Видимо, параллельно велось строительство палаты в монастыре: основанием для подклетов обеих построек послужили идентичные сваи квадратной в сечении формы (сваи под фундаментом собора были круглыми в сечении). Учитывая время, необходимое на добычу и подготовку строительных материалов, строительство собора могло быть начато вскоре после приезда Андрея Ивановича в 1519 г. в Старицу, то есть в начале 20-х гг. XVI в.

По описи, составленной Старицким городовым приказчиком Язвецом Ивановым Жихаревым в 1607 г., собор был каменным, пятиглавым, с приделом Похвалы Богородицы [15, с.28]. С левой стороны от него стояла брусяная колокольня, справа «на столбе» располагался колокол-благовестник. «На правой же стороне у церкви» находилась каменная гробница над погребением святейшего патриарха Иова, а на левой – «у алтаря» – каменная же гробница над могилой князя Василия Константиновича Пронского [16, с.16].

После пожара 1681 г., при архимандрите Исайе была «...в прошлом во 193 (1685) году построена колокольня кирпишная» [17, л.56 об.], видимо, не затронувшая первоначальную каменную паперть, обрамлявшую собор, так как ее ремонтировали в 1776 г.: «между боляс» каменной паперти с тремя лестницами было поставлено 19 кирпичных столбов [18, л.14-15,42]. Паперть была частично разобрана, как выяснилось в процессе раскопок, при строительстве в начале XIX в. трапезной с колонным портиком у западного фасада основного объема [19, л.1-2][2], а затем – у северного фасада – Троицкой церкви, законченной в 1819 г.[3] В начале XIX в. собор превратился в комплекс разновременных построек, возводившихся в XVI–XIX веках (цв.вкл.: рис.2).

Кладка стен собора выполнена из крупных тесаных блоков – местного известняка старицкой свиты подольского горизонта – на известково-песчаном растворе (крупнозернистый песок, составляющий не более 10-15% от общей массы, имеет чистую поверхность зерен, взят из русла реки). Теска блоков выполнена тщательно, на отдельных блоках прослеживаются слабые следы тесла. Максимальная прослеженная длина блоков могла доходить до 80 см, высота – до 50 см. Швы между блоками строители собора старались делать минимальными, кое-где они не превышают 2-3 мм, но в целом варьируются от 0,5 до 2 см.

В подклете собора в 2002–2003 гг. были обследованы нижние части фундаментов северной и западной стен, северо-восточного, юго-восточного и юго-западного столбов (шурфы № 5 – 2002 г.; №№ 10, 11, 12 – 2003 г.) (цв.вкл.: рис.3).

Уровень грунтового пола в подклете располагается примерно на 4 метра ниже уровня современной дневной поверхности. Никаких следов какого-либо покрытия пола в шурфах не обнаружено, однако возможен вариант применения в подклете керамических плиток, так как у оконного проема, ведущего в подклет (на южном

---

[1] Выявлена и обследована в 2005–2006 гг. археологом ТНИИР-Центра А.Б. Сиволаповой.

[2] Прошение о разрешении на строительство было удовлетворено в сентябре 1802 г.

[3] В процессе раскопок в интерьере церкви во втором снизу ряду фундамента был выявлен блок с вырезанной на нем датой – «1814», отмечающей время начала строительных работ.

фасаде собора), были найдены квадратная керамическая плитка и фрагмент ромбовидной плитки с ковчежцем. Выявленный на уровне от -420 см (в северо-западном углу, шурф № 5–02) до – 440 см (у юго-западного столба, шурф № 11-03) известково-щебенчатый слой мощностью от 10 до 26 см, вероятно, служил для гидроизоляции.

Что касается первоначального уровня пола, то его может маркировать слой крупного белокаменного щебня с известью, прослеженный между рядами кладки на фасаде северо-восточного столба (шурф № 11-03), который явно не мог быть виден над уровнем пола, тем более, что он выступает в интерьер на 20 см по верху полки в кладке. Таким образом, первоначальный пол располагался на отметке около -400 см, частично перекрывая низ ряда блоков над полкой, а весь слой песка с включениями белокаменного щебня над гидроизолирующим слоем щебня с известью был насыпным.

В нижней части кладки стен и столбов[4] значительная часть блоков до настоящего времени дошла в поврежденном состоянии (сколы, выщерблины, отслоение внешнего слоя камня). Некоторые швы промазаны известковым раствором так, что он перекрывает часть поверхности блоков.

Подошвы стен и столбов располагаются на разных уровнях: столбы заглублены на 10-20 см больше. Кладки опираются на сплошной слой извести с белокаменным щебнем мощностью 12-13 см. В известково-щебенчатый слой под стенами и столбами выходят оголовки свай, набивавшихся по всему периметру котлована, отрытого под подклет. Между сваями в некоторых местах в него включены уплощенные рваные камни. Сваи находятся в различных стадиях деструкции: в большинстве случаев дерево практически полностью выгнило, полости же заполнены инфлювием, представленным разуплотненным песком с включениями мелкой белокаменной крошки и извести, кое-где прослеживаются незначительные включения древесного тлена. Округлые каналы от свай читаются по более рыхлому, чем песчаный материк, заполнению[5].

При исследовании оснований собора, во избежание обрушения кладки, глубокие подкопы под стены для выяснения, по какой системе располагали сваи, не делались. Но, привлекая ближайший аналог – подклет белокаменных палат на Старицком городище [20, с.262-267], можно предположить, что сваи располагались в шахматном порядке. Достаточно ровные ряды свай могли выступать из-под кладки стен на расстояние до 15 см или заходить под кладку на 7-9 см. По-видимому, после устройства свайного основания планировку подклета уточняли «по месту», в результате чего западную стену «отодвинули» от края линии свай, а северную сместили к югу. Такая же планировочная корректировка была произведена при строительстве палат на Старицком городище.

С наружной стороны фундаменты были прослежены в шурфах у северо-западного угла (шурф № 8 – 2003 г.), у центральной апсиды (шурф № 9 – 2003 г.), у северной стены в интерьере Троицкой церкви (шурф № 6-02, вскрыта бутовая кладка) и на примыкании западной стены Троицкой церкви к заложенному северному порталу Успенского собора (шурф № 13-03, вскрыта только кладка из тесаных блоков).

По северной стене (цв.вкл.: рис.4) низ фундамента выполнен в бутовой кладке на известковом растворе; в шурфе № 6-02 она была поднята на метр, после чего строители осуществили корректировку, отступив от внешнего обреза фундамента, и

---

[4] Высота белокаменных блоков колеблется от 36 до 42 см, длина от 30 до 62 см. Кладочные швы, как горизонтальные, так и вертикальные, по ширине варьируются от 0,5 до 1,8 см.

[5] Диаметр свай составлял 12-15 см, длина – от 75 до 100 см; промежутки между сваями под стенами варьируются от 20 до 40 см (в основном ближе к 40 см). Под столбами же, на обследованных участках, расстояние между сваями не превышало 20-22 см.

повели ее выше в крупных тесаных блоках, оперев их на выравнивающий слой белокаменного щебня с известью. Промежуток между фундаментом и бортом котлована не просто засыпали песком, а дополнительно привалили к нижнему ряду кладки из тесаных блоков бутовые камни. Снаружи, как и в интерьере подклета, большая часть швов была промазана известковым раствором, перекрывающим края блоков, видимо, для предохранения от подсоса грунтовых вод.

У северо-западного угла собора в нижней части кладки фундамента западной стены прослежено два обломка надгробных плит (цв.вкл.: рис.4, шурф № 8-03, фасад 1-1, профили 2-2 и 4-4). То, что это именно надгробные плиты, подтверждает как их трапециевидная форма, так и расчищенный на одном из обломков протес по центральной оси, являющийся, вероятно, частью изображения посошного креста. Плиты поставлены с довольно большим наклоном, повторяющим обрез стенки котлована. Похоже, что, ведя лицевую кладку внутри подклета, строители наружную часть его фундамента зачастую просто прикладывали к песчаным стенкам котлована, что не мешало им заботиться о прочности основания храма путем забивки промежутков между камнями белокаменным щебнем на известковом растворе. Бутовая кладка пролита слоем известкового раствора, частично перекрывающего расширение котлована. Здесь был зафиксирован канал от сваи диаметром 11 см, длиной 0,9 м.

Основание храма, обследованное с наружной стороны под центральной апсидой (см. шурф № 9-03, фасад 1-1 – левая часть, профили 3-3 и 4-4) выполнено из бутовых камней на известковом растворе, небольших снизу (максимум 47×28 см), более крупных – выше (до 70×55 см) (цв.вкл.: рис.5). Промежутки между камнями заполнены белокаменным щебнем с известью. Камни положены неровно, некоторые из них западают или выступают по отношению к остальным на 20-30 см. Кроме того, они отступают от лицевого (восточного) обреза располагающейся над ними платформы основания апсид (см. ниже) на 25-30 см, а на уровне подошвы фундамента – на 70 см. Необходимо отметить, что глубина заложения фундамента под апсидой примерно на 20 см меньше, чем под основным объемом. Весьма вероятно, что строители собора «облегчили» конструкцию фундамента под апсидой, учитывая меньшие нагрузки вынесенных за пределы основного объема апсид.

Основание апсид

После сооружения подклета было начато возведение надземной части собора. Цоколи северной, западной и южной стен четверика были выложены в соответствии с внешними обрезами фундаментов подклета (с учетом отступов от них), однако с восточной стороны технология устройства основания апсид несколько сложнее (цв. вкл.: рис.6). Все три апсиды покоятся на общей дугообразной платформе высотой от 104 до 115 см, облицованной 3-4 рядами тесаных белокаменных блоков. Внутренняя часть платформы заполнена белокаменным бутом и щебнем на известковом растворе. Участок центральной апсиды с проемом в подклет вынесен в обрез с восточным краем этой платформы, выложенной здесь по прямой линии.

Высота многих блоков близка их длине, а отдельные блоки имеют даже большую высоту, чем длину (длина блоков колеблется от 31 до 52 см, а высота – от 30 до 43 см). Лицевые поверхности кладочных камней гладко отесаны, ширина швов варьируется от 0,3 до 1,8 см. Блоки в наружной части кладки держатся, в частности, за счет отески их боковых граней не перпендикулярно лицевой плоскости, а под небольшим углом к ней, так что в плане блоки приобретают трапециевидную форму, а образовывающиеся между ними швы в виде вытянутых треугольников плотно забиты раствором. Некоторые вертикальные и горизонтальные швы промазаны раствором с перекрытием примыкающих к швам участков кладочных камней.

Цоколь апсид, кроме восточного выноса центральной апсиды, опирается в основном на забутовку, верх которой под тяжестью кладки апсид просел по сравнению с верхом облицовочной кладки на 2-6 см.

Еще одна примечательная особенность выполнения кладок восточной части храма – несоответствие абриса верха цоколя апсид не только платформе, но и, на отдельных участках, нижнему ряду кладки самого цоколя. В процессе раскопок было установлено, что непосредственно у юго-восточной лопатки кладку сначала вели почти прямо на восток (сохранился один блок), а затем резко развернули к северу (рис.7). Однако, и этот вариант, видимо, не удовлетворил строителей, в связи с чем во втором ряду южная часть апсиды получила более крутую дугу. Кроме того, за внешним облицовочным рядом кладки низа северной апсиды была выявлена «утопленная» к западу лицевая кладка «первой редакции» контура апсиды (рис.8, 9).

Строители храма после выкладки основания апсид уточняли их абрис как минимум три раза, в процессе этих корректировок была несколько увеличена ширина лопатки между южной и центральной апсидами.

Все эти на первый взгляд незначительные детали, отмеченные в процессе раскопок, на самом деле являются уникальным примером того, как велось строительство собора, и наглядно показывают, как мастера вели поиск наиболее приемлемого для них образа храма, начиная с уровня цоколя. По-видимому, окончательного решения восточной, наиболее ответственной, стороны храма, у них изначально не было, и оно сложилось постепенно в процессе работы.

Еще одна необычная деталь – размещение в цокольной части центральной апсиды проема, ведущего в подклет собора (в интерьере подклета сохранилась частично переложенная белокаменная лестница). С обеих его сторон выявлены железные закладные подставы. Дверь, служившая для входа в подклет, судя по ширине проема (178 см) должна была быть двупольной. Проем перекрывало несколько закладок: поздняя (из силикатного кирпича на цементе), более ранняя (из трех рядов тонких тесаных белокаменных блоков, скорее даже плит) и самая ранняя, вынесенная от фасада на расстояние около 45 см и выполненная из двух рядов не слишком тщательно отесанных белокаменных блоков, верх которых перекрывает порог проема, который опущен более чем на 30 см ниже, чем «платформа» под апсидой. Ее верх, скорее всего, не мог выступать над уровнем земли: кладки полукружий апсид сдвинуты на забутовку, следовательно, в нее постоянно попадала бы дождевая вода. По-видимому, непосредственно у проема располагался приямок (сейчас его следов уже не осталось), эксплуатация проема в таком виде была не слишком удобной. Возможно, первая закладка, сделанная заподлицо с верхом выступа «платформы», могла быть осуществлена вскоре после завершения строительства.

Отложения у основания апсид представляют собой слои белокаменного щебня, чередующиеся со слоями суглинка с включениями белокаменного щебня. Слои щебня примыкают к верхним частям рядов белокаменной кладки основания апсиды. По-видимому, кладочные работы в котловане, по крайней мере, на уровне выноса основания апсиды, велись горизонтальными захватками: после завершения ряда кладки поверх скопившихся отесков известняка с борта котлована подсыпали грунт, вынутый при его отрытии, затем выкладывали следующий ряд, опять подсыпали грунт и т.д.

Паперть

К настоящему времени первоначальная паперть собора сохранилась фрагментарно, так как с запада она была затронута при строительстве трапезной, с севера – частично разобрана при возведении Троицкой церкви, а с юга ее остатки были перекрыты выстилкой поздней паперти.

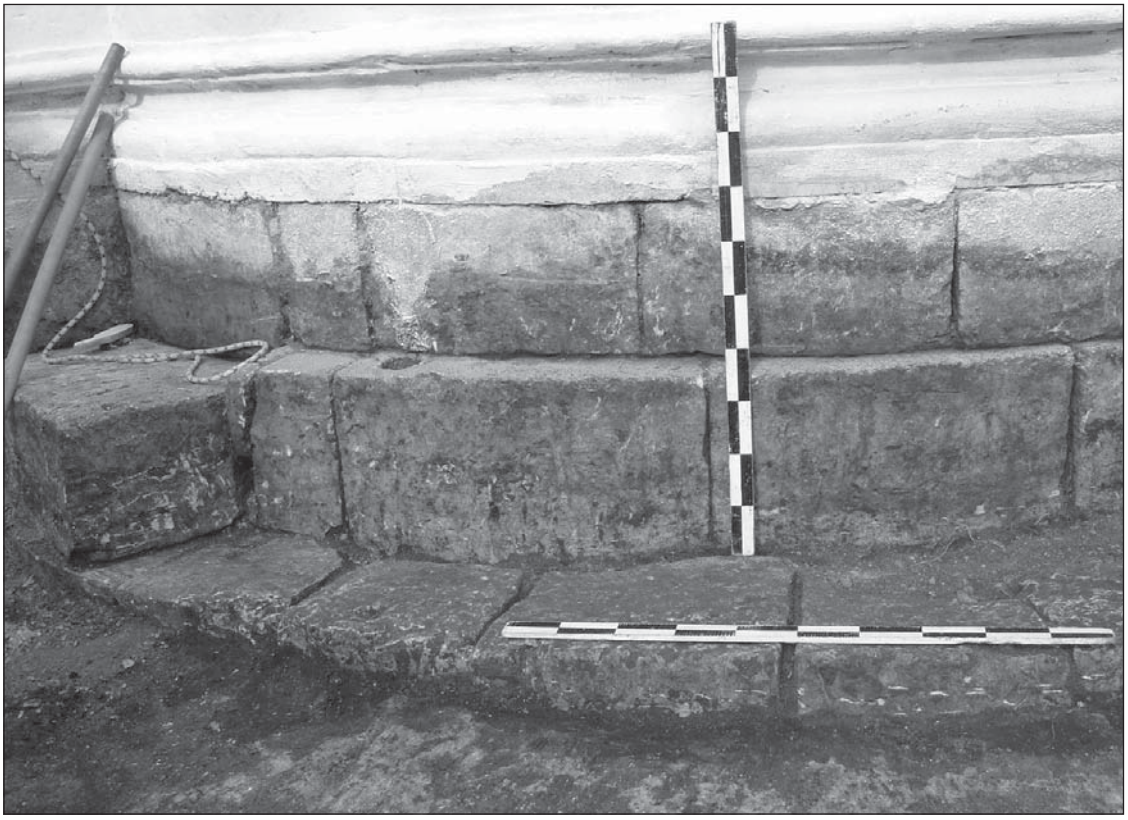


Рис. 7. «Платформа» под южной частью южной апсиды. Блок слева – неосуществленный вариант кладки апсиды. Вид с востока.

Рис. 8. «Платформа» под северной частью центральной апсиды и северной апсидой. Вид с востока.

Рис. 9. Блоки первоначальной кладки низа северной апсиды. Вид с северо-востока.

Рис. 11. Обрез кладки северной паперти. На втором плане – остатки раннего крыльца Троицкой церкви, севернее – современное крыльцо. Вид с юго-востока.

Северная часть паперти (далее – северная паперть) обследовалась в течение 2002–2003 и 2006 гг. У западного фасада крытой паперти Троицкой церкви удалось выявить фрагмент нижней части кладки ее северного обреза. Кроме того, в интерьере Троицкой церкви был вскрыт восточный обрез, оформленный парапетом, две сохранившиеся ступени схода с нее и забутовка «тела» паперти, выполненная из чередующихся слоев плотного белокаменного щебня на известковом растворе и песка с примесью извести (цв.вкл.: рис.10).

Восточный парапет схода с паперти представляет собой кладку шириной от 140,5 до 141,5 см (2 аршина), вынесенную к северу от собора на расстояние около 5,40 м (шурфы № 6-02 и 6а-03). Наружные стороны верхней части парапета выполнены из квадристых блоков длиной от 34,5 до 64 см, высотой от 28 см (в нижнем ряду кладки парапета) до 50 см. Гладко обтесывались лишь внешние грани блоков, боковые стороны отесаны небрежнее, на отдельных блоках – слегка на скос; уходящие в кладку «хвосты» блоков грубо обколоты так же, как и на кладке основания апсид. Верхние грани подтесывались достаточно грубо, на них заметны довольно беспорядочно расположенные следы прямого тесла шириной 2 см. Тем не менее, подгонка камней в кладке была достаточно чистой: толщина швов на некоторых участках – не более 3 мм, в целом она почти нигде не превышает 8 мм. Внутренняя часть парапета забутована белокаменным бутом и щебнем и пролита раствором. Раствор – известковый, слегка сероватого оттенка с мелким сероватым песком. На лицевой поверхности некоторых блоков видны следы раствора, которым промазывались швы. Следы раствора прослежены и на верхних постелях блоков, так что кладка явно поднималась до более высокого уровня.

Общая высота сохранившейся тесаной кладки, перевязанной с кладкой северной стены собора, составляет около 120 см, она опирается на белокаменный бут, положенный в 2-3 ряда общей мощностью около 60 см и выровненный по верху белокаменным щебнем с известковой проливкой. Промежутки между бутовыми камнями заполнены более мелким бутом или щебнем на известковом растворе. На некоторых участках лицевая поверхность бутовой кладки закрыта настолько плотным слоем известкового раствора, что невозможно установить, перекрывает он один камень или два.

Судя по стратиграфии выявленных на этом участке наслоений, котлован, открытый перед возведением подклета, здесь, как и у апсид, имел ступенчатую форму; при устройстве основания парапета оно было поставлено прямо на засыпку промежутка между бортом котлована и кладкой основания стены собора. Непосредственно под кладкой основания парапета выявлен верх черепа погребенного, уходящего под парапет. Выявленное захоронение относится к кладбищу, предшествовавшему строительству собора (см. профиль 2-2).

В ходе расчистки нижней ступени схода с паперти выяснилось, что она вынесена на 8-11 см дальше, чем северный обрез парапета; ширина ступеней, сложенных из тесаных блоков, составляет 27-28 см, высота от 21,5 до 22,5 см.

Наружный обрез северной паперти выявлен к югу от крыльца Троицкой церкви, где на глубине всего 5-7 см от уровня современной дневной поверхности сохранился нижний ряд облицовки северного фасада паперти, проходящий на расстоянии около 3,65 м к северу от стены собора (рис.11). В кладке применены крупные, гладко отесанные блоки длиной от 42 до 88 см, шириной от 30 до 58 см, высотой от 41 до 45 см, положенные на известковом растворе. Тесаные блоки опираются на слой крупного белокаменного щебня и бута, выступающий от наружного обреза кладки на расстояние до 7 см. В длину (с востока на запад) от западного фасада крытой па-

перти Троицкой церкви тесаная кладка сохранилась на 4,95 м, далее она выбрана. Тем не менее, судя по выносу западной паперти собора (см. ниже) и расположению колокольни конца XVII в., пристроенной восточным фасадом к паперти в то время, когда она еще функционировала, удален практически лишь самый крайний угловой блок. В этом случае общая длина северной части паперти от восточного обреза сохранившегося парапета до северо-западного угла могла составлять от 13,5 м до 13,8 м.

Никаких следов ступеней или подготовки под них к северу от обреза кладки паперти не обнаружено. Это позволило предположить, что первоначально лестничные сходы располагались только напротив порталов (что подтвердилось при исследованиях южной и западной папертей), в отличие от позднего оформления южной паперти с лестничным сходом по всей ее длине.

К сожалению, установить место расположения парапета, оформлявшего лестничный сход с запада, невозможно, так как этот участок перекрыт фундаментом поздней западной крытой паперти Троицкой церкви.

Южная часть паперти (далее – южная паперть) в настоящее время представляет собой площадку, идущую от восточного фасада колокольни до расположенной к востоку от портала основного объема лопатки. Подъем на ходовую площадку осуществляется по ступеням, проходящим по всей ее длине. Поздний характер этой конструкции не вызывает сомнений, так как белокаменное мощение ходовой площадки перекрывает низ портала.

В результате исследований, проведенных в 2002 и 2006 гг., был выявлен восточный парапет, остатки кладок западного парапета лестничного схода, кладка южного обреза первоначальной паперти (цв.вкл.: рис.12).

Как и на северной части паперти, наружные стороны восточного парапета выложены из крупных (длина от 34 до 70 см, высота – до 39 см, ширина – до 50 см), достаточно гладко обтесанных белокаменных блоков, а внутренняя часть заполнена белокаменным бутом и щебнем на известковом растворе. Ширина парапета в тесаной кладке составляет 150-152 см, длина прослежена лишь на уровне фундаментного бута (с юга кладка разобрана сильнее, чем на севере), она составляет 5,94 м от лопатки собора (в лицевой кладке парапет, естественно, должен был быть короче)[6] (рис.13).

Западный парапет лестничного схода, сохранившийся под ступенями поздней паперти (вскрыт частично), выполнен в той же технике: наружные стороны облицованы крупными тесаными белокаменными блоками, внутри – забутовка из бута среднего размера и белокаменного щебня на известковом растворе (рис.14). Ширина западного парапета в лицевой кладке составляет 162 см, на уровне фундамента – около 175 см. Ступени схода не сохранились. Общая ширина лестничного схода с южной части паперти вместе с парапетами составляла около 6,8 м, ширина лестничного марша – примерно 3,5 м.

Южный обрез ходовой площадки первоначальной паперти располагается на расстоянии около 3,73-3,78 м от фасада собора. Верхний сохранившийся ряд его кладки частично переложен гладко отесанными блоками небольшой высоты (до 25 см). Лежащая ниже кладка выполнена из крупных тесаных блоков длиной от 37 до 70 см, высотой от 37 до 43 см. Кладочный раствор здесь отличается от раствора, на котором положены блоки верхнего ряда (он имеет слегка сероватый оттенок и

[6] Надо сказать, что парапет выложен не перпендикулярно фасаду собора, а под небольшим углом (примерно 4 градуса). Впрочем, в процессе выкладки новой паперти эта «неправильность» была решительнейшим образом ликвидирована, и новый восточный обрез паперти был выложен по прямой.

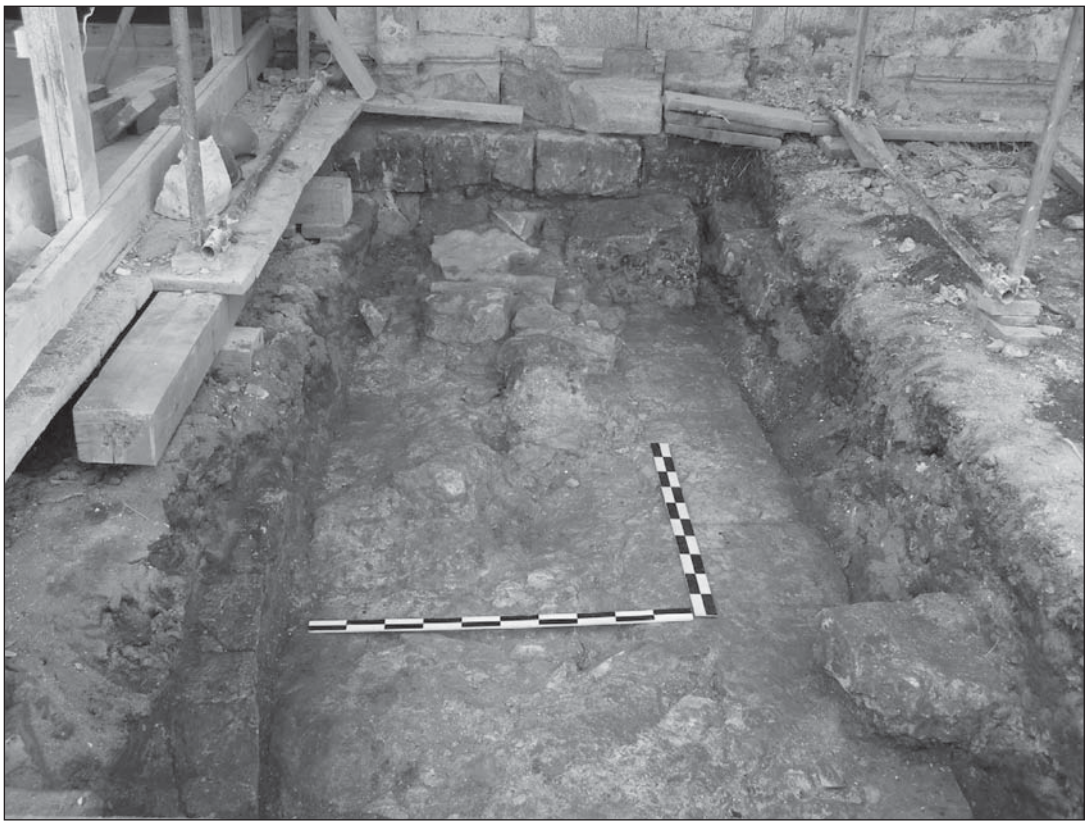


Рис. 13. Южная паперть. Восточный парапет. Вид с юго-востока.

Рис. 14. Южная паперть. Смыкание южной стены паперти и западного парапета лестничного схода. Вид с юга.

включения непромешанных комочков извести, что было отмечено и в растворе, на котором выложено основание апсид). К сожалению, вскрыть всю лицевую поверхность южной стороны паперти на полную высоту не было возможности, однако, судя по всему, в соответствии с общим направлением склона, с запада над уровнем дневной поверхности времени строительства было видно минимум три ряда кладки, а у юго-восточного угла – 1-1,5 ряда.

Необходимо отметить, что выстилка ходовой части первоначальной паперти, фрагмент которой был расчищен вдоль восточного парапета, была выполнена из белокаменных тесаных плит толщиной от 10 до 16 см, положенных непосредственно на забутовку «тела» паперти. Она понижалась по направлению от фасада почти на 20 см, обеспечивая отток дождевой воды[7].

Западная часть паперти (далее – западная паперть) зафиксирована в подвале трапезной. К сожалению, ее расчистка была произведена без археологического надзора (в подвале собирались устроить котельную) (цв.вкл.: рис.15).

Достаточно удовлетворительно сохранились слегка смещенные с места первоначального расположения тесаные белокаменные блоки ступеней северной стороны лестничного схода. Высота ступеней варьируется от 16 до 18,5 см, ширина проступи – от 31 до 32 см. С севера ступени примыкают к кладке парапета, ширина которого, возможно, доходила до 170 см (рис.16).

Судя по тому, что на расстоянии от 30,5 до 31,5 см от западного обреза верхней ступени сохранился плотный слой известкового раствора с мелким белокаменным щебнем, а по словам производителей работ при расчистке тесаные блоки не выбирались, похоже, что поверх этого слоя могло располагаться первоначальное мощение паперти. При учете толщины вымостки (по участку у восточного парапета южной паперти) от 10 до 16 см, ее верх должен был находиться на уровне, весьма близком к уровню наружного края мощения на южной паперти. Несколько странной в этом случае кажется ширина ходовой площадки западной части паперти, которая составляет не более 2,85 м (что значительно меньше, чем ширина северной и южной ее частей), особенно, если учесть, что юго-западный угол, прослеженный при расчистке южной стороны паперти, располагался почти в створ с выносом верхней ступени. Даже в том случае, если западный обрез паперти был выложен слегка наискось, ширина ее ходовой части не могла быть больше 3,15 м.

К сожалению, южный парапет так и остался не расчищенным, так что говорить о более-менее точной ширине лестничного схода не приходится, хотя «зеркальное» отложение от центральной оси портала позволяет предполагать, что она могла достигать примерно 3,7 м, то есть, этот сход был шире, чем находившийся напротив южного портала, что вполне логично для главного, западного, входа в монастырский собор.

Отмостка

При проведении работ по благоустройству территории у восточной части собора под перемешанными поздними отложениями была вскрыта белокаменная отмостка (цв.вкл.: рис.17). У северной апсиды она выполнена из хорошо подогнанных белокаменных плит (шурф № 1-02), у центральной апсиды (здесь отмостка сохранилась фрагментарно) – из тесаных плит и уплощенного по верхним постелям белока-

[7] Разумеется, было бы чрезвычайно интересно вскрыть всю ходовую площадь паперти, вероятно, ее мощение сохранилось и на других участках, однако такой возможности не было, остается только сожалеть, что новая паперть выполнена не в старых формах, которые вполне достоверно реконструируются по выявленным остаткам, и надеяться, что хотя бы в отдаленной перспективе в ходе реставрационных работ к натурным данным будут относиться с большим уважением, чем в настоящее время.

Рис. 16. Западная паперть. Остатки лестничного схода. Вид с юга.

менного бута. У южного же фасада на вскрытом участке располагались в основном бутовые камни среднего и мелкого размера, прослежено также несколько вставок из обломков кирпича. Отмостка не была первоначальной: участок у северной апсиды, перекрытый слоем грунта всего в 2-5 см, был выложен во время реставрационных работ второй половины XX в., мощение же у центральной апсиды и южного фасада, располагающееся на глубине до 25 см от уровня современной дневной поверхности, было выполнено во второй половине XIX в. (в процессе работ под одним из камней была найдена копейка 1852 г.) (рис.18-19).

Наиболее интересны в этой отмостке трапециевидные плиты размером до 69×39-71 см со стесанными полукругом длинными торцами, прослеженные на примыкании к южной апсиде и на участке у южного фасада. Они определяют веерообразный характер рисунка всей отмостки.

Общий уклон отмостки от фасада (около 3-4 градусов) обеспечивал отток от него дождевых вод. Для отвода воды к западу, вдоль естественного склона, служил лоток – линеарное заглубление (ширина от 6 до 7 см, глубина 0,5-1,5 см), частично протесанное в плитах, частично – образованное слегка наклоненными друг к другу камнями отмостки. На сохранившихся участках край отмостки, ширина которой варьируется от 1,7 м у апсид до 3,7 м – у южного фасада, оформлен рядом тесаных блоков.

Первоначальная отмостка, фрагмент которой сохранился у центральной апсиды, располагалась на 30-35 см ниже поздней. Она была выполнена из тесаных белокаменных плит длиной от 50 до 54 см, шириной от 34 до 43 см. Возможно, что часть материала из ранней отмостки была использована при выкладке позднего мощения. Разумеется, чрезвычайно заманчиво было бы предположить, что «веерные» части

Рис.18. Отмостка у восточной части южной стены собора. Вид с востока.

Рис.19. Отмостка у юго-восточного угла собора. Вид с юга.

нового мощения были выполнены с хотя бы относительным повторением форм старого, впрочем, «веерный» характер диктуется как контуром апсид, так и трапециевидной формой самих плит[8].

Звонница – столп

Уже на первом этапе раскопок (2002 г.) при обследовании фундамента колокольни 1686 г. выяснилось, что ее юго-западный угол опирается на кладку фундамента разобранной постройки. К сожалению, вскрыть его в плане полностью не удалось, однако было установлено, что он имел кольцевидную форму. Лицевые блоки были полностью выбраны (с юго-запада выбрана на значительную глубину и кладка фундамента), однако с восточной стороны на растворе сохранились слабые отпечатки кладки нижнего ряда цоколя, отстоящие от внешнего обреза фундамента на 22-28 см. К сожалению, участок с отпечатками невелик, однако, с учетом расположения сохранившихся на западе камней фундамента, можно предположить, что диаметр утраченной постройки в лицевой кладке мог составлять около 6,2 м, толщина стены на уровне низа цоколя, видимо, была не больше 1,35-1,40 м (цв. вкл.: рис.20, 21).

Кладка основания разрушенной постройки выполнена из рваного бута на известковом растворе, она сохранилась на 5 рядов общей высотой около полутора метров. Промежутки между камнями забиты белокаменным щебнем, поверх почти каждого из рядов просыпан выравнивающий слой щебня. Под подошвой также прослеживается слой щебня мощностью до 12 см, опирающийся на материковый песок. Рваный внутренний край кладки и небольшой размер выявленной дуги не позволяют достаточно точно реконструировать габариты внутреннего пространства, однако вскрытие в плане фрагмента северо-западной стороны фундамента, разобранного здесь на более низкие отметки, позволяет предположить, что диаметр столпа в интерьере мог немного превышать 3 м. К сожалению, вскрыть выявленный фундамент в плане полностью не было возможности.

На настоящем этапе можно утверждать, что утраченная постройка была возведена до 1686 г. (время сооружения существующей колокольни), была круглой в плане (во всяком случае, на уровне цоколя) и являлась числящимся в описи 1607 г. «столпом» для стопудового колокола-благовестника[9]. По-видимому, «столп» был разобран перед строительством в 1685 г. дошедшей до нашего времени кирпичной колокольни.

Суммируя вышеизложенное, можно достаточно точно реконструировать процесс строительства собора, которое было начато с отрытия котлована под его подклет, в нижней части практически соответствовавшего размерам подклета, в верхней же – расширявшегося уступами. Верхний уступ образовывал «ходовую» рабочую поверхность при ведении кладки внешней стороны стен подклета, на которой прослежен «натоптыш» из перемешанного с землей песка. Засыпка промежутка между

---

[8] Необходимо отметить, что при расчистке у юго-восточного угла колокольни был выявлен небольшой фрагмент мощения, один из элементов которого составляла частично обколотая плита трапециевидной формы со скруглением, как у плит у восточной части собора. Так что возможен вариант транспортировки таких плит, вес которых мог превышать 100 кг, достаточно далеко от места первоначального расположения.

[9] Кажется маловероятным, что «Под гробницу Иова, по всей видимости, был приспособлен один из ярусов (вероятно, нижний) столпа XVI века» [21, с.146], так как в Описи 1607 г. «столп», деревянная колокольня, каменная гробница над погребением святейшего патриарха Иова и каменная же гробница над могилой князя В.К. Пронского входят в ряд перечисляемых, существующих на момент составления Описи, отдельных сооружений.

бортом котлована и кладкой стен подклета производилась выбранным из этого же котлована песком. У верхней части кладки, где она велась из тесаных белокаменных блоков, подсыпки осуществлялись после выкладки каждого ряда, их отмечают прослойки извести с включениями белокаменной крошки, а около апсид – насыпные слои белокаменного щебня (цв.вкл.: рис.5, шурф № 9-03). Подклет был заглублен примерно на 3,8-3,9 м от уровня дневной поверхности времени строительства с восточной стороны и на 1,7-1,8 м – с западной.

По периметру котлована на ширину стен подклета и на участках, где предполагалось расположить столбы, были набиты сваи, промежутки между оголовками которых заполнялись обломками камней; верх свайной конструкции выравнивался с помощью подсыпки слоя белокаменного щебня с известью. Уточнение планировки подклета явно производилось прямо по месту со сдвигом внутренних плоскостей стен либо к борту котлована так, что крайний ряд свай оставался свободным, либо – по направлению к интерьеру (в этом случае край стены оставался без опоры на сваи). С внешней стороны нижняя часть кладки стен подклета, судя по вскрытым участкам, могла выполняться как в белокаменном буте, так и из тесаных камней, причем в качестве кладочного материала могли применять обломки надгробных плит с кладбища предшествовавшей белокаменному собору церкви. В верхней части кладка велась из тесаного камня, несмотря на то, что она находилась ниже уровня дневной поверхности времени строительства[10].

Апсиды храма были вынесены к востоку на специально устроенной под них полукруглой в плане платформе, выполненной из 3-4 рядов тесаных белокаменных блоков и опиравшейся на засыпку внешних частей котлована (в основном – песок с включениями белокаменного щебня и извести, на отдельных участках – слои суглинка с песчаной прослойкой между ними). В процессе строительства абрис апсид изменялся три раза, причем без полной разборки не удовлетворивших строителей рядов кладки.

Необходимо отметить, что корректировка плана собора производилась и выше уровня дневной поверхности путем устройства небольших выносов или отступов в облицовочной кладке стен.

Вход в подклет осуществлялся через дверной проем, устроенный в нижней части центральной апсиды и перекрывавшийся двупольной дверью (до настоящего времени сохранились четверти и подставы). Вероятно, первоначально перед проемом располагался приямок, однако впоследствии, скорее всего, из-за того, что проем заливался дождевыми водами, его нижняя часть была заложена до уровня верха основания апсид, так что и первоначальный порог проема, и нижние подставы оказались ниже закладки. Такая же ситуация прослежена на участке у юго-восточного окна в подвал, также оконтуренного с внешней стороны приямком (цв.вкл.: рис.5, шурф 2-02), нижняя часть которого первоначально располагалась ниже уровня дневной поверхности времени строительства, а затем была заложена[11].

---

[10] Реконструировать замысел строителей, использовавших для подземных конструкций качественный тесаный камень, достаточно сложно. Возможно, они хотели сделать основание памятника как можно более прочным, или предохранить подклет от просачивания грунтовых вод (видимо, с этой же целью швы между камнями дополнительно промазывались раствором, перекрывавшим и часть поверхности кладочных блоков), или просто наличие поблизости залежей известняка позволяло не экономить строительные материалы.

[11] Проем ошибочно был принят А.М. Салимовым за второй вход в подвал (последняя публикация автором этой версии – [22, с.88]). В таком случае было бы вполне логично посчитать входами еще три аналогичных проема на южном фасаде, увеличив количество спусков в подвал до пяти.

В процессе строительства (цв.вкл.: рис.22) собор был окружен трехсторонней папертью с лестничными сходами, располагавшимися напротив порталов. Длина северной части паперти от обреза восточного парапета составляла около 13,75 м, южной – около 13,65-13,75 м, западной – около 20,95 м. Ширина ходовой площадки паперти была различной: с северной стороны она составляла около 3,65 м, с южной – около 3,75 м, с западной же – не превышала 2,85-3,15 м. Лестничные сходы шириной 3,5-3,7 м, ограниченные парапетами, были вынесены от внешних обрезов ходовых площадок еще на 1,75-2 м. По-видимому, по периметру паперти находилось ограждение с балясинами (во время ремонта 1776 г. между балясинами были вставлены кирпичные, облицованные лещадью, столбы), хотя не исключен вариант, что первоначальное ограждение могло быть глухим.

В XVI в. неподалеку от юго-западного угла соборной паперти был построен круглый в плане (во всяком случае, на уровне цоколя) «столп» для упомянутого в описи 1607 г. колокола-благовестника[12].

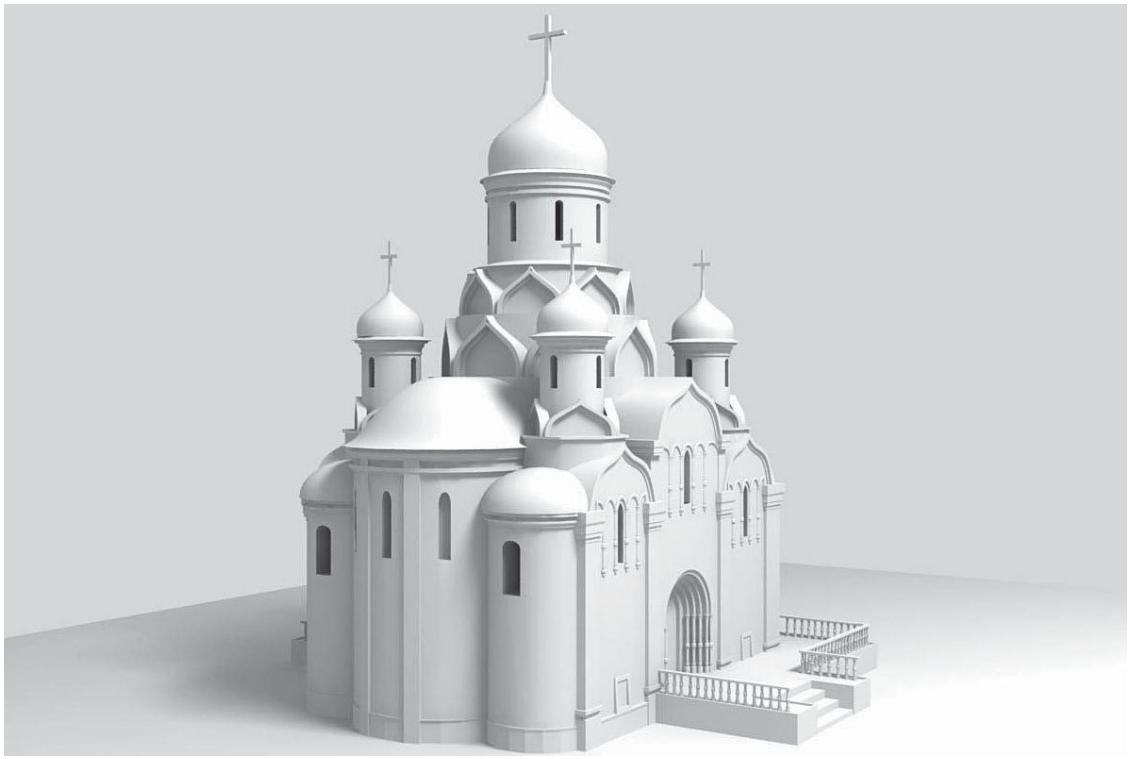
Нам не известна точная дата возведения «столпа». Структура его фундамента не совпадает с таковой у Успенского собора, а также палат на городище и в монастыре, кроме того, сваи под фундаментом не обнаружены. Это дает возможность предполагать, что строительство «столпа» было осуществлено несколько позднее, чем возведение монастырского собора. Нет никаких сведений и о характере завершения «столпа», которое могло быть как шатровым (в этом случае прототипом могла послужить церковь Вознесения в Коломенском), так и купольным (купол с главкой, как на Георгиевской церкви в Коломенском) или с ярусами кокошников и главкой (как у Успенской церкви-колокольни Спасо-Каменного монастыря). Любые экзерсисы на эту тему, к сожалению, будут сугубо гипотетическими (рис.23). Отсутствие каких бы то ни было археологических данных о точном месте расположения и планировочных габаритах брусяной колокольни не позволяют включить ее в реконструкцию, так же, как и гробницу В.К. Пронского, дата смерти которого неизвестна[13], а место расположения по описи 1607 г. определяется лишь как «Да на левой стороне у большой церкви у алтаря» [16, с.16].

Значительные изменения в облике центрального собора монастыря появились после крупного пожара 1681 г., когда вместо разобранной столпообразной звонницы у юго-западного угла паперти была построена дошедшая до наших дней колокольня 1686 г. Затем при строительстве в 1802 г. у западного фасада собора трапезной была частично разобрана западная часть паперти. Северную ее часть разобрали в процессе возведения в 1814–1819 гг. Троицкой церкви. С юга верхняя часть паперти была переложена, располагавшийся напротив портала лестничный сход был разобран и устроен новый сход на всю длину южного участка паперти. Тем не менее, несмотря на пристройки, перекрывающие северный и западный фасады собора, он остается одним из интереснейших памятников архитектуры первой половины XVI – начала XIX вв.

---

[12] Среди довольно большого количества столпообразных звонниц и церквей «под колоколы» можно отметить прямой аналог выявленной постройке в расположенной также к юго-западу от основного объема круглой башне при Успенской церкви XVI в. бывшего Иванишского монастыря в с. Иваниши Старицкого района Тверской области. Этот храм был построен несколько позднее Успенского собора (1534–39 гг.), в нижних частях его подклета были применены такие же камни, как на Старицком соборе (вариант прямого «заимствования» материала, не пошедшего в дело при строительстве Успенского собора), так что вероятно, что облик иванишского «столпа» в какой-то степени мог повторять облик разобранного позднее старицкого «столпа».

[13] В родословцах Василий Константинович не упоминается, но числится по Старице в Тысячной книге середины XVI в. [23, с.183].



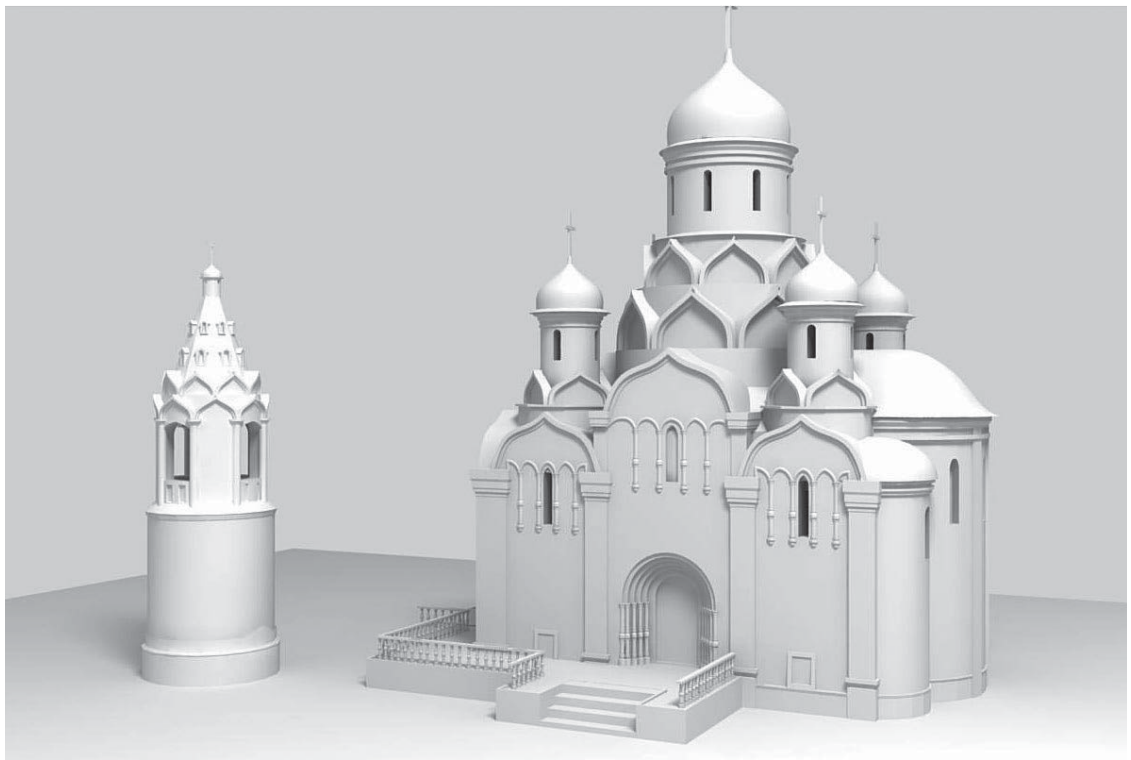


Рис. 23. Реконструкция (вариант) на XVI в. Архитектор Лифановская М.А.

При исследовании фундаментов собора были зафиксированы остатки погребений (частично перерезанных фундаментами) предшествовавшего строительству собора кладбища, что служит свидетельством существования на участке, где располагается Успенский собор, более ранней церкви. В ходе археологических исследований, проводившихся в монастыре ТНИИР-Центром (археологи М.Е. Нестерова, А.Б. Сиволапова) выяснилось, что освоение этой территории произошло задолго до начала каменного строительства в монастыре: в XV в. здесь уже располагалась жилая застройка.

В процессе раскопок выявлены обломки плиток пола, фрагменты поздних печных изразцов, незначительное количество керамики, отдельные экземпляры которой могут быть датированы временем конца XV – начала XVI вв., и фрагменты светлоглиняной городчатой черепицы со светло-зеленой поливой, упомянутой в описи 1741 г. и служившей для покрытия малых глав собора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хворостова Е.Л.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на территории Успенского монастыря в г. Старице Старицкого района Тверской области в 2002 г. М., 2003 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
2. *Хворостова Е.Л.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на территории Успенского монастыря в г. Старице Старицкого района Тверской области в 2003 г. М., 2004 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
3. *Хворостова Е.Л.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на территории Успенского монастыря в г. Старице Старицкого района Тверской области в 2006 г. М., 2006 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
4. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 459. 1686 г. Подлинная писцовая и межевая книга города и посадской выгонной земли письма, меры и межевания писца Василия Михайловича Сухово-Кобылина и подъячего Дмитрия Горюхина.
5. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 457. 1645–1646 гг.
6. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15407. 1678 г.
7. *Арсений (Завьялов), игумен.* Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. Тверь: тип. Губ. Правл, 1895. – 88 с.
8. *Крылов И.П.* Старица и ее достопримечательности. Старица: Типография И.П. Крылова, 1903. – 44 с.
9. *Некрасов А.И.* Отчет о Комплексной Тверской экспедиции. М.: Изд-во 1-го Мос. Гос. ун-та, 1928. – 18 с.
10. *Ильин М.А.* Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. М.: Искусство, 1980. – 280 с., илл.
11. *Баталов А.Л.* Московское каменное зодчество конца XVI века. М.: НИИ РАХ, 1996. – 433 с.
12. *Салимов А.М.* Успенский собор Старицкого монастыря: к вопросу о датировке и источнике первоначальных архитектурных форм // Труды Государственного Эрмитажа. XXXIV. Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007. – С. 241–248.
13. *Хворостова Е.Л.* Собор Успенского монастыря в городе Старице (первые итоги архитектурно-археологических исследований) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь: Старый город, 2003. – С. 257–261.
14. *Хворостова Е.Л., Галашевич А.А.* Старицкая белокаменная палата XVI в. // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 4. М.: Стройиздат, 2001. – С. 66–74.
15. Описные книги Старицкого Успенского монастыря 1607 г. // «Тверская старина». 1911, № 1.
16. Описные книги Старицкого Успенского монастыря 1607 г. // «Тверская старина». 1911, № 12.

17. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 459. 1686/87 гг.
18. ГАТО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 226. 1776 г. Приходо-расходная книга Старицкого Успенского монастыря.
19. ГАТО. Ф. 160. Оп. 2. Д. 4457. 1802 г. О дозволении в Старицком Успенском монастыре к Соборной Успенской церкви прикласть с западной стороны каменную трапезу.
20. *Хворостова Е.Л.* Белокаменные «Государевы погребы» в Старице // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь: Старый город, 2003. – С. 262–267.
21. *Салимов А.М., Салимова М.А.* Старицкий Успенский монастырь. М.: Медиа Академия, 2008. – 356 с.
22. *Салимов А.М.* Средневековое зодчество Твери и прилежащих земель. XII–XVI века. Том II. Тверь: ФГБОУ ФПО «ГАСК», 2015. – 678 с.
23. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л.: АН СССР, 1950. – 449 с.

г. Москва

E.L. Khvorostova
Dormition Cathedral of Saint Dormition Monastery in Staritsa (Architectural and Archaeological Aspect)

The article represents results of architectural and archaeological studies of Dormition Cathedral in Staritsa monastery built in the XVI century. This analysis reveals layouts of lost north, south and west church porches as well as a bell pillar. It also shows how apses outlines were changing during the cathedral construction. Lower parts of walls basements made of limestone and rubble hewn blocks rested on piles were found.

Keywords: *Staritsa, architecture, Dormition Cathedral, ground floor, apse, foundation, bell tower, church porch, white stone, lime mortar.*

УДК 902.22 (470.311) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.261-296

Г.Н. ПРОНИН, А.В. КИРСАНОВ

РАСКОПКИ В С. МИКУЛИНО

В 2016 г. проведены раскопки селищ Микулино 7 и Микулино 11 в Лотошинском районе Московской области. Селище Микулино 7, вероятно, представляет собой малодворное сельское поселение XV–XVII вв. В результате исследований выявлены остатки жилых и хозяйственных построек, предметы быта, вооружения, орудия труда, украшения, культовые предметы. Датировка поселения хорошо определяется медными и серебряными монетами.
Ключевые слова: *селище Микулино 7, Микулино 11, Лотошинский район, Московская область, постройки, находки фрагментов керамики, орудия труда, предметы быта, украшения, нательные кресты, медные и серебряные монеты.*

В 2016 г. были проведены спасательные археологические раскопки селищ Микулино 7 и Микулино 11 у с. Микулино Лотошинского района Московской области. Необходимость выполнения этих работ была обусловлена проектируемой прокладкой магистральных газопроводов «Белоусово – Ленинград (Санкт-Петербург)», которые должны были пройти по территории этих объектов археологического наследия (рис.1).

Оба памятника неоднократно обследовались в ходе археологических разведок [1; 2].

Существует многочисленная литература, так или иначе касающаяся удельного Микулинского княжества и самого города Микулин (и Микулинского городища). Это в первую очередь работы второй половины – конца XIX – начала XX вв. [3-5 и др.]. Среди них выделяется монография В.С. Борзаковского «История Тверского княжества» [4], базирующаяся на скрупулезном анализе многочисленных опубликованных древних актов и архивных источников.

Опыт фундаментальных исследований по истории Тверского княжества имеется и в наши дни. Отметим монографию Эккехарда Клюга [6] и книгу А.Б. Широкорада [7] «Альтернатива Москве. Великие княжества Смоленское, Рязанское, Тверское», а также целый ряд публикаций и диссертацию М.А. Зинько [8], посвященных непосредственно истории Микулинского княжества.

Собственно Микулинское удельное княжество фигурирует в этих работах лишь постольку, поскольку это необходимо в общем контексте изложения материала (исключение, пожалуй, составляют лишь работы М.А. Зинько).

Отдельную группу публикаций составляют историко-архитектурные публикации о храме Михаила Архангела на городище Микулино. Пальма первенства здесь на протяжении многих лет принадлежит исследованию А.Н. Вершинского [9].

К третьей группе библиографической информации можно отнести многочисленные краеведческие изыскания, заметки и статьи, в большом количестве представленные сегодня в открытом доступе на сайтах интернета. Отметим, что подавляющее большинство этих работ репродуцируют уже известные и ранее опубликованные факты и материалы.

Удельное княжество Микулинское в составе Великого княжества Тверского образовалось в 1339 г., когда сын великого тверского князя Александра Михайловича, убитого в Орде, Михаил получил в удел город Микулин и окрестности. Позднее,

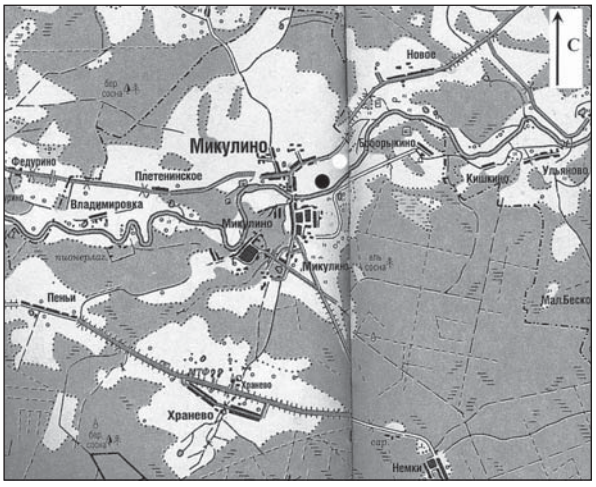


Рис. 1. План-схема расположения селищ Микулино 7 и Микулино 11.

Михаил Александрович становится великим князем Тверским. А после его смерти в 1399 г. удел получил его младший сын – Федор Михайлович Микулинский, который в исторической традиции и считается родоначальником князей Микулинских.

Его потомки продолжали править удельным княжеством, вплоть до падения Твери в 1485 г. и присоединения тверских земель к Москве. Последний владетельный князь Микулинский Андрей Борисович признал власть Ивана III, перебрался в Москву, а затем он сам и его потомки мужского рода состояли на службе у Ивана III и Василия III. На этом история удельного княжества Микулинского, как самостоятельной политико-административной единицы, заканчивается. Отметим, что микулинские князья, перешедшие под руку Москвы еще в период формальной независимости Твери, и в XVI в. не утратили своих вотчинных прав (в отличие от Великих тверских князей) и даже занимали видное положение в московской служилой иерархии.

Расцвет Микулинского княжества приходится на вторую половину – конец XIV–XV вв. В XV–XVI вв. в Микулине существовало четыре монастыря и несколько приходских храмов. Два из них – Воскресенский (на левом берегу р. Шоши, к востоку от крепостного вала – соотнесен с селищем Микулино 7) и Богородский (место нахождения не локализовано) функционировали уже в XIV в. В период расцвета вокруг городища и монастырей существовали обширные посады и пригородные поселения на обоих берегах р. Шоши.

В Микулине чеканили свою монету. По некоторым данным чеканка собственных монет прекратилась только во второй половине – конце XVI в.

В с. Микулино находится хорошей сохранности городище, окруженное по периметру валами высотой до 4-5 м. В валах имеются проемы от некогда существовавших въездных ворот. Традиционно время возведения укреплений Микулинского городища относят к XIV в., то есть к моменту обособления удельного княжества (рис.2). Однако археологического подтверждения этой датировке нет.

Главной достопримечательностью городища является Архангельский собор (рис.3) – памятник архитектуры XVI в. [9]. Сохранившийся храм был возведен, вероятно, не многим ранее 1559 г. в правление микулинского князя Симеона Ивановича (умер в 1599 г.).

Село Микулино и его ближайшие окрестности можно считать районом, достаточно хорошо исследованным археологически. Наиболее ранние сведения об археологических находках в районе Микулино относятся к 1821 г. [10,с.235-236]. Н.Ф. Калайдович в ходе осмотра окрестностей Микулинского городища с целью проведения археологических раскопок выкупил у местных жителей целый ряд артефактов: медные кресты, бляхи(?), монеты – медные пуло и серебряные деньги.

В 1850 г. на валу Микулинского городища была найдена серебряная чаша, представляющая собой прекрасный экземпляр декоративно-прикладного искусства XV в. [11, с.12]. В разные годы в окрестностях села находили монетные клады – 1902,

Рис. 2. Валы Микулинского городища. Вид с юго-востока.

Рис. 3. Храм Михаила Архангела на Микулинском городище. Вид с востока.

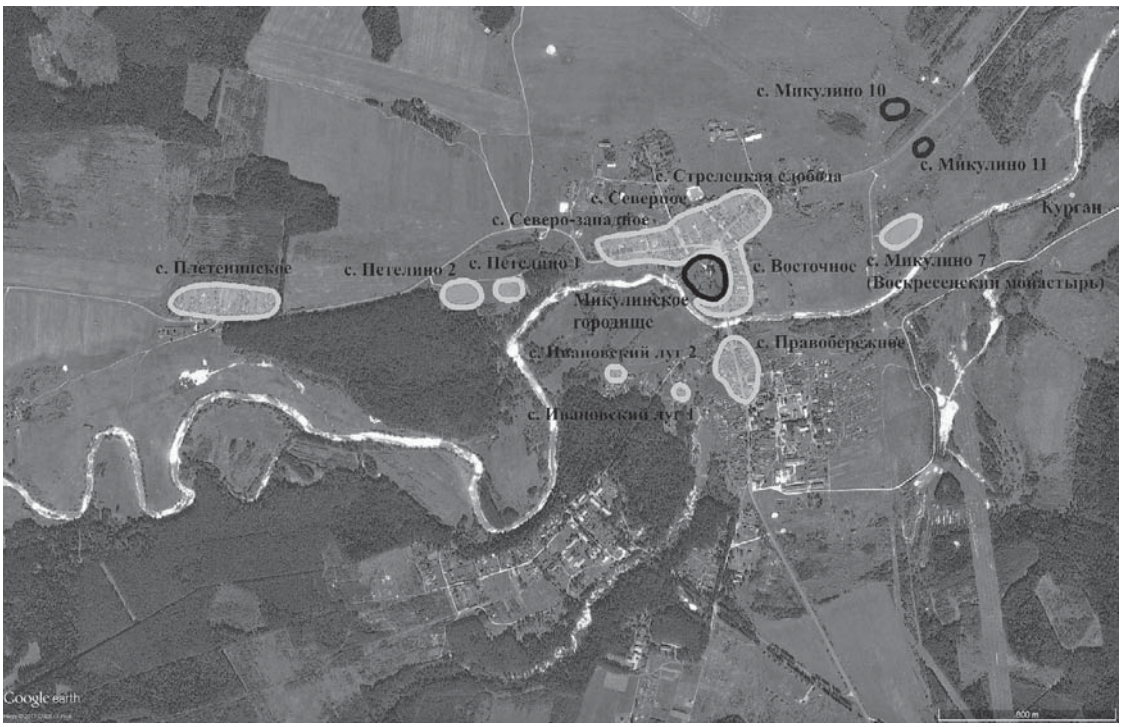


Рис. 4. Схема расположения селищ в окрестностях с. Микулино (по В.Л. Ивченкову).

1911, 1955 гг. В подавляющем большинстве в кладах представлены монеты времен Василия III и Ивана Грозного [12, с.72-73].

В окрестностях села существовали несколько курганных могильников и отдельных насыпей – «сопок». Большая часть этих памятников не сохранилась до наших дней. В 1910 г. один могильник на правобережье р. Шоши был частично раскопан археологами И.П. Крыловым и А.Н. Вершинским [5, с.5-11].

На территории городища небольшие раскопки в 1937 г. были проведены Н.П. Милоновым [13]. В ходе этих работ на территории детинца было заложено 9 шурфов, в которых был выявлен культурный слой мощностью от 0,45 до 2,0 м. Среди находок упоминаются многочисленные находки средневековой керамики, сырцовый и обожженный кирпич, подпольные ямы жилищ(?).

Изучение памятников археологии в окрестностях с. Микулино (и в целом Лотошинского района) возобновилось с конца 70-х – начала 80-х годов XX в. и эпизодически продолжается в настоящее время. Археологическими разведками в разные годы здесь выявлены памятники от эпохи бронзы (местонахождение у д. Моносеино), раннего железного века (селище Микулино 4, городище у д. Сельменово) до древнерусских курганных могильников (могильники у дд. Хилово, Шубино и др.) и многочисленных памятников позднего средневековья [14, с.71-79].

В самом селе, помимо Микулинского городища, зафиксировано 11 селищ (рис.4), большинство из которых датируется XV–XVII вв. и, по сути, являются частями обширных посадских территорий столицы удельного Микулинского княжества [1; 2]. К их числу относятся селища Микулино 7 и Микулино 11, исследованные в 2016 г.[1]

[1] Следует отметить, что практически вся информация о памятниках с. Микулино и окрестностей известна только по разведочным данным. Стационарных исследований поселений здесь не проводилось, границы памятников и их датировка устанавливалась по подъемному материалу и находкам из шурфов.

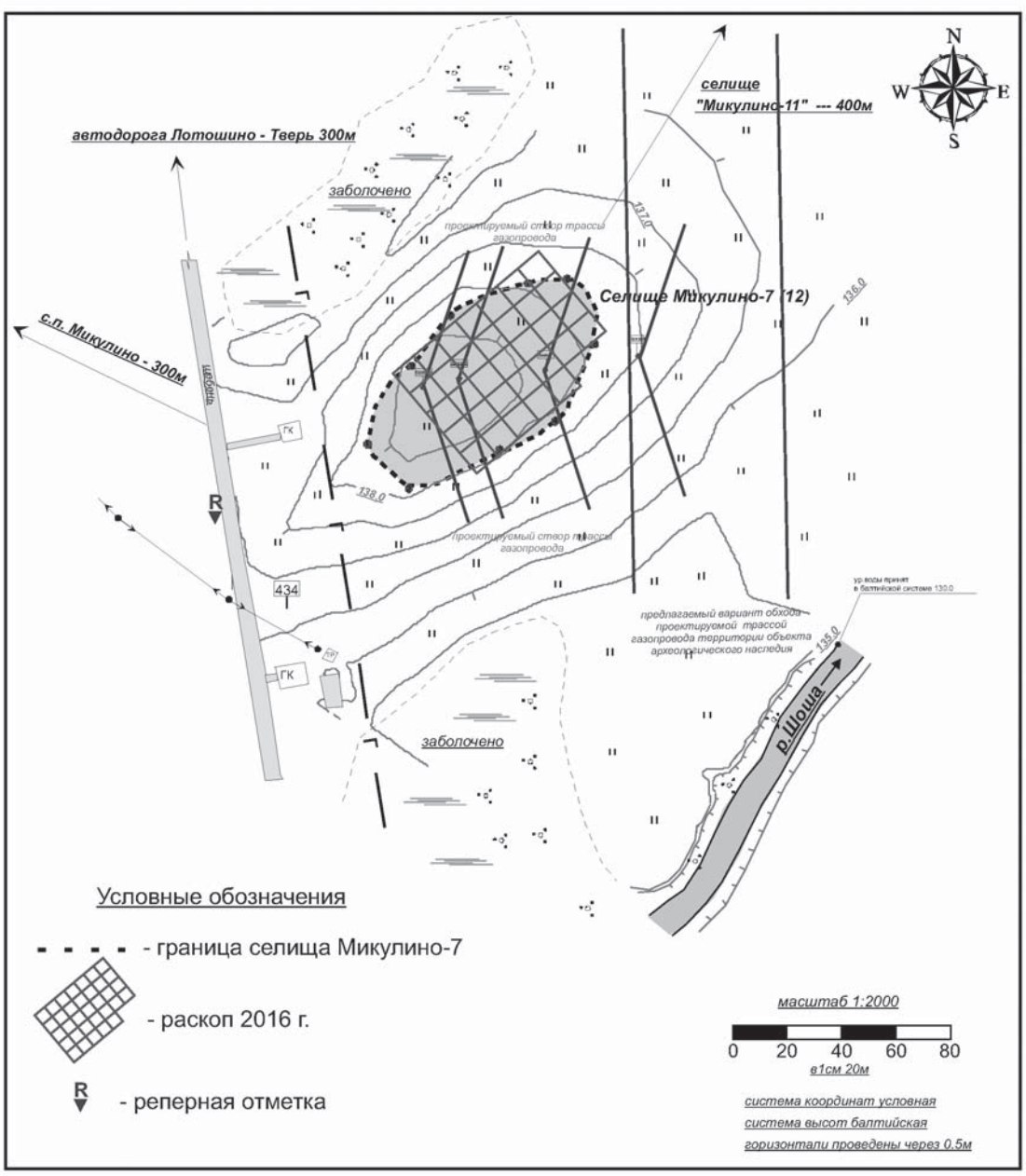


Рис. 5. Селище Микулино 7. Топографический план.

Селище Микулино-7 находится в Лотошинском районе Московской области, в 0,7 км к востоку от с. Микулино, в 0,9 км к юго-востоку от церкви села, в 0,02-0,04 км к востоку от существующей линии газопровода (рис.1). Поселение занимает песчаное всхолмление надпойменной террасы левого берега р. Шоша (правый приток р. Волга). Площадка памятника в плане имеет овальную форму и вытянуто по оси северо-восток – юго-запад, повторяя конфигурацию всхолмления. Абсолютные отметки в Балтийской системе высот 138-139 м. Высота над рекой составляет – 3-3,5 м. Общая площадь памятника составляет около 4500 м^2 (рис.5).

Раскопки проводились в центральной и северо-восточной части селища на участке проектируемого створа трассы газопровода. Исследованная площадь памятника составила 3 300 м^2.

В результате многолетней распашки и техногенного воздействия культурный слой памятника селище Микулино-7 полностью деструктурирован многовековой распашкой. Слой представляет собой супесь слабо и сильно гумусированную, серого, темно-серого и серо-коричневого цвета. Максимальная мощность слоя достигает 38 см (колеблется в зависимости от рельефа древней дневной поверхности). Максимальная мощность слоя в заполнении ям достигает 184 см. В заполнении культурного слоя найдены различные индивидуальные находки, фрагменты круговых сосудов, а также развалы целых сосудов, кости животных, кусочки печины, железные шлаки. В раскопе встречались отдельные камни, в том числе со следами пребывания в огне. Материк – песок желтый с линзами песка белого и красно-коричневого, а также с редкими пятнами серого и серо-коричневого суглинка. На поверхности материка зафиксированы археологические объекты – многочисленные ямы различного назначения – столбовые, мусорные, хозяйственные, ямы подклетов от конструкций жилого(?) и хозяйственного назначения. Еще раз отметим, что именно в них сохраняются культурные напластования in situ.

Как установлено в ходе раскопок, концентрация археологических объектов наблюдается в центральной (наиболее возвышенной над уровнем луговой поймы) поселения и на юго-восточном (в сторону р. Шоши) склоне высотки. В северном, СЗ и СВ направлении мощность антропогенных отложений резко падает. Здесь отсутствуют ярко выраженные археологические объекты, индивидуальные находки и массовый материал присутствуют в минимальном количестве. Это позволяет считать, что центр селища находился на наиболее высоком участке пойменной возвышенности и ее приречном склоне. А остальная часть селища – С, СЗ и СВ участки – в пределах его границ, установленных разведочными работами, периферийна и относится к зоне хозяйственного освоения памятника.

При этом и в периферийной зоне памятника слой содержит как отдельные индивидуальные и нумизматические находки, так и массовый материал [15].

В пределах исследованной площади памятника было зафиксировано более 60 материковых ям и пятен различного функционального назначения – столбовые, хозяйственные (мусорные), заглубленные части жилых(?) и хозяйственных построек. Какой-либо системы в их расположении или признаков планировки уловить не удается (рис.6). Какая-то часть ям, наверняка, имела наземные деревянные конструкции, следы которых уничтожены в результате многовекового антропогенного воздействия. Наибольший интерес среди них представляют пять объектов – ямы №№ 17,42,50,58 и 60 (рис.6). Это глубокие подпрямоугольные ямы, являющиеся подпольными помещениями жилых и хозяйственных строений.

Яма № 17. Подпрямоугольной формы, ориентирована – ССЗ-ЮЮВ. Размеры – 4,40×3,62 м (рис.6). Глубина в материке – 1,22-1,30 м. Северо-западная стенка ямы вертикальная, юго-восточная более полога. Дно ровное. Стратиграфия заполнения ямы № 17 свидетельствует о том, что она представляет собой остатки жилой или хозяйственной наземной конструкции с печным отоплением, погибшей в пожаре. В результате пожара рухнули перекрытия подпола и печь, вместе с обгоревшими остатками наземных деревянных конструкций, обвалилась на дно ямы. По СЗ стенке ямы от уровня материковой поверхности до дна прослеживаются линзы желто-коричневого материкового песка и серовато-коричневой супеси – явные следы просадки и осыпания грунта при разрушении постройки в ходе пожара.

Основу заполнения ямы в ЮВ части составляет мощный слой темно-серой – до черного – углистой супеси, насыщенный углистыми фракциями, кусками печины и вкраплениями мелких линз желто-коричневого песка, смешанного с серой супесью.

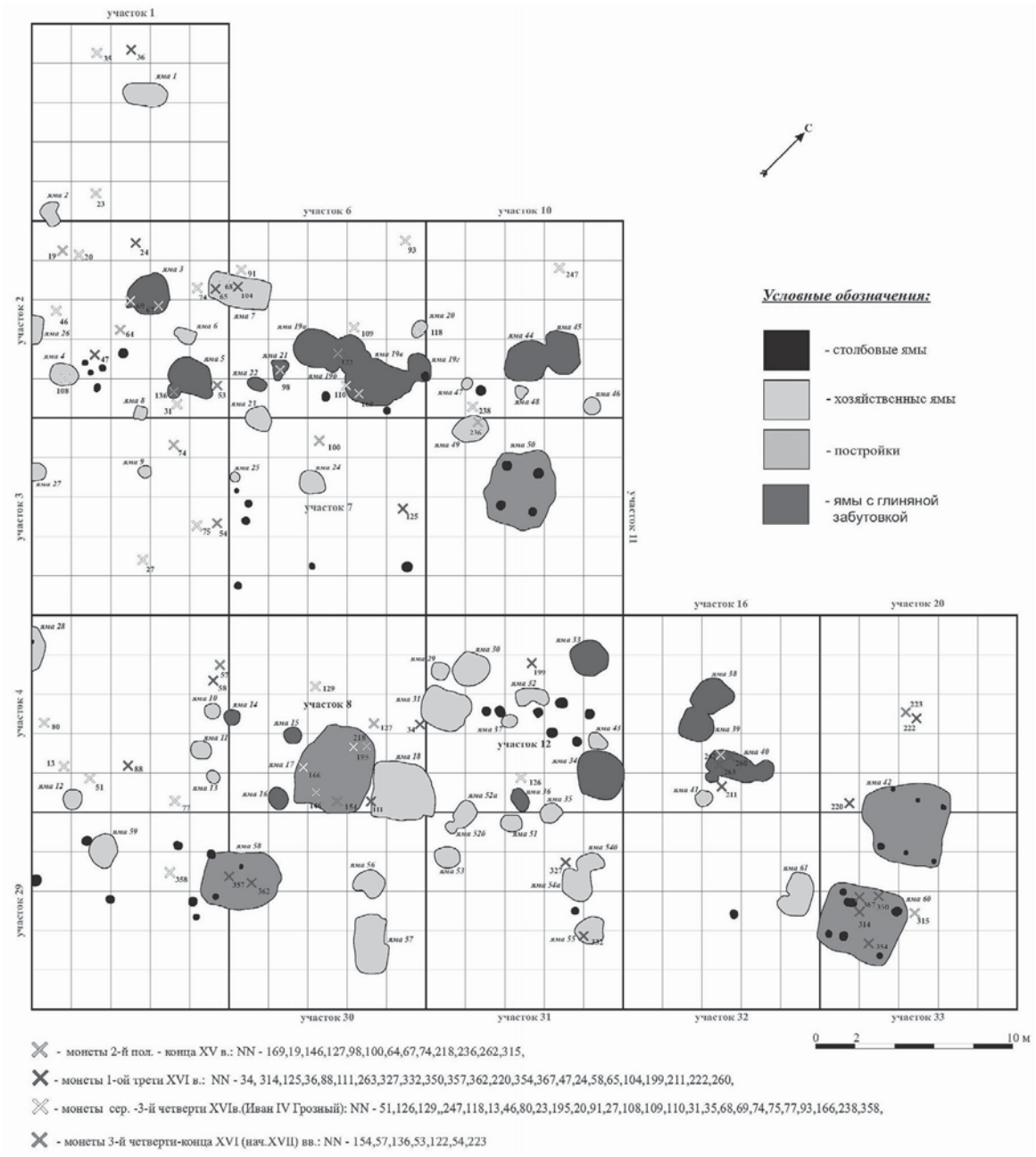


Рис. 6. Селище Микулино 7. Сводный план археологических объектов с пространственным распределением нумизматического материала (номера – по полевой описи. Находки с участков без объектов и подъемный материал не учитывались).

Мощность этого слоя заполнения достигает 60-74 см от уровня материка. В СЗ части ямы характер заполнения несколько иной – это более светлая серая супесь также с обильными углистыми включениями. Ее толщина ближе к северо-западной стенке достигает 80 см от уровня материковой поверхности до дна ямы (рис.7). Разница в характере заполнения объясняется тем, что печь в помещении располагалась, вероятно, у ЮВ стены помещения.

Остатки деревянной наземной конструкции и печи фиксируются в разрезе профиля ямы и в плане на глубине 0,80-0,85 м от уровня материка (рис.8). В плане они представляли собой углисто-золистое пятно диаметром около 2,80 м в центральной части ямы. В этом слое найдено большое количество фрагментов керамики от сосудов

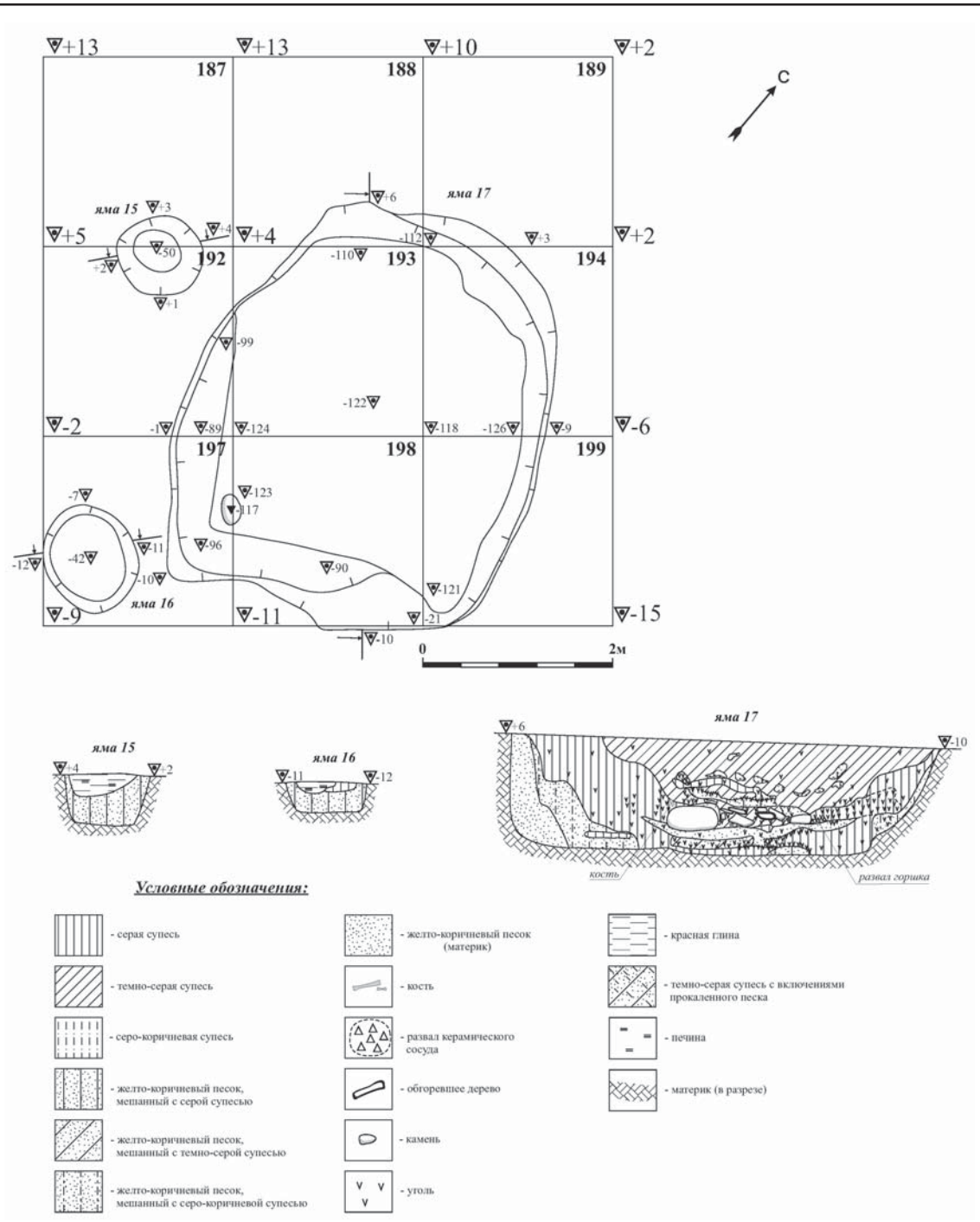


Рис. 7. Селище Микулино 7. Участок 8. Ямы 15, 16, 17.
План после выборки заполнения и разрезы.

различного вида и назначения, а также несколько скоплений и развалов сосудов. На этом же уровне обнаружены многочисленные куски обгоревших плах и досок от верхних деревянных конструкций, а также большое количество мелких и очень крупных камней – все со следами воздействия огня (рис.9). Грунт под углисто-золистым слоем с остатками обрушившихся конструкций имел следы прокаленности, что свидетельствует о том, что на дно ямы падали еще горевшие деревянные детали конструкции и раскаленные в огне камни. На углисто-золистом слое, среди камней, развалов сосудов и сгоревших плах были найдены человеческие останки – череп и разрозненные

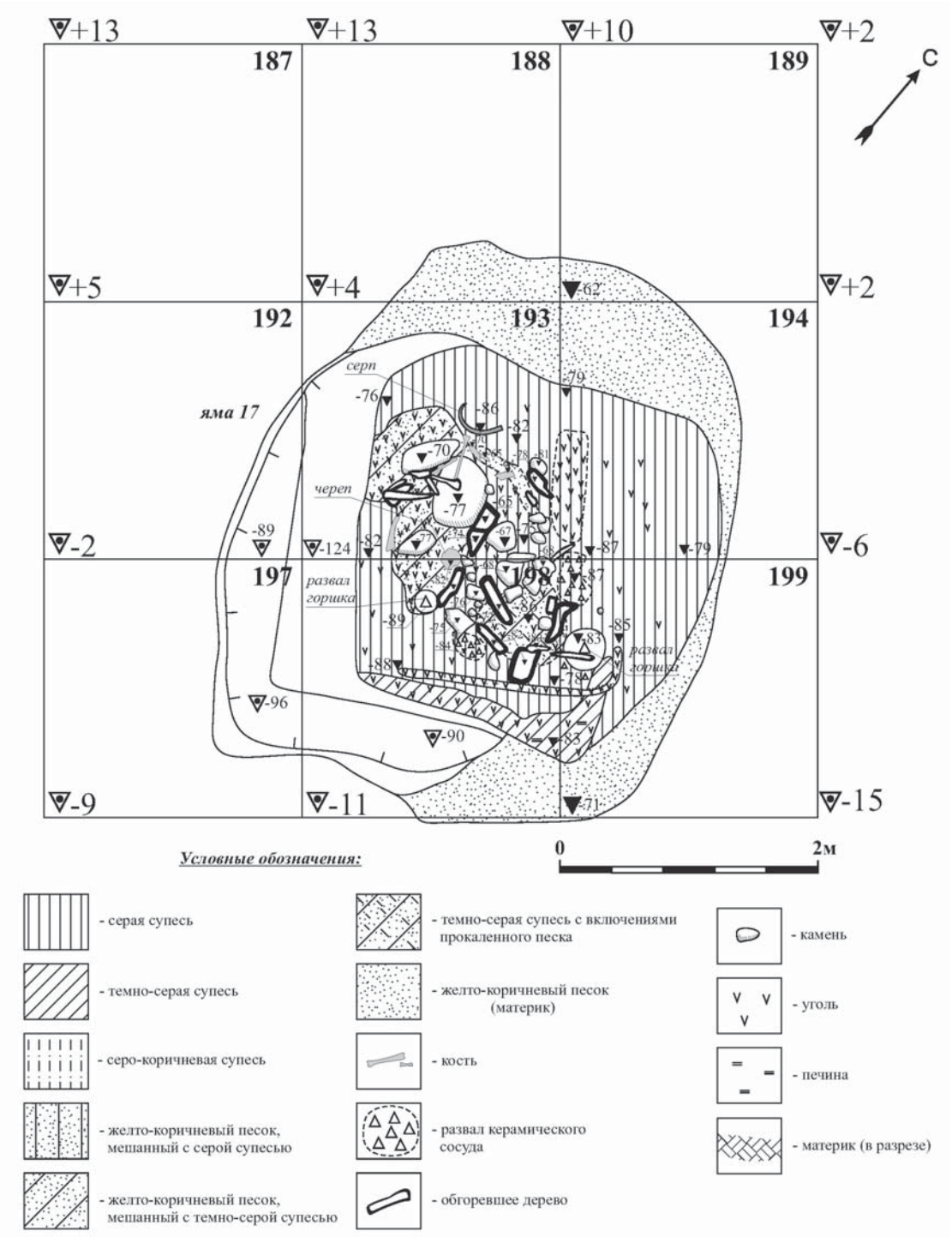


Рис. 8. Селище Микулино 7. Участок 8. Яма 17. План зачистки на уровне -80 -85 см от уровня материка.

кости руки и ног, покоящиеся не в анатомическом порядке (рис.8) – кости плохой сохранности. Так, череп был обнаружен на границе квадратов 193 и 198 на глубине 82 см от уровня материка, а остальные кости – в квадрате 193 на глубине 70 см на больших валунах. Судя по размеру костных останков, они принадлежат ребенку или подростку, провалившемуся в подпол во время пожара.

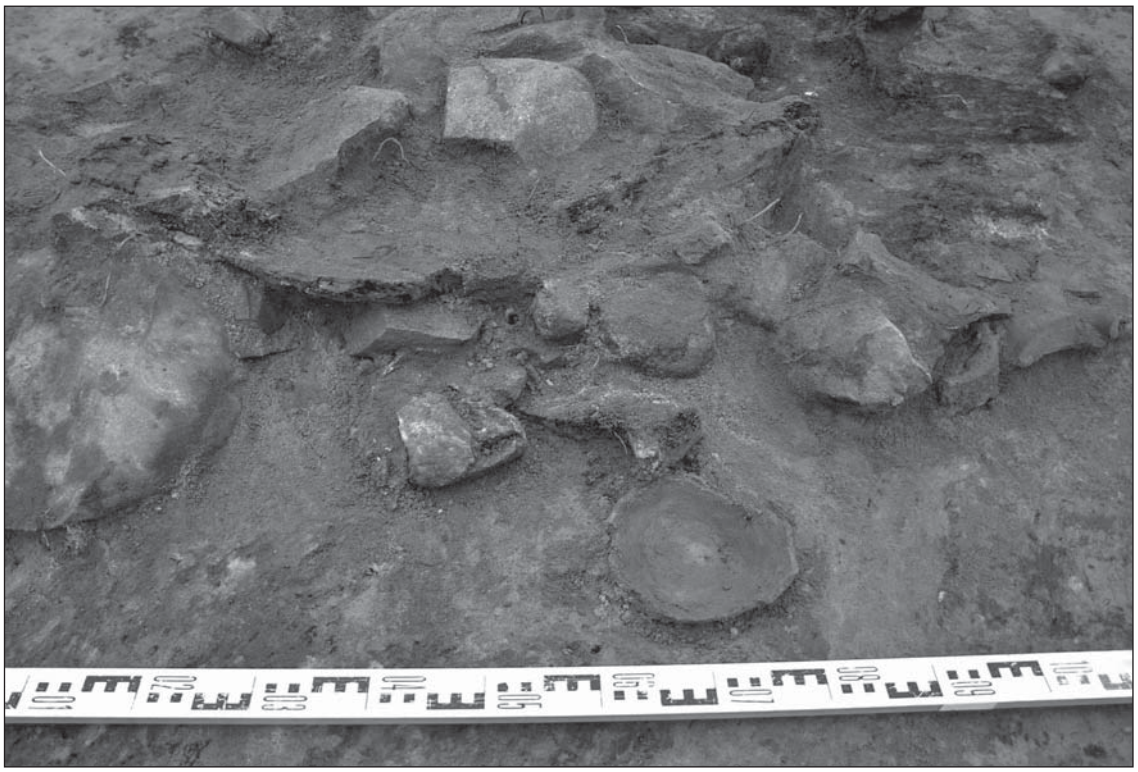


Рис. 9. Селище Микулино 7. Участок 8. Яма № 17 – керамика, обгорелые камни и плахи (кв. 193). Фрагмент – вид с северо-запада.

И еще одно наблюдение. В разрезе профиля ямы № 17 под основным слоем остатков рухнувших конструкций – на материковом дне ямы – фиксируются отдельные линзы темно-серого песка со значительными углистыми включениями, что, вероятно, свидетельствует о том, что на дно ямы во время пожара прежде всего попадали остатки каких-то деревянных конструкций – возможно, обшивки стен или перекрытия потолка, до того момента, когда верхнее перекрытие подпола прогорело и вниз провалились надземные конструкции и печь. Есть основание предполагать, что печь в помещении была не глинобитной, а каменной, т.к. при наличии большого количества камней различной величины со следами воздействия огня, в заполнении ямы практически отсутствуют включения обожженной глины.

В заполнении ямы № 17, помимо большого количества фрагментов керамики, найдены: игла железная, накладка цветного металла, подкова конская, цепь, ножи железные (6 шт.), фрагмент жернова, неопределенные железные предметы, гвозди кованые, струг, серп и два обломка серпов, подковки обувные, крючок железный, пряжки железные, удила, инструменты железные, ключ от навесного цилиндрического замка, дверные пробои, кольцо железное, монеты: 1 – тверское анонимное пуло с изображением птицы вправо. 1465–1485 гг. (медь); 2 – монета медная (б/о); 3 – монета полушка (1/4 копейки) Иван IV Грозный (1533–1584). 1535–1584 гг. (серебро); 4 – пуло московское с изображением крылатой сирены. Середина 30-х – 70-е гг. XVI в. (медь); 5 – денга (1/2 копейки) Федор Иванович (1584–1598). 1584–1594 гг. (серебро).

Яма № 42. Подпрямоугольной формы. Размеры: по оси северо-запад – юго-восток – 4,28 м, по оси северо-восток – юго-запад – до 4,64 см (рис.6). Глубина от уровня материковой поверхности – до 1,12 м. Стенки ямы вертикальны, дно ровное.

Основу заполнения ямы составляет желто-коричневый песок с примесью серой супеси и остатками органики. При этом в центре ямы зафиксирована линза серой, углистой супеси, толщиной 0,32 м и диаметром 1,80 м. Ее подстилает прослойка (в виде слабоизогнутой дугообразной линзы) желто-коричневого песка, смешанного с серой супесью, толщина которой в центральной части ямы достигает 0,52 м (рис.10).

Интересна и внутренняя конфигурация ямы № 42. Так, в северо-западном углу ямы, у стенки имеется ступенька-выступ (длина – 2,40 м, ширина – 0,80 м), лежащая на 25-30 см выше пола. Скорее всего, это место входа в заглубленное помещение. Кроме того, в материковом дне ямы – вдоль ее СЗ и ЮВ стенки – располагаются параллельно друг другу шесть столбовых ям диаметром от 20 до 36 см. Это опорные столбы конструкции перекрытия заглубленной части постройки – пола ее надземной части (рис.11). Следов отопительных сооружений не найдено. Таким образом, яму № 42 можно интерпретировать как погреб, имевший горизонтальное перекрытие в виде потолка, покоящегося на шести опорных столбах. Вероятно, существовала и наземная часть конструкции. Возможно, в виде двускатной крыши, опорой которой служило продольное бревно-матица (судя по этнографическим и современным аналогиям).

В заполнении ямы найдено большое количество фрагментов гончарной керамики, кости животных, куски печины и индивидуальные находки: гвозди кованые, фрагмент черешка ножа, фрагмент шпоры, игла швейная железная.

Яма № 50. В плане прямоугольной формы, ориентирована в направлении СЗ-ЮВ. Размеры – 3,86×3,44 м (рис.6). Глубина – 1,10 м от уровня материковой поверхности. Северо-западная стенка ямы – почти вертикальна, сохранилась in situ, юго-восточная – более полога за счет оплыва материкового грунта. Дно ровное (рис.12). Заполнение – классический пример остатков рухнувшей в подпол глинобитной печи. Всю центральную часть ямы заполняет «слоеный пирог» линз и прослоек – темно-серой супеси (верхний горизонт – от уровня материковой поверхности), темно-серых углистых прослоек, скоплений глиняной обмазки, а также мощная линза красной слабо обожженной глины на середине глубины заполнения ямы, мощность которой у северо-западной стенки достигает местами 60 см (рис.12). А края ямы – вдоль продольных стенок – заполнены серо-коричневой супесью за счет частичного обрушения стенок и провала грунта сверху. На материковом дне ямы прослеживается тонкая (2-4 см) углистая прослойка – следы органики покрытия пола. По четырем углам ямы № 50 были расположены мощные опорные столбы, от которых сохранились столбовые ямы диаметром 40-50 см. Их глубина в материке 25-30 см (рис.13).

С достаточной степенью достоверности можно предполагать, что яма № 50 представляет собой остатки жилой или хозяйственной отапливаемой постройки, погибшей от пожара, в результате чего разрушилось перекрытие подпольной ямы и глинобитная печь просела на ее дно.

В заполнении ямы найдены кости животных, многочисленные куски и скопления печины, большое количество глиняных фрагментов облицовки устья и пода печи, отдельные мелкие камни, а также множество фрагментов гончарных позднесредневековых сосудов и представительный набор индивидуальных находок: пробой, пули свинцовые, гвозди кованые железные, фрагменты неопределенных железных предметов, обоймица железная, пряжка железная, ножи железные, фрагмент сковороды железной, крест нательный цветного металла, иглы швейные железные, крючок железный, сошник, пластина железная, петля железная.

Яма № 58. В плане подпрямоугольной формы, ориентирована в направлении СВ-ЮЗ. Размеры – 4,0×2,88 м (рис.6). Стенки ямы почти вертикальны, дно ровное. Максимальная глубина в материке – 0,95-1,10 м. Заполнение – желто-коричневый

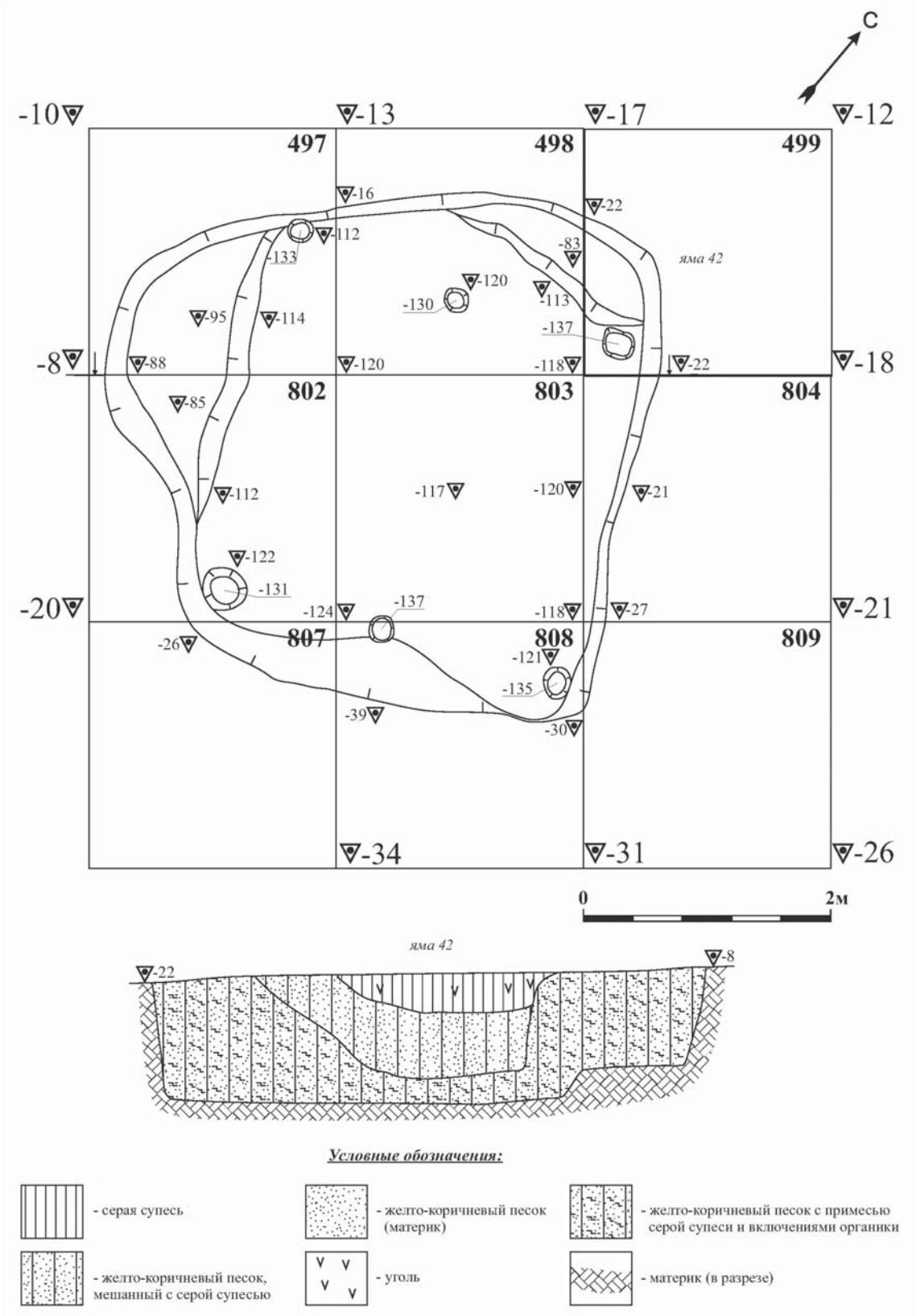


Рис. 10. Селище Микулино 7. Участки 33 и 20. Яма № 42.
План после выборки заполнения и разрез.

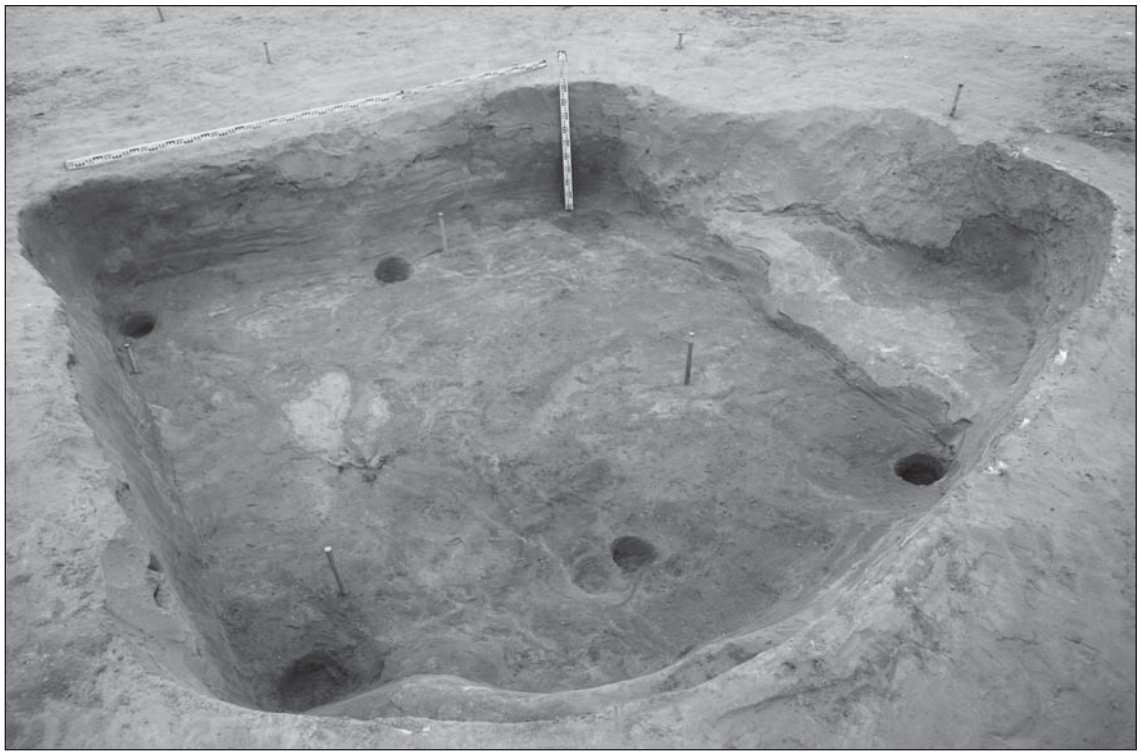


Рис. 11. Селище Микулино 7. Участки 20 и 33. Яма № 42 после разборки заполнения. Детали внутренней конструкции – вход-ступенька, опорные столбы перекрытия. Вид с севера.

песок, мешанный с серой супесью с включениями отдельных мелких углистых фракций. При этом в северо-западном углу ямы выявлена мощная линза необожженной красной глины, с вкраплениями мелкого известняка. Эта линза прослеживается здесь от уровня материковой поверхности, достигает максимальной толщины 20-32 см и 1,6 м в длину вдоль СЗ стенки ямы. В СЗ же углу ямы ее подстилает углистая прослойка толщиной в среднем 10-15 см. Отметим также, что тонкая прослойка древесного тлена с мелкими угольками прослежена практически по всему материковому дну ямы (рис.14). Помимо этого, вблизи ямы № 58 были зафиксированы несколько крупных столбовых ям – диаметром в среднем 30-40 см. Два столба были вкопаны в материк на глубину 0,2 и 0,34 м у стенок ямы, а остатки еще двух столбов несколько меньших размеров были зафиксированы на материковом дне ямы. Несколько аналогичных столбовых ям отмечены в кв. 702,706,712-713,715 (рис.6,14). Наличие достаточно мощных столбовых ям в пределах границ ямы № 58 и в непосредственной близости от нее, позволяет предположить, что данный объект имел перекрытие на опорных столбах. Прослойка древесного тлена на дне ямы свидетельствует о том, что и пол был покрыт органикой. Что это было – тонкий тес или настил из мелких сучьев и веток, выяснить не удалось. Отметим также, что следов воздействия огня в пределах ямы не обнаружено (рис.15).

Материал из заполнения ямы – многочисленные фрагменты гончарной позднесредневековой керамики, фрагмент железного навесного замка, две монеты – тверское медное пуло с изображением грифона с поднятыми вверх крыльями вправо (конец XV – начало XVI вв.), фрагмент ножа, неопределенное железное изделие. Значительные размеры ямы № 58 позволяют предположить, что она могла использоваться как погреб или овин.

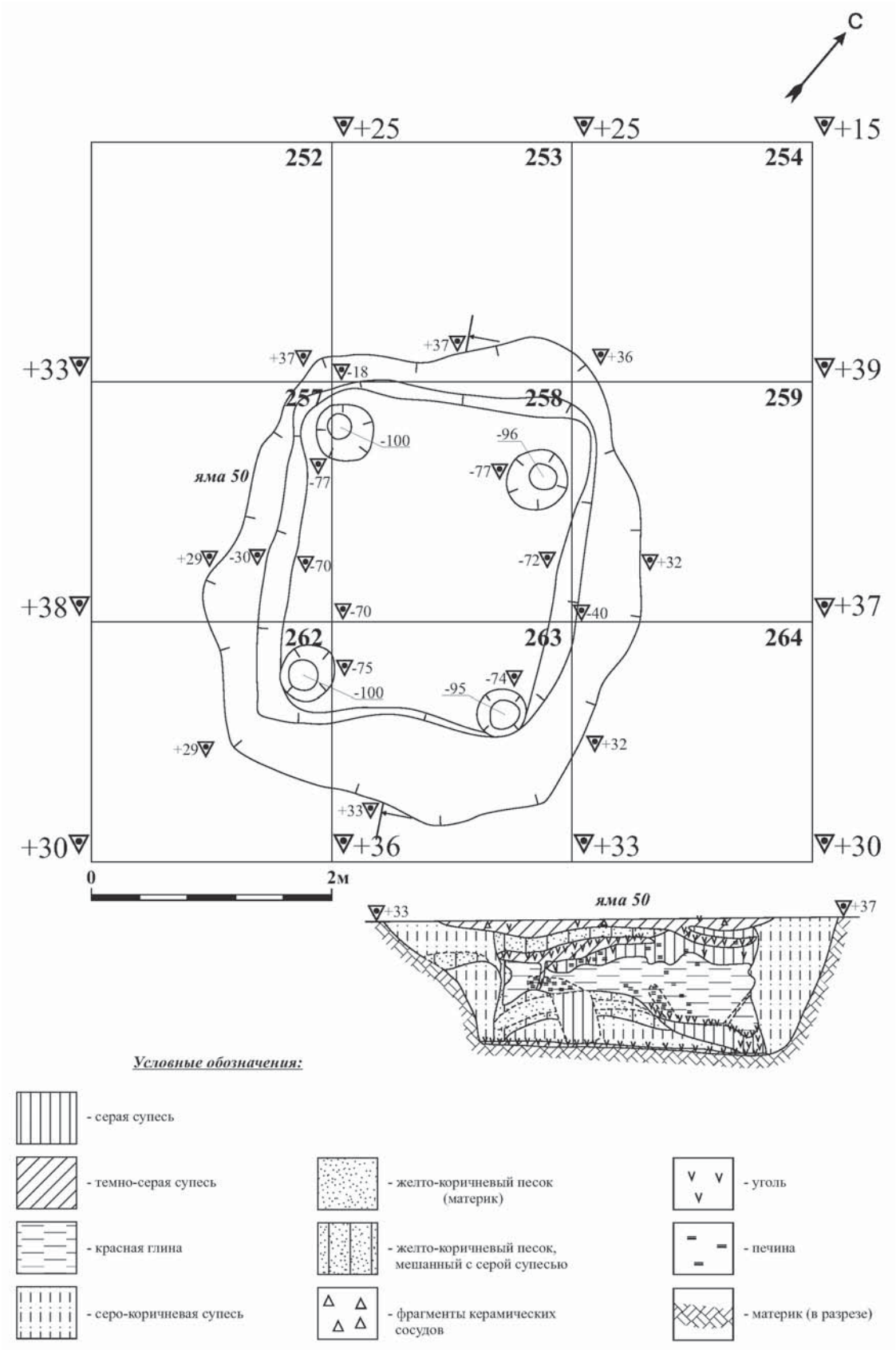


Рис. 12. Селище Микулино 7. Участок 11. Яма № 50.
План после выборки заполнения и разрез.

Рис. 13. Селище Микулино 7. Участок 11. Яма № 50 –
после разборки заполнения. Вид с востока.

Яма № 60. Подпрямоугольной формы, ориентирована в направлении ЗВ (рис.6). Размеры – 4,20×3,60 м. Глубина в материке – 1,0-1,10 м. Стенки ямы – почти вертикальны, но слегка оплыли, что хорошо фиксируется в разрезе профиля по линзам оплывшего желто-коричневого материкового песка вдоль западной и восточной стенок ямы. Дно ровное. Заполнение многослойное. Верхний горизонт (от уровня материковой поверхности) – серая супесь толщиной от 0,20 до 0,40 м. Под этой прослойкой залегает мощная линза темно-серой углистой супеси длиной 2,60 м и мощностью до 38 см. В ней встречаются отдельные валуны средних размеров без следов воздействия огня. Ниже залегает слой желто-коричневого песка, смешанного с серой супесью и редкими включениями углистых фракций. У южной стенки ямы этот горизонт заполнения прослеживается от уровня материковой поверхности и достигает здесь максимальной толщины – 0,80 м. К центру ямы, в направлении к ее северной стенке толщина этого слоя заполнения падает и не превышает в среднем 0,20 м. В толще этого грунта зафиксированы несколько очень тонких углистых прослоек. Здесь близ южной стенки ямы найдены два крупных валуна, также без следов воздействия огня. Под этим горизонтом заполнения (толщиной не более 10-12 см) на всей площади материкового дна ямы лежит тонкий слой древесного тлена – следы органики от покрытия пола. Отметим, что в разрезе профиля ямы № 60 хорошо читаются проседания грунта от периферии (стенок) к центру (рис.16). В материковом дне ямы – по четырем углам зафиксированы ямы от опорных столбов перекрытия и наземной части постройки (диаметром от 30 до 50 см). Еще две крупные столбовые ямы отмечены в западной половине ямы. Насколько они связаны с общей конструкци-

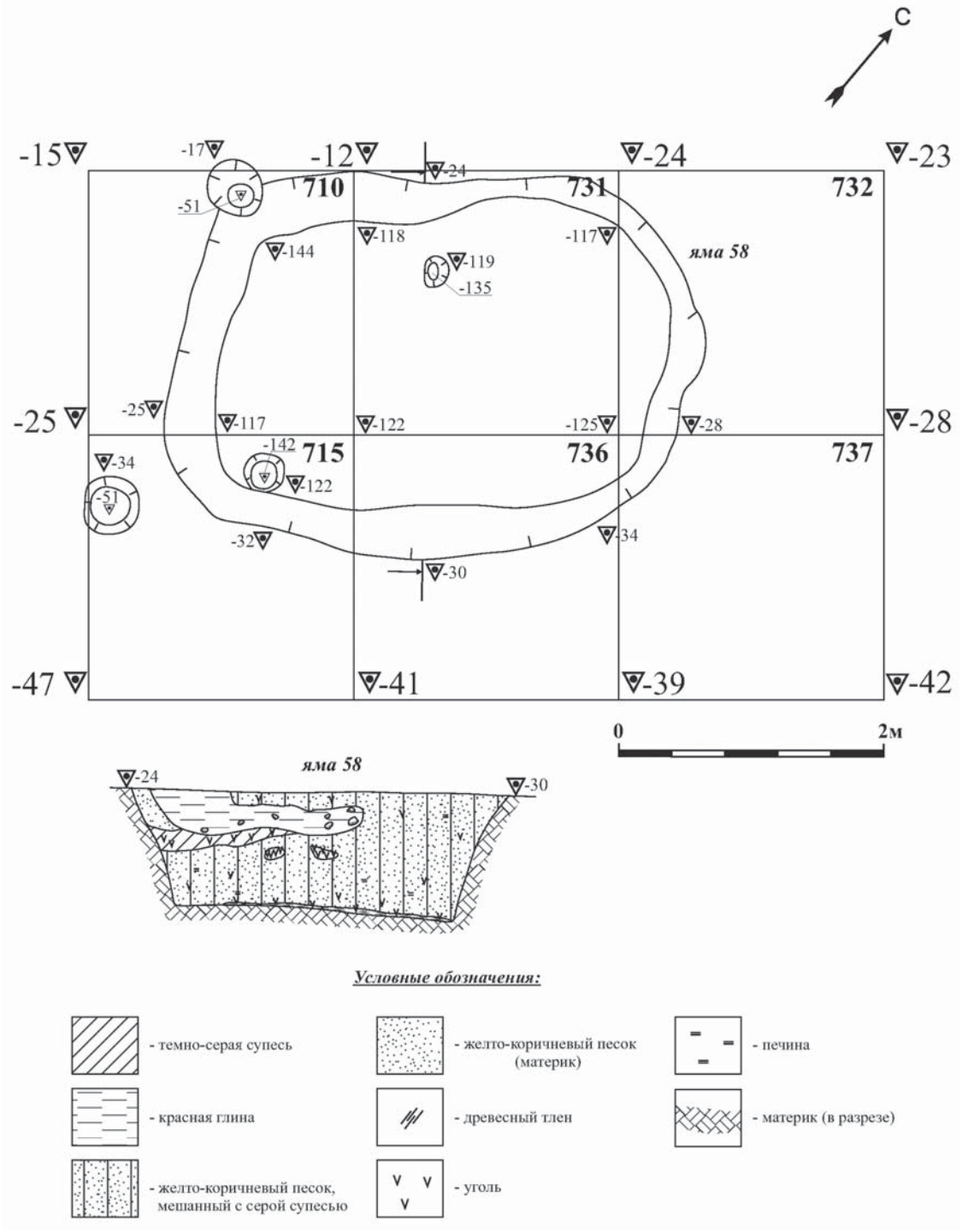


Рис. 14. Селище Микулино 7. Участок 29. План ямы № 58 после выборки заполнения.

ей этого заглубленного помещения, судить трудно (рис.17). Постройка, скорее всего, погибла в пожаре, что привело к оползанию стенок подпольной ямы и обрушению верхних надземных конструкций. Они перекрыли доступ кислорода, в результате чего органическое покрытие пола избежало воздействия огня. Можно предположить, что через какое-то время яма была засыпана, о чем свидетельствует верхний горизонт заполнения в виде мощного слоя серой супеси.

Рис. 15. Селище Микулино 7. Участок 29. Яма № 58
после выборки заполнения. Вид с юго-востока.

Из заполнения ямы происходят кости животных, куски печины и облицовочные керамические плитки, большое количество фрагментов гончарной керамики от различных сосудов, в том числе развалы целых горшков.

Индивидуальные находки: гвозди кованые, костыль железный, фрагменты неопределенных железных изделий, звено железной цепи, монеты: тверское медное пуло с изображением грифона с поднятыми вверх крыльями вправо (конец XV – начало XVI вв.), маленькое тверское медное пуло с изображением птицы влево на лицевой стороне и многострочной надписью «ПУЛЪ ОСПОДАРЯ ВСЕЯ РУСИ» – на оборотной (первая треть XVI в.).

Описанные ямы (заглубленные подпольные части наземных конструкций), в целом, однотипны. Они отражают некий конструктивный стандарт застройки позднесредневекового поселения. Все они были прямоугольной формы, площадью в среднем не более 13-15 м^2, и глубиной в материке не более 1,5 м. Четыре из них – ямы №№ 42,50,58,60 – имели деревянные перекрытия, покоящиеся на мощных столбах. Судить о конструкции наземных сооружений этих построек не представляется возможным. Две из пяти ям (№№ 17 и 50) можно предположительно интерпретировать как остатки жилых построек – по наличию остатков отопительных конструкций.

Несколько слов о других ямах хозяйственного назначения (в том числе – мусорных). Попытки увязать те или иные из них с усадебными или хозяйственными комплексами успехом не увенчались.

Большая часть хозяйственных ям – небольшого диаметра и глубины в материке, в плане имеют округлую форму (рис.6). Более крупные ямы (размерами или диаметром до 2-х и более метров) подпрямоугольной или аморфной формы (ямы №№ 7, 18, 30-31, 44-45, 54,57 и др. – рис.6). Заполнение этих ям – более или менее гумусированая, серая или серовато-коричневая супесь, с включениями мелких зольных

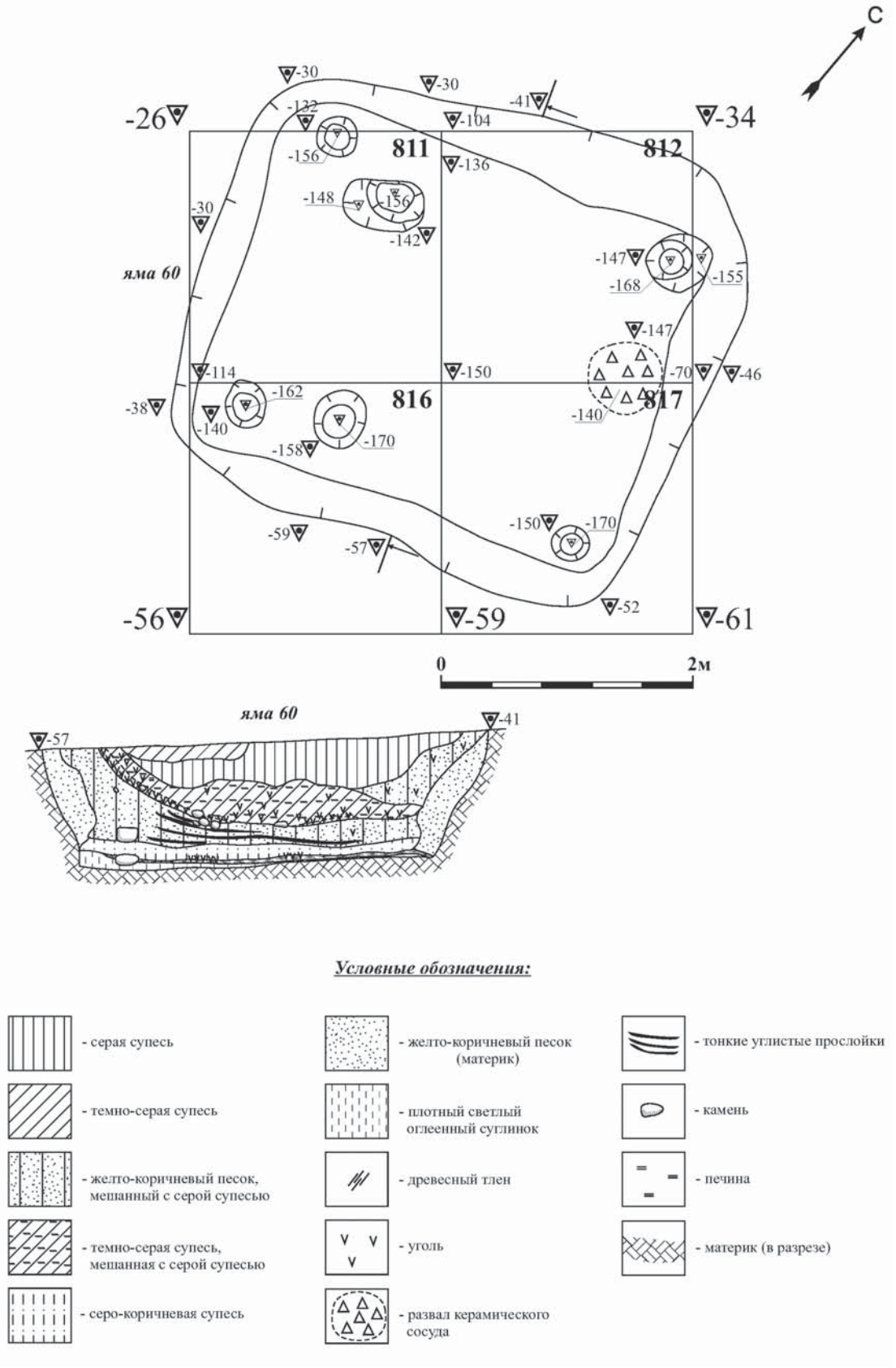


Рис. 16. Селище Микулино 7. Участок 33. Яма № 60.
План после выборки заполнения и разрез.

Рис. 17. Селище Микулино 7. Участок 33. Яма № 60
после разборки заполнения. Вид с юго-запада.

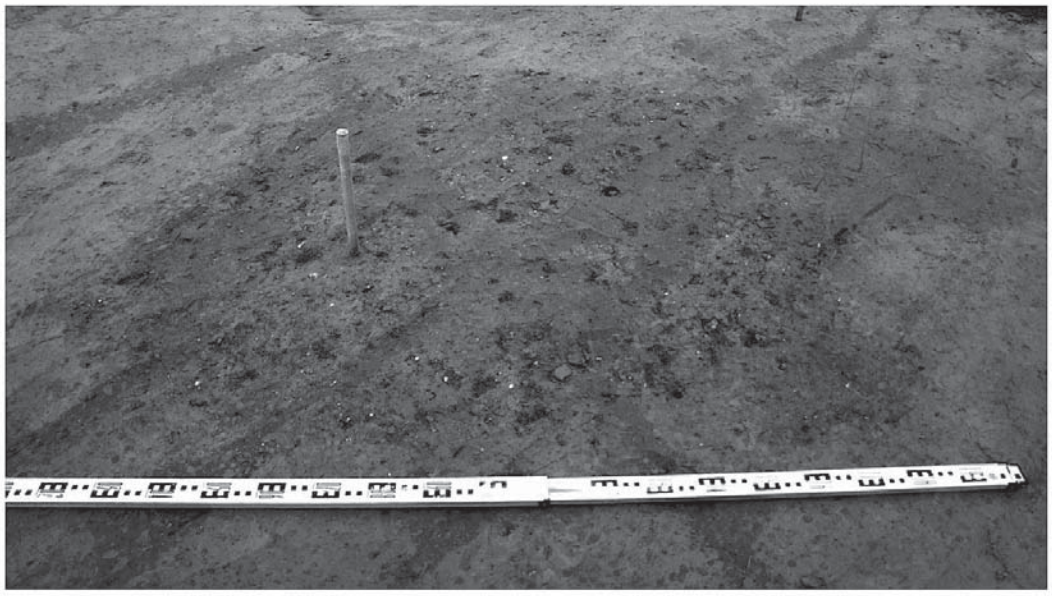
и углистых фракций. Во всех ямах хозяйственного назначения встречен археологический материал – фрагменты позднесредневековой керамики, отдельные индивидуальные находки (как правило – невыразительные), кусочки печины, кости животных.

Встреченные в заполнении хозяйственных ям монеты имеют дату чеканки в основном: середина – третья четверть XVI столетия [15].

Наряду с ними открыты ямы, также хозяйственного назначения, резко выделяющиеся на общем фоне по характеру заполнения – ямы №№ 3,5,14-16,19А-В, 21-22, 33-34,36,38-40 (рис.6). Все они были заполнены жирной красной, необожженной глиной (рис.18). Некоторые из них (например ямы №№ 14-16) – столбовые [15], и забутовку глиной в этом случае можно объяснить потребностью гидроизоляции. Другие ямы с аналогичным глиняным заполнением по характеру материала не выделяются среди прочих объектов хозяйственного назначения. В трех из них найден нумизматический материал: яма № 3 – тверское медное пуло – вторая треть XVI в.; яма № 5 – серебряная денга (плохой сохранности) – XVI – начало XVII вв.; яма № 40 – три пуло. Из них два (№№ 260,262) – первая треть XVI в., одно – тверское медное пуло с изображением грифона с поднятыми вверх крыльями – конец XV – начало XVI вв.

Аналогов этим объектам среди широкого круга позднесредневековых сельских поселений Московской земли и близлежащих территорий, исследованных в последнее время, пока найти не удалось. Вероятно, их можно интерпретировать как ямы хозяйственного назначения – для хранения запасов глиняного сырья для керамического производства и хозяйственных нужд.

Что касается датировки открытых сооружений, то она укладывается в рамки конца XV – первой половины – третьей четверти XVI вв.



А

Б

Рис. 18. Селище Микулино 7. Участок 12: А - Пятно ямы 33 (вид с юга) на уровне материка; Б - Пятно ямы 34 (вид с ЮВ) на уровне материка.

Основанием для датировки селища в целом служит нумизматический материал и керамика, имеющая, как будет показано ниже, прямые аналогии в хорошо датированных комплексах как близлежащих памятников, так и среди массового материала более удаленных территорий.

Нумизматическая коллекция с поселения Микулино 7 насчитывает несколько десятков монет различного номинала и достоинства[2]. Уже сам по себе этот факт

[2] Атрибуция нумизматической коллекции с памятников Микулино 11 и Микулино 7 выполнена старшим научным сотрудником отдела нумизматики ГИМ В.В. Зайцевым. Выражаем ему огромную благодарность.

резко выделяет данный памятник на фоне синхронных сельских поселений пограничных с Москвой земель Тверского княжества. Что, впрочем, объясняется тем, что Микулин был столицей удельного княжества, а также прохождением через его территорию древнего торгового тракта, являвшегося одной из основных торговых артерий, соединявших Тверь (через Волоколамск) с Москвой и далее Смоленском.

Подавляющую часть нумизматической коллекции составляют медные пуло – московские и тверские (последних – большинство). Среди них небольшой группой (13 шт.) представлены пуло второй половины – конца XV в. (рис.19: 1-5)[3]. Остальные укладываются в хронологические рамки первой трети – третьей четверти XVI в. (рис.20: 1-12). При этом мы полагаем, что наличие десяти с небольшим монет третьей четверти – конца XV столетия не дает оснований растягивать датировку поселения на весь XV век.

Серебряные монеты немногочисленны – всего 15 шт. Все они датируются в пределах одного столетия – начало XVI – начало XVII вв. Наиболее ранняя из них – Василий III (1505–1533). Денга-новгородка, новгородский денежный двор (№ 34 – рис. 21: 1). Наиболее поздняя – Борис Федорович Годунов (1598–1605). Копейка, московский денежный двор (№ 137 – рис.21: 13). Остальные серебряные монеты (денги, полушка, копейка) относятся к царствованию Ивана IV Грозного (1533–1584) и Федора Ивановича (1584–1598) (рис. 21: 2-12).

Отметим, что распределение нумизматического материала на вскрытой раскопом площади поселения не показывает пространственной локализации монет по узким хронологическим рамкам и, соответственно, не позволяет проводить датировку тех или иных археологических объектов по нумизматическому материалу (рис.6).

В ходе раскопок селища Микулино 7 была получена коллекция массового материала, насчитывающая несколько сотен единиц. Керамика представлена фрагментами позднесредневековой посуды, изготовленной из красно- и светложгущихся глин. В качестве отощителей использовались в основном мелкая дресва и крупнозернистый песок с кварцевыми включениями. Отмечены единичные находки белоглиняной керамики, а также редкие фрагменты чернолощеных (рис.22: 1-5) и глазурованных сосудов, относящихся, скорее всего, к более позднему периоду – конец XVI – первая половина XVII–XIX вв.

Ассортимент небогат – горшки, кувшины (и ручки от них), крышки, миски. Подавляющее большинство посуды составляют горшки. Условно назовем их кухонными, поскольку часть из них, вероятно, использовалась не только для приготовления пищи, но и служила тарой для хранения припасов. Среди горшков представляется возможным выделить три группы морфологически близких форм.

Группа 1. Абсолютно преобладает среди всего массива материала. Доминантным признаком этой группы сосудов является резко вдавленная вниз и внутрь тулова шейка, в результате чего в точке перехода от шейки к плечикам сосуда (всегда в верхней трети высоты сосуда) образуется ярко выраженное ребро (рис.23: 1-11). При этом абрис внешнего контура горшка варьируется – это могут быть плавные контуры (рис.23: 9-11), контуры близкие мисообразным сосудам (рис.23: 1-2,4) или бочонкообразные варианты (рис.23: 6). Это во многом зависит от пропорций сосудов, что в свою очередь, скорее всего, жестко связано с их функциональным назначением. При этом оформление верхнего края венчика, угол его постановки к тулову горшка, ширина и глубина шейки – инвариантны и не являются доминирующими типообразующими признаками, так же, как, впрочем, и технологические приемы изготовления керамики.

[3] К сожалению, сохранность большинства монет очень плохая.

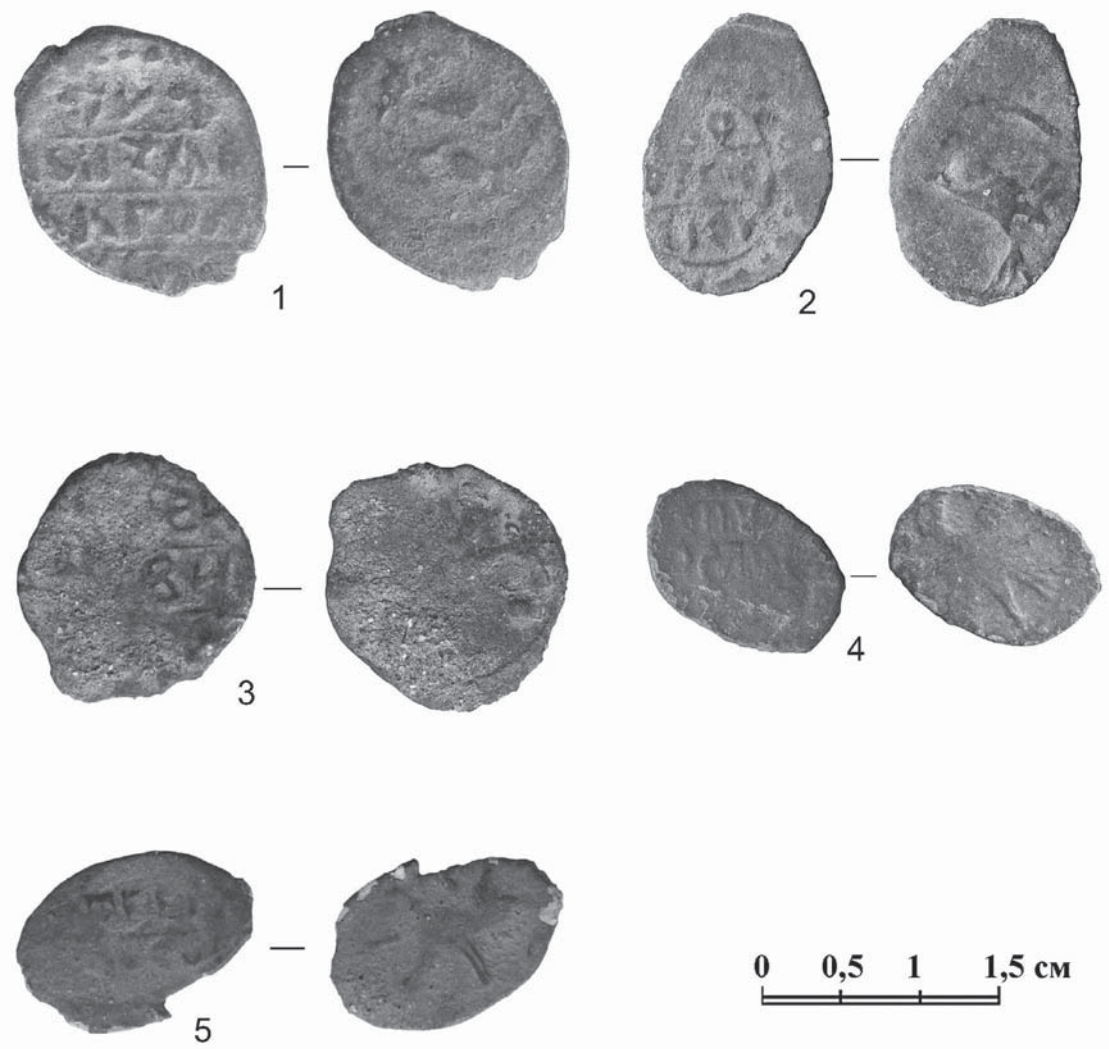


Рис. 19. Селище Микулино 7. Медные пула второй половины – конца XV в.: 1 - Великий князь Михаил Борисович Тверской (1461–1485); 2 - анонимное тверское пуло с изображением птицы вправо (1465–1485 гг.); 3 - князь Василий Иванович (1490–1491). Пуло с изображением восьмилучевой звезды; 4 - Московское пуло с изображением двуглавого орла (конец XV – начало XVI в.); 5 - Тверское пуло с изображением грифона с поднятыми вверх крыльями вправо (конец XV – начало XVI в.).

Группа 2. Доминантным определяющим признаком горшков этой группы является плавная мягкая профилировка внешнего контура сосудов, с мягко моделированной или почти отсутствующей шейкой (рис.24: 1,3,5). Оформление верхнего края венчиков, их высота и угол постановки к тулову сосудов также вариативны (рис.24: 1-11). Горшки группы 2 занимают второе место в количественном исчислении.

Группа 3. Выделяется в достаточной степени условно, так как представлена в буквальном смысле слова единичными фрагментами. Ее доминантным признаком является оформление верхней трети сосуда в виде постановки венчика под углом внутрь емкости по отношению к тулову. При этом по абрису внешнего контура эти горшки могут быть отнесены как к группе 1, так и к группе 2 (рис.25: 1-3). По пропорциям – это небольшие горшки со слегка зауженным горлом.

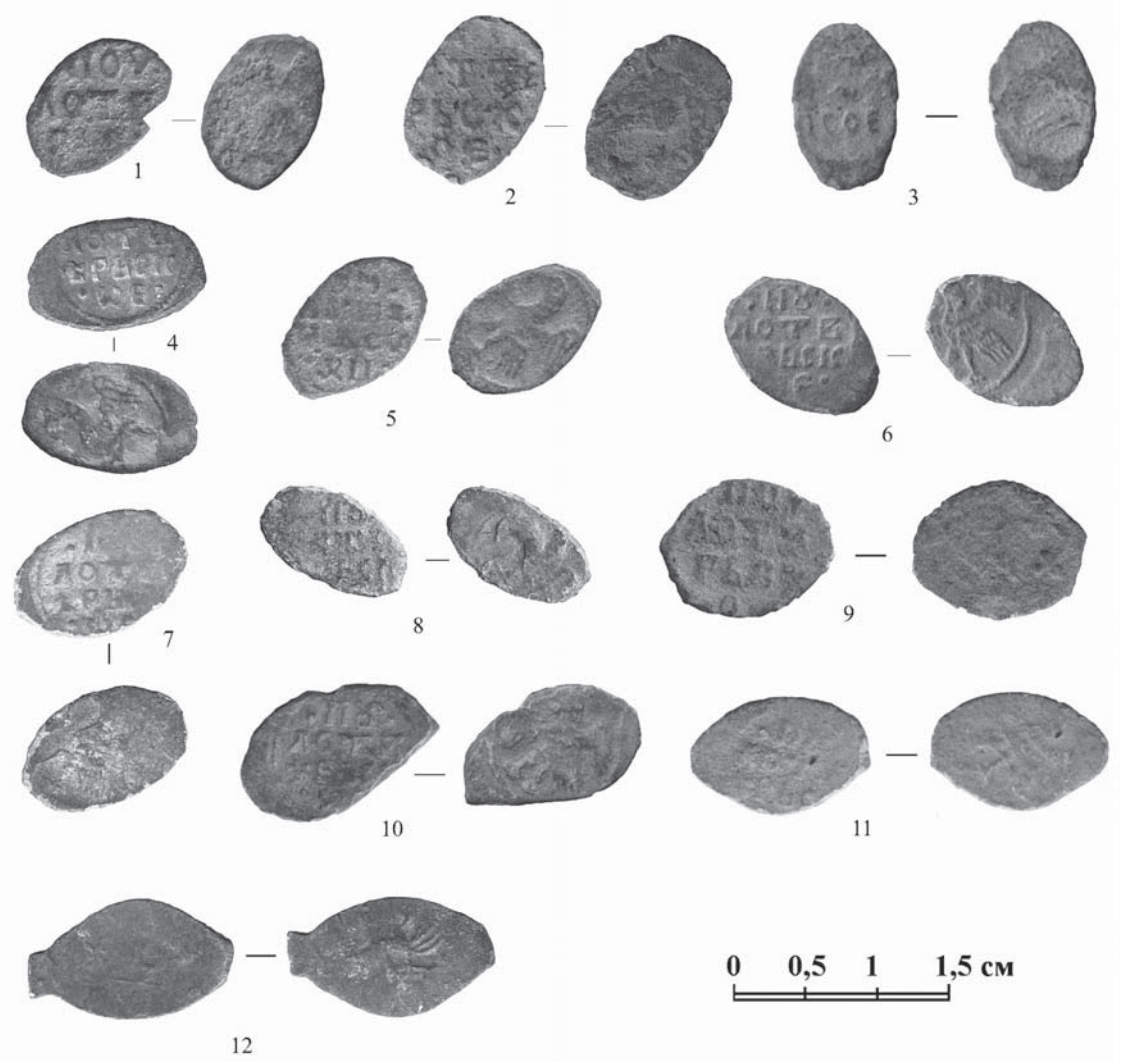


Рис. 20. Селище Микулино 7. Медные пула первой трети – третьей четверти XVI в. 1 - Тверское пуло с изображением птицы влево, с цветком в клюве (вторая треть XVI в.); 2 - Тверское пуло с изображением птицы влево, с цветком в клюве (вторая треть XVI в.); 3 - Тверское пуло с изображением птицы вправо (последняя треть XVI – начало XVII в.); 4-8 - Тверское пуло с изображением птицы влево (вторая треть XVI в.); 9 - Тверское пуло с изображением птицы влево, с цветком в клюве (вторая треть XVI в.); 10 - Тверское пуло с изображением птицы влево (вторая треть XVI в.); 11 - Тверское пуло с изображением птицы влево (вторая треть XVI в.); 12 - подражание маленькому пулу с грубым изображением птицы на лицевой стороне и имитацией многострочной надписи – на оборотной (первая треть XVI в.).

Необходимо указать еще на одну категорию горшков, также встреченных в единичных экземплярах. Это сосуды, которые при сравнительно нешироком устье (в среднем около 20 см) имеют широко раздутое шарообразное тулово (рис.25: 4-5). Судя по имеющимся фрагментам, под шейкой и в верхней трети тулова украшались по сырой глине тычковым и грубым многорядным волнистым орнаментом. Все экземпляры изготовлены из красножгущейся глины с примесью в качестве отощителя песка с мелкими фракциями кварца. Функционально использовались как емкости для хранения сыпучих продуктов.

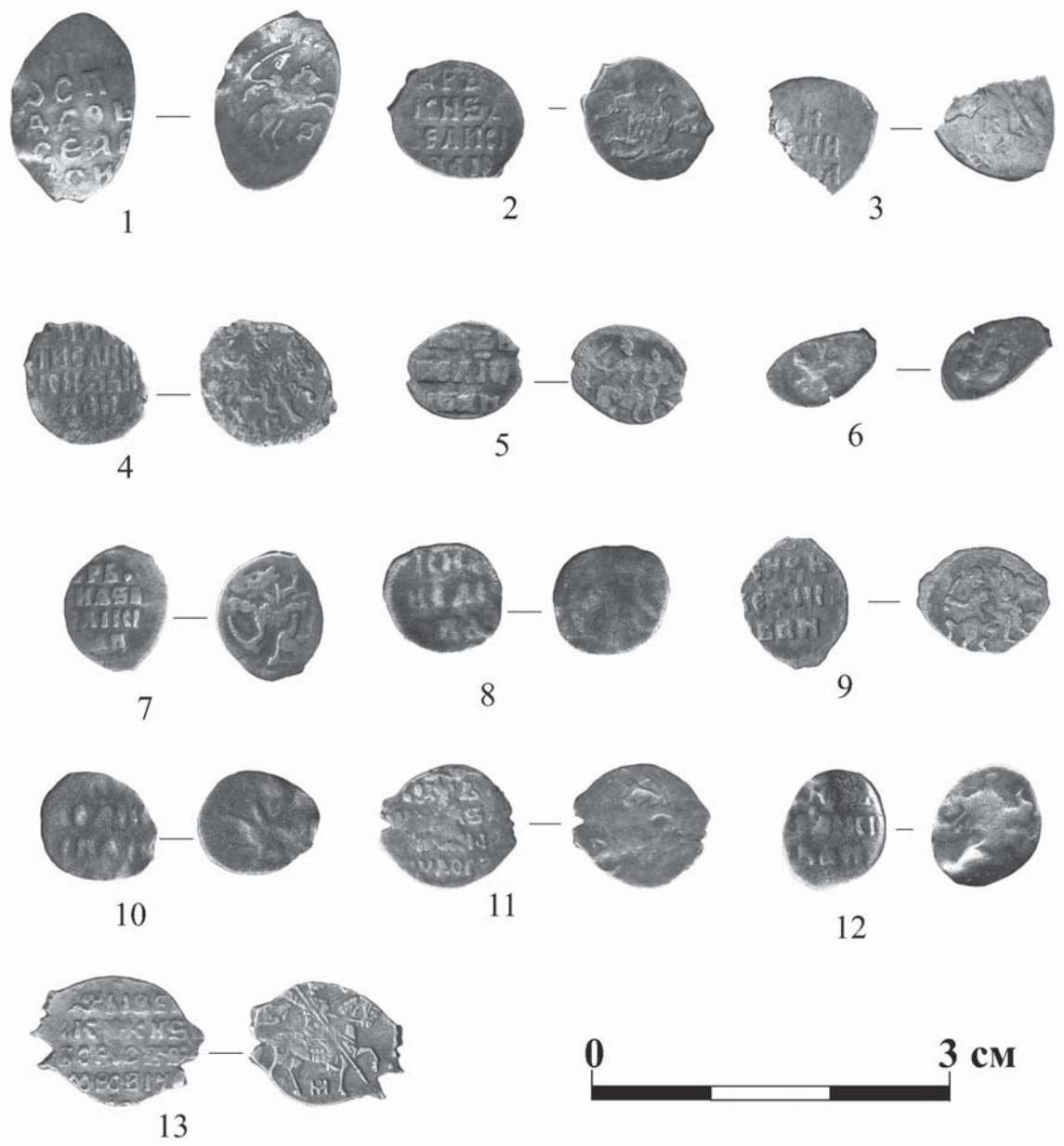


Рис. 21. Селище Микулино 7. Серебряные монеты: 1 - Василий III (1505–1533). Денга-новгородка. Новгородский денежный двор; 2 - Иван IV Грозный (1533–1584). Денга (1/2 копейки), Московский денежный двор; 3 - Иван IV Грозный (1533–1584). Копейка, Новгородский денежный двор; 4 - Иван IV Грозный (1533–1584). Денга (1/2 копейки), Тверской денежный двор; 5 - Иван IV Грозный (1533–1584). Денга (1/2 копейки), Тверской денежный двор; 6 - Федор Иванович (1584–1598). Полушка (1/4 копейки), Псковский денежный двор; 7 - Иван IV Грозный (1533–1584). Денга (1/2 копейки), Московский денежный двор; 8 - Иван IV Грозный (1533–1584). Денга (1/2 копейки), Московский денежный двор; 9 - Иван IV Грозный (1533–1584). Денга (1/2 копейки). Тверской денежный двор; 10 - Иван IV Грозный (1533–1584). Денга (1/2 копейки), Московский денежный двор; 11 - Федор Иванович (1584–1598). Денга (1/2 копейки), Московский денежный двор; 12 - Иван IV Грозный (1533–1584). Денга (1/2 копейки), Московский денежный двор; 13 - Борис Федорович Годунов (1598–1605). Копейка, Московский денежный двор.

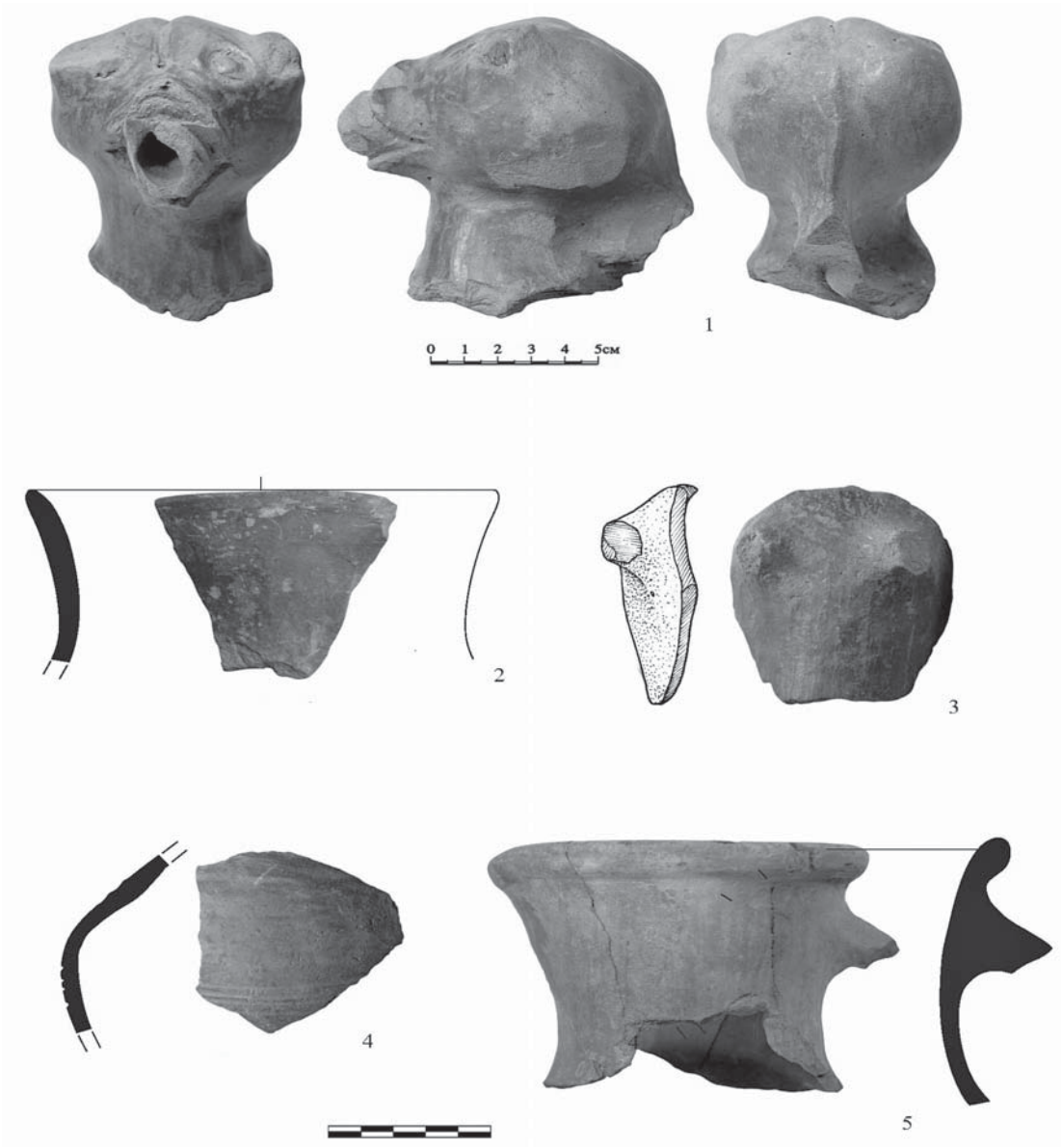


Рис. 22. Селище Микулино 7. Фрагменты чернолощеных сосудов: 1- носик-слив столового сосуда в виде головы животного; 2,5 - фрагменты горлышек кувшинов; 3 - донная часть столового сосуда с ножками; 4 - фрагмент стенки столового сосуда.

Орнаментация в целом нехарактерна для горшков выделенных групп. Венчики не орнаментировались, вариации линейного, волнистого, штампованного, тычкового и ногтевого орнаментов присутствуют преимущественно на плечиках сосудов (рис.26: 1-7).

Клейма на донцах горшков единичны (рис.27: 1-3). Мотивы в целом традиционны – крест в круге (рис.27: 1), несколько кругов, вписанных друг в друга и разделенные расходящимися от центра прямыми на сегменты (рис.27: 2) и другие варианты (рис.27: 3).

Уже на данном этапе изучения керамического материала селища Микулино 7 можно отметить наличие значительного количества крупных горшков – с диаметром венчика более 20 см. Это является отличительной особенностью керамического комплекса данного памятника.

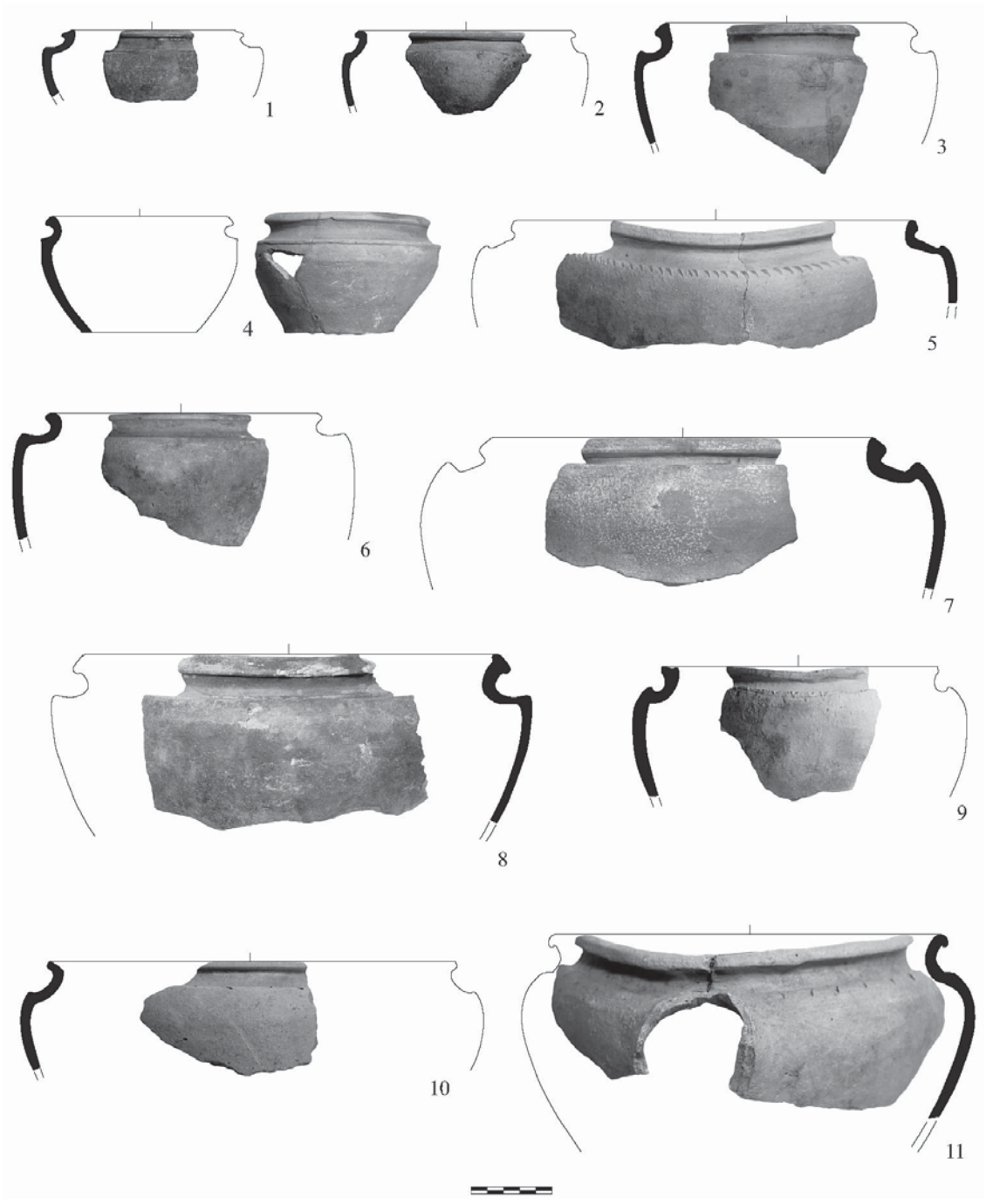


Рис. 23. Селище Микулино 7. Горшки. Группа 1.

Теперь о других категориях ассортимента хозяйственной посуды. Это массивные крышки сосудов большого диаметра (под стать размерам горшков). В ряде случаев в ручках крышек проделаны сквозные, параллельные ее телу отверстия (рис.28: 1-2), вероятно, для более комфортного использования их в обиходе – при закрытии или открытии сосудов в условиях высоких температур.

Форма мисок стандартна – плавно сужающиеся к дну стенки, края которых слегка наклонены внутрь. Край венчика, как правило, также косо срезан внутрь (рис.29: 1,3-5). Пропорции и размеры различны – это могут быть совсем маленькие

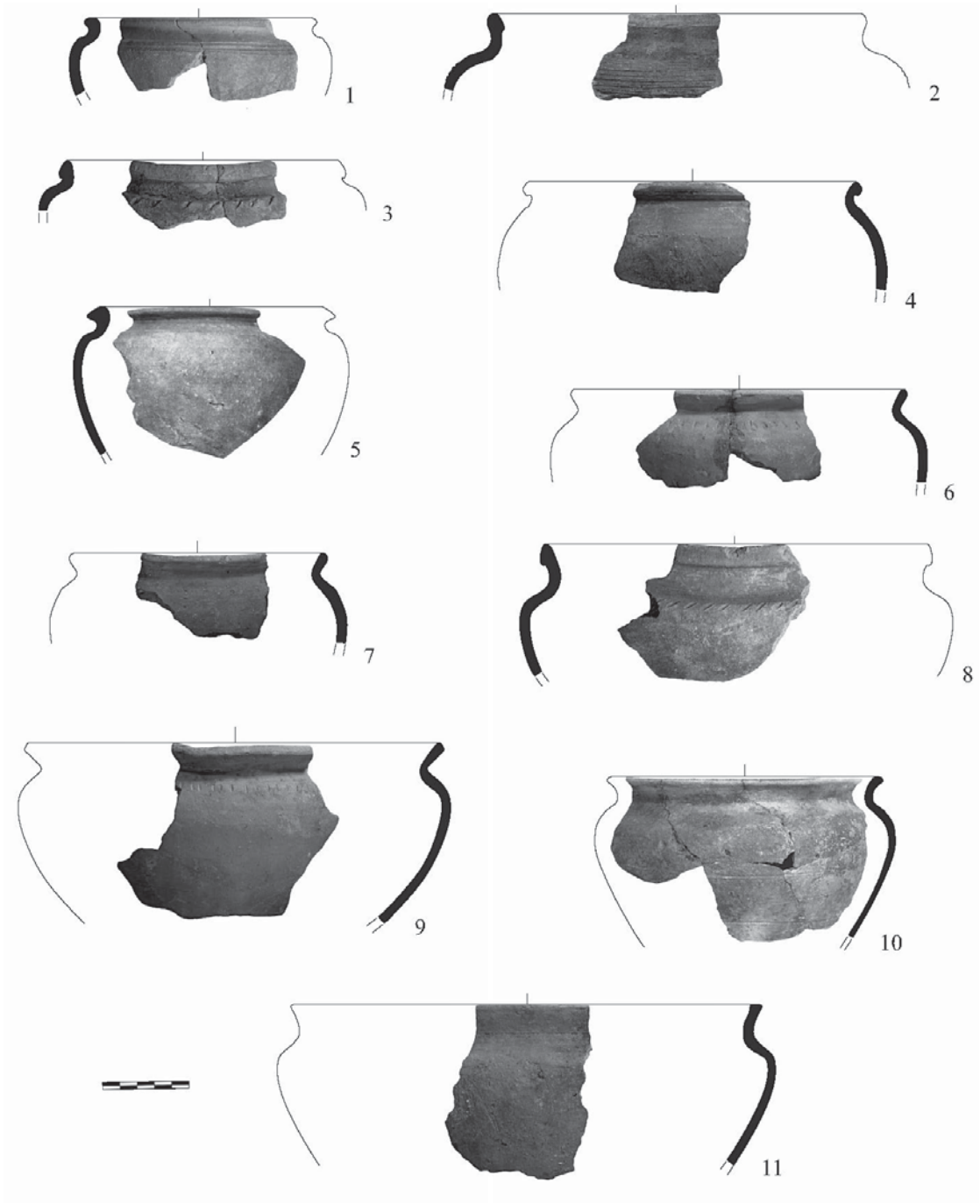


Рис. 24. Селище Микулино 7. Горшки. Группа 2.

мисочки (рис.29: 1) или более глубокие емкости (рис.29: 3-4). Встречен один экземпляр миски или, скорее, мисообразного малого сосуда с плавно отогнутым наружу венчиком (рис.29: 2). Орнаментация для этой категории столовой посуды нехарактерна.

В качестве столовой и тарной посуды использовались нелощеные и неполивные кувшины. Они, как и прочая керамика, изготавливались как из красно-, так и светложгущихся глин. Для всех этих изделий характерно широкое горло раструбом и резко суженная шейка (рис.30: 1-7). В большинстве случаев они имеют ручку (рис.30: 4,7). При этом ручки кувшинов иногда также орнаментировались (рис.26: 5).

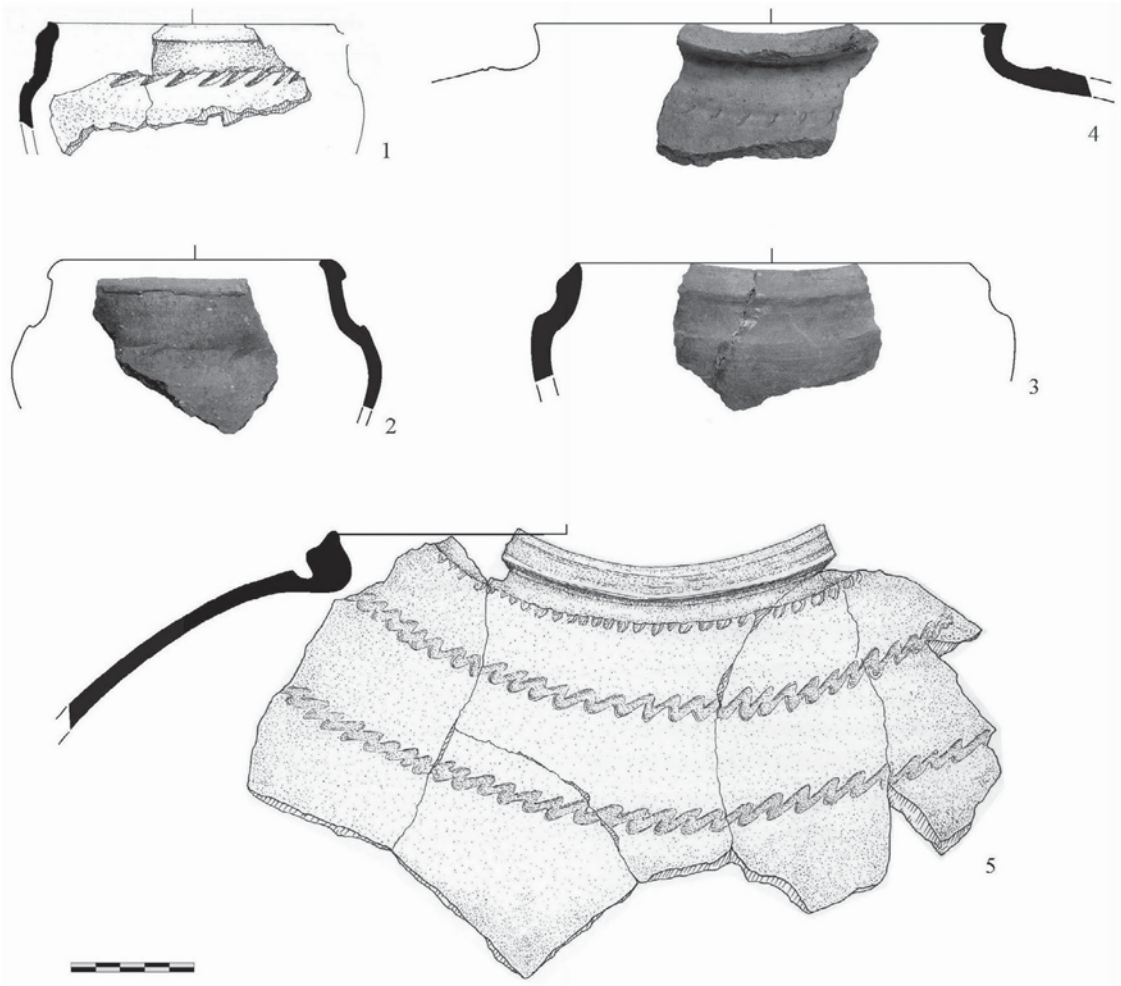


Рис. 25. Селище Микулино 7. Горшки. Группа 3 и «корчаги».

Еще одной отличительной чертой керамического комплекса памятника является большое количество керамических плиток вымостки пода печи и лекальные кирпичи выкладки свода и устья печи (рис.31: 1-11). Последние зачастую украшались орнаментальными мотивами в виде косой насечки (рис.31: 1) или решетки (рис.31: 3,5,10-11). При этом подовые плитки изготовлены из грубого, плохо промешанного и слабо обожженного теста с примесью крупнозернистого песка со значительной долей кварцевых включений. Поверхность подавляющего большинства из них не несет следов постоянного пребывания в огне – в виде закопченности и въевшихся в их тело сажистых фракций.

Аналогии керамической посуде селища Микулино7 известны на широкой территории. Морфологически близкие группе 1 (рис.23) формы кухонных горшков присутствуют в массовом материале Твери и многих других памятников сельской округи в пределах пограничья земель Тверского и Московского княжеств [16, с.66-67. рис. 11-12,15,16:4; рис. 23: 4; с.79, рис. 26:1; 17, с.231. рис. 36; с. 237, рис. 44: №№ 231-235; 18, с.51. рис. 2(тип 7)]. По-видимому, можно согласиться с В.А. Лапшиным, что прототип этой группы кухонных горшков появляется в Твери в конце XIV – начале XV вв. [19, с.129. рис. 196; с.448. рис.198 – типы XII и XIV].

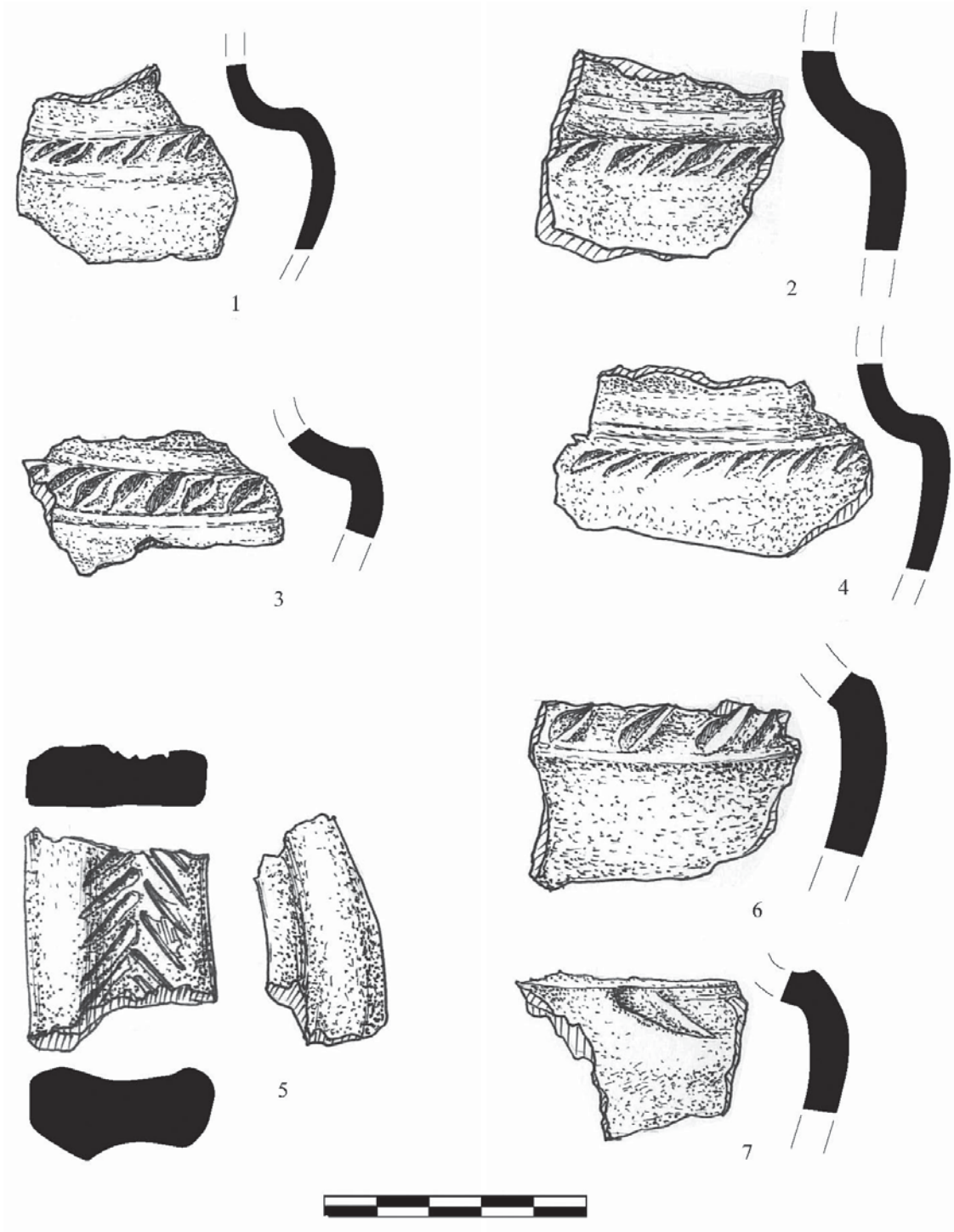


Рис. 26 . Селище Микулино 7. Характерные приемы орнаментации посуды.

Горшки этой морфологической группы устойчиво присутствуют и в ассортиментном наборе московской керамики [20, с.50-61. табл. 71,150; Табл. 85-86; Табл. 104-105; Табл. 115] и на сельских средневековых поселениях московского региона [21, с.260. рис.4-9]. В московском керамическом комплексе эти горшки относятся к красноглиняной керамике. На памятниках Тверской земли они также преимущественно изготавливались из красножгущихся глин.

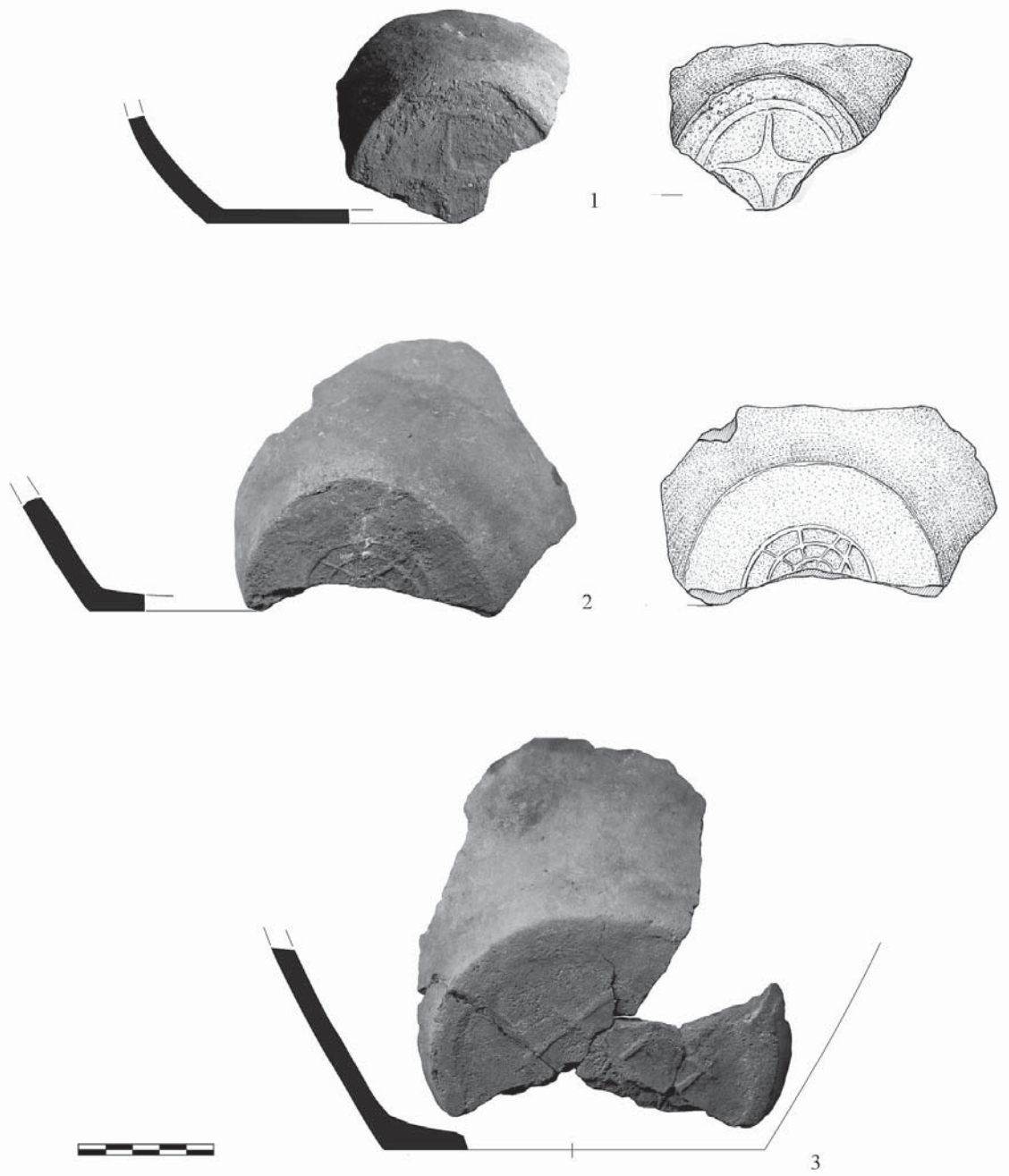


Рис. 27. Селище Микулино 7. Клейма на донцах горшков.

Горшки группы 2 (рис.24) морфологически менее выразительны, форма стандартизирована, бытуют совместно с горшками группы 1 в материалах тех же памятников. Различия между сосудами внутри группы определяются только характером оформления верхних частей венчиков. Попытки строить на этом основании типологические схемы, на наш взгляд, непродуктивны. Так как «типообразующим» морфологическим признаком для любых горшков – константой – является усеченный конус (для мисок – усеченная полусфера, для кружек – цилиндр и т.д.). А варианты оформления верхнего края венчиков (части сосуда наиболее изменчивой) – переменной. Из чего с неизбежностью следует, что практически любой опыт «типологии», в основе которого лежит переменная – нонсенс.

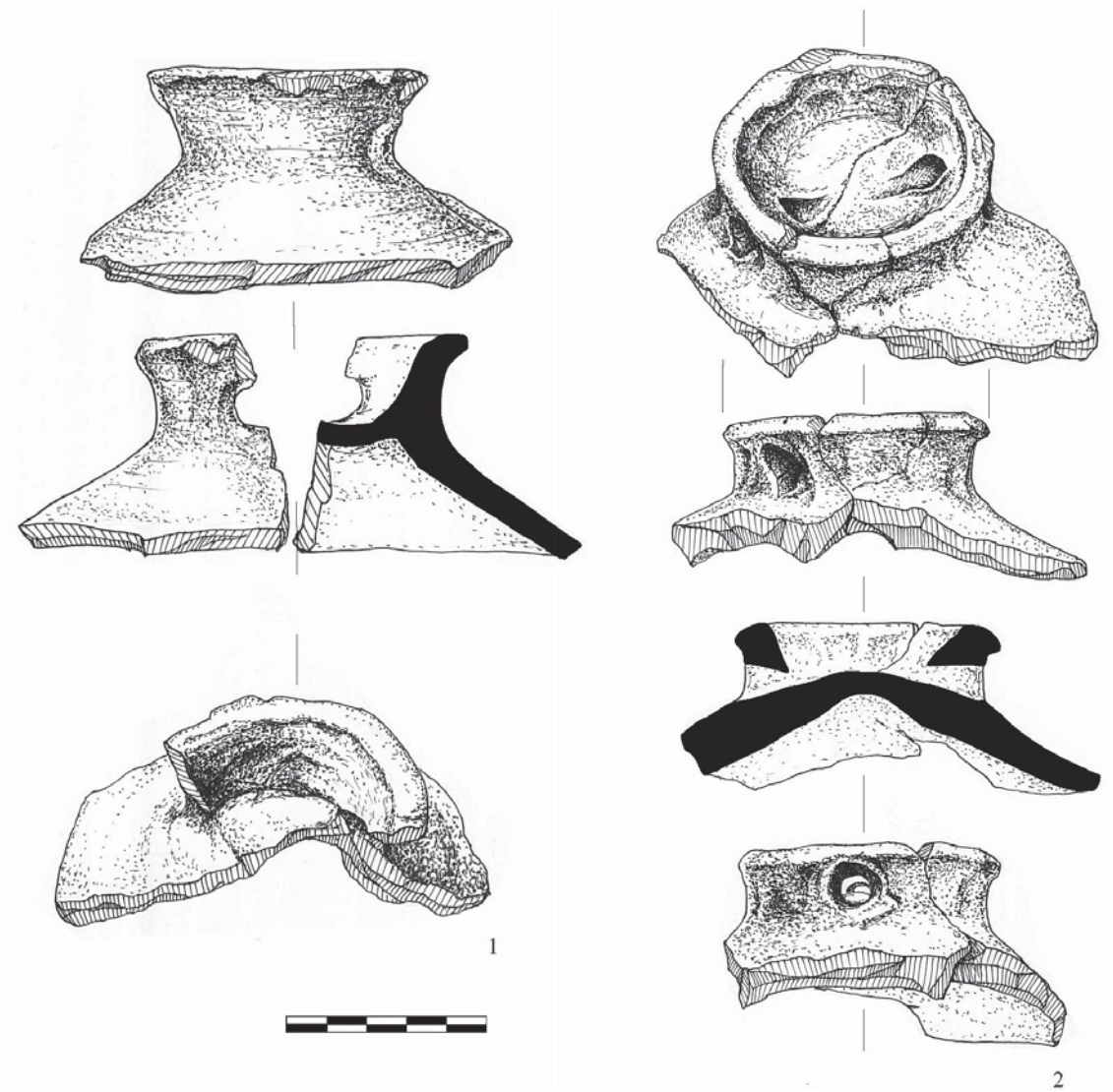


Рис. 28. Селище Микулино 7. Крышки.

Что касается горшков группы 3, то уже говорилось, что в материалах селища Микулино 7 они встречены в единичных экземплярах и более подробно судить о них трудно. Также известны в материалах Твери [16, с.80. рис. 27].

И в Москве и в тверских материалах керамические комплексы, содержащие сосуды этих групп, датируются второй половиной – концом XV–XVI вв. При этом, несомненно, заслуживает внимания наблюдение О.Е. Рыбаковой о том, что наличие в тверских комплексах значительного количества горшков с «раздутым» туловом «...позволяет сузить хронологические рамки до второй половины XVI – рубежа XVI–XVII вв.» [17, с.240]. Весь комплекс инвентаря селища Микулино 7 не противоречит этой гипотезе.

Подведем итоги. Раскопки 2016 г. селища Микулино 7 («Воскресенский монастырь») являются первым в последние десятилетия примером целенаправленного научного изучения археологического комплекса «село Микулино Городище».

Как уже упоминалось, в окрестностях Микулина зафиксировано около десятка «селищ», открытых В.Л. Ивченковым в ходе разведочных работ конца 80-х годов XX столетия [1]. Анализ архивных данных и археологических материалов свидетель-

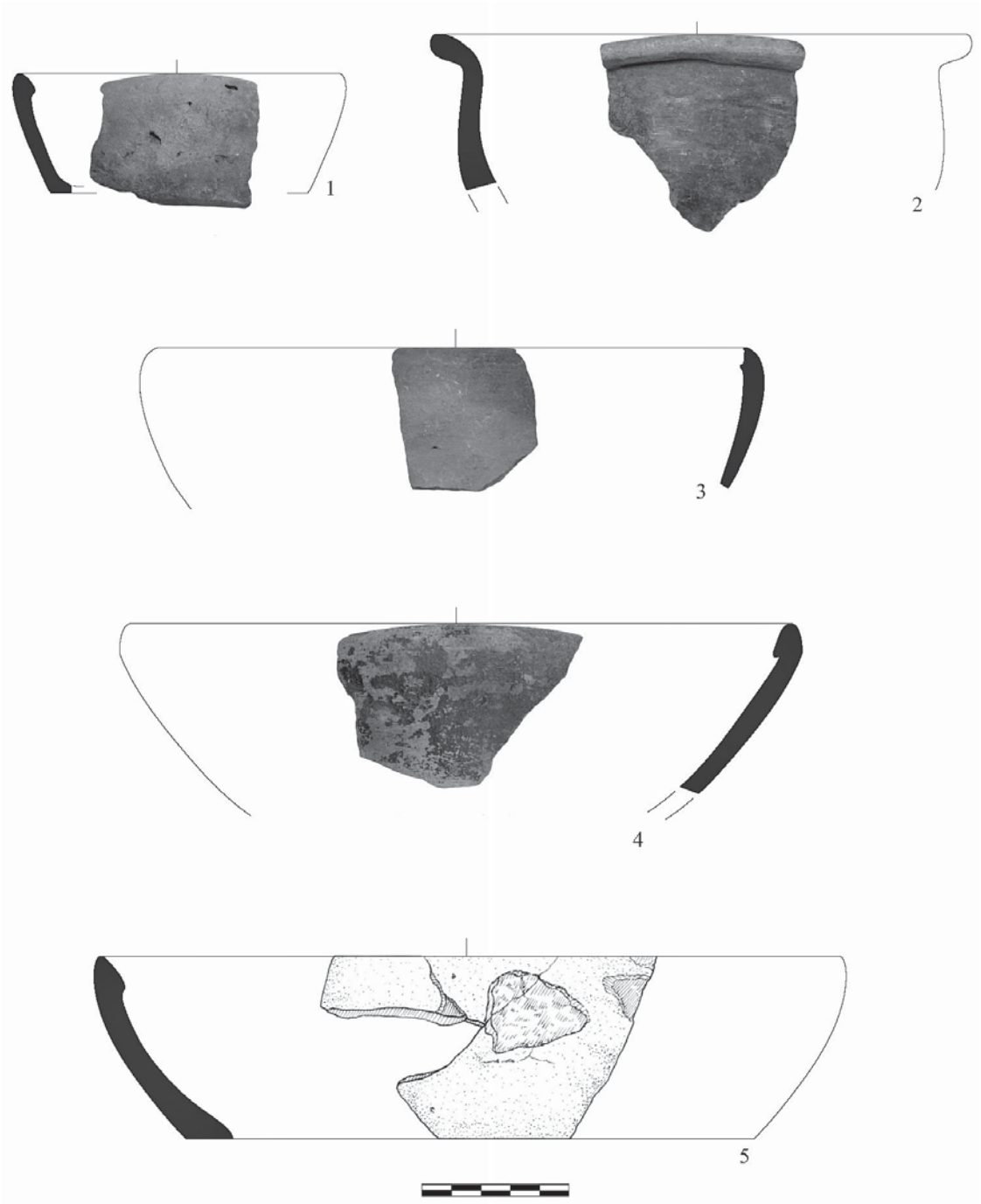


Рис. 29. Селище Микулино 7. Миски.

ствует, что никаких многочисленных отдельных «селищ» (рис.4) здесь нет. Есть единый археологический комплекс – городище Микулино и его обширный посад и пригородные жилые и хозяйственные зоны, функционировавшие на протяжении преимущественно конца XV – второй половины – третьей четверти XVI вв. С формальной точки зрения можно считать отдельными «селищами» весьма сомнительные «памятники» на правобережье р. Шоши (селища Правобережное, Ивановский Луг 1 и 2 – по В.Л. Ивченкову, а также поселение Плетенинское на левом берегу реки,

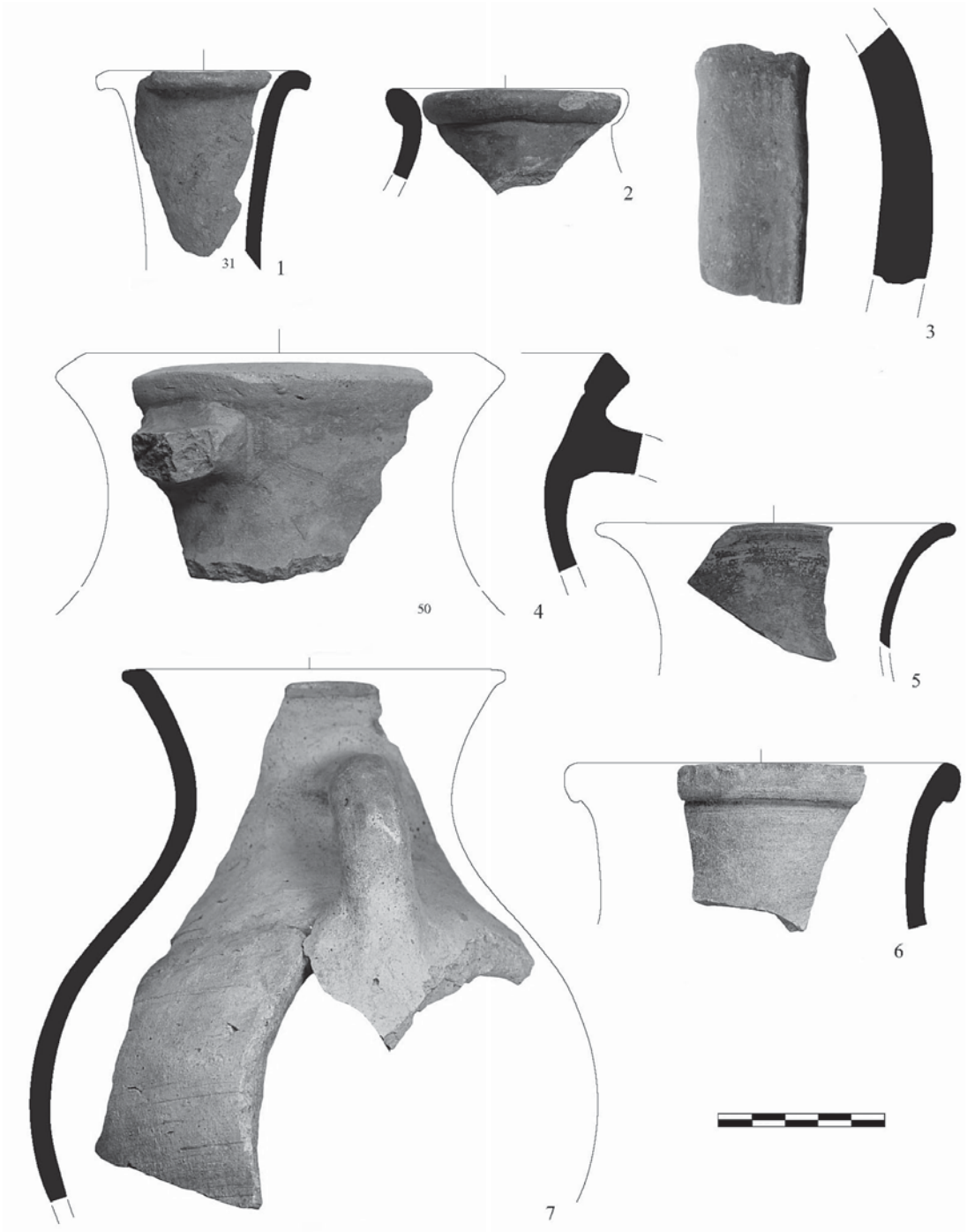


Рис. 30. Селище Микулино 7. Кувшины.

которое, по-видимому, напрямую с Микулинским комплексом не связано). Открытое в 2012 г. и исследованное в 2016 г. селище Микулино 11 по нашему мнению не является остатками поселения[4], а реальность существования селища Микулино 10 требует обоснования дополнительными археологическими изысканиями (рис.4).

[4] Культурный слой объекта археологического наследия «селище Микулино 11» представляет собой слой распашки, фрагменты керамики и индивидуальные находки малочисленны. Площадь ОАН по данным разведки – 500 м^2.

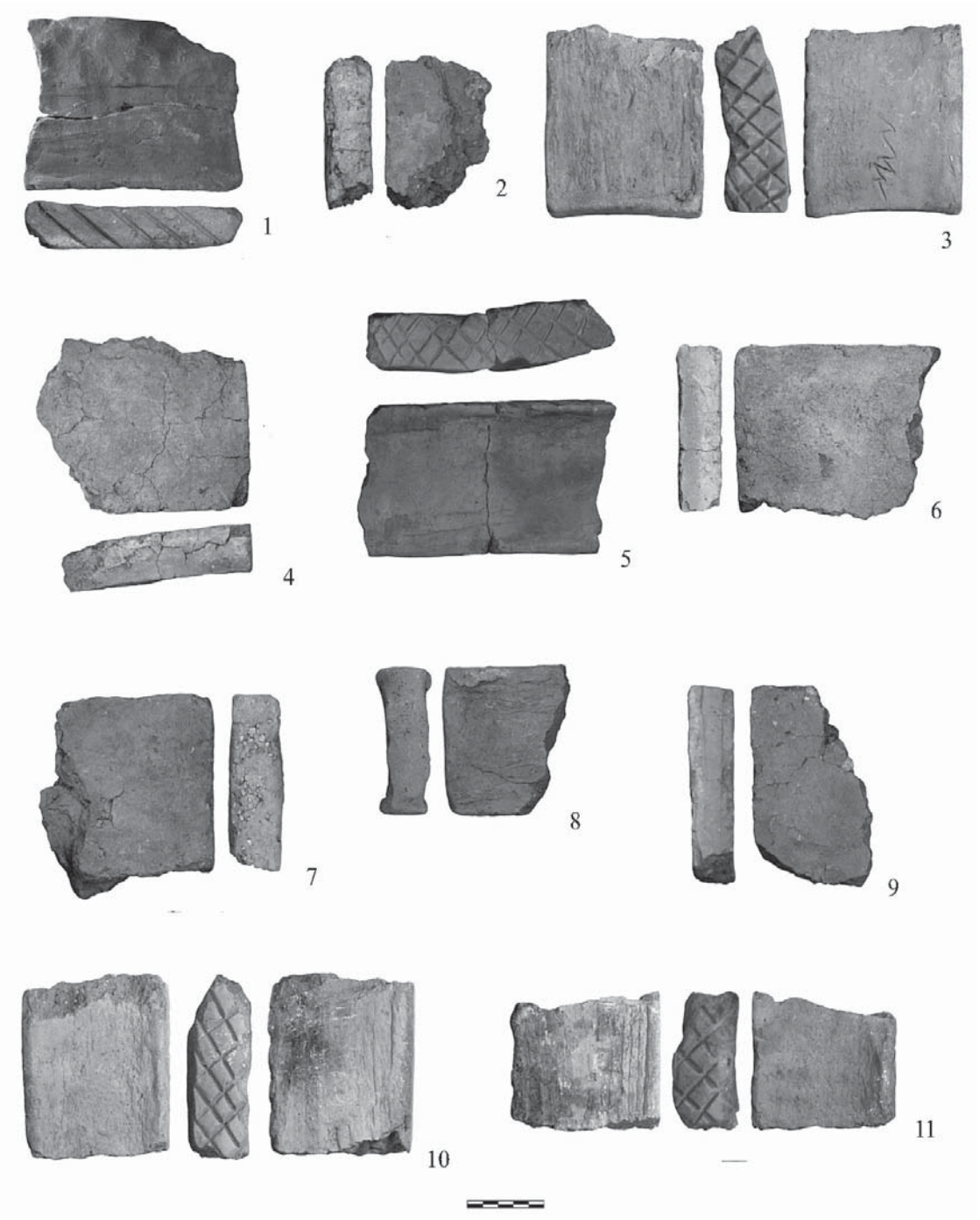


Рис. 31. Селище Микулино 7. Детали керамического печного набора (облицовки пода, сводов и устья печи).

Еще раз отметим, что определение границ и датировка всех этих так называемых «селищ» проводилась исключительно по подъемному массовому материалу и определялась в широких рамках от XIV до XVII вв. Достоверных данных о наличии культурных отложений не то что домонгольского периода, но и XIII–XIV вв. нет. Хотя наличие в ближайших окрестностях Микулина более ранних поселений – древнерусского периода и раннего средневековья (XIII–XIV вв.), вероятно, не должно подвергаться сомнению. О чем, в частности, косвенно свидетельствуют курганные и, возможно,

грунтовые некрополи, не дожившие до наших дней. Решение всех этих вопросов требует серьезных фундаментальных археологических исследований всего Микулинского комплекса памятников.

И последнее. Исследованное в 2016 г. селище Микулино 7 никоим образом Воскресенским монастырем не является. Об этом свидетельствуют не только полученные в ходе раскопок материалы, но и очевидные характеристики микрорельефа местности, где расположено селище. Примеры расположения монастырей (подчеркнем – монастырей, а не отдельных скитов) на небольшой высотке в подболоченной и заливной в половодье пойме неизвестны и противоречат логике и здравому смыслу монастырского строительства.

Результаты исследований позволяют характеризовать селище Микулино 7 как малодворное сельское поселение позднесредневекового периода – конца XV–третьей четверти – конца XVI вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ивченков В.Л.* Отчет об археологических разведках близ Микулина городища в Лотошинском районе Московской области. 1987 // Архив ИА. Р-1, № 12098.
2. *Кравцов А.Е.* Отчет о проведении научно-исследовательских работ по теме: «Археологические исследования на земельном участке по проекту реконструкции участков МГ «Серпухов-Ленинград», МГ «Белоусово-Ленинград» на участке площадью 11,72 га». 2012. Архив ИА. Р-1. Б/н.
3. *Головин Н.Г.* Микулинская летопись, составленная по древним актам с 1354 по 1678 год. М.: Типография Готье, 1854. – 79 с.
4. *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. Репринт. Тверь: «ЛЕАН», 1994. – 423 с.
5. *Вершинский А.Н.* Раскопки курганов близ села Микулино городище 22–23 августа 1910 г. // Тверская старина. № 1. Старица, 1911. – С. 5-11.
6. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485гг.). Тверь: «РИФ ЛТД», 1994. – 431 с.
7. *Широкорад А.Б.* Альтернатива Москве. Великие княжества Смоленское, Рязанское, Тверское. Москва: «АСТ», 2010. – 168 с.
8. *Зинько М.А.* Крупная княжеская вотчина и ее окружение в конце XV–середине XVI вв. (На примере рода князей Микулинских). Автореф. на соискание ученой степени канд. исторических наук (на правах рукописи). М., 2012.
9. *Вершинский А.Н.* Микулинский собор как памятник древне-русского зодчества. Историко-архитектурный очерк. Издание Тверской ученой архивной комиссии. Тверь: Губернская типография. 1914. – 33 с.
10. *Калайдович К.Ф.* ЧОИДР, кн. I. М., 1882. – С. 234-235.
11. *Орешников А.В.* Серебряная чаша из Микулина городища. Приложение III к отчету ГИМ 1916–1925 гг. 1926.
12. *Орешников А.В.* Русские монеты до 1847 г. М.: Типография А.П. Мамонтова, 1896. – 306 с.
13. *Милонов Н.П.* Раскопки на месте древнего города Микулина // Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 2. № 217.
14. Археологическая карта России. Московская область. Часть 2. М.: «Эко центр «ВНИРО», 1995. – 240 с.
15. *Федонин Р.А., Пронин Г.Н.* Отчет о раскопках у села Микулино Лотошинского района Московской области в 2016 г. (Спасательные научно-исследовательские археологические исследования на селищах Микулино-11 и Микулино-7). 2016 // Архив ИА. Р-1. Б/н.
16. *Рыбакова О.Е.* Керамический комплекс постройки XVI в. на юго-восточной окраине Загородского посада г. Твери (по материалам исследований 2000 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь: Старый город, 2010. – С. 55-90.

17. *Рыбакова О.Е., Купряшин А.В.* Керамический комплекс из постройки XVI – рубежа XVI–XVII вв. близ Архангельского монастыря на Загородском посаде Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 8. Тверь: Старый город, 2015. – С. 209-243.
18. *Сиволапова А.Б., Иванова А.Б.* Керамическая посуда из жилой застройки «докаменного» периода на территории Успенского монастыря г. Старицы Тверской области // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь: Старый город, 2010. – С. 48-54.
19. *Лапшин В.А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). ИИМК. Труды. Т. XXX. СПб.: Факультет филологии и искусств СПБ ГУ, 2009. – 540 с.
20. *Чернов С.З.* К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.: ИА РАН, 1991. – С. 50-58.
21. *Супренков А.А., Фатьков А.М.* Средневековая керамика селища Замятино 2 // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 8. Тверь: Старый город, 2015. – С. 258-269.

ИА РАН,
г. Москва

G.N. Pronin, A.V. Kirsanov
Excavations in Settlement Mikulino

The article reviews results of excavation held in ancient settlements Mikulino 7 and Mikulino 11 in Lotoshinsky district of Moscow region in 2016. The ancient settlement Mikulino 7 is apparently a rural settlement of the XV–XVII centuries which had few homesteads. Studies revealed remains of residential and utility buildings, household and armament items, trade tools, jewelry and cult-objects. The settlement is easily dated through copper and silver coins.

Keywords: *ancient settlement Mikulino 7, Mikulino 11, Lotoshinsky district, Moscow region, buildings, ceramics parts, trade tools, household items, jewelry, crosses worn next to the skin, copper and silver coins.*

УДК 903.05 (470.311) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.297-314

А.В. КИРСАНОВ, Г.Н. ПРОНИН

ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕТАЛЛА ИЗ РАСКОПОК СЕЛИЩА МИКУЛИНО 7

Впервые вводятся в научный оборот находки из черного и цветных металлов, в том числе – нумизматические материалы, полученные при раскопках 2016 г. селища Микулино 7 в Лотошинском районе Московской области. В целом коллекция находок датируется XV–XVI – началом XVII вв.

Ключевые слова: *Селище Микулино 7, находки из черного металла, гвозди, ножи, орудия труда, предметы вооружения, детали одежды и обуви, находки из цветных металлов, накладки, пуговицы, перстни, нательные кресты.*

В ходе раскопок 2016 г. селища Микулино 7, которое предварительно датируется XV–XVI – началом XVII вв., получена большая коллекция индивидуальных находок из цветного и черного металлов (предметы быта, ювелирные изделия, предметы христианского культа и т.д.).

Изделия из черного металла в основном хозяйственного назначения. Частая находка – гвозди квадратного сечения, размерами от 5-7 см до 8-17 см с округлыми, реже – прямоугольными и трапециевидными шляпками (костыли) (рис.1: 1-4). Встречены также миниатюрные железные гвоздики с округлой шляпкой на тонком (около 2 мм) стержне (14 экз.) (рис.1: 7,8) и подковные гвозди – ухнали (16 экз.) (рис.1: 5,6).

Дверные пробои разных размеров (9 экз.), некоторые с сохранившимися кольцами и звеньями цепи (рис.1: 9-13), фрагмент дверной петли (рис.2: 5), два фрагмента нутряных замков (рис.2: 1,4), один фрагмент навесного цилиндрического замка (рис.2: 3), сильно корродированный навесной замок неопределенного типа (рис.2: 2), а также 4 ключа разных типов: один ключ от навесного цилиндрического замка, близкого типу Д [1, с.162], и фрагмент такого же ключа (рис.2: 6,9); два бородчатых ключа (рис.2: 7,8).

Коллекция ножей составляет 27 экземпляров, включая фрагменты. Это ножи черешковые и с пластинчатой рукоятью, узко- и широколезвийные (рис.3: 7-12). Также среди находок имеются несколько швейных игл и фрагмент шарнирных ножниц (рис.3: 1-4,6). В заполнении ямы 50 обнаружен фрагмент железной сковороды (рис.3: 5). В пахотном слое селища найдены фрагментированный светец и подсвечник (рис.3: 13,14). Схожий по конструкции подсвечник происходит из культурного слоя XIV–XVIII вв. в Суздале [2, с.216. Рис. 14, 7].

Находки орудий труда единичны. Так, из заполнения ямы № 17 происходят железный серп и скобель (рис.5: 3,4). Там же найдена железная полица, имеющая вид лопатки с загнутыми наподобие желоба краями и втулкой, в которой сохранились остатки деревянной рукояти (рис.5: 1). Полица, как элемент конструкции одного из видов русской сохи, служила для разрыхления и отваливания поднимаемой сошником земли в сторону [3, с.168-169]. Из находок последних лет идентичная полица происходит с раскопанного в 2015 г. селища Игнатьево-2 в Одинцовском районе Московской области, из комплекса, датирующегося концом XVI – началом XVII в. [4, с.277. Рис.21, № 140 В]. В яме 50 найден фрагмент железного сошника (рис.5: 2), а из пахотного слоя селища происходит находка фрагмента топора (рис.5: 5). Характерное утолщение в обушной части и предполагаемые небольшие размеры могут быть

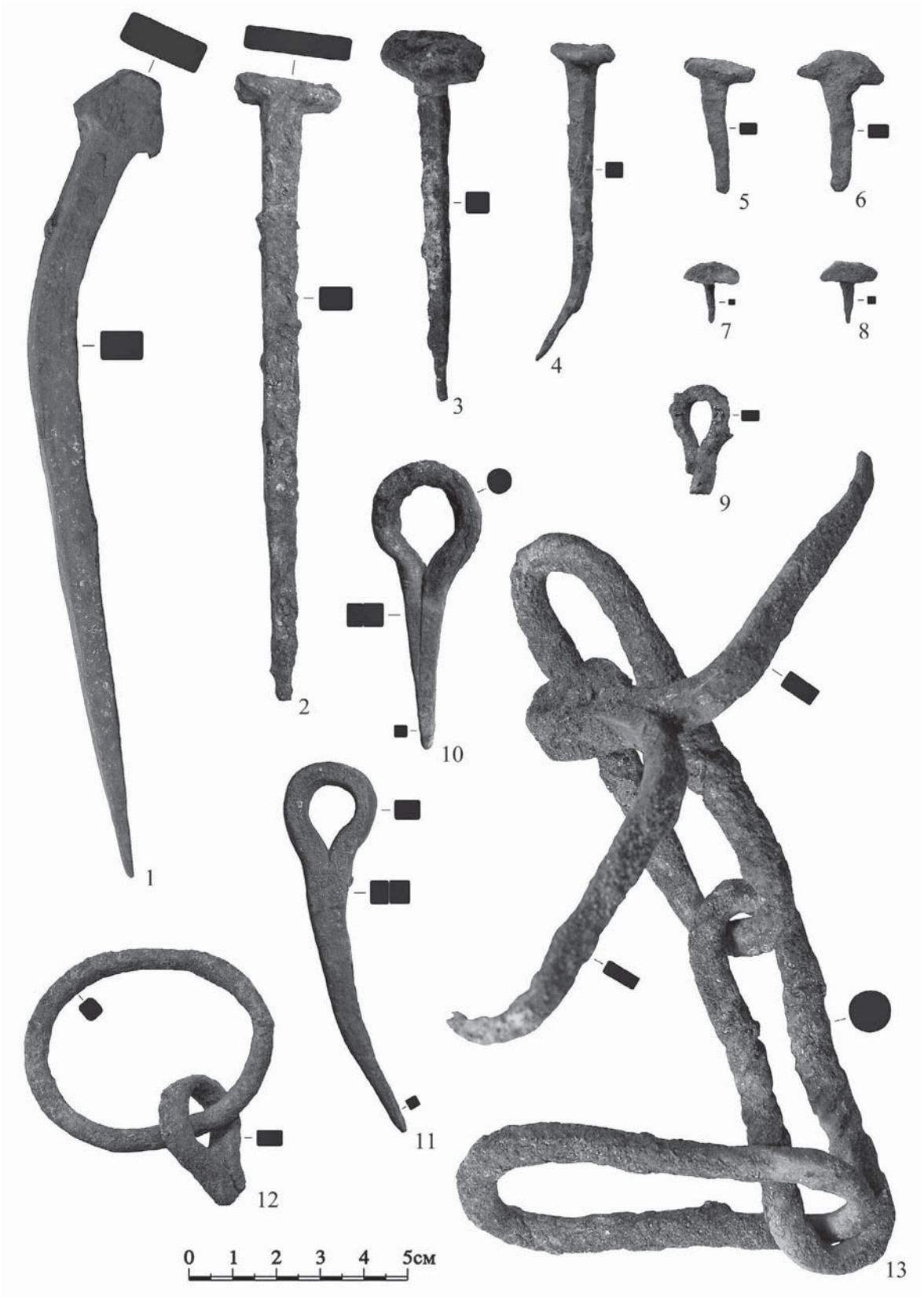


Рис. 1. Предметы хозяйственного назначения. 1-4 – строительные гвозди и костыли; 5-6 – ухнали; 7-8 – миниатюрные гвозди; 9-13 – дверные пробои. Все – железо.

Рис. 2. Предметы хозяйственного назначения. 1, 4 – фрагменты нутряных замков; 2 – навесной замок неопределенного типа; 3 – фрагмент навесного цилиндрического замка; 5 – фрагмент дверной петли; 6, 9 – фрагмент и полная форма ключей от навесного цилиндрического замка; 7, 8 – бородчатые ключи. Все – железо.

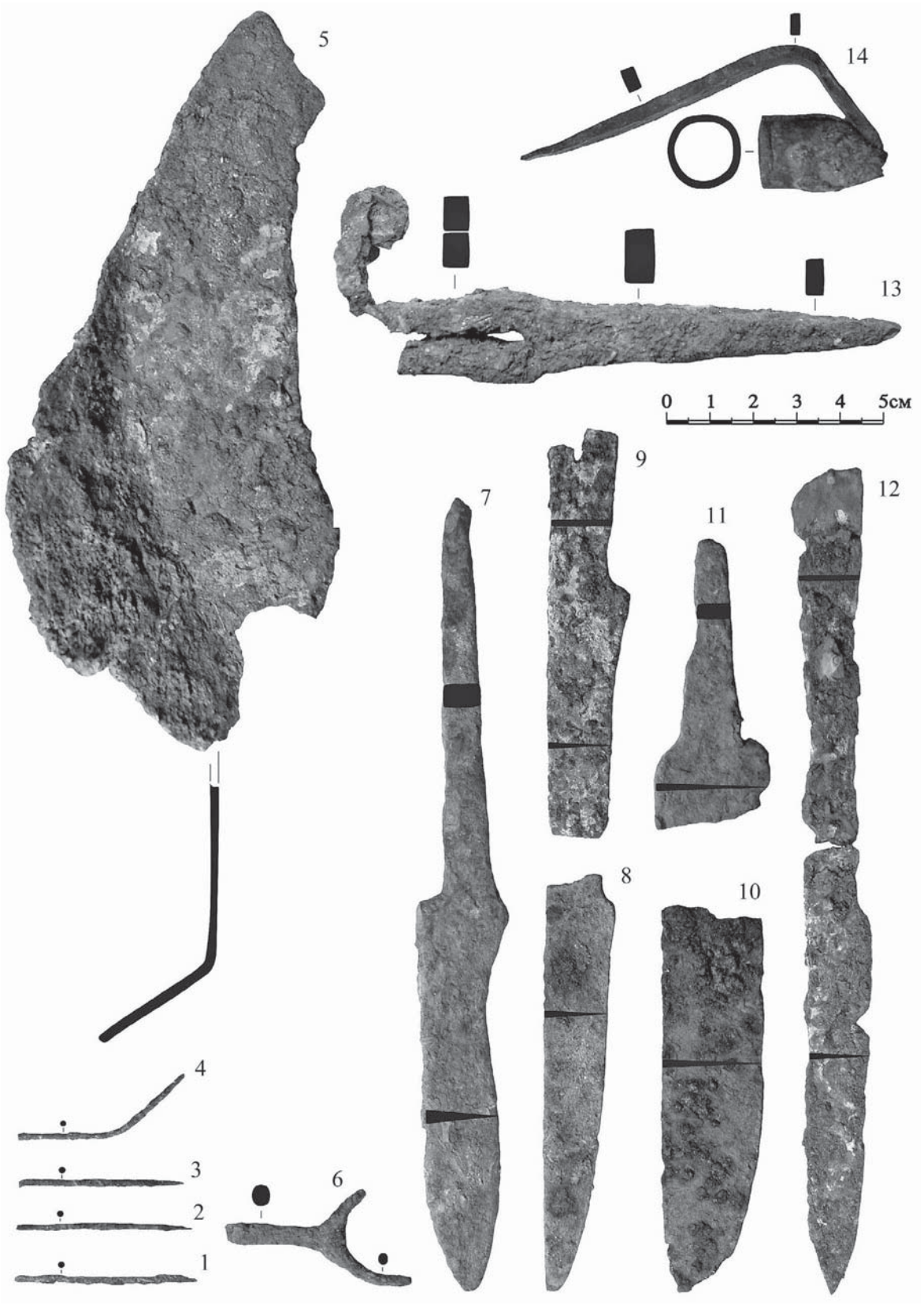


Рис. 3. Предметы быта. 1-4 – иглы швейные; 5 – фрагмент сковороды; 6 – фрагмент шарнирных ножниц; 7-12 – ножи с пластинчатой рукоятью и черешковые; 13 – светец; 14 – подсвечник. Все – железо.

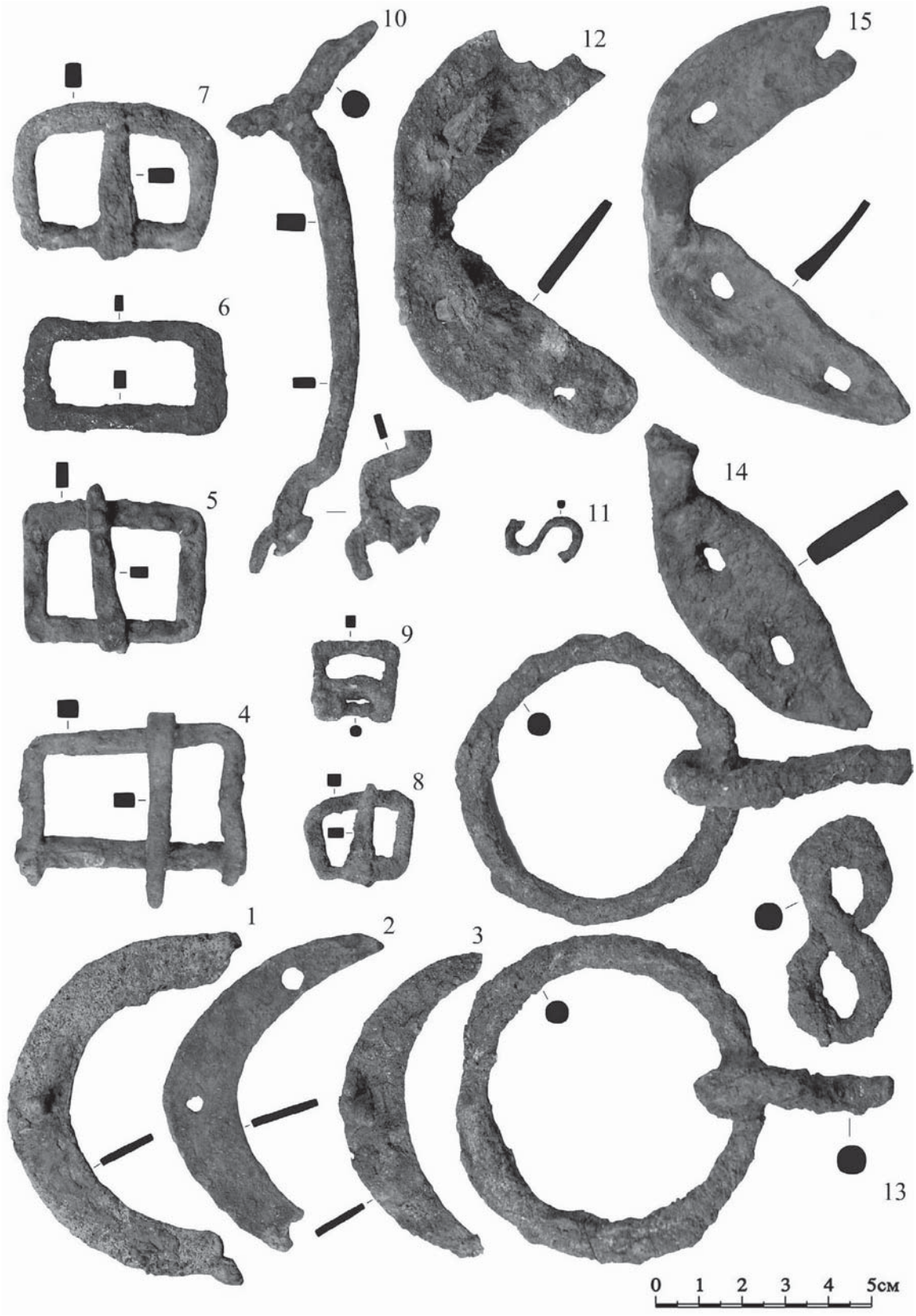


Рис. 4. Детали одежды и обуви. 1-3 – обувные подковки; 8, 9 – пряжки; 11 – крючок-застежка. Предметы конского снаряжения. 4-7 – подпружные пряжки; 10 – фрагмент шпоры; 12, 14, 15 – конские подковы и их фрагменты; 13 – удила. Все – железо.

признаками его боевого использования. По О.В. Двуреченскому, топоры с подобным оформлением обуха относятся к типу 2 (универсальным) и бытуют в XV–XVI вв., а также в начале XVII в. [5, с.258-259. Рис.5, 4]. Однозначно определить тип этого экземпляра не удается ввиду значительных утрат.

Обнаружены также два рыболовных крючка небольших размеров (рис.6: 2,3). Находки крючков подобного типа нередки на средневековых селищах, а также в городских средневековых слоях [6, с.70. Рис.2, *ƒ*]. Некоторые исследователи относят такие крючки к типу переметных [7, с.16. Рис.2, 1-3].

Находки предметов вооружения на селище Микулино 7 немногочисленны. Среди них – черешковый наконечник стрелы типа 6, варианта 6б (рис.6: 9), датирующийся XVI–XVII вв. [8, с.284]; 5 свинцовых пуль, четыре из которых (рис.6: 4-7) относятся к варианту 1, группе 1 (шаровидные, с литником, без дальнейшей обработки), одна (рис.6: 8) – к варианту 1а той же группы (деформация свинца в форме, с литником, без дальнейшей обработки) (5, с.267. Рис. 13). Из заполнения ямы 50 происходит железная обоймица от сабельных ножен с ромбовидным щитком с внешней стороны (рис.6: 10). Такие обоймицы были найдены, например, при раскопках в Москве [9, с.62. Рис.16; 14], а также в составе находок с уже упомянутого селища Игнатьево-2 [4, с.257. Рис.6, №№ 80,81]. В обоих случаях эти находки датированы XVI–XVII вв. В пахотном слое Микулино 7 был найден плоский в сечении втульчатый наконечник, причем его клиновидная втулка имеет фигурное оформление с одним крепежным отверстием (рис.6: 1). По О.В. Двуреченскому, это однолезвийный наконечник, предположительно, боевого назначения, и подобные изделия появляются в XVI в. и продолжают бытовать на протяжении XVII в. [9, с.113].

К деталям одежды и обуви относятся 7 экземпляров обувных подковок и их фрагментов (рис.4: 1-3), крючок-застежка (рис.4: 11) и две пряжки небольших размеров (рис.4: 8,9).

Отдельную группу изделий составляют предметы конского снаряжения. Конские подковы представлены тремя экземплярами (рис.4: 12,14,15), относящимися к типу 1, варианту 2 [5, с.274-275. Рис.21; 5] – подковы в виде полуокружности с одним передним шипом и четырьмя прямоугольными отверстиями для гвоздей. Датируются такие изделия XVI– XVII вв. [10, рис.49; 1].

Крупные подпружные пряжки представлены 4-мя экземплярами, имеющими прямоугольную и подпрямоугольную форму (рис.4: 4-7). В заполнении ямы 42 был найден фрагмент железной шпоры (рис.4: 10). Из ямы 17 происходят кольчатые трехзвенные удила, среднее звено которых оформлено в виде восьмерки (рис.4: 13). По А.Н. Кирпичникову, относятся к типу V, бытовали в Северной Европе и Восточной Прибалтике в X–XIV вв. Автор причисляет их к редким для Руси формам, проникшим от ее северных или северо-западных соседей [10, с.17].

Различны по функциональному назначению предметы из цветного металла.

Среди них отметим находки семи накладок из медного сплава, пять из которых происходят из пахотного слоя селища, а две – из заполнения хозяйственной ямы 19а (рис.7: 1-6). Отличаясь лишь размерами, накладки по форме абсолютно идентичны друг другу. Это каплевидные выпуклые пластины с прямоугольным отверстием в центре для крепления. По всей видимости, они использовались как навершия для деревянных или костяных рукоятей каких-либо ручных инструментов, предохраняющие их от повреждений. Доказательством тому служат две накладки из ямы 19а, найденные вложенными одна в другую на тыльной части железного ножа с остатками деревянных накладок на рукояти (рис.7: 6). Видимо, данные изделия на инструментах крепились как одиночно, так и группой по 2-3 штуки (возможно, для «наращивания»

Рис. 5. Орудия труда. 1 – полица; 2 – фрагмент сошника; 3 – серп; 4 – скобель; 5 – фрагмент топора. Все – железо.

и усиления рукояти). Подобные накладки – довольно частая находка в культурных слоях средневековых сельских и городских поселений.

Из пахотного слоя селища происходят два фрагмента накладок из медного сплава (рис.7: 7,8). Это обломки плоских прорезных пластин в виде прямоугольных ажурных рамок с фигурными выступами по углам и круглыми крепежными отверстиями в каждом. На одном фрагменте в центральной части сохранился Г-образный

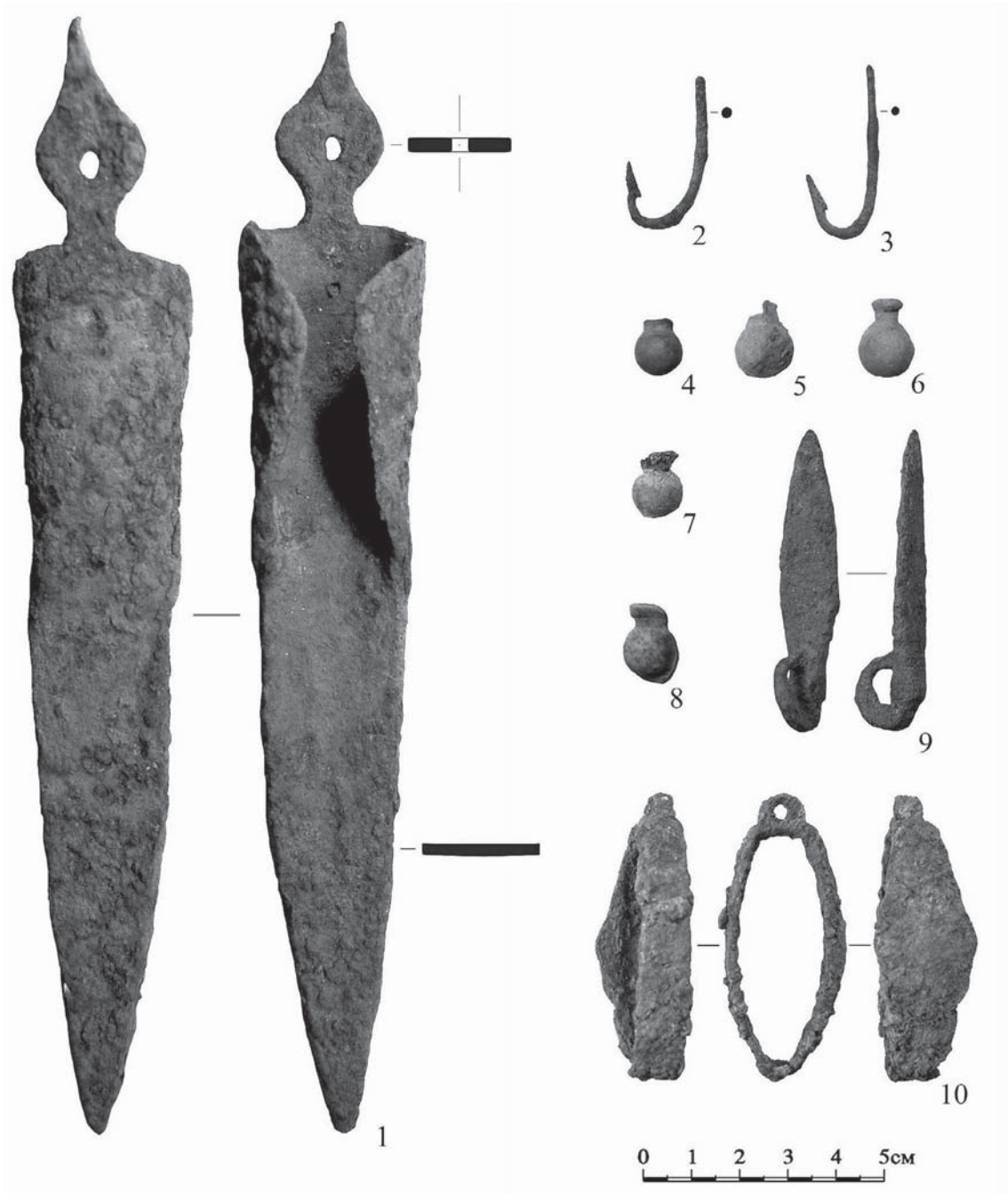


Рис. 6. Предметы вооружения и промысла. 1 – втульчатый наконечник; 2, 3 – рыболовные крючки; 4-8 – ружейные пули; 9 – наконечник стрелы; 10 – обоймица от сабельных ножен. 1-3, 9, 10 – железо, 4-8 – свинцово-оловянистый сплав.

выступ (рис.7: 8). Аналогичные изделия были найдены на селище XV–XVI вв. Рождественно 1 Одинцовского района Московской области [11, с.375. Рис.1,*6*], на селище Аэропорт Домодедово 3 Домодедовского городского округа Московской области [12, Рис.196, *6*], на селище Минино VI [14, с.80. Рис.66, *4*]. При раскопках на территории Затьмацкого посада Твери в 2014 г. такая же накладка с фрагментом кожаной сумки была найдена среди остатков сгоревшей постройки XVI в. [15, с.143. Рис.3]. Близкие по типу накладки известны в составе погребального инвентаря позднесредневековых могильников Литвы XV–XVII вв. [16, с.252-254. Рис.20,22,24,27]. Они были

Рис. 7. Предметы быта, детали одежды, ювелирные изделия. 1-6 – накладки на рукоять ножа; 7, 8 – фрагменты накладок на поясную сумку; 9, 10 – пуговицы; 11 – фрагмент серьги (?); 12-17, 19 – перстни и их фрагменты; 18 – ременная (?) накладка с изображением зверя. 1-10, 14-19 – медный сплав, 11-13 – свинцово-оловянистый сплав.

однозначно атрибутированы Т. Берга как составные части затворного механизма на кожаных кошельках в погребениях XIV–XVII вв. из могильника Августинишки в Латвии [17, с.426-427. Рис.6, 7].

В яме 17 была найдена ременная (?) накладка из медного сплава (рис.7: 18), представляющая собой квадратную в плане пластину толщиной 2 мм, на лицевой

стороне которой на углубленной площадке имеется окруженное выпуклой рамкой рельефное изображение идущего влево зверя с четырьмя лапами и поднятым хвостом, пропущенным между задними лапами, голова повернута вправо. Оборотная сторона накладки гладкая, в центре имеется фрагмент крепежного штифта сечением 2,5 мм. Уверенно идентифицировать изображенного зверя не представляется возможным из-за довольно низкого качества литья, а также не лучшей сохранности изделия.

Одним из иконографических признаков в изображениях четвероногого зверя в прикладном искусстве Руси являются положение его головы и хвоста. На данной накладке голова животного повернута назад, и такие изображения, по наблюдениям исследователей, начинают преобладать в XIV–XV вв.

Изображения в анималистическом декоре зверя с пропущенным между лапами хвостом встречаются на Руси с рубежа X–XI вв. по XVII в. [18, с.211]. Сходные зооморфные орнаменты можно наблюдать, например, на некоторых ременных бляшках X–XI вв. с изображениями льва (?), описанных и типологизированных В.В. Мурашевой. Такие бляшки отнесены автором к классу XXXI, группе 1 [19, с.47. Рис.66, *1А*]. Накладка с изображением зверя с поднятым хвостом была встречена в слоях XIV в. в Новгороде [20, с.162. Рис.64,*6*]. Несомненно, что изображение зверя на нашем экземпляре является данью древней традиции. Это косвенно подтверждает Т.В. Николаева, говоря о прикладном искусстве Московской Руси, где замечает, что семантически народное искусство Тверских земель сохранило наиболее архаические черты, нежели другие места средней полосы России [21, с.88]. В поисках аналогий следует также упомянуть о ряде находок XIV–XVI вв. из Новгорода, Твери, Московской области и Болгар, в числе которых присутствует квадратная поясная накладка с изображением «барса» с поднятым хвостом и обращенной назад головой [22, с.112. Рис.6, *4*]. Можно согласиться с автором, что сходство изображений на различных изделиях свидетельствует о популярности данного образа, взаимовлияниях и заимствованиях при создании памятников прикладного искусства. Таким образом, данный декор, имея столь древнее происхождение, даже в позднем средневековье продолжает присутствовать в семантике памятников русской металлопластики.

К деталям одежды относятся две литые пуговицы из медного сплава. Одна из них имеет эллипсоидное тулово с гладкой поверхностью и округлым ушком с выступом в верхней части, отлитая, по всей видимости, в разъемной форме. На это указывает литейный шов, проходящий по центральной оси (рис.7: 9). Пуговицы сходных форм, называемые разными исследователями «грушевидными», «грибовидными», «пуговицами-гирьками», – довольно частая находка на сельских памятниках, как средневековых, так и нового времени [23, с.62. Табл.IX, *24*]. Встречены также в Новгороде в слоях рубежа XI–XII–XV вв. [20, с.154. Рис.61, *3-7*]. Весьма близкие по форме пуговицы происходят из раскопов во Владимире и датируются XVI–XVIII вв. [24, с.32. Рис.30].

Вторая пуговица по форме близка, скорее, к типу биконических из-за хорошо выраженного ребра. Ее тулово декорировано шестью глубокими продольными выемками, а в нижней его части имеется небольшой сфероконический выступ. В поперечном сечении представляет собой шестилепестковую розетку, немного скошенную вследствие некачественного литья. Плоское петлевидное ушко также выполнено довольно грубо (рис.7: 10). Подобная пуговица происходит из раскопок в г. Бежецке и датирована XV–XVI вв. [25, с.340. Рис.4: 4]. Сходные элементы в оформлении тулова присутствуют у пуговиц из раскопок в кремле Суздаля, датированных XVII–XVIII веками [24, с.26. Рис.14,15].

Ювелирные изделия в коллекции индивидуальных находок представлены фрагментом серьги(?) и 7 перстнями и их фрагментами.

Серьга(?) – изделие, вероятно, из свинцово-оловянистого сплава, представляющее собой небольшой шарик, нанизанный на стержень округлого сечения с винтовой нарезкой на одном конце и петлей на другом. Сильно патинировано (рис.7: 11). Возможно, это фрагмент так называемой серьги в виде «вопросительного знака», но судить об этом трудно из-за фрагментарности предмета.

Найденные перстни относятся к различным типам: щитковосрединные, узкопластинчатые, перстни-печатки и перстни со вставками.

Два щитка перстней из свинцово-оловянистого сплава можно отнести к типу щитковосрединных, так как сами щитки находятся в одной плоскости с дужкой. Один имеет слегка выпуклую форму и отличается крайне грубым качеством отливки и плохой сохранностью. Площадка, имеющая в плане форму уплощенного круга, декорирована сетчатым орнаментом, с обратной стороны сохранились сильно оплавленные фрагменты дужки. По всей видимости, перстень пострадал в огне (рис.7: 12). Второй щиток в плане имеет форму правильной окружности, площадка также украшена сетчатым орнаментом, слегка скошенным относительно поперечной оси перстня, по краю проходит небольшой валик (рис.7: 13). Отливка более качественная, на внутренней стороне щитка виден литейный шов, сохранились два фрагмента дужки округлого сечения. Подобные перстни в ремесленных мастерских производились массово, о чем свидетельствует применение при их изготовлении дешевых сплавов свинца и олова, и их покупку могли себе позволить представители небогатых слоев населения городов и сельской округи [20, с.136-137].

Другой перстень того же типа, изготовленный из медного сплава, имеет выступающий над дужкой круглый щиток. Площадка щитка по краю окаймлена врезанной линией с треугольными зубчиками, направленными во внешнюю сторону, в центральной части имеются четыре округлых углубления, расположенные крестообразно, с небольшим отклонением от симметрии. Дужка узкопластинчатая, на внешней и внутренней сторонах видны следы обработки напильником (рис.7: 15). Судя по небольшим размерам (внутренний диаметр 15,6 мм), данное украшение, вероятно, принадлежало женщине или ребенку.

Перстень из медного сплава, ширина которого плавно возрастает от 3 до 8 мм, можно отнести к типу узкопластинчатых. В самой широкой его части находится заключенное в круг рельефное изображение трилистника с отходящими от него по диагонали вверх «лучами». С обеих сторон к центру подходят рельефные изображения цветков на стебле с листьями. По краям перстня идет тонкая врезанная линия (рис.7: 14). Вся поверхность сильно потерта. Среди новгородских находок упоминаются пять бронзовых узкопластинчатых замкнутых перстней с продольными закраинами и выступающей средней частью, относимые к XIV–XVвв. [20, с.131-132].

Перстень из медного сплава, отнесенный к типу щитковосрединных печатных (рис.7: 19). На восьмигранном щитке с углубленной рамкой по периметру имеется гравированное изображение так называемого «воина» в профиль влево в коротком доспехе и с копьем (?), стоящего около плавно изогнутого растения с крупными листьями. Печатные перстни и печатки-подвески с похожими изображениями были найдены в Москве в слоях XVII в. [26, с.124-125. Рис.3, *3,6*]. При раскопках в Бежецке был найден перстень с похожим оформлением щитка [25, с.338. Рис.3: 4], отнесенный автором к поздним имитациям средневековых перстней-печаток и предварительно датированный XVII–XVIII вв. Известны находки подобных печатных перстней в Суздале. Исследователи отмечают, что композиция «воин у древа» часто встречается на печатях XV–XVI вв. под различными документами, и полагают, что изображение перешло на них с монет [27, рис.1, *4-6*].

Перстень из медного сплава со вставкой (не сохранилась) (рис.7: 16). Щиток округлый, чашевидный, резко выступающий над дужкой, по внешней стороне украшен выпуклыми «ребрами». По краям щитка сохранились остатки четырех «лапок», удерживавших вставку в ячейке. Гладкая пластинчатая дужка ближе к щитку заметно утолщается и декорирована двойными выпуклыми поясками, на одном из которых по сторонам имеются полусферические выступы.

Фрагмент перстня из медного сплава со вставкой (не сохранилась) (рис.7: 17). Щиток шестигранный, каждая грань декорирована эмалью двух цветов, разделенных дугообразной перемычкой. Две грани, расположенные друг напротив друга по поперечной оси перстня, украшены синей и желтой эмалью, а четыре остальные грани – белой и синей. Очевидно, вставка в этом перстне закреплялась «глухим» способом. Внутри щиток частично заполнен серовато-белым пористым веществом (остатками клеящего состава?). Дужка пластинчатая, по ее оси проходит выпуклый валик с одной поперечной перемычкой. Перстни со вставками, равно как и большинство щитковых, являются, как правило, изделиями городских ремесленников [20, с.142; 28, с.78].

Еще одной категорией изделий декоративно-прикладного искусства из цветного металла, являются кресты-тельники. Эта группа находок включает в себя нательные кресты и их фрагменты в количестве 21 шт. Один крест из свинцово-оловянистого сплава (рис.8: 5) найден в заполнении ямы 50, остальные (из медного сплава) происходят из пахотного слоя селища.

Прямоконечные кресты составляют большую часть коллекции – 18 шт. Среди них имеется небольшой, видимо, детский крестик (рис.8: 3). На лицевой стороне по краю имеется слабо читаемый бортик, изображений и надписей нет. Двухсторонний крест (рис.8: 4), по краям с обеих его сторон имеется бортик, на лицевой стороне рельефное изображение семиконечного Голгофского креста на полукруглом подножии со схематично изображенной главой Адама, с орудиями Страстей, стоящими на косой перекладине, на верхней ветви неясная надпись, на фрагментированной нижней ветви слабо различимые буквы **NI** (?) (NIKA?), на концах боковых лопастей монограммы **IC** и **XC**; на оборотной стороне в средокрестии помещен выпуклый ромб, на верхней ветви нечитаемая надпись, на боковых – монограммы **IC** и **XC**, в центре нижней ветви буквы **СЬ**, ниже поверхность стерта напильником. Оглавие в виде плоского ушка. По краям креста есть остатки неудаленного металла. Близкие по форме и иконографии экземпляры датируются второй половиной XVI – началом XVII вв. Подобные кресты были широко распространены, а их несложные, упрощенные формы свидетельствуют о массовом производстве [29, с.47-48. № 4-36, № 4-37]. У другого креста сохранились только средокрестие с одной боковой ветвью и обломанными двумя другими. Уцелевшая ветвь с лицевой стороны имеет по краю бортик (рис.8: 2). Два почти одинаковых односторонних креста имеют в центре рельефное изображение великомученика Никиты, побивающего беса (рис.8: 8,9). У первого на боковых оконечностях – рельефные буквы **К** (?) и **А**, оглавие утрачено. Второй имеет на верхней оконечности рельефную монограмму **NI** (?), на боковых оконечностях **К** и **И**, оглавие – плоское ушко. Аналогичный двум описанным крест был найден в Твери, датирован концом XIV–XVI вв. [29, с.46. № 4-32]. Кресты с изображениями Никиты с надписями на боковых и верхнем концах: «НИ», «КІ», «ТА» датированы А.К. Жизневским XVI–XVII вв. [30, с.76, №№ 1249, 1708, 1960, 1961]. Еще один крест с изображением Никиты Бесогона сохранил лишь средокрестие и одну боковую ветвь (рис.8: 10). Под ногами святого неразборчивая надпись, на уцелевшей ветви – погрудное изображение одного из Предстоящих в трехчетвертном повороте к центру

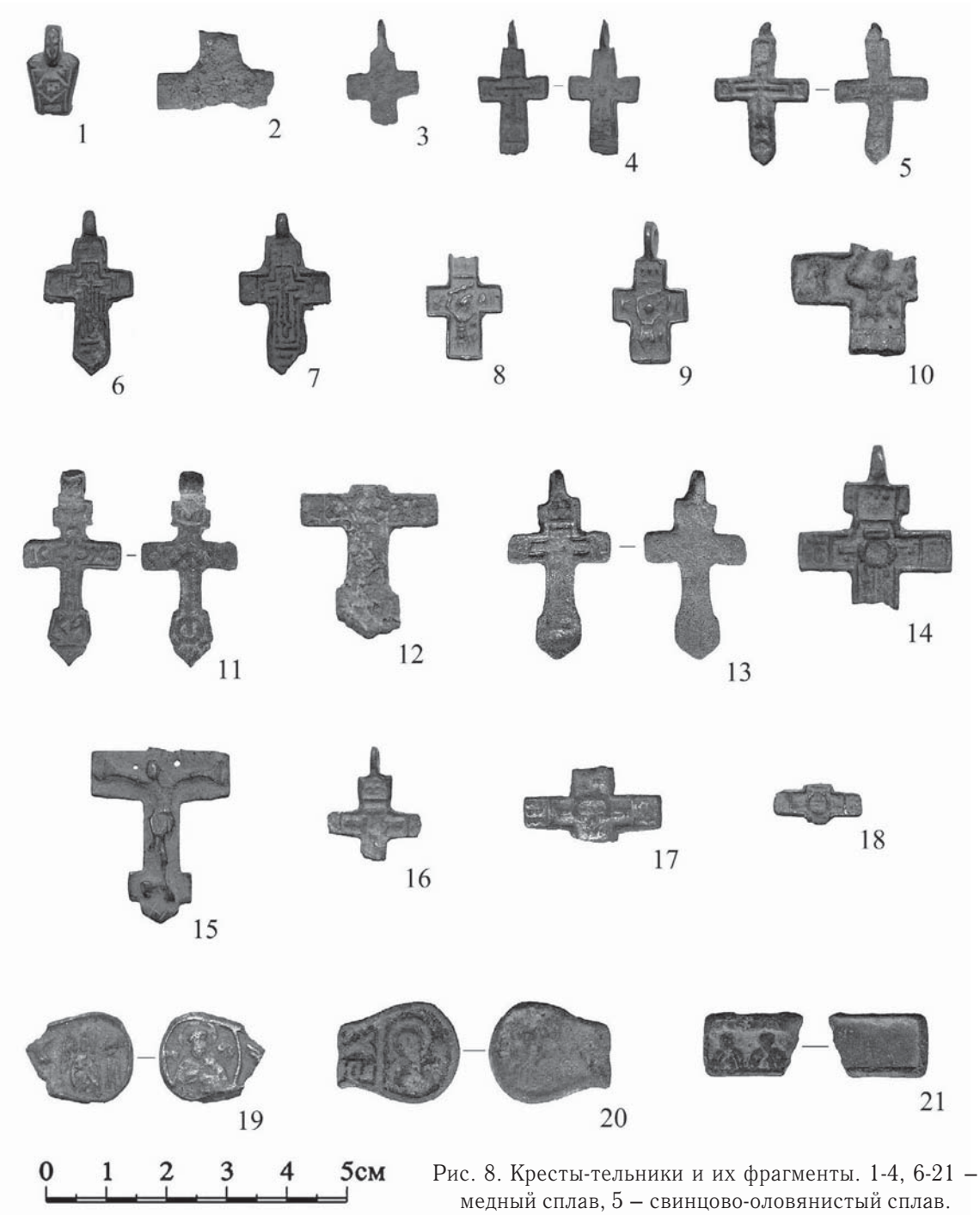


Рис. 8. Кресты-тельники и их фрагменты. 1-4, 6-21 – медный сплав, 5 – свинцово-оловянистый сплав.

композиции. Крест сходных пропорций и оформления лицевой стороны встречен на поселении XV – середины XVI вв. у села Рождественно Одинцовского района Московской области [11, с.375. Рис. 1,*2*].

По классификации Д.А. Беленькой, описанные кресты с великомучеником Никитой относятся к типу I, подтипу 7 и датируются концом XIV–XVI вв. Автор отмечает, что подобный тип крестов встречается в основном на территориях среднерусских княжеств: Тверская земля, Суздаль, Рязань, а изображение Никиты, побивающего беса, является одним из самых популярных в древнерусской пластике [31, с.16]. Другие исследователи указывают, что наибольшее количество крестов

с таким сюжетом принадлежит к новгородско-тверскому кругу памятников XV–XVI вв. [32, с.13-14]. В.В. Хухарев отмечает, что кресты и иконки с изображениями Никиты Бесогона – частая находка при археологических работах в Твери и Москве, а единичные их находки известны из более чем десяти средневековых городских центров и их окрестностей, среди которых Ржев, Старица, Калуга, Воротынск, Тула, Липецк, Елец, Рязань, Брянск, Вологда, Псков и Коломна [33, с.455]. Исследователь подчеркивает, что наибольшее количество таких находок было обнаружено в Твери, Москве и Калуге, однако своеобразное лидерство среди них принадлежит именно Тверским землям [33, с.459]. Следует указать, что среди находок из раскопок ювелирных комплексов Затьмацкого посада Твери отмечен ряд крестов с изображением Никиты Бесогона [34, с.270].

Условно отнести к прямоконечным можно левую лопасть двухстороннего креста (рис.8: 21). На лицевой стороне имеется погрудное рельефное изображение двух святых, над головами неясный рельеф (надпись?). На оборотной стороне изображения отсутствуют, по краю лопасти с обеих сторон проходит бортик. Крест относится к типу «двустворчатых наперсных крестов», датируется XVI в.

Прямоконечные кресты с килевидным окончанием нижней лопасти представлены 7 экземплярами, датируются они XV в. Один из них найден в заполнении ямы 50. Это двухсторонний крест с бортиком по краям с обеих сторон, на лицевой стороне рельефный семиконечный крест на треугольной Голгофе, на концах ветвей в прямоугольных медальонах неясные изображения; на оборотной стороне слабо читаемое рельефное изображение креста с геометрическим (?) орнаментом (рис.8: 5). Два одинаковых односторонних креста имеют слегка расширяющиеся нижние ветви (рис.8: 6,7). На лицевой стороне – рамочный восьмиконечный Голгофский крест, окруженный рельефной рамкой в виде четырехконечного креста; на концах ветвей в прямоугольных медальонах – неясные рельефные изображения (надписи?), оглавие – уплощенное ушко. По краям имеются остатки неудаленного металла. Эти два креста полностью аналогичны найденным в Твери при археологических исследованиях на территории бывшего Затьмацкого посада [34, цв. вкл. XXVII,1]. Другой крест двухсторонний (рис.8: 11), с бортиками по краям с обеих сторон, верхняя ветвь имеет прямоугольное расширение, нижняя – трапециевидное, на лицевой стороне рельефный рамочный четырехконечный крест с закругленными концами, стоящий на прямоугольной Голгофе, глава Адама изображена схематично, на расширениях верхней и нижней ветвей рельефные монограммы **НИ** и **КА**, на боковых лопастях – **IC** и **XC**; на оборотной стороне в верхнем расширении неясное изображение, средокрестие украшено орнаментом из контурных ромбов, разделенных вертикальными линиями, по оси нижней ветви проходит прямая рельефная линия, в центре расширения заключенная в круг; оглавие – широкое ушко. Некоторые исследователи датируют кресты такого облика рубежом XIV–XV вв., при этом указывая, что изображение Голгофы в виде буквы «П» сближает их с тверскими и старицкими памятниками XV – начала XVI вв. [29, с.40, № 4-12]. Еще один крест, односторонний, с утраченным оглавием, имеет расширение на нижней ветви (рис.8: 12). Сильно патинирован. На лицевой стороне угадывается рельефное изображение Голгофского креста с венком в средокрестии, в прямоугольных клеймах на боковых лопастях неразличимые надписи. Похожие кресты, происходящие из Тверских земель, датируются XIV–XVI вв. [32, рис.2в], а также XV–XVI вв. [29, с.40. № 4-13].Сходную иконографию имеет крест меньших размеров с расширениями на верхней и нижней ветвях (рис.8: 13). Кресты подобного типа были обнаружены при раскопках усадьбы XVI в. в Кузьминках (г. Москва) в 2009 году [35, с.320. Рис.7, 2,3]. Еще четыре фрагмента крестов имеют

подобное оформление средокрестия (рис.8: 14, 16-18). На лицевой стороне одного из них сохранились остатки позолоты (рис.8: 17). Также примечательно, что на двух экземплярах венок выполнен в технике «жемчужницы» (рис.8: 14, 18). На верхней лопасти первого имеется неясная надпись (возможно, **ЦРЬС** или **ЧРС** (**ЧРЬС**), а на боковых лопастях в квадратных медальонах монограммы **IC** и **XC** под титлами (рис.8: 14). Сохранившаяся часть изделия по форме и иконографии практически аналогична крестам, отлитым в тверских землях [32, рис.2в]. Неоднократно встречались такие кресты при раскопках селища Игнатьево-2 [4, с.282. Рис.25, № 77], датированы XVI в. Похожий тип крестов встречается среди древностей Пскова, где бытует в слоях XVII и даже XVIII вв. [36, с.48. Рис. 8,9].

Среди крестов с килевидным окончанием нижней лопасти выделяется экземпляр одностороннего креста с прямоугольным расширением нижней ветви, на лицевой стороне которого помещено рельефное изображение Распятия (рис.8: 15). Тело и ноги Христа почти прямые, кисти рук и стопы ног увеличены и изображены схематично, голова склонена вправо, в области бедер имеется неясное изображение, помещенное в круг (возможно, так показана одежда Спасителя), на самом поле креста виден врезанный орнамент в виде косой сетки, над плечами Христа имеются два отверстия диаметром 1 мм. Близкие этому типу кресты имеются среди находок из Старой Рязани [37, с.221. Рис.3, 1]. Авторы относят их к характерным образцам русской пластики XVI в. Отмечается, что рельефное изображение Распятия известно по произведениям мелкой деревянной пластики XVI в., которые могли использоваться как модели.

Подытоживая сказанное о нательных крестах с килевидным окончанием нижней лопасти, следует упомянуть слова Д.А. Беленькой о том, что такие кресты существовали на Руси в разных материалах и размерах в XV–XVI вв. [31, с.15].

Еще 3 фрагмента нательных крестов отличаются от вышеописанных своей формой и иконографическими особенностями. Первый из них – это верхняя расширяющаяся лопасть одностороннего креста, на лицевой стороне которой имеется врезанный орнамент в виде ромба с неясным изображением в центре, напоминающим лежащую литеру S, по краю лопасти проходит узкая канавка; на граненом оглавии вписанное в овал рельефное изображение четырехконечного креста (рис.8: 1). Уверенно классифицировать и датировать крест по такому небольшому фрагменту не представляется возможным.

Два фрагмента – это боковые расширяющиеся округлые лопасти двухсторонних крестов (рис.8: 19,20). У первого фрагмента в клейме на лицевой стороне рельефное поясное изображение двух святых в складчатых одеждах, в клейме на оборотной стороне рельефное погрудное изображение святого с нимбом и неясными изображениями над плечами (рис.8: 19). На второй лопасти, сильно потертой, в клейме лицевой стороны помещены поясные рельефные изображения святого с нимбом и второй, плохо различимой фигуры. На оборотной стороне слабо читается поясное изображение святого с нимбом (рис.8: 20). Края лопастей и границы клейм на обоих фрагментах окаймлены выпуклой рамкой.

Кресты с подобной иконографией лопастей, отлитые по образцу энколпионов XIV – начала XV вв., имели широкое распространение на территории Руси. Похожий крест хранится в коллекции Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника и датирован XV–XVI вв. [38, с.34-35. В-2939/1]. Еще три подобных креста из археологических раскопок разных лет во Владимирской области опубликованы в другом каталоге [39, с.19. В-18985/266. АВ-430; 21, В-36942/391. АС-234; 22, В-42563/21. АВ-1670] и также отнесены к XV–XVI вв.

Что касается датировки, то аналоги индивидуальных находок из коллекции из раскопок селища Микулино 7, датируются довольно широко: от XIV в. до начала XVII в. Тем не менее, большинство изделий, судя по многочисленным аналогиям, относятся к XV–XVI вв., что в целом не противоречит общей датировке памятника.

Подводя итоги рассмотрению изделий из цветного металла селища Микулино 7 необходимо отметить, что изученные предметы, имеющие аналогии среди находок из разных земель Московской Руси, сами по себе не могут быть топографическим маркером определенного региона. Наличие в окрестностях Микулино местного ювелирного производства пока никак не подтверждается. С другой стороны, расположение селища вблизи крупных городских центров, таких как Москва, Новгород, Старица и Тверь, предполагает существование активных торговых и культурных связей, вследствие которых определенное количество изделий из цветного металла могло поступать из ремесленных мастерских этих городов. И здесь стоит привести в пример многочисленные материалы из раскопанных ремесленных мастерских в Затьмацком посаде Твери, где, по результатам исследований, в конце XV – первой половине XVI вв. ювелирное производство переживает бурный рост, связанный, вероятно, с присоединением Твери к Московскому государству, и было налажено производство изделий, ориентированное на рынок [40, с.164; 34, с.270]. Важно подчеркнуть, что часть изученных нами предметов имеет прямые аналогии с продукцией тверских мастеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Колчин Б.А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. – С. 156-177.
2. *Бейлекчи В.В., Родин В.В.* Исследования на улицах Теремки и Пушкарская в городе Суздале // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 3. М., 2007. – С. 205-228.
3. *Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы // М.: Наука, 1987. – 235 с.
4. *Смирнов А.Н., Алексеев А.В., Двуреченский О.В.* Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в окрестностях средневекового Звенигорода // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь: ТНИИР-Центр, 2018. – С. 252-289.
5. *Двуреченский О.В.* Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 3. М.: ИА РАН, 2007. – С. 254-276.
6. *Тарасов И.И.* Рыболовный инвентарь из раскопок в Старой Ладоге // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки. № 1 // С-Пб.: СПбНЦ РАН, 2001. – С. 69-73.
7. *Кабатов С.А., Курочкина С.А.* Рыболовный инвентарь сельского населения Костромского Поволжья (по материалам археологических исследований селища Вёжи) // Вестник Костромского государственного университета. Т. 23. № 2. Кострома: ФГБОУ ВО Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2017. – С. 12-18.
8. *Двуреченский О.В.* Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 3. М.: ИА РАН, 2007. – С. 277-331.
9. *Двуреченский О.В.* Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков // Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2015. – 498 с.
10. *Кирпичников. А.Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1-36. Л.: Наука, 1973. – 112 с.
11. *Богомолов В.В., Гоняный М.И., Заидов О.Н., Шебанин Г.А., Шеков А.В.* Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождественно // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 8. М.: ИА РАН, 2012. – С. 366-388.

12. *Прошкин О.Л.* Отчет об археологических исследованиях на селище 3 «Аэропорт «Домодедово» в Домодедовском городском округе Московской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1. б/н.
14. *Зайцева И.Е.* Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2 // Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2008. – С. 57-142.
15. *Рудников С.А.* О находках монет XVI в. из средневековой постройки на территории Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 2014 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь: ТНИИР-Центр, 2018. – С. 141-147.
16. *Svetikas Eugenijus*. Tretininku odiniai kapšeliai: ju apkalu tipologija, chronologija or simbolika // Lietuvos archeologija. T. 24. Vilnius, 2003. – P. 241-266.
17. *Берга Т.* Литовские элементы в кладбищах Августинишки и Слутишки XIV – начала XVII века // Lietuvos archeologija. T. 21. Vilnius, 2001. – С. 421-429.
18. *Чернецов А.В.* Зооморфные мотивы в орнаменте // Археология. Древняя Русь. Быт и культура // М.: Наука, 1997. – С. 207-215.
19. *Мурашева В.В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.) // М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 136 с.
20. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // М.: Наука, 1981. – 196 с.
21. *Николаева Т.В.* Прикладное искусство Московской Руси // М.: Наука, 1976. – 286 с.
22. *Сарачева Т.Г.* Древнерусские привески с изображением зверя // Российская археология. № 4. М.: Наука, 2003. – С. 102-115.
23. *Осипов И.Н., Станюкович А.К.* Археология территории Приокско-Террасного заповедника // Пущино, 2005. – 75 с.
24. Пуговицы XI–XVIII веков из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог // Владимир: Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2015 – 88 с.
25. *Артемичева Т.Н.* К изучению материальной культуры русского уездного города (по материалам археологических работ в г. Бежецке) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь: ТНИИР-Центр, 2018. – С. 334-348.
26. *Векслер А.Г., Беркович В.А.* Московские печатки XVI–XVII вв. по материалам раскопок Центра археологических исследований г. Москвы 1994–2004 гг. // Российская археология. № 2. М.: Наука. 2008. – С. 118-127.
27. *Седова М.В., Курганова Н.М.* Перстни-печати XV–XVII вв. из Суздаля // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина // М.: Памятники исторической мысли, 1998. – С. 231-236.
28. *Седова М.В.* Украшения из меди и сплавов //Археология. Древняя Русь. Быт и культура // М.: Наука, 1997. – С. 63-78.
29. *Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М.* Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний // М., 2003. – 62 с.
30. *Жизневский А.К.* Описание Тверского музея. Археологический отдел // М.: Синодальная типография, 1888. – 242 с.
31. *Беленькая Д.А.* Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Выпуск 208. М.: Наука, 1993. – С. 11-19.
32. *Гнутова С.В., Зотова Е.Я.* Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: Альбом. М.: Интербук-бизнес, 2000. – 125 с.
33. *Хухарев В.В.* Кресты и иконки с сюжетом из жития «Никитино мучение» // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 11. М., 2015. – С. 455-466.
34. *Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатенкова В.В.* Средневековые ювелирные комплексы бывшего Затьмацкого посада города Твери (по материалам раскопок 2001–2006 годов) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 5. М.: ИА РАН, 2009. – С. 268-280.

35. *Кренке Н.А., Ершов И.Н., Кудрявцев А.А., Лазукин А.В*. Раскопки усадьбы XVI века на месте дачи П.С. Полуденского в Кузьминках // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 7. М.: ИА РАН, 2011. – С. 313-323.
36. *Колпакова Ю.В*. Коллекция нательных крестов с территории Ленобласти: современные технологии в ставрографическом исследовании // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 5. Псков, 2014. – С. 44-61.
37. *Даркевич В.Г., Пуцко В.Г*. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // Советская археология. № 3. М.: Наука, 1981. – С. 218-232.
38. Литые нагрудные кресты с древнерусской иконографией из фондовой коллекции «Металл» Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог // Владимир, 2014. – 43 с.
39. Нагрудные кресты позднего средневековья и Нового времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир. 2014. – 84 с.
40. *Персов Н.Е., Сарачева Т.Г., Солдатенкова В.В*. Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затьмачье в эпоху Средневековья // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 7. М.: ИА РАН, 2011. – С. 155-167.

ИА РАН,
г. Москва

A.V. Kirsanov, G.N. Pronin
Metal Artefacts from the Excavation in Ancient Settlement Mikulino 7

This work for the first time represents ferrous and nonferrous metal findings including numismatic materials from the excavation held in the ancient settlement Mikulino 7 in Lotoshinsky district of Moscow region in 2016. In general this collection of findings is dated by the XV – XVI – the beginning of the XVII centuries.

Keywords: *ancient settlement Mikulino 7, ferrous metal findings, nails, knives, trade tools, armament supplies, garment and shoe parts, nonferrous metal findings, cover plates, buttons, finger-rings, crosses worn next to the skin.*

УДК 902.2 (470.311) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.315-333

А.Н. СМИРНОВ, А.В. АЛЕКСЕЕВ

СЕЛИЩЕ ИГНАТЬЕВО 2. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ, ПРИУРОЧЕННЫХ К ЛОКАЛЬНЫМ ПОНИЖЕНИЯМ РЕЛЬЕФА

Статья посвящена изучению позднесредневекового культурного слоя, отложившегося в природной западине и выявленного в ходе охранных археологических работ на территории селища Игнатьево 2. Исследованный объект дал большое количество индивидуальных находок и обильный керамический материал, что особенно интересно в связи с открытием на соседнем участке комплекса двора вотчинника XVI – начала XVII вв.

Ключевые слова: *селище, пахотный слой, культурный слой, природная западина, позднесредневековая керамика, печные терракотовые изразцы, нумизматические находки, нательные кресты, межусадебное пространство*.

Осенью 2015 г. Подмосковной экспедицией ИА РАН были проведены спасательные исследования селища Игнатьево 2 (XIV–XVIII вв.) в черте современного г. Звенигород. В 2018 г. опубликована статья, посвященная открытию комплекса усадьбы вотчинника XVI – начала XVII вв. [2]. Исследованный комплекс включал заглубленные остатки двух крупных построек или помещений, являвшихся частями единого хоромного строения. Он дал многочисленный керамический материал и большое количество индивидуальных находок, включая серию предметов вооружения. Наиболее значительной находкой стал вещевой клад, содержащий два богато декорированных шлема и ряд других железных предметов [2].

Не меньший интерес представляет планиграфический контекст существования усадьбы. Раскопкам подверглась северо-западная часть памятника. Под них была выделена часть территории в 30 м к юго-западу от границы старинного кладбища с. Игнатьевское (рис.1). Постепенно разрастаясь на протяжении XX столетия, оно стабилизировалось в существующих границах и к настоящему моменту занимает весь центр ранее существовавшего села. В глубине существующего кладбища находятся церковное место и средневековый некрополь. Соответственно, историческое ядро памятника по всей видимости, уничтожено сплошным кладбищенским перекопом. Раскоп площадью 2000 м^2 имел в плане форму прямоугольника размером 40×50 м. Он расположен длинной стороной к кладбищу поперек дюнной гряды (останец древнеаллювиальной террасы), занимая ее наиболее возвышенную часть, а также северо-западный и юго-восточный склоны (рис.1). Нивелировка поверхности до начала работ показала, что участок исследований имел плавные равномерные уклоны в южном и северном направлениях. Перепад высот в пределах раскопа составлял около 70 см. Подлежащая вскрытию площадь представляла собой задернованный участок.

До момента начала работ предполагалось, что намеченная для исследования часть памятника является периферийной, а потому обнаружение здесь существенных остатков средневекового поселения, в том числе крупных археологических объектов, представлялось маловероятным. Не занятая сельским кладбищем территория памятника на протяжении всего XX в. подвергалась интенсивной механизированной распашке, что также не предвещало сохранения непотревоженных культурных напластований.

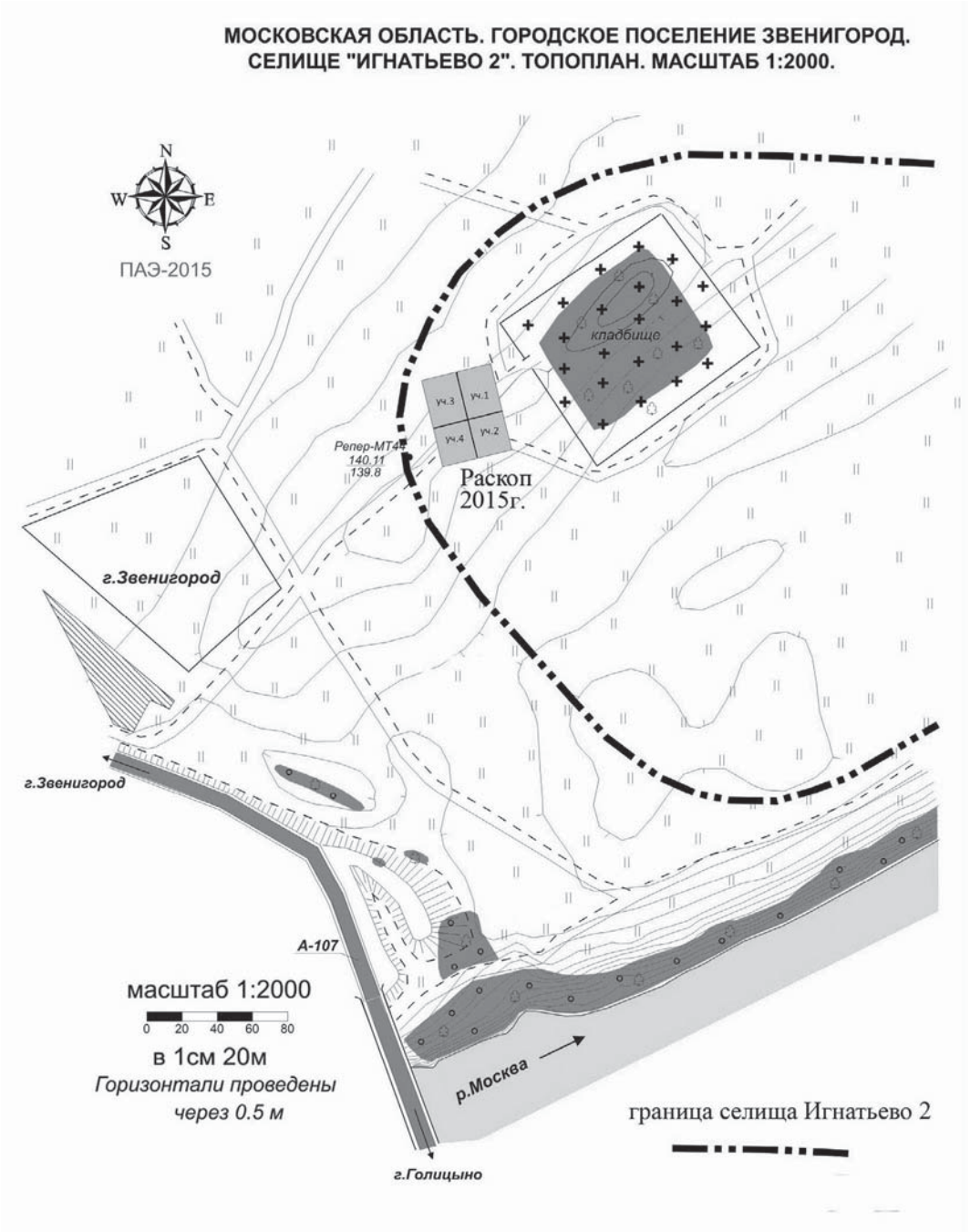


Рис. 1. Селище Игнатьево 2. Ситуационный план западной части памятника с указанием места раскопок 2015 г.

Рекогносцировочная шурфовка дала первичную информацию о состоянии исследуемой части памятника и в общем подтвердила имевшиеся планиграфические представления, хотя в то же время показала более сложную картину распространения культурных остатков на вскрываемой площади. Всего было заложено девять стратиграфических шурфов по 16 м^2 (4×4 м), равномерно распределенных по территории будущего раскопа. Грунт в границах шурфов выбирался до материка с последующей зачисткой.

В восьми из девяти шурфов культурный слой оказался полностью турбирован многолетней распашкой площадки селища. Пахотный слой, представляющий собой

серую супесь, доходит здесь вплоть до материка. Его мощность варьирует от 0,4 до 0,15 м (на участке с повышенным рельефом под дорогой), составляя в среднем около 0,35 м. Материк сложен дюнным песком желтого цвета различной интенсивности. В одном из шурфов (шурф 7) стратиграфическая ситуация существенно отличалась. Шурф заложен в восточной части будущего раскопа, на месте естественного понижения. Здесь материк залегал на глубине более 0,5 м. Грунт, находящийся над ним, стратиграфически членился на две части, хорошо определимые визуально. Сверху под дерном находился пахотный слой мощностью около 0,3 м. Ниже – сохранившийся культурный слой мощностью 0,2-0,3 м, причем в юго-восточной части шурфа культурные отложения еще мощнее, поскольку ввиду перспективы дальнейшего исследования на 60% площади они не прокапывались до материка. Цвет пахотного слоя в шурфе 7 отличался более интенсивной гумусированностью по сравнению с аналогичным слоем в предыдущих шурфах и приближался к темно-серой супеси. Залегавший ниже непотревоженный культурный слой представлял собой темно-серую супесь с многочисленными включениями угля и печины. Имелись прослойки материкового песка, углистой супеси и золы, а также печной глины. Несмотря на схожесть окраски двух упомянутых слоев, нижняя граница пахотного горизонта различима.

В восьми ранее упомянутых шурфах собран немногочисленный керамический материал (20-30 фрагментов с шурфа). Это главным образом мелкие фрагменты сосудов, относящихся к позднему Средневековью и Новому Времени. В их числе преобладает красноглиняная керамика, а также посуда, изготовленная из слабожелезненных глин, с минимальными включениями в составе формовочной массы. Значительную долю составляет белоглиняная посуда (главным образом с гладкой поверхностью). Также имеется некоторое количество чернолощеной (в том числе с полосчатым лощением). Керамический материал из шурфа 7 существенно отличается как количеством, так и разнообразием. Сохранившийся здесь культурный слой был насыщен керамикой и костями животных. Из пахотного слоя также происходил обильный материал. В общей сложности собрано около 230 фрагментов, значительная часть из которых имела средние и крупные размеры (5-7 см в поперечнике).

Переходя к находкам, следует отметить, что практически во всех шурфах при исследовании пахотного слоя обнаружено некоторое количество железных предметов. Они представлены, главным образом, коваными гвоздями различных типов (в т.ч. подковными и сапожными), а также обломками ножей, дверными пробоями и неопределимыми кусками железа. Значительная часть из них, несомненно, относится к XIX – началу XX вв. Помимо этого обнаружено четыре предмета из цветного металла (меди и медного сплава): медная монета «полушка» середины XVIII в., фрагмент фигурной накладки, нательный крест, повторяющий по форме «лопастные» наперсные кресты, и наконечник ремня с растительным орнаментом, выполненным в барочной стилистике. Названные предметы причислены к индивидуальным находкам.

Непосредственно из культурного слоя шурфа 7 происходят: медная позднесредневековая монета ручного чекана, нательный крестик медного сплава, обломок кавалерийской шпоры, белокаменное рыболовное грузило, железный дверной пробой, обломок шила, железная сапожная подковка. Неожиданным стало обнаружение фрагментов печных терракотовых изразцов. Всего в ходе прокопки пахотного и культурного слоев найдено 8 рельефных фрагментов, два из которых подходят друг к другу как части единого целого. За исключением одного, представляющего собой часть пластины с бордюром и элементами растительного орнамента, все обломки принадлежат изразцовым перемычкам, имеющим вид витого жгута. Все фрагменты сохранили остатки побелки смесью белой глины и извести с добавлением толченой

слюды, некоторые имеют следы обгорания на открытом огне. Помимо этого обнаружены фрагменты изразцовых румп. Итого, с учетом изразцов, общее количество индивидуальных находок из шурфа 7 составляет 14 единиц.

Пятна заглубленных объектов (ям) были выявлены только в двух шурфах. В шурфе 9 (в северной части исследуемой площади) на поверхности материка зафиксировано пятно заполнения ямы, уходящей в северо-восточный борт (за границы будущего раскопа). Оно принадлежало позднему объекту, не имеющему отношения к средневековому поселению. Контуры ямы в виде пятна темно-серой и углистой супеси округлой формы выявлены также в шурфе 7. Они четко выделяются на фоне недобранного слоя серой, темно-серой и темно-коричневой супеси. Данный объект (получивший впоследствии обозначение Яма 1) дал выразительный средневековый материал.

Как показали результаты шурфовок, на основной исследованной шурфами площади (за исключением шурфа 7) культурный слой практически полностью деструктурирован и переработан в процессе длительного агротехнического воздействия, керамический материал малочислен и невыразителен, индивидуальные находки встречаются спорадически, а заглубленные объекты отсутствуют вовсе либо представлены поздними перекопами неясного назначения.

Подобная ситуация вполне характерна для периферийных участков распаханных селищ или зон их хозяйственного освоения, находящихся за установленными границами памятников. Принимая во внимание результаты дальнейших площадных вскрытий, неоспоримо свидетельствующих о присутствии здесь средневековой сельской застройки, следует признать ограниченную релевантность примененной методики, по крайней мере, для решения ряда ключевых задач, в первую очередь, – определения «археологической насыщенности» исследуемых территорий. Не попавшие в границы шурфов и впоследствии обнаруженные крупные археологические комплексы XVI–XVII вв. «аккумулировали» основную (притом весьма значительную) массу керамического и вещевого материала, что никак не соотносилось с данными шурфовок, проводившихся по сути на той же самой площадке. Таким образом, хотя количество, концентрация и размер заложенных шурфов существенно превышали аналогичные показатели, принятые при стандартном обследовании местности с целью установления границ памятника, данные работы не позволили отразить реальную планиграфическую ситуацию, связанную с непростой структурой селища.

Вместе с тем, выявление участка с сохранившимся культурным слоем эпохи Средневековья, обладающего повышенной информативностью и научной ценностью, придало дополнительный стимул проводимым работам. Помимо прочего это заставило по-новому взглянуть на условия развития исследуемой части исторического поселения. Рассмотрим более подробно ход и результаты работ, относящиеся к исследованному объекту.

Территория залегания средневекового культурного слоя относится к юго-восточной половине участка 2, выделенного в восточной и юго-восточной частях раскопа. Она находится к востоку – северо-востоку от крупных комплексов (Ямы 44 и 45) на соседнем участке 4 (рис.2). Слой залегал в местах естественного понижения рельефа, где прослежена соответствующая рельефу стратиграфическая ситуация, более сложная, нежели на остальной площади, охваченной исследованиями. Пахотный слой здесь отличался более интенсивной гумусированностью и большей мощностью. Он характеризовался средней степенью насыщенности керамикой и остеологическими остатками, а также содержал значительное количество индивидуальных находок. Ниже находились слои не затронутые распашкой. Под пахотным слоем залегал слой

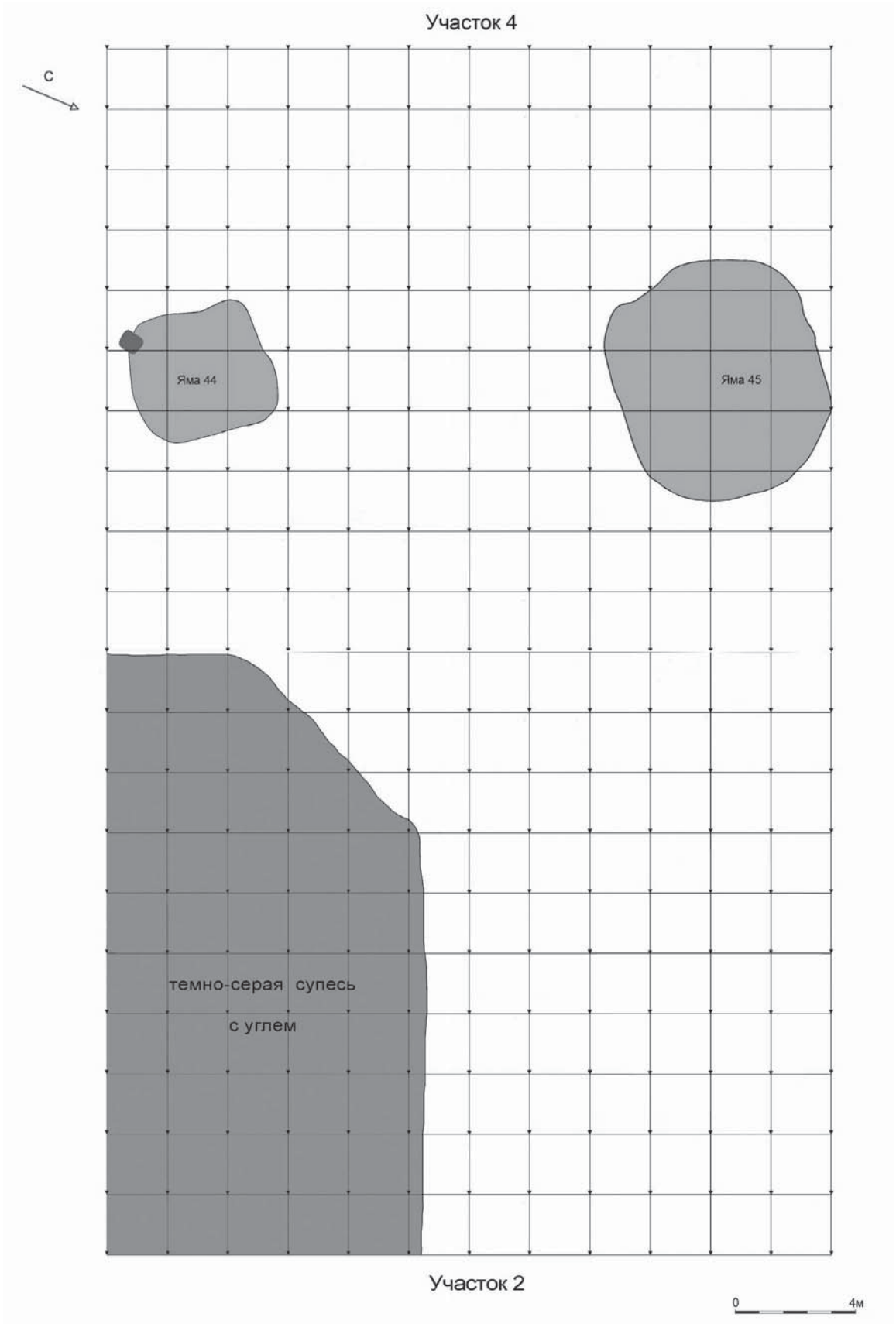


Рис. 2. Селище Игнатьево 2. Сводная схема участков 2 и 4 с указанием исследованных объектов (Ямы 44 и 45, культурный слой в заполнении природной ложбины).

Рис. 3. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Сохранившийся культурный слой.
Вид с юго-запада. На заднем плане – Игнатьевское кладбище.

темно-серой супеси с углем и печиной, насыщенный керамическим и остеологическим материалом. Его визуальное отличие от вышележащего грунта устанавливалось по насыщенному темному цвету и нетурбированной структуре. Для такой структуры характерна неоднородность, в т.ч. наличие крупных керамических фрагментов, крупных включений угля и печины, непотревоженных пятен и прослоек, локальная концентрация отдельных культурных остатков и т.д. Пятно слоя примыкало к юго-восточному и северо-восточному бортам раскопа, очевидно, продолжаясь за его пределами. Общая площадь вошедшей в границы раскопа части пятна темно-серой супеси составила около 190 м^2 (рис.2, 3).

Поверхность слоя темно-серой супеси не была однородной. Помимо хаотичных включений древесного угля и печной глины на ней зафиксированы более или менее выраженные пятна углистой супеси и золы, а также крупные пятна материкового песка, как правило, перемешанного с темно-серой супесью. Все пятна имеют размытые очертания. В процессе работы выяснилось, что и сам слой залегал неравномерно, образуя местами локальные массивы. Имея среднюю мощность около 20 см, он где-то достигал полуметра, а в восточном углу раскопа и по краям истончался до 5-10 см. Угольные и зольные пятна продолжали фиксироваться в толще слоя при его разборке. Некоторые из них прослеживались от поверхности, другие были полностью скрыты темно-серой супесью.

Под слоем темно-серой супеси с углем после его снятия было выявлено и зачищено обширное пятно темно-коричневой супеси. Выявленное пятно слоя занимало

общую площадь несколько менее 100 м^2. В результате зачистки на его поверхности были зафиксированы бессистемно расположенные углистые пятна площадью от 0,4 до 6 м^2. Они прослеживались и далее вглубь слоя. Мощность отложений темно-коричневой супеси составляла от 20 до 37 см. Они имели малую степень насыщенности керамикой и индивидуальными находками. В шести занятых слоем квадратах, примыкающих к северо-восточному борту раскопа, под темно-коричневой супесью находился слой темно-серой супеси с углем мощностью 10-15 см, практически не содержавший керамического материала и находок. Еще ниже, в тех же квадратах отмечен предматериковый слой, состоявший из темно-серой супеси и желтого материкового песка, мощностью 5-10 см. Керамика и находки в нем также отсутствовали. Кроме того, после снятия темно-коричневой супеси в восточном углу раскопа непосредственно на поверхности материка был прослежен тонкий (2-3 см) слой светлой подзолистой супеси с мелкими угольками, содержавший фрагменты лепной керамики.

Характер залегания слоя темно-коричневой супеси соответствовал естественному рельефу поверхности раскопа. Упомянутый слой заполнял природную ложбину, которая была выявлена на участке 2 лишь в процессе последовательного удаления культурных напластований. Дальнейшая зачистка поверхности материка позволила описать ее более подробно.

Ложбина имела неправильные очертания. Ее внешний край угадывался по понижению уровня материка до отметки -80 см. В соответствии с такой локализацией, обнаруженный природный объект занимал практически всю площадь ЮВ половины участка. ЮВ борт раскопа (и, соответственно, граница участка) проходит по ЮВ склону ложбины. Здесь наблюдалось повышение материковой поверхности в сторону борта. Дно ложбины зафиксировано в четырех квадратах, удаленных примерно на 2 м от юго-восточного и северо-восточного бортов раскопа. Ее абсолютная глубина в границах раскопа составляла около 0,7 м. Материковый грунт на склонах и дне представлял собой желтый песок с заметным присутствием мелкого щебня, особенно в донной части. Как показало наблюдение за стратиграфией северо-восточного борта раскопа, природное углубление ориентированное по направлению ЮЗ – СВ, продолжается и далее за пределы исследованной территории. Ориентация ложбины в целом совпадает с направлением водотока находящейся в 320 м юго-восточнее Москвы-реки.

Основная масса керамического материала, собранного с участка 2, происходит из слоя темно-серой супеси с углем (1603 фрагмента). В его состав была также включена керамика из пахотного слоя, залегавшего над темно-серой супесью. Такое включение оправдано общим генезисом обеих слоев.

В составе керамического материала из слоя темно-серой супеси нельзя выделить какой-то абсолютно доминирующей группы. Тем не менее, следует отметить значительное присутствие керамики, изготовленной из формовочной массы с естественной примесью мельчайшего песка. На ее долю приходится 658 фрагментов или 41% от общего количества керамических остатков. Часть из них (327 шт.) принадлежала красноглиняным сосудам (почти исключительно – горшкам), прошедшим полный цикл окислительного обжига. Имеются также 62 фрагмента от схожих по тесту и обжигу сосудов из светложгущейся или слабоожелезненной глины. Другая часть (210 шт.) относится к сосудам, изготовленным из глины аналогичной консистенции, но обжигавшимся в восстановительном режиме. Следует упомянуть еще одну региональную разновидность, выделяемую по специфическому качеству сырья в отдельную категорию. В составе керамического материала присутствуют 46 фрагментов (2,9%) сосудов, имеющих характерную слоисто-песчанистую, рыхлую на вид

текстуру черепка. Большая часть упомянутой керамики изготовлена из слабоожелезненных глин с естественной (иногда очень заметной) примесью мелкодисперсной слюды и вкраплениями зерен гематита. Цвет черепка варьирует от густо-розового до почти белого. Подобная посуда, впервые описанная по материалам охранных работ на территории села Большие Вязёмы (Московская область, Одинцовский район), получила наименование «керамика вязёмского типа» [1, с.196-200 рис.1-4].

Керамика из красножгущейся глины с примесью разноразмерного песка в тесте (окислительного обжига) насчитывает 121 фрагмент (7,5%). В основном это горшки, но есть и фрагменты кувшинов. Белоглиняная керамика с песком в составе формовочной массы также представлена горшками и кувшинами. Всего на ее долю приходится 258 фрагментов (16% от всего собранного материала). По меньшей мере 62 фрагмента принадлежат кувшинам (ручки, венчики, обломки стенок). Белоглиняная керамика без видимых примесей в формовочной массе собрана в количестве 92 фрагментов (5,7%). В подавляющем большинстве это горшки. Значительную долю составляют сосуды, изготовленные из красножгущейся глины без видимых примесей. Данный вид керамики представлен в основном столовой посудой, главным образом, кувшинами и мисками. Всего имеется 92 фрагмента со следами лощения и 160 нелощеных (в совокупности – 15,7%). К этой же столовой «нише» можно отнести фрагменты красноглиняных сосудов с редкими примесями (шамотными включениями) в тесте (35 – со следами лощения, 29 – нелощеных). На долю керамики восстановительного обжига, изготовленной из формовочной массы без видимых примесей, приходится 135 фрагментов (8,4%). В их числе 74 без следов лощения, 12 покрыты сплошным лощением, и 49 имеют лощение в виде орнамента или полос. (Еще 6 фрагментов керамики восстановительного обжига изготовлены из красножгущейся глины с примесью песка. Из них 4 – с лощением, 2 – без). Керамика с дресвой в тесте представлена 6 фрагментами и, по-видимому, является продукцией «домашнего» производства.

Поливная посуда встречена в количестве 4 фрагментов. Два мелких обломка, покрытые поливой зеленого и коричневого цвета, относятся к XVIII в. Два других фрагмента более примечательны. Оба были частями сосудов, изготовленных из светложгущейся глины с примесью песка. Один из них имеет штампованный орнамент, нанесенный зубчатым колесиком (в т.ч. на налепной валик), и покрыт снаружи прозрачной травянисто-зеленой глазурью. По определению О.Н. Глазуновой, он более всего напоминает поливную посуду второй половины XVII – первой половины XVIII вв. Другой фрагмент, также изготовленный из светложгущейся глины с примесью песка, покрыт снаружи помутневшей поливой темно-зеленого цвета. В.Ю. Коваль уверенно датирует его XVI в.

Помимо керамики, в слое темно-серой супеси с углем залегало несколько крупных обломков кирпичей, составлявших более половины целого размера.

Территориальное распределение всего описанного материала в слое темно-серой супеси было достаточно равномерным. Места с явным преобладанием какого-то одного типа керамики не выявлены.

В слое углистой супеси, образующем пятно на поверхности слоя темно-серой супеси было собрано 163 фрагмента. «Раскладка» по типам дает следующую картину. Наиболее высок процент керамики с естественной примесью мельчайшего песка (31%). Красноглиняная керамика с песком в формовочной массе составляет 6%, белоглиняная с песком – 19%. Доля керамики без видимых примесей восстановительного обжига – 16,5%, красноглиняной без видимых примесей – 15,4%, белоглиняной без видимых примесей – 8%. Еще 3% приходится на долю керамики

«вязёмского типа». По своему составу этот материал несколько отличается от материала из темно-серой супеси. Как видим, здесь меньше посуды из «песчанистых» формовочных масс, но несколько больше «белой грубой» и существенно больше керамики без видимых примесей восстановительного обжига. Также несколько больше процент «белой гладкой» керамики. Возможно, это случайные показатели, обусловленные в т.ч. небольшим объемом материала, но не исключено, что они отражают особенности «керамического выброса», отложившегося в данном слое.

Остеологический материал из слоя темно-серой и углистой супеси представлен в основном мелкими фрагментами костей домашних животных (преимущественно – свиньи и крупного рогатого скота), которые, по всей видимости, оказались здесь в составе кухонных отбросов. Исключение составляет материал из локального скопления костей крупного рогатого скота, где присутствуют крупные, в т.ч. целые кости.

В слое темно-коричневой супеси (вне углистых пятен и перекопов) собрано всего 22 фрагмента круговых керамических сосудов. Из них: с естественной примесью мельчайшего песка – 10 шт., красноглиняных с песком в формовочной массе – 1 шт., белоглиняных с песком – 2 шт. Керамика без видимых примесей насчитывает 7 фрагментов, из них восстановительного обжига – 3 шт., красноглиняных окислительного обжига – 4 шт. По 1 фрагменту приходится на керамику «вязёмского типа» и керамику с примесью дресвы в тесте.

В предматериковом слое подзолистой светло-серой супеси, залегавшем в восточном углу раскопа, обнаружено 11 фрагментов лепной керамики дьяковской культуры (9 стенок и 2 венчика). Размеры самого крупного фрагмента – 65×57мм, остальные значительно мельче. Толщина стенок составляет от 9 до 10,5 мм. Керамика изготовлена из теста с крупной дресвой и органическими примесями. Цвет черепка – красновато-коричневый. На внешней поверхности – очень нечеткие рябчатые отпечатки. Три фрагмента, включая наиболее крупный кусок стенки и два обломка венчика, составили вместе краевую часть сосуда. Форма сосуда, облик стенок и венчиков характерны для раннедьяковского времени (I тысячелетие до н.э.).

Коллекция индивидуальных находок, происходящих с территории, занятой культурным слоем (темно-серой, темно-коричневой и углистой супесью и пахотным слоем над ним) составляет 130 единиц.

Весь комплекс исследований, проведенных на участке 2 до выборки материковых ям, позволяет сделать некоторые общие выводы о характере отложившихся здесь культурных напластований и собранном археологическом материале.

Залегавший по всей площади участка пахотный слой следует рассматривать как «переработанный» грунт, бывший некогда частью культурных напластований, отложившихся на поселении за время его существования. В первую очередь об этом свидетельствует отсутствие выраженной культурно-хронологической границы между пахотным горизонтом и находившейся ниже «непотревоженной» темно-серой супесью. Она не прослеживается по составу находок и керамического материала, происходящих из обеих упомянутых страт. Единственное отличие, которое можно отметить, состоит в несколько меньшей насыщенности пахоты керамикой, а также в ее большей фрагментированности. Показательно, что в распаханном верхнем слое серой супеси встречены характерные средневековые предметы, датированные в пределах XV–XVI вв., причем их значительное количество не позволяет объяснить данный факт механическим перемещением «снизу». Основную массу индивидуальных находок как в пахотном, так и в залегающем ниже слое составляют разнообразные изделия из железа: ножи, пробои, подковные и обойные гвозди, иглы, шилья,

накладки, пряжки, обувные подковки, звенья цепей, ключи, детали замков, обломки сельскохозяйственных орудий, пробои, кочедыки и т.д. (рис.8: 1, 2, 5-9).

По-видимому, до момента начала интенсивной, особенно механизированной, распашки в районе будущего участка 2 накопился достаточно мощный и сравнительно однородный слой, который включил некоторое количество поздних предметов. Этот слой затем видоизменился под мощным агрокультурным воздействием. В XX в. продолжалось насыщение пахотного слоя предметами материальной культуры, хотя основным «двигателем» процесса выступала уже не поселенческая активность, а функционировавшее рядом кладбище.

Имеется очевидная планиграфическая связь между «культурной насыщенностью» пахотного слоя и залегающей ниже него темно-серой супесью, содержащей большое количество различных культурных остатков. Максимальная концентрация индивидуальных находок отмечается в той части пашни, которая находилась над темно-серой супесью. Скорее всего, это стало результатом турбирования ранее существовавшего культурного слоя, наиболее насыщенного вещевым и керамическим материалом в данном конкретном месте.

Часть прежнего слоя сохранилась благодаря естественному понижению, перекрытому пахотным горизонтом. Она фиксируется в виде темно-серой супеси с углем. Обнаруженный здесь керамический материал отражает хозяйственную активность на исследуемой и прилегающих частях поселения. Материал этот не стратифицирован по глубине залегания, а потому позволяет составить лишь самое общее представление о времени формирования культурного слоя. Как показывает статистический анализ керамики, процесс начался в первой половине XVI в. (хотя какое-то накопление культурных остатков происходило и ранее), шел по нарастающей в его второй половине, приобрел наибольшую интенсивность к середине XVII в. и менее интенсивно продолжался в следующем столетии. Индивидуальные находки, происходящие из темно-серой супеси, также датируются в основном периодом позднего Средневековья (XV–XVII вв.). Находившиеся здесь локальные пятна углистой супеси, угля и золы, по всей видимости, связаны с усадебными комплексами, располагавшимися на близлежащей территории (в том числе, не вошедшей в границы раскопа). Возможно интерпретировать их и как остатки мощного пожарища, не сохранившиеся на более возвышенных участках. С хозяйственной деятельностью, вероятно, связаны пятна материкового песка, являющие собой рассредоточенные по площади выбросы из материковых ям. Одним из таких пятен является линза желтого песка, зафиксированная при зачистке северо-восточного борта раскопа. Ряд признаков позволяет считать всю выявленную свиту слоев и прослоек, ассоциированных с темно-серой супесью, результатом систематической утилизации различных бытовых отходов, происходивших с территории окрестных дворовладений.

Особенно показательны в этом отношении находки печных изразцов. На исследованном участке была собрана коллекция терракотовых и муравленых изразцов, очевидно, представляющих различные хронологические этапы существования поселения (рис.4,5). Всего в культурных слоях участка (включая пахоту, но без учета ям) обнаружено 44 фрагмента терракотовых изделий (не считая мелких обломков изразцовых румп) и 3 фрагмента муравленых. Основная масса фрагментов (25 терракотовых и 2 муравленых) происходят из слоя темно-серой супеси с углем, 1 терракотовый фрагмент был встречен в сложносоставном слое над Ямой 1. Еще 2 терракотовых фрагмента найдены в лежащем ниже слое темно-коричневой супеси. Из пахотного слоя происходят 16 терракотовых фрагментов и 1 муравленый. Один фрагмент был обнаружен в заполнении близлежащей Ямы 2, куда, судя по всему, по-

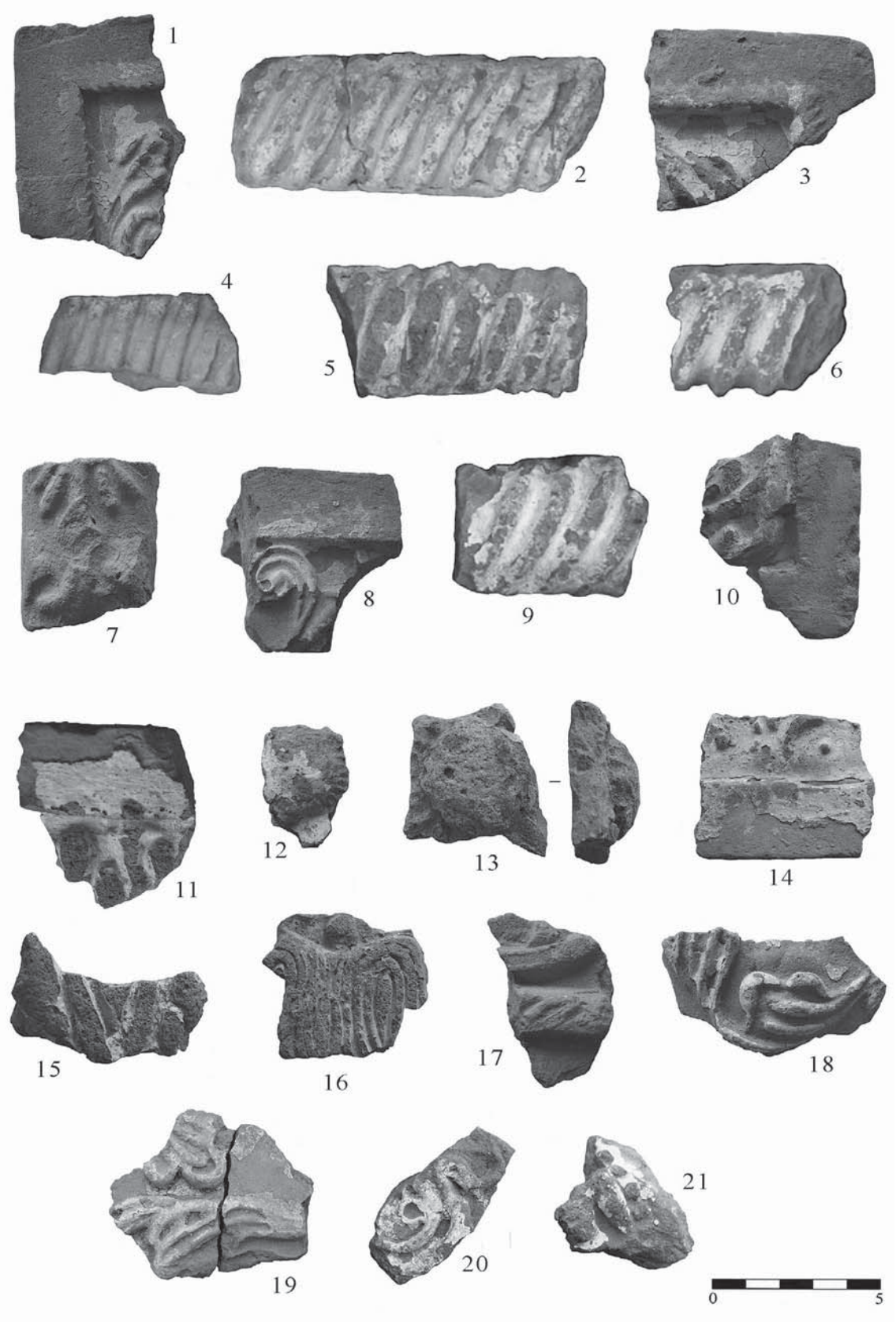


Рис. 4. Селище Игнатьево 2. Фрагменты терракотовых печных изразцов с участка 2 и из ямы А.

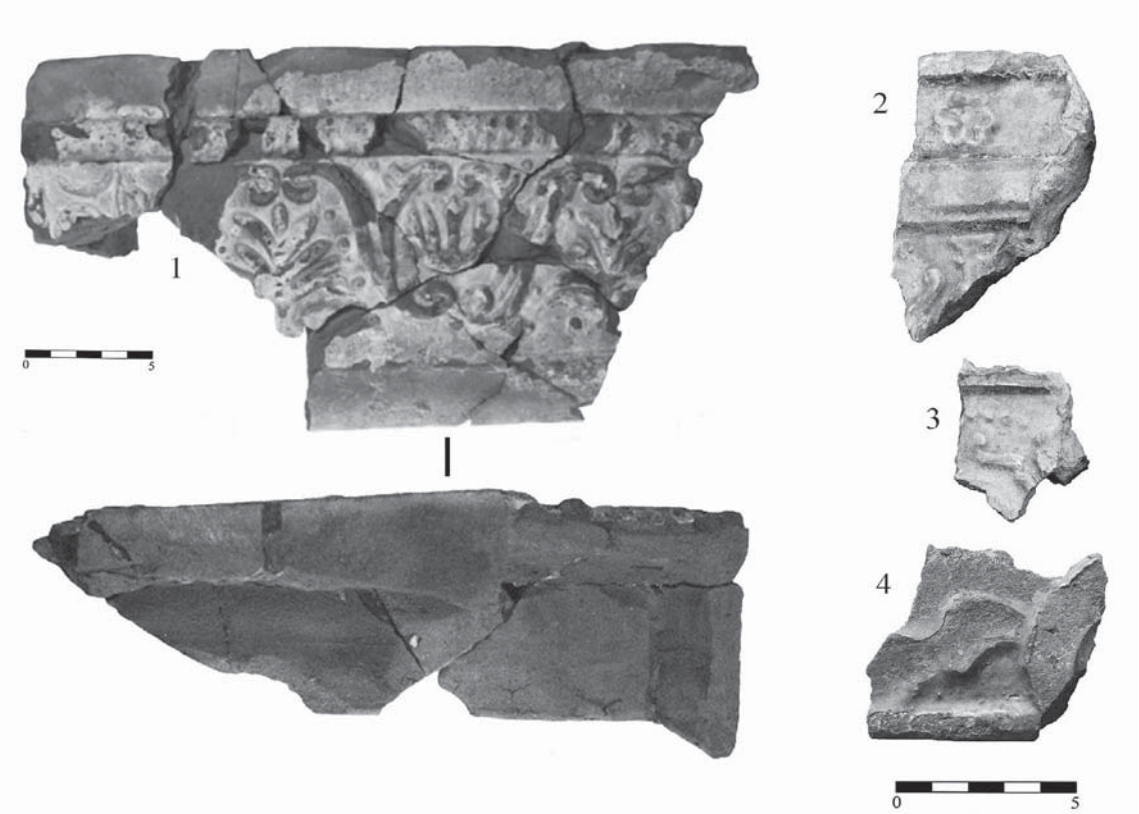


Рис. 5. Селище Игнатьево 2. Фрагменты терракотовых и муравленых печных изразцов с участка 2.

пал из засыпки переотложенным культурным слоем. Есть основания рассматривать все терракотовые фрагменты, вне зависимости от слоя, как результат одного единовременного выброса. На это указывает довольно локальная зона залегания изразцов, совпадающая с поверхностью природной ложбины. (Хотя отдельные фрагменты были впоследствии обнаружены и на соседних участках, включая заполнения крупных ям 44 и 45. Вообще, «фоновое» присутствие терракотовых изразцов является своего рода «нормой» для заполнения комплексов исследуемой части селища).

Центр гипотетического выброса, возможно, находился в непосредственной близости от участка 2, к северо-востоку от него. Здесь локальной прирезкой была исследована мелкая яма корытообразной формы размером 2,75×1,2м (Яма А), расположенная почти вплотную к северо-восточному борту раскопа. Упомянутая яма имела заполнение, состоявшее из углистой супеси со значительными включениями печной глины и древесного угля. Отсюда происходят 28 изразцовых фрагментов, включая крупные обломки румп. Среди них имеются части перемычек, фризов и рамочных стенных (лицевых) изразцов (рис.4: 3,4). Типологически обнаруженные фрагменты абсолютно идентичны изразцам, происходящим с основной площади раскопа. Судя по почти однородному углистому заполнению, Яма А предназначалась для единовременной утилизации мусора, возможно, оставшегося от расчистки пожарища. Концентрация фрагментов печных изразцов (наибольшая из отмечавшихся на исследуемом памятнике) заставляет предположить, что образование утилизируемых остатков как-то связано с разрушением изразцовой печи. Насколько можно судить по немногочисленному керамическому материалу, временем возникновения данного комплекса является XVII в.

Практически все найденные на раскопе изразцы (за исключением одного фриза, обнаруженного в виде развала и реконструированного) сильно фрагментированы, причем разрозненные обломки редко соединяются в более крупные формы. Это, вероятно, свидетельствует о достаточно длительном времени, прошедшем с момента извлечения изразцов из печной облицовки до их «окончательной» археологизации. Нельзя также исключить перемещения обнаруженных фрагментов с переотложенным грунтом.

В составе коллекции изразцов присутствуют практически все элементы печного набора, включая фрагменты «городков». Однако нельзя не отметить превалирование обломков перемычек и поясков (фризов). От лицевых рамочных изразцов дошли только угловые и краевые части. Перемычки представлены двумя типами: «витого жгута» (рис.4: 2,4,5,6,9) и розетки или «крестоцвета» с исходящими побегами (рис.4: 7). Фризы принадлежат, как минимум, к трем типам орнаментального раппорта (рис.4: 8,11,14,17; 5: 1). Наружные поверхности всех изделий сохранили остатки побелки с добавлением толченой слюды. Многие имеют следы обгорания.

Находки средневекового печного декора на сельских памятниках вообще довольно редки, в данном же случае ситуация представляется без преувеличения уникальной. Обнаруженные изделия являют собой ранний изразцовый тип, появившийся в Москве в конце XVI в. Верхний предел его бытования неизвестен. Тем не менее, ряд наблюдений позволяет допустить раннее употребление терракотовых изразцов на данном памятнике. Их фрагменты обнаружены в слое, а также в более или менее крупных ямах со вполне однородным средневековым материалом. Это говорит о том, что уже на момент попадания в заполнение ям с переотложенным грунтом изразцы по крайней мере некоторое время находились в археологизированном состоянии.

Наличие печей, украшенных терракотовыми изразцами, тем более в ранний период их бытования, свидетельствует о весьма высоком социальном статусе владельца усадьбы, где стояли такие печи, и об общей значимости поселения. Вопрос о времени, причинах и обстоятельствах появления столь изысканного декора в одном из подмосковных сел пока остается открытым. Однако благодаря сделанным находкам исследуемый памятник приобретает совершенно нерядовой характер, вызывая еще больший и вполне закономерный интерес.

Обнаруженные в меньшем количестве муравленые изразцы красноглиняные, их лицевые пластины покрыты зеленой поливой. На поверхности пластин рельефные изображения орнаментальных композиций из стилизованных растительных элементов (рис.5: 2,3,4). Подобные изделия, судя по всему, относятся уже к середине – второй половине XVII в.

Из других находок, имеющих отношение к устройству жилища, следует отметить фрагмент оконной слюды, который был обнаружен в слое темно-серой супеси с углем.

Нумизматический материал из слоя темно-серой супеси насчитывает 7 монет. Из них 6 ручного и 1 регулярного чекана. Средневековые «проволочные» монеты ручного чекана включают: копейку Михаила Федоровича, денгу Михаила Федоровича, полушку Василия Шуйского, 2 денги Ивана IV, полушку Ивана IV. Регулярный чекан представлен медной полушкой 1736 г. Кроме того, в пахотном слое над темно-серой супесью залегали: пуло Тверское и 2 пула Московских, 2 медные копейки Алексея Михайловича, медная денга Алексея Михайловича и копейка Михаила Федоровича. В той же части пахотного слоя была обнаружена монета регулярного чекана – медная полушка 1735 г. Налицо довольно представительная нумизматическая коллекция с абсолютным преобладанием средневековых монет.

В слое темно-серой супеси с углем обнаружены 10 нательных крестов (целых и обломков), 9 – медного сплава и один серебряный. Большая часть из них относится к средневековью. Таковым в частности является прямоконечный экземпляр, несущий на лицевой стороне контурное изображение восьмиконечного «голгофского» креста. На концах ветвей имеются прямоугольные клейма с христограммой. Всю оборотную сторону занимает надпись вязью (рис.6: 5). Такие кресты получают распространение в XVI в., но продолжают бытовать и в следующем веке. К тому же времени относится маленький прямоконечный крестик с простым рельефным изображением восьмиконечного креста (рис.6: 12). Два экземпляра имеют килевидное основание, причем один из них несет на лицевой стороне в средокрестии изображение Спаса Нерукотворного, а на ветвях – погрудные изображения святых (рис.6: 8). У другого, отлитого из серебра, в основе композиции голгофский крест с круглой цатой в средокрестии (рис.6: 6). Форма обоих крестов указывает на вторую половину XV–XVI вв. Интересен еще один прямоконечный экземпляр с изображением восьмиконечного «голгофского» креста и «орудий страстей» на лицевой стороне. Концы ветвей оформлены ромбовидными клеймами (рис.6: 9). На обороте – молитвенная надпись. Подобные образцы медной пластики характерны для XVII в. Еще два креста – прямоконечные с широкими ветвями. В их средокрестии изображение Св. Никиты, побивающего беса (рис.6: 2,3). Данный сюжет широко распространен на предметах личного благочестия XV–XVI вв. Кресты маленькие, возможно, детские (линейные размеры – 13×24 мм и 15×22 мм). Они различаются формой оглавия. У одного канал для продевания шнура проходит внутри верхней ветви (рис.6: 3), а у другого есть ушко для подвешивания (рис.6: 2). Заслуживает внимания прямоконечный крест с «ковчежцем» на лицевой стороне. Внутри «ковчежца» восьмиконечный «голгофский» крест и стилизованные изображения «орудий страстей». На концах ветвей – крупные инициалы. Канал для продевания шнура проходит внутри верхней ветви (рис.6: 1). Этот предмет также можно отнести к XVI в. Крест из углистого пятна в слое темно-серой супеси (рис.6: 4) в целом аналогичен вышеупомянутому экземпляру с ромбовидными клеймами.

Кроме того, в пахотном слое над слоем темно-серой супеси было обнаружено еще несколько нательных крестов. Из них особенно интересен прямоконечный с широкими ветвями, несущий на лицевой стороне в средокрестии изображение Спаса Нерукотворного (рис.6: 7). На его ветвях и в подножии – изображения святых. Канал для продевания шнура проходит внутри верхней ветви. Форма и композиция креста характерны для XV–XVI вв. Из той же области пахотного слоя происходят два других экземпляра, тяготеющих к XVI в.: один – с килевидным основанием (рис.6: 11), другой – с изображением восьмиконечного креста на лицевой стороне и молитвенной надписью – на оборотной (рис.6: 13). Еще один крест относится к типу с ромбовидными клеймами на концах ветвей, распространенному в XVII в. (рис.6: 10).

В числе прочих нерядовых находок из слоя темно-серой супеси с углем следует отметить железную поясную накладку с крючком (рис.7: 5), фигурную орнаментированную рамку пряжки (рис.7: 13), обломок перстня-печатки медного сплава с изображением животного на шестиугольном щитке (рис.7: 14) и средневековую товарную пломбу (рис.7: 7). Обломок железного прута с приклепанной к нему железной пластиной, возможно, являлся частью оковки ларца (рис.8: 4). Из предметов вооружения имеются четыре пули. По внешнему облику их можно датировать XVI–XVII вв. (рис.7: 6). При просеивании грунта из пятна углистой супеси был обнаружен фрагмент прозрачного стеклянного сосуда, декорированного нитями молочно-белого стекла. Осколок оплавлен в огне (рис.7: 4). Предметы быта представлены ключами, деталями замков, пряжками, керамическими и каменными рыболовными грузилами (рис.7: 1).

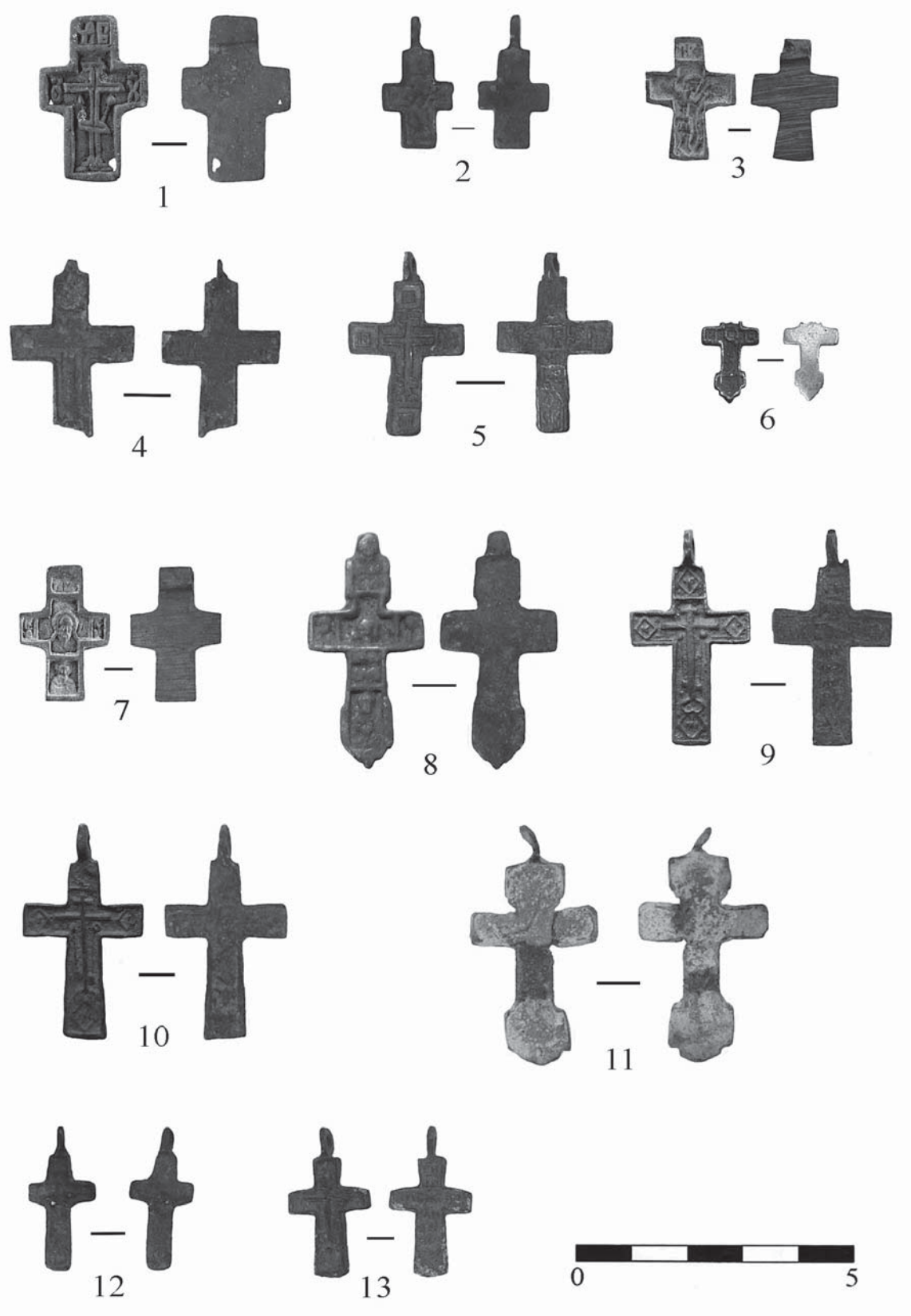


Рис. 6. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Нательные кресты, обнаруженные в слое темно-серой супеси с углем и в пахотном слое над ним.

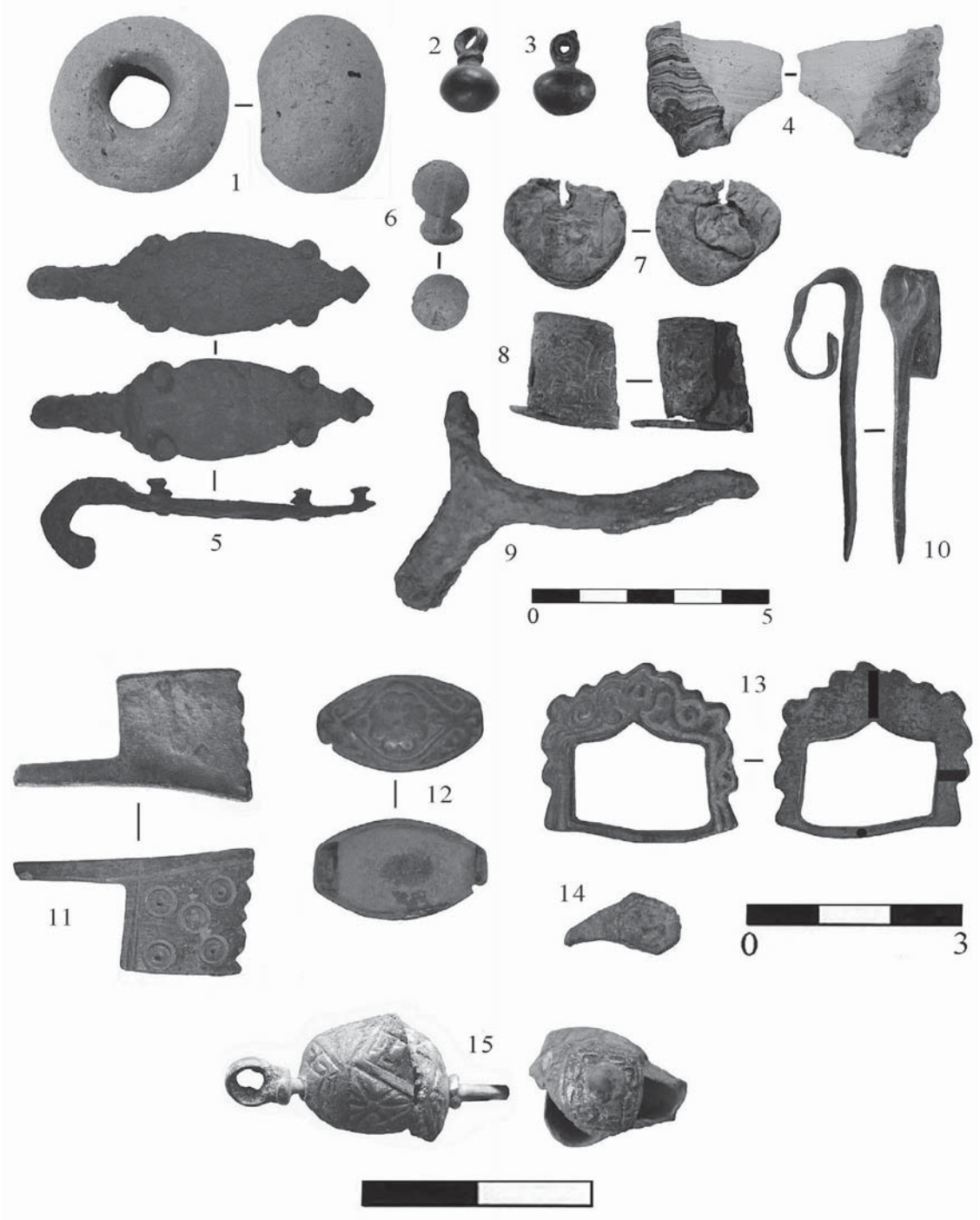


Рис. 7. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Индивидуальные находки, обнаруженные в слое темно-серой супеси с углем и в пахотном слое над ним: 1– керамическое рыболовное грузило, 2,3 – пуговицы-гирьки (медный сплав), 4 – фрагмент стеклянного сосуда, 5 – поясной крючок (железо), 6 – пуля (свинец), 7 – товарная пломба (свинец), 8 – оковка верхней части ножен (медный сплав), 9 – обломок шпоры (железо), 10 – игла от фибулы (медный сплав), 11 – обломок монетных весов (медный сплав), 12 – накладка (медный сплав), 13 – рамка пряжки (медный сплав), 14 – обломок перстня-печатки (медный сплав), 15 – пуговица (серебро с позолотой).

Ряд интересных вещей был обнаружен в пахотном слое, залегавшем непосредственно над темно-серой супесью. Заслуживает внимания орнаментированная поясная накладка. Ее декор характерен для XIV–XV вв. (рис.7: 12). Замечательна полая серебряная пуговица, нанизанная на стержень с петлей для пришивания и покрытая тонким орнаментом. Орнаментированная поверхность частично позолочена. Внутри сохранились остатки шерстяных волокон, плотно обмотанных вокруг стержня и придававших изделию дополнительную прочность (рис.7: 15). В коллекции находок имеется обломок предмета, изготовленного из медного сплава и украшенного циркульным орнаментом (рис.7: 11). Возможно, это часть монетных весов. Подобные предметы датируются XIV–XV вв., их наличие обычно указывает на присутствие населения, постоянно занятого в торговой или фискальной сфере и по этой причине связывается с материальной культурой средневекового города. К элементам снаряжения всадника относится обломок шпоры (рис.7: 9). Заслуживает внимания также фигурное железное звено цепи от паникадила (рис.8: 3). Стоит отметить и оковку верхней части ножен из медного сплава, покрытую гравированным орнаментом (рис.7: 8). Неоднократно встречались пуговицы-гирьки (рис.7: 2,3). В завершение обзора нельзя не упомянуть иглу от древнерусской подковообразной фибулы из медного сплава (рис.7: 10). Данная находка существенно выбивается из всех остальных материалов, происходящих с данной части селища, поскольку относится к более раннему периоду. При разборе керамической коллекции не была выявлена синхронная керамика, что позволяет предположить случайное попадание упомянутого предмета на территорию, охваченную раскопками. В то же время, из заполнения близлежащей Ямы 44 (участок 4) происходит еще одна находка древнерусского времени – шиферное пряслице. Трудно сказать, имеется ли какая-то связь между двумя этими находками, поскольку пряслице могло находиться во вторичном использовании у жителей позднесредневекового села.

Как уже было сказано, ниже темно-серой супеси с углем залегал слой коричневой супеси, составлявший нижнюю часть заполнения природной ложбины. Собранный здесь немногочисленный керамический материал практически не отличается по своему составу от материала, полученного из слоя темно-серой супеси. Индивидуальные находки, обнаруженные в количестве 5 предметов также аналогичны вещевому материалу, встреченному выше. (Прямоконечный нательный крест с прямоугольными клеймами на концах ветвей можно датировать XVI–XVII вв.) Это заставляет предположить, что собранные фрагменты и предметы попали в темно-коричневую супесь сверху в процессе локальных перемещений грунта, а сам слой отложился в ложбине в результате природных процессов (намывов грунта, происходивших до начала активного хозяйственного освоения территории). Углистые пятна, отмеченные на поверхности темно-коричневой супеси, очевидно, связаны с залегавшими выше культурными напластованиями, а также свидетельствуют о неоднократном разведении здесь открытого огня (что само по себе характерно для мест утилизации бытовых и сельскохозяйственных отходов). Слой с выраженными признаками горения прослежен местами до материка.

На дне и склонах ложбины под темно-коричневой супесью залегала темно-серая супесь, не содержавшая керамики и находок. Судя по всему, здесь сохранился участок погребенной почвы. В восточном углу раскопа под темно-коричневой (серо-коричневой) супесью локально зафиксирована светлая подзолистая супесь, лежавшая непосредственно на материке. В ней собраны уже упомянутые фрагменты лепной керамики дьяковской культуры. Это древнейшие культурные отложения, встреченные в ходе раскопок. Возможно, они являются «шлейфом» дьяковского поселения,

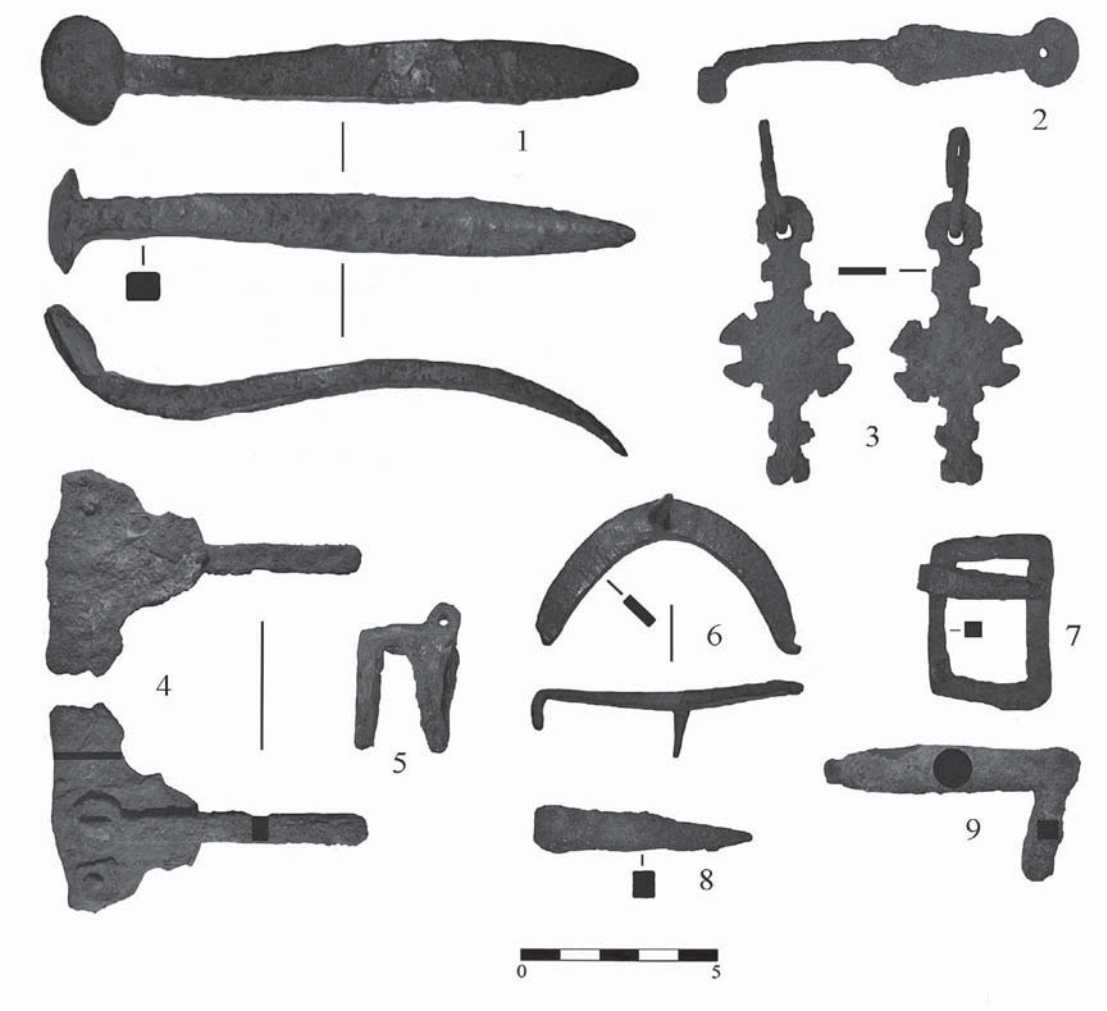


Рис. 8. Селище Игнатьево 2. Участок 2. Индивидуальные находки (железо), обнаруженные в слое темно-серой супеси с углем и в пахотном слое над ним. 1 – кочедык, 2 – ключ, 3 – деталь цепи паникадила, 4 – пластина с приклепанной полосой (железо), 5 – деталь механизма цилиндрического замка, 6 – обувная подковка, 7 – пряжка, 8 – пробойник, 9 – обломок пряжки.

существовавшего далее к северо-востоку на территории нынешнего кладбища. О его близком присутствии может свидетельствовать и обломок умбоновидного украшения раннего железного века, обнаруженный на соседнем участке 4 в заполнении Ямы 45 [2, с.281 рис.24: 73а,73б].

По итогам представленной части исследования позднесредневекового селища Игнатьево 2 можно сказать следующее. На участке 2 была выявлена естественная западина, заполненная культурным слоем с высоким содержанием керамического и вещевого материала. Общая насыщенность культурными остатками свидетельствует о высокой интенсивности жизни и хозяйственной деятельности в этой части поселения. Судя по всему, на месте западины находилось межусадебное пространство, где концентрировался бытовой мусор с близлежащих усадеб, располагавшихся как в пределах раскопа (участок 4), так и за его пределами, северо-восточнее. Полученные данные расширили представления о характере и особенностях залегания культурных напластований на данном памятнике.

Собранная в ходе исследования керамическая коллекция относится главным образом к XV–XVII в. Керамика служит своеобразным индикатором жилой и хозяйственной активности поселения, позволяя судить о динамике его развития. Результаты статистической обработки керамической коллекции позволяют констатировать, что основная масса материала, собранного на этой части памятника, датируется концом XVI–XVII в. Причем, обращает на себя внимание превалирование посуды местного производства, зачастую изготовленной с применением «архаичных» форм и технологических традиций. Сырьем для большинства таких изделий служила местная глина, содержащая естественную примесь очень мелкого песка. В то же время показательно, что значительная часть собранных фрагментов (до 20%) принадлежала кувшинам (белоглиняным, краснолощеным, чернолощеным). Помимо горшков и кувшинов номенклатура обнаруженной посуды включает фрагменты корчаг, сковород, крышек, чернолощеных кубышек, мисок и, предположительно, кружек. Наличие значительного количества столовой посуды свидетельствует о развитости материальной культуры. По данному показателю исследованный памятник приближается к городским поселениям. Керамика XIV–XV вв., «маркирующая» ранний этап существования поселения, на данной части памятника выявлена в незначительном количестве. Ее доля составляет 1-1,5%.

Вещевой материал, соотносимый с историческим селом Игнатьевским, также весьма разнообразен. Среди него выделяются несколько категорий находок, значимых для понимания общего социо-культурного и хозяйственного профиля средневекового поселения, ярко обозначенного в материалах соседнего комплекса «двора вотчинника» (Ямы 44 и 45).

Можно полагать, что помимо исследованной территории участки с сохранившимися культурными отложениями имеются и в других частях данного памятника. Возможное в будущем продолжение охранных работ позволит прикоснуться к этим археологическим «тайникам».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Коваль В.Ю.* Три группы керамики из Северо-Западного Подмосковья // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 6. М.: ИА РАН, 2010. – С. 196-200.
2. *Смирнов А.Н., Алексеев А.В., Двуреченский О.В.* Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в окрестностях средневекового Звенигорода // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Выпуск 11. Тверь: ТНИИР-Центр, 2018. – С.252-289.

ИА РАН,
г. Москва

A.N. Smirnov, A.V. Alexeev
Ignatievo 2 Ancient Settlement. Studying of Occupation Layer Formation in Local Topographic Lows

The article is devoted to studying of later-medieval occupation layer formed in natural depression in the ground which was revealed during the rescue excavations in the territory of Ignatievo 2 ancient settlement. The layer is rich in individual findings and contains plenty of ceramics. This fact is especially important because of revealing a landowner homestead complex of the XVI – the beginning of the XVII centuries on the adjoining area.

Keywords: *ancient settlement, plowing layer, occupation layer, natural depression in the ground, later-medieval ceramics, oven terracotta tile, numismatic findings, crosses worn next to the skin, area between homesteads.*

УДК 903.02: 271.22-788 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.334-341

О.Н. ГЛАЗУНОВА

КРАСНЫЕ ШИРОКОРАМОЧНЫЕ ИЗРАЗЦЫ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

Красные широкорамочные московские изразцы известны исследователям давно, однако изучены они до сих пор недостаточно. Материалы, полученные при раскопках Новодевичьего монастыря, дают возможность прояснить некоторые вопросы, связанные с изучением таких изразцов.
Ключевые слова: *Новодевичий монастырь, красные широкорамочные изразцы, печи готического типа, пегас, горгоний, двуглавый орел, барсы, древо жизни.*

Новодевичий монастырь, пожалуй, является одним из наиболее известных московских монастырей. Значительная часть его насельниц принадлежала к высшему классу общества. «Не было в Москве и окрест какого-либо другого монастыря, который в течение столетий был бы так тесно связан с Кремлем, с жизнью государства, двора» [7, с.9]. Комплекс предметов материальной культуры, собранный в монастыре при работах Новодевичьего отряда ИА РАН под руководством члена-корреспондента РАН Л.А. Беляева [2, с.487-493], отличается от обычного наполнения городских слоев Москвы. Здесь выявлено много предметов необычных или даже роскошных. При работах 2017–2018 гг. раскопан комплекс жилой и нескольких хозяйственных построек, составлявших, по-видимому, единый двор (сохранились даже элементы его мощения). Располагался он в восточной части монастыря между Казначейским корпусом (построенным в последние десятилетия XVII в.), частично уходя под фундаменты корпуса, и Филатьевским училищем (построенным в 1871 г. на месте приюта 1724 г.). Крупный деревянный жилой дом имел подполье под частью здания. Полы были уложены квадратной чернолощеной плиткой размерами 14,5×14,5×3,0 см. Постройка датируется концом XVI – первой половиной XVII вв. и, судя по обилию горелых фрагментов, погибла в пожаре. Отапливалась она, по крайней мере, одной изразцовой печью готического типа. К сожалению, основания печи не найдено. Всего собрано 506 обломков красных широкорамочных изразцов. Часть из них носит следы пожара. Румпа у всех изразцов коробчатая высотой 9,0-10,0 см. Лицевая пластина и румпа выполнены на гончарном круге методом ленточного налепа, что хорошо видно на тыльной части изразца. Лицевая поверхность покрыта побелкой (ангобом?). В местах, которые были перекрыты перемычками, побелка отсутствует, значит изразцы были использованы в печи. По размеру это изразцы «большой руки» с лицевой пластиной размерами 18,5×18,5 см. Выявлено 10 сюжетов лицевых изразцов, 1 рисунок фриза с «овами» размерами 23,0×10,0 см с румпой длиной 9,0 см (найдено 3 целых изразца и 8 фрагментов) (рис.1: 2), 1 рисунок длинного четырехчастного городка со стилизованным растительным узором размерами 22,0×11,5 см (найдено 2 целых изразца и 3 фрагмента) и 2 различных карнизных композиции. Перемычки в основном «витые» (в том числе на угловых лицевых изразцах), хотя имеются экземпляры с растительным и геометрическим узором. Сразу же бросается в глаза во-первых, само наличие карнизов, до сих пор в печах готического типа неизвестных. И, во-вторых, необычный для готических печей тип городка. В России для печей, облицованных красными широкорамочными изразцами, обычно использовали городки одночастные

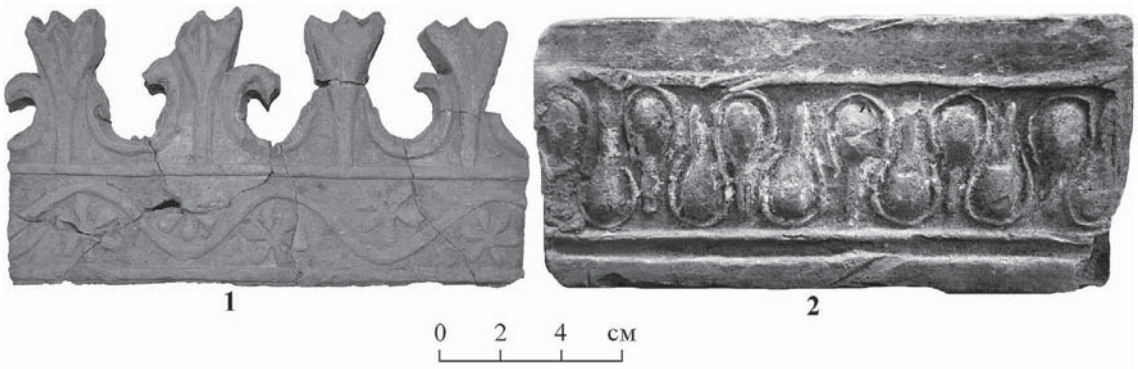


Рис. 1. Красные изразцы Новодевичьего монастыря: 1 - городок, 2 - фриз.

с рисунками, повторявшими части композиции лицевых изразцов. В данном случае перед нами длинный городок с четырьмя выступами-завершениями в виде распускающихся бутонов, украшенный в неразделенной нижней части витым побегом с шестилепестковыми цветочными розетками (рис.1: 1). Такой городок будет широко распространен позже, в печах, обложенных муравленными и рельефно-полихромными изразцами. Хорошо известен он на Западе, где использовался уже во второй половине XV–XVI вв. [12, с.82-83, 91-93].

Найденные карнизы можно отнести к карнизам каблучкового типа. На первом изображены 4 прямых побега с попарно расположенными овальными листьями (найдено 2 фрагмента[1]).

На втором – более сложная композиция. Изображены 2 одинаковых хищных зверя (львы или барсы), стоящие в геральдических позах друг против друга (или нападающих друг на друга, так как позы не статичны), один чуть выше другого. Пасти оскалены, когти расправлены. Внизу за ними стоит крупная водоплавающая птица с длинной шеей (скорее всего лебедь). На спине одного из зверей сидит хищная птица с загнутым клювом и хохолком из перьев на голове. Клюв ее упирается в затылок зверю. К сожалению, не сохранилось ни одного фрагмента правого верхнего угла карниза. Судя по тому, что зверь в этой части расположен выше первого, на спине у него не хватило бы места птице. Сюжет явно космогонический. Но истоки его выявить не удалось (найдено 2 карниза – целый без угла и доборный и 1 фрагмент) (рис.2: 2) .

Описание лицевых изразцов начнем с сюжета, называемого в литературе «барсы у древа жизни». Этот сюжет известен во многих вариантах композиции. В нашем случае использовано два основных варианта.

Первый по характеру исполнения и элементам рисунка походит на карниз с хищными зверями и птицами. В центре расположено древо, с большими корнями, широким стволом и развесистыми листьями, прорисованное плавными крупными линиями, повторяющими внешний контур. Внутренняя часть ствола украшена декоративными элементами «ежиками». На ветвях по обеим сторонам ствола сидят две птицы с хохолками из перьев. Крылья изображены по верху туловища отдельными линиями, как бы расправленными, перья – прочерченными вдоль всего тулова параллельными штрихами (точно так же, как и у птиц на карнизе). Птицы справа и слева

[1] Практически все изразцы склеены и имеют утраты. В дальнейшем при подсчетах будут указаны как целые изразцы, которые склеились до полной формы.

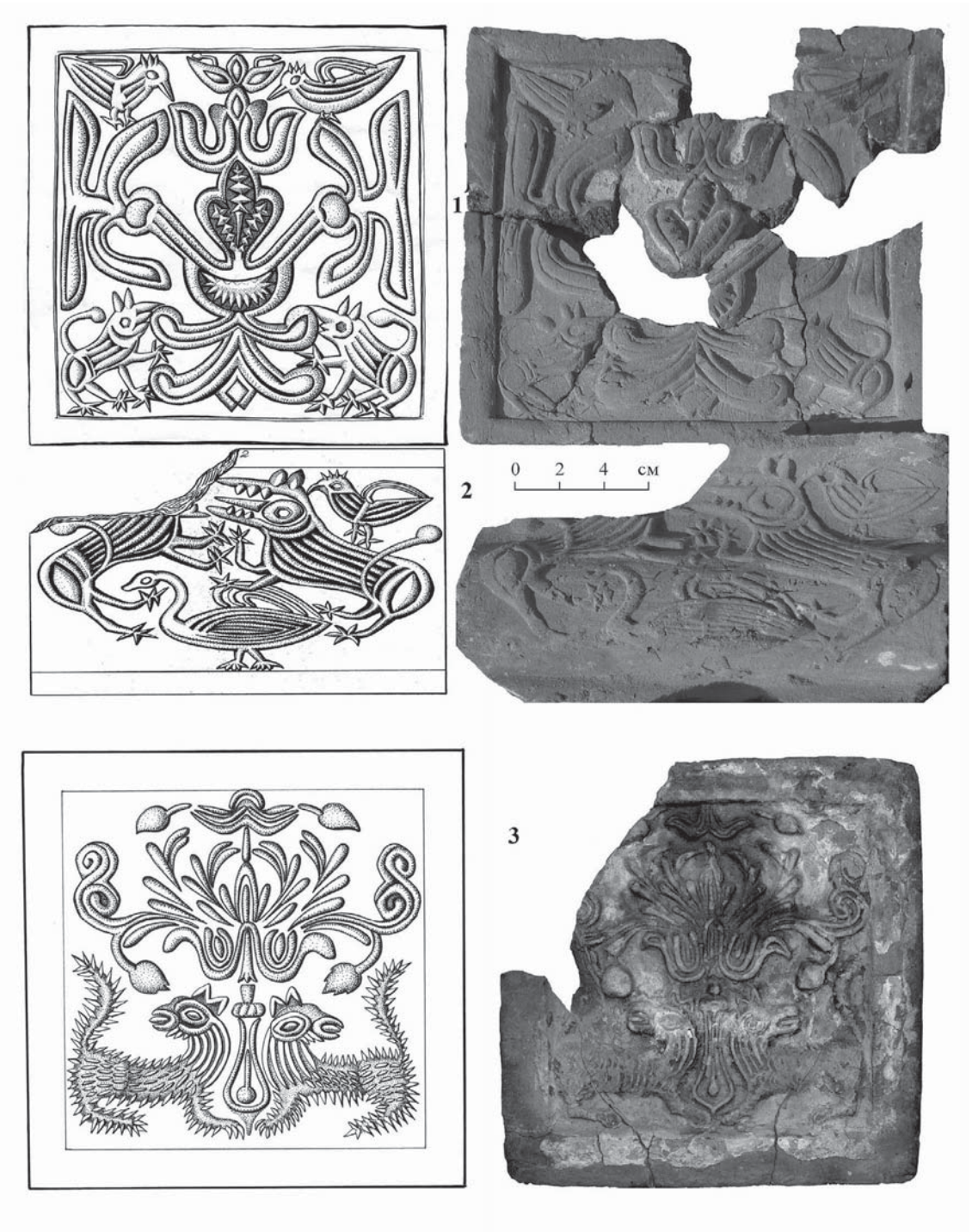


Рис. 2. Красные изразцы Новодевичьего монастыря: 1 - лицевой с «барсами» у древа жизни, 2 - карниз с космогоническим сюжетом, 3 - лицевой с «барсами у древа жизни».

очень похожи, но не идентичны. Как будто слегка разные позы. Впрочем, возможно, это просто особенности работы резчика. А вот хищные звери внизу (барсы или львы) одинаковые. Стоят лицом к древу в геральдических позах, причем поднятые лапы оказываются между корнями древа. Острые треугольные уши, узкими треугольниками показаны оскаленные пасти с высунутым языком. Хвосты с пышной кисточкой на конце завернуты вдоль туловища. Шерсть (или грива) прорисована такими же

длинными параллельными штрихами, как и перья у птиц. Изображены все 4 лапы с широко расставленными когтями. Глаза выполнены в виде шестиугольной фигуры. В целом они выглядят как уменьшенная копия зверей на карнизе. Свободное поле изразца ничем не заполнено (найден 1 целый изразец и 3 фрагмента) (рис.2: 1).

Но есть и второй вариант рисунка, значительно отличающийся от первого. Древо здесь изображено с помощью различных специфических элементов: крона – в виде длинных изогнутых каплевидных штрихов, завернутых спиралей, волнообразных деталей и т.д., часто не соприкасающихся друг с другом. Ствол тоже «собран» из различных элементов. Корни не выражены. Хищные звери «присели» на полусогнутых лапах, которых изображено только по две. Хвост поднят вверх и слегка изогнут. Готовы повернуты прочь от ствола. Шерсть выполнена в виде мелких штрихов, как непосредственно по тулову, лапам и хвосту, так и сверху, как бы вздыбленной. Глаза в виде каплевидных элементов. Птиц здесь нет и вовсе. В данном варианте звери выглядят сомасштабными древу. Последнее лишь раза в два выше их. Тогда как в первом варианте звери значительно меньше древа, которое превосходит их в несколько раз. Свободное поле изразца также ничем не заполнено (найдено 5 целых изразцов и 25 фрагментов) (рис.2: 3). Данный вариант сюжета нередко встречается и в городских слоях Москвы [5, рис.30].

Имеется 2 варианта композиции, где на изразце изображено только само древо жизни (или некий стилизованный растительный узор). Надо сказать, что в обоих вариантах рисунок древа жизни не повторяет изображение на изразцах с «барсами у древа жизни», а лишь похож на него.

На первом древо выполнено плавными крупными линиями, повторяющими внешний контур. Внутренняя часть ствола и внешние побеги украшены декоративными элементами «ежиками» (найден один целый изразец и два фрагмента). Стиль изображения соответствует первому варианту «барсов у древа жизни» и карнизу со зверями и птицами.

Во втором варианте рисунок древа создан из различных элементов: каплевидных штрихов, завернутых спиралей и т.д., часто не соприкасающихся друг с другом, так же как на втором варианте «барсов у древа жизни» (найден 1 целый изразец и 31 фрагмент). Такой изразец приводится в работе Р.Л. Розенфельдта [8, табл.21 рис.6].

Следующий сюжет – восьмичастная розетка, состоящая из центрального пятилепесткового цветка и отходящих от него попеременно чередующихся цветков по центру сторон и побегов по углам (побеги имеют дополнительные отростки, уходящие в угол изразца). Розетка обрамлена квадратной фигурной рамкой из геометрических элементов «нанизанных» на одну линию (найдено 4 целых изразца и 21 фрагмент).

Более известна восьмилепестковая розетка в виде цветка с каплевидными лепестками [4, 1976, рис.26, 8, табл.20, рис.20]. Найдено три фрагмента.

Кроме того, имеется 12-ти лепестковая розетка [8, табл. 22, рис.27], где 8 каплевидных лепестков, собранных в группы по два, направлены к центрам сторон изразца. А между ними к углам идут 4 завитых побега, заканчивающихся пышными бутонами (найдено 7 фрагментов).

Два целых и 15 фрагментов относятся к сюжету с извивающимся побегом, состоящим из вырастающих друг из друга листьев.

Имеются отдельные фрагменты от 2-х изразцов с центрально-симметричным растительным узором и 2 обломка изразца с изображением побега, процветающего головами волков и птиц.

Собрано несколько фрагментов от изразца с изображением целого ряда фантастических существ в переплетениях трехжгутового орнамента. Первый такой израз-

Рис. 3. Красные московские изразцы: 1 - изразец, найденный в Тушинском лагере, 2, 3, 4 - фрагменты изразцов, найденные в Новодевичьем монастыре, аналогичные изразцу из Тушинского лагеря, 5 - фрагмент изразца из Новодевичьего монастыря с изображениями Самсона (или Геракла) и кентавра.

ец был найден в Тушинском лагере и известен по многим публикациям [1, с.78; 10, с.61; 6, с.123] (рис.3: 1). Обломки подобных изделий находили на Романовом дворе, в Зачатьевском монастыре и других местах Москвы. Но все это были фрагменты, аналогичные изразцу из Тушинского лагеря. В Новодевичьем монастыре было собрано всего 4 небольших фрагмента. Но, если 3 повторяли известный сюжет в деталях (рис.3: 2, 3, 4), то один обломок явил 2 совершенно новых персонажа (рис.3: 5). Сохранилось два клейма правой нижней части изразца. Место их на общей схеме маркирует изображение змей, аналогичных изображению на известных изразцах. В нижнем клейме кентавр, стреляющий из лука, в среднем – по всей видимости, Самсон (или Геракл), побеждающий льва: плотный бородатый мужчина сидит верхом на огрызающемся хищнике. Это показывает, что существовал как минимум еще один вариант рисунка, с клеймами, заполненными иными фантастическими существами, нежели ранее известный.

Очень интересны изразцы с двуглавым орлом (найдено 2 целых изразца и 48 фрагментов). Символ российской государственности еще не имеет ни короны, ни других атрибутов власти. Крылья опущены. Перья изображены в виде ромбов с мелкими штрихами внутри (именно так изображались орлиные перья в вышивке). Внешние контуры голов, лап и нижней части туловища также снабжены штрихами. Изображение заключено в круглый, завернутый спиралью венок из изогнутых длинных листьев и рядов круглых «бусин» между ними с отходящими от него к углам каплевидными побегами. Свободное поле изразца ничем не заполнено (рис.4: 1). Стилистика изображения близка второму варианту «барсов у древа жизни» и соответствующего ему варианту изображения «древа жизни». Очень похожий, но не идентичный изразец (по-иному трактованы перья) представлен на рис.33 в работе Султанова «Древнерусские красные изразцы» [9, с.10].

Имеется всего один, да и то не целый изразец с изображением фантастического существа с телом льва и человеческой головой, увенчанной трехзубчатой короной. Существо стоит в геральдической позе с поднятой когтистой передней лапой и поднятым хвостом в арке-портале, украшенной цветами и побегами. Скорее всего, это мифический Медузий или Горгоний – существо, охраняющее вход в рай (рис.4: 2).

Необычными являются и изразцы с изображением крылатого коня. Скорее всего, это Пегас. Однако у существа необычная голова, больше похожая на голову дракона с узкими длинными челюстями и острыми зубами хищника. Еще одна очень важная особенность – у данного изразца (найдено 10 целых, в том числе угловые со встроенной перемычкой и 30 фрагментов) нет обычной широкой рамки. Вместо нее отступающий от края как раз примерно на ширину рамки выступающий валик. Шерсть и грива коня показаны мелкими штрихами, как на изображении орла и хищников во втором варианте «барсов у древа жизни» (рис.4: 3). Очень похожие изразцы с изображением пегаса были найдены в 1949 г. в Москве [5, рис.24], при работах Л.А. Беляева в Сретенском монастыре и при работах А.Г. Векслера в Трехсвятительском переулке в 2003 г. [3, № 230] Однако, у всех изразцов обычная широкая рамка и изображено крылатое существо с обычной конской головой. В комплекте изразцов из Трехсвятительского переулка вообще очень много сюжетов, близких нашему комплекту. Помимо изразцов с изображением пегаса там имеются изразцы с изображением: 12-ти лепестковой розетки (№194), побега с листьями (№231), горгония (№232, 320), 2-го варианта древа жизни (№234, 271), 2-го варианта изображения «барсов у древа жизни» (№319) и двуглавого орла (№317). Однако, в комплекте Трехсвятительского переулка представлены лицевые изразцы 2-х размеров: малой и большой руки, тогда как в комплекте из Новодевичьего монастыря присутствуют изразцы только одного размера: 18,5×18,5 см.

Ясно, что вырезанием форм занимались, по крайней мере, 2 мастера, имеющие значительные различия в приемах и стилистике изображений. Причем первый использует довольно архаичные варианты сюжетов и приемов. Найденные аналогии значительно древнее. Близкие способы изображения животных и птиц можно видеть на муравленой плите с церкви Георгия со Взвоза в Пскове [5, №57], которая датируется второй половиной XV в. Видел ли когда-либо автор деревянных матриц эти изразцы или сам пришел к подобным же приемам? Скорее всего, все-таки видел. Больше того, именно эти варианты сюжетов наиболее редки или даже почти неизвестны. Аналогии приемам второго мастера можно обнаружить на ряде печных изразцов из чешского города Моравске-Будеёвице [11, с.202 №625].

При внимательном сравнении отдельных фрагментов видно, что даже в рамках одного и того же варианта находятся мелкие различия, наглядно демонстрирующие использование нескольких близких, но не идентичных форм при изготовлении комплекта. Стояли ли все эти изразцы в одной печи, или печей было несколько, сказать затруднительно. То, что в одной печи зачастую использовали изразцы одного сюжета, оттиснутые в разных формах, факт известный [см.8, с.63]. Однако, возможно, что это все-таки были две или даже три похожие печи.

Остановимся на подборке сюжетов для печного комплекта. Мы не видим здесь ни военных, ни охотничьих сюжетов, хотя в монастыре они встречаются. В печи использованы 3 группы: изразцы с изображением мифологических животных (Пегаса и Горгония), космогоническая тема (древо жизни, барсы у древа жизни и карниз со зверями и птицами), символ государственности (двуглавый орел) и орнаментальные розетки. В одной печи перемычки были «витыми», в другой применено несколько различных вариантов перемычек с растительным орнаментом, как вертикальных,

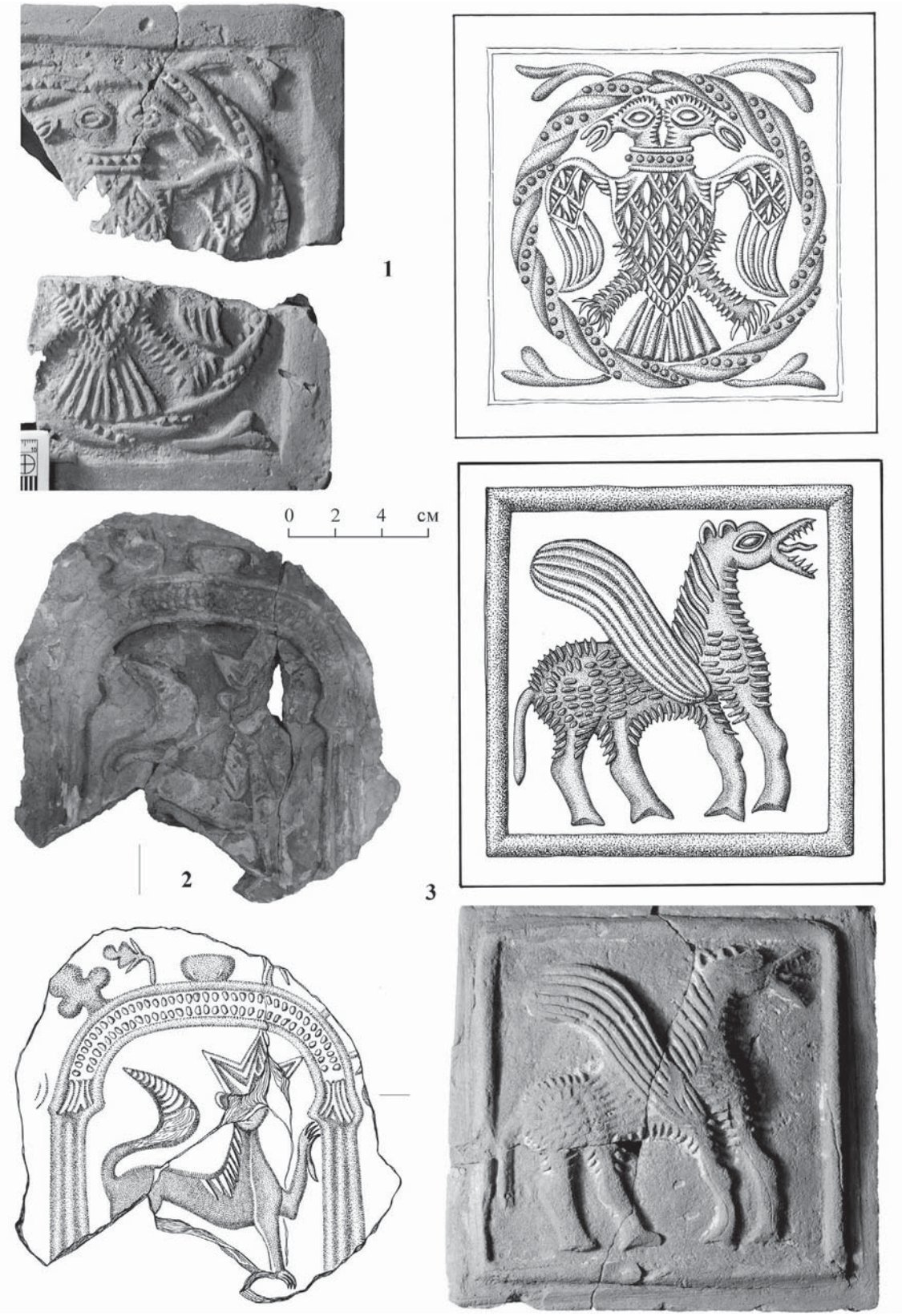


Рис. 4. Красные изразцы Новодевичьего монастыря: 1 - с изображением двуглавого орла, 2 - с изображением горгония, 3 - с изображением пегаса.

так и горизонтальных. Ни на лицевых, ни на фризовых изразцах, ни на городках нет изображения пальметт. Все это демонстрирует нам совершенно очевидные предпочтения заказчика.

Необычным явно был и общий облик печи, в кладке которой использованы плавные карнизные переходы, а корона была выполнена в виде ровного по высоте городка с ритмичными вершинками в виде распускающихся бутонов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранова С.И.* Русский изразец: записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. – 432 с.
2. *Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Московский Новодевичий монастырь. К 500-летию основания: антология. М.: Арткитчен, 2012. – 552 с.
3. *Векслер А.Г.* Отчет о предпроектных охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией и капитальным ремонтом здания с устройством подземной стоянки по адресу: г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., 1-3, стр.1 в 2003 г. М., 2004 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 23583.
4. *Маслих С.А.* Русское изразцовое искусство в XVI–XIX вв. М.: Изобразительное искусство, 1976. – 30 с., 304 илл.
5. *Маслих С.А.* Русское изразцовое искусство в XVI–XIX вв. М.: Изобразительное искусство, 1983. – 30 с., 308 илл.
6. *Мирясова А.А.* Красноглиняные изразцы Романова двора // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. Материалы охранных археологических исследований. Т. 12. М.: ИА РАН, 2009. – С. 120-129.
7. *Овсянников Ю.М.* Ново-Девичий монастырь. М.: Искусство, 1968. – 155 с.
8. *Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. (САИ. Е-1. Вып. 39) М.: Наука, 1968, – 124 с.
9. *Султанов Н.В.* Древнерусские красные изразцы // Оттиск из Арх. Изв. 1894 г. № 12. М.: То-во тип. А.И. Мамонтова. 1894. – 22 с.
10. *Филиппов А.В.* Древнерусские изразцы. Вып. I. XV–XVII века. М.: Изд. Всесоюзной Академии Архитектуры, 1938. – 90 с.
11. *Cenek Pavlik.* Velky obrazovy atlas gotickych kachlovych reliefu. Cechy Morava ceske Slezsko. Praha. Nakladatelstvi libri. 2017. – 543 с.
12. Vilniaus kokliai XV–XVII amziuje. Lietuvos nacionalinis muziejus, 2015. – 495 с.

ИА РАН,
г. Москва

O.N. Glazunova

Red Broad-Framed Glazed Tiles of Novodevichy Convent

The article represents red broad-framed Moscow glazed tiles which are well known for researchers but still remain understudied. The materials from the excavation at Novodevichy Convent make it possible to clear up some questions related to these tiles studying.

Keywords: *Novodevichy Convent, red broad-framed glazed tiles, Gothic type ovens, Pegasus, Gorgony, double-headed eagle, leopards, world tree.*

УДК 903.02 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.342-359

В.Ю. КОВАЛЬ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕРНОЛОЩЕНОЙ КЕРАМИКИ

Впервые в керамологии рассмотрен вопрос о происхождении и дате появления в Москве и всей Северо-Восточной Руси чернолощеной керамики (т.е. изделий, покрытых лощением и прошедших восстановительный обжиг). Указаны европейские и западнорусские аналогии. Автор склоняется к мысли о начале производства такой керамики гончарами из Смоленска, переселенными в Москву после отвоевания города у Польско-Литовского государства в 1515 г., когда европейские технологии и формы столовой посуды оказались востребованы в богатеющей Москве.

Ключевые слова: *европейские технологии, восстановительный обжиг, лощение, функциональные формы сосудов*.

Проблема происхождения чернолощеной керамики, получившей распространение в позднесредневековой Руси, остается одной из самых сложных. Распространено не лишенное оснований мнение о том, что эта керамика появилась сначала в Москве, а затем быстро распространилась по территории Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси. Однако не установлено точно, когда именно эта керамика стала производиться в Москве, откуда она здесь появилась и насколько даты ее появления в других городах Руси позже даты начала производства этой керамики в Москве (цв.вкл.: рис.1).

При этом уже достаточно давно была высказана мысль о том, что появление чернолощеной керамики в Москве связано с восприятием западноевропейского культурного импульса, полученного в 1480–1530-х гг. [1, с.42]. И с этим трудно не согласиться. Однако ощущается дефицит данных обо всех обстоятельствах и точном времени появления чернолощеной посуды в Москве. Поэтому, прежде всего, попробуем выяснить, возможно ли определить конкретную дату начала этого производства в столице Северо-Восточной Руси.

Для этого сначала рассмотрим существующие мнения по этому вопросу. М.Г. Рабинович датировал появление чернолощеной керамики в Москве 1530–1540-ми гг., опираясь на находку клада монет в миниатюрном сплошь лощеном кувшинчике, где самая поздняя монета была отчеканена в 1533 г. (не указав, правда, кто датировал клад 1533 годом и откуда конкретно он происходил)[1]. В то же время, исследователь допускал бытование такой керамики и ранее названной даты, даже в конце XV в., исходя из того, что «единичные фрагменты» такой керамики фиксировались в контекстах этого времени [2, с.18]. При этом в той же работе, в статистических таблицах керамики, характеризующих комплексы (в основном, из раскопок в Кремле в 1959 г.), датированные XV в., постоянно фигурирует как чернолощеная, так и мореная керамика, причем в весьма значительных количествах до 10 и более процентов [2, с.59-65]. Однако, доверять этим данным не приходится, поскольку в тех же комплексах фигурирует белоглиняная «грубая» керамика (т.е. гжельская), доля которой составляла в них от 5 до 10%. Отсюда становится ясно, что либо все описываемые комплексы изначально были смешанными, либо они были отобраны некорректно

[1] Речь идет о кладе, хранящемся в ГИМ под № 78628, о котором будет подробно говориться ниже.

(без отделения материалов из поздних перекопов, не замеченных в ходе работ), либо, скорее всего, все эти комплексы датируются в действительности не XV в., а первой третью или серединой XVI в. Нельзя также упускать из виду возможности фатальных ошибок в самой статистике керамики, обработку которой осуществлял на раскопах в основном аспирант ИИМК Э.А. Рикман, который никогда не занимался изучением керамики Москвы, а в дальнейшем посвятил себя археологии Молдавии, причем без обращения к керамическому материалу. Работа по учету керамики была для него формальной «нагрузкой», в ходе которой могли быть допущены самые разнообразные ошибки. В частности, к «мореной» керамике, скорее всего, могла быть отнесена керамика, покрытая пищевым нагаром, прошедшая «бытовое морение» и внешне совершенно «черная». С чернолощеной керамикой часто также путают краснолощеную, побывавшую в пожаре и почерневшую в результате науглероживания поверхности. А вот присутствие белоглиняной гжельской керамики симптоматично и явно указывает на XVI в., как время формирования отложений. Таким образом, для удревнения чернолощеной керамики реальных оснований у М.Г. Рабиновича не было, но формальные данные таблиц статистики керамики заставляли его допускать такое удревнение.

Р.Л. Розенфельдт датировал чернолощеную керамику Москвы также в основном XVI–XVII вв., но упомянул в своей монографии, что эта керамика была встречена им в материалах раскопок в Зарядье 1954–1957 гг. в горизонте второй половины XV в., датировка которого проистекала только из того, что этот горизонт был перекрыт слоем, в котором была найдена серебряная гривна XV в. [3, с.28]. Ясно, однако, что одна находка (даже если она продатирована верно, что само по себе требует проверки) не может датировать какой-либо слой, поэтому никаких твердых оснований для удревнения чернолощеной керамики материалы Зарядья не давали. Не случайно во всей остальной части книги Р.Л. Розенфельдт говорит лишь о находках чернолощеных кумганов в слоях конца XV – начала XVI в., но эти даты остались без подробного обоснования, так что могут рассматриваться лишь как интуитивные.

С.З. Чернов также обращался к датировке чернолощеной керамики и склонился к мнению о ее появлении в конце XV в., аргументируя это тем, что такая керамика присутствовала в комплексах нижних частей ям 1 и 4 Монетного двора, заполнения которых он, исходя из данных стратиграфии, полагает сформировавшимися до пожара 1493 г. [4, с.50]. Датировка этого пожара в целом выглядит убедительной, однако ее нельзя считать единственно возможной. И даже если эта дата верна, 6 мелких обломков чернолощеной керамики вполне могли попасть в эти 2 комплекса (с суммарной численностью керамического материала более 700 шт.) по случайным причинам из вышележавших слоев. Хотя С.З. Чернов не указывал размеров этих обломков, можно уверенно считать их не просто мелкими, а мельчайшими, поскольку ни один из них не был воспроизведен в публикации, хотя на таблицы керамики там попали даже фрагменты размерами менее 1×1 см [4, Табл. 91-100]. Кроме чернолощеной керамики, в тех же двух комплексах отмечены еще 6 обломков «мореной» керамики, однако это вовсе не те образцы посуды, идентичной лощеной и отличающейся от нее только отсутствием лощения, которая хорошо знакома московским археологам и которая появляется в массе лишь в XVII в. Достоверных образцов такой «мореной» керамики в комплексах XVI в. не опубликовано, при этом хорошо известно, что в то время лощению подвергалась вся поверхность сосудов. В данном случае мореной названа керамика черного цвета, подвергшаяся бытовому морению (пропиткой нагаром). Это видно по рисункам указанных образцов, даже без фото, – все 4 попавшие в публикацию обломка – это венчики горшков, т.е. как раз те части

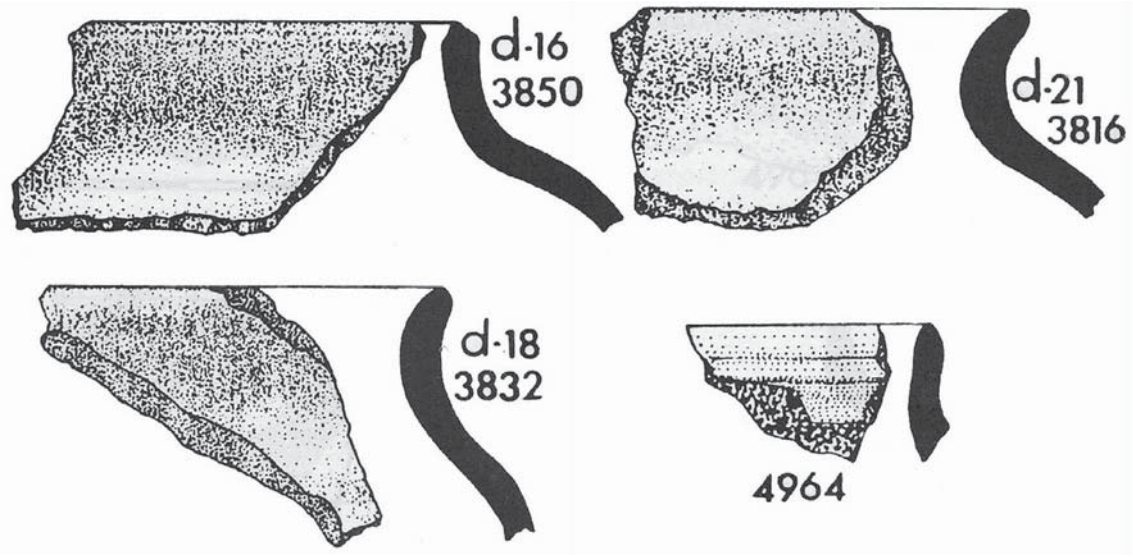


Рис. 2. Так называемая «мореная» керамика из нижних слоев ям 1 (№ 3850, 316, 3832) и 4 (№ 4964) [4, Табл.100, 102].

сосудов, которые прежде всего пропитываются нагаром и приобретают черный цвет. Судя по профилировкам этих обломков, 2 венчика принадлежали коломенским белоглиняным горшкам [4, Табл. 100: 3850, 102: 4965], а два других относились к редким разновидностям красноглиняной керамики [4, Табл. 100: 3816, 3832] (рис.2). Надо также напомнить, что чернолощеные горшки не известны в надежно датированных комплексах XVI в. и появляются, видимо, только в XVII в.

Таким образом, никаких надежных свидетельств бытования чернолощеной керамики в XV в. не дали и раскопки в Историческом проезде.

Материалы раскопок в Тайницком саду Московского Кремля показали, что в комплексах XV в. чернолощеная керамика отсутствует полностью, она появляется в виде единичных обломков лишь в заполнениях построек первой трети XVI в., несколько чаще ее можно встретить в комплексах середины XVI в., но действительно заметным присутствие этой посуды в постройках и слоях становится только во второй половине XVI в. [5, с.425,426].

Поскольку целые формы чернолощеной керамики в комплексах, надежно датированных узким временным отрезком в пределах дискуссионного периода конца XV – первой трети XVI в., в Москве пока не обнаружено, важнейшими аргументами для датировки появления в Москве чернолощеной керамики остаются клады, помещенные в подобные сосуды. К таким кладам уже обращались и нумизматы [6] и археологи (см. выше ссылку на один из них М.Г. Рабиновича). Все это подтолкнуло к проверке кладов, хранящихся в ГИМ и Музеях Московского Кремля[2]. Эта проверка показала, что на сегодняшний день в Центральной России известно только 3 клада в чернолощеных сосудах, отложившихся *до середины XVI в*.

[2] Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою глубочайшую признательность В.В. Зайцеву (ГИМ), а также С.В. Звереву и А.М. Колызину (Музеи Московского Кремля) за помощь в определениях и информацию о рассматриваемых ниже кладах и их публикациях.

Ключевым для уточнения времени появления чернолощеной керамики является клад, хранящийся в отделе нумизматики ГИМ под номером 78628, который был найден в Москве на Спартаковской улице, дом 6, в 1937 г. [6, с.109, 110, Рис. 31: 1]. Именно этот клад был продатирован «не позднее 1533 г.» в упомянутой выше статье М.Г. Рабиновича без ссылки на автора определения. Клад содержал 173 монеты, среди которых преобладали монеты Ивана III, монет Василия III было 23 (определение Н.Д. Мец, относившей клад к первой четверти XVI в.). По мнению В.В. Зайцева, клад датируется рубежом первого и второго десятилетий XVI в., исходя из присутствия в нем ранних выпусков монет великого князя Василия III (правил с 1505 по 1533 гг.). Датировка же, озвученная М.Г. Рабиновичем, исходила из даты смерти этого князя, после которой его монеты, понятно, уже не могли чеканиться. Однако отсутствие в этом кладе наиболее массовых серий монет Ивана III позволяет исключать его отложение в 1520–1530-х гг. Клад находился в миниатюрном чернолощеном кувшинчике (музейный номер КРОН 380955), у которого ручка и горло не сохранились, но все остальные признаки (прекрасное сплошное лощение, полный восстановительный обжиг) вполне соответствуют ранним сериям московской чернолощеной посуды. Находка происходит из того района Москвы (Спартаковская ул. прежде носила название Покровской), в котором предполагается размещение древнего подмосковного села Покровского, археологически практически не изученного.

Второй клад (№ ГИМ 82525, в настоящее время имеет новый номер 113153), помещенный в маленькую чернолощеную кубышку, был найден у платформы Текстильщики Курской железной дороги, т.е. также за пределами средневековой Москвы. Точное место находки неизвестно, но очевидно, что оно располагалось в непосредственной близости к (или просто на месте?) деревне Курсаково (Гавшино тож), существовавшей в XVI в. Состав клада не публиковался, но он был достаточно велик (весом более 1 кг). По мнению Н.Д. Мец, монеты клада датировались XV в., без каких-то комментариев и ссылок на чеканы тех или иных князей [7, с.117], однако новое обращение к нему В.В. Зайцева позволило уточнить датировку в пределах 1530-х гг. Кубышка из клада (музейный номер КРОН 1737177) залощена относительно небрежно, однако вполне вписывается в круг изделий XVI века.

Третий клад, помещенный также в чернолощеную кубышку [8, с.74][3], был найден в 1929–1930 гг. при строительстве здания корпуса № 14 Московского Кремля на месте Чудова и Вознесенского монастырей. Клад включал 1563 монеты, среди которых половину (765 экз.) составляли монеты Василия III. По мнению публикаторов клада, он мог отложиться в начале 1530-х гг. [9, с.154].

Итак, на сегодняшний день в Москве и ее ближайших окрестностях найдены только 3 клада в чернолощеных сосудах, относящиеся к самой ранней серии подобных тезавраций. Судя по датировкам этих кладов, появление чернолощеной керамики в Москве можно относить не ранее чем ко второму десятилетию XVI в., 2 клада отложились в 1530-х гг. Клады второй половины XVI в., помещенные в чернолощеные сосуды, в Москве и ее окрестностях пока неизвестны (как, впрочем, и по всей Центральной России), но они массово появляются с началом «Смутного времени» и далее широко бытуют на протяжении XVII в.

Таким образом, нумизматика позволяет уточнить дату появления чернолощеной керамики в Москве. Однако имеются и иные способы для проверки полученных дат. Ведь кроме посуды, чернолощеная техника применялась также для изготовления напольных керамических плиток в архитектурных сооружениях, которые иногда имеют

[3] В данной публикации кубышка по недоразумению названа покрытой «поливой».

довольно точные даты строительства. Самые ранние образцы таких плиток размещаются во владениях удельного князя дмитровского Юрия Ивановича (младшего брата Василия III) – в Успенском соборе города Дмитрова и в Никольском соборе Николо-Песношского монастыря [10, с.362, Илл. 8, 9]. По мнению исследователей этих памятников, оба они возводились между 1514 и 1520 гг. [11, с.44]. Таким образом, данные архитектурной археологии подтверждают даты, представляемые кладовыми комплексами.

Итак, имеется достаточно данных для того, чтобы утверждать, что в Москве и ее окрестностях носители традиции производства чернолощеной керамики (как посуды, так и архитектурной керамики) появились во второй половине 1510-х гг., но никак не ранее этого времени.

Следующей задачей является выяснение того, откуда появилась в Северо-Восточной Руси новая гончарная традиция и не является ли она результатом эволюции более ранних, автохтонных навыков керамического производства. Для этого необходимо исследовать основные технологические и морфологические особенности чернолощеной керамики.

Начнем с технологии, которая имеет основополагающее значение, поскольку технологические навыки гончаров в наименьшей степени подвержены внешним воздействиям. Свойства исходного сырья, традиции подготовки формовочных масс, уровень развития функции гончарного круга и навыки в обжиге керамики в конечном счете диктовали, сосуды какой формы и каких размеров могли быть изготовлены при имеющемся в конкретном обществе уровне технологии гончарства. Появление любой новой технологии (если она действительно нова) в таких условиях было возможно либо в ходе постепенной эволюции, либо в результате заимствования извне, связанного с появлением живых носителей новых технологических знаний. Последнее неизбежно должно было быть связано с политическими событиями (войнами и сопутствовавшими им захватами территорий и населения). И хотя письменные источники сохранили крайне мало сведений о подобных перемещениях населения, они дают ориентиры в виде исторических событий, которые могли повлечь за собой такие миграции. Примером попытки установить связь между военно-политическими событиями и изменениями в гончарстве является гипотеза о резком расширении производства белоглиняной керамики в подмосковном селе Гжель и его округе в конце XV – начале XVI вв. в результате перемещения сюда гончаров из какого-то района в обширном регионе Днепровского Левобережья в ходе русско-литовских войн [12, с.101-103]. В развитие этой гипотезы И.В. Болдин предположил, что таким «исходным» пунктом новой для Подмосковья керамической традиции стал верхнеокский город Любутск, активно участвовавший в московско-литовских войнах на стороне Литвы и подвергавшийся репрессиям со стороны Москвы [13]. Этот тезис представляется вполне допустимым, хотя он и требует дополнительной аргументации, в т.ч. скрупулезного сравнения керамики Любутска конца XV в. и Гжели начала XVI в. Однако, где бы ни размещался регион, ставший исходным пунктом миграции гончаров, итогом переселения, не зафиксированного ни одним письменным источником, стало начало массового производства в гжельской волости белоглиняных горшков и кувшинов, сбывавшихся в Москве и южном Подмосковье (включая Среднее Поочье).

Вторым примером новаций в керамике Москвы является начало производства красноглиняной белоангобированной (в т.ч. расписной) керамики во второй половине XV в., толчком для которого вполне могло послужить появление в Москве заметного числа иноземных мастеров (прежде всего, итальянцев, но также и выходцев из иных стран Европы), приглашавшихся Иваном III для выполнения государственных заказов [5, с.422,423; 14, с.446,447].

Очевидно, что новая и необычная для средневековой Москвы технология производства чернолощеной посуды характеризовалась двумя основными чертами: использованием восстановительного обжига и тщательным сплошным лощением поверхности сосудов. Восстановительный обжиг – специальный режим тепловой обработки керамических изделий, достигавшийся закрытием всех отверстий горна для предотвращения поступления в него воздуха, в результате чего внутри горна запускался химический процесс превращения оксида железа в закись железа, придававшую сосуду серый или черный цвет (в зависимости от концентрации). Проведение такого обжига требовало большого практического опыта, дававшего знания о том, когда достигнуто спекание керамической массы и горн пора закрывать для проведения финальной стадии обжига – восстановительной.

Надо заметить, что до XVI в. в Москве и других городах Северо-Восточной Руси целенаправленный восстановительный обжиг не применялся. Правда, в Москве второй половины XIII–XIV вв. при производстве кухонной посуды зафиксирован такой режим обжига, который придавал ей серый или черный цвет поверхности. Отсюда и родилось название такой керамики – «серая», применявшееся М.Г. Рабиновичем [2, с.22] и используемое сегодня рядом археологов Москвы [15], но не принимавшееся, например, таким исследователем, как Р.Л. Розенфельдт [3]. Поскольку обжиг такой керамики, по-видимому, осуществлялся в весьма несовершенных горновых устройствах (нельзя исключать и того, как считают некоторые исследователи, что таковыми могли выступать и обычные бытовые печи), то при недостатке кислорода в них режим восстановительного обжига мог достигаться естественным путем (без запечатывания печи), однако полностью такой процесс завершался далеко не всегда. На это указывает и неравномерность цвета поверхности сосудов: среди московской керамики собственно «серый» цвет имеют лишь единичные образцы, тогда как большинство обломков отличаются бурой поверхностью с пятнами черного, серого и красноватого цвета. Такая пятнистость являлась частично и результатом последующего бытового использования горшков, так что выходившие из рук гончаров новые сосуды действительно первоначально могли быть темно-серыми и черными, т.е. близкими позднейшей «мореной» керамике. Возможно, подобный результат не был только случайным явлением и гончары сознательно старались достичь его, хотя опыта в проведении подобного обжига у гончаров Москвы золотоордынской эпохи было еще явно недостаточно. Недостаточной была и температура обжига, не позволявшая достичь полного спекания керамической массы, так что керамика, называемая «серой», в сущности является продуктом *неполного восстановительного обжига*. При этом московские гончары никогда не сочетали подобный обжиг керамики с лощением или иными способами дополнительной обработки поверхности сосудов. Надо заметить, что появление и широкое использование восстановительного обжига фиксируется в это же время и в других районах Руси, например, в Среднем Поочье, входившем в состав Рязанской земли. Причем здесь восстановительный обжиг уже не может рассматриваться как случайный, поскольку гончары пользовались здесь специализированными горнами. Именно во второй половине XIII в. керамика восстановительного обжига появилась в Ростиславле, где она к XIV в. составляла до половины всей бытовой посуды, производившейся в этом городе [16, с.179]. Близкий процесс зафиксирован и в Коломне этого периода [17, с.303; 18, с.57]. К сожалению, по другим регионам подобной информации нет, поскольку статистическая фиксация признаков керамики в них не проводилась.

Тем не менее, по мере того как в XV в. происходил прогресс в московском гончарном производстве (отказ от грубых масс с примесями дресвы, достижение

более высоких температур обжига), вся керамика (как кухонная, так и столовая, включая лощеную) стала обжигаться исключительно в окислительном режиме, дававшем красно-коричневый цвет поверхности сосудов. Наибольшие успехи на этом пути были достигнуты как раз к концу XV в., когда вся московская керамика проходила уже только полный (сквозной) обжиг и приобретала ярко-красный цвет. Таким образом, в XV в. восстановительный обжиг керамики гончарами Москвы перестал использоваться. Аналогичный процесс фиксируется и в Поочье (по материалам Ростиславля).

Между тем, чернолощеная керамика демонстрирует самый высокий уровень знакомства выпускавших ее мастеров со всеми тонкостями организации процесса восстановительного обжига, которому должен был предшествовать многолетний практический опыт. Если этот опыт не мог быть приобретен в Москве, то, значит, он был привнесен из тех стран, где такой опыт имелся в XV в. Где же, в каких землях жили гончары, имевшие подобный опыт? Прежде всего, в Западной Европе, откуда он в первой половине XV вв. был воспринят в Литовской Руси [19, p.226]. В то же время, не вся керамика восстановительного обжига производилась здесь по той же технологической схеме, что московская: если в Вильнюсе изготавливали именно лощеную черную керамику по образцу польской, то в южнорусских землях (в частности, в Киеве) керамика восстановительного обжига имела равномерный серый цвет поверхности и излома, без чернения и одновременного лощения поверхности [20, с.338]. Небольшое, но весьма существенное отличие, которое позволяет исключать Киев из списка производственных центров, в которых могла сформироваться новая московская гончарная традиция. Совершенно иная ситуация складывается со Смоленском, где уже в XV в. 1/3 керамики обжигалось в восстановительном режиме [21, Табл. 5], а чернолощеная посуда там производилась, возможно, уже в XIV в., причем для ряда образцов аналогии обнаруживаются, по мнению исследователей, в Польше [21, с.42-46]. По другим западнорусским городам таких (в т.ч. количественных) данных нет, так что круг производственных центров, гончары которых могли познакомить москвичей с хорошо отлаженной технологией и начать на новом месте производство такой керамики, до конца не ясен. Очевидно лишь то, что Смоленск однозначно находится в этом круге.

Искусство обжига керамики в восстановительном режиме было известно и в странах Востока XIII–XIV вв. Например, такой режим обжига применялся в Хорезме, Мавераннахре, Иране и Сирии при производстве тисненой керамики и крупных тарных сосудов. Однако в XV в. именно эти производства переживали кризис и вскоре вовсе прекратились. К тому же в странах Востока керамика восстановительного обжига практически никогда не обрабатывалась лощением. В ближайших к Руси городах с восточными традициями гончарства, с которыми имелись прямые торговые и культурные связи в XIV в., – в Казани и других городах Поволжья (например, в обоих Сараях), керамика восстановительного обжига не изготавливалась, так что получить оттуда навыки новой технологии было просто невозможно.

Следовательно, единственным направлением заимствования технологических навыков в данном случае могло быть только западное.

Второй технологической составляющей рассматриваемой керамики было лощение. Это как раз тот прием, который широко использовался в станах Востока и гораздо реже – в Европе. Ближайшим к Московии регионом, где лощеная керамика изготавливалась массово, было Казанское ханство, гончарные традиции которого были восприняты из Волжской Булгарии. Однако в Волжской Булгарии и в Поволжье вообще, сплошное лощение поверхности сосудов (а именно такой была вся ранняя

московская чернолощеная керамика) применялось лишь в домонгольское время, причем преобладало все же полосчатое лощение (с интервалами между полосами лощения 0,5–1,0 см). В XIV–XV вв. полосчатое лощение становится единственным, применявшимся гончарами Поволжья. Линии лощения почти всегда были вертикальными или слегка наклонными. Именно эту манеру лощения принесли булгарские мастера в Москву в конце XIV в., так что вся московская краснолощеная посуда имела только такую фактуру. Чернолощеная керамика разительно отличалась от булгарской и московской краснолощеной посуды тем, что покрывалась сплошным лощением (в т.ч. на дне с внешней стороны).

Указать традицию, из которой была заимствована манера сплошного лощения поверхности сосуда в XIV–XV вв., довольно трудно, поскольку производственный центр с таким производством в Восточной Европе пока не обнаружен. Чернолощеная посуда этого времени, как уже указывалось, производилась в Смоленске, но ее целые формы там пока не найдены и не опубликованы, поэтому нельзя однозначно утверждать, что посуда со сплошным лощением бытовала в этом городе в XV в. Можно предположить, что манера сплошного лощения сосуда появилась на территории Восточной Европы, где техника лощения была уже известна. Учитывая сделанные выше наблюдения о территории, где получило распространение изготовление керамики восстановительного обжига (Литовская Русь), можно думать, что совмещение двух технологий произошло именно на ней.

Необходимо обратить внимание еще на одну особенность ранней (XVI в.) серии рассматриваемой керамики – вся она изготовлена из сильноожелезненной глины и покрыта белым ангобом, по которому и проводилось сплошное лощение. Таким образом, до начала обжига внешне эта посуда была очень похожа (и технологически неотличима) на красноглиняную ангобированную керамику, уже производившуюся в Москве во второй половине XV в. Белое ангобное покрытие также требовало строжайшего соблюдения всех условий восстановительного обжига. В противном случае, готовые изделия не могли бы приобрести черную глянцевитую поверхность, которая и была главной отличительной внешней чертой новой разновидности посуды.

Третьей составляющей решаемой задачи установления происхождения московской чернолощеной посуды является поиск истоков для того набора форм керамики, которые стабильно присутствуют в ней: кумганы, кувшины, кубышки, миски, блюда, фляги, рукомойники. При этом среди них имеется ряд функциональных форм, которые в предшествующее время практически не были тут известны и появились в Москве впервые во второй половине XV в. вместе с ангобированной расписной керамикой – это кумганы, кубышки, фляги, рукомойники.

Рассмотрим каждую из форм более подробно. Начнем с кумгана, как самой характерной, узнаваемой и широко распространенной формы [3, Табл. 10: 5, 8-15]. В Москве такая форма керамического сосуда, представленного красноглиняными белоангобированными изделиями, в т.ч. с красной росписью, появляется не ранее конца XV в., поскольку все датированные образцы относятся только к XVI в. [5, с.421]. Важно подчеркнуть, что чернолощеные кумганы (цв.вкл.: рис.1: 1) точно повторяют все детали оформления красноглиняных белоангобированных кумганов, в т.ч. украшенных росписью красной краской [3, Табл. 5: 5-8; 6: 27; 7: 1-13; 22, Рис. 4] (цв.вкл.: рис.1: 6). Они имели ложный поддон (расширение тулова у самого дна, имитирующее настоящий кольцевой поддон) и изогнутый трубчатый слив, прикреплявшийся к отверстию на середине тулова и поднимавшийся чуть выше края горла, с которым он соединялся вертикальной пластиной-перемычкой, обеспечивавшей надежное его крепление. В этой пластине проделывалось по нескольку (от 2 до 4) круглых отверстий,

которые были абсолютно нефункциональны. Таким образом, расписные ангобированные и чернолощеные кумганы различаются только техникой обработки поверхности и режимом обжига. Их сходство столь велико, что можно думать об изготовлении этих форм если не одними и теми же гончарами, то в одних и тех же мастерских Москвы.

Происхождение самой формы сосуда, называемой ныне кумганом и практически неизвестной в материальной культуре Москвы и Руси до конца XV в., в целом неясно. Название этого сосуда имеет восточное происхождение и явно воспринято из исламской культуры, где эти сосуды (называемые также куман, афтоба, афтофа и пр.) имели преимущественно гигиеническое назначение для совершения омовений, в т.ч. ритуальных, перед совершением намаза (цв.вкл.: рис.3: 1). Ближайшим к Москве местом, где изготавливались керамические кумганы, была Волжская Булгария, а позже Казанское ханство. Как столовая посуда, кумганы на Востоке не использовались, что называется, «по определению», подобно тому, как в Европе так не могли применяться «ночные вазы». Между тем, московские «кумганы»[4] XVI века предназначались не для мусульман и использовались как столовая посуда, вероятно, для розлива дорогих напитков (вина?) на столах зажиточных горожан. Их сходство с настоящими восточными кумганами состоит только в том, что последние тоже имели трубчатый слив, который был у керамических кумганов прямым, коротким и никогда не крепился дополнительно к краю горловины (в этом не было надобности, поскольку он обладал значительной прочностью из-за небольших размеров).

Единственной попыткой изготовить на Руси реплику восточного кумгана можно видеть в поливном сосуде, обломки которого были найдены на территории Московского Кремля, в заполнении постройки, в которой была найдена берестяная грамота Турабия (московская грамота № 3) и которая входила, вероятно, в состав усадьбы, принадлежавшей этому выходцу из Орды на службе московского князя в конце XIV – начале XV в. [5, Рис. 8: 2]. Этот кумган местного (русского, не обязательно московского) производства, который полностью копировал восточные сосуды для омовений. Он может свидетельствовать о том, что Турабий, перейдя на службу в Москву, оставался мусульманином и, следовательно, нуждался в кумгане хотя бы только для гигиенических целей. Сосуд был выполнен единично, на заказ, т.е. его производство не имело продолжения.

Таким образом, среди московской керамической посуды прямых прототипов псевдо-кумганам XVI в. найти невозможно. Трудно искать их в восточных металлических (бронзовых и серебряных) кумганах, которые хотя и имели поддоны и изогнутые трубчатые сливы, но не обладали крепежом слива с краем горла, а сами эти образцы относятся к достаточно позднему времени (не ранее XIX в.). Правда, изображения металлических сосудов с подобным крепежом известны на некоторых иконах XVI–XVII вв. [23, с.419]. Неизвестно только, были ли «кумганы», показанные на иконах, восточными импортами? Среди европейской металлической посуды имеются очень близкие по форме кувшины с изогнутыми трубчатыми сливами и крепежом этих сливов к горловине (например, образец с музейным номером H245 в экспозиции Кёльнского музея прикладного искусства). Возможно, именно металлические кувшины с трубчатыми сливами и стали теми образцами, по которым были изготовлены первые московские керамические псевдо-кумганы. Возможно, но очень сомнительно. Дело в том, что форма расписных ангобированных и чернолощеных «кумганов» столь стандартна, что за ней ощущается наработанный многолетний опыт. Если бы выработка формы шла

[4] С этого момента начинаем писать это название в кавычках или называть их псевдо-кумганами, поскольку в действительности они кумганами не являлись.

на месте, Москва была бы полна редких необычных форм кумганов, из которых постепенно одна форма стала бы наиболее распространенной. Нам же известен только один образец необычного по форме псевдо-кумгана, происходящий с селища Большое Саврасово в Южном Подмосковье [24, с.169-178] (цв.вкл.: рис.3: 2). У этого сосуда был цилиндрический прямой трубчатый слив, врезанный в верхнюю часть тулова, но крепившийся также к горлу при помощи соединительной пластины. Таким образом, в его конструкции соединены признаки московских псевдо-кумганов (пластина-соединитель с трубчатым сливом) и европейских кувшинов XIII–XV вв. с трубчатыми сливами, которые часто крепились к горловине глиняным хомутиком / муфтой [25, Fig. 14, Tav.1: 7] (цв.вкл.: рис.3: 3,4) или же вообще не имели никакого крепления. Подмосковный гибридный экземпляр может быть датирован в пределах XV в., но изготовлен он был не в Москве, а, вероятно, в неоткрытом пока гончарном центре Южного Подмосковья, поскольку его формовочная масса имела разительные отличия от всей московской продукции[5]. Заметим также, что невозможно видеть в этом сосуде и европейский импорт – он относится к технологической группе изделий, включающей многочисленные кухонные горшки местного подмосковного производства.

Итак, никакого серийного производства псевдо-кумганов в Москве и Подмосковье не существовало до конца XV в., когда стали изготавливаться ангобированные (в т.ч. расписные) сосуды, а позже – их чернолощеные копии. Аналогичные московским по деталям профилировки глазурованные белоглиняные и красноглиняные «кумганы» (вернее, их обломки) известны в Твери и Казани в слоях и комплексах XV–XVI вв., правда, узких дат эти находки не имеют и на их основании невозможно строить гипотезы о времени появления этих форм на Руси. Допустимо лишь утверждать, что самые ранние псевдо-кумганы стали производиться не ранее XV в. В Твери известны верхние части «кумганов» с изогнутыми трубчатыми сливами и пластинами, крепившими эти сливы к горловине, в которых имелись отверстия [27, Рис.4: 1; 8: 4-6; 10: 1-2] (цв.вкл.: рис.3: 5). Кроме того, тут зафиксированы обломки кувшинов с ложными поддонами, аналогичными днищам московских псевдо-кумганов [27, Рис.7: 1]. Крупные обломки белоглиняных зеленополивных псевдо-кумганов тверского производства известны в материалах раскопок XV–XVI вв. в Казанском Кремле [28, Рис.151, 153]. Один из них имел своеобразный штампованный (прокатка зубчатым колесиком) декор, но по форме тулова и слива все образцы идентичны московским кумганам (ангобированным расписным и чернолощеным).

Стандартная форма всех перечисленных выше псевдо-кумганов, произведенных в Москве и Твери, не имевших никаких прототипов в русском гончарстве более раннего времени и существенно отличавшихся от настоящих восточных (в т.ч. ордынских и казанских) кумганов XIV–XV вв., заставляет искать их прототипы в Европе. Ведь именно здесь, в той же Италии, например, хорошо известны формы кувшинов, которые имели ложные поддоны[6] [29, Fig. 3: b]. И такое совпадение донных начинов с московскими псевдо-кумганами XVI в. не могло быть случайным, поскольку формовка подобного начина более трудоемка, чем при изготовлении дна простого профиля. В целом же кувшины с трубчатыми сливами использовались в Европе не только как столовая посуда, но и в качестве рукомойников [30, p. 177-196].

---

[5] Описание этой разновидности керамики приведено в статье И.С. Аникина и А.М. Фатькова [26], где такой центр предположительно связывается с Перемышлем Московским.

[6] Расширения у дна, которые копировали внешний вид поддонов, но никакими поддонами в действительности не являлись. Большинство кувшинов итальянского производства XIV–XV вв. имели такие расширения у дна.

Очень важно, что чернолощеные псевдо-кумганы неизвестны в археологическом материале XVII в., что было впервые замечено Р.Л. Розенфельдтом [3, с.33], и, следовательно, время их бытования ограничено XVI в. А это означает, что чернолощеные и ангобированные расписные кумганы исчезли из московского керамического производства фактически одновременно. Возможно, эта форма изделий изготавливалась одной и той же небольшой группой гончаров, специализировавшихся именно на таких сосудах. Тогда прекращение производства этой разновидности посуды можно связывать с гибелью этой группы гончаров, что могло случиться не ранее второй половины XVI в. и не позднее начала XVII в. Пока для установления точной даты этого события нет достаточных данных: оно могло быть связано как с разорением Москвы Дэвлет-Гиреем в 1571 г., так и со «смутным временем» начала XVII в. Правда, в XVII в. стали изготавливаться белоглиняные поливные «кумганы» близкой (хотя и несколько иной) формы [3, Табл. 17: 22, 23, 29], но их производителями были, вероятно, уже совершенно другие люди, относившиеся к совсем иной гончарной традиции, которая использовала чернолощеные псевдо-кумганы в качестве образцов для подражания.

Самой распространенной формой чернолощеной керамики были кувшины. В отличие от «кумганов», эти сосуды не имели прямых аналогий в продукции московских гончаров предшествующего времени (конца XV в.). Чернолощеные кувшины имели уплощенно-сфероидальное тулово с плавным переходом в раструбовидное горло [3, Табл.9] (цв.вкл.: рис.1: 2). Такая профилировка далека от форм московских краснолощеных кувшинов (с яйцевидным туловом, цилиндрическим горлом и резким переломом профиля у основания горла). Невозможно проследить никакого сходства московских чернолощеных кувшинов и с кувшинами Казанского ханства. Остается искать прототипы форм таких кувшинов на территории Западной Руси, что затрудняется дефицитом публикаций материалов XIV–XV вв. из Украины, Беларуси и Верхнего Поднепровья. Однако большое сходство можно найти у московских чернолощеных кувшинов с профилировкой некоторых гжельских белоглиняных кувшинов, которые начали производиться в начале XVI в. [3, Табл. 15: 13, 20; 31, Рис.1: 4; 2: 1, 3]. Правда, гжельские кувшины были в подавляющем большинстве не столовыми, а тарными, очень крупными по размерам, но некоторые столовые сосуды имеют высокую степень сходства с чернолощеными (ср. цв.вкл.: рис.1: 7). Не исключено, что именно они послужили образцом для подражания в новой для Москвы технике.

Кроме стандартных кувшинов с уплощенно-сфероидальным (или сфероконическим) туловом, недавно был обнаружен уникальный экземпляр чернолощеного кувшина с усеченно-коническим туловом и срезом у дна, который явно копировал краснолощеные московские «кувшины-кружки», широко бытовавшие весь XV в. [5, Рис.4: 6]. Отсюда видно, что в ходе освоения нового производства проводились попытки копирования популярных в Москве форм столовой посуды, но эти попытки не имели продолжения и почти не оставили следов.

Чернолощеные кубышки – крупные бутылевидные (цв.вкл.: рис.1: 3) и миниатюрные, служившие копилками, по форме тулова близки кувшинам [3, Табл. 11]. Это самый сложный объект для поиска аналогий. Бутылевидных кубышек нет в гончарстве Москвы предшествующего времени. При этом обломки узкогорлых бутылеобразных сосудов самых разных профилировок известны как в Москве [3, Табл. 4: 22], так и во многих других городах Руси, в т.ч. среди поливной керамики Твери [27, Рис. 8: 1-2] и чернолощеной посуды Смоленска [21, Илл. 93: 1], однако это очень редкие формы. Бутылевидные сосуды изготавливались в XV–XVI вв. как в странах Востока, так и в Европе, но везде это редкие формы, не имевшие полного сходства с московскими кубышками по профилировке.

Что касается миниатюрных кубышек без горловин, то они известны в материалах Москвы с XV в. В частности, такие кубышки изготавливались из красножгущихся глин, в т.ч. украшенные пятнами белого ангоба [3, Табл. 3: 14, 19]. Это очень простые и широко распространенные формы, так что их трудно использовать в качестве индикаторов местного производства или заимствований.

Среди чернолощеной керамики Москвы известны также миски [3, Табл. 12: 3-5, 8-10], лохани [32, Рис. 9: 2] и блюда с вертикальными бортами, которые часто неверно называют «сковородами» [32, Рис. 8: 11]. Как функциональные формы, миски известны во всех русских городах, однако профилировка чернолощеных мисок находит аналогии прежде всего среди красноглиняных белоангобированных (в т.ч. расписных) мисок московского производства XV–XVI вв. [3, Табл. 4: 7; 6: 23]. При этом узко датированных ранних экземпляров мисок всех перечисленных разновидностей практически не известно, так что трудно судить о том, когда именно они появились в Москве. Одним из редких исключений такого рода является точно датированная чернолощеная миска из подсыпки пола храма Отцов Семи Вселенских соборов в Даниловом монастыре [33, Табл. 118: В], построенного в 1562–1563 гг.

Другой распространенной формой чернолощеной посуды является фляга – специализированный сосуд для переноса воды и других напитков в пути. В чернолощеной технике изготавливались фляги только одной формы – с дисковидным туловом, коротким воронковидным горлом, отверстиями для крепления шнура на боках и 4 маленькими ножками для установки на плоской поверхности (реже – овальным или подпрямоугольным поддоном) [3, с.50, Табл. 12: 1; 32, Рис. 9: 3] (цв.вкл.: рис.1: 5). Время появления чернолощеных фляг в Москве точно не установлено, однако наиболее ранняя надежно датированная белоглиняная поливная фляга в Центральной России датируется первой половиной 1580-х гг., согласно дате содержавшегося в ней монетного клада, зафиксированного в Твери [34, с.13-16, Ил. 4, Табл. 1]. Эта фляга отличалась от чернолощеных не только технологией изготовления, но и формой – она имела вид низкого цилиндра со слегка выпуклыми стенками. При этом в Твери, которая могла бы претендовать на место изготовления поливных фляг, пока известен только 1 обломок подобного сосуда, в слое XVI в. [27, с.325, Рис. 10: 3]. Остальные поливные фляги, хорошо известные по находкам в Москве и других местах, датируются в основном XVII в. [3, с.50, Табл. 18: 1-9].

Фляги, как функциональная форма керамической посуды, восходит к раннесредневековым (VIII–X вв.) прототипам, бытовавшим на Востоке, в Византии и Северном Причерноморье [35, Табл. 27: 20, 35: 9-10; 36, Рис. 19]. Территориально ближайшие к Москве аналогии восточных фляг происходят с территории Золотой Орды (причем их обломки известны и на Руси), однако они датируются второй половиной XIV в., были изготовлены в Хорезме и имеют ряд важных технологических и морфологических отличий от московских: хорезмские фляги никогда не лощились, не имели ножек (т.е. не предназначались для установки на плоскость), а их ручки всегда размещались только рядом с горлышком, а не на боках сосуда (цв.вкл.: рис.3: 7). Поэтому видеть в хорезмских флягах прототипы московских чернолощеных сосудов невозможно.

С Востока или Византии они были восприняты и в Западной Европе, где получили широкое распространение в XII–XV вв. [37, p. 199, Kat. 06; 38, Taf. 19-21] (цв. вкл.: рис.1: 8). Интересно, что наибольшее внешнее сходство как по общему виду, так и по декору из концентрических окружностей на стенках, московские фляги имеют с германскими, правда, практически синхронными, датирующимися концом XVI–XVII вв. [39, Abb. 145, 157] (цв.вкл.: рис.3: 8). Нельзя не обратить внимание в

этой связи на полностью аналогичную по форме чернолощеную флягу из слоев XVI – начала XVII вв. в Смоленске [27, Илл. 95: 1].

Таким образом, восточные фляги не могли быть прямыми прототипами московских, которые, вероятно, копировали европейские (скорее всего, северогерманские) сосуды, являвшиеся, в свою очередь, результатом культурной адаптации восточных изделий (отсылаем тут к тонким наблюдениям Л.А. Беляева об этом культурном феномене [1, с.42]).

Последней формой московских чернолощеных сосудов, которую следует назвать, являются зооморфные водолеи-рукомойники в виде фигуры животного с головой барана, угадывающейся по завернутым в кольцо или спираль рогам [3, Табл. 13: 7] (цв. вкл.: рис.1: 4). У этих сосудов имеются синхронные и даже чуть более ранние аналогии конца XV в., представленные, к сожалению, только узнаваемыми обломками водолеев, принадлежавших иным типам московской керамики – белоглиняной с росписью черной краской [3, Табл. 6: 19], красноглиняной белоангобированной [5, Рис. 3: 4] и ангобированной с росписью красной краской [3, Табл. 7: 14, 20], в т.ч. из недавних раскопок в Кремле (цв.вкл.: рис.4). Эти находки показывают, что, как и в случае с «кумганами», производство чернолощеной посуды в Москве было тесно связано с группой гончаров, ориентированных на удовлетворение запросов элитарных групп общества.

В отношении московских рукомойников исследователями уже указывалось, что аналогии им известны среди европейских акваманилов, которые, подобно флягам, были восприняты европейцами на Востоке в ходе Крестовых походов [1, с.42]. Однако чернолощеные московские сосуды не копировали металлические (в основном, бронзовые) европейские акваманилы, являвшиеся высокохудожественными произведениями и использовавшиеся в быту высшей аристократии либо в храмах как литургические сосуды. У них имелись более дешевые керамические прототипы, получившие в Северной Европе (Англия, Германия) широкое распространение уже в XIII–XV вв., которые как раз и были публичными дериватами элитарных бронзовых сосудов. Эти керамические водолеи хранятся во многих музеях мира (Germanisches nationalmuseum Nurnberg. Inv. Ke2564; Basel Historical Museum. Inv. 1935.2224; Köln city museum. Inv. KSM 1928246; Metropolitan Museum of Arts. Inv. 2007.142; British Museum. Inv. 1984.0603.1), но далеко не все они опубликованы. Керамические акваманилы Европы были разнообразны по формам и способам обработки поверхности, сосуды восстановительного обжига в литературе и музейных собраниях обнаружить не удалось, но имеются поливные изделия, очень близкие московским по форме тулова и способу заливания жидкости – в горловину на задней части тулова [40, p. 41, Fig. 11; 41, Taf. 33; 42, s.125; 43, Abb. 135, 240]. При том, что имелись и другие конструктивные формы, с заливным отверстием в передней и средней частях сосуда. От московских водолеев, имевших небольшую ручку-петельку в верхней части тулова сосуда, европейские чаще всего снабжались изогнутой длинной ручкой, начинавшейся на «голове» и заканчивавшейся в задней части тулова. Таким образом, европейские акваманилы предназначались для того, чтобы один человек (слуга) мог выливать его содержимое на руки другого человека, тогда как московские предполагалось подвешивать на веревке, т.е. они были рассчитаны на индивидуальное (самостоятельное) использование.

Имеется и другое отличие: европейские акваманилы разнообразны по оформлению – в виде лошади, оленя (цв.вкл.: рис.3: 9), барана, льва и даже ежа, кроме того, довольно часто у них встречаются антропоморфные сливы (в виде головы человека). Московские водолеи удивительно стандартны – они изображали почти исключительно барана, различаясь лишь трактовкой рогов (которые могли быть завернуты

Рис. 5. 1. Московский чернолощеный рукомойник XVII в.
2. Керамический лавабо (Германия, XIV в.) [45, Abb. 5a].

в спираль или спускаться на плечи тулова. Впрочем, не исключено, что какую-то роль тут играла хронология, ведь московский материал в плане тонкого хронологического деления никогда не обрабатывался). Известны лишь единичные рукомойники, у которых вместо головы барана слив оформлен в виде головы лошади [32, Рис. 9: 1].

Если же говорить не о Западной, а о Восточной Европе, то единственный город, помимо Москвы, в котором обнаружены обломки ранних чернолощеных зооморфных рукомойников, это, как нетрудно догадаться, Смоленск [21, Илл. 95: 5]. Самая ранняя находка датирована тем же временем, что и московские изделия (XVI в.), но отличается от них весьма значительно – специфической проработкой рогов барана, прорисованными глазами и ограненным сливом. Такие черты на московских сосудах не замечены, так что связывать эту находку с привезенным из Москвы в Смоленск рукомойником невозможно.

Необходимо упомянуть и о второй форме чернолощеных рукомойников, изготавливавшихся в Москве, – в виде горшковидного сосуда, имевшего 1 или 2 трубчатых слива, оформленных в виде сильно стилизованной головы животного (вероятно, лошади?) с торчащими ушами [3, Табл. 13: 8, 11, 12], но никогда – в виде головы барана (рис.5: 1). Эти рукомойники стали изготавливаться в Москве позже зооморфных – в XVII в. При этом горшковидные рукомойники не имели никаких предшественников в русском гончарстве (в отличие от кувшинов, кубышек и даже псевдо-кумганов), смыкаясь в этом с флягами и блюдами. Зато они имеют многочисленные прототипы в Европе, где подобные рукомойники («лавабо») изготавливались по меньшей мере с XIII в. как в виде металлических, так и керамических сосудов [44, Fig. 12; 45, Abb. 3-6] (рис.5: 2). Правда, чернолощеные изделия такого рода неизвестны и в Европе.

Подведем итоги. Чернолощеная керамика Москвы изготавливалась по европейской технологии восстановительного обжига, воспринятой уже в XV в. на территории Великого княжества Литовского. Применявшееся при этом лощение не имеет прямого и полного соответствия ни в московском, ни в европейском гончарстве, хотя сама техника лощения были известна по всей Европе. Видимо, полное сплошное

лощение – это индивидуальный почерк той группы гончаров, которая принесла новую традицию в Москву. Набор форм посуды, производившихся этой группой, был относительно узок, сосредоточившись исключительно на столовой утвари. В этом наборе можно выделить 2 группы:

1) Точно копировавшая уже изготавливавшиеся в Москве по меньшей мере с конца XV в. формы дорогих столовых сервизов – псевдо-кумганы (кувшины с трубчатыми сливами), миски, маленькие кубышки без горловины, зооморфные рукомойники. Осуществлялись также попытки (не имевшие продолжения) копировать краснолощеные кувшины-кружки. Кувшины с трубчатыми сливами и рукомойники прямо восходили к западноевропейским прототипам.

2) Вторая группа форм не имела в Москве прямых предшественников и могла быть принесена только извне: это небольшие кувшины со сфероидальным туловом и раструбным горлом, бутылевидные кубышки, блюда и фляги. Среди них фляги также имели прежде всего европейские аналогии.

Если говорить о том, откуда именно могла быть принесена новая для Москвы гончарная традиция, то наиболее вероятным регионом является территория Великого княжества Рязанского, а в ее пределах – Смоленск, поскольку именно там археологические материалы позволяют допускать производство чернолощеной керамики в XV в.

С чем же можно связать появление чернолощеной керамики в Москве во второй половине 1510-х гг.? Поскольку выше уже было показано, что истоки этой новой для Москвы традиции гончарства следует искать на западе от нее, имеет смысл обратить внимание на те исторические события, которые происходили в это время. Общеизвестно, что именно на второе десятилетие XV в. приходятся крупные территориальные приобретения Московского государства как раз на этом направлении – в 1510 г. был окончательно присоединен Псков, а в 1515 г. взят Смоленск. Причем оба приобретения сопровождались выводом населения из этих городов в центральные районы Московии. Однако из Пскова выводились преимущественно знатные семьи (которые, конечно же, сопровождались и каким-то зависимым населением), а из Смоленска вывод населения был значительно более массовым. При этом о производстве чернолощеной керамики в Пскове неизвестно ничего (хотя его гончарство изучено достаточно хорошо, благодаря трудам В.И. Кильдюшевского и С.В. Степанова), тогда как в Смоленске такая керамика производилась. Тем не менее ясно, что захватить московский рынок кухонной посуды в начале XVI в. предполагаемым пришельцам из Смоленска было бы не под силу – тут имелась многочисленная корпорация мастеров Гончарной слободы, не заинтересованная в допуске на городской рынок новых производителей. Однако рынок столовой посуды в тот момент был занят только немногочисленными производителями красноглиняных белоангобированных изделий, а с приходом выведенцев (из состава наиболее богатых семей) из Пскова и Смоленска число потенциальных потребителей высококачественной столовой посуды должно было возрасти. Вероятно, это совпадение возросшего спроса и недостаточного предложения элитной столовой керамической посуды и стало причиной рождения московской чернолощеной керамики. Судя по археологическим данным, производство такой посуды сформировалось в Гончарной слободе, где это производство фиксируется по материалам раскопок 1946–1947 гг., в которых были обнаружены гончарные горны и 2 ямы с бракованной керамикой, среди которой присутствовала и чернолощеная [46, с. 31, Рис. 17].

Участие Юрия Ивановича Дмитровского в походах на Смоленск объясняет появление именно в его владениях первых чернолощеных плиток для напольных покрытий. Впрочем, следует иметь в виду, что кроме Смоленска в ходе Русско-

Литовской войны 1512–1522 гг. московскими войсками был разорен Рославль (1515 г.), а в 1518–1520 гг. ими разорялись окрестности Вильно, Минска, Слуцка, Могилева, Витебска и из всех этих районов могли быть выведены местные жители, а в их числе гончары. Разумеется, речь идет лишь о предположениях, но весь представленный выше материал заставляет рассматривать эти предположения как вполне допустимые.

«Смоленские» гончары не просто принесли в Москву доселе неизвестную там технологию – они сумели наладить отношения со своими московскими коллегами. Видимо, именно новые технологии смолян в сочетании с уже наработанным в русских городах опытом изготовления европейских форм посуды (кувшинов с трубчатыми сливами, водолеев и др.) послужили пусковым механизмом для организации на базе московского глиняного сырья производства необычной, новой для Северо-Восточной Руси, традиции керамического производства, развивавшейся на протяжении последующих четырех столетий, распространившись отсюда в Тверь, Рязань, Владимир и другие города Московии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляев Л.А.* Новое в археологии Москвы: раскопки и культурно-исторические проблемы // Вестник истории, литературы, искусствоведения. Т. V. М., 2008. – С. 40–56.
2. *Рабинович М.Г.* Культурный слой центральных районов Москвы // МИА. № 167 (Древности Московского Кремля). М., 1971. – С. 9–116.
3. *Розенфельдт Р.Л.* Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1-39. М.: Наука, 1968. – 123 с.
4. *Чернов С.З.* К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика. М.: ИА РАН, 1991. – С. 50–58.
5. *Коваль В.Ю.* Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018. – С. 414–441.
6. *Мец Н.Д.* Датировка кладов черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ // КСИИМК. Вып. XXIV. 1949. – С. 108–115.
7. *Мец Н.Д.* Клады монет (зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1945–1952 годы) // КСИИМК. Вып. 52. 1953. – С. 113–120.
8. *Зверев С.В., Колызин А.М.* Клады и древности Московского Кремля. Экспозиция в подклете Благовещенского собора. Путеводитель. М.: ФГБУК «Московский Кремль», 2013. – 80 с.
9. *Зверев С.В., Колызин А.М.* Клад русских монет XV – первой половины XVI вв. из Московского Кремля // Девятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М.: Новгородский музей-заповедник, ГЭ, ГИМ, ИА РАН, 2017. – С. 153–154.
10. *Яганов А.В., Рузаева Е.И.* Новые данные о Никольском соборе Николо-Песношского монастыря // Образ христианского храма. М.: Арткитчен, 2015. – С. 343–376.
11. *Яганов А.В., Рузаева Е.И.* Успенский собор в Дмитрове. М.: Северный паломник, 2003. – 301 с.
12. *Коваль В.Ю.* Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. 2001. – С. 98–109.
13. *Болдин И.В.* Московская белоглиняная керамика. Штрихи к портрету // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 10. Тверь: ТНИИР-Центр, 2017. – С. 170–176.
14. *Векслер А.Г., Гусаков М.Г., Патрик Г.К.*, Московская красноглиняная (гладкая) и ангобированная керамика XV–XVI веков по материалам раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2015. – С. 437–448.

15. *Чернов С.З*. К хронологии московской керамики конца XIII – середины XV вв. // Московская керамика. М.: ИА РАН, 1991. – С. 20–32.
16. *Коваль В.Ю*. Керамика Рязанской земли в XIII веке // Stratum plus. № 5. Кишинев, 2016. – С. 175–188.
17. *Черкасов В.В*. Домонгольские традиции гончарного производства Поочья (на примере керамики Коломны 2-й половины XII – 1-й половины XIII в.) // Великое княжество Рязанское. М.: Памятники исторической мысли, 2005. – С. 299–319.
18. *Черкасов В.В*. Керамика Коломны второй половины XIII – первой половины XIV века (к вопросу об изменениях в гончарстве Среднего Поочья в золотоордынскую эпоху) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2005. – С. 54–74.
19. *Vaitkevičius G*. Puodininkystės profeseonalizacija XIV–XVII a. Vilniuje // Miestų praeitis. Vol. 1. Vilnius, 2004. – P. 175-276.
20. *Чмиль Л.В*. Результати і перспективи дослідження технології виготовлення керамічного посуду Середньої Наддніпрянщини XVI–XVIII ст. // Археологія и давня історія України. № 4 (29). Київ, 2018. – С. 323–341.
21. *Сергина Т.В*. Керамика Смоленска // Смоленские древности. Вып. 3. Смоленск, 2004. – 208 с.
22. *Фатьков А.М., Баранов Н.А*. Находка ангобированного кумгана с раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2 // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2015. – С. 422-431.
23. *Новоселова Т.Н*. Керамические кумганы XVI века из Троице-Сергиева монастыря // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. – С. 419–425.
24. *Баранов Н.А., Фатьков А.М*. Кумган редкой разновидности из раскопок селища Большое Саврасово 2 // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. – С. 169–178.
25. *Busto A., Ciminale D., dell'Aquila C*. Ceramiche da un sito dei Cavalieri Teutonici: lo scavo di Torre Alemanna in Capitanata // Albisola. Atti XXXII Convegno imternazionale della ceramic 1999, Atti XXXIII Convegno imternazionale della ceramic 2000. Firenze, 2001. – P. 325–336.
26. *Аникин И.С., Фатьков А.М*. Группа керамики из Южного Подмосковья: следы локальной позднесредневековой гончарной традиции (по материалам раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2, 2013 г.) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2019. – С. 366-382.
27. *Романова Е.А*. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород: Новгородский государственный музей-заповедник, 2009. – С. 310–338.
28. *Ситдиков А.Г*. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – 288 с.
29. *Ravanelli Guidotti C*. Maioliche Faentine del Rinascimento «Famiglia gotico-floreale a tavolozza fredda: gruppo Italo-Moresco» // Ceramiche da un sito dei Cavalieri Teutonici: lo scavo di Torre Alemanna in Capitanata // Albisola. Atti XXXII Convegno imternazionale della ceramic 1999, Atti XXXIII Convegno imternazionale della ceramic 2000. Firenze, 2001. – P. 369–382.
30. *Theuerkauff-Liederwald A.-E*. Die formen der Messingkannen im 15. Und 16. Jahrhundert // Rotterdam Papers II. Rotterdam, 1975. – P. 177-196.
31. *Полюлях А.А*. Археологические исследования в селе Гжель. Белоглиняная керамика: кувшины, корчаги, миски и сковороды // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. – С. 346–371.
32. *Рабинович М.Г*. Московская керамика // МИА. № 12. 1949. – С. 57–105.
33. *Беляев Л.А*. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН, 1991. – С. 43–49.
34. *Бушлякова В.А., Волков И.В*. Тверские клады XVI – начала XVIII в. Вып. 1. М. Тверь: Нумизматическая литература, 2010. – 80 с.

35. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Под ред. Т.И. Макаровой и С.А. Плетневой. М.: Наука, 2003. – 533 с.
36. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. – 164 с.
37. Aus dem Pottland in die Welt. Holzminden, 2012. – 216 s.
38. *Scheidemantel D., Schifer T.* Waldenburger Steinzeug. Archäologie und Naturwissenschaften // Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie mit Landesmuseum für Votgeschichte. Bd. 44. Dresden, 2005. – 360 S.
39. *Stephan H.-G.* Keramik der Renaissance im oberweserraum und an der unteren werra // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Beiheft 7. Köln, Bonn, 1992. – 137 s.
40. Rotterdam papers. A contribution to medieval archaeology. Rotterdam, 1968. – 175 p.
41. *Stephan H.-G.* Coppengrave. Studien zur Töpferei des 13 bis 19 Jahrhunderts in Nordwestdeutsghland. Hildesheim, 1981. – 146 s.
42. *Heyer-Boscardin L.* Wider das «finstere Mittelalter» // Schweizer Beiträge zur Kulturgeschichte und Archäologie des Mittelalters. Bd. 29. Geburtstag Schweizerischer Burgenverein, 2002. – 255 s.
43. Handbuch zur terminologie der mittelalterlichen und neuzeitlichen keramik in Österreich. Wien: FÖMat A, Sonderheft 12, 2010. – 128 s.
44. *Gaimster D.R.M., Verhaeghe M.* Handles with face-masks: a cross-Channel type of late medieval highly decorated basin // Everyday and Exotic Pottery from Europe c. 650-1900. Oxford: Oxbow books, 1992. – P. 303–323.
45. *Först E.* Alt- und Neufund – Zwei tönerne Gefäße des mittelalterlichen Handwaschgeschirrs aus Hamburg // Die Kunde. Zeitschrift für niedersächsische Archäologie. Neue Folge. Bd. 54. Oldenburg, 2003. – S. 221–231.
46. *Рабинович М.Г.* Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. № 12. 1949. – С. 4–43.
47. *Векслер А.Г., Кондрашев Л.В., Беркович В.А., Гусаков М.Г., Генинг В.В.* Москва. Раскопки на Великом посаде. Московская керамика по материалам исследований. М.: Департамент культурного наследия Москвы, 2016. – 496 с.
48. *Bicić V.* Gradska keramika Beograda (16–17. vek) // Arheološki Institut. Posebna izdanja. № 39. Beograd, 2003. – 187 s.

ИА РАН,
г. Москва

V.Yu. Koval

Concerning Origin of Black Polished Ceramics

For the first time in ceramology this work considers a question about origin and time of coming into common use of black polished ceramics (polished and regeneratively fired ceramics) in Moscow and northeast Russia. The article also makes comparison with European and western Russian analogies. The author supposes that such type of ceramics was first produced by potters resettled to Moscow from Smolensk after this town was conquered from Polish–Lithuania in 1515. It was the time when European technology and shapes of dishware became popular in affluent Moscow.

Keywords: *European technology, regenerative firing, polishing, functional shapes of vessels.*

УДК 930.271+903.53 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.360-370

А.Г. АВДЕЕВ

ЕЩЕ РАЗ О СИМВОЛИКЕ «ВАВИЛОНОВ»[1]

В предлагаемой статье рассматриваются так называемые «вавилоны» – фигуры, составленные из вписанных друг в друга прямоугольников. Учитывая разнообразие обстоятельств их нанесения, сопутствующий контекст, размеры и пропорции изображений, можно предполагать, что эти знаки имели не только утилитарное назначение. Приведенный в статье материал дает основания воздержаться от прямолинейного восприятия «вавилонов» как поля для игры в «мельницу» и в ряде случаев связать этот символ с погребальной символикой, характерной для Запада и Востока христианского мира, в том числе и для начального этапа эволюции индивидуальных надгробных памятников на Руси.
Ключевые слова: *«вавилоны», игра в «мельницу», саркофаги, надгробия, погребальная символика.*

Мне уже приходилось писать о связи «вавилонов» – фигур, составленных из вписанных друг в друга прямоугольников, – с погребальной символикой [2, с.76–77; 3, с.288–297]. Сделанные на различных носителях, они встречаются во многих районах мира [39, с.116, илл. 49а; 46, S.352; 48, p.136, fig. 81,82,87]. Единой трактовки их назначения не существует. В науке долгое время господствовала точка зрения академика Б.А. Рыбакова, считавшего «вавилоны» «логарифмическими линейками», по которым древние архитекторы вымеряли пропорции строящихся зданий [32, с.83–112; 33, с.88; из работ последних лет: 26, с.112, прим. 1; 18, с.226–228]. Этот вывод абсолютизировал украинский исследователь Ю. Дыба, предложивший считать все «вавилоны», изображенные на саркофагах и могильных камнях, знаками, отмечавшими захоронения архитекторов [12, с.244–255; ср.: 38, с.133; 6, с.68–91]. В настоящее время наиболее распространено (но не всегда обосновано) мнение о связи «вавилонов» с полем для игры в «мельницу» [31, с.441–444; 39, с.110–114; ср.: 44, S.33–36; 47]. Наиболее ее последовательными сторонниками являются В. Ю. Коваль и Д. Ю. Бадеев, которые видят во всех без исключения изображениях этих символов, в том числе на крышках саркофагов и надгробиях, игровые поля [5, с.130–134; 21, с.185–197]. По мнению исследователей, «“вавилонская” интерпретация» данных предметов могла возникнуть только потому, что «современному человеку трудно представить себе игру на “крышке гроба”. Однако игра могла вестись <...> на плите до ее использования в погребальном памятнике» [21, с.190–191]. По моему мнению, эта точка зрения излишне прямолинейна, и методика интерпретации «вавилонов» в меньшей степени должна базироваться на внешнем сходстве с полем для игры, в первую очередь – на связи с функциональным назначением носителя, композиционной встроенности в пространство памятника, «трудоемкости» исполнения и, безусловно, повторяемости на предметах, связанных с погребальной обрядностью.

Учитывая разнообразие обстоятельств нанесения «вавилонов», сопутствующий контекст, размеры и пропорции изображений, можно предполагать, что эти

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicorum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда Развития ПСТГУ. (См.: URL: http://cir.rssda.su). Выражаю искреннюю благодарность Н.В. Ефремову за помощь в поиске необходимой для статьи литературы.

знаки имели не только утилитарное назначение. Ряд исследователей справедливо считает, что в ряде случаев они были религиозным или мировоззренческим символом – от модели мира или царства-града [26, с.110-112, рис.3], гадальной доски и оберега [43, p.12,17] до солярного знака [28, табл. VI, XCIX]. В этой связи есть веские основания соотнести ряд их изображений с погребальной обрядностью, на что указывают находки досок с «вавилонами» в погребениях раннеэллинистической эпохи [49, p.279–280,287–288, fig.12,14]. В эпоху Средневековья такие знаки изредка встречаются на надгробиях и крышках саркофагов христианского Востока и Запада.

На Западе христианского мира одна из наиболее ранних намогильных плит эпохи Средневековья с изображением «вавилона» была найдена в 1958 г. во время реставрационных работ в кафедральном соборе св. Екатерины (Pharrkirche St. Katharina) в ярмарочной общине Шёллькриппен (Marktgemeinde Schöllkrippen) в Баварии (рис.1). Надгробие было заложено в фундамент центрального алтаря, во время строительных работ в начале XIV в. По особенностям декоративного оформления Д. Эллмерс относит ее ко времени Каролингов и датирует второй половиной VIII в. [45, S.48]. Т. Бюттнер считает, что надгробие было создано в IX или X в. [44, S.9]. Структурообразующим элементом иконографической программы этого памятника является изображение четырехконечного креста с пятью медальонами, один из которых находится в средокрестье и, очевидно, символизирует Христа, а четыре, вырезанные на древке и перекладине, – евангелистов. Крест установлен на Голгофе – фигурном основании из четырех вписанных друг в друга многоугольников. Древко и перекладина креста делят плиту на четыре сектора. В верхнем, разделенном древком, изображены два вписанных в круг креста, в которых Т. Бюттнер усматривает символы солнца и луны. В левой части нижнего сектора вырезан щит, куда вписана композиция, видимо, связанная с идеей крестной жертвы Спасителя. Ее увенчивает четырехконечный крест на треугольном основании, под которым вырезана геометрическая композиция с вписанным в круг крестом в центре, а ниже – фигура стоящей женщины в юбке, упершей руки в бедра. Второй щит вырезан в левой части сектора. Его венчает равнобедренный треугольник вершиной вверх, внутри которого вырезана фигура идущего влево путника, держащего на правом плече посох (?), а в левой руке – дорожную сумку. В нижней части щита вырезан равнобедренный треугольник вершиной вниз без изображений. Элементом, объединяющим оба изображения, является «вавилон». Глубина и стиль резьбы на плите из Шёллькриппена показывает, что «вавилон» вырезан одновременно с остальными изображениями и является составной частью общего смыслового поля. Хотя Т. Бюттнер традиционно считает «вавилон» полем для игры в «мельницу», более убедительной выглядит точка зрения Д. Эллмерса, который отрицает взаимосвязь этого знака с языческой погребальной символикой и полагает, что в данном случае этот знак отражает образ Святого Гроба в Иерусалиме [45, S.49]. Подчеркну, что этот знак наносился *во время* изготовления плиты, и резчик расположил его в символически значимом пространстве – одесную креста, месте предстояния праведников в день Страшного Суда (Мф. 25: 31).

Второе надгробие с изображениями «вавилонов» вторично использовано в качестве колонны в крипте храма св. Випперта (Wippertkirche) в Кведлинбурге (Саксония-Анхальт), устроенной около 930 г. (рис.2а), и могло принадлежать эпохе Каролингов. Как и на предыдущей плите, структурообразующим элементом здесь является четырехконечный крест с удлиненным древком, установленный на полукруглом основании, символизирующем Голгофу. Крест делит надгробие на четыре части. Два «вавилона» полностью заполняют поле двух верхних квадратов, расположенных справа и слева от верхней части древка, над перекладиной креста,

Рис. 1. Германия. Шёллькриппен. Кафедральный собор св. Екатерины. Белокаменная надгробная плита со сложной изобразительной композицией. Романская эпоха. Современное фото. Изд.: [45, S.98].

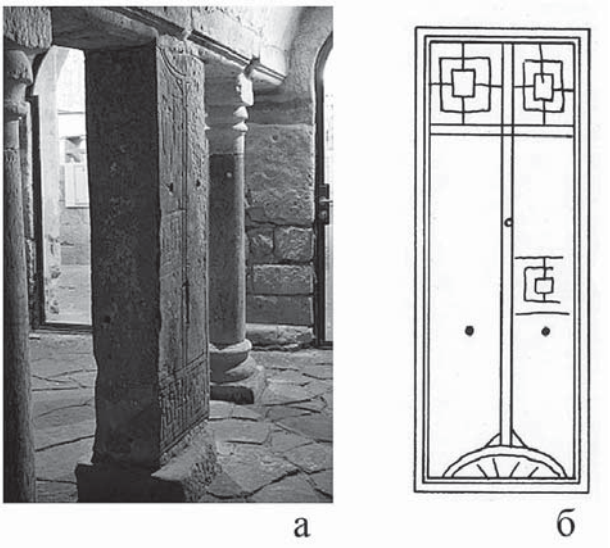


Рис. 2. Германия. Кведлинбург. Храма св. Випперта (Wippertkirche). Крипта. Белокаменная надгробная плита с изображениями «вавилонов». Романская эпоха. а. Расположение плиты в контексте постройки. б. Прорись изображений на плите.

Рис. 3. Германия. Ахен. Дворцовая капелла. Мраморный трон Карла Великого. Ок. 800 г. Граффито с изображением «вавилона» на правой боковой панели. Современное фото.

Рис. 4. Франция. Нима. Археологический музей. Каменная плита вестготского времени с изображениями «вавилона» и «лабиринта». Изд.: [44, S.37].

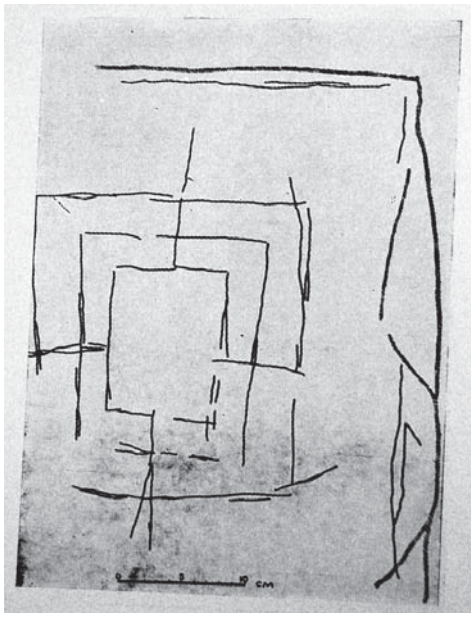


Рис. 5. Последняя четверть X в. Болгария. Окрестности Преслава. Церковь Мостича. «Вавилон» на надгробии чъргубиля Мостича. Изд.: [37, с.40, рис.6].

третий – находится в нижнем прямоугольнике, справа от древка и, видимо, не окончен (рис.2б). Композиционное единство изображений свидетельствуют, что, как и в предыдущем случае, данные знаки наносились *во время* изготовления плиты и образовывали семантический ряд, как и на плите из Шёллькриппена неразрывно связанный с крестом[2].

Итак, «вавилоны», изображенные на раннесредневековых надгробиях из германских земель, возможно, распространились в эпоху Каролингского возрождения (ср.: рис.3) и, будучи неразрывно связаны с изображением креста, могут быть связаны с символом пути, шире – с духовным восхождением к Господу. Видимо, следует признать правоту И.И. Орлова, который уподобляет эти знаки лабиринтам, изображавшимся на полах раннесредневековых христианских храмов, в том числе и в Западной Европе: в их центре находился либо «магический квадрат» из букв, составляющих фразу «Sancta Ecclesia», либо христограмма «IHS» [29, с.146]. На семантическое равенство «вавилона» с лабиринтом указывает плита вестготского времени из Археологического музея г. Нима, где оба символа изображены в основании двух аркад, возможно, символизирующих пространство храма (рис.4).

Одно из древнейших в славянском мире изображений «вавилона» на надгробии вырезано на плите чъргубиля Мостича — одного из высших сановников при болгарских царях Симеоне I (893–927) и Петре I (927–969) (рис.5). Академик Б.А. Рыбаков предполагал, что он – судя по имени – был придворным архитектором, и изображение «вавилона» на надгробии – «символ зодческой мудрости» [32, с.92 и прим. 1; 33, с.88]. Однако эта гипотеза неприемлема: имя «Мостич», данное при рождении, не может указывать на профессию (предлагались его иранское, скифо-фракийское, фракийское или славянское происхождение) [37, с.10; 8, с.151]. Чъргубиль (ичиргу боил, ἰζοργού βουῆλα), один из высших сановников в Первом Болгарском царстве, при хане Круме (804–811) как первый «внутренний» боярин управлял «правой» частью государства, и в его подчинении находились оба стратига этой области; позднее в его функции входила охрана столицы и внутренних крепостей, но к строительству храмов он имел отношение только как ктитор [11]. Важным для нашей темы является то, что «вавилон» процарапан в верхнем правом углу лицевой стороны плиты за пределами эпиграфического поля *после* нанесения эпитафии и составляет с ней единое семантическое целое.

На Руси изображения «вавилонов» на предметах погребального инвентаря появились в XIII в. В зависимости от носителя и места нанесения они делятся на две группы. К первой относятся «скрытые» граффити на крышках саркофагов. Изображение

[2] На иконографическую близость обоих крестов обратили внимание Ф.К. и Ю. Аззола. См.: [42, S. 59].

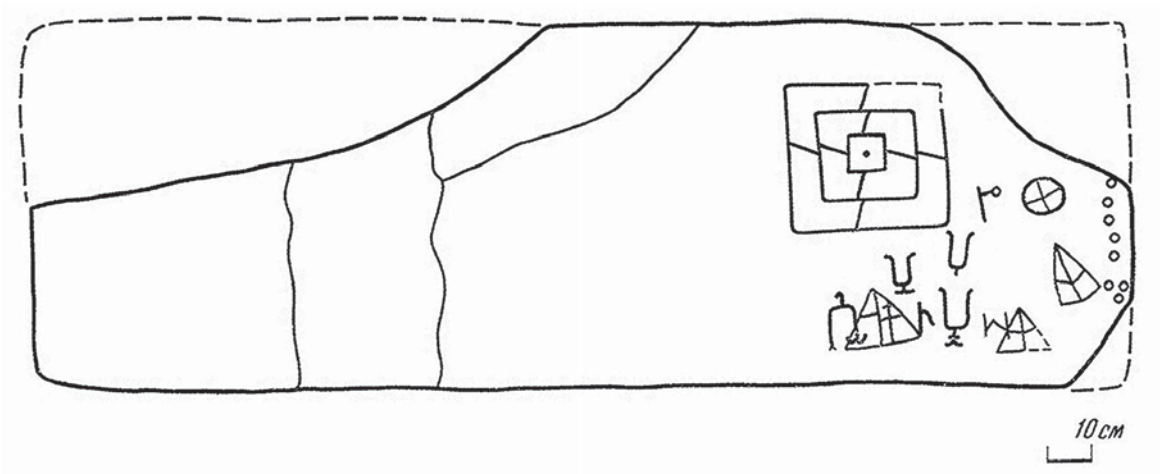


Рис. 6. XII в. Украина. Черновицкая обл. Василев. Некрополь у белокаменного храма. Белокаменная крышка саркофага с изображением «вавилона». Изд.: [38, с.133, рис.10].

«вавилона», сопровождаемое знаками Рюриковичей, процарапано на верхней стороне в изножии крышки саркофага XII в., найденного в древнерусском храме в г. Василеве (Украина, Черновицкая обл.) (рис.6). Другое граффито нанесено на внутренней стороне крышки саркофага (ближе к изголовью) из Ростовского Петровского монастыря и датируется второй половиной XIII в. (рис.7).

Вторую группу составляют открытые для обозрения врезные изображения «вавилонов», как, например, на плитах из Шёллькриппена и Кведлинбурга или граффито на надгробии Мостича. На Руси аналогичный знак есть на валуне, найденном в 1835 г. в засыпи кургана (?) в окрестностях с. Кузнецова Бежецкого уезда (ныне – Рамешковский р-н Тверской обл.) [15, с.120–123; 16, с.25–26. № 42; 30, с.454–455, № 45]. На нем вырезано слово «СТЕПАНЪ» или «СТЕПАНА», а слева от него – «вавилон» (рис.8). Изображение этого символа композиционно едино с надписью и, судя по прориси, резались одновременно.

Первый публикатор камня, А.К. Жизневский, по палеографическим признакам датировал надпись XII в., но ее краткость и нетипичные начертания отдельных букв позволяют признать, что равным образом она могла быть сделана в XIII в. Исходя из контекста находки, исследователь счел «вавилон» на камне Степана знаком собственности, не отрицая и его надгробной символики [16, с.25]. Академик Л.В. Черепнин отнес его к пограничным межевым знакам, связывая его появление с развитием феодальных отношений [40, с.125]. Этого же мнения придерживается и В.В. Марков [24, с.248]. На самом деле интерпретацию памятника затрудняет не отмеченное исследователями обстоятельство, что, судя по прориси, последняя буква имени была изменена резчиком, который сначала вырезал букву А, а затем исправил ее на Ъ, или наоборот (последовательность замены букв неопределима, так как памятник, хранившийся в Тверском музее, был утрачен в годы Великой Отечественной войны). В первом случае надпись («СТЕПАНА») указывает на принадлежность камня некоему Степану (что позволяет отнести его к межевым знакам), во втором («СТЕПАНЪ») – считать его надгробным, возможно, одним из древнейших подписных надгробий Верхневолжья. Нельзя исключить и того, что камень, первоначально являвшийся межевым, вторично был использован как намогильный памятник, с чем могла быть связана замена последней буквы в имени.

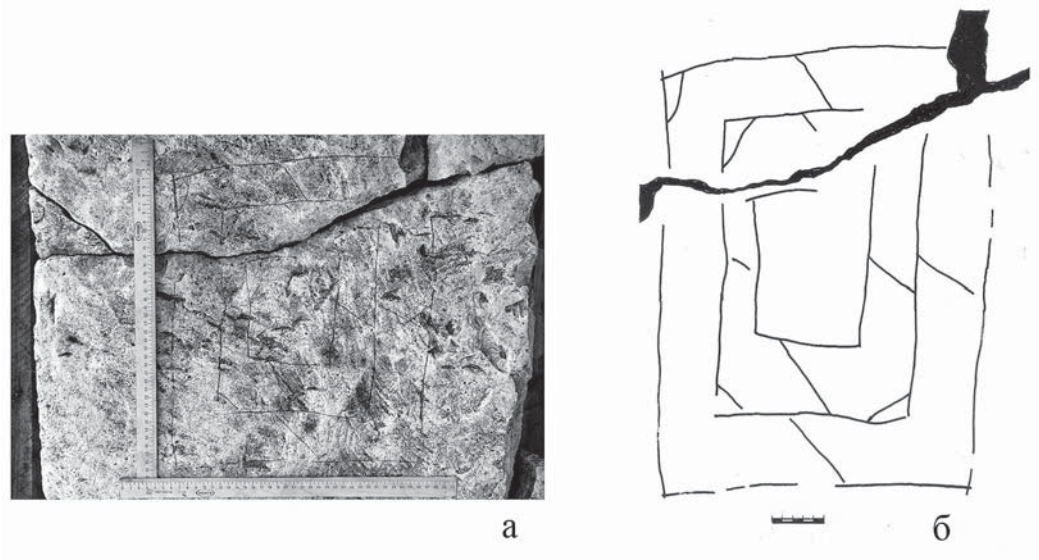


Рис. 7. Вторая половина XIII в. Ростов. Ростовский Петровский монастырь. Граффито с изображением «вавилона» на внутренней стороне белокаменной крышки саркофага. а. Фото. б. Прорись. Изд.: [3, с.289, ил.2].

Рис. 8. XII или XIII в. Тверская губ. Бежецкий у. С. Кузнецово. Так называемый «камень Степана».

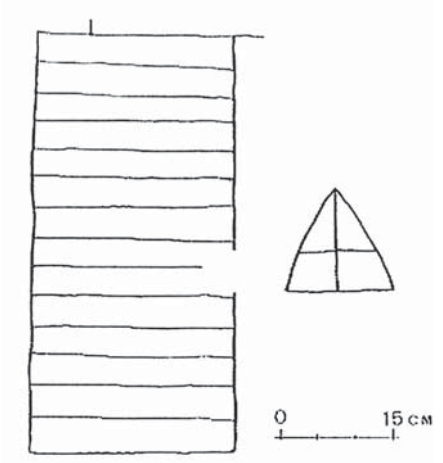


Рис. 10. Изборск. Труворово городище. Знаки на безымянной белокаменной плите – заготовке подпятного камня для креста. Изд.: [22, с.26].

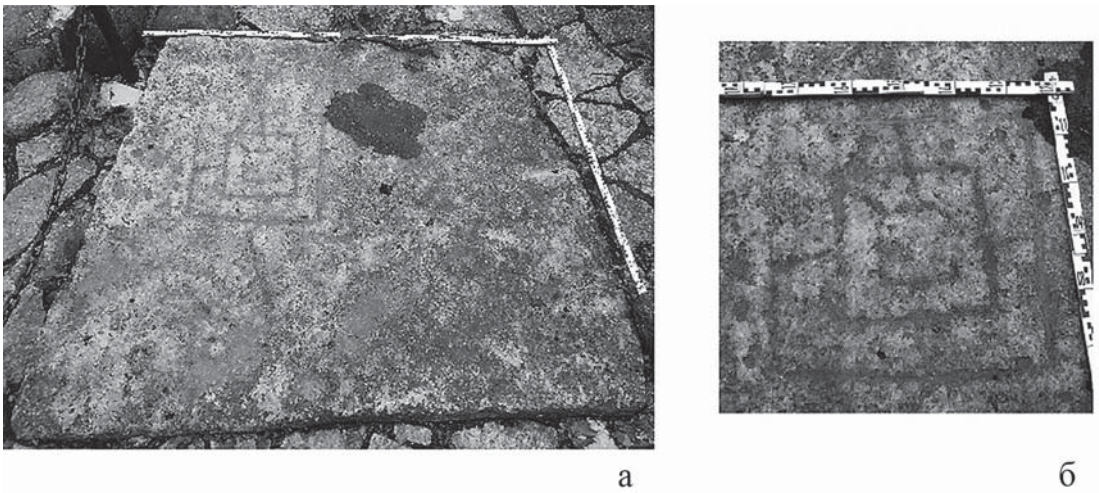


Рис. 9. Изборск. Труворово городище. Белокаменная подпятная плита (так называемый «Труворов камень»). а. Общий вид. б. Изображение «вавилона». Фото А.Г. Авдеева. 2016 г.

Все это указывает на связь «вавилонов» с древнерусской погребальной обрядностью, однако их семантическое и символическое значение неясно. Они воспринимались как христианские символы, но, в отличие от Запада христианского мира, источники для их интерпретации отсутствуют. Кроме того, связь символики «вавилонов» с погребальной обрядностью на ряде камней устанавливается гипотетически. Их археологический контекст утрачен, однако трудоемкость резных работ не позволяет видеть в них поле для игры. Неясна символика «вавилона», вырезанного на «Труворовом камне», – белокаменной плите (рис.9), лежащей у внешней кромки крепостного рва к югу от въезда на Труворово городище, древнейшую крепость Изборска, которая функционировала с XI по начало XIV вв. О ней впервые сообщил Н. Ильинский в 1790 г. [19, с.12, прим.5]. Митрополит Евгений (Болховитинов), посетивший город в 1818 г., не нашел плиты и высказал сомнения в ее существовании [14, с.136]. На рубеже XIX–XX вв. она была найдена и изучена А.А. Спицыным и М.И. Михайловым, которые, не касаясь ее функционального назначения, увидели в ней аналог «камню Степана» [36, с.24; 25, с.22–24]. Аутопсия данного участка городища, с XIV в. занятого кладбищем, в июне 2016 г. показала, что комплекс с «Труворовым камнем» составляют Труворов крест и безымянная белокаменная плита, исследованная в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. В.В. Косточкиным, ориентированные по оси восток-запад. Нижний шип Труворова креста вставлен в прямоугольное отверстие, вырубленное в центре белокаменной плиты. Оно есть и на безымянной плите (что указывает на нее как на заготовку подпятной плиты для креста). На ней В.В. Косточкин выявил два врезных знака – равнобедренный треугольник с вписанным в него крестом, и прямоугольник, разделенный параллельными линиями на равные по ширине полосы (рис.10). «Труворов камень»[3] близок по форме данным плитам, но отверстия не имеет, а вырезанный на нем «вавилон» семантически близок данным символам. Очевидно, он был нанесен на заготовку подпятной плиты для намогильного креста, или, как полагал В.В. Косточкин [22, с.26], надгробия, но вряд ли была игральной доской для скучающих стражников, как считал В.В. Седов [35, с.40]. Во всяком случае, тщательность и трудоемкость выполнения символа, и в этом случае не совместима с потребностями игры.

Валуны с изображениями «вавилонов» обнаружены в Псковской [4, с.62–67] и Тверской областях [30, с.208–209, № 47]. Особый интерес представляет такой камень на некрополе церкви прпп. Сергия Радонежского и Никандра Псковского в Изборске (построена в камне в 1611 г.) (рис.11). Он установлен вертикально и ориентирован по оси восток-запад, так же, как и соседние белокаменные намогильные кресты XIV–XVI вв. Изображение «вавилона», тщательно вырезанное в центре камня, не позволяет говорить о только лишь утилитарном назначении этого символа. Неясно, находится ли валун in situ, или же был перенесен на церковный некрополь в более позднее время. В любом случае это может свидетельствовать об устойчивости представлений о связи «вавилона» с христианской погребальной культурой. Возможно, что семантический аналог данному символу дают валуны с врезными изображениями крестов на жальниковых могильниках Псковской области (рис.12,13).

Важным фактом в понимании «вавилонов» является и то, что синхронно их изображениям на предметах погребального инвентаря на Руси появляются незнакомые язычеству *индивидуальные* намогильные памятники. На сельских кладбищах Северо-Востока Руси в XIII–XV вв. преобладающим типом надгробий становятся

[3] По сведениям П.Н. Кеппена, местные легенды связывали этот камень с надгробием Трувора [с. 637, прим. 5].

Рис. 11. Изборск. Кладбище при церкви Сергия Радонежского и Никандра Псковского (1611). Валун с изображением «вавилона». Вид с севера. Гнейс. Фото А.Г. Авдеева. 2016 г. Публикуется впервые.

Рис. 12. Изборск. Жальниковый могильник «Скудельня». Валун с врезным изображением креста. Гнейс. Вид с юго-запада. Фото А.Г. Авдеева. 2016 г.

Рис. 13. Псковская обл. Гдовский р-н. Самолвовская вол. Жальниковый могильник у дер. Чудская Рудница. Фото А. Г. Авдеева. 2016 г. Место хранения: Псковский музей-заповедник.

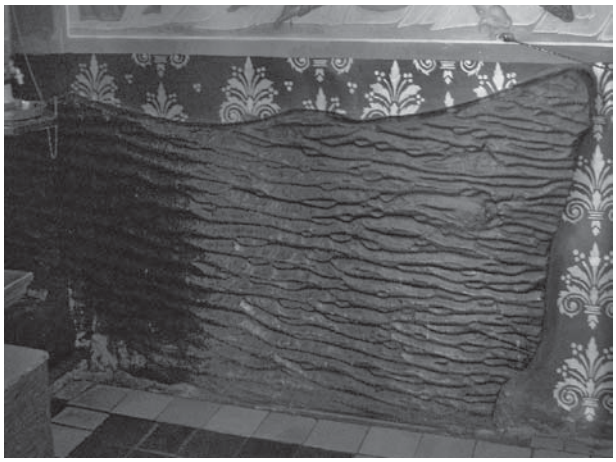


Рис. 14. Муром. Благовещенский монастырь. Церковь Благовещения. Надгробная плита свв. князей Муромских. Шокшинский песчаник. Фото А.Г. Авдеева. 2013 г.

Рис. 15. Великий Устюг. Храм Прокопия Устюжского. Северный придел. Надгробие прп. Прокопия Устюжского. Песчаник с большим количеством примесей оксида железа. Фото А.Г. Авдеева. 2013 г.

анэпиграфные валуны. Летописи и жития святых сохранили сведения об идентичных памятниках, связанных с городской культурой, – намогильных камнях свв. князей Муромских Константина и его сыновей Михаила и Федора (XIII в.?) (рис.14)[4], Даниила Московского († 1303) [1, с.6–9; 2, с.139–148] и прп. Прокопия Устюжского († 1303) [10, с.39,42] (рис.15).

В целом приведенный материал дает основания воздержаться от прямолинейного восприятия «вавилонов» как поля для игры в «мельницу» и в ряде случаев связать этот символ с погребальной символикой, характерной для Запада и Востока христианского мира, в том числе и для начального этапа эволюции индивидуальных надгробных памятников на Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдеев А.Г.* Чудо на могиле князя Даниила Московского: от агиографии к устному преданию // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2014. № 1. – С. 6–9.
2. *Авдеев А.Г.* Валунные надгробия Верхневолжья (Конец XV – вторая треть XVIII в.): Вопросы генезиса, бытования и источниковедения). М.: изд-во ПСТГУ, 2015. – 400 с.
3. *Авдеев, А.Г.*, *Леонтьев А.Е.* Памятники эпиграфики из раскопок Петровского монастыря в Ростове Великом // ВЭ. Вып. VIII. М., 2015. – С. 285–306.
4. *Александров А.А.* Культовые камни Псковской земли: язычество и христианство // Земля Псковская, древняя и современная. Тезисы докладов к научно-практической конференции. Псков, 1991. – С. 62–67.
5. *Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* О так называемых «вавилонах» // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве / Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2011. – С. 130–134.
6. *Белецкий С.В.* Кто был похоронен в Василевском саркофаге? // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова) / Под ред. А.В. Кашкина М.: ИА РАН, 2006. – С. 68–91.
7. *Беляев Л.А.* Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // РСН–1. М.: Наука, 2006. – С. 7–30.
8. *Бешевлиев В.* Прабългарски епиграфски паметници. София: изд. на Отечествения фронт, 1981. – 182 с.
9. *Беляев Л.А.* Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // РСН–1. М.: Наука, 2006. – С. 7–30.
10. *Власов А.Н.* Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб.: изд-во Олега Абышко, 2010. – 656 с.
11. *Гюзелев В.* Кавханите и ичиргу боилите на Българската ханство-царство (VII–XI в.). Пловдив: фондация «Българско историческо наследство», 2007. – 244 с.
12. *Диба Ю.* Поховання архітекторів у Давній Русі у світлі українських легенд про будівничих // Вісник Львівського національного аграрного університету. Сер.: Архітектура і сільскогосподарське будівництво. 2013. № 14. – С. 244–255.
13. *Душенко А.А.* Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мангупа // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Вып. XXI. Симферополь: СолоРич, 2016. – С. 222–247.

[4] Разные редакции Жития относят начало княжения св. Константина в Муроме либо к 1192, либо к 1223 г. [Повесть об обновлении града Мурома и епископе Василии // РГБ ОР. Ф. 92 (собрание С.О. Долгова). № 53. Л.356 об.; ср.: 17, с.255]. А.В. Экземплярский считал, что эта хронология доверия не заслуживает [41, с.610]. В.О. Ключевский, напротив, полагал, что Житие содержит историческое ядро, но его выделение затруднено [20, с.287–288]. Еще осторожнее высказался А.В. Кузьмин, который считает, что в Житии переплелись литературно обработанные биографии нескольких муромских князей домонгольского времени [23, с.102; также 2, с.90–93].

14. *Евгений (Болховитинов), митр.* Летопись древнего Славено-Русского Княжеского города Изборска // Труды и летописи ОИДР. 1830. Ч. V. Кн. 1. – С. 131–162.
15. *Жизневский А.К.* Загадочный каменный памятник // Древности. Труды МАО. Т. XIII. Вып. 1. М., 1893. – С. 120–123.
16. *Жизневский А.К.* Описание Тверского музея. Археологический отдел. С примечаниями гр. А.С. Уварова. М.: Синодальная типография, 1888. – 242 с.
17. Житие Константина, Муромского князя, и его сыновей Михаила и Федора // *Сухова О.А.* Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. Александр Казанцев. 1714 год. М.: Северный паломник, 2006. – С. 247–256.
18. *Зверкина Г.А.* Египетский треугольник в средневековом Новгороде // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 года / Отв. ред. Э. В. Шустова. М.: Аквилон, 2016. – С. 226–228.
19. *Ильинский Н.* Описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания. Ч. 1. СПб.: в тип. Б.Л. Гека, 1790. – 67 с.
20. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: тип. Грачева и К⁰, 1871. – 465, IV, III с. (репринт: М., 1988).
21. *Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю.* Псевдовавилоны // Культурний шар / Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна / Відп. ред. О. П. Толочко. Київ: Лаурус, 2017. – С. 185–197.
22. *Косточкин В.В.* Тропой легендарного Трувора: Изборск, Малы, Сенно. М.: Искусство, 1971. – 127 с.
23. *Кузьмин А.В.* Константин, Михаил и Феодор // ПЭ. Т. XXXVII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015. – С. 100–104.
24. *Марков В.В.* Троицкий монастырь на Кловке и смоленские князья // ВЦИ. 2013. № 3/4 (31/32).
25. *Михайлов М.И.* Памятники русской вещевой палеографии. Пособие для слушателей Императорского СПб археологического института. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильбор, 1913. – 60 с.
26. *Нахапетян В.Е.* Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии // РА. 1994. № 4. – С. 107–188.
27. О древностях в Тверской Карелии. Извлечения из писем Ф.Н. Глинки к П.Н. Кеппену // ЖМВД. 1836. Ч. 19. № 2. – С. 633–651.
28. *Овчаров Дм.* Български средновековни рисунки-графити. София: държавно изд-во «Септември», 1982. – 368 с.
29. *Орлов И.И.* Образ лабиринта в иконографии одной русской иконы. Иконография через герменевтику // Исторические, философские, политические и юридические науки. Вопросы теории и практики. № 11 (73). Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2016. – С. 143–148.
30. *Плетнев В.А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь: Типография Губернского правления, 1903. – 607 с.
31. *Полякова Г.Ф., Фехнер М.В.* Игра в мельницу в Древней Руси // Slovenská archeologia. 1973. Roč. XXI. № 2. – С. 441–444.
32. *Рыбаков Б.А.* Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. 1957. № 1. – С. 83–112.
33. *Рыбаков Б.А.* Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М.: изд-во МГУ, 1984. – 240 с.
34. *Рыбина Е.А.* Шашки, «мельница», шахматы // Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. Серия археология. М.: Наука, 1997. – С. 110–114.
35. *Седов В.В.* Изборск в раннем Средневековье / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007. – 424 с.
36. *Спицын А.А.* Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских. СПб., 1903. – 32 с.
37. *Станчев Ст., Иванова В., Балан М., Боев П.* Надписът на чъргубиля Мостич. София-изд. на Блъгарската Академия на науките, 1955. – 169 с.

38. *Тимощук Б.А.* Древнерусские города Северной Буковины // Древнерусские города. Отв. ред. В.В. Седов. М: Наука, 1981. – С. 116–136.
39. *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы / Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельникова. М.: Прогресс, 1986. – С. 8–128.
40. *Черепнин Л.В.* Русская палеография. М.: Госуд. изд-во политической литературы, 1956. – 616 с.
41. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. II. Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. СПб.: изд-во И.И. Толстого, 1881. – X, 696 с., 9 л. табл.
42. *Azzola F.K., Azzola J.* Denkmahlkudlich-ikonographische Zuordnung eines Grab-Kreuzsteines in Ermschwerd, Kreis Witzenhausen // Zeitschrift des Vereins für Hessische Geschichte und Landeskunde. Bd. 83. Kassel: Drukerei Neumaster, 1972. – S. 57–61.
43. *Berger F.* From Cycle and Square to the Image of World: a possibile interpretation for some Petroglyphs of merel boards // Rock Arts Research. 2004. Vol. 21. № 1. – P. 11–25.
44. *Büttner Th.* Die Bildplatte von Schöllkrippen-Ernstkirchen. Ikonographisce Vergleiche. Schöllkrippen: Markt Schöllkrippen, 1990. – 58 S.
45. *Ellmers D.* Die frümittelartliche Reliefplatte von Schöllkrippen-Ernstkirchen // Führer zu vor- und frühgeschictlichen Dänkmälern. Bd. VIII: Miltenberg, Amorbach, Obernburg, Aschaffenburg, Seligenstadt. Mainz: Philipp von Zabern, 1967. – S. 47–49.
46. *Großmann G.U.* Zu den Steinmettzeichen und den mittelalterlichen Inschriften und Graffiti // Der Crac des Chevaliers. Die Baugeschichte einen Ordensburg der Kreuzfahrzeit. B.: Schnell und Steiner, 2006 (*Fofschungen zu Burgen und Schlőssern. Sonderbd. 3*). – S. 348–361.
47. Juegos de Tableros Romanos y Medievales // URL: http://juegosdetablerosromanosymedievales.blogspot.ru/2009/10/tableros-de-juegos-romanos-y-medievales_4479.html (дата обращения 20 июля 2017 г.)
48. *Moore J.* Tille Höyük 1. The Medieval Period. 1. Ankara, 1993. – VIII, 205 p. (*British Institute of Archeologie at Ankara. Mon. № 14*).
49. *Novikov E.* Playful in life and after Dead: board games in early Hellenistic Thrace // The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 12th International congress of Thracology. Thârgovişte, 12th–14th September 2013. Vol. II: Necropolises, Cult places, Religion, Mythology / Eds V. Sîrbu, R. Ştefănescu. Braşov: Muzeul Brăilei Editura Istros, 2013. – P. 277–288.
50. *Thieme K., Sommer R., Wolfe S.* Das Grosse Buch der Stile. Bd. 5. Die Romanik. Mannheim: Reinhard Velz Vermitter Verl., 2005. – 1028 S.

Университет Дмитрия Пожарского,
ПСТГУ,
г. Москва

A.G. Avdeev

Once again about symbolics of «babylons»

The paper deals with so-called «babyilons» – figures consisted of rectangles inscribed into each other. Considering various circumstances of their drawing, accompanying context, sizes and proportions of images it is possible to assume that these signs were used not only for utility purpose. Material given in the paper keeps us from considering «babylons» as just an area for «mill» game. In some cases this symbol can be associated with funeral symbolics typical for the West and the East of Christian world and particularly for the initial evolution stage of individual gravestones of Old Russia.

Keywords: *«babylons», «mill» game, sarcophags, gravestones, funeral symbolics.*

УДК 903.26 «14/15» https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.371-387

А.В. АЛЕКСЕЕВ, С.В. КУЗЬМЕНКО

О СРЕДНЕРУССКИХ КАМЕННЫХ КРЕСТАХ XV–XVI ВВ.

В работе обобщены сведения о редком виде надгробного памятника Московской Руси – белокаменных крестах с геометрическим декором, бытовавших в последней четверти XV в. – первой половине XVI в. Общий счет орнаментированных в едином «московском» стиле вертикальных надгробий крестового характера – 25 памятников, происходящих из 14 пунктов. География находок рассматриваемых крестов включает Москву и Подмосковье, Ярославскую, Костромскую и Калужскую области. Поднимается вопрос о связи между скульптурно и орнаментально декорированными каменными крестами. Введение в научный оборот новых памятников средневековой ставрографии существенно обогащает наши представления о погребальной культуре Московской Руси.

Ключевые слова: *каменные кресты, Московская Русь, русское средневековое надгробие, геометрический орнамент, ставрография*.

Настоящая работа представляет собою первый опыт обобщения сведений о редком виде надгробного памятника Московской Руси – белокаменных крестах с геометрическим декором, бытовавших, по нашему мнению, в узких временных рамках – последней четверти XV в. – первой половине XVI в. География находок таких крестов включает Москву и Подмосковье, Ярославскую, Костромскую и Калужскую области. Часть находок, на которых построен наш обзор, была опубликована ранее разными авторами, а часть вводится в научный оборот впервые. Общее количество известных памятников пока невелико, однако вполне достаточно для понимания своеобразия явления, для некоторых выводов и постановки новых вопросов, в одном из которых можно видеть интригующую историческую загадку.

В большинстве случаев речь идет о фрагментах крестов, разбитых еще в древности. Некоторые из них найдены в переотложенном виде при проведении археологических работ, некоторые – при освидетельствовании средневековых могильников, подвергающихся ныне грабительским раскопкам, а другие выявлены в фондах краеведческих музеев. Один из двух сохранившихся целиком крестов находился в качестве почитаемой святыни в сельском храме. На настоящий момент мы не располагаем ни одним образцом, который мог бы быть точно датирован при помощи сопутствующих находке обстоятельств. В лучшем случае можно говорить о верхней границе датировки – начало XVII в., – если анализ письменных источников и археологический контекст позволяют утверждать, что некрополь, с которого происходит памятник, прекратил свое функционирование в Смутное время.

Аргументы для более точной датировки мы могли черпать исключительно из анализа самих памятников. В качестве особого примера отметим каменный крест, найденный на Рождественском погосте Звенигорода, содержащий надпись-граффити из нескольких слов, датирующуюся палеографически XV в. В остальных случаях нам пришлось опираться лишь на факт применения в декоре крестов тех же орнаментов, которые встречаются на плитчатых надгробиях, подразумевая при этом, что выводы, сделанные относительно временных рамок использования этих орнаментов на плитах, могут быть перенесены и на кресты. Это допущение вполне оправдано

обстоятельством бытования крестов и плит в одной среде: они устанавливались на одних и тех же кладбищах и, весьма вероятно, изготовлялись в одних и тех же мастерских. Таким образом, надгробные плиты являются ближайшим «фоном» для рассмотрения исследуемых крестов и практически единственным ориентиром для их датировки. Общий счет орнаментированных в едином «московском» стиле вертикальных надгробий крестового или иного (гипотетически) характера – 25 памятников, происходящих из 14 пунктов [3].

Преобладающая форма крестов – четырехконечная. К более редким вариантам относятся кресты с объемным навершием и кресты с двумя перекладинами.

Обобщим предварительно наблюдения над оформлением этих памятников.

Характерная черта «московских» крестов – наличие более или менее широкого бортика (единственное на данный момент исключение – крест из д. Рогачёво (Р-1)). Бортики обязательно покрыты геометрическим рисунком. Типичный вид орнаментации бортика – лента «крестчатых квадратов»[1], которая может в отдельных местах (в навершии, но не только) заменяться двумя рядами мелких противопоставленных треугольников («змейкой»).

Другая характерная черта обсуждаемых памятников – обронные изображения крестов. По-видимому, имела место установка, что изображения крестов должны быть выступающими. Чаще всего изображение креста одно, высеченное в средокрестии. Имеются примеры с двумя или несколькими крестами. Из других элементов декора оброном может быть вырезано только плоское кольцо, окружающее изображение креста в средокрестии.

Мастера пользовались двумя вариантами создания обронных изображений. В первом варианте они высекали обронное изображение в рамках единого технологического этапа с выборкой внутреннего поля. В результате получалась фигура, выступающая над плоскостью поля. Во втором варианте мастера сначала создавали ровное внутреннее поле, а затем вырезали специальное круглое клеймо, вмещающее обронную фигуру, или даже несколько клейм. Соответственно, фон в клейме понижен по отношению к плоскости поля, и обронная фигура возвышается над плоскостью фона клейма, но не плоскостью поля. Такое же клеймо с обронной фигурой мы видим на кресте из д. Рогачёво (Р-1), не имеющем бортика, из-за чего клеймо было неизбежным для создания обронного изображения (рис. 1: 9). Однако для крестов с бортиком фоном для обронной работы могло выступать все внутреннее поле, что и реализовано в ряде примеров. Использование же специальных клейм можно объяснить тем, что резчики в некоторых случаях могли получать для работы заготовки, уже имевшие бортик. Но не исключено также, что клейма изначально были сознательным способом акцентировки заключенных внутри них фигур.

Изображения крестов представлены тремя типологическими вариантами: крест-кросслет[2], равносторонний четырехконечный крест, неравносторонний четырехконечный крест на Голгофе. Оба варианта четырехконечных крестов представлены, за одним исключением, фигурами, набранными «крестчатыми квадратами». Такая «модульность» жестко задавала и пропорции фигур, и самый их вид. Среди

[1] Единица этого орнамента представляет собою прочерченный графьёй квадрат с диагоналями; в каждой из четырех ячеек квадрата вырезан треугольник подобной с ячейкой формы, только меньше нее. В совокупности четыре треугольника, заполняющие квадрат, производят впечатление крестообразной фигуры с расширяющимися рукавами.

[2] Под крестом-кросслетом понимается центрированный крест, каждая из четырех главных ветвей которого снабжена дополнительной перекладиной.

Рис. 1. Среднерусские каменные кресты XV–XVI вв. с геометрическим декором: 1 – фрагмент вертикального надгробия или креста с селища у д. Ямищево (Ям-1); 2 – фрагмент креста из Звенигорода (З-1); 3–5 – фрагменты крестов с Рождественского погоста г. Звенигорода (ЗРП-25, ЗРП-26, ЗРП-27); 6 – фрагмент креста из раскопок церкви Троицы в Старых Полях (г. Москва) (ТСП-23); 7 – крест из часовни в д. Орлец близ с. Густомесово (Г-1); 8 – фрагмент креста из раскопок в Зачатьевском монастыре (г. Москва) (Зм-1); 9 – крест со средневекового погоста близ д. Рогачёво (Р-1); 10 – фрагмент креста с селища у д. Петелино (П-1); 11 – фрагмент креста из Старицкого краеведческого музея (Ст-1).

крестов-кросслетов только в двух схожих друг с другом случаях изображение было создано «модульным» способом (фрагменты КД-8 и КД-25, КД-17 из д. Кузьмодемьянки (рис. 2: 4-6)). В остальных случаях резчики варьировали пропорции и сам облик креста-кросслета. Всего мы имеем 8 примеров памятников с крестами-кросслетами.

Изображения крестов-кросслетов на некоторых памятниках обработаны неорнаментальным приемом – прорезанными или процарапанными срединными бороздами.

В случаях применения плоского обронного кольца, окружающего изображение креста в средокрестии, это кольцо несет орнамент из крупных равносторонних треугольников, скомпонованных в ленту путем чередования их ориентации (рис. 1: 10; 2: 1).

Надписи-монограммы не были обязательным элементом оформления «московских» крестов. На данный момент мы располагаем всего 5-ю примерами с процарапанными монограммами, 2 из которых происходят из д. Кузьмодемьянки.

Почти все орнаменты, которые мы встретили в декоре рассматриваемых памятников, входят в репертуар орнаментики «московских» плит, отчего, собственно, мы и говорим о крестах с «московским» типом орнамента. Плиты, будучи хорошо датируемым массовым материалом, дают нам ориентир для датировки крестов, ибо орнаменты, о которых идет речь, применялись на плитах ограниченное время.

Конкретные способы применения того или иного орнамента, естественно, различны между горизонтальными и вертикальными памятниками. В наибольшей мере это касается важнейшего для «московских» крестов элемента декора – «крестчатых квадратов». Для рассматриваемых крестов этот орнамент является не менее характерным признаком, чем бортик и обронные фигуры. «Крестчатые квадраты» обязательно присутствуют на бортике и (или) на изображениях крестов во внутреннем поле (исключение – образец из д. Рогачёво). На плитах же «крестчатые квадраты» в принципе не использовались в бордюрах; единственным известным нам исключением является фрагмент плиты второй половины XVI в. из Троице-Сергиева монастыря [6, с.126, рис. 1, *9*]. Область эпизодического применения «крестчатых квадратов» на плитах: заполнения клейм, лента вдоль изголовья, «пояс», соединительные косые ленты между верхним клеймом и плечиками [4, с.144], – т.е., в основном, дополнительные изобразительные элементы, которыми резчики пытались индивидуализировать безэпитафийные надгробия на раннем этапе применения устойчивой антропоморфной композиции. Самые ранние плиты с «крестчатыми квадратами» – крышки саркофагов митрополитов Киприана и Фотия [21], если верна датировка этих памятников временем кончины митрополитов (соответственно, 1406 г. и 1431 г.). Наибольшее количество примеров применения обсуждаемого рисунка на плитах приходится на последнюю четверть XV в. На протяжении XVI в. «крестчатые квадраты» еще встречаются, но уже в качестве исключения [4, с.144]. Если переносить на «московские» кресты выводы относительно сроков применения «крестчатых квадратов» на плитах, то кресты следует датировать расширенно – временем от начала XV в. до середины – третьей четверти XVI в. Наиболее вероятной нам представляется датировка, суженная до периода наибольшей востребованности «крестчатых квадратов» на плитах, т.е. до последней четверти XV в., и некоторого последующего времени, в пределах первой половины XVI в. Эту датировку поддерживают наблюдения над остальными орнаментами, отмеченными на «московских» крестах. Примеры применения одного из этих орнаментов – одинарного ряда мелких равнобедренных треугольников, «посаженных» основаниями на общую линию графьи – среди плит очень редки, и относятся они к рубежу XV–XVI вв. [4, с.296, Бм №13, Бм №14], хотя имеется также пример начала XV в. (плита митрополита Киприана [21, с.229-231, рис.3]).

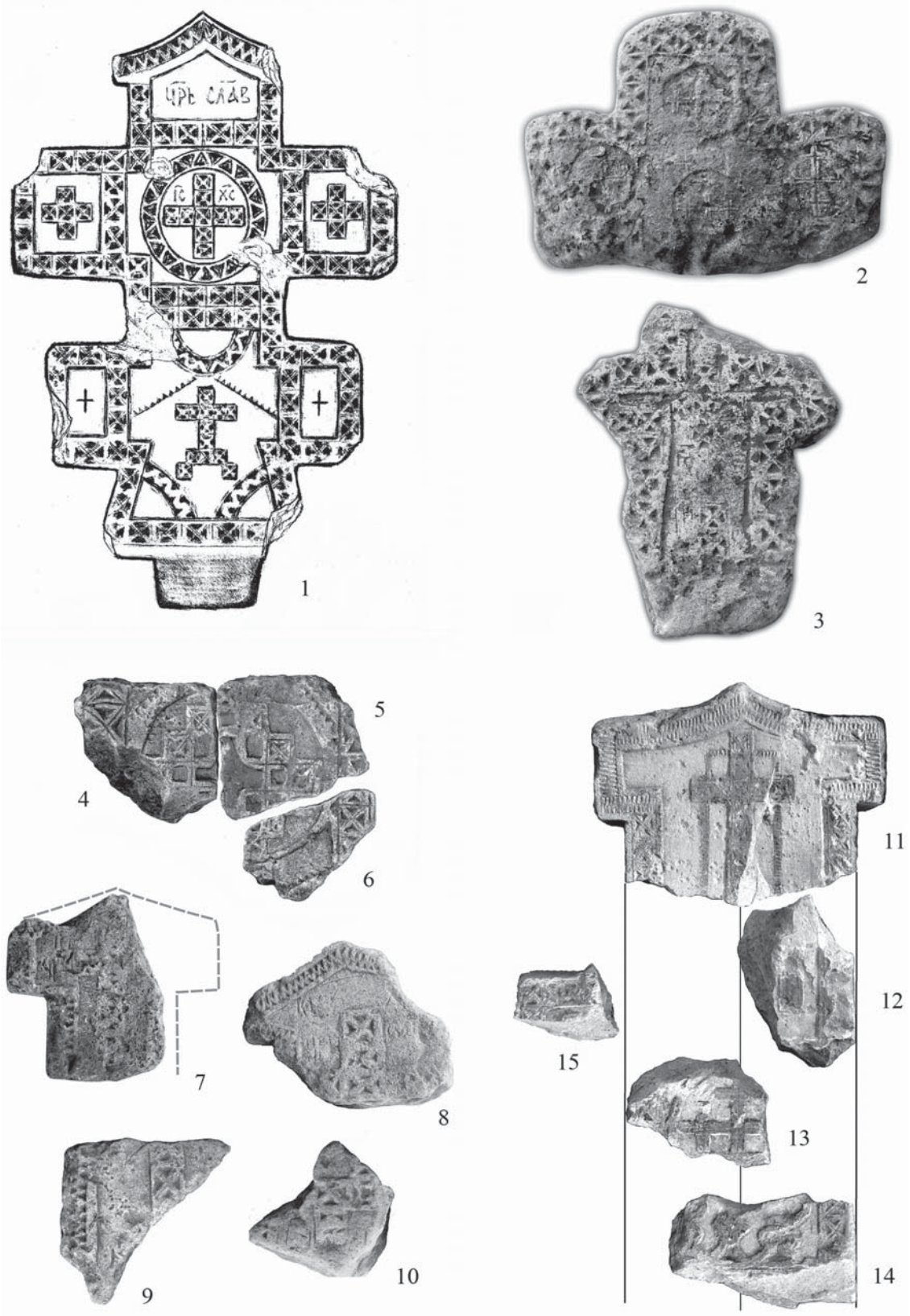


Рис. 2. Среднерусские каменные кресты XV–XVI вв. с геометрическим декором: 1 – крест из г. Можайска (Мож-1); 2, 3 – обломки крестов из окрестностей с. Кременское (Кр-1, Кр-2); 4–10 – фрагменты вертикальных надгробий из д. Кузьмодемьянки (КД-25, КД-8, КД-17, КД-10, КД-9, КД-16, КД-24); 11–15 – фрагменты креста из д. Пудово-Сипягино (ПС-1, ПС-2, ПС-3, ПС-4, ПС-5).

Самая любопытная черта «московских» крестов – неоднократное применение в их оформлении крестов-кросслетов, довольно редких в русской иконографии. С.Е. Компанец, опубликовавший находки с погоста близ д. Рогачёво, весьма обстоятельно остановился на проблеме истолкования креста-кросслета на одном из найденных им памятников [11]. К сожалению, на выводы исследователя решительно повлияло представление об уникальности креста с таким изображением. В настоящий же момент, когда мы имеем 8 примеров «московских» крестов и «спорных» надгробий с изображениями крестов-кросслетов, версия С.Е. Компанца должна быть пересмотрена.

Суть этой версии выражается следующим образом. Изображения креста-кросслета отсутствуют «на византийских, западно- и восточноевропейских (включая Русь) иконах, в декоре церквей и на культовых предметах». Между тем, можно зафиксировать случаи использования обсуждаемого символа в западноевропейской геральдике, восходящие ко времени Крестовых походов и закрепившиеся к XV–XVI вв. Отсюда автор приходит к заключению о «несомненно западноевропейском происхождении креста-кросслета», и о бытовании знака преимущественно в геральдической, а не церковно-эмблематической сфере. С такой установкой неизбежен вывод относительно креста из д. Рогачёво: «Каменный надгробный крест, несомненно, принадлежит иностранцу, выходцу из Западной Европы, о чем свидетельствует семантический анализ центральной композиции памятника – креста-кросслета, выступающего здесь более как геральдический знак, нежели мемориально-христианский». Из-за этого исследователь идет даже на такую натяжку, как признание факта захоронения иноверца, хотя бы и владельца поместья, на православном погосте.

Смягчим эту натяжку, вообразив иностранца, принявшего православие. В таком случае его надгробное сооружение в целом должно было подчиняться представлениям и нормам, принятым на русском некрополе того времени.

Рассуждая последовательно, для принятия версии С.Е. Компанца необходимо допустить, что на родине гипотетического иностранца существовала традиция установки на могилах каменных крестов с геральдическими символами. Однако исследователь примеров подобной практики не привел. Упомянутый им гранитный крест из Тиршница (Бавария) с небрежно вырезанным на нем небольшим крестом-кросслетом, очевидно, не был надгробным памятником. Однако мы можем указать пример каменного креста с бесспорно геральдическим изображением – это двухметровый гнейсовый крест, находящийся близ Яановской церкви в Тарту (Эстония) [23]. В средокрестье памятника выбито изображение иерусалимского креста, заключенное в круге. Иерусалимский крест является символом рыцарского ордена Святого Гроба Господня. Датироваться памятник может в пределах XIV–XVI вв. Хотя из-за размеров каменного креста также возникают сомнения в его предназначении как надгробного памятника, этот пример дает нам основание внимательно отнестись к версии С.Е. Компанца.

Так совпало, что С.Е. Компанцу встретился специфически оформленный образец «московского» креста – без бортика, с крупным клеймом, с резко выделяющимся благодаря 5-миллиметровой выборке фона изображением креста-кросслета, причем креста-кросслета именно той формы (пропорции, «силуэтное» решение), какая применялась в западноевропейской геральдике. У таких же образцов, как крест с Звенигородского Рождественского погоста (ЗРП-25 (рис.1: 3)), Петелинский крест (П-1 (рис.1: 10)) изображение креста-кросслета масштабно скромнее, а в общей композиции изделия большая роль принадлежит декоративному оформлению, в том числе – «московским» орнаментам. На собранных к настоящему времени примерах

кресты-кросслеты трактованы по-разному, что противоречит «геральдической» версии, ибо использование креста-кросслета в качестве геральдического знака, очевидно, должно предполагать его шаблонность. Ничего подобного крестам-кросслетам на Петелинском и Звенигородском крестах в европейской геральдике не встречается. Особенно показателен в этом отношении крест-кросслет на фрагментах КД-8 и КД-25 из д. Кузьмодемьянки (рис.2: 4,5) – декоративно разделанный, с «крестчатыми квадратами» на концах ветвей, т.е. трактованный резчиками совершенно вольно. Выделять же памятник из д. Рогачёво, с точки зрения смысла изображения в средокрестии, среди ряда других примеров с крестами-кросслетами мы не имеем никаких оснований. Тем более, что применение круглого клейма в качестве фона для обронной фигуры, на чем акцентировал внимание С.Е. Компанец («мемориальность подчеркнута крестом, вписанным в круг»), зафиксировано еще для нескольких примеров: памятников из Петелино, Кременского, Кузьмодемьянки, Сипягино.

Вряд ли памятник над могилой иноземца превратился бы в объект почитания, как это стало с крестом ЗРП-25 с Рождественского погоста, что зафиксировано в надписи-граффити на его боковой стороне [2, с.65-68].

Крест из с. Сипягино, на фрагменте которого имеется изображение креста-кросслета (ПС-3 (рис.2: 13)), мог находиться над захоронением владельца усадьбы или члена его семьи. Судя по надгробной плите Михаила Ивановича Кобякова 1515 г. с уникальной надписью о построении церкви в том же году Иваном Григорьевичем Наумовым Кобяком, надгробной плите 1521 г. Варвары Борисовны, жены Ильи Григорьевича Наумова, надгробной плите 1547 г. Алексея Ивановича Кобякова Наумова [10] и документам XVII в., в которых владельцами усадьбы названы А.Ф., Л.Е. а затем и М.А. Наумовы [20, с.220], селом с 10-х гг. XVI до 70-х гг. XVII в. владели представители одного рода. Сам же крест, как мы обосновали ранее, датируется 30–50 гг. XVI в. [3, с.322-324].

Справедливости ради, специально отметим то обстоятельство, что ни одно изображение креста-кросслета на «московских» памятниках не сопровождается монограммами.

Не выдерживает критики тезис об исключительно «западноевропейском происхождении» креста-кросслета. Вообще, следует заметить, что сама незамысловатость этой фигуры предполагает возможность многократного ее «изобретения» в разных культурах, что весьма затрудняет какие бы то ни было суждения о «заимствованиях». Крест-кросслет встречается в русской домонгольской металлопластике (рис.3: 1-9), для которой вообще характерно большое разнообразие форм креста. Можно привести примеры крестов-кросслетов и в качестве компонента крестовключенных подвесок XII–XIII вв. [12, с.20-21, №20], и в качестве «свободных» фигур, т.е. нательных крестов XI–XII вв. [12, с.165, №314-316]. Изображения таких находок приведены нами в сводной таблице на рис.3. Здесь же присутствует нательный крест (рис.3: 6), концы 4-х главных ветвей которого точно так же расширяются, как на изображении креста-кросслета на памятнике с Рождественского погоста Звенигорода. Следует отметить, что нательные кресты-кросслеты не могут быть трактованы таким образом, как это делается в отношении западноевропейских крестов-кросслетов, т.е. с миссионерским оттенком: как составное изображение из четырех крестов, ориентированных по сторонам света. Нательные кресты-кросслеты со смысловой точки зрения эквиваленты одному кресту-Распятию. Конкретная форма крестов, возможно, определялась соображениями декоративности, допустимостью вариаций при господстве принципа Федора Студита: «крест всякой формы есть истинный крест». Однако пример скульптурно декорированного хачкара в армянском монастыре

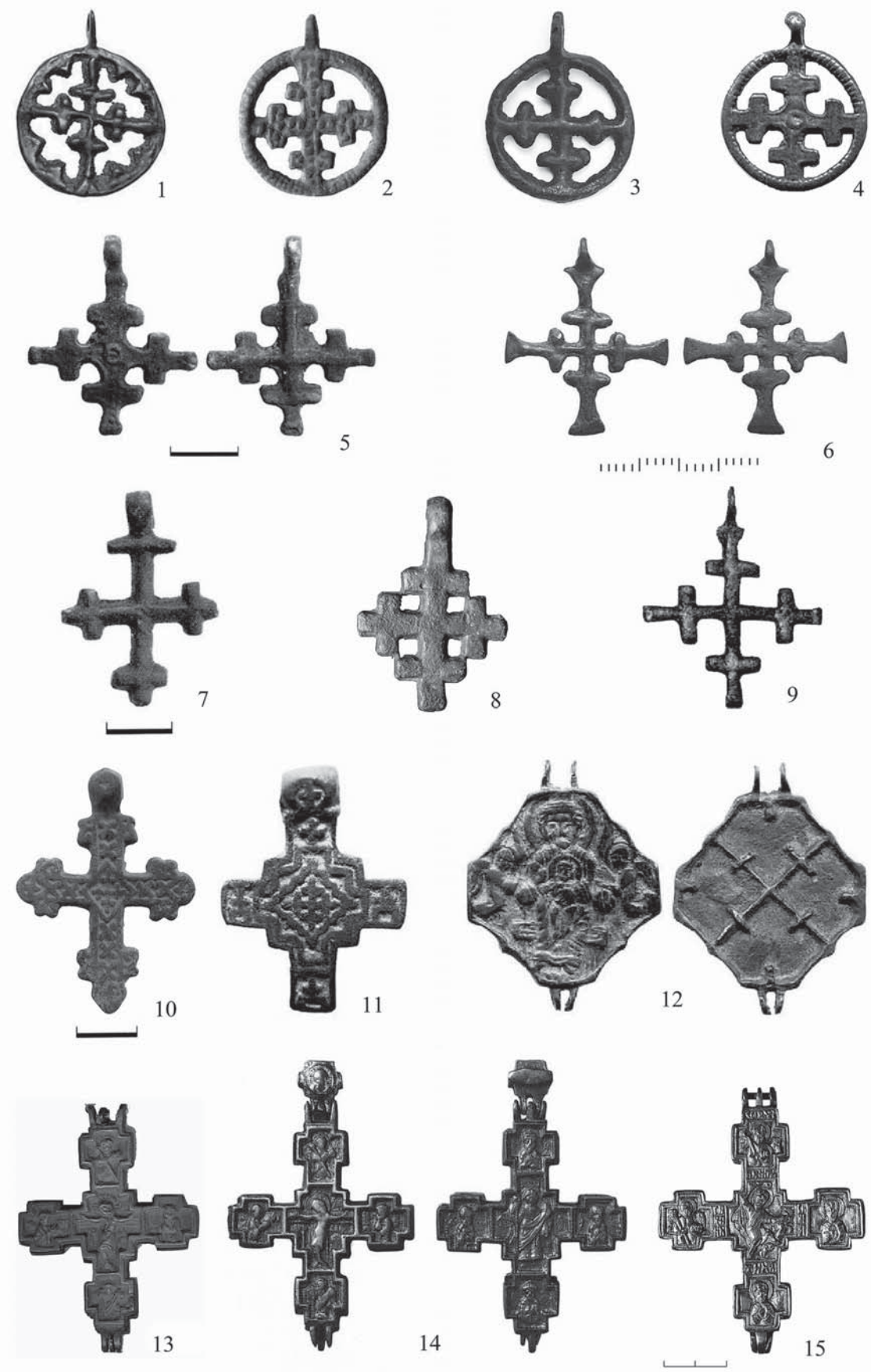


Рис. 3. Изображения креста-кросслета на образцах древнерусской и средневековой христианской металлопластики. Сводная таблица.

Ахпат [19] показывает, что форма креста с дополнительными перекладинами не только на вертикальных ветвях, но и горизонтальных могла приписываться «историческому» Кресту, на котором был распят Христос.

Среди находок текстильных изделий из курганов XI–XII вв. в Ярославской и Московской областях известны случаи применения крестов-кросслетов в вышивке ворота и других частей одежды [18, с.7, рис.2, 5; 15, с.128].

Для послемонгольского времени (XIV–XV вв.) характерен ряд энколпионов с силуэтом, формально близким к «строгому» кресту-кросслету. По природе своей их композиция пятисоставная: они представляют собою своего рода крестообразно оформленный «полиптих», каждый элемент которого сам имеет крестообразные очертания (рис.3: 13-15). Эта композиция была удачно найденным декоративным решением, и никакой причины приписывать ей миссионерские коннотации, очевидно, нет. Большинство таких энколпионов происходит из новгородских земель, однако сейчас их нередко находят в т.ч. в Московской области.

На допустимость использования креста-кросслета даже в сфере «официального» церковного искусства указывает пример каменного скульптурно декорированного Боровичского креста, где изображение креста-кросслета помещено на окладе Евангелия, которое держит Христос [5, с.111-112]. Изображения крестов-кросслетов, дополненные «венком» вокруг средокрестия, присутствуют также в декоре знаменитого Людогощенского креста [5, с.121-122].

В оформлении намогильных каменных крестов новгородских земель кресты-кросслеты практически не применялись, что связано, вероятно, с предпочтительностью изображения на указанных памятниках крестов на горке-Голгофе или иным образом переданной опоре. На каменных крестах «жальничных новгородского типа» [17], например, изображались кресты хотя и странного вида, но обязательно на Голгофе, что говорит об устойчивости применения последней. Очевидно, что форма четырехсторонне-симметричного креста-кросслета зрительно плохо сочеталась бы с горкой-Голгофой. Нам известны только примеры изображений крестов-кросслетов с удлиненной нижней ветвью, для более гармоничного сочетания креста с Голгофой (при этом все 4 дополнительные перекладины остаются равноудаленными от средокрестья). Один из таких примеров – небольшое изображение креста-кросслета простой формы на каменном кресте, находящемся при церкви с. Погост-Саблё (Батецкий р-н Новгородской обл.) [24]. Остальные примеры высечены на 4-х схожих между собою образцах, найденных в Ленинградской области: в д. Систа Кингисеппского р-на (1 образец [25]) и в д. Ославье Волосовского р-на (3 образца [26]); изображения крестов-кросслетов на этих образцах крупные, с кольцом вокруг средокрестья, с расширяющимися концами всех дополнительных и 3-х главных (боковых и верхней) ветвей. Отметим, что наличие Голгофы ясно показывает, что каждое изображение является эквивалентом одного креста-распятия, а не соединенных вместе четырех крестов. На каменном кресте, вмонтированном в стену новгородской церкви Воскресения на Мячине [27], высечен центричный крест производной от кросслета формы (крест-кросслет, усложненный дополнительными перекладинами «второго порядка»), также снабженный Голгофой. В примерах из с. Погост-Саблё и из церкви Воскресения на Мячине изображения крестов сопровождаются обронными монограммами, в 2-х примерах из Ленинградской области – врезными. Из интересных примеров укажем также на крупную обронную фигуру креста, высеченную на каменном кресте, хранящемся в краеведческом музее г. Боровичи [28]. Изображенный на памятнике крест опирается на горизонтальное основание, и все его ветви, кроме нижней, снабжены дополнительными перекладинами.

Для искусства Московского княжества мы вынуждены констатировать отсутствие примеров изображения крестов-кросслетов вне круга недавно введенных в научных оборот «московских» крестов. Правда, в лапидарии Московского кремля хранится камень, найденный в фундаменте церкви Спаса на Бору в 1930-е гг., публиковавшийся Г.К. Вагнером и А.В. Гращенковым [5, с.77-78; 8, с.57]. На лицевой стороне камня полностью сохранилось круглое клеймо, в котором путем выборки фона был высечен крест-кросслет. Исследователи сочли этот камень обломком аркады, причем небольшие размеры камня порождали сомнения, разрешенные А.В. Гращенковым в пользу гипотезы о «какой-то малой форме интерьера храма», например, «аркатуре алтарной преграды». Однако подобные алтарные преграды (т.е. с аркатурой) для Руси неизвестны. По нашей версии, обсуждаемый камень принадлежал навершию белокаменного креста, по своей форме подобного кресту 1467 г. из Дмитровского Борисоглебского монастыря. Заметим, для подкрепления нашей версии, что толщина камня из лапидария (16 см) весьма близка толщине указанного креста (14 см). О том, что такие кресты ставились в Московском кремле, свидетельствует уцелевший образец – крест, находящийся снаружи Успенского собора, но связанный с интерьерным размещением раки святителя Ионы [21, с.233-234]. Из источников XIX в. известно еще об одном кресте при Успенском соборе, аналогичным образом отмечавшем погребения митрополитов Киприана и Фотия [21, с.233]. Таким образом, если считать камень из лапидария фрагментом креста, то этот крест либо мог отмечать снаружи какого-либо собора интерьерную гробницу, либо мог быть установлен на открытом некрополе одного из кремлевских монастырей. Если наша гипотеза верна, то изображение креста-кросслета вновь оказывается высеченным на надгробном памятнике, причем памятнике примерно того же времени, что и «московские» кресты (камень попал в фундамент церкви Спаса на Бору, вероятнее всего, при ее перестройке в XVI в.). Разумеется, погребение иностранца на территории Московского кремля абсолютно исключено. Высоко вероятна принадлежность памятника погребению церковного иерарха. Факт появления памятника с крестом-кросслетом в Московском кремле очень важен для нашей темы, ибо его можно рассматривать как своего рода санкцию на допустимость использования этого же знака на памятниках рядовых некрополей.

Совокупность изложенных обстоятельств делает неприемлемой гипотезу С.Е. Компанца о принадлежности «московских» памятников с крестом-кросслетом погребениям иностранцев (эта гипотеза была сформулирована им применительно к одному памятнику, но она неизбежно должна быть «адресована» также всем остальным «московским» памятникам с крестом-кросслетом и камню из лапидария Московского кремля). Вывод о связи «московских» памятников, на которых изображен крест-кросслет, с погребениями русских людей следует преимущественно из факта их установки на православных кладбищах, в особенности городских, из широкой географии находок, из вариативности изображений креста-кросслета, а не из эпизодических примеров использования креста-кросслета в русской металлопластике XI–XV вв., вышивке XI–XII вв. и новгородском искусстве. Эти примеры подкрепляют вывод, но, к сожалению, бесполезны в плане истолкования креста-кросслета на «московских» памятниках. Важно подчеркнуть, что кресты-кросслеты присутствуют примерно на трети всех рассмотренных «московских» крестов, что исключает случайность заимствования резчиками этой иконографии из какого бы то ни было источника. В качестве контраста укажем на сербские и болгарские каменные надгробные кресты и стелы конца XVIII – начала XX в. [9], на которых можно встретить изображения кросслета в качестве одного из многих, очевидно, сугубо декоративных вариантов

изображения креста. Приписывать какое-то специальное значение кресту-кросслету в контексте декоративного оформления балканских памятников нет никаких оснований.

За использованием же крестов-кросслетов на «московских» памятниках, весьма вероятно, стояла конкретная веская причина, причем причина общая для всех людей, над чьими могилами такие памятники были поставлены. Возможно, когда-нибудь эту причину удастся установить.

От частностей перейдем к рассмотрению общего вопроса – самого феномена «московских» каменных крестов. Как хорошо известно, наиболее характерным видом «долговечного» надгробия Московской Руси была горизонтальная плита. Находки плит обычны при археологическом изучении собственно московских, монастырских, провинциальных (городских и сельских) средневековых некрополей; общий счет таких находок, датирующихся XIII–XVII вв., исчисляется многими сотнями экземпляров. На этом фоне корпус выявленных на московских территориях вертикальных памятников – 26 экз. – выглядит очень скромно, однако следует иметь в виду, большая часть находок плитчатых надгробий относится к тому времени, когда рассматриваемые кресты уже вышли из обихода. Подсчет соотношения крестов и плит, относящихся ко времени бытования крестов, затруднен приблизительностью нашей датировки крестов и отсутствием сводного обзора всех опубликованных плит (а кроме того, невозможностью точной датировки анэпиграфных плит). Если собранные в нашем каталоге образцы распределены равномерно в пределах предполагаемого временного интервала (последняя четверть XV – первая половина XVI вв.), то кресты следует признать на порядок более редкими, чем синхронные им плиты. Однако, как кажется, большая часть образцов нашего каталога относится к последней четверти XV в. – раннему XVI в. Для этого, суженного, временного интервала пропорция вертикальных надгробий и плит будет более весомой. По сведениям, любезно сообщенным А.Г. Авдеевым, на данный момент известны 32 подписанные плиты 1472(?)–1502 г. (самые ранние подписанные плиты Московского княжества). Допустим, что количество плит этого же времени, найденных археологами, достигает 120–140 экз. (вряд ли существенно больше). По отношению к этому количеству плит 20 (примерно) экз. крестов составляют 1/7–1/6. Если эта оценка справедлива, то рассматриваемые кресты следует считать хоть и кратковременным, но значительным явлением в погребальной культуре Московского княжества.

К сожалению, мы весьма ограничены в суждениях об этом явлении отсутствием находок памятников in situ. Сам по себе факт находки крестов на некрополях позволяет сделать вывод только об их связи с погребениями. Мы не знаем, были ли кресты альтернативой или дополнением к плитам, а также были ли кресты индивидуальными памятниками или маркерами родовых участков некрополей.

Некрополи Москвы (монастырские и приходские) и крупнейших монастырей изучались археологами наиболее последовательно, и при этом фрагменты крестов почти не попадались. Большая часть находок крестов была сделана на провинциальных некрополях, причем либо при осмотре могильников (подвергающихся, однако, грабительским раскопкам), либо в результате проведения рекогносцировочных работ. Это указывает на то, что «московские» каменные кресты бытовали преимущественно на кладбищах сел и провинциальных городов, а в монастырях они устанавливались довольно редко.

До середины XV в. каменные кресты (ни намогильные, ни памятные, ни поклонные) в Московской Руси не фиксируются. Первыми здесь появились намогильные скульптурно декорированные каменные кресты, два целиком сохранившихся примера которых были опубликованы еще до революции и с тех пор стали хресто-

матийными памятниками. Наиболее известен крест дьяка Степана Бородатого, поставленный им над могилой сына Ильи, умершего в 1458 г. и погребенного в Ростове у церкви Воскресения [14; 13, с.29-30,92-94]. Этот крест несет яркий отпечаток личности заказчика – дьяка Степана, служившего великому князю Василию Темному и затем его вдове Марии Ярославне. Скульптурные рельефы креста отличаются высоким качеством исполнения. Заказав изделие у изощренного мастера, Стефан Бородатый выступил не только как очень богатый человек, но и как утонченный ценитель искусства. На ветвях нижней перекладины креста представлены патрональные изображения архидьякона Стефана и пророка Ильи. Небывалой для своего времени чертой было наличие эпитафии. Напомним, что надписи на плитах появляются лишь в последней четверти XV в. На кресте же дьяка Бородатого мы видим не только самую раннюю эпитафию Московской Руси, но и самую пространную до последней четверти XVII в. Эта надпись, включающая элементы завещания, несомненно, обусловлена профессиональной привычкой дьяка, по долгу службы имевшего дело с культурой официального письменного документа. В отличие от прекрасно исполненной эпитафии, подписи к скульптурным фигурам делал резчик, не обладавший достаточным опытом. Но даже в этих надписях чувствуется необычайность памятника: в то время, как на более поздних каменных резных Распятиях надписи ограничиваются лишь именами изображенных фигур, на кресте дьяка Бородатого имеются также пояснения к действиям воинов (с орудиями Страстей) и слова Иисуса, обращенные к присутствующим при распятии Богородице и ученикам. Мы столь подробно остановились на этом памятнике, чтобы подчеркнуть нашу мысль: крест дьяка Бородатого является не просто самым ранним из сохранившихся, а абсолютно самым ранним надгробным каменным крестом Московии. Появление этого произведения искусства было результатом уникального стечения обстоятельств. Не последнюю роль, возможно, сыграло и то, что крест предназначался для установки в Ростове (формально еще независимом), а не в пределах собственно московских земель. Крест, разумеется, не мог вызвать нареканий со стороны духовенства, однако погребальная культура отличается консервативностью, и в этом аспекте каменный крест дьяка Бородатого не вписывался в исторически сложившуюся в Москве традицию, в рамках которой в качестве «долговечного» надгробия до тех пор были известны только плиты. Для Ростова же до окончательной утраты им самостоятельности в 1474 г. плиты были, по-видимому, большой редкостью. Например, при раскопках в ростовском Петровском монастыре не было выявлено плит старше конца XV в. (хотя были найдены фрагменты нескольких саркофагов второй половины XIII в.) [1]. До появления плит московского образца в Ростове должны были абсолютно преобладать деревянные памятники (кресты), среди которых, вероятно, были резные Распятия. Этим обстоятельством и мог быть продиктован выбор дьяка в пользу резного вертикального надгробия – но в престижном каменном исполнении, недоступном самим жителям Ростова. Как бы то ни было, крест дьяка Бородатого как небывалое новшество должен был привлечь внимание его современников, в том числе и в самой Москве. Это могло подготовить почву для появления каменных крестов в центральных московских землях.

Второй скульптурно декорированный образец намогильного креста был изготовлен несколькими годами позднее креста дьяка Бородатого, но уже московскими мастерами. Это крест из Дмитровского Борисоглебского монастыря 1467 г., ныне хранящийся в музее г. Дмитрова [7]. С крестом дьяка Бородатого этот памятник сходен типологией (восьмиконечный крест, вогнутые скаты завершения), габаритами (почти одинаковая высота), общей схемой декоративного решения (в центре – Распятие с предстоящими; на нижней перекладине – избранные святые; надпись на основании).

При изготовлении, возможно, Дмитровский крест не мыслился как намогильный. На это указывают следующие наблюдения. Во-первых, содержание краткой обронной надписи в основании креста – только информация о дате, *включая день*, установки самого памятника. Подобные примеры известны среди ранних эпитафий на плитах, но дата положения плит в таких примерах, как правило, ограничивается лишь годом[3]. Во-вторых, крест не был снабжен пяточным шипом [7, с.221]. Вряд ли это следует объяснять как оплошность мастеров; естественнее допустить, что крест предназначался для размещения на ровной поверхности (в интерьере храма или часовни, прислоненным к стене). В-третьих, имя погребенного – Пантелей вощесник – процарапано на боковой стороне креста, что не имеет аналогов среди подписанных надгробных крестов. В-четвертых, среди изображений святых, представленных на нижней перекладине, отсутствует патрон погребенного. Таким образом, мы имеем основания полагать, что Дмитровский Борисоглебский крест был использован в качестве намогильного вторично. На это уже указывала В.Б. Яшкина (Панченко) [22, с.86]. Манера исполнения скульптурных рельефов на этом кресте, по сравнению с крестом дьяка Бородатого, носит более грубый характер [16, с.70]. При этом важно отметить, что на Дмитровском кресте, в отличие от креста дьяка Бородатого, имеется заимствование из орнаментики бытовавших тогда надгробных плит – треугольчатая «змейка», окаймляющая навершие креста. Этот же признак связывает Дмитровский крест с «московскими» крестами – теми из них, которые имеют навершие. «Змейка» в навершии Дмитровского креста оказалась частично «съеденной» медальоном с Троицей, что указывает на вторичность рельефных композиций по отношению к орнаменту. По версии А.В. Яганова, первым обратившего внимание на это обстоятельство, «змейка» была нанесена на заготовку креста, выполненную на месте добычи белого камня.

В Дмитрове существовал еще один скульптурно декорированный 8-конечный крест. От него сохранился лишь обломок, найденный в 1992 г. и находящийся ныне в экспозиции Дмитровского музея[4]. Обломок распознается как левая ветвь нижней перекладины. На обломке сохранилась значительная часть полуфигуры святого. Манера исполнения рельефа выдает руку того же мастера, который изготовил Борисоглебский крест. Тем не менее, изображение святого на обломке (мученик) не соответствует левой полуфигуре (святитель Василий Великий) на нижней перекладине Борисоглебского креста; таким образом, состав избранных святых на своих изделиях мастером варьировался.

С рассмотренными скульптурно декорированными крестами сближается крест митрополита Ионы в Московском кремле [21, с.233-234]. Типологически это тоже 8-конечный крест с вогнутыми скатами навершия; по высоте он лишь чуть-чуть (на несколько см) крупнее двух рассмотренных памятников, однако вместо скульптурных фигур в его внутреннем поле представлено лишь обронное изображение «православного» восьмиконечного креста с венком вокруг средокрестья. Это изображение по размерам и местоположению соответствует кресту Распятия на двух скульптурно декорированных образцах. Весь бортик памятника обработан контурным орнаментом, образованным парой линий, тянущихся вдоль краев бортика, и зигзагообразной линией между ними, подразделяющей всю орнаментальную ленту на треугольные

[3] Известны редкие случаи, когда надгробные надписи указывают точную дату погребения или укладки плиты. Такова, например, эпитафия на плите инока Мисаила, 1498 г. См: [4, с.359-360, КП №1].

[4] Сведения любезно предоставлены А.В. Яганова. Фрагмент находится в экспозиции Дмитровского музея (МЗДК–6528).

поля. За исключением поздней живописной надписи, крест Ионы анэпиграфен, что затрудняет его точную датировку. Вероятнее всего, памятник был поставлен после перенесения останков святителя во вновь построенный Успенский собор в 1479 г. Все остальные примеры скульптурно декорированных каменных крестов Московской Руси относятся к более позднему времени (конец XV – третья четверть XVI вв.) и являются не намогильными, а поклонными (обетными). Эти примеры происходят из Поволжья (Тверь и тверские земли, Романово-Борисоглебск, Ростов), за исключением Лахмокурского креста, найденного в Вологодской области. Возможно, в тверских землях каменные скульптурно декорированные кресты появились во второй половине XV в. независимо от художественного опыта Москвы, и именно тверские образцы оказали влияние на ярославское Поволжье. Обзор резных каменных крестов Поволжья сделан в статье В.Г. Пуцко [16], а Лахмокурский крест описан, в частности, в монографии Т.В. Николаевой [13, с.88]. Все эти кресты четырехконечные, с наиболее длинной среди четырех нижней лопастью. Лопасти могут быть прямыми или расширяющимися. Выраженного навершия обсуждаемые кресты не имеют, за исключением примеров с имитацией навершия при помощи широкой обронной полосы, образующей фигуру с характерным образом вогнутыми («приталенными») боковыми сторонами. Завершение крестов чаще двускатное (скаты прямые или слегка вогнутые), реже горизонтальное. Почти все кресты снабжены бортиком. Насколько можно судить по целиком сохранившимся образцам, на крестах внизу высекалась обронная надпись, содержащая дату установки памятника и имена заказчика или заказчиков. Конкретные мотивы установки крестов в надписях не указывались. Некоторые памятники имеют скульптурные изображения с двух сторон; к сожалению, ни один из таких крестов не сохранил нижнюю часть с датирующей надписью.

Из всех каменных поклонных крестов наибольший интерес для нашей темы представляет двусторонний Лахмокурский крест. Место находки креста находится всего в нескольких километрах от Спасо-Каменного монастыря, в котором был построен первый на Русском Севере (в Заволжье) каменный собор (1481 г.). Можно осторожно предположить, что появление великолепного каменного креста было как-то связано с этим событием. Изготовлен же памятник, по-видимому, в Москве. Лицевая сторона Лахмокурского креста снабжена широким бортиком, несущим геометрический орнамент с применением трехгранно-выемчатой резьбы. Общая схема орнамента такая же, как на бортике креста Ионы, только размеченные контуром треугольные поля не оставлены пустыми – в них врезаны треугольники. Очевидно, образцом орнамента Лахмокурского креста были непосредственно деревянные изделия, а не надгробные плиты, на которых подобная трактовка орнамента – с акцентированной контурной линией, с плотной «упаковкой» вырезанных треугольников – не встречается (не считая боковых сторон некоторых плит XVII в.). Вся лицевая сторона Лахмокурского креста производит такое впечатление, словно это в несколько раз увеличенная копия деревянного креста. Если это ощущение справедливо, то и «крестчатые квадраты» на бортиках «московских» крестов могли быть непосредственно заимствованными из орнаментации бортиков неизвестных нам деревянных крестов. По какой-то причине «крестчатые квадраты» оказались на надгробных крестах более уместными, чем другие варианты орнамента с применением трехгранно-выемчатой резьбы. Впрочем, именно Лахмокурский крест позволяет догадываться об этой причине (или одной из причин): при нанесении орнамента из врезных треугольников на бортик данного изделия мастер столкнулся с проблемой организации «перетекания» орнамента при поворотах бортика под прямым углом. Использование же «крестчатых квадратов», очевидно, свободно от этой проблемы.

Поклонные же каменные кресты Поволжья практически ничего общего не имеют с намогильными «московскими» крестами. Любопытно лишь отметить, что крест 1512 г. из Романово-Борисоглебска [13, с.95] снабжен дополнительным к бортику окаймляющим контуром, обработанным (правда, лишь в верхней части) как имитация жгута, что находит аналогию в кресте с некрополя церкви Троицы в Старых Полях (ТСП-23 (рис.1: 6)) – с оговоркой, что на кресте из Москвы имитация жгута не отделена от бортика, а непосредственно к нему примыкает.

Большой интерес представляет вопрос о связи между скульптурно и орнаментально декорированными каменными надгробными крестами. Поскольку скульптурно декорированные кресты появились хронологически первыми, можно полагать, что именно они сформировали спрос на неизвестный прежде в Московской Руси тип памятника. Примечательно, однако, что скульптурно декорированные образцы не получили дальнейшего развития (позднее 3-й четверти XV в.). Возникший спрос удовлетворялся уже не элитарными, очень дорогими надгробиями, а образцами, которые были сопоставимы по стоимости с плитами или дороже их не более, чем в 2–3 раза, – т.е. «московскими» крестами. К сожалению, нам ничего не известно о природе этого спроса – представлял ли он собою просто «моду», или за выбором каменного креста вместо «обычной» плиты стояла определенная причина. Некоторые исследователи предполагали, что и сын дьяка Бородатого, и Пантелей вощесник умерли «напрасной», насильственной смертью [7, с.222; 13, с.94]. Этот вывод основан исключительно на наблюдении над поздними (XVII в.) крестами, действительно, связанными с убийствами людей. Однако эти поздние кресты, за одним исключением, были кенотафами, а кресты дьяка Бородатого, Пантелея вощесника так же, как и «московские» кресты, были надгробными памятниками. В обширной эпитафии на кресте дьяка Бородатого нет ни малейшего намека на насильственную смерть его сына Ильи, чья кончина обозначена словом «преставися». Если бы установка крестов дьяка Бородатого и Пантелея вощесника была связана с «напрасной» смертью погребенных, то такой же самый смысл мы должны были бы приписать и «московским» крестам. Между тем, количество «московских» крестов, отсутствие на них символа мученической смерти (Голгофского креста с орудиями Страстей), сама их «нарядность» решительно противоречат такому выводу. Возможно, за предпочтением «московских» крестов плитам стояла какая-то иная причина, например, социальное положение погребенных или их происхождение. Возвращаясь к связи скульптурно и орнаментально декорированных надгробных крестов, отметим, что среди последних несомненную общую преемственность от первых демонстрирует лишь один образец – можайский крест (Мож-1 (рис.2: 1)). Своими очертаниями он довольно близко повторяет крест дьяка Бородатого, за исключением лишь редуцированного навершия. Сходство проявляется: в том, что ширина главной и нижней перекладин одинакова; в том, что основание расширяется; в том, что часть вертикальной стойки между навершием и основной перекладиной уже, чем часть между перекладинами, а эта последняя часть уже, чем основание в самом узком месте. Формы же остальных «московских» крестов, за исключением разве что наверший густомесовского (рис.1: 7) и сипягинского (рис.2: 11) памятников, демонстрируют совершенно свободное от элитарных образцов творчество. Очевидно при этом, что мастера не стремились к унификации конкретных форм своих изделий или даже намеренно избегали ее: несмотря на стилистическое единство, «московские» кресты довольно разнообразны. Данное обстоятельство вписывается в общую картину развития надгробий Московской Руси, соответствуя тому этапу, когда мастера – до появления эпитафий, а также, отчасти, и после такового – использовали для

индивидуализации плит изобразительные средства. «Московские» кресты, возможно, и были порождены запросом на выделяющееся среди других индивидуализированное надгробие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдеев А.Г., Леонтьев А.Е.* Памятники эпиграфики из раскопок Петровского монастыря в Ростове Великом // Вопросы эпиграфики. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. Вып. 8. – С. 285–306.
2. *Алексеев А.В.* Церковные древности Звенигородской земли. Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2017. – 224 с.
3. *Алексеев А.В., Кузьменко С.В.* «Московские» каменные кресты XV–XVI вв. с геометрическим декором. Каталог памятников // Археология Подмосковья. Вып. 14. М.: Институт археологии РАН, 2018. – С. 307–329.
4. *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: «Модус-Граффити», 1996. – 568 с.
5. *Вагнер Г.К.* От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV вв. М.: Искусство, 1980. – 267 с.
6. *Вишневский В.И.* Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 9. М.: Институт археологии РАН, 2013. – С. 125–139.
7. *Гаврилов С.А.* Борисоглебский крест 1467 г. // СА. № 2. М.: Наука, 1985. – С. 213–222.
8. *Гращенков А.В.* Архитектурные детали и фрагменты сооружений XIV – начала XX века. Каталог собрания историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М., 2010. – 366 с.
9. *Енчев-Видю И.* Български народен кръст. София: Акад. изд-во «Марин Дринов», 1994. – 186 с.
10. *Кавельмахер В.В.* Памятник архитектуры начала XVI века – церковь Благовещения в деревне Сипягино Подольского района Московской области. Скомпоновано С.В. Заграевским из рукописей В.В. Кавельмахера 1988–1989 гг. http://kawelmacher.ru/science_kavelmakher40.htm (дата обращения 20.11.2017).
11. *Компанец С.Е.* Комплекс намогильных белокаменных крестов и плит погоста Рогачёво // Вопросы эпиграфики. Вып. 8. М., 2015. – С. 225–252.
12. *Кутасов С.Н., Селезнев А.Б.* Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески X–XV вв. М.: Искатели, 2010. – 320 с.
13. *Николаева Т.В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. (САИ. Вып. Е1–49). М.: Наука, 1971. – 194 с.
14. *Орешников А.* Памятник XV века, находящийся в Белой Палате в Ростове. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1894. – 12 с.
15. *Орфинская О.В.* Новоселки 2. Результаты исследования текстиля XII в. // Археология Подмосковья. Вып. 8. М.: Институт археологии РАН, 2012. – С. 127–136.
16. *Пуцко В.Г.* Белокаменные резные кресты XV–XVI вв. в Поволжье // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XI. Ростов, 2000. – С. 66–82.
17. *Спицын А.А.* Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА ИРАО. Т. 5. Вып. 1. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. – С. 203-234.
18. *Фехнер М.В.* Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 82. М.: ГИМ, 1993. – С. 3-21.
19. Хачкары https://ru.wikipedia.org/wiki/Хачкар#/media/File:Khachkar_Haghpat_01.jpg (дата обращения 04.11.2017).
20. *Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII ст. Вып. 8. Пехрянская десятина. М.: Университетская типография, 1892. – 244 с.
21. *Шеляпина Н.С.* Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского кремля // СА. № 4. М.: Наука, 1973. – С. 227–235.

22. *Яшкина В.Б.* К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси // Староладожский сборник. Материалы I-V конференций «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования». Старая Ладога, 1994–1998. СПб.-Старая Ладога: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 1998. – С. 75–89.
23. http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=2861 (дата обращения 25.07.2017). Здесь и далее использованы материалы, опубликованные на сайте «Регионавтика», созданном А.Л. Потравновым и Т.Ю. Хмельник (http://regionavtica.ru/stone_crosses/).
24. http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=1415 (дата обращения 25.07.2017).
25. http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=3921 (дата обращения 11.05.2017).
26. http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=6504 (дата обращения 25.07.2017).
27. http://regionavtica.ru/articles/o_nekotoryh_osobennostiah_izgotovleniia_kamennyh_krestov.html (дата обращения 08.06.2017).
28. http://regionavtica.ru/gallery/details.php?image_id=4589 (дата обращения 25.07.2017).

ИА РАН,
г. Москва,
Звенигородский историко-архитектурный
и художественный музей

A.V. Alexeev, S.V. Kuzmenko
Central Russian Stone Crosses of the XV–XVI Centuries

The publication describes rare type of gravestones which were common in Grand Duchy of Moscow in the last quarter of the XV – the first half of the XVI centuries. These are white stone crosses decorated with geometrical ornament. Twenty five vertical Moscow-style grave crosses were found in fourteen locations including Moscow city and Moscow region, Yaroslavl, Kostroma and Kaluga regions. The authors suppose that there is connection between sculpted stone crosses and crosses decorated with ornament. Introduction of these new samples of medieval stavrography into scientific nomenclature enrich our knowledge about funeral culture of Grand Duchy of Moscow.

Keywords: *stone crosses, Grand Duchy of Moscow, Russian medieval gravestone, geometrical ornament, stavrography.*

УДК 903.45 (470.332) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.388-405

Н.А. КРЕНКЕ, И.Н. ЕРШОВ, Б.В. КУДРЯВЦЕВ, Р.Б. ПЛАТОНОВСКИЙ, В.А. РАЕВА

СОБОРНЫЙ ХОЛМ ВЯЗЬМЫ В СВЕТЕ НОВЫХ РАСКОПОК 2017 Г.

В статье суммируются сведения о раскопках Малого города Вязьмы (Соборный холм). По результатам работ 2017 г. было установлено, что на Соборном холме в XIII в. располагалось кладбище, ограниченное с юга городской застройкой. После пожара конца XIII в. участок запустевает и вновь застраивается в XVI–XVII вв., когда здесь был возведен деревянный замок – острог с тремя башнями и стенами-городнями.

Ключевые слова: *Вязьма, керамика, радиоуглеродное датирование, деревянные надгробия, дендрохронология*.

В письменных документах Вязьма впервые упомянута в 1239 г., но этот источник (Бархатная книга) не вполне достоверен. Первое летописное упоминание относится к 1299 г. При осаде Дорогобужа смоленским князем ему противостояло войско из Вязьмы. Следовательно, город к этому моменту был уже довольно значительным и имел некоторую историю [14].

В историческом центре г. Вязьмы на высоком левом берегу одноименной реки находится холм, в середине которого возвышается каменный Троицкий собор XVII в. Точная дата постройки собора не определена. Традиционно в литературе он датируется 1675–1676 г. [1], что, вероятно, неверно. В РГАДА Б.В. Кудрявцевым был обнаружен документ, датированный 1639 г., в котором упоминается только что построенная соборная каменная церковь живоначальной Троицы, для которой по указу царя Михаила Федоровича заказывалась церковная утварь [17].

Сохранилась целая серия подробных «сметных списков» XVII – начала XVIII вв., описывающих холм, на котором стоял собор. Для этого холма употреблялись следующие термины: «острог, что по городищу» (1626 г.), «верхний острог на осыпи» (1646 г.), «верхний город на осыпи» (1655 г.), «город верхний малый на осыпи» (1687 г.), «верхний меньшой город на осыпном валу» (1738 г.) [18, л.13,31; 19]. Из описаний следует, что острог представлял собой деревянную крепость с тремя башнями и соединявшими их стенами. Первоначально часть стены была в виде тына, в 1675 г. ее заменили городнями, каждая из которых была 6 м в длину и 3,5 м в ширину и высотой под крышу 3,5 м. Длина периметра стены равнялась 303 м. Если к этой цифре прибавить башни, то получится, что общая длина периметра равнялась около 340 м. Не совсем понятно, что подразумевалось под словами «осыпь» или «осыпной вал». Очевидно, речь идет об элементе ландшафта, дополненном искусственной земляной конструкцией. В источниках указана высота «осыпи» – от 20 до 24 м.

В 1738 г. деревянный острог уже был в крайне ветхом состоянии и, видимо, вскоре после этой даты он был разобран.

Внутри острога находилась съезжая/приказная изба, житницы, пороховой погреб, спуск-тайник к реке. На плане города Вязьмы 1795 г. из Атласа Смоленской губернии с запада от собора показаны две параллельно стоящие постройки – соляные магазины (рис.1). Они показаны условным знаком каменных построек, но в описаниях значатся деревянными. Возможно, у построек был каменный низ и деревянный верх. На планах XIX в. на Соборном холме изображен лишь Троицкий собор, рядом с которым в 1830-х гг. возвели колокольню.

Рис. 1. План города Вязьмы 1795 г. из Атласа Смоленской губернии.
Стрелка указывает место археологических работ 2017 г.

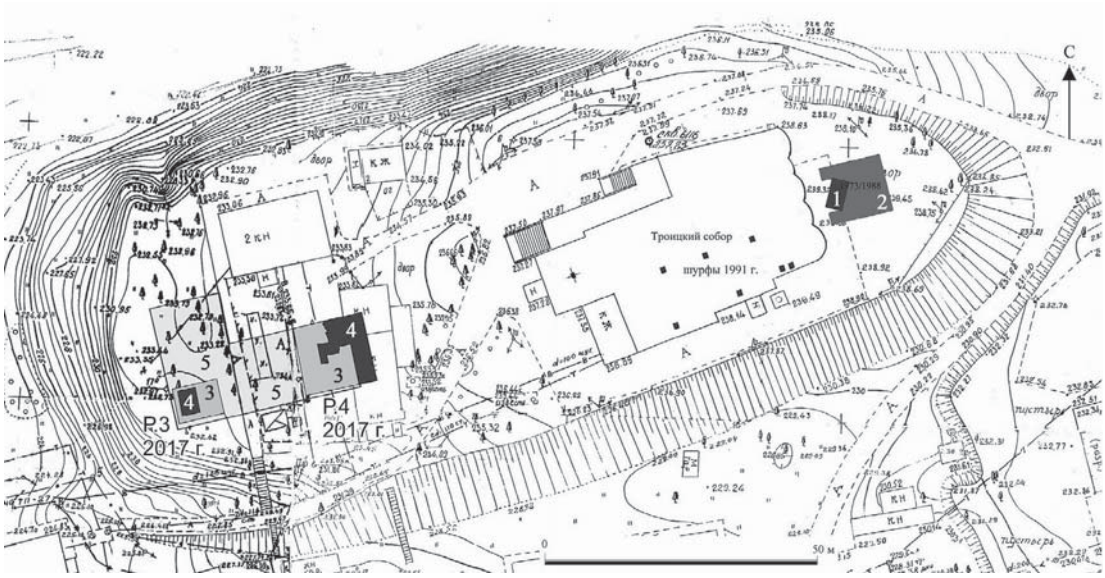


Рис. 2. План Соборного холма в Вязьме с археологическими раскопами: 1 – 1973 г.; 2 – 1988 г.; 3, 4 – 2017 г. (4 – участки, изученные до материка); 5 – строительный котлован.

Поверхность соборного холма имеет уклон с востока на запад, понижаясь от отметки 240 м до 233 м. Меженный уровень реки Вязьмы – 218 м в Балтийской системе высот (рис.2). Таким образом, высота обрыва к реке, действительно, достигает 22 м; с юга холм также имеет крутой склон, но перепад высот от площадки к подошве всего 5-8 м. Вероятно, с южной стороны холма у его подошвы накопилось значительное количество культурного слоя, в том числе в результате нивелировки строительного мусора после последней войны. Протяженность соборного холма с востока на запад – 155 м, с севера на юг – 55 м, площадь составляет около 8 тыс. м^2, то есть меньше 1 га.

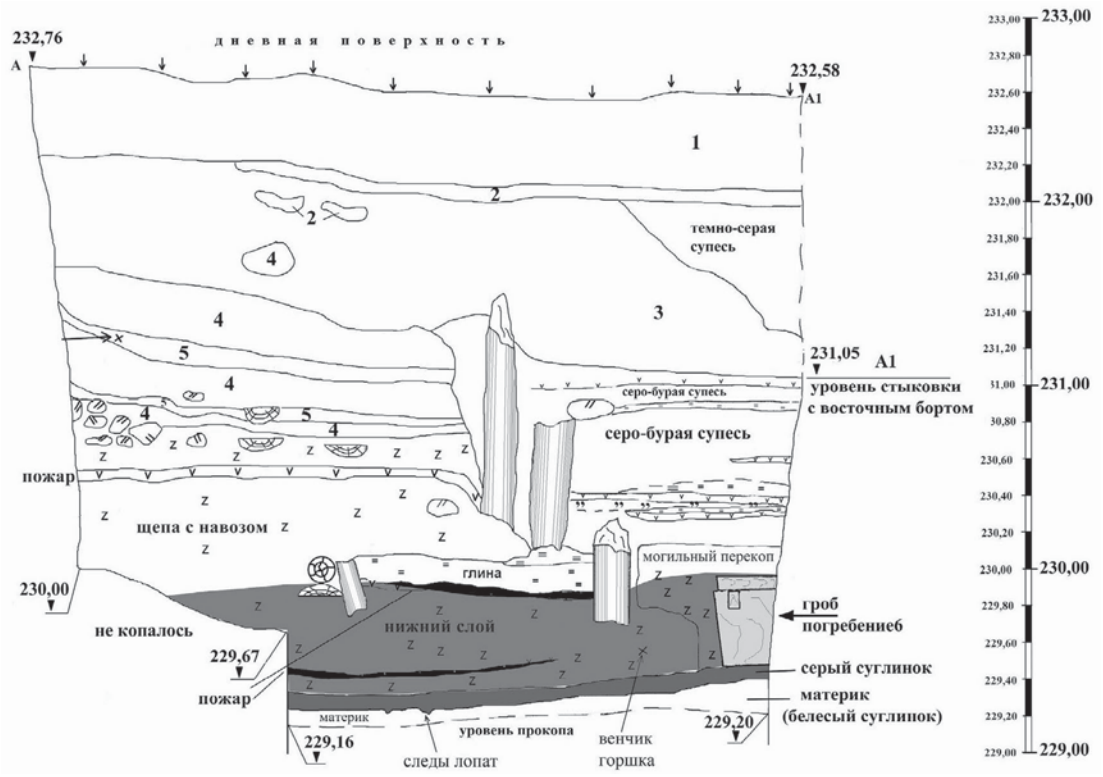


Рис. 3. Профиль северного борта раскопа 3 на соборном холме Вязьмы. 1 – однородная серая супесь (парковый слой); 2 – бурая глина; 3 – кирпичный бой с глиной; 4 – суглинок светло-серый; 5 – гумус с включением кирпичной крошки и фрагментов керамики.

В археологической литературе соборный холм Вязьмы трактуется как древнейшее ядро города. Здесь трижды (в 1973, 1988 и 1991 гг.) проводила исследования Т.В. Сергина (Юркина). Опубликованы лишь результаты по первому сезону работ, когда с востока от собора был заложен шурф (раскоп 1) площадью 8 м^2 [16]. Через 15 лет этот шурф был расширен до площади раскопа (раскоп 2) в 100 м^2 [11], а еще через 13 лет исследованы шурфы внутри собора [12]. В результате этих работ была получена довольно детальная картина стратиграфии культурного слоя и планиграфии сооружений в восточной части соборного холма. На участке раскопов отсутствовали следы раннего кладбища, лишь в верхних слоях встречены погребения XVIII–XIX вв. Показательно, что в раскопе 1988 г. остатков срубов жилой застройки не было. Лишь на краю холма зафиксированы следы городен и примыкавшего к ним мощения. Коллекции из этих раскопок хранятся в Вяземском краеведческом музее. К сожалению, керамика из нижних пластов раскопа 1988 г. отсутствует в коллекции и не представлена в отчете. Отобранные в 1973 и 1988 гг. образцы деревянных конструкций оказались непригодными для дендрохронологического анализа. Основные два вывода автора этих раскопок следующие: 1) нижние слои датируются XII–XIII вв.; 2) по краю площадки идет оборонительный вал, возникший с самого начала жизни поселения [10; 16].

С первым из вышеприведенных выводов можно согласиться. Заметим лишь, что керамики типичной для XII в. в публикации нет [16]. Представленные венчики, скорее, датируются XIII веком и более поздним временем. С датой XIII в. хорошо согласуются находки стеклянных браслетов. Второй вывод, на наш взгляд, не доказан совершенно. Чертежи из отчета не дают основания утверждать, что остатки

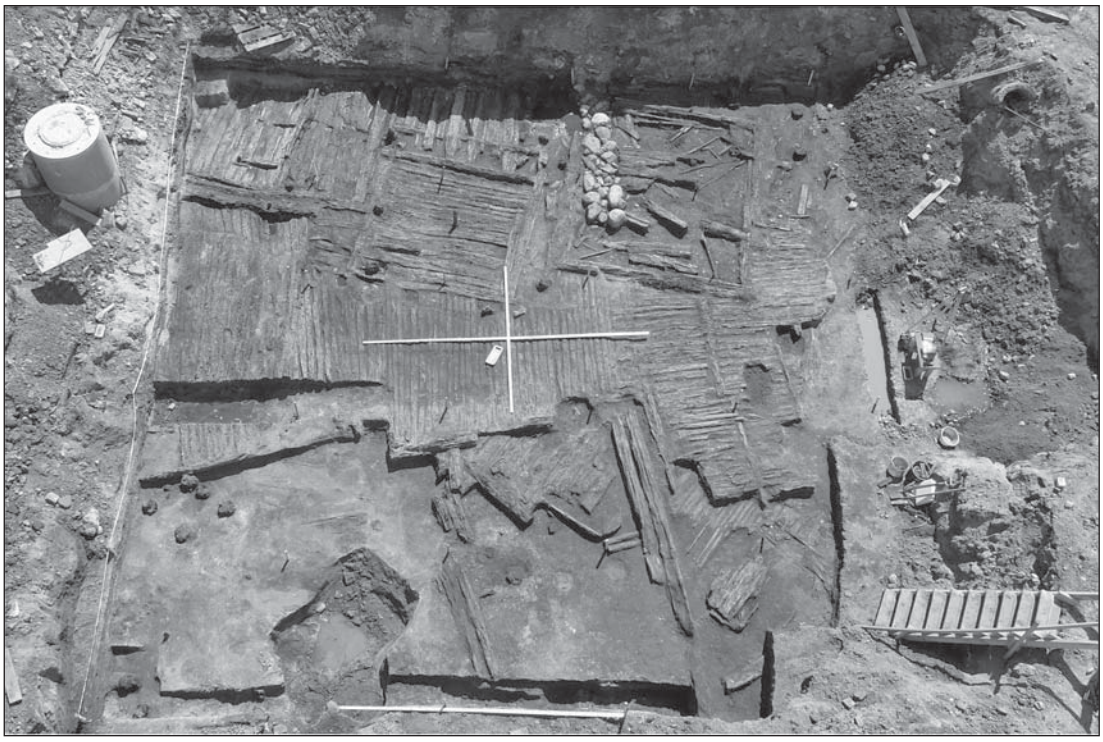


Рис. 4. Вязьма раскоп 4. Мощение улиц XVII в. и примыкающие к ним постройки.

Рис. 5. Лаги мостовой XVI–XVII вв. поверх горизонта кладбища XIII в.

оборонительных конструкций, которые были зафиксированы в южной части раскопа, датируются XIII в. Сопоставление материалов раскопа 1988 г. и 2017 гг. показывает, что в них прослежены сходные конструкции – остатки полусгнивших городен. В раскопе 2017 г., о котором речь пойдет ниже, было установлено, что оборонительные конструкции датируются XVI–XVII вв.

Раскопки 2017 г., обусловленные строительством церковного дома, проходили в западной части холма, начиная от его бровки. Были проведены работы на двух раскопах (№ 3 и № 4). Раскоп № 3 (фактически большой шурф площадью в верхней части 40 м^2, а на материке около 24 м^2) располагался в юго-западном углу холма. Мощность культурного слоя составила здесь 3,2 м (рис.3). Верхние 1,5 м были сложены мешаными слоями строительного мусора XVIII–XX вв. Вдоль западного борта на глубине 0,8 м залегал мощный пласт светло-бурого суглинка толщиной до 1 м. В его основании были прослежены внутренние стенки городен (суглинок их заполнял). На этом же уровне были расчищены вереи ворот усадьбы (?) и дворовый настил, располагавшийся ближе к внутренней части площадки. Конструкции городен имели не менее трех уровней надстилавших один другой. В примыкавших к ним пластах культурного слоя доминировала белоглиняная (светлоглиняная) керамика с характерными венчиками XVI–XVII вв. Ниже, на глубине 2,1 м от поверхности раскопа, были вскрыты погребения в деревянных гробах. Всего в раскопе обнаружено семь погребений, включая два детских. Все погребения совершены по однотипному обряду – в дубовых гробах из досок, накрытых крышками. Гробы были впущены в неглубокие ямы (днища гробов опирались на материк (некоторые не достигали материка на несколько сантиметров), а крышки залегали на глубине не более 30 см от поверхности времени захоронения. На поверхности могилы обозначали широкие (до 75 см) дубовые доски-надгробия. Одно из них имело форму домика (двускатная крыша). Нужно сказать, что обнаружение дубовых средневековых надгробий – уникальный случай. Никто из опрошенных нами археологов не мог припомнить подобных фактов, нет их в археологических публикациях. Зато в этнографической литературе по Смоленщине можно обнаружить, что и в XX в. здесь существовал обычай класть на могильный холм толстые доски, игравшие роль столика и скамьи. Они хорошо видны на фотографиях 1921 г., сделанных Н.И. Савиным в Дорогобужском уезде [6].

Три гроба были сверху обернуты берестой. Конструкции гробов были тождественными у всех погребений (рис.7). Широкая доска представляла собой дно гроба, две боковые более узкие доски ставились на нее. Четыре поперечные планки с выступами на концах стягивали конструкцию, а в торцы были вставлены квадратные доски – «заглушки», которые расклинивали конструкцию и делали ее относительно жесткой. Крышка гроба лежала сверху свободно, ее притягивала берестяная обертка, которая крепилась к боковым стенкам тонкими щепочками, протыкавшими бересту. Нужно отметить, что гробы очень сходной конструкции были найдены в домонгольских некрополях Киевского подола [5]. На поверхности досок-надгробий прослеживались следы пожара. Погребения прорезали типичный городской культурный слой – щепу с навозом. В юго-восточном углу шурфа прослежен сруб постройки, которая вошла в раскоп углом. Мощность нижнего культурного слоя была чуть менее одного метра. Под культурным слоем залегала погребенная почва – серая супесь, из которой были отобраны образцы для спорово-пыльцевого анализа[1]. Таким образом, в раскопе прослеживалась следующая последовательность использования территории: 1) непродолжительный этап хозяйственного использования (распашка); 2) жилой слой

[1] Статья Е.Г. Ершовой, Н.А. Кренке в настоящем сборнике.

Рис. 6. Раскоп 4 на уровне материка и кладбища XIII в. (в верхней части кадра – законсервированный участок культурного слоя).

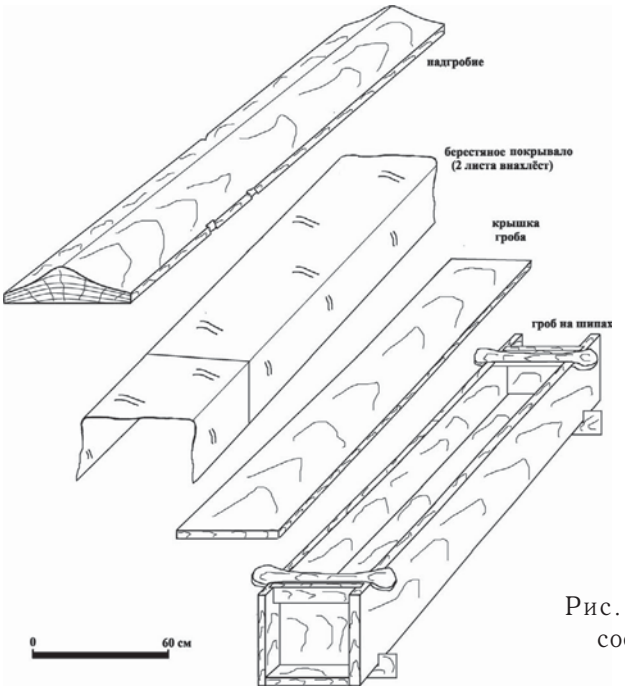


Рис. 7. Конструкция погребального сооружения (гроба). Погребение № 2.

усадьбы, в которой быстро накапливаются отложения (по новгородским и смоленским аналогиям слой до 1 метра мог накопиться за столетие); 3) кладбище; 4) жилой горизонт, крепость XVI–XVII вв.; 5) город нового и новейшего времени XVIII–XX вв. В толще нижнего культурного слоя прослеживались две пожарные углистые прослойки. Самая нижняя из них залегала всего на 10-15 см выше материка.

Для определения возраста отложений использовались четыре независимых подхода. Анализировались вещевые находки, керамика, отбирались образцы для радиоуглеродного датирования и делались спилы для дендрохронологического анализа.

По результатам дендрохронологического анализа внешнее кольцо дубовой надгробной плиты погребения 3 датировано 1287 г.; погребения № 1 – 1290 г. Анализы выполнены Б.Ф. Хасановым и А.А. Карпухиным[2].

Табл. 1. Результаты радиоуглеродного датирования образцов из раскопа 3[3].

Лабораторный номер	Полевой номер	материал	^{14}C возраст от наших дней	Стандартное отклонение (±)	Калиброванная дата (в программе OxCal 3.9)
UOC-4275	EP39 пожар 5 (нижний)	Обугленная органика	776	35	1220–1275 (68%)
UOC-4276	EP40 погр. 5	береста	754	35	1240–1285 (64,3%)
UOC-4277	EP41 погр. 2	береста	822	35	1205–1260 (58,4%)
UOC-4473	Пожар 3 (над могильными досками)	уголь	710	21	1280–1296 (68,2%)

Результаты радиоуглеродного датирования очень близки к результатам дендрохронологического анализа, указывают на XIII в. При этом надо учитывать, что при датировании бересты, вероятно, сказывался возраст дерева. Для обертывания погребения использовались широкие пласты коры от дерева, которому было не менее нескольких десятков лет. То есть в данном случае можно ожидать некоторого удревнения результатов.

Среди находок из нижнего слоя следует отметить серию стеклянных браслетов; бронзовый бубенчик с щелевидной прорезью, переделанный из крестопрорезного, свинцовый грузик, пластинчатый бронзовый браслет и серебряную полую бусину (рис.8). Также были найдены деревянные изделия – чесало и трепало для обработки льна. Все это находки, характерные преимущественно для домонгольского времени. Практически тождественная аналогия серебряной бусине имеется в составе клада XII–XIII вв. из Михайловского монастыря в Киеве [7, с. 6]. Крестопрорезные бубенчики датируются концом XI – началом XII вв. В нашем случае вещь была переделана, то есть датируется более поздним временем. Бронзовый пластинчатый браслет датируется в пределах XII–XIII вв., стеклянные браслеты, вероятно, XIII в. Деревянные чесало и трепало находят аналогии в слоях Великого Новгорода, где имеют довольно широкие даты от X до XV вв. [4].

[2] Публикации дубовой дендрошкалы будет посвящена специальная статья.

[3] Датирование проводилось в лаборатории университета г. Оттава, Канада.

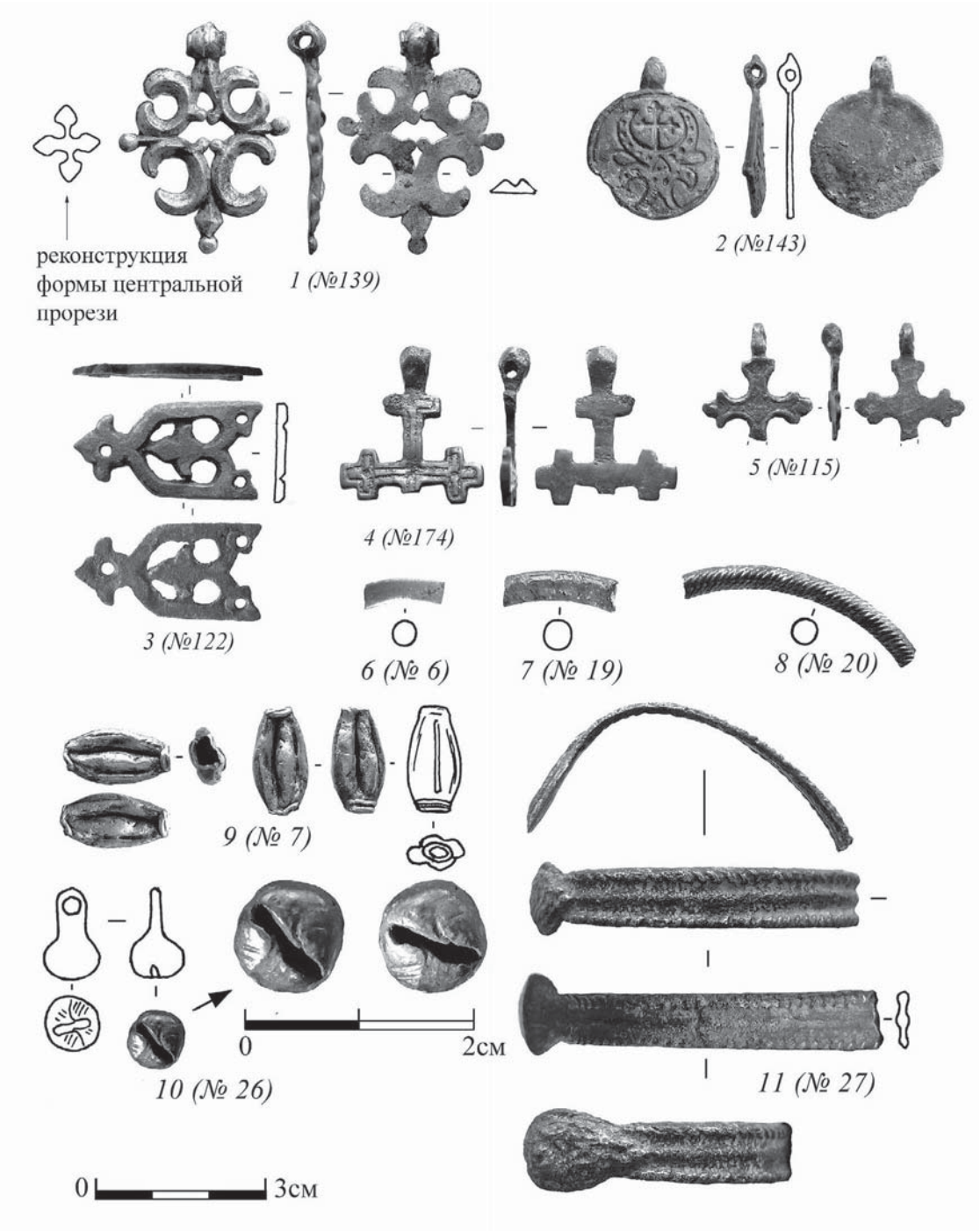


Рис. 8. Находки из нижнего слоя. 1, 2 – подвески с изображением креста; 3 – накладка (книжная?); 4, 5 – нательные крестики; 6-8 – стеклянные браслеты; 9 – бусина серебряная; 10 – бубенчик, переделанный из крестопрорезного; 11 – браслет пластинчатый.

Керамика из нижнего слоя раскопа 3 (рис.10) представлена значительной серией венчиков (вся коллекция керамики состоит из 1163 фрагментов). Все они не типичны для домонгольского времени. Полностью отсутствует наиболее типичная для керамики Смоленска XII – начала XIII вв. форма эсовидного венчика с завернутым внутрь валиком – упором под крышку. Большинство венчиков из раскопа 3 имеют прямую шейку, отогнутое наружу «карнизиком» окончание, которое в разрезе

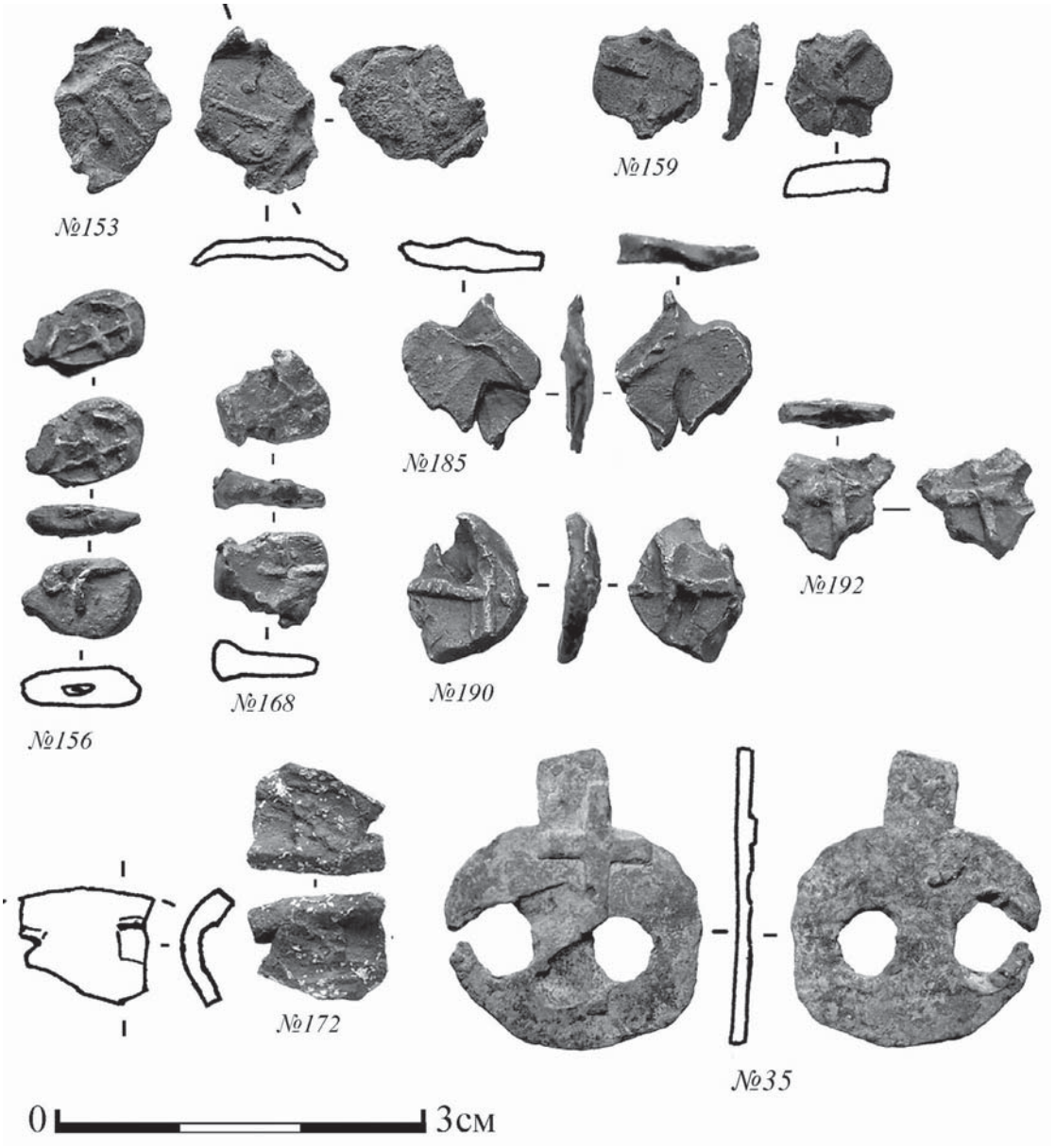


Рис. 9. Пломбы свинцовые из нижнего слоя.

имеет «граненую» форму. Орнамент обычно волнистый, есть и «косая волна». Тесто весьма грубое, с дресвой, стенки толстые. Единичные венчики напоминают раннекруговые или даже лепные. Их короткая верхняя часть просто отогнута наружу. В коллекции представлен также горшок, орнаментированный штампом-колесиком. Для Смоленска такая керамика не характерна. В Западном Подмосковье похожие «граненые» венчики были встречены в постдревнерусских комплексах на селищах в пределах Звенигородской биологической станции. Аналогичная керамика представлена в Твери [3; 5; 8] и Ярославле [15]. Важно отметить наличие одной стенки амфоры в пласте 13.

Таким образом, начало накопления культурного слоя на западном краю соборного холма следует приблизительно датировать серединой XIII в. Спустя примерно 50 лет эта территория становится кладбищем. Причем кладбище расширялось от центра

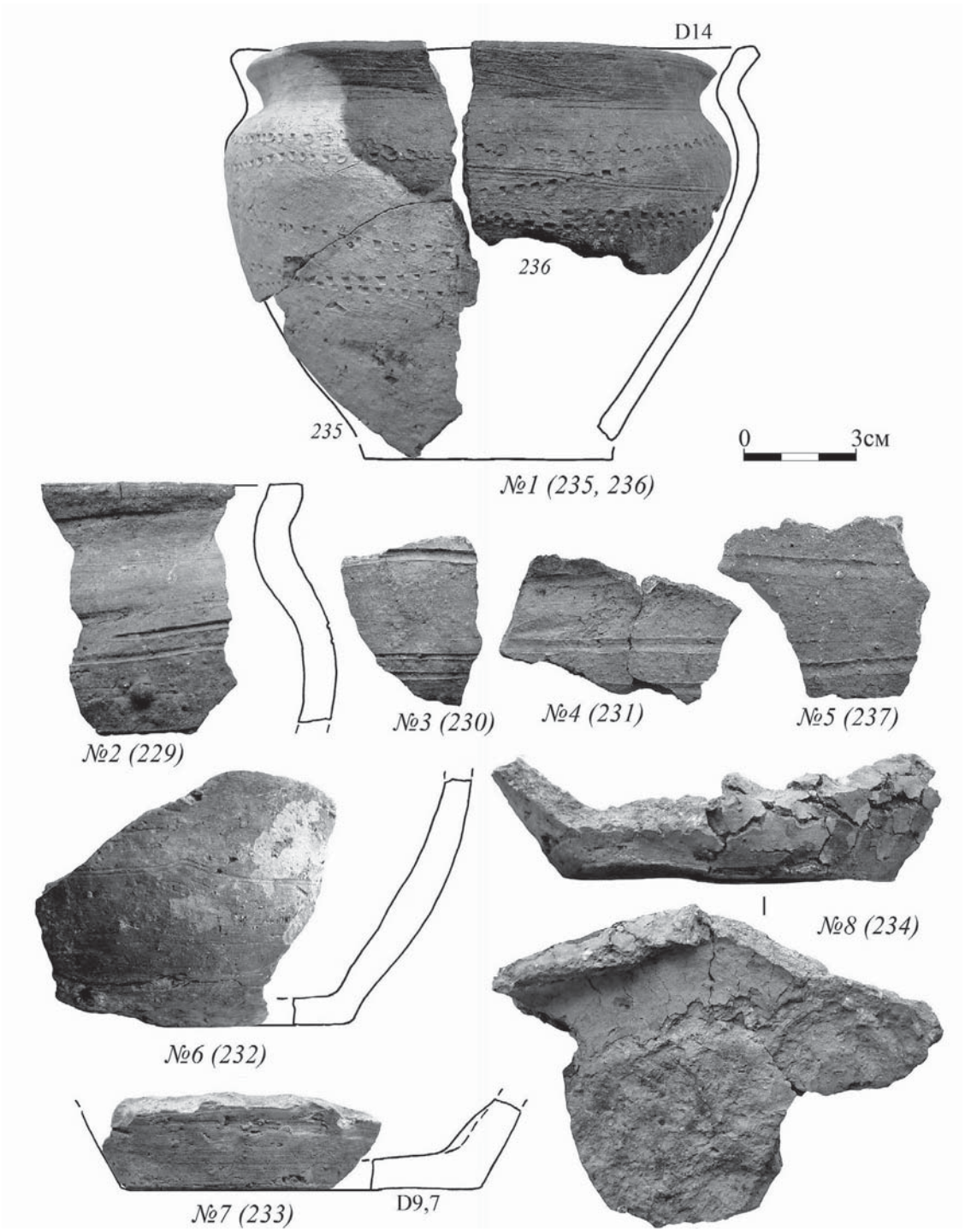


Рис. 10. Керамика XIII в. из нижнего слоя (раскоп 3).

холма, и существовало оно относительно недолго – тоже около 50 лет (см. далее). Затем в конце XIII в. произошел сильный пожар. После чего наступает перерыв в освоении участка. Слои, связанные с деревянно-земляной крепостью датируются уже XVI–XVII вв. В них найдена керамика, резко отличающаяся от керамики нижнего слоя. Видимо, это слои уже «московского» периода истории Вязьмы (присоединена к Московскому княжеству в 1494 г.).

Раскоп 4 располагался почти в центре соборного холма западнее Троицкого собора. Он имел прямоугольную форму, площадь составляла 150 м^2. После снятия

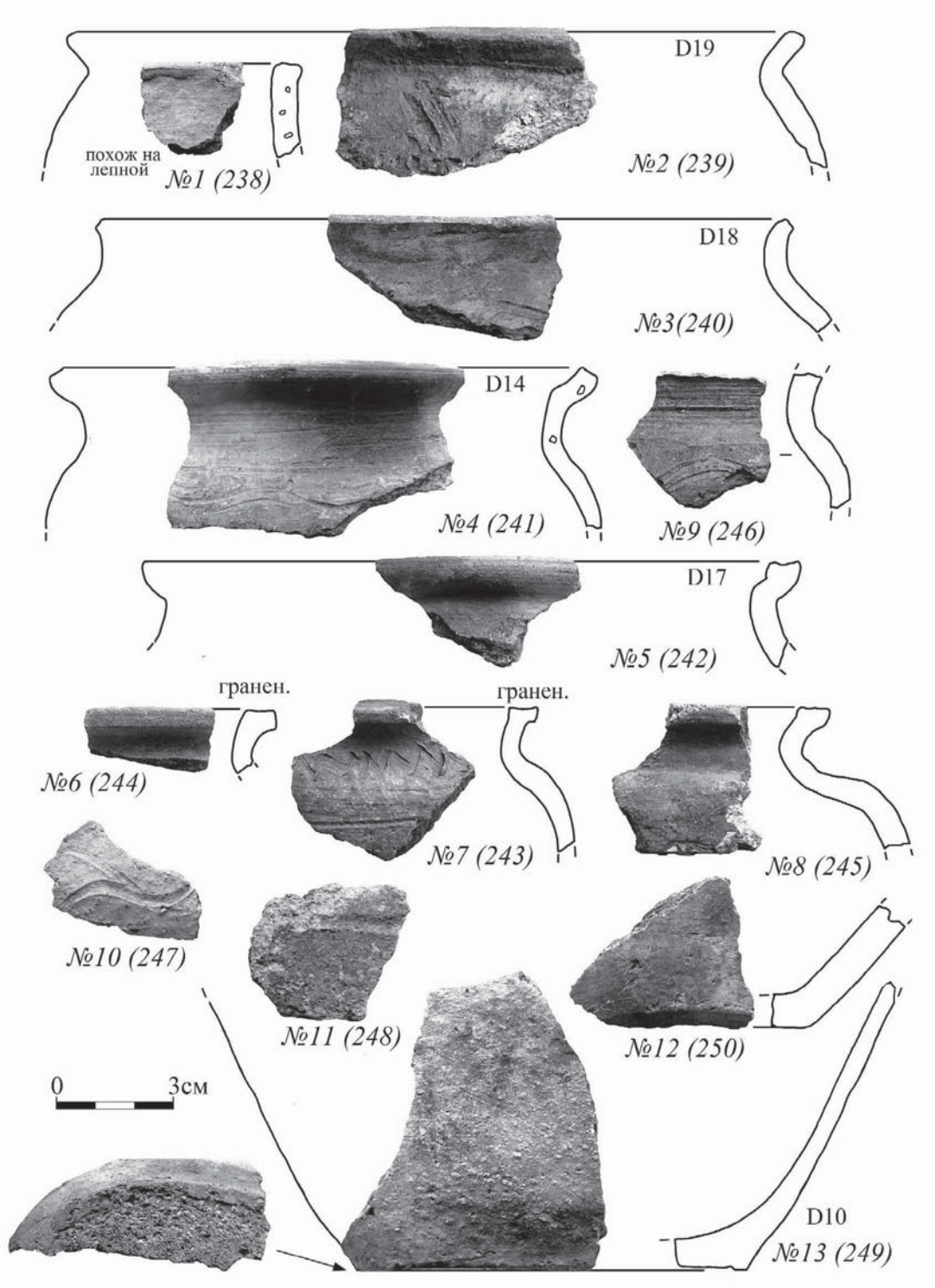


Рис. 11. Керамика XIII–XIV вв. из нижнего слоя (раскоп 4).

почти двух метров позднего мешаного слоя почти вся поверхность раскопа оказалась занята уличным мощением и примыкавшими к нему срубами (рис.4). Улица образовывала Т-образный перекресток. Продольная улица шла вдоль оси холма и ориентировалась на храм, поперечная была ориентирована перпендикулярно берегу реки. Вероятно, поперечная улица вела к какому-то зданию (приказной палате?).

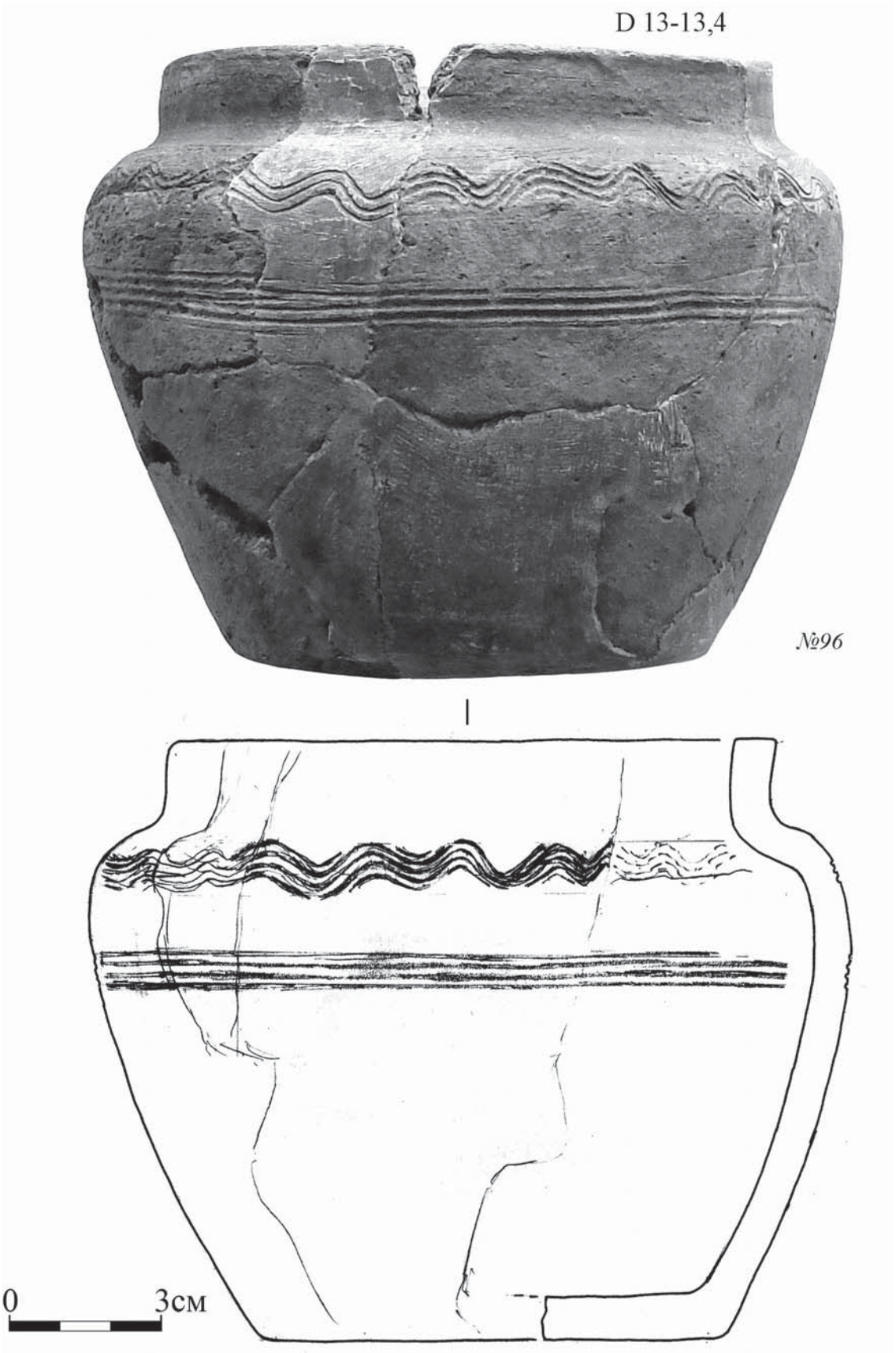


Рис. 12. Горшок XIII–XIV вв. из нижнего слоя (раскоп 4).

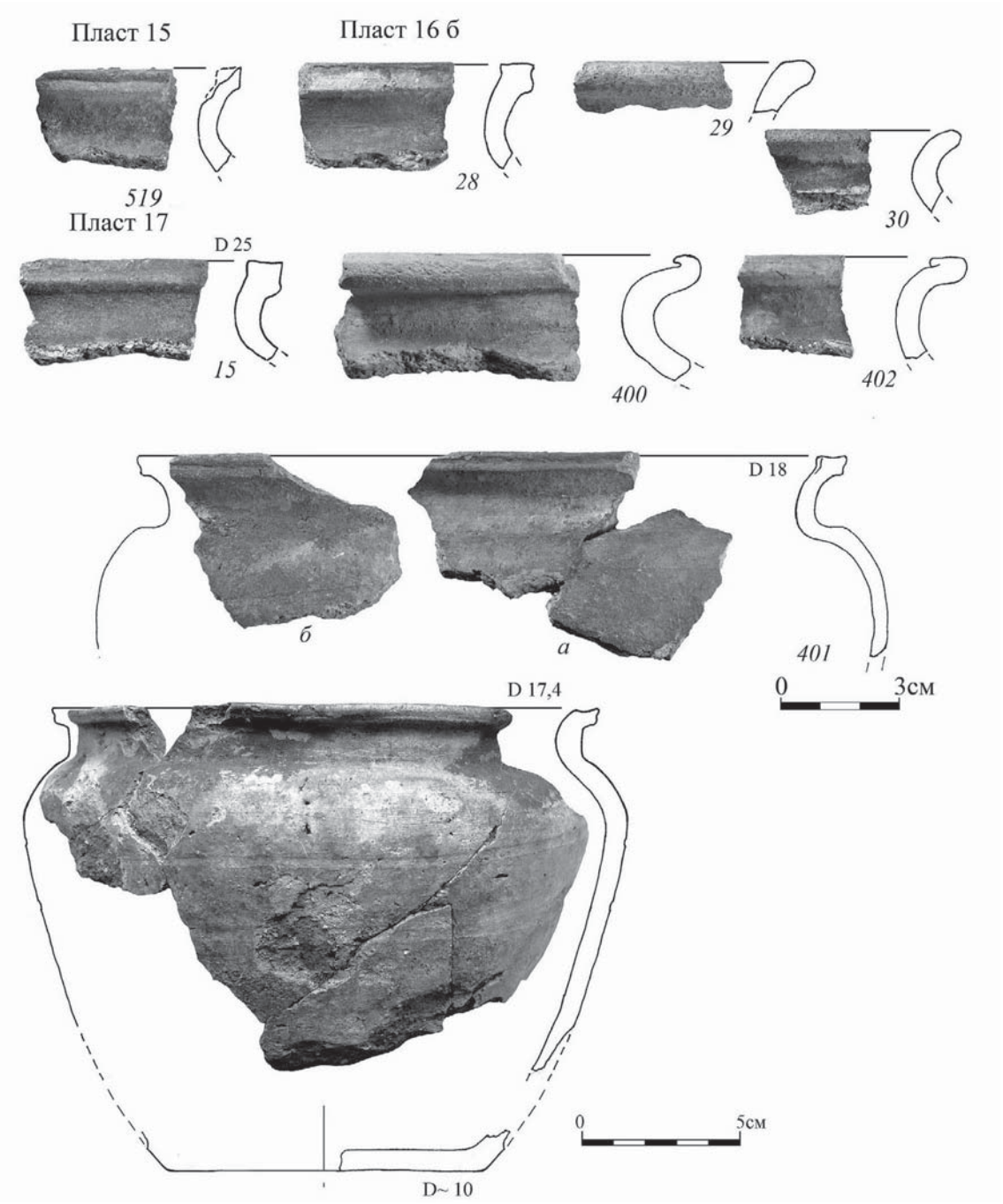


Рис. 13. Керамика XIII–XIV вв. из нижнего слоя (раскоп 4).

Всего было прослежено пять уровней мощения, лежавших один на другом. Лучше сохранились три верхних уровня. Два нижних представлены небольшими фрагментами. На поверхности третьего уровня мощения прослеживались углисто-золистые пятна от пожара. Мощение было выполнено из жердей лежавших поперек дороги (лишь в нижнем пятом уровне жерди были положены вдоль линии движения). Жерди опирались на три продольные лаги. Ширина улицы составляла около 4-х метров. Прослеживались колеи, продавленные колесами. Нижние лаги шли практически по надгробным плитам кладбища, опаленным пожаром (рис.5). В пределах раскопа

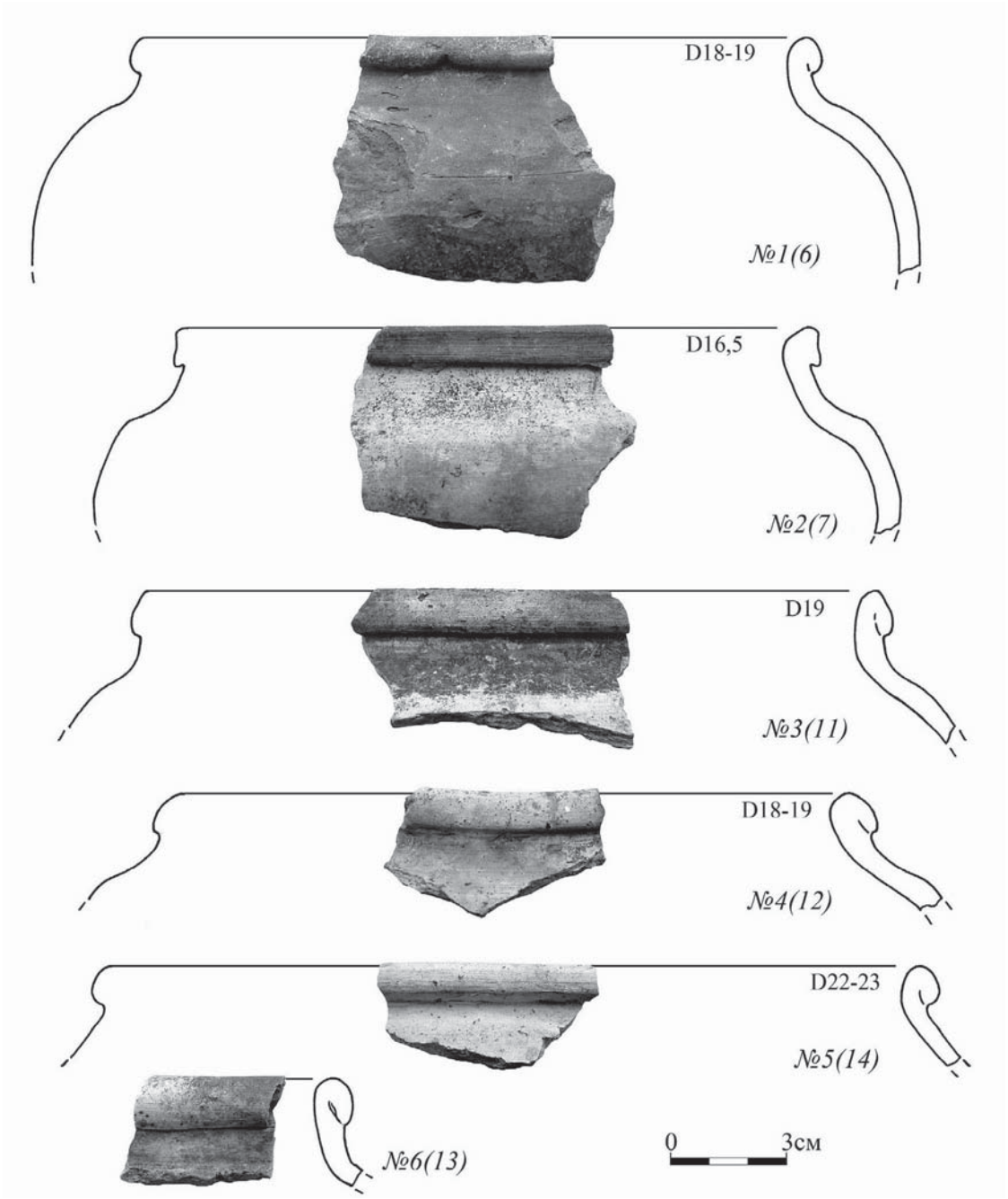


Рис. 14. Керамика XVI–XVII вв. из верхнего слоя (суглинок, заполнявший городни оборонительных сооружений, раскоп 3).

было зафиксировано 32 погребения в деревянных гробах (рис.6). В северной части раскопа погребения были врезаны в материк. Культурный слой здесь отсутствовал. В центральной части раскопа погребения прорезали влажный культурный слой (щепа с навозом). В южной части раскопа нижние горизонты культурного слоя остались неисследованными, так как находились ниже отметки дна строительного котлована. В расположении погребений прослеживалась рядность. Все гробы были идентичной конструкции, описанной выше. Погребенные были одеты в специальную погребальную обувь – кожаные калиги. Согласно дендрохронологическому анализу наиболее

ранним было погребение 26 (в северной части раскопа), внешнее кольцо дубовой надгробной плиты которого датируется 1241 годом.

Таким образом, можно предполагать, что кладбище первоначально занимало участок в центре холма ближе к берегу реки, а затем распространилось к югу и западу, заняв земли предшествующей жилой застройки.

Вдоль восточного борта раскопа была исследована линия квадратов, выкопанных до материка. Это позволило понять древний рельеф холма и вскрыть наиболее ранние отложения. Оказалось, что в юго-восточном углу раскопа располагалась частокольная ограда усадьбы, вдоль которой шла дорожка, замощенная досками, лежавшими вдоль направления движения.

Находки в раскопе 4 были представлены несколькими хронологическими группами. Древнейшие находки относились к каменному и бронзовому векам. В погребенной почве были найдены кремневые пластины и лезвийная часть каменного проушного топора. Ранняя группа средневековых находок представлена двумя шиферными пряслицами, серией нательных крестов и подвесок с изображением креста, стеклянными браслетами (рис.8), маленькими свинцовыми товарными пломбами (рис.9) и грузиками. Особое внимание заслуживает подвеска с изображением процветшего креста (рис.8, находка № 143). Аналогичная была найдена Д.А. Авдусиным в 1957 г. в раскопе (УС-5) на ул. Соболева в Смоленске в пласте 19 (ярусы 13-14) который относится к XIII в. (хранится в Смоленском музее). Эти ярусы датируются XIII в. [13, с. 103].

Среди довольно обширной коллекции керамики из раскопа 4 (более семи тысяч фрагментов) нет ни одного венчика, который можно было бы отнести к XII в. Среди горшков есть очень грубая толстостенная керамика с волнистым орнаментом и короткими слабоотогнутыми или почти прямыми венчиками, которая напоминает раннекруговую (рис.11). Но это не керамика XI в., а, видимо, керамика эпохи «второй грубости» – XIII – начала XIV вв. Это подтверждают не только вещевые находки, но и результаты радиоуглеродного датирования. В основании нижнего слоя была собрана и датирована скорлупа лесных орехов, наиболее вероятный возраст этого образца – середина XIII в. (табл.2).

Табл. 2. Результаты радиоуглеродного датирования образца из раскопа 4.

Лабораторный номер	Радиоуглеродная дата и среднеквадратичное отклонение	Калиброванный календарный возраст (годы нашей эры)	Место отбора образца
UOC-4837	763±45	1220(68,2%)1280	Вязьма Соборный холм раскоп 4, кв. 5, пласт 18а скорлупа лесных орехов

Культурный слой в XIV–XV вв. на участке раскопа почти не накапливался, так как мы видим, что мостовые конца XV в. или начала XVI в. (?) легли на поверхность надгробных досок XIII в.

В пласте навоза со щепой на уровне пятого уровня мощения и чуть ниже мощения были найдены: обломок нательного крестика с криновидными концами XIV–XV вв.; кольчужное колечко (под уличным мощением). Возле мощеного участка у южного борта были найдены: нательный крестик XVI в., фрагмент шпоры с колесиком XIV–XV вв., ажурная бронзовая накладка с криновидным орнаментом (рис.8,

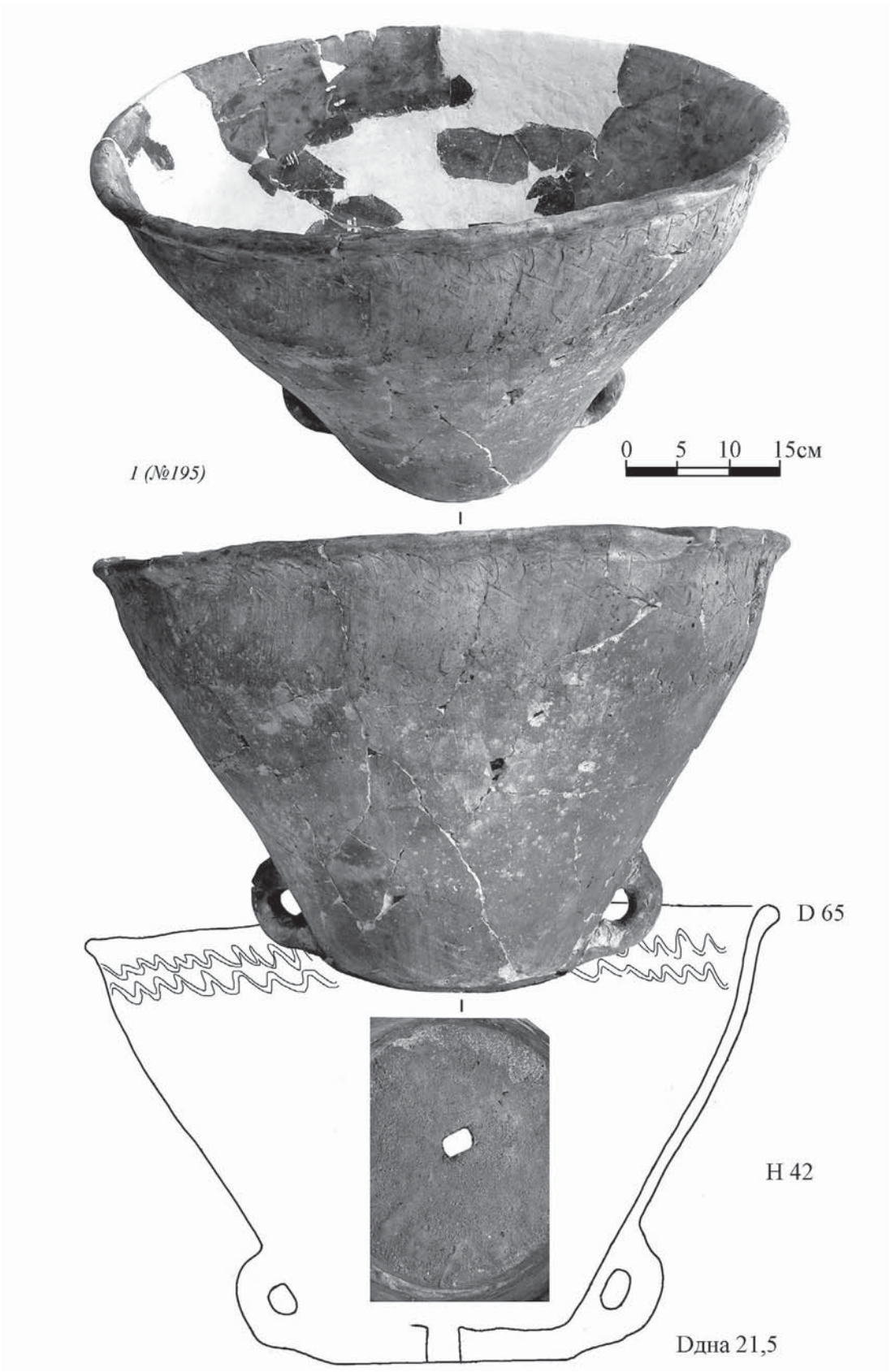


Рис. 15. Горшок для комнатных растений XVII в. (раскоп 4).

находка № 122). Возле южного борта в кв. 20 и 25 были найдены: фрагмент серебряной бусины, денарий Витовта (находка 102, кв. 19), бытовавший до начала второго десятилетия XV в. (определение В.В. Зайцева), фрагмент перстня с изображением ладони. К XV в. относится товарная пломба из г. Сент-Омер на севере Франции (рис.9, № 35), найденная в отвале (определение П.Г. Гайдукова).

С горизонтами мощения улиц связаны многочисленные фрагменты светлоглиняных горшков XVI–XVII вв. с характерным профилем венчика, край которого завернут наружу. В верхнем слое мощения были найдены круглые свинцовые пули, ружейные кремни. Самым поздним объектом в раскопе 4 был сруб, перекрывавший горизонт 1 уличного мощения. В этом срубе был найден крупный цветочный горшок – кадка с отверстием в днище для слива воды (рис.15). Судя по другим находкам керамики, постройка относится к XVII в. Появление в этом комплексе «цветочного» горшка очень симптоматично. Видимо, это горшок для экзотических растений, может быть, лимонов? В 1654–1655 гг. в Вязьме находился царский двор. Разведение лимонов и других фруктов было в моде у «московской элиты» того времени. Так, например, полковник Патрик Гордон, находясь в русской армии под Смоленском в 1664 г., пишет о том, что его возлюбленная из Москвы присылала ему свежие лимоны [2, с.152].

Проведенные в 2017 г. раскопки позволяют сделать следующие выводы.

1. Археологические находки подтверждают возраст Вязьмы, установленный по письменным источникам. Возникновение города, видимо, относится к XIII в.

2. Соборный холм Вязьмы отнюдь не являлся древним ядром города. В северной части холма изначально было кладбище, а южный склон занимала периферия городской застройки. Постепенно кладбище расширилось и потеснило застройку.

3. Центр древней Вязьмы нужно искать на участке, примыкающем к соборному холму с юга и юго-востока (на месте вокруг дома культуры и в районе сквера с памятником генералу Ефремову и рядом с ним). Вероятная площадь города – несколько гектаров.

4. На рубеже XIII–XIV вв. город пережил очень сильный пожар. Центр этого пожара был, конечно, не на кладбище, но даже кладбище было им опалено. Пожар привел к прекращению функционирования кладбища. Видимо, в планировке города произошли существенные изменения.

5. В XVI в. на соборном холме был построен деревянный острог, который несколько раз горел и перестраивался, но существовал до первой половины XVIII в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов И.П.* Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. М.: Типо-литография Д.А. Бонч-Бруевича, 1890. – 140 с.
2. *Гордон Патрик.* Дневник 1659–1667. М.: Наука, 2002. – 316 с.
3. *Кобозева Е.В.* Керамическая коллекция древнейших отложений раскопа 9 в тверском Кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. – С. 107–123.
4. *Колчин Б.А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ. Вып. Е1-55. М.: Наука, 1968. – 184 с.
5. *Лапшин В.А.* Тверь в XIII–XV вв. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 540 с.
6. *Модестов Ф.Э.* Смоленский этнографический альбом. Вып. 2. Крестьянский и помещичий быт. 1850–1917 гг. Смоленск: Смол. гос. музей-заповедник. 2004. – 179 с.
7. *Недошивина Н.Г.* Древнерусские клады в собрании Государственного исторического музея. М.: ГИМ, 2010. – 20 с.

8. *Нестерова М.Е.* Керамика из некоторых предматериковых комплексов раскопа 14 в Тверском Кремле // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: Старый город, 2002. – С. 70-100.
9. *Сагайдак М.А.* Давньокиївский Поділ. Київ: Наукова думка, 1991. – 168 с.
10. *Сергина Т.В.* Археология Вязьмы (некоторые итоги и перспективы изучения) // Уваровские чтения. Муром, 1994. – С. 108–110.
11. *Сергина Т.В.* Отчет о раскопках в г. Вязьме в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 12707, 12708
12. *Сергина Т.В.* Отчет о работе Вяземской экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 15993, 15994 (альбом).
13. *Урьева А.Ф.* Стратиграфия и хронология раскопа УС-V в Смоленске //Смоленск и Гнездово. М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 80–104.
14. *Шорин Ю.Н.* Возникновение Вязьмы. Вязьма. Страницы истории. Сборник материалов краеведческих конференций 2001–2004 гг. Смоленск, 2005. – С. 46–71.
15. *Энговатова А.В., Кадиева Е.К.* Круговая керамика Ярославля первой половины XIII в. из заполнения комплексов массовых захоронений 1238 г. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь: ТНИИР-Центр, 2018. – С. 23–55.
16. *Юркина Т.В.* О раскопках в Вязьме на Смоленщине // Краткие сообщения Института археологии. Вып.164. М.: Наука, 1981. – С.106–111.
17. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 3. Д. 2960.
18. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1, 1625 № 14. л. 13, 31.
19. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 909.

ИА РАН,
г. Москва,
Смоленский центр охраны
памятников культуры

N.A. Krenke, I.N. Ershov, B.V. Kudryavtsev, R.B. Platonovsky, V.A. Raeva
Vyazma Cathedral Hill in the Context of New Excavations of 2017

The publication sums up the results of excavation in Smaller town of Vyazma (Cathedral hill). According to findings of 2017 in the XIII century there was a cemetery on the Cathedral hill bounded by urban area in the south. After the fire in the end of the XIII century this area became abandoned. It was developed once again in the XVI–XVII centuries when a wooden stronghold with three towers and log walls was built there.

Keywords: *Vyazma, ceramics, radiocarbon dating, wooden funerary monuments, dendrochronology.*

УДК 902.672 (470.332) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.406-410

Е.Г. ЕРШОВА, Н.А. КРЕНКЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА НИЖНЕГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ И ПОГРЕБЕННОЙ ПОЧВЫ В РАСКОПЕ НА СОБОРНОМ ХОЛМЕ ВЯЗЬМЫ

Статья посвящена описанию результатов изучения спорово-пыльцевых образцов, отобранных в нижнем культурном слое Вязьмы (XIII в.) и из подстилающей почвы. Установлено, что пыльцевой спектр культурного слоя состоит преимущественно из пыльцы, попавшей в него вместе с навозом (предположительно конским) и не может полноценно характеризовать природное окружение поселения. Пыльца из погребенной почвы фиксирует наличие коренного елово-широколиственного леса, который затем был сведен, и участок подвергался распашке незадолго до начала накопления культурного слоя.

Ключевые слова: *спорово-пыльцевой анализ, влагонасыщенный культурный слой, погребенные почвы.*

В западной стенке раскопа 3 (2017 г.) на Соборном холме Вязьмы была отобрана колонка образцов на спорово-пыльцевой анализ. Образцы отбирались из непотревоженного нижнего культурного слоя и подстилавшей его погребенной почвы. Всего было отобрано 16 образцов с интервалом 3-5 см. Задача исследования заключалась в том, чтобы получить информацию о ландшафте вокруг Соборного холма и выяснить, имеются ли следы хозяйственной деятельности, предшествующие началу накопления культурного слоя.

План раскопа и фотография участка представлены на рисунках 1 и 2. Верхние 45 см разреза – влажный культурный слой темно-бурого цвета с многочисленными включениями щепы. Слой данного типа характерен для русских средневековых городов (Великий Новгород, Старая Русса, Москва, Тверь и многие другие). Обычно археологи его обозначают как «щепа с навозом». В нижней части слоя, примерно в 10-15 см от его основания прослеживалась углистая прослойка. Основание слоя ровное, переход к погребенной почве резкий. Гумусовый горизонт погребенной почвы имел мощность до 9 см, цвет – светло-серый, литологически это суглинок. Нижняя граница резкая, имеются «фестоны», напоминающие следы лопат. Ниже залегает белесый подзолистый горизонт мощностью 5-7 см, плавно переходящий в иллювиальный горизонт A_2B и затем B_t.

Образцы обрабатывали по стандартной для почвенных образцов методике с использованием тяжелой жидкости ($CdJ+K_2J$) в лаборатории кафедры геоботаники биологического факультета МГУ. Результаты представлены на спорово-пыльцевой диаграмме (рис.3).

Культурный слой состоит из сильно разложившихся тканей растений и аморфной органики с примесью минеральных частиц, угля и золы. Среди растительных остатков преобладают ткани и фитолиты высших растений, преимущественно диких и культурных злаков, луговых трав, в меньшей степени – остатки древесины и коры хвойных с небольшой примесью зеленых, сфагновых и печеночных мхов. Обильны также споры копрофильных грибов, яйца гельминтов, навозные сферулиты, что обычно для отложений, содержащих навоз [14].

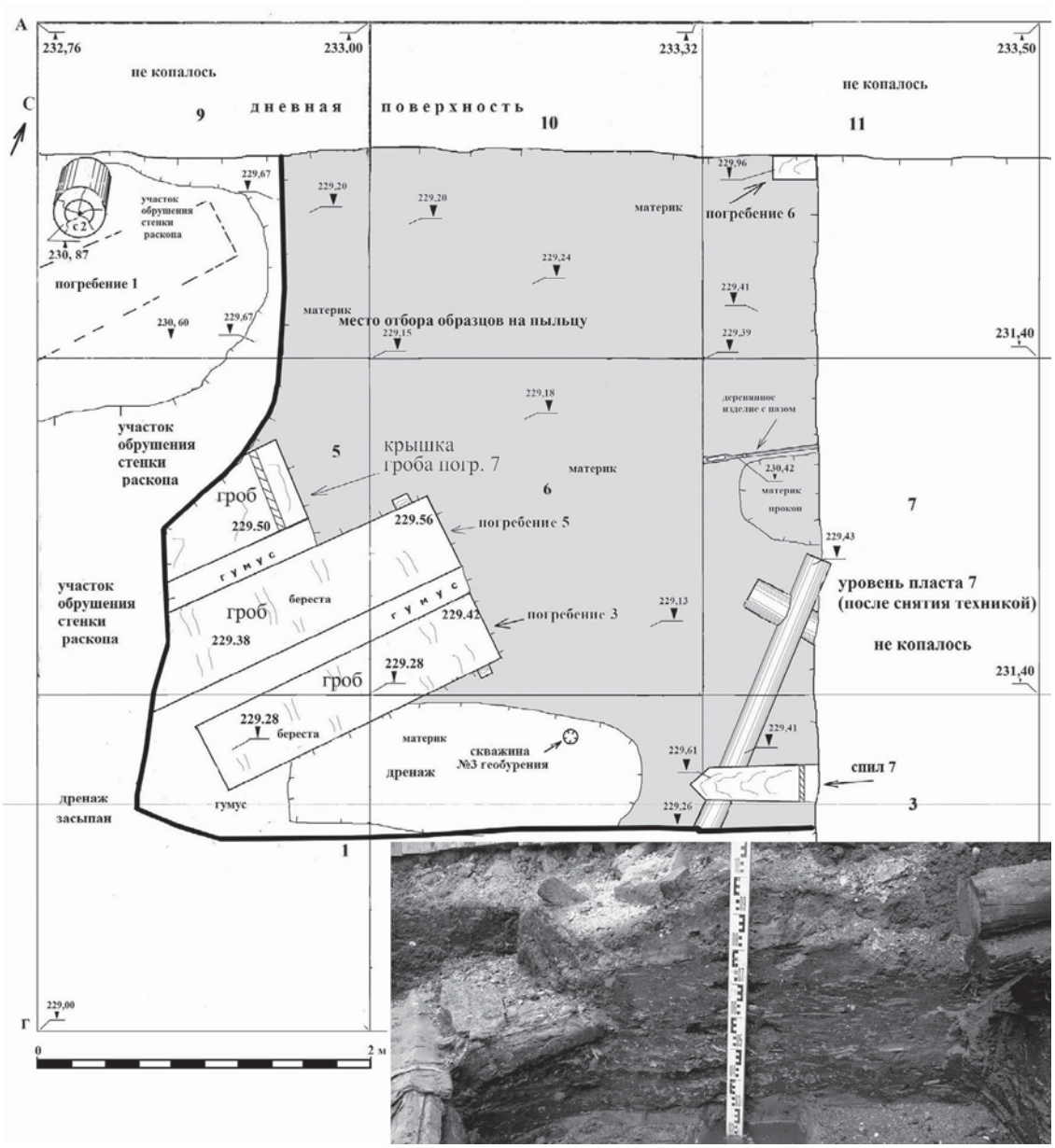


Рис. 1. План раскопа 3 на соборном холме Вязьмы с указанием места отбора образцов на спорово-пыльцевой анализ.

Все спорово-пыльцевые спектры культурного слоя сходны по составу: в них абсолютно доминирует пыльца трав, в то время как пыльца древесных (сосны, ели, березы, ольхи, липы, дуба, ивы) крайне малочисленна и составляет не более 15% от общего пыльцевого спектра. Пыльца трав чрезвычайно разнообразна: определено 40 таксонов разного ранга, из них 37 – насекомоопыляемые. Более всего пыльцы злаков – диких (до 45%) и культурных (до 30%). Из других таксонов постоянно присутствуют сложноцветные (*Achillea*-type, *Carduus*-type, Xantium-type, sbf. Cichorioideae), полынь (*Artemisia*), зонтичные (Apiaceae), таволга (*Filipendula*), лютиковые (Ranunculaceae), бобовые (Fabaceae), осоки (Cyperaceae), горец (*Polygonum*). Встречены также: герань (*Geranium*), гравилат (*Geum*), колокольчик (*Campanula*), истод (*Polygala*), щавель (*Rumex*), валериана (*Valeriana*), подмаренник (*Geum*), синюха (*Polemonium*), подорожник (*Plantago*), представители розоцветных (Rosaceae),

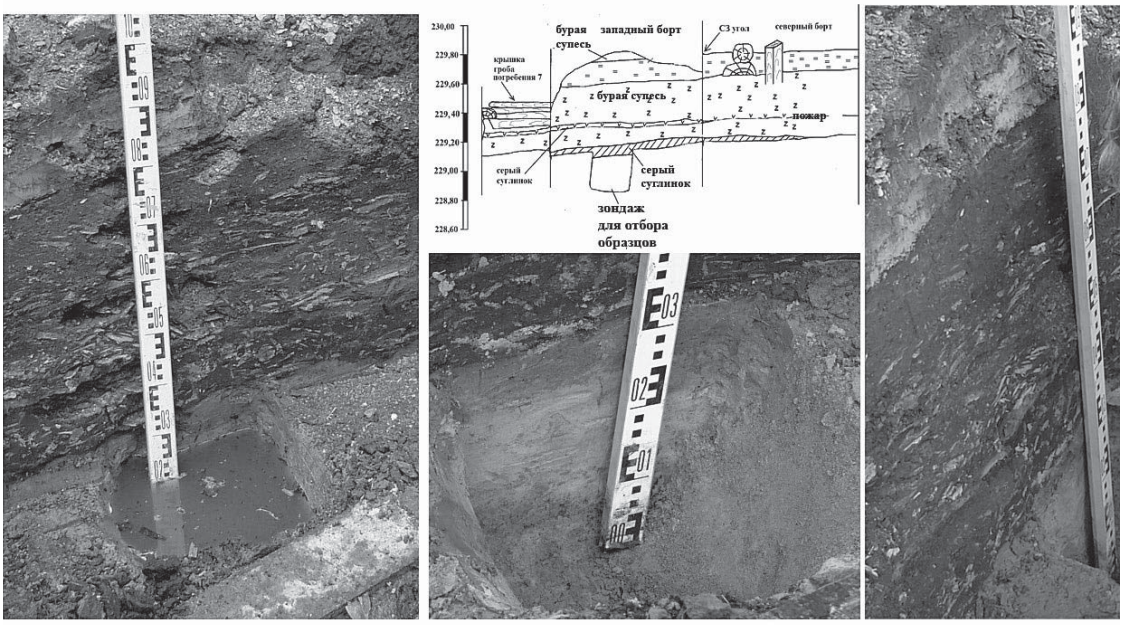


Рис. 2. Фото участка, где отбирались образцы на спорово-пыльцевой анализ. Вязьма, соборный холм, раскоп 3.

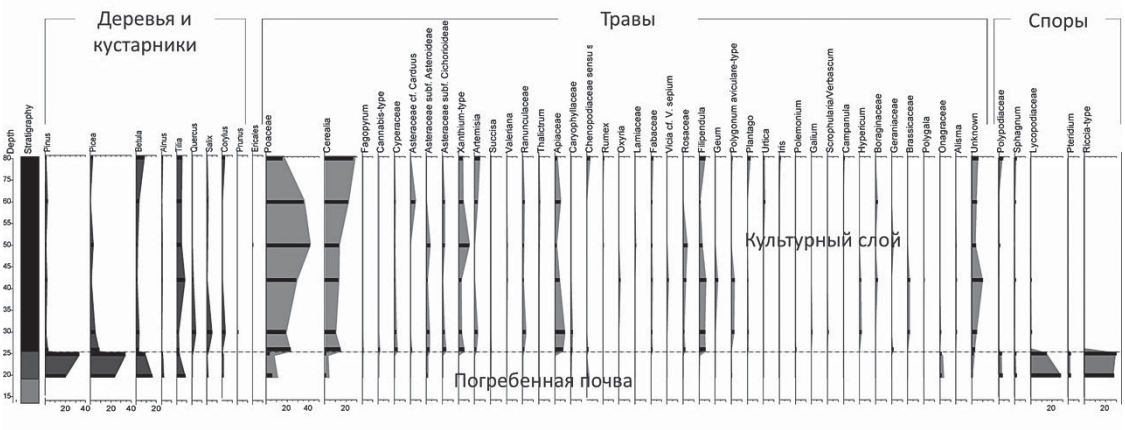


Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма. Вязьма, раскоп 3, 2017 г.

крестоцветных (Brassicaceae), гвоздичных (Caryophyllaceae), губоцветных (Lamiaceae). Большинство таксонов – типичные для пойменных лугов насекомоопыляемые травы. Споры высших растений в культурном слое практически отсутствуют.

Пыльцевые спектры такого состава не характерны для естественного «пыльцевого дождя» лесной зоны. Многочисленные исследования показывают, что даже в современных густонаселенных регионах с фрагментарным лесным покровом, вроде Московской и Тверской областей, в аэропалинологических и поверхностных почвенных спектрах всегда доминирует пыльца ветроопыляемых деревьев с высокой пыльцевой продуктивностью [12; 15]. Насекомоопыляемые травы, наоборот, производят сравнительно мало пыльцы, она не переносится на большие расстояния, и как правило, попадает в «пыльцевой дождь» лишь единично. Из культурных злаков ветроопыляемой является только рожь, остальные (пшеница, овес, ячмень) – самоопыляемые, и их пыльца не разносится ветром, но может оставаться в изобилии

на соломе или зерне, в пищевых отходах, а также в копролитах человека и животных [6]. Таким образом, специфика описываемых пыльцевых спектров – обилие пыльцы хлебных злаков и луговых трав при крайне низком участии пыльцы деревьев – не может быть объяснена особенностями «пыльцевого дождя», отражающего характер окружающей растительности, но, очевидно, является следствием специфических условий накопления влагонасыщенного культурного слоя.

Пыльцевые исследования помета травоядных животных, в том числе конского навоза, показывают, что пыльца кормовых трав не разлагается при прохождении через пищевой тракт и концентрируется в помете [4; 11; 3 и др.]. Попадая в почву или культурный слой, навоз обогащает их пыльцой хлебных злаков и кормовых трав, сильно искажая при этом естественные атмосферные пыльцевые спектры [6]. Мы предполагаем, что специфика пыльцевых спектров образцов из влагонасыщенного культурного слоя г. Вязьмы объясняется высоким содержанием в них конского навоза. Подобные спектры описаны также для влагонасыщенных культурных слоев других древнерусских городов – Москвы [3; 1;7], Новгорода [5], а также для содержащих навоз искусственных почв (*plaggen soils*) в Европе [8; 9; 10 и др.]. Таким образом, пыльцевые спектры культурного слоя отражают в большей степени состав кормовой базы лошадей, живших в городе в XIII в., – травы с пойменных лугов р. Вязьмы и культурные злаки (овес). Что касается окружающих лесов, то можно сказать только, что в состав их входили и хвойные, и широколиственные породы, но в каких соотношениях, определить не представляется возможным.

Почва, погребенная под культурным слоем. Всего было отобрано и обработано 8 образцов из почвы (глубины 0-25 см), однако пыльца оказалась только в верхних 5 см, т.е. в пределах гумусового горизонта. Верхний слой (1 см) содержал большое количество обгорелых растительных тканей, угля, сажи и золы; мы предполагаем, что это сгоревшая лесная подстилка. Концентрация органики и угля исключительно в верхних 5 см может свидетельствовать о том, что сразу после последнего пожара (выжигания) почва не подвергалась перемешиванию (распашке). При этом не исключено, что стадия распашки все же была, но в более ранний период.

В пыльцевых спектрах преобладают деревья коренного елово-широколиственного леса – ель, сосна, береза и липа, присутствуют дуб, ольха, орешник и ива (всего пыльца древесных составляет до 95%); кроме того, довольно много спор лесных папоротников, мхов и плаунов. В то же время в образцах из почвы есть пыльца и споры трав, среди которых – сорняки (полынь, маревые), а также растения, характерные для ранних послепожарных стадий (печеночный мох *Marshantia*, иван-чай). Обращает на себя внимание присутствие пыльцы культурных злаков и спор *Riccia* – печеночного мха, растущего исключительно на зарастающих пашнях [13]. Мы предполагаем, что почвенные пыльцевые спектры включают в себя элементы двух стадий: более ранней – лесной, при которой формировалась почва, и более поздней, хозяйственной, предшествующей основанию города. Последняя, вероятно, включала в себя распашку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алешинская А.С., Борисов А.В., Кочанова М.Д.* Результаты палеопочвенных и палинологических исследований культурного слоя в восточной части кремлевского холма // Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия. Материалы междисциплинарной научной конференции. Москва: ИА РАН, 2018. – С. 16-23.

2. *Гольева А.А.* Информационные возможности естественнонаучных исследований отложений навоза в культурных слоях // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2010. – С. 298-303.
3. *Ершова Е.Г., Бакуменко В.О., Воронцов Т.П., Гончаров М.М., Клименко М.С., Куликов Н., Ревокатова Д.П., Селезнева Е.М., Фариш Н.Р., Фетисова Е.С., Яковенко Е.П.* Спорово-пыльцевые спектры современного и средневекового конского навоза // Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика. Пущино: ИФХиБПП РАН, 2017. – С. 70–74.
4. *Савинецкий А.Б., Князев А.В., Квавадзе Э.В.* Интерпретация спорово-пыльцевых спектров экскрементов животных // Историческая экология диких и домашних копытных. М.: Наука, 1992. – С. 4-24.
5. *Спиридонова Е.А., Соловьева Л.Н.* Палеоэкология средневекового Новгорода (по данным Троицкого XIII раскопа, участок Г1) // Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия. Материалы междисциплинарной научной конференции. Москва: ИА РАН, 2018. – С.161-167.
6. *Dimbleby G.W.* The Palynology of Archaeological Sites. London: Academic Press Inc., 1985. – 176 pp.
7. *Golyeva A., Khokhlova O., Engovatova A., Koval V., Aleshinskaya A., Kochanova M., Makee, A., Puzanova T., Kurbanova F.* The Application of Buried Soil Properties for Reconstruction of Various Stages of Early Habitation at Archaeological Sites in Moscow Kremlin // Geosciences, 2018, 8, 447.
8. *Groenman-van Waateringe W.* Palynology of plaggen soils on the Veluwe, Central Netherlands: 55–65. In: Groenman-van Waateringe W. & Robinson M. (eds), man-made soils. BAR International Series, 410. 1988.
9. *Groenman-van Waateringe W.* Palynology and archaeology: the history of a plaggen soil from the Veluwe, The Netherlands // Review of Palaeobotany and Palynology, 1992, 73. – P. 87-98.
10. *Lechterbeck J.* Pollen analyses from soil profiles (Tananger peninsula, Jæren, Norway) – evidence for plaggen cultivation? 24th EAA Annual Meeting, abstract book. Barcelona, 2018, v. I. – P. 291.
11. *Moe D.* Palynology of sheep's faeces: relationship between pollen content, diet and local pollen rain // Grana, 1983, 22. – P.105-113.
12. *Nosova M., Severova E., Volkova O.* Spruce and broadleaved trees pollen percentages and PAR values in the European part of Russia: 9 years of pollen trap monitoring implemented to the fossil data // Ecological Questions, 2017, 26. – P. 9–13.
13. *Porley R.D.* Bryophytes of arable fields: current state of knowledge and conservation // Bull Brit Bryol Soc, 2001, 77. – P.50-62.
14. *Portillo M., Kadowaki S., Nishiaki Y., Albert R.M.* Early Neolithic household behavior at Tell Seker al-Aheimar (Up-per Khabur, Syria): A comparison to ethnoarchaeological study of phytoliths and dung spherulites // Journal of Archaeological Science. 2014, 42. – P.107-118.
15. *Volkova O., Severova E., Nosova M.* Six years of observation of airborne and deposited pollen in central European Russia: first results // Journal Grana, 2016, 55, 4. – P. 9-13.

МГУ им. М.В. Ломоносова,
ИА РАН,
г. Москва

E.G. Ershova, N.A. Krenke

Spores and Pollen Analysis Results of Lower Occupation Layer and Buried Soil from the Excavation at Vyazma Cathedral Hill

The article describes the results of spores and pollen analysis of samples from Vyazma lower occupation layer (of the XIII century) and from the burnt stuff. It shows that pollen spectrum of this occupation layer consists mostly of pollen which got in as a part of manure (probably horse manure) and can't be indicative of this settlement natural surroundings. The pollen from the buried soil shows that there used to be primary fir and broadleaved forest which later was destroyed and the area was cultivate just before the occupation layer formed.
Keywords: *spores and pollen analysis, moist occupation layer, buried soil.*

УДК 903.26(470.331) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.411-413

С.А. РУДНИКОВ

МЕДНОЛИТОЙ КРЕСТ ИЗ ПОСТРОЙКИ XVI ВЕКА ЗАТЬМАЦКОГО ПОСАДА Г. ТВЕРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2014 Г.)

На западной окраине Затьмацкого посада г. Твери при раскопках в одной из подпольных ям постройки XVI в. найден меднолитой наперсный крест. Дается описание креста, устанавливаются его особенности в ряду найденных наперсных крестов раскопа 104 и более широко – в контексте развития русского прикладного искусства этого времени.
Ключевые слова: *энколпионы, псевдоэнколпион, святой Николай.*

В 2014 г. при раскопках в западной части Затьмацкого посада г. Твери на раскопе 104 (ул. С. Перовской, 53) был найден меднолитой наперсный крест с изображениями на двух сторонах (цв.вкл.: рис.1). Размеры креста 7,4×3,7×0,4 см, вес 38,84 г.

Крест найден в заполнении материковой ямы 5 – подполе постройки XVI века [8, с.23]. Описание археологической ситуации и обзор ряда находок раскопа 104 представлены автором ранее [6, с.221-223; 7, с.131–134]. Был сделан вывод, что на раскопе под слоями конца XVIII–XX вв. найдены слои и ямы XV–XVI вв., в.т.ч. пять больших подпольных ям от построек XVI в. [8, с.97, 98].

Крест по форме четырехконечный с удлиненной нижней лопастью. Верхняя и боковые лопасти – прямоугольные, нижняя слегка расширяется книзу. Края креста с лицевой и оборотной стороны обведены невысоким бортиком. Под нижней лопастью находится небольшой выступ – имитация петли створок энколпионов. К верху креста на петлях прикреплено подвижное оглавие в форме граненой бусины. Сам крест является цельной отливкой, без внутреннего пространства для хранения святыни. Эти особенности формы – подвижное массивное оглавие, имитация петли створок, цельная отливка позволяют отнести крест к псевдоэнколпионам. Данный крест по форме и изображениям отчасти напоминает отдельные энколпионы XII–XIII вв. [4, с.83, 84, 278-280].

На лицевой стороне – изображение Иисуса Христа на кресте. Тело слегка изогнуто, голова склонена вправо. Фигура исполнена мастером достаточно реалистично, с учетом анатомических подробностей: крепкий торс, на руках можно разглядеть мускулы. Несмотря на сглаженность отливки, видны отдельные сравнительно небольшие детали: неровные края туники, нимб над головой. В верхней лопасти креста неясная надпись из четырех букв под титлом, которую можно прочитать как **ІСЛА** (т.е., вероятно, Иисус Царь Славы).

Под руками Спасителя изображены две фигуры предстоящих. На оборотной стороне креста находится изображение святого в полный рост. Изображение также сглажено, четкость деталей частично утрачена, возможно, при вторичном копировании отливки. Он одет в длинную мантию с омофором на плечах и груди (омофор – широкая лента у епископа с изображениями крестов). Правой рукой он благословляет, в левой руке держит книгу (евангелие). Вокруг головы святого нимб. Детали лица неотчетливы, но можно понять, что удлиненное лицо святого обрамлено короткими волосами, борода небольшая. «Передаваемыми от иконы к иконе чертами высоколобого, лысеющего старца наделяет его мастер» [2, с.177]. Эти слова совре-

менного исследователя русской иконописи об облике святого Николая в полной мере относятся и к данному изображению.

В верхней части креста над головой святого шестикрылый серафим [2, с.141]. В левой и правой лопасти креста надпись, которую можно прочитать как **НИКЛ С Т Л** (под отдельными титлами). Надпись означает, вероятно, «Никола святитель». Изображение фигуры святого выполнено с соблюдением пропорций и лишено условности.

Реалистичные изображения на кресте напоминают те, которыми воплощало образы Христа и святых западноевропейское средневековое искусство. Не против таких ли изображений выступал позднее в XVII в. «огненный протопоп» Аввакум, яркий представитель старообрядческой традиции. В «Беседе об иконном писании» Аввакум сообщал: «Пишут Спасов образ… лицо одуловато… руки и мышцы толстые… и весь яко немчин толст учинен. А то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша дела горняя» [3, с.253]. Аввакум связывает это с западноевропейским влиянием на Руси и с деятельностью патриарха Никона, который «умыслил, будто живыя писать, устрояет все по-фряжскому, сиречь по немецкому» [3, с.253].

Фряги или фрязи (искаженное «франки») – старорусское название выходцев из Южной Европы романского происхождения, поначалу так называли итальянцев (прочие выходцы из Западной Европы назывались немцами). Позже, как мы видим у Аввакума, фрягами могли называть и других выходцев из Западной Европы.

В какой-то мере новые веяния в церковном искусстве, связанные также и с западноевропейским влиянием, проявлялись уже в XVI в. В феврале 1551 г. церковный собор, созванный по инициативе царя и патриарха, выработал «Стоглав» – сборник правил церковной жизни. «Стоглав» в постановлении «об иконном письме» требовал следовать старым образцам русских и византийских икон: «писати живописцем с древних образов, как греческие иконописцы писали и как писал Андрей Рублев и прочие пресловущии живописцы» [5, с.303].

О борьбе стилей в это время исследователь русского церковного искусства В.Н. Лазарев пишет, что «церковь все более ревниво следила за тем, чтобы в живопись не проникли смелые новшества». Поэтому был сделан упор на поддержку «византизма», т.е. «византийского» стиля в русском церковном искусстве [1, с.125-126].

Кроме вышеописанного креста на данном раскопе были найдены еще пять наперсных меднолитых крестов (часть во фрагментах) (цв.вкл.: рис.2-5). Пять крестов XV–XVI вв. (один энколпион и четыре псевдоэнколпиона) из материковой ямы 6 раскопа 104 подробно рассмотрены автором ранее [7, с.131-134]. Изображения на этих пяти крестах из ямы 6 сделаны в более условной манере, качество отливок иногда невысокое. Они, без сомнения, связаны с «византийским» направлением, со старыми образцами. Вероятно, это завершение определенного этапа «византийского» стиля. Можно назвать эти предметы поздним отражением блестящего русского искусства XIII–XV вв.

Выводы:

Данный крест представляет собой высокохудожественное произведение неизвестного мастера. Возможно, это не первоначальная отливка, а реплика с оригинального произведения, при копировании которого ряд деталей был сглажен или утрачен.

В целом по форме и по основным деталям этот крест представляет собой попытку воспроизвести форму древнерусских энколпионов. Но изображения на кресте почти лишены условной манеры старой русской («византийской») школы. Крест, скорее всего, отлит в XVI в. на территории Руси. Мастер, изготовивший первоначальную отливку, возможно, был знаком с образцами западного искусства, что, вероятно, и отразилось в художественном стиле данного креста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лазарев В.Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М.: Искусство, 2000. – 536 с.
2. *Барская Н.А.* Сюжеты и образы древнерусской живописи. М.: Просвещение, 1993. – 223 с.
3. Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. – 368 с.
4. *Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.* Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты–реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 432 с.
5. Российское законодательство X–XX веков в девяти томах. Том 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.
6. *Рудников С.А.* Археологические данные к топографии средневековой улицы на Затьмацком посаде г. Твери (по материалам раскопок 2014 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь: ТНИИР-Центр, 2016. – С. 221-228.
7. *Рудников С.А.* Меднолитые наперсные кресты из вещевого комплекса постройки XVI в. Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 2014 г.) //Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: ТНИИР-Центр, 2017. – С. 131-135.
8. *Рудников С.А.* Отчет о проведении спасательно-научных исследований на участке строительства жилого дома по ул. С. Перовской, 53 на территории Затьмацкого посада г. Твери в 2014 г. Тверь, 2015 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.

ТГОМ,
г. Тверь

S.A. Rudnikov

Copper Cast Cross Found in a Building of the XVI Century in Tver Zatmatsky Suburb (Based on Excavation Material of 2014)

The article represents a copper cast pectoral cross found in one of underground pits in a building of the XVI century located on the west edge of Tver Zatmatsky suburb. The author describes the cross and defines its peculiarities in comparison with other crosses found at excavation site 104 and more generally through the lens of development of Russian applied arts of the time.

Keywords: *encolpions, pseudo encolpions, Saint Nicholas*.

УДК 549.621.97.08 + 902.2(470-25) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.414-426

А.В. ОКУЛОВ, М.Ю. МЕНЬШИКОВ, Б.Б. ШКУРСКИЙ

ИНФОРМАТИВНОСТЬ МИНЕРАЛОГО-ГЕОХИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОПУТСТВУЮЩИХ МИНЕРАЛОВ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ИСТОЧНИКА ЮВЕЛИРНОГО ГРАНАТА-АЛЬМАНДИНА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В МОСКВЕ)

В статье рассмотрены результаты минералого-геохимических исследований ювелирного граната-альмандина и сопутствующих ему минералов, обнаруженных в 2015 г. при раскопках в Москве в слоях первой половины XVII в. Проведены исследования образцов на поляризационном микроскопе в проходящем и отраженном свете, аналитические исследования методом электронного микрозондирования и рентгенофлуоресцентным методом. Подтвержден ранее сделанный вывод о происхождении московской находки гранатов-альмандинов. Рассмотрены данные о сопутствующих минералах, показана высокая информативность этих данных при определении происхождения основного минерала.

Ключевые слова: *гранат-альмандин, сопутствующие минералы, минералого-геохимические исследования, химический состав, кристаллохимические формулы, миналы, информативность, определение происхождения.*

В настоящее время необработанные гранаты-альмандины известны как категория археологических находок в трех древнерусских городах – Твери, Великом Новгороде и Москве.

В Твери гранаты-альмандины были обнаружены при раскопках в кремле и в большей степени на посадах. По нашим данным, тверские находки гранатов-альмандинов насчитывают 54 экземпляра. Значительная их часть происходит из раскопов на территории кварталов бронзолитейщиков-ювелиров. По данным стратиграфии, значительная часть находок граната-альмандина тяготеет к слоям второй половины XV – первой половины XVI вв. Часть находок происходит из перемешанных слоев XV–XVIII вв., отдельные находки были обнаружены в слоях первой половины XVIII в. Такая поздняя датировка может объясняться, с одной стороны, попаданием в соответствующие слои в результате перекопов [1, с.313-341] или же длительным периодом использования альмандина [2, с.109-112; 3, с.55-58].

В Великом Новгороде гранаты-альмандины известны пока только по результатам подводных археологических исследований: в ходе работ под руководством А.В. Степанова на дне реки Волхов в районе Великого моста были найдены 3 целых кристалла граната, 1 зерно граната и 1 осколок кристалла граната. Слои, из которых они происходят, датируются по комплексу находок XV–XVII вв. [4, с.94-101].

Самой многочисленной находкой, как по количеству, так и по суммарному весу, является скопление гранатов-альмандинов, обнаруженное в Москве при раскопках усадебного комплекса на территории парка бывшей Екатерининской больницы – 1761 экземпляр фрагментов кристаллов при незначительной доле целых кристаллов (общим весом 2408 г). Практически весь объем гранатов-альмандинов был сосредоточен в двух близко расположенных скоплениях в слоях, которые датируются первой половиной XVII в. [5, с.272-279].

Находки необработанных гранатов-альмандинов, несомненно, связаны с ювелирным производством. На это указывает наличие среди фрагментов кристаллов из Москвы производственного брака – двух фрагментов разных бусин с каналами недосверленных отверстий. Поверхности бусин имеют грубую шлифовку, что в сочетании с недосверленными отверстиями позволяет отнести их к производственному браку [5, с.272-279]. В Твери на Загородском посаде была обнаружена сходная по морфологии бусина из граната-альмандина, поверхность которой имеет более тонкую шлифовку, но не имеет полировки [1, с.313-341]. По этому признаку она может быть классифицирована как полуфабрикат. Еще одна альмандиновая бусина из раскопок на Загородском посаде была обнаружена при раскопках ТНИИР-Центра [6, с.220-225]. По форме и размерам она аналогична описанной выше. Две серебряные серьги с альмандином входили в состав клада, обнаруженного вблизи тверского кремля в слоях, датируемых второй половиной XVIII – первой половиной XIX вв. [7, с.357-367]. Бусины имеют форму, аналогичную описанной выше, и чуть меньшие размеры; их поверхность имеет хорошую полировку.

Прежде всего, дадим краткую характеристику минерала граната. По действующим геммологическим классификациям камней гранат ювелирного качества и его разновидности относятся к драгоценным камням [8, с.171-198; 9, с.31-33]. Термин «гранат» – это название целой группы минералов, которая подразделяется на 2 подгруппы [10, с.523-528; 11, с.96-128]:

1 – подгруппа пироп-альмандин-спессартина (пиральспиты)

Пироп – $Mg_3Al_2[SiO_4]_3$

Альмандин – $Fe_3^{2+}Al_2[SiO_4]_3$

Спессартин – $Mn_3Al_2[SiO_4]_3$

2 – подгруппа уваровит-андрадит-гроссуляра (уграндиты)

Гроссуляр – $Ca_3Al_2[SiO_4]_3$

Андрадит – $Ca_3Fe_3^{+2}[SiO_4]_3$

Уваровит – $Ca_3Cr_2[SiO_4]_3$

В природе минералы группы граната с такими «идеальными» формулами не встречаются. Вследствие того, что в природных гранатах элементы **первой** (Mg, Fe^{2+}, Mn, Ca) и **второй** (Al, Fe^{3+}, Cr) катионных позиций могут широко замещать друг друга, минералы группы граната состоят как бы из нескольких компонентов – так называемых миналов (альмандиновый, пироповый, спессартиновый миналы и т.д.). В соответствии с преобладанием определенных миналов и выделяются две упомянутые подгруппы. Соответственно, пиропами, альмандинами и т.д. гранаты называют по преобладанию какого-либо одного минала (компонента).

Ранее были проведены исследования, целью которых было определение происхождения находок граната-альмандина из Твери. По совокупности признаков, наблюдаемых при макро- и микроскопическом минералого-кристаллографическом изучении, было сделано предположение о том, что они происходят из Кительского месторождения в Южной Карелии (цв.вкл.: рис.1, 2) [1, с.313-341; 12, с.50-62]. Впоследствии аналогичные признаки были зафиксированы на гранатах-альмандинах из Москвы (цв.вкл.: рис.3) и 2 гранатах-альмандинах из Великого Новгорода [5, с.272-279]. В данной работе мы не будем останавливаться на этих признаках, так как они были подробно описаны в предыдущих публикациях. В ходе ранее проведенных исследований для подтверждения (или опровержения) данного предположения, было выполнено исследование химического состава гранатов из Твери и из Кительского месторождения. Эти исследования включали

изучение методом электронного микрозонда (на минералообразующие элементы) и рентгенофлуоресцентным методом (на элементы-примеси). Полученные данные аналитических исследований показали, что составы гранатов из Твери, как по основным элементам, так и по элементам-примесям, отвечают гранатам Кительского месторождения [12, с.50-62].

Целью вновь выполненных исследований было:

во-первых, установление химического состава основных минералообразующих компонентов и элементов-примесей в гранатах-альмандинах из Москвы с целью подтверждения (или опровержения) ранее сделанного предварительного вывода об их происхождении из Кительского месторождения, аналогично тому, как это было сделано ранее для гранатов из Твери;

во-вторых, оценка информативности данных о сопутствующих гранату-альмандину минералах и об их химическом составе при определении источника основного минерала. То есть решался вопрос о необходимости получения сведений о сопутствующих гранату-альмандину минералах (как качественных, так и количественных), и о возможности их использования при определении его источника.

Актуальность такого рода исследований объясняется тем, что далеко не все ювелирные камни, которые встречаются или могут быть встречены при археологических раскопках, обладают собственными яркими характеристиками (такими как особенности кристалломорфологии и скульптуры граней, химического состава и т.д.), позволяющими точно определить их происхождение. В этой связи важным источником дополнительной информации о происхождении основного минерала могут быть сопутствующие минералы. На примере данной работы авторы хотели продемонстрировать, насколько важной может быть такая информация, а также представить пример обработки и анализа минералого-геохимических данных по сопутствующим минералам.

Под **сопутствующими минералами** в данном случае понимаются:

1) отдельные минералы вмещающих пород, сохраняющиеся на поверхности некоторых кристаллов;

2) минералы, образующие включения внутри кристаллов;

3) небольшие фрагменты собственно горных пород, которые могут сохраняться как на поверхности отдельных кристаллов, так и встречаться в культурном слое в археологических комплексах, содержащих скопления отходов обработки ювелирных камней.

При этом все сопутствующие минералы можно разделить на следующие группы: главные, количество которых превышает 5%, второстепенные, встречающиеся в количестве менее 5%, и акцессорные, наличие которых является характерным, но количество обычно не превышает 1%.

Для решения поставленных задач были выбраны пять образцов граната из числа московских находок, один образец граната из Кительского месторождения, а также два образца вмещающих пород из этого месторождения. Меньшее число привлеченных образцов граната из Кительского месторождения обусловлено тем, что в ходе ранее проведенных исследований уже был накоплен значительный объем соответствующих данных. Из трех кристаллов граната были изготовлены полированные шлифы, из образцов вмещающих пород – прозрачные и полированные шлифы для изучения на поляризационном микроскопе и диагностики минералов. Ниже представлен перечень образцов, их краткое описание, диагностированные под поляризационным микроскопом в проходящем и отраженном свете минералы, а также предмет исследования аналитическими методом (табл.1).

Табл. 1. Образцы, исследованные под поляризационным микроскопом и методом электронного микрозондирования.

№ образцов	Макроскопическое описание	Минералы, диагностированные под микроскопом	Предмет исследования электронным микрозондом
К-01	Кристалл граната с небольшими фрагментами вмещающих горных пород на поверхности	Главные минералы горных пород: гранат, биотит, кварц, плагиоклаз; *Акцессорные минералы: графит, рутил, ильменит, турмалин*	Состав минералов вмещающих пород, акцессорных минералов
К-02-Ш; К-03-А, К-03-Ш	Силлиманит-плагиоклаз-кварц-биотитовые сланцы; плагиоклаз-кварц-биотитовые сланцы	Главные минералы горных пород: гранат, биотит, кварц, плагиоклаз, силлиманит; *Акцессорные минералы: графит, рутил, ильменит, пирит, халькопирит,*	–
М-01	Фрагмент кристалла граната с небольшими фрагментами вмещающих горных пород на поверхности	Главные минералы горных пород: гранат, биотит, кварц; *Акцессорные минералы: графит, рутил, пирит, халькопирит*	Состав минералов вмещающих пород, акцессорных минералов
М-02	½ кристалла граната	Главные минералы горных пород: гранат, кварц; *Акцессорные минералы: ильменит, пирит*	Зональность от центра к периферии, состав акцессорных минералов
М-03	½ кристалла граната	Главные минералы горных пород: гранат, биотит, кварц, *Акцессорные минералы: рутил*	Зональность от центра к периферии, состав минералов вмещающих пород, акцессорных минералов
М-04	Осколок кристалла граната	–	Элементы-примеси
М-05	Осколок кристалла граната	–	Элементы-примеси

Примечание: образцы М-01, М-02, М-03, М-04, М-05 – раскопки у Екатерининской больницы, Москва, 2015; образец К-01, К-02-Ш; К-03-А, К-03-Ш – Кительское месторождение. Образцы К-01, М-01, М-02, М-03 –монтированные полированные шлифы, образец К-02-Ш, К-03-Ш – прозрачные шлифы, К-03-А – полированный шлиф.

Методом электронного микрозондирования были исследованы три кристалла граната-альмандина из числа московских находок и один кристалл граната из Кительского месторождения, а также сопутствующие им минералы. Два осколка кристаллов граната были изучены рентген-флуоресцентным методом на элементы-примеси.

Рассмотрим сначала результаты исследования самих гранатов. В минералогии для сравнения составов минералов одной группы принято пользоваться пересчетами элементного химического состава на кристаллохимические формулы и на минальный состав. Такое сравнение является более наглядным, чем простое сопоставление состава, выраженного в процентной форме [13]. По результатам проведенных анализов и обработки полученных результатов было установлено, что гранаты из Москвы, как и тверские, и кительские, отвечают ряду пироп-альмандин-спессартина (пиральспиты) с резким преобладанием альмандинового минала (**Fe^{2+}**), менее значительной долей пиропового (**Mg**), незначительной долей спессартинового (**Mn**) и крайне незначительной долей гроссулярового (**Ca**) компонентов. Формульные количества этих четырех элементов находятся практически в одних и тех же диапазонах, при незначительных вариациях (табл.2). Во второй катионной позиции присутствует только **Al**. Количество **Al**, как и количество **Si** в анионной части, при

крайне незначительных вариациях, в обеих группах идентично – сотые доли apfu (атомы на формульную единицу). Содержания основных элементов и составленные по их усредненным значениям кристаллохимические формулы также представлены в таблице 2. Важно отметить, что для альмандинов Кительского месторождения, Москвы и Твери характерны самые низкие содержания **Ca** и самые высокие содержания **Mn**, отличающиеся в разы от содержаний этих элементов в гранатах других известных месторождений Карелии [14, с.65]. Эта особенность альмандинов унаследована, вероятно, от состава протолита, в результате метаморфизма которого образовались гранат-содержащие кительские гнейсы и сланцы.

Для визуализации полученных данных минальный состав гранатов из Москвы, Твери и Кительского месторождения отображен на трехкомпонентных диаграммах (пироп-альмандин-спессартин). На них отчетливо видно, что составы попадают в одну и ту же область (рис.4).

Весьма наглядными являются также данные о зональности химического состава гранатов – его вариациях от центра к периферии. На гистограммах, отражающих изменение состава от центра к периферии, отчетливо видны признаки так называемой проградной зональности гранатов Твери, Москвы и Кительского месторождения. Она проявляется в увеличении содержаний Fe и Mg при уменьшении содержания Mn, что связано с постепенным ростом температуры в процессе прогрессивного регионального метаморфизма гранат-содержащих пород (рис.5).

Среди элементов-примесей в кительских гранатах, согласно данным рентгенфлуоресцентного анализа и вновь полученным данным более точного электронного микрозондирования, установлены **Na**, **Sc**, **Cr**, **Zn**, а также **Ti** и **Y.** Это полностью соответствует набору элементов-примесей, идентифицированных в московских гранатах. Содержания элементов-примесей обычно составляет сотые доли процента, редко достигая 0,11% масс. для отдельных элементов (содержания элементов в оксидной форме).

Табл. 2. Параметры составов граната-альмандина по результатам пересчетов на формулы.

Происхождение образцов	**Главные минералообразующие элементы в атомах на формульную единицу (из расчета на 12 атомов кислорода)**						
	Fe	**Mg**	**Mn**	**Ca**	**Сумма**	**Si**	**Al**
	от – до (среднее)	от – до (среднее)	от – до (среднее)	от – до (среднее)	от – до (среднее)	от – до (среднее)	от – до (среднее)
Кительское м-е	2, 32 – 2,54 **(2,34)**	0,38 – 0,52 **(0,46)**	0,08 – 0,26 **(0,16)**	0,05 – 0,09 **(0,08)**	3,00 – 3,12 **(3,04)**	2,96 – 3,00 **(2,98)**	1,98 – 2,02 **(2,00)**
	Кристаллохимическая формула по средним значениям						
	$(Fe_{2,34}\,Mg_{0,46}\,Mn_{0,16}\,Ca_{0,08})_{\Sigma 3,04}\,Al_{2,0}[Si_{2,98}\,O_{12}]$						
Москва	2,26 – 2,45 **(2,31)**	0,37 – 0,46 **(0,43)**	0,13 – 0,29 **(0,24)**	0,07 – 0,09 **(0,08)**	3,02 – 3,07 **(3,06)**	2,96 – 2,99 **(2,98)**	1,98 – 2,01 **(1,99)**
	Кристаллохимическая формула по средним значениям						
	$(Fe_{2,31}\,Mg_{0,43}\,Mn_{0,24}\,Ca_{0,08})_{\Sigma 3,06}\,Al_{1,99}[Si_{2,98}\,O_{12}]$						

Обратимся теперь к результатам исследований сопутствующих минералов. Как видно из таблицы 1, набор главных минералов-спутников, характерных для кительских и московских альмандинов, при некоторых вариациях, в основном совпадает. В обоих случаях были установлены главные минералы – ***биотит, кварц, плагиоклаз***; и акцессорные минералы – ***графит, рутил, ильменит*** (цв.вкл.: рис.6, 7). Кроме того, в двух московских альмандинах установлены мелкие выделения

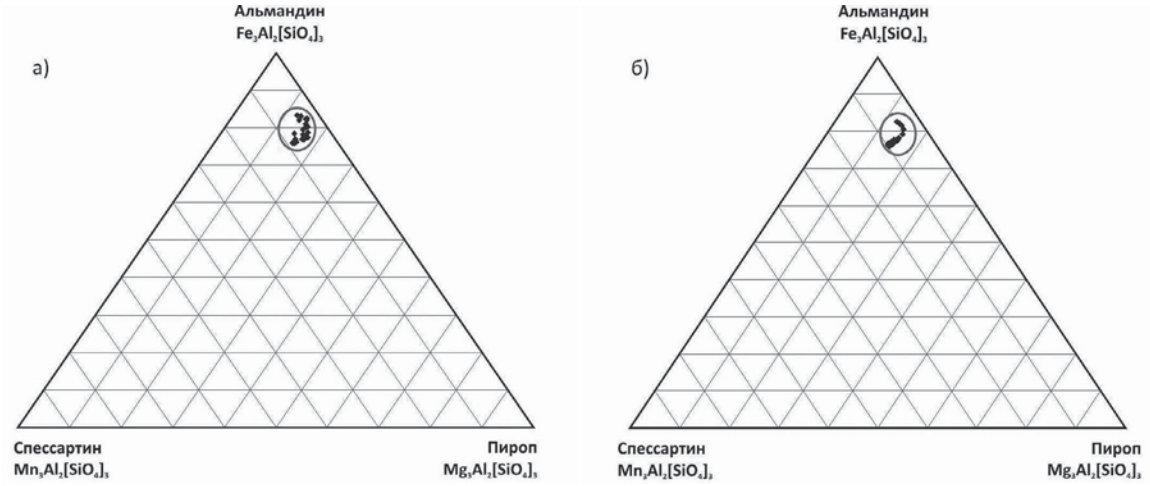


Рис. 4. Трехкомпонентные диаграммы составов гранатов по трем основным миналам (альмандин, пироп, спессартин): а – Кительское месторождение, б – Москва.

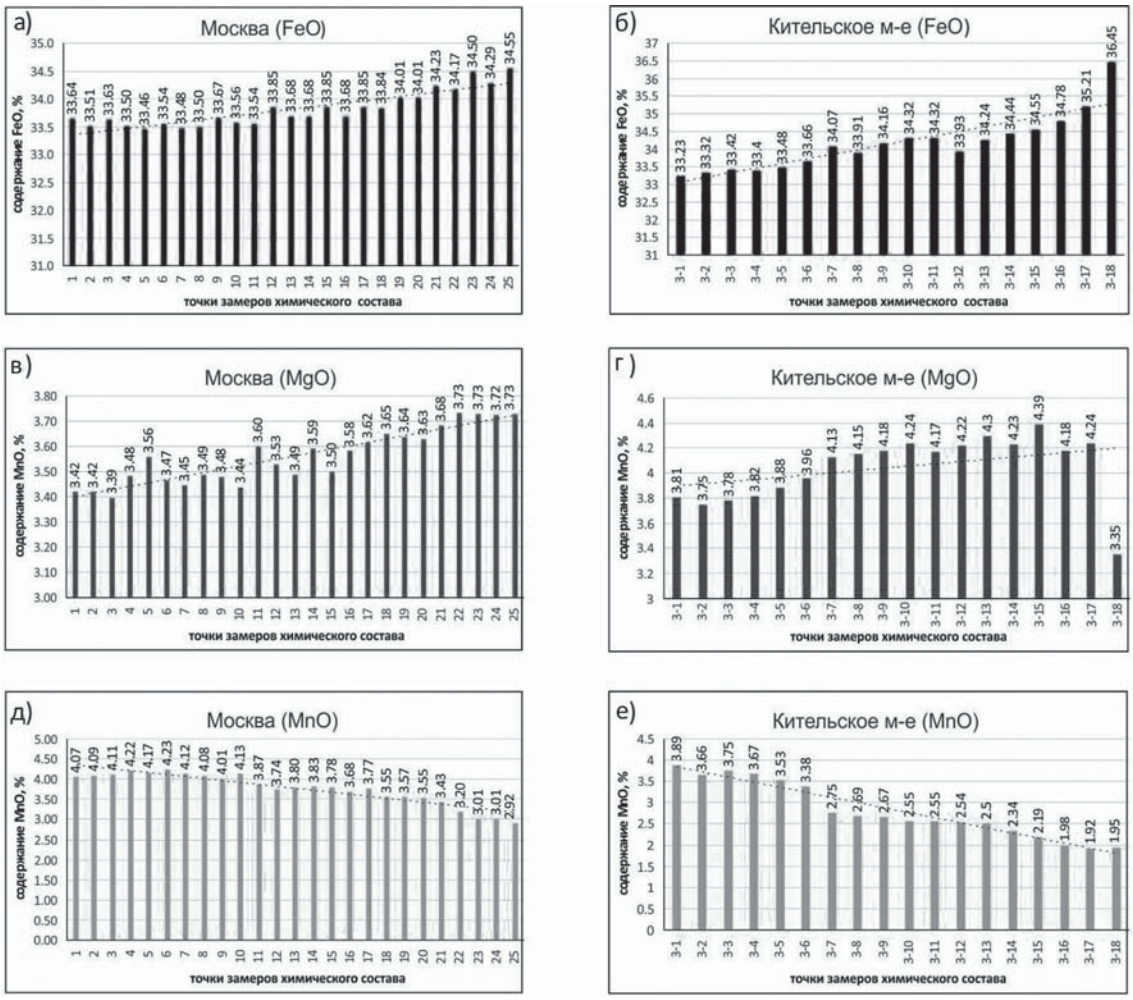


Рис. 5. Гистограммы распределения содержаний Fe (а, б), Mg (в, г), Mn (д, е) от центра к периферии кристаллов: а, в, д – Москва, б, г, е – Кительское месторождение. Содержания указаны в масс. процентах.

пирита и халькопирита, не зафиксированные в образце альмандина из Кительского месторождения. Однако пирит и халькопирит были диагностированы при изучении гранат-содержащих сланцев месторождения. В свою очередь, в гранате из описываемого месторождения диагностирован турмалин, не обнаруженный в московских альмандинах. Подобные отличия в данном случае не противоречат общей картине сходства, поскольку содержание и частота встречаемости таких акцессорных минералов, как пирит, халькопирит и турмалин в метаморфических породах рассматриваемого типа весьма незначительна, соответственно еще ниже вероятность попадания их в конкретный образец и в срез шлифа.

Если сравнить набор диагностированных главных минералов в московских гранатах с минеральным составом вмещающих пород гранатовых месторождений Карелии, то станет отчетливо видно, что по этому признаку из 10 основных известных месторождений наиболее близкими являются только два, помимо самого Кительского месторождения. К ним относятся месторождения **Униярви** и **Западная Плотина**, на которых, кроме характерной ассоциации кварц + плагиоклаз + биотит, фиксируются еще ставролит и флогопит. На месторождении **Высота 181** также установлены кварц, плагиоклаз и биотит, однако здесь они являются подчиненными минералами (табл.3). Таким образом, даже качественного характера данные о сопутствующих минералах способны дать важную информацию и сузить круг поисков, если характеристики основного минерала не позволяют точно идентифицировать происхождение минерала.

Табл. 3. Вмещающие горные породы и основные минералы вмещающих пород основных месторождений граната Карелии (По данным [14; 15], с уточнениями и дополнениями авторов).

Месторождение	**Вмещающие метаморфические горные породы**	**Минералы**
Тербеостров	Гранатовые амфиболиты (метасоматиты по метаморфическим породам - гранат-биотитовые слюдиты, гранат-биотит-жедритовые, гранат-жедритовые породы)	Амфибол, жедрит, биотит, кианит
Еловый Наволок	Те же	Те же
Солохина Луда	Те же	Те же
Левин Бор	Гранатовые амфиболиты	Роговая обманка
Нигрозеро	Гранатовые амфиболиты	Амфибол, плагиоклаз, клинопироксен, кварц
Энгозеро	Гранатовые амфиболиты, амфибол-гранатовые кристаллосланцы	Амфибол, кварц
Высота 181	Ставролит-кианит-гранатовая порода, кианит-гранат-слюдистая порода, гранатовый амфиболит, гранат-биотитовый сланец	Ставролит, кианит, кварц, плагиоклаз, биотит, амфибол
Униярви	Гранат-биотитовые гнейсы	***кварц, биотит,*** ставролит, ***плагиоклаз***
Западная Плотина	***Гранат-биотитовый гнейс*****,** флогопит-ставролит-кварцевые, кварц-ставролитовые сланцы	***биотит, плагиоклаз, кварц*****,** флогопит, ставролит
Кительское	***Кварц-плагиоклаз-биотитовые гнейсы и сланцы с силлиманитом***	***Плагиоклаз, кварц, биотит ± силлиманит***

Рассмотрим результаты исследований химического состава сопутствующих минералов. **Кварц** характеризуется сравнительно постоянным химическим составом (около 99,9% SiO_2) при незначительных примесях Al, Fe и Ti и др., которые обычно

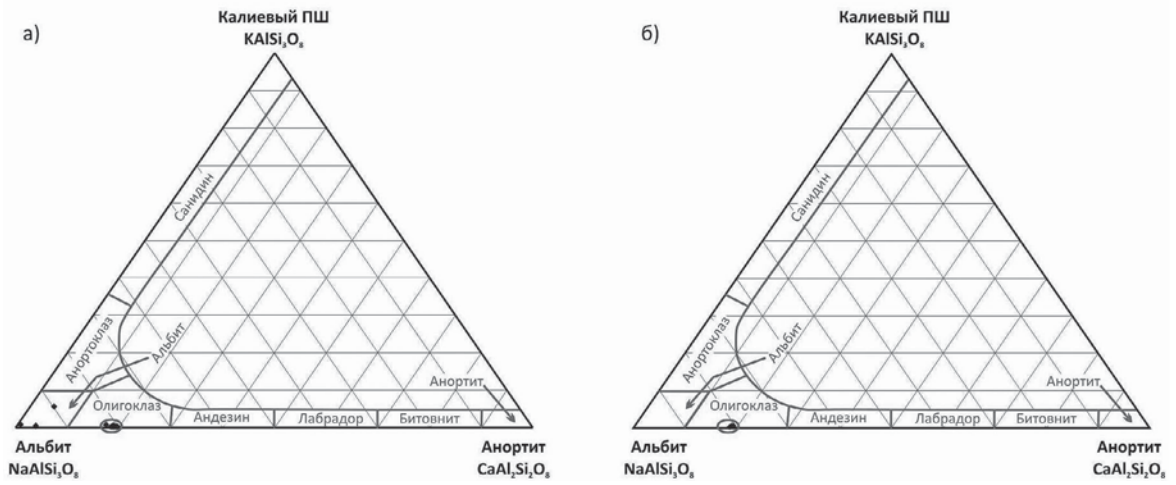


Рис. 8. Трехкомпонентные диаграммы составов полевых шпатов (плагиоклазов) в системе альбит – анортит – калиевый полевой шпат: а – Кительское месторождение, б – Москва.

не определяются электронным микрозондом [10, с.356-357; 16, с.170-172]. Кроме того, их концентрации у однотипного по окраске кварца различных месторождений часто находятся в одних и тех же пределах. Все это не позволяет использовать химический состав кварца, определенный методом электронного микрозондирования, для сопоставления с составом кварца предполагаемого источника или источников. Гораздо более информативны в этом отношении составы плагиоклаза и биотита.

Плагиоклаз – это название подгруппы минералов, входящей в состав обширной группы полевых шпатов. По аналогии с гранатами, плагиоклазы характеризуются переменным составом, в данном случае за счет вариаций содержаний **Ca** и **Na** [10, с.637-639; 17, с.112-190]. В ряду плагиоклазов *альбит – олигоклаз – андезин – лабрадор – битовнит – анортит* происходит увеличение содержаний **Ca** при уменьшении содержаний **Na**:

1) **альбит –** $NaAlSi_3O_8$

2) **анортит –** $CaAl_2Si_2O_8$

Как показали проведенные исследования, плагиоклаз вмещающих пород Кительского месторождения относится преимущественно к олигоклазу, при наличии незначительного количества альбита. При этом на трехкомпонентной диаграмме хорошо видно, что составы этих плагиоклазов не образуют непрерывного ряда. Точки, отображающие составы олигоклазов, концентрируются в отдельную локальную группу, в то время как единичные точки, соответствующие составу альбиту расположены хаотично и на существенном удалении. При этом альбит не является равновесным (устойчивым) минералом для тех значений температур и давлений, при которых формировались гранат-содержащие породы месторождения, то есть образовался, вероятно, в результате более поздних изменений указанных пород. По этой причине средние составы плагиоклазов Кительского месторождения рассчитывались по отдельности – для альбитов и олигоклазов (табл.4).

В качестве сопутствующего минерала в московских гранатах был установлен только олигоклаз. По составу он идентичен олигоклазу вмещающих пород Кительского месторождения (табл.4). Среди элементов-примесей в плагиоклазах обеих групп установлены Mg, Ba, Ti, Mn, концентрации которых не превышают сотых долей процента.

Табл. 4. Параметры составов плагиоклазов по результатам пересчетов на формулы.

Происхождение образцов	**Главные минералообразующие элементы в атомах на формульную единицу (из расчета на 8 атомов кислорода)**						
	Na	**K**	**Ca**	**Fe**	**Сумма**	**Si**	**Al**
	от – до (среднее)	от – до (среднее)	от – до (среднее)	от – до (среднее)	от – до (среднее)	от – до (среднее)	от – до (среднее)
Кительское	**Альбит**						
	0,91 – 1,01 **(0,96)**	0,00 – 0,06 **(0,02)**	0,00 – 0,05 **(0,03)**	0,00 – 0,01 **(0,00)**	0,99 – 1,01 **(1,00)**	2,87 – 2,99 **(2,94)**	1,01 – 1,15 **(1,07)**
	Кристаллохимическая формула по средним значениям						
	$(Na_{0,96}\,Ca_{0,03}\,K_{0,02})_{1,01}[Al_{1,07}\,Si_{2,94}\,O_8]$						
	Олигоклаз						
	0,80 – 0,84 **(0,82)**	0,00 – 0,01 **(0,00)**	0,17 – 0,20 **(0,19)**	0,00 – 0,02 **(0,01)**	1,00 – 1,03 **(1,01)**	2,78 – 2,81 **(2,79)**	1,18 – 1,22 **(1,21)**
	Кристаллохимическая формула по средним значениям						
	$(Na_{0,82}\,Ca_{0,19}\,Fe_{0,01})_{1,02}[Al_{1,21}\,Si_{2,79}\,O_8]$						
Москва	**Олигоклаз**						
	0,81 – 0,82 **(0,82)**	0,00 **(0,00)**	0,19 **(0,19)**	0,00 – 0,01 **(0,00)**	1,01 **(1,01)**	2,79 **(2,79)**	1,20 – 1,21 **(1,21)**
	Кристаллохимическая формула по средним значениям						
	$(Na_{0,82}\,Ca_{0,19})_{1,01}[Al_{1,21}\,Si_{2,79}\,O_8]$						

Для визуализации полученных данных минальный состав плагиоклазов из числа включений в гранатах Москвы и Кительского месторождения был отображен на трехкомпонентных диаграммах (калий – натрий – кальциевые полевые шпаты). На них отчетливо видно, что составы олигоклазов из обеих группы попадают в одну и ту же область (рис.8).

Биотит – это название серии минералов, которая входит в обширную группу слюд. Этот термин объединяет слюды темной окраски переменного состава, состав которых занимает промежуточное положение между рядами флогопита – аннита и сидерофиллита – истонита [18, с.55-101; 19, с.55-65]:

1) ряд флогопит – аннит:

Аннит $KFe^{2+}_3[AlSi_3O_{10}](OH,F)_2$

Флогопит $KMg_3[AlSi_3O_{10}](OH,F)_2$

2) ряд сидерофиллит – истонит:

Сидерофиллит $KFe^{2+}_2Al[Al_2Si_2O_{10}](OH,F)_2$

Истонит $KMg_2Al[Al_2Si_2O_{10}](OH,F)_2$

По аналогии с гранатами и полевыми шпатами, биотиты состоят из нескольких компонентов, соотношения между которыми имеют весьма широкие вариации. Это позволяет использовать их состав для идентификации происхождения наряду с гранатом и плагиоклазом. Биотит Кительского месторождения характеризуется примерно равными долями аннитового и флогопитового миналов. Сидерофиллитовый и истонитовый миналы не рассчитывались отдельно, поскольку они сами являются промежуточными членами на компонентной диаграмме, вместо них рассчитывался третий крайний компонент, в природе никогда не реализующийся, но обычно присутствующий в биотитах в качестве примеси: $KAl_3[Al_4O_{10}](OH,F)_2$ (условный минал). Рассчитанные значения формульных количеств основных минералообразующих компонентов представлены в таблице 5. На первой катионной позиции преобладает K, при незначительной доли Na, доля Ca – ничтожная (максимум 0,01). Как правило, некоторая часть первой позиции вакантна (значение меньше 1). На второй катионной

позиции главные элементы – Fe и Mg, присутствующие примерно в равных долях, но при некотором преобладании Fe. Также присутствует заметная доля Al и значительно меньшее количество Ti. Отмечается ничтожная доля V. В анионной части на третьей позиции преобладает Si, при заметной доле Al. На четвертой позиции в анионной части присутствуют анионы O и OH (данные компоненты не детектируются микрозондом, их количество определяется расчетным путем).

Биотит из числа включений в московских гранатах практически полностью идентичен биотиту Кительского месторождения, при некоторых незначительных вариациях – здесь появляется F, который, как и анионы O и OH определяется расчетным путем. Кроме того, несколько отличается количество OH, определенное расчетами. Концентрации же основных элементов практически идентичны, различия составляют сотые доли apfu (атомы на формульную единицу).

Табл. 5. Параметры составов биотитов по результатам пересчетов на формулы.

Обр.	**Главные минералообразующие элементы в атомах на формульную единицу**												
	1			**2**					**3**		**4**		
Кительское м-е	**K**	**Na**	**Ca**	**Ti^{4+}**	**Al**	**V^{3+}**	**Mg**	**Fe^{2+}**	**Si**	**Al**	**O**	**OH**	**F**
	0,82-0,85 **(0,84)**	0,05-0,07 **(0,06)**	0,00-0,01 **(0,00)**	0,11-0,13 **(0,11)**	0,47-0,53 **(0,50)**	0,00-0,01 **(0,01)**	1,11-1,20 **(1,15)**	1,14-1,26 **(1,22)**	2,70-2,73 **(2,71)**	1,27-1,30 **(1,29)**	0,32-0,43 **(0,37)**	1,57-1,68 **(1,63)**	0,00-0,00 **(0,00)**
	сумма			сумма					сумма		сумма		
	0,89 – 0,92 **(0,90)**			2,99 – 3,01 **(2,99)**					4,00 **(4,00)**		1,99 – 2,01 **(2,00)**		
	Кристаллохимическая формула по средним значениям												
	$\mathbf{(K_{0,84}\,Na_{0,06})_{0,90}\,(Fe_{1,22}Mg_{1,15}Al_{0,50}\,Ti_{0,11}\,V_{0,01}\,)_{2,99}\,[Al_{1,29}Si_{2,71}O_{10}]\,(O_{0,37}\,OH_{1,63}\,)_{2,00}}$												
Москва	**K**	**Na**	**Ca**	**Ti4+**	**Al**	**V3+**	**Mg**	**Fe2+**	**Si**	**Al**	**O**	**OH**	**F**
	0,72-0,87 **(0,82)**	0,03-0,06 **(0,05)**	0,00-0,02 **(0,01)**	0,08-0,04 **(0,10)**	0,46-0,50 **(0,49)**	0,00-0,01 **(0,00)**	1,13-1,21 **(1,18)**	1,18-1,26 **(1,22)**	2,67-2,71 **(2,70)**	1,29-1,33 **(1,30)**	0,07-0,36 **(0,30)**	0,52-1,93 **(1,30)**	0,00-1,18 **(0,41)**
	сумма			сумма					сумма		сумма		
	0,75 – 0,93 **(0,88)**			2,99 – 3,01 **(2,99)**					4,00 **(4,00)**		1,99 – 2,01 **(2,00)**		
	Кристаллохимическая формула по средним значениям												
	$\mathbf{(K_{0,88}\,Na_{0,05})_{0,88}\,(Fe_{1,22}Mg_{1,18}Al_{0,49}\,Ti_{0,10})_{2,99}\,[Al_{1,30}Si_{2,70}O_{10}]\,(O_{0,30}\,OH_{1,30}\,F_{0,41}\,)_{2,00}}$												

Из элементов-примесей в биотитах обеих групп установлены Cr, V и Mn, концентрации которых (в оксидной форме) составляют обычно сотые доли % масс., а также Ba, массовые концентрации которого в биотитах обеих групп так же весьма сходны – в среднем 0,17% в кительских биотитах и 0,13% в московских (концентрации элементов даны в оксидной форме).

Для визуализации полученных данных минальный состав биотитов из числа включений в гранатах Москвы и Кительского месторождения отображен на трехкомпонентных диаграммах (аннит – флогопит – Al). На них отчетливо видно, что составы биотитов из обеих групп попадают в одну и ту же область (рис.9).

Рутил – это минерал класса оксидов, по составу является оксидом Ti с формулой TiO_2. Однако кроме Ti в нем могут присутствовать еще такие элементы как Fe, Sn, Cr и V и другие элементы, но в гораздо меньших концентрациях [16, с.254]. Проведенные исследования показали, что рутил из состава включений в гранатах Кительского месторождения состоит на 98,65% из оксида титана, рутил из включений в московских гранатах – на 98,86%. Другие элементы присутствуют в концентрациях,

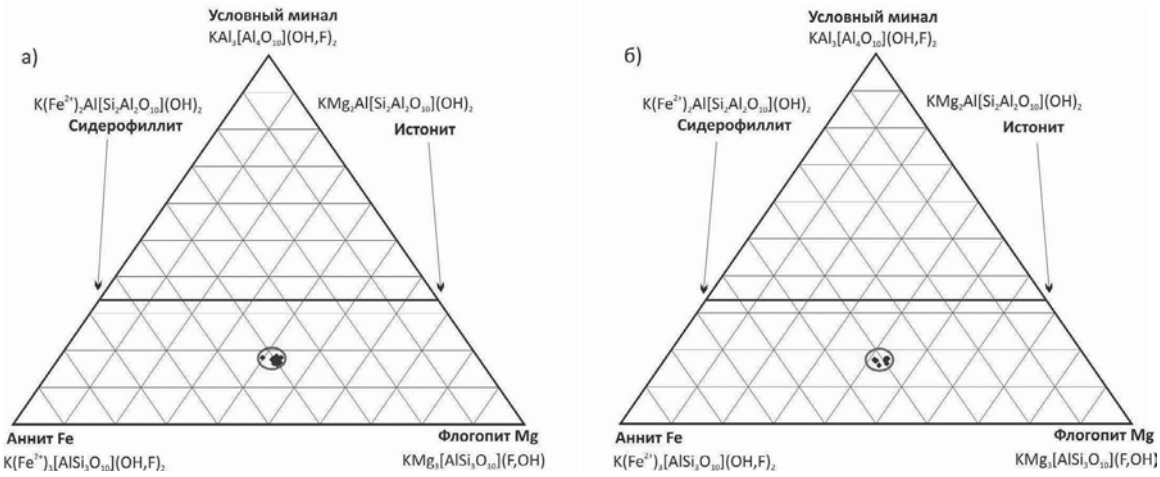


Рис. 9. Трехкомпонентные диаграммы составов биотитов по трем основным миналам (флогопит – аннит – условный высокоглиноземистый минал): а – Кительское месторождение, б – Москва.

недостаточных для включения их в формулу. В качестве главных примесей установлены V, Si, Fe, Nb, второстепенные примеси – Mg, Al, Ca, Cr, Mn и Zn. Средние значения массовых концентраций (в оксидной форме) для рутилов из включений в кительских и московских гранатах составляют: V – 0,59% и 0,53%, Fe – 0,27% и 0,18%, Si – 0,13% и 0,09%, Nb – 0,09% и 0,14% соответственно. Концентрации остальных элементов в оксидной форме составляют сотые доли процента. То есть составы рутилов из обоих групп также очень сходны.

Составы минерала ильменита из числа включений не рассматриваются, поскольку для ильменита из гранатов Кительского месторождения получено только одно определение состава. Это не позволяет корректно сравнивать составы минерала из разных групп. Пирит и халькопирит качественно были диагностированы в обеих группах, но определения их составов не проводились.

Таким образом, проведенные минералого-геохимические исследования уверенно доказывают происхождение московских гранатов из Кительского месторождения, которое ранее предполагалось на основе визуальных и наблюдений и исследований под микроскопом. При этом совпадают не только составы гранатов, но характер их зональности: от центра кристаллов к их периферии наблюдается характерное снижение концентраций Mn при росте концентраций Fe и Mg. Такая зональность называется проградной, она связана с постепенным ростом температуры в процессе регионального метаморфизма гранат-содержащих пород Кительского месторождения. Кроме этого, одинаковым является и набор элементов-примесей.

Результаты исследований сопутствующих минералов показали, что при определении происхождения основного минерала важными являются как сведения о наборе этих минералов, так и данные об их составе и элементах-примесях. Данные о наборе сопутствующих минералов (качественные) могут позволить существенно сузить круг поисков. Так, в случае с гранатом-альмандином из 10 известных месторождений граната в Карелии, которые могли быть рассмотрены как потенциальные источники, в соответствии с качественными данными о сопутствующих минералах было выделено 3 возможных источника. По данным о химическом составе сопутствующих минералов может быть окончательно установлено происхождение основного минерала. Проведенные исследования показали, что составы таких минералов, как плагиоклаз, биотит и рутил, обнаруженных в качестве сопутствующих гранату-аль-

мандину из раскопок в Москве и установленных в горных породах и в самом гранате Кительского месторождения, идентичны. При этом составы сравниваемых гранатов совпадают как по основным минералообразующим элементам, так и по элементам-примесям. Если при изучении основного минерала получены данные, которые позволяют только предположить его источник или выделить несколько возможных источников, то для более точной идентификации вполне могут быть привлечены данные о сопутствующих минералах.

Таким образом, при изучении археологических комплексов, связанных с обработкой ювелирных и поделочных камней, представляется весьма важным обращать внимание не только на сами минералы, но и на фрагменты вмещающих горных пород. Последние на первый взгляд не представляют интереса как индивидуальные находки, но содержат весьма важную информацию о происхождении основного минерала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Романова Е.А., Окулов А.В., Данилов В.В., Шкурский Б.Б.* Гранаты-альмандины из раскопок в Твери / / Новгород и новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 26. Великий Новгород: ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг», 2012. – С. 313-341.
2. *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб.: Печатано при Императорской Академии наук, 1812. – 562 с.
3. *Севергин В.М.* Обозрение Российской Финляндии, или Минералогические и другие примечания, учиненные во время путешествия по оной в 1804 году Академиком, Коллежским Советником и Кавалером Васильем Севергиным. СПб.: Императорская Академия Наук, 1805. – 133 с.
4. *Степанов А.В.* Великий мост. Результаты новых подводно-археологических исследований / / Подводное наследие 2013, сборник статей. М.: Нептун XXI век, 2013 г. – С. 94-101.
5. *Окулов А.В., Воронин К.В., Лебедев В.И., Меньшиков М.Ю.* Альмандины в слое XVII века в Москве: ювелирное сырье или отходы камнерезного производства? / / Археология Подмосковья: материалы научного семинара. № 13. М.: Институт археологии РАН, 2017. – С. 272-279.
6. *Попова С.В.* К изучению керамики середины XVIII в. (по материалам Загородского посада г. Твери) / / Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 6. Тверь: Старый город, 2010. – С. 219-233.
7. *Кунгурцева С.А.* Клад украшений второй половины XVIII – первой половины XIX вв. из раскопок на Загородском посаде г. Твери в 2014 году / / Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь: ТНИИР-Центр, 2016. С. 357-367.
8. *Киевленко Е.Я., Сенкевич Н.Н., Гаврилов А.П.* Геология месторождений драгоценных камней. М.: Недра, 1982. – 279 с.
9. *Корнилов Н.И., Солодова Ю.П.* Ювелирные камни. М.: Недра, 1983. – 239 с.
10. *Бетехтин А.Г.* Курс минералогии. Учебное пособие. Под научной редакцией Пирогова Б.И. и Шкурского Б.Б. М.: КДУ, 2010. – 736 с.
11. *Дир У.А., Хауи Р.А., Зусман Дж* . Породообразующие минералы. Том 1. Ортосиликаты и кольцевые силикаты. М.: Мир, 1965. – 371 с.
12. *Окулов А.В., Шкурский Б.Б., Романова Е.А., Данилов В.В., Гурвич М.Ю.* Ювелирные гранаты Кительского месторождения из раскопок в Твери / / Отечественная геология, № 4. М.: ФГУП ЦНИГРИ, 2015. – С. 50-62.
13. *Булах А.Г., Кривовичев В.Г., Золотарев А.А.* Формулы минералов. Термодинамический анализ в минералогии и геохимии. Практическое руководство и справочник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. – 260 с.
14. *Щипцов В.В., Бубнова Т.П., Скамницкая Л.С., Гаранжа А.В., Ручьев А.М.* Гранатовые руды Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – 208 с.

15. Методические указания по поискам и перспективной оценке месторождений цветных камней. Вып. 17. Гранаты. М: [б. и.], 1977. – 73 с.
16. Минералы. Справочник. Том 2. Вып. 2. Простые окислы. М.: Наука, 1965. – 341 с.
17. *Дир У.А., Хауи Р.А., Зусман Дж*. Каркасные силикаты. Том 4. Каркасные силикаты. М.: Мир, 1965. – 483 с.
18. *Дир У.А., Хауи Р.А., Зусман Дж*. Породообразующие минералы. Том 3. Листовые силикаты. М.: Мир, 1965. – 318 с.
19. Номенклатура слюд: заключительный доклад подкомитета по слюдам комиссии по новым минералам и названиям минералов международной минералогической ассоциации (КНМНМ ММА). Переведено и подготовлено к опубликованию Карчевским П.И. и Булахом А.Г. / / Записки Всероссийского минералогического общества, часть 127, № 5. СПб.: Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1998. – С. 55-65.

ФГБУ «ЦНИГРИ»,
ООО «Столичное археологическое бюро»,
МГУ им. Ломоносова,
г. Москва

A.V. Okulov, M.Yu. Menshikov, B.B. Skursky
Informativity of Mineralogical and Geochemical Studies of Accompanying Minerals in Determining the Source of Jewelry Garnet-Almandine (Based on Materials from Excavations in Moscow)

The article deals with the results of mineralogical and geochemical studies of jewelry garnet-almandine and its accompanying minerals, discovered in 2015 during archaeological excavations in Moscow in the layers of the first half of the XVII century. Samples were examined with a polarization microscope in transmitted and reflected light as well as studied analytically by Electron Probe Microanalysis and x-ray fluorescence method. Previously made conclusion about the origin of jewelry garnet-almandine found in Moscow was confirmed. The article also reviews data on accompanying minerals and its high informativity in determining the origin of the main mineral.

Keywords: *garnet-almandine, accompanying minerals, mineralogical and geochemical studies, chemical composition, crystal-chemical formulas, endmembers, informativity, determination of the origin*.

УДК 903.22 (474.3) «13/14» https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.427-446

П.А. МИЛЯЕВ, А.Г. ПАНКРАТОВ

НАХОДКИ ФРАГМЕНТОВ ЗАЩИТНОГО СНАРЯЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ТИПОВ КОНЦА XIV – НАЧАЛА XV ВВ. ИЗ ОРДЕНСКИХ ЗАМКОВ ЛАТВИИ

Статья посвящена находкам фрагментов защитного снаряжения древнерусских типов, найденных в замках Альтене, Локстене и Селпилс на территории современной Латвии (детали пластинчатых ламеллярных панцирей и наруча). В замке Альтене найден уникальный для территории Латвии шлем, возможно, восходящий к древнерусским образцам. Все находки датированы второй половиной XIV – первой половиной XV вв. Подобные предметы вооружения могли попадать на берега Даугавы в качестве военных трофеев и храниться в орденских арсеналах или как объекты торговых сделок.
Ключевые слова: *Латвия, Ливония, орденские замки, замковые арсеналы, вооружение, пластинчатые доспехи, XIV–XV вв., Восток и Запад.*

Изучение средневекового европейского вооружения может предоставить важную информацию о развитии кузнечного дела, ювелирного ремесла, выделить определенные воинские традиции, связанные с использованием тех или иных предметов наступательного оружия, защитного снаряжения и военной одежды. Анализируя данную категорию археологических находок, возможно проследить межэтнические связи и международные контакты в сфере военных изобретений и военного дела. Отдельной важной темой является изучение оборота оружия на территории Древней Руси, а также Центральной и Восточной Европы.

Защитное вооружение древнерусских княжеств XIV–XV вв. исследовалось преимущественно в середине XX в. [22, с.105], в настоящее время эта тематика развивается в отдельных публикациях, а также затрагивается в многочисленных работах, посвященных, в основном, военному делу Золотой Орды. Таким образом, дальнейшее изучение военного дела Руси и сопредельных территорий в эпоху развитого средневековья, безусловно, актуально и необходимо.

Рассматривая имеющиеся в нашем распоряжении данные об устройстве древнерусских доспехов, нельзя не заметить, что основные конструктивные решения, применявшиеся для изготовления пластинчатого защитного снаряжения еще в эпоху раннего средневековья, использовались вплоть до XIV–XV вв. Именно развитие военного дела в средневековый период позволило исследователям в свое время высоко оценить уровень ремесленного производства Древней Руси [36, с.522; 23, с.207], где вооружение и доспехи не только производились, но были, в определенном смысле, унифицированы и стандартизированы [21, с.73]. В результате археологических исследований были выявлены как железообрабатывающие комплексы с полным циклом производства [30, с.33; 16, с.47; 9, с.25–33; 31, с.85], которые, несомненно, участвовали в создании военного снаряжения, так и узкоспециализированные мастерские, создававшие доспешную и оружейную продукцию [24, с.79].

Известны свидетельства об импортном европейском защитном снаряжении, бывшем в ходу на территории Древней Руси, в частности о спорадическом употреблении воинами западноевропейских боевых наголовий, которые, очевидно, скрываются

под наименованиями «шеломы латинские» [35, с.388], «шеломы немецкие». Кроме того, могли использоваться элементы пластинчатых доспехов (harnisch, pantczer), которые составляли одну из устоявшихся категорий товаров, неоднократно отмеченных в письменных источниках как запрещенные к вывозу [5, с.75]. Свидетельств употребления защитного снаряжения из состава восточной паноплии значительно больше. Для Руси и пограничных с ней кочевых народностей было характерно использование однотипных боевых наголовий, снабженных дополнительными средствами защиты – наносниками, полумасками, забралами – «личинами», единообразных щитов, общеевразийских видов защиты конечностей [18, с.155–162].

Анализ обратных процессов, свидетельствующих о поступлении русского экспорта защитного снаряжения на территорию Европы, осложнен скудностью письменных источников. Однако, подобные сведения все-таки имеются. Так, широко известны упоминание во французской средневековой поэме «доброй русской кольчуги» [3, с.16], а также свидетельства о закупке «ruschen Armledir» (русских наплечников) в Мариенбургских счетных книгах около 1400 г. [22, с.42].

Среди существующих археологических свидетельств о присутствии в Западной Европе доспеха, связанного из небольших отдельных пластин, в первую очередь необходимо упомянуть ламеллярный панцирь, найденный у Поминального Креста, на месте битвы при г. Висбю на острове Готланд (1361г.) [54, pl.133–145]. Автор раскопок Б. Тордеман предполагал, что доспех данного вида появился на скандинавском Севере благодаря посредничеству Руси [55, s.180–181].

В связи с предположением о снабжении стран Центральной и Западной Европы русским защитным снаряжением интересны свидетельства употребления в тех регионах боевых наголовий восточноевропейских типов. «Шеломы», помимо древнерусских земель имели широкую известность и были распространены на территории княжества Литовского [6, с.90], Польского Королевства (scholm), землях Тевтонского ордена (slomhuben) [7, с.52]. Большое количество терминов «storczhelme», «spiczgehelme» встречается в инвентарных книгах орденских арсеналов XIV–XV вв. [7, с.52]. Данные наименования могут быть применимы к высоким боевым наголовьям со «спицевидными» навершиями в виде стержня. Многочисленные изображения подобных видов шлемов встречаются в европейских изобразительных источниках [56, s.128–130, ris.9,11–12, 14,23].

Незначительное количество информации, оказавшейся в поле зрения исследователей, явно не отражает всей картины взаимообмена предметами защитного снаряжения между народами на территории Восточной, Центральной и Западной Европы. Существенную помощь в изучении вышеуказанных процессов могут оказать результаты археологических раскопок. Особенно интересны исследования пограничных с Русью регионов, в которых сталкивалась военная культура Запада и Востока.

Пластинчатая боевая одежда широко бытовала в XII–XV вв. Территорией ее массового использования стали земли Новгорода, Пскова и Смоленска (на более южных территориях выявлена меньшая концентрация находок деталей тяжелых пластинчатых доспехов). Этот факт, по-видимому, может быть объяснен межрегиональными торговыми связями, близостью русского Северо-Запада к тяжеловооруженным противникам, а также высоким уровнем железоделательного производства в указанном регионе. Однако, самым главным фактором являлась сходная с западноевропейской тактика ведения боевых действий, а именно: использование крупных конных соединений применяющих таранный удар копьем, употребление арбалетов, тяжелых мечей с рукоятью «в полторы руки» и колющих клинков [22, с.96,98].

География распространения панцирных пластин от доспехов не противоречит данной точке зрения. Стоит отметить, что помимо находок из Новгорода [28, с.174–182], Пскова [22, с.35], Орешка [19, с.74–76], Торопца [42, с.302], Смоленска [29, с.124], подобные детали были встречены на территории Западной Руси – современной Беларуси: в Минске, Новогрудке, Полоцке и Друцке [33, с.144, мал.5, 6].

Близость к Западной Европе и, особенно к Прибалтике и Ливонскому Ордену, с которым Псков и Новгород имели постоянный военный контакт, по всей видимости, обусловила появление зоны взаимного влияния противоборствующих сторон в сфере военного дела и вооружения. Некоторые исследователи говорят о значительном воздействии западноевропейского военного дела на комплекс вооружения и доспехов Северо-Западной Руси [22, с.95–101; 32, с.654]. Однако в отношении доспехов данное утверждение кажется неверным. При раскопках Новгорода, Орешка и Пскова встречаются иногда пластины от доспехов западноевропейских бригандин, но пока они малочисленны, и говорить об их массовом применении нет никаких оснований [18, с.152, 171].

Вместе с тем о влиянии древнерусского военного дела на комплекс вооружения и защитного снаряжения воинских контингентов Западной Европы и Ливонского Ордена до последнего времени было практически ничего неизвестно.

Процесс этот лучше всего проследить, изучив археологические находки из ливонских замков и поселений, выделив пластины доспехов, которые можно связать с типами пластинчатой защиты, бытовавшей в то время на Руси. Особенно для исследования вопросов заимствования и взаимопроникновения в сфере военного дела между Востоком и Западом важны находки, происходящие из «контактного» региона Прибалтики, в частности с археологических памятников современной Латвии. Именно там находилось значительное количество ливонских замков с достаточно сильными гарнизонами. По территории Латвии в средневековье проходил крупный торговый путь по реке Даугаве – Западной Двине из Балтики в Днепр и далее в Черное море, также важен был водный путь по реке Гауя. Большинство крупных замков и поселений Ливонии, где было найдено больше всего фрагментов защитного снаряжения древнерусских типов, располагалось вдоль этих рек.

Всего выделено более двух десятков деталей доспехов, имеющих многочисленные аналогии на территории Руси. Они происходят из трех замков Латвии: Альтене, Локстене и Селпилс (рис.1: 1). Для их атрибуции использовалась типология и хронология А.Ф. Медведева и разработки А.Н. Кирпичникова. Судя по найденным фрагментам, доспехи из отдельных пластин, использовавшиеся в исследуемом регионе, делятся на три основных типа по технологии изготовления:

1. Доспехи ременного скрепления или сшивные (ламеллярные).

2. Доспехи клепано-пришивной системы.

3. Доспехи, при изготовлении которых пластины приклепывались к текстильной или кожаной основе изнутри (бригандинные).

Последние мы не рассматриваем в настоящей работе, так как они весьма очевидно являются продукцией центральноевропейских мастерских или местных немецких мастеров – соотнести такие детали с древнерусскими изделиями пока не представляется возможным.

Пластины с серией отверстий по верхнему краю определены нами как части клепано-пришивных панцирей. На некоторых находках отсутствуют заклепки или отверстия под заклепку, что связано с присутствием утрат, коррозийными процессами и степенью сохранности самих предметов.

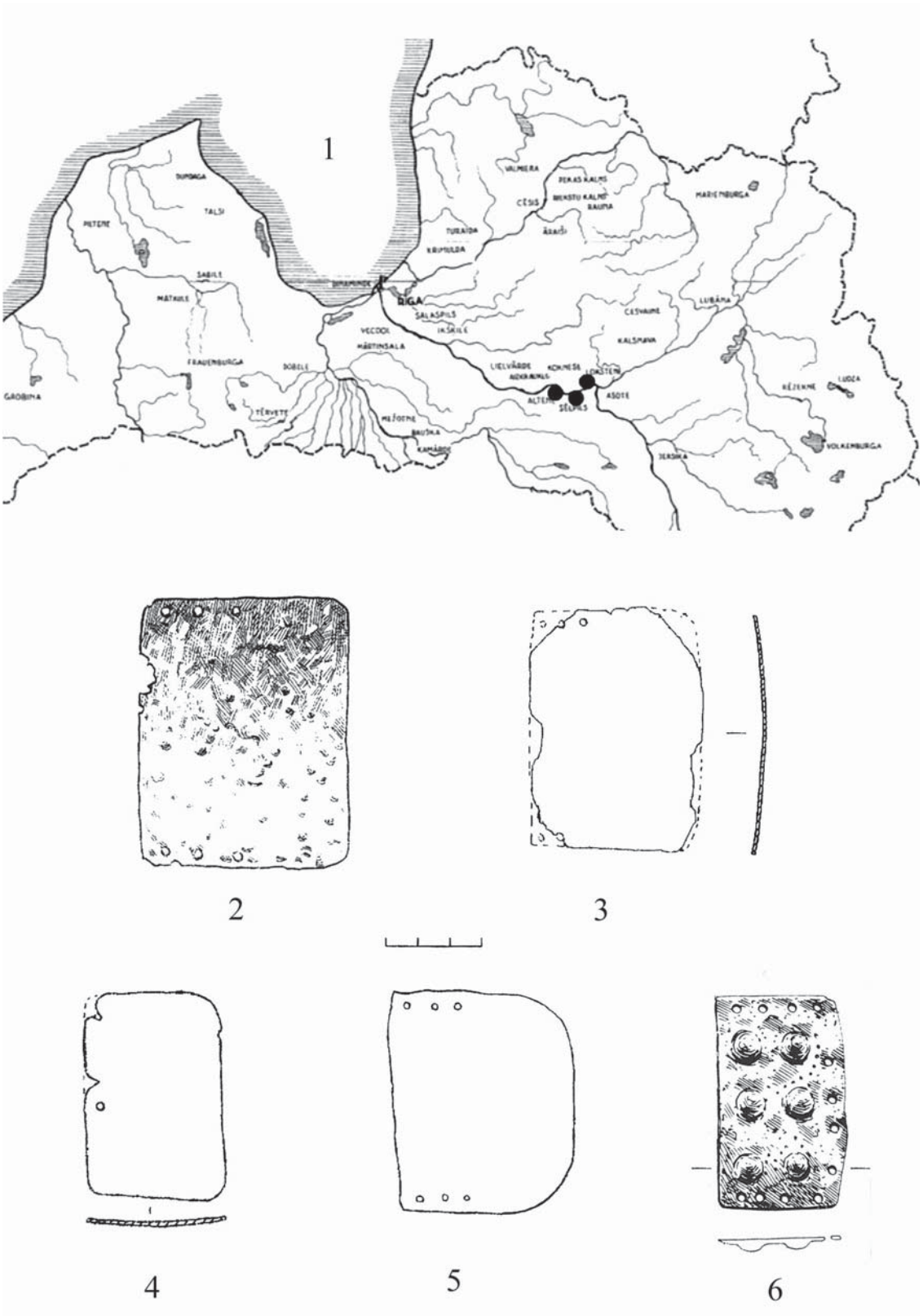


Рис. 1. 1 – археологические памятники с находками пластин доспехов древнерусских типов на территории Латвии. 2 – пластина оторочки тип «Б». Альтене. Латвия. XIV в. [48, att. 24, 9]; 3 – Тверь. XIII–XV в. (с элементами реконструкции) [25, рис. 71, 7]; 4 – Елец. XIV–XV в. [17, рис. 2, 4]; 5 – Вильнюс. Литва. XIV–начало XV в. [47, s.184, Nr.108]; 6 – Альтене, Латвия. Конец XIV– начало XV в. [49, tab. 79, 35].

1. Замок Альтене.

Остатки укрепления расположены на подпрямоугольном мысу на высоком обрывистом берегу реки Даугава. Исследованием памятника занимался Я. Граудонис [48, l.40–84]; раскопками 1963 и 1964 гг. было выяснено, что данная местность была заселена задолго до строительства средневековых фортификационных сооружений [48, l.43–44]. Возведение каменных стен датируется второй половиной XIV в., замок упоминается в документах 1408 и 1416 гг., как уже давно существующая крепость, разрушен он был в середине XV в. [48, l.40–41, 79]. В средневековых слоях памятника найдено большое количество изделий, характеризующих быт жителей крепости: орудия труда, оружие, украшения, поясная гарнитура, изделия из кости и рога, многочисленная керамика, в том числе рейнская [48, l.75–79]. Как показало дальнейшее изучение находок, в замке жили в основном немцы, местные латгалы составляли небольшую часть населения, что хорошо прослеживается по преобладанию европейского археологического материала.

При раскопках памятника всего было найдено девятнадцать железных пластин доспехов [48, l.76–77], из них пластин древнерусских типов девять, то есть практически половина всего имеющегося материала.

1. Детали ламеллярных доспехов

Всего найдено шесть пластин [48, l.67], скрепляющихся с подосновой и друг с другом методом сшивки кожаными ремнями или шнурами из текстиля. Они изготовлены из железа, толщиной около 2 мм, сильно корродированы и разбухли от окислов, так что их настоящая толщина была, очевидно, несколько меньше (1–1,5 мм). Все детали изогнуты, в поперечной плоскости, высота изгиба составляет 5 мм. Вследствие такой формы они пружинили при ударах, что было отмечено еще А.Ф. Медведевым, для пластин одного из панцирей, найденного на территории Новгорода Великого [28, с.178].

Ламеллярные пластины из замка Альтене относятся к трем основным типам:

Тип А. Прямоугольные изделия размерами 78×30 мм и 60×30 мм. Одна длинная сторона каждой из этих пластин плавно скруглена; в верхних и нижних частях располагаются по два отверстия на расстоянии от 4 до 1 мм от края. Диаметр отверстий около 3 мм. Одна из пластин имеет повреждение в центральной части диаметром около 4–5 мм с рваными краями. Детали такой формы найдены в шести экземплярах (рис.2: 1–6). При этом, вероятно, пластины № 4 и № 5 (рис.2: 4–5) являются представителями отдельной группы более узких изделий, ширина которых лежит в пределах 15–18 мм, их высота составляет несколько большую величину – 82–85 мм. Также нельзя исключать, что деталь № 6 (рис.2: 6), совпадая по ширине с пластинами № 1,3,5, является не обломком, а представителем отдельного «невысокого» ряда в доспехе.

Данные находки имеют многочисленные аналогии из Нижнего Замка в Вильно (рис.2: 8, 10), Пскова (рис.2: 9) , Гомельской оружейной мастерской (рис.2: 11–13), а также в составе полностью сохранившегося доспеха № 25 из захоронения возле Поминального Креста в г. Висбю (рис.2: 15). Схожий материал демонстрирует археология Минска [15, таб.XI.2] (рис.2: 14). Обычно из подобных пластин набирались ряды, защищавшие корпус воина (рис.6: 5, пластины А; 6: 6). Возможное варьирование ширины пластин, которое мы наблюдаем у образцов № 4 и № 5 (рис.2: 4–5), может быть связано с анатомией тела человека, в некоторых областях ряды доспеха резко изгибались, охватывая боковые части торса. Использование пластин значительной ширины в подобных частях доспеха практически невозможно. Вместе с тем, исходя из ширины данных деталей панцирей, можно выдвинуть еще одну версию атрибуции.

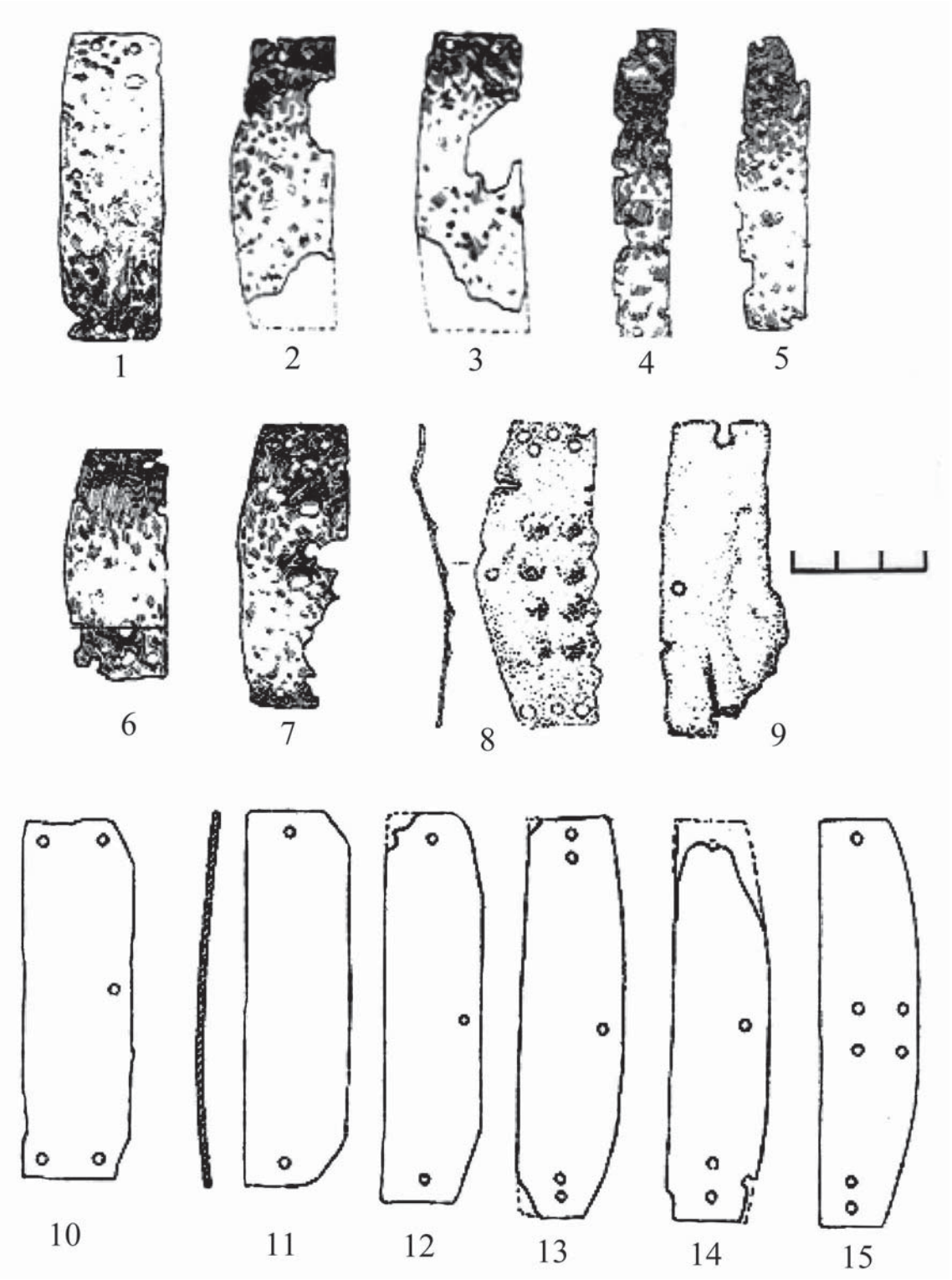


Рис. 2. Пластины ламеллярных панцирей. 1–7. Тип «А». Альтене, Латвия. XIV в. [48, att. 24, 1–7]; 8, 10. Вильнюс. Литва. XIV–XV в. [8, рис. 6; 7d]; 9. Изборск, Жеравья Гора, XIV–XV в. Раскопки Т. Ю. Закуриной и О.В.Степанова; 11–13. Гомель. Беларусь. XIII в. [26, рис. 1, 9, 12, 20]; 14 – Минск. Беларусь. XI в. (?) [15, таб. XI.2]; 15–Висбю. Готланд. 1361 г. [54, pl. 144, 103].

Возможно, из этих пластин был составлен т.н. «нарукавник» или «плечевой щиток» – прикрытие предплечья от плеча до локтя в виде замкнутой подвижной трубки, или полосы. Большой фрагмент подобного защитного приспособления был найден на территории крепости Орешек [19, с.76, рис.5: 2]. Данный элемент является характерной частью восточноевропейских панцирей, связанных из пластин.

Ламеллярный доспех из Висбю твердо датируется в закрытом комплексе 1361 г. К этому же времени, вероятно, следует относить и находки из Альтене, что не противоречит общей датировке культурных напластований на территории замка. При этом вполне обоснованно можно предположить, что ламеллярные пластины вышеперечисленных форм, найденные Я. Граудонисом, являются фрагментами одного доспеха, или нескольких доспехов одного типа.

Тип Б. Одна крупная железная пластина прямоугольной формы является, по-видимому, пластиной «оторочки» доспеха, имеет размеры 82×63 мм (рис.1: 2). Отдельную категорию пластин, относящихся к ламеллярным доспехам, составляют крупные изделия квадратной или около прямоугольной формы с одной скругленной стороной, снабженные по периметру отверстиями для обшивки. Они обыкновенно являлись завершением горизонтального ряда пластин доспеха, также, вероятно, могли являться прикрытием вырезов для рук, располагаясь в передней части панциря, защищая подмышки и спину, а также частично выполняя функцию наплечников, закрывая переход от плечевого «нарукавника» к корпусной части (рис.6: 5, пластины Б). Возможен и другой вариант конструкции доспеха с использованием деталей описанного выше типа. Они могли завершать края рядов, набранных из узких пластин. Таким образом, крупные пластины «оторочки» обеспечивали наибольшую защиту, а узкие на корпусе способствовали лучшей подвижности.

Прямоугольная форма не очень характерна для изделий подобного типа, обычно они имеют закругление значительного радиуса одной из сторон. Однако в настоящее время удалось выделить целую группу деталей подпрямоугольной формы с отсутствием отверстий для обшивки. Пластины данного типа найдены в Твери [25, с.321, рис.71: 7] и Ельце [17, с.32–45, рис.2: 4] (рис.1: 3, 4). Немного большее закругление углов имеют пластины без отверстий по краю из Гомеля [26, табл.1: 3], Новогрудка [33, с.144, рис.5: 19] и селища Ближнее Константиново под Нижним Новгородом [12, с.259, рис.3: 6]. Наиболее близкой аналогией является пластина, найденная при раскопках в Вильнюсе [47, s.184, Nr.108] (рис.1: 5).

Изделия выделенной нами группы, с которой мы соотносим крупную пластину из Альтене, демонстрируют устойчивое единообразие, выражающееся в отсутствии перфорации по краям, подразумевающей наличие обтяжки кожей или пришивки к подоснове доспеха. Способ соединения их с прочими пластинами ряда исключительно «ламеллярный» при помощи ремешков или шнуров, выходящих из общего соединения ряда (рис.6: 1–3). Возможно, в данном случае мы имеем дело с наименее технологичными и (или) архаичными представителями группы оторочек доспеха, при изготовлении которых тратилось наименьшее количество времени. Ю.М. Лупиненко, в классификации чешуй от доспехов из Гомельской оружейной мастерской, рассматривает пластину с группами отверстий, с отсутствием перфорации по краю и обращенную к основному ряду в самостоятельном отделе как определенный тип [26, с.140–154].

Тип В. Пластиной оторочки брони является прямоугольная деталь ламеллярно-сшивного панциря (рис.1: 6). Это изделие размером 62×40 мм снабжено серией отверстий с трех сторон для присоединения к органической основе и шестью чеканными умбоновидными полусферическими выступами, расположенными в два ряда [49, tab.79:

35: 51, tab.XXVI: 43]. Подобные выступы придавали жесткость тонкой железной пластине, изготовленной из малоуглеродистого сырья и препятствовали разрубанию шнуров, связывающих части доспеха. Кроме того, данное изделие было декорировано орнаментом из мелких точек, образующих треугольную фигуру. Узор окружает крайние сферические выступы и вытягивается углом к центральному крайнему умбончику, расположенному ближе к стороне без отверстий. Исходя из размеров изделия, можно предположить, что данная оторочка брони могла сочетаться с упомянутыми выше пластинами «невысокого ряда» основного набора панциря (рис.2: 6).

Кроме фрагментов пластинчатых доспехов в культурных напластованиях замка Альтене найдены многочисленные предметы наступательного вооружения и защитного снаряжения: наконечники арбалетных болтов, пластины западноевропейских бригандин [48, l.67, 75].

Уникальной для территории Латвии является находка в Альтене позднесредневекового железного куполовидного шлема с полями (рис.4: 2) [48, l.68]. Подобный шлем, снабженный начельной иконой, показан висящим за плечами святого воина, изображенного на северной стене храма новгородской церкви Спаса-Преображения на Ковалеве [11, с.16] в Новгороде, роспись которого относится к 80-м годам XIV в. (рис.4: 1). Данное наголовье, на наш взгляд, геометрически напоминает группу шлемов, обозначенную в классификации А.Н. Кирпичникова как тип IV. Западноевропейские шлемы с полями последней четверти XIV в. очевидно имеют несколько другую форму [14, с.29, 49–50, рис.30, 65а, 67].

Известны новые археологические находки, близкие шлему из Альтене, относящиеся к XIV в. [10, с.265, рис.7: 2, 7: 3]. Их количество в настоящее время весьма значительно, особенно в связи с находками из грабительских раскопок на территории Краснодарского края, поэтому мы не будем останавливаться на их особенностях подробно, будучи ограниченными рамками настоящей публикации.

2. Замок Локстене.

Памятник находится на вытянутом мысу подтреугольной формы, при впадении реки Локстене в реку Даугава [50, l.53–55]. В XII–XIII вв. на мысу существовало городище латгалов, которое было превращено немцами в военный опорный пункт для контроля над окружающей территорией. В XIV в. строятся новые каменные стены, планировка замка имела форму, органично встроенную в ландшафт местности. Укрепление было разрушено в первой половине XV в. В 70-х годах XX в. были выявлены и изучены стены замка и остатки построек на его территории [50, l.55–57]. К интересующему нас периоду – концу XIV – началу XV вв. относятся 14 построек. Жилые сооружения имели срубную конструкцию, полы из горбыля, глинобитные печи. На территории памятника найдены орудия труда, предметы вооружения, керамика, снаряжение коня и всадника, украшения и монеты [50, l.73–86]. Изучая материалы раскопок и сравнивая их с находками из окружающих могильников, исследователь замка Э.С. Мугуревич пришел к выводу, что в Локстене жило в основном местное латгальское население [50, l.135–137].

На территории крепости в слоях конца XIV – начала XV вв. была найдена одна пластина доспеха ламеллярной конструкции тип В [50, tab.XXXIV]. Она представляла собой обломок размерами 36×30 мм (рис.3: 1). Фрагмент пластины имеет значительный изгиб высотой 7 мм. По верхнему краю пробиты три отверстия диаметром 1,5–2 мм, в центральной части находятся две прочеканенные полушаровидные выпуклости, декорированные вокруг серией мелких точек. В целом, изделие по оформлению аналогично находке из замка Альтене, описанной выше (рис.1: 6). Величина изгиба позволяет усомниться в принадлежности данного фрагмента стандарт-

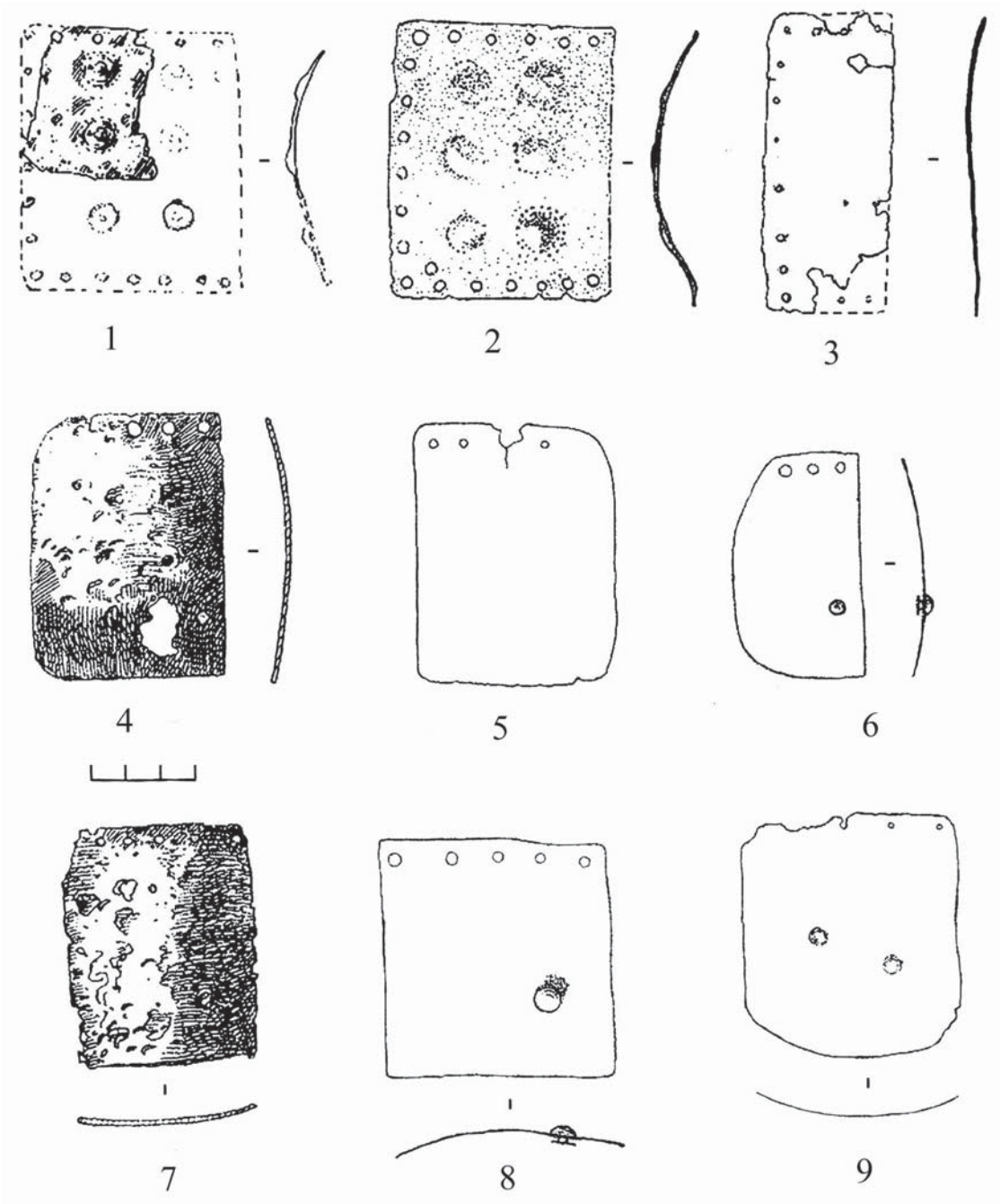


Рис. 3. Пластины ламеллярных панцирей и клепано-пришивных доспехов. 1 – Локстене, Латвия, XIV в. [50, tab. XXXIV, 12]; 2 – Вильнюс, Литва. XIV–XV в. [8, рис. 7f]; 3 – Полоцк, Беларусь. XIII в. Раскопки Д.У. Дука. [34, с. 85, b]; 4 – Селпилс, Латвия, XIV–XV в. [53, att. 76, 7]; 5 – Вильнюс, Литва. XIV–XV в. [7, мал. 11, 5]; 6 – Новгород. XV в. [28, рис. 17, 12]; 7 – Селпилс, Латвия, XIV–XV в. [53, att. 76, 8]; 8 – Новгород. XV в. [28, рис. 17, 9]; 9 – Торжок. XIV–XV в., случайная находка.

ному набору корпусных пластин. Из находок с территории Нижнего Замка в Вильно известна панцирная деталь с аналогичным набором признаков: отверстиями по краю, прочеканенными полушаровидными выпуклостями и значительным изгибом [8, с.118–124, рис.8f]. Учитывая величину изгиба, можно предположить, что подобные пластины могли являться частью бронированной плечевой лямки панциря.

Рис. 4. Шлем из замка Альтене и его аналогия. 1 – фреска церкви Спаса Преображения на Ковалеве, Новгород. 1380 г. [11, с. 42 рис. 29]; 2 – шлем с полями. Альтене. Латвия. А – состояние после обнаружения, Б – схема сборки шлема [48, att. 25], В – реконструкция [51, tab. XXVI, 50].

Первой и наиболее известной находкой данной группы изделий является открытый А.В. Арциховским на Ярославовом дворище фрагмент доспеха, в котором присутствует схожая прямоугольная пластина, снабженная по периметру частыми отверстиями для обшивки края [28, с.179, рис.18: 1; 29, с.124]. В настоящее время, благодаря дендрохронологическим исследованиям О.А. Тарабардиной, данный комплекс можно отнести к концу XIV–началу XV вв. [41, с.177–179]. В дальнейшем, прямоугольные пластины, являющиеся завершением горизонтальных рядов панцирей,

были встречены во многих городах Древней Руси и на сопредельных территориях: в Орешке [19, с.76, рис.5: 2], Изборске[1], Смоленске [1, с.47, рис.9], Полоцке [13, с.47, мал.17: 5; 34, с.85]. Значительное количество подобных изделий прямоугольной и подпрямоугольной формы демонстрирует материал раскопок Нижнего Замка в Вильно [8, с.118–124, рис.1], где были найдены около трех десятков пластин от доспехов, декорированных полушаровидными прочеканенными выпуклостями (рис.3: 2).

Разнообразные детали защитного снаряжения с полусферическими усилениями, снабженными точечным орнаментом, были найдены при археологических работах в Пскове и Изборске. Всего было обнаружено около десятка пластин на Петровских, Новоторжских раскопах[2] и в Изборской крепости на Жеравьей горе в слоях XIV–XVI вв.[3] Они являлись элементами от различных частей доспехов: защиты корпуса, оторочек, наплечников. Чеканными выпуклыми умбончиками были декорированы круглые пластины с отверстиями в центре, которыми, по мнению С.А. Салмина, воины усиливали кольчугу, привязывая их в районе подмышек и локтей [39, с.40–41].

Другие предметы вооружения, найденные при раскопках в Локстене, представлены метательными копьями – сулицами с листовидным пером и загнутым черешком [50, tab.XXXII–XXXIII], которым есть многочисленные аналогии из древнерусских городов [20, с.22–24, 154]. Кроме того, были обнаружены наконечники копий, боевые топоры, предметы снаряжения коня и всадника.

3. Замок Селпилс.

Замок Селпилс – крупный археологический памятник на берегу реки Даугава, расположенный на высоком холме, в западной части которого сохранились руины каменных укреплений. Фортификационные сооружения одновременно выполняли функции рыцарского замка и монастырской обители. Раскопками памятника с 1963 по 1966 гг. занимались латвийские исследователи Э.Д. Шноре и А.Э. Зариня. Замок был построен в 1373 г., разрушен в 1704 г. [53, l.5–10]. Характер находок говорит о том, что жителями укрепленного поселения в развитом средневековье были в основном немцы, по большей части немецким был и его гарнизон. В результате археологических работ в Селпилсе было найдено 14 пластин доспехов, из которых авторами было издано только пять [53, l.73, 75]. Все они были обнаружены на территории раскопа «А», при исследовании пласта 3, который относился ко времени начала строительства каменного замка, то есть к концу XIV в. [53, l.75]. Доспешных пластин, которые можно соотнести с древнерусскими образцами, было найдено три, все они сильно корродированы.

При раскопках в Селпилсе была обнаружена большая прямоугольная железная пластина от корпусного доспеха клепано-пришивной конструкции. Ее размеры 78×55 мм, у одной из сторон скруглены углы, пластина изогнута по горизонтали, высота изгиба 5 мм. Вверху имеются расположенные с равным промежутком три отверстия диаметром около 2 мм, расстояние между которыми составляет 5 мм (рис.3: 4). Заклепка, удерживающая пластину на текстильной или кожаной подоснове доспеха,

[1] Раскопки Т.Ю. Закуриной. Авторы глубоко признательны Т.Ю. Закуриной и С.В. Степанову за возможность ознакомиться с неопубликованными пластинами панцирей из раскопок в Изборске, на Жеравьей Горе.

[2] Авторы выражают глубокую благодарность Т.Е. Ершовой, С.А. Салмину, Е.В. Салминой и А.В. Яковлеву за консультации и возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

[3] Работы в 2009, 2010 и 2011 г. осуществляли Т.Ю. Закурина и С.В. Степанов. Авторы выражают глубокую признательность авторам раскопок за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

не сохранилась. Она могла располагаться в области утраты, имеющейся в нижней части изделия. У одной из длинных сторон детали из Селпилса, с которой присоединялись соседние пластины основного ряда доспеха, имеется небольшое квадратное отверстие. Такие отверстия характерны для технологического приема дополнительного склепывания пластин между собою коваными четырехгранными гвоздиками. Вероятно, это следы ремонта и восстановления поврежденного в бою ряда панцирных пластин. Подобный случай известен по фрагментам доспеха с территории Довмонтова города, открытого Г.П. Гроздиловым в 1961 г. [22, с.35] и по некоторым аналогичным изделиям из фондов Псковского археологического центра. Судя по закругленным углам, данная деталь занимала крайнее положение в горизонтальном ряду панциря и являлась пластиной оторочки. Подобные крупные изделия известны нам по находкам в Вильнюсе [46, pav.3c] (рис.3: 5) и Новгороде (рис.3: 6). Датируется данный вид доспешных пластин не ранее последней четверти XIV–XV вв.

К деталям доспеха клепано-пришивной конструкции относится прямоугольная железная пластина с размерами примерно 68×72 мм изогнутая по вертикали (рис.3: 7). Подобный изгиб не очень характерен для подобных изделий. Заклепка не просматривается, очевидно, пластина была опубликована сразу после обнаружения, и на рисунке видно сильное воздействие окислов на предмет. Вертикальный изгиб известен на некоторых панцирных пластинах из Новгорода (рис.3: 8). Подобным образом изогнута часть деталей от панциря, найденного в ходе несанкционированных поисков боеприпасов времен Великой Отечественной войны под Торжком (рис.3: 9). Практически можно не сомневаться, что деталь из Селпилса являлась фрагментом боковой части корпусного доспеха. Технологии сборки предметов защитного снаряжения из таких деталей были уже неоднократно воссозданы в виде материальных полномасштабных реконструкций, с учетом конструктивных особенностей найденных фрагментов (рис.6: 7).

Особенно интересен обломок железной пластины трапециевидной формы высотой 58 мм и основаниями шириной 70 и 55 мм соответственно, изделие имеет значительный изгиб высотой 8 мм. В верхней части одной из скошенных сторон изделия с равными промежутками в 5 мм пробито пять отверстий диаметром 3 мм (рис.5: 1). Форма пластины оригинальна и на первый взгляд, среди деталей, предназначенных для набора корпусного доспеха, аналогий ей нет. Вместе с тем, очевидно, что нижний скос образован, скорее всего, сломом металла, а правая сторона детали изъедена окислом, таким образом, данная находка представляет собой не целую доспешную пластину, а лишь ее фрагмент. Значительный изгиб и ряд из частых отверстий вдоль одной из сторон предмета позволяет с большой долей вероятности причислить его к остаткам защиты рук. Древнерусские пластинчатые наручи часто снабжались перфорацией по краю, о чем говорят фрагменты данных боевых принадлежностей из Червеня и Гомеля [18, с.178]. Такая особенность не характерна для западноевропейских элементов защиты конечностей.

Недавно А.Н. Каменским и Ю.А. Кулешовым была атрибутирована как часть наруча крупная пластина из Неревского раскопа в Новгороде, впервые опубликованная А.Ф. Медведевым [18, с.177] (рис.5: 2). Новгородская деталь очень похожа на фрагмент из Селпилса, абсолютно совпадая с ним по степени изгиба и размерам. На латвийской находке отсутствуют навесные петли, характерные для створчатых прикрытий рук, нет их и на фрагменте наруча из Новгорода [18, с.161]. Вероятно, технология соединения створок не предполагала наличия таких деталей. Недавно при исследовании позднесредневековых русских доспехов была выделена отдельная категория подобных элементов защитного снаряжения, составные части которых соединялись посредством

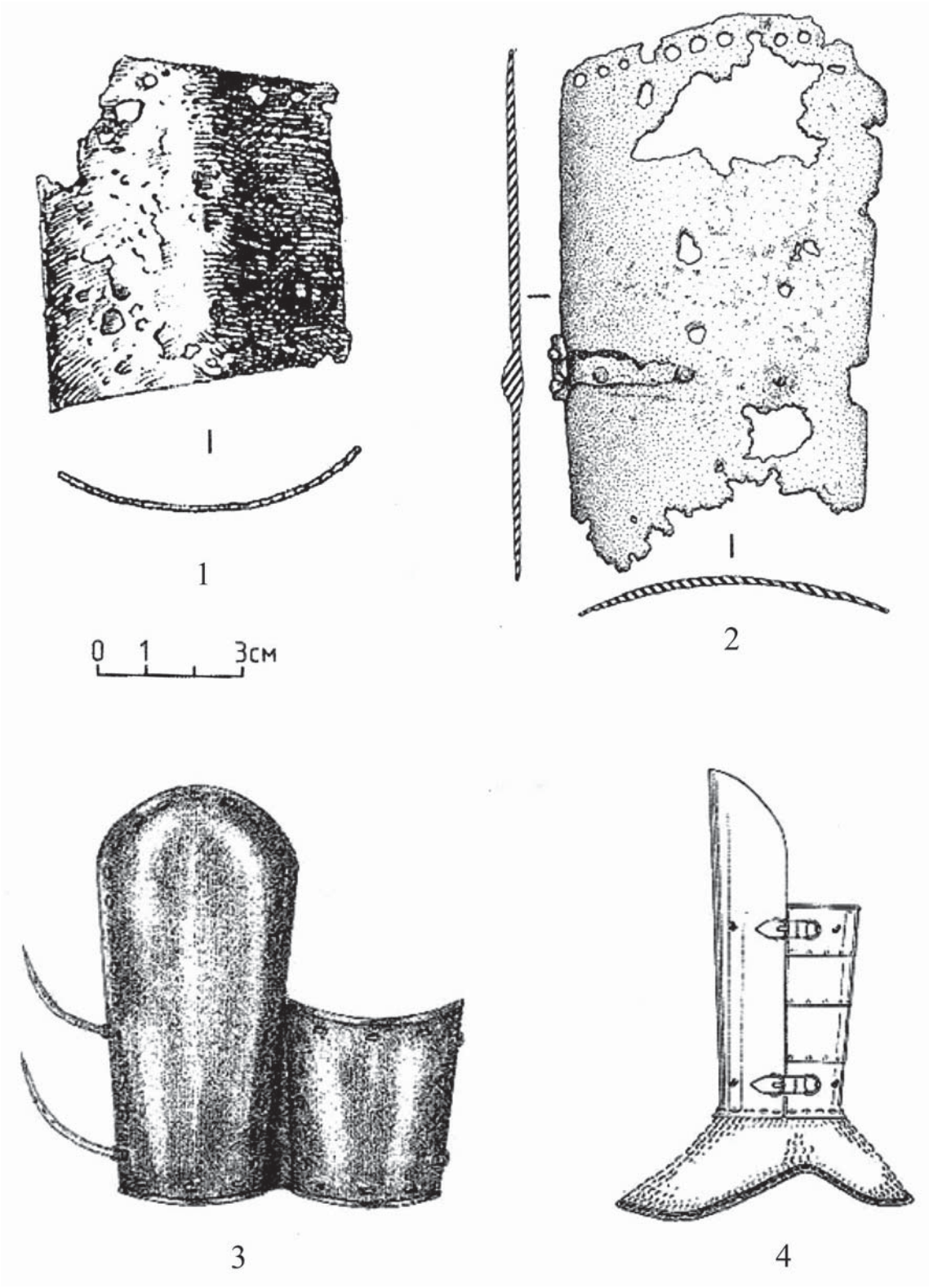


Рис. 5. Фрагменты наручей и их аналогии. 1 – Селпис. Латвия. XIV–XV вв. [53, att. 76, 4]; 2 – Новгород. Неревский раскоп. XIII в. [18, рис. 9а]; 3 – наруч, навязанный на кожаную основу без петель. XV–XVI вв. [43, с. 382, 1в]; 4 – наруч из Гомеля. Беларусь. XIII в. [27, рис. 18, 2].

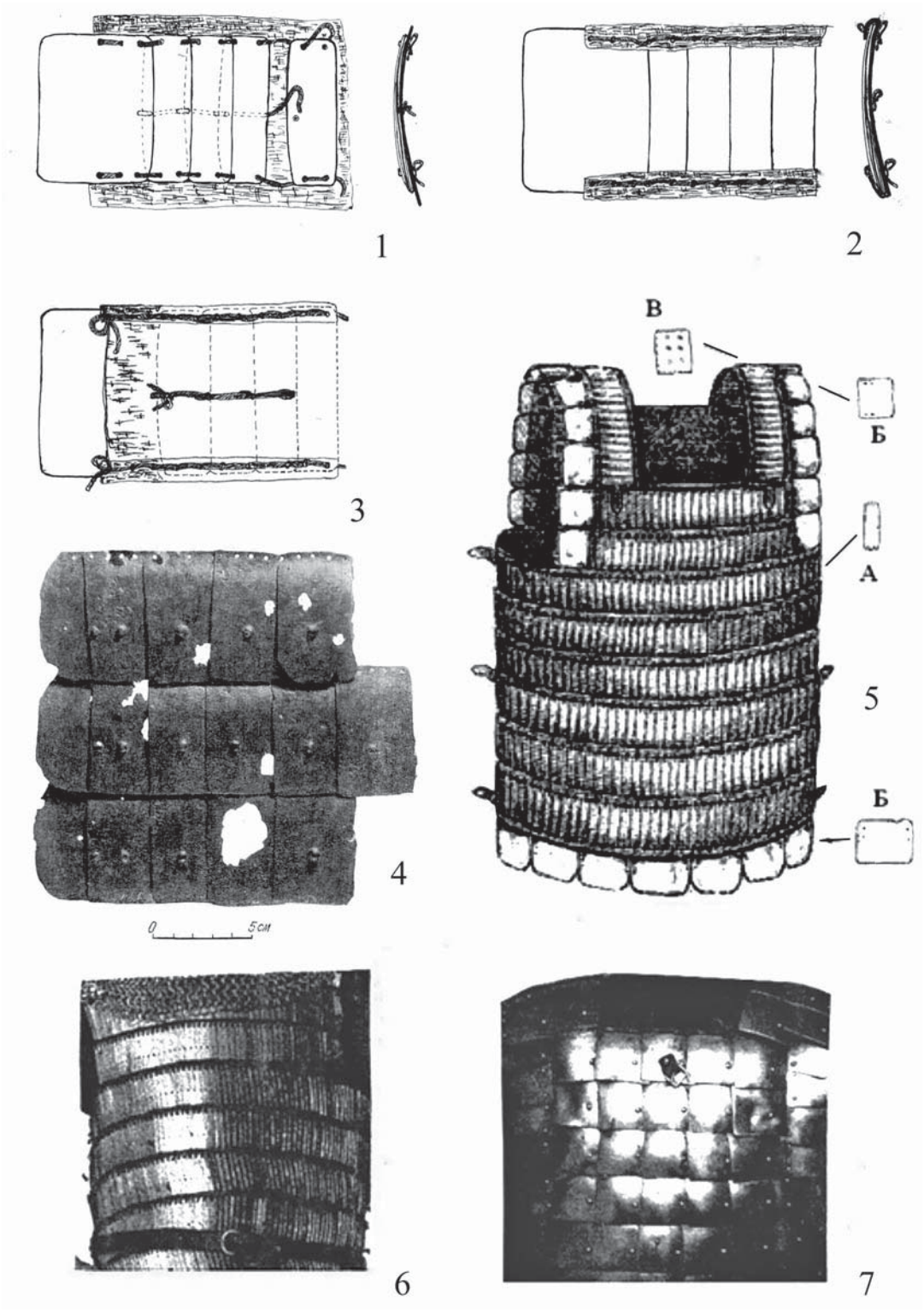


Рис. 6. Схемы скрепления пластин доспехов, покрой нагрудной части ламеллярного панциря, реконструкции. 1 – система скрепления пластин при помощи текстильной подосновы; 2 – вид фрагмента доспеха снаружи с обкладками по краям из выступающей текстильной полосы; 3 – вид фрагмента доспеха изнутри; 4 – ряды клепано-пришивного доспеха середины XIV в., с усадьбы посадника Онцифора Лукича. Новгород [28, рис. 19, 1]; 5 – схема ламеллярного панциря [26, рис. 8, 2]; 6 – вариант соединения пластин типа «А» ламеллярного панциря. Материальная реконструкция (автор – А.Г. Плеханов); 7 – вариант соединения крупных квадратных пластин в клепано-пришивном доспехе. Материальная реконструкция (автор – Ю.В. Логвинов).

навязывания на кожаную подоснову имевшую вид краги (рис.5: 3) [43, с.371, 374, 382]. В данном случае отверстия, идущие по краю створок, использовались для продевания ремешка, фиксирующего детали наруча или предназначались для прикрепления боевой рукавицы [27, с.186–187] (рис.5: 4). Также вполне вероятно соединение составных частей защиты рук при помощи вставок из кольчужного полотна, как на паре позднесредневековых образцов из коллекции Гутовского [18, с.139, рис.13].

Из других предметов вооружения и защитного снаряжения на территории замка Селпилс были найдены копья, наконечники арбалетных болтов, перекрестья мечей, пластины западноевропейских доспехов – бригандин, а также наконечники ножен меча и кинжала [53, l.72–75].

Процесс проникновения на территорию Ливонии предметов защитного снаряжения древнерусских типов подробно не исследовался; по всей видимости, он был весьма сложным и разносторонним. Вероятно, значительную роль играл торговый путь по реке Даугава, именно на его трассе расположены все укрепленные поселения, где были обнаружены фрагменты доспехов, описанные выше. Замки Альтене, Селпилс, Локстене находились в тылу территории Ливонского ордена. Военные столкновения с войсками новгородцев и псковичей проходили в основном на землях современной Эстонии и в пределах самой Северо-Западной Руси. Только на замок Локстене совершали набеги литовцы в 1379–1380 гг. Исходя из данных обстоятельств, возможно предположить, что часть предметов защитного снаряжения, характерных для Древней Руси, фрагменты которых были найдены на территории этих крепостей, могли являться не трофеями, а предметами торговых сделок. Основной целью этих операций могло быть пополнение замковых арсеналов и дополнительное обеспечение гарнизонов укрепленных пунктов доспехами. В конце XIV – начале XV вв. Новгород Великий и Псков, на территории которых найдено большинство фрагментов защитного снаряжения, аналогичных находкам из ливонских замков, описанным выше, были крупнейшими городами Северо-Западной Руси, чья экономика во многом была основана на международной торговле. Новгород входил в Ганзейский союз, на его территории были немецкий и готский (готландский) торговые дворы [37, с.122–123]. Товарооборот обоих древнерусских городов со странами Западной Европы был весьма велик, о чем свидетельствуют находки вещей соответствующих типов и рейнской керамики [4, с.46; 38, с.181–205, рис.33–37]. Возможно, были попытки торговать оружием и доспехами. Вероятно, в данном процессе могли принимать участие выходцы с о. Готланд, где был найден ламеллярный доспех, собранный из пластин, похожих на находки из замка Альтене. Примечательно, что при раскопках на территории этого ливонского укрепления обнаружена пластина европейской бригандины, которая имеет прямые аналогии, как среди находок из братских могил у стен г. Висбю, так и в Новгороде Великом [28, с.174, рис.16: 8; 48, ris.24: 8]. С территории о. Готланд доспехи, происходящие из Руси, возможно, могли попадать в низовья р. Даугавы и далее в замки Альтене, Селпилс и Локстене и другие укрепленные пункты на территории Прибалтики. Интересно, что именно во второй половине XIV – первой половине XV вв. в новгородской торговле большое значение приобретают лифляндские города, в частности Рига [37, с.129].

Однако, ни в коем случае нельзя исключить того, что защитное снаряжение, фрагменты которого найдены в замках Альтене, Селпилс и Локстене были трофеями, взятыми после сражений с русскими или литовскими войсками, которые продолжали использоваться на территории Прибалтики. В частности, таким трофеем вполне мог являться доспех, фрагмент которого был найден в Локстене, на который делали набеги литовские князья. С другой стороны, деталь, обнаруженная при раскопках этого

замка, возможно, представляет собой свидетельство активных боевых действий, развернувшихся там в 1379–1380 гг. Можно предположить, что торговля оружием и доспехами между литовцами и ливонскими немцами была не очень активной, поскольку обе воюющие стороны часто испытывали недостаток в хорошем вооружении и не стремились продавать его [2, с.63–69]. Находясь с Орденом в беспрестанном военном противостоянии, литовские воины использовали традиционные древнерусские типы пластинчатых панцирей, аналогичные найденным в Новгороде и Пскове [46, p.210, 213–214]. В таком случае, некоторая часть подобных доспехов действительно могла поступать в замки Ордена в качестве трофеев из Литвы. Часть вооружения могла происходить из Пскова, стоящего на границе орденских земель и через территорию современной Эстонии проникать на берега Даугавы.

Весьма вероятно, что защитное снаряжение древнерусских типов, не очень характерное для западноевропейского комплекса вооружения, хранилось в арсеналах ливонских замков и выдавалось во время проведения активных военных кампаний. Такие оружейные собрания, комплектовавшиеся из разнообразных источников, могли включать в себя разноэтничные элементы и части доспехов, что отмечено в орденских инвентарных книгах рубежа XIV–XV вв. [52, s.65–67]. Возможно, именно так объясняется весьма «пестрый» состав находок фрагментов защитного снаряжения из раскопок замков Альтене и Селпилс, включавший в себя части западноевропейских бригандин, детали от ламеллярных и клепано-пришивных доспехов, фрагмент створчатых наручей и шлем, вероятно, восходящий к древнерусским образцам.

В рамках данной публикации мы не будем подробно рассматривать еще один из возможных вариантов появления подобных пластинчатых доспехов на берегах Даугавы, а именно, их местное производство. Данная тема нуждается в отдельном тщательном исследовании. Стоит отметить, что детали панциря ламеллярной конструкции типа А из замка Альтене имеют плавное «фасонное» закругление одной длинной стороны и по два отверстия, располагающихся на коротких сторонах, что ранее никогда не встречалось на подобных изделиях. Такие детали с оригинальным оформлением действительно могли быть произведены местными мастерами по образцу древнерусских изделий. Вместе с тем недостаточность конкретных данных о мастерских второй половины XIV – первой половины XV вв., где могли изготавливаться подобные панцири на территории современной Латвии, делают данную версию пока недостаточно аргументированной. При раскопках средневековых крупных торгово-ремесленных поселений латгалов, селов, земгалов и куршей были найдены производственные комплексы по обработке черных и цветных металлов, относящиеся к более раннему времени; широко известно оружие местного производства весьма высокого качества [44, s.21–29]. Однако, явных следов изготовления или ремонта ламеллярных и клепано-пришивных доспехов на данной территории до сих пор не было выявлено. Некоторые находки пластин древнерусских типов, описанных выше, фрагментированные и имеющие деформации действительно могут являться свидетельствами ремонтных и слесарно-сборочных работ с подобными предметами защитного снаряжения, которые выполняли местные оружейники. В гарнизонах замков Альтене и Селпилс, где большую часть составляли немцы, также могла иметь место переделка древнерусских пластинчатых панцирей и приведение их в соответствие с европейской модой того времени. В частности, это могло быть покрытие доспехов снаружи тканью, на что могут указать крупные отверстия в центральной части некоторых пластин из замка Альтене (рис.2: 6; 2: 7). Судя по наличию крупных частых отверстий с заклепками, пробитых в рядах панцирных пластин, подобным образом мог быть изменен ламеллярный панцирь, найденный при раскопках братских могил

в г. Висбю на о. Готланд [54, pl.145]. Скорее всего, на территории орденских замков располагались мастерские по ремонту доспехов и иного военного снаряжения, а также кузницы, о чем могут свидетельствовать находки железного лома, сырья и различных неоконченных металлических изделий.

По мнению А. Антейна, начиная с 30-х гг. XIII в. изготовление высококачественных железных изделий на территории современной Латвии постепенно переходит в руки немецких мастеров [45, l.80–81]. Производство сосредотачивается в крупных городах Прибалтики, количество кузнецов в небольших поселениях и замках было невелико [45, l.84]. Крупнейшим центром ремесла была Рига, где с XIV в. известен цех бронников, изготавливающих защитное снаряжение [45, l.82–84]. Однако, вероятнее всего, немецкие мастера, входившие в эту корпорацию, производили доспехи западноевропейских образцов.

Таким образом, при исследовании фрагментов доспехов древнерусских типов второй половины XIV – первой половины XV вв. из ливонских замков на берегах Даугавы можно наметить один из вариантов пути взаимовлияния Востока и Запада в сфере военного дела и защитного снаряжения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авдусин Д.А.* Возникновение Смоленска. Смоленск: Смоленское книжное издательство,1957. – 56 с.
2. *Аранович А.В., Панкратов А.Г.* К вопросу о вооружении и производстве оружия на территории Киевского княжества в XIV – середине XV вв. Руси // КЛИО. № 10 (118). СПб.: ООО Полторак, 2016. – С. 63–69.
3. *Арциховский А.В.* Русское оружие X–XIII вв. // Доклады и сообщения исторического факультета Москов. ордена Ленина гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. Вып. 4. М.: МГУС, 1946. – С. 3–17.
4. *Белецкий С.В.* Раскопки Псковского городища в 1977–1978 гг. // Древнерусские города. М.: Наука, 1981. – С. 40–62.
5. *Бессуднова М.Б.* К вопросу о торговле Пскова с Дерптом в 90-х гг. XV в. по ливонским источникам // Археология и история Пскова и Псковской земли. № 25 (55). Псков: ГППО Дом печати, 2010. – С. 70–79.
6. *Бохан Ю.М.* Баявыя нагалоў'і ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI стагодзя // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 10. Мінск: Институт истории НАН Беларуси, 1996. – С.89–111.
7. *Бохан Ю.М.* Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст. Мінск: Беларуская навука, 2008. – 463 с.
8. *Бугис П.* Находка панцирных пластин на территории великокняжеского замка исторического Вильно // Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 1. М.: Квадрига, 2008. – С. 118–124.
9. *Голубева Л.А.* Квартал металлургов в Вышгороде // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. – С. 25–33.
10. *Горелик М.В.* Шлемы Золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. Т. 8. Сборник научных работ. Донецк: ДонНУ, 2010. – С. 253–269.
11. *Греков А.П.* Фрески церкви Спаса-Преображения на Ковалеве. М.: Искусство, 1987. – 96 с.
12. *Грибов Н.Н.* Русское владельческое село удельного периода (по материалам раскопок селища Ближнее Константиново-1) // Сельская Русь в IX–XVI вв. М.: Наука, 2008. – С. 253–264.
13. *Дук Д.У.* Археалагічныя раскопкі на старажитным полацкім гарадзішчны ў 2007 г. // Матэрыялы па археалоги Беларусі. Вып. 21. Мінск: Беларуская навука, 2011. – С.30–60.

14. *Жуков К.А. Коровкин Д.С.* Западноевропейский доспех раннего Ренессанса. СПб.: СПГУТД, 2005. – 100 с.
15. *Загорульский Э.М.* Возникновение Минска. Минск: Издательство БГУ им В.И. Ленина, 1982. – 358 с.
16. *Закурина Т.Ю.* Железообрабатывающее ремесло Пскова (X–XVII вв.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.06. археология. Псков, 2000. – 371 с.
17. *Иншаков А.А., Иншакова А.В.* Комплекс вооружения служилого человека второй половины XIV – начала XV вв. Елецкого княжества // На степном пограничье: Верхний Дон в истории средневековой России. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 32–45.
18. *Каменский А.Н., Кулешов Ю.А.* Защита конечностей в комплексе вооружения древнерусского воина (по материалам Великого Новгорода) // Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. № 3. М.; Тула; Куликово поле: МедиаМир, 2014. – С. 147–183.
19. *Кильдюшевский В.И.* Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: Вести , 1999. – С. 63–79.
20. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археол. источников в 3-х т. Вып. 2. Л.: Наука, 1966. – 191 с.
21. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // Археология СССР. Свод археол. источников в 3-х т. Вып.3. Л.: Наука, 1971. – 292 с.
22. *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. – 135 с.
23. *Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: Из-во АН СССР, 1953. – 257 с.
24. *Кулешов Ю.А.* Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. № 3. Казань: Фэн АНРТ, 2010. – С. 73–97.
25. *Лапшин В.А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 540 с.
26. *Лупиненко Ю.М.* Чешуйчатый доспех восточнославянского ратника XII–XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 15. Мінск: Беларуская навука, 2008. – С. 140–154.
27. *Лупиненко Ю.М., Макушников О.А.* Створчатые наручи первой половины XIII в. из летописного Гомия // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. № 3. М.; Тула; Куликово поле: МедиаМир, 2014. – С. 184–190.
28. *Медведев А.Ф.* Оружие Новгорода Великого. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. М.: Из-во АН СССР, 1959. – С. 121–191.
29. *Медведев А.Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. № 4. М.: Из-во АН СССР, 1959. – С. 119–134.
30. *Миролюбов М.А.* Кузнечные изделия древнего Изяславля из собрания Государственного Эрмитажа // У истоков русской культуры XII–XVII века. СПб.: Славия, 1995. – С. 33–40.
31. *Молчановский Ф.Н.* Обработка металла на Украине в XII–XIII вв. по материалам Райковецкого городища // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 5. Л.: ОГИЗ, 1934. – С. 83–93.
32. *Петров М.И.* Военное дело в древнерусской сфрагистике // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М.: Памятники ист. мысли, 2009. – С. 664–654.
33. *Плавінскі М.А.* Засцерагальнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі. // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 16. Мінск: Институт истории НАН Беларуси, 2001. – С. 138–150.
34. *Плавінскі М.А.* Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў. Мінск: Галіяфы, 2013. – 106 с.

35. Слово о плъку Игоревъ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова // Повести Древней Руси XI–XII веков. Л.: Лениздат, 1983. – С. 378–411.
36. *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М.: Из-во АН СССР, 1948. – 802 с.
37. *Рыбина Е.А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: Из-во Московского Университета, 1978. – 170 с.
38. *Рыбина Е.А.* Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 320 с.
39. *Салмин С.А.* Детали доспехов из раскопок в Пскове (элементы защитного вооружения западноевропейского круга) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 54-го заседания. Псков: ГППО Дом печати, 2009. – С. 37–41.
40. *Салмин С.А.* Комплекс вооружения XVI–XVII вв. из раскопок Окольного города Пскова // Культура русских в археологических исследованиях. Сборник научных статей. Омск: Издательский дом «Наука», 2017. – С. 296–303.
41. *Тарабардина О.А.* Дендрохронология и археологическое изучение Ярославова Дворища в Новгороде // Археология и история Пскова и Псковской Земли. Материалы 60-го заседания. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 177–189.
42. *Фоняков Д.И., Малевская М.В.* Древний Торопец. Т. 2. Торопец: ИИМК РАН, 2000. – 114 с.
43. *Шиндлер О.В.* Защита рук и ног, щиты и другие «необязательные по уложению» русские доспехи XVI века. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Т. VI. 2015. – С. 352–403. URL: http://www.milhist.info/2015/04/3018/schindler_1 (дата обращения 30.04.2015).
44. *Anteins A.* Dzelzs un tērauda izstrādājumu struktūras, īpašības un izgatavošanas tehnologija senajā Latvijā (lidz 13. gs) // Arheologija un etnografija. Rakstu krājums. T. II. Rīga: Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas izdevniecība, 1960. – L. 3–60.
45. *Anteins A.* Melnais metals Latvijā. Rīga: Zinātne, 1976. – 211 lpp.
46. *Bugys P.* Žvyninių šarvų plokštelės Vilniaus pilių teritorijoje // Lietuvos archeologija. T. 37. Vilnius: Lietuvos archeologijos draugija, Lietuvos istorijos inst., Klaipėdos univ., 2011. – P. 207–216.
47. *Bugys P.* Šarvuotė lietuvos didžiojoje kunigaikštystėje XIII a. antroje pusėje – XVI a. viduryje (archeologijos duomenimis). Daktaro disertacija. Humanitariniai mokslai, istorija (05 H). Vilnius. 2014. – 272 psl.
48. *Graudonis J.* Altene // Arheologija un etnografija. Apcerējumi par viduslaiku pilīm un pilsētām Latvijas teritorijā. T. XIV. Riga: Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas izdevniecība, 1983. – L. 40–85.
49. Latvijas PSR arheologija. Rīga: Zinātne, 1974. – 215 lpp.
50. *Mugurēvičs Ē.* Oliņkalna un Lokstenes pilsnovadi. 3–15 gs. arheologiskie pieminekļi. Rīga: Zinātne, 1977. – 143 lpp.
51. *Mugurēvičs Ē.* Viduslaiku ciems un pils Salaspils novadā. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2008. – 262 lpp.
52. *Nowakowski A.* Uzbrojenie wojsk krzyżackich w Prusach w XIV I na początku XV w. // Łódz: Acta archeological Lodziensia. Nr. 29, 1980. – 159 s.
53. *Šnore E., Zariņa A.* Senā Sēlpils. Rīga: Izdevniecība Zinatne, 1980. – 236 lpp.
54. *Thordeman Bengt.* Armor from the battle of Wisby 1361. Vol 2. Plates. Stockholm: Kungl Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1939. – 145 ps.
55. *Thordeman Bengt.* Rustningarra i Kalevala // Fornvännen. Journal of Swedish antiquarian research. №35. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1940. – S. 173–186.
56. *Wasiak Wojciech.* Identyfikatcja sredniowieczhych przedstawien ikonograficzhych z realnymi egzemplarzami broni, na przyklazie wyobrazenia helmu typu pekilhube z kosciola w Strzelnikach kolo Brzegu. // Broń i wojna w dziejach człowieka. Łódz: Instytut Archeologii Uniwersytetu Lodzkiego, 2009. – S. 117–131.

ИИМК РАН,
г. Санкт-Петербург,
СПБГУПТД,
г. Санкт-Петербург

P.A. Milyaev, A.G. Pankratov
Parts of Body Armor of Old Russian Types Dated by the End of the XIV–the Beginning of the XV Centuries Found in Latvian Order Castles

The article represents parts of body armor of Old Russian types found in castles Altene, Lokstene and Selpils in the territory of modern Latvia (parts of plate lamellar cuirasses and arm protectors). Unique for Latvian territory helm probably related to Old Russian examples was found in Altene Castle. All findings were dated by the second part of the XIV - the first part of the XV centuries. Such armament parts could have been brought to Daugava River banks as trophy of war kept in Order arsenals or as commercial objects.

Keywords: *Latvia, Livonia, Order castles, castle arsenals, armament, plate armor, XIV–XV centuries, East and West.*

УДК 903.22 (470.2) «15/16» https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.447-471

П.А. МИЛЯЕВ

ДЕТАЛИ РУЧНОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ВООРУЖЕНИЯ КОНЦА XVI–XVII ВВ. ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

В статье рассматриваются детали ручного огнестрельного оружия конца XVI–XVII вв., найденные в Старой Ладоге: фрагменты ружейных стволов, ударно-кремневые, фитильные, колесцовые ружейные замки и их составные части, ружейные винты, спусковые скобы, диоптрические прицелы. Большинство изделий были утрачены в начале XVII в. Впервые выделены фрагменты западноевропейского огнестрельного оружия, связанного с присутствием в городе шведских солдат и наемников корпуса Якоба Делагарди. Результаты анализа археологического материала сопоставлены с письменными источниками о вооружении ладожского гарнизона в XVII в.

Ключевые слова: *Смутное время, военное дело Московского государства, Старая Ладога, ручное огнестрельное оружие, ружейные замки*.

За все время раскопок в Старой Ладоге на Земляном городище, посаде и в каменной крепости была собрана значительная коллекция находок эпохи позднего средневековья – раннего Нового времени, связанных с военным делом: фрагменты предметов вооружения, снаряжение коня и всадника, боеприпасы. Весьма многочисленную группу – 115 находок, составляют детали ручного огнестрельного оружия конца XVI–XVII вв., а также приспособления для его чистки и ремонта. Кроме того, было найдено 154 свинцовые и железные пули[1].

Находки, относящиеся к ручному огнестрельному оружию, с территории Земляного городища по большей части были обнаружены при исследовании горизонта В, и датированы В.И. Равдоникасом, Г.П. Гроздиловым и К.Д. Лаушкиным концом XVI–XVII вв. [32, с.26; 10, с.139–140]. Они располагались как внутри остатков сгоревших жилых и хозяйственных построек, так и в культурном слое за их пределами. Авторы раскопок предполагали, что гибель домов связана с военными действиями Смутного времени. В ходе раскопок А.Н. Кирпичникова в южной части Земляного городища были также выявлены отложения культурного слоя, по всей видимости, соответствующие горизонту В [23, с.151–158]. Часть описываемых находок была обнаружена в верхнем мешаном слое, особенно на территории ладожской каменной крепости, где в результате активной строительной деятельности XVI–XVII вв. культурный слой часто нарушался и перемещался. Однако в процессе раскопок 1949, 1982–1983, 1984–1985, 2008, а также в 2015 и 2017–2018 гг. в центральной, северо-восточной и юго-восточной частях крепостного двора были выявлены отложения, предварительно датированные периодом позднего средневековья – раннего Нового времени, насыщенные большим количеством различных находок. На территории ладожского посада (левый берег реки Ладожки) вещи, связанные с военным делом, были найдены во время раскопок 2015 г. в слоях, которые датируются предварительно концом XVI–XVII вв., а также в верхних мешаных слоях при проведении разведок и раскопок разных лет.

[1] В данной статье не будут рассматриваться боеприпасы к ручному огнестрельному оружию, поскольку они не являются его непосредственными деталями. Кроме того, большой объем материала позволяет посвятить им в дальнейшем отдельную публикацию.

Что касается письменных источников, то до наших дней дошло немало документов XVII в., в которых мы находим исчерпывающую информацию о ладожском гарнизоне и видах ручного огнестрельного оружия, использовавшегося стрельцами, казаками и посадскими жителями в указанный период [4, с.253–275]. Однако самые ранние из них датируются 20-ми гг. данного столетия [4, с.253]. Таким образом, у нас почти нет сведений о вооружении ладожан в конце XVI – начале XVII вв. В этот период боевое использование крепостных сооружений Ладоги, построенных в конце XV – начале XVI вв., было наиболее интенсивным. Недостаток информации восполняют весьма многочисленные археологические источники. Кроме того, при их исследовании можно выявить изменения в вооружении ладожского гарнизона в течение всего XVII в., сравнив полученный в ходе раскопок материал с информацией из исторических документов, и точно определить виды огнестрельного оружия, использовавшегося защитниками крепости. Следует отметить, что при работе с материалом из раскопок в Старой Ладоге удалось уточнить датировку некоторых деталей огнестрельного вооружения конца XVI–XVII вв.

В ходе археологических исследований были найдены фрагменты ружейных стволов, фитильные и ударно-кремневые ружейные замки, а также их детали, костяные и роговые элементы декора ружейных и пистолетных лож, приспособления для чистки и ремонта огнестрельного оружия, инструменты для отливки пуль, боеприпасы и различные элементы военного снаряжения. По местам обнаружения данные находки распределяются следующим образом: наибольшее их количество – 55 экземпляров, зафиксировано на территории ладожской каменной крепости, чуть меньше, 33 экземпляра на Земляном городище, при раскопках на посаде встречено 11 изделий; в коллекции есть 16 случайных находок, в основном, ружейных кремней. Культурный слой на территории ладожской крепости оказался наиболее богат фрагментами огнестрельного оружия и военного снаряжения, однако они представлены в основном небольшими отдельными предметами. Крупные изделия, например ружейные замки и фрагменты стволов, встречены в основном на Земляном городище. Наименьшее количество подобных находок встречено при раскопках на левом берегу реки Ладожки, на посаде, однако территория, исследованная там, пока невелика. Непосредственно к деталям различного огнестрельного оружия относится 29 находок, 41 предмет принадлежит к приспособлениям для его чистки и обслуживания, 17 изделий являются костяными накладками на ружейные и пистолетные ложи, кроме того было найдено 28 ружейных кремней. В целом, следует признать высокую насыщенность культурного слоя Старой Ладоги предметами, связанными с огнестрельным вооружением конца XVI–XVII вв.

В коллекции из раскопок на территории Земляного городища имеется фрагмент ружейного ствола, обнаруженный в 1938 г. (ГЭ 13–131) (рис.1: 2). Предмет был найден в квадрате 20 на глубине 0,15–0,30 м выше R в верхнем мешаном слое. Он был сильно поврежден при выстреле, разорван вдоль, деформирован, казенная часть оторвана. Длина находки 170 мм, внешний диаметр изделия 19 мм, у дульного среза 23 мм, толщина стенок 4 мм. Диаметр канала ствола 12 мм, для его обработки было применено сверло. В нижней части ствола на расстоянии 55 мм от дульного среза сохранилось ушко размерами 100×3 мм, которое использовалось для закрепления его в ложе при помощи деревянных или железных горизонтальных штифтов. Внешняя поверхность изделия ровная и гладко отшлифована, оно отличалось высоким качеством изготовления и обработки. Предмет можно датировать предположительно второй половиной XVI–XVII вв., об этом свидетельствуют небольшой внешний диаметр изделия, тонкие стенки, аккуратная и тщательная отделка [30,

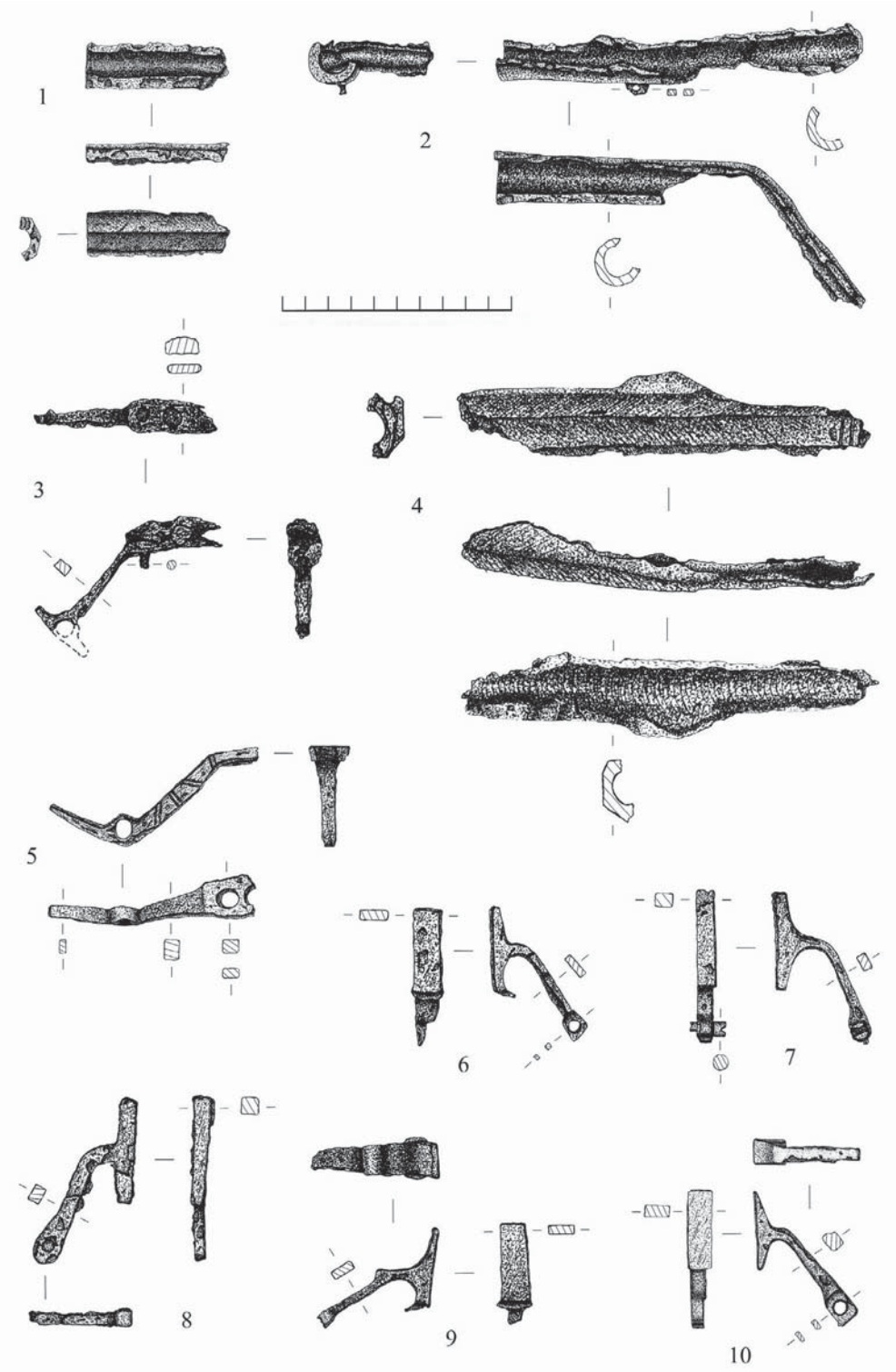


Рис. 1. Фрагменты стволов огнестрельного оружия, детали ударно-кремневых ружейных замков из раскопок в Старой Ладоге. 1 – фрагмент ружейного / пистолетного ствола. Каменная крепость, у Тайничной башни, 2017 г.; 2 – фрагмент ружейного / пистолетного ствола. Земляное городище, 1938 г.; 3 – курок от кремневого ружейного замка русского типа. Земляное городище, 1959 г.; 4 – фрагмент ружейного ствола. Земляное городище, 2011 г.; 5 – курок от кремневого ружейного замка карельского типа. Земляное городище, 1910 г.; 6–10 – огнива от кремневых замков. 6 – каменная крепость, юго-восточное прясло, 2017 г.; 7 – каменная крепость, у Тайничной башни, 2017 г.; 8–9 – каменная крепость, у Раскатной башни, 2014 г.; 10 – ладожский посад, левый берег р. Ладожки, 1984 г. 1–8 – железо, 9 – железо, покрытие медным сплавом.

с.233–234; 26, с.22]. Судя по очень небольшим размерам, фрагмент может относиться к стволу малокалиберной пищали или, что более вероятно, пистолета. Скорее всего, он был поврежден и утрачен в ходе боевых действий Смутного времени, в начале XVII в.

В 2017 г. при проведении археологических работ у Тайничной башни в ладожской каменной крепости был найден небольшой фрагмент ружейного или, вероятнее всего, пистолетного ствола размерами 62×20 мм (САЭ-17 ТБ №341) (рис.1: 1). Толщина стенок изделия составляет 4 мм, калибр около 12–13 мм, на внешней поверхности заметны две грани, для обработки внутренней поверхности ствольного канала применялось сверло. Внешняя поверхность изделия аккуратно обработана. Особенности изготовления и отделки предмета указывают на его наиболее вероятную датировку в пределах второй половины XVI–XVII вв. [30, с.233–234; 26, с.22]. Находка была обнаружена недалеко от юго-восточного угла нижней части деревянной постройки датированной по нумизматическому[2] и вещевому материалу началом XVII в. и прекратившей свое существование, видимо, в период Смуты. Скорее всего, именно в это время произошло выпадение в слой вышеописанного предмета.

Стволы пистолетов и их фрагменты нечасто находят в ходе археологических работ на территории России. Несколько целых экземпляров происходят из Пскова [37, с.30, рис.2], Тушинского лагеря [12, с.264–265, рис.11, *3*; 13, с.17, рис. 13, *№ 596*] и Можайска [28, с.224, рис.1, *9*]. Такие находки есть и на территории сопредельных государств. Например, ствол пистолета был обнаружен на поле битвы под Берестечком 1651 г. [38, с.243–244, рис.63, *8*]. В Латвии целый пистолет с колесцовым замком был найден при раскопках в замке Цесис (Венден) [47, l. 139–140, att. 10–11], еще один ствол имеется в коллекции, происходящей из замка Турайда [53, tab. 37, *1*]. Длина указанных находок от 215 до 330 мм, граненой у них была обычно только казенная часть, остальная поверхность изделия была гладкой, круглой в сечении. С большой долей вероятности, упомянутые выше изделия, найденные в русских городах, в частности фрагменты из Старой Ладоги, имеют западноевропейское происхождение. Пистолеты с колесцовыми замками были известны в Московском государстве во второй половине XVI в. [26, с.50], однако не были широко распространены. Их массовое использование русскими ратниками, в первую очередь конными, начинается уже после Смутного времени в 20–30 х гг. XVII в. [25, с.2–4].

В 2011 г. при раскопках в юго-восточной части Земляного городища был найден крупный фрагмент стенки ружейного ствола, разорванного вдоль (САЭ-11 №372) (рис.1: 4). Его размеры 174×38 мм, диаметр ствольного канала около 17–18 мм, толщина стенок достигает 6–7 мм. На фрагменте заметны три грани, скорее всего, изначально он был восьмигранный, прицельные приспособления и ушки для прикрепления ствола к деревянной ложе не сохранились. На одном из краев находки заметны две параллельные чеканные линии шириной около 2 мм, которыми ствол был украшен. По соотношению диаметра канала ствола и толщины его стенок изделие может быть датировано второй половиной XVI–XVII вв. [9, с.9; 30, с.233–234]. Порча данного предмета вероятнее всего могла произойти в ходе боевых действий начала XVII в.

Описанные выше находки из Старой Ладоги отражают важные изменения, произошедшие в технологии изготовления ружейных и пистолетных стволов во второй половине XVI–XVII вв. Качество изготовления изделий заметно повышается,

[2] Определение монет произведено К.В. Горловым (ИИМК РАН), автор выражает ему глубокую благодарность.

их длина увеличивается, стенки становятся тоньше [30, с.233–234]. Со второй половины XVI в. ствольный канал в казенной части запирается массивным винтом с хвостовиком [26, с.22].

Десятки стволов конца XVI–XVII вв. отечественного и иностранного производства находятся в собраниях Государственного Эрмитажа [43, таб. I, *1–23, 31–33, 40–42, 53–56*], Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ и ВС) [26, с.31–32,37,46–47], Государственной Оружейной палаты [9, с.7–10] и других музеев. При проведении археологических работ ружейные стволы и их крупные фрагменты, схожие по некоторым параметрам с ладожскими находками, были обнаружены в Москве [6, с.171–173, рис.4, *1–2*; 5, с.231, илл.231, *1,4*] и Кирилло-Белозерском монастыре [21, с.193, рис.32], есть они и в коллекции, собранной на территории Тушинского лагеря [12, с.264–265, рис.11, *1–3*; 13, с.17, рис.13, *№№ 594,596–597,599*].

В конце XVI–XVII вв. для воспламенения заряда ручного огнестрельного оружия использовались ружейные замки различных систем, фрагменты и детали которых были выявлены при работе с коллекциями из раскопок в Старой Ладоге.

В 1909 г. при прорезке западной куртины Земляного города (разведка I) Н.И. Репниковым был найден ударно-кремневый ружейный замок[3] (рис.2: 4) (ГЭ 1926–56) [11, с.86, табл.V, рис.6]. Сохранилась вытянутая замочная доска размерами 183×47 мм, толщиной до 2 мм. В ее верхней части находится подпрямоугольная пороховая полка с поврежденными краями, выполненная отдельной деталью, на которой сохранился фрагмент штифта для закрепления крышки. Перед ней при помощи винта с цилиндрической головкой и прямым шлицем прикреплено огниво с прямоугольной ударной площадкой на прямой ножке с изогнутой верхней частью, откинутое вперед. При этом винт – ось огнива является одновременно и крепежным элементом пороховой полки. На внутренней стороне замочной доски сохранилась пластинчатая пружина сложной формы с коленчатым изгибом на конце, на котором сохранился фрагмент шептала, на противоположном конце расположен заостренный выступ. Данная деталь также была закреплена при помощи винта. Шептало – горизонтальный стержень квадратного сечения располагался в сквозном отверстии, пробитом в замочной доске, его внешний край был обломан. Перед шепталом на расстоянии 3 мм от него расположено отверстие диаметром 4 мм для винта – оси курка, снаружи затянутое ржавчиной, однако отлично видимое с внутренней стороны замка. Кроме того, в замочной доске были пробиты три круглых отверстия для закрепления его на деревянной ложе: передней части под огнивом, у верхнего края перед подогнивной пружиной и у нижнего края под шепталом. Курок, а также две прямые пружины: боевая и подогнивная, на внешней стороне механизма отсутствуют. Судя по расположению отверстий для монтажа недостающих деталей, кремневый замок относится к русскому типу. Данную находку из насыпи вала Земляного городища в целом можно датировать концом XVI–XVII в., нижнюю границу в данном случае обозначает дата сооружения укреплений (около середины 80-х гг. XVI в.) [20, с.471–472; 39, с.337]. Ладожский замок снабжен огнивом ранней формы с прямой ударной площадкой без «бородки» на нижнем конце, более характерным для первой половины XVII в., хотя, подобные детали использовались и позднее. Принимая во внимание исторические события раннего Нового времени, происходившие в Ладоге, можно предположить, что данный кремневый замок относится к концу XVI – началу XVII вв. и мог быть утерян в результате боевых действий Смутного времени.

[3] В публикации 1948 г. он был ошибочно назван фитильным.

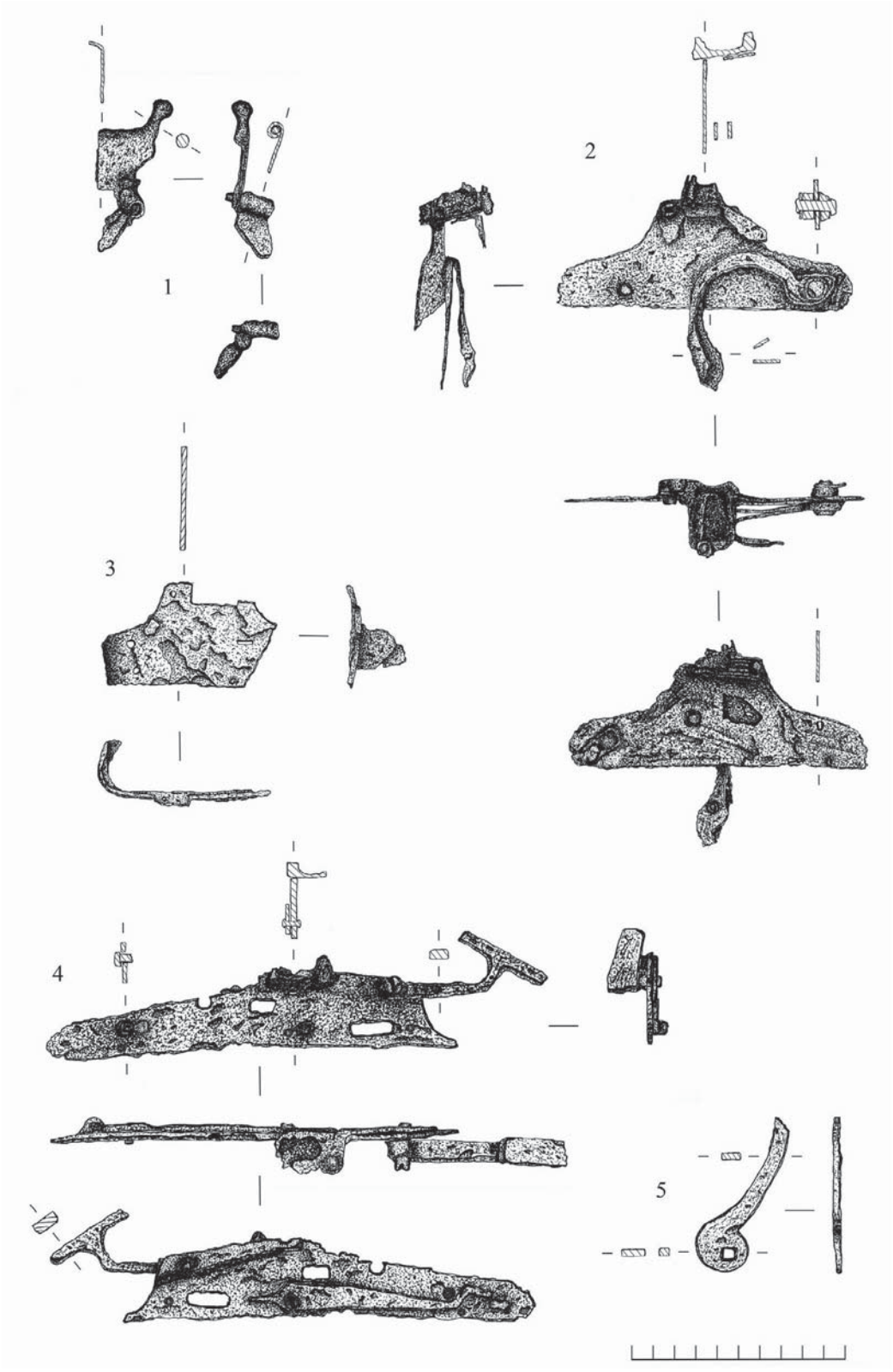


Рис. 2. Детали ударно-кремневых и фитильных ружейных замков из раскопок в Старой Ладоге. 1 – крышка пороховой полки со щитком для защиты глаз стрелка. Каменная крепость, с внешней стороны Стрелочной башни и северо-восточного прясла, 1979 г.; 2 – фитильный ружейный замок. Земляное городище, 1949 г.; 3 – фрагмент замочной доски. Каменная крепость, у Тайничной башни, 2017 г.; 4 – кремневый ружейный замок русского типа. Земляное городище, 1909 г.; 5 – фрагмент курка от фитильного ружейного замка. Каменная крепость, юго-восточное прясло, 2017 г. Все – железо.

На Земляном городище в 1959 г. был найден курок от ударно-кремневого замка русского типа (рис.1: 3) (ГЭ ЛДГ–1). Нижняя часть детали оканчивалась крестовиной с двумя прямоугольными выступами по бокам, в центре которой расположено отверстие для ружейного винта. Боевая пружина действовала на такой курок сверху вниз, упираясь в нижний выступ, который на ладожской находке не сохранился. Эта схема действия является особенностью только русских ударно-кремневых замков [31, с.190]. Изделие сильно повреждено коррозией. Губки курка, для предотвращения перекоса, соединены вертикальным штифтом, проходящим через сквозные отверстия, расположенные в их основаниях у «ножки». Ружейный кремень зажимался в губах при помощи несохранившегося винта, для которого в центре деталей были сделаны отверстия с резьбой. Ножка курка прямая, прямоугольного сечения. Изделие было найдено при раскопках В.И. Равдоникаса среди остатков срубной жилой постройки в напластованиях горизонта В (квадраты СТУ XIV–XV), датированных по вещевому и нумизматическому материалу концом XVI – началом XVII вв. [32, с.26; 10, с.139–140].

Ударно-кремневые замки русского типа на территории Московского государства начали массово применяться в последней четверти – конце XVI – начале XVII вв., а в первой четверти XVII в. стали основным оружием стрелецкого войска [31, с.189; 26, с.22; 45, с.413]. Они изготовлялись преимущественно в центральных регионах страны, при этом в XVII в. данные механизмы чаще производились с двумя прямыми горизонтальными пружинами – боевой и подогнивной, реже с одной двуперой или двумя гнутыми пружинами [9, рис.6–9; 31, с.192; 26, с.14] (рис.5: 3). Многочисленные образцы ручного огнестрельного оружия с кремневыми замками русского типа находились в арсеналах Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, а также Новгородской Хутынской обители [31, с.190]. В Государственной Оружейной палате хранятся пищали, происходящие из Троице-Сергиевой Лавры с наиболее ранними замками русского типа конца XVI – начала XVII вв. [9, с.6–14, рис.2, 6–9; 31, с.190][4]. Там же имеется множество более поздних экземпляров различного ручного огнестрельного вооружения с подобными замками, относящегося к XVII в., некоторые из них, богато украшенные, являются подлинными шедеврами русских оружейников [9, рис.16–17, 20–21, 25, 28; 59, cat. 50, 62; 45, с.410, рис.4–6]. Большая коллекция огнестрельного оружия XVII в. с ударно-кремневыми замками русского типа хранится в фондах ВИМАИВ и ВС [26, с.31–32, 39, рис.46–47, 51, 55, 58–61, 86–87, 107–108, 145–146, 149] (рис.6: 4). Особенно интересны образцы, относящиеся к первой четверти XVII в., на которых старые фитильные замки с боковым спуском-кнопкой были заменены на ударно-кремневые [26, рис.51] (рис.6: 3).

Кремневые замки русского типа XVII в. и их детали были найдены А.Н. Кирпичниковым при проведении раскопок Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря [19, листы 8, 10; 22, с.175, рис.1–2]. Аналогичные механизмы обнаружены среди остатков полярной экспедиции на острове Фаддея и в заливе Симса у полуострова Таймыр[5] [24, с.94, таб.III, *2–4*]. По нумизматическим находкам и сопровождающему материалу они датируются 1618–1619 гг. Крупные фрагменты подобных механизмов найдены на территории Тушинского лагеря под Москвой [12, с.263–264, рис.10, *2–3*; 13, рис.11, *№№ 478, 96*], подобные находки были встречены и при про-

[4] Одна ручная пищаль конца XVI – начала XVII вв. (1590–1610 гг.) из Троице-Сергиевой Лавры находится в фондах Государственного Эрмитажа. З. О. № 5272 [43, с.159–160, Таб. I, *56*].

[5] В тексте публикации автор ошибочно называет найденные ударно-кремневые ружейные замки «нидерландскими» или «голландскими».

ведении раскопок в Москве [34, с.154, рис.94, *3*]. В Пскове в ходе археологических работ на Петровском IX раскопе была найдена целая винтовальная кавалерийская пищаль с сохранившейся деревянной ложей, снабженная русским ударно-кремневым замком. Время изготовления изделия – не ранее начала второй трети XVII в. и не позже конца этого столетия. Вероятно, пищаль была скрыта в ходе псковского восстания 1650 г. [37, с.30–34]. При раскопках на территории Торговых рядов в г. Кострома в 2017 г. был найден целый кремневый замок русского типа с двумя прямыми пружинами[6]. Несколько пищалей и карабин с аналогичными механизмами воспламенения заряда были обнаружены на поле битвы под Берестечком 1651 г. [38, с.241, рис.63, *3, 5, 71: 7*; 44, с.119–121, мал. 54, *10, 16*]. Там же были обнаружены отдельные механизмы и их составные части [38, с.245, рис.64, *14*, 65, *1*].

В 1910 г. при раскопках в юго-восточной части Земляного городища (разведка 9) [33, с.24] был найден курок от ударно-кремневого замка карельского типа (рис.1: 5) (ГЭ 2790–652) [11, с.91, табл.II, рис.12]. Он отличается наличием длинного немного изогнутого вверх нижнего рычага, который удерживал деталь во взведенном положении. Размеры изделия 88×15 мм, в центре детали расположено отверстие диаметром 8 мм для закрепления его на замочной доске. Сохранилась только нижняя губа курка, обломанная наполовину, в основании которой было пробито округлое отверстие для вертикального штифта, закреплявшегося в нижней плоскости подвижной верхней губы и предохранявшего детали от перекоса при соединении. Второе отверстие с резьбой сохранилось наполовину, оно предназначалось для винта, при помощи которого зажимался кремень. С внешней стороны деталь была украшена орнаментом из чередующихся вертикальных и косо поставленных парных прямых чеканных линий, на внутренней стороне орнамент отсутствовал.

Ружейные ударно-кремневые замки карельского типа были распространены в основном на северных территориях Московского государства, данный механизм скорее всего происходит от скандинавских кремневых замков [31, с.194]. Немалое их количество находилось в XVII в. в арсеналах Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей [31, с.194; 26, с.15]. Ручные пищали и карабины с установленными на них замками карельского типа с прямыми и гнутыми пружинами, находящиеся в собрании ВИМАИВ и ВС, датируются первой третью – второй половиной XVII в. [26, рис.52, 56 а–б, 57, 108 а–б] (рис.5: 4; 6: 1–2). Подобные механизмы воспламенения заряда, изготовленные кустарным способом, использовались промысловиками на севере и северо-востоке России вплоть до начала XX в. [31, с.195; 26, с.15].

Крупный фрагмент кремневого замка карельского типа, датированный началом XVII в., с замочной доской, пороховой полкой и фрагментом курка был найден на территории Тушинского лагеря [12, с.263, рис.10, *1*; 13, рис.12, *№ 89*]. Археологические находки из Ладоги и Тушино могут свидетельствовать о том, что начало использования ружейных замков данного типа на территории Московского государства относится к концу XVI или рубежу XVI–XVII вв.

К деталям ударно-кремневого ружейного замка относится фрагмент замочной доски, найденный в 2017 г. в ладожской каменной крепости (САЭ-17 ТБ №245) (рис.2: 3). Размеры находки 80×47×2 мм, пластина деформирована, большая ее часть обломана. На верхнем краю детали есть прямоугольный вырез – место монтажа пороховой полки, крепившейся к замочной доске винтом, отверстие для которого расположено слева от нее. Ниже имеется сквозное прямоугольное отверстие размерами 7×2,5 мм для монтажа подогнивной пружины. В левой части фрагмента замочной

[6] Автор благодарит А.В. Лазарева за предоставленную информацию.

доски пробито два круглых отверстия, через которые, по-видимому, замок закреплялся на ружейной ложе. Тип и конструктивные особенности механизма, в данном случае, установить затруднительно, датировать изделие можно концом XVI–XVII вв.

При раскопках в Ладоге было найдено пять огнив, которые могли устанавливаться на ударно-кремневые замки различных типов, четыре из них сохранились полностью, у одного нижняя часть ножки обломана. Данные предметы были обнаружены на территории ладожской каменной крепости (САЭ–17 ЮВП №146, САЭ-17 ТБ №678, САЭ–14 ГОРБ б/н, СЛМ КП–99178-66 А–24426) (рис.1: 6–9) и посада на левом берегу реки Ладожки (СЛМ КП–82925 А–16524) (рис.1: 10). Все изделия имеют ровные вертикальные ударные площадки прямоугольной формы, прямые ножки прямоугольного или подквадратного сечения с плавным изгибом в верхней части. Размеры предметов составляют 55–80×43–55 мм. В нижней части деталей располагается отверстие для ружейного винта, посредством которого они закреплялись на замочной доске над концом подогнивной пружины. В отверстии на конце ножки одной из ладожских находок сохранился фрагмент винта с цилиндрической головкой и прямым шлицем. Изделие было найдено в 2017 г. во дворе каменной крепости у Тайничной башни на деревянном полу постройки, датированной по нумизматическим материалам началом XVII в. (рис.1: 7). В верхней части на изгибе ножки другого огнива имеется декоративный полукруглый выступ, кроме того, на его поверхности было выявлено покрытие тонким слоем медного сплава (рис.1: 9). Технологический прием «омеднения» железных изделий часто встречается на позднесредневековых находках из Пскова, в частности, на навесных замках [36, с.54]. Описанные выше огнива представлены двумя вариантами: с полукруглой бородкой в нижней части ударной площадки и без нее (при опускании огнива на пороховую полку бородка выполняла функции крышки и предохраняла порох перед выстрелом). Находки огнив из раскопок на территории Старой Ладоги в целом можно датировать концом XVI–XVII вв. Аналогичные детали использовались в течение всего столетия одновременно с появившимися во второй половине XVII в. более совершенными огнивами с вогнутой ударной площадкой, дающей больше искр [9, с.12]. Изделия без бородки являются наиболее ранними, однако в конце XVI – начале XVII вв. оба описанных выше вида огнив сосуществовали [9, рис.6–7; 43, рис.56]. При проведении археологических исследований отдельные находки огнив встречались на территории Епифанских казачьих слобод [8, рис.4, *14*] и города Гремячий в Тульской области [16, рис.4, *7*].

Судя по письменным источникам, самопалы – ручные пищали с ударно-кремневыми замками – были основным вооружением стрельцов и казаков ладожского гарнизона на протяжении большей части XVII в. Анализ археологических материалов показал, что, по всей вероятности, такая ситуация была характерна и для конца XVI – начала XVII вв. На вооружении ладожан имелись пищали, снабженные замками русского и карельского типов, одними из наиболее распространенных на территории Московского государства, причем комплектование ручным огнестрельным оружием шло из разных источников. Во второй половине XVII в. стрельцы имели на вооружении самопалы «государевы орленые» [4, с.258, 266, 275], то есть изготовленные в московской Оружейной палате, на изделия которой ставились клейма в виде двуглавого орла; чаще всего на них монтировались ударно-кремневые замки русского типа [9, с.9; 26, с.7, 10, рис.191]. Данный факт указывает на то, что снабжение служилых людей велось централизованно из Москвы, вероятнее всего, оружие изготавливалось по единому образцу и присылалось партиями. Напротив, у ладожских казаков самопалы были свои [4, с.258, 266, 275], то есть покупались ими сообразно достатку и личным предпочтениям. Очевидно, могли использоваться ручные пищали с замками

различных типов, изготовленными в разных производственных центрах Московского государства, некоего единого образца не было. Возможно, описанная выше ситуация была характерна и для более раннего времени, хотя определенно утверждать это нельзя. Кроме того, в начале XVII столетия ладожским гарнизоном еще использовались ручницы и затинные пищали более ранних образцов, снабженные фитильными замками с боковым спуском-кнопкой, наиболее характерные для середины – второй половины XVI в. Их детали также были обнаружены при раскопках в каменной крепости и на Земляном городище [29, с.225, 229, рис.2, *3–4, 8*; 3, *3, 9*]. В середине 60-х гг. XVII в. в Ладогу была отправлена партия из 129 западноевропейских фитильных мушкетов и в 1665–1667 гг. стрельцы были записаны «съ ружьемъ съ самопалы, а иные съ мушкеты» [4, с.266]. Однако с 1685 г. все стрельцы опять вооружаются только самопалами. Скорее всего, опыт использования ими мушкетов с фитильными замками был не очень удачным и при наличии выбора служилые люди ладожского гарнизона предпочитали пищали с ударно-кремневыми замками. В данном случае археологические материалы согласуются со сведениями письменных источников, детали кремневых замков в материалах раскопок более многочисленны и разнообразны, чем части фитильных механизмов воспламенения заряда.

О широком применении ударно-кремневых замков также свидетельствует немалое количество найденных на территории Старой Ладоги ружейных кремней и их фрагментов – 28 экземпляров. Большинство изделий имеют размеры 25–30 ×20–25 мм, отличаются подпрямоугольной или подквадратной формой, нижняя часть уплощенная, верхняя несколько выпуклая, края обработаны ретушью (рис.4: 2–10). Отдельные находки очертаниями больше напоминают трапецию, однако, их немного в коллекции (рис.4: 2, 10). Изделия характеризуются широкими не фасетированными ударными площадками, острыми углами скалывания (около 50 градусов). Все имеют нерегулярную полукрутую или пологую ретушь на дорсальной и вентральной стороне и мелкую выкрошенность и забитость на четырех сторонах изделий[7].

В результате работы с коллекцией находок из раскопок в Старой Ладоге впервые был выделен ряд деталей ручного огнестрельного вооружения, связанных с западноевропейскими воинскими контингентами, находившимися в городе в период Смутного времени. Данная тема мало освещалась в отечественной археологической литературе, вооружение шведских солдат и иностранных наемников корпуса Якоба Делагарди нам известно, в основном, по письменным источникам XVII в. Эти изделия составляют компактный комплекс, имеющий точную временную и локальную привязку. Вероятно, впоследствии удастся выявить особенности состава вооружения и снаряжения западноевропейских солдат, находившихся на территории Северо-Запада России в XVII в.

Целый ружейный фитильный замок был обнаружен на Земляном городище в 1949 г. (ГЭ Ла–667) (рис.2: 2). Его замочная доска размером 140×46 мм имеет толщину около 1,5 мм. В верхней части изделия при помощи винта прикреплена прямоугольная пороховая полка с крышкой, у которой на углу располагался пластинчатый рычажок[8]. На внешней стороне механизма расположен С-видный курок, раздвоенный на конце, в этой прорези при помощи несохранившегося винта закреплялся фитиль. С внутренней стороны изделия на оси курка сохранилась прямоугольная серьга с прорезью, в которой закреплялся конец спусковой тяги [26, с.91, рис.4] (рис.5: 1).

[7] Автор выражает благодарность А.И. Мурашкину за помощь в работе с данной категорией находок.
[8] Во время реставрации крышка с рычажком была ошибочно закреплена на нижней плоскости пороховой полки.

Механизмы, аналогичные ладожской находке, с крупными, широкими замочными досками и прикрепленными к ним пороховыми полками в Западной Европе стали изготавливать ближе к последней четверти XVI в. [54, s.21–22]. В конце XVI–XVII вв. они устанавливались на крупнокалиберные мушкеты. Учитывая активные боевые действия на территории Ладоги в Смутное время, в ходе которых мог попасть в культурный слой ружейный фитильный замок, найденный на Земляном городище, эту находку можно с большой долей вероятности датировать последней четвертью XVI – началом XVII вв.

В 2017 г. при раскопках в ладожской каменной крепости в районе юго-восточного прясла был найден фрагмент курка от механизма подобной конструкции размерами 68×25 мм (САЭ-17 ЮВП №86) (рис.2: 5). Сохранилось округлое основание изделия, в центре которого расположено квадратное отверстие для оси, крепившей его к замочной доске, верхняя часть предмета с держателем для фитиля обломана. Такие детали могли устанавливаться на фитильные ружейные замки, как с широкими, так и с узкими прямоугольными замочными досками, бытовавшими синхронно. В качестве аналогий данной находке можно привести курки, датированные XVII в., найденные при исследованиях оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря [19, листы 12–14], города Гремячий [16, с.73, рис.3, *4*] и замка Алуксне на территории современной Латвии [46, att. 4, *12–13*].

Фитиль закреплялся в раздвоенном конце курка при помощи небольшого винта с фигурной головкой. Такое изделие было найдено в 2017 г. при раскопках на территории юго-восточного прясла ладожской каменной крепости (САЭ-17 ЮВП №8) (рис.3: 12). Предмет размерами 34×18 мм был найден в верхнем мешаном слое, диаметр стержня с резьбой составляет 4 мм, на его конце есть выступ диаметром 2,5 мм, на котором резьба отсутствует. Головка винта уплощенная, толщиной 2 мм, имеет пару крыловидных выступов с округлыми верхними краями.

К деталям мушкетов с фитильными замками можно отнести крышку пороховой полки, найденную во время архитектурно-археологических работ 1979 г. с внешней стороны северо-западного прясла ладожской каменной крепости (СЛМ НВФ–437 А–216) (рис.2: 1). Основная часть изделия размерами 35×30 мм имеет подквадратную форму, на одной из сторон которого имеется отогнутый вниз под прямым углом бортик высотой 7 мм. Крышка открывалась вбок при помощи короткого рычажка с шаровидным навершием, расположенного в углу детали. На противоположной от рычажка стороне сохранилась часть пластины подпрямоугольной формы размерами около 33×18 мм с втулкой и фрагментом винта, служившего для монтажа детали на пороховую полку. Свободный край этой изначально прямоугольной пластины, являвшейся щитком для защиты глаз стрелка от вспышки пороха при выстреле, закреплялся в вертикальном пазу на стенке ружейного ствола, при этом она располагалась параллельно задней стенке пороховой полки. Подобные крышки со щитками устанавливались на западноевропейские фитильные мушкеты, с узкими прямоугольными или широкими замочными досками. В первом случае пороховая полка была прикреплена отдельно с правой стороны ружейного ствола, во втором – непосредственно к верхней части замочной доски. Для ручного огнестрельного оружия с ударно-кремневыми ружейными замками защитные щитки не устанавливались. Мушкеты с крышками пороховых полок, аналогичными ладожской находке датируются в основном последней четвертью XVI–XVII в. [48, pl. 58–59; 54, s.20, 23, abb. 17, 20; 57, s.47, 61, abb. 26; 52, s.184–185, 188–189; 22, с.173]. Такие детали, датированные преимущественно XVII в., были найдены А.Н. Кирпичниковым при раскопках Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря [19, листы 18–19].

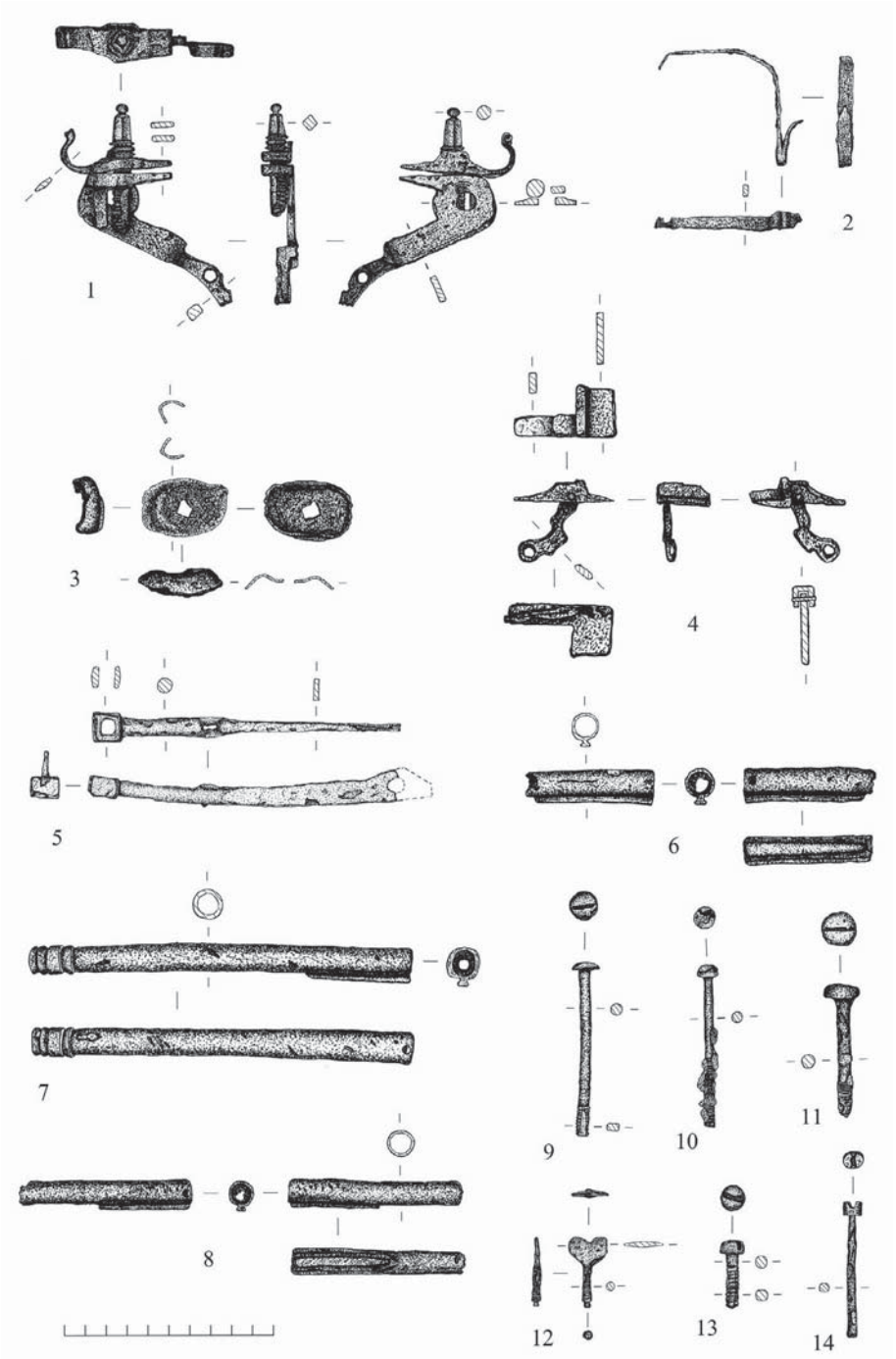


Рис. 3. Детали колесцовых замков, диоптрические прицелы, ружейные винты из раскопок в Старой Ладоге. 1 – курок от колесцового ружейного замка. Каменная крепость, у Тайничной башни, 2015 г.; 2 – фрагмент спусковой скобы. Земляное городище, 1938 г.; 3 – защитный кожух колеса от ружейного колесцового замка. Каменная крепость, юго-восточное прясло, 2017 г.; 4 – крышка пороховой полки от колесцового ружейного замка. Каменная крепость, юго-восточное прясло, 2017 г.; 5 – ключ для взведения механизма колесцового ружейного замка. Каменная крепость, у Раскатной башни, 2014 г.; 6 – фрагмент диоптрического прицела-трубки. Земляное городище, 1949 г.; 7 – диоптрический прицел-трубка. Каменная крепость, раскопки Н.Е. Бранденбурга, 1884–1885 гг.; 8 – фрагмент диоптрического прицела-трубки. Каменная крепость, к югу от Тайничной башни, 2008 г.; 9–11, 13–14 – ружейные винты. 9 – Земляное городище, работы Н.И. Репникова, 1909–1913 гг.; 10 – каменная крепость, юго-восточное прясло, 2018 г.; 11, 13 – каменная крепость, у Тайничной башни, 2017 г.; 14 – каменная крепость, юго-восточное прясло, 2017 г.; 12 – винт для закрепления фитиля в курке ружейного фитильного замка. Каменная крепость, юго-восточное прясло, 2017 г. 1–5, 9–14 – железо, 6–8 – медный сплав.

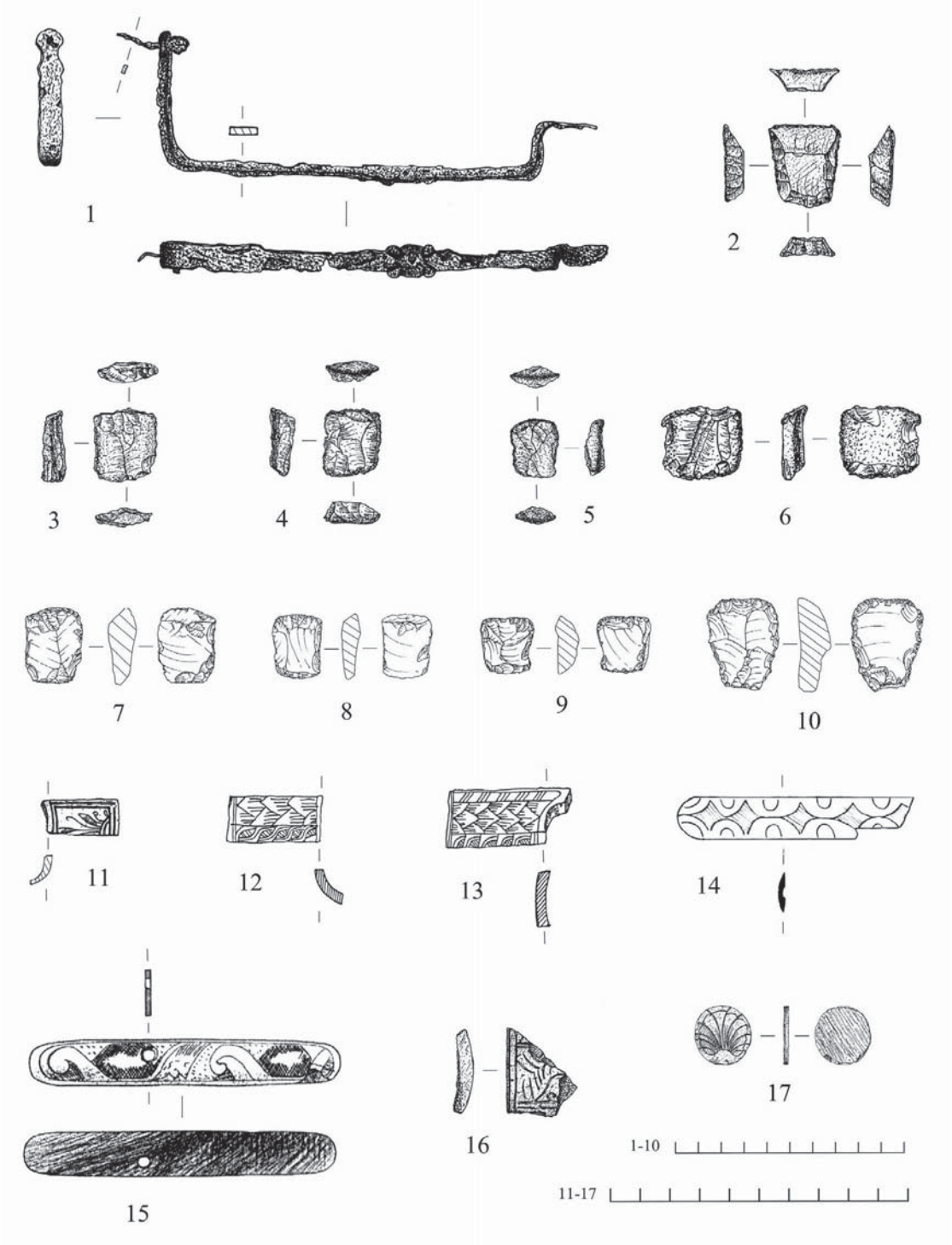


Рис. 4. Спусковая скоба, ружейные кремни, накладки на ложи огнестрельного оружия. 1 – спусковая скоба. Земляное городище, 1948 г.; 2–10 – ружейные кремни. 2–4 – случайные находки; 5–10 – ладожский посад, левый берег реки Ладожка, 2015 г.; 11–13 – накладки на ложи огнестрельного оружия у дульного среза и устья шомпольного канала. 11 – каменная крепость, у Раскатной башни, 2014 г.; 12–13 – Земляное городище, 2000 г.; 14–17 – накладки на боковые плоскости ложи огнестрельного оружия. 14 – Земляное городище, 1981 г. [35, рис.2, 8]; 15 – Земляное городище, 1976 г. [18, рис.16, 2]; 16 – каменная крепость, случайная находка у Тайничной башни; 17 – каменная крепость, юго-восточное прясло, 2017 г.

Описанные выше фрагменты и детали фитильных ружейных замков из старой Ладоги, вероятнее всего, имеют западноевропейское происхождение, поскольку с конца XVI в. на территории Московского государства они не были широко распространены и быстро вытеснялись из обихода ударно-кремневыми [9, с.10; 26, с.22]. Мнение об иноземном происхождении большинства механизмов, аналогичных ладожскому, оснащавшихся спуском-стержнем, было высказано Л.К. Маковской. Однако она отмечала, что подобные изделия могли изготавливаться в отдельных случаях для заказного оружия мастерами Московской Оружейной палаты [26, с.22]. Крупные партии произведенных в Западной Европе фитильных мушкетов облегченной конструкции, в большинстве случаев с узкими прямоугольными замочными досками, стали поступать в войска Московского государства в основном с середины XVII в. Ими снабжались пехотные полки, а также арсеналы крепостей и монастырей [3, с.269–270; 21, с.179; 31, с.188–189; 26, с.8, 22; 27, с.344–345]. С середины 60-х гг. и до конца XVII в. в ладожской крепости находилось 129 таких мушкетов «с жаграми» целых и порченных [4, с.259, 261, 266, 274].

Напротив, в Западной Европе весь XVII в. (примерно до последней четверти этого столетия) мушкеты с фитильными замками оставались основным вооружением пехоты [31, с.189; 54, s.23; 56, s.18–19; 57, s.46; 2, с.323]. Множество экземпляров данного вида ручного огнестрельного оружия сохранилось в различных музейных собраниях. Несколько отдельных замков, весьма схожих с ладожской находкой, хранятся в арсенале замка Курбург (Италия), они были изготовлены в 1610–1620 гг. в г. Зуль (Германия) [60, s.390]. Одним из наиболее ранних мушкетов с фитильным замком, аналогичным ладожскому, с высокой замочной доской, является образец из Исторического музея г. Базель в Германии, датированный 1586 г. [54, s.20]. Более поздний экземпляр (1620–1680 гг.) известен в довоенной коллекции Германского Национального музея в Нюрнберге [50, tab. B.XXVI. b]. Образцы мушкетов конца XVI–XVII в., оснащенных подобными механизмами, были отмечены в собраниях Исторического музея г. Дрезден [62, s.30, taf.9, fig.25] и Военно-исторического музея в Вене (Австрия) (рис.6: 5) [52, s.186–187]. Несколько подобных экземпляров, датированных концом XVI – первой третью XVII вв., находятся в фондах Королевской Оружейной палаты (Livrustkammaren) в Стокгольме (Швеция) [48, pl.58–59]. Ручная пищаль с фитильным замком, весьма похожим на ладожскую находку, находится в собрании ВИМАИВ и ВС. По мнению Л.К. Маковской, это оружие было изготовлено в Москве мастерами Оружейной палаты в конце XVI в. [26, рис.48] (рис.6: 6). Недавно, при проведении археологических работ механизм аналогичной конструкции был найден в Москве [63]. Одними из наиболее интересных находок западноевропейского происхождения являются впервые выявленные в материалах Старой Ладоги детали ружейных колесцовых замков, найденные только на территории каменной крепости. В первую очередь это крупный курок размерами 80×75 мм. Изделие имеет плавно изогнутую ножку шириной 8–13 мм прямоугольного сечения с уступом в нижней трети и отверстием на конце, через которое ружейным винтом осуществлялось его крепление на замочной доске (САЭ-15 ГОТБ №51) (рис.3: 1)[9]. Верхняя часть ножки округлой формы шириной 30 мм и толщиной 5 мм с отверстием в центре. Эта деталь была выкована вместе с нижней губой курка, при этом верхняя губа была подвижной, эти детали соединялись прямым штифтом прямоугольного сечения через сквозное отверстие. Для закрепления в них пластины пирита или ружейного кремня предназначался винт с вытянутой граненой головкой с шарообразным навершием, в нижней

[9] Автор благодарит Н.В. Григорьеву за возможность работы с ранее не публиковавшимися находками.

части которой находится два рельефных валика. На верхней губе курка имеется плавно изогнутая вверх пластинчатая косица с завитком на конце. На внешней поверхности изделия сохранились еле заметные следы декора. По краю изделия читаются фрагменты гравированных параллельных линий. Судя по размерам, данная деталь, вероятнее всего, была составной частью колесцового замка аркебузы или карабина. Предмет был обнаружен в 2015 г. при раскопках в ладожской каменной крепости у Тайничной башни. Курок находился в сером мешаном слое перед безрастворной подпорной стенкой из известняковых плит, оформлявшей внутренний склон насыпи деревоземляных укреплений, сооруженных, вероятно, в начале XVII в. Судя по аналогиям, предмет можно, в общем, датировать последней третью XVI – первой половиной XVII вв. По письменным источникам известно, что ручного огнестрельного оружия с колесцовыми замками не было на вооружении ладожского гарнизона. Очевидно, данное оружие использовалось в ходе боевых действий Смутного времени.

Ружейный колесцовый замок был изобретен в начале XVI в. [54, s.39–50; 57, s.41; 26, с.14; 2, с.323], его принцип действия заключался в высекании искры на пороховую полку путем трения зажатого в губах курка пирита, реже кремня о быстро вращающееся колесико с насечками по краю, закрепленное под ним на замочной доске [54, s.37–38, abb. 33; 57, s.41–43] (рис.5: 2). Для взведения механизма требовалось повернуть ось колесика – винт с четырехгранной вытянутой головкой при помощи специального ключа [26, с.14, рис.6; 2, с.323]. Ручное огнестрельное оружие, оснащенное данными механизмами воспламенения заряда, массово использовалось в войсках, особенно в кавалерии. Во второй половине XVI–XVII вв. они чаще всего устанавливались на пистолеты, карабины и аркебузы [54, s.45, 52], реже на мушкеты [2, с.323].

Многочисленные образцы различных видов огнестрельного оружия, снабженные этими замками, сохранились в музейных собраниях России, Германии, Франции, Швеции и других стран. В первую очередь следует назвать экземпляры с курками, наиболее близкими ладожской находке, особенностью которой являются округлая верхняя часть с отверстием в центре, выкованная заодно с нижней губой. В собрании Королевской Оружейной палаты (Livrustkammaren) в Стокгольме есть несколько аркебуз, вероятнее всего, немецкой работы, с колесцовыми замками, датированные в пределах конца XVI – первой четверти XVII вв., на которых установлены аналогичные детали (рис.6: 7–8). Особенно интересен образец, относящийся к 1621 г., с комбинированным механизмом воспламенения заряда, на замочной доске которого укреплен дополнительный курок для фитиля [48, pl.54: *1*, 62, *4*, 64, *1*, 66: *1, 4*]. В фондах Государственного Эрмитажа также есть ряд экземпляров ручного огнестрельного оружия, снабженных аналогичными механизмами воспламенения заряда [43, таб. I, *7, 59*]. Они были изготовлены в Германии и датируются последней третью XVI – началом XVII в. В коллекции ВИМАИВ и ВС есть несколько мушкетов с колесцовыми замками, у которых курки схожи с ладожским. Они были изготовлены в Саксонии для гвардии курфюрста Христиана I, и относятся к концу XVI в. [15, с.178–179]. В Парижском музее армии также хранятся образцы огнестрельного оружия, снабженные подобными деталями, датированные рубежом XVI–XVII вв. [58, tab. 30]. В довоенном собрании замка Эттерсбург в Саксонии находилась легкая аркебуза, изготовленная в Нидерландах в 1630 г., имевшая курок, напоминающий ладожский [51, pl. VI, *10*]. Похожие детали, но меньших размеров устанавливались на замки пистолетов конца XVI в., изготовленных саксонскими оружейниками [58, s.37, tab. 54; 15, с.240]. У некоторых упомянутых выше образцов огнестрельного оружия на внешней поверхности курков заметен гравированный орнамент, растительный или геометрический.

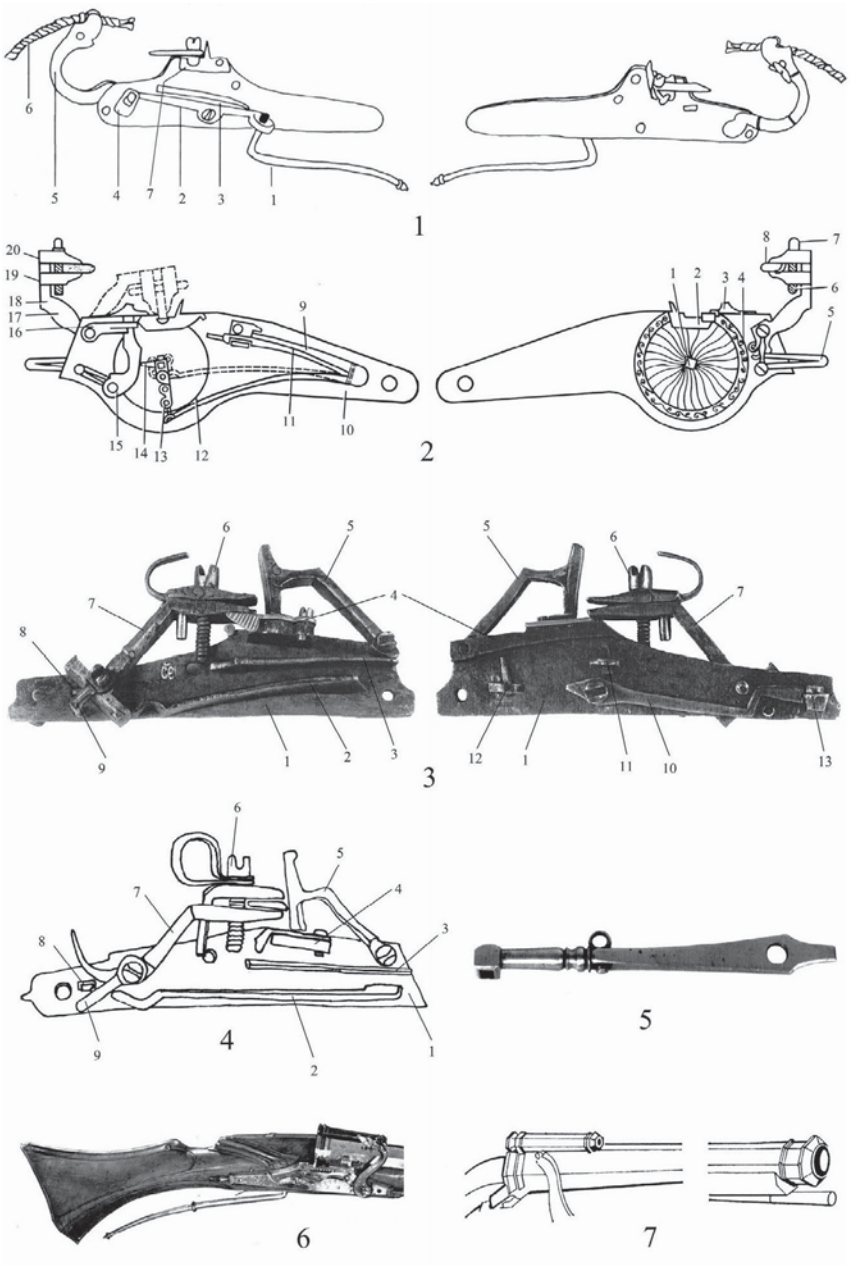


Рис. 5. Конструкции ружейных замков, прицельные приспособления. 1 – фитильный ружейный замок. Германия, 1610–1620 гг. [49, taf. II]. 1 – спусковой рычаг, 2 – спусковая тяга, 3 – пружина, 4 – серьга, 5 – курок, 6 – фитиль, 7 – пороховая полка; 2 – колесцовый ружейный замок, XVII в. [26, рис. 6]. 1 – ось колеса, 2 – пороховая полка, 3 – крышка пороховой полки, 4 – кожух колеса, 5 – курковая пружина, 6 – винт курка, 7 – головка куркового винта, 8 – пирит, 9– боевая пружина, 10 – замочная доска, 11 – переднее плечо спускового рычага, 12 – колесо, 13 – цепь, 14 – кулачек на оси колеса, 15 – рычажок крышки пороховой полки, 16 – пружинная защелка, 17 – ножка курка, 18 – курок, 19 – нижняя губа курка, 20 – верхняя губа курка; 3 – ударно-кремневый замок русского типа. Оружейная палата Троице-Сергиевой Лавры, конец XVI – первая четверть XVII вв. [26, рис.43]; 4 – схема конструкции ударно-кремневого замка карельского типа. Вторая половина XVII в. (ВИМАИВ и ВС № 1/888). 1 – замочная доска, 2 – боевая пружина, 3 – подогнивная пружина, 4 – пороховая полка с крышкой, 5 – огниво, 6 – винт курка, 7 – курок, 8 – шептало, 9 – курковая накладка, 10 – пружина шептала, 11 – ушко подогнивной пружины, 12 – ушко боевой пружины, 13 – спусковая тяга; 5 – ключ для взведения механизма колесцового замка. Западная Европа, вторая половина XVI–XVII вв. [15, с.261]; 6 – диоптрический прицел-трубка, установленный на казенной части мушкета. Франция или Нидерланды, около 1620 г. [57, s.62, abb. 31]; 7 – схема установки диоптрического прицела-трубки. Мушкет с фитильным замком, Франция или Нидерланды, около 1620 г. [57, s.45].

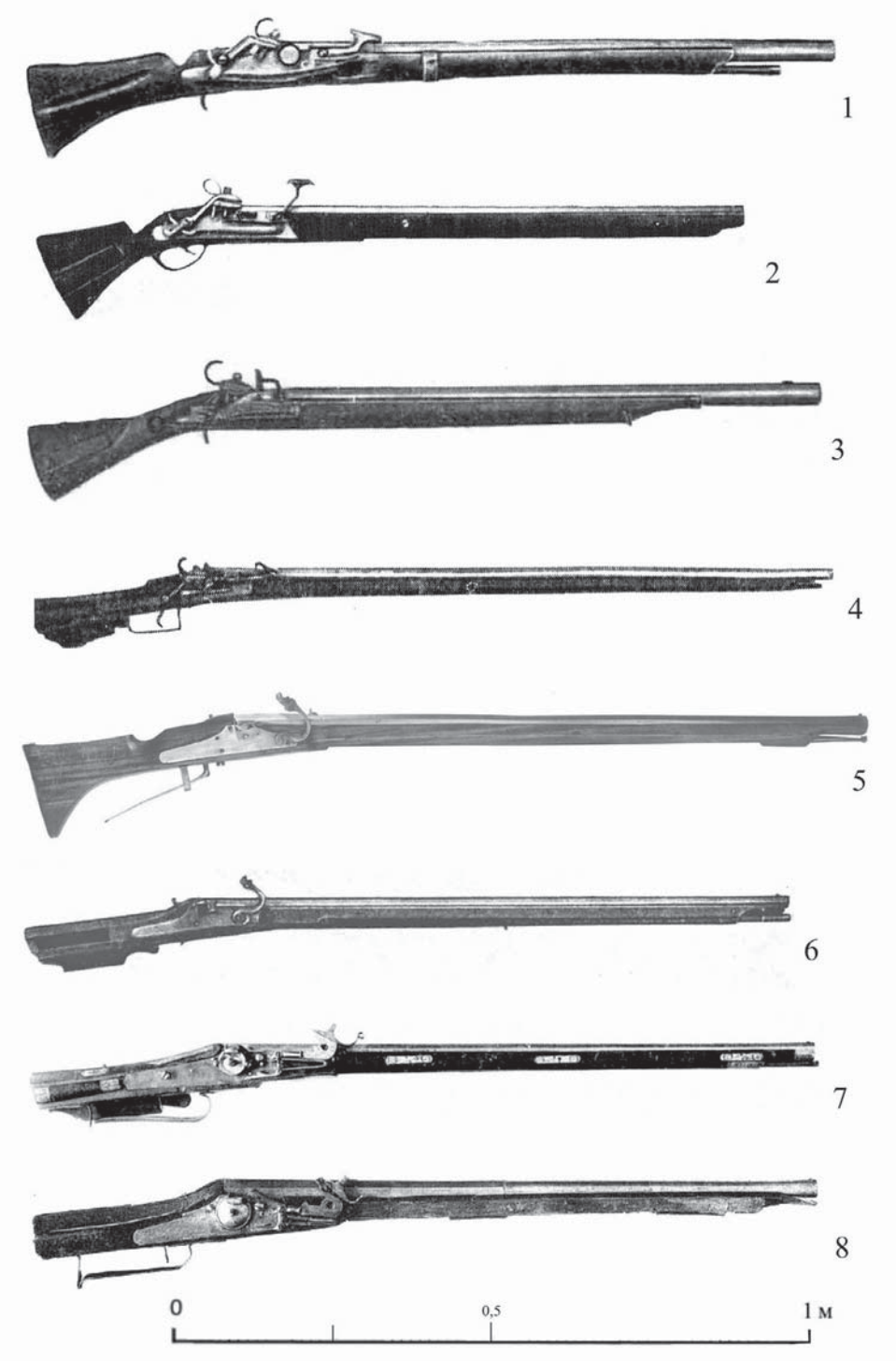


Рис. 6. Сохранившиеся образцы ручного огнестрельного оружия с ружейными замками различных типов. 1 – ручная пищаль, замок карельского типа. Первая треть XVII в. (ВИМАИВ и ВС №1 / 8) [26, рис.52]; 2 – карабин, замок карельского типа. Вторая половина XVII в. (ВИМАИВ и ВС № 1 / 888) [26, рис.108а]; 3 – ручная пищаль, замок русского типа, установлен вместо фитильного с боковым спуском-кнопкой. Первая четверть XVII в. (ВИМАИВ и ВС № 1 / 13) [26, рис.51]; 4 – ручная пищаль, замок русского типа. Середина XVII в. (ВИМАИВ и ВС №1 / 17) [26, рис.55а]; 5 – мушкет с фитильным замком. Вторая половина – конец XVI в. Германия, г. Зуль. Военно-исторический музей, Вена (Австрия) [52, s.187]; 6 – ручница с фитильным замком, Московская оружейная палата. Конец XVI в. (ВИМАИВ и ВС №1 / 882) [26, рис.48]; 7–8 – аркебузы с колесцовыми замками. Конец XVI – первая четверть XVII вв. Королевская Оружейная палата (Livrustkammaren), Стокгольм [48, pl. 64, 1; 66, 4].

С большой долей вероятности курок от колесцового замка, найденный в ладожской каменной крепости, можно отнести к работам германских мастеров.

В 2017 г. при раскопках в ладожской каменной крепости на участке юго-восточного прясла в верхнем мешаном слое был найден железный кожух для колеса ружейного замка (САЭ-17 ЮВП №87) (рис.3: 3). Деталь изготовлена из тонкого листа железа и имеет полусферическую форму, в центре есть квадратное отверстие для головки ружейного винта – оси замочного колеса. Находка сильно деформирована, согнута поперек, ее размеры 43×28×1,5 мм. Аналогичные кожухи для защиты замочного колеса можно увидеть как на сохранившихся экземплярах ручного огнестрельного оружия, так и на археологических находках из России [5, илл.230] и сопредельных государств [53, tab.37, *2*].

В ходе раскопок 2017 г. в верхнем мешаном слое на береговом склоне к реке Волхов в районе юго-восточного прясла каменной крепости также была найдена крышка пороховой полки колесцового замка (САЭ-17 ЮВП №85) (рис.3: 4). Изделие размерами 47×24 мм имеет продольное трапециевидное сечение высотой 9 мм с резким уступом в передней части. Деталь закреплена на подвижной слегка изогнутой ножке длиной 30 мм, верхняя часть которой вставлена в паз, расположенный на нижней плоскости крышки и закреплена поперечным штифтом. В средней части ножки имеется прямоугольный выступ, в который упирался край двуперой пружины, установленной ниже него, а на конце изделия расположено круглое отверстие, через которое деталь винтом крепилась к замочной доске. Крышка сдвигалась вперед в сторону курка вручную, а закрывалась автоматически при нажатии винта-кнопки, расположенного перед пороховой полкой [6, с.169, рис.2].

На территории Московского государства колесцовые замки были известны с конца XVI в. [45, с.409], однако не были популярны и широкого распространения не получили вплоть до 20–30-х гг. XVII в., когда пистолеты и карабины постепенно становятся основным оружием русской конницы [26, с.14, 43; 25, с.2–4]. Вследствие сложности механизма, а также обслуживания и ремонта так и не удалось организовать их производство, вероятно, сказывалось отсутствие большого количества мастеров необходимой квалификации. Для изготовления дорогих заказных экземпляров в московской Оружейной палате использовали импортные колесцовые замки [45, с.409]. Находки данных механизмов и их составных частей чрезвычайно редко встречаются при археологических раскопках на территории России. Фрагменты колесцовых ружейных замков, датированные второй половиной XVI – началом XVII вв., были найдены в Москве на Биржевой площади [6, с.167–171; 5, с.231, илл.230]. Предметы находились в качестве железного лома в подпольной части сруба на территории Китайгородского подворья Троице-Сергиева монастыря. Два курка от колесцовых ружейных замков и ось замочного колеса с граненой вытянутой головкой были найдены на территории Тушинского лагеря под Москвой [12, с.264, рис.10, *4–5*, рис.12, *9*]. Форма одного из курков весьма схожа с ладожской находкой, в его губах сохранился кремень или пирит, в верхней части данная деталь имеет изогнутую пластинчатую «косицу» с завитком на конце [12, рис.10, *5*]. Данные изделия датируются началом XVII в., однако, изготовлены они могли быть и раньше, во второй половине – последней трети XVI в.

В 2006 г. целый колесцовый замок, предположительно последней четверти XVI – начала XVII вв. был найден во время подводных археологических исследований остатков опор средневекового Великого моста через р. Волхов в Великом Новгороде[10]. На сопредельных территориях также имеются находки подобных механизмов

[10] Автор выражает глубокую благодарность А.В. и М.А. Степановым за предоставленную информацию.

и их деталей. На территории Латвии они были обнаружены при раскопках в замках Турайда [53, tab. 37, *2*] и Селпилс [61, att. 77, *6–7*], датируются в основном второй половиной XVI–XVII вв. При исследовании западного корпуса замка Цесис (Венден) был найден целый пистолет германского производства последней трети XVI в. с колесцовым замком [47, l. 139, att. 10–11].

При раскопках 2014 г. в ладожской каменной крепости к югу от церкви Св. Георгия у Раскатной башни был обнаружен ключ для взведения колесцового ружейного замка (СЛМ НВФ–2748) (рис.3: 5). Размеры его 152×17 мм, предмет имеет вытянутую, немного изогнутую рукоять с кубовидным навершием, в котором было сделано квадратное сквозное отверстие для граненой головки оси колеса. Противоположный конец предмета обломан, по аналогам можно предполагать, что там находилась уплощенная рабочая часть шлицевой отвертки для разборки и обслуживания дорогого и сложного механизма, которым являлся колесцовый замок. В центре ключа сохранилось небольшое отверстие с вставленным в него штифтом, расклепанным на нижней части изделия. На его противоположном конце располагалось несохранившееся обломанное кольцо, в которое продевали кожаный или тканевый шнур для подвески инструмента на пояс, шею или руку бойца во избежание его потери во время боя. Два аналогичных ключа, относящиеся к концу XVI в. (1596–1597 гг.), были найдены на месте зимовки экспедиции Виллема Баренца [42, таб. IX, *2*, XVIII: 1]. Приспособления для взведения колесцовых замков были обнаружены при раскопках в крепостях Ивангород, Орешек[11] и Копорье[12]. Подобные изделия находятся в коллекции ВИМАИВ и ВС [15, с.261] (рис.5: 5). Ладожская находка может быть датирована концом XVI – началом XVII вв. и, скорее всего, была утрачена во время боевых действий Смутного времени.

Интересными находками, ранее не отмечавшимися в отечественной археологической литературе, являются диоптрические прицелы для ручного огнестрельного оружия. Они представляют собой цилиндрические или конические трубки, литые из медного сплава, закрепляемые на верхней плоскости ружейного ствола у его казенной части (рис.5: 7). Для монтажа применялся способ «ласточкин хвост», использовавшийся при установке на ружейные стволы XVI–XVII вв. ушек, пороховых полок и прицельных приспособлений [9, с.10]. При раскопках в каменной крепости и на Земляном городище Старой Ладоги было обнаружено три таких находки, на которых заметны следы ударов инструментами – свидетельства их демонтажа со стволов. Надо отметить, что на поверхности всех находок есть явные следы обработки напильником, при помощи него также формировали длинные выступы трапециевидного сечения – шипы для монтажа. Одно изделие, найденное при раскопках Н.Е. Бранденбурга в ладожской каменной крепости, сохранилось полностью (ГЭ 888–130) (рис.3: 7). Его длина 155 мм, диаметр 13 мм, трубка имеет слегка коническую форму, ее конец, направленный в сторону дульного среза, украшен рельефным пояском прямоугольного сечения и тремя уступами по бокам от него. У противоположного края в верхней стенке прицела имеется отверстие диаметром 3 мм. В нижней части изделия расположен выступ трапециевидного сечения длиной 53 мм. Фрагмент аналогичной трубки диаметром 12 мм был обнаружен при раскопках юго-восточного прясла крепости к югу от Тайничной башни в 2008 г. (САЭ–2008 К–13)

[11] Предметы находятся в фондах ГМИ СПб. Фрагмент ключа из крепости Орешек, раскопки А.Н. Кирпичникова в 1969 г., О-69/№ 1804; ключ из Ивангорода, раскопки В.П. Петренко в 1987 г., ИАЭ-87/№ 132.

[12] ФО НА ИИМК РАН, О. 2852–32.

(рис.3: 8). Она сохранилась на длину 79 мм, ее край обломан, края слома смяты, изделие не орнаментировано. В его боковой стенке у края, обращенного к казенной части ствола, есть отверстие диаметром 3 мм. Третий фрагмент прицела, обнаруженный на Земляном городище в 1949 г. аналогичен предыдущей находке, его размеры 61×12 мм (ГЭ Ла–750) (рис.3: 6). У обеих вышеописанных находок в нижней части имеются длинные выступы трапециевидного сечения – шипы для монтажа длиной 43 и 55 мм соответственно. Примечательно, что на Земляном городище фрагмент прицела был обнаружен внутри остатков сгоревшей деревянной срубной постройки, при разборке развала печи из кирпичей и камней в ее углу (Кв. HXI-OXI, гл. +38–+2 выше R). Данное сооружение относится к горизонту В и по нумизматическим находкам и сопроводительному материалу датируется концом XVI – началом XVII вв. С большой долей вероятности диоптрические прицелы, найденные при раскопках в Старой Ладоге, можно отнести к изделиям западноевропейских мастеров.

Описанные выше прицельные приспособления, изготовленные из медного сплава или железа, в Западной Европе устанавливались на казенные части ружейных стволов, по всей видимости, с начала XVI в. [55, s.54], однако основное время их распространения – это вторая половина XVI–XVII в. [57, s.45]. Ими оснащались аркебузы [50, tab. B. XVII a; 54, abb. 16], петриналы (легкие ружья с плавно загнутым вниз прикладом) [41, с.46, кат. 83], а также мушкеты [62, s.30, taf. 9, fig. 26; 50, tab. B. XX e; 54, abb. 136; 55, abb. 76, 80–81; 57, s. 45, abb. 31] (рис.5: 6). Известны экземпляры тяжелых крепостных ружей с такими прицелами [55, abb. 72]. Большинство данных деталей имели гладкую поверхность, однако, некоторые были украшены рельефными поясками, как находка из ладожской каменной крепости, существовали также богато украшенные экземпляры на парадном оружии [54, abb. 20]. Стоит отметить, что установка диоптрических прицелов–трубок в Западной Европе не была массовым явлением. На территории Московского государства данные приспособления для улучшения точности боя также были известны; в арсенале Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в. хранилось 36 единиц ручного огнестрельного оружия, снабженных медными прицелами–трубками [21, с.177].

Во время раскопок в Старой Ладоге было найдено пять ружейных винтов и их фрагментов (ГЭ 1358-4, САЭ–17 ТБ №191, САЭ–17 ТБ №403, САЭ–17 ЮВП №159, САЭ–18 ЮВП №253) (рис.3: 9–11, 13–14). Три изделия были найдены в верхних мешаных напластованиях, два экземпляра предварительно можно датировать в пределах первой половины XVII в. Длина их составляет от 34 до 78 мм, ширина в верхней части 7–17 мм. На четырех изделиях шляпки округлые грибовидные, а на одном она имеет цилиндрическую форму, все с прямыми шлицами. Стержни винтов диаметром 5–7 мм преимущественно имеют круглое сечение, однако, на двух экземплярах участки с резьбой несколько уплощены по бокам. Резьба обычно наносилась на нижнюю половину или треть детали. Массивный короткий винт (рис.3: 13), скорее всего, использовался для закрепления ружейного кремня в губках курка, четыре других экземпляра были длинными и применялись для закрепления в деревянной ложе ружейных и пистолетных стволов через отверстие в хвостовике, а также для монтажа ружейных замков различных систем (рис.3: 9–11, 14) [30, с.231, рис.4, *III*, 26, с.31–32, рис. 2, 23]. Аналогичные изделия XVII в. были найдены в Кирилло-Белозерском монастыре [19, листы 28, 62], а также в Туле [17, с.394] и Мангазее [1, таб. 69, *3*]. Более ранние образцы обнаружены в Москве и крепости Орешек [29, с.229–230, рис.2, *6–7*].

К деталям ручного огнестрельного оружия также относятся изделия, которые можно интерпретировать как спусковые скобы. Они устанавливались в нижней

части ружейного ложа под спусковым стержнем или крючком. В Старой Ладоге подобные предметы представлены одним целым экземпляром и одним фрагментом. Деталь, сохранившаяся полностью, была найдена в 1948 г. при раскопках на Земляном городище при исследовании экспедицией В.И. Равдоникаса остатков построек горизонта В. Она изготовлена из узкой железной пластины и имеет прямоугольные очертания, размеры предмета 200×60 мм (ГЭ СЛ–1364) (рис.4: 1). Один конец изделия вертикальный и завершается округлой площадкой с отверстием, в котором сохранился фрагмент крепежного гвоздя, противоположный конец низкий, его верхняя часть изогнута под прямым углом. В центре скобы декор в виде розетки с чеканным орнаментом и четырьмя выступами по бокам. Данная находка была обнаружена чуть выше остатков пола сгоревшей постройки (кв. OVII. Гл. -0,40 – -0,60 м от поверхности дерна), на котором был найден золотой голландский дукат чеканки 1603–1607 гг. [10, с.140]. Вероятнее всего, описанную выше деталь можно датировать концом XVI – началом XVII вв.

От второй скобы сохранился небольшой фрагмент размерами 70×55 мм, обломанный с обоих концов (ГЭ 13–45) (рис.3: 2). Предмет изготовлен из узкой железной пластины, на одной из сторон которой сохранилась часть глубокого плавного изгиба. Подобные изделия, нижняя часть которых выполнена в виде волнообразных изгибов, найдены при раскопках в Мангазее [7, рис.90, *11–12*], а также на территории Тушинского лагеря под Москвой [12, с.264, рис.12, *1–3*; 13, с.17, рис.14, 94, 97, 97а].

Спусковые скобы, подобные ладожским находкам, встречаются на сохранившихся экземплярах ручного огнестрельного оружия русского и иностранного производства, чаще всего имеющих приклад сложного профиля немецкого типа, хотя встречаются и иные варианты [9, рис.33, 35; 54, abb. 52, 68–69, 106–109; 43, таб. I: *22–23, 33, 41, 53–55*]. Датируются они в основном второй половиной XVI–XVII вв.

Отдельно стоит упомянуть найденные при раскопках на Земляном городище и в ладожской каменной крепости костяные и роговые накладки на ложи ручного огнестрельного оружия. Они украшены гравированным растительным, геометрическим и антропоморфным орнаментом. Костяными элементами чаще всего были украшены ложа пистолетов, карабинов и аркебуз с колесцовыми замками, а также парадное оружие, реже они встречались на боевых мушкетах. В Ладоге встречено два типа накладок: пластинчатые и полукруглого сечения. Первые устанавливались на боковые части ружейных и пистолетных лож [15, с.228, 230–231, 239–240] (рис.4: 14–17; 6: 7), вторые украшали край ложи непосредственно под дульным срезом ствола [15, с.178–179, 235–240] (рис.4: 11–13). Большая часть изделий из Ладоги имеет иностранное, скорее всего германское происхождение. Данная тема нуждается в дополнительных исследованиях и будет освещена в отдельной публикации.

Кроме деталей ручного огнестрельного оружия в Старой Ладоге было найдено немало приспособлений для его ремонта, чистки и обслуживания. Это ружейные отвертки-кресала, насадки на шомпола двух видов: втульчатые и черешковые с резьбой на основании [29, с.232–233, рис.4, *4–6*]. Для отливки пуль бойцами ладожского гарнизона и солдатами иностранных военных контингентов использовались пулелейки из железа и медного сплава [29, с.233, рис.2, 9, *11–12*].

В заключении стоит отметить весьма высокую насыщенность культурных напластований Старой Ладоги деталями и фрагментами ручного огнестрельного вооружения и иного военного снаряжения. Данное обстоятельство напрямую связано с напряженной военной обстановкой и активными боевыми действиями, которые велись здесь в начале XVII в. в период Смуты. Показательно, что часть этих находок можно точно привязать к горизонту В и соотнести с сожженными постройками,

исследованными В.И. Равдоникасом и А.Н. Кирпичниковым. По всей видимости, пожар, уничтоживший эти сооружения, предварительно можно определить временем 1611 г., когда, по свидетельствам письменных источников, деревянная застройка каменной крепости и Земляного городища сильно пострадала в результате обстрела их калеными ядрами [14, с.138; 40, с.230]. Таким образом, описанный выше комплекс находок весьма полно отражает комплекс огнестрельного вооружения русских войск, иностранных наемников и шведских солдат, находившихся на территории Ладоги в конце XVI–XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Часть II. М.: Наука, 1981. – 152 с.
2. *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. – 576 с.
3. *Богоявленский С.К.* Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. Т. 4. М.: Издательство АН СССР, 1938. – С. 258–283.
4. *Бранденбург Н.Е.* Старая Ладога. СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1896. – 323 с.
5. *Векслер А.Г.* Москва. Раскопки на Великом посаде. Улица Ильинка, Биржевая площадь, Старый Гостиный двор. Материалы исследований. М.: ООО ТМ Продакшн, 2015. – 456 с.
6. *Векслер А.Г., Двуреченский О.В.* Комплекс вещей из сооружения первой половины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.: ООО ПКФ Аллана, 2000. – С. 166–181.
7. *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург–Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.
8. *Гоняный М.И., Гриценко В.П., Двуреченский О.В.* Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из казачьих слобод Епифанского уезда // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М.: Русская панорама, 2011. – С. 32–57.
9. *Гордеев Н.В.* Русское огнестрельное оружие. Мастера-оружейники Оружейной палаты XVII в. // Государева Оружейная палата Московского кремля. М.: Искусство, 1954. – С. 1–58.
10. *Гроздилов Г.П.* Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // Советская археология. Вып. XIV. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. – С. 139–169.
11. *Гроздилов Г.П., Третьяков П.Н.* Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н.И. Репниковым в 1909–1913 гг. // Старая Ладога. Отв. редактор В.И. Равдоникас. Л.: 21-я типография им. Ивана Федорова, 1948. – С. 71–107.
12. *Двуреченский О.В.* Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2007. – С. 254–276.
13. *Двуреченский О.В.* Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН, 2018. – 196 с.
14. *Делавиль П.* Краткое рассуждение о том, что произошло в Московии, со времен царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского. Сочинение Пьера Делавиля де Домбаля. Пер. С.А. Мезина, коммент. Я.Н. Рабиновича // Историографический сборник. Вып. 23. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2008. – С. 124–139.
15. *Ефимов С.В., Рымша С.С.* Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Книга II. СПб.: Атлант, 2009. – 384 с.
16. *Заидов О.Н., Гуркин А.* Позднесредневековый город Гремячий и его округа // Позднесредневековый город: археология и история. Материалы Всероссийского семинара18–20 ноября 2005 г. В 2-х частях. Часть 2. Изучение позднесредневековых городов России. Тула:

Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2007. – С. 66–77.
17. *Зацаринный С.В.* Ружейные отвертки-огнива XVII века из культурного слоя Тульского кремля (к вопросу о типологии и хронологии части позднесредневековых кресал) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018. – С. 388–398.
18. *Иванова И.В., Иванова Н.Ю.* Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // Археологические вести. Вып. 18. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. – С. 124–144.
19. *Кирпичников А.Н.* Рисунки находок оружия в Оружейной палате и остроге Кирилло-Белозерского монастыря в 1971 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. № 146. 1971.
20. *Кирпичников А.Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. Л.: Наука, 1979. – С. 471–499.
21. *Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н.* Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XIV–XVIII веках // МИА. Вып. 77. М.: Издательство АН СССР, 1958. – С. 143–247.
22. *Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н.* Великая Государева крепость. Л.: Художник РСФСР, 1972. – 253 с.
23. *Кирпичников А.Н., Сорокин П.Е.* Исследования староладожского «Земляного городища» в 2000 г. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: АО Бизнес-Элита, 2002. – С. 151–158.
24. *Косинский М.Ф.* Оружие и огнестрельные припасы // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1951 г. – С. 93–96.
25. *Курбатов О.А.* «Оружность» русской конницы. 1630-е – начало 1650-х гг. // Цейхгауз: Российский военно-исторический журнал. № 23. М.: Издательство Цейхгауз, 2006. – С. 2–4.
26. *Маковская Л.К.* Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII в. Определитель. М.: Военное издательство, 1992. – 200 с.
27. *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. – 624 с.
28. *Меньшиков М.Ю., Янишевский Б.Е., Балашов А.Ю.* Предметы вооружения из раскопок Можайска // Военная археология. Сборник материалов проблемного совета при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М.: Русская панорама, 2011. – С. 221–239.
29. *Миляев П.А.* Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV–XVI в. из Старой Ладоги и крепости Орешек в свете восточно – и западноевропейских аналогий // Археологические вести. Вып. 24. СПб.: Издательство ИИМК РАН, 2018. – С. 218–238.
30. *Мышковский Е.В.* Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV–XVI вв. // Советская археология. № 1. М.: Издательство АН СССР, 1961. – С. 225–235.
31. *Мышковский Е.В.* Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. № 4. М.: Издательство АН СССР, 1965. – С. 186–198.
32. *Равдоникас В.И., Лаушкин К.Д.* Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 г. // Скандинавский сборник IV. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1959. – С. 23–44.
33. *Репников Н.И.* Раскопки в городище Старой Ладоги. Отчет о работах 1909–1913 гг. // Старая Ладога. Отв. редактор В.И. Равдоникас. Л.: 21-я типография им. Ивана Федорова, 1948. – С. 11–69.
34. *Рыбаков Б.А.* Металлические вещи, найденные на Метрострое // По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л.М. Кагановича. Архивно-исторические и археологические работы Академии в 1934 г. Л.: ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение, 1936. – С. 152–155.
35. *Рябинин Е.А.* Снаряжение верхового коня из Старой Ладоги (к истории русско-западноевропейских связей в московскую эпоху) // Памятники старины. Концепции, открытия, версии. Том II. СПб. – Псков: ИИМК РАН и др. – С. 214–221.

36. *Салмин С.А*. Навершие шестопера из раскопок в Пскове в 2005 году // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы LIII заседания. Псков: ГП ПО Дом печати, 2008. – С. 52–56.
37. *Салмин С.А*. Огнестрельное оружие из Петровских раскопов1980–2009 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. № 56. Москва; Псков: ГП ПО Псковская областная типография, 2011. – С. 28–34.
38. *Свєшніков І.К*. Битва під Берестечком. Львів: Слово, 1992. – 304 с.
39. *Селин А.А*. О времени строительства Земляного города в Ладоге // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том II. М.: Ломоносов, 2010. – С. 334–349.
40. *Селин А.А, Ганкарсон Я*. Новый документ о взятии Ладоги Иваном Салтыковым. Староладожский сборник. Вып. 9. СПб.: Нестор–История, 2012. – С. 223–232.
41. Старинное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. Общая научная редакция М.Б. Пиотровский. Редактор каталога О.А. Федосеенко. СПб.: АО Славия, 2011. – 131 с.
42. *Старков В.Ф., Державин В.Л*. Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). М.: Научный мир, 2003. – 212 с.
43. *Тарасюк Л.И*. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Европа и Северная Америка. Ленинград: Искусство, 1971. – 223 с.
44. *Телегін Д.Я., Винокур І.С., Титова О.М., Свєшніков І.К*. Археологія доби українського козацтва XVI–XVIII ст. Навчальний посібник. Київ: ВІПОЛ, 1997. – 336 с.
45. *Чубинский А.Н*. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI – начала XVIII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 года. Часть IV. СПб.: ВИМАИВ и ВС, 2014. – С. 405–428.
46. *Atgāzis M*. Pētījumi Alūksnes pilī // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1980./1981. gada pētījumu rezultātiem. Riga: Zinātne, 1982. – L. 28–33.
47. *Barišņikovs K*. Liecības par ugunsieroču izmantošanu Cēsu pilī 15.–16. gadsimtā // Cēsu pils raksti I: arheoloģija, arhitektūra, vesture. Cēsīs: Cēsu pils saglabāšanas fonds, 2017. – L. 129–141.
48. *Cederström R., Malmborg G*. Den äldre Livrustkammaren 1654. Stockholm: A.–B. Nordiska Bokhandeln, 1930. – 41 s.
49. *Dittrich R*. Die Die Entwicklung der Handfeuerwaffe – ein Überblick // Von alten Handfeuerwaffen. Entwicklung, Technik, Leistung. № 12. Graz: Sonderausstellung im Landeszeughaus, 1989. – S. 7–25.
50. *Essenwein A. von*. Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Facsimilierte Nachbildungen alter Originalzeichnungen, Miniaturen, Holzschnitte und Kupferstiche, nebst Aufnahmen alter Originalwaffen und Modelle. In vier Lieferungen. Leipzig: Herausgegeben vom Germanischen Museum, 1877. – 65 s.
51. *Fischer Th., Kahlert E*. Grossherzoglich sächsische Gewehrsammlung. Schloss Ettersburg. Zürich: Ausgeführt durch Art. Institut Orell Füssli, 1927. – 45 s.
52. *Gabriel E*. Die Hand-und Faustfeuerwaffen der habsburgischen Heere. Wien: Österreichischer Bundesverlag, Gesellschaft m.b.H., 1990. – 184 s.
53. *Graudonis J*. Turaidas pils II. Atradumi. Turaida: Turaidas muzejrezervāts, 2003. – 32 lpp, 80 tab.
54. *Hoff A*. Feuerwaffen. T. I. Klinkhardt & Biermann. Braunschweig. 1969a. – 421 s.
55. *Hoff A*. Feuerwaffen. T. II. Klinkhardt & Biermann. Braunschweig. 1969b. – 336 s.
56. *Lugs J*. Handfeuerwaffen. Systematischer Überblick über die Handfeuerwaffen und ihre Geschichte. Band I. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1977. – 876 s.
57. *Müller H*. Gewehre, Pistolen, Revolver. Hand-und Faustfeuerwaffen vom 14. bis 19. Jahrhundert. Leipzig: Union Druckerei (VOB), 1979. – 231 s.
58. *Reverseau Jean-Pierre*. Musee de l'Armee Paris. Les armes et la vie. Paris, Barcelone, Lausanne, Londres, Milan, Montreal, New York, Stuttgart: Dargaud Éditeur, 1982. – 72 s.

59. Russian Arms and Armour. Edited by Y. Miller. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1982. – 207 p.
60. *Scalini M., Wackernagel R.H., Eaves I.* L`Armeria Trapp di Castel Coira (Die Churburger Rüstkammer). Udine: Magnus Edizoni SpA, 1996. – 406 s.
61. *Šnore E., Zariņa A.* Senā Sēlpils. Rīga: Izdevniecība Zinatne, 1980. – 236 lpp.
62. *Schön J.* Geschichte der Handfeuerwaffen. Eine Darstellung des Entwicklungsganges von ihrem Entstehen bis auf die Neuzeit. Dresden: Verlagsbuchhandlung von Rudolf Kuntze, 1858. – 214 s.
63. РИА-Новости. [Электронный ресурс]: https://realty.ria.ru/urban/20170816/408843741.html (дата обращения 02.05.2018).

ИИМК РАН,
г. Санкт-Петербург

P.A. Milyaev

Parts of Hand Fire Armament of the End of the XVI–XVII Centuries from Staraya Ladoga

The article reviews parts of hand firearms of the end of the XVI–XVII centuries found in Staraya Ladoga such as parts of gun barrels, flintlock mechanisms, matchlocks, wheel locks and their parts as well as gun screws, trigger guards, dioptrical sights. Most items were lost in the beginning of the XVII century. For the first time ever parts of West European firearms were identified as a result of presence of Swedish soldiers and mercenaries of Jacob Pontusson De la Gardie corps in the town. Analysis of archaeological materials was compared to written sources concerning armament of Ladoga garrison in the XVII century.

Keywords: *Time of Troubles, military affairs of Grand Duchy of Moscow, Staraya Ladoga, hand firearms, gun locks.*

УДК 903.24: 685.34 (470.331) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.472-486

Т.Н. АРТЕМИЧЕВА

НАХОДКИ ДЕТАЛЕЙ ОБУВИ ИЗ РАСКОПОК 2012 Г. В Г. БЕЖЕЦКЕ

Статья посвящена описанию коллекции деталей обуви, полученной из раскопок на территории бывшего посада г. Бежецка, по ул. Кашинская, д. 4. Описание коллекции построено на основании анализа конструктивной схемы обувных изделий и ее изменений в различные исторические периоды. Помимо деталей кожаной обуви в статье приводится описание сопутствующих обувному ремеслу изделий, которые были получены в результате проведенных спасательных археологических работ, а также многочисленной коллекции лаптей.
Ключевые слова: *Тверская область, Бежецк, коллекция обуви, раскоп, ул. Кашинская, д. 4, детали кожаной обуви, конструктивная схема обувных изделий, обувные подковки, лапти.*

В 2012 г. экспедицией ТНИИР-Центра были проведены спасательные археологические работы на территории бывшего посада г. Бежецка, по ул. Кашинская, д. 4, на участке рва крепости Городецко (Бежецка) XVII в.

В результате раскопок была получена коллекция обуви и деталей обуви из различных материалов (кожи, бересты, дерева) хорошей сохранности, чему способствовало наличие влагонасыщенного культурного слоя на исследованном участке. Большинство находок встречено в слое и комплексах XVIII–XIX вв. или в поздней части заполнения оборонительного рва (засыпка которого производилась в 30-е гг. XVIII в. слоем, срезанным с прилегающих участков, в результате чего слои и материал из них были переотложены). Находки в большинстве случаев были датированы по аналогиям с материалами опубликованных коллекций кожаных изделий из раскопок Твери, Москвы, Новгорода, Пскова, Переяславля Рязанского и Мангазеи.

Всего коллекция деталей кожаной обуви из раскопа насчитывает 126 экземпляров, представленных: голенищем сапог – 1 экземпляр, головками сапог – 51 экземпляр (из них с поднарядом – 13), подошвами сапог или туфель – 36 экземпляров, наборными каблуками сапог – 21 экземпляр, обрывками кожи – 5 экземпляров.

Морфологическое описание коллекции построено с учетом конструктивной классификации, согласно которой конструктивная схема выглядит так:

1. детали верха (голенище, головка);
2. детали низа (подошва, каблук);
3. дополнительные детали (поднаряд, стелька, рант, супинатор, подметка).

В коллекции представлены детали, принадлежащие обуви жестких форм двух разновидностей: сапоги и туфли. Большинство деталей принадлежит именно сапогам, на подавляющем большинстве головок на верхнем срезе отмечены следы от тачного шва.

Голенища сапог

Встречен один экземпляр в коллекции (0,8% от общего числа деталей) похожий по форме на часть голенища (?). Поверхность фрагмента со стороны мереи покрыта тиснением. По одному краю проходит ряд отверстий от тачного шва, расположены часто (расстояние между ними – 5 мм, диаметр отверстия – 2 мм), оставшиеся края оборваны (размеры фрагмента: 23,5×11,5 см, толщина – 2 мм) (рис.1: 3). Тиснение как прием декорирования поверхности кожаного изделия получает широкое распространение с XVI в. [1, с.43].

Сапожные головки

В коллекции насчитывается 51 головка, что составляет 40,5% от общего числа деталей.

Крой. Наиболее ранний экземпляр головки, выкроенный с округлой формой носка, с вогнутым обрезом верха и короткими скошенными боковинами, встречен в переотложенном состоянии в засыпке рва (рис.1: 1). По нижнему краю детали проходит ряд отверстий от выворотного шва, по верхнему обрезу и на боковинах отверстия от тачного шва (размеры фрагмента 17,0×14,0 см, толщина – 2 мм). Деталь выкроена из кожи мелкого рогатого скота. Кожа продублена равномерно, расслоений нет. По конструктивным особенностям (короткие скошенные боковины) и аналогиям с московскими материалами данная деталь может быть отнесена к раннему периоду и датирована второй половиной XIII – концом XIV вв. [2, с.334].

Еще один экземпляр головки встречен в заполнении материковой ямы начала XX в. (рис.1: 4). Головка имеет заостренную форму носа, верхний обрез – вогнутой формы с подпрямоугольным выступом (язычком) в средней части и скошенные боковины. Есть поднаряд, полностью повторяющий ее форму. Для раскройки использована кожа мелкого рогатого скота толщиной 2 мм. Размеры детали: длина – 21 см, ширина – 18,0 см. Кожа продублена равномерно, расслоений нет, имеет темно-коричневый цвет внешней и внутренней поверхности. Развитый язычок, распространенный у современных моделей, также является технологическим приемом, существенно снижающим нагрузку на шов. В средневековье этот способ раскроя был освоен слабо, массовое производство такой обуви начинается лишь в XVIII в. [2, с.335].

Также встречена форма головки с закругленным носком и прямым верхним срезом, всего 8 экземпляров. По форме носка и на основании аналогий они относятся к находкам рубежа XVI–XVII вв. (рис.1: 2).

В изученной коллекции наибольшее число головок – с округлым или слабо заостренным носком и удлиненными крыльями. Удлиненные крылья являются своеобразным хроноиндикатором, который указывает на усложнение технологии и дальнейшее развитие обувной конструкции (рис.2: 1-3). Такая конструкция позволила разнести швы верха и подкладки, что повышало гидроизоляцию обуви [1, с.42]. Они распространяются на рубеже XVI–XVII вв. Всего головок подобной формы встречено 37 экземпляров. Высота головок в носочной части составляла 16-20 см (головка покрывала всю тыльную часть стопы)[1]. На изготовление головок шла, в основном, шкура крупного и мелкого рогатого скота, толщина которой не превышала 2,0-2,5 мм.

Швы. На изученных экземплярах основным способом соединения головки с подошвой был выворотный шов, при использовании которого край головки подогнут внутрь. На некоторых из них отмечены следы починок, когда вдоль носочной части проходит несколько рядов отверстий от швов. Из-за растягивания кожи отверстия имеют подовальную форму, размеры до 2 мм, расстояния между ними – 2-3 мм. Для соединения верхней части с голенищем и задником использовался тачной шов (отверстия имеют округлую форму, диаметр – 1,0-1,2 мм). На одном экземпляре головки в носочной части отмечено аккуратно вырезанное отверстие прямоугольной формы, размерами 1,3×3,2 см. По периметру проходит ряд отверстий от сквозного шва – следы от стоявшей на этом месте заплатки (рис.8: 1).

Декор. Среди головок в коллекции встречен 1 экземпляр с гофрированием или линованием на подъеме стопы и стяжкой со стороны бахтармы (рис.3: 1). Всего

[1] У 4 фрагментов определить форму носка и верхнего среза не представляется возможным ввиду сильных утрат.

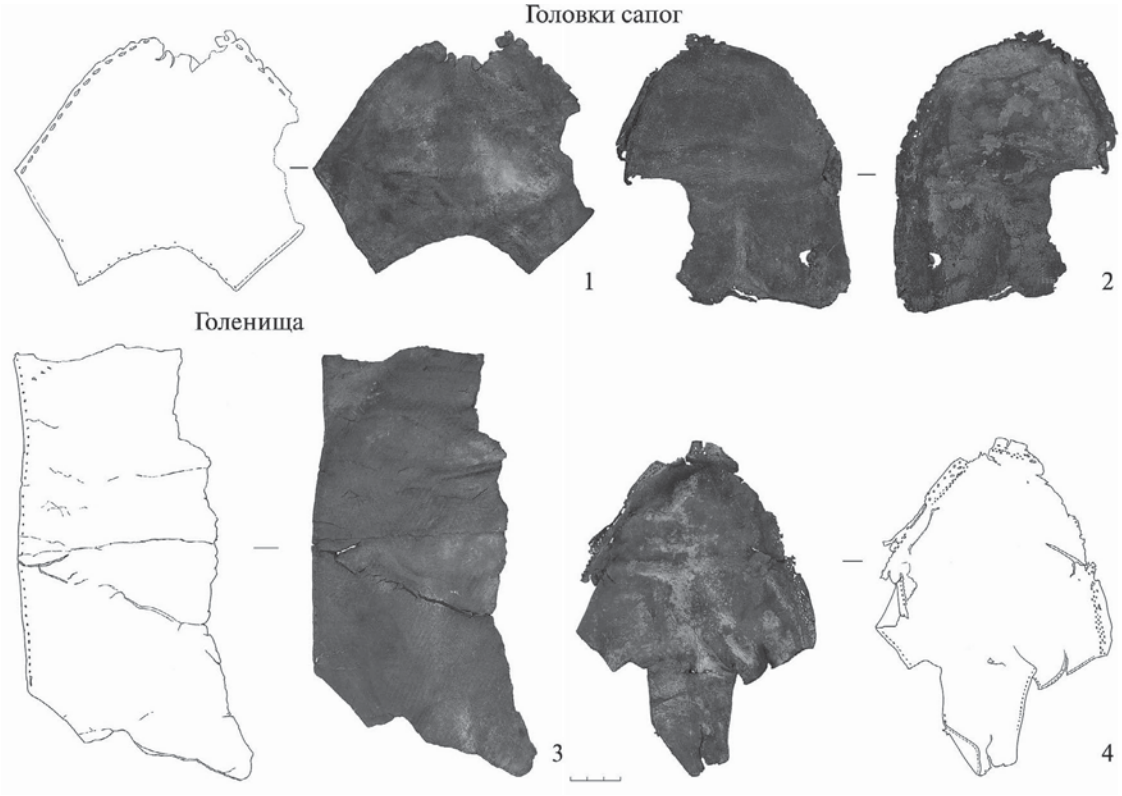


Рис. 1. Находки деталей кожаной обуви из раскопок на территории Бежецка по ул. Кашинской, д. 4: 1, 2, 4 – головки сапог; 3 – голенище сапога (?).

на нем насчитывается 29 горизонтальных линий, нанесенных горячим предметом со стороны мереи и 29 отверстий от сквозного шва в один ряд по центру головки. Расстояние между линиями 0,3-0,4 см. Нижний обрез оборван, однако, есть вероятность, что головка имела треугольный вырез под загибающийся носок подошвы. На швы в этом случае шла сильная нагрузка, поэтому гофрирование кожи препятствовало образованию грубых складок на подъеме стопы и снимало нагрузку со швов [2, с.338]. Подобные способы декорирования поверхности деталей обуви встречены среди московских материалов из слоя второй половины XV–XVI вв. [1, с.43].

Детали низа

Сапожные подошвы. Всего в коллекции встречено 36 экземпляров подошв (28,6% от общего числа деталей).

У 24 экземпляров отмечен закругленный или заостренный носок, хорошо выделенный геленок (перейма) и округлая пятка (рис.3: 2-4; 5: 3). С верхом такие подошвы крепились при помощи потайного шва. Судя по тому, что шов расположен далеко от края и длина стежка увеличена, данные детали относятся к периоду с начала XVI в., широкое применение подобных форм раскройки подошвы происходит в XVI–XVII вв. У 1 экземпляра (рис.3: 5) в пяточной части к подошве крепится наборный каблук из 6 кожаных пластин (фликов) (пластины прошиты по периметру), в пяточной части и по краям пластины подбиты гвоздиками. Сочетание подошв подобной формы с наборным каблуком, прошитым по периметру характерно для второй половины XVI в. [1, с.49; 5, с.237].

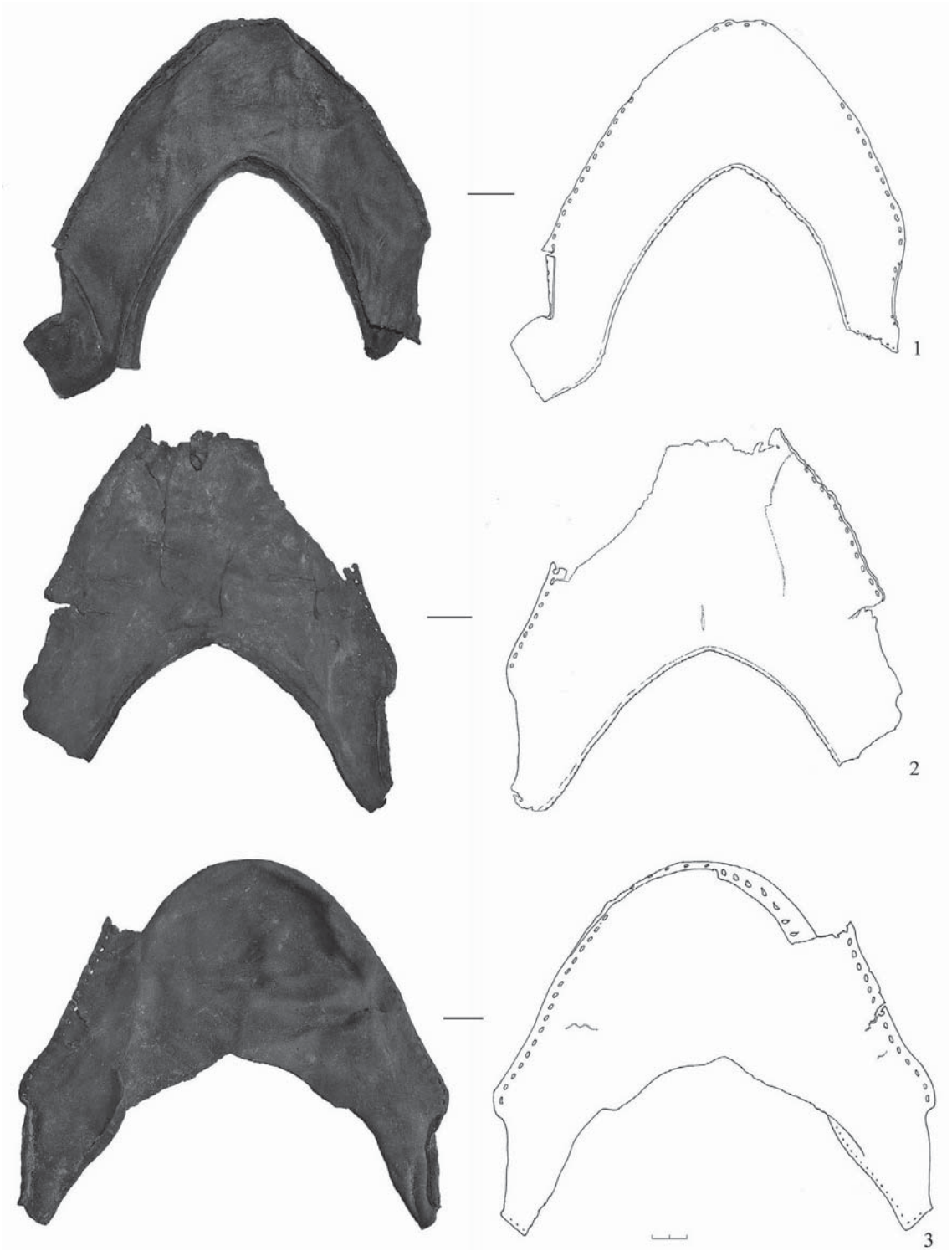


Рис. 2. Находки деталей кожаной обуви из раскопок на территории Бежецка по ул. Кашинской, д. 4: 1-3 – головки сапог.

Интересна подошва изогнутой формы, которая огибает фронтальную часть каблука и одновременно является набойкой в пяточной части (рис.4: 4). Изогнутые подошвы, т.н. подошвы «с крокулем», широко распространяются с середины XVII в. [1, с.47; 5, с.237].

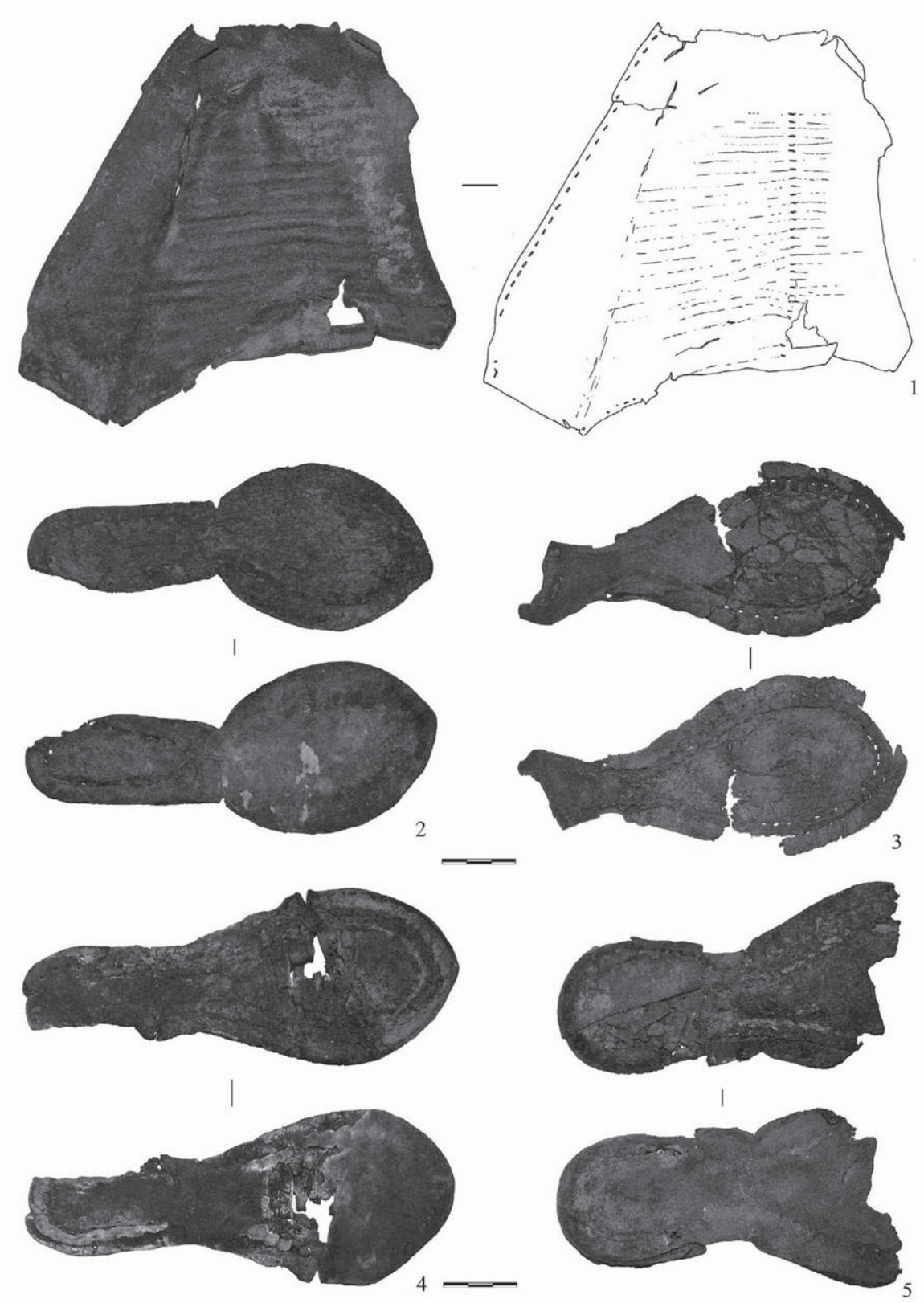


Рис. 3. Находки деталей кожаной обуви из раскопок на территории Бежецка по ул. Кашинской, д. 4: 1 – головка сапога с линованием, 2-5 – подошвы сапог.

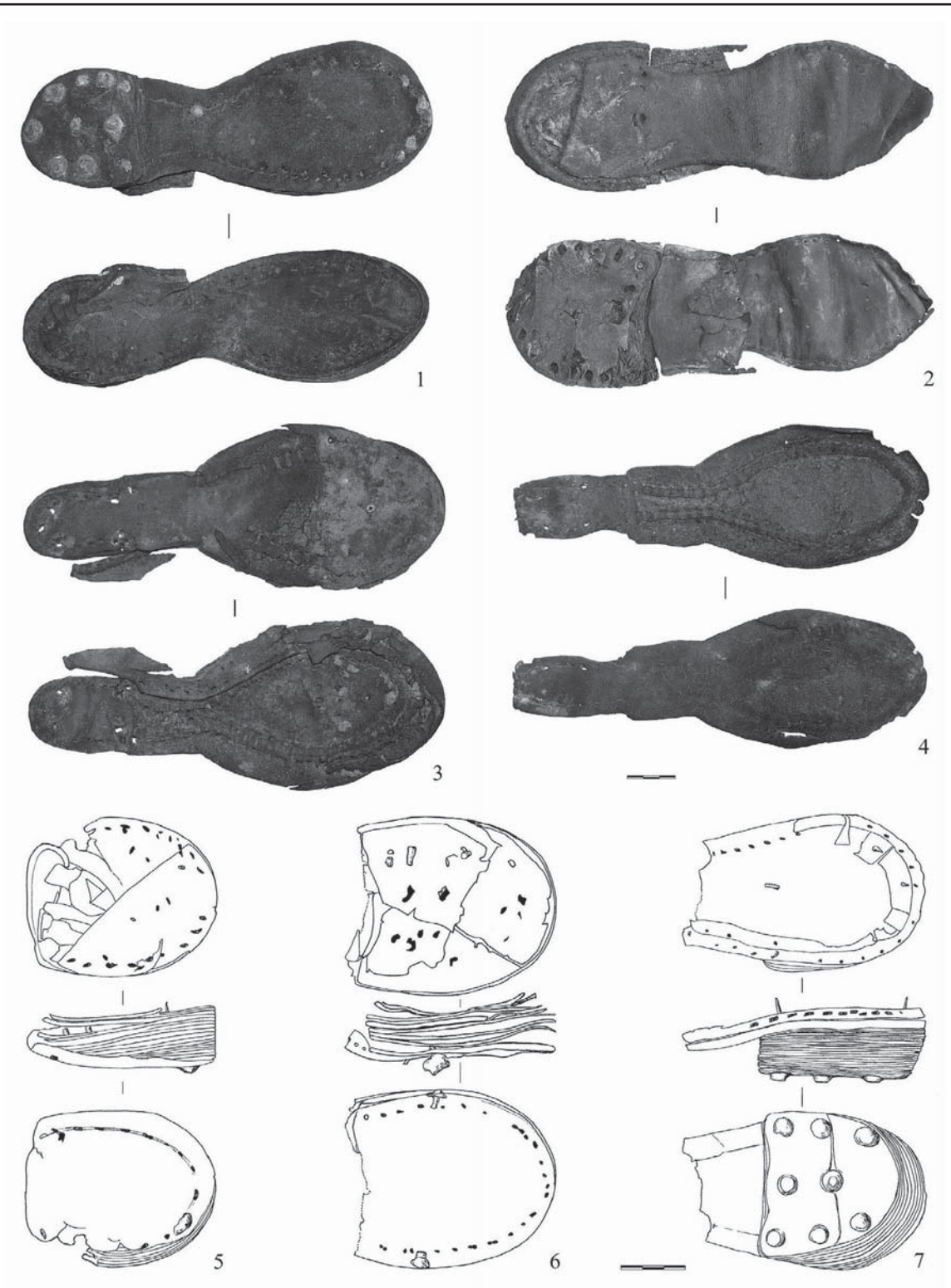


Рис. 4. Находки деталей кожаной обуви из раскопок на территории Бежецка по ул. Кашинской, д. 4: 1-4 – подошвы сапог, 5-7 – наборные каблуки.

Также обнаружено 2 экземпляра подошв с прикрепленным низким наборным кожаным каблуком (рис.4: 1,2). Форма среза носка заостренная или округлая, геленочная часть – широкая, плавно переходит в закругленную пятку. Каблуки набраны из полукруглых кожаных пластин (фликов), их высота – 3,0-4,0 см. Пластины между

собой скреплены железными обувными гвоздиками с округлой шляпкой. У одной подошвы кожаные пластины в носочной части и по периметру стопы также скреплены гвоздиками. По периметру подошв отмечен один ряд отверстий от тачного шва. Вероятно, верхняя деталь подошвы, к которой крепилась головка, была утеряна. Подошвы со сквозным швом и следами крепления стельки при раскопках в московском Кремле встречены в материалах XVIII–XIX вв. [1, с.47].

Встречены подошвы со сквозным швом и следами крепления стельки. Форма носка у таких экземпляров закругленная или прямая. В пяточной части изделий фиксируются отверстия от крепления гвоздями каблука (рис.4: 3). Встречаются такие изделия в культурных отложениях XVIII в. [1, с.47].

Кроме целых и относительно целых подошв встречены 2 обрывка, вероятно, от геленочной и пяточной части подошвы.

Каблуки. В коллекции представлен 21 экземпляр (16,3% от общего количества деталей) наборных каблуков и их деталей (фликов). Уже с XII в. под пяточную часть обуви начинают подкладывать кусочек кожи, что увеличивает ее износоустойчивость, именно это время, по мнению Ю.П. Зыбина, и считается началом появления первых каблуков [10, с.10]. Однако, другие авторы придерживаются мнения о том, что наборные каблуки получают широкое распространение лишь начиная со второй половины XVI в. [1, с.49]. Такие каблуки прошиты по периметру сквозным швом. Их высота, как правило, составляла 3-5 см (рис.4: 5-7). Отсутствие стельки не позволяло применять гвозди для прикрепления каблука. Каблук укрепляли ниточным наружным швом, проходящим через край подошвы и отогнутый наружу край верха обуви. Но, при этом, в каблук вбивали металлические гвозди с большими шляпками, чтобы предохранить шов от износа [10].

Детали более высоких каблуков скреплялись при помощи деревянных шпеньков. 16 экземпляров набраны из полукруглых кожаных пластин (фликов), которые скреплены между собой сапожными гвоздиками. Количество сохранившихся пластин варьирует от 2-3 до 25, высота каблуков изменяется от 0,5-0,8 до 3,0-4,0 см (в зависимости от толщины пластин – 2-2,3 мм). Более высоких каблуков в раскопе не зафиксировано, вероятно, они рассыпались на отдельные пластины. Количество отверстий от гвоздей фиксируется от 8 до 43 (возможно, следы многочисленных починок и вторичное использование деталей). Рассмотренные в коллекции детали каблуков скреплены сапожными гвоздиками, такой способ соединения пластин, вероятно, относится к поздним и характерен для XVIII–XIX вв.

Туфли. Представлены в коллекции полностью сохранившейся подошвой с каблуком от женской туфли (рис.6: 1а), один экземпляр которой обнаружен в нижней части заполнения сооружения № 1 (колодец, засыпанный во второй половине – конце XVIII в.). Сохранилась подошва изогнутой формы, которая огибает фронтальную часть каблука, и является набойкой в пяточной части. Носок заострен, геленочная часть заужена, пятка закруглена. Подошва с верхом скреплялась потайным швом. В каблук помещен деревянный вкладыш, обтянутый кожей с внешней стороны. Помимо подошвы сохранились супинатор, рант в носочной части и стелька, повторяющая форму подошвы, но меньших размеров. По периметру стельки сохранились отверстия от сквозного шва с обрывками нитей. Каблук подбит железными обувными гвоздиками с широкой плоской шляпкой. Носочная часть туфли подбита медным гвоздиком с округлой шляпкой. Высота каблука – 7,5 см, длина подошвы – 23 см (что соответствует 36 размеру по штих-массовой шкале). Из поздней засыпки колодца туфля была извлечена вместе с ниткой с нанизанным на нее бисером (6 шт.). Судя по идентичности обрывков нити по краю стельки и нити, на которую нанизан бисер

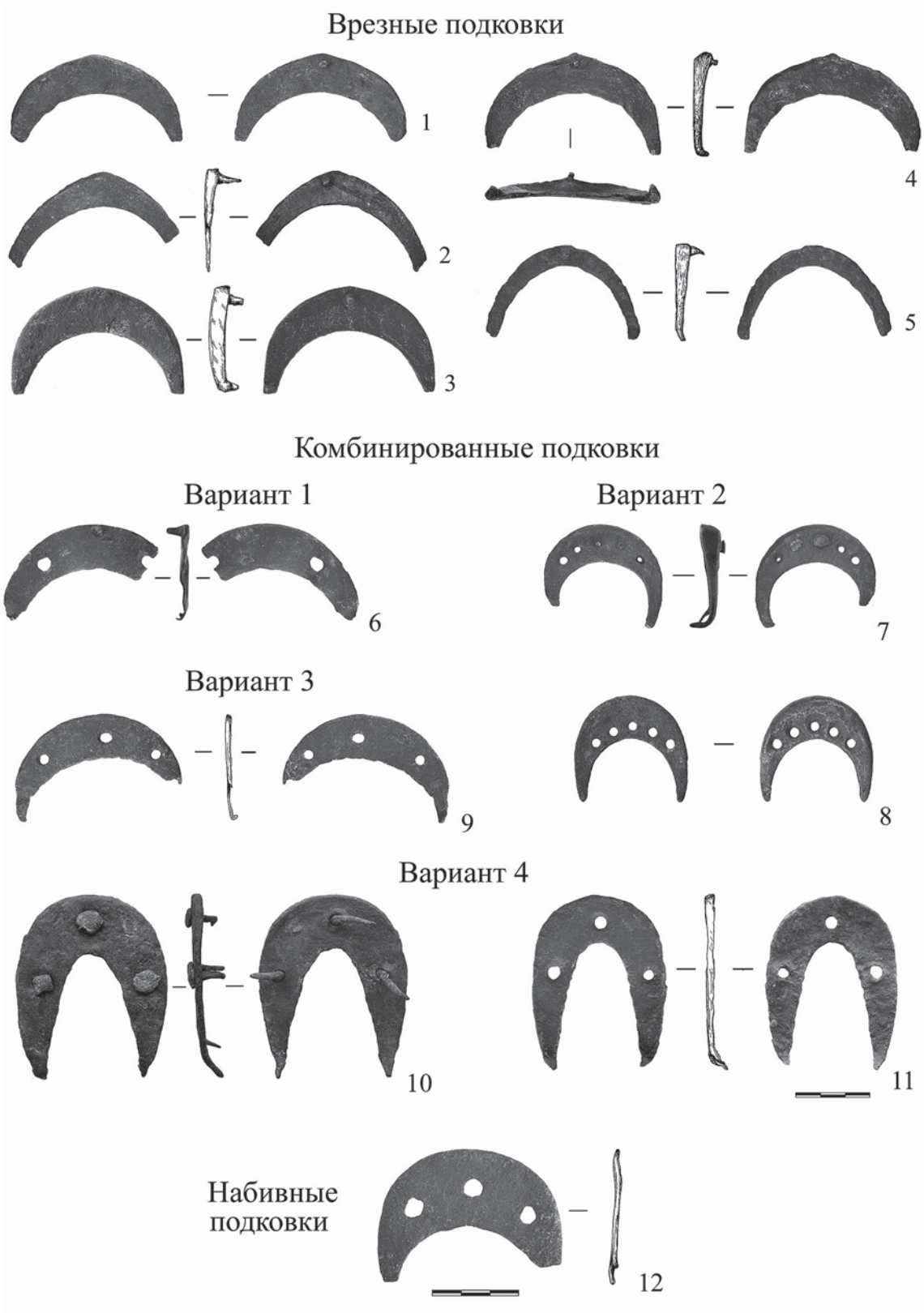


Рис. 5. Находки из раскопок на территории Бежецка по ул. Кашинской, д. 4:
1-5 – врезные обувные подковки, 6-8 – комбинированные обувные подковки,
9-12 – набивные обувные подковки.

(светло-коричневая льняная), высока вероятность, что верхняя часть туфли (головка) была расшита бисером (рис.6: 1б). Бисер округлой шаровидной усеченной дважды формы, диаметр которого и длина совпадают (по 0,2-0,25 см). Цвет – черный, белый (непрозрачное стекло), техника изготовления – членение тянутой трубочки, оплавление. Аналогичные находки бусинного бисера известны в комплексах начала – второй трети XVIII века, исследованных в г. Твери [6], а также из опубликованных материалов сельских некрополей XVII–XVIII вв. в Подмосковье, в Смоленской земле [7, 8].

В XVII в. каблук в большинстве своем еще был наборным. Обтянутые деревянные каблуки и сама конструкция туфель с открытым задником типа «мюли» (рис.7: 1,2) (или закрытых) массово встречаются, например, во Франции начиная с XVIII и до начала XIX вв. (мюли – туфли без задника, на каблуке, модные в XVIII в. (стиль рококо), в начале XIX в. мюли были без каблука на плоской подошве) [22].

Дополнительные детали. Всего в изученной коллекции насчитывается 16 экземпляров головок с сохранившимся поднарядом (10,6% от общего числа деталей), у всех экземпляров он полный. Поднаряд сделан либо цельнокроеный (12 экз.), полностью повторяет форму головки, либо двухчастный (4 экз.). Для изготовления поднарядов применялись остатки кожи, или материал во вторичном использовании. Все поднаряды мереей были обращены вниз, к стопе.

Стельки. Всего встречено 3 экземпляра стелек с заостренным, закругленным или тупым носком, узкой геленочной частью и закругленной пяточной частью. По периметру стелек сохранились отверстия от сквозного шва. Наличие шва указывает на то, что, стельки, вероятно, сшивались с подошвой и верхом.

Подковки

Следствием развития каблучной обуви являются металлические подковки, предохраняющие пятку обувного изделия от быстрого истирания. Коллекция обувных подковок насчитывает 22 экземпляра, среди которых выделяются три разновидности: 1 – врезные (5 экз. 22,7%), 2 – комбинированные (16 экз. 72,7%), 3 – набивные (1 экз. 4,6%).

Среди подковок первой разновидности все встреченные находки плоские, с тремя шипами (два по краям и один в центре), пластина широкая толстая в виде высокой дуги, ширина дуги – 6,5-7,5 см, высота дуги – 3,8-4,2 см, толщина пластины – 0,2-0,6 см, высота шипов – 0,7-1,2 см (рис.5: 1-5).

Среди подковок второй разновидности встречено 4 варианта: 1 экземпляр с 1 шипом по центру дуги и 2 отверстиями для гвоздей, пластина средней ширины – 1,9-2,0 см, высота дуги – 4,0-4,2 см, ширина дуги – 7,5-7,8 см, толщина пластины – 0,4-0,5 см (рис.6: 6). Второй вариант имеет толстую пластину с 5 отверстиями и 2 шипами на концах, высота дуги – 4,5-4,7 см, ширина дуги – 5,3-5,4 см, толщина пластины – 0,4-0,9 см (рис.5: 7, 8).

- третий вариант имеет тонкую пластину с тремя отверстиями и шипами на конце, высота дуги – 3,8-4,0 см, ширина дуги – 7,5-7,7 см, толщина пластины – 0,4-0,5 см (рис.5: 9);

- четвертый вариант имеет тонкую пластину с вытянутыми концами дуги и шипами на конце, с тремя отверстиями, высота дуги – 5,0-8,0 см, ширина дуги – 4,8-5,0 см, толщина пластины – 0,5-0,7 см (рис.5: 10, 11).

Третья разновидность подковок имеет тонкую широкую пластину с 3 отверстиями в верхней части дуги, высота дуги – 4,9-5,0 см, ширина дуги – 7,0 см, толщина пластины – 0,4-0,5 см (рис.5: 12).

Врезные подковки были распространены судя по московским материалам в слоях XVI в., в слое XVII в. они бытуют наряду с комбинированными, как переходная

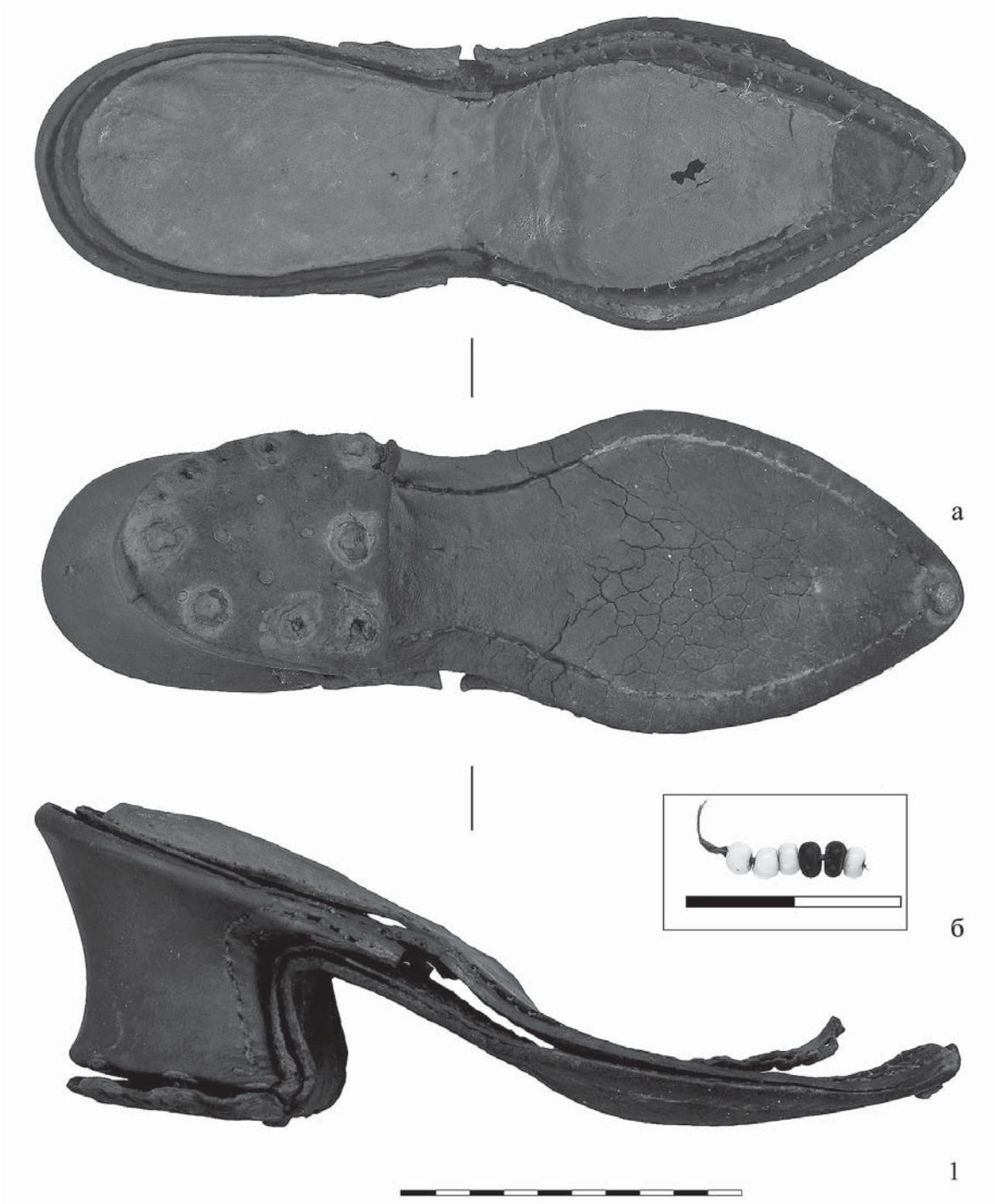


Рис. 6. Находки деталей кожаной обуви из раскопок на территории Бежецка по ул. Кашинской, д. 4: 1а – подошва туфли; 1б – бисер.

форма. В более поздних отложениях XVIII – начала XX вв. они сменяются набивными подковками [3, с.118].

Обувь из других материалов

Плетеная обувь на раскопе представлена находками лаптей из бересты. Такие лапти назывались берестяниками. Всего обнаружено 70 экземпляров (из них 46 целые и 24 фрагмента). 52 из них встречены в переотложенном состоянии, оставшиеся

1

2

Рис. 7. 1 – мюли на высоком каблуке, декорированные вышивкой золотом по союзке. Франция 1690–1720 гг. Из коллекции Н.С. Мустафаева, 2 – Франсуа Буше. Портрет мадам Помпадур. 1756 г. Фрагмент.

Рис. 8. Находки деталей кожаной обуви из раскопок на территории Бежецка по ул. Кашинской, д. 4: 1-3 – головки сапог, 4 – головка сапога со следами починки.

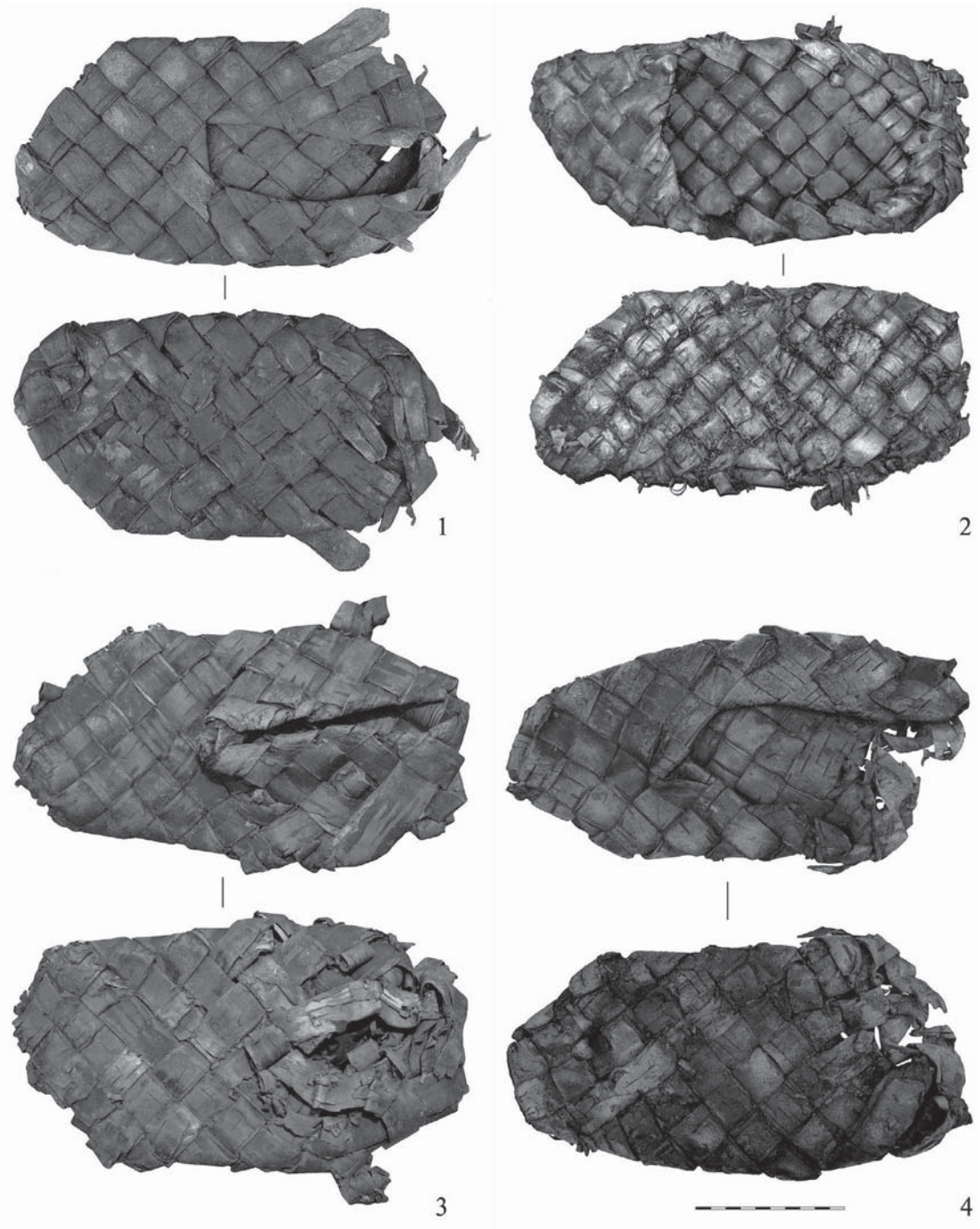


Рис. 9. Находки из раскопок на территории Бежецка по ул. Кашинской, д. 4:
1-4 – лапти плетеные из бересты.

экземпляры найдены в слое и заполнении комплексов XVIII–XIX вв. Все экземпляры выполнены косым плетением, лапти косого плетения начинали плести с пятки на колодках для правой и левой ноги. По форме носочной части различаются находки с заостренными, закругленными и трапециевидными головками. В основном, преобладают лапти с низкими бортами (63 экз.), подобные лапти характерны для северного, или новгородского типа плетения (рис.9: 1,2,4). У 6 находок борта высокие. 1 экземпляр выполнен в виде плетеного ступня (башмака), закрывающего тыльную

часть стопы и щиколотки (рис.9: 3). В слое поселений с городским статусом находки плетеной обуви обычно единичны, т.к. она считается исконно крестьянской. Такая обувь в городских условиях (на деревянных и каменных мостовых) очень быстро изнашивалась [1].

Вопрос появления плетеной обуви и ее массового распространения в ранних средневековых слоях остается открытым. По мнению А.В. Курбатова плетеная обувь в России появляется не ранее XVI–XVII вв. Однако, по мнению Д.О. Осипова, вопрос мало изучен, анализ растущего объема данных полевых исследований раннесредневекового культурного слоя и комплексов, вероятно, позволит уточнить время появления плетеной обуви [13; 20].

Таким образом, изученная коллекция, полученная в результате исследований на территории бывшего посада г. Бежецка по ул. Кашинской, д. 4, имеет свои особенности:

- в ней представлены дополнительные детали (поднаряды, стельки). Усложнение самого кроя обуви указывает на принадлежность описываемых деталей обуви жестких форм (сапоги, туфли);

- на некоторых экземплярах фиксируется вторичное использование материала и следы починок (отверстия от швов в различных местах, заплатки). Отсутствие среди находок голенищ, говорит о том, что эта часть обуви сохранялась от износа лучше всего и использовалась вторично при раскройке других деталей;

- отсутствие среди находок мелких обрывков, обрезков кожи говорит о том, что собранная коллекция представляет собой не следы обувного производства, а изношенную, выброшенную обувь.

Предварительно можно отметить относительную однородность встреченных форм обуви. Судя по морфологическим особенностям деталей кожаной обуви бытование данных форм происходило в период с середины – второй половины XVI по конец XIX вв.

Наличие значительного числа находок плетеной обуви на раскопе в данном случае, вероятно, объясняется близостью участка к Торговой площади Городецко (Бежецка), на которую в базарные дни для торговли приезжало большое количество крестьян Бежецкого уезда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Осипов Д.О.* Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН», 2014. – 269 с.
2. *Векслер А.Г., Осипов Д.О.* Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: Институт археологии РАН, 2004. – С. 333-342.
3. *Курбатов А.В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. – 312 с.
4. *Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О.* Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // РА. № 3. 1997. – С. 114-119.
5. *Попова С.В.* Обувь из погребения у церкви Алексея – Человека Божьего в Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. – С. 271-276.
6. *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург-Нефтеюганск: изд-во «Магеллан», 2008. – 296 с.
7. *Сафарова И.А.* Стеклянные украшения XVIII в. из раскопок Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 8. Тверь: Старый город, 2015. – С. 319-328.

8. *Лихтер Ю.А., Сергина Т.В.* Стеклянные бусы из сельского некрополя XVII–XVIII вв. на городище Волочёк Вяземский // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – С. 278-285.
9. *Столярова Е.К.* Стеклянные бусы из раскопок одиночного кургана у деревни Холмы // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: Институт археологии РАН, 2011. – С. 422-428.
10. *Зыбин Ю.П.* Конструирование изделий из кожи: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности: «Конструиров. изд. из кожи», «Техн. изд. из кожи» / Ю.П. Зыбин, В.М. Ключникова и др. М.: Легкая и пищевая промышленность, 1982. – 264 с.
11. *Изюмова С.А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. № 65. М.; Л. 1959. – С. 192-222.
12. *Зыбин Ю.П.* Древнерусская обувь XII–XVI вв. // Известия вузов. Технология легкой промышленности. № 4. Киев, 1958. – С. 36-44.
13. *Осипов Д.О.* К истории лаптя на Руси // Наука и жизнь. № 3. 2007. – С. 96-100.
14. *Оятева Е.И.* Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4. Л., 1962. – С. 77-94.
15. *Попова С.В.* Орнаментация древнерусской обуви как датирующий признак // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь: ТГОМ, 2001. – С. 218-224.
16. *Фатюнина О.А.* Детали кожаных сапог Переяславля Рязанского XV – начала XVII вв. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 8. М.: Институт археологии РАН, 2012. – С. 286-296.
17. *Антропова Я.В., Торопова Е.В.* Средневековая кожаная обувь Старой Руссы: первые результаты исследования // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Новгород: Музей, 2001. – С. 245-257.
18. *Бербе В.В.* Кожаная обувь XI–XVI вв. в Латвии (Berbe V. 11-16 gs. adas apavi Latvija). Дис. ... канд. ист. наук. Рига, 1988. – 190 с.
19. *Векслер А.Г., Осипов Д.О.* Инструменты сапожников и кожаные изделия из раскопок Старого Гостиного Двора в 1998 г. // ТМИГМ. Вып. 10. 2002. – С. 153-159.
20. *Курбатов А.В.* К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Том II. Тверь: ТГОМ, 2001. – С. 225-233.
21. *Оятева Е.И.* Кожаная обувь из средневековых городов Польши (Краткий обзор публикаций) // АСГЭ. № 12. 1970. – С. 112-118.
22. *Мерцалова М.Н.* Костюм разных времен и народов. Том 2-4. СПб.: Чарт Пилот, 2001. Том 2. – 421 с.; Том 3-4. – 576 с.: ил.

ТНИИР-Центр,
г. Тверь

T.N. Artemicheva
Shoe Parts Found during Excavation in Bezhetsk in 2012

The article describes shoe parts collection found during the excavation in the territory of former Bezhetsk suburb located at Kashinskaya street 4. This collection description is based on analysis of shoe structural scheme and its changing in different historical periods. The article also reviews description of related shoe making products found during rescue excavation as well as various collection of bast shoes.

Keywords: *Tver region, Bezhetsk, shoe collection, excavation site, Kashinskaya street 4, leather shoe parts, shoe structural scheme, shoe calkers, bast shoes.*

УДК 72.034 (470.331) «17» https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.487-495

В.В. САВЕЛЬЕВ

СТРОИТЕЛЬСТВО ПАЛАТ А.Д. МЕНШИКОВА В ТВЕРИ

В научный оборот вводится комплекс архивных источников начала XVIII в., позволяющих реконструировать значимый эпизод строительной жизни Твери петровской эпохи – ход возведения каменных палат А.Д. Меншикова в 1711 г. в Тверском кремле. Мероприятие рассматривается в контексте иных строительных кампаний Твери этого времени.
Ключевые слова: *А.Д. Меншиков, Иван Викторов, Иван Кокошкин, «план Ярцова», Тверской кремль, тверской архиерейский дом, Желтиков монастырь, Городня, тверской пожар 1736 г.*

Петровское время – одна из самых загадочных страниц в истории застройки Твери. Отсутствие сохранившихся зданий и источников создает иллюзию полного замирания здесь какого-либо строительства каменных или кирпичных зданий. Ценно любое письменное свидетельство, которое могло бы хоть как-то осветить этот вопрос. Поэтому важным представляется введение в оборот группы документов, связанных со строительством одного из главных тверских объектов петровской эпохи – палат светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова. В отношении этого здания известен лишь сам факт его существования. Единственное сохранившееся его изображение, присутствующее на безмасштабном плане Твери начала XVIII в. («Плане Ярцова») [1, л.1], малоинформативно и на данный момент пока не поддается верификации. Как памятник архитектуры это здание остается загадкой. Но выявленный материал позволяет объединить цепочку разрозненных фактов и прояснить некоторые детали тверской строительной жизни начала XVIII в.

В архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, в фонде Походной канцелярии А.Д. Меншикова, хранится комплекс писем к светлейшему от его тверского порученца Ивана Федоровича Викторова[1]. Всего писем 11, они написаны с марта по сентябрь 1711 г. и посвящены различным хозяйственным вопросам, в том числе строительству. Названное время составления писем Викторова – 1711 год –

[1] Листы использования этих дел подсказывают, что в 1960-х гг. с ними работал калининский краевед И.И. Соколов – тот самый, статья которого о плане Твери первой четверти XVIII века («Плане Ярцова») до сих пор является главной публикацией по этому вопросу. Считаю должным отдать дань уважения этому автору – истинному подвижнику своего дела, которого отличала тщательность, работоспособность и нетипичный для непрофессионала уровень исследовательской культуры. Подняв огромный пласт источников по Твери XVII–XVIII вв., почти всю свою многолетнюю работу Соколов проделал «в стол», и впоследствии его находки, им самим не опубликованные, иногда всплывали у других краеведов, в виде отдельных отрывков, лишенных контекста, без указаний на его приоритет. Только получением материала от Соколова можно объяснить то, что отдельные факты из писем Викторова просочились в публичное обиходно-краеведческое пространство 1980-х гг. Они частично, сначала без указания архивного источника, были использованы в заметках А.Д. Виноградова, который, судя по листам использования дел, лично с их подлинниками не знакомился. В 2002 г. в книге А.Д. Виноградова и Е.А. Виноградовой «Тверь XVI–XVIII вв. Очерки истории и экономики» [3, с.235] некоторые сведения из писем Викторова появились со ссылкой на архивные дела. Но введение их в оборот оказалось неполным, однобоким, с произвольными выводами и без характеристики источника информации, а потому не может считаться закрывающим проблему. Настоящая публикация призвана в некоторой степени исправить положение.

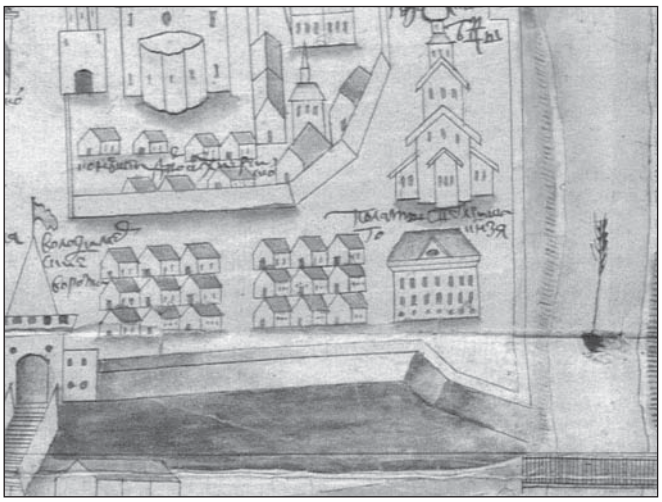


Рис. 1. «Палаты светлейшего князя». Дом А.Д. Меншикова на «Плане Ярцова» [1].

не случайно. Это был довольно короткий период, когда Меншиков между двумя длительными отлучками по военным делам находился в Петербурге. За год до этого, в мае 1710 г., он поселился там и приступил к фактическому выполнению обязанностей губернатора Санкт-Петербургской губернии. Тверь, включенная в эту губернию, попадала в сферу его смешанных государственно-частных интересов как крупный транзитный узел, в котором чаще стали бывать высокопоставленные лица, включая Петра и самого Меншикова, и через который шло снабжение Петербурга. У Меншикова возник и еще один, сугубо личный, тверской сюжет. В 1710 г. «взамен ингерманланских деревень» ему было пожаловано бывшее дворцовое село Городня в Тверском уезде, 181 двор с 584 душами мужского пола – имение, по меркам Меншикова, относительно небольшое, но способное обеспечивать хозяина продуктами и выгодно расположенное [2, с.34].

Известное положение Меншикова, согласно которому его собственность постоянно использовалась для нужд государства и лично Петра, диктовало ему, по всей видимости, потребность обзавестись комфортабельными резиденциями по дороге из Петербурга в Москву. Среди мест, подходящих для этого, вполне логично оказывалась Тверь. По эпистолярному признанию самого светлейшего, относящемуся к 1723 г., его дом в Городне возводился именно в расчете на царские визиты: «Всенижайше благодарствую, что ваше величество, по превысокой своей отеческой ко мне милости, изволил пожаловать в Городню в новопостроенный дом мой и за мое здоровье кушать. Истину вашему величеству доношу, что оный дом я построил для шествия вашего величества, дабы вашему величеству от тараканов не было опасения» [4, с.186].

Фискальные, хозяйственные и строительные потребности Меншикова в Твери вызвали появление здесь Ивана Викторова. Он имел тверские корни, но издавна проживал в Москве. Был торговым человеком, а также обладал некоторым административным опытом: по данным 1706 г., служил бурмистром московской ратуши по таможенным делам. Судя по письмам, Викторов был хорошо знаком со светлейшим и пользовался некоторым его доверием, а в окружении Меншикова состояли его родственники. Тверские функции Викторова разнообразны. В документах он называется инспектором, то есть является одним из тех подчиненных губернаторам специальных эмиссаров, которые курировали сбор косвенных налогов в условиях, когда податные механизмы были запутаны управленческими экспериментами. Наделен он был и функциями, связанными с тверской ратушей. Но вместе с этим он же держал винный откуп в Твери, Кашине и Торжке с уездами. Как можно предположить по содержанию его отчетов, Меншиков был напрямую заинтересован в результатах этой его деятельности, то есть, возможно, основным выгодополучателем являлся сам, тогда как Викторов выступал в большей степени как управляющий и подставное лицо. Попутно Викторов управлял тверскими активами Меншикова, занимался строительством в его интересах и поставлял ему тверские изделия – хлеб, солод, водки,

волжскую рыбу и продукцию местного скипидарного завода. Сам Викторов ощущал себя состоящим на службе лично у Меншикова и считал возможным требовать у него дополнительных денег на свое содержание («на пропитание пожаловать рублев сотницу») и строительства собственного двора. Жалуясь, что исполнение обязанностей в Твери заставляет его жить на постоялом дворе, терпя «немалую нужду», он просит: «пожалуй, государь, прикажи мне хотя деревянные хоромишки построить на месте, где ныне кузницы» [5, л.2], но оптимальным видит возведение каменного дома и хотел бы использовать для этого кирпич, заготовленный для других объектов [6, л.1 об.].

Тема будущего строительства палат появляется в первом же сохранившемся письме Викторова от 18 марта 1711 г. Идея, судя по контексту письма, была высказана самим светлейшим, и им же было указано место в крепости [7, л.1]. Планы большого строительства в Твери существовали у него не только в связи с палатами. Еще до того, как было получено окончательное подтверждение о строительстве дома, Викторов начал заготовку кирпича и назвал хозяину контрольную цифру – 600 тысяч штук кирпича за один сезон [8, л.1]. Это весьма существенная цифра; например, тверской владыка Сильвестр, который чуть позже затеял расширение городского архиерейского дома, планировал произвести всего 100 тысяч. Часть материалов Викторов рассчитывал пустить на реконструкцию кабацкого хозяйства. Упоминается о выделке кирпича «на водошные заводы», а об одном объекте как об уже построенном известно из отчета за 29 мая: это «на тверском кружечном дворе погреб каменной длиною девять, широтою пять сажен ради сохранения денежные казны и вина и протчих нужных припасов от пожарного разорения» [8, л.1]. Возможно, частично кирпич должен был пойти на строительство в Городне. (Викторов пишет, что должен «в вотчине вашей светлости в селе Городне построить все новое»). Существовал запасной вариант использования запасов кирпича: «ежели, государь, не поволишь приказа дому своего высококняжеской светлости строить, поволь мне из оных припасов построить во Твери гостин двор» [8, л.1].

Намечался и другой строительный объект. Сообщая, что с тверских бурмистров по начету получены дополнительные средства, Викторов пишет как о деле, хорошо понятном и ему, и получателю письма: «прикажи, государь мой, оные денги отдать на строение в Желтиков монастырь» [9, л.1]. Тем самым имя Меншикова оказывается косвенно связано с почти не изученным, утраченным полностью, но при этом первостепенным по значимости пластом архитектурной жизни Твери начала XVIII в. В Желтикове монастыре в это время шло грандиозное, по местным меркам, каменное строительство, официальным вкладчиком которого считался именно Викторов. Опись строений монастыря, составленная в 1713 г., сообщает, что уже к этому времени на его средства там появились «вновь построенные» в камне церковь Алексея Человека Божия (объект, впоследствии монастырской легендой приписанный обету Петра I; в действительности, согласно этой же описи, не только стены, но и все внутреннее убранство храма также было создано Викторовым), святые ворота, «около монастыря каменная ограда», «колоколница каменная, под нею палата кладовая», а также кельи, построенные Викторовым на территории монастыря лично для себя [10, л.1,2,21 об.]. Опись 1713 г. не фиксирует начавшихся в этом же году работ по строительству нового монастырского собора. Между тем и оно также, согласно официальной истории монастыря, произошло по инициативе и на средства Викторова [11, с.14]. Учитывая его положение при Меншикове, размах работ, нетипичный для Твери этого времени, а равно и тот факт, что Желтиков монастырь был предметом переписки Викторова со светлейшим, мы вправе гипотетически допустить некое особое отношение Меншикова к Желтикову и его негласное участие в помощи монастырю.

Однако главный расход кирпича все же ожидался в связи со строительством палат. Викторов вышел на место, указанное светлейшим, и итоги осмотра его не устроили: «по приказу Вашей светлости на палатное строение в городе место я осматривал и место топкое, погребов под полатами строить невозможно» [7, л.1]. Он продолжал убеждать Меншикова и далее. «В городе строить за низостию места невозможно» – говорится в письме от 22 июня [6, л.1]. Ответы Меншикова неизвестны, но в итоге он избрал место в крепости. Сам Викторов считал более удачным место напротив северо-восточного бастиона тверской крепости: «за городом у мосту, где построены кузницы, на берегу Волги реки место изрядное, сухое и красивое, и луче того быть невозможно».

Сообщение о подболоченности избранного Меншиковым участка является важным косвенным указанием, позволяющим несколько уточнить расположение палат. «План Ярцова», а за ним и авторы, касавшиеся данной темы, помещают это здание в тесной близости к бастиону, располагая сразу за ним деревянную церковь Рождества Богородицы. По современной топографии это район эстрады и аттракционов горсада. Информация Викторова позволяет сделать вывод, что такое расположение, видимо, стоит отнести к многочисленным условностям «Плана Ярцова», источника коварного и неоднозначного. Маловероятно, что «низким» могло бы называться место, которое находилось на участке, где смыкались вал, расположенный с волжской, северной стороны кремля и вал с напольной восточной стороны крепости, который был особенно мощным и имел по верху 10-саженную, то есть 20-метровую толщину. По-видимому, свидетельство Викторова следует понимать как знак, что палаты Меншикова располагались ближе не к восточному фасу крепости, а к северному, обращенному к Волге. Именно там действительно находился участок, к которому подходят определения «низкий» и «топкий». Понижение рельефа в сторону Волги заметно даже сейчас, а в начале XVIII в. оно было гораздо более отчетливым, из-за чего по этому уклону формировался постоянный сток дождевых и талых вод, которые аккумулировались у тыльной стороны валов близ больверка, т.к. высокие земляные валы препятствовали сбросу воды в р. Волгу или в крепостной ров. О свойствах этого места наглядно свидетельствует наименование ближайшего к нему храма – «Рождество Богородицы, что на Болоте». Болотом называлась территория с повышенной влажностью почвы к северу от архиерейского дома, тяготевшая к сооружению, известному как «владычная труба» – водоспуску через линию вала, обращенную к Волге. Причины этой подболоченности и ее локализация в свое время рассматривались А.Н. Хохловым. Приблизительно границы участка могут быть очерчены по ориентирам – храму и владычной трубе. Местонахождение трубы локализуется примерно в районе современного памятника Пушкину. Храм «занимал западную часть высокого мыса, образованного двумя лощинами, который располагался к северу от здания оранжереи Путевого дворца... Болото Писцовой книги в этом случае располагалось к западу от церкви» [12, с.152]. Топкие места могли и более широко распространяться по низине вдоль волжской стороны вала.

Существует еще одно косвенное указание на местоположение палат. В 1742 г. епископ Митрофан Слотвинский жаловался в Синод на тверского воеводу, мешавшего ему строить дом для духовной семинарии. Для стройки было очищено место, по словам Митрофана, «внутри города Твери, близ дому моего», ранее занимавшееся домами владычных служителей. Но светская власть самоуправно распорядилась сложить на нем «из разбираемых князя Меншикова полат камень, кирпич и известь» [13, л.1]. Семинарский дом на этом месте так и не был построен. Вряд ли строительные материалы возили складировать далеко от разбираемого здания – скорее всего, во-

евода использовал ближайшее свободное пространство, что до некоторой степени позволяет предполагать соседство палат Меншикова с комплексом архиерейского дома.

В целом названные косвенные ориентиры дают предполагаемое расположение палат Меншикова на территории нынешнего дворцового сада, близ архиерейских палат и храма Рождества – очевидно, ниже церкви по пологому склону. Палаты не могли располагаться западнее церкви: не только потому, что это радикально противоречило бы плану Ярцова, но и в связи с тем, что там прогнозируется расположение церковного некрополя. Существует свидетельство о том, что в 1870-х гг. во время большой реконструкции дворцового парка это кладбище было частично вскрыто. Очевидец – дворцовый служитель Фридлендер – рассказывал, что массовые захоронения были обнаружены в районе дворцового пандуса и в центральной части парка [14, с.22].

Возможно, выбор участка для палат определялся тем, что еще сравнительно недавно именно в этой части кремля, по данным «Писцовой и межевой книги 1685–1686 годов», располагался воеводский двор [15, с.60]. Освободившийся в связи с его переносом, и, видимо, оставшийся незанятым обширный участок размером 16×19 сажен было удобно использовать под новое строительство.

С наибольшей вероятностью палаты Меншикова находились в восточной части парка, на территории так называемого «дворцового огорода». Примечательно свидетельство, записанное краеведом начала XX в. М.В. Рубцовым и принадлежащее старожилу города, учителю тверской гимназии Р.Н. Никулину. В 1840-х годах тот видел некий фундамент из белого камня «в теперешнем дворцовом саду, около чугунной решетки, отделяющей дворцовый сад от губернаторского (ныне вместо этой решетки существует каменная стена), недалеко от Волги» [16, с.32]. Никулин считал этот фундамент остатками дворца великих князей. Напрашивается отождествление данного объекта с палатами Меншикова как единственным известным капитальным сооружением в этой части кремля.

Вопрос о месте строительства еще не был решен, а Викторов уже полным ходом заготавливал кирпич и другие строительные материалы. В письме от 29 мая он сообщает хозяину, что «у господина тверскаго каменданта камня белого у соборной церкви доволное число, також и лесу, которой на сваи годитца, а у него ни в какое дело не идет» [8, л.1]. Именно в это время близ собора, ориентировочно на том самом участке, который ранее был занят великокняжеским дворцом, завершилось строительство новых палат коменданта Кокошкина, бывшего воеводы. В переписной книге Твери 1709 г. отмечен «двор столника и воеводы Ивана Михайлова сына Кокошкина, строитца вновь на купленной земле» [17, с.31]. Наличие у коменданта бревен, пригодных для изготовления свай, выглядит вполне естественным. Более интригующим представляется сообщение о запасах белого камня, которое следует понимать как признак каменного строительства в усадьбе Кокошкина или указание на утилизацию последних руин великокняжеского дворца.

Уже 22 июня Викторов писал, что «известь и камен в готовности», а кирпича выделано «слишком двести тысяч» [6, л.1]. Работы шли так успешно, что он уже считал возможным изготовить за лето не 600, а 700 тысяч штук. Возможно, что эти планы все же не удалось осуществить полностью, поскольку спустя месяц Санкт-Петербургская земских дел канцелярия вызвала тверских кирпичников на работы в Петербург, о чем Викторов с тревогой поинтересовался у Меншикова, следует ли ему исполнять это указание [18, л.1]. Эта тема более не поднималась в их переписке, не возникали и жалобы на нехватку специалистов или неисполнение данных ранее обязательств, из чего можно сделать вывод, что Меншиков как петербургский

губернатор дал возможность тверским кирпичникам доделать свою работу. Более существенную проблему представляла уже нехватка каменщиков.

Еще 2 августа у Викторова еще не было окончательного ответа светлейшего, где будут строиться палаты. Он уже в который раз просил «указ, где быть оному строению, и о том чертеж». И лишь под самый конец сезона светлейший наконец обратил внимание на свое тверское строительство и работы сразу двинулись полным ходом. 13 сентября Викторов докладывал: «дом ваш высококняжеской светлости строим и ныне начали бут бутить» [5, л.1]. За пределами переписки осталась стадия разбивки участка и рытье котлована. Меншикову был послан «чертеш», то есть, как можно понять, план с указанием точного места строительства. 30 сентября в последнем из сохранившихся писем Викторов сообщал, что «по размеру против чертежа набив свай и укрепя фундамент, набутили и ныне белой камень начали делать во все то строение другой ряд» [19, л.1]. Взятый темп обеспечивался деятельной помощью коменданта, который удостоился от Викторова письменной похвалы («помози бог Ивану Михайловичу, что жалует, чинит нам в том строении споможение») и привлечением максимально возможного количества работников. «Работают ныне у того строения одни наши тверичи посадские и уездные, – писал Викторов, – к тому строению прикажи Государь Светлейший князь Александр Данилович из других городов прибавить человек сотницу другую».

Такая скорость позволяет предположить, что все работы, при наличии средств и рабочих рук, вполне могли бы быть завершены в течение следующего строительного сезона. Однако в марте 1712 г. Меншиков отправился из Санкт-Петербурга в заграничный поход и, очевидно, надолго утратил интерес к тверским делам. К моменту его возвращения уровень благоустройства, достигнутый в резиденции Меншикова в Городне, очевидно, снизил потребность светлейшего в местной городской резиденции. Викторов же в следующем 1713 г. вплотную занялся другим объектом – собором Желтикова монастыря, тем самым, возможно, подсказывая нам, что и сам он, и подчиненные ему специалисты освободились от возведения палат.

Было ли в таких условиях здание брошено недостроенным или все же завершено? Сторонником первой версии выступал А.Д. Виноградов, [3, с.235], однако высказанное им утверждение никак не подтверждено документально (содержание данной им сноски относится к петровскому запрету каменного строительства в целом и не касается Твери как таковой). В действительности прямых указаний такого рода нет ни в переписке Викторова, ни в других известных документах, имеющих отношение к теме. На данный момент судить о судьбе палат можно лишь по косвенным данным. Несомненно лишь то, что здание было доведено по меньшей мере до стадии кирпичной «коробки» и спустя четверть века существовало как архитектурный объем. Свидетельствуют об этом документы, посвященные установлению ущерба от большого тверского пожара 1736 г. Эти же документы дают нам некоторый материал для дальнейших предположений.

Из них вытекает, что Сенат поручил местному воеводе обследовать палаты и рассмотреть возможность разместить в них воеводскую канцелярию. В ответном доношении тверской воевода подполковник Иван Сабуров обозначил здание как «во Твери внутри города имеющиеся каменные палаты, которые от случившегося во Твери в нынешнем 736 году пожару, от неимения в них железных связей в фундаменте и в стенах, все повредились», и сообщил, что они «по осмотру явились к починке на воевоцкую канцелярию быть негодны, для того, что в тех палатах железных связей не было, а были деревянные, и те в случай пожара выгорели, отчего стены и своды многие розвалились, а и досталные к тому склонны» [20, л.445]. В сенатском указе

о разборке поврежденного здания оно именуется палатами, «которые прежде были построены бывшим инспектором Викторовым на имя князя Меншикова» [20, л.446]. Очевидный смысл данной фразы – упоминание об организаторе стройки. Однако ее можно истолковать и как указание на фактического пользователя здания, наряду с номинальным в лице Меншикова, «на имя» которого оно возводилось. Примечательно, что в документе 1765 г., посвященном использованию материалов из разобранных палат, они называются «Викторовым домом» [21, л.396]. Таким образом, можно предположить некую устойчивую ассоциацию палат с именем Викторова, образовавшуюся у жителей Твери и сохранявшуюся много лет спустя после его строительных работ, когда о самом порученце Меншикова вряд ли кто уже помнил. Учитывая его просьбы к нанимателю снабдить его в Твери двором, желательно каменным, нельзя исключить, что именно Викторов в итоге поселился на какое-то время в палатах своего светлейшего патрона, что отпечаталось в народной памяти. Видимо, признаком ускоренного приведения здания в пригодный для жизни вид в условиях утраты интереса со стороны заказчика и снижения финансирования явилась экономия на металлических связях, которая при первом же пожаре погубила данный памятник.

Палаты было предписано разобрать, а кирпич вместе с материалом от также разбиравшихся Владимирских ворот использовать на строительстве нового здания воеводской канцелярии. Полученный запас материалов прогнозировался столь значительным, что от этой стройки, как отмечал Сабуров, «затем еще кирпича более половины может остатца». Из этого можно сделать вывод, что палаты Меншикова существенно превышали по габаритам двухэтажное здание новой воеводской канцелярии, имевшее протяженность фасадов около 11 саженей. В 1742 г. камнем, кирпичом и известью, которые добывались из разбираемого здания, светские власти предполагали занять «до половины» места, расчищенного архиереем для строительства семинарии [13, л.1]. Учитывая, что строительные материалы, полученные таким образом, принято было укладывать кубическими саженями, данное свидетельство также, по-видимому, указывает на довольно существенные габариты утраченного памятника. В итоге часть материалов из палат Меншикова много лет пролежала без употребления. В 1765 г. остатки запасов кирпича из «Викторова дома» были превращены в щебень и использованы для бута нового здания гостиного двора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 724.
2. *Аракчеев В.А.* Вотчины А.Д. Меншикова на Северо-Западе России // Меншиковские чтения-2015: Материалы Российской научной конференции: Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), 27–28 ноября 2015 г. СПб.:«XVIII век», 2015. Вып. 10. – С. 33–36.
3. *Виноградова Е.А., Виноградов А.Д.* Тверь XVI–XVIII вв. Очерки истории и экономики. Тверь: Книжно-издательский отдел ОАО «Тверское княжество», 2002. – 356 с.
4. *Семевский М.И.* Царица Прасковья. 1664–1723: очерк из русской истории XVIII века. Л.: Художественная литература, 1991. – 272 с.
5. НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4624.
6. НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4456.
7. НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4272.
8. НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4384.
9. НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4600.
10. ГАТО. Ф. 192. Оп. 1. Д. 394.
11. Описание второклассного Тверского Успенского Желтикова монастыря. Тверь: Типолитография Н.М. Родионова, 1908. – 32 с.

12. *Хохлов А.Н.* К локализации укреплений тверского кремля XIII – начала XIV вв. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь: Старый город, 1997. – С. 146–155.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 313. Л. 1.
14. *Репенак А.* К истории Тверского дворца Его Императорского Величества. Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Вып. I. Тверь: Типография Губернского Правления,1903. – 409 с.
15. Писцовая и межевая книга Твери 1685–1686 годов. М.: Старая Басманная, 2014. – 348 с.
16. *Рубцов М.В.* История дворцового сада в Твери / Материалы Общества изучения Тверского края. Вып. 4. Авг. 1926. Тверь: Издание Общества изучения Тверского края. 1926. – 36 с.
17. Переписная книга города Твери 1709 года. Тверь: Герс, 2007. – 832 с.
18. НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4536.
19. НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4658.
20. РГАДА. Ф. 248. Кн. 625.
21. РГАДА. Ф. 248. Кн. 3747.

Научная библиотека Государственного Эрмитажа,
г. Санкт-Петербург

Приложения

1. Письмо Ивана Викторова из Твери А.Д. Меншикову. 18 марта 1711 г.
Светлейший римского и российского государств князь и герцок Ижерский Генерал Фелт Маршал и Санкт Питер бурской губернии губернатор Александр Данилович и милостивой мой государь

По приказу Вшей светлости на палатное строение в городе место я осматривал и место топкое, погребов под полатами строит невозможно, а осмотрел я за городом у мосту где построены кузницы на берегу Волги реки место изрядное сухое и красивое и луче того быть невозможно о котором и преж сего я вшей светлости доносил (об), и ежели на оном месте полаты строит позволишь поволь государь мой о готовности товару и о том строении приказать ко мне прислать ведение.
Сего марта 16 дня послал до Вшей Светлости сим писмом племянника своего Михаилу Дмитриева, которой Вшей светлости о делех наших будет доносить прикажи государь мой по тем делам прислат к нам ведение чтоб в забвении не были.
Да послал я к Вшей светлости с ним рыбки по росписи, поволь государь мой приказать принять и кушать во здравие.
Вашей светлости со светлейшею княгинею и со благородными ваши чады всепокорнейший раб ваш Иван Викторов поздравляя нижайше кланяюсь.
Из Твери марта 18 дня 1711 года

(НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4272. Л. 1–2).

2. Письмо Ивана Викторова из Твери А.Д. Меншикову. 29 мая 1711 г.
Светлейший римского и российского государств князь и герцок Ижерский Генерал Фелт Маршал и Санкт Питер бурской губернии губернатор Александр Данилович и милостивой мой государь

Прежде сего я до вшей высококняжеской светлости писал о строении вашего княжого двора и о месте, что против мосту, где кузницы построены, на которые писма вшей высококняжеской светлости указ и по се число не получил. Ныне еще Вашему светлейшеству доношу на оное дому вашего княжего строение нынешнее лето кирпич в готовности у нас будет с лишком с шесотую тысечу, и ежели гдрь поволишь свой высококняжеской светлости дом во Твери строить, поволь нам определить своей высококняжеской светлости указом, где быть

оно строению, також и мне дворишко построит, еще доношу у господина тверскаго каменданта камня белого у соборной церкви доволное число, також и лесу, которой на сваи годитца, а у него ни в какое дело не идет, а ежели государь не поволишь приказа дому своего высококняжеской светлости строить, поволь мне из оных припасов построит во Твери гостин двор, во Твери ж против прошлых лет зборы ныне есть с прибавкою, на тверском кружечном дворе погреб каменной длиною девять, широтою пять сажен ради сохранения денежные казны и вина и протчих нужных припасов от пожарного разорения, начата строить на сваи риги, и будет скоро в готовности, напред сего вашему светлейшеству (слово нрзб) об свойственнике своем Никифоре Мелетьеве, которой ныне при инспекторе Гурьеве, пожалуй государь по своему высококняжеской светлости милостивому соизволению, прикажи ево отпустит ко мне во Тверь, понеже и с товарыщем верного человека при себе не имею никого, надеюсь что канцелярские зборы всеконечно будут (слово нрзб) у нас в готовности и водошного мастера Ивана Сидорова до вшей высококняжечкой светлости пришлю с пробами немедленно.
Вашей высококняжеской светлости всепокорнейший раб и слуга Иван Викторов поздравляя нижайше кланяюсь.
Из Твери маия 29 1711 года

(НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4384. Л. 1–1 об.).

3. Письмо Ивана Викторова из Твери А.Д. Меншикову. 22 июня 1711 г.
Светлейший римского и российского государств князь и герцок Ижерский Генерал Фелт Маршал и Санкт Питер бурской губернии губернатор Александр Данилович и милостивой мой государь

Напред сего я писал до Вшей Высококняжеской светлости о строении во Твери дому Вашего, что у нас кирпич на оное строение в готовности слишком двести тысяч, и ежели дому своего строить не поволишь, построить оными припасы во Твери гостин двор, и на оное писмо у нас от вшей высокняжеской светлости и по сие число не получили. Ныне еще доношу: пожалуй, государь мой, прикажи прислат ко мне о строении дому своего рисунок и где построит свой высококняжеской светлости указ, а в городе строить за низостию места невозможно а ежели государь мой дом своей высококняжеской светлости строить не поволишь, прикажи, государь мой, из оного товару построить гостин двор, також и мне дворишко, понеже я в сем имею немалую нужду, також и каменщиков ко оному строению откуда поволишь определить? В сборех ведомостей на май и на сей июнь месяцы пришлю немедленно, а кирпич у нас в готовности будет нынешним летом с лишком семьсот тысяч, известь и камен в готовности.
Вашей высококняжеской светлости всепокорнейший раб поздравляя нижайше кланяюсь Иван Викторов.
Из Твери июня 22 дня 1711 года

(НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4456. Л. 1)

V.V. Saveliev
Building of Stone Palace for A.D. Menshikov in Tver
The article deals with a complex of archival sources of the beginning of the XVIII century. These sources make possible to reconstruct an important part of building activity in Tver of Petrine epoch. It is about construction of stone palace for A.D. Menshikov in 1711 in the territory of Tver kremlin. This action is considered as a part of other building activity held in Tver by that time.
Keywords: *A.D. Menshikov, Ivan Viktorov, Ivan Kokoshkin, «Yartsov's plan», Tver kremlin, Tver bishop's house, Zheltikov Monastery, Gorodnya, fire in 1736.*

УДК 903.53 (470.2) + 902.6 https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.496-509

М.М. ШАХНОВИЧ, М.А. КУЛЬКОВА, А.В. СОНИНА

К ВОПРОСУ О ВАЛУННЫХ НАСЫПЯХ В СЕВЕРНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе рассматривается опыт комплексного изучения валунных кладок в Северном Приладожье. Авторами выделяется определенный тип наземных памятников ритуального характера, скорее всего, средневековой культурной традиции корелы.
Ключевые слова: *валунные насыпи, Северное Приладожье, позднее Средневековье, геохимические исследования, лихенология.*

Проблематика вопроса

Один из оригинальных, достойных углубленного изучения «наземных» памятников археологии Карелии – это «каменные груды». Первым, кто проявил профессиональный интерес к «круглым, полушарным кучам камней», был А.Я. Брюсов. Он справедливо отметил «недостаточное внимание к каменным кучам, этим нередко очень невзрачным погребальным сооружениям» [1, с.150]. Основной причиной продолжительного скептического отношения российских специалистов к «валунным насыпям» как к объектам изучения было, прежде всего, массовое распространение в Карелии практики очистки от камней участков земли под пашню и сенокосы: «... крестьянские пашни и сенокосные пожни имеют весьма оригинальный вид, будучи покрыты по бокам и средине большими кучами валунов, собранных с поля и сложенные в одно место» [2, с.11]. Исследователи, которые эпизодично проводили раскопки «каменных груд», чаще всего сталкивались с фактом отсутствия находок, делали заключение об их общей малоинформативности и не вводили «неинтересные» материалы в научный оборот. Наверно, поэтому в последнем обобщающем издании по археологии Карелии каменные кучи характеризуются кратко: «археологи неоднократно их раскапывали, одни оказывались пустыми, другие содержали невыразительный материал» [3, с.344]. Преимущественно они рассматривались в связи с описанием так называемых «саамских культовых комплексов». До начала XXI в. опубликованная информация по этим выразительным памятникам Карелии отсутствовала.

В 2000-х гг. М.М. Шахновичем предпринята попытка первично обобщить и систематизировать имеющийся материал полевого изучения «каменных груд» Карелии [4]. Неразработанность темы требовала подкрепления каких-либо выводов более полной источниковой базой. Для ее увеличения были предприняты целенаправленные натурные изыскания по данной теме. Особое внимание уделялось объектам, которые отвечали «чистоте наблюдения», т.е. не имели поблизости следов сельскохозяйственных работ. С 2000 по 2017 гг. были осуществлены раскопки «наземных» каменных сложений в девяти пунктах Карелии и Мурманской области: Толвуйская Губа II в Заонежье, в урочище Чёртов Стул около г. Петрозаводск, на острове Руйсаари и на п-ве Хююрниеми на Ладожском озере, Кинерма I в Южной Карелии, в Западной Карелии – около п. Суккозеро и д. Алозеро, на мысе Колгуй острова Анзер в Белом море [5], на озере Окунёвое около г. Ковдор [6]. Также произведено обследование уже известных валунных куч на Кольском п-ве (остров Кильдин, мыс Питкуль около г. Кандалакша) и на островах в Белом море (архипелаги Кузова и Кемский, Большой

Заяцкий остров) [7]. Накопленная обширная информация позволяет нам сформулировать некоторые выводы.

В подавляющем большинстве, «каменные наброски» Карелии различной величины – это, чаще всего, следы «окультуривания» крестьянских полей. За годы работы сформировался набор критериев для определения валунных объектов, связанных с разновидовой сельскохозяйственной или индустриальной деятельностью. И все же, во многих случаях, без раскопок точно определять функциональное назначение, и, тем более, культурную принадлежность и датировку конкретной каменной кучи было бы самонадеянно. Как показывает собственный полевой опыт и исследования коллег в России [8, с. 67–68; 9–12] и Финляндии [13–15], некоторые невзрачные «валунные насыпи» могут быть любопытными археологическими объектами. При увеличении количества раскопанных, подробно документированных каменных куч они могут стать одним из памятников, важных для правильного понимания хода этнокультурных процессов в Средневековье на территории Карелии. Сегодня валунные сложения постепенно привлекают все большее внимание российских археологов, особенно, если они выявляются при обследовании участков хозяйственного освоения [16; 17].

В последнее десятилетие в российской археологической практике накоплен некоторый опыт комплексного изучения валунных куч, где наряду с традиционными методиками, применяются и естественнонаучные. Возможность сопоставлять информацию, полученную различными способами, дает качественно новый потенциал для исследований. В данной работе представлены первичные результаты обследования комплекса каменных сложений Ниэмелянхови I в Северном Приладожье.

История археологического изучения района исследования

До начала XX в. археология Северного Приладожья была представлена отдельными средневековыми вещами и многочисленными, но малоинформативными находками каменного века, преимущественно – крупными шлифованными орудиями из сланца [18]. Первое, ориентированное на поиск археологических памятников исследование в районе г. Сортавала, осуществили в 1878 г. Х. Лайтинен и Х.А. Рейнхольм, картировавшие известные места древних поселений и городищ. В 1879 г. Т. Швинд производит сбор сведений о древних объектах (монастыри, часовни, захоронения, укрепления) на северо-западном побережье Ладоги [19, с.14–15]. Финляндский археолог Х. Аппельгрен, проводивший в 1888 г. экспедицию по изучению линнавуори в Сортавальском уезде, нанес на карту остатки корельских укреплений на скалах. А. Еуропеус в 1921 г. открыл и частично раскопал неолитическое поселение Лавиярви I (Otsonen Ylätalo) на северо-восточном берегу одноименного озера [18, с. 81–83].

Эпизодично и выборочно в Сортавальском р-не КАССР/РК проводились работы в 1980–1990 гг. Г.А. Панкрушевым и И.Ф. Витенковой [20]. Они осмотрели побережья некоторых внутренних водоемов, недалеко от Ладожского озера, где в 1960, 1980 гг. Г.А. Панкрушев выявил стоянки каменного века Мейери I–III, Реускула I, II [21, с.104–109]. В 2016 г. М.М. Шахновичем на скальном массиве, в 2 км к северо-востоку от п. Лавиярви и в западной части п-ва Хююрниеми, зафиксированы три оригинальных каменных сложения – межевые знаки XVIII–XIX вв.

Памятники Средневековья, в основном, известны вдоль узкой прибрежной полосы Ладожского озера. Они представлены древностями, связываемыми с материальной культурой древней корелы: линнавуори (крепости на скальных возвышенностях), одиночные погребения под каменными кучами и случайные находки средневековых вещей (фибулы, монеты, изделия из железа) [22]. Непосредственно около п. Ниэмелянхови, по данным финляндских археологов XIX в., известно два

корельских линнавуори XII–XIII вв.: Рауталахтилиннавуори около залива Сювялахти и Отсойнен-Линнамяки на северном берегу залива Ниэмелянлахти [23; 24].

Описание археологических работ

Полуостров Хююрниеми вытянут с севера на юг: длина – 2,9 км, ширина в основании – 0,55 км. На нем существуют два крупных скальных всхолмления (34 и 57 м над ур.м.), с понижением рельефа между ними. Южные склоны скальных возвышенностей обрывистые, со следами от сейсмических обрушений. Поверхность скал задернована, поросла разреженным еловым лесом. Грунт выше 30 м над ур.м. – намывной песок, ниже – серая супесь послеледниковых донных отложений Ладожского озера.

Предмет нашего исследования – комплекс каменных сложений Ниэмелянхови I, располагается на северном берегу залива Ниэмелянсалми, в 1,95 км к западу от крайней восточной оконечности п-ва Хююрниеми (Hyyrniemi), в 0,47 км к северо-западу от отеля «Ладожская усадьба», в 0,95 км к северо-востоку от п. Ниэмелянхови. Впервые на неординарную группу каменных куч на южном берегу п-ова Хююрниеми обратили внимание в 2014 г. Ал. и Ел. Легконоговы. В 2016 г. М.М. Шахнович совместно с М.А. Кульковой, во время предварительной археологической разведки, провели комплексное обследование этого оригинального памятника: осуществили общую аналитику объекта и небольшим шурфом вскрыли одно из валунных сложений. Основная задача, которая ставилась в процессе работ – установить предназначение «каменных груд», которое, на наш взгляд, не исчерпывалось простым перемещением «ненужных» камней, собранных с прилегающей территории, и хаотичное их «складированние» на определенном участке. Важным было определение системы, по которой создавались каждое сооружение и «комплекс» в целом[1].

Всего зафиксировано 14 аккуратных, компактно сложенных каменных куч. Они находятся на ровной, без заметных западаний площадке между двумя скалами: с запада – крупная вершина (57,1 м) с отвесными склонами, с востока – небольшой скальный выход. Площадка со сложениями примыкает на западе к задернованному краю каменистой осыпи позднеголоценовой сейсмодислокации, крупные куски которой выходят на поверхность. Грунт каменистый, с небольшим количеством супеси. Процессы почвообразования в данном месте незначительны, и стандартная стратиграфическая колонка ровная и, на первый взгляд, малоинформативная: дерн, мощностью 0,03–0,04 м; супесь «огородного» темно-серого цвета – 0,1–0,12 м; серая супесь. Из-за позднего аграрного прессинга на площадку в стратиграфии нет подзола. Особо отметим отсутствие в центральной части памятника, в верхнем слое почвы, мелких частиц угля (стабильный признак традиционного для этих мест подсечно-огневого способа подготовки участков к аграрной практике, применявшегося до 1870-х гг.) и их наличие на периферии исследуемого участка, на пространстве между кучами. В целом, сохранность верхнего слоя почвы удовлетворительная: нет разрушительных повреждений ливневыми потоками и антропогенной деятельностью. Поверхность поросла редкими елями и осинами (возраст – 70–80 лет), задернована. Ранее существовал небольшой кустарниковый подрост, но он был удален при благоустройстве территории. Площадь памятника – 1150–1200 м^2 (95×60 м) (рис.1).

Наблюдается ощутимый естественный наклон поверхности площадки к югу, в сторону озера – среднее понижение на 1 м составляет 0,24 м. Высота памятника над уровнем водоема – 13–15 м, расстояние от его южной границы до воды – 75 м. В этом районе Северного Приладожья современное поднятие суши происходит со скоростью

[1] Наши работы не состоялись бы без бескорыстной помощи коллектива ООО «Ладожская усадьба», В. Куликова, Ел. Легконоговой и самоотверженного труда Ю.Н. Кожевниковой и Э.М. Гернета.

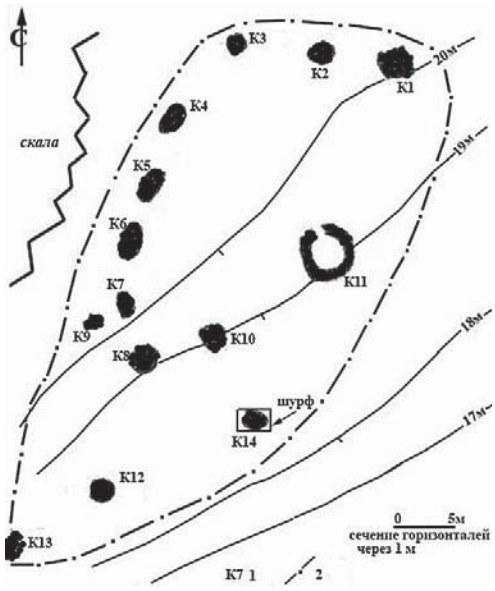


Рис. 1. План Ниэмелянхови I. 2016. 1 - валунные сложения; 2 - граница памятника.

1 мм/год [25], т.е. 500–600 лет назад уровень Ладожского озера был приблизительно на 0,5–0,6 м выше современного.

В плане валунные сложения расположены условной дугой, охватывающей «поляну» с севера, запада и юга, оставляя «открытой» восточную сторону. Каменные кучи размещены приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга – 2–4 м. Они единообразны по морфологии: форма в плане – вытянутая, подовальная или подокруглая (1,5–2,5×1,5–2 м), профиль уплощенный, камни укладывались в 2–3 ряда, высота – max 0,4 м (рис.2, 3). Использовались небольшие камни – 0,2–0,4 м и, скорее всего, взятые непосредственно на месте. Визуально, без раскопок, какой-то специальной системы в их укладке не наблюдается. Единственно, у сложений № 2, 4, 5, 8, 13 внешний край выложен из более крупных камней. В условном центре «комплекса» находится только одно, самое большое сложение № 11, которое целиком разобрано «кладоискателями». Еще одна куча (№ 1) имеет следы от «быстрого» вскрытия – выемку в центре. До наших работ с большинства сложений удален дерн, но первоначально они были полностью задернованы. При визуальном осмотре куч № 3, 6, 7 создается впечатление о возможной установке столбов в их центральной части. Между камней сложения № 13 найдена кость свиньи двух-трехлетнего возраста (кабан?) – проксимальный конец плечевой кости (7×5 см, 34 г)[2].

При отсутствии находок подробное описание наземной конструкции становится основным источником для поиска аналогий, понимания ее функционального назначения и возможного датирования. С этой целью на памятнике, в рамках небольшого шурфа 3,75 м^2 (1,5×2,5 м), разобрана отдельно стоящая кладка № 14. Она располагается на ровной, с небольшим наклоном к югу (10 см на 1 м по линии север – юг), в настоящее время обезлесенной площадке. В плане овальной формы, размерами 2,3×1,25 м, сложена из приблизительно одинаковых камней – 0,2–0,3 м, максимально – 0,25×0,4 м. Ориентирована длинной осью по линии северо-запад – юго-восток, т.е. параллельно берегу озера. Куча невысокая – верхний слой камней возвышается над современной дневной поверхностью (с.д.п.) максимально на 0,2 м (рис.4, 5).

Шурф включил в себя каменное сложение и свободный от камней участок по ее периметру, ориентирован по линии запад – восток, т.е. по длинной оси сложения. Культурный слой разбирался вручную с помощью «мелкого» шанцевого инструмента горизонтальными зачистками по 1–2 см толщиной по горизонтальным слоям (0,1 м). Грунт просеивался. Каменное сложение разбиралось в два этапа (по половинам) с фиксацией профилей. По завершении работ объект восстановлен.

Первоначально был снят верхний (первый) ряд камней в восточной части сложения. Между ними находился «аграрный» слой темно-серой супеси. Основание

[2] Определение д.б.н. А.В. Зиновьева (ТвГУ).

Рис. 2. Ниэмелянхови I. Вид с севера.

Рис. 3. Ниэмелянхови I. Сложение 5. Вид с юга.

конструкции – второй ряд камней проступил единым уровнем и имел в плане прямоугольную форму, с четко оформленными углами и прямыми краями, по длинной оси ориентированный – юго-запад – северо-восток. Камни лежали ровным слоем в серой материковой супеси. После полного их удаления следов перекрытого дерна не наблюдалось. Находки отсутствовали. Анализируя стратиграфическую и планиграфическую ситуации в шурфе, отметим важное наблюдение – каменное сложение было незначительно «заглублено» в слой серой материковой супеси. Верхний «аграрный», темно-серый слой возник позже создания кучи. В центре под камнями, по слабо заметному изменению цветности грунта, можно говорить о наличии небольшого углубления, что впоследствии было подтверждено геохимическим анализом.

Для радиоуглеродного датирования был взят уголь из верхнего слоя кладки 12 (рис.6). Абсолютный возраст угля определен методом радиоуглеродного датирования (14C) – 279±25 л.н. (SPb-2445). Калиброванное значение образца в двух пиках в календарном выражении соответствует периоду конец XVI – середина XVII вв. (1516–1595 и 1617–1665 лет н.э.).

Геохимические исследования

При ситуации отсутствия маркирующих находок, что часто бывает при предварительном обследовании, важным фактором для выработки объективного заключения является привлечение геохимических методик. Они позволяют отвечать на вопросы, на которые трудно или часто невозможно ответить только «классическими» способами археологии. Одна из значимых задач, которая может быть решена с помощью естественно-научных методов – это индикация археологических памятников и реконструкция различных функциональных зон в местах древних обитаний. Материалы раскопок дополняются информацией о структуре антропогенных отложений, условий их формирования и накопления, что многократно повышает результативность работ.

В последнее время в России успешно развиваются методики отбора образцов по площади, с использованием многоэлементного анализа и обработки данных методами математической статистики [26]. Анализируются индикаторные соотношения элементов, которые отражают степень обогащения антропогенным материалом по сравнению с их фоновыми содержаниями в отложениях зоны поселения или за его пределами [27, p.35–51]. Подобного рода опыт ранее успешно применялся нами для аналитики сакральных объектов в Русской Лапландии [28; 29], а в Северном Приладожье это осуществлено впервые. Кратко приведем основные выводы доцента кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), к.г.-м.н. М.А. Кульковой по результатам обследования комплекса каменных сложений Ниэмелянхови I.

В нашем случае геохимическое исследование было проведено на всем участке «поляны» и на вскрытом каменном сложении. Образцы отложений, залегающих под слоем дерна, отбирались по всей площади памятника, по условной сетке, через 0,5–1 м. При обследовании вскрытой шурфом валунной кучи образцы среднезернистого песка, залегающего под дерновым слоем, и серого суглинка, брались под камнями и вокруг нее, через каждые 0,3 м. Кроме того, были взяты «фоновые» пробы грунта за пределами «поляны». Всего получено 110 образцов.

Химический состав отложений определен рентгено-спектральным флуоресцентным методом на спектрометре «СПЕКТРОСКАН МАКС» в лаборатории Геохимии окружающей среды РГПУ им. А.И. Герцена. В результате камеральной обработки геохимических данных, с помощью компьютерной программы SurferMappingSystem (Version 9.0) были построены графики и карты, отображающие

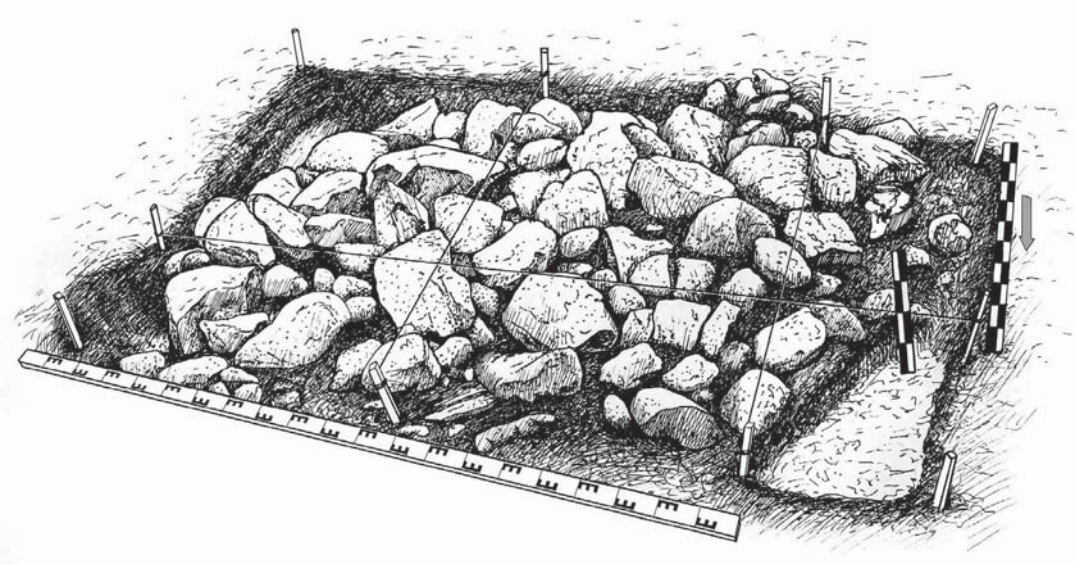


Рис. 4. Ниэмелянхови I. Сложение 14 до разборки. Вид с северо-запада.

Рис. 5. Ниэмелянхови I. Сложение 14 до разборки. Вид с востока.

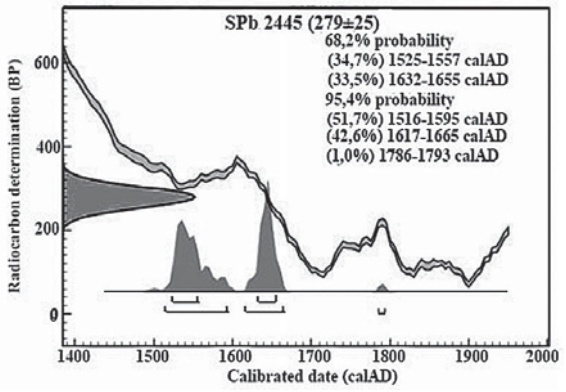


Рис. 6. Ниэмелянхови I. Радиоуглеродная дата угля.

пространственное распределение в почвенном слое памятника показателей содержания основных геохимических индикаторов, связанных с антропогенной активностью и особенностями природных процессов осадконакопления: меди, цинка, кальция, калия, магния, фосфора, хрома, кадмия, натрия и свинца.

Данные геохимических исследований химических компонентов, не связанных с биогенными процессами, позволили установить особенности микрорельефа на площади валунного сложения № 14. В центральной части поверхности под валунной структурой фиксируется повышенное содержание глинозема и кремнезема, что связано с более плотными суглинистыми отложениями в этой части. Осадочные образования, расположенные по периметру каменного сложения, характеризуются повышенной песчаной составляющей, что способствует их размыву и формированию понижений в этой части рельефа структуры. На рис.7 (цв.вкл.) показана 3D модель распределения кремнезема, которая отражает особенности микрорельефа в грунте под сложением. Значения кальция, фосфатов, железа в слое суглинка под камнями

и в почвенном слое превышают фоновые значения в два раза. Содержание других химических компонентов (марганца, цинка, калия) не отличается от фоновых показателей. Таким образом, в слое супеси под каменным сложением № 14 фиксируется небольшая яма, в которой локально вычленяется ряд геохимических элементов, соответствующий или погребению или некому набору вещей «культового» характера (предположительно янтарь, зубы).

На территории всего комплекса выявлены на разных участках аномальные концентрации различных химических элементов, соотносящихся с разносторонней антропогенной деятельностью. Это позволило локализовать пока неясные по характеру специфические зоны человеческой деятельности на памятнике.

Как основной индикатор деятельности человека рассматривается фосфор. Фосфатный метод традиционно используется для установления границ археологических памятников, вычленения их инфраструктуры и определения интенсивности использования территории. Содержание фосфора в почве на площади памятника небольшое, но больше его естественных показателей в два, локально – в три раза. Аномальные концентрации фосфатов (P_2O_5) совпадают с участками около каменных «куч». На плане распределения фосфатов хорошо «читается» полукруглая аномалия его повышенных концентраций во внутренней зоне комплекса. В центре площадки также фиксируется повышенное содержание кальция (CaO) (цв.вкл.: рис.8, 9).

Аномальное распределение антропогенного калия (K_2O), который может отражать появление древесной золы, соотносится с участками расположения каменных скоплений. Здесь же отмечен небольшой рост показателей железа. Содержание остальных химических элементов находится на уровне фона (цв.вкл.: рис.10).

Таким образом, по геохимическим данным аномальные зоны на памятнике, в основном, хорошо фиксируются по повышенному содержанию совокупности таких антропогенных компонентов, как P_2O_5, CaO, Fe_2O_3, K_2O, повышенные значения которых сопряжены с валунными сложениями в центральной и боковых зонах комплекса. Возможно, это отмечает деятельность, связанную с разделкой животных, сжиганием древесины и использованием охры, происходившую в центральной части памятника около разобранной большой каменной кладки № 11 и вокруг остальных каменных куч.

Точно ответить на вопрос о назначении валунных куч пока невозможно. По геохимическим данным, на площадке памятника не фиксируется активная сельскохозяйственная деятельность. Вероятнее всего, можно говорить не о захоронениях под камнями (полностью не исключая данную возможность), а о неких (ритуальных?) действиях, проводимых около валунных куч.

Результаты лихенометрического обследования

При незначительности исходных данных установить точное время выкладки каменных сложений крайне сложно, поэтому было решено использовать для относительного датирования лихенометрический анализ. В настоящее время метод лихенометрии (определение возраста субстрата относительно размера таллома лишайника) широко используется при геологических исследованиях и для датировки древних сооружений. Методика основывается на том, что скорость роста лишайников разных жизненных форм и экологических групп существенно различаются. В то же время она зависит от конкретных физико-географических условий, онтогенетического состояния, положения в синузии и антропогенного пресса [30–32]. Лихенометрический метод удачно применялся для датирования исторических и археологических объектов в Скандинавии, Карелии и Кольском п-ве [33–35]. В 2017 г. д.б.н. А.В. Сониной и А.А. Курбатовым (кафедра ботаники и физиологии растений ПетрГУ)

осуществлен выезд в п. Ниэмелянхови для проведения лихенометрических исследований на исследуемой группе каменных сложений п-ва Хююрниеми.

Памятник – кучи камней, сложенные на участке берегового склона южной экспозиции, находится в подзоне южной тайги (еловые растительные сообщества) со следами значительного антропогенного воздействия. На поверхности каменных сложений сформировался мохово-растительный покров с преобладанием зеленых мхов *Hyloconium splendens, Mnium sp.,* печеночников, папоротников из родов щитовника, кочедыжника и сосудистых растений, с доминированием земляники лесной и кислицы обыкновенной. Глубина залегания камней (толщина напочвенного покрова) не превышает 5 см. Внешний облик каменных сложений на момент осмотра: четкая визуализация, неполное покрытие мхами и сосудистыми растениями, обнажение отдельных камней.

Как выяснилось, до 2017 г. каменные сложения были целиком закрыты дерном. В настоящее время – это расчищенные «чистые» камни. Полностью была «благоустроена» и площадка, на которой располагается комплекс: с нее был удален лиственный подрост и травяно-кустарничковый покров. Эти два обстоятельства значительно сузили источниковую базу для наблюдений.

По результатам обследования сделано следующее заключение: в комплексе Ниэмелянхови I потенциал лихенометрического метода невозможно использовать из-за отсутствия лишайников на поверхности камней в валунных сложениях. Только на единственном объекте (№ 8) были зафиксированы пятна одного вида эпилитного лишайника – *Porpidia crustulsta*. Данный факт не может стать основой для каких-либо обобщающих заключений на базе лихенометрического анализа из-за неясности природы появления этого локального участка данного вида. Вполне возможно, что фрагменты таллома существовали на камне до сложения кучи. Нельзя исключить, что это не один таллом, а слияние нескольких особей одного вида лишайника. Кроме того, отсутствуют наблюдения о скорости роста этого вида лишайника для Северного Приладожья.

Использование такого дополнительного показателя, как глубина залегания камней, который мог бы отражать степень развития напочвенного покрова и период его формирования, не дает объективного представления о точном времени сложения каменных куч даже с какими-то допущениями. Толщина напочвенного покрова внутри одного растительного сообщества в зависимости от конкретной геоморфологической ситуации, рельефа, густоты древесного яруса, наличия подроста, типа кустарничковой и травянистой растительности может значительно варьировать. Например, по наблюдениям в условиях подзоны северной тайги европейской части РФ (Архангельская область), в еловом сообществе после мощного лесного пожара, за период в 173 года, напочвенный покров нарастал на камнях от 0 до 0,2 м [36].

Толщина почвенного покрова, наросшего на каменных сложениях Ниэмелянхови I, позволяет допустить, что их возраст не менее ста лет. Однако, сумма таких факторов, как отсутствие в еловом сообществе развитого подлеска, расположение участка в защищенном скалой месте, что затрудняет перенос листового опада, наличие в древесном ярусе елей, что минимизирует накопление органики по сравнению с лиственными деревьями, может увеличить период формирования напочвенного покрова и примитивной почвы на камнях. По этой причине не представляется возможным получить более точную информацию о времени создания каменных сложений на основании только проведенного биологического исследования.

Вопросы интерпретации. Подводя итог, можно утверждать о существовании в данном месте двух разновременных, разнофункциональных и связанных друг

с другом только местом нахождения объектов. Первый, более поздний – это сельскохозяйственный участок, где выращивали неприхотливые корнеплоды (репа?). В данном регионе первые следы зернового земледелия (пыльца гречихи и ячменя)[3] фиксируются уже в конце каменного века – начале эпохи бронзы [38, с.35–36; 39], активное земледельческое хозяйствование – с IX в. н.э. [22]. Дефицит удобных мест под посевы, с включением в аграрный процесс подобных «малоудобных» каменистых площадок, начинается предположительно с XVII в., что косвенно подтверждается радиоуглеродной датой угля из верхнего почвенного слоя на каменном сложении.

Для объективности отметим, что темный, «аграрный» слой почвы присутствует повсеместно на площадке, но его нет рядом, восточнее, на более удобном для агроработ участке, где каменистость значительно меньшая. Также, как указывалось ранее, мелкие фрагменты угля – признак традиционного подсечного способа подготовки лесных пожогов под сельскохозяйственную разработку – есть в верхней части грунта между кучами, но не фиксируются в центре «поляны». Общая каменистость земли и значительный наклон площадки, приводящий к быстрому вымыванию микроэлементов, искусственно внесенных в почву, делали длительную эксплуатацию «поляны» малопродуктивной. На подробной экономической карте района 1937 г., опирающейся на фискальные документы и фиксирующей исторический максимум введения земель в агрооборот, сельскохозяйственные наделы в данном месте не обозначены.

Второй, более ранний объект – это комплекс каменных сложений, который, по нашему мнению, имел не утилитарное, а пока непонятное сакральное назначение. Например, представляет собой некие вариации мест погребений или проведений ритуальных практик и т.п. Приведем некоторые свои соображения по данным гипотезам.

Валунные «груды» размещены на местности по единой системе, имеют одинаковую морфологию, т.е. при создании комплекса существовала общая структурная модель. Конструкция куч отличается от «типовых» аграрных «булыжных» сложений в Карелии. Обычно при земледельческих работах карелами использовались два варианта. Первый – «быстрый», применяемый на отдаленных лесных подсеках – укладка мешающих поверхностной вспашке камней на крупные валуны. Второй, «долговременный» подразумевал тщательную очистку участков от камней в большие сооружения по краям обрабатываемых полей – «оградки», высотой до 0,7–1 м и длиной до 40–60 м, или округлые в плане «каменные кучи» определенной конструкции (из крупных валунов выкладывались внешние вертикальные стенки высотой до 0,6–0,9 м, а центральная часть сложения заполнялась более мелкими камнями) [4; 40, с.267–268].

По результатам раскопок и геохимической аналитики одного из сложений комплекса можно говорить о таких интересных чертах, как небольшое заглубление куч, преднамеренное оформление основания кладки в виде прямоугольника, наличие ямы с предметами под камнями, отсутствие следов термического воздействия на камнях и кальцинированных костей.

Датировка каменных сложений, как и их культурная принадлежность, сейчас не ясны. Единственно можно констатировать, что пахотный слой перекрывает исследованную кладку, а значит она древнее поля XVI в.

---

[3] По данным К. Нордквиста самые древние находки пыльцы культурных злаков в Юго-Восточной Финляндии датируются около 5200 кал. лет до н.э. Следы подсечно-огневого земледелия фиксируются в Южной и Центральной Финляндии с середины III тыс. до н.э., но первые макроостатки злаков (ячмень) появляются только в раннем бронзовом веке (II тыс. до н.э.) [38].

Особо следует остановиться на вопросе функционального назначения валунных сложений Ниэмелянхови I. Обычно каменные наземные кладки Северного и Западного Приладожья интерпретируются как жертвенные, намогильные, культовые или просто непонятного характера. Визуально, без проведения раскопок однозначно определить назначение валунных сложений невозможно. На данном этапе данных для точного ответа недостаточно, поэтому мы предлагаем набор рабочих гипотез.

1. Валунные сложения в контексте средневековой погребальной обрядности. Различные виды их возможного использования как части погребального объекта: наземное захоронение – обкладывание тела камнями; кенотаф; место погребения без «урны» легковымываемого материала, например, пепла совершенной на стороне кремации; «захоронение» вещей или пищи для «отправки» их покойным сородичам [4, с.270].

При незначительной изученности в этом регионе городищ и поселений, погребальные памятники на сегодня – единственная категория археологических объектов, дающая возможность наметить хронологию и периодизацию средневековых древностей корелы [41, с.132]. Все исследователи отмечают своеобразие археологических черт погребальной традиции корелы, что существенно отличает изучаемый регион от соседних территорий, обусловливает его культурную специфику [41, с.133; 42, с.44–50; 43, с.82–92]. В приграничье Карельского перешейка А.И. Сакса выделяет каменные насыпи погребального и ритуального назначения, но они пока неизвестны севернее [11, с.87–91]. С.В. Бельским в Западном Приладожье изучен ряд грунтовых захоронений по обряду кремации в яме, перекрытой выкладкой из небольших камней, с металлическими предметами и керамикой, датируемые концом XII – началом XIII вв. [41, с.141–143,164]. Они не имеют хорошо различимых наземных сооружений, и сам исследователь ставит под сомнение преднамеренный характер каменных кладок.

Нельзя полностью исключить вариант небольшого семейного могильника, который традиционно для финно-угорского населения размещался всегда в ельнике. Ель, в отличие от сосны – традиционный символ «нижнего мира», некий «медиатор между мирами и маркёр иного мира» [44, с.206].

2. Ритуальный пункт. Культовое место локального почитания – «скверное мольбище» – тип охотничьего святилища-жертвенника. Сходный памятник на Кольском полуострове описывает В. Чарнолусский: «На самой вершине холмика на берегу озера сложена груда окатанных голышей размером с детскую голову и побольше. Камни обложены оленьими рогами. Некоторые рога украшены треугольными кусками красного сукна и бусами» [45, с.70]. Известны подобные места и в Карелии. Священные огороженные места («хииси») в ареале финно-угорских народов – это всегда запретный для рубки вековой ельник и каменные кучи, где делали небольшие, но обязательные и жестко регламентированные вотивные жертвоприношения (первое материнское и коровье молоко, первая кровь при забое скота, мотки пряжи и т.п.) духам леса [46, с.117].

Заключение. Представленная работа не претендует на полный анализ проблематики валунных куч Карелии. Результаты, полученные в ходе совместных исследований на комплексе каменных сложений Ниэмелянхови I, доказывают правомерность постановки вопроса о существовании в Средневековье в Северном Приладожье определенного типа наземных памятников ритуального характера, скорее всего, корельской культурной традиции. К сожалению, пока нельзя сделать более конкретные выводы о датировке, назначении и культурной принадлежности этого оригинального объекта. Общий итог наших изысканий видится положительным, что придает оптимизма в деятельности по дальнейшему изучению «каменных груд».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брюсов А.Я.* История древней Карелии. М.: Изд. ГИМ, 1940. – 320 с.
2. *Приклонский С.А.* Народная жизнь на Севере. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерева и К⁰, 1884. – 366 с.
3. Археология Карелии / Отв. ред. М.Г. Косменко, С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: Изд. КНЦ РАН, 1996. – 416 с.
4. *Шахнович М.М.* Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск: Изд. КНЦ РАН, 2005. – С. 260–277.
5. *Мартынов А.Я., Шахнович М.М.* Разведки и раскопки на Соловецких островах // АО-2009. М.: Наука, 2013. – С. 43–44.
6. *Шахнович М.М., Кулькова М.А.* «Ковдорские платформы»: опыт археологического изучения валунных сложений Восточной Фенноскандии // X Ушаковские чтения. Мурманск: МГГУ, 2014. – С. 122–138.
7. *Шахнович М.М.* К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2003. – С. 111–116.
8. *Кирпичников А.Н., Назаренко В.А., Сакса А.И., Шумкин В.Я.* Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров. СПб.: Наука, 1992. – С. 64–74.
9. *Мартынов А.Я.* Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов южной части Белого моря. Архангельск – Соловки: Правда Севера, 2002. – 235 с.
10. *Сакса А.И.* Древняя корела в эпоху железного века (к вопросу о происхождении летописной корелы) // In situ. СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. – С. 286–287.
11. *Сакса А.И.* Каменные насыпи древней Карелии. От погребальных сооружений к ритуальным каменным кучам // Археология сакральных мест России. Соловки: Соломбальская тип-я, 2016. – С. 87–91.
12. *Харьковский И.* Комплекс валунных выкладок и камней-чашечников на берегу реки Мужала // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 368–380.
13. *Tallgren A.M.* Muutamia uusia muinaislöytöjä ja kaivauksia // Suomen Museo. Helsinki, 1918. № 25. – S. 47–61.
14. *Вуоринен Ю.-М.* Каменные курганы с центральным камнем на побережье Юго-Западной Финляндии // Археология Севера. Вып. 1. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1997. – С. 184–192.
15. *Адель В.В.* Каменный курган Реухаринниеми в Тампере и проблематика «лопарских руин» // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки: Солти, 2006. – С. 150–161.
16. *Михайлова Е.Р., Шмелёв К.В., Соболев В.Ю., Мурзенков Д.Н., Фёдоров Н.А., Тарасов И.И.* Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева в 2015–2016 гг. // Бюллетень ИИМК. № 8. СПб.: Изд-во «Периферия», 2018. – С. 31–32.
17. *Семёнов С.А., Соловьева Н.Ф., Блохин Е.К., Васильев С.А.* Историко-культурная экспертиза памятников археологии в Ленинградской области // АО-2016. М.: Наука, 2018. – С. 26–27.
18. *Kunnas Liisa.* Tracing Stone Age on the Northwestern Shtore of Lake Ladoga. Stray finds, the sites of Otsoinen Ylätalo and Meijeri I–III and the possibilities of Stone Age archaeology in the former parish of Sortavala. Helsinki: Master of Arts Thesis. 2011. – Pp. 28–41.
19. *Уйно П.* Археологические исследования в Сортавале и окрестностях до 1939 г. // Сортавальский исторический сборник. Петрозаводск: Радуга, 2005. Вып. 1. – С. 14–15.
20. Археологические памятники Карелии. Каталог. Петрозаводск: Стандарт, 2007. – 200 с.
21. *Витенкова И.Ф.* Памятники каменного века Северного Приладожья. Петрозаводск: Изд. КНЦ РАН, 2012. – 216 с.
22. Karjalan synty. Viipurin läänin historia. 1. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino, 2003. – 560 s.
23. *Appelgren H.* Suomen munaislinnat // SMYA. Helsinki: 1891. № 12. – S. 77–91.

24. *Кочкуркина С.И.* Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: Взлёт, 2010. – 264 с.
25. *Mäkinen J., Lilje M., Ågren J., Engsager K., Erikson P.O., Jepsen C.V., Olsson P.-A., Saarinen V., Schmidt K., Svensson R., Takalo M., Vestol O.,* 2006. Regional Adjustment of Precise Levelings around the Baltic. June 1-4, 2005 // Report on the Symposium of the IAG Sub-commission for Europe (EUREF) in Vienna. Vol .38. Frankfurt am Main: Mitteilungen des Bundesamtes für Kartographie und Geodäsie, 2006. – Pp. 171–183.
26. *Лопачёв В.А., Кулькова М.А.* Методы прикладных палеоландшафтных геохимических исследований: учебное пособие для геоэкологических, геохимических специальностей вузов. СПб.: Изд. РГПУ, 2012. – 154 с.
27. *Oonk S., Slomp C.P., Huisman D.J.* Geochemistry as an aid in archaeological prospection and site interpretation: Current issues and research directions // Archaeological Prospection. 2009: FRA. 16. – P. 35–51.
28. *Кулькова М.А., Шахнович М.М.* Опыт комплексного археолого-геохимического исследования культовых памятников Мурманского Заполярья (п-ов Средний) // Первобытные древности Евразии. М.: Полюс, 2012. – С. 657–676.
29. *Кулькова М.А., Шахнович М.М.* Археолого-геохимическое исследование сакральных объектов Западного Мурмана (п-ов Средний) // Комплексные исследования природы Шпицбергена. Вып. 11. М.: Радуга, 2012. – С. 132–141.
30. *Мартин Ю.Л.* Лихенометрическая индикация времени обнажения каменистого субстрата // Экология. 1970. № 5. – С. 16–24.
31. *Sjöberg R.* Lichenometric Dating of Boulder Labyrinths on the Upper Norrland Coast of Sweden // Caedroia. 27. 1997. – Pp. 10–17.
32. *Sonina A.V., Fadeeva M.A., Shreders M.A.* The growth of lichens on the coastal rocks in environmental conditions of South Karelia // International meeting “Lichens of Boreal Forests”. Syktyvkar: изд. КоНЦ РАН, 2008. – P. 134–144.
33. *Кожевникова Ю.Н., Шахнович М.М., Сонина А.В.* «Пещера» на Яше-ручье – неизвестный памятник истории Православия Карелии // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 8. Архангельск: Прогресс Севера, 2015. – С. 103–108.
34. *Шахнович М.М., Кулькова М.А., Сонина А.В.* Хендолакшский лабиринт в Кандалакшском заливе Белого моря // Археология Севера. Вып. 6. Череповец: изд. Минина Е.В., 2015. – С. 149–156.
35. *Мелехин А.В.* Результаты лихенометрического датирования каменных кладок в окрестностях г. Кандалакша (Россия, Мурманская область) // Принципы экологии. Вып. 2. 2014.– С. 47–55.
37. *Тарасова В.Н., Андросова В.И., Сонина А.В.* Лишайники. Ч. 2.: Физиология, экология, лихеноиндикация. Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2012. – 216 с.
38. *Нордквист К.* Развитие производящего хозяйства на территории Финляндии в каменном, бронзовом и раннем железном веках // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: ИПК Парето-Принт, 2018. – С. 31–38.
39. *Крийска А.* Некоторые вопросы возникновения земледелия в Восточной Прибалтике // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь: ИПК Парето-Принт, 2009. – С. 39–48.
40. *Шахнович М.М.* Троицко-Сунорецкий монастырь в западном Прионежье: археологические работы 2007–2011 гг. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: ТНИИР-Центр, 2017. – С. 257–272.
41. *Бельский С.В.* Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XIII вв. Археологические исследования 2010–2016 гг. // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 5. Опорные археологические памятники и региональные хронологические схемы Восточной Европы. СПб.: МАЭ РАН, 2018. – С. 131–262.
42. *Uino P.* Ancient Karelia. Archaeological studies / SMYA. 104. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1997. – 426 s.
43. *Сакса А.И.* Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э.: происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-история, 2010. – 398 с.

44. *Винокурова И.Ю.* Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2015. – 534 с.
45. *Чарнолусский В.В.* Легенда об олене-человеке. М.: Наука, 1965. – 139 с.
46. *Конкка А.П.* Ель с золотой вершиной, или дерево предков (материалы по карельской мифологии и обрядности) // Ученые записки ПетрГУ. № 7 (176). 2018. – С. 115–119.

Национальный музей Республики Карелия,
г. Петрозаводск

M.M. Shakhnovitch, M.A. Kul'kova, A.V. Sonina
To the question about boulder mounds in the north ladoga lake region: experience of complex study
The article is about experience of complex study of stone constructions in the North Ladoga lake region. The authors define a certain type of land monuments of a ritual nature, most likely, of the medieval *Korela* cultural tradition.
Keywords: *boulder mounds, the North Ladoga lake region, the Late Middle Ages, geochemical research, lichenology.*

УДК 902.2 (470.331) https://doi.org/10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.510-517

И.В. ИВАНОВ

ПУСТОШЬ БАБКИНО В ВОЛОВИЦКОМ СТАНЕ ТВЕРСКОГО УЕЗДА: ПОПЫТКА ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ

В публикации приводятся данные немногочисленных письменных источников о существовавшей в XV – начале XVII вв. в Воловицком стане Тверского уезда деревне (пустоши) Бабкино.
Ключевые слова: *Тверской уезд, деревня, пустошь, топонимы, архивы, письменные источники.*

В 1992 г., во время археологических разведок и съемок курганных групп в окрестностях села Бурашево[1] было обнаружено гидротехническое сооружение, расположенное на одном из оврагов южного склона Бурашевской моренной гряды. Ввиду того, что исследованию подлежали памятники древнерусского времени, данный объект был оставлен за пределами рассмотрения. В настоящей публикации сделана попытка географической локализации и идентификации деревни (пустоши) Бабкино в Воловицком стане Тверского уезда.

Методика локализации средневековых топонимов была разработана еще в начале XX в. А.М. Андрияшевым [1], в середине XX в. она была доработана М.В. Витовым [2]. Дальнейшее развитие данное направление получило в XXI в. в работах А.А. Фролова и Н.В. Пиотух [3].

Местность, в которой располагается плотина, носит название «Бабкино». Коренными жителями для обозначения нежилых мест и территорий до сих пор используют названия, существовавшие исстари. В речи местного населения часто можно услышать следующие названия: Панькино, Погибелка, Чашница, Берендюжина (Берендеево), Бабкино и др. Наглядным свидетельством устойчивости и консервативности топонимов может служить деревня Гускино, переименованная в середине XIX в. в Алексеевское, до сих пор, в устной речи местных жителей, носит свое старое имя.

Стан Воловичи располагался к югу от города Твери, с запада граничил с Суземским, а с востока с Захожским станом Тверского уезда. С определенной долей условности можно сказать, что его западная граница проходила с запада от Волоколамской дороги и по реке Десне, восточная с восточной стороны Тургиновского тракта. С юга стан Воловичи соседствовал с Микулинским станом по реке Вязьме. К географическим особенностям данной территории можно отнести чередование положительных и отрицательных форм рельефа, это обстоятельство обусловлено тем, что стан расположен в границах Тверской (Калининской) моренной гряды, состоящей из трех параллельных цепей холмов, которые названы по расположенным на них селам: Ильинское, Бурашево и Неготино.

Впервые упоминание о деревне Бабкино встречается в Писцовых книгах Тверского уезда XVI столетия. В стане Воловичи находились две деревни с одноименным названием, различающиеся владельческим статусом.

Первая относилась к категории *«села и деревни владычни»,* то есть церковным землям, и состояла при Успенской церкви села Белей Архиерейских [4, с.221] (рис.1).

[1] Работы выполнялись сотрудниками ООО «ТНИИР-Центр» А.Б. Ивановой и И.В. Ивановым.

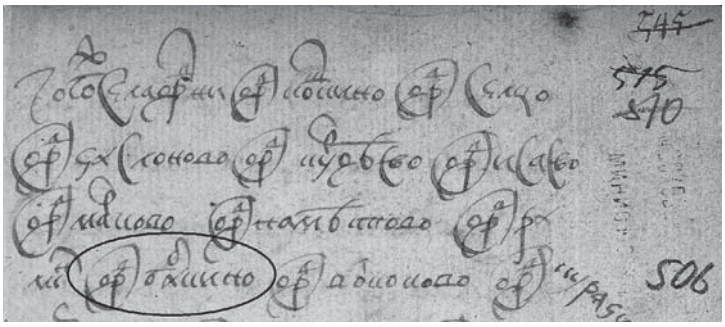


Рис. 1. Фрагмент рукописи Писцовые и дозорные книги Тверского уезда середины XVI в. [5, л.506].

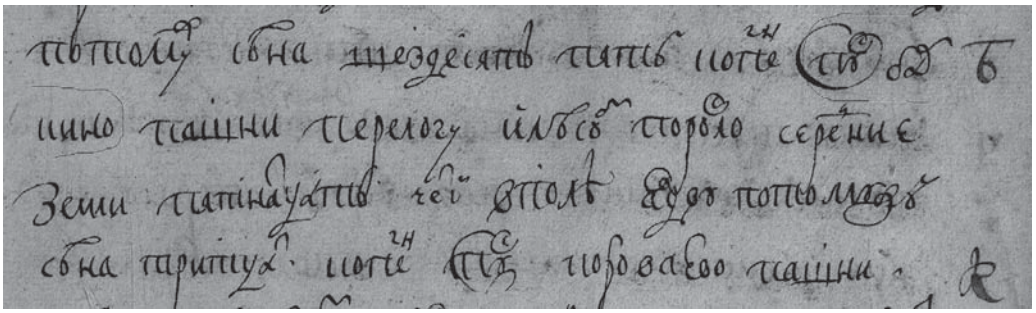


Рис. 2. Фрагмент выписи из писцовых книг Тверского уезда (1627–1628 гг.) [9, л.41].

Вторая была связана с иным типом землевладения, – «деревни князей и бояръ и детей боярскихъ тверичъ», ее владельцами были братья Павловы, – «*Садыка да Барсыи да Михаля Григорьевых детей Павлова дер. Бабкино; пашни полполполчети сохи. Садыка да Барсыи да Васки Григорьевых детей Павловых дер. Бабкино; пашни в поле 20 четьи, в дву потомуж , сена 20 коп. Садык с братьею служит владыце тверскому; земля сер.; а крепость меновая – владыки тверского Генатья*» [4, с.226].

Упоминание имени владыки Геннадия в тексте документа позволяет отодвинуть верхнюю границу существования деревни на третью четверть XV в. и ранее. Епископ Геннадий (в миру Григорий Васильевич Кожин или Кожа; ум. апрель 1477, Тверь) – в 1458 г. архимандрит Тверского Отроча монастыря. Тверскую епископию получил в 1461 г. Скончался в апреле 1477 г. Погребен в Тверском Спасо-Преображенском кафедральном соборе [6, с.408-409].

Основываясь на данных Писцовой книги (1551–1554 гг.) достоверно определить месторасположение деревень Бабкино не удается. Связано это с тем, что «*материалы почти полностью исчерпываются сухим перечнем деревень и пустошей, входивших в состав земельных владений. На географические подробности местоположения селений книги эти очень скупы и об именах рек и озер, при которых расположены были деревни, о принадлежащих к поместиям угодиях и т.п. упоминают очень редко и без всякой системы*» [1, с.XIV].

В 1916 г. была опубликована «Выпись из Тверских писцовых книг письма и меры Федора Игнатьева, да подьячего Тимофея (Стефанова) 1627–1628 гг. на владычные, монастырские и церковные земли» [7]. Данный документ позволяет провести сравнительный анализ землевладений Успенской церкви с. Белей Архиерейских за период с 1551 по 1628 гг. Можно отметить, что количество деревень и селец церковной вотчины сократилось с 80 до 75, из которых 70 после польско-литовского нашествия «*лежали в пусте*». Названия 35 населенных пунктов повторяются на страницах обоих документов, что свидетельствует об активном обороте земельных

владений внутри вотчины. Топоним Бабкино в опубликованной выписи не упоминается ни среди земель, принадлежащих Успенской церкви с. Белей Архиерейских, ни среди других церковных владений на территории всего Тверского уезда. Вместе с тем, на страницах документа появилось название пустоши Баркино, схожее по написанию с Бабкино, принадлежавшее все той же церкви Успения Богородицы села Бели Архиерейские [7, с.65].

Оригинал выписи из писцовых книг Тверского уезда (1627–1628 гг.) на владычные, монастырские и церковные земли, хранится в ГАТО [8, л.41]. Документ выполнен скорописью XVII в. одним из специфических признаков скорописи является схожесть в начертании некоторых букв, иногда трудно различимое вне контекста (рис.2). Наименование деревни в тексте документа размещено на двух строках с переносом, Баб - кино, последняя буква в первой строке выполнена в виде надстрочного знака, или взмета, размещенного под наклоном. В этом случае буквы «р» и «б» практически не различимы [9]. Еще одним аргументом в пользу того, что в документе идет речь о Бабкино является то, что топоним Баркино не встречается более ни в одном, из известных автору, документе на территории Тверского уезда.

Существует косвенное доказательство того, что пустошь Бабкино находившаяся в частном владении, упомянута в Тверской писцовой книге 1627–1628 гг. Данное свидетельство встречается в «купчей Ф.О. Посникова Т.И. Трынкову на пустошь Бабкино», – *«а по писцовым по старым и по новым книгам письма и меры Федора Ивановича Игнатьева да подьячего Тимофея Степанова 137-аго и 138-аго году написано в той пустоши четвертные пашни, паханые наездом, и перелогом и лесом поросло 26 чети в поле, а в дву потомуж»* [10, с.162].

Таким образом, если наше предположение о том, что Баркино есть не что иное, как Бабкино верно, то и в Тверской писцовой книге письма и меры Федора Игнатьева (1627/28 гг.), хранящейся в РГАДА, должно упоминаться о двух пустошах Бабкино в стане Воловичи Тверского уезда. Владельческий статус пустошей при этом оставался неизмененным с середины XVI в. [11].

В 1896–97 гг. Сергеем Шумаковым были изданы 1 и 2 выпуски Тверских актов, датированных 1506–1647 гг. и 1649–1761 гг. Среди документов, опубликованных в первом сборнике – уже упомянутая купчая подьячего Ф.О. Посникова Т.И. Трынкову на пустошь Бабкино в Воловицком стане, датированная 1635–1636 гг. Из документа следует, что пустошь была приобретена Федором Осиповичем Посниковым у Петра Мусорского в 1627 г. Петр Иванович Мусорский, Старицкий воевода с марта 1620 по 1623 гг., умер в конце 1636 года. Пустошь Бабкино, вероятно, была приобретена им во время службы воеводой в г. Твери в период с 1624 по 1626 гг. [12, с.216,230].

В 1635 г. Ф.О. Посников уступает участок *«за 20 рублев денег да по-полнка свинью супоросу»* Тимофею Иванову сыну Трынкову [10, с.162-163].

На страницах того же сборника опубликована духовная Т.И. Трынкова, датированная апрелем 1647 г. Согласно этого документа Тимофей Трынков, в иноках Тихон, передал пустошь Бабкино Тверскому Отрочь монастырю, – *«и за тот вклад Отроча монастыря Архимандриту Герасиму с братьею меня раба Божия Тимофея и родителей моих в сенанник записать»* [10, с.138-148].

Во втором сборнике Тверских актов, охватывающих период 1649–1761 гг., опубликована Грамота послушная Отрочу Тверскому монастырю на пустошь Бабкино 1691 г. Позволим себе привести отрывок из этого документа целиком: *«пустошь Бабкино на суходоле, на ней сад яблонной, да в овраге пруд, да колодезь, да 5 мест дворовых, пашни перелогом и лесом поросло середние земли 51 четверть в поле, а в дву потому же, сенных покосов 20 копен, с лесом и со всеми угодьи»* [13, с.47-48].

Таким образом, на основании вышеприведенных свидетельств можно считать, что к середине XVIII в. обе пустоши Бабкино в стане Воловичи относились к монастырскому землевладению, а потому вполне объяснимо, почему после проведения Екатериной II секуляризационной реформы 1764 г. оба надела отошли в ведение Тверской казенной палаты.

В РГАДА хранятся планы генерального и специального межевания за период 1746–1917 гг. В описях фонда упоминается о двух казенных пустошах Бабкино, расположенных в стане Воловичи Тверского уезда:

План под № 63/156 от августа 20 дня 1776 г., выполненный межевым инженером Небольсиным на казенную пустошь Бабкино, отдаваемую в оброк из Тверской Казенной палаты. Удобной земли – десятин 19, саженей 569, неудобной – саженей 615, всего – 19 дес. 1184 саж. [14, л.13 об.]

План под №112/683, выполненный мая 5 дня 1777 г. межевым инженером артиллерии капитаном Иваном Суковым на пустошь Бабкино, ведомства Тверской Казенной палаты. Удобной земли – десятин 19, саженей 1800, неудобной – саженей 420, всего – 19 дес. 2220 саж. [14, л.18об]. Первая цифра в столбце обозначает порядковый номер в описи, вторая номер дачи в Планах Генерального межевания. Территориально дача № 156 расположена на Неготинской моренной гряде, а дача № 683 – на Бурашевской моренной гряде.

Копия с плана пустоши Бабкино (дача № 683) хранится и в ГАТО [15, л.2] (рис.3). На схематичном плане, не передающем рельефа местности, видно, что пустошь состояла из двух неравнозначных участков, соприкасавшихся между собой лишь в одной точке. Часть большего участка, вероятно, восточный склон оврага, использовалась под пашню. Очевидно, что пруд перестал существовать еще до 1777 г., или периодически спускался, т.к. на плане отсутствует. Вероятно, именно по насыпи плотины, как наиболее ровному участку оврага, проходила дорога, соединяющая деревню Старая (Старково) с селом Синцово.

Несколько лет назад на месте бывшей пустоши Бабкино, находящейся на южном склоне Бурашевской гряды, был сведен еловый лес, по диаметру оставшихся пней можно судить, что его возраст составлял от 80 до 100 лет. Современные компьютерные технологии, предоставляющие возможность совмещать старые карты (карту Менде) с современными космическими снимками, позволяют еще раз убедиться, что обнаруженная плотина располагается в пределах границ вышеназванной пустоши.

Сохранившаяся насыпь плотины хорошо читается в современном рельефе. Ее длина составляет около 40 м, ширина основания 5 м, высота 1,5 м, ширина в верхней части 2,5 м, в разрезе трапециевидной формы. Севернее плотины на восточном склоне оврага, на расстоянии около 100 м замечена подрезка склона оврага, вероятно изъятый грунт использовался для создания насыпи плотины или ее ремонта. В центре плотины существует промоина шириной около двух метров.

Для определения местоположения «дворовых мест» необходимо проведение археологических исследований. Ближайший из уже выявленных археологических памятников расположен на западном склоне оврага, в 200 м к юго-западу от плотины и представляет собой курганный могильник. Остатки сельского поселения локализуются западнее кирпичной церкви Ильи Пророка в селе Синцово, построенной в 1847 г. на средства местной помещицы Пелагеи Федоровны Башиловой и разрушенной в 70-х годах прошлого столетия. До постройки каменной церкви в селе существовал деревянный храм того же посвящения, упоминаемый в писцовых материалах Тверского уезда середины XVI в. [4, с.221].

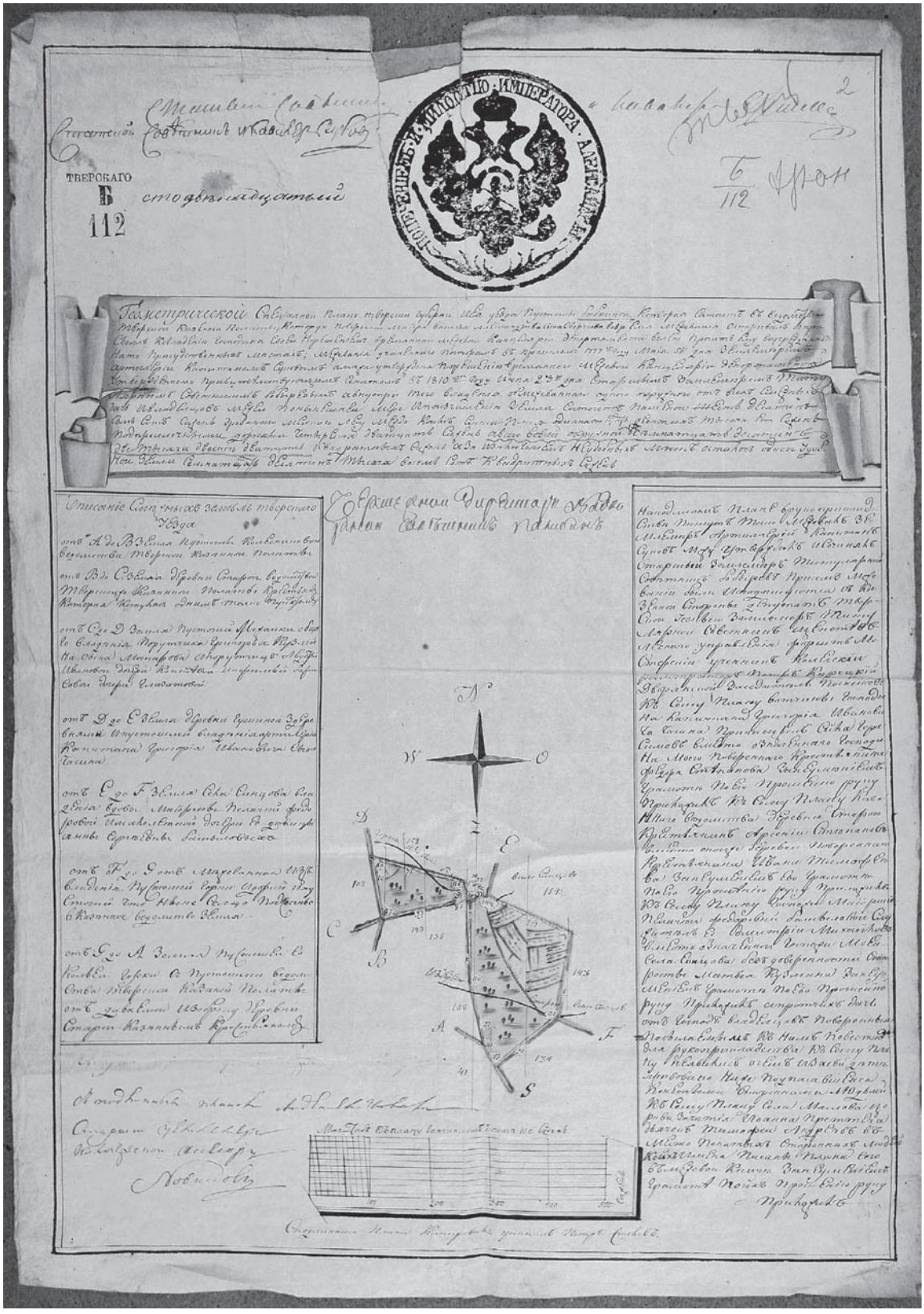


Рис. 3. Специальный геометрический план пустоши Бабкино (дача № 683) [16, л.2].

Рис. 4. «Великой камень». Вид с севера. Осень 2018 г.

Рис. 5. «Великой камень». Вид с юга. Осень 2018 г.

В середине XVI в. в Воловицком стане Тверского уезда существовало две деревни Бабкино, время появления топонима предшествует третьей четверти XV в., название деревень может происходить от рода Бабкиных в Твери, отрасли рода Марка Демидова [16, с.18]. Известно о боярине Семене Васильевиче Бабкине, служившем Тверскому Владыке в середине XVI в. [4, с.263]. Деревни перестают существовать после польско-литовского нашествия, в документах последующего периода упоминаются как пустоши.

Наличие двух пустошей Бабкино на плане Генерального межевания, сохранение тождественных номеров дач и их конфигурации в «Топографическом межевом атласе Тверской губернии» А.И. Менде подтверждают, что их границы и, вероятно, названия остаются неизменными до середины XIX в.

Отсутствие мест с названием Бабкино в приходах сел Бурашево, Синцово, Неготино, Березняки в период с 1728 по 1918 гг., свидетельствует, что эти земли вплоть до XX в. оставались ненаселенными. В епархиальном статистическом сборнике И.И. Добровольского топоним Бабкино не упомянут, что дает основание утверждать, что новых населенных мест со схожим названием в последующий период не возникало [17].

Исходя из геоморфологического строения Тверской моренной гряды, можно сделать вывод, что принадлежавшая церкви села Бели Архиерейские пустошь Бабкино находилась на Неготинской гряде, восточнее села Неготино (дача № 156). Такой вывод обусловлен и рельефом местности: «в распространении оврагов в пределах Калининской гряды имеется определенная закономерность. Больше всего оврагов имеется в южной гряде, меньше в Бурашевской, и они отсутствуют в Неготинской гряде» [18, с.188].

Расположенная в стане Воловичи Тверского уезда, на южном склоне Бурашевской моренной гряды, пустошь Бабкино (дача № 683) отвечает всем критериям, перечисленным в документах, опубликованных С. Шумаковым, включая наличие насыпи, посредством которой в овраге была устроена запруда.

В ходе работы над публикацией было замечено, что используемые местным населением топонимы представляют не что иное, как название пустошей, обозначенных на карте Менде под номерами: *620 – Берендюшина (Берендеево)*, *604 – Панкино (Панькино)*, *687*и *688 – Чашница*, пустошь *Погибелка* занимает южную часть дачи – *619*.

Хочется особо отметить, что вблизи границы Воловицкого и Захожского стана сохранилась часть огромного валуна, его размеры: длина 7, ширина 3, высота, которая видна над землей – 2 м. Вероятно, в его честь одна из пустошей дачи № 679 носила название «Великой камень». Некоторые из упомянутых топонимов, – Берендеево и Великой камень, известны по письменным источникам середины XVI столетия [4, с.35,212], курганный могильник, расположенный вблизи валуна, указывает на то, что поселение существовало вблизи указанного места и в более ранний период, XII–XIII вв.[2]

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андриашев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Ч. 1: Списки селений. М.: Имп. о-во ист. и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. – LXXVI, 552 с.; Ч. 2: Карты погостов. М.: Имп. о-во ист. и древностей рос. при Моск. ун-те, 1914 – 12 с.

[2] Настоящая работа в полном объеме еще не окончена, необходимо просмотреть алфавит дач Генерального межевания, экономические примечания к Планам Генерального межевания и карте Менде и некоторые другие документы.

2. *Витов М.В*. Приемы составления карт поселений XV–XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. Т. 5. М.: АН СССР, 1956. – С. 231–264.
3. *Фролов А.А., Пиотух Н.В*. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли. М.; СПб: Альянс-Архео, изд.-полигр. предприятие «Искусство России», 2008. Т. 1-3. – 369, 272, 272 с.
4. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2005. – 760 с.
5. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 466. (Писцовые и дозорные книги Тверского уезда середины XVI века).
6. Русский биографический словарь. Т. 4. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1914. – 494 с.
7. Выпись из Тверских писцовых книг письма и меры Федора Игнатьева, да подъячего Тимофея ... (Стефанова) 135 и 136 (1627–1628) годов. Тверь: Типо-литография М.В. Блинова, 1916. – 141 с.
8. ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 575.
9. *Беляев И.С*. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII . М.: Синодальная типография, 1907 г. – 83 с.
10. Тверские акты, изданные Тверскою ученою архивною комиссиею под редакциею Сергея Шумакова. Вып. I. Тверь: Типография Губернского Правления, 1896. – 198 с.
11. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 875, № 875 а, № 881. Писцовая книга Тверского уезда письма и меры Федора Игнатьева (1627/28 гг.)
12. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия / Составил Александр Барсуков. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902 г. – 626 с.
13. Тверские акты, изданные Тверскою ученою архивною комиссиею под редакциею Сергея Шумакова. Вып. II. Тверь : Типография Губернского Правления, 1897. – 254 с.
14. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 506. Ч. 1.
15. ГАТО. Ф. 852. Оп. 26. Д. 118.
16. *Веселовский С.Б*. Ономастикон. М.: Наука, 1974. – 382 с.
17. Тверской епархиальный статистический сборник. Составил секретарь Тверской духовной консистории И.И. Добровольский. Тверь: Типо-литография Ф.С. Муравьева, 1901. – 772 с.
18. *Бочаров М.М*. Геоморфология Калининского района // Ученые записки Калининского пединститута им. М.И. Калинина. Т. XXI. Калинин: КГПИ, 1956 г. – С.179–196.

ТОКГ,
г. Тверь

I.V. Ivanov
Babkino Wasteland in Volovitsky Stan of Tver Uyezd: Supposition of Its Geographic Localization and Identification

The paper represents data from few written sources on Babkino village (wasteland) that existed in Volovitsky stan of Tver uyezd in the XV – the beginning of the XVII centuries.

Keywords: *Tver uyezd, village, wasteland, toponyms, archives, written sources*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	- Академия наук
АО	- Археологические открытия. М.
ВИМАИВ и ВС	- Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ВЭ	- Вопросы эпиграфики. М.
ГАТО	- Государственный архив Тверской области
ГИМ	- Государственный исторический музей
ГМИ СПб	- Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГРМ	- Государственный Русский музей
ГЭ	- Государственный Эрмитаж
ЖМВД	- Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ЗОРСА	- Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества
ИА РАН	- Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК	- Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК	- Институт истории материальной культуры
ИЯЛИ КарНЦ РАН	- Институт языка, литературы и истории Карельского Научного центра РАН
КГУАК	- Костромская губернская ученая архивная комиссия
КИАХМЗ	- Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры
Л.	- Ленинград
М.	- Москва
МАВГР	- Материалы по археологии восточных губерний России
МАР	- Материалы по археологии России
МарНИИЯЛИ	- Марийский Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
МГУ	- Московский государственный университет
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НА ТГОМ	- Научный архив ТГОМ
НА ИИМК РАН	- Научный архив ИИМК РАН
НИА СПб ИИ РАН	- Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН
ОН ГИМ	- Отдел нумизматики Государственного исторического музея
ОН ГЭ	- Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа
ПСРЛ	- Полное собрание русских летописей
ПЭ	- Православная энциклопедия. М.
РА	- Российская археология. М.
РАН	- Российская Академия наук
РГАДА	- Российский государственный архив древних актов
РГБ	- Российская государственная библиотека
РГВИА	- Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	- Российский государственный исторический архив
РГИАХМЗ	- Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
РГНФ	- Российский гуманитарный научный фонд
РЭМ	- Российский этнографический музей
СА	- Советская археология. М.
САИ	- Свод археологических источников. М.-Л.
САЭ	- Староладожская археологическая экспедиция
СЛМЗ	- Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник
СО РАН	- Сибирское отделение РАН
СПб.	- Санкт-Петербург
ТвГУ	- Тверской государственный университет
ТГОМ	- Тверской государственный объединенный музей
ТНИИР-Центр	- Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
ТОКГ	- Тверская областная картинная галерея
Тр.ГИМ	- Труды Государственного исторического музея
Тр.ГЭ	- Труды Государственного Эрмитажа
ТУАК	- Тверская Ученая Архивная комиссия
ФО НА ИИМК РАН	- Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН
ЧОИДР	- Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Александр Григорьевич, Университет Дмитрия Пожарского, г. Москва
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, avdey57@mail.ru
Алексеев Алексей Викторович, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, alekseev.l@mail.ru
Артемичева Татьяна Николаевна, Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр, г. Тверь, bodriakowa_tver@mail.ru
Беляев Леонид Андреевич, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, labeliaev@bk.ru
Болдин Игорь Вячеславович, Калужский областной музей-заповедник, г. Калуга, boldin67@bk.ru
Глазунова Ольга Николаевна, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, olga-glazunova2007@yandex.ru
Гольева Александра Амурьевна, Институт географии Российской академии наук, г. Москва, alexandragolyeva@rambler.ru
Городилин Сергей Владимирович, Институт Российской истории Российской академии наук, serge.v.gorodilin@gmail.com
Денисов Сергей Александрович, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, densera@yandex.ru
Ершов Иван Николаевич, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, ershovin@yandex.ru
Ершова Екатерина Георгиевна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, eershova@rambler.ru
Иванов Игорь Владимирович, Тверская областная картинная галерея, г. Тверь, ivanovigor65@yandex.ru
Иванова Анастасия Борисовна, Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр, г. Тверь, asechka69@mail.ru
Кирсанов Андрей Вячеславович, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, aka-zabiyaka@mail.ru
Коваль Владимир Юрьевич, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, kovaloka@mail.ru
Конявская Елена Леонидовна, Институт Российской истории Российской академии наук, г. Москва, ekonyavskaya@gmail.ru
Кренке Николай Александрович, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, nkrenke@mail.ru
Кудрявцев Борис Владиславович, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, borq1701@yandex.ru
Кузнецова Валентина Николаевна, Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург, valentkuznets@mail.ru
Кузьменко Станислав Владимирович, Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, st_pochta@yahoo.com
Кулькова Марианна Алексеевна, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, kulkova@mail.ru
Кунгурцева Светлана Анатольевна, Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр, г. Тверь, kungurtzeva@bk.ru
Массалитина Галина Александровна, национальный парк «Угра», г. Калуга, macca90@mail.ru
Меньшиков Максим Юрьевич, ООО «Столичное археологическое бюро», г. Москва, maxim-menshikov@yandex.ru

Миляев Павел Андреевич, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, milyaev@yandex.ru
Миненко Владимир Владимирович, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, vvminenko@yandex.ru
Окулов Алексей Вячеславович, Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт цветных и благородных металлов, г. Москва, okulovav@mail.ru
Олейников Олег Михайлович, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, olejnikov1960@yandex.ru
Панкратов Алексей Германович, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, pankrat_1410@mail.ru
Платоновский Роман Борисович, Смоленский центр охраны памятников культуры, г. Смоленск, culzop@rambler.ru
Пронин Георгий Николаевич , Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, g.pronin2012@yandex.ru
Раева Вера Александровна, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, veraraeva@mail.ru
Разумов Иван Николаевич, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, razumov_i@mail.ru
Рудников Сергей Александрович, Тверской государственный объединенный музей, г. Тверь, sergey.alecsandr@yandex.ru
Савельев Вячеслав Вадимович, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, savelevvv01@rambler.ru
Сафарова Ирина Александровна, Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр, г. Тверь, irina@safarov-tver.ru
Смирнов Алексей Николаевич, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, fotoellada@rambler.ru
Сонина Анжелла Валерьевна, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, angella_sonina@mail.ru
Хворостова Елена Леонидовна, г. Москва, elhvorostova@gmail.com
Хохлов Александр Николаевич, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва; Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр, г. Тверь, anhbalt@mail.ru
Чекунина Надежда Владиславовна, Тверской государственный объединенный музей, г. Тверь, nadin_terenteva@mail.ru
Шахнович Марк Михайлович, Национальный музей республики Карелия, г. Петрозаводск, marksuk62@mail.ru
Шкурский Борис Борисович, Московский государственный университет им. Ломоносова, г. Москва, shkurskybb@yandex.ru

INFORMATION CONCERNING AUTHORS

Avdeev Alexander Grigorevich, Dmitry Pozharsky University, Moscow,
Saint Tikhon´sOrthodox University of the Humanities, Moscow, avdey57@mail.ru
Alekseev Alexey Viktorovich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, alekseev.l@mail.ru
Artemicheva Tatiana Nikolaevna, Tver Scientific-Research Centre of History, Archaeology and Restoration, Tver, bodrjakowa_tver@mail.ru
Belyaev Leonid Andreevich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, labeliaev@bk.ru
Boldin Igor Vyacheslavovich, Kaluga Regional Museum of Local Lore, Kaluga, boldin67@bk.ru
Glazunova Olga Nikolaevna, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, olga-glazunova2007@yandex.ru
Goljeva Alexandra Amurievna, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, alexandragolyeva@rambler.ru
Gorodilin Sergey Vladimirovich, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, serge.v.gorodilin@gmail.com
Denisov Sergey Alexandrovich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, densera@yandex.ru
Ershov Ivan Nikolaevich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, ershovin@yandex.ru
Ershova Ekaterina Georgievna, Lomonosov Moscow State University, Moscow, eershova@rambler.ru
Ivanov Igor Vladimirovich, Tver Regional Art Gallery, Tver, ivanovigor65@yandex.ru
Ivanova Anastasiya Borisovna, Tver Scientific-Research Centre of History, Archaeology and Restoration, Tver, asechka69@mail.ru
Kirsanov Andrey Vyacheslavovich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, aka-zabiyaka@mail.ru
Koval Vladimir Yurievich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, kovaloka@mail.ru
Konyavskaya Elena Leonidovna, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, ekonyavskaya@gmail.ru,
Krenke Nikolay Alexandrovich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, nkrenke@mail.ru
Kudryavtsev Boris Vladislavovich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, borq1701@yandex.ru
Kuznetsova Valentina Nikolaevna, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, valentkuznets@mail.ru
Kuzmenko Stanislav Vladimirovich, Zvenigorod Historico-Architectural and Art Museum, st_pochta@yahoo.com
Kulkova Marianna Alexeevna, Herzen State Pedagogical University of Russia, St.Petersburg, kulkova@mail.ru
Kungurtseva Svetlana Anatolievna, Tver Scientific-Research Centre of History, Archaeology and Restoration, Tver, kungurtzeva@bk.ru
Massalitina Galina Alexandrovna, National Park «Ugra», Kaluga, macca90@mail.ru
Menshikov Maxim Yurievich, LLC «Capital Archaeological Bureau», Moscow, maxim-menshikov@yandex.ru
Milyaev Pavel Andreevich, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, milyaev@yandex.ru

Minenko Vladimir Vladimirovich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, vvminenko@yandex.ru
Okulov Alexey Vyacheslavovich, Central Research Institute of Geological Prospecting for Base and Precious Metals, Moscow, okulovav@mail.ru
Oleynikov Oleg Mikhailovich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, olejnikov1960@yandex.ru
Pankratov Alexey Germanovich, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint-Petersburg, pankrat_1410@mail.ru
Platonovsky Roman Borisovich, Smolensk Center of Protection of Cultural Heritage, Smolensk, culzop@rambler.ru
Pronin Georgy Nikolaevich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, g.pronin2012@yandex.ru
Raeva Vera Alexandrovna, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, veraraeva@mail.ru
Razumov Ivan Nikolaevich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, razumov_i@mail.ru
Rudnikov Sergey Alexandrovich, Tver State United Museum, Tver, sergey.alecsandr@yandex.ru
Saveliev Vyacheslav Vadimovich, State Hermitage Museum, St. Petersburg, savelevvv01@rambler.ru
Safarova Irina Alexandrovna, Tver Scientific-Research Centre of History, Archaeology and Restoration, Tver, irina@safarov-tver.ru
Smirnov Alexey Nikolaevich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, fotoellada@rambler.ru
Sonina Anzhella Valerievna, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, angella_sonina@mail.ru
Khvorostova Elena Leonidovna, Moscow, elhvorostova@gmail.com
Khokhlov Alexander Nikolaevich, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Tver Scientific-Research Centre of History, Archaeology and Restoration, Tver, anhbalt@mail.ru
Chekunina Nadezhda Vladislavovna, Tver State United Museum, Tver, nadin_terenteva@mail.ru
Shachnovich Mark Mikhailovich, National Museum of the Republic of Karelia, Petrozavodsk, marksuk62@mail.ru
Shkursky Boris Borisovich, Lomonosov Moscow State University, Moscow, shkurskybb@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Олейников О.М. Круговая керамика X – начала XIII вв. Десятинного 1 раскопа в Новгороде (типология и хронология) 6

Кузнецова В.Н. Украшения и детали костюма северо-западного облика из Костромских курганов 38

Чекунина Н.В. Монета-привеска из раскопок 1883 г. курганного могильника Михаил Архангел Новоторжского уезда: к вопросу об использовании нумизматических материалов археологических изысканий XIX в. 55

Сафарова И.А., Кунгурцева С.А. Стеклянные изделия и керамическая посуда из комплексов второй половины XII – начала XIV вв. (по материалам раскопа 22 в Тверском кремле) 63

Иванова А.Б., Хохлов А.Н. Культурный слой северной части Тверского кремля по материалам раскопа 2017 г. на Волжском проезде г. Твери (предварительная публикация) 100

Гольева А.А., Иванова А.Б., Хохлов А.Н. Характеристика погребенных почв, вскрытых на раскопе 11 / 15 на территории Тверского кремля (при реставрации здания бывшего Реального училища) в 2015 году 130

Массалитина Г.А., Болдин И.В. Археологические раскопки Козельска в 2014–2017 гг. 136

Миненко В.В., Разумов И.Н. Костяные и роговые изделия из раскопок Заднепровского посада средневекового Смоленска (по итогам работ 2004–2005 гг.) 147

Конявская Е.Л. Антиордынские выступления Руси во второй половине XIII – первой трети XIV в. 168

Городилин С.В. «Вси князи Суждальстіи»: к вопросу о составе союзников и противников князя Михаила Ярославича в конце 1317–1318 гг. Часть I 180

Денисов С.А. Положение орденских подрядчиков в тевтонско-новгородской торговле в конце XIV – начале XV вв. 191

Сафарова И.А., Хохлов А.Н., Беляев Л.А. Постройки XV–XVI вв., расположенные вблизи апсид собора Спаса Преображения в Тверском кремле (по материалам раскопок 2013–2014 гг.) 196

Хохлов А.Н., Кунгурцева С.А., Иванова А.Б. К изучению средневекового некрополя у церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в южной части Тверского кремля 221

Хворостова Е.Л. Успенский собор Свято-Успенского монастыря в г. Старице (архитектурно-археологический аспект) 242

Пронин Г.Н., Кирсанов А.В. Раскопки в с. Микулино 261

Кирсанов А.В., Пронин Г.Н. Изделия из металла из раскопок селища Микулино 7 297

Смирнов А.Н., Алексеев А.В. Селище Игнатьево 2. Опыт исследования культурных отложений, приуроченных к локальным понижениям рельефа 315

Глазунова О.Н. Красные широкорамочные изразцы Новодевичьего монастыря 334

Коваль В.Ю. О происхождении чернолощеной керамики 342

Авдеев А.Г. Еще раз о символике «вавилонов» 360

Алексеев А.В., Кузьменко С.В. О среднерусских каменных крестах XV–XVI вв. 371

Кренке Н.А., Ершов И.Н., Кудрявцев Б.В., Платоновский Р.Б., Раева В.А. Соборный холм Вязьмы в свете новых раскопок 2017 г. 388

Ершова Е.Г., Кренке Н.А. Результаты спорово-пыльцевого анализа нижнего культурного слоя и погребенной почвы в раскопе на соборном холме Вязьмы 406

Рудников С.А. Меднолитой крест из постройки XVI века Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 2014 г.) 411

Окулов А.В., Меньшиков М.Ю., Шкурский Б.Б. Информативность минералого-геохимических исследований сопутствующих минералов при определении источника ювелирного граната-альмандина (по материалам археологических раскопок в Москве) 414

Миляев П.А., Панкратов А.Г. Находки фрагментов защитного снаряжения древнерусских типов конца XIV – начала XV вв. из орденских замков Латвии 427

Миляев П.А. Детали ручного огнестрельного вооружения конца XVI–XVII вв. из Старой Ладоги 447

Артемичева Т.Н. Находки деталей обуви из раскопок 2012 г. в г. Бежецке 472

Савельев В.В. Строительство палат А.Д. Меншикова в Твери 487

Шахнович М.М., Кулькова М.А., Сонина А.В. К вопросу о валунных насыпях в северном Приладожье: опыт комплексного исследования 496

Иванов И.В. Пустошь Бабкино в Воловицком стане Тверского уезда: попытка географической локализации и идентификации 510

Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья

Выпуск 12

Ответственный редактор А.Н. Хохлов
Технический редактор И.Н. Поведская
Лицензия ЛР № 064506 от 18.03.96 г.

Подписано в печать 13.04.2019 г. Формат 60×84/8
Печать офсетная. Объем 71 п.л.
Тираж 200 экз. Заказ № 01683/19
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс №3А, www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-94375-279-7

Иллюстрации к статье И.А. Сафаровой, С.А. Кунгурцевой СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ И КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА ИЗ КОМПЛЕКСОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII – НАЧАЛА XIV ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 22 В ТВЕРСКОМ КРЕМЛЕ)

Рис. 2. Находки стеклянных украшений из материалов раскопа № 22 в Тверском кремле (нумерация соответствует описи находок) (1 и 2 строительные периоды).

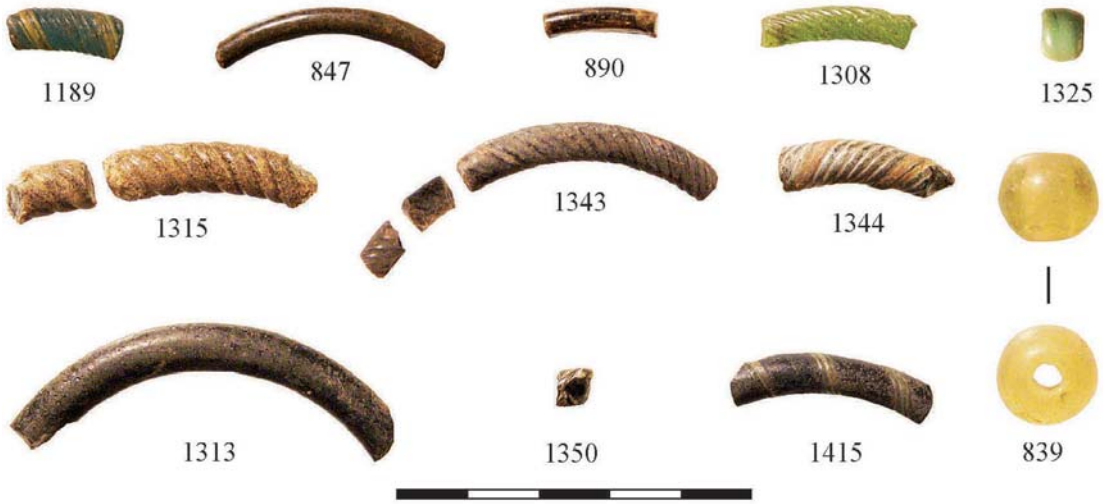


Рис. 3. Находки стеклянных украшений из материалов раскопа № 22 в Тверском кремле (нумерация соответствует описи находок) (этапы функционирования и разрушения комплексов 3-го строительного периода).

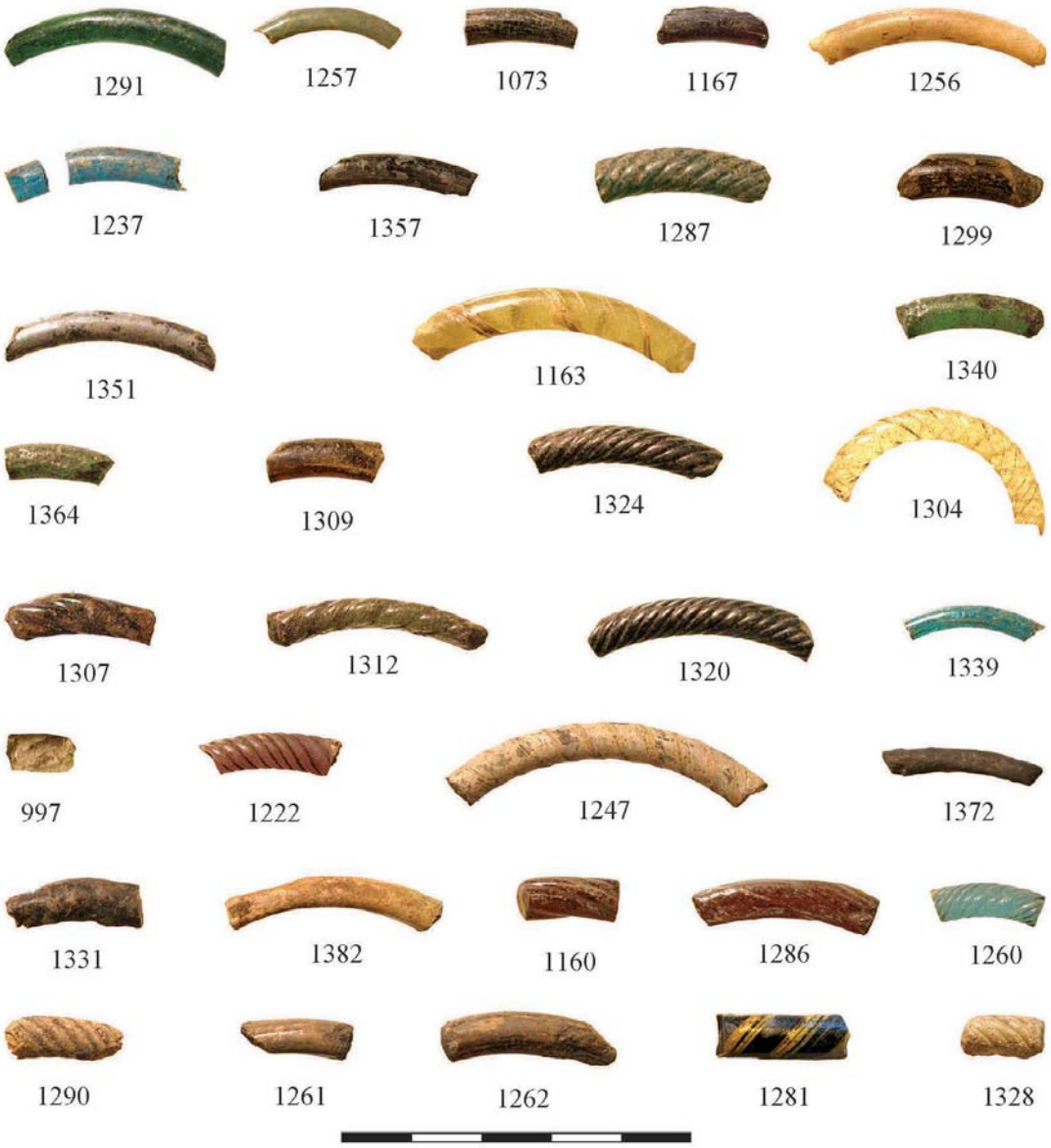


Рис. 4. Находки стеклянных украшений из материалов раскопа № 22 в Тверском кремле (нумерация соответствует описи находок) (этап засыпки комплексов после прекращения функционирования, 3-й строительный период).

Рис. 5. Находки стеклянных украшений из материалов раскопа № 22 в Тверском кремле (нумерация соответствует описи находок) (этапы функционирования и разрушения комплексов 4-го строительного периода).

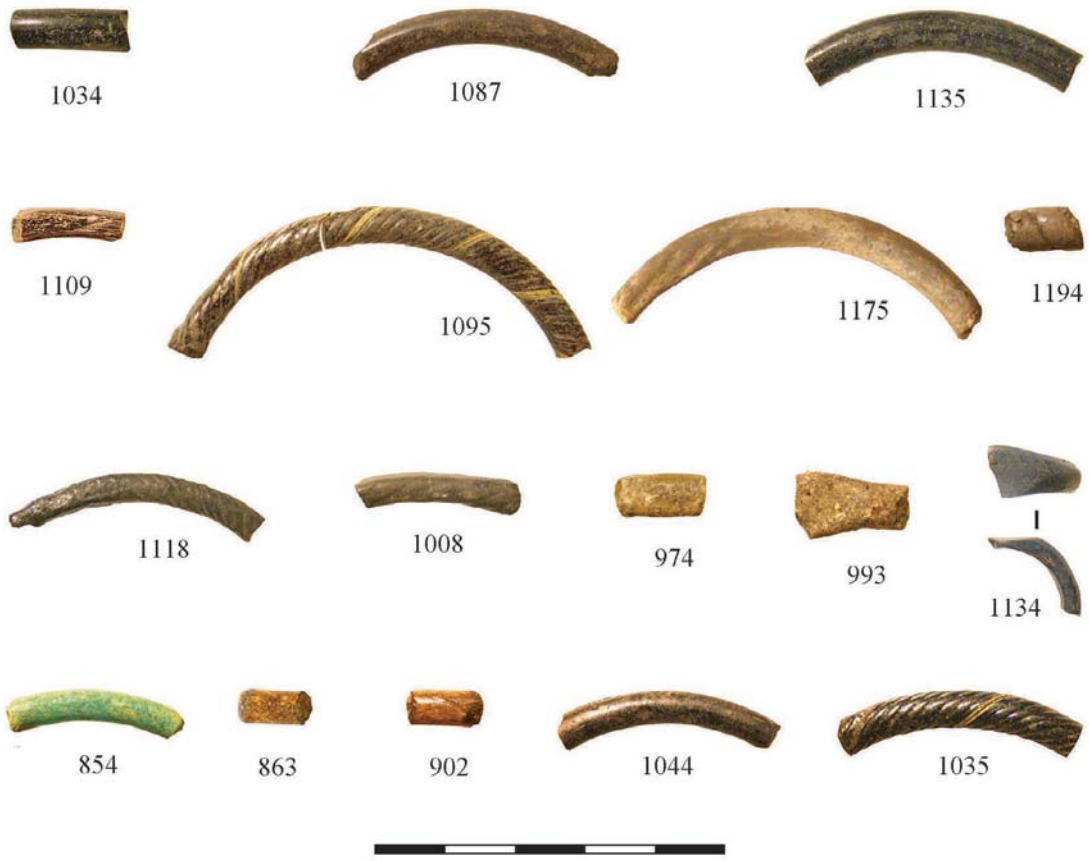


Рис. 6. Находки стеклянных украшений из материалов раскопа № 22 в Тверском кремле (нумерация соответствует описи находок) (этапы разрушения и засыпки комплексов после прекращения функционирования, 4-й строительный период).

Иллюстрации к статье А.Б. Ивановой, А.Н. Хохлова КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ТВЕРСКОГО КРЕМЛЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 2017 г. НА ВОЛЖСКОМ ПРОЕЗДЕ Г. ТВЕРИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

Рис. 2. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. Укрепление стенок раскопа.

Иллюстрации к статье А.Б. Ивановой, А.Н. Хохлова КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ТВЕРСКОГО КРЕМЛЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА 2017 г. ...

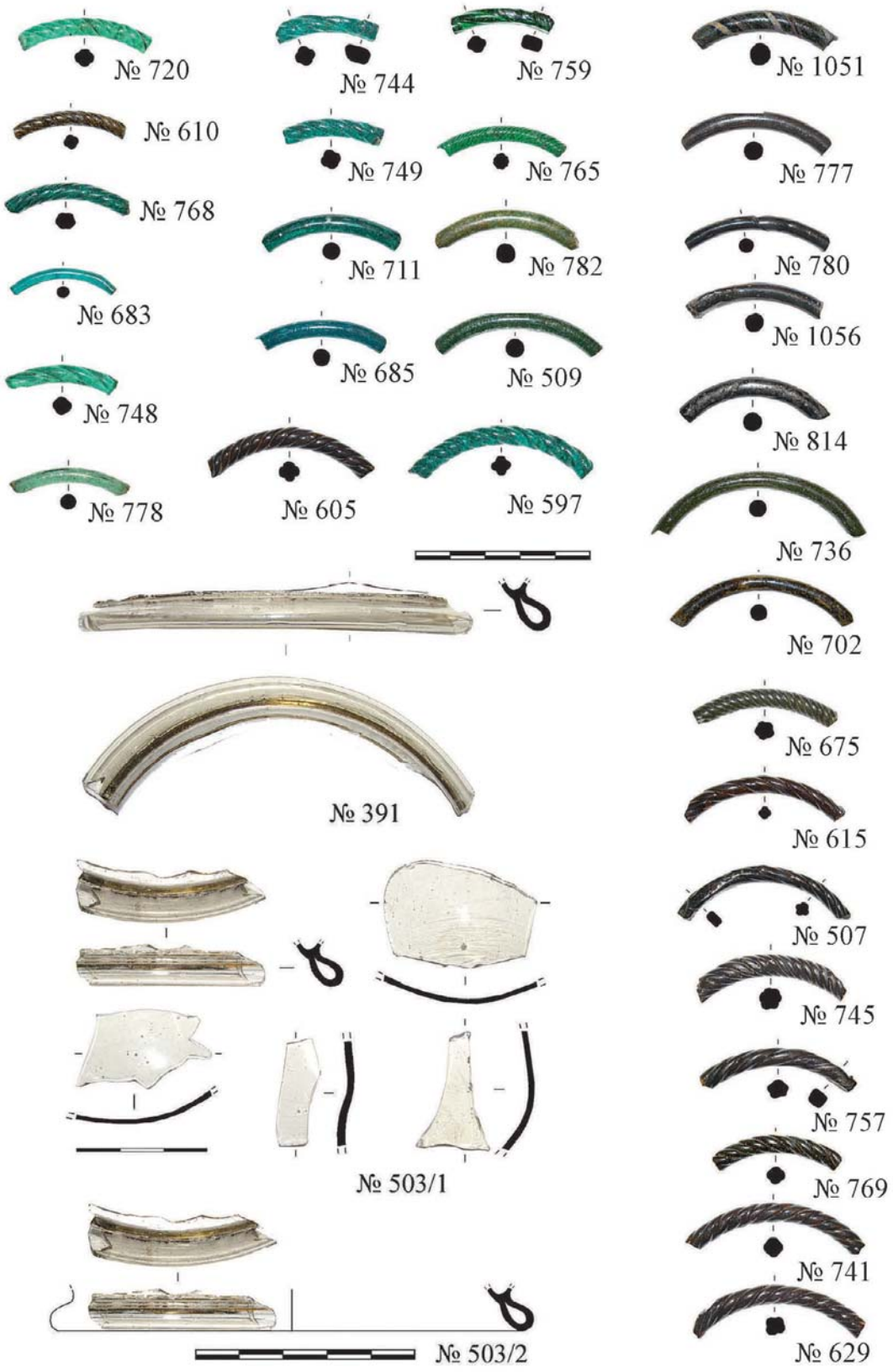


Рис. 12. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. Находки с уровня -560 -620 от н.р.

Рис. 15. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. Находки с уровня -630 от н.р.

Рис. 17. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. Находки из слоя пожара 1238 г.

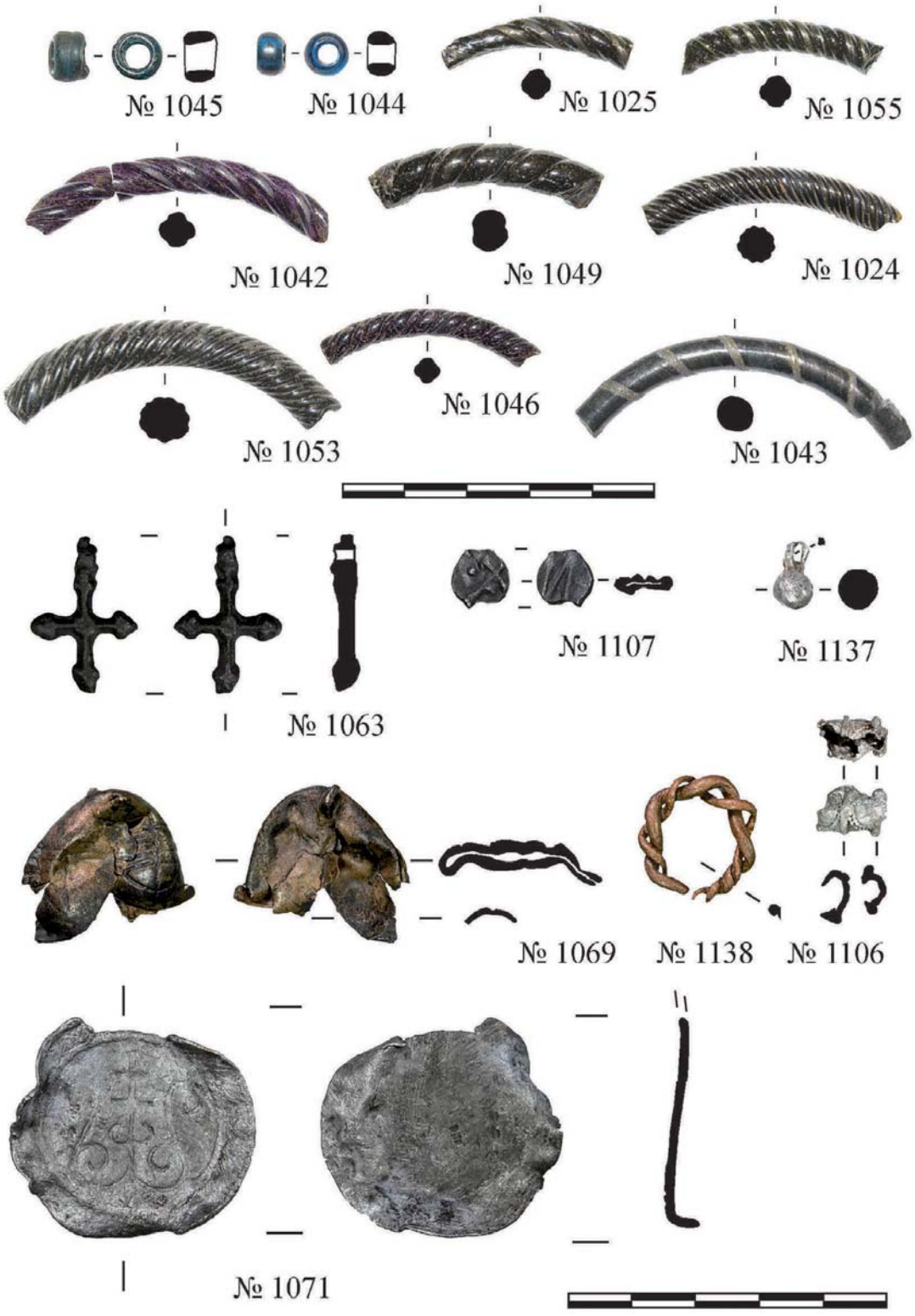


Рис. 19. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. Находки с уровня -640 от н.р.

Рис. 20. Тверь-2017, Волжский проезд. Раскоп № 78. Находки с уровня -650 -660 от н.р.

Иллюстрации к статье А.А. Гольевой, А.Б. Ивановой, А.Н. Хохлова
ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЕННЫХ ПОЧВ, ВСКРЫТЫХ НА РАСКОПЕ 11/15 НА ТЕРРИТОРИИ ТВЕРСКОГО КРЕМЛЯ (ПРИ РЕСТАВРАЦИИ ЗДАНИЯ БЫВШЕГО РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА) В 2015 ГОДУ

Рис. 1. Участок 1, квадрат В-6. Общий вид стенки разреза.

Рис. 2. Участок 2, квадрат Б-7. Общий вид стенки разреза.

Рис. 3. Участок 2, квадрат В-7. Общий вид стенки разреза.

Глубина, см	1,0-0,25	0,25-0,05	0,05-0,01	0,01-0,005	0,005-0,001	менее 0,001
0-2	70,05	9,66	9,19	2,93	3,39	4,78
2-5см	74,67	10,44	7,94	1,98	2,11	2,86
5-10см	72	9,9	9,15	3,15	2,51	3,29
10-15см	69,33	8,38	8,85	2,7	5	5,74
15-20см	69,04	8,26	9,23	2,6	4,47	6,48

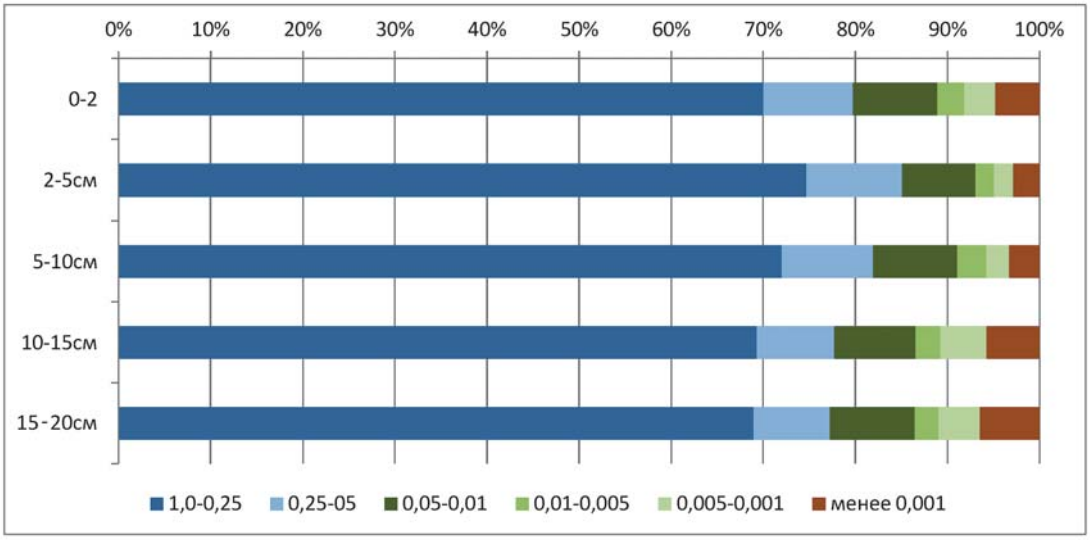


Рис. 4. Гранулометрический состав (%).

Иллюстрации к статье И.А. Сафаровой, А.Н. Хохлова, Л.А. Беляева
ПОСТРОЙКИ XV–XVI ВВ., РАСПОЛОЖЕННЫЕ ВБЛИЗИ АПСИД
СОБОРА СПАСА ПРЕОБРАЖЕНИЯ В ТВЕРСКОМ КРЕМЛЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2013–2014 ГГ.)

Рис. 1. Общий план раскопа 2012–2014 гг. с местоположением построек XV–XVI вв.

Иллюстрации к статье И.А. Сафаровой, А.Н. Хохлова, Л.А. Беляева
ПОСТРОЙКИ XV–XVI ВВ., РАСПОЛОЖЕННЫЕ ВБЛИЗИ АПСИД ...

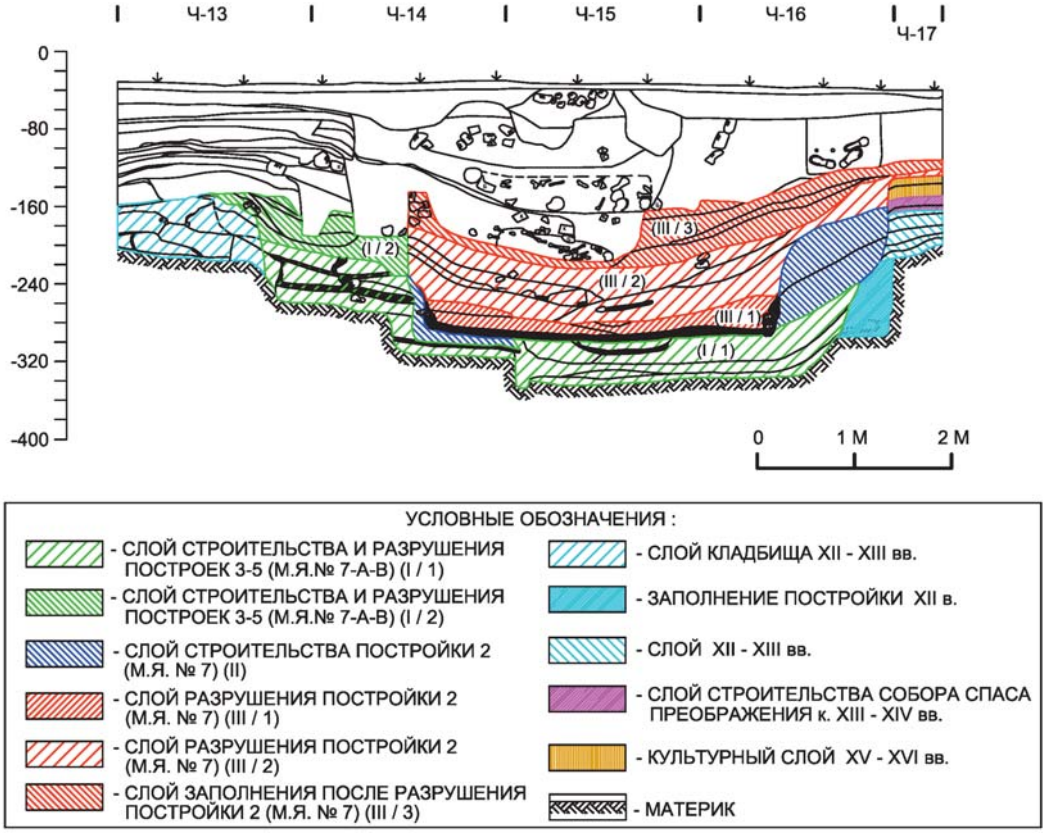


Рис. 2. Стратиграфия восточной стенки раскопа № 8. Участок 1, кв.Ч-13-17.

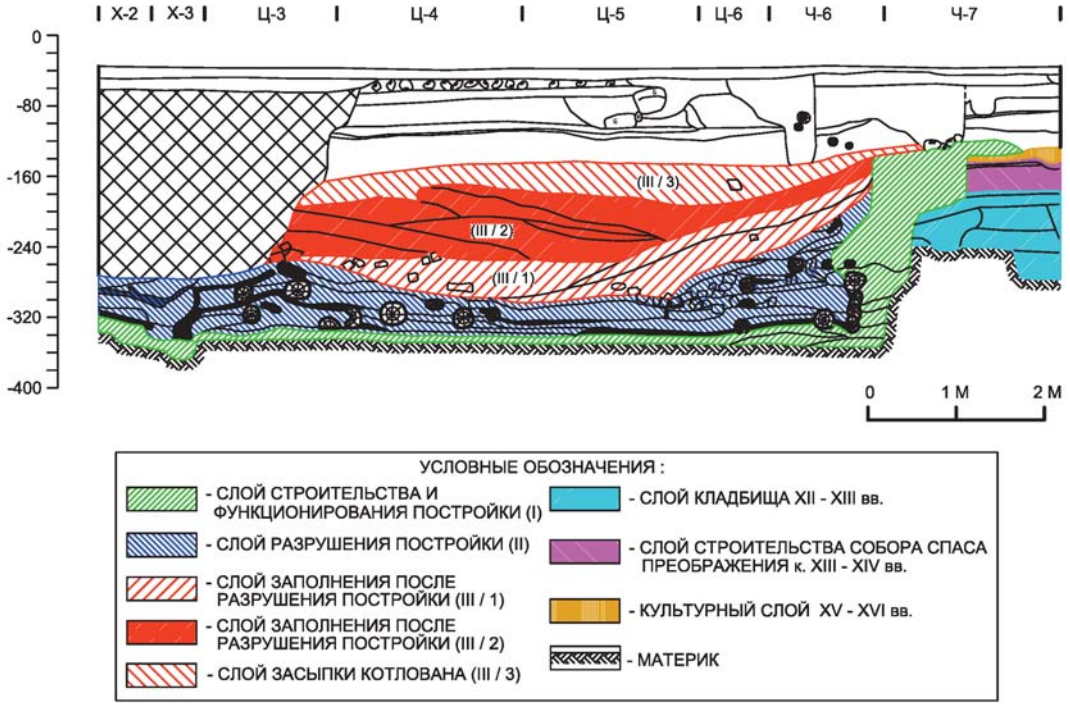


Рис. 3. Стратиграфия восточной стенки раскопа № 8. Участок 2, кв.Х-Ц-2-7.

Рис. 5. Находки из слоя строительства и разрушения постройки № 2 (уч.1 м.я. № 7): 1 – скопление монет и бронзовый каламарь на дне подклета (фото); 2 – чернильница бронзовая (каламарь) (уч.1 №3993); 3 – стопка серебряных монет (оплавлена) (уч.1 №4007); 4 – крест бронзовый нательный (уч.1 №3846); 5 – железная пряжка (уч.1 №3701); 6 – ушко от бронзовой привески (уч.1 №3776).

Рис. 6. Находки из слоя разрушения постройки № 2 (уч.1 м.я. № 7): 1 – топор железный (уч.1 №3987); 2 – петля железная накидная (уч.1 №3956); 3 – удила конские железные (уч.1 №3951); 4 – рукоять ножа пластинчатого с костяными накладками (уч.1 №3988); 5-6 – сосудов из беложгущейся глины с зеленой поливой фрагменты (уч.1 №№ 3954, 4026).

Рис. 16. Белокаменный столбик-балясина из заполнения подклета постройки № 7 (уч.2 м.я. № 8).

Рис. 17. Находки из слоя разрушения постройки № 7 (уч.2 м.я. №8): 1 – рукоять костяная (уч.2 №2535); 2 – мастерок железный (уч.2 №2539); 3 – плитка пола из красножгущейся глины (уч.2 № 2500); 4 – плитки пола из красножгущейся глины фрагмент (уч.2 №2515).

Рис. 18. Находки из слоя засыпки подклета постройки № 7 (уч.2 №8): 1 – крест бронзовый нательный (уч.2 №2001); 2 – трубка бронзовая полая (уч.2 №2372); 3 – нож железный черешковый (уч.2 №1955); 4, 7 – сосуда (кувшина) из красножгущейся глины с ангобом с росписью фрагменты (уч.2 №№ 2183, 2359); 5-6 – сосудов из беложгущейся глины с зеленой поливой фрагменты (уч.2 №№ 2356, 2377).

Рис. 19. Детали интерьера собора Спаса из слоя засыпки подклета постройки № 7 (уч.2 №8): 1-4 – фрагменты фресок; 5-6 – обломки белокаменных резных деталей; 7 – кирпич лекальный.

Иллюстрации к статье Е.Л. Хворостовой УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г.СТАРИЦЕ (АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

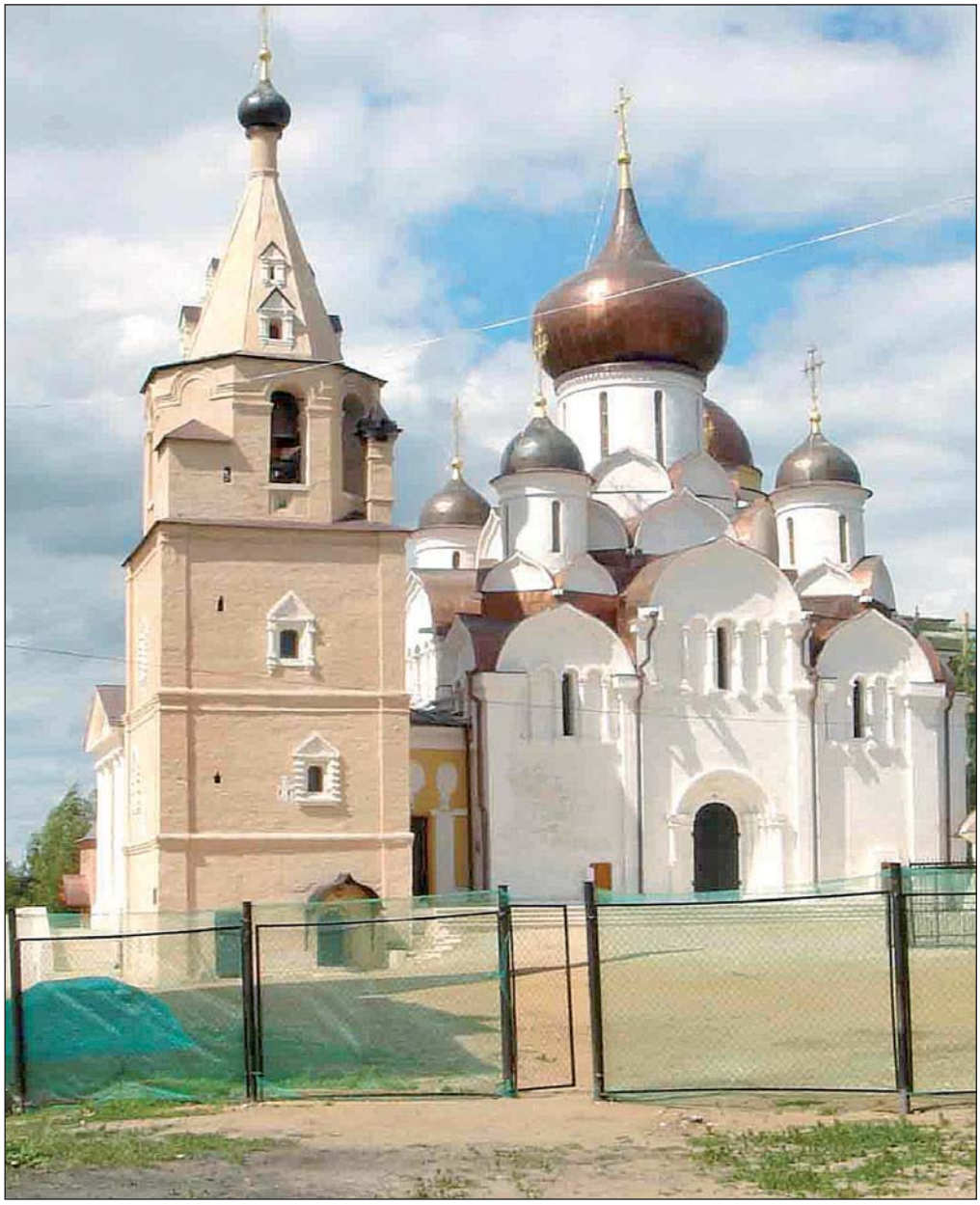


Рис. 1. Успенский собор. Общий вид с юго-запада.

Иллюстрации к статье Е.Л. Хворостовой УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г.СТАРИЦЕ ...

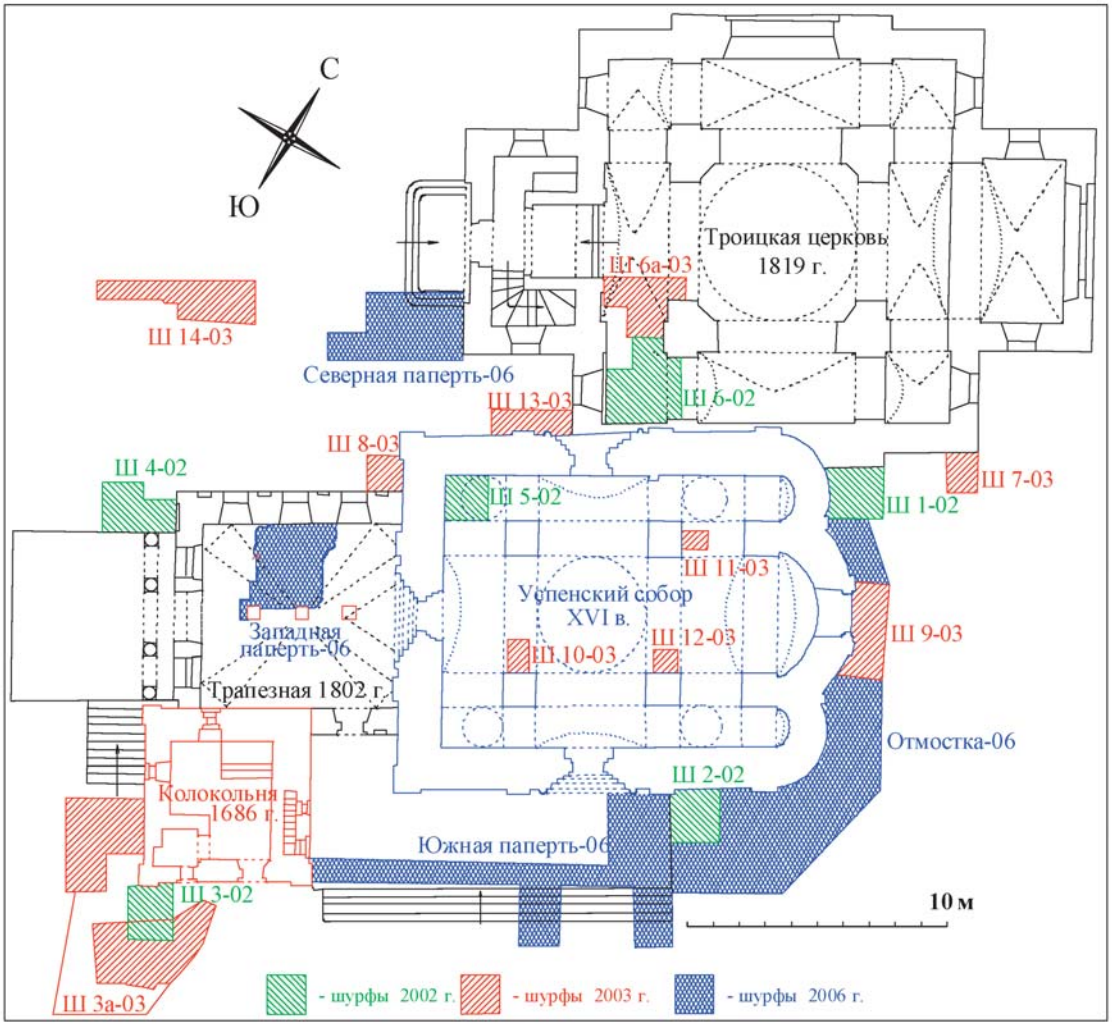


Рис. 2. Комплекс Успенского собора. Хронология дошедших до настоящего времени построек. Места расположения шурфов разных лет.

Иллюстрации к статье Е.Л. Хворостовой УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г.СТАРИЦЕ ...

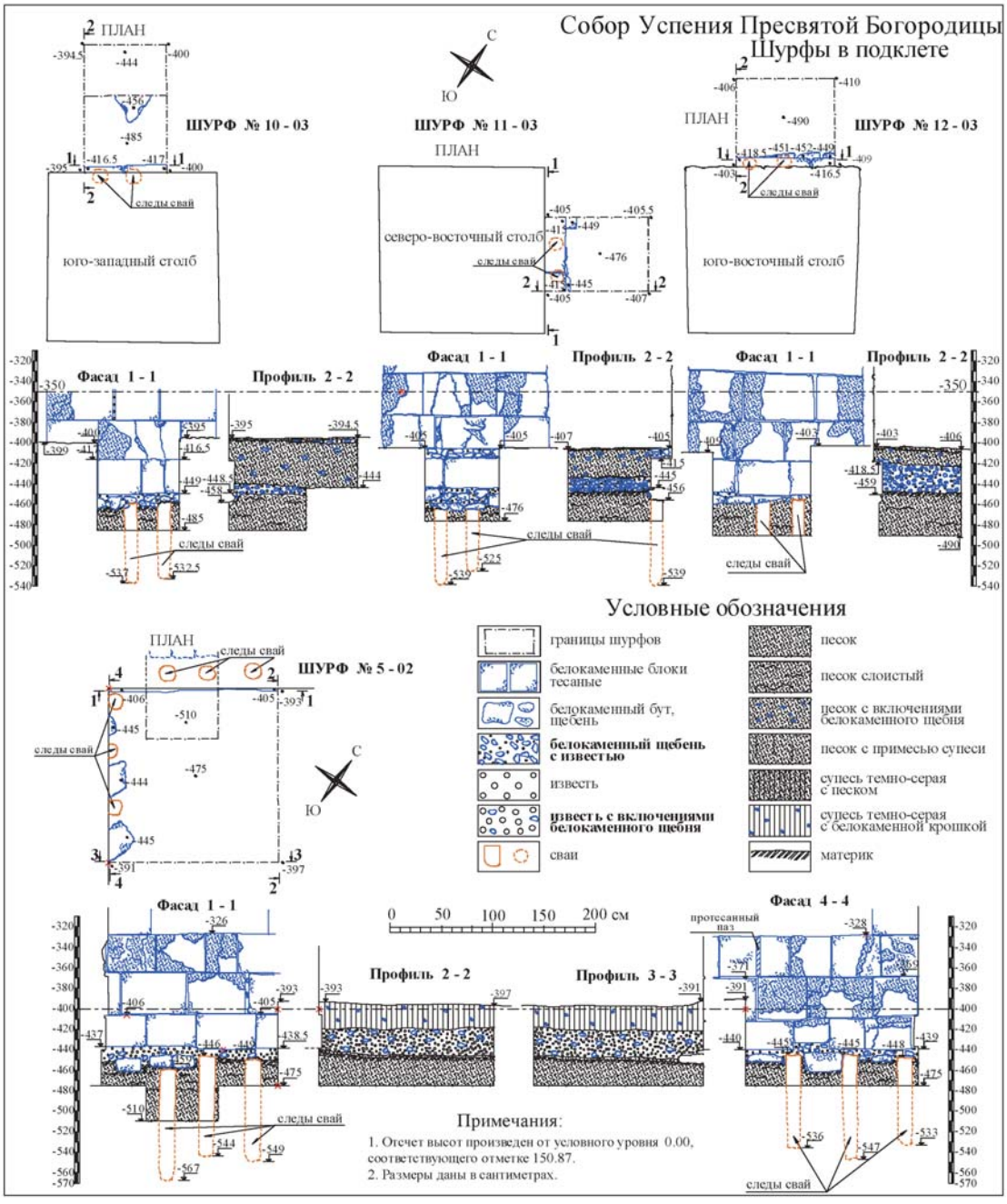


Рис. 3. Шурфы в подклете.

Иллюстрации к статье Е.Л. Хворостовой УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г.СТАРИЦЕ ...

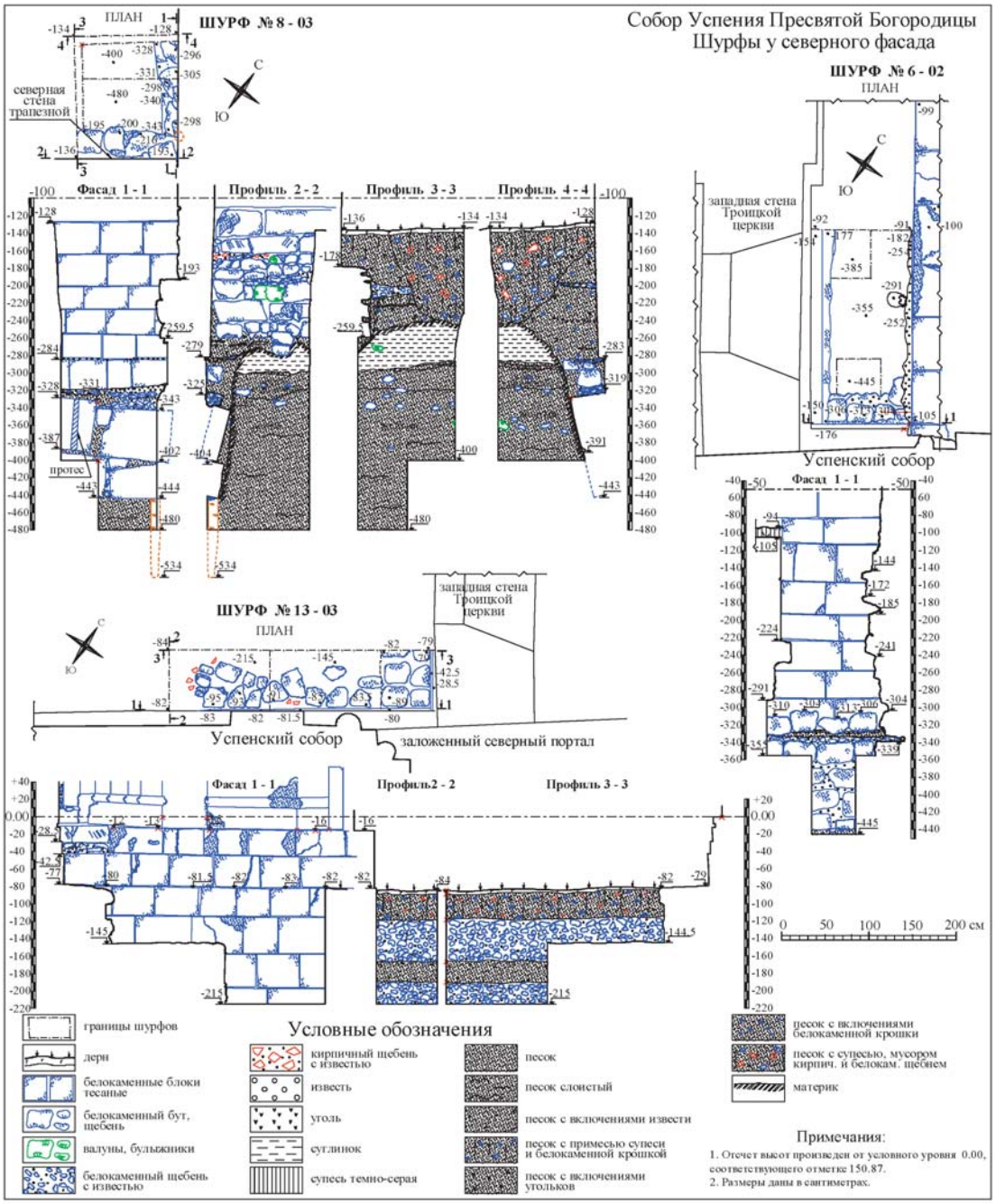


Рис. 4. Шурфы у северного и западного фасадов.

Иллюстрации к статье Е.Л. Хворостовой УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г.СТАРИЦЕ ...

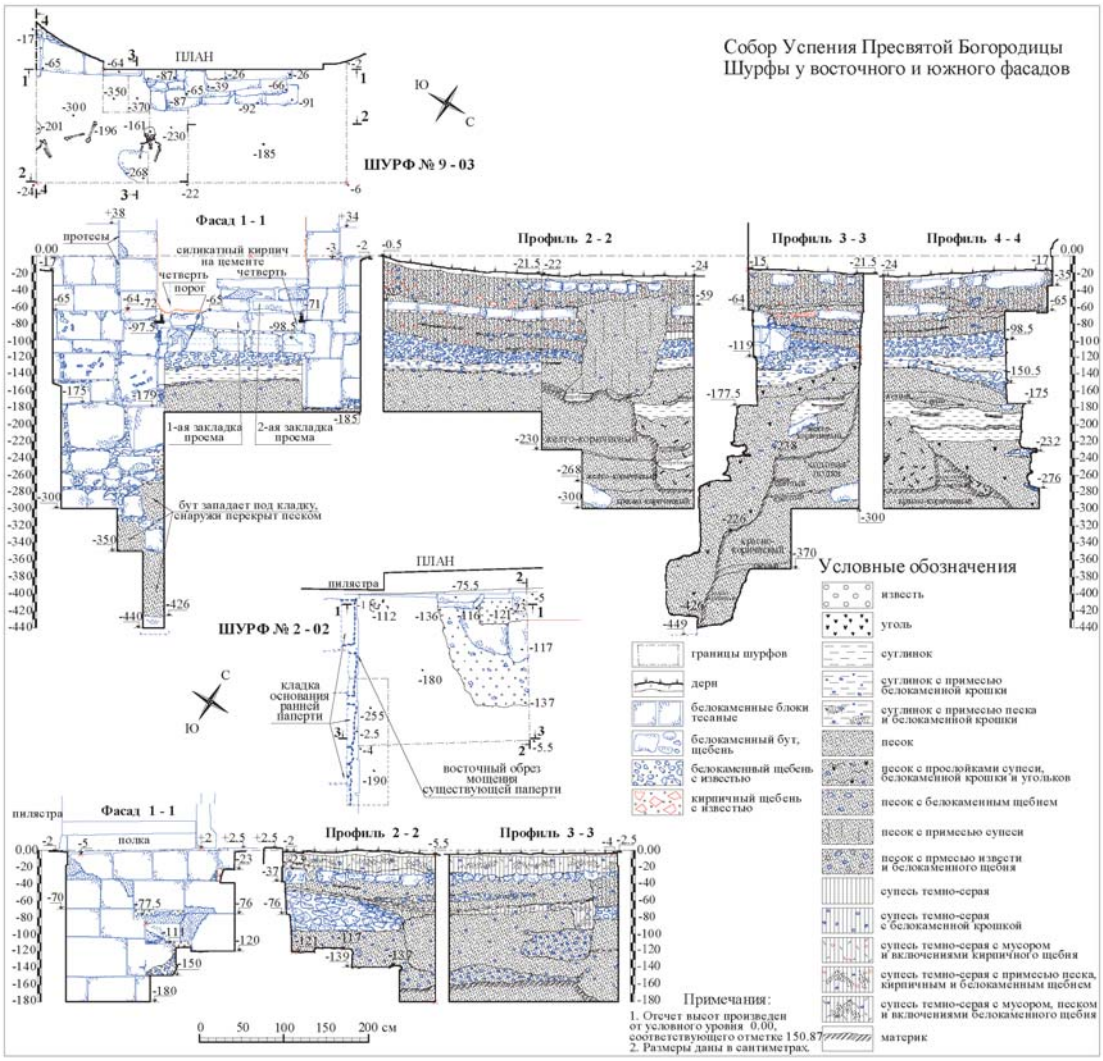


Рис. 5. Шурфы у восточного и южного фасадов.

Иллюстрации к статье Е.Л. Хворостовой УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г.СТАРИЦЕ ...

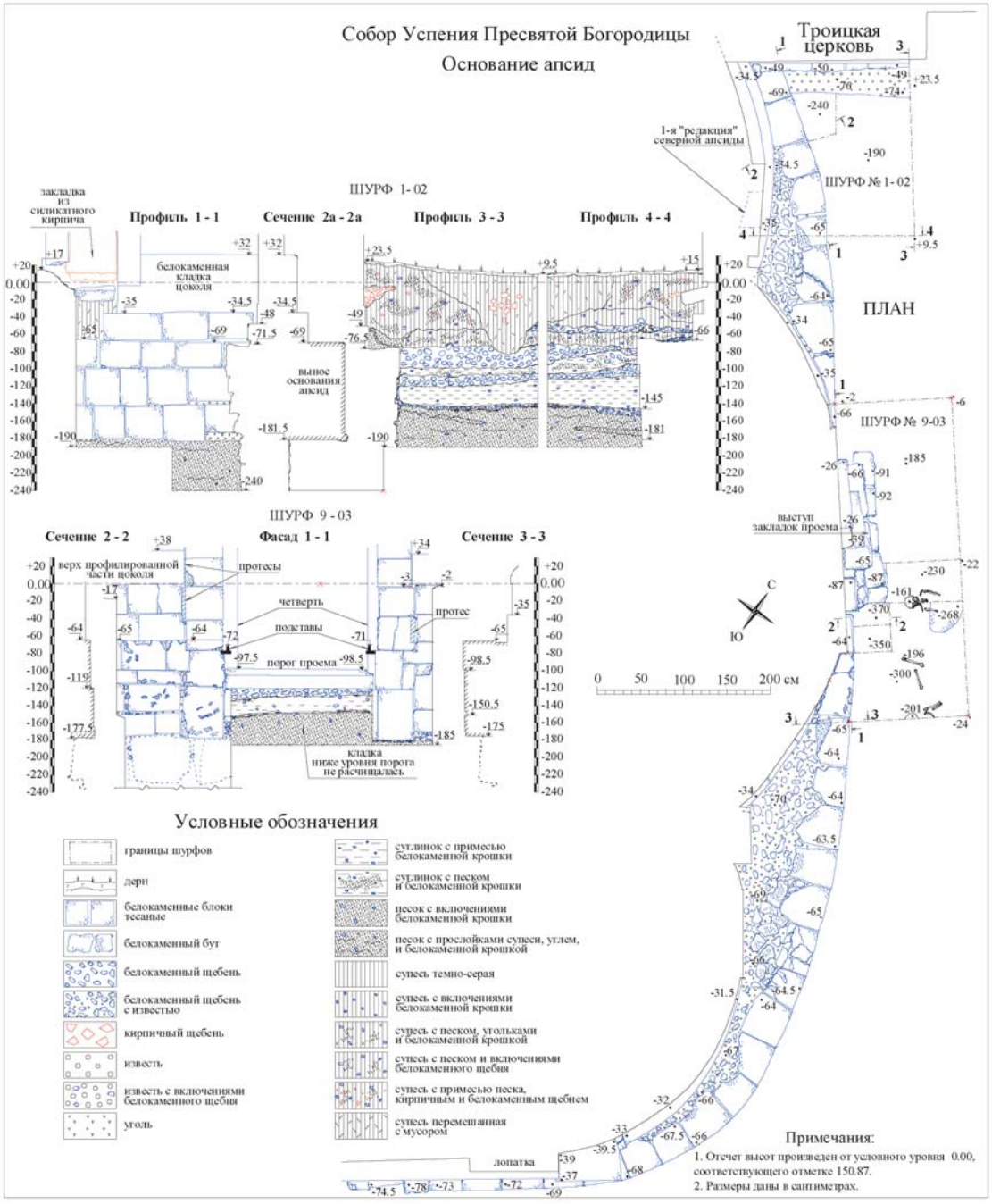


Рис. 6. Основание апсид.

Иллюстрации к статье Е.Л. Хворостовой УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г.СТАРИЦЕ ...

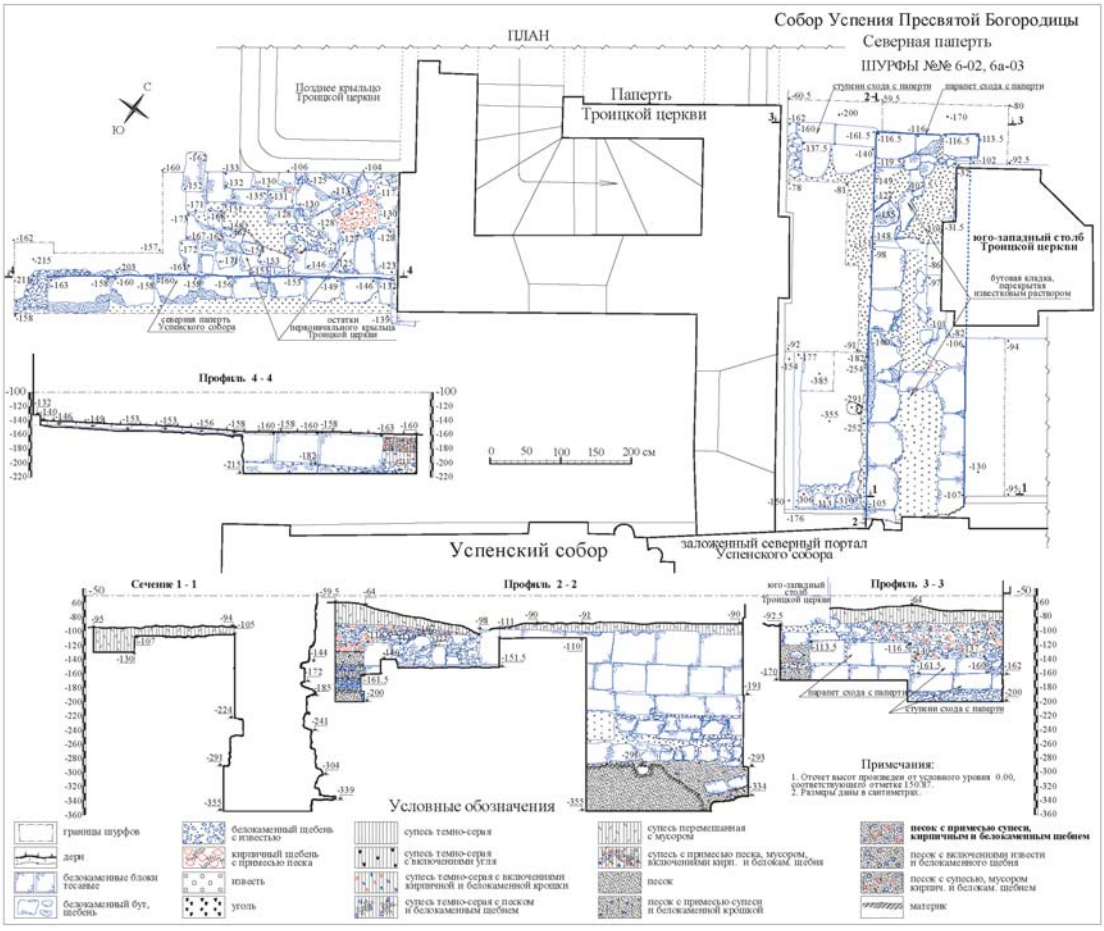


Рис. 10. Остатки северной паперти у западного фасада и в интерьере Троицкой церкви.

Иллюстрации к статье Е.Л. Хворостовой УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г.СТАРИЦЕ ...

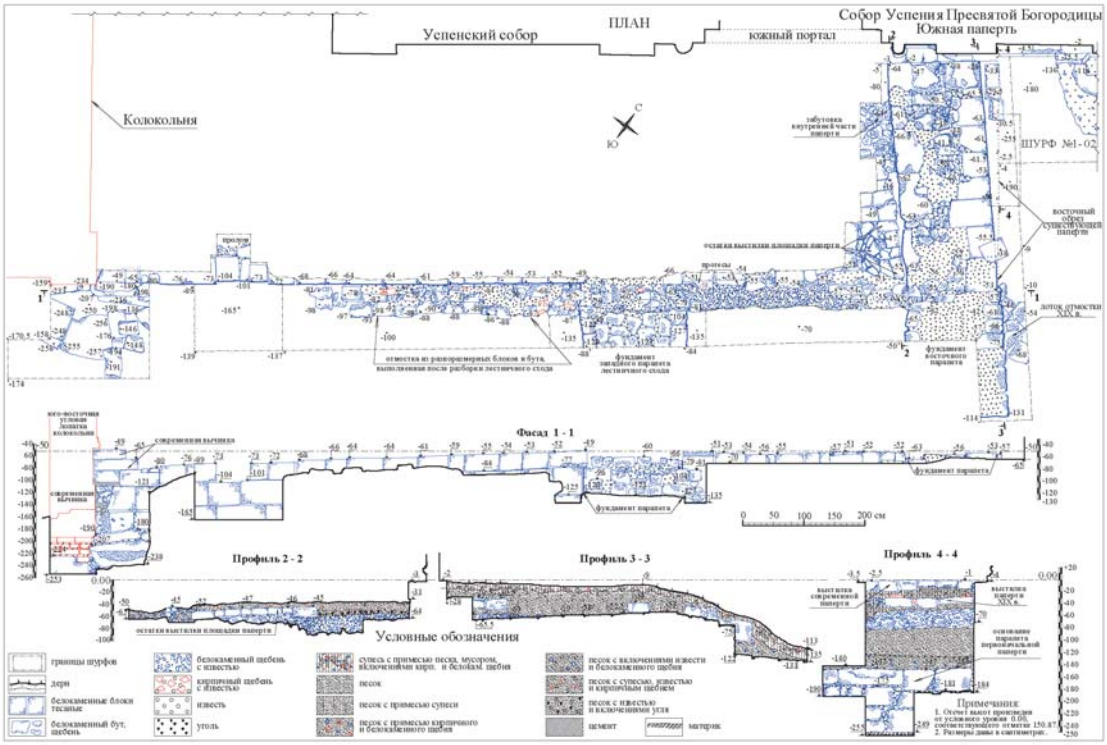


Рис. 12. Южная паперть.

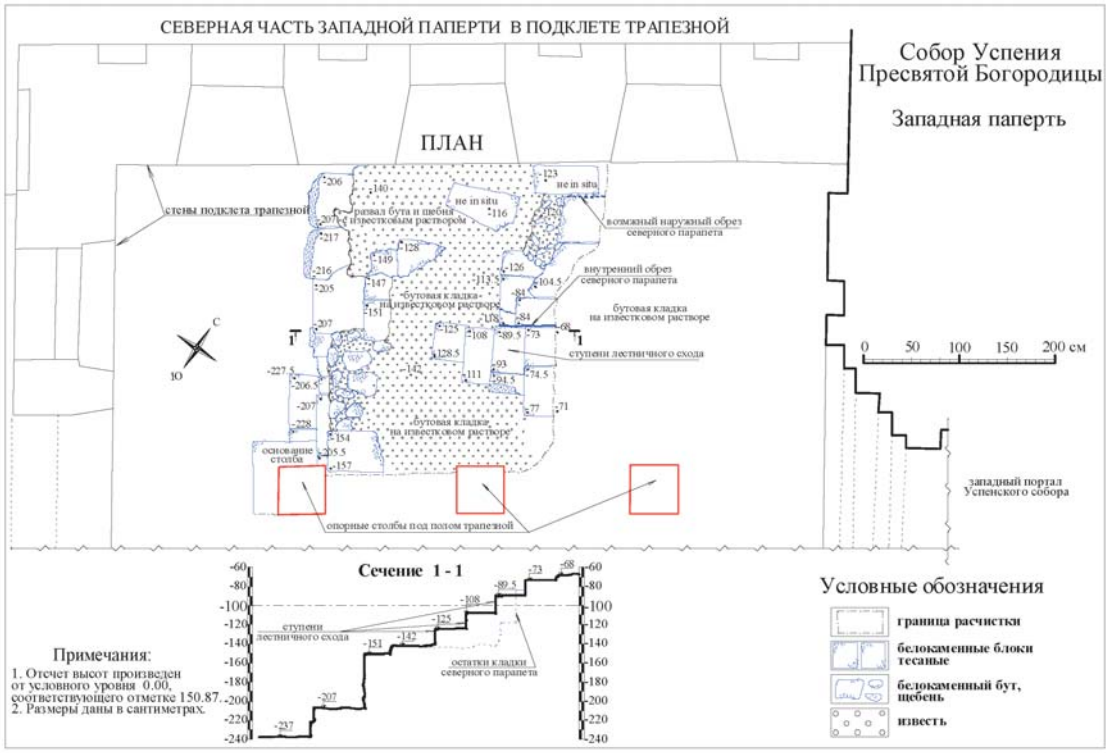


Рис. 15. Западная паперть. Северная часть.

Иллюстрации к статье Е.Л. Хворостовой УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г.СТАРИЦЕ ...

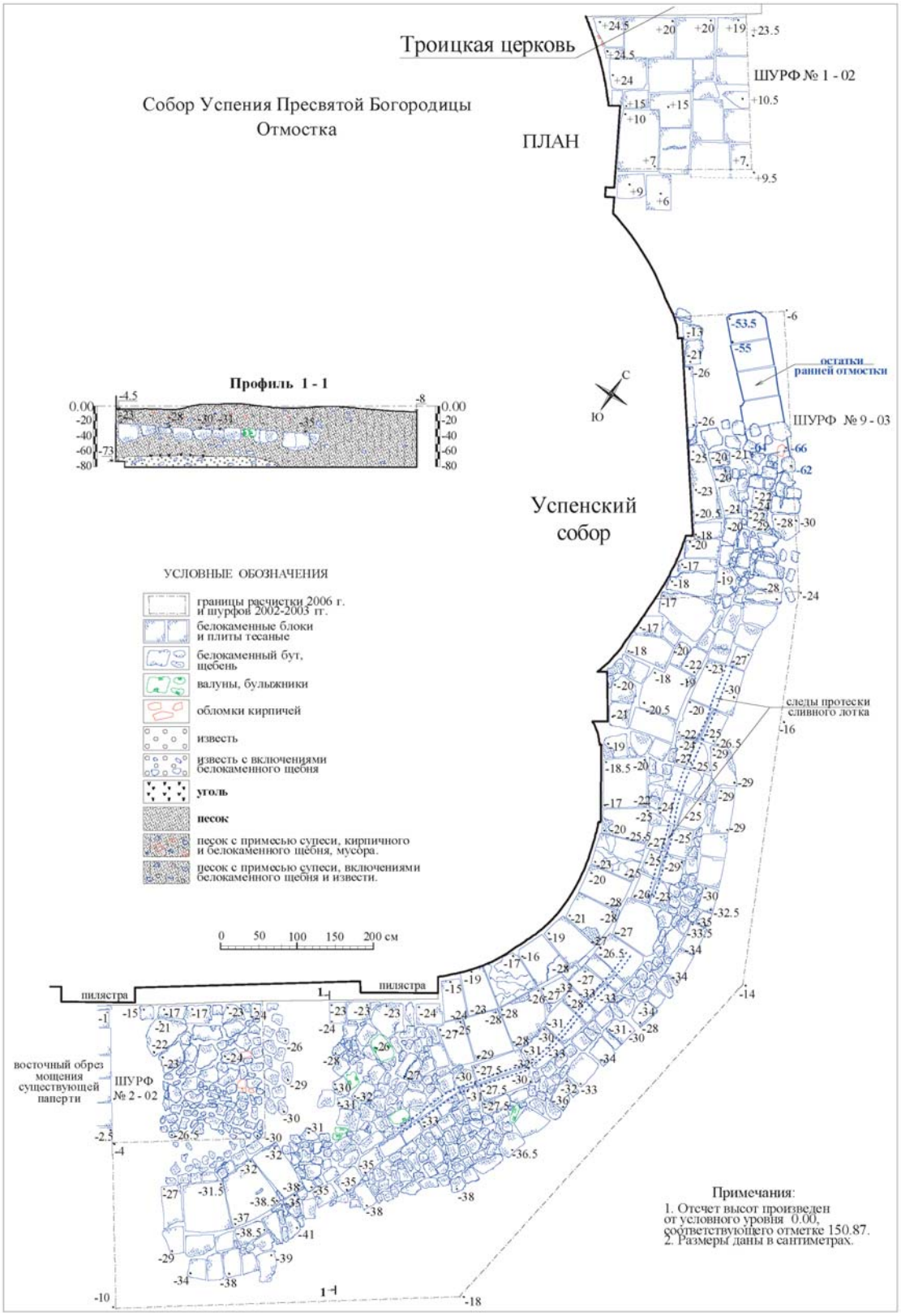


Рис.17. Отмостка.

Иллюстрации к статье Е.Л. Хворостовой УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г.СТАРИЦЕ ...

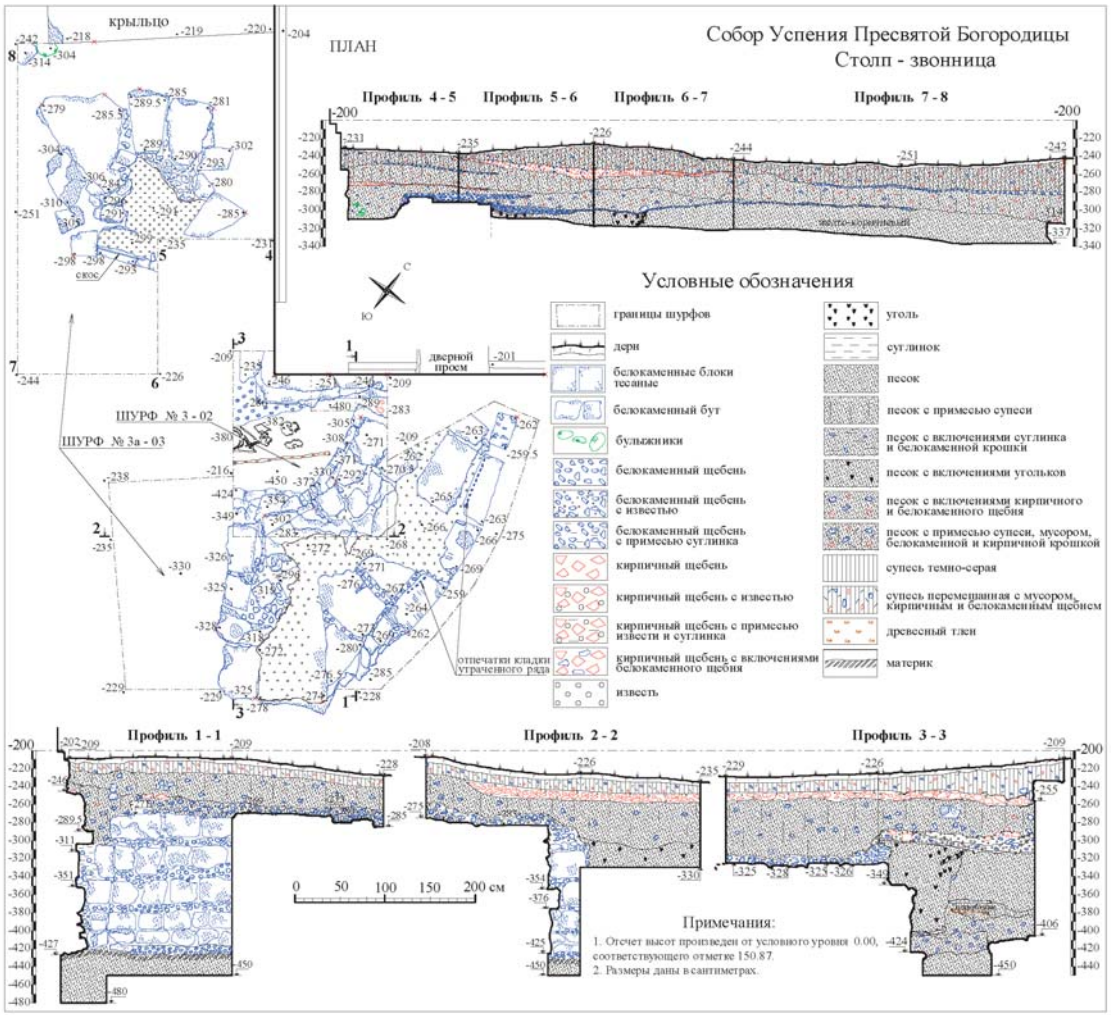


Рис. 20. Основание столпа с колоколом-благовестником.

Иллюстрации к статье Е.Л. Хворостовой УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г.СТАРИЦЕ ...

Рис. 21. Остатки фундамента столпа с колоколом благовестником. Раскрытие 2008 г. Вид с юго-запада. Фото А.Н. Хохлова.

Иллюстрации к статье Е.Л. Хворостовой УСПЕНСКИЙ СОБОР СВЯТО-УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г.СТАРИЦЕ ...

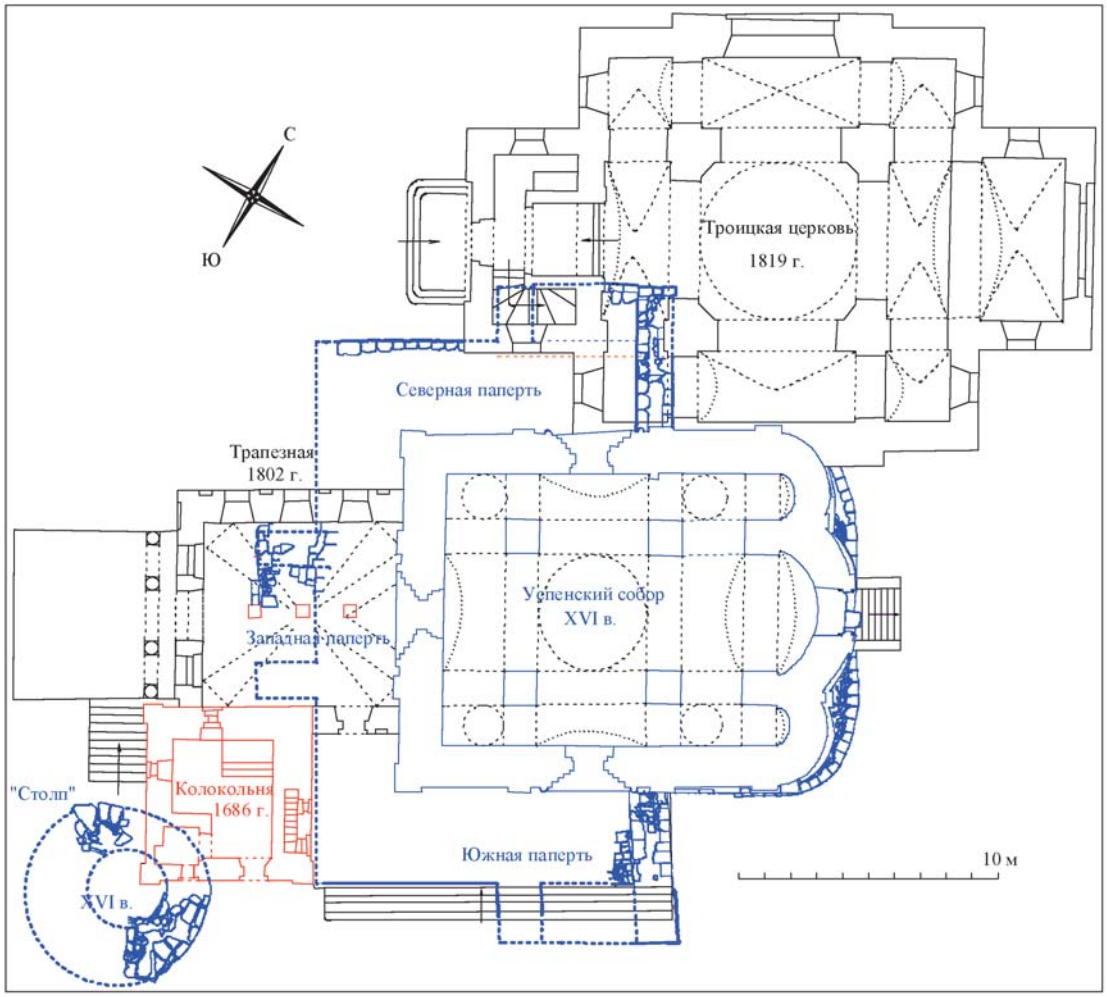


Рис. 22. Реконструкция утраченных элементов соборного комплекса. План.

Иллюстрации к статье В.Ю. Коваля О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕРНОЛОЩЕНОЙ КЕРАМИКИ

Рис. 1. Формы московских чернолощеных сосудов и аналогии. 1. Псевдо-кумган. 2. Кувшин. 3. Бутылевидная кубышка. 4. Рукомойник [47, № 189, 305, 139, 248/249]. 5. Фляга. 6. Расписной белоангобированный псевдо-кумган [22, Рис.4]. 7. Белоглиняный гжельский кувшин [31, Рис.2: 1]. 8. Фляга (Германия, XII–XIII вв.) [37, p.199. Kat. 06].

Иллюстрации к статье В.Ю. Коваля О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕРНОЛОЩЕНОЙ КЕРАМИКИ

Рис. 3. Сосуды, имеющие сходство с московскими. 1. Кумган (ручка утрачена) из Болгара (раскопки ИА РАН 2013 г. Раскоп 192. № 893). 2. Обломок кумгана с селища Большое Саврасово 2 в Южном Подмосковье [24, Рис.3]. 3. Поливной кувшин XIII–XIV вв. из Черньолы (Апулия, Италия) [25, Tav. 1: 7]. 4. Керамический кувшин конца XIV в. из Схидама (западное предместье Роттердама) в Голландии [44, Fig.11]. 5. Обломок поливного кувшина из Твери [27, Рис.8: 4]. 6. Сербский кувшин XVI в. [48, p.50]. 7. Фляга из Болгара (Раскопки ИА РАН 2013 г. Раскоп 179. № 533). 8. Фляга из земли Гессен, конца XVI – первой половины XVII в. [39, Abb.157]. 9. Поливной водолей (Германия, XIII–XIV вв.) [37, p.201. Kat. 10]. (5-9 – без масштаба).

Иллюстрации к статье В.Ю. Коваля О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕРНОЛОЩЕНОЙ КЕРАМИКИ

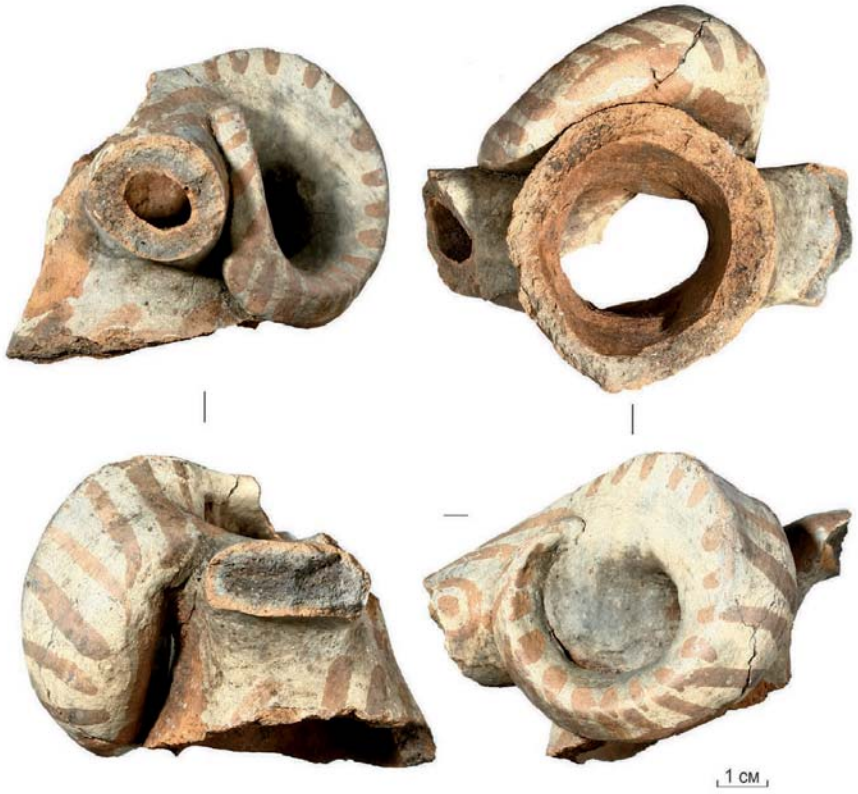


Рис. 4. Обломок красноглиняного белоангобированного расписного водолея из раскопок ИА РАН в Московском Кремле (2016 г. шурф 4. № 70).

Рис. 5. 1. Московский чернолощеный рукомойник XVII в. 2. Керамический лавабо (Германия, XIV в.) [45, Abb. 5a].

Иллюстрации к статье А.В. Алексеева, С.В. Кузьменко
О СРЕДНЕРУССКИХ КАМЕННЫХ КРЕСТАХ XV–XVI ВВ.

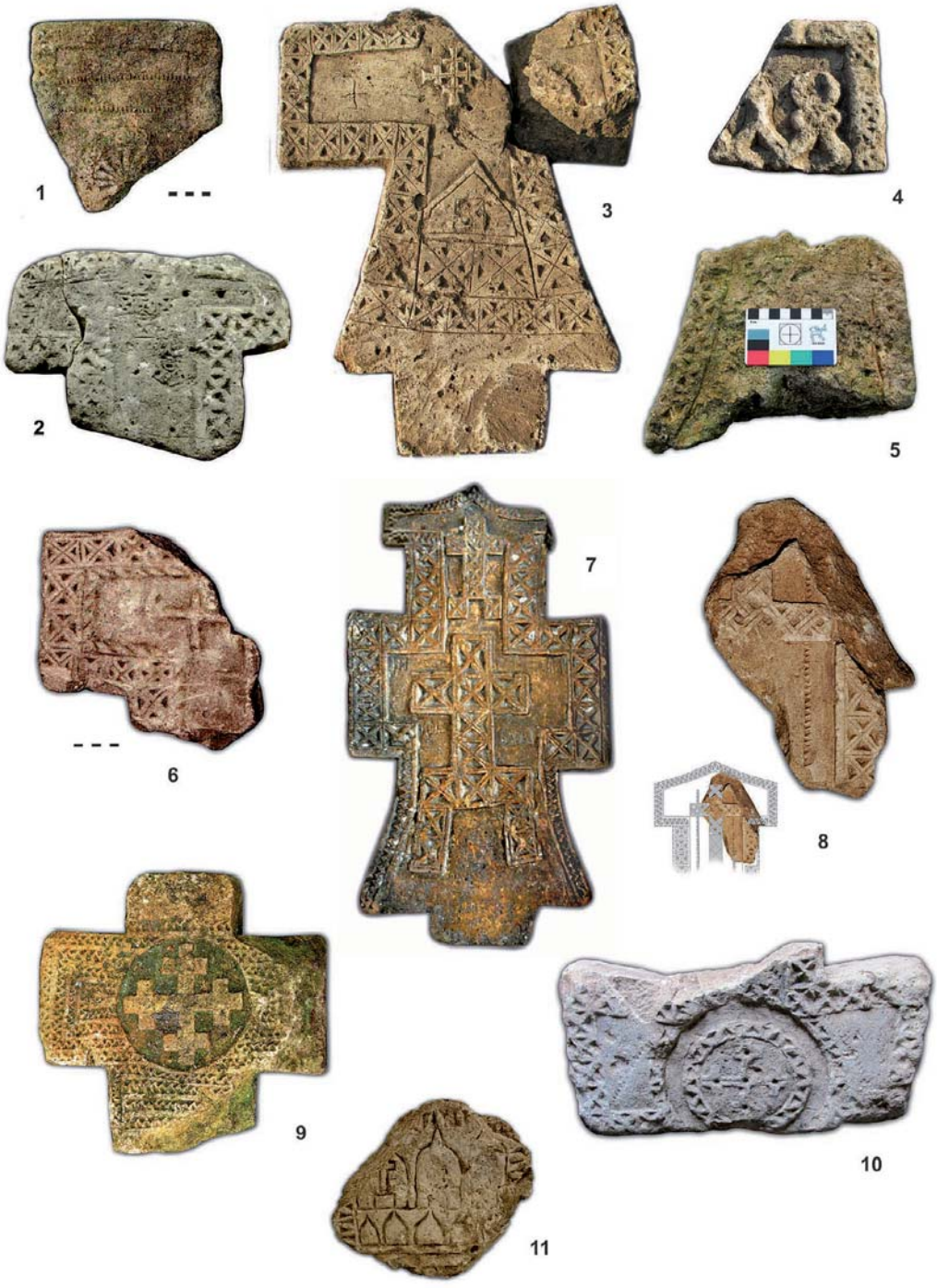


Рис. 1. Среднерусские каменные кресты XV–XVI вв. с геометрическим декором: 1 – фрагмент вертикального надгробия или креста с селища у д. Ямищево (Ям-1); 2 – фрагмент креста из Звенигорода (З-1); 3–5 – фрагменты крестов с Рождественского погоста г. Звенигорода (ЗРП-25, ЗРП-26, ЗРП-27); 6 – фрагмент креста из раскопок церкви Троицы в Старых Полях (г. Москва) (ТСП-23); 7 – крест из часовни в д. Орлец близ с. Густомесово (Г-1); 8 – фрагмент креста из раскопок в Зачатьевском монастыре (г. Москва) (Зм-1); 9 – крест со средневекового погоста близ д. Рогачёво (Р-1); 10 – фрагмент креста с селища у д. Петелино (П-1); 11 – фрагмент креста из Старицкого краеведческого музея (Ст-1).

Иллюстрации к статье С.А. Рудникова МЕДНОЛИТОЙ КРЕСТ ИЗ ПОСТРОЙКИ XVI ВЕКА ЗАТЬМАЦКОГО ПОСАДА Г. ТВЕРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2014 Г.)

Рис. 1. Крест из ямы 5: а – (Л.С.); б – (О.С.).

Рис. 2. Крест № 1 из ямы 6 (Л.С.).

Рис. 3. Крест № 2 из ямы 6 (Л.С.).

Рис. 4. Крест № 3 из ямы 6 (Л.С.).

Рис. 5. Крест № 4 из ямы 6 (Л.С.).

Иллюстрации к статье А.В. Окулова, М.Ю. Меньшикова, Б.Б. Шкурского
ИНФОРМАТИВНОСТЬ МИНЕРАЛОГО-ГЕОХИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОПУТСТВУЮЩИХ МИНЕРАЛОВ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ИСТОЧНИКА ЮВЕЛИРНОГО ГРАНАТА-АЛЬМАНДИНА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В МОСКВЕ)

Рис. 1. Кристаллы граната-альмандина в плагиоклаз-кварц-биотитовых сланцах. Кительское месторождение. Частная коллекция.

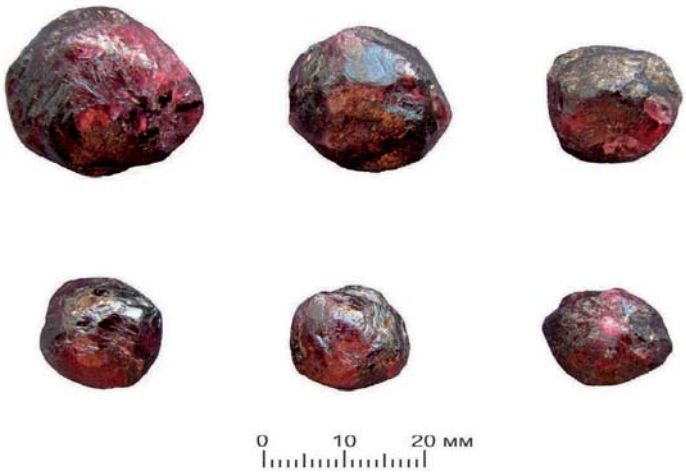


Рис. 2. Кристаллы граната-альмандина, извлеченные из вмещающих пород. Кительское месторождение. Частная коллекция.

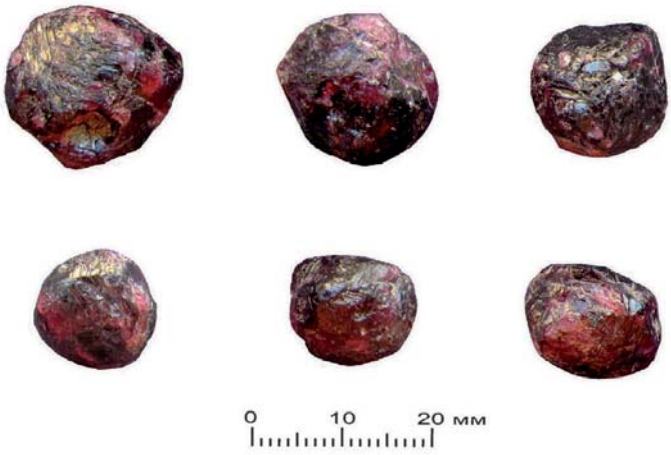


Рис. 3. Кристаллы граната-альмандина. Москва, парк Екатерининской больницы, раскопки 2015 г.

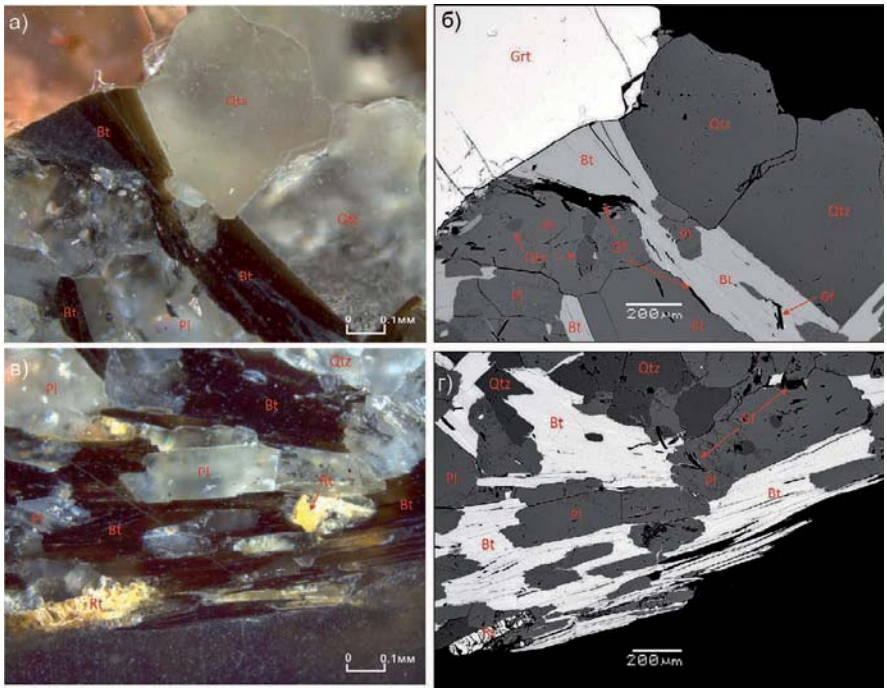


Рис. 6. Минералы, сопутствующие гранату. Образец К-1, Кительское месторождение. Буквами обозначены: Grt – гранат, Bt – биотит, Pl – плагиоклаз, Q – кварц, Gf – графит, Rt –рутил, Rt (деф. пол.) – рутил с дефектами полировки. Обычный отраженный свет – а, в; фотография в режиме обратно рассеянных электронов на электронном микрозонде – б, г.

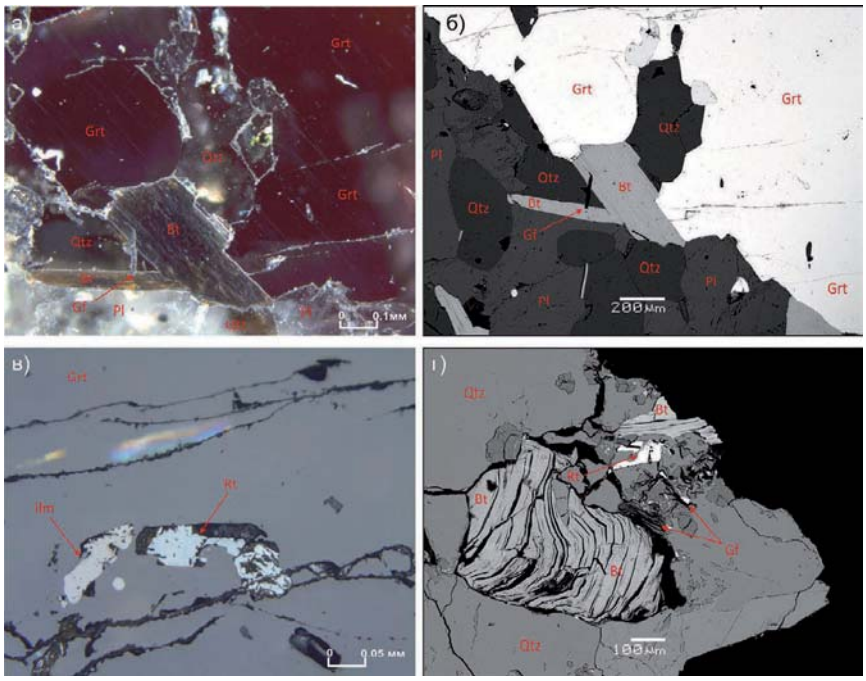


Рис. 7. Минералы, сопутствующие гранату. Образцы М-1 (а, б, в), М-3 (г), Москва. Буквами обозначены: Grt – гранат, Bt – биотит, Pl – плагиоклаз, Q – кварц, Gf – графит, Rt –рутил, Ilm – ильменит. Обычный отраженный свет – а, отраженный плоскополяризованный свет – в; фотография в режиме обратно рассеянных электронов на электронном микрозонде – б, г.

Иллюстрации к статье М.М. Шахновича, М.А. Кульковой, А.В. Сониной
К ВОПРОСУ О ВАЛУННЫХ НАСЫПЯХ В СЕВЕРНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ:
ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

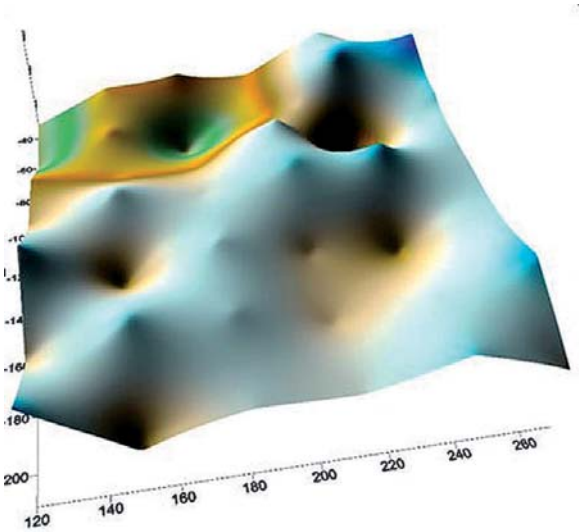


Рис. 7. Ниэмелянхови I. 3D модель распределения кремнезема под сложением 14.

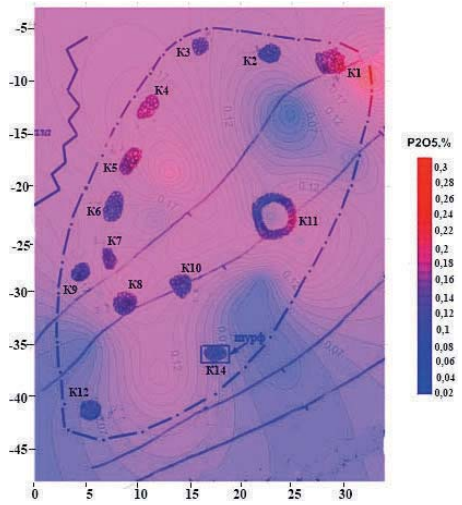


Рис. 8. Ниэмелянхови I. Распределение P2O5 (%).

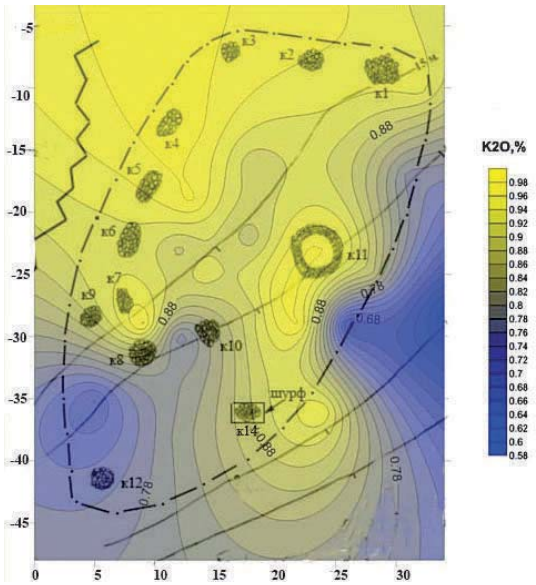


Рис. 9. Ниэмелянхови I. Распределение CaO (%)

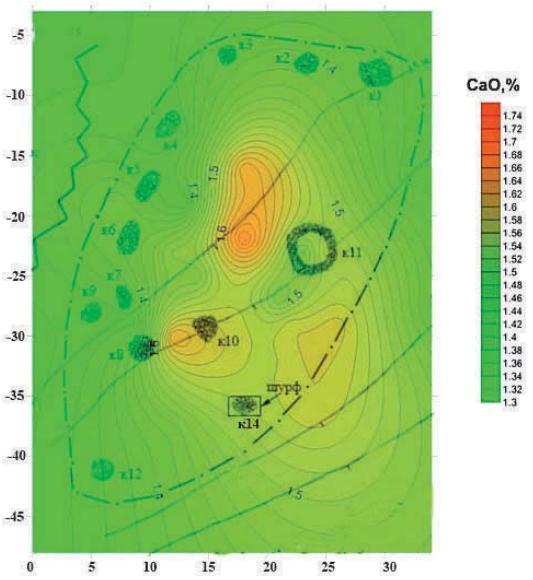


Рис. 10. Ниэмелянхови I. Распределение K2Oanthr (%)